

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pe. 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

280

ЗАПИСКИ

1878

№ 1 ЯНВАРЬ

13

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейнал, № 2).

I. — НЕКРОЛОГЪ НИКОЛАЯ АЛЕКСѢВИЧА НЕКРАСОВА.	
II. — ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Островскаго	5
III. — ОБЪ УЧАСТІИ РОССІИ ВЪ ОСВОБОЖДЕНІИ ХРИСТІАНЪ ОТЪ ТУРЕЦКАГО ИГА. Е. Карновича.	121
IV. — АВТОБІОГРАФІЯ СТАРАГО ЧАРТИСТА.	159
V. — ЛЮДИ И ПРАВЫ. Очерки. Изъ деревенскаго дневника. Г. Иванова	199
VI. — НА СМЕРТЬ НЕКРАСОВА. (Стихотвореніе)	226
VII. — ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. II. Герберта Спенсера	227
VIII. — ИСТОРІЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго.	243
IX. — ДВОРЯНСКАЯ ХАНДРА. Н. Щедрина.	285
X. — ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА. Отъ възжающему.—Даже въ полголоса мы не пѣвали.—Черный день! какъ вѣщій просить хлѣба.—О, муза! я у двери гроба!	313
XI. — ИСТОРІЯ ОДНОЙ РУДЫ. Разсказъ Бретъ Гарта. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—48).	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. — НОВЫЙ ИСТОРИКЪ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА. Les pharisiens. Par J. Cohen. I. Paris 1877. Н. М.	1
XIII. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Важность событій, пережитыхъ Франціею съ конца ноября по январь 1878 г.—Ноябрьскія избранія «пожизненныхъ» въ сенатъ.—Предложеніе Ферэ о парламентскомъ слѣдствіи въ сенатъ.—Волненія въ торгово-промышленномъ мірѣ.—Парижскія и провинціальныя петиціи негоціантовъ.—Грубость Мак-Магона относительно делегацій.—Депутаты и сенаторы въ качествѣ делегатовъ.—Опасенія многочисленныхъ банкротствъ.—Бюджетный вопросъ въ палатѣ депутатовъ.—Заявленіе «дѣловаго министерства».—Законопроекты Барду объ осадномъ положеніи и печати.—Докладъ Кошери.—Злоупотребленіе финансами и биржевыя спекуляціи правительства «нравственнаго порядка».—Выборъ Эмиля Жирардена депутатомъ отъ IX-го парижскаго округа.—Встрѣча Гамбетты съ Лесселсомъ.—Памятная записка Дюклера.—Острога Лорье.—Бесѣда маршала съ предсѣдателями обѣихъ палатъ.—Записка Лессенса.—Замѣтка «Агентства Гавасъ» 4-го декабря и опроверженіе на нее Гревя и Дюклера.—Торжествен-	

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ Сороковой.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ.
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССXXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейная, № 2).

1878.

27-го декабря, въ 8 часовъ 50 минутъ пополудни, Некрасовъ успокоился отъ долгихъ и тяжелыхъ страданій. Онъ зналъ, что говорилъ, когда писалъ:

«Тяжело умирать, хорошо умереть».

Онъ такъ страдалъ, что его слишкомъ ранняя для Россіи смерть для него лично пришла даже слишкомъ поздно.

Покойникъ былъ писатель, быть можетъ, самый близкій, самый знакомый огромному большинству читающаго русскаго люда. Не одно поколѣніе зачитывалось Некрасовымъ, заучивало его наизусть, плакало надъ нимъ. У его гроба толпились и старики, и юноши. Слова: «Некрасовъ умеръ» — слишкомъ ясно говорить за себя и безъ всякихъ комментариевъ болью отзвучатъ во всѣхъ углахъ и закоулкахъ грамотной Россіи. Намъ, въ особенности намъ, его сотрудникамъ, не приходится поэтому расплываться въ общихъ мѣстахъ обычныхъ формъ некролога, а подробный анализъ его поэзіи, его личности и его значенія въ исторіи русской жизни требуетъ времени. Мы его дадимъ, какъ только позволятъ обстоятельства. Теперь же намъ нѣкого призывать къ скорби — ея и безъ того довольно въ сердцахъ читателей Некрасова; и нѣкогда призывать къ размышленію о томъ, что имъ сдѣлано — мы только вчера его скоронили. Одну только черту его личной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ его поэзіи, хотимъ мы помянуть теперь же.

Журнальная дѣятельность Некрасова и его поэзія дали Россіи такъ много, что «вѣчная память» о немъ — не простая, условная фраза. Но самого Некрасова его литературная дѣятельность не удовлетворяла. Уже въ одномъ изъ раннихъ его стихотвореній звучитъ личная скорбная нота:

Я пишу: риемованные звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ.
Все-жъ они не хуже плоской прозы
И волнуютъ мягкія сердца,
Какъ внезапно хлынувшія слезы
Съ огорченнаго лица.

*Но не мнущь, чтобъ въ памяти народной
Учтено что-нибудь изъ моихъ...*

Въ глубоко прочувствованномъ посланіи къ «неизвѣстному другу» (1867 г.) — тотъ же мотивъ:

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣнъ емъ изумляющій народъ!

И бросить хоть единый лучь сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.
Но, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шель колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой.
И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла,
И до народа не дошла она.

Въ «Элегіи» (1875):

Я лиру посвящалъ народу своему;
Быть можетъ, я умру, невѣдомый ему.

И опять:

Но тотъ, о комъ кою въ вечерней тишинѣ,
Кому посвящены мечтанія поэта,
Уши не внимлетъ онъ и не дастъ отвѣта...

Въ «Послѣднихъ Пѣсняхъ»:

Я дворянскому вашему роду
Блеска лирой своей не стяжалъ;
Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ.

Но въ тѣхъ же «Послѣднихъ Пѣсняхъ» встрѣчаемъ гордую надежду:

Уступить свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой,
Баю-баю-баю баю!

Это почти послѣднія строки, написанныя Некрасовымъ; ими онъ себя ублаживалъ, уже, можно сказать, умирая...; И эти самобичеванія и эти самоублаживанія ясно показываютъ, какъ понималъ поэтъ свою задачу, чего онъ отъ себя требовалъ. Будущее покажетъ, насколько основательны были его сомнѣнія и надежды. Одно ясно: онъ страстно хотѣлъ быть не только для насъ пѣвцомъ народныхъ страданій, а и для самого народа. И если что лично его повергало въ мрачное отчаяніе, такъ именно сомнѣніе въ своей роли, какъ народнаго поэта. Вообще же мрачный колоритъ его «музы мести и печали», навѣянный прошлымъ и настоящимъ, не бросалъ ни одной тѣни на будущее. Тамъ видѣлъ онъ свѣтъ и эту бодрость, эту вѣру завѣщалъ онъ и намъ. Поэтъ умеръ, это измощенное, иссушенное страданіями тѣло зарыто въ землю, кровь не переливается въ этихъ жилахъ, мысли и образы не тѣсняются въ этой дорогой для Россіи головѣ. Поэтъ умеръ — да живетъ его поэзія! да сбываются его завѣтныя мечты.

Свѣте разумное, доброе, вѣчное,
Свѣте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ ..

Свѣте во имя Некрасова и въ память его. Лучшихъ поминковъ онъ бы самъ не пожелалъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лица:

Юлія Павловна Тугина молодая вдова.

Глафира Фирсовна, тетка Юліи, пожилая небогатая женщина.

Вадимъ Григорьевичъ Дульчинъ, молодой человекъ.

Лука Герасимычъ Дергачевъ, пріятель Дульчина, довольно невзрачный господинъ и по фигурѣ, и по костюму.

Флоръ Федулычъ Прибытковъ, очень богатый купецъ, румяный старикъ, лѣтъ 60-ти, гладко выбритъ, тщательно причесанъ и одѣтъ очень чисто.

Михевна, старая ключница Юліи.

Небольшая гостиная въ домѣ Тугиной. Въ глубинѣ дверь входная, направо (отъ актеровъ) дверь во внутреннія комнаты, налѣво—окно. Драпировка и мебель довольно скромныя, но приличныя.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Михевна (у входа съ двери, потомъ) Глафира | Фирсовна.

Михевна.

Дѣвушка, кто тамъ позвонилъ? Вадимъ Григорычъ, что-ли?

Глафира Фирсовна (входя).

Какой Вадимъ Григорычъ! это—я. Вадимъ-то Григорычъ, чай, попозже придетъ.

Михевна.

Ахъ, матушка, Глафира Фирсовна! Да, никакого и нѣтъ Вадима Григорыча; это я такъ, обмолвилась. Извините!

Глафира Фирсовна.

Сорвалось съ языка, такъ ужъ нѣчего дѣлать, назадъ не спря-

чешь. Эка досада, не застала, самоё-то! Не близко мѣсто къ вамъ даромъ-то путешествовать; а на извозчиковъ у меня денегъ еще не нажито. Да и разбойники-жь они. За твои же деньги тебѣ всю душеньку вытрясетъ, да еще, того гляди, возжами глаза выхлестнетъ.

— Михевна.

Что говорить! То ли дѣло—свои.

Глафира Фирсовна.

Что «свои»? Ноги-то, что-ли?

Михевна.

Нѣтъ, лошади-то, я говорю.

Глафира Фирсовна.

Ужъ чего лучше! Да только у меня свои-то еще на хрѣновскомъ заводѣ; все купить не сберусь—боюсь, какъ бы не ошибиться.

Михевна.

Такъ все пѣшечкомъ?

Глафира Фирсовна.

Да, по обѣщанію, семь верстъ киселя ѣсть. Да вотъ не въ разъ; видно, придется обратно на тѣхъ же, не кормя.

Михевна.

Посидите, матушка! Она, надо-быть, скоро воротится.

Глафира Фирсовна.

А куда ее Богъ понесетъ?

Михевна.

Къ вечеренѣ пошла.

Глафира Фирсовна.

За богомолье принялась. Аль много нагрѣшили?

Михевна.

Да она, матушка, всегда такая: какъ покойника не стало, все молится.

Глафира Фирсовна.

Знаемъ мы, какъ она молится-то.

Михевна.

Ну, а знаете, такъ и знайте! А я знаю, что правду говорю, мнѣ лгать не изъ-чего. Чайку не прикажете-ли? У насъ это мигомъ.

Глафира Фирсовна.

Нѣтъ, ужъ я самоё подожду. (*Садится*).

Михевна.

Какъ угодно.

Глафира Фирсовна.

Ну, что вашъ плезиръ-то?

Михевна.

Какъ, матушка изволили сказать? Не дослышала я.

Глафира Фирсовна.

Ну, какъ его поучтивѣй-то назвать? Побѣдитель-то, другъ-то милый?

Михевна.

Не понять мнѣ разговора вашего; слова-то больно мудренныя.

Глафира Фирсовна.

Ты дуру разыгрываешь, аль стыдишься меня? Такъ я не барышня. Поживешь съ мое-то, да въ бѣдности, такъ стыдочекъ-то всякій забудешь, ты ужь въ этомъ не сомнѣвайся. Я про Вадима Григорыча тебя спрашиваю.

Михевна (*приложивъ руку къ щекѣ*).

Охъ, матушка, охъ!

Глафира Фирсовна.

Что заохала?

Михевна.

Да стыдно очень. Да какъ же вы узнали? А я думала, что про это никому неизвѣстно.

Глафира Фирсовна.

Какъ узнала? Имя его ты сама сейчасъ сказала мнѣ: Вадимомъ Григорычемъ окликнула.

Михевна.

Эва я глупая!

Глафира Фирсовна.

Да, кромѣ того, и отъ людей слышала, что она въ пріятеля своего много денегъ проживаетъ. Правда, что-ли?

Михевна.

Вѣрно я не знаю; а какъ, чай, не проживать! чего она для него пожалѣетъ!

Глафира Фирсовна.

То-то мужъ-то ея, покойникъ, догадивъ былъ—чувствовало его сердце, что вдовѣ деньги понадобятся—и оставилъ вамъ миллионъ. Да не мало-ли?

Михевна.

Ну, какой, матушка, миллионъ! Много меньше.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужь это у меня—счетъ такой: я все на миллионы считаю; у меня что больше тысячи—то и миллионъ. Сколько въ миллионѣ денегъ, я и сама не знаю, а говорю такъ, потому что это слово въ моду пошло. Прежде, Михевна, богачей-то тысячами звали, а теперь уже все сплошь миллионщики пошли. Нынче скажи-ко про хорошаго купца, что онъ обанкрутился тысячъ на

пятьдесятъ, такъ онъ обидится, пожалуй; а говори прямо на миллионъ, либо два—вотъ это вѣрно будетъ. Прежде и пропакиты были маленькія, а нынче вонъ въ банкѣ въ одномъ семи миллионѣвъ не досчитались. Конечно, у себя-то въ рукахъ и приходу, и расходу больше полтины рѣдко видишь; а ужъ я такую смѣлость на себя взяла, что чужія деньги все миллионами считая; и такъ-то свободно объ нихъ разговариваю. Миллионъ—и шабашь!—Какъ же она: вещами, что-ль дарить ему, аль деньгами?

Михевна.

Про деньги не знаю, а подарки ему идутъ поминутные и все дорогие. Ни въ чемъ у него недостатка не бываетъ, и въ квартирѣ-то все наше: то она ему чернилицу новую на столъ купить со всѣмъ приборомъ...

Глафира Фирсовна.

Чернилица новая, дорогая; а писать нѣчего.

Михевна.

Какое писанье! когда ему! онъ и дома-то не живетъ. И занавѣски на окна ему перемѣнить, и мебель всю заново. А ужъ это посуда, бѣлье и что прочее, такъ онъ и не знаетъ, какъ у него все новое является: ему-то кажется, что все—тоже. Да чего ужъ! до самой малости: чай съ сахаромъ—и то отъ насъ туда идетъ.

Глафира Фирсовна.

Все еще это не бѣда, стерпѣть можно. Разныя бабы-то бывають: которая любовнику вещами—та еще, пожалуй, капиталъ и сбережетъ; а которая деньгами—ну, ужъ тутъ раззоренье вѣрное.

Михевна.

Сахару больно жалко: много его у нихъ выходитъ. Куда имъ пропасть такая?

Глафира Фирсовна.

Какъ это у васъ случилось, какъ ее угораздило такой хомуть на шею надѣть?

Михевна.

Да все эта дача проклятая. Какъ жили мы тогда, вскорѣ послѣ покойника, на дачѣ, жили скромно, людей обѣгали, рѣдко и на прогулку ходили, и то куда подальше; тутъ его и нанесло какъ на грѣхъ. Куда ни выйдемъ изъ дому, все встрѣтится, да встрѣтится. Да молодой, красивый, одѣтъ какъ картина; лошади, коляски какія. А сердце-то вѣдь не камень. Ну, и сталъ присватываться, она не прочь; чего еще! женихъ хотъ куда и богатый. Только положили такъ, чтобъ отсрочить свадьбу до зимы: еще мужу годъ не вышелъ, еще—

трауръ носила. А онъ, между тѣмъ временемъ, каждый день ѣздитъ къ намъ, какъ женихъ, и подарки, и букеты возить. И такъ она въ него вѣрилась и такъ расположилась, что стала совсѣмъ какъ за мужа считать. Да и онъ-то ужъ безъ церемонии сталъ ея добромъ, какъ своимъ, распорядиться. Чтò твое, чтò мое—это, говорить, все одно. А ей это за радость: «значить, говорить, онъ мой, коли такъ поступаетъ; теперь у насъ, говорить, за малымъ дѣло стало—только повѣнчаться».

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Да, за малымъ! Ну, нѣтъ, не скажи! Чтò-жъ дальше-то? Трауръ кончился, зима пришла...

МИХЕВНА.

Зима-то пришла, да и прошла, да вотъ и другая скоро придетъ...

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А онъ все еще въ женихахъ числится?

МИХЕВНА.

Все еще въ женихахъ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Долгонько. Пора-бы порѣшнить чѣмъ-нибудь, а то чтò людей-то срамить!

МИХЕВНА.

Да чѣмъ, матушка? Какъ мы живемъ? Такая-то тишина, такая-то скромность; прямо надо сказать—какъ есть монастырь. Ни мы никуда, ни къ намъ никого; а мужского духу и въ заводѣ нѣтъ. Ѣздитъ одинъ Вадимъ Григорьичъ, что грѣха таятъ, да и тотъ больше въ сумеречкахъ; а постороннихъ и къ воротамъ не пускаемъ. Даже которые его пріятели, и тѣмъ къ намъ ходу нѣтъ. Есть у него одинъ такой, Дергачевъ прозывается, тотъ раза два, было, сунулся.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Не попогчуютъ ли, мошь, чѣмъ?

МИХЕВНА.

Ну, конечно, человекъ бѣдный, живетъ впроголодь—думаетъ и закусить, и винца выпить. Я такъ ихъ и понимаю. Да э, матушка, пугнула его; въ другой разъ и не заглянетъ. Намъ не жаль, да бережемся: мужчины, чтобъ въ домѣ ни-ни, ни подь какимъ видомъ. Вотъ какъ мы живемъ. И все-то она молится, да носится, Богъ съ ней.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Какая-жъ тому причина? съ чего ей?

МИХЕВНА.

Она и всегда была богомольна, а теперь надо за двоихъ. Все

молить, чтобъ Богъ помогъ Вадиму Григорьичу на настоящую дорогу установиться, отъ гулевой жизни отстать, а пуше-то всего, чтобъ женился.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Стало быть, радости-то съ своимъ другомъ не много видить?

МИХЕВНА.

Какія радости! Радости-то ждемъ впереди, а теперь только одна мука да сумлѣние.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А онъ-то любить ее, или только, ради денегъ, одинъ видъ показываетъ?

МИХЕВНА.

Грѣхъ сказать, чтобъ не любилъ; обыкновенно—молодость, по-сторонства настоящаго нѣтъ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Да не фальшивить-ли?

МИХЕВНА.

Нѣтъ! зачѣмъ неправду говорить? Фальши въ немъ нѣтъ, онъ только путанный человѣкъ, а не фальшивый.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А я такъ думаю, что не дастъ ей Богъ счастья.

МИХЕВНА.

За что же, матушка?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Редню забываетъ. Ужь коли задумала она капиталъ размотать, такъ лучше бы съ родными, чѣмъ съ чужими. Взяла бы хоть меня: по крайности, и я бы пожила въ удовольствіе на старости лѣтъ.

МИХЕВНА.

Да она не только родныхъ, она и бѣдныхъ не забываетъ помогаетъ, чѣмъ можетъ. А вотъ что надо сказать: стыдится: родныхъ, отъ того ихъ и обѣгаетъ. Ужь такъ стыдлива, что и невидано.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Да что меня стыдиться-то! Взяла бы меня къ себѣ въ домъ для солидности: оно все-таки ей лучше подъ прикрытіемъ-то. А развѣ я могу ей что запретить? да еще и захочу-ли? Ея же хлѣбъ ѣмъ, да буду ее удерживать! А для прочихъ-то я, коли захочу, такъ снаружы-то на себя такую солидность напущу, что подойти страшно. Про нашъ домъ и подумать-то никто дурно не посмѣлъ бы—горло перерву. Служила-бъ я ей; а теперь поневолѣ другимъ служу.

МИХЕВНА.

Это ужь ея дѣло; а знаю, что у ней къ роднымъ расположе-
ніе есть.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Незамѣтно что-то. Сама прочь отъ родныхъ, такъ и отъ насъ
ничего хорошаго не жди, особенно отъ меня. Женщина я не
злая, а ноготокъ есть, удружить могу. — Ну, вотъ и спасибо;
только мнѣ и нужно, все я отъ тебя вызнала. Что это, Михе-
вна, какъ двѣ бабы сойдутся, такъ онѣ наболтаютъ столько, что
въ большую книгу не упишешь, и наговорять того, что, можетъ
быть, и не надо бы.

МИХЕВНА.

Наша слабость такая, женская. Разумѣется, по надеждѣ гово-
ришь, что ничего изъ этого дурного не выйдетъ. А это же васъ
знаетъ! въ чужую душу не влѣзешь: можетъ, вы и съ какимъ
умысломъ выпрашиваете, да вывѣдываете?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Никакого у меня умысла нѣтъ.

МИХЕВНА.

Да мнѣ что! Сказала, такъ сказала. Тамъ какая моя хозяйка
ни будь, все-жъ я ее ни на кого не промѣняю и готова, ка-
жется, за нее душу положить. Да вотъ она и сама; а я ужь по
хозяйству пойду. *(Уходитъ. Входитъ Юлія Павловна).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА и ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ *(снимая платокъ съ головы)*.

Ахъ, тетенька! какими судьбами? Вотъ обрадовали!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Полно, полно! ужь будто и рада?

ЮЛІЯ.

Да еще бы! конечно, рада *(цѣлуются)*.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Бросила родню-то, да и знать не хочешь! Ну, я не спѣсива,
сама пришла: ужь рада-ль, не рада-ль, а не выгонишь, вѣдь—тоже
родная.

ЮЛІЯ.

Да что вы! Я роднымъ всегда рада; только жизнь моя такая
уединенная, никуда я не выѣзжаю. Что дѣлать-то! ужь такая
я отъ природы! А ко мнѣ всегда милости просимъ.

Глафира Фирсовна.

Что это ты, какъ мѣщанка, платочкомъ покрываешься? Точно сирота какая.

Юлія.

Да и то сирота.

Глафира Фирсовна.

Съ такимъ сиротствомъ еще можно жить. Охъ! сиротами-то зовуть тѣхъ, кого пожалѣть некому; а у богатыхъ вдовъ печальники найдутся. Да я бы, на твоемъ мѣстѣ, не то что въ платочкѣ, а въ аршинѣ бы шляпку-то соорудила, развалилась въ коляскѣ, да и покатывай. На, молъ, смотри.

Юлія.

Не удивишь нынче никого, что ни надѣнь. Да мнѣ и радить-ся-то не къ мѣсту было: я къ вечерни ходила.

Глафира Фирсовна.

Да, ужъ тутъ попугаемъ-то вырядиться не для кого, особенно въ будни. Да что ты долго? Вечерни-то давненько отошли.

Юлія.

Да послѣ вечерни-то свадьба была простенькая, такъ я осталась посмотрѣть.

Глафира Фирсовна.

Чего это, милая, ты не видала? Свадьба, какъ свадьба. Чай, обвели да и повезли? не рѣдкость какая!

Юлія.

Все-таки, тетенька, интересно на чужую радость-то посмотрѣть. Вѣдь коли любить-то другъ друга, да Богъ благословить, такъ какъ на лица-то, тетенька, хорошо смотрѣть!

Глафира Фирсовна.

Ну, посмотрѣла, позавидовала чужому счастью и довольно. Аль ты свадьбы-то смотришь, какъ мы, грѣшныя? Мы такъ глаза-то вытираемъ, что не то что брилліанты, а всѣ булавки-то пересчитаемъ. Да еще глазамъ-то не больно вѣрнимъ: у всѣхъ провожатыхъ и платья, и блонды перещунаемъ—настоящія-ли?

Юлія.

Нѣтъ, тетенька; я въ народѣ не люблю, я издали смотрѣла, въ другомъ придѣлѣ стояла. И какой случай! Вижу я: входитъ дѣвушка, становится поодаль, блѣдная, въ лицѣ ни кровинки, глаза горятъ, уставилась на жениха-то, вся дрожитъ, точно какъ помѣшанная. Потомъ, гляжу, стала она креститься, а слезы такъ въ три ручья и полились. Жалею мнѣ ее стало; подошла я къ ней, чтобъ разговорить да увести поскорѣе. И сама-то плачу.

Глафира Фирсовна.

Ты-то объ чемъ, не слыжать-ли?

Юлия.

Заговорили мы: «пойдите, говорю, дорогой потолкуемъ! Мы тутъ со слезами-то не лишнія-ли?»—«Вы-то не знаю, говорить, а я-то лишняя!» Поглядѣла съ минуточку на жениха, кивнула головой, прошептала «прощай»—и пошли мы со слезами. .

Глафира Фирсовна.

Дешевы слезы-то у васъ.

Юлия.

Ужъ очень тяжело это слово-то: «прощай». Вспомнила я мужа покойника; очень я плакала, очень плакала, какъ онъ умеръ; а какъ пришлось сказать «прощай» въ послѣдній разъ, такъ вѣдь я было сама умерла. А какъ-то сказать «прощай на вѣкъ!» живому-то—вѣдь это хуже, чѣмъ похоронить.

Глафира Фирсовна.

Эка у васъ печаль по этимъ заблужденнымъ! Да Богъ съ ней! Всякая должна знать, что только Божье крѣпко.

Юлия.

Такъ-то такъ, тетенька; да коли любишь человека-то, коли всю душу въ него положила...

Глафира Фирсовна.

И откуда это въ васъ такая горячая любовь проявляется!

Юлия.

Что-жъ дѣлать-то! Вѣдь ужъ это—кому какъ дано. Конечно, кто любви не знаетъ, тѣмъ легче жить на свѣтѣ.

Глафира Фирсовна.

Э, да что намъ до чужихъ! Поговори о себѣ! Какъ твой-то соколъ?

Юлия.

Какой мой соколъ?

Глафира Фирсовна.

Ну, какъ его величать-то прикажете? Женихъ тамъ, что-ли? Вадимъ Григорьевичъ?

Юлия.

Да какъ же... да откуда-жъ бы?..

Глафира Фирсовна.

Откуда узнала-то? Слухомъ земля полнится: кошь въ трубы еще не трубятъ, а разговоръ идетъ.

Юлия (*комбузась*).

Да теперь скоро, тетенька, свадьба у насъ.

Глафира Фирсовна.

Полно такъ ли? Ненадеженъ онъ, говорить, да и мотовать очень.

Юлія.

Ужъ жаловѣ есть, такого и люблю.

Глафира Фирсовна.

Удерживать бы немного.

Юлія.

Какъ можно, что вы говорите! Вѣдь я не жена еще, какъ я смѣю что сказать! Вотъ Богъ благословитъ, тогда—другое дѣло, а теперь я могу только лаской да угожденіемъ. Кажется, рада все отдать, только-бы не разлюбить.

Глафира Фирсовна.

Что ты? стыдись! Молодая, красивая женщина, да на мужчину раззоряться! Не старуха вѣдь...

Юлія.

Да я и не раззоряюсь, и не думала раззоряться: онъ самъ богатъ. А все-жъ таки чѣмъ нибудь привязать нужно. Онъ добрый человѣкъ, онъ можетъ видѣть и чувствовать, что я для него ничего не жалѣю... Живу я, тетенька, въ глуши, веду жизнь скромную, слѣдить за нимъ не могу, гдѣ онъ бываетъ, что дѣлаетъ... Иной разъ дня три-четыре не ѣдетъ—чего не передумаешь! рада, Богъ знаетъ, что отдать, только бы увидѣть-то. Вѣдь счастье мое на волосѣ виситъ.

Глафира Фирсовна.

Чѣмъ привязать не знаешь? А ворожба-то на что! Чего другого, а этого добра въ Москвѣ не занимать стать. Такія снадобья знаютъ, испробованныя. Я дамы четыре знаю, которыя этимъ мастерствомъ занимаются. Вотъ Манеа говорить: «я своимъ словомъ на краю свѣта, въ Америкѣ, достану, и тамъ на человѣка тоску да сухоту нагоню. Давай двадцать пять рублей въ руки—изъ Америки ворочу». Вотъ ты бы съѣздила.

Юлія.

Нѣтъ, что вы! какъ это можно!

Глафира Фирсовна.

Ничего. А то есть одинъ отставной секретарь, горбатый; такъ онъ и ворожить, и на фортепьянахъ играетъ, и жестокіе романсы поетъ—такъ оно для влюбленныхъ-то какъ чувствительно!

Юлія.

Нѣтъ, ворожить я не буду.

Глафира Фирсовна.

А ворожить не хочешь, такъ вотъ еще средство: коли чуть долго не ѣдетъ къ тебѣ—сейчасъ его, раба божьего, въ поминанье за упокой! Какую тоску-то нагонитъ, мигомъ прелетитъ!

Юлія.

Ничего этого не нужно.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Грѣха боишься? Оно точно, что грѣхъ.

Юлія.

Да и не хорошо.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Такъ вотъ тебѣ средство безгрѣшное: можно и за здравіе, только свѣчку вверхъ ногами поставить, съ другого конца зажечь. Какъ дѣйствуетъ!

Юлія.

Нѣтъ, ужъ вы оставьте! Зачѣмъ-же!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А, лучше-то всего, вотъ нашъ тебѣ совѣтъ: брось-ко ты его сама, пока онъ тебя не бросилъ.

Юлія.

Ахъ, какъ можно! что вы! Всю жизнь-то положивши... Да я жива не останусь.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Потому какъ намъ, родственнымъ людямъ, сраму отъ тебя переносить не хочется. Послушай-ко что всѣ родные и знакомые говорятъ!

Юлія.

Да что имъ до меня! Я никого не трогаю; я—совершенно лишняя.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А тоже, что нигдѣ показаться нельзя: вездѣ спросы, да на-смѣшки. «Что ваша Юленька? Какъ ваша Юленька?» Вонъ по-смотри, какъ Флоръ Федулычъ разстроены черезъ тебя.

Юлія.

И Флоръ Федулычъ?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Я его недавно видѣла; онъ самъ хотѣлъ сегодня быть у тебя.

Юлія.

Ай, стыдъ какой! Зачѣмъ это онъ?... Такой почтенный старикъ!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Сама себя довела.

Юлія.

Я его не приму. Какъ я стану съ нимъ разговаривать! Со стыда сгорышь.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Да ты не очень бойся-то. Онъ хоть строгъ, а до васъ, молодыхъ бабъ, довольно-таки снисходителенъ. Человекъ одинокій, дѣтей нѣтъ, денегъ—двѣнадцать милліоновъ.

Юлія.

Что́ это, тетенька? ужь больно много.

Глафира Фирсовна.

Я такъ, на счастье, говорю, не пугайся: мои миллионы маленькіе. А только много, очень много, страсть сколько у него этихъ деньжищевъ! Чужая душа—потемки: кто знаетъ, кому онъ деньги-то оставить? вотъ всё родные передъ нимъ и раболѣпствуютъ. И тебѣ тоже его огорчать-то бы не надо.

Юлія.

Какая я ему родня! Седьмая вода на киселѣ, да и то по мужѣ.

Глафира Фирсовна.

Захочешь, такъ роднѣй родни будешь.

Юлія.

Я этого не понимаю, тетенька, и не желаю понимать.

Глафира Фирсовна.

Очень просто: исполняй всякое желаніе его, всякій капризъ—такъ онъ тебя еще при жизни своей озолотитъ.

Юлія.

Надо знать, какіе у него капризы-то; другіе капризы и за ваши двѣнадцать миллионновъ исполнять не согласишься.

Глафира Фирсовна.

Капризные старики кому милы, конечно. Да старикъ-то онъ у насъ чудной: самъ старъ, а капризы у него молодые. А ты развѣ забыла, что онъ твоему мужу былъ первый другъ и благодѣтель? Твой мужъ передъ смертью приказывалъ ему, чтобъ онъ тебя не забывалъ, чтобъ помогалъ тебѣ и совѣтомъ, и дѣломъ и былъ тебѣ вмѣсто отца.

Юлія.

Такъ не я забыла-то, а онъ. Послѣ смерти мужа, я его только одинъ разъ и видѣла.

Глафира Фирсовна.

Можно-ль съ него требовать? Мало-ль у него дѣловъ-то безъ тебя! У него все это время мысли были заняты другимъ. Сирота была у него на попеченіи, красавица—лучше тебя гораздо; а вотъ теперь онъ отдалъ ее замужъ, мысли-то у него и освободились, и объ тебѣ вспомнилъ, и до тебя очередь дошла.

Юлія.

Очень я благодарна Флору Федулычу; только я никакихъ себѣ попечителей не желаю, и напрасно онъ себя беспокоитъ.

Глафира Фирсовна.

Не отталкивай родню, не отталкивай! Проживешься до нитки—куда дѣнешься? Къ намъ же прибѣжишь.

Юлия.

Ни къ кому я не пойду, гордость моя не позволить, да мнѣ и нѣзачѣмъ. Что вы мнѣ бѣдность пророчите! Я не маленькая, и сама собой и своими деньгами распорядиться съумѣю.

Глафира Фирсовна.

А я другіе разговоры слышала.

Юлия.

Нѣчего про меня слышать. Конечно, отъ сплетенъ не уберешься: про всѣхъ говорятъ, особенно прислуга; такъ хорошему человѣку, солидному, стыдно такимъ вздоромъ заниматься.

Глафира Фирсовна.

Вотъ такъ! Сказала, какъ отрѣзала. Такъ и знать будемъ.
(*Входитъ Михевна*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Юлия, Глафира Фирсовна и Михевна.

Михевна.

Чай готовъ; не приежете-ли?

Глафира Фирсовна.

Нѣтъ, чай—Богъ съ нимъ. Вотъ чудо-то со мной, послушай! Какъ вотъ этотъ часъ настанетъ, и начинаетъ меня на съѣстное позывать. И съ чего это стало?

Юлия.

Такъ можно подать.

Глафира Фирсовна.

Зачѣмъ подавать! У тебя вѣдь, чай, есть такой шеапчикъ, гдѣ все это соблюдается, и пропустить можно маленькую, и закусить? Я не спѣсива: мнѣ огурецъ—такъ огурецъ, пирогъ—такъ пирогъ.

Юлия.

Есть, тетенька, какъ не быть!

Глафира Фирсовна.

Вотъ мы къ нему и пристроимся. Перекушу я малымъ дѣломъ, да ужъ и пора мнѣ. Засидѣлась я у тебя, а мнѣ еще черезъ всю Москву шествовать.

Юлия.

Неужели такую даль пѣшкомъ? Тетенька, если вы не обидитесь, я бы предложила вамъ на извозника. (*Внимаетъ рублевою бумажку*). А то лошада заложимъ.

Глафира Фирсовна.

Не обижусь. Отъ другого обижусь, а отъ тебя—нѣтъ, не обижусь.

Т. ССХХХVI. — Отд. I.

2

отъ тебя возьму. (*Беретъ бумажку*). Когда тутъ лошадь закладываетъ! (*Юлія и Глафира Фирсовна уходятъ въ дверь направо, Михевна идетъ за ними. Звонокъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МИХЕВНА, (*потомъ*) ДЕРГАЧЕВЪ..

МИХЕВНА.

Ну, ужъ это Вадимъ Григорьичъ, по звонку слышу. (*Идетъ къ двери, на встрѣчу ей Дергачевъ*). О, что-бъ тебя!

ДЕРГАЧЕВЪ (*важно*).

Я желаю видѣть Юлію Павловну.

МИХЕВНА.

Ну, мало-ль чего вы желаете? Къ намъ, батюшка, въ домъ мужчины не ходятъ. И кто это васъ пустилъ? Сколько разъ говорила дѣвкамъ, чтобъ не пускать.

ДЕРГАЧЕВЪ (*пожимая плечами*).

Вотъ правн!

МИХЕВНА.

Ну да, правн! Пускать васъ, такъ вы поведитесь.

ДЕРГАЧЕВЪ!

Я не за тѣмъ пришелъ, чтобъ твои глупости слушать. Доложи, милая, Юлію Павловнѣ...

МИХЕВНА.

Да, милый, нельзя.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Что за вздоръ! Мнѣ нужно видѣть Юлію Павловну.

МИХЕВНА.

Ну, да вѣдь не особенная какая надобности!

ДЕРГАЧЕВЪ.

У меня есть письмо къ ней.

МИХЕВНА.

А письмо—такъ давай его, да и ступай съ Богомъ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Я долженъ отдать въ собственныя руки.

МИХЕВНА.

И у меня свои собственныя руки, не чужія; чего боишься—не съѣмъ я его! (*Входитъ Юлія Павловна*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ДЕРГАЧЕВЪ, МИХЕВНА И ЮЛІЯ ПАРВЛОВНА.

Юлія.

Что у васъ тутъ за разговоръ? А, Лука Герасимычъ, здравствуйте!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Честь имѣю кланяться. Письмо вамъ отъ Вадима. (*Подаетъ письмо*).

Юлія.

Покорно васъ благодарю. Отвѣта ненужно?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Отвѣта не нужно-съ; онъ самъ зайдетъ.

Юлія.

Что, здоровъ онъ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Слава Богу-съ.

МИХЕВНА.

Не держите его, отпустите поскорѣй! Что хорошаго!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Могу я его здѣсь подождать-съ?

Юлія.

Лука Герасимычъ, извините; я жду одного родственника, старика, ну, понимаете...

МИХЕВНА.

Да, Герасимычъ, ступай, ступай!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Герасимычъ! Какое невѣжество!

МИХЕВНА.

Не взыщи!

Юлія.

Не сердитесь на нее: она—женщина простая. До свиданья, Лука Герасимычъ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

До свиданія, Юлія Павловна! Какъ ни велика моя дружба къ Вадиму, но ужъ подобныхъ порученій я отъ него принимать не стану—извините-съ! Я самъ ему предложилъ; я думалъ провести время...

МИХЕВНА.

Ну, что еще за разговоры разведъ!

*

ОТЕЧ. ЗАПИСКИ.

Юлія.

Что дѣлать! у насъ это принято. (*Кланяется*).

Михевна (*Юліи*).

Глафира-то Фирсовна ушла?

Юлія.

Ушла.

Михевна (*Держачеву*).

Пойдемъ, пойдемъ, я провожу. (*Держачевъ, раскланявшись, уходитъ, Михевна за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Юлія, (*потомъ*) Михевна.

Юлія (*раскрываетъ письмо и читаетъ*).

«Милая Юлія, я сегодня буду у тебя непремѣнно; хоть поздно, а все-таки заѣду». Вотъ это мило съ его стороны. (*Читаетъ*). «Не сердись, моя голубка»... (*Повторяетъ*): «моя голубка». Какъ хорошо пишетъ! Какъ на такого голубя сердиться! (*Читаетъ*). «Я всѣ эти дни не имѣлъ минуты свободной: все дѣла, дѣла, и надо признаться, не очень удачны. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что мнѣ безъ твоей любви жить нельзя. И хотя я подвергаю ее довольно тяжкимъ испытаніямъ и сегодня же потребую отъ тебя нѣкоторой жертвы, но ты сама меня избаловала, и я заранѣе увѣренъ, что ты простишь все твоему безумному и безумно любящему тебя Вадиму». (*Входитъ Михевна*).

Михевна.

Кто-то подѣхалъ: никакъ Флоръ Федулычъ?

Юлія (*прячетъ письмо въ карманъ*).

Такъ ты пойдн, сядь въ передней, да посматривай хорошенько. Если прійдетъ Вадимъ Григорьичъ, проводи его кругомъ, да попроси подждать въ угольной комнатѣ. Скажи, молъ, дяденька у нихъ. (*Михевна уходитъ. Входитъ Флоръ Федулычъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Юлія и Флоръ Федулычъ.

Флоръ Федулычъ (*кланяясь и подавая руку*).

Честь имѣю... прошу извинить!

Юлія.

Забыли, Флоръ Ѳедулычъ, забыли. Прошу садиться.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-съ, давненько.

Юлія.

Я вѣдь никуда, Флоръ Ѳедулычъ, я все дома... а ежели ко мнѣ кто, я очень рада.

Флоръ Ѳедулычъ.

Здоровьице ваше?

Юлія.

Да ничего, я... слава Богу...

Флоръ Ѳедулычъ.

Дюшесы нынче не дороги-съ...

Юлія.

Что вы такъ смотрите на меня, Флоръ Ѳедулычъ? Перемѣнилась я?

Флоръ Ѳедулычъ.

Бъ лучшему-съ.

Юлія.

Ну, что вы, не можете быть!

Флоръ Ѳедулычъ.

Позвольте, позвольте-съ! Въ этомъ мы не ошибемся, на томъ-стоймъ: очаровательность женскую тонко понимаемъ. (*Осматривая комнату*). Домикъ-то такъ послѣ смерти супруга и не отдѣлывали?

Юлія.

Кто у меня бываетъ, кто его видитъ! Зачѣмъ лишній расходъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Что касается приличія, это никогда не лишнее, а даже необходимость-съ. А домъ этотъ-съ точно отдѣлывать не стоитъ. Онъ почти за чертой города, доходу не приноситъ, состоитъ при фабрикѣ, которая давно нарушена—ну, и значить: вамъ надо это имѣніе продать.

Юлія.

А гдѣ же мнѣ жить, Флоръ Ѳедулычъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Зачѣмъ же вамъ жить въ захолустѣхъ, скрывать себя? Вы должны жить на виду и позволить намъ любоваться на васъ. Патти же прійдетъ-съ.

Юлія.

Очень жаль! такъ я ея и не услышу.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не услышите-съ. У нихъ теперь процессъ съ мужемъ на счетъ

Николина. — Да вѣдь у васъ есть другой домъ, въ городѣ-съ. Отдѣлать тамъ небольшую квартиру, комнату шесть, семь хорошихъ: двѣ-три гостиныя, будуаръ... Мебель аля-Помпадуръ-съ.

Юлія.

Сколько хлопотъ! да и не привычна я къ такой жизни.

Флоръ Оедулычъ.

Хлопоты—это не ваше дѣло-съ, это я беру на себя; вамъ только и труда будетъ—перехватить-съ. А если вы не привычны къ такой жизни, такъ мы васъ постепенно приучимъ.

Юлія.

Покорно васъ благодарю.

Флоръ Оедулычъ.

Лошадокъ держите?

Юлія.

Пару продала, а то все тѣ же, старыя.

Флоръ Оедулычъ.

Пора переимѣнить-съ; да это дѣло минутное, не стоить и говорить. Экипажи тоже надо новенькіе; нынче другой вкусъ. Нынче полегче дѣлають и для лошадей, и для кармана; какъ за коляску рублей тысячу слишкомъ отдать, такъ въ карманѣ гораздо легче сдѣлается. Хотъ и грѣхъ такіа деньги за экипажъ платить, а нельзя-съ—платимъ: наша служба такая. Я къ вамъ на домъ на дняхъ каретника пришлю: можно будетъ старыя обмѣнить съ придачей.

Юлія.

Все это напрасно, Флоръ Оедулычъ: мнѣ ничего не нужно.

Флоръ Оедулычъ.

Не то что напрасно; а обойтись нельзя безъ этого. Ужь если у насъ бабы, пудовъ въ семь вѣсомъ, въ такихъ экипажахъ разъ-взажаютъ; такъ ужъ вамъ-то, при вашей красотѣ, въ забвеніи быть невозможно-съ. Абониментъ на настоящій сезонъ имѣете?

Юлія.

Нѣтъ, я еще объ этомъ не подумала.

Флоръ Оедулычъ.

Что прикажете: кресло, бель-этажъ-съ?

Юлія.

Не беспокойтесь! Если введу маю, такъ еще уснѣю достать.

Флоръ Оедулычъ.

Теперь позвольте вамъ объяснить, въ чемъ состоитъ цѣль моего визита!

Юлія.

Сдѣлайте одолженіе!

Флоръ Оедулычъ.

Денегъ прѣехалъ занять. У васъ, Юлія Павловна.

Юлія.

Денегъ? Да на что вамъ? У васъ своихъ дѣвать нѣкуда.

Флоръ Оедулычъ.

Мы найдемъ мѣсто, употребимъ съ пользой. Я вамъ хорошіе проценты дамъ.

Юлія.

Много ли вамъ нужно?

Флоръ Оедулычъ.

Да всё пожалуйста—всё, что у васъ есть.

Юлія.

А у меня-то что-жь останется?

Флоръ Оедулычъ.

Да вамъ и не слѣдъ имѣть деньги это не женское дѣло-сь. Женское дѣло: проживать, тратить; сберегать капиталы въ настоящее время и для мужчины довольно хитро, а для женщины—невозможно-сь.

Юлія.

Вы такъ думаете, Флоръ Оедулычъ?

Флоръ Оедулычъ.

Не думаю, а навѣрно знаю. У женщины деньги удержаться не могутъ—ихъ сейчасъ отберутъ. До прочихъ намъ дѣла нѣтъ, а васъ мы должны беречь. Коли мы за вашими деньгами не усмотримъ, намъ будетъ грѣхъ и стыдно. Вѣдь если васъ оберутъ, мы заплачемъ. А вы мнѣ пожалуйста ваши деньги, всѣ бумаги—я вамъ сохранную росписочку дамъ и буду вашимъ кассиромъ. Капиталъ вашъ останется навсегда неприкосновеннымъ, а сколько вамъ потребуется на прожитіе, сколько бы ни потребовалось, вы всегда можете получить отъ меня.

Юлія.

Но я могу прожить больше того, сколько мнѣ слѣдуетъ процентовъ.

Флоръ Оедулычъ.

Это не ваши расчеты: и барышъ мой, и убытокъ мой, на то мы и купцы. Ваше дѣло—жить въ удовольствіе, а наше дѣло—васъ беречь и лелѣять.

Юлія.

Даромъ я ничьихъ услугъ принимать не желаю: чѣмъ же я заплачу вамъ за ваши заботы?

Флоръ Оедулычъ.

Развѣ дѣти платятъ что-нибудь родителямъ?

Юлія.

Платять, Флоръ Ѳедулицъ, и очень дорого платять—любовью.

Флоръ Ѳедулицъ.

Такъ вѣдь и мнѣ, кромѣ этого, ничего не нужно-сь.

Юлія.

Я вамъ очень благодарна за вашу доброту; но принять вашего предложенія рѣшительно не могу.

Флоръ Ѳедулицъ.

Почему же-сь?

Юлія.

Я выхожу замужъ.

Флоръ Ѳедулицъ.

Это—дѣло другого роду-сь. Позвольте полюбопытствовать! Имя, отчество и званіе вашего будущаго супруга?

Юлія.

Я теперь еще не могу сказать; еще дѣло не рѣшено.

Флоръ Ѳедулицъ.

Хоть и не рѣшено, но зачѣмъ же скрывать-сь? Тутъ дурного ничего нѣтъ-сь. Я могу быть вамъ полезенъ; могу лучше васъ разузнать о человѣкѣ и въ-время предупредить, если дѣло не подходящее. Не шутка-сь! счастье и несчастье всей жизни зависятъ...

Юлія (*перевивая*).

Нѣтъ, Флоръ Ѳедулицъ, въ такомъ дѣлѣ я на людей полагаться не хочу: я желаю сама устроить свою жизнь.

Флоръ Ѳедулицъ (*встаетъ*).

Какъ вамъ будетъ угодно-сь. Значить, мои услуги вамъ не нужны-сь?

Юлія.

Очень жалѣю, Флоръ Ѳедулицъ, что не могу принять ихъ.

Флоръ Ѳедулицъ.

Значить, вы совсѣмъ довольны и счастливы? Это очень пріятно видѣть-сь. Ну, хоть какой-нибудь нужды, хоть какой-нибудь надобности нѣтъ ли у васъ? Доставьте мнѣ удовольствіе исполнить вашу просьбу!

Юлія.

Мнѣ рѣшительно ничего не нужно.

Флоръ Ѳедулицъ.

И дай Богъ, и дай Богъ, чтобъ всегда такъ было-сь. А ежели, чего сохрани Богъ...

Юлія.

Не договаривайте! какая-сь ни была нужда, я къ роднымъ не пойду за милостыней.

Последняя жертва.

Флоръ Ѳедулычъ.

Не о милостивѣ рѣчь-съ...

Юлія.

Ничего у родныхъ и знакомыхъ, Флоръ Ѳедулычъ, ничего! это мое правило.

Флоръ Ѳедулычъ.

Но, во всякомъ случаѣ, покорнѣйше прошу не забывать-съ! Милости прошу откушать какъ-нибудь! Я всякій день дома-съ отъ пяти до семи часовъ—больше времени свободного не имѣю-съ.

Юлія.

Благодарю васъ. Постараюсь, Флоръ Ѳедулычъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Честь имѣю кланяться. (*Идетъ къ двери*). Росси изволили видѣть?

Юлія.

Нѣтъ, я вѣдь совершенно никуда...

Флоръ Ѳедулычъ.

Хорошій актёръ-съ. Оно довольно для насъ непонятно, а интересно посмотрѣть-съ. До свиданія-съ. (*Уходитъ. Изъ боковой двери выходитъ Дульчинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Юлія и Дульчинъ.

Юлія (*бросаясь къ Дульчину*).

Ахъ, милый, ты ужь здѣсь!

Дульчинъ.

Здравствуй, Юлія, здравствуй!

Юлія (*вглядываясь*).

Ты чѣмъ-то разстроены?

Дульчинъ.

Отвратительное положеніе.

Юлія.

Что такое? Говори скорѣй!

Дульчинъ.

Охъ, ужь мнѣ совѣстно и говорить-то тебѣ.

Юлія.

Да что, скажи, не мучь меня!

Дульчинъ.

Денегъ нужно.

Юлія.

Много?

Дульчинъ.

Много.

Юлія.

Ахъ, милый мой, да давно ли...

Дульчинъ (*ждатаясь за юлову*).

А, чортъ возьми! Ужъ я не знаю, давно ли; теперь нужно, платить по векселю нужно, завтра срокъ.

Юлія.

Что же ты не подумалъ, отъ чего не предупредилъ меня?

Дульчинъ.

Совсѣмъ изъ головы вонъ. Да я надѣялся, что онъ отсрочитъ; онъ столько пользовался отъ меня. А вчера вдругъ, ни съ того, ни съ сего, «нѣтъ, говорить, тебѣ больше кредиту—плати»!

Юлія.

Да кто онъ-то?

Дульчинъ.

Салай Салтанычъ. А кто онъ такой? кто-жъ его знаетъ! Оболдуй-огли-Таракановъ... турецкій жидъ, армянскій грекъ, туркменъ, бухарець... Восточный человѣкъ—развѣ въ нихъ жалость есть? онъ зарѣжетъ равнодушно.

Юлія.

Какъ же быть-то?

Дульчинъ.

Какъ быть? Надо платить.

Юлія.

Гдѣ же взять-то?

Дульчинъ.

Гдѣ-нибудь надо. Мнѣ не дадутъ—и толковать нѣчего.

Юлія.

Отъ чего же, мой другъ?

Дульчинъ.

Въ Москвѣ и всегда было мало кредиту, потому онъ и дорогъ; а теперь и совсѣмъ нѣтъ. Капиталисты—какіе-то скептики. Далеко еще намъ до Европы! развѣ у насъ понимаютъ, что кредитъ—великій двигатель? Ну, что мы, крупные землевладѣльцы, безъ кредиту? Все равно, что безъ рукъ. Подумай хорошенько, Юлія, пощи, попроси у кого-нибудь!

Юлія.

Гдѣ же мнѣ искать? у кого просить? Рѣшительно не у кого.

Дульчинъ.

Ахъ, отчаяніе! Вотъ урокъ, вотъ урокъ! Вѣдь меня арестуютъ.

Юлія (съ испугомъ).

Какъ арестуютъ?

Дульчинъ.

Такъ, посадятъ въ знаменитую московскую яму. Вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Вѣдь ужъ это конецъ всякой репутаціи, всякаго кредита.

Юлія.

Ахъ, мой милый! такъ надо искать денегъ, непременно надо.

Дульчинъ.

«Надо, надо». Разумѣется, надо. А какъ найдемъ? (*Мажмуркой*). Э, да что тутъ! Лучше не искать.

Юлія.

Что же, какъ же?

Дульчинъ.

Такъ: сѣсть въ яму, попробовать.

Юлія.

Ахъ, срамъ! что ты, что ты!

Дульчинъ.

Можетъ быть, это образумитъ меня, нѣсколько исправить. Вѣдь ты меня все-таки любить будешь, не разлюбишь за это?

Юлія.

Какія глупости!

Дульчинъ.

Одного только боюсь: потеряешь уваженіе къ себѣ, потеряешь самолюбіе. А безъ самолюбія легко сдѣлаться грязнымъ трактирнымъ героемъ или шутомъ у богатыхъ людей. Нѣтъ, ужъ лучше пулю въ лобъ.

Юлія.

Ахъ, перестань! Какія страшныя вещи ты говоришь.

Дульчинъ.

Нисколько не страшно. А коли на твой взглядъ это ужъ очень страшно кажется, такъ ищи денегъ!

Юлія.

Погоди, дай подумать. Вотъ сейчасъ былъ у меня очень богатый человѣкъ; онъ обѣщалъ мнѣ и предлагалъ все, что я пожелаю.

Дульчинъ.

Вотъ и прекрасно. Что же ты ему сказала?

Юлія.

Я ему сказала, что ни въ чемъ не нуждаюсь, у меня свой капиталъ; да еслибъ и нуждалась, такъ отъ него ничего и никогда не приму.

Дульчинъ.

Зачѣмъ же это, Юлія? зачѣмъ же? Это просто возмутительно! Охъ, вы женщины! Человѣкъ набивается съ деньгами, а ты его гонишь прочь. Такіе люди нужны въ жизни, очень нужны—пойми ты это!

Юлія.

Да вѣдь эти люди даромъ ничего не даютъ. Онъ дѣйствительно осыплетъ деньгами, только надо идти къ нему на содержаніе.

Дульчинъ.

Да... Вотъ что... ну, конечно... А впрочемъ...

Юлія.

Какъ «впрочемъ»? Ты съ ума сошелъ.

Дульчинъ.

Нѣтъ, я не то... Все-таки съ нимъ нужно поласковѣе. А такъ, по знакомству, онъ не дастъ тебѣ? Въ займы не дастъ?

Юлія.

Нѣтъ, едва ли. Но какъ просить у него? Сказать ему, что я солгала, что у меня капитала уже нѣтъ? Такъ вѣдь надо объяснить, куда онъ дѣлся; придется выслушать разныя упреки и сожалѣнія, а, можетъ быть, и неучтивый, презрительный отзывъ. Сколько стыда, униженія перенесешь! Вѣдь это пытка!

Дульчинъ (*млава руки Юліи*).

Юлія, голубушка, попроси, спаси меня!

Юлія.

Надо спасать; нѣчего дѣлать! Тяжело будетъ и стыдно, охъ, какъ стыдно!

Дульчинъ.

Ужъ это—последняя твоя жертва, влянусь тебѣ.

Юлія (*задумавшись*).

Я думаю, что выпрошу. У женщинъ есть средство хорошее: слезы. Да коли онѣ отъ души, такъ должны подѣйствовать.

Дульчинъ.

Нѣтъ, зачѣмъ! нѣтъ, зачѣмъ! Юленька, ангелъ мой, онъ тебѣ и такъ не откажетъ. Ты повокетничай съ нимъ, а тебѣ позволяю.

Юлія.

Ты позволяешь, да я то себѣ не позволю. (*Со слезами*). А лу вѣдь! можетъ быть, и позволю. Чего не дѣлаютъ женщины для любимаго человѣка! (*Подумавъ*). Много ли тебѣ нужно?

Дульчинъ.

Я долженъ около пяти тысячъ; а ты проси ужъ больше—проси шесть. Нужно заплатить за квартиру.

Послѣдняя жертва.

Юлія.

За квартиру заплачено.

Дульчинъ.

Я не зналъ. Надо расчесться съ извозщикомъ за коляску, за два мѣсяца.

Юлія.

Я заплатила.

Дульчинъ.

Ахъ, какая я дрянь! Зачѣмъ ты платишь за меня, зачѣмъ?

Юлія.

Э, мой другъ, я не жалѣю денегъ, былъ бы только ты счастливъ.

Дульчинъ.

Да вѣдь я жгу деньги, просто жгу, бросаю ихъ безъ толку, безъ смыслу.

Юлія.

И жги, коли это доставляетъ тебѣ удовольствіе.

Дульчинъ.

Въ томъ-то и дѣло, что не доставляетъ никакого; а, напротивъ, остается послѣ только одно раскаяніе, отчаянное, каторжное, которое грызетъ мнѣ душу. Одно только утѣшаетъ, спасаетъ меня.

Юлія.

Что, скажи!

Дульчинъ.

То, что я могу еще исправиться; потому что я не злой, не совсѣмъ испорченный человѣкъ. Другіе губятъ свое и чужое состояніе хладнокровно; а я сокрушаюсь, на меня нападаютъ минуты страшной тоски. А какъ бы мы могли жить съ тобой, еслибъ не мое безуміе, еслибъ не моя преступная распущенность!

Юлія.

Мы и теперь можемъ жить хорошо. Нѣтъ чистыхъ денегъ, такъ у меня еще два дома, заложенныхъ, правда—да вѣдь, чего-нибудь стоятъ! у тебя большое имѣніе. Ты займешься хозяйствомъ, будешь служить, я буду экономничать.

Дульчинъ.

Да, Юленька, пора мнѣ переменить жизнь. Это я могу; я себя пробовалъ: стоить только отказаться отъ лишней роскоши. Я могу работать, я всему учился; на все способенъ. Меня только баловать не нужно, баловать ненужно, Юлія... Ужь это будетъ твоя жертва для меня послѣдняя.

Юлія.

Я на всякія жертвы готова для тебя, мой милый; только я

должна признаться: мое положеніе становится очень тяжело для меня. Мои родные и знакомые откуда-то провѣдали о тебѣ и начинаютъ меня мучить своимъ участіемъ и совѣтами.

Дульчинъ.

Что твои родные! Стоить обращать на нихъ вниманіе. Ихъ успокоить легко. Только бы мнѣ расплатиться съ этимъ долгомъ, я переменяю жизнь и—кончено. А то, повѣришь ли? у меня руки и ноги трясутся: я такъ боюсь позора.

Юлія.

Да расплатимся, расплатимся, не безпокойся!

Дульчинъ.

Вѣрно, Юлія?

Юлія.

Вѣрно, милый, вѣрно: что бы мнѣ ни стоило, я черезъ часъ достану тебѣ денегъ.

Дульчинъ.

Только ты помни, что ужь это твоя послѣдняя жертва. Теперь для меня настанетъ трудовая жизнь: трудъ и трудъ постоянный, непрерывный. Я обязанъ примирить тебя съ родными и знакомыми, обязанъ поправить твое состояніе: это—мой долгъ, моя святая обязанность. Успокой своихъ родныхъ, пригласи ихъ всѣхъ какъ-нибудь на дняхъ, хоть въ воскресенье. Я не только ихъ не выдывалъ, а даже и по именамъ не знаю; а надо же мнѣ съ ними познакомиться.

Юлія.

Да, да, конечно, надо.

Дульчинъ.

Вотъ мы ихъ и удивимъ: явимся съ тобой передъ ними и объявимъ, что мы—женыхъ и невѣста, и пригласимъ ихъ черезъ недѣлю на свадьбу.

Юлія.

Что же значать всѣ мои жертвы! Ты мнѣ даришь счастье, ты мнѣ даришь жизнь. Какое блаженство! Я никогда въ жизни не была такъ счастлива. Я не нахожу словъ благодарить тебя, милый, милый мой!

Дульчинъ.

Юлія, ты мало себя цѣнишь: ты—рѣдкая женщина; я отдаю тебѣ только должное.

Юлія (*положивъ руки ему на плечи*).

Нѣтъ, я тебя не стою. Ты—моя радость, моя гордость. Нѣтъ и не будетъ женщины счастливѣе меня! (*Прилепаетъ къ нему на шрудъ*).

Занавѣсъ.

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Л И Ц А :

Флоръ Ѳедулычъ Прибытковъ.

Глафира Фирсовна.

Лавръ Миронычъ Прибытковъ, племянникъ Флора Ѳедулыча, полный, красивый брнетъ, съ внушительной фізіономіей; большія бакенбарды тщательно расчесаны, одѣтъ богато и съ претензіями. Держитъ себя прямо, важно закидываетъ голову назадъ; но съ дядей очень почителенъ.

Ирина Лавровна, его дочь, дѣвица 25 лѣтъ, съ запоздалой и слишкомъ смѣлой важностью.

Юлія Павловна.

Василій, дядей Прибыткова.

Богатая гостиная, изящно меблированная; на стѣнахъ картины въ маленькихъ рамкахъ, тяжелыя драпировки и портьеры. Въ глубинѣ—дверь въ залу, налѣво—дверь въ кабинетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Флоръ Ѳедулычъ (*сидитъ въ креслахъ съ газетою въ рукахъ*).

(*Входитъ*) Василій, (*потомъ*) Глафира Фирсовна.

Василій.

Когда прикажете кушать подавать?

Флоръ Ѳедулычъ.

Еще рано; погоди, можетъ быть, подѣдетъ кто-нибудь. (*Входитъ Глафира Фирсовна*). Видишь, вотъ и гости. Черезъ четверть часа закуску, черезъ десять минутъ послѣ закуски—обѣдъ.

Василій.

Слукаю-съ (*уходитъ*).

Глафира Фирсовна.

Здравствуйте, Флоръ Ѳедулычъ! Въ-время-ль я приплыла-то?

Флоръ Ѳедулычъ.

Моментъ самый благопріятный, къ обѣду-съ.

Глафира Фирсовна.

Я ужъ и позавтракала, и обѣдала раза два, и полдничала.

Флоръ Ѳедулычъ.

Это ничего-съ. У насъ простые люди говорятъ: палеа на палеа не хорошо; а обѣдъ на обѣдъ—нужды нѣтъ.

Глафира Фирсовна.

Да я и не откажусь лишній разъ пообѣдать: бѣда не большая,

стерпеть можно. Совсѣмъ не обѣдать нездорово, а по два, да по три раза—хоть бы каждый день Богъ далъ.

Флоръ Оедулычъ.

Покорнѣйше прошу садиться.

Глафира Фирсовна.

Присяду, присяду, окружила-таки я нынче Москву-то.

Флоръ Оедулычъ.

Я самъ только сейчасъ вернулся.

Глафира Фирсовна.

Видѣла я, батюшка, васъ, видѣла; я только отъ Юліи Павловны, а вы къ ней.

Флоръ Оедулычъ.

Да-съ, сегодня я ей визитъ сдѣлала.

Глафира Фирсовна.

И поговорили-таки съ ней?

Флоръ Оедулычъ.

Говорилъ-съ; но разговоръ нашъ былъ безъ результата.

Глафира Фирсовна.

А я таки допыталась кой-чего, тайности ея вывѣдала.

Флоръ Оедулычъ.

Надѣюсь, что вы отъ меня вашихъ свѣдѣній не скроете?

Глафира Фирсовна.

Батюшка, да что мнѣ скрывать-то! съ какой стати? Вотъ еще была оказія! Что я ей, мать, что-ли? Все до чиста выложу, какъ есть. Съ чего начинать-то?

Флоръ Оедулычъ.

Съ чего угодно съ.

Глафира Фирсовна.

Такъ вотъ-съ, пріятель у нея есть и очень близкій.

Флоръ Оедулычъ.

Такъ и ожидать надо было.

Глафира Фирсовна.

Дульчинъ онъ, Вадимъ Григорьичъ.

Флоръ Оедулычъ.

Дульчинъ-съ? Я его знаю-съ, въ клубѣ встрѣчались; съ виду баринъ хорошій-съ.

Глафира Фирсовна.

И я его знала; года три назадъ, онъ въ одномъ знакомомъ домѣ сватался, такъ я у него даже на квартирѣ бывала. А теперь захотѣла узнать покороче; есть у меня одна дама знакомая; она—сваха, такъ у нея всѣ женихи на счету. Я съ ней въ ссорѣ немножко, семь лѣтъ не кланяемся; да ужъ такъ и быть покорилась, сейчасъ была у нея. Вотъ вѣсти какія: женихъ хо-

рошій, живетъ богато, шку много, на большого барина хватить. Только, говорить, если съ этимъ женихомъ въ хорошій, степенный домъ сунешься, такъ, пожалуй, прическу непортать; за это, говорить, ручаться нельзя—на какого отца попадешь. Другой разговаривать не любитъ, а прямо за шиньонъ.

Флоръ Федулычъ.

Атгестать не очень одобрительный-съ.

Глафира Фирсовна.

Надо, говорить, узнать: на какія онъ деньги живетъ—на свои, или на чужія, и что у него есть? а это, говорить, я вамъ скороухонько узнаю.

Флоръ Федулычъ.

Значить, надо подождать-съ.

Глафира Фирсовна.

Чего ждать-то? пока онъ ее ограбить совсѣмъ? А жениться-то онъ, чай, и не думаетъ: такъ водить изо дня въ день, пока у нея деньги есть.

Флоръ Федулычъ.

Что-же мы можемъ предпринять-съ?

Глафира Фирсовна.

Вы не мѣшайте только мнѣ, а ужъ я похлопочу, разобью я эту парочку.

Флоръ Федулычъ.

Въ такомъ случаѣ, большую благодарности получите.

Глафира Фирсовна.

Да развѣ я изъ благодарности? Жалѣючи ее дѣлается. Конечно, я—человѣкъ бѣдный; вотъ, Богъ дастъ, зима настанетъ въ люди показаться не въ чѣмъ.

Флоръ Федулычъ.

Шуба за мной-съ, хорошая шуба.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужъ куда мнѣ хорошую! Хошь бы какую-нибудь, только отецъ родной, чтобъ бархатомъ крыта, хошь не самымъ настоящимъ. Какъ его, манчестеръ, что-ли, онъ называется! Чтобъ хошь издали то на бархатъ похоже было.

Флоръ Федулычъ.

Для вашего удовольствія все будетъ исполнено съ.

Глафира Фирсовна.

Что это, я смотрю на васъ, вы какъ будто не въ духъ?

Флоръ Федулычъ.

Непріятности есть-съ, отъ племянниковъ.

Т. ССХХХVI.—Отд. I.

Глафира Фирсовна.

Отъ кого же и ждать неприятности, какъ не отъ своихъ. Который же васъ огорчаетъ?

Флоръ Оедулычъ.

Да всё-съ. Мотають, пьянствуютъ, только фамилію срамятъ. Жена умерла, дѣтей не нажить; какъ подумаешь, кому состояніе достанется—вотъ и горько станеть-съ.

Глафира Фирсовна.

Женились-бы, Флоръ Оедулычъ.

Флоръ Оедулычъ.

Поздно, людей совѣстно-съ.

Глафира Фирсовна.

Что за совѣсты! Были-бъ свои наслѣдники...

Флоръ Оедулычъ.

Это дѣло такое, что разговоръ о немъ я считаю лишнимъ.

Глафира Фирсовна.

Какъ угодно, батюшка Флоръ Оедулычъ. Къ слову пришлось. Ну, а Лавръ Миронычъ какъ поживаетъ?

Флоръ Оедулычъ.

Лавръ Миронычъ больше другихъ беспокоить: по моему, жизнь неосновательную ведетъ.

Глафира Фирсовна.

Ему-то бы грѣшно: онъ всѣмъ вамъ обязанъ; сколько разъ вы его изъ ямы-то выкупали!

Флоръ Оедулычъ.

На яму онъ мало обращаетъ вниманія-съ. Пристроишь его къ должности; онъ—человѣкъ способный-съ, живетъ годъ-другой хорошо и вдругъ въ одну минуту задолжаетъ: когда успѣеть—только удивишься. И ничего его долги не беспокоятъ: платить ихъ онъ и въ помышленіи не имѣетъ—хоть бы глазомъ моргнулъ-съ. Набереть гдѣ-то съ полсотни переводныхъ французскихъ романовъ и отправляется въ яму равнодушно, точно въ гости куда. Примется читать свои романы, читаетъ ихъ дни и ночи, хоть десять лѣтъ просидеть—ему все равно. Ну, и выкупаешь изъ жалости. А выкупишь—сейчасъ расчешетъ бакенбарды, надѣнетъ шляпу на боже и пошелъ щеголять по Москвѣ какъ ни въ чемъ не бывало.

Глафира Фирсовна.

Ужъ какой изъ себя видный: точно иностранецъ.

Флоръ Оедулычъ.

Настоящій милордъ-съ: ему бы только съ графомъ Биконсфильдомъ разговаривать-съ. Отличныя мѣста занималъ-съ, пове-

дѣло—либо дорого смотрѣть; за полгода можно вѣрно ручаться; а тамъ заведетъ рысакъ съ пристяжными; году не пройдетъ—глядишь, и въ яму съ романами-съ. И сейчасъ имѣеть мѣсто приличное, около десяти тысячъ жалованья; кажется, чего-жъ еще! можно концы съ концами сводить?

Глафира Фирсовна.

Развѣ нуждается, денегъ просить?

Флоръ Ѳеодулычъ.

Это бы ничего съ. Широко зажилъ; слухъ идетъ, что деньги бросаетъ. Значить, какіе-нибудь источники находить: либо должаетъ, либо... ужъ кто его знаетъ. Дѣло некрасивое-съ.

Глафира Фирсовна.

По надеждѣ на васъ дѣйствуетъ. Дочку его, внучку свою, вы облагодѣтельствовали—ну, думаетъ, и отцу что-нибудь перепадеть.

Флоръ Ѳеодулычъ.

Да чѣмъ же я ее облагодѣтельствовалъ-съ?

Глафира Фирсовна.

Еще бы! триста тысячъ за ней денегъ даете.

Флоръ Ѳеодулычъ.

И все это его сочиненіе-съ.

Глафира Фирсовна.

Что-нибудь то дадите; ну, а прилгнулъ, такъ ему простительно: всякому отцу свое дѣтище хочется устроить.

Флоръ Ѳеодулычъ.

Да все-таки чужими деньгами распоряжаться, не спросясь, не слѣдуетъ.

Глафира Фирсовна.

Ужъ по всей Москвѣ гремитъ ваша внучка. Кто говоритъ: дѣдушка даетъ за ней двѣсти тысячъ; кто—триста, а кто—миліонъ. Миліонъ ужъ лучше, кругліе.

Флоръ Ѳеодулычъ.

Вотъ изволите видѣть: я-то послѣдній про свое благодѣаніе узналъ-съ!

Глафира Фирсовна.

Ну, да вѣдь не всѣ и вѣрять.

Флоръ Ѳеодулычъ.

Все-таки, значить, есть люди, которые обмануты-съ.

(Входятъ Лазарь Мироничъ подъ руку съ Ириной.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Флоръ Оедулычъ, Глафира Фирсовна, Лавръ Мироннычъ и Ирина.

Лавръ Мироннычъ (*почтительно кланяется*).

Честь имѣю кланяться, дяденька! Мое почтеніе, Глафира Фирсовна! (*Киваетъ головой и садится. Ирина страстно цѣлуетъ Флора Оедулыча, присѣдаетъ Глафирѣ Фирсовнѣ, садится на кресло и погружается въ глубокую задумчивость*).

Флоръ Оедулычъ.

Откуда вы теперь-съ, Лавръ Мироннычъ?

Лавръ Мироннычъ.

Изъ городу домой заѣхалъ, пробѣжалъ газеты, захватилъ Ирѣнь—и къ вамъ. Биржевую хроникку изволили смотрѣть?

Флоръ Оедулычъ.

Все тоже, переимѣны нѣтъ-съ.

Лавръ Мироннычъ.

Неможно подтверже стало. Изъ политическихъ новостей только одно: здорověе папы внушаетъ серьезныя опасенія.

Глафира Фирсовна.

Кому это? Ужъ не тебѣ ли?

Лавръ Мироннычъ.

Въ Европѣ живемъ, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Да Богъ съ нимъ! намъ-то что за дѣло! Живѣ ли онъ, нѣтъ ли—авось за Москвой-то рѣкой ничего особеннаго отъ того не случится.

Лавръ Мироннычъ.

У насъ дѣла не за одной Москвой-рѣкой, а и за Рейномъ и за Темзой.

Флоръ Оедулычъ (*Ирину*).

Въ уныніи находитесь, Ирина Лавровна?

Глафира Фирсовна.

Да ужъ и я тоже смотрю.

Ирина.

Ахъ! Я несчастная... я самая несчастная... если есть на свѣтѣ несчастная дѣвушка, такъ это я!

Глафира Фирсовна.

Что такъ это ужъ очень?

Лавръ Миронычъ.

Моя бѣдная Ирѣнь влюблена.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я полагаю, что это больше отъ чтенія происходитъ.

Лавръ Миронычъ.

Да, дяденька, мы съ ней постоянно слѣдимъ за европейской литературой; всё, рѣшительно всё, сколько ихъ ни есть, переводные романы выписываемъ.

Ирина.

Только одно это утѣшеніе для меня въ жизни и есть. Еще папа меньше меня читаетъ—онъ дѣломъ занятъ; а я просто погружаюсь, погружаюсь.

Лавръ Миронычъ.

Прежніе романы лучше были; нынче ужъ не такъ интересно читать. Вотъ я теперь четвертый разъ Монте-Кристо читаю. Какъ это все вѣрно, какъ похоже!

Флоръ Ѳедулычъ.

Что тамъ похожего-съ? Я считаю такъ, что это—только одна игра воображенія.

Лавръ Миронычъ.

Да на меня, дяденька, похоже; точно съ меня писано.

Ирина.

Нѣтъ, папа, на васъ это еще не такъ похоже.

Лавръ Миронычъ.

Это потому тебѣ кажется, что у меня денегъ нѣтъ; а чувства и поступки—всѣ мои, и еслибъ мнѣ досталось такое состояніе...

Ирина.

Нѣтъ, ужъ кто похожъ на Монте-Кристо, кто похожъ, такъ это... это... одинъ человѣкъ.

Глафира Фирсовна.

Не въ него ли ты и влюблена-то?

Ирина.

Ахъ, да развѣ есть средства, есть какая-нибудь возможность для дѣвушки не полюбить его? Это выше силъ. Развѣ ужъ только которая ледь совершенный.

Глафира Фирсовна *(всплеснувъ руками)*.

Ахъ, батюшки! Вотъ такъ побѣдитель! Откуда такой проявился?

Флоръ Ѳедулычъ.

Намъ бы, кажется, Ирина Лавровна, про всякія такія дикости знать надо; а мы что-то не слышали.

Ирина.

Онъ, дѣдушка—не торговый человѣкъ.

Лавръ Мироничъ.

Въ своемъ родѣ, дяденька, это—феномень-сь.

Глафира Фирсовна.

Что такой за феномень? Я про такихъ людей съ роду не слыхивала.

Лавръ Мироничъ.

Это значить, Глафира Фирсовна, необыкновенное явленіе природы.

Глафира Фирсовна.

Что-же въ немъ необыкновеннаго?

Ирина.

Все, все необыкновенное. Красавецъ собой, уменъ, ловокъ! какъ одѣтъ, какъ деньги проигрываетъ! Онъ совсѣмъ ихъ не жалѣеть, бросаетъ тысячу-двѣ на столъ, а самъ шутить. Сядетъ ужинать, кругомъ него толпа, и онъ за всѣхъ платитъ, людямъ меньше пяти рублей на водку не даетъ.

Флоръ Федулычъ.

Такихъ-то феноменовъ мы достаточно видали.

Ирина.

Ахъ, дѣдушка! надо его знать, чтобъ понять все это очарованіе, а на словахъ не расскажешь.

Флоръ Федулычъ.

А вы гдѣ же его узнали-сь?

Ирина.

Въ саду, въ клубъ; тамъ семейные вечера бываютъ. Я съ нимъ очень хорошо знакома.

Флоръ Федулычъ.

Вотъ какъ-сь! Интересно узнать этотъ феномень-сь.

Лавръ Мироничъ.

Какая цѣль скрывать, Ирѣнь? Чего тебѣ бояться? соперницъ у тебя нѣтъ; онъ только на тебя одну и обращаетъ вниманіе.

Ирина.

И какъ богатъ! какія имѣнія, и все въ самыхъ лучшихъ губерніяхъ!

Глафира Фирсовна.

Что-жь ты, на красоту свою, что ли, очень надѣнешся, что такого жениха подцѣпить задумала?

Ирина.

У всякаго свой вкусъ; для васъ вѣдь одна красота существуетъ: чтобъ женщина была толста да румяна; а мужчины, особенно образованные, въ этомъ дѣлѣ гораздо больше и лучше васъ понимаютъ. По вашему, мадамъ Пивокурова—вотъ это красавица.

Г л а ф и р а Ф и р с о в н а .

У ней красота-то въ карманѣ, да въ сундукахъ; эту красоту тоже образованные мужчины хорошо понимаютъ. Смотри: какъ бы она у тебя жениха-то не отбила!

И р и н а .

Невозможно. При такомъ его богатствѣ, ему ничего не надо, ему надо только любящее сердце. А деньги онъ за ничто считаетъ, онъ даже презираетъ ихъ.

Л а в р ь М и р о н ы ч ь .

Ну, нѣтъ, Ирѣнь, не скажи! (*Флору Оедулычу*) Дяденька, прошелъ слухъ, что, въ случаѣ выхода въ замужество Ирѣнь, вы ея не оставите своей милостью; суммы не опредѣляютъ, говорятъ различно,—такъ я слышала стороной, что онъ очень этимъ интересуется. Ужъ я, дяденька, не знаю, откуда этотъ слухъ.

Ф л о р ь О е д у л ы ч ь .

А я знаю, Лавръ Мироничъ.

Г л а ф и р а Ф и р с о в н а .

Да погодите, мы этотъ слухъ послѣ разберемъ (*Дѣлаетъ знакъ Флору Оедулычу, чтобъ онъ молчалъ*). Коли чтó Флоръ Оедулычъ обѣщалъ, такъ онъ отъ своихъ словъ не откажется. Я его характеръ знаю; портить дѣла онъ вамъ не станетъ. Ты мнѣ скажи: кто у васъ этотъ богатъ-то?

И р и н а .

Ахъ, какъ вы это не знаете, странно! Вѣдь онъ одинъ въ Москвѣ-то, больше нѣту. Вадимъ Григорьичъ Дульчинъ.

Г л а ф и р а Ф и р с о в н а .

Да, да. Такъ вотъ кто. Ну, чего ужъ еще! Вотъ васъ теперь пара: ты—богатая невѣста, онъ—богатый женихъ.

И р и н а .

Ахъ, не женихъ еще! это только еще моя надежда, моя мечта.

Л а в р ь М и р о н ы ч ь .

Одно предположеніе съ нашей стороны. Мы съ Ирѣнь между страхомъ и надеждой.

Г л а ф и р а Ф и р с о в н а .

Да чтó-жъ ему не жениться на Аринушкѣ?

И р и н а .

Вы думаете?

Г л а ф и р а Ф и р с о в н а .

Какой еще невѣсты? Онъ—одинъ въ Москвѣ, и ты тоже—одна въ Москвѣ, чего еще!

И р и н а .

Ахъ, благодарю васъ. Дѣдушка! это у васъ новая картина въ заглѣ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Недавно купилъ на выставкѣ-съ.

Лавръ Мироничъ.

Оригиналь?

Флоръ Ѳедулычъ.

Я копій не покупаю-съ.

Ирина.

Пойдемте, папа, надо ее посмотрѣть хорошенько. (*Ирина и Лавръ Мироничъ уходятъ въ залу*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Флоръ Ѳедулычъ и Глафира Фирсовна.

Флоръ Ѳедулычъ.

Слышали? Что же это такое-съ? Это фантазмагорія какая-то.

Глафира Фирсовна.

Да пушай ихъ обманываютъ другъ друга. Вамъ бы, Флоръ Ѳедулычъ, еще поддакнуть: точно, молъ, я за внучкой ничего не пожалѣю. А послѣ дали бы тысячъ пять-шесть—вотъ и квитъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да оно больше и не слѣдуетъ-съ. Дать деньги можно; но обѣщаній никакихъ-съ; я въ ихъ спекуляцію не войду. Я въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ капиталѣ, что свои слова на вѣтеръ бросать не могу-съ.

Глафира Фирсовна.

Позвольте, позвольте! Вы будете совсѣмъ въ сторонѣ, лгать буду я. А съ меня что взять-то! Солгала, такъ солгала.

Флоръ Ѳедулычъ.

Это ужъ какъ угодно съ; я вамъ лгать запретить не могу.

Глафира Фирсовна.

Вѣдь тутъ дѣло-то хорошее, Флоръ Ѳедулычъ, выходить.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да съ, но я въ это дѣло не войду.

Глафира Фирсовна.

Подите-ко на минутку, а я съ Лавромъ Мироничемъ потолкую.

Флоръ Ѳедулычъ.

Только вы сдѣлайте одолженіе, пуще всего-съ, чтобъ моей репутаціи ущербу не было. Я ничего не знаю и ни во что не вхожу.

Глафира Фирсовна.

Сама людей учу—что меня учить-то!

Флоръ Оедулычъ.

Я, во всякомъ случаѣ, въ сторонѣ-сь. (*Уходитъ въ залу*).

Глафира Фирсовна (*у двери въ залу*).

Лавръ Мироннычъ, а Лавръ Мироннычъ! Да ну-ко ты, финомень, поди сюда! (*Входитъ Лавръ Мироннычъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глафира Фирсовна и Лавръ Мироннычъ.

Лавръ Мироннычъ.

Что вамъ угодно-сь?

Глафира Фирсовна.

Какъ же тебѣ нестыдно такъ огорчать Флора Оедулыча!

Лавръ Мироннычъ.

Про какое огорченіе изволите говорить?

Глафира Фирсовна.

Да какъ же! Распустили молву, а у него и въ помышленіи не было.

Лавръ Мироннычъ.

И въ помышленіи не было? Невозможно-сь. Мысли у дяденьки благородныя; притомъ же—единственная родная внучка.

Глафира Фирсовна.

Я, говорить, и не думалъ; съ чего они взяли! Развѣ можно, говорить, моимъ такимъ знаменитымъ именемъ людей обманывать?

Лавръ Мироннычъ.

Да-сь. Значить, съ нашей стороны роковая ошибка. Но разсудите: безъ денегъ жениховъ не найдешь, приманка нужна.

Глафира Фирсовна.

Вотъ тебѣ и приманка. Что призадумался?

Лавръ Мироннычъ.

Задумаешься! Если это правда, такъ дѣло плохо, очень плохо: я на снисхожденіе дяденьки очень рассчитывалъ. Мнѣ оно нужно, а то бѣда-сь.

Глафира Фирсовна.

Знаешь, за что онъ больше сердится? Только это секретъ.

Лавръ Мироннычъ.

Ужъ сдѣлайте одолженіе, довърьте! Мнѣ необходимо знать дяденькины мысли.

Глафира Фирсовна.

Ну, вотъ слушай! У него на умѣ-то было Аринушеѣ сюрпризъ сдѣлать.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Сюрпризѣтъ-съ?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Да. Приѣхалъ бы въ дѣвшинникъ да выложилъ передъ женихомъ бумажникъ: вотъ, дескать, вамъ...

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ (*съ любовитствомъ*).

А неизвѣстно вамъ сколько-съ?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Миліонъ.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ (*отшатнувшись*).

Невообразимо-съ. Хотъ бы половину, да и то невѣроятно.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Ну, ужъ я не знаю; а только, по его чувствамъ, видно было, что около того. Какова штука! Красиво?

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ (*со вздохомъ*).

Эффектъ удивительный!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Заговорили-бъ въ Москвѣ-то.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ (*ударивъ себя по лбу*).

Поразительный эффектъ, Глафира Фирсовна!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А теперь дѣло испорчено: разгласили, сюрпризъ-то и не выдетъ. Вотъ старику и обидно, что ему Москву-то удивить помѣшали.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Какъ это дѣло поправить-съ?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Да вѣдь ты важенъ больно. Покорись мнѣ—поправлю.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

При всей важности, въ ноги поклониться готовъ. Вѣдь это романъ, помилуйте! Въ жизни и вдругъ романъ!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Ну, такъ ладно, выручу. Пойдемъ, за закуской потолкуемъ! Вонъ Флоръ Ѳедулычъ-то сюда идетъ! (*Глафира Фирсовна и Лавръ Миронъчъ уходятъ. Входятъ Флоръ Ѳедулычъ и Василій*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Флоръ Ѳедулычъ, Василій, *потомъ* Юлія Павловна.

Василій.

Сюда пожалуйста-съ!

Флоръ Ѳедулычъ.

Милости просимъ! И какъ встать—прямо къ обѣду-съ!

Юлія.

Я обѣдала. Я вамъ не помѣшаю, я на нѣсколько минутъ; а впрочемъ, я могу и подождать.

Флоръ Федулычъ.

Какъ можно, помилуйте-съ! Пообѣдать мы еще успѣемъ, не къ спѣху дѣло (*Василью*). Ступай! Затвори двери! (*Василій уходитъ*). Къ вашимъ услугамъ-съ! Покорнѣйше прошу. (*Указываетъ кресло*).

Юлія.

Скажите: скоро можно продать домъ?

Флоръ Федулычъ.

Если есть покупатель, да документы въ порядкѣ, такъ недѣлю въ двѣ, въ три, а то и мѣсяць пройдетъ.

Юлія.

Какъ это долго! а мнѣ бы хотѣлось поскорѣй отдѣлаться отъ этого имѣнія.

Флоръ Федулычъ.

Извольте, я займусь этимъ дѣломъ, поспѣшу.

Юлія.

А не купите ли вы сами у меня, сейчасъ, въ два слова? Я съ васъ недорого возьму.

Флоръ Федулычъ.

Нѣтъ, я не куплю-съ—мнѣ расчету нѣтъ. Я вамъ покупателя за настоящую цѣну найду.

Юлія.

Я вамъ дешево, очень дешево продамъ.

Флоръ Федулычъ.

Ни себѣ дешево купить у васъ, ни вамъ дешево продать я не доволю-съ. Зачѣмъ дешево продавать то, что дорого стѣить? Это плохая коммерція-съ!

Юлія.

Но если я желаю дешево продать? Это мое имѣніе, мнѣ запретить нельзя.

Флоръ Федулычъ.

Совершенно справедливо-съ. Только ужъ вы извольте обратитъ-ся къ другому покупателю, а не ко мнѣ-съ. Купать неужгодно-ли? Пожалуйте! Хоть посидите съ нами для компаніи.

Юлія.

Благодарю васъ. (*Помолчалъ*) Флоръ Федулычъ!

Флоръ Федулычъ.

Что прикажете?

Юлія.

Вы давеча пріѣзжали занять денегъ у меня?

Флоръ Ѳедулицъ.

Такъ точно-съ.

Юлія.

Теперь я пріѣхала къ вамъ занять денегъ.

Флоръ Ѳедулицъ.

Напрасно беспокоитесь: я въ займы не даю-съ.

Юлія.

Но я вамъ большіе проценты заплачу.

Флоръ Ѳедулицъ.

Обидно слышать-съ. Если вы желаете большіе проценты платить, такъ извольте обратиться къ ростовщикамъ.

Юлія.

Я ихъ не знаю. Гдѣ они? Кто они?

Флоръ Ѳедулицъ.

И не дай Богъ знать-съ. И я не знаю съ.

Юлія.

Флоръ Ѳедулицъ! мнѣ нужны деньги.

Флоръ Ѳедулицъ.

Не вѣрю, извините; не можетъ быть-съ. На что вамъ деньги? вы не торгуете. Что вамъ нужно-съ? Богатый гардеробъ, экипажки—ну, птичьего молока-съ? Извольте, я все это достану, а денегъ не дамъ-съ.

Юлія.

Флоръ Ѳедулицъ, вы меня обижаете. Я не милости пришла просить у васъ, я сама имѣю большія средства; я прошу васъ только одолжить меня на короткое время. Черезъ мѣсяць или два, я вамъ возвращу съ благодарностью. Это—пустяки, это такое одолженіе, въ которомъ никогда не отказываютъ знакомымъ людямъ. И если вы хоть сколько-нибудь расположены ко мнѣ...

Флоръ Ѳедулицъ (*холодно*).

Душевно бы радъ-съ; денегъ нѣтъ, нуждаюсь, занимаю самъ. Смѣю васъ завѣрить.

Юлія.

Я васъ не узнаю. Молодая, хорошенькая женщина просить у васъ денегъ, а вы отказываете! Да вы съума сошли? Дайте мнѣ денегъ, я вамъ приказываю!

Флоръ Ѳедулицъ.

Ха-ха-ха! Шутите. Не строго приказываете. Ужь коли приказывать, такъ надо построже, а коли просить, такъ надо поучтивѣе.

Юлія.

Флоръ Ѳедулицъ, милый! вѣдь я ни къ кому другому не обратилась, а прямо къ вамъ; цѣните это.

Флоръ Ѳедулычъ.

Цѣню-съ, очень цѣню.

Юлія.

Вѣдь расположеніе женщины только услугами можно приобрести.

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-съ, это правда.

Юлія.

Женщины капризны: чтобъ исполнить свой капризъ, онѣ на все готовы...

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-съ, это точно-съ.

Юлія (*подходитъ къ Флору Ѳедулычу*).

Женщины переменчивы, Флоръ Ѳедулычъ; я давеча отказывалась отъ вашихъ услугъ, а видите—теперь сама на нихъ напрашиваюсь. Я одумалась, милый Флоръ Ѳедулычъ; я замѣтила въ васъ такую нѣжность ко мнѣ... Вѣдь вы меня любите и желаете мнѣ добра?

Флоръ Ѳедулычъ.

Всею душой желаю добра-съ; оттого и денегъ не даю.

Юлія (*садится на ручку кресла, на которомъ сидитъ Флоръ Ѳедулычъ*).

Ну, голубчикъ Флоръ Ѳедулычъ! (*Обнимаетъ Флора Ѳедулыча*). Ну, милый мой!

Флоръ Ѳедулычъ (*освобождаясь*).

Извините-съ. Извольте садиться на мѣсто, Юлія Павловна! Мы и въ такихъ позиціяхъ дамъ видали; только ужъ это другой сортъ-съ; а вамъ не хорошо. Извольте садиться на кресло; я желаю быть къ вамъ со всѣмъ уваженіемъ.

Юлія (*садясь на кресло*).

Вы даже въ мою искренность не вѣрите!

Флоръ Ѳедулычъ.

И не вѣрю, и въ дуракахъ быть не хочу-съ. Вѣдь послѣ вы посягаетесь надо мной, скажете: на какую пустую штуку поддѣла старика! Да посягаетесь-то не одни.

Юлія.

Богъ съ вами!

Флоръ Ѳедулычъ.

Скажите: зачѣмъ вамъ деньги? скажите всю правду!

Юлія.

Обманывать я васъ не хочу, а и правды сказать не могу.

Флоръ Ѳедулычъ.

Въ такомъ случаѣ, кончимте этотъ разговоръ. Если кушать вамъ не угодно, такъ кофею не прикажете ли, или фруктовъ? Я прикажу сейчасъ подать.

Юлія.

Ахъ! ничего мнѣ не надо. Но поймите вы, что я безъ этихъ денегъ не могу вернуться домой.

Флоръ Ѳедулычъ.

Деньги эти не вамъ и не на дѣло-сь; онѣ будутъ брошены.

Юлія.

Что вамъ до того, кому онѣ нужны? Прошу я; ужь мое дѣло—куда я ихъ дѣну.

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ, не такъ разсуждать изволите. Прежде, чѣмъ просить, вы мнѣ дайте отчетъ-сь: куда вы дѣли тѣ деньги, которыя вашъ мужъ оставилъ!

Юлія.

Какъ? Вы требуете отъ меня отчета?

Флоръ Ѳедулычъ.

Да-сь. Да ненужно; я и безъ васъ знаю, куда деньги дѣлись: это исторія простая. Любовникъ долго не идетъ, день-другой не кажется — ну, сейчасъ посла за нимъ: «возьми что хочешь, только приходи! Мало тысячи, возьми двѣ!» Отчего же ему и не взять-сь? Потому и двухъ мало—бери пять, либо десять. Вотъ куда идутъ наши деньги-сь.

Юлія (*закрываетъ руками*).

Ахъ, Флоръ Ѳедулычъ!

Флоръ Ѳедулычъ!

А развѣ затѣмъ мужья женамъ капиталы-то оставляютъ! Нѣтъ-сь, они знаютъ, что женщины ужь добыть негдѣ, а жить ей барыней, сложа ручки, нужно. Мужъ копаетъ, да бережетъ для жены; его-то скупымъ, да скаредомъ прозовутъ, а любовника послѣ добрымъ бариномъ величать будутъ. На наши-то деньги они себѣ добрую славу и заслуживаютъ. Положимъ, слава неважная—все больше промежду извоцниками, да трактирными служителями; такъ имъ и то дорого, и то въ честь. Мужъ-то почему бережетъ деньги? Потому, что онъ исторію каждого рубля знаетъ, какъ онъ ему достался; а любовнику-то что жь не бросать деньги! Онъ, не считая, ихъ полной горстью въ карманъ кладетъ, не считая и бросаетъ. Такъ что-жъ за напасть! Зачѣмъ намъ себѣ въ удовольствіи отказывать! Ужь лучше прокутить самому—пусть меня добрымъ-то бариномъ зовутъ, а не любовника моей жены.

Ю л и я.

Можетъ быть, все это и правда, но...

Флоръ Федулычъ.

Но оставимъ этотъ разговоръ; онъ ни къ чему не поведетъ. Вамъ сегодня куда за городъ не 'угодно ли-сь?

Ю л и я.

Могу ли я!

Флоръ Федулычъ.

Нѣтъ, отчего же-сь! Погода благоприятная... Кадуджу послушать...

Ю л и я.

До того ли мнѣ, Флоръ Федулычъ?

Флоръ Федулычъ.

Любопытно-сь. Она—вредна-сь; эти женщины совсѣмъ особенны-сь. Тоже вотъ какъ-то была не надолго здѣсь одна итальянка въ этомъ родѣ—не мало удивленія производила-сь фигурой своей. И больше всѣхъ пѣвицъ брилліантовъ имѣла отъ разныхъ особъ за-границей.

Ю л и я.

Не мучьте вы меня. Спасите, Флоръ Федулычъ, умоляю васъ!

Флоръ Федулычъ.

Не могу-сь. У меня деньги дѣльные и на дѣло должны идти. Тутъ, можетъ быть, каждая копейка оплакана прежде, чѣмъ она попала въ мой сундукъ—такъ я ихъ цѣню-сь. А вашъ любовникъ броситъ ихъ въ трактиръ со свистомъ, съ хохотомъ, съ хвастовствомъ. У меня всѣ деньги расчитаны, всякому рублю свое мѣсто; излишекъ я бѣднымъ отдаю, а на мотовство, да на пьянство разнымъ аферистамъ—такой статьи расхода въ моихъ книгахъ нѣтъ-сь.

Ю л и я.

Отъ этихъ денегъ зависитъ все мое счастье.

Флоръ Федулычъ.

Не вѣрю-сь.

Ю л и я.

Это ужъ послѣдняя жертва, послѣдняя, которую я для него дѣлаю.

Флоръ Федулычъ.

Не вѣрю-сь. Эти деньги завтра же или даже нынче будутъ проиграны, и другія понадобятся.

Ю л и я.

Послѣдняя... Черезъ недѣлю наша свадьба; а если я этихъ денегъ не достану...

Флоръ Федулычъ.

Никакой свадьбы... Ничему я не вѣрю-сь.

Ю л и я (*сложивъ руки*).

Флоръ Федулычъ! Флоръ Федулычъ! умоляю васъ!
Флоръ Федулычъ.

Не могу-сь.

Ю л и я (*падая на колѣна*).

Флоръ Федулычъ, отъ васъ зависитъ счастье всей моей жизни.
Не погубите меня!

Флоръ Федулычъ (*хочетъ поднять ее*).

Что вы, что вы! помиуйте!

Ю л и я.

Нѣтъ, я не встану. Если вы дадите денегъ, я буду благо-
словлять васъ, какъ благодѣтеля, какъ отца. Если вы откажете,
вы будете причиной моей гибели... я проклянущу васъ... вы бу-
дете моимъ злодѣемъ...

Флоръ Федулычъ.

Нѣтъ, нѣтъ-сь... Замолчите, прошу васъ!.. Я не допущу, чтобъ
вы считали меня злодѣемъ-сь... (*Поднимаетъ Юлію Павловну*).
Много ли вамъ нужно-сь?

Ю л и я.

Шесть тысячъ.

Флоръ Федулычъ.

Шесть тысячъ-сь? И изъ такой малости вы себя унижаете!..
Вы—богатая, добрая, милая дама, Боже мой!

Ю л и я.

Для мужа можно на все рѣшиться.

Флоръ Федулычъ.

Все-таки дамѣ то, которая въ уваженіи... Нѣтъ, это груст-
но съ! Такіе пассажи только въ простонародіи приличны.

Ю л и я.

Моего стыда нѣто, кромѣ васъ, не знаетъ и, надѣюсь, не
узнаетъ; вы меня пощадите.

Флоръ Федулычъ.

Это будьте безъ сомнѣнія; только все-таки-сь... Теперь у ме-
ня къ вамъ просьба: я вамъ повѣрю эти деньги на слово; но
вы возьмите документъ непременно съ—такъ не отдавайте! Это—
мое условіе.

Ю л и я.

Хорошо, я возьму. (*Флоръ Федулычъ уходитъ въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ю л и я одна.

Ю л и я.

Думала я, что будетъ скверно, а такого стыда не ожидала.

Въ другой разъ просить денегъ не пойдешь — хоть кому отобьеть охоту. Гадко, стыдно... Какъ неловко, когда чувствуешь, что на лицѣ пятна отъ стыда выступаютъ (*прикладываетъ руки къ лицу*); стараешься сдержаться, а они еще больше разгораются. Ужь вынесъ бы онъ деньги поскорѣй; взять ихъ, да домой. (*Входитъ Флоръ Федулычъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Юлія Павловна и Флоръ Федулычъ.

Флоръ Федулычъ.

Вотъ извольте-съ. (*Подаетъ деньги*).

Юлія (*беретъ дрожащими руками деньги и торопливо прячетъ*).

Ахъ, благодарю васъ, благодарю. (*Крѣпко обнимаетъ и целуетъ Флора Федулыча*).

Флоръ Федулычъ (*тронутый*).

Этотъ поцѣлуй, Юлія Павловна, дорогого стоитъ. Да съ, это — отъ души.. дорогого стоитъ.

Юлія.

Вы мнѣ возвратили жизнь, вы мнѣ подарили счастье.

Флоръ Федулычъ.

Дорогого стоитъ вашъ поцѣлуй, дорогого-съ.

Юлія.

При первой возможности, я вамъ съ благодарностью, съ величайшей благодарностью.. и еще такой же поцѣлуй.

Флоръ Федулычъ.

Дорогъ, вашъ поцѣлуй, очень дорогъ; вы запомните мои слова! Очень дорогъ.

Юлія.

Прощайте, мой милый, добрый Флоръ Федулычъ!

Флоръ Федулычъ.

Я до сихъ поръ опомниться не могу. Я къ вамъ завтра-съ.

Юлія (*отворяя дверь въ залу*).

Милости просимъ. Ахъ, не провожайте меня. Вонъ идутъ ваши гости! Прощайте! (*Идетъ въ залу*).

Флоръ Федулычъ (*слѣдуя за ней*).

Дорогого стоитъ съ.

Юлія.

До свиданья, до свиданья! (*Убѣгаетъ. Входятъ: Глафира Фирсова, Лавръ Мироничъ, Ирина*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Флоръ Ѳедулычъ, Лавръ Мироннчъ, Глафира Фирсовна, *потомъ* Василій.

Глафира Фирсовна.

Ужь улётѣла пава-то?

Флоръ Ѳедулычъ.

Уѣхали-сь. Побесѣдовали и уѣхали; просилъ обѣдать—отказались, онѣ ужь кушали. Ирина Лавровна, вы имѣете желаніе поправиться господину Дульчину?

Ирина.

Какъ не желать, когда я имъ брежу и во снѣ, и на яву—Это—мой идолъ; я ему поклоняюсь.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я одобряю вашу выборъ-сь.

Ирина.

Но, дѣдушка, одного желанія мало.

Флоръ Ѳедулычъ.

Справедливо-сь. Для такихъ кавалеровъ первое дѣло: нужно одѣваться по самой послѣдней модѣ, чтобъ противъ журнала никакой отлички не было.

Ирина.

Я стараюсь, но...

Флоръ Ѳедулычъ.

Не имѣете средствъ? Мы это препятствіе устранимъ; моя обязанность, какъ близкаго родственника, помочь вамъ. (*Достаетъ деньги*). Позвольте предложить вамъ на этотъ предметъ пятьсотъ рублей. Понадобится еще, скажите только—отказу не будетъ.

Ирина.

Дѣдушка, вы такъ добры, что даже сверхъ ожиданій. (*Бросается Флору Ѳедулычу на шею*).

Глафира Фирсовна (*толкая локтемъ Лавра Мироннча*).

Понялъ?

Лавръ Мироннчъ.

Да съ, теперь я свою роль понимаю и разыграть ее съумѣю.

Василій (*сходя*).

Кушать готово-сь!

Флоръ Ѳедулычъ (*освободясь отъ объятій Ирины*).

(*Про себя*). Не то — разница большая! нѣтъ, тотъ дорогого стѣбитъ.

Ирина.

Что вы, дѣдушка, изволите говорить?

Флоръ Федулычъ.

Ничего-съ. Это у меня свои мысли. Кушать пожалуйста-съ!
(*Глафира Фирсова, Лазръ Мироничъ, Ирина идутъ къ дверямъ*).

Разница большая: тотъ подѣлуй дорогого стоитъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Думичъ.

Дергачевъ.

Лазръ Мироничъ.

Ирина.

Глафира Фирсова.

Флоръ Федулычъ.

Самый Салтамычъ, очень приличный мужчина, неопредѣленныхъ лѣтъ, физіономія азіатская.

Инокурова, богатая, очень полная и очень румяная вдова, лѣтъ за сорокъ.

Иногородный, купецъ средней руки; костюмъ и манеры провинціала.

Москвичъ, скромный посѣтитель клуба; ничѣмъ невѣдающаяся личность.

Наблюдатель, шершавый господинъ, лицо умное; оригиналь, но съ достоинствомъ.

Разносчикъ вѣстей, бойкій господинъ, имѣющій видъ чего-то полинявшаго: глаза блгають и весь постоянно въ движеніи.

Три пріятеля, постоянные посѣтители клуба, играющіе очень счастливо во всѣ игры: 1-й безукоризненно красивый и изящный юноша, 2-й—человѣкъ среднихъ лѣтъ, мясистая, блѣдная, геморoidalная физіономія, 3-й—старикъ, лисій, въ порывшемъ пальто, грязноватый.

Самардонъ } клубскіе лакеи.
Сергей }

Пестрая толпа кавалеровъ и дамъ въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ: отъ полуштанцевскихъ провинціальныхъ до парижскихъ послѣдней моды.

Клубная прислуга.

Августовская ясная ночь. Площадка клубнаго сада: по обѣ стороны—деревья; подлѣ нихъ—рядъ столбовъ, наверху которыхъ группы изъ освѣщенныхъ фонарей; между столбами протянута проволока съ висѣющими шарообразными бѣлыми фонарями; подлѣ столбовъ, по обѣ стороны—садовые скамейки и стулья; въ глубинѣ—эстрада для музыки; въ лѣвомъ углу сцены видимъ изъ-за деревьевъ нѣсколько ступеней съ перилами, что должно означать входъ въ зданіе клуба. Полное освѣщеніе.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

При поднятій занавѣсы, издали слышенъ шумъ кадрили; разнообразная толпа поднимается по лѣстницѣ въ зданіе клуба. На авансценѣ, съ правой стороны, сидитъ, развалясь, на скамьѣ, Наблюдатель, противъ него, на лѣвой сторонѣ, скромно сидитъ Москвичъ; Иногородный стоитъ посреди сцены въ недоумѣніи. Нѣсколько публики въ небольшихъ группахъ остается на сценѣ; между ними бѣгаетъ Разносчикъ вѣстей.

РАЗНОСЧИКЪ ВѢСТЕЙ (*подходя къ 1-й партіи*).

Слышали новость?

*

Одинъ изъ группы.

Какую?

Разносчикъ вѣстей.

Богатая невѣста проявилась.

Одинъ изъ группы.

Слышали, слышали. *(Вся группа уходитъ въ здание клуба).*

Разносчикъ вѣстей *(подходя ко 2-й группе).*

Богатая невѣста проявилась, господа.

Голосъ изъ 2-й группы.

И слышали, и видѣть имѣли счастье *(2-я группа уходитъ въ клуб).*

Разносчикъ вѣстей *(подходя къ 3-й группе).*

Слышали?

Голосъ изъ 3-й группы.

Слышали, слышали.

Разносчикъ вѣстей.

Да вѣдь пятьсотъ тысячъ, господа.

Голосъ изъ 3-й группы.

Знаемъ, знаемъ. *(3-я группа уходитъ въ клуб).*

Разносчикъ вѣстей *(подходя къ Наблюдателю).*

Слышали: Флоръ Оедуличъ дастъ за внучкой пятьсотъ тысячъ?

Наблюдатель.

То-есть общается; да и то едва ли правда.

Разносчикъ вѣстей.

Нѣтъ, дастъ.

Наблюдатель.

Не вѣрю.

Разносчикъ вѣстей.

Почему же?

Наблюдатель.

Время не такое.

Разносчикъ вѣстей.

Какое же время?

Наблюдатель.

А такое, въ которое общать пятьсотъ тысячъ еще можно, а ужъ дать нельзя.

Разносчикъ вѣстей.

Вы ничему не вѣрите и всегда спорите. А я вѣрно знаю *(Убѣгаетъ).*

Иногородный: (осматривается, потом подходит к Москвичу).

Музыка въ саду отошла-съ?

Москвичъ.

Отошла-съ.

Иногородный.

Что же теперь... куда мнѣ-съ?

Москвичъ.

Куда хотите: танцовать, въ карты играть, ужинать.

Иногородный.

Нѣтъ, извините, это я такъ только хотѣлъ спросить; здѣшнихъ обыкновеніевъ не знаемъ, потому мы—привязки.. А я такъ полагаю: теперь, по нашему—самое настоящее время выпить.

Москвичъ.

Это какъ вамъ угодно. Если жажду чувствуете, такъ выпейте.

Иногородный.

Все это справедливо; но позвольте-съ! Жажда жаждой, а еще вотъ какой резонъ: мы зачѣмъ въ Москву ѣдимъ-съ? За-чѣмъ собственно, чтобъ деньги прожить-съ. Такъ я боюсь, что мало дохода клубу доставлю. Вотъ почему пьемъ, собственно, изъ боязни. Только безъ компаніи не повадно-съ.

Москвичъ.

Такъ пощтите компанію.

Иногородный.

А ежли вы-съ?

Москвичъ.

Не знаю, какъ вамъ сказать.

Иногородный.

Подумайте, дѣло серьезно-съ.

Москвичъ (вставая).

Пожалуй! Меня уговорить не трудно.

Иногородный.

Въ буфетъ направимся, прямо къ источнику-съ?

Москвичъ.

Да, на половинныхъ издержкахъ.

Иногородный.

Что за складчина-съ! Раскутятся, не раскутятся, а и платить вамъ не позволю—за стыдъ себѣ поставлю. (Обращаясь къ Наблюдателю). Не угодно ли за компанію съ?

Наблюдалитель.

Я не пью.

ИНОГОРОДНЫЙ.

Можетъ, въ карты любите?

НАВЛЮДАТЕЛЬ.

И въ карты не люблю.

ИНОГОРОДНЫЙ.

Такъ вѣдь это одурь возьметъ такъ-то сидѣть.

НАВЛЮДАТЕЛЬ.

На людей смотрю.

ИНОГОРОДНЫЙ.

На насъ, провинціаловъ, а послѣ насъ въ газетѣ опубликуете?

НАВЛЮДАТЕЛЬ.

Богъ миловалъ, и этимъ не занимаюсь.

ИНОГОРОДНЫЙ.

Все-таки съ вами опасно. (*Москвичу*). Побѣжите поскорѣй отъ грѣха въ буфетъ-съ. (*Москвичъ и Иногородный уходятъ въ клубъ. Съ мстниціи сподитъ Дульчинъ и, пройдя несколько шаговъ, останавливается въ раздумьи; изъ-за деревьевъ выходитъ Дергачевъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

НАВЛЮДАТЕЛЬ, ДУЛЬЧИНЪ И ДЕРГАЧЕВЪ.

ДЕРГАЧЕВЪ (*издали*).

А, вотъ ты, наконецъ!

ДУЛЬЧИНЪ (*схватъ кулаки и съ дрожью въ юлосъ*).

Этакое идиотское счастье!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Я давно тебя дожидаюсь. (*Тихо*). Нѣтъ ли у тебя рубля се-ребромъ?

ДУЛЬЧИНЪ (*не слушая*).

Это ужасно!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Да что такое?

ДУЛЬЧИНЪ.

Сейчасъ въ пиветъ игралъ съ однимъ урокомъ. Вотъ тутъ и расчитывай на умѣнье! Нѣтъ, ужъ какъ повезетъ...

ДЕРГАЧЕВЪ.

Знакомый?

ДУЛЬЧИНЪ.

Какой знакомый! Лохматый какой-то, нечесанный, сюртукъ не-

чищенный, глаза оловянные, и вартъ-то держать въ рукахъ по-радочно не умѣть.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Сколько разъ я тебѣ говорилъ: не играй съ незнакомыми! Сколько разъ! Зачѣмъ играешь!

ДУЛЬЧИНЪ.

Съ совѣтами еще! Зачѣмъ играю, чтобъ выиграть. Не мѣшайся не въ свое дѣло!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Я потому говорю, Вадимъ, что люблю тебя. Вѣдь ужъ такого друга, какъ я, ты не найдешь. (*Тихо*). Нѣтъ ли у тебя рубля серебромъ?

ДУЛЬЧИНЪ (*не слушая*).

Вотъ, думаю, простачекъ попался, да самъ и проигралъ всѣ шесть королей. Да какіе короли-то! Меньше пятисотъ не было, да хвосты. Такую онъ за мной ариметику вывелъ...

ДЕРГАЧЕВЪ.

Только шесть королей и играли?

ДУЛЬЧИНЪ.

Не сталъ больше. Я, говорить, ужинать хочу. Я подождать, поглядѣлъ на него. Выпилъ онъ рюмокъ пять водки, съѣлъ порцію поросенка, потомъ другую—все того же поросенка, спросилъ кружку квасу, закурилъ грошевую сигару, да, кажется, еще не съ того конца.—Угодно продолжать? говорю.—«Нѣтъ, говорить я не въ расположеніи», и отвернулся отъ меня. Какое гусь!

ДЕРГАЧЕВЪ.

По пятачку играли?

ДУЛЬЧИНЪ.

По десяти.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Значить, ты около тысячи рублей проигралъ?

ДУЛЬЧИНЪ.

Больше. Такой сегодня несчастный день для меня. Ужъ это я знаю: какъ пойдетъ, такъ только держись.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ты меня пугаешь. Что такое еще съ тобой случилось?

ДУЛЬЧИНЪ.

А то же, что получилъ я нынче шесть тысячъ рублей...

ДЕРГАЧЕВЪ.

Шесть тысячъ?

ДУЛЬЧИНЪ.

Что тутъ удивительнаго? Что ты ротъ-то разинулъ? Велики для меня деньги—шесть тысячъ!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Нѣтъ, а такъ... Конечно, что за деньги! (Тиво). Нѣтъ ли у тебя рубля серебромъ?

Дульчинъ (не слушая).

И повезъ ихъ Салаю Салтанчы—долженъ я ему—и, какъ на грѣхъ, не засталъ его дома. Вернулся домой, а тутъ у меня пріятели сидятъ, банкъ мечутъ, золото по столу разсыпано. «Пристань, да пристань». И не хотѣлъ, клянусь тебѣ, не хотѣлъ... Дернуло какъ-то поставитъ карточку одну-другую, и просядиль около трехъ тысячъ. А надо долтъ платитъ: завтра—срокъ, хотъ въ петлю полъзай! Достаю мнѣ денегъ!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Гдѣ-жъ я достану? Я бы радъ радостью, да негдѣ. Вотъ Салай Салтанчы идетъ. Послушай: дай мнѣ, пожалуйста, рубль серебромъ!

Дульчинъ (достаётъ портмонё).

Хорошо, дамъ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Я тебя здѣсь подожду. Кони что нужно, ты такъ и знай: я буду здѣсь. Только не играй въ карты, сдѣлавъ милость! Когда ты играешь, у меня всегда волненіе.

Дульчинъ (даётъ деньги).

На! Убирайся ты съ своимъ волненіемъ! Надобѣтъ. (Дергачевъ уходитъ въ клубъ. Изъ-за деревца выходитъ Салай Салтанчы.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, ДУЛЬЧИНЪ И САЛАЙ САЛТАНЧЪ.

Дульчинъ.

Гдѣ тебя чортъ носитъ?

САЛАЙ САЛТАНЧЪ (съ неудовольствіемъ).

Что я тебѣ? Здѣсь я.

Дульчинъ.

Вижу, что здѣсь. Давеча гдѣ былъ? Я заѣзжалъ къ тебѣ.

САЛАЙ САЛТАНЧЪ.

Что тебѣ? Зачѣмъ я тебѣ?

Дульчинъ.

Я тебѣ деньги привозилъ, заплатитъ хотѣлъ.

САЛАЙ САЛТАНЧЪ.

Зачѣмъ торопиться? Не надо торопиться! Завтра получу.

Дульчинъ.

Да, получишь! какъ же! Держи карманъ-то! Было бы что получить-то.

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ.

А мнѣ что! У меня документъ: не заплатишь, заставить заплатить.

Дульчинъ.

Послушай, Салай Салтаннъчъ: да неужели подождать не можешь?

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ.

Чего ждать? Себѣ деньги нужны. Вамъ давай, васъ жди, а самъ занимай! Теперь всѣмъ нужно; хорошіе люди, вѣрные просать.

Дульчинъ.

Подожди хоть мѣсяцъ!

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ.

Зачѣмъ пустяки говорить? Теперь нѣтъ, а черезъ мѣсяцъ гдѣ возьмешь?

Дульчинъ.

Юлія Павловна заплатитъ.

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ.

Шути, шути! Былъ ей кредитъ; послѣдній домъ заложила—какой кредитъ?

Дульчинъ.

Да у нея еще довольно осталось.

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ.

Осталось—заплати сейчасъ, а ждать мѣсяцъ—ничего не будетъ: все промотаешь.

Дульчинъ.

Ну, дѣлай, какъ знаешь. Провались ты! Ты меня ограбляй и не хочешь никакого одолженія сдѣлать.

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ.

Люди берутъ деньги, спасибо скажутъ, а тебѣ давай, ты бранишь. А что ты былъ? Я тебѣ жизнь давалъ, человѣкомъ дѣлалъ. Кабы умѣнь былъ—баринкомъ жилъ: и тебѣ хорошо, и мнѣ хорошо. Кто виноватъ? Самъ себя бьетъ, кто нечисто жнетъ.

Дульчинъ.

А вотъ я застрѣлюсь завтра—вотъ ты и знай!

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ.

А мнѣ что—стрѣлай! Была не была—все одно. Мнѣ что жалеть! Ты не будешь, другой будетъ—все равно.

Дульчинъ.

Вотъ я лучше тебя: ты меня не жалѣешь, а я тебя жалѣю и люблю, и докажу это.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Что говоришь? чѣмъ докажешь?

ДУЛЬЧИНЪ.

А вотъ, Богъ дастъ, ты будешь въ острогѣ сидѣть, а тебя навѣщу и калачикъ подамъ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Спасибо, спасибо! Я тебя прежде навѣщу, пять копеекъ калачъ принесу.

ДУЛЬЧИНЪ.

А ты слышалъ: говорятъ, Прибытковъ за внучкой пятьсотъ тысячъ даетъ?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Слышалъ; говорятъ. Кто говорить, какой народъ, кому вѣрить? Дѣдушка здѣсь, я спрошу. Онъ скажетъ—можно вѣрить: купецъ обстоятельный. Я пойду его исвать, ужинать съ нимъ надо. *(Дульчинъ отходитъ въ глубину къ лѣстницѣ).*

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Салай Салтанычъ!

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

А, зкравствуй! Что тебѣ?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Ты не безпокойся: ты съ Дульчина деньги получишь.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Почемъ знаешь?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Получишь. Только не отгуда, откуда думаешь.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Тебѣ повѣрю, ты все знаешь.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Навѣрно получишь, будь покоенъ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Хорошо, будемъ ждать *(Уходитъ. Изъ клуба выходятъ: Глафира Фирсовна и Пивокурова).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, ДУЛЬЧИНЪ, ГЛАФИРА ФИРСОВНА И ПИВОКУРОВА.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА *(Дульчину).*

А, соколъ ясный! сто лѣтъ не видались!

ДУЛЬЧИНЪ.

Меньше, Глафира Фирсовна.

Пивокурова.

Ахъ, какой мужчина! *(Закрывается экранъ и смѣется).*

Дульчинъ.

Что это за дама съ вами?

Глафира Фирсовна.

Это—Пивокурова, богатая вдова, добрѣйшей души женщина.

Дульчинъ.

Чему-жь она смѣется?

Глафира Фирсовна.

Какъ тебѣ сказать, чтобъ не солгать? Она, видишь ли, къ вечеру немножечко въ куражѣ бываетъ—вотъ ей и весело. А осуждать ее за это нельзя. Самъ посуди: вдова, случаетъ; да и кто-жь безъ грѣха! Жениха теперь ищетъ, больно соскучилась. Вотъ невѣста—золотая!

Пивокурова.

Ахъ, какой мужчина! *(Закрывается экранъ).*

Дульчинъ.

Золотая-то здѣсь другая, а не эта.

Глафира Фирсовна.

Какая же?

Дульчинъ.

Прибыткова.

Глафира Фирсовна.

Та-та-та! Высоко, братъ, высоко, не достанешь. Ты руби дерево-то, чтобъ подъ силу было. Та—внуческая невѣста.

Дульчинъ.

Да я объ ней и не думаю.

Глафира Фирсовна.

Какъ чай, не думать! Вѣдь за ней Флоръ Оедулычъ миллионъ дастъ.

Дульчинъ.

Много меньше, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна.

Кому говоришь! Она—мнѣ племянница, такъ мнѣ вѣрнѣе знать. Не хочешь ли съ нами?

Дульчинъ.

Да вы куда?

Глафира Фирсовна.

Ужинать хотимъ, давно позывають; такъ въ одно мѣсто слетаемся, подъ березками. Нашъ компанія будетъ большая.

Дульчинъ.

Пожалуй, я провожу васъ.

Глафира Фирсовна *(Пивокуровой).*

Пава, пойдемъ!

Пивонурова (встала на Дульчина).

Ахъ, врасота! (Закрывается въстремъ. Дульчина; Глафира Фурсова, Пивокурова уходятъ подъ деревья нальво. Изъ клуба выходитъ публикъ и остается въ клубнѣ площадке. На авансцену выходятъ: Разноочникъ востей, Иногородный, Москвичъ).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, РАЗНООЧНИКЪ ВОСТЕЙ, МОСКВИЧЪ,
ИНОГОРОДНЫЙ, публикъ, прислуха.

РАЗНООЧНИКЪ ВОСТЕЙ (Наблюдателю).

Еще невѣста, слышали?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Мало ль ихъ здѣсь!

РАЗНООЧНИКЪ ВОСТЕЙ.

Я знаю, что много; да о нихъ не стоить говорить; а эта съ большими достоинствами.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Пивокурова, что ли?

РАЗНООЧНИКЪ ВОСТЕЙ.

Да, вдова Пивокурова съ большимъ капиталомъ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Повадилась по клубамъ да по гуляньямъ—такъ отберуть капиталъ-то.

ИНОГОРОДНЫЙ.

Какъ отберуть-съ?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Такъ и отберуть, какъ отбираютъ: руками. Вы науку политическую экономію знаете?

ИНОГОРОДНЫЙ.

Домашнюю экономію знаемъ и наблюдаемъ-съ, а о политической у насъ, въ провинціи, не слыгать-съ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Эта наука требуетъ, чтобъ земли не было, чтобъ капиталы не застаивались безъ обращенія. Значить, нельзя допустить, чтобъ вдова какая-нибудь, получивши послѣ мужа деньги, сѣла на нихъ, какъ наследва на ящикахъ. Надо ихъ на волю пустить, въ обращеніе.

ИНОГОРОДНЫЙ.

Наука хорошая-съ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Хорошая, и у насъ въ Москвѣ ее твердо знаютъ.

МОСКВИЧЪ.

Смирнѣй надо сидѣть съ деньгами-то, такъ цѣлѣй будутъ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

И смиренство не помогаетъ.

РАВНОСЧИЕЪ ВЪСТЕЙ.

Недавно и смирнннцу одну обобрали.

ИНОГОРОДНЫЙ.

Это какъ же-съ?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Подпускомъ, какъ на Волгѣ рыбу ловить.

РАВНОСЧИЕЪ ВЪСТЕЙ.

Сыскали молодого человѣка, красиваго, омовировали его, дали денегъ тысячи три-четыре; а онъ за это въ благодарность выдалъ векселей на пятьдесятъ тысячъ. Посадили его въ тюрьму и подпустили въ видѣ жениха, богатаго помѣщика.

ИНОГОРОДНЫЙ.

И что же-съ?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Мѣсяца черезъ два она и залетела за него всѣ деньги по векселямъ-то.

ИНОГОРОДНЫЙ.

Разсчетъ тонкій: безъ ума такого дѣла не сдѣлаешь.

РАВНОСЧИЕЪ ВЪСТЕЙ.

Вѣдь это только догадки, а я слышалъ, что у него у самого большое состояніе.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Надо у Салая Салтанчыча спросить, какое у него состояніе-то.

РАВНОСЧИЕЪ ВЪСТЕЙ.

Да Салай-то и говорить.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Ну, значить, кого-нибудь еще ограбить собираются.

ИНОГОРОДНЫЙ.

Я вотъ здѣсь въ первый разъ; и только какое это заведеніе безподобное-съ!

МОСКВИЧЪ.

Чего лучше!

ИНОГОРОДНЫЙ (съ чувствомъ).

Водка, возьмите!

МОСКВИЧЪ.

Гдѣ-жь ей и быть!

ИНОГОРОДНЫЙ (съ наивосомъ).

Въ мірѣ нѣтъ-съ!

МОСКВИЧЪ.

На то—Москва.

Иногородный.

Опять моды! Боже мой!

Москвичъ.

Моды парижскія.

Иногородный.

Извольте видѣть! Шутка! Теперь, пожалуйста скажите, дамы, барышни какія!

Москвичъ.

Ну, это вамъ такъ съ дороги показалось. Развѣ чѣмъ другимъ, а этимъ похвалиться не можемъ.

Иногородный.

Нѣтъ, напрасно. Сейчасъ вотъ эта самая вдова Пивокурова—страсти! Вся, какъ жаръ, горитъ; одно слово: пышность. Можетъ, по московскому вкусу она не придется.

Москвичъ.

Нѣтъ, ничего; и у насъ не побрезгаютъ.

Наблюдатель.

А знаете: кто женится на Пивокуровой?

Разносчикъ вѣстей.

Какъ узнаешь? Она и сама-то не знаетъ: мечется, какъ угорѣлая.

Наблюдатель.

Дульчинъ.

Разносчикъ вѣстей.

Ничего нѣтъ похожаго; невозможно; у него совсѣмъ другіе планы.

Наблюдатель.

А вотъ посмотрите.

Разносчикъ вѣстей.

Ни подѣ какимъ видомъ. *(За сценой шумъ; публика, Разносчикъ вѣстей уходятъ въ клубъ).*

Иногородный *(Москвичу)*.

Не пройтись ли намъ?

Москвичъ.

Опять къ источнику?

Иногородный.

Ужъ что-жь отъ него уклоняться? Тепло, покойно, учтивость необыкновенная. Потому и тянетъ, что я учтивость люблю. Кабы не было учтивости, меня бы туда валачемъ не заманить.

Москвичъ.

Пожалуй, пойдемте.

Иногородный *(Наблюдателю)*.

Вамъ не угодно-съ?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Не угодно.

ИНОГОРОДНЫЙ.

А мы пойдемъ-съ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Сдѣлайте одолженіе.

ИНОГОРОДНЫЙ.

Нѣтъ, позвольте. Вы не подумайте! Время къ ночи; надо противъ сырости) какія-нибудь мѣры принимать, аль нѣтъ-съ? Вотъ какое дѣло, а не то что-съ. (*Иногородный и Москвичъ уходятъ въ клубъ. Съ лѣвой выходятъ: Лавръ Мироничъ, Дульчинъ, Глафира Фирсовна, Ирина*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, Лавръ Мироничъ, Глафира Фирсовна, Дульчинъ, Ирина, *прислуга*: Савердонъ и Сергѣй, *потомъ* Салай Салтаничъ.

Лавръ Мироничъ (*махнетъ манея. Дульчинъ подѣ руку съ Ириной уходятъ въ клубъ, Глафира Фирсовна подалъ*).

Ей, ты, фрячекъ! Фалдочки! Какую прислугу держать! Факельщики какіе-то вмѣсто официантовъ! Эй, любезный, оглянись! Шевелись, братецъ!

САВЕРДОНЪ (*подходя*).

Что угодно-съ?

Лавръ Мироничъ.

Звѣзды считаешь, любезный? Не трудись, сосчитаны. Какъ зовутъ тебя?

САВЕРДОНЪ.

Савердонъ-съ.

Лавръ Мироничъ.

Какъ, какъ?

САВЕРДОНЪ.

Савердонъ-съ.

Лавръ Мироничъ.

Ну, ступай съ Богомъ!

САВЕРДОНЪ.

Помилуйте, за что же! Я могу-съ...

Лавръ Мироничъ.

Коли я теперь, трезвый, твое имя не скоро выговорю, какъ же я съ тобой послѣ ужина буду разговаривать? Мы съ дамами ужинаемъ, любезный. Что мнѣ за nevoля здѣсь-то повторять да конфузиться. Я прѣдаль сюда, чтобъ въ удовольствіи время прожить. Ступай, ступай! (*Машетъ друтому служителю*). Эй, малый! (*Подходитъ Сергѣй*).

СЕРГѢЙ.

Что прикажете?

Лавръ Мироничъ.

Какъ дразнить-то тебя?

СЕРГѢЙ.

Сергѣемъ-съ.

Лавръ Мироничъ.

Ну, такъ вотъ что, Сережа: служи!

СЕРГѢЙ.

Будемъ стараться-съ.

Лавръ Мироничъ.

Ты прежде пойми насъ!

СЕРГѢЙ.

Кажется, могу-съ. Не ль первый разъ; служилъ господамъ-съ.

Лавръ Мироничъ.

Вонъ тамъ, подь березками закуски сформируй!

СЕРГѢЙ.

Слушаю-съ. (*Внимаетъ книжку и карандашъ*).

Лавръ Мироничъ.

Пиши! Водка всѣхъ сортовъ, вышнихъ только. Зернистая шкра...

СЕРГѢЙ.

На сколько персонъ прикажете?

Лавръ Мироничъ.

Не перебивай! Твое дѣло—слушать, а еще цохвастался, что господамъ служилъ!

СЕРГѢЙ.

Виновать-съ.

Лавръ Мироничъ.

Честерь. Селедокъ не надо, сардинокъ тоже. Анчоусы есть?

СЕРГѢЙ.

Спрошу-съ.

Лавръ Мироничъ.

Оливки фаршированные, омаръ въ соку... Ну, понялъ теперь, что намъ нужно; такъ ужъ самъ подумай—не все тебѣ сказывать.

СЕРГѢЙ.

Слушаю съ.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Да вотъ еще: головку подай порсячью! Мы мозжечекъ вынемъ, язычка покромимъ помельче, тронемъ перцемъ, да маленькія тартинки и намажемъ.

СЕРГѢЙ.

Закуска высокая-съ.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Въ разсужденія не вступай! Господамъ служилъ! Либо господа у тебя плохи были, либо господа-то хорошіе, да ты-то плохъ былъ.

СЕРГѢЙ.

Виновать-съ.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Да закажи ужинъ варяжъе, чтобъ не дожидаться; чтобъ шло какъ по маслу, безъ антрактовъ. Дай карту! *(Сергей подаетъ. Лавръ Мироничъ разсматриваетъ карту).*

ИРИНА.

Папа занимаетсяужиномъ, какъ серьезнымъ дѣломъ. Какъ это смѣшно.

ДУЛЬЧИНЪ.

А для васъ ужинъ — не серьезное дѣло?

ИРИНА.

Нѣтъ, я живу только поэзіей, самой высокой поэзіей. Что такое ужинъ? Проза. Вотъ луна, звѣзды...

ДУЛЬЧИНЪ.

Да что въ нихъ хорошаго? Газъ лучше, свѣтлѣе.

ИРИНА.

Ахъ, нѣтъ. Особенно когда подлѣ тебя человекъ, который...

ДУЛЬЧИНЪ.

Который что?

ИРИНА.

Не хочу отвѣчать. Что вы меня экзаменуете! *(Она идетъ съ глубины).*

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ *(слытъ).*

Пиши! Бѣфъ аля модъ съ трюфелями, стерляди паровья, вальдшнепы, жареные въ кострюлякъ. Да чтобъ ворчали, когда подаешь.

СЕРГѢЙ.

Понимаю съ!

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Все это персонъ на двѣнадцать. Скажи поварамъ, что купать

будутъ: Флоръ Оедулычъ и Лавръ Мироничъ. Насъ знаютъ. Да чтобъ послѣ ужина приходили получать пять рублей на водку.

СЕРГѢЙ.

Слушаю-съ.

Лавръ Мироничъ.

Вмѣсто пирожного—виноградъ и фрукты въ вазахъ. Персики чтобъ спѣлые! А то вы подаете какую-то рѣпу вмѣсто персиковъ. Да поставь два ананаса съ зеленью, для декораціи.

СЕРГѢЙ.

Слушаю-съ.

Лавръ Мироничъ.

Теперь вина. Къ говядинѣ лафитъ самый высшій; дамамъ—особенно подать послаще чегонибудь... Ивемъ, тоже высшій. Да смотри: какъ у дамъ вино доходить—сейчасъ чтобъ другая, да перемѣная такъ, чтобъ глазомъ нельзя замѣтить.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Какъ объ насъ-то, голубчикъ, старается!

Лавръ Мироничъ.

Ты Германа фокусника видѣлъ? Бутылка одна, но чтобъ безвонечная; чтобъ двухъ бутылокъ передъ дамами не стояло! Боже тебя сохрани!

СЕРГѢЙ.

Понимаемъ. Помилуйте съ!

Лавръ Мироничъ.

Послѣ лафиту—прямо шампанское. *(Дульчину)* Вѣдь такъ, я думаю? *(Дульчину киваетъ юнкой)*. И чтобъ это непрерывно! *(Салай Салтанчъ выходитъ изъ-за деревца и остаивается сзади Лавра Миронича, который его не замѣчаетъ)*. Какъ по стакану разольешь—пустыя бутылки прочь, чтобъ пара свѣжикъ стояла; такъ постепенно и подставляй! Какъ ты ставишь, какъ откупориваешь—этого чтобъ я не видаю, а чтобъ двѣ свѣжикъ на столѣ постоянно были; а пустой посуды—ни подъ какимъ видомъ, чтобъ она исчезала. Слышишь: двѣ—ни больше, ни меньше! Мы пріѣхали поужинать и выпить, а не хвастаться. Къ намъ будутъ разные господа подходить, такъ чтобъ видѣли, что ужинъ богатый, а скромный: фруктовъ много, а вина мало.

СЕРГѢЙ.

Слушаю-съ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ *(Лавру Мироничу)*.

Кутимъ?

Лавръ Мироничъ *(пожимая плечами)*.

Вотъ народъ! Нельзя и поужинать порядочно—сейчасъ кутимъ! Когда я дождусь, что вы образованнѣе будете?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Чего тебѣ ждать! Кути, кути!

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.³

Не могу же я копеечничать по твоему; у меня другія привычки. (*Тихо*). Дочь—невеста, пойми! И не радъ, да тратишься. Намъ надо жениха не какого-нибудь: дѣдушка принимаетъ большое участіе.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ (*тихо*).

Женихъ есть?

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Нѣтъ еще. Куда торопиться? Не намъ съ Флоромъ Оедульчемъ за женихами сбѣгать: пусть за нами побѣгаютъ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ (*Сергью*).

Кажи, что написалъ? (*Сергій подаетъ книжку*).

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Да, посмотримъ еще! Ты всю-то жизнь насчетъ должиновъ и обѣдаешь, и ужинаешь, твое навострился: вкусъ знаешь. (*Разсматриваютъ книжку. Дульчинъ и Ирина выходятъ на авансцену, Глафира Фирсовна за ними*).

ИРИНА.

Пойдемте танцовать!

ДУЛЬЧИНЪ.

Нѣтъ, ужъ увольте! Это занятіе для меня никакого интереса не представляетъ. Мало ли кавалеровъ?

ИРИНА.

Я знаю, что много; да какіе! Ахъ, еслибъ женщины ангажировали!

ДУЛЬЧИНЪ.

Что-жъ бы было?

ИРИНА.

Я бы васъ ангажировала.

ДУЛЬЧИНЪ.

Польку танцовать?

ИРИНА (*со вздохомъ*).

Нѣтъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Что же? На звѣзды смотрѣть?

ИРИНА.

Нѣтъ. На всю жизнь.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А ты слушай, да на усъ мотай!

ИРИНА.

Наша участь очень печальна: не мы ангажируемъ, а насъ

*

ангажируютъ. Наше дѣло: сидѣть у косящата окна, мечтать, вздыхать и ждать счастья.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А ты слушай, да себѣ на усъ мотай. *(Проходятъ въ глубину).*

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ *(отдаетъ книжку Сергю).*

Хорошо! чего еще? Закуску прибавь: балыкъ. Хорошій есть, съ Дону пришелъ.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Благодарю. Забылъ, изъ ума вонъ. Ты съ нами ужинаешь, Салай?

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ.

Куда еще пойду! Конечно.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ *(Дульчину).*

Вадимъ Григорьевичъ, вы сдѣлаете намъ честь, откушаете съ нами? Позвольте васъ просить!

ДУЛЬЧИНЪ *(издаст).*

Благодарю васъ. Съ удовольствіемъ.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ *(Сергю).*

Пойдемъ, я тебѣ покажу мѣсто! *(Лавръ Мироничъ и Сергій уходятъ. Входятъ Дергачевъ и три пріятели: Молодой, Средній и Старый).*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, ДУЛЬЧИНЪ, ИРИНА, ГЛАФИРА ФИРСОВНА, ДЕРГАЧЕВЪ, *три пріятели: Молодой, Средній, Старый, прислуга.*

МОЛОДОЙ *(Дульчину).*

Мы идемъ въ макао играть, недостаетъ четвертаго; не угодилъ вамъ?

ДУЛЬЧИНЪ.

Хорошо, господа, я приду.

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ *(Дульчину тихо).*

Не равна игра, не играй!

МОЛОДОЙ.

Такъ мы сядемъ, подождать, что ли?

ДУЛЬЧИНЪ.

Садитесь! Ужь я сказалъ, что приду.

САЛАЙ САЛТАННЪЧЪ.

Пройграть можно, выиграть нельзя. Какая игра! *(Пожимаетъ плечами и уходитъ).*

СРЕДНИЙ.

Да что-жь! не въ ноги ему кланяться. Пойдите, четвертаго найдите.

СТАРЫЙ (*Дульчину*).

Мы васъ подождемъ. Миѣ-то вотъ ужъ не надо бы играть, не надо бы. Пронграю навѣрное, ужъ я это знаю: быть бычку на веревочкѣ!

ДУЛЬЧИНЪ.

Почему же?

СТАРЫЙ.

Пригѣта есть: сонъ не хорошъ видѣль. Приходите! (*Три пріятеля уходятъ въ клубъ*).

ДУЛЬЧИНЪ (*Ирина*).

Извините, я долженъ буду васъ оставить.

ИРИНА (*пожимая плечами*).

Играть! Неужели игра можетъ занимать васъ?

ДУЛЬЧИНЪ.

Жизнь наша—такая скучная, такая пошлая, а карты производятъ нѣкоторое волненіе; я эти ощущенія люблю.

ИРИНА.

Какія это ощущенія! (*Потупясь*). Развѣ нѣтъ ощущеній, которыя гораздо пріятнѣе? (*Быстро*). Такъ вотъ проиграете же за это.

ДУЛЬЧИНЪ.

За что «за это»?

ИРИНА.

Что меня оставляете. А во-вторыхъ... кто въ любви счастливъ, тотъ несчастливъ въ картахъ. (*Отходитъ*).

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А ты слушай, да на усъ мотай! (*Глафира Фирсовна и Ирина уходятъ нальсо*).

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ты опять играть? Охъ, не совѣтую, Вадимъ, не совѣтую.

ДУЛЬЧИНЪ.

Поди ты прочь! Я люблю игру—вотъ и все. Миѣ теперь нужно играть и рисковать: можетъ быть, я и выиграю. Гдѣ-жь я возьму денегъ? ты, что-ль, миѣ дашь?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ну, какъ знаешь, какъ знаешь. Конечно, нужно рискнуть; ты правъ, Вадимъ. Нѣтъ ли у тебя двухъ рублей серебромъ?

ДУЛЬЧИНЪ.

Ты вотъ только съ совѣтами лѣзть, да денегъ просить! И на-шелъ время просить! Я иду играть, а онъ денегъ просить!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Здѣсь нельзя безъ издержекъ; а вѣдь я ѣзжу только для тебя.

ДУЛЬЧИНЪ.

Да зятѣмъ ты мнѣ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ну, все-таки. Я хоть посижу подлѣ тебя для счастья: это иногда много значить. *(Дульчинъ и Дергачевъ уходятъ въ клубъ. Приливъ тубмки изъ клуба. На авансцену выходятъ: Разносчикъ вѣстей, Москвичъ и Иногородный).*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, РАЗНОСЧИКЪ ВѢСТЕЙ, МОСКВИЧЪ, ИНОГОРОДНЫЙ, тубмка.

РАЗНОСЧИКЪ ВѢСТЕЙ *(Наблюдателю)*.

Слышали? Здѣсь двѣ компаніи кутить собираются.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

На здоровье!

РАЗНОСЧИКЪ ВѢСТЕЙ.

Послѣ въ Стрѣльну пойдутъ. Вотъ бы примазаться.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Не совѣтую.

РАЗНОСЧИКЪ ВѢСТЕЙ.

Отъ чего же?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Надо знать, на какія деньги кутятъ.

РАЗНОСЧИКЪ ВѢСТЕЙ.

Да развѣ не все равно?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Нѣтъ, не все равно; деньги разные бываютъ. Прежде покутить любо было. Прежде деньги были веселыя, хорошія такія, барскія. Гдѣ бывало, кутятъ, гдѣ бросаютъ деньги—туда смѣло иди! Тамъ и знаешь, что компанія хорошая, люди довѣрчивые, великодушные, безхитростные, какъ птицы небесныя, которые не сѣютъ, не жнутъ, ни въ житницы не собираютъ.

ИНОГОРОДНЫЙ.

А ежели не сѣютъ, откуда-жъ у нихъ деньги были?

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Деньги имъ обязаны были доставлять тѣ, которые и сѣютъ, и жнутъ, и въ житницы собираютъ.

Иногородный.

Все это вы вѣрно говорите, вотъ какъ есть.

Наблюдатель.

А теперь: гдѣ кутать, такъ, по большей части, дѣло не очень чисто; а иногда и прокурорскій надзоръ, того гляди, себя занятіе найдетъ.

Разносчикъ встаетъ.

Да вѣдь такую компанію съ разу замѣтишь.

Наблюдатель.

Не замѣтите; вы—плохой фізіономистъ. Читаетъ газеты: такой-то уличенъ въ поддѣлвѣ векселей, такой-то кассиръ скрылся, а въ кассѣ недочету тысячъ двѣсти, такой-то застрѣлился... Кто прежде всего удивляется? Знакомые. «Помилуйте, говорятъ:—я вчера съ нимъ ужиналъ.—А я игралъ въ преферансъ по двѣ копейки.—А я ѣздилъ съ нимъ за городъ, и ничего не было замѣтно». Нѣтъ, пока фізіономія не сдѣлалась точной наукой, отъ такихъ компаній лучше подальше.

Разносчикъ встаетъ.

Вы—скептикъ, вы—мизантропъ, съ вами разговаривать нельзя, вамъ лечиться нужно. *(За сценой шумъ; публика и Разносчикъ этакимъ уходятъ въ клубъ).*

Иногородный *(Наблюдателю).*

Наша компанія не опасная съ; не угодно ли?

Наблюдатель.

Не угодно.

Иногородный.

Опять таки не угодно-съ?

Наблюдатель.

Опять-таки.

Москвичъ *(Иногородному).*

Нѣтъ, ужъ теперь позвольте мнѣ! Пора и честь знать.

Иногородный.

На все ваша воля! Слова не услышите. Я и угощать люблю, си отъ угощенья никогда не бѣгаю.

Москвичъ.

Опять туда же, къ источнику, въ буфетъ?

Иногородный.

Да помилуйте! Мѣсто какое! Кажется, кабы не жена, да не торговля, жить бы туда переѣхалъ. *(Москвичъ и Иногородный уходятъ. Съ лѣва выходятъ: Флоръ, Оздуличъ и Салай Салтаныхъ).*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

НАВЛЮДАТЕЛЬ, ФЛОРЪ ОВДУЛЫЧЪ И САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Рѣдко ѣдешь, Флоръ Овдулычъ. Зачѣмъ прѣхалъ?

Флоръ Овдулычъ.

Погулять, Салай Салтанычъ, погулять.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Гулай, гулай! Съ вучкой вмѣстѣ прѣхалъ?

Флоръ Овдулычъ.

Нѣтъ, однакъ-съ, она съ отцомъ. Я, Салай Салтанычъ—вольная птица, какъ и вы-съ, то есть какъ ты. Кто же вамъ «вы» говоритъ!

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Все равно, и мы такъ говоримъ. Хорошая дѣвушка.

Флоръ Овдулычъ.

Недурна-съ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Надо женихъ искать, надо замужъ отдать, самый пора.

Флоръ Овдулычъ.

Отдадимъ, Салай Салтанычъ, не безпокойся!

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Хорошій женихъ—много денегъ надо.

Флоръ Овдулычъ.

Наше дѣло: у тебя занимать не станемъ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Зачѣмъ тебѣ занимать. Свои деньги дашь.

Флоръ Овдулычъ.

Хочу подумать объ этомъ; дѣло не чужое-съ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Много дашь?

Флоръ Овдулычъ.

Не обижу.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

И сто тысячъ дашь—не обидишь, и пять тысячъ дашь—не обидишь. Деньги—какая обида!

Флоръ Овдулычъ.

Глядя по жениху и деньги будутъ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Что скрываешь? Зачѣмъ скрываешь?

Флоръ Ѳвдулычъ.

Вѣдь не ты женишься. Да за тебя и не отдадимъ— очень намъ нужно азіатцевъ-то разводить! Ничего не даю, ничего-съ.

Салай Салтанычъ.

Шутишь, шутишь! Есть благородные женихи.

Флоръ Ѳвдулычъ:

А съ благородными благородный и разговоръ будетъ; а съ тобой, Салай Салтанычъ, мы этотъ разговоръ кончимъ.

Салай Салтанычъ.

Водка пить?

Флоръ Ѳвдулычъ.

Нѣтъ еще, своего часу дожидаюсь.

Салай Салтанычъ.

Пойдемъ! Балыкъ есть, съ Дону пришелъ. *(Флоръ Ѳвдулычъ и Салай Салтанычъ уходятъ. Изъ клуба выходятъ: Дульчинъ и Дергачевъ.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Наблюдатель, Дульчинъ и Дергачевъ.

Дульчинъ.

Вотъ это ловко! Въ десять минутъ... не томили долго.

Дергачевъ.

Я тебѣ говорилъ.

Дульчинъ.

Убирайся! Ну, музыка, вѣчего сказать! И какой разговоръ невинный: у того зубы болятъ, охаетъ, на свѣтъ не глядитъ; тотъ примѣтамъ вѣрить, дурной сонъ видѣлъ; третій на любовное свиданіе торопится. «Мнѣ, говоритъ:— нѣбогда; пожалуйста, господа, не задерживайте!» Чиста работа!

Дергачевъ.

Какое было мнѣ смотрѣть, когда ты деньги отдавалъ!

Дульчинъ.

Ну, конечно дѣло! Объ себѣ я не тужу, я— пустой человекъ, и жалѣть меня вѣчего! Мнѣ жаль Юлію. Ты ее успокой!

Дергачевъ.

Зачѣмъ ее успокаивать?

Дульчинъ.

Вотъ что: ты почувешь, конечно, у меня?

Дергачевъ.

Пожалуй!

Дульчинъ.

Напьемся завтра кофею, потомъ заряду я револьверъ...

Дергачевъ.

Полно, что ты!

Дульчинъ.

Чтожь, въ яму садиться? А послѣ ямы что? Вѣдь я жилъ, жилъ барски, ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, каждая прихоть моя исполнялась... Вѣдь мнѣ ходить по Москвѣ пѣшкомъ въ узенькихъ коротенькихъ брючкахъ, да въ твиновомъ пальто съ разноцвѣтными рукавами—это хуже смерти. Я—не ты, пойми! Я рубли выпрашивать не умѣю.

Дергачевъ.

За что жь ты меня обижаешь? Я—тебѣ преданный человекъ.

Дульчинъ.

Что мнѣ въ твоей преданности? Гроша она не стѣдитъ мѣднаго, а мнѣ нужны тысячи. Гдѣ я ихъ возьму? Сегодня—последній день моей веселой жизни. Прокутимъ остальные деньги... Поѣдемъ отсюда куда-нибудь; мнѣ здѣсь все надоѣло, опротивѣло... (*Входитъ Салай Салтанычъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Наблюдатель, Дульчинъ, Дергачевъ и Салай Салтанычъ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ (*Дульчину*).

Проигралъ?

Дульчинъ.

Проигралъ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Пустой ты человекъ, пустой ты человекъ!

Дульчинъ.

Ну, пожалуйста, ты не очень, я не люблю.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Пустой ты человекъ, дрянъ!

Дульчинъ (*ирозно*).

Салай!

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Что пугаешь? Нажилъ деньги — человекъ; прожилъ деньги — дрянъ.

Дульчинъ.

Да какъ я наживу, ээюпъ ты этакой! Деньги наживаются либо

честнымъ трудомъ, либо мошенничествомъ; ни того, ни другого я не умѣю и не могу.

САЛАЙ САЛТАННЧЪ.

Честно нечестно — кому нужно? Нажилъ деньги — хороший человекъ сталъ, всѣ кланяются; дѣтямъ оставилъ — спасибо скажутъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Знаю я вашу азѣтскую философію-то.

САЛАЙ САЛТАННЧЪ.

Я твой папенька зналъ — хороший былъ человекъ; деньги нажилъ, тебѣ оставилъ, а ты что?

ДУЛЬЧИНЪ.

Толкуй! Тогда можно было наживать.

САЛАЙ САЛТАННЧЪ.

Всегда можно — надо умѣ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Умъ-то хорошо, да и совѣсть имѣть не мѣшаетъ.

САЛАЙ САЛТАННЧЪ.

Какая совѣсть? Гдѣ твоя совѣсть? Чужія деньги бросалъ — это совѣсть? Тому долженъ — не заплатилъ, другому долженъ — не заплатилъ! Это совѣсть? Укралъ, ограбилъ — нехорошо; а бросалъ деньги — хуже. Укралъ, ограбилъ — молись Богу, бѣднымъ давай — Богъ проститъ. Я зналъ одинъ грекъ; молодежь былъ — разбойникъ былъ, по морю ходилъ, пушки палилъ, людей билъ, грабилъ; состарилъ — монастырь пошелъ, сталъ монахъ, человекъ правоучительный.

ДУЛЬЧИНЪ.

Ну, что ты съ баснями-то, очень мнѣ нужно!

САЛАЙ САЛТАННЧЪ.

Кто бросалъ деньги, убить его скорѣй — такой законъ надо. Слушай! Были три брата, тамъ на Кавказъ...

ДУЛЬЧИНЪ.

Мнѣ и безъ тебя скучно, а ты съ глупостями.

САЛАЙ САЛТАННЧЪ.

Родитель деньги оставилъ: одинъ торговалъ, другой торговалъ — наживалъ, третій — моталъ. Братья подумалъ — подумалъ, поговорилъ промежду себя, посоветовалъ, зарадилъ ружья, убилъ его, какъ собака. Больше не сидитъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Ну, прощай! Твоихъ разговоровъ не переслушаешь.

САЛАЙ САЛТАННЧЪ.

Куда прощай? Пойдемъ, ужинать будемъ. Слушай меня! Будешь слушать меня — человекъ будешь, не будешь слушать — пропадешь. (*Входитъ Глафира Фирсовна*).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, ДУЛЬЧИНЪ, ДЕРГАЧЕВЪ, САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ
и ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Иль нейдетъ, упрямится? Поди, Салай Салтанычъ, а его приведу: у меня не вырвется.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ *(Дульчину)*.

Приходи, будемъ ждать. *(Уходитъ наверхъ)*.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА *(Дульчину)*.

Эко тебѣ счастье! Не ожидала, признаюсь. Съ ума вѣдь ты дѣву-то свелъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Будто?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Ужъ вѣрно. Только ты теперь не зѣвай—лови, а то улетишь. Забружи ее хорошенько—и шабашъ! Аль не умѣешь?

ДУЛЬЧИНЪ.

Положимъ, что умѣю; увлечь дѣвушку недолго, особенно такую чувствительную; да что толку?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Какъ что толку? Милліонъ, шутинь ты этимъ!

ДУЛЬЧИНЪ.

Это—не про насъ; что себя обманывать! Тутъ, кромѣ нея, отецъ да дѣдушка — имъ женика вѣдь надо посолиднѣй; нашему брату такихъ денегъ не даютъ. Развѣ это люди? это—бульдоги.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Ошибаешься; они ее неволить не станутъ — это миль, за того и ступай! Съ такими-то деньгами, да за немилаго идти—была окаян! Не принцесса, не высокаго рода, только что деньги; такъ съ деньгами и идти за милаго уловѣка: это—прямой расчетъ. Чѣмъ ты — не кавалеръ, чѣмъ не пара? Вотъ она сама идетъ, не утерпѣла. Ты смѣлѣй съ ней, безъ канители; она не очень, чтобы изъ стыдливыхъ...

ДУЛЬЧИНЪ *(съ ироніей)*.

Благодарю за науку! Я въ свое счастье, Глафира Фирсовна, плохо вѣрю. *(Глафира Фирсовна уходитъ)*. *(Дергачеву)* Отойди подальше! Отойди прочь! *(Дергачевъ уходитъ съ глубины. Входитъ Ирина.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, ДУЛЬЧИНЪ, ДЕРГАЧЕВЪ и ИРИНА.

ИРИНА.

Что же вы нейдете ужинать съ нами, Вадимъ Григорьичъ?
Мы сейчас садимся.

ДУЛЬЧИНЪ.

Не хочется, не расположенъ.

ИРИНА (*заглядывая Дульчину съ
лицо*).

Что вы какой мрачный?

ДУЛЬЧИНЪ.

Жизнь надоѣла, Ирина Лавровна.

ИРИНА (*съ испугомъ*).

Да вы серьезно?

ДУЛЬЧИНЪ.

Очень серьезно.

ИРИНА.

Вамъ все надоѣло, вы такъ много испытали всего?

ДУЛЬЧИНЪ.

Да, я все испыталъ и все надоѣло; одного только я не испыталъ и, вѣроятно, никогда не испытаю.

ИРИНА.

Чего же это?

ДУЛЬЧИНЪ.

Не скажу я вамъ; съ чего вы взяли! Не обо всемъ можно говорить съ барышней.

ИРИНА.

Со мной можно говорить обо всемъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Вы не знаете жизни, не видали, не испытали ничего; вы меня не поймете и не должны понимать.

ИРИНА.

Я не испытала жизни; но я читала очень много романовъ и я понимаю все, все.

ДУЛЬЧИНЪ.

А начини я говорить, вы застыдитесь и убѣжите.

ИРИНА.

О, нѣтъ! вы меня не знаете.

ДУЛЬЧИНЪ.

Ну, извольте: я не испыталъ страстной любви.

ИРИНА.

Страстной?

ДУЛЬЧИНЪ.

Да. Любовь нашихъ женщинъ—какая-то вялая, сонная. Мнѣ надо жгучей страсти, бѣшеной, съ вишлагомъ и ядомъ.

ИРИНА.

Быть можетъ, вы ея не замѣчали?

ДУЛЬЧИНЪ.

Хороша сумасшедшая страсть, коли ее даже замѣтить нельзя!

ИРИНА (*тихо*).

Вадимъ!

ДУЛЬЧИНЪ.

Что угодно?

ИРИНА.

Она здѣсь, она давно кипитъ въ груди моей.

ДУЛЬЧИНЪ.

Неужели?

ИРИНА.

Да, бѣшенная, африканская страсть... Повѣрь мнѣ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Вѣрю, и очень можетъ быть, что я близокъ къ счастью, но...

ИРИНА.

Зачѣмъ «но»!

ДУЛЬЧИНЪ.

Но ты не должна идти противъ родныхъ, ты не должна терять ихъ расположенія, терять богатство, которое они тебѣ обѣщаютъ. Не увлекайся своими африканскими страстями, Ирѣнь, а отъ тебя такой жертвы не приму.

ИРИНА.

Да никакой жертвы, никакихъ даже препятствій! Зачѣмъ же мнѣ сдерживать свою страсть, милый Вадимъ? Мой Вадимъ! Ты вѣдь мой?

ДУЛЬЧИНЪ.

Невѣроятно! это ужъ слишкомъ много счастья!

ИРИНА.

Ахъ, повѣрь, повѣрь! Погоди, я пришла сейчасъ къ тебѣ папашу; поговори съ нимъ! (*Отходя.*) Милый, милый! (*Посматриваетъ почтливо и уходитъ*).

ДУЛЬЧИНЪ (*Дергачеву*).

Лука! (*Дергачевъ подходитъ.*) Будемъ жить, братецъ! Судьба начинается мнѣ улыбаться. Я сейчасъ дѣлаю предложеніе.

ДЕРГАЧЕВЪ.

А какъ же Юлія Павловна?

Дульчинъ.

А что-жь Юлія Павловна? Что я могу для нея сдѣлать? Жениться на ней, о чемъ она мечтаетъ и дни, и ночи? А чѣмъ жить будемъ? У ней ничего, у меня—тоже. Что-жь, намъ мелочную лавочку открыть, до баранками торговать? А я женюсь н, по крайней мѣрѣ, расплачусь съ ней — это честиѣе будетъ. Конечно, я ее огорчу очень, очень; ну, поплачетъ, да тѣмъ и дѣло кончится. А пова надо ей солгать что-нибудь.

Дергачевъ.

Ахъ, лгать! Лгать нехорошо, Вадимъ, нехорошо.

Дульчинъ.

Ты опять съ нравоученіями. Такъ вотъ я тебя лгать-то и ставлю, и ты будешь лгать. Ты пойдешь завтра къ Юліи Павловнѣ и скажешь, что я въ Петербургъ уѣхалъ.

Дергачевъ.

Что-жь, я, пожалуй, я пойду; только вѣдь меня гонякъ от-туда.

Дульчинъ.

Претерпи, бѣдный другъ, все претерпи, ради дружбы!

Дергачевъ.

Претерплю. Вадимъ, я у тебя шаферомъ, я платѣе новое со-шью. Нѣтъ ли у тебя трехъ рублей серебромъ?

Дульчинъ.

Опять денегъ просить! Какая привычка у тебя!

Дергачевъ.

Ты ужинать пойдешь, сядешь за столъ съ компаніей, а мнѣ на васъ глазами хлопать? Вѣдь я ѣзжу сюда только для тебя, а ты знаешь, какъ здѣсь все дорого.

Дульчинъ *(достаетъ деньги)*.

Ну, ва рубль, отвязись! *(Входитъ Лавръ Мироничъ.)* Отойди, исчезни! *(Дергачевъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Наблюдатель, Дульчинъ и Лавръ Мироничъ.

Лавръ Мироничъ.

Вадимъ Григорычъ, пожалуйста, милости просимъ!

Дульчинъ.

Лавръ Мироничъ, два слова.

Лавръ Мироничъ.

Къ вашимъ услугамъ, весь вниманіе.

Дульчинъ.

Между благородными людьми разговоръ долженъ быть короткій.

Лавръ Мироничъ.

Совершенно справедливо-сь.

Дульчинъ.

Мнѣ нравится ваша дочь.

Лавръ Мироничъ.

Дѣвушка хороша, образованная и съ большимъ приданымъ.

Дульчинъ.

Она и такъ хороша, а съ приданымъ, конечно, еще лучше. Но не о приданомъ рѣчь! теперь вотъ въ чемъ вопросъ: нравлюсь ли я вамъ?

Лавръ Мироничъ.

Вы? Какъ же, пожалуйста! мы ваше знакомство за честь себѣ считаемъ.

Дульчинъ.

Да погодите, не распространяйтесь! Я хочу жениться на вашей дочери; вы—отецъ, васъ обойти нельзя; такъ согласны вы или нѣтъ, какъ говорится, осчастливить насъ?

Лавръ Мироничъ.

Съ полнымъ удовольствіемъ, за счастье почту.

Дульчинъ.

Ну, и прекрасно. Только съ однимъ условіемъ: погодите разглашать, мнѣ надо устроить кой-какія дѣлишки.

Лавръ Мироничъ.

Какъ вамъ угодно. Не извольте себя стѣснять ни въ чемъ. Пожалуйста кушать, а послѣ-завтра прошу ко мнѣ на вечеръ: познакомитесь съ нами покороче, посмотрите, какъ живемъ.

Дульчинъ.

А вы—мастеръ ужины заказывать.

Лавръ Мироничъ.

Какой это ужинъ! Здѣсь—клубъ, тотъ же трактиръ! вотъ дома—другое дѣло. Отчего-жъ себѣ и не позволить, коли есть средства? Пожалуйста, пожалуйста; ждуть-сь. *(Лавръ Мироничъ и Дульчинъ уходятъ. Прима въ публики. На авансцену выходятъ: Разносчикъ въстѣй, Москвичъ и Иногородный).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Наблюдатель, Разносчикъ въстѣй, Москвичъ, Иногородный, публика.

Разносчикъ въстѣй *(Наблюдателю)*.

Вотъ вы и не угадали: Дульчинъ женится на Прибытковѣй.

Наблюдатель.

Погодите, не торопитесь!

Разносчикъ въстей.

Да чего годить! Я сейчасъ былъ у ихъ стола и разговоръ слышалъ между дамами и невѣстой. Вонъ, посмотрите: ихъ посадили вмѣстѣ, за ихъ здоровье пьютъ.

Наблюдатель.

Погодите; цыплятъ осенью считатьъ.

Иногородный.

За чье здоровье пьютъ съ?

Разносчикъ въстей.

За здоровье жениха и невѣсты.

Иногородный.

Какая оказія то! Помилуйте, какъ такой случай пропустить! И мы за ихъ здоровье по бокальчику, по другому опрокинемъ? *(Москвичу)* Пожалуйте въ буфетъ.

Занавѣс.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Л и ц а .

Юлія Павловна.
Глафира Фирсовна.
Флоръ Вадумъ.
Лавръ Икромъ.
Дергачевъ.
Михевна.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Юлія Павловна *(у двери направо)* потомъ Михевна.

Юлія.

Михевна, дай-ка тамъ изъ шифоньерки картонъ. *(Михевна за сценой: синенькій?)* Дѣ, синенькій. *(Михевна: запереть шифоньерку то?)* Не надо, послѣ запремъ. Отъ кого намъ заператься-то? *(Входитъ Михевна съ картономъ).*

Михевна.

Что это? какой онъ легкій, ровно пустой.

Юлія.

А вотъ посмотримъ что въ немъ. *(Садится у стола, открываетъ ССХХХVI.—Отд. I.*

вастъ картокъ и вынимаетъ подпеченный газовой вуаль съ флёр-доранжемъ).

МИХЕВНА.

Ай, прелести какия!

ЮЛІЯ.

Я вѣнчалась въ этомъ, Михевна.

МИХЕВНА.

Помню, помню. Ужь больно хорошо смотрѣть было на тебя! всѣ, какъ есть, любовались. Вотъ опять Богъ привелъ, опять скоро надѣнешь.

ЮЛІЯ.

Нѣтъ; надо новенькій вуаль купить, да и цвѣты не годятся: я не дѣвушка.

МИХЕВНА.

Вотъ еще разбирать! Надѣла, да и все тутъ. Стоить на одинъ-разъ покупать!

ЮЛІЯ.

И, мать моя, неловко, негодится. Да что на такое дѣло жалѣть! Я и платье новое закажу. А я, знаешь что, я думаю сдѣлать себѣ уборъ изъ незабудокъ.

МИХЕВНА.

Изъ незабудокъ? Да, молъ, не забудь меня!

ЮЛІЯ.

Ужь теперь мнѣ чего бояться? Всѣ мои страхи вончались-связаны будемъ на всю жизнь. И какой, Михевна, превосходный! Прямо можно сказать, что благородный человекъ.

МИХЕВНА.

Чего лучше? Бравый кавалеръ, ловкій, смѣлый, разительный! Кажется, ни передъ кѣмъ на свѣтѣ не сробѣеть.

ЮЛІЯ.

А что Глафира Фирсовна говорила: «Брось ты его сама, пока онъ тебя не бросилъ». За что такъ обижать человекъ? что онъ ей сдѣлалъ?

МИХЕВНА.

Зависть: ненавистно чужое счастье.

ЮЛІЯ.

Я такъ и подумала. Конечно, я ему всѣ свои деньги отдала; такъ вѣдь я не безъ разсудка, не безъ разсчета это сдѣлала. Я таки довольно скупа и на деньги жалостлива, даромъ ихъ не брошу.

МИХЕВНА.

Какъ можно даромъ бросать? Впередъ-то не угадаешь: Богъ знаетъ, какъ придется вѣкъ-то доживать.

Юлія.

Да, да. Первое дѣло: себя обезпечить. Я, нужды нѣтъ, что женщина, а очень хорошо жизнь понимаю. И до чего только онъ благороден! Онъ вѣдь ни одной копейки у меня такъ не взялъ—на все документы выдалъ. А развѣ не все равно, что деньги—что документы? Значить, всё мои деньги при мнѣ. Разумѣется, съ другого взять нѣчего; а у него имѣніе большое. Онъ мнѣ всё планы показывалъ и все рассказывалъ, гдѣ лѣса, гдѣ луга. Только оно еще не раздѣлено съ сестрой: ей нужно часть какую-то выдѣлить. Какъ раздѣлится, онъ все имѣніе на мое имя запишетъ, а я ему документы отдамъ—вотъ и квитъ. А имѣніе-то гораздо дороже. Вотъ какъ благородно съ его стороны! Лѣтомъ будемъ въ деревнѣ жить, ты у меня будешь хозяйствомъ заниматься. То-то всякой штицы разведены!

Михевна.

Ахъ, страсть моя! Вотъ ужъ душеньку-то отведу. Я вчера у сосѣдей бѣлыхъ индѣекъ видѣла—такъ на чужихъ больше часу любовалась. Пѣтуха кохинкинского мы отсюда своего возьмемъ; этакой красоты за сто рублей не сыщешь.

Юлія.

Какое чувство въ человѣкѣ! Вчера, по его дѣламъ, ему вдругъ деньги понадобились—ну, я выручила его. Вѣришь-ли? на колѣняхъ стоялъ, руки цѣловалъ, плакалъ, какъ ребенокъ.

Михевна.

Когда свадьбу то думаете?

Юлія.

Да мы рѣшили, что въ будущую среду. Сегодня прійдетъ, поговоримъ, когда вечеръ сдѣлать, родныхъ позвать. (*Разбирая въ картонъ*). Ахъ, что это? какъ попало сюда?

Михевна.

Что такое, матушка?

Юлія.

Иммортель, цвѣты съ гроба. Это я на похоронахъ мужа, въ сумашествіи-то, ухватила. Какъ они очутились здѣсь?

Михевна.

Да что мудренаго! Сунула сама какъ-нибудь; а то кому-жъ!

Юлія.

Къ добру ли?

Михевна.

Ничего. Что-жъ тутъ дурного? Память. Съѣзди на могилку!

Юлія.

Ахъ, сердце упало. Какая я глупая, суевѣрная; теперь все и

будеть думаться. А вѣдь ѣхать надо платье заказывать, а то послѣ некогда будетъ съ хлопотами.

Мнхевна.

А что-жь, поѣзжай! Убрать кардонъ-то?

Юлія.

Оставь до меня; я скоро прїѣду. (*Уходитъ. Мнхевна за ней и скоро возвращается.*)

Мнхевна.

Чего испугалась? Сама не знаетъ чего. Ну, вотъ и мы скоро заживемъ полудскн. А то всѣхъ стыдимся, отъ людей прячемся; только и свѣту въ глазахъ, что Вадимъ Григорьичъ. Чтѣ хорошаго! А насчетъ индѣекъ я секретъ знаю; я цыплатъ вѣжжу, всѣхъ вѣжжу. Главная причина: когда они будутъ операться... (*Звонокъ*). Кого Богъ даетъ? Гости за гостями! Чтѣ-то развѣднлись! А, бывало, по мѣсяцу челоуѣка не увидншь. (*Входитъ Глафнра Фнрсовна.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Мнхевна и Глафнра Фнрсовна.

Глафнра Фнрсовна.

Ннкакъ опятъ не застала?

Мнхевна.

Не застали, матушка.

Глафнра Фнрсовна.

То-то я вижу, провнтнла, какъ будто она. Я, было, крннула — не оглднвается; не бѣжать же мнѣ за ней! я не скороходъ. Все такн, думаю, зайду, хотъ отдохну. (*Саднтся у стола*). Чтѣ новенькаго, съ чтѣмъ поздравнтъ?

Мнхевна.

Свадьба у насъ.

Глафнра Фнрсовна.

Чтѣ ты говорншь! Когда?

Мнхевна.

Въ среду.

Глафнра Фнрсовна.

Ну, чтѣ жъ, давай Богъ! (*Впланувъ въ картонъ*). Ужь н вуаль подвѣнчнный вынула — вотъ какъ торопнтся!

Мнхевна.

Платье заказывать поѣкала.

Глафнра Фнрсовна.

Подвѣнчное?

МИХЕВНА.

Подвѣчное.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Какая заботливая!

МИХЕВНА.

Ужъ поскорѣй бы, да и нѣтъ головы вонь. Легко ли дѣло? полтора года маемся.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Бываетъ, что и наканунѣ свадьбы дѣло раскодится.

МИХЕВНА.

Ну, ужъ не дай Богъ и вздумать-то! Да она, кажется, не переживетъ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Все на свѣтѣ бываетъ. Вольный человѣкъ—что вѣтеръ; какъ ты его удержишь? Кабы на цѣпь ихъ приковывать—другое дѣло. Да я такъ болтаю. Пируйте, пируйте, да и насъ зовите! Чтѣй-то, мать, стала я замѣчать за собой: меня около этого часу все, какъ будто, на пищу позываетъ.

МИХЕВНА.

Нѣшто дурное дѣло! Значить, весь здоровъ человѣкъ. Тамъ пирожокъ есть.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Въ шапчикѣ?

МИХЕВНА.

Въ шапчикѣ. *(Звонокъ).*

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Вонъ звонитъ кто-то. Ты не безпокойся—я дорогу знаю. *(Уходитъ. Входитъ Лавръ Мироничъ).*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

МИХЕВНА и Лавръ Мироничъ.

Лавръ Мироничъ.

Юлія Павловна у себя?

МИХЕВНА.

Нѣту, батюшка, нѣту; сейчасъ только выѣхала.

Лавръ Мироничъ.

Скоро будутъ, можетъ быть?

МИХЕВНА.

Не знаю, батюшка; къ портнихѣ поѣхала.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Ужъ я дожидаться, ни въ какомъ случаѣ, не могу. Потрудись сказать, милая, что я самъ заѣзжалъ.

МИХЕВНА.

Хорошо, батюшка, хорошо.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Такъ и скажи: Лавръ Миронычъ сами, молъ, были.

МИХЕВНА.

Ужъ знаю, знаю.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Просить пожаловать завтра на вечеръ.

МИХЕВНА.

Хорошо, скажу.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Усерднѣйше, молъ, просить.

МИХЕВНА.

Да, да, такъ, такъ.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Убѣдительнѣйше, молъ, просить.

МИХЕВНА.

Побѣдительно просить. Такъ и скажу, отъ чего-жъ не сказать?

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Нѣтъ, ужъ не надо; ты меньше говори, а лучше отдай вотъ это! *(Подаетъ пригласительный билетъ).*

МИХЕВНА.

Записочку?

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Да, записочку; да скажи, что Лавръ Миронычъ сами заѣзжали!

МИХЕВНА.

Хорошо, ладно.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Только не забудь, пожалуйста.

МИХЕВНА.

Кто-жъ его знаетъ? Долго ль забыть-то? Какая память-то у меня стала! Надо быть, что забуду.

ЛАВРЪ МИРОНЫЧЪ.

Сдѣлай милость, помини!

МИХЕВНА.

Рада бѣ я радостью. Погоди, батюшка, я вотъ что: я вотъ сюда положу. *(Кладетъ билетъ на столъ).* Коли я, на грѣхъ, забуду, такъ она сама увидитъ. *(Звонокъ).* Еще гости, ну! А, можетъ, и сама. *(Входитъ Флоръ Оедуличъ. Глафира Фирсовна входитъ изъ боковой двери).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лавръ Миронъчъ, Михевна, Флоръ Ѳедулычъ и Глафира Фирсовна.

Михевна (*Флору Ѳедулычу*).

Нѣту самой-то. Подождете развѣ. (*Уходитъ*).

Глафира Фирсовна.

Ну, всѣ вмѣстѣ съѣхались.

Лавръ Миронъчъ.

Дяденька, честь имѣю кланяться. Заѣхаль пригласить Юлію Павловну.

Флоръ Ѳедулычъ.

Для чего же это вамъ Юлія Павловна понадобилась?

Глафира Фирсовна.

Да онъ всю Москву приглашаетъ—такъ ужъ встати.

Лавръ Миронъчъ.

Всю Москву мнѣ и помѣститъ не гдѣ, а что касается до Юліи Павловны, такъ у насъ многія дамы лянсе не танцуютъ, а онѣ въ этомъ танцѣ всегда отличались.

Глафира Фирсовна.

Ну, ужъ ей, чай, не до танцевъ будетъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Нѣтъ, ужъ вы, Лавръ Миронъчъ, Юлію Павловну оставьте въ покоѣ-сь.

Лавръ Миронъчъ.

Какъ имъ будетъ угодно; я имъ билетъ оставилъ, вотъ здѣсь на столѣ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Совсѣмъ напрасно, совсѣмъ напрасно-сь.

Лавръ Миронъчъ.

Моя обязанность, дяденька, была учтивость соблюсти противъ нихъ.

Флоръ Ѳедулычъ.

Я вамъ объяснять теперь не стану, послѣ сами узнаете; только напрасно, Лавръ Миронъчъ, напрасно-сь.

Глафира Фирсовна.

Да убрать его—вотъ и вся недолга.

Флоръ Ѳедулычъ.

Приберите-сь.

Глафира Фирсовна (*беретъ билетъ*).

Я его себѣ возьму на знакъ памяти. (*Про себя*). Вотъ на под-

Отч. Занялся.

вѣнечный-то вуаль его и положимъ. (Кладетъ въ картонъ). Онъ и мнѣ билетъ завезъ. Гдѣ это ты такой бумаги взялъ? Ужъ такая деликатность, такая деликатность!

Лавръ Мироничъ.

Заѣзжалъ, карточки для мэню покупалъ, такъ понравилась бумага—я и взялъ.

Флоръ Оедуличъ.

И мэню напишете?

Лавръ Мироничъ.

Да съ, разложимъ по кувертамъ.

Флоръ Оедуличъ.

Значить, у васъ будетъ ужинъ во всей формѣ?

Лавръ Мироничъ.

Гдѣ же, дяденька, во всей формѣ? На это капиталу моего не хватитъ. Я думалъ сначала аля фуршетъ; да послѣ разсудилъ, что ужинъ будетъ солиднѣе.

Глафира Фирсовна.

Мороженое будетъ?

Лавръ Мироничъ.

Безъ мороженого невозможно. Будетъ всѣхъ сортовъ.

Глафира Фирсовна.

А кое-то, которое я-то люблю?

Лавръ Мироничъ.

Это какое же съ?

Глафира Фирсовна.

Что въ ставанчикахъ-то подаютъ.

Лавръ Мироничъ.

Пуншъ гласе? Собственно для васъ особенное будетъ.

Глафира Фирсовна.

Вотъ спасибо. Только вели почаще подавать. Ты отсюда домой, что ли? Такъ подвезь бы меня.

Лавръ Мироничъ.

Я нынче дома ближе ночи не буду-съ. Вотъ теперь занимаюсь цвѣтами. Къ бесѣдкѣ на площадку нужно померанцевыхъ деревцевъ въ кадкахъ. Ужинать будемъ на террасѣ; она парусиной покрыта; такъ, чтобъ замаскировать потолокъ, хотимъ распланировать гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ. При всемъ томъ, букеты нужны: при входѣ будемъ каждой дамѣ предлагать.

Глафира Фирсовна.

Чудесно, братъ.

Лавръ Мироничъ.

Опять же объ музыкѣ беспокоюсь. Приятно, дяденька, полный оркестръ имѣть и чтобъ настоящіе артисты были. За ужиномъ

увертюру изъ «Аиды», потому—вещь новая. А ежели «Морской разбойникъ Цампа»—такъ это довольно обыкновенно.

Флоръ Федулычъ.

А я еще помню, когда изъ «Лодонскя» играли и изъ «Калифа Багдадскаго».

Лавръ Мироннычъ.

А въ заключеніе—«Барыню» и челоуѣкъ двѣнадцать въ присядку пускались. Прошли, дяденька, тѣ времена. Европа-то бы отъ насъ не далеко ушла, кабы у насъ, у людей со вкусомъ, побольше капитала было.

Глафира Фирсовна.

Ты отсюда куда же?

Лавръ Мироннычъ.

Къ бутырской заставѣ въ оранжерею.

Глафира Фирсовна.

Ну, мнѣ не по дорогѣ.

Флоръ Федулычъ.

Не беспокойтесь, я васъ доставлю.

Лавръ Мироннычъ.

Дяденька, честь имѣю кланяться! Глафира Фирсовна, равноуѣрно и вамъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Флоръ Федулычъ, Глафира Фирсовна, потомъ Мироннычъ.

Глафира Фирсовна.

Люблю молодца за обычай. Удивить Москву Лавръ Мироннычъ!

Флоръ Федулычъ.

Да онъ ужъ давно удивляетъ: задаетъ пиры, точно концессию получилъ.

Глафира Фирсовна.

Съ деньгами то не мудрено; а попробуй-ко безъ денегъ шкуру задать тутъ очень много ума нужно.

Флоръ Федулычъ.

Да-съ, ужъ либо очень много ума имѣть, либо совсѣмъ не имѣть ни ума, ни совѣсти. Вы зачѣмъ же собственно къ Юлію Павловичу пожаловали?

Глафира Фирсовна.

Разсказать ей про друга-то хотѣла.

Флоръ Федулычъ.

Какую же въ этомъ надобность вы находите?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Ахъ, Боже мой, какую надобности! Вы, Флоръ Ѳедулычъ, стало быть, женской природы не знаете. Поди-ко, утерпи! Такъ тебѣ и подмиываетъ, да чтобъ первой, чтобъ кто другой не перебилъ.

ФЛОРЪ ѲЕДУЛЫЧЪ.

Нѣтъ, ужъ эту неприятную обязанность я на себя возьму-съ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Опять же и то любопытно посмотреть, какъ она тутъ будетъ руками разводить, да приговоры приговаривать. Вѣдь, ишь ты, подвѣнечное платье поѣхала заказывать — а тутъ вдругъ ударъ! Этакого представления развѣ скоро дождешься!

ФЛОРЪ ѲЕДУЛЫЧЪ.

Нѣтъ, ужъ вы не извольте беспокоиться — изъ чужаго горя для себя спектакль дѣлать. Ежели не взять осторожности, такъ можетъ быть вредъ для здоровья Юліи Павловны. Поѣдемте; я васъ подвезу немного, а черезъ четверть часа я зайду сюда опять, чтобы, сколь возможно, успокоить ихъ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А я къ ней вечеромъ забѣгу понавѣдаться. (*Изъ передней уходитъ Михевна*).

МИХЕВНА.

Уѣзжаете? Какъ же сказать-то, Флоръ Ѳедулычъ?

ФЛОРЪ ѲЕДУЛЫЧЪ.

Ничего не говорите. Я зайду-съ. (*Флоръ Ѳедулычъ и Глафира Фирсовна уходятъ*).

МИХЕВНА.

Развѣхались и слава Богу. Того гляди, прїѣдетъ Вадимъ Григорычъ; чтò хорошаго при чужихъ-то! Стѣдъ головушкѣ. (*Звонокъ*). Вотъ онъ, должно быть, и есть, либо сама. (*Входитъ Дергачевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

МИХЕВНА И ДЕРГАЧЕВЪ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Дома Юлія Павловна?

МИХЕВНА (*машетъ рукой*).

Нѣту дома, нѣту, нѣту.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ну, я подожду; хорошо, я подожду.

Михевна.

Да чего ждать! Или бы!

Дергачевъ.

Какъ «или бы»? Это странно! Мнѣ нужно.

Михевна.

Да вы—приятель Вадима Григорьича или сродственникъ ему доводитесь?

Дергачевъ:

Ну, приятель, другъ—какъ хочешь.

Михевна.

Такъ мы его самого ждемъ; а ужъ вы-то тутъ при чемъ же? Еще какъ сродственникъ, такъ не выгонишь, потому—свой, а коли посторонній—такъ Богъ съ тобой. Шель бы, въ самомъ дѣлѣ, домой, что ужъ!

Дергачевъ.

Да коли я говорю, что у меня дѣло есть.

Михевна.

Ну, какое дѣло! Обыкновенно, съѣсть что-нибудь послаще, вина выпить хорошенькаго; особенно, коли дома-то тонко. Какъ погляжу я на тебя, ты, должно быть, бѣдствуешь; все больше, чай, по людямъ кормишься?

Дергачевъ.

Что говорить, что говорить! Ахъ!

Михевна.

Такъ, милый человекъ, на все есть время. Вотъ будетъ свадьба—такъ милости просимъ: кушайте и пейте на здоровье, сколько душа потребуетъ; никто тебя не оговоритъ. А теперь ужъ освободи! Намъ не жалко, да не во времени.

Дергачевъ.

Ахъ, чертъ возьми! Вотъ положеніе! Вотъ она дружба-то! Кто тебѣ говорить о съѣстномъ! Ничего мнѣ съѣстного не нужно, пойми ты! Мнѣ надо говорить съ Юліей Павловной.

Михевна.

Объ чемъ говорить! Все переговорено, все покончено. Не твоего это ума дѣло. Заходи въ другой разъ, я тебя попотчужу, а теперь не прогнѣвайся.

Дергачевъ.

Ничего мнѣ отъ тебя не надо, никакого подбиванья.

Михевна.

Ну, какъ можно? Шель далеко, и усталъ, и проголодался. По всему видно, что человекъ тощій. Дѣ, милый, не въ разъ ты попалъ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Какъ съ такой бабой говорить! Вотъ тутъ и сохраний свое достоинство.

МИХЕВНА.

Коли, вправду, что нужно, такъ подожди у воротъ; а то лѣзешь прямо въ комнаты!

ДЕРГАЧЕВЪ.

А! У воротъ! Съ ума можно сойти!

МИХЕВНА.

Поди, поди, Богъ съ тобой; честию тебя просить.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Не пойду я, отойди отъ меня!

МИХЕВНА.

Такъ неужто за квартальнымъ посылать! (*Звонокъ*). Эхъ, страшишь! Во всемъ домѣ только бабы однѣ, а онъ лѣзетъ насильно. (*Входитъ Юлія Павловна*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ДЕРГАЧЕВЪ, МИХЕВНА И ЮЛІЯ ПАВЛОВНА.

Юлія Павловна (*быстро*).

Вадимъ Григорычъ еще не пріѣхалъ?

МИХЕВНА.

Нѣту, матушка; много гостей было, а онъ не пріѣзжалъ. Да вотъ тутъ пріятель его толчется; ни вѣсть, чего ему нужно; не выживу никакъ.

Юлія (*увидѣвъ Дергачева*).

Ахъ, Лука Герасимычъ, я васъ и не вижу. Вы отъ Вадима Григорыча?

ДЕРГАЧЕВЪ.

По его порученію съ.

МИХЕВНА.

Такъ бы и говорилъ, а то лепечешь безъ толку.

Юлія.

Оставь насъ, Михевна! (*Михевна уходитъ*). Чтò, здоровъ онъ? пріѣдетъ сегодня? Конечно, пріѣдетъ. Скоро онъ пріѣдетъ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Нѣтъ съ, вы не ждите; онъ никакъ не можетъ.

Юлія (*съ испугомъ*).

Какъ? почему? Боленъ онъ, захворалъ вдругъ? Да говорите же!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Совершенно здоровъ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ-съ.

Юлія.

Не можетъ быть, вы лжете. Онъ бы долженъ сказать, предупредить меня. (Потрясшись) Какъ же это?..

ДЕРГАЧЕВЪ.

Онъ теперь долженъ быть... позвольте, на какой станціи... Я думаю, въ Клину-съ.

Юлія.

Почему же онъ не предупредилъ меня? Что все это значитъ? Да скажите же ради Бога!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Почему не предупредилъ? Этого я не знаю-съ. Это, вѣроятно, впоследствии объяснится.

Юлія.

Когда впоследствии? Зачѣмъ впоследствии? отчего не теперь? Да что же это такое значитъ, говорите!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Онъ, вѣроятно, скоро мнѣ напишетъ изъ Петербурга.

Юлія.

Вамъ? Да онъ мнѣ долженъ писать, а не вамъ. Что это! (Плачетъ).

ДЕРГАЧЕВЪ.

Конечно, и вамъ напишетъ... Вы не беспокойтесь!

Юлія.

Вѣдь у насъ день свадьбы назначенъ. Вы знаете, вы слышали, что въ среду наша свадьба?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Нужно отложить-съ.

Юлія.

Да надолго ли? Когда этому конецъ будетъ? Надолго ли еще откладывать?

ДЕРГАЧЕВЪ.

На неопредѣленное время-съ.

Юлія!

Нѣтъ у него жалости ко мнѣ. Истерзалась я, истерзалась! Лука Герасимычъ, ну, будьте судьей! Назначить черезъ пять дней свадьбу и вдругъ уѣхать, не сказавшись. Ну, развѣ такъ дѣлать? Честно это? Ну, развѣ это не мученье для женщины? За что же? ну, скажите, за что же! Отъ чего онъ не появился? Говорите, отъ чего онъ не появился?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Можетъ быть, ему совѣсно.

Юлія (съ истуломъ).

Совѣстно? Чтѣ же онъ сдѣлалъ? Чтѣ онъ сдѣлалъ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Онъ ничего не сдѣлалъ-съ. Денегъ нѣтъ у него; а сегодня по векселю платитъ нужно.

Юлія.

Какъ нѣтъ денегъ? У него были деньги; я знаю, что были. Это вздоръ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Да, онъ получилъ вчера какихъ-то шесть тысячъ. Такъ велики ли деньги? надолго-ль ему? Онъ имѣлъ несчастье или, лучше сказать, неосторожность, проиграть ихъ тутъ же въ полчаса. Развѣ вы его не знаете?

Юлія.

Чтѣ вы говорите? Ужъ и не вѣрится. Да нѣтъ, не можетъ быть, нельзя ему проиграть этихъ денегъ: онѣ слишкомъ дороги для него и для меня. Слышите вы: слишкомъ дороги!

ДЕРГАЧЕВЪ.

А вотъ проигралъ-съ. Я останавливалъ, да чтѣ-жъ дѣлать?—слабость.

Юлія.

Ахъ, нѣтъ! Безсовѣстно, безбожно! Не оправдывайте его! Грѣхъ—проиграть эти деньги, обида кровная. Чему вѣрить послѣ этого? Всего можно ждать отъ такого человѣка. (*Задумывается*).

ДЕРГАЧЕВЪ.

Я Вадима не оправдываю, оправданій ему нѣтъ.

Юлія.

Скажите, еще-то чтѣ! чтѣ еще-то?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ахъ, не спрашивайте! Вы разстроены... Уѣхалъ въ Петербургъ за деньгами—вотъ и все. Чтѣ я вамъ могу еще сказать?

Юлія (съ трудомъ произнесла слова).

Очень-то дурного ничего нѣтъ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Не знаю, не знаю-съ. Я все сказалъ, чтѣ мнѣ приказано.

Юлія.

А! Вы говорили чтѣ вамъ приказано? Вы говорили не то, чтѣ было, чтѣ вы знаете, а то, чтѣ вамъ приказано! Значитъ, вы говорили неправду, вы меня обманываете? (*Покачаетъ головою*). Видно, всѣ вы одинаковы! Вамъ ничего не стѣитъ обмануть женщину! Безсовѣстные вы, безсовѣстные!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Я лучше уйду-съ. Чтѣ мнѣ въ чужомъ пиру похмѣлье принимать!

Юлія.

Да ступайте, кто васъ держить... Погодите!.. Надо же мнѣ знать... Совсѣмъ, что-ль, онъ хочетъ меня бросить? Такъ бы вы и говорили! Да и какъ еще онъ смѣетъ это сдѣлать? Какъ смѣетъ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Помилуйте, какъ я могу отвѣчать вамъ на такіе вопросы!

Юлія.

А не можете, такъ зачѣмъ вы пришли? Зачѣмъ вы пришли, а васъ спрашиваю? Только разстроивать, только мучить меня...

ДЕРГАЧЕВЪ.

Меня послали къ вамъ; я и пришелъ и сказалъ все, что вѣрно.

Юлія.

Да вѣдь не вѣрю я вамъ; ни вамъ, ни ему не вѣрю я ни въ одномъ словѣ. Какой же тутъ разговоръ!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Не вѣрите, а сами спрашиваете. Я уйду, Юлія Павловна, прощайте!

Юлія.

Давно бы вамъ догадаться! (*Садится къ столу*). Развѣ вы не видите, въ какомъ я положеніи. (*Дергачевъ идетъ къ двери*). Ахъ... постойте! (*Дергачевъ останавливается*). Нѣтъ, прощайте! (*Дергачевъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Юлія (*одна*).

Юлія.

Точно сердце чувствовало; такъ вотъ и ждала, что какая-нибудь помѣха случится... Однако, совѣстно ему... не показался... Ну, да какъ не совѣститься!.. Проиграть деньги, которыя я съ такимъ стыдомъ... А вѣдь показись—пожалуй, простила бы... ну, само собой, простила бы... Боятся меня. Нѣтъ, еще есть въ немъ совѣсть: значить, еще не совсѣмъ онъ испорченъ... Въ Петербургъ поѣхалъ за деньгами... Какія у него тамъ деньги... долго-ли онъ за ними проѣздитъ?—Ничего неизвѣстно... Пожалуй, цѣлый мѣсяцъ пройдетъ. А въ мѣсяцъ мало ли что можетъ случиться!.. Чего не придумаешь! Съ ума можно сойти... Давеча этотъ цвѣтокъ, этотъ иммортель... какъ онъ очутился въ картонѣ? И не трогала я этого картона, до нынѣшняго дня не при-

касаясь въ нему... Понять не могу. (*Смотритъ въ картонъ*). Это еще чтò такое? (*Вынимаетъ пригласительный билетъ и читаетъ*): «Лавръ Миронъчъ Прибытковъ покорнѣйше проситъ сдѣлать ему честь, пожаловать на балъ и вечерній столъ, по случаю помолвки дочери его, Ирины Лавровны, съ Вадимомъ Григорьевичемъ Дульчиннымъ. (*Протираетъ глаза рукой и снова читаетъ*) «съ Вадимомъ Григорьевичемъ Дульчиннымъ»... Михевна, Михевна! (*Входитъ Михевна*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Юлія Павловна и Михевна.

Юлія.

Кто былъ... кто былъ безъ меня? Вотъ это кто привезъ?

Михевна.

Лавръ Миронъчъ, матушка.

Юлія (*безсознательно*).

Лавръ Миронъчъ... Лавръ Миронъчъ... На балъ и вечерній столъ...

Михевна.

Да, матушка, очень просили.

Юлія (*едва переводя духъ*).

Очень просили... По случаю помолвки Ирины Лавровны съ Вадимомъ Григорьевичемъ Дульчиннымъ.

Михевна.

Чтò ты, матушка, Богъ съ тобой! Развѣ другой какой?

Юлія.

Нѣтъ, онъ, Михевна; сердце говорить... (*Громко*). Онъ, онъ. (*Встаетъ*). Михевна, я поѣду, я поѣду... Давай шляпку!

Михевна.

Зачѣмъ, матушка, зачѣмъ ѣхать?

Юлія.

Надо ѣхать, надо... Я поѣду сейчасъ.

Михевна.

Куда, чтò ты! не пушу!

Юлія.

Да мнѣ видѣть его только, только въ глаза посмотрѣть, въ глаза. Какіе у него глаза-то!

Михевна.

Въ такомъ ты огорченіи, да со двора ѣхать! Нѣтъ, нѣтъ!

Юлія.

Захотѣлъ онъ меня обидѣть—ну, Богъ съ нимъ!.. Я съ него потребую, я возьму деньги мож... Вѣдь какъ же мнѣ жить-то? Вѣдь всѣ, всѣ онъ взялъ. (*Входитъ Флоръ Федулычъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Юлія Павловна, Михевна и Флоръ Федулычъ.

Юлія.

Ахъ, Флоръ Федулычъ, горе, горе! (*Показывая билетъ*). Вотъ посмотрите!

Флоръ Федулычъ (*взглянувъ на Михевну*).

Какая неосторожность-съ!

Михевна.

Да развѣ я, батюшка, знала.

Юлія.

Флоръ Федулычъ, помогите! Хоть бы деньги то мнѣ воротить, хоть бы деньги то!

Флоръ Федулычъ.

Вамъ одно остается, Юлія Павловна—пренебречь.

Юлія.

Какъ пренебречь! Конечно, не надо мнѣ' его, не надо. А деньги то, Флоръ Федулычъ, вѣдь почти все мое состояніе... Я хочу получить.

Флоръ Федулычъ.

Получить съ него невозможно-съ, но вы не бездвойтесь.

Юлія.

Нѣтъ, я возьму... За чтѣ же... Послѣ такой обиды... Нѣтъ, помилуйте, за чтѣ же я ему подарю?

Флоръ Федулычъ.

У него ничего нѣтъ-съ.

Юлія.

Какъ нѣтъ? Есть. У него имѣніе большое, богатое... Онъ мнѣ планы показывалъ.

Флоръ Федулычъ.

Положительно ничего нѣтъ-съ. Я вѣрныя извѣстія имѣю. Было послѣ отца имѣніе, да давнымъ-давно продано и прожито-съ.

Юлія (*съ испугомъ*).

Значить, и это былъ обманъ! (*Едва держится на ногахъ*). Все, все брошено даромъ...

Т. ССХХХVI. — Отд. I.

Флоръ Ѳедулычъ.

Успокойтесь, успокойтесь!

Юлія.

Я спокойна... Да неужели, да неужели онъ такъ безстыденъ?

Флоръ Ѳедулычъ.

Вы очень довѣрчивы-сь. Пренебречь его слѣдуетъ, пренебречь!

Юлія.

Ограблена и убита! (*Садится*). Я—нищая, обиженная совѣмъ... За что же они еще смѣются-то надо мной, на свадьбу-то приглашаютъ. Ахъ, охъ... (*Обморокъ*).

Флоръ Ѳедулычъ (*Милосва*).

Имъ дурно. Посворѣй спирту, чего-нибудь-сь. (*Милосва уходитъ*).

Юлія (*въ бреду*).

Сѣрватое я платье-то себѣ заказала... Правду люди-то говорили, а я не вѣрила... Теперь какъ же... двѣ у него невѣсты-то? Сѣрватое я платье-то заказала... ахъ, нѣтъ! желтоватое... (*Нѣсколько приходя въ себя*). Ахъ, что это я говорю! (*Тихонько смѣется*). Ха-ха-ха! Флоръ Ѳедулычъ! Ха-ха ха! (*Подаетъ руку Флору Ѳедулычу*). (*Входитъ Милосва*). Надѣть подвѣчное платье и флёръ д'оранжъ, да и ѣхать на балъ. Ха-ха-ха! Они рядомъ будутъ сидѣть... взять бокаль... совѣтъ вамъ, да любовь... Ха-ха-ха! Поцѣлуйтесь! (*Обморокъ*).

Флоръ Ѳедулычъ (*Милосва*).

Опять обморокъ и фуки похолодѣли. Этимъ не шутать-сь... Скорѣе за докторомъ-сь... Это ужъ близко смерти-сь.

Занавѣсъ.

ДВѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Лица:

Дульчинъ.

Дергачевъ.

Салай Салтамычъ.

Ирина.

Глафира Фирсовна.

Юлія Павловна.

Флоръ Ведульчъ.

Мардарій, человекъ Дульчина.

Богато убранный кабинетъ: ни книгъ, ни бумагъ и вообще никакихъ признаковъ умственной работы незамѣтно. Большой письменный столъ; на немъ два-три юмористическіе листка, чернильница со всѣмъ приборомъ, револьверъ и фотографическій женскій портретъ. Двѣ двери: одна—въ глубинѣ, въ залу, другая—съ лѣвой стороны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Дульчинъ (*выходитъ изъ боковой двери, потомъ*) Мардарій.

Дульчинъ.

Эй, Мардарій! (*Входитъ Мардарій*). Кто тамъ звонить?

Мардарій.

Да старуха эта отсюда, какъ еел..

Дульчинъ.

Какая старуха?

Мардарій.

Отъ Юлія Павловны.

Дульчинъ.

Михевна?

Мардарій.

Дѣ, Михевна.

Дульчинъ.

Что ей надо?

Мардарій.

За портретомъ приходила.

Дульчинъ.

За какимъ портретомъ?

Мардарій.

Вотъ за этимъ самымъ-съ.

Дульчинъ.

На что ей портретъ?

Мардарій.

Кто-жь ихъ знаетъ? Нужно, говорить.

Дульчинъ.

Да кому нужно-то: Юліи Павловнѣ, что ли?

Мардарій.

Ничего этого она не говоритъ, ладить одно: нужно, очень нужно—вотъ и все.

Дульчинъ.

Что же ты?

Мардарій.

Говорю: баринъ въ Петербургъ уѣхалъ, отдать нельзя, потому намъ трогать ничего не приказано.

Дульчинъ.

Что жь, повѣрила?

Мардарій.

Какъ ихъ разберешь! Морщится какъ-то, стойтъ, не то она плачетъ, не то смѣется. А словно какъ не вѣрять.

Дульчинъ.

А дальше что?

Мардарій.

Объ чемъ еще съ ней разговаривать! Заперъ дверь; она домой пошла.

Дульчинъ.

Одѣваться приготовилъ?

Мардарій.

Приготовилъ.

Дульчинъ.

Фракъ?

Мардарій.

Фракъ.

Дульчинъ.

И сапоги лаковые?

Мардарій.

Все какъ слѣдуетъ.

Дульчинъ.

Достанъ брилліантовныя запонки!

Мардарій.

Что-жь, и запонки можно.

Дульчинъ.

Завтра поутру я встану поздно...

МАРДАРИЙ.

По обыкновению.

ДУЛЬЧИНЪ.

Нѣтъ, позднѣй обыкновеннаго. Такъ приготовь ты мнѣ къ завтраку бифштексъ хорошій, сочный. (*Звонокъ*). Кто тамъ еще? Если кто изъ кредиторовъ—такъ ты..

МАРДАРИЙ.

Да ужъ знаю—не прививать статью...

ДУЛЬЧИНЪ.

Только ты разнообразь свою фантазію; а то всѣмъ одно и то же. (*Мардарій уходитъ*). Надо у Салая денегъ взять; потребуются расходы. Надо будетъ казаться богатымъ женихомъ, а это не дешево стоить. (*Входитъ Дергачевъ въ старомодномъ фракѣ, завитъ весьма искусно барашкомъ, держитъ себя важно*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДУЛЬЧИНЪ, ДЕРГАЧЕВЪ, потомъ МАРДАРИЙ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Здравствуй, Вадимъ! Во-первыхъ, ты не безпокойся: тамъ все благополучно; я устроилъ. Ну, душа моя, ъдемъ!

ДУЛЬЧИНЪ.

Куда это?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Къ Прибытковымъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Съ этихъ-то поръ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Развѣ рано? Ну, подождемъ. (*Важно ходитъ по комнатѣ*).

ДУЛЬЧИНЪ.

Зачѣмъ же вихри-то у тебя? Да еще въ разныя стороны торчать.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ахъ, оставь. Я знаю, что я дѣлаю. Хорошо тебѣ! ты—красавецъ. Я тебѣ не льщу, ты замѣть, я не льщу никогда... Ты—красавецъ, тебѣ прикрасъ не нужно; а съ моей фигурой и физиономіей надо же что-нибудь.

ДУЛЬЧИНЪ.

Сомнѣваюсь, чтобъ такіе вихри могли кому-нибудь служить украшеніемъ!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Я прошу тебя, оставь! Пожалуйста, безъ сарказмовъ! Это ужъ—
мое дѣло,

Дульчинъ.

И фракъ подгулялъ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Фракъ! Ну, чтѣ же такое фракъ! Гдѣ я возьму? Фракъ еще ни-
чего... Ты скажи тамъ всѣмъ, что я оригиналъ, ну, и конечно
дѣло... что я могу хорошо одѣваться, да не хочу. Мало ли ка-
кіе оригиналы бываютъ!

Дульчинъ.

Если ты находишь оригинальнымъ ходить въ засаженномъ
фракѣ...

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ну, оставь же, я тебя прошу.

Дульчинъ (*ложась на диванъ*).

Однако, я не совѣмъ хорошо себя чувствую.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Чтѣ съ тобой?

Дульчинъ.

Гадко спалъ сегодня.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Съ чего это?

Дульчинъ.

Все-таки, какъ хочешь, важный шагъ, миллионное дѣло; да
ужъ очень совѣстно передъ Юліей.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ты въ сантиментальномъ расположеніи?

Дульчинъ.

Какъ ни толкуй, какъ ни поворачивай дѣло, а вѣдь я посту-
паю съ ней жестоко. Дѣ, съумѣлъ я устроить свою жизнь: чтѣ
ни шагъ, то подлость. Нѣтъ, довольно. Сколько мученій, сколь-
ко вотъ такихъ ночей! А тоска, братецъ. Конечно! Давай руку.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Зачѣмъ?

Дульчинъ.

Я, Лука, человекъ слабый, распущенный, вотъ мое несчастіе!
Мнѣ непременно нужно торжественно поклясться передъ кѣмъ-
нибудь, дать честное слово—оно меня будетъ удерживать.

ДЕРГАЧЕВЪ (*подавая руку*).

Ну, изволь, на!

Дульчинъ (*лежа*).

Вотъ тебѣ честное, благородное слово, что это послѣдняя ни-

вость въ моей жизни. И я сдержу свое слово. Пора быть честнымъ человѣкомъ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Да, ужь это ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Да и гораздо покойнѣе для себя-то, ты пойми.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Еще бы!

ДУЛЬЧИНЪ.

Ну, что Юлія, какъ она?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ничего; задумалась, можетъ быть, поплачетъ. Я ей сказала, что скоро она получитъ извѣстіе отъ тебя. Теперь тебѣ остается написать ей честное, откровенное письмо.

ДУЛЬЧИНЪ.

Письмо написать недолго; но какъ избѣжать объясненій? А вѣдь это, я тебѣ скажу—такая неприятная исторія! Женскія слезы для меня—ножъ острый.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Объясненія предоставь имѣ. На то и друзья, чтобъ все неприятное сваливать на нихъ. Ну, душенька, вставай, поѣдемъ!

ДУЛЬЧИНЪ.

Рано еще. Кто-жъ ѣздить на вечеръ засвѣтло?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Если ты еще не скоро поѣдешь, такъ что-жъ моимъ лошадямъ стоять! Послушай: нѣтъ ли у тебя чего-нибудь изъ мелочи, кучеру дать на чай? Пусть онъ съѣздитъ пока чаю напьется.

ДУЛЬЧИНЪ.

Какому кучеру? откуда у тебя кучеръ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ну, извозчикъ, развѣ это не все равно? Я къ тебѣ въ каретѣ пріѣхалъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Съ какой стати? Другъ, не вдавайся въ роскошь: она ведетъ къ погубели.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Отчего же не позволить себѣ изрѣдка? Все съ тобой, все на чужой счетъ—точно приживала. Ты самъ по себѣ пріѣдешь, а—самъ по себѣ; больше шнгу. (*Входитъ Мардарій*).

МАРДАРИЙ.

Дама какая-то желаетъ васъ видѣть.

ДУЛЬЧИНЪ (*вставая съ дивана*).

Незнакомая? Не Юлія Павловна?

МАРДАРИЙ.

Никакъ нѣтъ съ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Проси сюда! (*Дергачеву*). Убирайся! (*Мардарій уходитъ*).

ДЕРГАЧЕВЪ.

Куда же мнѣ?

ДУЛЬЧИНЪ.

Куда хочешь.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Мнѣ бы только взглянуть—что это за дама такая?

ДУЛЬЧИНЪ.

Ступай въ залу, взгляни и останься тамъ; не смѣй сюда носа показывать. (*Дергачевъ уходитъ. Входитъ Ирина*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Дульчинъ и Ирина.

ДУЛЬЧИНЪ.

Кого я вижу! Ирина Лавровна!

ИРИНА.

Ахъ, Вадимъ, ахъ!

ДУЛЬЧИНЪ.

Какими судьбами? Я сейчасъ самъ къ вамъ собирался.

ИРИНА.

Нѣтъ, нѣтъ, Вадимъ, не надо.

ДУЛЬЧИНЪ.

Какъ, что такое, что случилось?

ИРИНА.

Бѣжимъ!

ДУЛЬЧИНЪ.

Куда?

ИРИНА.

Куда хочешь, только подальше отъ Москвы, подальше отъ людей.

ДУЛЬЧИНЪ.

Чѣмъ же намъ люди мѣшаютъ? Затѣмъ бѣжать?

ИРИНА.

Затѣмъ? Ты спрашиваешь? Затѣмъ, чтобъ утопать въ блаженствѣ.

Дульчинъ.

Да утопать въ блаженствѣ мы можемъ и здѣсь.

Ирина.

Ахъ! это такая проза, такъ обыкновенно, такъ пошло.

Дульчинъ.

Ваша правда; но за то блаженство будетъ прочнѣе, потому что съ благословеніемъ родительскимъ соединятся и другія блага, которыя необходимы въ жизни.

Ирина.

Но, Вадимъ, я боюсь...

Дульчинъ.

Чего, моя фея, чего?

Ирина.

Насъ могутъ разлучить; есть препятствіе.

Дульчинъ.

Я знаю, про какое препятствіе ты говоришь. Я ожидалъ этого. Не бойся; она... то есть это препятствіе... не помѣшаетъ. Когда я желаю достигнуть цѣли, я знать не хочу никакихъ препятствій.

Ирина.

Какой высокій, благородный характеръ! Вотъ и у меня такой же: видишь, какая я смѣлая. И такъ, Вадимъ—или бѣжать, или сейчасъ же вѣнчаться, чтобъ ничто не могло помѣшать намъ.

Дульчинъ.

Сейчасъ нельзя: это такъ скоро не дѣлается.

Ирина.

Какъ ты хочешь, но ужъ я тебя не оставлю, я готова на все.

Дульчинъ.

Какъ не оставишь? Что это значить?

Ирина.

Я къ тебѣ совсѣмъ; я не уйду отъ тебя.

Дульчинъ.

Ирина, подумай!

Ирина.

Нѣтъ, нѣтъ! иначе я бы не была достойна тебя. Ты—мой, и никто насъ не разлучить. Вадимъ, ты искалъ страстной любви; счастливецъ, ты ее нашелъ! *(Бросается на шею Вадиму. Звонко).*

Дульчинъ.

Постой, погоди! Кто-то позвонилъ. Войди на минуту вотъ сюда! *(Провождаетъ Ирину въ боковую дверь и идетъ въ залу. Входитъ Салай Салтановичъ).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дульчинъ и Салай Салтанычъ.

Дульчинъ.

Салай Салтанычъ, вотъ кстати!

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Я всегда кстати, мы не кстати не ходимъ.

Дульчинъ.

Денегъ, Салай Салтанычъ! Давай больше!

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Зачѣмъ шутить? Шутить не надо.

Дульчинъ.

Какія шутки! Я тебѣ серьезно говорю: мнѣ нужны деньги.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Кому не нужно? Всѣмъ нужно. И мнѣ нужно; заплати по векселю!

Дульчинъ.

По какому векселю? Ты никакъ съ ума сошелъ. Ты общалъ ждаты и самъ же мнѣ кредитъ предлагалъ. Ну, вчера, вчера, помнишь. Ты опомнился ли со вчерашняго-то?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Вчера былъ день, нынче—другой; вчера было дѣло, нынче—другое.

Дульчинъ.

Бѣлены, что-ль, ты обѣлся?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Я дома хорошій шашлыкъ ѣлъ, кахетинскій пилъ, бѣлены не кушалъ. Плати деньги.

Дульчинъ.

Да ты много кахетинскаго-то выпилъ?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Самый мѣра, сколько надо. Мы много не пьемъ; бутылка-другой выпилъ—довольно. Зачѣмъ разговоръ? Плати деньги.

Дульчинъ.

Откуда я тебѣ возьму? Ты мои дѣла знаешь: мои деньги впереди, пока у меня только надежда.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Твоя надежда—ничего; никто грошъ не дастъ.

Дульчинъ.

Но вѣдь ты самъ вѣрилъ, ты самъ меня жениться заставлялъ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Кто зналъ? Онъ—пустой человекъ, дрянъ человекъ. Тебя обмануль, меня обмануль, всёхъ обмануль.

ДУЛЬЧИНЪ.

Кто «онъ»? Кто обмануль?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Лавръ Мироничъ: онъ фальшивый векселя дѣлалъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Фальшивые? Зачѣмъ?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Дисконтъ отдавалъ, деньги бралъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

На чье же имя?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Зачѣмъ далеко ходить? Дядя есть, Флоръ Оедулычъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Ну, что-жь Флоръ Оедулычъ? Да говори толкомъ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Нынче узналъ, нынче и деньги платилъ!

ДУЛЬЧИНЪ.

Заплатилъ такъ?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

А не заплати, Лавръ Мироничъ—въ Сибирь гуляй! А теперь мало-мало сидеть въ ямѣ; дѣло знакомый, не привыкать.

ДУЛЬЧИНЪ.

Да ты видѣлъ Флора Оедулыча?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Сейчасъ видѣлъ, въ Троицкомъ съ нимъ сидѣлъ, долго говорилъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

А какъ же внучка, Ирина Лавровна?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

А внучка чѣмъ виновата? Ея дѣло—сторона.

ДУЛЬЧИНЪ.

Значить, его расположеиіе къ ней не измѣнилось?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

За что обижать?

ДУЛЬЧИНЪ.

И приданое дастъ?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Обижать не будетъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Да сколько дастъ-то?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Не обидитъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Да говори! Вѣдь ужъ ты выпросилъ, вызналъ все: развѣ ты утерпѣши!

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Говорить: пять тысячъ дамъ. Его слову вѣрить можно; купецъ обстоятельный: какъ сказалъ, такъ и будетъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Ты меня зарѣзалъ!

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Кто тебя рѣзалъ? самъ себя рѣзалъ. Деньги платить будешь?

ДУЛЬЧИНЪ.

Разумѣется, не буду; откуда возьму?

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

Такъ и знать будемъ. А мнѣ что съ тобой дѣлать? скажи. Совѣтуй; сдѣлай милости!

ДУЛЬЧИНЪ.

Мое дѣло было занимать; а ужъ получай съ меня какъ знаешь; это твое дѣло. Не мнѣ тебя учить.

САЛАЙ САЛТАНЫЧЪ.

И за то спасибо. Прощай! (*Уходитъ. Вбѣгаетъ Дергачевъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ДУЛЬЧИНЪ И ДЕРГАЧЕВЪ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Я слышалъ, все слышалъ. Какое несчастіе, какое ужасное несчастіе, Вадимъ!

ДУЛЬЧИНЪ (*хохочетъ*).

Милліоны-то какъ скоро растаяли.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Значитъ, ѣхать нѣ зачѣмъ. Какъ же карета?

ДУЛЬЧИНЪ.

Какой урокъ, какой урокъ!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Куда я дѣнусь съ каретой?

ДУЛЬЧИНЪ (*не слушая*).

Но! Падать духомъ не надо, еще не все потеряно. Юлія меня выручитъ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Развѣ отпустить карету, да велѣть прїѣхать завтра за получениемъ?

ДУЛЬЧИНЪ.

Вотъ когда узнаешь цѣну истинной-то любви!

ДЕРГАЧЕВЪ.

А потомъ—опять завтра и такъ до безконечности? Денегъ у меня нѣтъ; вѣдь я для тебя нанималъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Къ ней, сейчасъ же къ ней! Ручки, ножки цаловать. Луза! я тебѣ клялся, что больше не сдѣлаю ни одной низости въ жизни; я тебѣ повторяю эту клятву, торжественно повторяю. Ты ее помни!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Да я помню; а какъ же мнѣ съ каретой-то?

ДУЛЬЧИНЪ.

А мнѣ, что за дѣло. (*Подойдя съ боковой двери*). Ирина Лаврова! (*Ирина выходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ДУЛЬЧИНЪ, ДЕРГАЧЕВЪ и ИРИНА.

ДУЛЬЧИНЪ.

Ирина Лаврова, теперь я знаю препятствіе, которое мѣшаетъ нашему блаженству.

ИРИНА.

Вы знаете? (*Кланяется Дергачеву*).

ДУЛЬЧИНЪ.

И, къ несчастью, оно такъ серьезно, что вамъ надо будетъ отправляться къ родителю.

ИРИНА.

Что это значитъ, Вадимъ Григорьичъ?

ДУЛЬЧИНЪ.

У меня сейчасъ былъ Салай Салтамышъ; вы, вѣроятно, слышали хоть часть нашего разговора?

ИРИНА.

Я не имѣю обыкновенія подслушивать.

ДУЛЬЧИНЪ.

Онъ мнѣ передалъ, какое несчастье случилось съ вашимъ родителемъ.

Ирина.

Ну, такъ что же? Это до меня не касается.

Дульчинъ.

Нѣтъ-съ. Въ такомъ положеніи оставлять родителя не слѣдуетъ: ваша обязанность—утѣшать его въ горѣ.

Ирина.

Со мной шутить нельзя, Вадимъ Григорьевичъ. Мнѣ здѣсь лучше, нежели дома, и я отсюда не выйду. Вы завлекли меня до того, что я прибѣжала въ вашу квартиру, въ квартиру холостого человѣка; для меня отсюда одинъ только выходъ: подъ вѣнецъ.

Дульчинъ.

Можно и подъ вѣнецъ, только нѣтъ никакой надобности.

Ирина.

Какъ нѣтъ надобности?

Дульчинъ.

Рѣшительно, никакой. У васъ приданого — пять тысячъ, у меня—ни копейки и пропасть долгу.

Ирина.

Гдѣ же ваше состояніе?

Дульчинъ.

Было когда-то; но отъ него осталось только одно воспомина-
ніе, и ужъ я давнымъ давно голъ, какъ соколъ, и кругомъ въ долгу. Но меня очень полюбили мои кредиторы и не захотѣли ни за что разстаться со мной. Они меня ссужали постоминно деньгами, на которые и жилъ по барски; но ссужали не даромъ. За меня вдвое, втрое заплатила имъ одна бѣдная женщина. То есть, она была богата, а мы ее сдѣлали бѣдной. Теперь она ограблена, и кредиту мнѣ больше нѣтъ. На дняхъ меня посадятъ въ яму; а, по выходѣ изъ ямы, мнѣ предстоитъ только одно занятіе: по погребкамъ венгерскіе танцы танцевать за даугри-
венный въ вечеръ. <Чибираекъ, чибираекъ, чибирашечки!>

Ирина.

Ахъ, какая гадость?

Дульчинъ.

<Съ голубыми ты глазами, моя душечка>. Угодно вамъ идти со мной подъ вѣнецъ?

Ирина.

Я думала, что вы очень богаты.

Дульчинъ.

И я думала, что вы очень богаты.

Ирина.

Какъ я ошиблась!

Дульчинъ.

И я ошибся.

Ирина.

Но какъ же вы говорили, что вы ищете страстной любви?

Дульчинъ.

Отъ чего-жь мнѣ и не говорить?

Ирина.

Но какъ вы смѣли съ такими словами обращаться къ дѣвушкамъ?

Дульчинъ.

Однако, вы слушали мои слова очень благосклонно.

Ирина.

Но какое право вы имѣли желать страстной любви?

Дульчинъ.

Всякій смертный имѣетъ право желать страстной любви.

Ирина.

Скажите, пожалуйста! Человѣкъ ничего не имѣетъ и требуетъ какой-то бѣшеной, африканской страсти! Да послѣ этого всякій прикащикъ, всякій ничтожный человѣкъ... Нѣтъ, ужъ это извините-съ! Только люди съ большимъ состояніемъ могутъ позволить себѣ такіа фантазіи; а у васъ ничего нѣтъ, и я васъ презираю.

Дульчинъ.

На ваше презрѣніе я желалъ бы отвѣтить вамъ самой страстной любовью; но... что вы сказали о мужчинахъ, тоже слѣдуетъ сказать и о женщинахъ: на страстную любовь имѣютъ право только женщины съ большимъ состояніемъ.

Ирина.

Вы—невѣжа, и больше ничего.

Дульчинъ.

За что вы сердитесь? Оба мы ошиблись одинаково, и намъ другъ на друга претендовать нельзя. Мы—люди съ возвышенными чувствами, и, чтобъ удивлять міръ своимъ благородствомъ, намъ недостаетъ пустяковъ — презрѣннаго металла. Такъ вѣдь это не порокъ, а только несчастіе. И потому дайте руку, и разстанемъ друзьями!

Ирина.

Конечно, и я тоже виновата (*подаетъ руку*).

Дульчинъ.

Ну, вотъ! За чѣмъ ссориться? Жизнь велика, мы потомъ встрѣтимся при другихъ, болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ.

Ирина.

Ахъ, кабы это случилось!

Дульчинъ.

И непремѣнно случится: я въ свою звѣзду вѣрю; такіе люди, какъ я, не пропадаютъ. А теперь садитесь въ карету и поѣзжайте домой! (*Дергачеву*). Бѣдный другъ, мой, проводи Ирину Лавровну. Вотъ и для твоей кареты работа нашлась. (*Почтительно цѣлуетъ руку Ирины*).

Ирина.

Ахъ, Вадимъ, зачѣмъ ты не богатъ! Какое это несчастіе!

Дульчинъ.

Я былъ богатъ и буду богатъ, и счастье еще не уйдетъ отъ насъ.

Дергачевъ (*Ирину*).

Позвольте предложить вамъ свои услуги. (*Подаетъ руку. Ирина уходитъ подъ руку съ Дергачевымъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Дульчинъ (*однѣ*).

Дульчинъ.

Я даже радъ, что дѣло такъ кончилось; на совѣсти покойнѣе. Да и по русской пословицѣ — старый другъ лучше новыхъ двухъ. Она хоть и говоритъ, что больше у нея денегъ нѣтъ, да какъ то плохо вѣрится: поглядишь, и найдутся. Оно точно, я просилъ послѣдней жертвы, да вѣдь это только такъ говорится. Последнихъ можетъ быть много, да еще нѣсколько ужъ самыхъ послѣднихъ. Это всегда такъ бываетъ. Вотъ у фокусниковъ и акробатовъ послѣднее представленіе никогда не бываетъ послѣднимъ, за нимъ идутъ еще нѣсколько послѣднихъ, потомъ — «передъ отъѣдомъ изъ Москвы», потомъ — «по требованію публики» и такъ далѣе. (*Входитъ Глафира Фирсовна*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Дульчинъ и Глафира Фирсовна.

Дульчинъ.

Глафира Фирсовна, очень радъ васъ видѣть.

Глафира Фирсовна.

Хоть бы ты и не радъ, да вѣчего дѣлать; я, по должности, съ обыскомъ пришла (*осматриваетъ комнату*).

Дульчинъ.

Отъ кого, Глафира Фирсовна, по какому полномочию?

Глафира Фирсовна.

Пропала у насъ—вотъ и послали меня сыщивомъ. Да ты говори прямо: у тебя, что ли?

Дульчинъ.

Что за пропала, чего вы ищите?

Глафира Фирсовна.

Вещь не маленькая и не дешовая. Уголовное, братъ, дѣло! Живой человѣкъ пропалъ. Ирина Лавровна сбѣжала.

Дульчинъ.

Такъ почему же вы у меня ее ищете?

Глафира Фирсовна.

Гдѣ жъ искать-то? Ей больше дѣваться нѣкуда. Явное подозрѣніе на тебя. Она нынче утромъ толковала: убѣгу да убѣгу къ нему, жить безъ него не могу.

Дульчинъ.

Ошиблись вы въ расчетъ, Глафира Фирсовна; хитрость ваша не удалась. Не вы ли ее и отправили ко мнѣ, чтобы потомъ захватить съ поличнымъ и заставить меня жениться?

Глафира Фирсовна.

А мнѣ-то какая корысть—жениться ты, или нѣтъ?

Дульчинъ.

Много ли приданого-то за Ириной Лавровой?

Глафира Лавровна.

Али ужъ вѣсти дошли?

Дульчинъ.

Милліоны-то ваши гдѣ?

Глафира Фирсовна.

Было да слышно! Развѣ я виновата? Ишь ты отецъ-то у нея какой круговой. Дѣдушка, было, къ ней со всѣмъ расположеніемъ. А его расположеніе какъ ты оцѣнишь? Меньше милліона никакъ нельзя. Теперь на племянниковъ такъ разсердился—бѣда! «Никому, говоритъ, денегъ не дамъ—самъ женюсь». Вотъ ты и поди съ нимъ! И ты хороша! Тебѣ только, видно, деньги нужны; а душу ты не во что считаешь. А ты души нищи, а не денегъ! Деньги—прахъ, вотъ что я тебѣ говорю. Я старый человѣкъ, понимающій; ты меня послушай.

Дульчинъ.

И я человѣкъ понимающій, Глафира Фирсовна; я знаю, что душа дороже денегъ. Я такую душу нашелъ, не безпокойтесь.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Нашелъ, такъ и слава Богу,

Дульчинъ.

Я — счастливецъ, Глафира Фирсовна: жена любить рѣдкая женщина, только я ее цѣнить не умѣлъ. Но послѣ такихъ уроковъ я ее оцѣнилъ; я ее люблю такъ, какъ никогда не любилъ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Гдѣ же ты такую рѣдкость обрѣцешь?

Дульчинъ.

Эта женщина — Юлія Павловна Тугина.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

А ты думаешь, я не знала? Вотъ новость сказать. Дѣ, добрая, хорошая была женщина.

Дульчинъ.

Какъ «была»? Она и теперь есть.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Дѣ, есть; пооди, посмотри, какъ она есть. Эхъ, голубчикъ, уходилъ ты ее!

Дульчинъ.

Что такое? Что вы говорите? Уходилъ! Что значить: уходилъ? Я васъ не пенниваю.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Померла, братъ!

Дульчинъ.

Вотъ вздоръ какой! Что вы сочиняете! Она вчера была и жива, и здорова.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Утромъ была здорова, а въ вечеру померла.

Дульчинъ.

Да пустыня, быть не можетъ!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Да, что жъ мудренаго! Развѣ долго помереть? Оборвется нутро, жила какая нибудь лопнетъ — вотъ и конецъ.

Дульчинъ.

Не вѣрю я вамъ. Съ чего вдругъ здоровый человѣкъ умереть? Нужно очень сильное нравственное потрясеніе или испугъ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

И все это было: заѣхалъ Лавръ Мироничъ, завезъ приглашеніе на балъ и вечерній столъ по случаю помолвки Ирины Лавровны съ Вадимомъ Григорьевичемъ Дульчинимъ — оборвалось сердце и конецъ.

Дульчинъ.

Да неужели? Умоляю васъ, говорите правду!

Глафира Фирсовна.

Какой еще тебѣ правды! Ошибъ обморокъ: приведутъ въ чувство—опять обморокъ. Былъ докторъ, говоритъ: «коли такъ дѣло пойдетъ, такъ ей не жить». Вечеромъ поздно я была у нея—лежить, какъ мертвая; опомнится, опомнится, да опять глаза заведеть. Сидимъ мы съ Михайной въ другой комнатѣ, говоримъ шепотомъ; вдругъ она лютѣе крикнула. «Поди, говорю, Михайвна, провѣдай!» Вернулся Михайвна въ слезахъ; «надо быть, говорить, отходить». Съ тѣмъ я и ушла.

Дульчинъ.

Да ждете вы, ждете вы! Вы только хотите мучить меня. Что жъ вы не плачете? Кто жъ не заплачетъ объ такой женщинѣ? Камнемъ надо быть.

Глафира Фирсовна.

Эхъ, голубчикъ, всѣхъ мертвыхъ не оплачешь! Будетъ съ меня, наплакалась я вчера. А вотъ хоронить будемъ, и еще поплачу.

Дульчинъ (*схватясь за голову*).

Были въ моей жизни минуты, когда я былъ гадокъ самъ себѣ, но такого отчаянія, такого ада я еще не испытывалъ. Зналъ я за собой слабости, проступки, оплакивалъ ихъ, хоть и безъ пользы. А ужъ это преступленіе! Вѣдь я... Вѣдь я—убійца! (*Остается на мѣстѣ передъ портретомъ Юліи*).

Глафира Фирсовна.

Не воротись, другъ мой, не воротись! Да что это темнота такая! Хоть огня велѣть подать. (*Уходитъ въ залу*).

Дульчинъ.

За что я погубилъ это сокровище? Я губилъ тебя, губилъ твое состояніе, какъ глухой ребенокъ, который ломаетъ и бросаетъ свои дорогія, любимыя игрушки. Я бросалъ твои деньги ростовщикамъ и шулерамъ, которые надо мной же смѣются и меня же презираютъ. Я поминутно оскорблялъ твою любящую, ангельскую душу—и ни одной жалобы, ни одного упрека отъ тебя. И, наконецъ, я же убилъ тебя. И я не былъ при твоихъ послѣднихъ минутахъ! Я готовъ бы отдать всю жизнь, чтобъ слышать послѣдніе звуки твоего голоса, чтобъ уловить твой послѣдній прощающій взглядъ! (*Тихо выходитъ Юлія Павловна*).

*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ДУЛЬЧИНЪ и Юлія Павловна.

ДУЛЬЧИНЪ.

Боже мой! Что это? Юлія! Юлія! Или это обманъ чувствъ, милый! призракъ! Юлія, ты жива? *(Юлія тихо подходитъ къ столу и беретъ портретъ)*. Но вѣдь видѣній не бываетъ. *(Съ радостью)*. Юлія, ты жива; ты сама пришла ко мнѣ? А мнѣ сказали, что ты умерла.

Юлія.

Да, это правда, я умерла.

ДУЛЬЧИНЪ *(съ ужасомъ)*.

Умерла?

Юлія.

Да, умерла... для васъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

О, если ты жива для другихъ, такъ жива и для меня! Ты не можешь принадлежать никому, кромѣ меня; ты слишкомъ много любила меня... Такая любовь не переходитъ скоро. Не притворяйся! Твоя безконечная преданность дала мнѣ несчастное право мучить тебя... Твоя любящая душа все проститъ, и ты опять будешь любить меня и приносить для меня жертвы.

Юлія.

Я принесла послѣднюю.

ДУЛЬЧИНЪ.

Юлія, не обманывай себя и меня! Ну, что такое особенно ужасное я сдѣлалъ? Все это было и прежде, и все ты мнѣ прощала.

Юлія.

Гдѣ ваши имѣнія, планы которыхъ вы мнѣ показывали?

ДУЛЬЧИНЪ.

Да, гадко, гадко—я сознаюсь. *(Мардарій вноситъ сѣчки и угождаетъ)*.

Юлія.

Я вамъ прощаю это; одного я простить не могу.

ДУЛЬЧИНЪ.

Чего же, чего же?

Юлія.

Вы проиграли деньги.

Дульчинъ.

Да развѣ это въ первый разъ? Да и велики-ль деньги?

Юлія.

Какія бъ ни были; но онѣ мнѣ стоили слезъ, стыда и униженія; а вы ихъ бросили.

Дульчинъ.

Во-первыхъ, для женщины слезы стоятъ не дорого; а, во-вторыхъ, женщины ничего не жалѣютъ и все переносятъ для любимаго человѣка.

Юлія.

Я и не жалѣла ничего для васъ; я вамъ отдавала все, что у меня было; я все переносила для васъ: одного я перенести не могу. Вы заставляли меня терпѣть стыдъ и униженіе и не оцѣнили этой жертвы. Я разсудила, что лучше мнѣ разлюбить васъ, чѣмъ сдѣлаться для васъ безстыдной попрошайкой.

Дульчинъ.

Хороша любовь, которая можетъ хладнокровно разсуждать.

Юлія.

А эта любовь хороша? (*Подаетъ пригласительный билетъ Лавра Миронича*).

Дульчинъ.

Это клевета, это интрига противъ меня. Впрочемъ, какъ я глупъ, что оправдываюсь передъ тобой! Развѣ передъ любовницами оправдываются, развѣ ихъ уговариваютъ? Слова только больше сердятъ ихъ, логика на нихъ не дѣйствуетъ—на нихъ дѣйствуютъ ласки, поцѣлуи, объятія!

Юлія.

У меня есть защита.

Дульчинъ (*сметая*).

Защита? Зачѣмъ? Развѣ я обижать тебя хочу!

Юлія.

Ваши ласки хуже обиды для меня.

Дульчинъ.

Защита! Но кто же можетъ, кто осмѣлится защищать тебя отъ моихъ ласкъ, да еще здѣсь, въ моей квартирѣ. (*Хочетъ обнять Юлію*).

Юлія (*зротно*).

Флоръ Оедульчъ! (*Входятъ: Флоръ Оедульчъ, Глафира Фирсова и Дергачевъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ДУЛЬЧИНЪ, Юлія Павловна, Флоръ Федулычъ, Гла-
фира Фирсовна и Дергачевъ.

Флоръ Федулычъ.

Честъ мнѣ кланяться, милостивый государь! Извините, что
безъ приглашенія! Впрочемъ, мы—люди знакомые. (Юлія). Что
вамъ угодно, Юлія Павловна?

Юлія.

Намъ пора домой.

Флоръ Федулычъ (*предлагая руку*).

Пожалуйте-съ!

Дульчинъ.

Позвольте, Юлія Павловна; у насъ остаются неоплаченные
счета: я вамъ долженъ.

Юлія.

Вы мнѣ ничего не должны.

Дульчинъ.

У васъ есть мои документы.

Флоръ Федулычъ.

Изволете ли видѣть-съ: я имѣю согласіе Юлія Павловны на
вступленіе со мной въ бракъ, такъ ваши документы поступаютъ
ко мнѣ, вмѣсто приданого.

Дульчинъ (*съ изумленіем*).

Вмѣсто приданого?

Флоръ Федулычъ.

Такъ точно-съ. Угодно вамъ будетъ деньги заплатить, или
прикажете представить ихъ по выпискѣ? Одинъ Монте-Кристо
на дняхъ переѣзжаетъ въ яму-съ, такъ, можетъ быть, и другому
Монте-Кристо угодно будетъ сдѣлать ему компанію. Во всякомъ
случаѣ, прошу вашего извиненія. Имѣемъ честь кланяться. (*Ухо-
дитъ подъ руку съ Юліей Павловной*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

ДУЛЬЦИНЪ, ГЛАФИРА ФИРСОВНА И ДЕРГАЧЕВЪ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Вотъ такъ отрѣзали! Коротко и ясно. Какое старикъ-то у меня!

ДУЛЬЦИНЪ.

Револьверъ! (*Идетъ къ столу*).

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Ахъ, страсти!

ДЕРГАЧЕВЪ (*загораживая Дульцину дорогу*).

Что ты, что ты!

ДУЛЬЦИНЪ.

Револьверъ, говорю я. (*Подходитъ къ столу*). Отойти, убьё!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Что ты, что ты! Дай мнѣ срокъ хоть на улицу-то выбраться!

ДУЛЬЦИНЪ.

Никто ни съ мѣста!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА (*падая въ кресло*).

Постой! Дай хоть зажмуриться-то!

ДУЛЬЦИНЪ (*взявъ револьверъ*).

Прощай, жизнь! (*Садится къ столу*). Безъ сожалѣнья оставляю я тебя, и меня никто не пожалѣетъ; и ты мнѣ не нужна, и я никому не нуженъ. (*Осматриваетъ револьверъ*). Какъ скоро и удовлетворительно рѣшаетъ онъ всякія затрудненія въ жизни. (*Открываетъ столъ*). Написать нѣсколько строкъ. А! зачѣмъ? (*Взглянувъ въ ящикъ*). Вотъ еще денегъ немножко: остатки прежняго величія? Зачѣмъ онѣ останутся? Не прокутить ли ихъ, или ужъ не затягивать? (*Подумавъ нѣсколько, ударяетъ себя по лбу*). Ва! Глафира Фирсовна!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Что, батюшка? Да ты застрѣлился, или нѣтъ еще?

ДУЛЬЦИНЪ.

Нѣтъ еще, чортъ возьми, а надо бы! Да это еще не уйдетъ отъ меня. Попробую еще пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денегъ?

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Милліонъ.

ДУЛЬЧИНЪ.

Свѣтай мнѣ вдову Пивокурову!

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Давно-бъ ты за умъ взялся.

ДУЛЬЧИНЪ.

Вези меня къ ней сейчасъ! (*Встаетъ*).

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

Вотъ и разчудесно. Поѣдемъ! (*Встаетъ*).

ДЕРГАЧЕВЪ.

Нѣтъ, позволь, а какъ же мнѣ быть съ каретой-то?

ДУЛЬЧИНЪ (*беретъ шляпу*).

А вотъ женись на Пивокуровой, тогда за все расплатимся.

КОНЕЦЪ.

11 Октября 1877 года.

А. Островскій.

ОБЪ УЧАСТИ РОССИИ

ВЪ ОСВОБОЖДЕНІИ ХРИСТІАНЪ ОТЪ ТУРЕЦКАГО ИГА.

Нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ, а, пожалуй, и большинство изъ нихъ, разсуждая о причинахъ, вызвавшихъ настоящую войну Россіи съ Турціею, видятъ въ цѣли этой войны — освободить турецкихъ христіанъ отъ магометанскаго ига — наследственную, историческую задачу Россіи, т. е. видятъ такое событие, которое порождено не какими-нибудь случайностями, но подготовлялось постепеннымъ ходомъ нашей исторіи. Мы не будемъ входить здѣсь въ пространныя разсужденія о томъ, существуютъ ли вообще для народовъ историческія задачи, тяготящія надъ ними какимъ-то роковымъ предопредѣленіемъ, или же только непредвидимыя случайности, вызывая въ правительствахъ и народахъ стремленія, отличныя отъ прежнихъ, производить болѣе или менѣе важный переломъ въ обычномъ теченіи политическихъ событій и дають имъ новое направленіе, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока не явится новая вліятельная случайность? Вообще, вопросъ о стойкости историческихъ задачъ и о какомъ-то историческомъ предназначеніи народовъ представляется вопросомъ слишкомъ туманнымъ и спорнымъ. По поводу его можно сказать многое и за, и противъ. Такъ, нельзя отвергать, что иные народы, со времени перваго появленія своего на историческомъ поприщѣ и до самаго своего исчезновенія, оставались какъ будто неуклонно-вѣрны своему первоначальному призванію. Но за то другіе представляли совершенно противоположное явленіе, выработывая изъ себя такихъ историческихъ дѣятелей, какихъ заранѣе невозможно было въ нихъ предвидѣть. Нельзя также отвергать, что иной разъ нущенная въ ходъ новая идея, противорѣчащая прежнему складу народныхъ понятій, или постепенно укрупняется и расширяется, или производитъ вдругъ крутой, неожиданный переворотъ и przygotowляетъ такіа событія

какія не могли бытъ въ виду у предшествовавшихъ поколѣній. Нерѣдко также энергическіе дѣятели, ставшіе во главѣ государства, сильно вліяютъ на измѣненія въ ходѣ историческихъ событій и даютъ народу новый толчокъ, уклоняющій его съ того пути, по которому онъ шелъ прежде. Развѣ, напримѣръ, можно считать для Пруссіи, составившейся изъ отнѣченныхъ славянъ и бывшей вассальнымъ владѣніемъ Польши, историческою задачею то положеніе, какое она занимаетъ въ Европѣ, и тѣ стремленія, какія она проявляетъ въ отношеніи Германіи? Только рядъ случайностей привелъ Пруссію къ настоящему ея величію, но вовсе не послѣдовательный ходъ ея исторической жизни.

Независимо отъ всего этого, въ каждомъ народѣ измѣняются и вырождаются господствующія въ немъ понятія, и если это происходитъ не съ годами, то съ вѣками: чтѣ для предковъ какого-нибудь народа казалось неизмѣннымъ, неизблемымъ, священнымъ, то для ихъ потомковъ представляется уже несомненнымъ, лишнимъ и совершенно чуждымъ явленіемъ, и наоборотъ. При такихъ условіяхъ, приходится съ достаточною уверенностью сказать, что толки о народно-историческихъ задачахъ едва ли найдутъ для себя поддержку въ дѣйствительной жизни народовъ и что историкъ, дѣлающій на основаніи ихъ положительныя выводы о настоящемъ и грядущемъ, болѣею частью впадаетъ въ заблужденіе. Онъ нерѣдко создаетъ какую-нибудь свою собственную историческую теорію, не обращая вниманія на то, что совокупность событій, вліяніе сосѣднихъ и даже отдаленныхъ народностей, развитіе просвѣщенія и разныя условія гражданского и общественнаго быта страны измѣняются, ослабляютъ и нерѣдко истребляютъ съ корнемъ многое, а иногда и все, чтѣ, какъ казалось бы, должно составлять историческую неотъемлемую основу народной жизни, судя по прежней ея обстановкѣ.

Предвзятый взглядъ на историческое предопредѣленіе народовъ дѣлаетъ даже самаго безпристрастнаго историка одностороннимъ, не даетъ должнаго простора его выводамъ и заставляетъ его или утаивать, или, прибѣгая къ натяжкамъ, искажать и затемнять факты, неподходящіе къ его теоретическимъ воззрѣніямъ. Произведенія такого историка будутъ имѣть значеніе публицистики съ примѣсю историческихъ, невѣрно освѣщенныхъ фактовъ. Такого рода публицистика, конечно, можетъ быть весьма пригодна для возбужденія общественнаго настроенія въ желаемомъ направленіи. Вслѣдствіе поспѣшности въ ней ссылокъ на исторію, личныя взгляды писателя какъ будто отодвигаются на задній планъ, и въ замѣнъ ихъ является, повидимому, неподкуп-

ский голосъ исторіи. Впрочемъ, иногда поступаютъ еще проще: составившія когда-то, подъ вліяніемъ извѣстныхъ понятій и стремленій, взглядъ на какіе-либо историческіе факты выдается за историческую истину, неподлежащую дальнѣйшей критикѣ: ходячія фразы и патетическіе возгласы замѣняютъ ее. Объ исторической же правдѣ, которая должна быть чужда и преднамѣреннаго искаженія, и умышленнаго умолчанія, въ такихъ случаяхъ, не бываетъ и помину, и читателю предлагается принять на вѣру то, о чемъ твердили издавна и что повторяется снова только въ нѣсколько измѣненной формѣ.

Да и къ чему, наконецъ, ведутъ ссылки на историческія задачи, которыя очень часто могутъ служить только тяжелыми путями для развитія народной жизни подъ вліяніемъ новыхъ понятій и подъ вліяніемъ современныхъ, а не миновавшихъ уже потребностей? Если среди народа оказались небывалые еще формы и стремленія въ хорошую сторону, то незначѣтъ наводить справку о томъ, составляютъ ли они историческую задачу? Настоящее можетъ освятить ихъ точно такъ же, какъ осватило бы ихъ и прошедшее. При томъ, исторія даетъ не одинъ только положительныя, но и отрицательныя поученія, побуждая новое поколѣніе исправлять грѣхи и ошибки предшествовавшихъ поколѣній, внушая настоящимъ дѣятелямъ, что они или должны исполнять то, что не было совершенно ихъ предшественниками, или поднять новые вопросы, хотя бы вопросы эти и противорѣчили ходу историческихъ событій...

Къ числу вопросовъ, пущенныхъ у насъ въ обращеніе при одностороннемъ на нихъ взглядѣ, принадлежитъ вопросъ объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига — участіи, которое, какъ мы замѣтили, признается многими нашею историческою задачею. Мы посмотримъ, однако, какъ въ былое время понималась у насъ эта задача, и на основаніи историческихъ данныхъ, постараемся придти къ заключенію: дѣйствительно ли оставлена такая задача въ наслѣдіе Россіи неизбѣжнымъ ходомъ ея исторіи, или же задача эта явилась только недавно подъ вліяніемъ новыхъ, прежде намъ чуждыхъ понятій и стремленій?

Религіозная связь Руси съ Востокомъ, поработченными турками, хорошо извѣстна. Въ XIV столѣтіи русскіе паломники ходили на поклоненіе святымъ мѣстамъ цареградскимъ, палестинскимъ и іерусалимскимъ, а греческіе монастыри посылали въ Русь церковныя книги, уставы и тріоди. Когда въ Москву пришла вѣсть о паденіи Царьграда русскіе дѣтисыцы изъявили свою скорбь объ этомъ событіи, замѣчая, что причинами такого страшнаго

бѣдствія было утѣшеніе народа, отсутствіе правды въ судахъ и мужества въ сердцахъ христіанъ, а также вѣроломство и позорное ихъ бѣгство съ полей битвъ. Въ порабощеніи христіанъ невѣрными лѣтописцы наши видѣли перстъ божій, небесную кару и, подъ вліяніемъ этого религіознаго взгляда, чаяли избавленія христіанъ отъ турокъ только благостью Всевышняго. Подражая пророку Іереміи, русскіе бытописцы, въ XIV и XV вѣкахъ, плакались и надъ запустѣніемъ Бѣлграда и всей сербской земли, но они не выгнали къ своимъ соотечественникамъ о помощи угнетеннымъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, а только съ патріотическимъ эгонизмомъ увѣщевали своихъ родичей беречь свою землю отъ поганыхъ, чтобъ и русскіе люди не пострадали какъ болгаре, греки, албанцы и босняки.

Взглядъ русскихъ на покореніе христіанъ турками, какъ на предопредѣленіе свыше, выражался и въ послѣдующее время. Такъ, Курбскій пишетъ: «Грѣхъ ради христіанскихъ Константиновъ градъ, по Божіему правдивому суду, преданъ былъ подъ власть безбожныхъ турокъ». Въ основу стремленія къ освобожденію христіанъ изъ подъ ига невѣрныхъ должно было быть положено понятіе о такомъ предпріятіи, какъ о предпріятіи богоугодномъ, а между тѣмъ господствовавшій у насъ религіозный взглядъ и препятствовалъ прежде всего осуществленію этого предпріятія, такъ какъ при этомъ приходилось бы поступатъ «противъ правдиваго суда Божьяго».

Лѣтописцы наши чаяли прежде освобожденія христіанъ отъ турокъ оружіемъ крестоноснаго воинства, и когда крестоносцы, въ 1204 году, овладѣли Царьградомъ, то они замѣтили: «не такъ приказалъ имъ царь нѣмецкій (т. е. императоръ римско-нѣмецкій) и папа римскій», т. е. высказали мысль, что западное христіанство должно было спасти восточное отъ ига невѣрныхъ, а не поработить его своей властью.

Водвореніе турецкаго господства въ Европѣ застало Москву еще подъ татарскимъ игомъ, но время освобожденія ея уже близилось. Въ эту пору государство московское, по своему географическому положенію, было отдалено отъ турецкихъ владѣній, и потому оно было пока безопасно отъ новыхъ грозныхъ завоевателей, но Западная Европа дрожала въ виду быстрыхъ успѣховъ ихъ оружія, и на западъ проявилась первая мысль о томъ, чтобы Россія, въ союзѣ съ другими христіанскими державами, употребила свои силы для освобожденія христіанства отъ господства турокъ. Пана Павелъ II задумалъ посватать великому князю московскому Ивану III княжну Софію Палеологъ, жившую въ Римѣ. Сватовство новель онъ черезъ одного изъ греческихъ митропо-

литовъ, подписавшихъ актъ флорентинской уніи—кардинала Виссаріона, которому и поручилъ склонить жениха къ союзу европейскихъ государей противъ турокъ. Папа желалъ также, чтобъ великій князь подбилъ хана Золотой Орды идти на султана войною. На такое предположеніе Иванъ отвѣчалъ, что, если побѣда ордынцевъ и будетъ бѣдственна для турокъ, то она окажется такою же и для христіанъ. Кромѣ того, великій князь осылался на то, что для ползанія орды на турокъ нужно имѣть много денегъ, да, по всей вѣроятности, что и король венгерскій не согласится пропустить татаръ черезъ свои владѣнія. Такимъ образомъ, первая дѣвшаяся съ католическаго запада попытка склонить Москву къ участію въ освобожденіи христіанъ отъ мусульманскаго владычества не имѣла никакихъ послѣдствій.

Вскорѣ послѣ того господство татаръ надъ Русью уничтожилось, и Москва вступила въ сношенія съ турками. Сношенія эти не начались непосредственно, такъ какъ они были заведены чрезъ крымскаго хана Менгли-Гирея. Посолъ великаго князя къ королю венгерскому, Матвѣю Корвану, дьякъ Курицынъ, на возвратномъ пути былъ захваченъ турками въ Бѣлградѣ, но, по ходатайству короля венгерскаго и крымскаго хана, турки его освободили. Возвратясь въ Москву, дьякъ Курицынъ сообщилъ великому князю, что находившіеся въ Бѣлградѣ турецкіе паша намеряли ему, почему бы государю московскому не вступить въ дружественныя сношенія съ ихъ падишахомъ? Великій князь, освободитель Руси отъ магометанскаго ига, не отвергъ предложенія—завести пріязнь съ повелителемъ магометанъ и, при посредствѣ крымскаго хана Менгли-Гирея, вступилъ въ дружественныя переговоры съ султаномъ Байзетомъ.

О какомъ либо заступничествѣ за христіанъ или о покровительствѣ имъ, при начавшихся переговорахъ между Москвою и Стамбуломъ, не было вовсе рѣчи, и замѣчательно, что эти переговоры имѣли исключительно меркантильный характеръ. Въ Азовѣ и въ Кафѣ, городахъ, подпавшихъ подъ власть турокъ, русскіе купцы стали подвергаться различнымъ стѣсненіямъ не какъ христіане, но какъ торговые люди. Такъ, въ Азовѣ паша заставлялъ русскихъ людей копать ровъ и возить камни для постройки крѣпости. Тамъ же и въ Кафѣ турецкія начальства, оцѣнивая низко привозные русскіе товары, платили за нихъ только половину этой цѣны, а пожитки и товары, остававшіеся послѣ умершихъ купцовъ, брали на султана. Притѣсненія такого рода могли кончиться тѣмъ, что русскіе перестали бы торговать въ Азовѣ и въ Кафѣ, а между тѣмъ торговля въ этихъ городахъ была чрезвычайна выгодна для Россіи. Поэтому, чтобъ охранить торговые

интересом русских, великій князь, въ 1492 году, послалъ къ султану Балзету, чрезъ Менгли-Гирей, дружественную грамоту, жалуюсь въ ней на притѣсненія, испытывавшія въ Азовѣ и въ Кафѣ завѣжными туда русскими кунцами, и прибавляя, что если такіа притѣсненія будутъ продолжаться, то онъ не будетъ отпускать гостей въ турецкія земли.

Такимъ образомъ, въ то время, когда въ Западной Европѣ дѣятельно хлопотали объ общемъ союзѣ христіанскихъ государствъ противъ турокъ, Москва, напротивъ, старалась сблизиться съ ними и, отложивъ въ сторону всякіе поводы къ религіознымъ и политическимъ столкновѣніямъ, заботилась только о своихъ торговыхъ интересахъ, такъ что, при этихъ условіяхъ, исторія пока вовсе не думала приступать къ составленію той задачи, которую пришлось нинѣ разрѣшать Россіи.

Карамзинъ замѣтилъ, что «Іоаннъ Великій искалъ союза съ султаномъ Балзетомъ, а сынъ и преемникъ Іоанна, Василій, съ Салимомъ». Дѣйствительно, въ 1513 году Василій Ивановичъ отправилъ къ Салиму своего посла съ изъявленіемъ желанія жить съ нимъ «въ братской любви». Повелитель православныхъ отвѣчалъ на такое заявленіе московскаго государя грамотою, писанною на сербскомъ языкѣ, и, съ своей стороны, выражалъ желаніе, чтобы «между ними и великимъ княземъ люди благополучно ходили и торговцы торговали». Василій не удовольствовался этимъ и въ 1515 году сталъ дѣятельно хлопотать о союзѣ съ султаномъ противъ Литвы, съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ. Такъ какъ на предложеніе это султанъ долго не отвѣчалъ, то великій князь говорилъ съ боярами, что надобно было бы отправить въ Царьградъ другого посла, дабы «спросить султана о здоревѣ». По понятію тогдашней московской дипломатіи, такой запросъ считался крайнимъ предѣломъ важности, вниманія и уваженія. Посолъ былъ отправленъ, но это занескиваніе не помогло. На предложеніе о союзѣ Салимъ не далъ Василію положительнаго отвѣта, но оказалъ ему съ своей стороны услугу, удержавъ хана крымскаго отъ вторженія въ русскія владѣнія заявленіемъ, что великій князь московскій ему, султану—«великій другъ».

Само-собою разумѣется, что, при такомъ ходѣ дѣлъ, православная Москва не оказывалась вовсе непримиримой ненавистницей мусульманства. Благовѣрные великіе князья старались завести тѣсную дружбу съ православными калифами и искали съ ними прочнаго союза. Религіозные вопросы не выдвигались ни съ той, ни съ другой стороны, и сношенія Москвы съ Стамбуломъ отличались самымъ реальнымъ характеромъ: они огра-

начивались торговыми дѣлами, преимущественно же русскіе хлопотали о томъ, чтобы во владѣніяхъ султана не было «зауморщивъ», то есть, чтобы турецкія власти не забирали въ казну надѣвша пожитковъ, оставшихся послѣ смерти русскихъ торговцевъ. При такихъ утилитарныхъ сношеніяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о печальной судьбѣ христіанъ, порабощенныхъ турками.

Между тѣмъ, съ запада шли въ Москву внушенія много свойства. Прибывшій въ 1517 году туда, для примиренія Василія съ королемъ польскимъ Сигизмундомъ, царскій посолъ баронъ Герберштейнъ коснулся вопроса о положеніи христіанъ, находившихся подъ властью султана. Герберштейнъ говорилъ великому князю, что много лѣтъ христіанскіе правители междоусобицами бранями и раздорами себя озабочили и много христіанской крови проливали, а никакой христіанству пользы отъ того не произошло, потому что невѣрные и враги христіанскаго имени, т. е. турки и татары, отъ того смѣлѣе и выгоднѣе дѣла свои дѣлать могли. Притомъ Герберштейнъ сообщилъ, что турки побѣдили египетскаго султана, овладѣли Дамаскомъ и Іерусалимомъ, и добавлялъ, что если они и безъ того были сильны, то чего не задумаютъ они послѣ такихъ завоеваній?

Приводя этотъ доводъ, посолъ склонялъ великаго князя къ союзу съ христіанскими государями противъ турокъ, какъ противъ враговъ всего христіанскаго міра; но всѣ убѣжденія Герберштейна оказались безплодны. По поводу этого Курбскій замѣчаетъ, что Герберштейнъ «въ варварскихъ языцѣхъ, глубокыхъ (?), ради жестокихъ ихъ обычаевъ, не возмогъ сего достохвальнаго дѣла исполнить».

Въ слѣдующемъ 1518 году прибѣжали въ Москву новые царскіе послы, Францискъ да-Колло и Антоній де-Контти. Они также убѣждали великаго князя ополчиться противъ турокъ, и вотъ въ какихъ краснорѣчивыхъ словахъ передаетъ Карамзинъ направленныя къ тому убѣжденія:

«Послы представили картину оттоманскихъ завоеваній въ трехъ частяхъ свѣта отъ Воспора Фракійскаго до песковъ Египетскихъ, Кавказа и Венеціи, описали жалостное рабство греческой церкви, матери нашего христіанства, угнетеніе сватынь, гроба Спасителя, Назарета, Виллеема и Синая подъ властью магометанъ, разъяснили, что порта въ сосѣдствѣ съ нами черезъ Тавриду можетъ положить свою тяжкую руку и на Россію». Въ заключеніе они упомянули о свирѣности султана Селима, «взжигающаго передъ собою свѣтильники отъ туза христіанскихъ сердецъ».

Василій былъ, однако, истинный преемникъ великихъ князей московскихъ, смотрѣвшихъ, при всей ихъ религіозности, на государственныя дѣла съ самой практической точки зрѣнія. Онъ не тронулся умиленными убѣжденіями цесарскихъ пословъ и не хотѣлъ мириться со своимъ врагомъ Сигизмундомъ для того только, чтобъ доставить Западной Европѣ возможность общими силами сломить турокъ, какъ поработителей христіанства. Онъ настоятельно требовалъ отъ Польши уступить Смоленскъ Москвѣ и, въ уваженіе къ посредничеству императора, согласился только на пятилѣтнее перемиріе съ Сигизмундомъ.

Безуспѣшны были также старанія папы Льва X подвинуть Василія къ союзу съ христіанскими монархами противъ турокъ. Папа предлагалъ ему, между прочимъ, стоять за свою «отчину Константинопольскую», считая великаго князя наследникомъ императорскаго дома Палеологовъ. На всѣ эти прививы со стороны Василія послѣдовала такой краткій отвѣтъ: «Мы съ Божіею волею противъ невѣрныхъ за христіанство стоять будемъ». Слова эти слишкомъ неопредѣлены для того, чтобъ въ нихъ можно было видѣть сознаніе той исторической задачи, которая выпала будто бы на долю Россіи.

При сынѣ и преемникѣ великаго князя Василія, царѣ Иванѣ Грозномъ, такая задача въ вѣличности также не игнорировалась. Москва не только не брала на себя почину въ дѣлѣ освобожденія поработенныхъ турками христіанъ, но, напротивъ, дружилась съ ихъ притѣснителями и заискивала расположеніе ихъ властелиновъ. Царь Иванъ старался сблизиться съ султаномъ, хотя покореніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго предвѣщало разрывъ между русскими и турками. Дѣйствительно, султанъ рѣшилъ отправить подѣ Астрахань сильное войско, но ханъ крымскій, опасаясь усиленія господства турокъ на берегахъ Чернаго Моря, Дона и Волги, удерживалъ султана, выставляя передъ нимъ всѣ трудности такого отдаленнаго похода. Походъ, однако, состоялся, но кончился для турокъ весьма неудачно.

Несмотря на такой благоприятный для Москвы исходъ перваго вооруженнаго столкновенія съ турками, царь не только согласился давать «поминки» хану крымскому, но и посѣвшилъ отправить въ Константинополь своего посла, чтобъ напомнить тамъ о дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ прежде между султанами и государями московскими. При такой политикѣ Москвы съ Турціею, въ сношеніяхъ первой не только не было никакого предстательства, но даже и никакой смиренной просьбы за поработенныхъ христіанъ. Иванъ, въ настоящемъ случаѣ, выражалъ религіозный индеферентизмъ. Онъ приказывалъ своему

послу объявить въ Стамбулѣ, что магометанство въ государствѣ московскомъ никакихъ притѣсненій не терпитъ, что вѣры магометовой государь не рушитъ и дозволяетъ устроить мизгени (мечети) и кишени (кладбища).

Отправка вслѣдъ за тѣмъ въ султану другого царскаго посла, Кузьминскаго, еще яснѣе показываетъ, какъ равнодушно относилась Москва къ вопросу объ избавленіи христіанъ отъ турецкаго ига. Послу наказано было напомнить въ Царьградѣ о «братской дружбѣ и любви», а также и о томъ, что султанъ былъ «за одно съ государемъ московскимъ на цесаря римскаго, на польскаго короля, чешскаго, французскаго и на иныхъ королей, и на всѣхъ государей италіанскихъ (т. е. западно-европейскихъ)». Очевидно, что такой перечень монарховъ могъ быть замѣненъ болѣе простымъ заявленіемъ—напоминаніемъ о томъ, что православная Москва и невѣрный Стамбулъ дѣйствовали за одно противъ христіанскихъ народовъ.

Между тѣмъ, около этой поры западныя державы не только старались остановить дальнѣйшія завоеванія турокъ, но и выгнать ихъ изъ Европы и съ этою цѣлью отъ приглашали государей московскихъ вступить въ общій христіанскій союзъ. Для достиженія этого нужно было, прежде всего, водворить общій миръ среди христіанскихъ народовъ и потому въ 1559 году, послы нѣмецкаго императора Фердинанда I старались примирить Ивана съ тевтонскимъ орденомъ и предлагали доставить ему, въ замѣнъ Ливоніи, господство надъ Литвою, если онъ будетъ стоять за одно съ цесаремъ противъ султана. Послы говорили царю, что, при общемъ союзѣ христіанскихъ монарховъ, въ короткое время можно прогнать турокъ изъ Европы и что тогда «все греческое царство» будетъ уступлено русскому государю.

По участію въ освобожденіи христіанскаго міра отъ турецкаго господства, Русь, въ сравненіи съ Западною Европою, представляеть рѣзкую разницу. На Западѣ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, участіе христіанскихъ народовъ въ этомъ дѣлѣ было господствующею религіозною идеею, тогда какъ Русь не только равнодушно относилась къ этой идеѣ, но даже напротивъ, въ лицѣ своихъ представителей, старалась какъ можно ближе сходитьсь съ турками. Мысль объ освобожденіи христіанства отъ владычества ислама лихорадочно волновала на Западѣ всѣ умы, ополчала государей и ихъ подданныхъ подъ знаменіемъ креста противъ ненавистнаго полумѣсяца, заставляла безропотно переносить труды, жертвы и лишения и обратилась даже въ какой-то религіозный культъ. Однимъ изъ главныхъ обѣтовъ возникавшихъ тогда рыцарскихъ орденовъ было истреб-

левіе исчадія Магомета, а нѣкоторые духовно-рыцарскіе ордена, какъ, наприимѣръ, орденъ тамплиеровъ и орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, впоследствии мальтійскій, были основаны исключительно съ этою богоугодною цѣлю. Короли венгерскіе, въ качествѣ великихъ магистровъ ордена св. Стефана, приносили торжественную присягу—никогда не мириться съ невѣрными. Союзда и единоплеменница Россіи, Польша, не участвовавшая въ крестовыхъ походахъ, впоследствии принимала самое дѣятельное участіе во всѣхъ попыткахъ Западной Европы освободить христіанъ отъ турецкаго ига. По разсказу польскаго хроникера Бѣльскаго, король Стефанъ Баторій, подъ конецъ своей жизни, намѣревался предпринять походъ на Москву съ тѣмъ, чтобы заставить ее присоединиться къ союзу христіанскихъ государей для борьбы противъ турокъ. Въ 1595, 1596 и 1597 годахъ были предложены польскимъ сеймамъ отъ Папроцкаго, Грабовскаго и Верещинскаго проекты объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига. Такіе же проекты представляли сеймамъ и въ XVII столѣтіи Гербуртъ, Збаражскій и Мясковскій.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Москва, не принимая участія во враждебныхъ намѣреніяхъ западной Европы противъ турокъ, вела отдѣльно дѣятельную борьбу противъ магометанскаго населенія на Востокѣ Европы; но борьба эта имѣла характеръ, отличный отъ того, каковой носила на себѣ борьба Запада противъ ислама. Проповѣдь пустынника Петра Аміенскаго, возбуждавшая первый крестовый походъ, была совершенно чужда политическихъ стремленій и затрогивала исключительно религіозныя чувства католиковъ. Для первыхъ крестоносныхъ вождей магометанскій міръ былъ чуждъ какого либо политическаго значенія: они видѣли въ немъ только скопище враговъ христовой вѣры и шли на совершеніе благочестиваго подвига. Ни Готфридъ Вульонскій, ни императоръ нѣмецкій Фридрихъ-Барбарусса, ни король англійскій Ричардъ Львиное-Сердце ни король французскій Людовикъ Святой не задавались въ борьбѣ съ магометанами политическими цѣлями. Всѣ они по своимъ владѣніямъ были внѣ всякаго соприкосновенія съ магометанскимъ міромъ и для борьбы съ невѣрными ходили въ отдаленныя края, руководимые только религіознымъ побужденіемъ освободить гробъ Господень и христіанъ отъ ига невѣрныхъ, и воинственнымъ ихъ кличемъ было: «такъ хочетъ Богъ!»

Конечно, и въ борьбѣ Москвы съ магометанствомъ примѣнивалось религіозное чувство. Въ письмѣ своемъ къ Курбскому, Грозный хвалился тѣмъ, что онъ «со крестоносною хоругвию асего православнаго христіанскаго воинства, православнаго ради

христіанства заступленія, двигался на безбожный языкъ казанскій». Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ признаніи казанскаго языка «безбожнымъ» не проглядывала со стороны московскаго государя особая ненависть къ магометанству: такъ, онъ «безбожнымъ языкомъ» называлъ «германновъ», т. е. нѣмцевъ, т. е. и католиковъ, и лютеранъ. На соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ послѣ взятія Казани, царь говорилъ: «Богъ Магометову прелестъ прогна и водрузилъ животворящій крестъ въ запустенной прелести казанской» и прибавлялъ, что «всѣ, живущіе въ ней бусурмане, судомъ Божиимъ, въ единый часъ безъ вѣсти пропали». Но въ отношеніи къ турецкому султану царь хотѣлъ сохранить вѣчную дружбу. Религіозное чувство русскихъ въ борьбѣ съ магометанствомъ выразилось даже и внѣшнимъ образомъ: такъ, послѣ покоренія Казани, въ Москвѣ начали на церковныхъ куполахъ ставить кресты, поперіающіе полумѣсяцъ. Обычай этотъ удержался у насъ и до нынѣ. Побѣды надъ татарскими ордами имѣли въ глазахъ русскихъ значеніе торжества православнои вѣры надъ ученіемъ Магомета, но въ религіозномъ чувствѣ русскихъ, затрогиваемомъ этою борьбою, не было той напряженности, какою оно отличалось на западѣ, и, кромѣ того, въ немъ проявлялось искони свойственное русскому народу добродушіе къ своимъ врагамъ. Притомъ, борьба Руси съ исламомъ имѣла предпочтительно политическій, а не религіозный характеръ. Государямъ московскимъ нужно было уничтожить татарскія орды, а также царства Казанское и Астраханское, потому что они представляли собою опасность для русскихъ окраинъ и напоминали о политическомъ господствѣ татаръ надъ Русью. Религіозный вопросъ не составлялъ здѣсь сущности. Русскіе, побѣждая магометанъ, не истребляли ихъ, какъ это дѣлали испанцы съ арабами подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма. Они не прогнали ихъ съ мѣста ихъ прежней селитбы и даже не принуждали ихъ принимать крещеніе. Для Москвы достаточно было, что она сломила политическую силу магометанства. Иванъ Грозный дозволилъ магометанамъ строить мечети даже на чисто русской, рязанской землѣ. Магометане, не перемѣняя своей вѣры, вступали въ ряды московскихъ служилыхъ людей на ряду съ русскими, а некрещенные предки князей Черкасскихъ, Урусовыхъ и Юсуповыхъ занимали первенствующія мѣста среди русскихъ православныхъ военачальниковъ. Старанія великихъ князей Ивана III, Василія III и царя Ивана Грознаго жать «въ братской любви и дружбѣ» съ верховными представителями ислама нагляднѣе всего свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у насъ той непримиримой вражды къ магометанству, которая сама по

*

себѣ могла бы породить, какъ породила она на Западѣ, стремленіе избавить христіанъ отъ порабощенія ихъ поклонниками Магомета.

Какъ бы ни показалось на первый разъ страннымъ, но, вникнувъ въ характеръ той политики, какой держалась Москва въ отношеніи Турціи въ исходѣ XV и въ первой половинѣ XVI столѣтія, нельзя не признать, что тогдашняя ея политика сходствовала въ главной чертѣ съ современною намъ политикою Англіи въ отношеніи Турціи. Московскіе государи не хотѣли разрывать дружбы съ султанами, стараясь исключительно о томъ, чтобъ упрочить торговыя выгоды своихъ подданныхъ въ областяхъ, подвластныхъ Турціи. Дорожа всего болѣе этими выгодами, они не только оставались равнодушны къ постояннымъ призывамъ западной Европы спасти христіанскій міръ отъ поборниковъ ислама, но, напротивъ, искали союза съ этими послѣдними противъ христіанской Польши и Литвы и похвалялись въ Царьградѣ тѣмъ, что они были «за одно» съ повелителемъ правобѣрныхъ противъ всѣхъ государей христіанскаго міра.

Для тѣхъ, кто въ нынѣшней борьбѣ Россіи съ Турціею за освобожденіе христіанъ желаетъ видѣть историческую задачу, никакъ нельзя возвести начало ея къ Москвѣ, не затронутой еще духомъ европейскихъ стремленій. Такой фактъ можетъ показаться имъ прискорбнымъ. Какъ бы исторически-величаво представлялась такая задача, еслибы освободитель Руси отъ магометанскаго ярма, Иванъ III, и покоритель царствъ татарскихъ, Казанскаго и Астраханскаго, Иванъ IV, въ замѣкъ того, чтобы стараться о союзахъ съ султанами, выступили хотя бы и не главными двигателями, но, по крайней мѣрѣ, участниками борьбы за свободу христіанъ, порабощенныхъ турками. Къ сожалѣнію, изъ исторіи, какъ изъ пѣсни, слова не выкинешь, и потому начало задачи, предстоящей намъ нынѣ, какъ освободителямъ христіанъ, приходится отыскивать въ послѣдующія времена и, притомъ, не въ религиозныхъ чувствахъ древней Москвы.

Говоря о равнодушіи Москвы къ положенію христіанъ, подвластныхъ Турціи, и о стараніи государей московскихъ сблизиться съ ихъ прятѣснителями, несправедливо было бы поставить такое чувство и такую политику въ осужденіе Ивану III, Василию III и Ивану IV. Они были люди положительные, расчетливые и осторожные, не увлекавшіеся, при всемъ своемъ благочестіи, одною только религиозною идеею. Равнодушіе ихъ къ участи христіанъ, порабощенныхъ невѣрными, объясняется прежде всего тѣмъ, что сама Русь не испытывала никакихъ религиозныхъ прятѣсненій отъ своихъ властителей-магометанъ и потому

она не питала озлобленія противъ ислама, какъ явленія безусловно враждебнаго христіанской вѣрѣ. Татары ограничивались политическимъ господствомъ надъ Русью, а ея церкви не только предоставили полную свободу и независимость, но и оказывали особое покровительство.

Татары отличались чрезвычайною вѣротерпимостію и еще въ 1261 году позволили въ самомъ Сараѣ учредить православную епархію. Дочери татарскихъ хановъ, выходя замужъ за русскихъ князей и принимая крещеніе, не расторгали семейныхъ связей съ своими родственниками-магометанами и сохраняли со стороны ихъ неизмѣнную пріязнь. Обращеніе татарскихъ мурзъ въ православіе совершалось торжественно въ Твери и въ Москвѣ, не вызывая никакого негодованія въ прежнихъ ихъ единовѣрцахъ. Ханъ Узбекъ, какъ говоритъ извѣстный историкъ нашей церкви, архіепископъ Макарій, покровительствовалъ христіанамъ и христіанской вѣрѣ. Преемникъ Узбека, Чанибекъ, по словамъ русской лѣтописи, «былъ добръ зѣло въ христіанству, многу льготу сотвори землѣ русской». Никакихъ насильственныхъ мѣръ къ обращенію русскихъ въ магометанство татары не принимали и архіепископъ Макарій выражаетъ сомнѣніе относительно лѣтописнаго разсказа о намѣреніи мурзы Щелкана обратить тверитянъ въ магометову вѣру, считая распространеніе въ народѣ такой молвы только средствомъ къ возбужденію въ русскихъ политической ненависти противъ татаръ. Точно также онъ не находитъ никакихъ слѣдовъ намѣренія, приписываемаго лѣтописью Мамаю, «предложить вѣру русскихъ на свою и велѣтъ поклоняться своему Магомету». Между тѣмъ, православные церковно-учители безпрепятственно проповѣдывали вѣру христову своимъ поработителямъ даже въ самой ордѣ.

Ордынскіе ханы не принижали русскаго духовенства, но, напротивъ, поднимали его значеніе какъ среди его пастырей, такъ и среди магометанъ. Ходившіе въ орду московскіе митрополиты Петръ, Феогностъ и Алексій были встрѣчаемы тамъ съ великою честью, и ханы смотрѣли на нихъ, какъ на божіихъ пророковъ и чудотворцевъ, а магометанка-царица Тайдула приготавливала для митрополита Алексія церковныя одежды.

Ханскіе ярлики, выданные какъ этимъ митрополитамъ, такъ и другимъ представителямъ православной церкви, охраняли святость и неприкосновенность вѣры, богослуженія и законовъ церковныхъ; они ограждали также неприкосновенность лицъ духовнаго званія и освобождали духовенство и его имущество отъ всякихъ податей и пошлинъ въ ханскую казну, а духовныхъ — и отъ уголовной подсудности передъ гражданскими властями.

Татары не внесли духовнаго чина въ народную перепись, освобождая отъ дани тѣхъ, «кто на Бога зрѣтъ и церквамъ Божиимъ служитъ».

Ханы ставили духовную власть православной іерархіи выше свѣтской власти и обязывали князей платить «оброки» епископамъ. Въ ярлыкахъ ханскихъ говорилось, между прочимъ: «кто вѣру ихъ (русскихъ) похулитъ или ругается, тотъ ни чѣмъ не извинится, но умретъ злою смертію». Ярлыки, провозглашавшіе это, были одинаково обязательны какъ для русскихъ, такъ и для татаръ. Побужденіемъ же къ выдачѣ ихъ выставлялось желаніе хановъ «да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ», а причиною огражденія имуществъ, принадлежавшихъ церквамъ, монастырямъ и духовенству, приводилось: «зана Божіе есть» и «мы Божія брешемъ и даннаго Богу не взимаемъ». При такомъ покровительствѣ со стороны хановъ православной религіи, число церквей и монастырей на Русь, во время господства магометанъ, не только не уменьшалось, но, напротивъ, увеличивалось все болѣе и болѣе.

Когда-же въ ордіѣ высказалось намѣреніе отмѣнить льготныя грамоты, данныя ханами русскому духовенству, то митрополитъ Теофильтъ сослался, что онѣ даны были подъ клятвою. Тогда ханъ Узбекъ потребовалъ, чтобы самъ митрополитъ разрѣшилъ эту клятву, но онъ не согласился, и грамоты отмѣнены не были. «Сія поступка татаръ—писать митрополитъ Платонъ:—есть примѣчанія достойна, что они прежнихъ грамотъ нарушить не смѣли, боясь отъ Бога казни. Таковую рѣдкую честность нельзя не похвалить, ибо она и въ христіанахъ рѣдка».

Говоря объ отношеніи татаръ-магометанъ къ нашей церкви, слѣдуетъ замѣтить и о томъ, какъ она, въ свою очередь, относилась къ поклонникамъ Магомета.

Особыхъ молитвъ о побѣдѣ надъ магометанами церковь наша вдревле не установляла, но въ заимствованныхъ у грековъ молитвахъ можно отыскивать въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ примѣненіе къ такимъ молитвамъ. Такъ, напримѣръ, по «Служебнику», напечатанному въ Москвѣ въ царствованіе Бориса Федоровича Годунова, при славословіи креста Господня, поется: «яко твоею силою измалитескіе люди державно покоряюще». Въ московскомъ «Требникѣ» 1629 года встрѣчается молитвенное къ Богу воззваніе: «погуби агарянскіе враги, иноплеменные сопротивныя язвы». Слово «агаряне» происходитъ отъ имени Агарь, имени матери Измаила, сына Авраамова, и словомъ этимъ означаетъ собственно небольшое происходящее отъ этой четы племя арабовъ, вочевавшее въ Счастливой Аравіи. Впослѣдствіи, греки и западные народы распространили названіе агарянъ на всѣхъ вообще арабовъ,

такъ что приводимыя здѣсь слова молитвы относятся собственно къ сарацинамъ, а не къ туркамъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ названіе это было примѣнено къ татарамъ, а затѣмъ вообще распространено на магометанъ. Когда же къ турецкимъ славянамъ стали высылать изъ Россіи богослужебныя книги, то молитва о побѣдѣ надъ «агаринами», по указанію греческаго духовенства, господствовавшего въ Сербіи и Болгаріи и угождавшаго Портѣ, была признана возмутительною. Въ ближайшее къ намъ время были изданы отъ Синода: въ 1855 году, «Послѣдованіе молебнаго пѣнія, пѣваемаго во время брани противъ супостатовъ, находящихъ на ны», и, въ прошедшемъ году, эктенія «о побѣдѣ на супостаты христоименитому воинству». Въ «Послѣдованіи» встрѣчаются молитвы какъ о побѣдѣ надъ врагами и супостатами вообще, такъ и въ частности надъ «языкомъ въ достояніе твое (Божіе) приходящимъ и оскверняющимъ церковь святую», а также и слѣдующее возгласеніе: «о еже услышати отъ церкви святыя своя вопль и воздыханіе единовѣрныхъ нашихъ и отъ враговъ и супостатъ порабощенныхъ рабовъ своихъ въ печали и скорби своей къ тебѣ вопіющихъ и извести отъ тли животь ихъ». Въ эктеніяхъ же о побѣдѣ заключается только общая молитва объ одолженіи врага и супостата. Въ старинныхъ же нашихъ молитвословіяхъ—насколько мы могли ихъ прослѣдить—не встрѣчается особыхъ молитвъ о побѣдѣ надъ магометанствомъ, которое обобщается въ молитвахъ объ «утишеніи языческихъ возстаній», о побѣдахъ надъ «безбожными язычниками и еретиками» и о покореніи «вѣрнѣйшимъ царямъ нашимъ всѣхъ варварскихъ языковъ, брани хотящихъ». Въ извѣстномъ же тропарѣ: «Спаси, Господи, люди твоя» словамъ «на сопротивныя» соответствуютъ въ греческомъ подлинникѣ слова—*κατὰ βαρβαρῶν*.

Въ церкви нашей сохраняется память только двухъ случаевъ турецкаго мучительства надъ христіанами: объ избіеніи преподобныхъ отецъ въ обители св. Саввы «отъ срацнѣъ» и о великомученикѣ Георгіи Новомъ, «пострадавшемъ отъ безбожнаго царя Салима Турскаго». Впрочемъ, объ этомъ послѣднемъ угодникѣ въ церковныхъ книгахъ, изданныхъ при Борисѣ Годуновѣ, не упоминалось вовсе, а также не говорилось, что преподобные отцы были избіены «сарацинами».

Если, однако, русскіе не слышомъ благосклонно относились къ христіанамъ-иновѣрцамъ, то, разумѣется, и религія «поганыхъ бусурманъ» не могла пользоваться ихъ расположеніемъ; но между этимъ чувствомъ и упорною фанатическою враждою большая разница, и такой вражды къ магометанству у насъ не проявлялось. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что озлобле-

ніе противъ него занесено къ намъ, главнымъ образомъ, съ запада папскими и другими иноземными послами, которые выставляли въ Москвѣ поклонниковъ Магомета, съ западной точки зрѣнія, какъ непримиримыхъ враговъ ученія Христова, и внушали, что искорененіе ихъ будетъ подвигомъ, угоднымъ Богу.

Если религіозная вражда не вызывала государей московскихъ на борьбу съ исламомъ, а господство татаръ утвердило на Руси понятіе о магометанахъ, какъ о властителяхъ, отличающихся въротерпимостію, то, вслѣдствіе всего этого, уничтожался главный побудительный поводъ къ заступничеству со стороны Москвы за христіанъ, поработенныхъ новыми магометанскими завоевателями—турками. Чтò же касается политическаго ихъ освобожденія, то идея о такомъ освобожденіи была чужда въ ту пору цѣлой Европѣ, и конечно, въ данномъ случаѣ, государи московскіе не могли составлять исключенія. Они не только являлись завоевателями на окраинахъ своего государства, но и у себя дома налагали тяжелую руку на все, чтò не уравнивалось передъ московскими порядками. Для нихъ гораздо важнѣе было смирать вольныхъ вѣчниковъ Новагорода и Пскова, нежели идти на освобожденіе; отъ турокъ своихъ единовѣрцевъ, на политическое угнетеніе которыхъ они смотрѣли вполне равнодушно. Наконецъ, въ ту пору, къ которой относятся настоящія наши замѣчанія, магометанство не могло представляться Москвѣ такою враждебною и опасною силою, для истребленія которой приходилось бы ополчаться, забывъ всѣ другія условія тогдашней политической обстановки. Среди христіанскихъ народовъ, литовцы, поляки, шведы, тевтонскіе рыцари или крѣжаки были для Москвы гораздо злѣйшими и болѣе страшными врагами, нежели татарскія орды и турки. Поэтому Иванъ Грозный, только-что справившись съ Казанью и Астраханью, обратилъ всѣ свои силы на этихъ враговъ. Онъ не отступалъ ни на шагъ передъ прямыми, настоящими потребностями своей державы и не поддавался даже такимъ искушеніямъ, какъ предоставленіе подъ его власть великаго княжества литовскаго и обѣщаніе ему вѣнца восточныхъ кесарей, если только онъ, съ своей стороны, будетъ способствовать западному христіанству изгнать турокъ изъ Европы. Къ исполненію этого предпріятія побуждалъ его и испанскій король Филиппъ II, пославшій въ 1558 году въ Москву разнаго рода оружіе, пушечныхъ мастеровъ и артиллеристовъ. Вообще же Москва XV и XVI столѣтія, какъ по религіозному своему настроенію, такъ и по своей государственной жизни, не могла быть даже самою отдаленною предвозвѣстницею тѣхъ совершающихся нынѣ на Балканскомъ Полуостровѣ событій, которыя, по мнѣнію многихъ

нашихъ публицистовъ, представляются историческою задачею Россіи.

При вступленіи на престолъ царя Ѳеодора Ивановича, стародавняя московская политика въ отношеніи Турціи не вышла, на первый разъ, изъ своей обычной колеи. Ѳеодоръ отправилъ въ 1584 году, къ султану Амурату посла съ дружескимъ извѣщеніемъ о своемъ воспареніи. Послу приказано было объявить въ Стамбулѣ, что государство московское «открыто для турецкихъ купцовъ безъ всякаго завѣта въ товарахъ и пошлины» и что новый царь не требуетъ отъ Турціи ничего болѣе, какъ такой же взаимности въ отношеніи русскихъ гостей, пріѣзжающихъ въ султанскія владѣнія. Послу приказано было сообщить султану, что вѣрѣ магометовой въ московскомъ государствѣ «нѣтъ тѣсаоты», что въ Касимовѣ построены мечети и что тамъ владѣтъ Мустафалей, человекъ магометова закона. Не довольствуясь такими выраженіями дружбы, царь Ѳеодоръ, чрезъ своего посла, напоминалъ султану Амурату, что ихъ прадѣды (Иванъ III и Баязеть), дѣды (Василій и Солиманъ) и ихъ отцы (Иванъ IV и Селимъ) «назывались братьями и въ любви ссылались другъ съ другомъ»; напоминанія эти заключались словами: «да будетъ любовь и между нами». Царскому послу поручено было настаивать въ Стамбулѣ, чтобы оттуда былъ отправленъ въ Москву султанскій посолъ, дабы всѣ государи видѣли дружбу, существующую между царемъ и султаномъ. Турки, однако, не желали оказать царю такую честь и на просьбу русскаго дипломата отвѣчали, что имъ посла отправлять въ Москву не за чѣмъ; «съ вами—говорили они—у насъ одни только купеческія дѣла».

До какой степени Москва запрашивалась на дружбу съ Турціею, видно, между прочимъ, изъ того, что въ 1592 году въ боярской думѣ постановили: «пригоже-де отправить къ Турскому (т. е. къ султану), другого посланника, чтобы ссылки не порвались, пригоже-де прежнія ссылки припомнить». На этотъ разъ дружескія сношенія Москвы съ Турціею дополнялись тѣмъ, что русскому послу наказано было передать султану, что короли испанскій и польскій уговариваютъ царя воевать съ турками, но что онъ не слушаетъ ихъ.

Дѣйствительно, съ Запада шли внушенія, несогласныя съ миролюбивою политикою Москвы въ отношеніи Турціи. Между тѣмъ, въ Москвѣ власть правителя Бориса Годунова усиливалась все болѣе и болѣе. Годуновъ, хотя и не былъ представителемъ европеизма, но, тѣмъ не менѣе, оказывался ревностнымъ его поборникомъ, и вотъ, подъ вліяніемъ его, приносимая въ Москву

съ Запада мысль объ освобожденіи христіанъ изъ-подъ турецкаго ига начала, хотя и шатко, проявляться и у насъ.

Въ 1593 году, пріѣхалъ въ Москву царскій посолъ Варкочъ. Онъ доказывалъ царскимъ боярамъ необходимость возстанія христіанскихъ государей на султана для освобожденія христіанъ изъ турецкой неволи и для осуществленія этого плана требовалъ отъ царя денегъ и драгоцѣнныхъ мѣховъ, и просьба Варкоча имѣла успѣхъ: «За казною не стоимъ», отвѣчали бояре, и дѣйствительно, когда, въ 1596 году, Варкочъ снова пріѣхалъ въ Москву, то получилъ изъ царской казны мѣховъ на 44,000 тогдашнихъ рублей, что составляло въ ту пору значительную сумму. Это было первое пожертвованіе, принесенное Россією на пользу поработенныхъ турками христіанъ. Это же приношеніе было сдѣлано подъ вліяніемъ домогательствъ со стороны Западной Европы и по волѣ сочувствовавшего ей правителя московскаго государства, Бориса Годунова, и, притомъ, съ политическою цѣлью. До того времени въ христіанско-турецкія области шли изъ Москвы пожертвованія только на афонскій и нѣкоторые другіе монастыри, а также раздавалась въ Москвѣ милостыня пріѣзжавшимъ за нею греческимъ монахамъ.

Кромѣ римско-нѣмецкаго императора, подбивалъ Москву къ войнѣ съ Турціею и папа Климентъ VIII. Въ 1595 году, сюда явился его посланникъ, католическій священникъ іезуитскаго ордена Комулей или Комуловичъ, родомъ славянинъ. Онъ убѣждалъ московскихъ бояръ вооружиться противъ Турціи, и въ этомъ случаѣ онъ первый затронулъ не только религіозную, но и племенную связь Россіи съ турецкими христіанами. Комулей говорилъ, что тѣ христіане, которые «вопятъ» подъ турецкихъ игомъ, «одного языка съ русскими или мало отъ него отличающагося». Неизвѣстно, впрочемъ, какими послѣдствіями сопровождалось его внушеніе.

Во время правленія Годунова являются первые, хотя и нерѣшительные еще признаки поворота въ прежней нашей политикѣ въ отношеніи Турціи. Въ 1586 году, пріѣхали въ Москву послы кахетинскаго царя Александра. Угрожаемый и турками, и персами, онъ билъ челомъ, чтобъ единый благовѣрный государь, царь московскій, принялъ Кахетію въ свое подданство. Желаніе его было удовлетворено, и Ѳедоръ Ивановичъ приказалъ по этому случаю прибавить къ своему прежнему титулу титулъ «государя земли Иверской, грузинскихъ царей, Кабардинской земли, черкасскихъ и горскихъ князей». Въ Кахетію были отправлены изъ Москвы священники, духовныя книги и церковная утварь. Александръ, облаженный со стороны московскаго

государя «въ безстрашномъ пребываніи въ державной его защитѣ» и ссылаясь на то, что онъ—«холопъ великаго царя московскаго», вздумалъ было сопротивляться туркамъ, но ему изъ Москвы дано было знать, чтобы онъ «жилъ съ турками, переманивалъ его, пока надъ нимъ учинится промыслъ». По словамъ Карамзина, Александра уговаривали изъ Москвы жить въ ладахъ съ султаномъ до общаго противъ него возстанія Европы.

Такимъ образомъ, въ правленіе Годунова, Москва, отрекавшаяся прежде отъ участія въ союзъ западныхъ государей противъ Турціи, стала ожидать содѣйствія Западной Европы для освобожденія отъ турецкаго ига христіанъ даже въ предѣлахъ Азіи, но еще не рѣшалась принимать въ этомъ дѣлѣ смѣлаго почина. Ожиданія Москвы насчетъ возстанія Европы не сбылись; сама же она не давала никакой подмоги своему новому подручнику, и, по словамъ нашего историка Соловьева, царь Александръ горько жаловался на то, что онъ ошибся въ своихъ надеждахъ на Москву.

Годуновъ, надѣвъ вѣнецъ и бармы Мономаха, подъ вліяніемъ западныхъ понятій, сталъ держаться въ отношеніи къ Турціи иной политики. Онъ не заводилъ съ нею, подобно своимъ предшественникамъ, дружелюбныхъ сношеній, не увѣрялъ султана въ братской любви, но, напротивъ, оказалъ помощь единовѣрному съ русскими молдавскому государю Миханлу въ войнѣ его съ турками. Царь отправилъ къ нему значительную денежную сумму и, кромѣ того, послалъ въ Молдавію церковныя украшенія и образа. Независимо отъ этого, онъ повелъ переговоры съ Персією, стараясь возбудить шаха противъ султана. Переговоры эти не привели, однако, ни къ чему. Въ 1590 году, посолъ царя Бориса въ Вѣнѣ, Власевъ, говорилъ императору Рудольфу, что царь хочетъ самъ своею персоною идти на турецкаго султана, овладѣвшаго многими христіанскими народами. Въ ту пору заявленіе Россіи о готовности ея воевать съ турками было, такъ сказать, рекомендательное письмо для вступленія въ семью европейскихъ государствъ.

Низвергнувшій съ московскаго престола династію Годунова, такъ называемый Лжедимитрій былъ человекъ западно-европейскаго склада, и онъ рѣшительно и смѣло пошелъ наперекоръ традиціямъ той политики, которой держалась прежде Москва, не только не оказывая заступничества христіанамъ, поработоченнымъ Турцією, но даже запрашиваясь на дружбу съ ихъ притѣснителями. Лжедимитрій не сталъ ждать призыва къ этому предпріятію со стороны западныхъ государей. Онъ самъ думалъ стать во главѣ европейскаго союза противъ турокъ, и походъ

на нихъ, какъ говоритъ г. Соловьевъ, сдѣлался его «любимомъ мечтою». Онъ писалъ папѣ письмо о своемъ намѣреніи «стереть державу невѣрныхъ съ лица земли» и просилъ, чтобъ святой отецъ не допустилъ императора Рудольфа до заключенія мира съ Турціею. Для переговоровъ же о войнѣ съ Турціею онъ отправилъ въ Римъ довѣреннаго іезуита. Смерть Лжедмитрія прекратила его отважные замыслы.

Опираясь твердо на свидѣтельство исторіи и почерпая, притомъ, свѣдѣнія исключительно даже изъ русскихъ источниковъ, нельзя не признать, что мысль объ освобожденіи христіанъ изъ-подъ турецкаго ига пришла къ намъ съ Запада Европы, что такая мысль не только никогда не нарождалась въ великокняжеской, а потомъ и въ царской Москвѣ безъ внѣшняго вліянія, да и заявленная тамъ не встрѣчала прежде къ себѣ никакого сочувствія, которое стало обнаруживаться только тогда, когда представителемъ власти явился въ Государствѣ Московскомъ чужбѣкъ, нечуждавшійся Западной Европы, и рѣзко проявилась, когда престолъ московскій заняла неразгаданная доселѣ личность, заявившая свое стремленіе и къ религіозному, и къ умственному сближенію съ Западомъ.

Водарились Романовы. Для новой династіи, неутвердившейся еще прочно среди смуть и крамолъ, всего вѣрнѣе было придерживаться того образа дѣйствій, какого держалась династія Рюриковичей, и патріархъ Филаретъ, руководитель царя Михаила, принялъ это за правило, между прочимъ, и въ отношеніи Турціи. Теперь повторилось то же, что было во дни великихъ князей московскихъ и перваго царя московскаго. Съ Запада прежнимъ порядкомъ шли въ Москву внушенія о союзѣ противъ Турціи, и французскій посланникъ Дегансъ (Курмененъ), призывая царя Михаила идти на помощь христіанамъ, поработеннымъ турками, называлъ его «начальникомъ надъ православною христіанскою греческою вѣрою». Москва, однако, оставалась, какъ и въ былое время, равнодушна къ этому призыву, и когда, въ 1621 году, пріѣхалъ туда турецкій посолъ, грекъ Оома Кантакузень, то отношенія Москвы къ Турціи приняли свой стародавній характеръ. Начались опять увѣренія въ братской любви и дружбѣ государя московскаго къ султану турецкому.

Кантакузень, отъ имени султана, говорилъ патріарху: «Донеслъ до падишаха слухъ, что сынъ вашъ польскому королю послалъ деньги и самъ на помощь хочетъ идти противъ турокъ». Филаретъ, замѣтивъ на это, что дружбы между Москвою и Польшею нѣтъ, отвѣчалъ Кантакузену: «Мы того только и смотримъ, хоти бы мало въ чемъ король польскій миръ нарушилъ, то сынъ

мой для султановой любви пошлетъ на него рать, а помощи противъ султана сынъ мой польскому королю не давалъ и не дастъ. Известно, добавилъ патріархъ:—что слово наше никогда не перемѣнится».

Во второй свой пріѣздъ въ Москву, Кантаузенъ опять былъ почетно и привѣтливо встрѣченъ патріархомъ, который, между прочимъ, говорилъ ему: «сынъ нашъ съ Мурадомъ-султаномъ въ дружбѣ и любви кочеть быть больше прежняго», и, въ удовольствіе этого, въ 1630 году былъ заключенъ союзъ съ Турціею противъ Польши.

Въ такомъ свидѣтельствѣ исторіи для искателей историческихъ задачъ встрѣчается камень преткновенія. Оказывается, что Москва XVII вѣка не думала вовсе заступаться за угнетенныхъ турками христіанъ, и въ лицѣ отца государева, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и первосвятителя русской церкви, старалась утвердить съ ихъ притѣснителемъ любовь и дружбу еще болѣе прежняго. Образъ дѣйствій московскаго правительства, какъ мы сейчасъ увидимъ, согласовался вполне съ выраженіемъ такого желанія.

Въ XVI вѣкѣ, на Дону образовалось казачество, представлявшее собою православное воинственное братство, которое, подобно западному рыцарству, считало своимъ завѣтомъ вести неустанную борьбу съ невѣрными. Правда, что къ этой борьбѣ примѣшивались и корыстныя цѣли — расчетъ на поживу при нападеніяхъ на врага; но, какъ бы то ни было, а донскіе казаки являлись твердымъ оплотомъ противъ магометанъ на прибрежьи Чернаго Моря. Они, по выраженію современныхъ извѣстій, «съ Азова оброкъ брали и воды изъ Дона пить не давали». Въ 1572 году, они поддались Москвѣ, которая желала жить въ дружбѣ съ турками; но казаки не думали мириться съ врагами креста, и отсюда происходили столкновенія между Москвою и Стамбуломъ, который требовалъ, чтобъ московское правительство уняло христолюбивую вольницу, безпрестанно нападавшую на турецкія владѣнія и производившую тамъ грабежи и разоренія. Донскіе казаки до такой степени прославились борьбою съ турками, что секретарь папскаго нунція въ Польшѣ, Гамбернини, въ 1583 году, входилъ съ ними въ приглашеніе о войнѣ съ Турціею. Несмотря на подданство донскихъ казаковъ, Москва не только не защищала и не отстаивала ихъ въ своихъ переговорахъ съ Турціею, но, напротивъ, выдавала ихъ на произволъ султана.

Когда пріѣжавшій въ Москву турецкій посолъ Кантаузенъ жаловался Филарету на донскихъ казаковъ, то патріархъ отвѣчалъ, что «на Дону живутъ воры, которые государя не слушаютъ».

и предоставлялъ самому султану учинить надъ ними расправу. Въ другой прѣздъ Кантакузена, когда былъ заключенъ союзъ съ Турціею, Филаретъ равнодушно выслушалъ о казни, по повелѣнію султана, многихъ донскихъ казаковъ, и въ то же время царскою грамотою приказано было донцамъ идти «въ сходъ турецкимъ пашамъ» противъ Польши, то-есть соединиться съ турками подъ начальствомъ магометанскихъ предводителей. Указъ этотъ вызвалъ сильное негодованіе среди донскихъ витязей. «Государь выдаетъ насъ въ руки нашимъ недругамъ, турецкимъ людямъ! У насъ съ турецкими людьми какому быть соединенію!» кричали они и объявили, что готовы исполнить царскую волю—идти на поляковъ, но безъ турецкихъ пашей, добавляя, что, если государь будетъ настаивать на своемъ приказаніи, то хотя бы онъ прислалъ на Донъ противъ казаковъ сто тысячъ своихъ служилыхъ людей, они все-таки его не послушаютъ.

Москвѣ пришлось уступить казачеству, и, когда снова начались жалобы турокъ на донцовъ, царь Михаилъ Федоровичъ писалъ султану: «За такихъ воровъ мы не стоимъ, что велите надъ ними сдѣлать». Еще хладнокровнѣе отказалась Москва отъ защиты своихъ подданныхъ и единовѣрцевъ, когда донскіе казаки взяли, въ 1637 году Азовъ. Царь, по поводу этого, писалъ султану, что казаки учинили сіе воровствомъ, добавляя: «мы за такихъ воровъ никакъ не стоимъ и ссоры за нихъ никакой не хотимъ, хотя ихъ, воровъ, въ одинъ часъ велите побить, мы съ вашимъ султанскимъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ».

Донцамъ, однако, посчастливилось въ ихъ борьбѣ съ «поганцами». Султанъ послалъ на выручку Азову 240,000 войска, съ сотнею осадныхъ орудій, но 5,000 удалцовъ разбили турецкія полчища. Вслѣдствіе этой побѣды, казаки утвердились въ Азовѣ и ударили имъ челомъ московскому государю.

До сихъ поръ намъ приходилось говорить собственно объ отношеніяхъ московскаго правительства къ Турціи; народъ же русскій пока стоялъ въ сторонѣ, не принимая участія въ правительственныхъ сдѣлкахъ съ турками; но вотъ теперь долженъ былъ раздаться голосъ русской земли и показать, въ какой степени Русь была готова употребить свои силы для того, чтобы постоять за православный людъ противъ бусурмановъ. Предложеніе казаковъ принять Азовъ поставило царя Михаила въ нерѣшительное положеніе. Съ одной стороны, заманчиво было овладѣть такимъ завоеваніемъ, особенно послѣ блистательнаго разгрома магометанъ казаками, съ другой же стороны, самому московскому правительству нежелательно было разрывать съ

Турцію вѣковыми дружескія отношенія. Царь, однако, послалъ донцамъ грамоту, въ которой милостиво похвалялъ ихъ «службу, радѣніе и крѣпкостоятельство», и убѣждалъ ихъ «стоять за истинную православную христіанскую вѣру и за великаго государя», и, въ то же время, созвалъ въ Москвѣ земскій соборъ для рѣшенія вопроса: удержать ли Азовъ, или отдать его обратно туркамъ?

Въ какой мѣрѣ предоставлялась свобода мнѣній на существовавшихъ у насъ земскихъ представительныхъ собраніяхъ—рѣшить трудно, хотя въ народѣ и ходила молва, будто царь рубитъ головы тѣмъ, которые говорятъ несогласно съ его волею. Однако, акты земскаго собора, собственно по вопросу объ Азовѣ, по своей откровенности, противорѣчатъ этой молвѣ, да и кромя того, здѣсь для насъ не столько важно разрѣшеніе вопроса, какъ государственнаго дѣла, сколько высказанное на соборѣ сочувствіе къ борьбѣ христіанъ съ невѣрными. Выраженіе такого сочувствія не могло встрѣтить никакого стѣсненія, такъ какъ оно должно было ограничиться религіозными, а не политическими заявленіями.

На земскомъ соборѣ, открытомъ въ Москвѣ 3 января 1642 г., былъ поставленъ такой вопросъ: «разорвать ли царю миръ съ царемъ турецкимъ и крымскимъ, и буде разрывать, то гдѣ брать для ратныхъ людей деньги и запасы?» Приказано было: «стольникамъ, дворянамъ московскимъ, дьякамъ, головамъ, сотникамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, гостямъ, гостинныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и всякихъ цеховъ служилымъ и жидецкимъ людямъ помыслить о томъ накрѣпо и государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему, государю, про все то было извѣстно».

Объ избавленіи христіанъ отъ магометанскаго ига на соборѣ не было промолвлено ни полслова, хотя о бѣдственной участи ихъ и было извѣстно въ Москвѣ, особенно тамошнему духовенству, такъ какъ въ Москву безпрестанно являлись за милостынею и за сборами греческіе монахи. Конечно, на московскомъ соборѣ не приходится ожидать того одушевленія, какимъ ознаменовался клермонтскій соборъ, ни той кипучести, какая проявлялась на польскихъ сеймахъ, когда тамъ шла рѣчь о борьбѣ съ врагами христіанства, но все-таки слишкомъ поразительно то равнодушіе, съ какимъ отнеслись къ этому вопросу представители земли русской. Духовенство отвѣчало: «на то дѣло ратное разсмотрѣніе твоего царскаго величества и твоихъ бояръ и думныхъ людей, а намъ то все, государь, за необычай. Если твое царское величество рать будешь собирать, то мы, твои государевы бого-

мольбы, ратнымъ людямъ рады помогать сколько силы нашей будетъ».

Стольники и дворяне, хотя и находили нужнымъ удержать Азовъ, но, уклоняясь лично отъ боевой службы, предлагали послать туда охочихъ вольныхъ людей, т. е. современныхъ намъ добровольцевъ, прибавляя, впрочемъ, что и они на службу готовы, гдѣ имъ государь быть велить.

Головы и сотники коротко отвѣчали: «во всемъ государева воля». Тоже отвѣчали и владимірскіе дворяне, нижегородцы, муромцы и жители Луха. Къ нимъ присоединились гости и торговые люди, а также черныхъ сотенъ и слободъ тяглые «людинки».

Только суздальцы, переяславцы, востромяне, новгородцы, ржевцы и пошехонцы заговорили подъ влияніемъ релігіозной идеи. Они говорили объ удержаніи Азова, ссылаясь на Іоанна Предтечу и Николая-чудотворца. Такъ какъ въ Азовѣ были чтимы русскими людьми иконы этихъ Божіихъ угодниковъ, то земцы опасались, что оставленіе такихъ иконъ въ бусурманскихъ рукахъ наведетъ, чего добраго, бѣду на московское государство. Къ этому мнѣнію присоединились и дворяне южныхъ городовъ.

Но если разрѣшеніе вопроса о борьбѣ съ невѣрными въ смыслѣ вопроса государственнаго, по смиренномудрію собора, представлялось вообще на волю государя, то, казалось бы, русская земля должна была нести жертвованія для такой священной борьбы. Вышло, однако, иначе.

Всѣ начали выставлять себя бѣдняками и сиротами, ссылаясь на свои убожество и нищету, и просить царя выискать ихъ милостію, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ. Мірскіе люди предлагали, въ случаѣ надобности, взять казну патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, а также «лежащую монастырскую казну. Торговцы и мелкіе «людинки» ссылались на то, что за ними вотчинъ нѣтъ, что давши царю «десятинныя» деньги въ «смоленскую службу», многіе изъ нихъ обнищали и оскудѣли до конца. Жаловались также они на разореніе отъ пожаровъ, подводъ и великихъ податей; а дворяне южныхъ городовъ, не стѣсняясь, заявили: «разорены мы пуце турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитею, отъ неправды и неправедныхъ судовъ».

Такимъ образомъ, и на этомъ торжественномъ земскомъ собраніи не установилось даже начало нашей исторической задачи—освободить христіанъ отъ магометанскаго ига. О такой величавой задачѣ не проявлялось въ Москвѣ, въ половинѣ XVII столѣтія, никакого народнаго «сознанія, и къ осуществленію ея

не обнаружилось ни малѣйшихъ порывовъ. Въ эту пору не только не раздался въ Москвѣ громкій призывъ къ избавленію страждущихъ единовѣрцевъ, но никто даже не заговорилъ объ этомъ. Никто не принесъ не только рублевика, но даже и полухи на это общее, святое дѣло, и даже, напротивъ, московскіе соборыне воспользовались удобнымъ случаемъ для того, чтобы заявить о собственной своей нищетѣ и бѣдности и о тѣхъ притѣсненіяхъ, какія они сами испытывали. Очевидно, что мысль объ освобожденіи поработенныхъ турками христіанъ приходила въ Москву только съ Запада, но не зарождалась въ ней самостоятельно.

Рѣзкій приговоръ выставяемой нынѣ у насъ исторической задачи былъ подписанъ царемъ Михаиломъ въ его грамотѣ, отправленной къ султану Ибрагиму вмѣстѣ съ повелѣніемъ казакъ сдать Азовъ туркамъ. «Теперь и впредь, писалъ царь султану:—хочемъ быть съ вами въ крѣпкой братской дружбѣ и любви, навѣки неподвижно; наша государская мысль въ томъ крѣпко утвердилась и слово наше никогда не измѣнится».

Равнодушіе Москвы къ судьбѣ христіанъ, поработенныхъ турками, побудило православное населеніе Турціи искать себѣ освободителей помимо единовѣрной имъ Россіи. Такъ, въ 1615 году, болгарскій патріархъ Аеонасій обратился къ Испаніи съ планомъ—произвести въ Турціи поголовное возстаніе и изгнать турокъ изъ Европы. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ предпріятіи явился неаполитанскій вице-король, герцогъ д'Оссуна, но прежде, чѣмъ герцогъ успѣлъ что-нибудь сдѣлать, онъ, заподозрѣнный въ измѣнѣ мадридскимъ дворомъ, былъ отозванъ изъ Неаполя.

Идея о борьбѣ съ турками во имя христіанства, какъ мы замѣтили, не зарождалась въ Москвѣ; она проникла туда съ Запада и была въ такомъ сильномъ ходу въ Польшѣ, что царь Феодоръ Ивановичъ, стараясь о своемъ избраніи въ короли польскіе, долженъ былъ поставить вторымъ условіемъ своего избранія такое съ своей стороны обязательство: «воевать ему «лично» со всѣми силами съ турецкимъ султаномъ, освободить Молдавію, Землю Валашскую, Боснію, Сербію и Венгрію отъ ига султана-скаго и присоединить ихъ къ Литвѣ и Польшѣ, коихъ войско въ семъ случаѣ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ московскимъ».

При избраніи московскимъ царемъ Владислава имѣлся также въ виду походъ русскихъ въ союзѣ съ поляками противъ турокъ для изгнанія ихъ изъ Европы. О такомъ же походѣ упоминалось и при избраніи въ короли польскіе царя Алексѣя Михайловича, при чемъ предусматривалась возможность освобожденія «греческихъ и славянскихъ народовъ христіанскихъ изъ

бусурманской невели». Около этой же поры было напечатано въ Варшавѣ сочиненіе, въ которомъ однимъ изъ главныхъ побужденій къ соединенію Польши съ Россією выставлялась надежда на осуществленіе такого предпріятія.

По поводу предполагаемаго соединенія, епископъ Ольшевскій, поддвандеръ королевства польскаго, говорилъ русскому резиденту въ Варшавѣ, Талкину: «Если такое соединеніе послѣдуетъ, то мы навѣрно прогонимъ турокъ до Дуная, а христіанскіе народы, живущіе по Дунаю, валахи, сербы, молдаване, славяне, какъ скоро слышатъ, что царскія войска соединились съ польскими, то сейчасъ пристанутъ къ намъ; если же войска обонхъ народовъ задувайскія земли у турокъ отобьютъ, то тѣмъ самымъ получимъ мы способъ къ вѣчному покою».

Впрочемъ, и независимо отъ вопросовъ объ упомянутыхъ королевскихъ избраніяхъ, Польша постоянно домогалась союза съ Москвою для освобожденія христіанъ изъ подъ ига невѣрныхъ. Такъ, при подтвержденіи условій андрусовскаго перемирія, польскіе послы говорили русскимъ боярамъ: «надѣ обонимъ великимъ государямъ противъ бусурманскихъ войскъ вмѣстѣ стоять. Непріятель христіанскій, слыша о союзѣ обонхъ христіанскихъ монарховъ, испугается и народы христіанскіе, находящіеся подъ властью бусурманъ, греки, сербы, болгаре, валахи и молдаване, начнутъ искать освобожденія—изъ подъ поганскаго ига».

Настойчивость поляковъ возымѣла, наконецъ, свое дѣйствіе, и Москва рѣшилась измѣнить свою прежнюю дружелюбную политику съ Турціею, такъ какъ въ 1674 году, царь Алексѣй Михайловичъ обязался, въ случаѣ нападенія турокъ на Польшу, помогать королю войсками, калмыцкими, ногайскими и другими ордами сухимъ путемъ, а донскими казаками — моремъ. Кромѣ того, онъ послалъ къ султану Магомету IV дьяка Венюкова съ просьбою, чтобы султанъ удержался отъ войны съ Польшею и запретилъ бы хану крымскому ходить на короля. При этомъ Москва, въ первый разъ, опиралась уже на союзъ съ христіанскими государями, заговорила со Стамбуломъ угрожающимъ тономъ. Царь приказывалъ сказать тамъ, что «если султанъ не послушаетъ его внушеній, то онъ, какъ государь христіанскій, обославшись со всѣми окрестными государями христіанскими, станетъ противъ турокъ промыслъ чинить».

Турція не привыкла еще ни слушаться, ни бояться Россіи; угрозы царя несколько не подѣйствовали на султана, и, когда турки напали на Польшу, то царь взялся приглашать всѣхъ европейскихъ государей, чтобы они подали польскому королю

помощь противъ общаго врага Христова. Съ такимъ порученіемъ былъ отправленъ изъ Москвы дѣякъ Андрей Виніусъ.

Итакъ, Россія, подъ постороннимъ вліяніемъ, явилась въ первый разъ международною представительницею вопроса, разрѣшаемаго нынѣ исключительно русскимъ оружіемъ на Балканскомъ Полуостровѣ, и любопытно узнать успѣхи нашей дипломатіи по этому дѣлу.

На предложеніе Виніуса о союзѣ противъ турокъ въ Лондонѣ отвѣчали отказомъ, ссылаясь на то, что, если англичане начнутъ войну съ турками, то, такъ какъ во владѣніяхъ султана живетъ много англійскихъ купцовъ, турки ограбятъ или убьютъ ихъ. Король французскій Людовикъ XIV отозвался, что онъ не можетъ принять предложеніе русскаго государя, такъ какъ онъ, король, ведетъ войну съ Голландіею. Въ Мадридѣ, король Карлъ II сказалъ Виніусу, что, по свойству съ королемъ польскимъ, онъ поможетъ его величеству деньгами, но войска, по отдаленности, послать не можетъ. Въ Венецію, бывшую постояннымъ врагомъ турокъ, Виніусу показаться было не очень ловко, такъ какъ венеціанская республика еще въ 1656 году просила царя Алексѣя Михайловича, чтобъ онъ приказалъ казакамъ напасть на Турцію, но русскіе послы отказали въ этомъ, ссылаясь на то, что государь велъ въ то время войну съ Польшею.

Стараясь добыть дипломатическимъ путемъ на западѣ Европы союзниковъ Польшѣ противъ турокъ, самъ царь не подавалъ, однако, особой помощи королю польскому, отговариваясь большими убытками царской казны и при обыкновенныхъ расходахъ на войско.

Помимо участія въ дѣлахъ Польши, Москву стала вызывать, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, на столкновеніе съ турками и подававшая ей, въ 1654 году, Малороссія. Главною тому причиною былъ переходъ гетмана Дорошенки на сторону турокъ. При веденіи переговоровъ въ Андрусовѣ, русскіе послы настаивали, чтобъ король допустилъ принять Дорошенку въ подданство царя. Для поддержанія этого требованія послы выставляли такой доводъ: «султанъ испугается и, узнавъ, что Дорошенко—не королевскій, а царскій подданный, султанъ подумаетъ, что всѣ соединятся противъ него и пристанутъ валахи, молдаване и другіе греческой вѣры люди, и, убоявшись того, султанъ не начнетъ войны съ Польшею».

Вообще присоединеніе Малороссіи къ московской державѣ должно было сильно повліять на участіе Россіи въ судьбѣ христіанъ, подвластныхъ Турціи. Черезъ Малороссію Москва сблизалась съ молдаванами и валахами, которые ждали своего из-

*

бавленія отъ турокъ при помощи казачества, и юго-славяне, и румыны смотрѣли на гетмана Богдана Хмѣльницкаго, какъ на своего будущаго избавителя и просили его «промыслить» надъ турецкимъ султаномъ. Поляки знали это, и по поводу возстанія Хмѣльницкаго польскій посолъ заявилъ въ Царьградѣ, что гетманъ, провозглашая явно, что онъ воюетъ за православную вѣру, стремится къ завоеванію православныхъ государствъ Молдавіи и Валахіи, за которыми потянутся къ нему Болгарія, Сербія и Греція.

Безошибочно можно сказать, что Богданъ Хмѣльницкій, какъ прославившійся боецъ за вѣру православную, своимъ подданствомъ царю Алексѣю Михайловичу содѣйствовалъ сильнѣе всего возбужденію въ православныхъ подданныхъ султана надеждъ на Россію, какъ на будущую ихъ освободительницу. Сама по себѣ, Москва не могла сдѣлать въ этомъ отношеніи ничего, при своей угодливой политикѣ передъ султаномъ; она, домогалась только того, чтобы жить съ повелителями правовѣрныхъ «въ братской любви и дружбѣ», не принимала, безъ постороннихъ побужденій, никакого участія въ бѣдственной судьбѣ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и даже, какъ мы видѣли, поголовно выдавала ихъ туркамъ. На свое значеніе среди турецкихъ христіанъ она была натолкнута только силою вѣнскихъ обстоятельствъ, а отнюдь не развитіемъ въ ней самой соответствующихъ тому религіозныхъ и политическихъ идей. Когда Богданъ Хмѣльницкій поддался русскому государю, то православнымъ юго-славянамъ, а также молдаванамъ и валахамъ, приходилось смотрѣть на Москву, какъ на верховную и могущественную защитницу православія, и только съ этого времени могло начаться таготѣніе православной райи къ Россіи. До тѣхъ же поръ турецкіе христіане могли видѣть въ московскихъ государяхъ не своихъ защитниковъ, но преданныхъ и смиренныхъ союзниковъ своихъ притѣснителей.

Дѣйствительно, послѣ присоединенія Малороссіи къ московской державѣ стали высказываться надежды грековъ и славянъ на избавленіе ихъ Россією отъ турецкаго ига. Такъ, въ 1657 году, жившіе въ Венеціи греки говорили русскому послу, Чемоданову, что царь Алексѣй, какъ второй Константинъ, явился для освобожденія вѣрныхъ христіанъ-грековъ изъ рукъ поганыхъ турокъ. Они сообщили Чемоданову, что султанъ и наши, сыскавъ въ своихъ гадательныхъ книгахъ, говорятъ, что пришло время и Царьграду быть за русскимъ государемъ, что о турки живутъ съ великимъ опасеніемъ и что въ Царьградѣ на долгое время ворота бывають засыпаны, потому что боятся рус-

скихъ. Греки надѣялись, что царь высвободитъ ихъ изъ бусурманскихъ рукъ.

Спустя десять лѣтъ послѣ этого, въ 1667 году, митрополитъ Павсій Лагаридъ, родомъ грекъ, указывалъ царю на находящагося въ житіи Андрея Юродиваго пророчество о томъ, что бѣлокурой народъ овладѣетъ Константинополемъ, и принималъ это пророчество къ русскимъ.

Такимъ образомъ, и гадательныя книги турокъ, и какое-то неопредѣленное пророчество Юродиваго должны были, поддѣйствовать на воображеніе царя, побудить его къ избавленію христіанъ отъ турецкаго ига. Кромѣ этого, дѣйствовали на него, въ этомъ же направленіи, и другія еще вліянія. Даже Швеція побуждала его ополчиться на защиту турецкихъ христіанъ, предлагая въ 1673 году, чрезъ своего посланника, графа Оксенстиерна, отъ себя помощь «съ имени христіанскаго», т. е., не требуя за это никакого вознагражденія. Царь, однако, настаивалъ на томъ, чтобы шведы помогли Польшѣ противъ турокъ не 5,000 войска, какъ они хотѣли, а всѣми своими силами, или, по крайней мѣрѣ, выставили бы въ поле 200,000 человекъ; но Швеція, съ своей стороны, не соглашалась принять это условіе.

При Алексѣѣ Михайловичѣ слышался въ Москвѣ въ первый разъ и голосъ природнаго славянина, серба Крыжанича, въ пользу жившихъ въ Турціи его единоплеменниковъ, но не его единовѣрцевъ, такъ какъ Крыжаничъ былъ католическій священникъ. Онъ не сочувствовалъ православію, за что даже и былъ сосланъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Сибирь. Тѣмъ не менше, Крыжаничъ, въ сочиненіи своемъ, представленномъ царю, совѣтовалъ ему распространять его владѣнія на югъ, чтобы съ помощью Польши уничтожить крымцевъ и, перенеся потомъ царскую столицу въ Перекопъ, выступить противъ турокъ для освобожденія подвластныхъ имъ славянъ.

Первымъ изъ русскихъ, заговорившимъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ, угнетенныхъ магометанами, былъ царскій сановникъ Леонасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, человекъ съ европейскими взглядами на политическія дѣла и отъявленный противникъ старомосковской дипломатіи. Въ 1664 году онъ подалъ царю записку, настаивая прежде всего на союзѣ съ Польшою, гдѣ Москва могла бы покровительствовать и православнымъ. Тогда бы, по мнѣнію Ордына-Нащокина, молдаване и валахи, отдѣленные теперь отъ Москвы враждебною ей Польшою, «послышавъ о союзѣ съ нею Россіи, пристали бы къ союзнымъ государствамъ и отлучились бы отъ турка».

Ничего нѣтъ мудренаго, что, при различныхъ внушеніяхъ и

при обстоятельствах, наводивших царя Алексѣя Михайловича на мысль о возможности явиться покровителемъ и освободителемъ турецкихъ христіанъ, прежняя московская политика, въ отношеніи къ султанамъ измѣнилась въ его царствованіе. Очевидно, однако, что такая пережѣна совершилась съ силу западно-европейскаго вліянія, а само по себѣ Государство Московское было далеко отъ мысли присвоить себѣ покровительствующее значеніе среди христіанскаго населенія Турціи. Въ своей національной двухвѣковой политикѣ на Востокъ Европы она не находила для этого ни завѣта, ни преданія, ни даже малѣйшаго намека. Въ историческихъ воспоминаніяхъ за все это время остались только изъясненія «братской любви и крѣпкой дружбы» со стороны московскихъ государей къ намѣстникамъ пророка.

Начатая при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вслѣдствіе договора съ Польшою, война съ Турціею продолжалась почти во все время царствованія его преемника, Θεодора Алексѣевича. Война эта была тяжела для Россіи, и, чтобы предупредить вторичное нападеніе турокъ на Малороссію, царь отправилъ въ Стамбулъ для мирныхъ переговоровъ дворянина Даудова, который повезъ къ верховному муфтію дружелюбное письмо патриарха Іоакима. «Надѣмся, пишетъ патриархъ муфтію:—что вы, первый и наисильнѣйшій блюститель мусульманскаго закона, на показаніе своей духовности о покоѣ и тишинѣ всенародной большой подвигъ свой приложите, плодъ правды предъ Господа Бога въ даръ принести похощете». Открытые въ Стамбулѣ переговоры съ Россіею окончились миромъ, несомнѣнно почетнымъ для Москвы и не имѣвшимъ никакого вліянія на судьбу нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи, о которыхъ въ этихъ переговорахъ не было даже и помину.

Заклѣчивъ миръ съ Москвою, турки стали готовиться къ войнѣ съ Австріею. Тогдашній король польскій, знаменитый Янъ Собѣскій, полагалъ, что побѣда турокъ надъ Австріею будетъ гибелью для Польши, и потому рѣшился поддержать своимъ союзомъ императора римско-нѣмецкаго Леопольда I. Оба эти государя постановили привлечь на свою сторону «свѣтлѣйшихъ царей московскихъ» Іоанна и Петра Алексѣевичей, преемниковъ царя Θεодора. Союзъ между императоромъ и королемъ былъ объявленъ «священнымъ»; къ нему приступила и Венеціанская Республика. Тогда Собѣскій написалъ въ Москву, что пришло время изгнать турокъ изъ Европы, что всѣ христіанскіе государя обѣщаютъ выставить противъ нихъ войско на весну, но что ихъ царскимъ величествамъ можно было бы начать войну весною. Изъ Кракова, отъ тамошняго русскаго резидента Тацкина

или внушенія, подкрѣплявшія предложенія короля Яна. Тяпкинъ писалъ: «Валахи и молдаване, знатныя особы, приходятъ ко мнѣ и говорятъ отъ имени старшихъ своихъ, чтобъ великіе государи немедленно приказали своимъ силамъ наступать на Брнѣ, а когда — Богъ благословить — Брнѣ возьмутъ, то всѣ христіанскія земли, не только Украина, Польша, и Подоля, но и валахи и молдаване поддадутся подъ великую руку ихъ царскихъ величествъ». Теперь, впрочемъ, и помимо подобныхъ соображеній, Москвѣ приходилось думать о борьбѣ съ такимъ опаснымъ врагомъ, какимъ оказалась Турція, и союзъ съ Польшею представлялся лучшимъ средствомъ для успѣха въ предстоящей войнѣ, и только споръ за Кіевъ препятствовалъ сближенію обоихъ государствъ противъ общаго ихъ непріятеля. Поляки не хотѣли отдавать Кіевъ на московскую сторону, а русскіе, безъ этой уступки, не желали помогать полякамъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1686 года споръ за Кіевъ былъ рѣшенъ въ пользу Россіи.

Въ этому времени въ Москвѣ, во главѣ государственнаго правленія, явился князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Онъ былъ человѣкъ, придерживавшійся европейскіихъ воззрѣній, и потому занесенная въ Москву съ запада мысль объ изгнаніи турокъ изъ Европы нашла въ немъ сочувствовавшаго ей дѣятеля, и изъ Москвы было сообщено въ Варшаву, что великіе государи обязались разорвать миръ съ Турціею съ тѣмъ условіемъ, что ни Россія, ни Польша не заключать отдѣльнаго мира съ султаномъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, раздался настойчивый голосъ гетмана Ивана Самойловича противъ союза русскихъ съ поляками противъ турокъ. Самойловичъ, ревностный поборникъ православія, писалъ въ Москву слѣдующее: «подъ игомъ турецкимъ обрѣтаются народы православной греческой вѣры, валахи, молдаване, болгаре и сербы, за ними многочисленныя греки, которые всѣ отъ папина начальства укрываются и утѣшаются однимъ именемъ русскихъ царей, надѣясь когда-нибудь получить отраду. Еслибы цесарю римскому и королю польскому удалось овладѣть турецкими областями, они принудили бы къ униіи и понизили бы православіе». Поэтому, какъ полагаетъ Самойловичъ, необходимо, передъ вступленіемъ въ союзъ съ Польшею, оградить отъ католичества безопасность православія въ турецкихъ областяхъ.

Въ тоже время, патриархъ константинопольскій Діонисій убѣждалъ московскихъ государей не начинать войны съ Турціею, такъ какъ, по словамъ его, при самомъ началѣ войны, турки обратятъ свою ярость на единовѣрныхъ съ русскими греческихъ христіанъ. Діонисій высказывалъ опасеніе и насчетъ того, что

участіе католическихъ государей въ войнѣ противъ Турціи придадутъ католичеству въ турецкихъ областяхъ сильное вліяніе, опасное для православія. Въ такомъ же смыслѣ писалъ въ Москву и нареченный сербскій патриархъ Арсеній Черноевичъ.

Такимъ образомъ, теперь изъ общаго, давно уже возбужденнаго на западѣ вопроса объ избавленіи вообще христіанъ, порабощенныхъ турками, сталъ выдѣляться особый вопросъ въ исключительно православномъ духѣ. Дѣлалось и это, однако, безъ всякаго почина со стороны Москвы, такъ какъ первую мысль о необходимости охранить православіе среди турецкихъ христіанъ высказали: малорось, грекъ и сербъ.

Убѣжденія патриарха Діонисія были, однако, напрасны, потому что прежде, чѣмъ пришло его письмо въ Москву, война съ турками началась первымъ крымскимъ походомъ князя Голицына въ 1687 году. Война эта велась «для избавленія русской земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженій», такъ какъ набѣги татаръ опустошали и разоряли Московское Царство, которое, вдобавокъ къ этому, платило ежегодную дань крымскому хану, въ видѣ такъ называвшихся «поминокъ».

Неудача перваго похода не удержала Голицына отъ вторичной попытки, а между тѣмъ и стороннія внушенія о борьбѣ съ турками продолжали приходять въ Москву. Такъ, патриархъ Діонисій, сверженный съ престола за уступки царю московскому по дѣлу о кievской митрополіи и удерживавшій до того Россію отъ войны съ султаномъ, въ сентябрѣ 1688 года писалъ въ Москву въ иномъ тонѣ. Онъ говорилъ: «Всякія государства и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вмѣстѣ возстали на антихриста, воюютъ на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ. Сербы и болгаре, валахи и молдаване возстанутъ, не дремите, придите спасти насъ». Въ то же время, валахскій господарь Щербанъ Кантакузенъ писалъ, что отъ русскихъ царей православные ожидаютъ избавленія изъ рукъ «видимаго Фараона».

На эти посланія цари отвѣчали, что они «имѣютъ о всѣхъ православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное» и что они указали послать для того воеводу въ крымскія юрты, а когда Крымъ будетъ разоренъ, то пойдутъ за Дунай.

Но если турецкіе христіане ожидали отъ Москвы своего избавленія во имя религіознаго съ нею единства, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не имѣли къ ней никакого политическаго тяготѣнія. Москва, по своимъ государственнымъ [порядкамъ, не пользова-

лась въ ту пору доброю славою, и до какой степени неблагопріятное для нея въ этомъ отношеніи мнѣніе было распространено, можно судить по слѣдующему. Въ сочиненіи, явившемся во второй половинѣ XVII столѣтія, подъ заглавіемъ «Описаніе путешествія отъ Львова до Москвы» — сочиненіи какъ нельзя болѣе сочувственномъ этой послѣдней, говорилось: «Ляхи, а отъ нихъ научились крѣпко держать ее (политическую ересь) и черкасы, и не мало всѣ европейскіе народы взяли себѣ въ голову, что жить подъ преславнымъ царствомъ русскимъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы. Такое дьявольское убѣжденіе внушаютъ имъ духовные и греческіе митрополиты».

Въ настоящее время враждебность къ намъ Европы объясняется у насъ завистію къ нашему величію, могуществу и благоденствію, а внушеніе такого чувства приписывается проискамъ лукаваго и гнилого Запада. Оказывается, однако, что еще за дѣсти слишкомъ лѣтъ противъ насъ существовало уже «дьявольское» предубѣжденіе, которое распространяли ни поляки, ни французы, ни нѣмцы, ни англичане, а единовѣрное намъ греческое духовенство и, въ особенности, высшіе его іерархи, и что «политической ереси» противъ Москвы держался даже таковой, во всѣхъ отношеніяхъ ей родственнѣйшій народъ, какъ черкасы, т. е. малоросы.

Понятно, что, при существованіи хотя и духовнаго единства, но, на ряду съ нимъ, и «политической» ереси, турецкіе христіане не могли желать безусловно поддаться Москвѣ, промѣнявъ турецкое рабство на преславное царство, и осторожность ихъ въ этомъ случаѣ выразилась въ томъ, что преемникъ и племянникъ господара Щербана Кантакузена, прежде чѣмъ приступить окончательно къ союзу съ Москвою, потребовалъ, чтобы русскіе цари прислали ему «за приложеніемъ своихъ рукъ статьи, въ какихъ имъ, валахамъ, быть подъ Москвою». Изъ этого видно, какъ ошибаются тѣ изъ нынѣшнихъ предрѣшителей судьбы балканскихъ христіанъ, которые полагаютъ, что не зачѣмъ заботиться о водвореніи хорошихъ политическихъ учрежденій среди христіанъ, освобождаемыхъ нашимъ оружіемъ отъ владычества мусульманъ, но что достаточно будетъ предоставить имъ религиозную свободу. Едвали, однако, они удовлетворятся этимъ, если за два столѣтія тому назадъ румыны, поработенные турками, потребовали прежде всего обезпеченія своихъ политическихъ правъ.

По поводу второго похода князя Голицына на Крымъ московское правительство издало для ратныхъ людей слѣдующее объявленіе:

«Нынѣ къ великимъ государямъ послали вселенскіе патриархи, цесарское величество римскій и королевское величество польскій, также рѣчь посполитая венеціанская, всё согласно, что въ настоящее время Турское государство отъ Господа Бога приняло великое наказаніе и приходитъ бусурманское владѣтельство къ самой конечной погибели, и какъ отъ войскъ христіанскихъ, такъ и отъ междоусобныя брани пришло въ великое безсиліе и безмолвство, какого на нихъ раззоренія и погибели никогда не бывало и такого смятенія не слышано, что и сами о себѣ говорятъ, что пришла имъ, бусурманамъ, всѣмъ совершенная погибель, только нѣкоторую надежду имѣютъ на крымскаго хана съ ордами. И будучи они, бусурмане, въ отчаяніи своемъ, въ Греческой, Ромельской, Морейской, Сербской и Болгарской земляхъ мужеска и женска пола и невинныхъ младенцевъ, послѣ многихъ различныхъ мукъ и поругався сквернымъ поруганіемъ мечу и огню предали болѣе трехъ сотъ тысячъ и прочихъ христіанъ младыхъ и женска пола неисчетное множество въ неволю свою бусурманскую побравъ, свезли за море».

Нельзя не признать, что въ этомъ старомосковскомъ объявленіи Турція представляется умирающимъ уже человѣкомъ, предсмертная агонія котораго продолжается, однако, до настоящаго времени. Въ объявленіяхъ же о побѣдахъ Голицына турки выставлялись какъ «свирѣпые и исконные креста сятаго и всего христіанства непріатели». При этомъ, конечно, забывались хранившіяся въ московскомъ посольскомъ приказѣ «любительныя» грамоты о крѣпкой «исконной» дружбѣ и братской любви государей московскихъ въ отношеніи къ турецкимъ султанамъ. Но Москва начинала уже сближаться съ Западною Европою и усвоивала отъ нея установившійся тамъ взглядъ на турокъ.

Вопросъ объ освобожденіи христіанъ изъ подъ турецкаго ига началъ, въ концѣ XVII вѣка, осложняться, и изъ обще-христіанскаго вопроса онъ для Москвы сталъ дѣлаться исключительно православнымъ. Въ добавокъ этому, онъ, подъ постороннимъ вліяніемъ на русскихъ, сталъ получать характеръ, враждебный католичествому. Сама Москва не думала вовсе придавать ему такого характера, а, напротивъ, какъ мы видѣли, принимая на себя защиту турецкихъ христіанъ, искала союза съ иноземными державами—Испанією, Францією и протестантскою Англією—и дѣйствовала за-одно съ Австрією и Польшою. Въ особенности въ Москвѣ старались о томъ, чтобы привлечь къ союзу противъ Турціи Францію. Русскіе послы сдѣлали объ этомъ представленіе Людовку XIV, но король отвѣчалъ, что, такъ какъ ему изъ

гласеть уже извѣстно, что христіанскіе государи успѣли одержать побѣду надъ невѣрными, то если онъ теперь вступить въ союзъ съ ними, то ему будетъ «последняя слава». Русскіе послы, стараясь возбудить французовъ противъ Турціи, насмѣшливо спрашивали французскихъ сановниковъ, что лучше: союзъ ли съ христіанами, или миръ съ бусурманами? Послы коснулись и о торговыхъ выгодахъ Франціи, говоря, что турки отъ союза всѣхъ христіанскихъ государей обратятся въ бѣгство, а христіане получатъ свободу отъ ихъ ига и будутъ имѣть свои торговые промыслы, отъ чего и французамъ достанется больше выгоды, нежели та, каковую они имѣютъ теперь отъ бусурмановъ. Франція, однако, не приступала къ устраиваемому Россією союзу, и настоящею причиною ея отказа была вѣковая вражда Бурбоновъ съ Габсбургами. Людовикъ XIV считалъ поэтому, что сближеніе его съ Австрією, хотя-бъ и для богоугоднаго дѣла, унижить его въ глазахъ цѣлой Европы.

Впрочемъ, сближеніе Россіи съ Францією въ данномъ случаѣ не могло бы быть прочно. Патриархъ константинопольскій Досифей прислалъ, въ 1699 году, въ Москву съ своимъ довѣреннымъ человѣкомъ письмо, въ которомъ жаловался, что французы отняли у грековъ въ Іерусалимѣ половину Голгофы, церковь вилеемскую и святую пещеру, а также просили у турокъ позволеніе обновить своды іерусалимскаго храма: Патриархъ убѣждалъ царей не заключать мира съ турками до тѣхъ поръ, пока грекамъ не будетъ возвращено отнятое у нихъ французами, и въ заключеніе письма своего высказывалъ русскимъ слѣдующій укоръ: «много разъ вы хвалились сдѣлать и то, и другое, и все обманчивалось одними словами».

Вслѣдствіе этого письма, былъ посланъ въ Крымъ русскій гонецъ для требованія, при посредствѣ крымскаго хана, отъ Турціи, чтобъ Порта возвратила грекамъ то, что у нихъ было отнято; но гонцу пояснили въ Крыму, что русскіе не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ между ними и султаномъ договора о святыхъ мѣстахъ никакого не было, и что, кромѣ того, отдача французамъ того, что хотѣтъ взять себѣ греки, произошла еще до войны съ Москвою, и что, слѣдовательно, такое распоряженіе султана не можетъ быть препятствіемъ къ заключенію мира между ними и московскимъ государемъ.

На этомъ ко времени единодержавія Петра I остановилось внимательство Россіи въ освобожденіе христіанъ и въ покровительство православныхъ, подвластныхъ Турціи.

Отношеніе русскихъ къ магометанству вообще и въ частности

къ туркамъ до Петра Великаго можно свести въ слѣдующій общій очеркъ.

Русскіе люди, не раздраженные, при вѣротерпимости ихъ ирешнихъ мусульманскихъ властителей, въ своихъ религиозныхъ чувствахъ, не были озлобленными врагами ислама и сами по себѣ равнодушно смотрѣли на распространеніе его господства не только въ христіанскихъ областяхъ вообще, но и надъ православными ихъ единовѣрцами. Такое религиозное равнодушіе проявилось съ особенною рѣзкостью на земскомъ соборѣ, происходившемъ въ Москвѣ въ 1642 году, когда представлялся такой удобный случай кликнуть кличъ на всю русскую землю, призывая ее ополчиться противъ враговъ христовыхъ. Но мы видѣли, какъ вяло отнесся земскій соборъ къ царскому запросу о томъ: разрывать ли миръ съ бусурянами?

Русское духовенство на этомъ соборѣ, въ противоположность тому фанатизму, какой постоянно проявлялъ на Западѣ католическій клиръ, (когда рѣчь заходила о борьбѣ съ невѣрными, высказалось совершенно хладнокровно относительно этого вопроса. По историческимъ своимъ преданіямъ, оно не считало магометанъ непримиримыми врагами церкви христовой, но, напротивъ, видѣло въ нихъ своихъ покровителей, когда-то охранявшихъ святость православной вѣры, правъ духовенства и неприкосновенность имуществъ, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ.

Съ своей стороны, московскіе государи отличались крайнею терпимостью къ магометанству и вели собственно политическія войны съ мусульманами, сокрушая ихъ могущество, угрожавшее опасностию московскимъ владѣніямъ. При такихъ условіяхъ, они въ своихъ сношеніяхъ съ новыми завоевателями-магометанами ставили выше всего торговыя выгоды своихъ подданныхъ, такъ что еще въ исходѣ XVI столѣтія турецкіе сановники могли говорить царскимъ посламъ въ Константинополь, что русскіе съ турками никакихъ дѣлъ, кромѣ купеческихъ, не имѣютъ. Въ то время, когда вся западная Европа съ такимъ озлобленіемъ смотрѣла на религиозныхъ и политическихъ преемниковъ пророка—на турецкихъ султановъ, государи московскіе желали жить съ ними въ «братской любви и крѣпкой дружбѣ» и соединялись съ ними противъ христіанской Польши. Доброхотство свое къ султану, патриархъ Филаретъ, верховный представитель православно-русской церкви, и сынъ его, Михаилъ, доводили до того, что предоставляли султану хоть въ одинъ часъ побить воровъ-казаковъ, этихъ русскихъ «лицарей», отважныхъ и неутомимыхъ борцовъ противъ ислама.

Невозможно допустить, чтобы, въ виду всего этого, въ древней Москвѣ, безъ посторонняго на нея вліянія, могла зародиться, развиться и укрѣпиться мысль о защитѣ или освобожденіи христіанъ, угнетенныхъ турками, и явиться тамъ какою-то историческою задачею для преемниковъ великихъ князей и царей московскихъ.

Положительно можно утверждать, что такая мысль пришла въ Москву съ Запада. Къ борьбѣ за христіанъ съ Турціею побуждали Москву и папы, и римско-нѣмецкіе кесари, и короли польскіе, и французскіе, и даже Швеція не отстала отъ нихъ въ этомъ случаѣ; но пока Москва оставалась при своихъ стародавнихъ жизненныхъ началахъ, всё эти побужденія встрѣчались тамъ съ полнымъ равнодушіемъ. Мысль о борьбѣ съ турками за христіанъ, заносимая въ Москву извнѣ, находила тамъ сочувствіе только въ людяхъ съ европейскою складкою ума, и мы видимъ, что двигателями ея тамъ являлись: Борисъ Годуновъ, Лжедмитрій, Ордынъ-Нащокинъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ — люди, рѣзко выдѣлявшіеся изъ ряда своихъ соотечественниковъ по своему стремленію къ обще-европейскимъ порядкамъ.

На значеніе Москвы, какъ заступницы за христіанъ, подвластныхъ Турціи, повліяло, въ особенности, какъ мы это уже объяснили, подданство Малороссіи царю Алексѣю Михайловичу. Съ этого времени замѣчается перемѣна прежней московской политики въ отношеніи къ Турціи, но и здѣсь не обазывается самобытною дѣятельности Москвы, такъ какъ она, принявъ на себя хлопоты по составленію общаго христіанскаго союза противъ турокъ, дѣйствовала въ этомъ случаѣ не по собственному почину, но только вслѣдствіе договора, заключеннаго съ Польшею, и для нея, а не для себя искала на западѣ союзниковъ противъ Турціи. Съ своей же стороны, она, и въ этомъ случаѣ, не оказала никакой существенной помощи.

Москвѣ не принадлежитъ также мысль объ исключительномъ покровительствѣ Россіею православныхъ турецкихъ христіанъ. Напротивъ, взявшись за составленіе западно-католическаго союза, она оказывалась крайне недальновидною, предоставляя католичеству и религіозный, и политическій перевѣсъ надъ православіемъ въ областяхъ подвластныхъ Турціи. Мысль о томъ значеніи, какого должна добиваться Россія въ Турціи, какъ православная держава, была высказана въ первый разъ гетманомъ Самойловичемъ, и онъ, по всей справедливости, долженъ считаться основателемъ той политики, которой впоследствии стали держаться русскіе государи при предъявленіи Портѣ своихъ требованій относительно покровительства христіанъ въ Турціи.

Все сказанное нами приводитъ прежде всего къ тому общему основному заключенію, что стремленіе освободить христіанъ изъ подъ турецкаго ига, стремленіе, выставленное историческою задачею современной намъ Россіи, не зародилось въ ея сердцѣ—въ Москвѣ, но пришло туда съ Запада и долгое время было тамъ чуждо и ея религиозному настроенію, и направленію ея внѣшней политики.

Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ къ эпохѣ Петра Великаго.

Е. Карновичъ.

АВТОБІОГРАФІЯ СТАРАГО ЧАРТИСТА.

The life and struggles of William Lovett in his pursuit of bread, knowledge and freedom, with some short account of the different associations he belonged to and of the opinions he entertained (London, Trübner and Co, 1876).

George Jacob Holyoake: The history of cooperation in England, its literature and its advocates. Vol. I. The pioneer period, 1812—1844. (London, Trübner 1875).

Едва-ли есть другая страна въ мірѣ, гдѣ біографическая и автобіографическая литература такъ сильно развита, какъ въ Англіи. Безпрестанно появляются мемуары и дневники лицъ, или игравшихъ замѣтную политическую роль, или стоявшихъ близко къ крупнымъ политическимъ и литературнымъ дѣятелямъ, и потому дающіе возможность читателю заглянуть за кулисы общественной жизни во многіе интересные ея моменты. Всѣмъ памятенъ скандалъ, вызванный, тому нѣсколько лѣтъ, обнаруженіемъ мемуаровъ Гревилля о послѣднихъ годахъ царствованія Георга IV и о времени Уильяма IV; этотъ дневникъ былъ такъ откровененъ и такъ безцеремонно относился къ лицамъ разныхъ партій и даже къ коронованнымъ особамъ, что не рѣшились еще напечатать ту часть его, которая описываетъ время правленія Викторіи и, вѣроятно, эта доля мемуаровъ появится не ранѣе смерти нынѣ царствующей королевы. Не буду перечислять мемуаровъ Брума, Росселя, біографій Пальмерстона Диккенса и другихъ, автобіографій Мартино, Мэжэя и прочихъ болѣе или менѣе крупныхъ литературныхъ дѣятелей. Съ помо-

щью этого богатого материала, преимущественно относящегося къ сходящему со сцены поколѣнію дѣятелей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, можно уже восстановить исторію англійскаго общества въ первой половинѣ нашего вѣка съ достаточной полнотой, особенно въ тѣхъ частяхъ ея, которыя относятся къ наиболѣе замѣтнымъ чертамъ ея политики и литературы.

Но нашъ вѣкъ, въ которомъ социологическіе вопросы приобрѣли такое большое значеніе и который сталъ присматриваться гораздо внимательнѣе, чѣмъ его предшественники, къ жизни массъ, составляющихъ большинство общества и главный объектъ всѣхъ социологическихъ вопросовъ, нашъ вѣкъ вызываетъ особенный интересъ и къ біографіямъ, и къ автобіографіямъ много рода, именно, къ описаніямъ жизни тѣхъ дѣятелей, конкъ уже не мало въ Европѣ, которые могутъ служить представителями этихъ массъ, ихъ заботъ и ихъ интересовъ, а также того участія, которое эти массы приняли въ исторіи нашего столѣтія, участія, постоянно возрастающаго, радующаго однихъ наблюдателей, но пугающаго другихъ. Особенно жизнеописанія тѣхъ изъ упомянутыхъ дѣятелей, которыхъ обстоятельства и личная энергія выдвинули на болѣе или менѣе долгое время въ передовые ряды общественной жизни, не могутъ не служить самымъ характерическимъ для общественной исторіи дополненіемъ къ біографіямъ представителей классовъ, издавна унаслѣдовавшихъ руководство общественными дѣлами и поддержанныхъ не только собственными личными силами, но еще традиціей и рутинною окружавшаго ихъ общества.

Именно потому мнѣ казалось, что читатели, которые сколько-нибудь интересуются общественнымъ движеніемъ, имѣвшимъ мѣсто въ Англій въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, могутъ болѣе почерпнуть изъ автобіографіи мебельщика Ловетта, имя котораго имъ едва ли извѣстно изъ обычныхъ исторій Англій нынѣшняго вѣка, чѣмъ изъ только-что появившейся біографіи того романиста-еврея, который, тому полвѣка назадъ, сказалъ англійскому парламенту: «вы будете выслушивать меня» и теперь, какъ первый министръ самой гордой аристократической партіи въ Англій, заседаетъ среди сливокъ англійской аристократіи въ палатѣ лордовъ, съ титуломъ лорда Биеонсфильда. Автобіографія Ловетта можетъ дать болѣе материала для размышленія, чѣмъ и надѣлавшая много шума въ нынѣшнемъ году автобіографія миссъ Мартино; хотя не можетъ быть никакого сравненія между талантомъ скромнаго секретаря разныхъ рабочихъ обществъ, можетъ быть, слишкомъ часто выказывавшаго недостаточно широты пониманія и недостаточно энергіи въ дѣя-

тельности въ минуты историческія для англійскаго народа, и талантомъ энергической «маленькой глухой», которая, съ перваго своего выступленія въ литературѣ, завоевала себѣ немало вліянія и, по мѣрѣ своего пониманія и своихъ способностей, ни на минуту и ни на шагъ не уступала ни предъ какими противниками и врагами, борясь за теорію Мальтуса, какъ за эмансипацію негровъ, за месмеризмъ, какъ за позитивную философію, несмотря на насмѣшки, нападки, враждебность, которыя она вызывала. Еслибы я имѣлъ въ виду дать читателямъ цѣлый рядъ статей объ Англии 30-хъ, 40-хъ и частью 50-хъ годовъ, то я постарался бы слить въ одну картину біографію Дизраэли, миссъ Гарриетъ Мартино и Уильяма Ловетта, какъ характеристическихъ экземпляровъ своего времени и своей страны; но этотъ рядъ статей могъ бы быть слишкомъ длиннымъ для журнала. Если же предстоитъ выборъ изъ этихъ личностей, то я останавливаюсь на наименѣе извѣстной, наименѣе блестящей личности изъ трехъ—на старомъ чартистѣ Ловеттѣ, представителѣ партіи «нравственной силы» среди своихъ единоплеменниковъ, и на нить его жизни, которую онъ самъ даетъ, нанижу тѣ обстоятельства, среди которыхъ онъ жилъ и развивался, а потомъ былъ отодвинуть со сцены исторіи въ скромную дѣятельность обычнаго рабочаго третьестепеннаго литератора и дѣятеля по развитію школъ въ Великобританіи. При этомъ, я воспользуюсь дополненіями, которыя даетъ для того же времени первый томъ «Исторіи коопераций въ Англии» Джорджа Джакоба Голюка (G. J. Holyoak), вышедшей два года тому назадъ. Настоящая минута, какъ мнѣ кажется, тѣмъ болѣе удобна для воспоминанія о періодѣ движенія чартистовъ, что газеты недавно принесли извѣстіе объ одновременной смерти какъ автора автобіографіи, вышедшей въ прошломъ году и составляющей предметъ этой статьи, такъ и Джона Фроста, который былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей чартизма «физической силы» и полатился за это 20-ти лѣтнею ссылкой на Фальклендскіе Острова, откуда былъ возвращенъ въ 60-хъ годахъ. Джонъ Фростъ умеръ въ Бристолѣ въ первыхъ числахъ августа (нов. ст.); Уильямъ Ловеттъ послѣдовалъ за нимъ черезъ нѣсколько недѣль. Изъ крупныхъ дѣятелей чартизма едва ли кто остался въ живыхъ. Все это движеніе настолько принадлежитъ невозвратному прошедшему, что давно уже жизнь обоихъ борцовъ стараго времени была совершенно лишена всякаго политическаго значенія, и въ настоящую минуту автобіографія и смерть защитника «нравственной силы» возбудили столь же мало вниманія, какъ и смерть проповѣдника «физической силы». Англича-

не нашего времени, повидимому, очень неохотно обращаются къ бурному періоду агитацій 30-хъ и 40-хъ годовъ, когда, рядомъ съ политической борьбою за парламентскую реформу и за отмену хлѣбныхъ законовъ, шла проповѣдь Роберта Оуэна, организація Trades Unions'овъ и подписывались громадныя петиціи чартистовъ. При множествѣ монографическихъ работъ по исторіи Англій, ежедневно появляющихся какъ въ Великобританіи, такъ и за границей, не явилось еще писателя, который обратилъ бы надлежащее вниманіе на развитіе чартизма, и послѣдній не имѣетъ вовсе своей специальной, тщательно обработанной исторіи. Единственный трудъ, заслуживающій вниманія въ этомъ отношеніи, именно книга Гэммаджа (R. G. Gammage: History of the Chartist movement, London 1854, 12°) сдѣлалась чуть ли не библиографическою рѣдкостью, такъ что Паули, при обработкѣ своей исторіи Англій (*Reinh. Pauli: Geschichte Englands seit den Friedensschlüssen von 1814 und 1815*), не могъ даже достать этой книги (ея нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, и въ парижскихъ публичныхъ библіотекахъ) и долженъ былъ пользоваться составленнымъ по ней статьямъ Молесварта и Брентона. Всѣ очерки чартизма, не опирающіеся на этотъ единственный источникъ, почти не стоятъ вниманія. Между тѣмъ, трудъ Гэммаджа, драгоцѣнный особенно потому, что авторъ самъ принималъ участіе въ движеніи чартистовъ и зналъ лично многихъ и многое, о чемъ писать, очень кратко и не заключаетъ достаточнаго числа выписокъ изъ обширной литературы періодическихъ изданій и брошюръ того времени, которыя опять-таки становятся библиографической рѣдкостью (самой важной въ этомъ отношеніи газеты Фаргюса О'Коннора «Northern Star» нѣтъ и въ «Британскомъ Музеѣ»), и въ настоящее время можетъ быть пополненъ многими біографическими и автобіографическими данными, разбросанными въ литературѣ послѣднихъ 25 лѣтъ. Есть слухи, что Адольфъ Гельдъ готовитъ монографическій трудъ о чартизмѣ, и, хотя отъ этого автора нельзя ожидать особенно яснаго пониманія такого движенія, какъ чартизмъ, и вполне безпристрастнаго отношенія къ разнымъ отраслямъ этого движенія, тѣмъ не менѣе, если Гельдъ ограничится добросовѣстной группировкою всего, что можно собрать объ этомъ движеніи, и критическою оцѣнкою сомнительныхъ его пунктовъ, онъ восполнитъ замѣтный пробѣлъ въ исторіи весьма недавняго времени, которое, между тѣмъ, и недостаточно извѣстно, и кажется отодвинутымъ очень далеко отъ теперешней мирной Англій, гдѣ трудно себѣ представить бурное народное движеніе.

Уильямъ Ловеттъ принималъ личное и дѣятельное участіе во

всѣхъ отрасляхъ этого движенія, и его жизнь тѣсно связана съ исторіей его времени именно въ томъ направленіи этой исторіи, которое касалось жизни массъ. Какъ онъ самъ обозначилъ въ нѣскольکو обширномъ заголовкѣ своей автобіографіи, ему пришлось въ жизни бороться за «насущенный хлѣбъ», ему пришлось усиленнымъ трудомъ завоевывать себѣ «знаніе», и, при этой упорной борьбѣ за самостоятельность и за личное развитіе, онъ еще употребилъ значительную часть жизни на борьбу за общественную «свободу» или за то, что онъ считалъ свободою. Эпиграфомъ на своей автобіографіи онъ поставилъ стихи Чарльза Мэкса:

«Впередъ! Пока еще осталось праву побѣдить какое-либо зло; пока притѣснители еще поднимаютъ палець, чтобы грозить намъ своимъ могуществомъ; пока какое-либо заблужденіе омрачаетъ разумъ всемірнаго духа; пока какой-либо рабъ ожидаетъ своей свободы—мудрый долженъ дѣйствовать».

Ловеттъ изложилъ въ своей книгѣ и краткій отчетъ о разныхъ «ассоціацияхъ», въ которыхъ онъ участвовалъ, для того—говоритъ онъ въ предисловіи—«чтобы рабочіе классы будущаго времени знали что-либо о ранней борьбѣ иныхъ изъ людей, отстаивавшихъ политическія права, которыми они (потомки) будутъ пользоваться, и знали тѣхъ, что помогали установленію свободной и дешевой прессы, которая въ будущемъ доставитъ миръ, довольство и благосостояніе ихъ жилищамъ».

Ловеттъ родился въ Корнуэльсѣ въ 1800 году, когда на престолѣ Англіи сидѣлъ, между двумя принадлежками безумія, упрямый Георгъ III, заставившій дорого заплатить Великобританіи за свое упорство относительно колонистовъ въ Сѣверной Америкѣ и теперь предпринявшій противу друзей новой республики войну, которая должна была обойтись народу въ 1¼ миллиарда фунтовъ стерлинговъ. Не разъ, когда его карета появлялась на улицахъ Лондона, его встрѣчали не привѣтствія публики, но крики голоднаго народа: «хлѣба! мира!» Стекла его кареты летѣли въ дребезги отъ камней. Въ этотъ самый годъ произошли двѣ попытки противъ жизни короля. Это былъ годъ, когда подкупомъ и угрозами ирландскій парламентъ былъ доведенъ до провозглашенія соединенія законодательныхъ собраній Ирландіи и Англіи (5-го февраля 1800 г. палата общинъ приняла билль 158 голосами противъ 115)—соединенія, которое вызвало и вызываетъ до сихъ поръ такіа упорная волненія въ народѣ ирландскомъ и среди его представителей. Это былъ годъ и обнародованія того знаменитаго закона противъ рабочихъ союзовъ (29 го іюля 1800 г. Act. 39—40, Georges III. cap. 106), которымъ

*

запрещалось всякое соглашеніе рабочихъ съ цѣлью возвысить заработную плату, уменьшить рабочее время, вообще—для улучшения условій труда; запрещались всякія собранія и сборы денегъ съ цѣлью устройства рабочихъ союзовъ; нарушители закона подвергались помѣщенію въ рабочіе дома и каторжной работѣ; собранныя деньги должны были быть конфискованы. Этотъ законъ, существовавшій до 1824 г., былъ одною изъ главныхъ причинъ тѣхъ волненій среди рабочихъ, которыя, въ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, повели къ открытымъ мятежамъ, къ поджигательствамъ, къ разрушенію машинъ и т. п., тѣмъ болѣе, что въ 1813 г. отиѣнены были, подъ влияніемъ крупныхъ промышленниковъ, законы Елизаветы, которые хотя формально—если не дѣйствительно—ограждали нѣсколько рабочихъ отъ полного произвола предпринимателя. Но къ этому я вернусь ниже.

Годъ рожденія Ловетта увидѣлъ и появленіе передъ судомъ въ Англій бѣднаго школьнаго учителя изъ Йоркшира коммуниста Спенса. Уильямъ Ловеттъ потерялъ отца моряка еще до своего рожденія. Его мать работала цѣлый день среди рыбаковъ, съумѣла кое-какъ поддержать не только ребенка, но и свою старуху мать, при чемъ ей помогали ея братья, веревочники, который, впрочемъ, умеръ 32 лѣтъ, отъ истощенія силъ. Первые воспоминанія ребенка въ этотъ періодъ были связаны съ насильственной вербовкою моряковъ.

«Достаточно было крика: «вербовщики (press-gang) идутъ!», чтобы всѣ молодые и взрослые мужчины города бѣжали какъ можно скорѣе въ горы и въ глубину страны и прятались гдѣ могли, пока можно было предположить, что опасность прошла. Но не всегда дорога внутрь страны была для нихъ открыта, потому что власти иногда устраивали, чтобы отрядъ легкой кавалеріи отрѣзывалъ отступленіе въ то время, когда вербовщики приставали къ берегу. Тогда можно было видѣть, какъ солдаты съ палашами наголо гнали къ берегу бѣдныхъ рыбаковъ, часто сквозь засѣянные поля, гдѣ бѣглецы думали скрываться, между тѣмъ какъ вербовщики тщательно обыскивали каждый домъ, чтобы найти свои жертвы. Многихъ увозили, такимъ образомъ, изъ домовъ или изъ ихъ лодокъ на морѣ, и о многихъ изъ увезенныхъ уже никогда не слышали родственники». Въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, по словамъ Ловетта, женщина отбила своего отца, лѣтъ 60, отъ вербовщиковъ, защищая его большою рыбою, которую въ то время потрошила.

Въ школѣ, куда его посылали, маленькій Ловеттъ выучился кое-какъ читать, писать, считать и катехизису, «что считалось

въ это время (да едва ли не такъ и теперь для многихъ «образованныхъ» людей) полнымъ курсомъ обученія для бѣдныхъ людей». Держали мальчиковъ въ школахъ, конечно, очень строго. «За незнаніе уроковъ насъ били по ладонямъ и жестоко сѣкли. Однажды я видѣлъ, какъ онъ (учитель) повѣсилъ мальчика за большіе пальцы рукъ, такъ что пальцы ногъ едва касались земли, за то, что мальчикъ не приходилъ на урокъ». Конечно, въ этой школѣ не думали дѣйствовать на умъ мальчика, и Ловеттъ передаетъ много разсказовъ о предрасудкахъ, господствовавшихъ около него и которымъ онъ самъ былъ причастенъ. «Народное вѣрованіе населило разныя мѣста духами и привидѣніями разнаго рода, въ которыхъ я твердо вѣрилъ». Ловеттъ прибавляетъ, что и впоследствии, когда пребываніе въ Лондонѣ избавило его отъ вѣры въ духовъ, его сомнѣнія были очень дурно приняты его мѣстными сосѣдами: ему цитировали эндорскую колдунью и другіе подобныя авторитеты и обвиняли въ невѣріи въ самыя основныя данныя религіи.

Но ребенку надо было отыскать ремесло, потому что хлѣбъ былъ дорогъ въ эти годы войны. Ячменный хлѣбъ, по словамъ Ловетта, составлялъ главный матеріалъ его пицци въ дѣтствѣ «и мнѣ говорила моя мать — пишеть онъ — что въ годъ моего рожденія хлѣбъ всякаго сорта былъ такъ рѣдокъ и такъ дорогъ, что она не могла достать хлѣба настолько, чтобы не быть голодной, хотя ходила за нѣсколько миль, чтобы покупать его». Какъ сказано выше, дядя Ловетта былъ веревочникъ, и племянника помѣстили въ тоже ремесло. Но именно въ это время желѣзныя дѣвки стали замѣнять канаты и веревки во многихъ случаяхъ, и это, вмѣстѣ съ другими причинами, повело къ упадку веревочнаго ремесла, такъ что Ловетту и во время его ученичества былъ досугъ заниматься кое-чѣмъ другимъ, а впоследствии, когда онъ онъ сталъ свободно располагать своимъ временемъ, онъ убѣдился, что это ремесло поддержать его не можетъ. Въ свободное время своего ученичества, онъ охотно выдѣлывалъ кѣтки для птицъ, ящички и развилъ въ себѣ техническую изобрѣтательность. Онъ придумалъ машину для дѣланія веревочекъ, приготовлялъ для дѣвушекъ, работавшихъ соломенныя шляпки, стальные стержни съ выступами для раскалыванія соломки, случайно занимался токарнымъ и плотничьимъ дѣломъ. Когда Ловеттъ отдѣлался, наконецъ, отъ своего мастера (котораго онъ едва принудилъ заплатить слѣдующія ему деньги), онъ рѣшился было бросить ремесло веревочника. Открывалась возможность сдѣлаться рыбакомъ, но непобѣдимая склонность къ морской болѣзни помѣшала ему заняться этимъ дѣломъ. Онъ

сталъ работать у плотника, но здѣсь оказалось препятствіе въ формѣ стараго цехового духа: ученики плотничнаго дѣла стали грозить закономъ мастеру, который принялъ на работу веревочника, не бывшаго ученикомъ. Ловеттъ былъ опять безъ мѣста. Ему посоветовали отправиться въ Лондонъ, гдѣ онъ могъ, какъ думали, легче достать работу какъ веревочникъ, или наняться для того же на морское судно. Ловеттъ изготовилъ нѣсколько дамскихъ ящичковъ, продалъ ихъ и, съ нѣсколькими рекомендаціями въ лондонскимъ мастерамъ-веревочникамъ, пустился въ Лондонъ 23-го іюня 1821 года. «Я прибылъ, говорить онъ:— въ огромный городъ съ 30-ю шиллингами въ карманѣ, не зная тамъ никого и незнакомый никому».

На престолѣ Англіи въ это время находился уже не Георгъ III, давно неизлечимо помѣшанный, слѣпой и глухой, а Георгъ IV, и въ настоящее время мемуары Грэнвилля, книга о четырехъ Георгахъ Тэзера и многочисленныя другія столь же откровенныя произведенія поставили эту фигуру на ея надлежащее мѣсто въ исторіи. Боже мой въ нѣсколькихъ словахъ произнести приговоръ надъ «невѣроятною невостью того безчестнаго сластолюбца, который наслѣдовалъ Георгу III на престолѣ». Въ 1820 году, когда онъ вступалъ на престолъ, этому «Адонису» было 58 лѣтъ. Судьбы Англіи находились уже давно въ рукахъ самой позорной и безталанной клики торіевъ, какая когда либо управляла Англіей, и это министерство сумѣло отодвинуть однихъ и похоронить съ самаго начала Питта и Фокса, впоследствии восторжествовать надъ «министерствомъ всѣхъ талантовъ» Грэнвилля, обезсилить или выдѣлать изъ своей среды Уэлслея и Кэннинга, выказать свою полную неспособность ужиться съ какимъ-нибудь человекомъ съ дѣйствительными политическими способностями и, находясь постоянно наканунѣ своего паденія, сумѣло удивить всѣхъ современниковъ своею прочностью. Тамъ первымъ министромъ былъ совершенно ничтожный лордъ Ливерпуль. Тамъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ другъ Меттерниха, Кэстлери (лордъ Лондондерри), министромъ внутреннихъ дѣлъ—Сидмутъ, вызывавшій мятежи съ помощью подсылаемыхъ агентовъ; финансы были поручены Ванситторту, который удивлялъ парламентъ своимъ невѣжествомъ въ финансовыхъ вопросахъ; канцлеръ Эльдонъ воплощалъ въ себѣ идолопоклонство предъ всѣми старыми законами Англіи, какъ бы ни были они напы и безчеловѣчны. Преувеличенная военная слава Уэллингтона померкла уже предъ реакціонностью внутренней политики его и его друзей. Но это былъ періодъ, когда это министерство торі успѣло выказать свою неспособность во всѣхъ

отношеніяхъ и когда оно не могло болѣе удержать въ рукахъ власти. Еще въ концѣ 1818 года умеръ Элленборо; въ концѣ 1821 года всѣми ненавидимый или презираемый Сидмутъ, наконецъ, оставилъ дѣла; въ слѣдующемъ году зарѣзался Кестльри. Каждый годъ выказывалъ министерство тори съ болѣе позорной стороны; оно держалось лишь провода мѣры, которыя были предложены его противниками; изъ собственной же программы черпало лишь самыя возмутительныя для англичанина мѣры: приостановку Habeas corpus, циркуляръ о преслѣдованіи брошюръ и журналовъ за оскорбленіе правительства и религіи, систему шпионства. Въ послѣдніе годы, оно вызвало всеобщее возмущеніе кровавымъ укрощеніемъ беспорядковъ въ Манчестерѣ; оно потерпѣло тяжелое нравственное пораженіе, когда три смѣны присяжныхъ въ три послѣдовательные дня оправдали книгопродавца-пародиста Гуна (Hope) и когда этотъ бѣднякъ въ истасканномъ платьѣ, которому не на что было нанять защитника и котораго семейство, по его собственному сознанію, терпѣло крайнюю нужду, сбилъ своей защитой всѣхъ обвинителей, между прочимъ, и знаменитаго своимъ судебнымъ искусствомъ и своею дерзостью лорда Элленборо. Процессъ королевы, только-что законченный при всеобщемъ скандалѣ, нанесъ министерству послѣдній ударъ. Когда Ловеттъ пришелъ въ Лондонъ, несчастная принцесса брауншвейгская доживала свои послѣдніе дни послѣ того, какъ ея не пустили въ уэстминстерское аббатство на церемонію ея развратнаго мужа, который осмѣлѣлъ подарками свою послѣднюю фаворитку, герцогиню Конинггемъ. Но старая партія виговъ еще не могла противопоставить министерству тори достаточной силы. На первомъ планѣ въ общественномъ мнѣніи стояли радикалы, которые внезапно выдвинулись на первый планъ въ первую четверть вѣка. Это были Гэнтъ и Бордеттъ, которыхъ голоса раздавались въ народныхъ собраніяхъ; это были Кокрэнъ, Картрайтъ, которыхъ имена составляли пугало консерваторовъ и въ Англии, и за границею. Это были, въ особенности, 55-лѣтній Коббеттъ, двухпенсовыя изданія котораго (two-penny trash) расходились среди рабочихъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и 73-лѣтній Бентамъ, который стоялъ на вершинѣ своей славы и къ которому всѣ новыя республики Южной Америки точно такъ же, какъ всѣ крайнія партіи волнующагося юга Европы, обращались за совѣтами. Радикальная пресса Коббетта, Ричарда Карлейля (Carlyle), Гуна и другихъ, стала громадною силою и имѣла свои болѣе сдержанные и приличные органы въ «Examiner», «Weekly Despatch» и «Westminster Review», въ то время какъ виги преимущественно группировались около «Edinburgh Review», «Morning

Chronicle), торн—около «Quarterly Review»; а рядомъ съ ними приобретаема уже каждый день болѣе значенія и пресса, рассчитывавшая только на деньги подписчиковъ и, въ силу спекуляціи стоявшая сегодня за виговъ, завтра за торн; представителемъ ея былъ «Times». Въ самый годъ пребыванія Ловетта въ Лондонѣ, начала формироваться партія молодыхъ виговъ около Джона Россела и его товарищей, имѣя въ виду придать болѣе энергіи дѣятельности старыхъ виговъ, смягчить рѣзкую программу радикаловъ и воспользоваться тѣмъ волненіемъ умовъ, которое было вызвано Бентамомъ и Коббетомъ, чтобы образовать новое реформистское движеніе, способное, наконецъ, низвергнуть министерство торн. «Опытъ объ англійской конституціи» былъ однимъ изъ первыхъ признаковъ этой новой группировки партій, и личности, подобныя Гарри Бруму, который сдѣлался разомъ популяренъ въ Англійи своею защитою королевы, были всего способнѣе положить начало подобной коалиціи, тѣмъ болѣе, что и въ литературѣ этого времени всѣ лучшіе представители англійской поэзіи: Байронъ (Донъ-Жуанъ, Видѣнія суда, Бронзовый вѣкъ), Муръ, Шелли, Китсъ принадлежали радикальному направленію. Въ этотъ самый годъ (27-го января 1821 года), когда Ловеттъ вступалъ въ Лондонъ съ нѣсколькими шиллингами въ карманѣ, тамъ появился и первый журналъ, защищавшій дѣло рабочей коопераціи («The Economist»), въ которомъ полуголодный веревочникъ долженъ былъ потомъ принять столь дѣятельное участіе. Въ первомъ же номерѣ редація объявляла объ образованіи «кооперативнаго и экономическаго общества», а осенью (27-го августа) высказывала и свою «тайну»: «ничѣмъ не стѣсненная кооперація *всѣхъ* членовъ, для *всѣхъ* цѣлей общественной жизни».

Но со всѣмъ этимъ міромъ руководителей мысли и судебъ Великобританіи молодому Ловетту пришлось познакомиться лишь постепенно. Пока онъ боролся еще не за «знаніе и свободу», а за «кусочекъ хлѣба» и искалъ работы. Проходя въ первое утро своего пребыванія въ Лондонѣ при этихъ поискахъ по London Bridge, онъ былъ пораженъ «большимъ числомъ подбитыхъ глазъ, изцарапанныхъ и покрытыхъ синяками лицъ между рабочими, которые шли на работу»; «я узналъ впоследствии, пишетъ онъ:—что это былъ результатъ ихъ препровожденія времени въ субботу вечеромъ и въ воскресенье». Но работы не было у веревочниковъ, не было и въ другихъ ремеслахъ, хотя Ловеттъ былъ «готовъ взять на себя всякій честный трудъ». Небольшія деньги, съ которыми онъ пришелъ въ Лондонъ, истощились; приходилось «въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль довольствоваться ежедневно ку-

сломъ хлѣба въ 1 пенни и водою изъ ближайшаго фонтана». «Мы вставали, пишетъ Ловеттъ:—(онъ искалъ работы вѣсть съ другимъ товарищемъ, плотникомъ) обыкновенно въ 5 часовъ и ходили до 9, спрашивая о работѣ въ разныхъ лавкахъ и постройкахъ. Затѣмъ, мы покупали хлѣба на пенни и дѣлили кусокъ пополамъ; потомъ опять ходили часовъ до четырехъ или до пяти по полудни, пока оканчивали день другимъ кускомъ хлѣба, и ложились очень рано съ ноющими ногами и голодными». Отыскалась кое-кая плотничья работа; потомъ снова насталъ періодъ голода; потомъ Ловеттъ нашелъ работу у мѣбельщика. «Мы работали поштучно, пишетъ онъ:—плата была низка; но употребляя много часовъ на работу при усердіи и экономіи, я прожилъ сносно». Это было, впрочемъ, недолго. Хозяинъ мѣбельщикъ надулъ своихъ рабочихъ, и опять Ловеттъ остался безъ денегъ и безъ работы. При дальнѣйшихъ поискахъ ему опять мѣшало цеховое чувство рабочихъ: они не хотѣли допускать въ свою среду чужака бывшаго веревочникомъ и не прошедшаго, по правиламъ, черезъ 5 лѣтъ ученичества. Онъ съумѣлъ во-время созвать митингъ своихъ товарищей и склонить ихъ на свою сторону, но и при этомъ ему пришлось болѣе недѣльной платы истратить на водку и пиво для этихъ товарищей. Многие годы прошли, пока онъ сталъ, наконецъ, членомъ общества мѣбельщиковъ и тѣмъ, болѣе или менѣе, обезпечилъ себѣ постоянную работу. (Въ послѣдствіи онъ былъ президентомъ этого общества). Рабочіе въ это время проводили почти все свободное время въ кабакахъ, гдѣ они обѣдали, такъ какъ еще не было кофейныхъ и трактировъ безъ продажи вина, и въ тѣхъ же кабакахъ собирались клубы для пива. Пьянство и кулачные бои были любимымъ удовольствіемъ. «Въ одно воскресное утро на Broad Street въ St. Giles я видѣлъ, пишетъ Ловеттъ:—одновременно три кулачные бои по всѣмъ правиламъ, и никто не вмѣшался или не пробовалъ разнять...»

Я не остановлюсь на этой упорной борьбѣ, которую велъ «за знаніе» молодой работникъ, часто голодавшій и почти постоянно неувѣренный въ кусокъ хлѣба на завтрашній день. Ему приходилось начинать съ порядочнаго знакомства съ грамматикой, которую онъ постоянно носилъ въ карманѣ нѣсколько мѣсяцевъ, пользуясь каждою минутою свободнаго времени для ея изученія. Ему помогли существовавшія между рабочими общества самообразованія. Такъ, первое подобное общество, «либералы», собиралось по два раза въ недѣлю, причемъ одинъ изъ этихъ дней былъ обыкновенно посвященъ на обсужденіе какого-нибудь вопроса литературнаго, политическаго или метафизическаго. Здѣсь

Ловеттъ въ первый разъ услышалъ, что можно, внѣ церковной кассеры, произносить рѣчи, не читая ихъ. Члены модельнаго общества вносили небольшую плату для составленія библіотеки избранныхъ книгъ. Ловеттъ сначала заинтересовался богословскими вопросами, потомъ политическими и, наконецъ, сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ участниковъ разныхъ обществъ для обсужденія вопросовъ (debating clubs). Здѣсь онъ услышалъ разныхъ радикальныхъ ораторовъ того времени, между прочимъ Ричарда Карлейля (Carlisle) и Гѣна Джонса, которые неутомимо вели свою пропаганду, хотя большею частью переходили изъ одной тюрьмы въ другую. Эта борьба за знаніе, которая была настолько успѣшна, что сдѣлала изъ Ловетта, въ послѣднюю четверть вѣка, одного изъ дѣятельнѣйшихъ труженниковъ по распространенію и улучшенію школы и позволила ему написать для нихъ нѣсколько учебниковъ по разнымъ предметамъ, учебниковъ, заслужившихъ похвалу, была тѣмъ болѣе трудна Ловетту въ этотъ періодъ, что онъ женился, и эта женитьба тоже не лишена значенія для характеристки той серьезности, съ которой Ловеттъ и личности, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, относились къ разнымъ частностямъ жизни. Женщина, которую полюбилъ Ловеттъ, была служанка; онъ пробивался столярной работой; они понравились другъ другу, но затѣмъ разошлись на годъ не изъ-за трудности матеріальной жизни, не изъ-за личной ссоры, а изъ за убѣжденій: она была строгая послѣдовательница епископальной церкви, а онъ былъ воспитанъ въ методизмъ, но успѣлъ уже подпасть подъ вліяніе того рационалистскаго движенія умовъ, которое не придавало церковнымъ обрядовымъ формамъ никакого значенія; этого было достаточно, чтобы они сочли свой союзъ невозможнымъ. Конечно, привязанность одолѣла, но и тутъ она подкупила умъ правильною религиозною полемикою. Подобно тому, какъ будущій каноникъ и «священникъ-чартистъ», Кинчсли, нѣсколько лѣтъ велъ со своей будущей женой ту философско-религіозную переписку, которую недавно частью обнародовала его вдова въ его біографіи, точно также столяръ Ловеттъ полемизировалъ за начала рационалистскаго христіанства съ женщиною, которую любилъ. Къ сожалѣнію, эта переписка была въ послѣдствіи ими уничтожена. Кончилось тѣмъ, что она приняла его взгляды на вещи и лишь тогда пріѣхала къ нему въ Лондонъ. Они завели было пирожную, но это не удалось, и онъ вернулся къ столярному ремеслу, которое въ извѣстной мѣрѣ обезпечивало его. Черезъ два года послѣ женитьбы (1826), онъ сталъ принимать участіе и въ томъ

работамъ движеніи, которое доставило ему мѣсто въ исторіи Англии тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нашего вѣка.

Въ своей автобіографіи Ловеттъ обратилъ особенное вниманіе—какъ онъ указалъ это въ самомъ заглавіи книги—на «различныя ассоціаціи, къ которымъ онъ принадлежалъ», и помѣстилъ въ своемъ трудѣ многіе интересныя документы, имъ писанныя и относящіяся къ этимъ ассоціаціямъ—документы, тѣмъ болѣе интересные, что ихъ собрать теперь нелегко. Я считаю полезнымъ остановиться преимущественно на этой сторонѣ его дѣятельности.

Въ 1828 г., когда Ловеттъ сталъ принимать участіе въ ассоціаціяхъ рабочихъ, это ассоціаціонное движеніе было въ полномъ развитіи. Я не имѣю въ виду рассказывать исторію этого движенія, что завело бы меня слишкомъ далеко, но мнѣ придется указать на характеристическія черты главныхъ его отраслей во второй четверти нашего вѣка. Можно указать на три его отрасли, имѣвшія особый характеръ и различный историческій успѣхъ. Наименьшее участіе принималъ Ловеттъ въ томъ движеніи, которое имѣло наибольшую историческую давность, связано было старыми гильдіями среднихъ вѣковъ, заключало въ себѣ много цеховыхъ элементовъ, обозначалось названіями ремесленныхъ союзовъ, вспомогательныхъ и дружескихъ обществъ и переходило въ общества сопротивленія. Это движеніе, которое пережило всѣ прочія и теперь поглотило въ себѣ все рабочее движеніе въ Великобританіи, обозначается особенно названіемъ Trades-Unions, давно знакомымъ читателю. Въ сочиненіи, посвященъ на себѣ имя графа Парижскаго, (*Les associations ouvrières en Angleterre* 1869), и особенно въ трудахъ Brentano (*Die Arbeitergilden des Gegenwart*, 1871—1872; *Das Arbeitsverhältniss gemäsz dem heutigen Recht*, 1877), они могутъ найти подробныя свѣдѣнія объ этомъ движеніи. Заимствую для общей характеристики послѣдняго лишь нѣкоторыя мѣста изъ резюме, которое составилъ Brentano въ послѣднемъ своемъ трудѣ. Я выбираю этотъ трудъ особенно потому, что постоянная полемика Brentano съ нѣмецкими социаль-демократами и его извѣстная принадлежность къ партіи экономистовъ, стремящейся найти гармонію между трудомъ и капиталомъ, не позволяютъ ни въ какомъ случаѣ заподозрить Brentano въ «разрушительныхъ» наклонностяхъ. Онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ ходъ борьбы Trades Unions съ хозяевами, начиная съ той эпохи, когда успѣхи техники въ концѣ XVIII вѣка повели къ образованію новѣйшей крупной промышленности (*D. Arbeitsverhältniss* и т. д., 48—96). «Когда, наконецъ, успѣхи машиннаго дѣла накопились и каждое новое

изобрѣтеніе дѣлало болѣе старыя машины негодными, стремленіе фабрикантовъ увеличить рабочій день и этимъ путемъ достигнуть болѣе быстраго возвращенія капитала, помѣщеннаго въ машины, стало въ противорѣчіе съ ограниченіемъ рабочаго дня 12-ю часами путемъ закона объ ученикахъ (закона временъ Елизаветы, о которомъ я упомянулъ выше). Всѣ упомянутыя выше предписанія закона объ ученикахъ стѣсняли пробуждающуюся крупную промышленность въ ея развитіи. Ея потребность была: свобода промышленности и отсутствіе всякаго вмѣшательства закона въ рабочій договоръ. Соотвѣтственно этому, мы находимъ крупную промышленность, съ самыхъ первыхъ ея шаговъ, въ войнѣ съ промышленными порядками закона объ ученикахъ. Сначала послѣдній былъ еще разъ подтвержденъ новыми законами, конечно, не въ интересѣ рабочихъ, но въ интересѣ мелкихъ хозяевъ, противно стремленіямъ пробуждающейся крупной промышленности. Далѣе мы видимъ цехи въ борьбѣ съ крупной промышленностью, именно: мелкіе хозяева пытаются бороться съ подавляющею ихъ конкуренціею богатыхъ крупныхъ промышленниковъ, опираясь на положеніе о цехахъ. Но ни упомянутыя выше законы, ни старанія цеховъ не могли остановить ходъ развитія, которое, особенно вслѣдствіе прогрессирующихъ техническихъ изобрѣтеній, переводило промышленность въ руки крупныхъ капиталевъ. Единственнымъ результатомъ попытокъ придать правовое значеніе противъ крупной промышленности устарѣлымъ законамъ и цеховымъ правиламъ заключалось въ переселеніи тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ проявлялись эти попытки, въ мѣстности, на которыя не распространялись юридическія дѣйствія упомянутыхъ законовъ и которыя были свободны отъ цеховаго надзора. Бирмингемъ, Манчестеръ и другія мѣста, имѣвшія подобное же значеніе, развились, благодаря этимъ попыткамъ, и достигли благосостоянія, которое скоро оставило далеко за собою старыя города и мѣстечки. Конкуренція развивающейся здѣсь крупной промышленности отняла у старыхъ цеховъ всякое значеніе, и послѣдніе вызывали лишь ненависть и презрѣніе своими стремленіями къ монополіи, пытавшимися измѣнить естественный ходъ вещей.

«Но съ инымъ правомъ сопротивлялись рабочіе нововведеніямъ крупныхъ промышленниковъ. Конечно, немногіе рабочіе, одаренные особенными экономическими способностями, увидѣли передъ собою открытую дорогу и изъ ихъ среды вышло большинство англійскихъ работодателей. Но инныя были слѣдствія устраненія стараго порядка для большей массы тѣхъ, которые обладали лишь средними способностями. Когда перестали соблюдать

законъ объ ученикахъ, устранившій юридически рядъ людей отъ промышленныхъ занятій, это не повело къ умноженію числа самостоятельныхъ промышленниковъ, но большее число мелкихъ мастеровъ перешло въ ряды несамостоятельныхъ рабочихъ, вслѣдствіе конкуренціи крупныхъ промышленниковъ, и цѣлыя массы обученныхъ рабочихъ потеряли свои занятія...

«...Обученныхъ рабочихъ стали отпускать въ большомъ числѣ, замѣняя ихъ столь же большимъ числомъ учениковъ... Въ парламентскихъ отчетахъ встрѣчаются случаи, когда мастера занимали сотни учениковъ на двухъ обученныхъ рабочихъ, между тѣмъ какъ, въ то же время, въ странѣ было множество обученныхъ рабочихъ безъ работы; эти ученики отпускались немедленно по окончаніи срока ученичества и замѣнялись другими учениками... Съ устраненіемъ (обязательнаго) найма на годъ, исчезло постоянство въ занятіяхъ; при всякомъ уменьшеніи сбыта—рабочихъ отпускали. Точно также исчезла правильность въ доходахъ: всякое измѣненіе рыночной цѣны влекло за собою измѣненіе заработной платы. И вмѣсто того, чтобы плата была установлена на годъ мировымъ судьей или городскимъ магистратомъ, соображаясь съ обстоятельствами плату назначалъ мастеръ по одностороннимъ соображеніямъ. Сперва рабочаго привлекали высокой платой, потомъ слѣдовало пониженіе за пониженіемъ. И не только заработная плата, но всѣ прочія условія труда были односторонне установлены работодателемъ. Это повело къ самымъ тяжелымъ отношеніямъ. Въ особенности все удлиннилось рабочее время. Всякое усовершенствованіе машинъ вело не къ сокращенію рабочего времени, а къ его постоянному удлинненію. Даже дѣти и женщины должны были работать ежедневно по 16 и 17 часовъ, даже въ горномъ дѣлѣ. Вліяніе этихъ порядковъ на здоровье, на нравственность, на умственное развитіе, на домашній и общественный бытъ рабочихъ было таково, что оно вынудило одного изъ крупныхъ фабрикантовъ, старшаго сэра Роберта Пила, воскликнуть: «Такимъ образомъ, великій результатъ британской изобрѣтательности, который довелъ машины нашихъ фабрикъ до такого совершенства, обращается не въ благодать для нашего народа, а въ самое горькое проклятiе для него!».

«И дѣйствительно, съ разрушеніемъ стараго промышленнаго порядка, положеніе рабочаго въ Англіи немедленно ухудшилось. Оно сдѣлалось непрочно; жизнь рабочаго стала труднѣе, заработокъ меньше, работа тяжелѣе: исчезла всякая радость жизни. Рабочіе стали зависимыми людьми и подверглись опасности потерять всякую самостоятельность.

Тогда, подобно тому, какъ прежніе свободные люди образовали

гильдии для защиты от тирании средневековых сильных людей, подобно тому, как свободные ремесленники образовали свои цехи противъ захвата власти старыми гражданами, так образовали и рабочіе свои ремесленные союзы противъ притѣсненій появившихся тогда бароновъ промышленности. И, подобно цѣли прежнихъ гильдій, цѣлью этихъ ремесленныхъ союзовъ была поддержка независимости и права, и системы порядка среди начинающагося господства промышленнаго и социального кулачнаго права...»

Сначала рабочіе подавали петиціи о нарушеніи закона работодателями, «но подобныя петиціи рабочихъ вызывали контр-петиціи работодателей, и мировые судьи дѣйствовали на основаніи послѣднихъ... Когда, такимъ образомъ, рабочимъ было отказано въ законной помощи, они повсюду прибѣгали къ самопомощи. Они пытались путемъ забастовокъ поддержать и провести правила, которыя они желали установить». Потомъ снова подавали петиціи въ парламентъ. Когда же и эта надежда оказывалась много разъ напрасна, то, не вида исхода изъ бѣдственнаго положенія, озлобленные рабочіе прибѣгали къ насилію, къ мятежамъ, къ поджигательству.

Дѣйствительно, исторія почти всѣхъ ремеслъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX-го показываетъ, что, какъ только выказывались попытки устранить старинный промышленный порядокъ, немедленно образовывались союзы рабочихъ, которымъ это устраненіе было вредно. Ихъ цѣлью была поддержка существующаго правоваго порядка законными мѣрами. Какъ только имъ отказывали въ этой поддержкѣ—происходили забастовки. И тогда было явно, что союзы рабочихъ господствовали всюду, гдѣ правила для работы не были установлены закономъ или соглашеніемъ между работодателями и рабочими.

«Эти союзы были сначала чисто временные. Если рабочіе какого-либо предпринимателя считали, что у нихъ есть причина неудовольствія противъ него, и если онъ не устранялъ этой причины по представленіи требованій, то рабочіе прекращали работу и были поддерживаемы товарищами во время безработицы. Когда цѣль стачки была достигнута или стачка не удавалась, то союзъ исчезалъ вмѣстѣ съ поводомъ, который далъ ему начало». Но этого было недостаточно, «и постоянно возвращающіеся неудобства требовали постоянной организаціи для борьбы съ ними». Потому, вмѣсто первоначальныхъ временныхъ союзовъ, образовались постоянные.

«Эти союзы сперва охватывали всѣхъ рабочихъ одного ремесла данной мѣстности. И величина взносовъ зависѣла сперва

лись отъ произвола членовъ». Потомъ произошли «болѣе тѣсныя, замкнутыя товарищества между болѣе ревностными членами, съ опредѣленными, обязательными взносами. Но, въ случаѣ споровъ съ работодателями, постоянно примыкали къ товариществу и рабочіе, не бывшіе его членами. Главною цѣлью этихъ товариществъ была подача петицій въ парламентъ, судебное преслѣдованіе работодателей, нарушавшихъ законъ, и поддержка стачечниковъ во время забастовки. Кромѣ того, они поддерживали товарищей, которые шли въ другія мѣста искать работы, а также больныхъ, и уплачивали за погребеніе умершихъ».

Совершенно естественно было, что работодатели пытались направить силу закона противъ этихъ рабочихъ союзовъ, и я указалъ выше, что имъ удалось провести законъ противъ союзовъ въ самый годъ рожденія Уильяма Ловетта. Но то, что вызвано жизнью и экономическими потребностями, отмѣнить юридически довольно трудно. Союзы рабочихъ продолжали существовать, принявши болѣею частью маску кассъ для благотворительныхъ цѣлей (friendly societies).

«Наконецъ, въ 1814 г., послѣ борьбы, продолжавшейся болѣе столѣтія... работодатели одержали и формальную побѣду, которая на дѣлѣ была давно уже на ихъ сторонѣ... Законъ 1814 г. отмѣнилъ юридически для всѣхъ ремеслъ промышленную систему, которая была такъ стара, какъ самыя цехи. Безъ сомнѣнія, положеніе дѣлъ, каково оно было какъ разъ передъ этою отмѣною, не могло быть удержано. Пока законъ находился номинально въ силѣ, его въ дѣйствительности не исполняли... Всѣ были согласны въ томъ, что необходимъ новый законъ, но одни требовали реформы закона, другіе настаивали на полной его отмѣнѣ. Приверженцы обоихъ мнѣній подали петиціи въ парламентъ; подъ требованіемъ реформы стояло 300,000 подписей, подъ требованіемъ отмѣны — 2,000. Парламентскій комитетъ былъ назначенъ для изслѣдованія фактическихъ отношеній. Всѣ спрошенные свидѣтели были противъ отмѣны. Аргументы рабочихъ (требовавшихъ новаго закона, а не отмѣны стараго) склонили даже на ихъ сторону предсѣдателя комитета, сначала нерасположеннаго къ ихъ точкѣ зрѣнія. Но въ парламентѣ интересы работодателей рѣшили дѣло... Дѣятельны были только представители интересовъ хозяевъ и, при общемъ безучастіи не заинтересованныхъ въ дѣлѣ членовъ — разъ не оказалось даже достаточнаго числа членовъ въ палатѣ. Іюля 14 1814 г. законъ былъ просто отмѣненъ...

«Результатъ отмѣны закона объ ученикахъ былъ болѣе нравственный, чѣмъ матеріальный для рабочихъ. Именно, едва ли

можно сказать, что положеніе рабочихъ ухудшилось вслѣдствіе этой отміны, такъ какъ въ болшемъ числѣ самыхъ важныхъ ремеслъ постановленія закона объ ученикахъ не исполнялись и прежде его юридической отміны, а послѣдняя обратила лишь положеніе, фактически существовавшее, въ законное... Главное значеніе отміны закона объ ученикахъ заключалось преимущественно въ томъ, что этимъ отнята была у рабочихъ всякая надежда на улучшеніе ихъ положенія путемъ закона; что сдѣлалось по закону господствующимъ воззрѣніе, по которому работа есть не что иное, какъ товаръ, работникъ—не что иное, какъ продавецъ этого товара; что установленіе условій труда должно быть предоставлено исключительно соглашенію между работодателемъ и рабочимъ, а государство должно воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ рабочій договоръ, точно такъ же, какъ отъ вмѣшательства въ продажу другихъ товаровъ...

«По устраненіи привилегій, различіе по имуществу сильнѣе раздѣлило классы общества, чѣмъ различіе по правамъ раздѣляло прежде сословія. Отсутствие стѣсненій повело въ экономической жизни не къ болшему развитію силъ всѣхъ и каждаго, но къ неограниченному господству экономически-сильнѣйшаго, богатства. Конечно, и изъ рабочихъ поднялись тѣ, которые были экономически всего способнѣе, въ классъ собственниковъ; большинство англійскихъ работодателей вышло изъ ихъ рядовъ. Ухудшилось, напротивъ, положеніе тѣхъ, которые на всю жизнь остались рабочими—положеніе главной массы рабочихъ, положеніе среднихъ изъ нихъ по способностямъ. На мѣсто установленія условій труда властями, которыя были устранены во имя свободы, произошло одностороннее установленіе этихъ условій работодателями, и случилось то, что Питтъ предсказывалъ въ 1800 г.: конкуренція работодателей другъ съ другомъ принудила ихъ сдѣлать эти условія все тяжеле и тяжеле для рабочихъ. Заработная плата все понижалась. Вслѣдствіе введенія машинъ, которыя совершали работу, на которую нужно было прежде употребить тысячи людей, не только не сократилась работа, но рабочій день удлиннился. Вслѣдствіе отміны стараго порядка, не только не появилось болшее число самостоятельныхъ ремесленниковъ, но часто взрослые рабочіе были лишены хлѣба собственными дѣтьми и женами и попали въ зависимость отъ заработка послѣднихъ. Въ то самое время, когда трудъ былъ провозглашенъ единственнѣмъ создателемъ богатства и когда богатство страны увеличилось въ неслыханныхъ размѣрахъ, рабочимъ приходилось ограничиваться крайне необходимымъ для поддержанія жизни, и размѣръ того, что считалось крайне не-

обходимымъ, все уменьшался. Было объявлено, что трудъ есть не что иное, какъ товаръ; тѣмъ не менѣе, рабочихъ, которые не хотѣли нести свой товаръ на рынокъ, чтобы, подобно другимъ продавцамъ товаровъ, поднять цѣны уменьшеніемъ предложенія, сажали въ тюрьму, вслѣдствіе закона о рабочихъ союзахъ. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, входилъ въ дѣйствіе законъ, названный позже желѣзнымъ, что заработная плата обуславливается крайне необходимымъ для жизни; если она когда-либо поднималась надъ этимъ уровнемъ, то отношенія, на которыя рабочій не имѣлъ никакого вліянія, быстро понижали ее снова до этого уровня, даже ниже его, и, при оживленной конкуренціи между рабочими, понижалась мѣра того, что считалось необходимымъ. Это лишало рабочихъ всякаго вліянія на высоту заработной платы и отнимало у нихъ всякую возможность улучшать свое положеніе. Казалось, рокъ установилъ, чтобы только собственники пользовались успѣхами производительности труда, усиленной комбинаціею силъ; чтобы рабочіе были устранены отъ выгодъ этихъ успѣховъ; чтобы богатые становились все богаче, бѣдные же оставались все также бѣдны. И къ этому экономическому отдѣленію собственности отъ труда присоединились еще бѣдшія противоположенія въ другихъ областяхъ. Неограниченное никакими правами употребленіе на работы женщинъ и дѣтей подрывало ихъ здоровье и вызывало такое положеніе, которое грозило мрачнымъ вырожденіемъ человѣческой породы. Отсутствіе всякаго воспитанія для дѣтей, занятыхъ на фабрикахъ съ самаго ранняго возраста, разрушеніе домашней жизни вслѣдствіе занятій женщинъ, общественное отдѣленіе рабочихъ, какъ класса, отъ другихъ классовъ общества «не могло не повліять крайне вредно на растущія поколѣнія рабочихъ». Среди массъ рабочихъ, скопленныхъ въ мѣстахъ фабричнаго производства, образовался особенный кругъ идей. Среди націи возникли двѣ націи, изъ которыхъ одна господствовала, другая была подчинена этому господству; одна обладала высокими (?) формами культуры, въ которыхъ другая не принимала участія; господствующая нація боялась націи подчиненной, подчиненная нація ненавидѣла господствующую; интересы и взгляды этихъ двухъ націй были до того различны, что, несмотря на единство языка, онѣ другъ друга уже не понимали.

«Такимъ образомъ, рабочій вопросъ, постепенно развивавшійся со времени образованія особеннаго класса рабочихъ въ XIV-мъ вѣкѣ, дошелъ въ XIX-мъ вѣкѣ до кризиса. Между тѣмъ какъ

за классомъ рабочихъ было признано право участія въ благахъ цивилизаціи и признана была свобода рабочихъ, обстоятельства на дѣлѣ устранили рабочихъ отъ этого участія и ставили ихъ въ зависимое положеніе отъ другихъ лицъ. Нензбѣжно должно было среди нихъ возникнуть стремленіе — согласить дѣйствительность съ ихъ правомъ, завоевать себѣ независимость и обезпечить себѣ долю въ успѣхахъ цивилизаціи».

При отгѣнѣ закона объ ученикахъ, въ 1814 г., хозяева выставляли на видѣ въ особенности теорію Адама Смита о свободѣ труда—теорію, составленную въ эпоху (1776 г.), которая предшествовала главнымъ успѣхамъ промышленной техники, въ особенности же машиннаго производства; но если при этомъ опирались на его мнѣніе о невмѣшательствѣ законодательства въ отношенія между продавцемъ и покупателемъ, то не эти мнѣнія окончательно воплотились въ законѣ. «Еслибы послѣднее имѣло мѣсто, то слѣдовало отгѣнить и запрещенія (рабочихъ) союзовъ (1800). Потому что, если на рабочихъ смотрѣли не иначе, какъ на продавцевъ особеннаго товара—труда, то должно было казаться вмѣшательствомъ въ продажу труда юридическое запрещеніе продавцу отдѣльно или въ соглашеніи съ другими не пускать этотъ товаръ на рынокъ, чтобы вліять на его цѣну. Отгѣна запрещенія (рабочихъ) союзовъ была необходимою заповѣдью политической экономіи Адама Смита. Но, какъ было показано, отгѣна закона объ ученикахъ была вызвана интересомъ крупныхъ промышленниковъ, и этотъ самый интересъ требовалъ, чтобы запрещенія союзовъ оставались въ силѣ. Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, рабочимъ отказывали во всякомъ покровительствѣ со стороны государства, самопомощь рабочихъ была, какъ и прежде, наказываема, какъ преступленіе, на основаніи запрещенія союзовъ 1800 г., работодателямъ же за союзы угрожала лишь денежная пеня, и даже она не назначалась, потому что въ судѣ засѣдали другіе работодатели и оправдывали товарищей. Докладъ парламентскаго комитета 1824 г. о запрещеніи союзовъ замѣчаетъ, что комитетъ не знаетъ ни одного случая, когда работодатели, преслѣдуемые юридически за коалиціи, были бы осуждены...

«Подобное юридическое положеніе должно было вызвать самыя вредныя послѣдствія. Надо вспомнить, что какъ разъ въ десятилѣтіе, послѣдовавшее за окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ, положеніе рабочихъ въ Англіи было самое печальное во все новое время. Тысячи рабочихъ, бывшихъ солдатами, бродили безъ занятій. Одно изобрѣтеніе за другимъ лишало хлѣба

тѣхъ, которые имѣли до тѣхъ поръ работу. Одно пониженіе заработной платы слѣдовало за другимъ. Если несчастные искали помощи у парламента, имъ совѣтовали обратиться къ самопомощи; если они прибѣгали къ самопомощи, то съ ними обращались, какъ съ преступниками. При этомъ, несправедливый законъ, во имя котораго все это совершалось, былъ еще несправедливо приложенъ». Примѣромъ обращенія съ рабочими можетъ служить эпизодъ, рассказанный Голіукомъ и относящійся къ 1822 г. «Въ этотъ годъ бѣдный кузнецъ пришелъ изъ Олнуика (Alnwick), въ Нортумберландъ, въ Лондонъ, ища работы. Въ тотъ же день пришелъ изъ Шропшира, безъ копейки, прикащикъ москательника, давно бывшій безъ мѣста. Оба пришли въ Лондонъ, эту Меку плутовства и бѣдности, но также и генія. Они встрѣтились, какъ товарищи по бѣдности, въ стойлахъ смитфильдскаго рынка, и посмѣли думать, что имъ могутъ дозволить спать на постели, назначенной для скота. Ихъ схватили полиція и привела предъ судью изъ Сити. Оба просили, чтобы ихъ отпустили, и общали вернуться домой какъ съумѣютъ; но судья не согласился на ихъ покорную просьбу. Онъ сказалъ, что, «по его мнѣнію, обвиняемые не имѣли права идти въ городъ, не имѣя предъ собою опредѣленной надежды на работу, такъ какъ они должны были знать, что, въ настоящемъ положеніи промышленности, никто ихъ не приметъ, да никто и не имѣетъ основанія принять совершенно чужаго человѣка; при этомъ онъ считаетъ совершенно безразличнымъ, поступили ли они такъ по невѣжеству, или нѣтъ: судьи не могутъ знать мыслей обвиняемыхъ и дѣлать между ними различіе». Лордъ-мэръ согласился съ ольдерменомъ, произнесшимъ этотъ приговоръ и спросившимъ его мнѣнія. Онъ сказалъ: «Магистратура Сити желаетъ, чтобы во всей странѣ было извѣстно, что въ будущемъ она будетъ считать себя обязанною наказывать работами въ смирительныхъ домахъ на опредѣленный закономъ срокъ (не менѣе одного мѣсяца и не болѣе трехъ) всѣхъ входящихъ въ городъ, изъ порочнаго ли стремленія къ бродяжничеству, или съ какою бы ни пришли они заявленою цѣлью или расчетомъ. Короче, магистратура приложитъ законъ во всей его строгости ко всякому, кто не будетъ въ состояніи доказать, что онъ имѣлъ достаточныя основанія или увѣренность въ полученіи работы, идя въ Лондонъ». Иначе говоря: рабочимъ изнутри страны приходилось умирать съ голоду въ своемъ приходѣ или идти въ лондонскіе смирительные дома. Но привожу далѣе слова Брегана:

*

«Само собою разумѣется, что все это не могло имѣть слѣдствіемъ уничтоженіе союзовъ рабочихъ. Напротивъ, они распространились на всѣ ремесла. Единственнымъ слѣдствіемъ запрещенія союзовъ было возбужденіе озлобленія рабочихъ противъ прочихъ классовъ общества; между ними распространился духъ недовѣрія, ненависти и отчаянья; понятіе о законномъ и незаконномъ стало исчезать; союзы стали принимать характеръ тайныхъ связей, и, при преслѣдованіи своихъ цѣлей, они не останавливались предъ тѣмъ, что законъ называлъ преступленіемъ. И этому нельзя удивляться, если взять въ соображеніе тогдашнее развитіе рабочихъ. Ихъ наказывали одинаково и тогда, когда они вступали въ простой союзъ, и тогда, когда они прибѣгали къ насилію. Немудрено, что люди, доведенные до крайности борьбою за существованіе, прибѣгали къ крайнимъ мѣрамъ. Достаточно взять любую исторію Англіи за эпоху 20-хъ годовъ или любые мемуары, или журналы, относящіеся къ этому времени, чтобы прочесть длинный рядъ насилій, ломки машинъ, поджигательствъ, а иногда и убійствъ, до которыхъ доводило въ это время рабочихъ законодательство передовой страны свободы».

Нельзя было не обратить вниманія на это дѣйствіе законовъ о союзахъ. Въ началѣ 20-хъ годовъ, между либералами и способными государственными людьми стало болѣе и болѣе распространяться убѣжденіе, что попытка привести въ дѣйствіе запрещеніе союзовъ имѣла гораздо болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ слѣдствій. Тогда Муръ, представитель Ковентри, внесъ въ 1823 г., въ парламентъ билль объ отмигнѣннѣи запрещенія союзовъ и о введеніи посредническихъ судовъ для разрѣшенія несогласій между рабочими и работодателями. Нижняя палата назначила комитетъ для изслѣдованія дѣйствія запрещенія союзовъ, и изслѣдованіе открыло подробно именно тѣ факты, которые были указаны выше. Тогда, въ 1824 г., по предложенію радикала Джозефа Юма, при поддержкѣ всѣхъ послѣдователей школы Ад. Смита, было отмигнено запрещеніе союзовъ.

«Но это не устранило немедленно вредныхъ дѣйствій этого запрещенія, не устранило тайныхъ союзовъ и насильственности мѣръ, къ которымъ они прибѣгали. Продолжительное дѣйствіе закона озлобило рабочее населеніе. Немедленнымъ слѣдствіемъ оказалось лишь умноженіе союзовъ, изъ которыхъ многіе прибѣгали къ насилію. Слѣдствіемъ этого былъ новый законъ 1825 года, грозившій наказаніемъ за союзы, сопровождавшіеся насильственными дѣйствіями. Въ томъ же году, на обѣдѣ въ Един-

бургъ, данномъ Джозефу Юму, знаменитый руководитель главнаго органа виговъ, «Эдинбургскаго Обзорѣнія», Фрэнсисъ Джэффри произнесъ рѣчь въ пользу союзовъ рабочихъ, занимавшую въ печати 23 страницы 8^о; въ этой рѣчи онъ объяснилъ «дерзкій» тостъ: «Свобода труда!» слѣдующимъ образомъ: «Свобода труда! Но пусть рабочей помнить, что, проводя въ жизнь свои собственные права, ему не можетъ быть дозволено нарушать права другихъ». «Это, пишетъ Голіукъ: — показываетъ поучительный тонъ, который считали вправѣ принимать эти защитники рабочаго класса. Конечно, со стороны вигскаго журналиста, Фрэнсиса Джэффри, было вообще великодушно говорить въ защиту союзовъ рабочихъ, но, въ это время и многіе годы послѣ, было еще опаснымъ дѣломъ для рабочаго пытаться вступать въ союзъ противъ своего хозяина или быть извѣстнымъ за пріятеля тѣхъ, которые совѣтовали ему вступать въ подобный союзъ; и можно было бы мягче предупредить рабочаго противъ злоупотребленія правомъ, которое онъ не осмѣливался употребить явно». Положеніе рабочихъ вообще въ Англіи было въ эту эпоху слишкомъ дурно, чтобы можно было съ нѣкоторымъ правомъ говорить о злоупотребленіи этимъ положеніемъ. «Если отмѣна законовъ о союзахъ и допустила самопомощь рабочихъ, пишетъ Брентано: — то матеріальное положеніе ихъ отъ этого еще не улучшилось непосредственно. Тогдашніе ремесленные союзы были чрезвычайно дурно организованы. Во многихъ ремеслахъ не существовало даже ремесленныхъ союзовъ, но рабочіе соединялись лишь для опредѣленной стачки, чтобы снова разойтись послѣ ея окончанія. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ ихъ средства оказывались недостаточными для достиженія цѣли. Такимъ образомъ, отмѣна запрещенія союзовъ принесла въ первое время рабочимъ лишь новыя разочарованія. И чѣмъ тяжелѣе давила съ одной стороны нужда, чѣмъ безнадежнѣе съ другой стороны была возможность выйти изъ этого бѣдственнаго положенія при помощи тѣхъ средствъ, которыя представлялъ существующій общественный и государственный строй, тѣмъ естественнѣе было, что рабочіе обращались къ тѣмъ, которые обѣщали общее улучшеніе дѣлъ путемъ измѣненія этого строя».

Здѣсь выступаетъ главнымъ двигателемъ личность, о которой пришлось бы сказать слишкомъ много, еслибы входилъ сколько-нибудь серьезно въ изложеніе его дѣятельности и въ оцѣнку послѣдней, но которую совсѣмъ миновать нельзя. Всѣмъ читателямъ, конечно, помнится статья Добролюбова, начинающаяся

словами: «Оуэнъ представляетъ собою безспорно одно изъ самыхъ благородныхъ и симпатичныхъ явленій нашего столѣтія». Мнѣ приходится для всѣхъ подробностей объ этой замѣчательной личности отослать читателя къ другимъ источникамъ и, предполагая его дѣятельность вообще извѣстною читателямъ, ограничиться лишь тѣмъ, что вводило Оуэна въ соприкосновеніе съ Уильямомъ Ловеттомъ, біографія котораго составляетъ главную основу этой статьи.

Соприкосновеніе это заключалось въ организаціи рабочихъ кооперативныхъ ассоціацій, на что Робертъ Оуэнъ имѣлъ громадное вліяніе. «Невозможно, пишетъ Голіуэкъ:—дать надлежащій отчетъ о происхожденіи, паденіи и возобновленіи кооперативнаго движенія, не принявъ въ соображеніе вліянія дѣятельности Оуэна на успѣхъ этого движенія. Безъ Оуэна это движеніе не возникло бы въ Англии въ ту эпоху, когда оно возникло, и не приобрѣло бы того характера, который оно имѣло въ ранніе свои годы. Оно было мало замѣшано въ богословскія или политическія столкновенія. Оуэнъ былъ главною тому причиною».

Вліяніе личности Оуэна въ этомъ коопераціонномъ движеніи зависѣло не только отъ его большихъ средствъ и его замѣчательной способности, но еще отъ многихъ его личныхъ нравственныхъ качествъ, отъ того уваженія, которое онъ внушалъ, какъ личность, отъ его особеннаго умѣнья владѣть собою въ полемикѣ, которую ему приходилось вести въ собраніяхъ, отъ его неутомимой дѣятельности, наконецъ, отъ безстрашія, съ которымъ онъ постоянно высказывалъ свою мысль, хотя бы въ этой мысли ему приходилось имѣть противъ себя большинство своихъ современниковъ.

Ловеттъ пишетъ въ началѣ своей книги, говоря о своихъ сношеніяхъ съ Оуэномъ: «Я считаю необходимымъ засвидѣтельствовать, что я питаю самое глубокое уваженіе къ горячему челоуѣколюбію и къ великодушнымъ намѣреніямъ мистера Оуэна, какъ ни далеко расхожусь съ большинствомъ его мнѣній; и я думаю, что это уваженіе всѣ расположены выказать относительно его, зная, какъ онъ посвятилъ большое состояніе и долгую жизнь на повторенныя усилія улучшить положеніе своихъ братьевъ-людей. Я долженъ сознаться также, что одно время я принадлежалъ къ тѣмъ, которые были благопріятно расположены ко многимъ мнѣніямъ мистера Оуэна». И такой взглядъ на Оуэна принадлежитъ не только его друзьямъ и послѣдователямъ, даже временнымъ, но и его противникамъ. Добролюбовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «самые ожесточенные противники его идей,

отвергая его радикальныя реформы, не могли, однако же, относиться къ его личности безъ особеннаго уваженія и даже нѣкотораго сочувствія. Его обвиняли, какъ утописта, мечтающаго передѣлать все человѣчество, ему доказывали необходимость безуспѣшности его стремленій; но, въ то же время, большая часть противниковъ не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, еслибы предположенія Оуэна были осуществимы». Объ его умѣннхъ владѣть собою въ спорахъ одинъ изъ его противниковъ высказался откровенно слѣдующимъ образомъ: «Вся бѣда въ томъ, что я никогда не могу сдержатъ себя и никогда не могу заставить Оуэна выйти изъ себя». Объ его неутомимой дѣятельности Голиуэъ приводитъ слѣдующія немногія данныя: «10-го іюля 1838 г., онъ поѣхалъ изъ Лондона въ Уисбичъ (Wisbeach). Три слѣдующіе вечера онъ произносилъ рѣчи въ Линнѣ, два вечера послѣ того—въ Петерборо. Въ слѣдующій день онъ былъ снова въ Уисбичѣ. Slѣдующій вечеръ—опять въ Петерборо, откуда уѣхалъ послѣ поздняго спора въ полночь съ Джемсомъ Гиллемъ, редакторомъ «Star in the East», въ открытой коляскѣ, которая прибыла въ Уисбичъ въ половинѣ третьяго ночью. Онъ всталъ ранѣе 5-ти въ то же утро, уѣхалъ въ Линнъ ранѣе 6-ти, чтобы застать почтовую карету, которая отправлялась въ Норвичъ въ 8 часовъ. Принявъ нѣсколько депутацій изъ Ярмута, онъ говорилъ рѣчи въ Санкт-Эндрюсъ Голлѣ (St-Andrew's Hall) въ тотъ вечеръ и въ слѣдующій и произносилъ рѣчи еще слѣдующіе пять вечеровъ въ Марчѣ, Уисбичѣ и Бостонѣ. Его дѣятельность и готовность не останавливаться предъ расходами и придала именно вліяніе соціальной агитаціи въ Англіи и въ Америкѣ отъ 1820 до 1844 г.»

О нравственномъ мужествѣ Оуэна Голиуэъ пишетъ (78): «Его мужество и прямодушіе были удивительны. Никто не имѣлъ такого права, какъ онъ, придумать правило, которое онъ часто повторялъ: «правда безъ всякой утайки, безъ всякой примѣси заблужденія, безъ страха предъ людьми». Онъ, можетъ быть, былъ не способнѣе другихъ людей добыть правду, свободную отъ заблужденія и сомнѣнія, но онъ былъ, безспорно, настолько свободенъ отъ страха передъ людьми въ нравственныхъ вопросахъ, какъ могъ быть какой-либо публицистъ, когда-либо жившій». Поразительнымъ примѣромъ этого нравственнаго мужества и прямодушія могутъ служить его рѣчи 1817 г., которыя составляютъ переломъ въ его карьерѣ и которыя разомъ оторвали отъ него значительное число его вліятельныхъ друзей. Голиуэъ пишетъ объ этомъ (74 — 76): «Ученые изъ Кэмбриджа,

сильно предупрежденные противъ него, были поражены достоинствомъ его поступковъ на достопамятныхъ митингахъ въ тавернѣ лондонскаго Сити въ 1817 г. По прошествіи 56 лѣтъ, одинъ изъ нихъ, присутствовавшій тамъ, рассказывалъ, что, когда Оуэнъ сказалъ: «всѣ религіи міра ошибочны», ему (слушателю) показался ораторъ выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Онъ какъ бы выросъ. Обширная и разнообразная аудиторія слушала, удерживая дыханіе. И потомъ произошелъ всеобщій взрывъ прѣвѣтственныхъ вликовъ при смѣломъ дѣйствіи говорившаго». Всѣ слушатели, каково бы ни было ихъ личное мнѣніе по этому предмету, сознавали, какую громадную и могущественную партію клерикальныхъ рутинѣровъ вызывалъ на бой проповѣдникъ этими словами. «Именно это сознание возбуждало удивленіе и энтузіазмъ аудиторіи на этомъ третьемъ митингѣ, когда Оуэнъ произнесъ свою достопамятную рѣчь передъ набитой биткомъ заломъ и взволнованными слушателями, тогда какъ тысячи топились внѣ залы, напрасно стараясь проникнуть въ нее. Онъ началъ словами: «Что мѣшало, друзья мои, до сихъ поръ движенію впередъ нашей расы къ высокой степени добродѣтели и счастья? Кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Кто смѣетъ отвѣтить на него, не будучи готовымъ отдать свою жизнь за свой отвѣтъ, какъ готовая и добродѣтельная жертва истинѣ и освобожденію міра отъ давно тяготѣющихъ надъ нимъ цѣпей заблужденія, преступности и нищеты? Предъ вами эта жертва! Насталъ день! Насталъ часъ! Настала минута! и цѣпи эти будутъ разорваны, чтобы не быть болѣе скованными до тѣхъ поръ, пока міръ существуетъ». — Никогда не произносилъ такихъ словъ до тѣхъ поръ англійскій джентльмэнъ, имѣвшій возможность чтѣ-либо потерять. Этотъ энтузіазмъ и эта смѣлость вызвали одинаковое удивленіе какъ въ тѣхъ, которые сочувствовали этой опасной и неполитической рѣчи, такъ и въ тѣхъ, которые были несогласны съ нею... Въ дѣйствительности я смягчаю выраженія, въ которыхъ въ этотъ день обращались ко мнѣ. Нынѣшніе читатели не могутъ понять впечатлѣнія, которое было произведено».

Нынѣшніе читатели знаютъ очень хорошо, что «оковы заблужденія, преступности и нищеты» не только не были разорваны на вѣки смѣлою рѣчью энтузіаста, но что никакой *одинокій* человекъ не былъ и не будетъ въ состояніи разрушить это оковы разомъ, въ данный день, въ данный часъ, въ данную минуту. Но легко заключить о вліяніи, которое могъ имѣть на общество человекъ, который, обладая большимъ состояніемъ, имѣя обшир-

ныя связи среди господствующих классовъ и рассчитывая на эти классы для осуществленія своихъ цѣлей, тѣмъ не менѣе рисковалъ всѣмъ, чтобы ни на шагъ не отступить отъ своего убѣжденія, и умѣлъ вызвать всеобщій энтузіазмъ среди націи, всего менѣе склонной къ энтузіазму.

Этотъ замѣчательный человекъ сталъ проповѣдникомъ коопераціи между рабочими, расширяя понятіе о союзѣ между рабочими для взаимной помощи и поддержки до болѣе широкаго понятія о «ничѣмъ не стѣсненной коопераціи *всѣхъ* членовъ для *всѣхъ* цѣлей общественной жизни» (The Economist, 27 янв. 1821). Въ скоромъ времени это понятіе развилось въ слѣдующую формулу (British Cooperator, 1830): «кооперація, это значитъ—всякій трудится, всякій обмѣниваетъ трудъ на трудъ, всякій имѣетъ достаточно пищи, одежды и хорошее жилище. Короче, это есть равное пользованіе всѣмъ и участіе въ производствѣ всего, такъ чтобы не имѣло болѣе мѣста существованіе различныхъ группъ богатыхъ и бѣдныхъ, праздныхъ и работающихъ, невѣжественныхъ и ученыхъ; не было бы мужчинъ или женщинъ, неровныхъ по своимъ правамъ, какъ члены общества».

Проповѣдь кооперативныхъ ассоціацій началъ въ Англии, въ концѣ XVII вѣка, квакеръ Джонъ Баллерсъ, но Робертъ Оуэнъ, напечатавшій заново давно сдѣлавшіяся библиографическою рѣдкостью брошюры Баллерса, сталъ, какъ сказано выше, дѣйствительнымъ проповѣдникомъ и организаторомъ коопераціи въ XIX вѣкѣ. Съ 1812 г. онъ обращался съ проэкетами, адресами, письмами къ разнымъ сильнымъ міра сего для этой цѣли, привлекая всюду симпатіи, даже платоническое содѣйствіе, но нигдѣ, конечно, не получая дѣйствительной государственной помощи, которая была и немислима со стороны классовъ, которые могли пользоваться роскошью и господствомъ до тѣхъ поръ, пока были окружены массаи бѣдствующихъ и голодающихъ бѣдняковъ. Оуэну ничего не стоило предлагать самыя демократическія мѣры гордымъ аристократамъ, министру сыщиковъ—Сидмуту, или коронованнымъ особамъ на конгрессахъ, собиравшихся для подавленія всякой свободной мысли въ Европѣ. Ему ничего не стоило проектировать комитетъ, въ которомъ должны были участвовать члены министерства тори рядомъ съ представителями вигговъ съ О'Коннелемъ и Джозефомъ Юмомъ, гдѣ лордъ Эльдонъ долженъ бы былъ сидѣть рядомъ съ Фрэнсисомъ Бордеттомъ, архіепископы государственной церкви рядомъ съ квакерами и евреями, «Министры, пишетъ Голіуъ (101):—должны были оставить свои министерскія совѣщанія, прелаты — оставить церковь, судьи —

судъ; дѣла по администраціи арміи и флота и парламентскія пренія должны были быть приостановлены для того, чтобы люди, которые не знали другъ друга, не имѣли другъ съ другомъ не только нелепыхъ общихъ принциповъ, но и не желали имѣть таковыхъ, собрались бы вмѣстѣ съ еретиками, революціонерами и квакерами обсуждать приватіе системы, которая должна была лишить ихъ всѣхъ ихъ значенія». Оуэнъ повторялъ совершенно искренно всѣмъ и каждому, что его ученіе направлено *противъ* всякаго насилія, всякой революціи, что «символь вѣры кооператоровъ не долженъ бы встрѣтить вражды; онъ простъ, мужественъ, честенъ и направленъ къ добру; онъ заключается въ томъ, что люди должны быть обучены хорошо думать, хорошо работать и обезпечивать себѣ результаты своего труда, не просить милостыни, не занимать, не воровать, не вымогать; кооперация не протягиваетъ своей руки ни въ чей карманъ, не подставляетъ кулака ни къ чьему лицу». Но, какъ ни мирны были эти заявленія, подъ ними скрывалась очень щекотливая вещь, именно то, что, въ послѣдующія болѣе грустныя времена, называли прямо ликвидаціею всего существующаго общественнаго порядка, и легко понять, что эти проэекты считались проэектами помѣшаннаго, что они считались неопасными именно потому, что они требовали невозможнаго; легко понять, что Оуэна принимали, хвалили, чествовали (онъ былъ милліонеръ), но дѣло не подвигалось. Ему пришлось обратиться къ самимъ рабочимъ классамъ, и здѣсь, около половины двадцатыхъ годовъ, онъ встрѣтилъ живое сочувствіе.

Въ 1819 г. появились брошюры въ защиту плановъ кооперации, предложенныхъ Оуэномъ, между прочимъ, «О практичности плана мистера Оуэна улучшить положеніе низшихъ классовъ», за подписью Philanthropos. Въ 1821 г., въ январѣ, появился первый номеръ журнала кооперативной дѣятельности «The Economist», просуществовавшаго до 1822 г., и въ первомъ же его номерѣ сдѣлано было указаніе на образованіе «Кооперативнаго и экономическаго общества», при чемъ эти термины, вполнѣ столь привычныя, впервые являлись передъ публикою. Брошюра, заключающая подробности дѣлей этого общества и вышедшая за нѣсколько дней до появленія «The Economist», ставила эпиграфъ изъ Мильтона: «Наше величіе выкажется болѣе явно, когда мы создадимъ великія вещи изъ малыхъ, полезныя изъ вредныхъ, благопріятныя изъ враждебныхъ». Въ 1822 г. появилась книга Уильяма Томсона: «Распредѣленіе богатства» (Distribution of Wealth), которую Голиукъ называетъ (110) «лучшимъ изло-

женіємъ мирныхъ и практическихъ формъ англійскаго коммунизма»¹. Въ это время, да и позже, какъ извѣстно, политико-экономы господствующихъ школъ, искажая мысль Адама Смита, очень откровенно заявляли, что они имѣютъ дѣло не съ «счастьемъ» людей, а съ богатствомъ. Томсонъ прямо поставилъ себѣ задачей «ислѣдовать начала распредѣленія богатства, наилучше ведущія къ человѣческому счастью». Томсонъ, находившійся долго подъ непосредственнымъ вліяніемъ Джереми Бентама, посвятилъ всю свою дѣятельность вопросу о коопераціи, при чемъ онъ выработывалъ понятіе объ общественной солидарности въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ 1825 г., онъ выступилъ въ защиту женщинъ. Въ 1826 г., онъ обращался къ спитальфильдскимъ ткачамъ со словами, въ которыхъ можно уже предвидѣть такъ называемый «железный законъ» Лассаля: «Система труда, которая до сихъ поръ давала дурное направленіе нашимъ производительнымъ силамъ, быстро приближается къ своему законченію. Всѣ роды труда, сельскаго и ремесленнаго, спѣшатъ дойти до роковаго равенства, до уровня, налагаемаго конкуренціею, до платы, установленной голодомъ, до низшей платы, которая, даже въ періоды средняго запроса на трудъ, можетъ поддерживать нищенское существованіе». Въ 1827 г., въ своей книгѣ: «Вознагражденный трудъ» (Labour rewarded), Томсонъ пытался доказать возможность осуществленія всегдашней мечты экономическихъ благонамѣренныхъ фантазеровъ, именно—возможность соглашенія требованій капитала и труда (!) и возможность обезпеченія рабочимъ «полнаго вознагражденія за его трудъ». Эта книга заключала «указаніе для учрежденія кооперативныхъ общинъ». Для составленія этой книги Томсонъ совѣтовался съ Роб. Оуэнномъ и другими лицами, практиковавшими подобныя учрежденія, и пытался дать въ ней руководство, съ помощью котораго, по словамъ Голюка (110), «умѣренное число пионеровъ могло бы основать колонію или начать новый міръ». Послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни онъ не ѣлъ мяса и не пилъ никакого алкоголическаго напитка, находя, что для его литературныхъ трудовъ лучше обходиться безъ этого. Въ 1831 г. онъ пытался устроить кооперативную общину въ Коркѣ, но этотъ планъ встрѣтилъ (о чемъ ниже) противодѣйствіе въ Оуэнѣ, который тогда замѣчалъ уже, что практическая форма коопераціи, распространяющейся въ Англій, слишкомъ суживаетъ задачу, ко-

¹ Слово, которое здѣсь, впрочемъ, не имѣетъ вовсе того страшнаго значенія, которое оно получило въ большинствѣ сочиненій.

торую онъ, Оуэнъ, ставилъ въ этой идеѣ человѣчеству. Въ 1833 г. Томсонъ умеръ, оставляя по завѣщанію свой трудъ на разсѣченіе (что вызвало почти мятежъ между ирландскими крестьянами, жившими по сосѣдству) и отъ 8,000 до 10,000 ф. стерл. на устройство общинъ и на изданіе сочиненій, къ этому относящихся. Конечно, его завѣщаніе вызвало протестъ со стороны законныхъ наслѣдниковъ, при чемъ они доказывали, что Томсонъ былъ помѣшанъ. Я ограничиваюсь этимъ обращеніемъ приверженцевъ новаго направленія, а подобныхъ было не мало.

Вообще, въ «періодъ энтузіазма» (1820—1830), какъ его называетъ Голиукъ, быстро и горячо приступили къ теоріямъ и къ практикѣ коопераціи, ожидая отъ нея невѣроятныхъ благъ, причемъ постоянно имѣлось въ виду обойтись какъ можно нѣжнѣе со старыми общественными формами и строить новый міръ рядомъ со старымъ, не трогая его «приобрѣтенныхъ», рутинныхъ правъ.

«Реформаторамъ общества, 50 лѣтъ тому назадъ, пишетъ Голиукъ (103 и слѣдующія):—казалось, что весь міръ идетъ по направленію къ устройству общежительныхъ колоній. Нетолько Америка плыла къ золотому вѣку кооперативной жизни, даже прозаическая, разсчетливая, утилитарная Шотландія поднимала паруса для той же цѣли. Франція отправилась въ путь уже давно подъ командою капитана Фуріе, хотя, по правдѣ сказать, никто хорошенъко не зналъ, къ какой гавани «страстнаго тяготѣнія» онъ пристанетъ». Джентльмены лондонскаго кооперативнаго общества получили письма изъ Брюсселя, отъ 2-го октября 1825 года, гдѣ ихъ извѣщали, что постоянный комитетъ благотворительнаго общества имѣетъ колоніи въ Wortzall и въ Muxplus Ruckenvorsell, въ провинціи Антверпена, гдѣ уже построено 725 фермъ; что 76 изъ этихъ фермъ населены свободными колонистами и что они заключили контрактъ съ правительствомъ объ уничтоженіи нищенства и собрали уже 455 нищихъ въ депо, гдѣ могло быть помѣщено ихъ до 1,000. Немудрено, что въ Red Lyon Square (гдѣ находилось тогда лондонское кооперативное общество) всѣ восхищались, узнавъ, что тяжелые, медленные, сонные голландцы поднимаютъ свои старомодные паруса, чтобы отправиться въ поиски за новымъ міромъ. Съ 1820 по 1830 годъ, мыслящіе люди высшихъ и низшихъ классовъ, которые были внимательны къ общественнымъ вопросамъ, смотрѣли на кооперацію и на устройство общинъ, какъ на ремесло промышленности. Съ 1825 по 1830 годъ, образованіе общинъ—форма, которую должна была принять религія про-

мысленности—было такъ же обыкновенно, какъ теперь составленіе акціонерныхъ компаній. Въ апрѣлѣ 1826 года, распространилось извѣстіе о предложеніи образовать общину близъ Иссетера... Энтузіазмъ, вызванный новою системою, былъ такъ великъ, что 400 человекъ готовы были внести отъ 5-ти до 10-ти фунтовъ, 100 человекъ хотѣли принять участіе въ дѣлѣ взносами въ 25 фунтовъ, а двое или трое обѣщали содѣйствіе въ 2,000 фунтовъ... Въ полѣ куплено было 37 акровъ земли, въ 7-ми миляхъ отъ Иссетера, и немедленно было приступлено къ разнымъ работамъ. Лондонское кооперативное общество составило планъ учредить общину въ 50 миляхъ отъ Лондона. Въ 1826 году, подписка дошла до 4,000 фунтовъ, кромѣ разныхъ долщниковъ предпріятія. Искали купить «отъ 500 до 2,000 акровъ хорошей земли». Въ Шотландіи возникли еще ранѣе подобныя же проекты. Въ іюлѣ 1821 года, «Economist» объявлялъ, что подписка на образованіе новаго поселенія близъ Motherwell достигла до 20,000 фунтовъ, хотя къ публикѣ вообще даже не обращались. И въ Дублинѣ образовалось кооперативное общество въ февралѣ 1826 года. Въ 1829 году, образовалась «Британская ассоціація для содѣйствія познанію коопераціи» (British Association for promoting Cooperative Knowledge). Въ слѣдующемъ же году, эта ассоціація приводила 266, какъ число ассоціацій въ Англіи, въ Шотландіи, Уэльсѣ и Ирландіи. Число членовъ британской ассоціаціи было тогда 639. Въ томъ же году, Уильямъ Томсонъ считалъ число кооперативныхъ обществъ Великобританіи и Ирландіи, приблизительно, въ 300; онъ говорилъ объ общинныхъ опытахъ общественной жизни въ Нью-Гармони, въ штатѣ Индіана, и въ Орбистонѣ, близъ Глазгоу; кромѣ того, о многихъ меньшихъ попыткахъ въ Сѣверной Америкѣ, особенно объ одной Бинданѣ въ штатѣ Огайо. Въ 1830 году, существовало уже достаточное количество періодическихъ изданій, защищавшихъ начало коопераціи. Главнѣйшія изъ нихъ были: «Cooperative Magazine and Monthly Herald» (съ 1856); «The Cooperator» (съ 1828); «Cooperative Miscellany» (съ 1830).

Сами рабочіе приняли скоро живое участіе въ этомъ движеніи. Въ 1828 году, по Ловетту, въ 1827—по Томсону и Голіуку, простой рабочій, Брауанъ (Braun или Bruen), учредилъ въ Брайтонѣ «Кооперативную торговую ассоціацію» (Cooperative trading Association), и «успѣхъ ея, пишетъ Ловеттъ (40 и слѣдующія):—былъ такъ великъ, что скоро образовалось отъ 400 до 500 подобныхъ ассоціацій во всей странѣ. Члены этихъ обществъ собирали по подпискѣ небольшіе еженедѣльные взносы въ общій

фондъ, съ помощью котораго они отрывали лавку для продажи съѣдобныхъ предметовъ, платья, книгъ и т. д.—всего, что наиболѣе требуется рабочими; выгоды отъ этой продажи шли въ общую кассу. По мѣрѣ увеличенія кассы, нѣкоторыя общества давали работу своимъ членамъ, именно башмачникамъ, портнымъ и рабочимъ другихъ промысловъ ежедневной потребности, оплачивали ихъ, какъ поденщиковъ, и прибавляли выгоды отъ этого къ своей кассѣ. Многие изъ этихъ обществъ получили, такимъ образомъ, возможность собрать достаточный капиталъ, чтобы начать ремесленное производство въ малыхъ размѣрахъ». Ловеттъ вступилъ въ первую лондонскую ассоціацію (First London Cooperative Trading Association) и скоро былъ избранъ хранителемъ склада этой ассоціаціи. «Подобно многимъ другимъ, пишетъ Ловеттъ: — я надѣялся, что эти ассоціаціи составятъ первую ступень къ общественной независимости рабочаго класса, и готовъ былъ употребить всѣ мои силы для помощи этому дѣлу. Меня увѣрили, что постепенное накопленіе капитала этимъ путемъ позволитъ рабочимъ организоваться въ компанейскія рабочія ассоціаціи (joint stock associations of labour), которыя (при усердіи, умѣ и знаніи) могутъ передать въ ихъ руки промыслы, мануфактуры и торговлю страны. Но я упустилъ изъ виду, что у большинства рабочихъ недостаетъ самопожертвованія и разсудливости, нужной для образованія капитала; недостаетъ разсудительности для выбора надлежащаго человѣка, на надлежащее мѣсто для управленія дѣломъ; недостаетъ неутомимаго усердія, ума и знанія для успѣшнаго управленія дѣломъ; недостаетъ нравственныхъ качествъ для того, чтобы серьезно работать для общаго блага, а также братскаго чувства и взаимнаго довѣрія, чтобы сдѣлать союзъ дѣйствительнымъ». Ловеттъ упустилъ изъ виду и гораздо болѣе важную вещь: что въ обществѣ, весь экономическій бытъ котораго основанъ на всеобщей конкуренціи и на борьбѣ за существованіе или за обогащеніе, подобныя качества могутъ развиваться лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ; что форма «кооперативныхъ торговыхъ ассоціацій» заключала въ себѣ слишкомъ много этого самаго элемента конкуренціи и борьбы, чтобы развить эти качества; что, напротивъ, она имѣла всѣ данныя, чтобы развиться въ эксплуатацію неорганизованныхъ рабочихъ организованными ихъ группами, какъ въ послѣдствіи и доказали знаменитые «рочдальскіе пионеры»; что, наконецъ, при честномъ и неэксплуататорскомъ веденіи дѣла, небольшая группа рабочей промышленной ассоціаціи, съ ея скромною кассою, имѣла еще менѣе шан-

совѣ устоять на почвѣ конкуренціи, въ борьбѣ съ громадными капиталами большихъ акціонерныхъ компаній, чѣмъ мелкіе предприниматели, которые падали одинъ за другимъ жертвами банкротствъ, оставляя на полѣ промышленной битвы лишь Левіаановъ капиталъ. «Эти общества, пишетъ далѣе Ловеттъ:—отъ которыхъ ожидали такъ много при ихъ основаніи, были болѣе частью всѣ закрыты въ теченіи трехъ или четырехъ лѣтъ... Главными или, по крайней мѣрѣ, самыми замѣтными причинами ихъ неудачи оказались религіозныя разногласія, отсутствіе легальной обезпеченности и нехота женщинъ покупать все въ одной и той же лавкѣ». Само собою разумѣется, что подъ этими *симптомами* скрывались болѣе существенныя *причины*, коренившіяся въ самыхъ основахъ общественнаго строя.

Въ скоромъ времени Ловеттъ сдѣлался и почетнымъ секретаремъ «Британской ассоціаціи для содѣйствія познанія коопераціи».

Другое довольно значительное ассоціаціонное движеніе, хотя и не продолжительное, о которомъ упоминаетъ Ловеттъ въ своей біографіи, было устройство «обмѣнныхъ рабочихъ рынковъ» (Labour Exchanges). «Насколько я читалъ и самъ испыталъ, пишетъ Голіуокъ:—я не знаю примѣра другого торговаго движенія столь простаго, столь необходимаго (?), столь популярнаго, какъ планъ обмѣнныхъ рабочихъ рынковъ, при томъ такомъ которое вызвало бы такое обширное сочувствіе, вымерло бы такъ быстро и такъ окончательно». Мысль этихъ рынковъ, по свидѣтельству Нойеса, приводимому Голіуокомъ, принадлежала американцу Джозіи Уаррену и восходитъ къ 1826 году, когда онъ ее сообщилъ Оуэну. Уарренъ самъ открылъ подобныя базары сперва въ Цинцинати, а потомъ въ другихъ мѣстахъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ «Британская Ассоціація»; по словамъ Ловетта (42), устроила кооперативный рынокъ въ домѣ ею занимаемомъ. Въ 1832 году, Уильямъ Кингъ составилъ планъ болѣе обширныхъ и разнообразныхъ рынковъ подобнаго рода и устроилъ такіе рынки въ Лондонѣ, причемъ поддерживалъ ихъ изданіемъ особой газеты (Gazette of Labour Exchanges). Онъ началъ это дѣло безо всякаго капитала, и Оуэнъ прямо заявилъ, что дѣло такъ начинать нельзя. Особенно громкую извѣстность получили обмѣнные рынки, находившіеся подъ руководствомъ самого Оуэна. Система этихъ рынковъ была очень проста: каждый могъ приносить на нихъ для продажи выработанный имъ предметъ; оцѣнка его производилась по времени труда, на него употребленнаго, и про-

давецъ получалъ отъ склада ассигновку (Labour note), на опредѣленное число «часовъ труда». Эту ассигновку онъ обмѣнивалъ на томъ же базарѣ на какіе угодно предметы соотвѣтственной цѣнности по числу «часовъ труда». Самое учрежденіе брало за комиссію опредѣленную сумму (въ большинствѣ рынковъ $3\frac{1}{2}\%$; въ иныхъ эта комиссія бралась монетою; на рынкахъ Оуэна бралось, полпенса съ шиллинга, т. е. $\frac{1}{24}$ цѣны). Первый рынокъ Оуэна былъ открытъ торжественно и при этомъ произнесено было немало рѣчей, въ одной изъ которыхъ радикалъ Робекъ высказалъ рабочимъ свое убѣжденіе, что «ничего не будетъ сдѣлано для рабочихъ классовъ, если они не сдѣлаютъ этого сами». Оуэну пришлось быстро расширить свой рынокъ другимъ подобнымъ же учрежденіемъ, получившимъ еще болшую извѣстность на Gray's Inn Road. На этотъ послѣдній рынокъ въ одну недѣлю принесено было предметовъ на 10,000 ф., ст. Въ 1832 году, по извѣстіямъ, сообщаемымъ журналами того времени, обмѣнные рынки «распространились одновременно почти по всемъ частямъ королевства». Скоро во множествѣ лавокъ Лондона и другихъ городовъ появились на окнахъ объявленія, что тамъ, вмѣсто денегъ, принимаютъ въ уплату «ассигновки за трудъ». Но, вмѣстѣ съ этимъ, спекуляція, охватывавшая всю экономическую жизнь эпохи, сумѣла воспользоваться и этимъ движеніемъ. Извѣстная «анархія въ производствѣ», о которой такъ много писали въ послѣдующіе годы, не позволила сколько нибудь разумно соглашать количество предметовъ разнаго рода, выставленныхъ на продажу, съ дѣйствительною потребностью въ предметахъ того или другого рода, и потому одни предметы быстро исчезали съ рынка, тогда какъ другіе заграждали рынки, не находя себѣ покупателей. Довѣріе Оуэна къ людямъ, которые теоретически заявляли свое согласіе съ его идеями и подерживали ихъ словами, повело къ выбору для распоряженія складами людей не всегда добросовѣстныхъ. Тѣмъ легче попадали на подобныя мѣста подобные люди въ другихъ рынкахъ. Они входили въ стачки съ пріятелями или съ торговцами, чтобы быстро уносить съ общественныхъ базаровъ все, что имѣло дѣйствительную рыночную цѣнность повсюду, и оставлять тамъ лишь предметы мало кому нужны, выдавая притомъ несоразмѣрно высокія ассигновки за предметы, доставляемые *своими* людьми. Это быстро отозвалось въ цѣнности «ассигновокъ за трудъ». Онѣ стали циркулировать съ трудомъ. Довѣріе стало исчезать. Къ этому присоединился насильственный захватъ большого рынка Оуэна хозяиномъ дома, на основаніи легаль-

ныхъ прицѣлокъ, такъ какъ этотъ хозяинъ хотѣлъ самъ воспользоваться мыслью обмѣннаго рынка и спекулировать на эту мысль. Черезъ три года, едва-ли существовалъ еще одинъ изъ этихъ рынковъ. Тѣмъ не менѣе, въ годъ съ небольшимъ, пока продолжалъ дѣйствовать большой рынокъ Оуэна, на него было принесено количество предметовъ, изображающихъ 445,501 часть работы обмѣнъ же произошелъ на дѣятельность, соответствующую 376,166 часамъ работы. Дѣло, обѣщавшее, повидимому, имѣть столь блестящую будущность, пало такъ же быстро, какъ возникло.

И тутъ причина паденія была таже самая, о которой я говорилъ выше. Одинъ изъ историковъ этого движенія, Грэй, цитируемый Голіукомъ, говорить объ этихъ рынкахъ такимъ образомъ: «Они оказались вполне несостоятельными, какъ и должны были оказаться всѣ попытки привить новую систему къ старой, безъ соответственнаго измѣненія въ принципахъ и въ привычкахъ дѣятельности». Голіукъ оспариваетъ (169) это возраженіе принципиально, находя достоинство плана именно въ томъ, что онъ «не требовалъ вовсе измѣненія принциповъ и предполагалъ весьма небольшое измѣненіе въ привычкахъ дѣятельности». Но такимъ образомъ можетъ рассуждать лишь человекъ, который не вдумался въ тѣсную связь, существующую постоянно между всѣми элементами общественнаго организма, и въ то взаимодѣйствіе между этими элементами, которое, при введеніи новаго элемента въ общественномъ организмѣ, принуждаетъ его или приспособиться къ средѣ, въ которую онъ вступаетъ, или пердѣлать ее соответственно своимъ особенностямъ.

Всѣ формы кооперативной дѣятельности, проявлявшіяся въ эту эпоху въ Англіи, имѣли своимъ предположеніемъ порядокъ общественныхъ отправленій и привычки мѣстности, крайне отличныя отъ того, что существовало въ сношеніяхъ между людьми вообще въ это время и что было неизбѣжно обусловлено всѣми экономическими формами. Оуэнъ, содѣйствовавшій этимъ попыткамъ коопераціи, участвовавшій въ нихъ весьма энергичически и немало терпѣвшій въ общественномъ мнѣніи отъ ихъ неудачъ, видѣлъ въ нихъ лишь подготовительныя ступени къ гораздо болѣе радикальному общественному перевороту. По словамъ Голіука (167), онъ «никогда не смотрѣлъ на нихъ (обмѣнные рынки) очень сочувственно, но скорѣе видѣлъ въ нихъ слабыя попытки людей, которые воображали себѣ, что могутъ исправить или облегчить общественный строй, который, по его мнѣнію, долженъ былъ быть рѣшительно устраненъ». Въ 1836 г., говоря о нѣкоторыхъ кооперативныхъ обществахъ, которыя

онъ посѣтилъ, Оуэнъ писалъ въ четвертомъ томѣ своего журнала «New Moral World»: «Теперь настало время устранить понятие, которое очень сильно въ общественномъ мнѣніи, что въ *этомъ* состоитъ социальная система, которую мы имѣемъ въ виду, и что *это* (т. е. кооперативныя общества, какъ они тогда существовали) войдетъ нѣкоторую долю въ строй «Новаго нравственнаго міра». Чувствуя, какъ далеко его мысль и его планы отстоятъ отъ взглядовъ большинства личностей, его окружавшихъ, онъ иногда казался (а можетъ быть, и былъ) кооперативнымъ и деспотичнымъ къ своимъ приверженцамъ. Примѣромъ тому могутъ служить два факта, приводимые Ловеттомъ въ его биографіи. Уильямъ Томсонъ (о которомъ сказано выше) предложилъ устроить въ Коркѣ кооперативную общину, которая попыталась бы осуществить въ малыхъ размѣрахъ широкіе планы коопераціи. Онъ думалъ, что достаточно начать дѣло, имѣя въ рукахъ 6,000 ф. ст. «По теоріи Томсона пишетъ Голіуэкъ (280):—система взаимной коопераціи (Mutual Cooperation) есть единственная, которая принимаетъ за одно изъ своихъ главныхъ основаній *равное* развитіе физическихъ, умственныхъ и общественныхъ способностей мужчинъ и женщинъ, подвергаетъ дѣйствію тѣхъ и другихъ суду *одинаковой* нравственной системы и налагаетъ на тѣхъ и на другихъ совершенно одинаковыя стѣсненія, стѣсненія, поддерживаемыя лишь разумомъ и убѣжденіемъ и никогда не предписываемыя съ иною цѣлью, какъ съ цѣлью увеличить счастье тѣхъ, которымъ они предлагались, а также счастье окружающихъ ихъ братьевъ, товарищей и друзей. Въ общинѣ Корка, какъ ее придумалъ Томсонъ, должна была господствовать полная свобода мысли и выраженія по всемъ предметамъ, сдерживаемая уваженіемъ къ чувству другихъ; и полная свобода дѣйствій, насколько она не мѣшала свободѣ дѣйствій другихъ, была въ числѣ правъ, которыя были обеспечены всякому члену общины взаимнымъ соглашеніемъ всѣхъ членовъ ея. Религія была признана частнымъ дѣломъ личности. Женщины должны были имѣть для своего развитія и удовольствія одинаковыя средства съ мужчинами и должны были быть избираемы на равныхъ правахъ съ мужчинами во всѣ должности, къ которымъ онѣ имѣли бы наклонность и способности... Лѣнтяи и люди порочныхъ привычекъ, которыхъ нельзя было бы исправить кротостью, должны были быть удалены изъ ассоціаціи». Оуэнъ имѣлъ, можетъ быть, основаніе заключить, что попытка въ столь малыхъ размѣрахъ не могла быть удачною, и настаивалъ на томъ, что предпріятіе можетъ быть сдѣлано лишь съ капиталомъ не менѣе 240,000 ф. Кроме того, понимая глубже смыслъ *равнаго*

развитія» и «одинаковой нравственной системы», о которых шла рѣчь въ общинѣ Томсона, онъ, со всегдашней своей искренностью, прямо указалъ слушателямъ на то, какъ онъ понимаетъ послѣдовательность подобнаго плана. «Нашъ другъ Оуэнъ, пишетъ Ловеттъ (50):—изложилъ намъ торжественно, въ длинной рѣчи, что, если мы рѣшимся вступить въ общину по плану Томсона, мы должны приготовиться къ тому, чтобы *разорвать все наши существующія брачныя связи и вступить въ общину, какъ межнатые мужчины и незамужнія женщины*. Точно бомба разорвалась среди насъ. Изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ общины одни начали выражать сомѣніе, другіе прямо объявили, что никогда на это не согласятся, между тѣмъ какъ еще другіе заявили, что жизнь въ общинѣ не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о бракѣ... Прибавлю, что репортеръ преній, Уил. Карпентеръ, не нашелъ полезнымъ внести этотъ споръ въ печатный отчетъ».—Въ другой разъ Оуэнъ, за личною своею отвѣтственностью, настоялъ на внесеніи въ печатный циркуляръ о первомъ кооперативномъ конгрессѣ нѣкотораго измѣненія, отвергнутаго большинствомъ въ комитетѣ. Къ нему отправили для объясненія съ нимъ депутацию, ораторомъ которой былъ Ловеттъ. «Я началъ говорить ему, пишетъ послѣдній въ своей автобиографіи (49):—о томъ, что онъ предложилъ измѣненіе къ циркуляру, что комитетъ отвергъ это измѣненіе значительнымъ большинствомъ и что онъ позволилъ себѣ разрѣшить внесеніе этого измѣненія въ циркуляръ несмотря на рѣшеніе комитета; я кончилъ рѣчь вопросомъ: неужели подобное поведеніе не деспотично въ высокой степени? Съ величайшимъ сложившимся онъ отвѣтилъ, что оно очевидно деспотично, но, такъ какъ мы не знаемъ его плановъ и его цѣлей и комитетъ, пославши насъ, не знаетъ ихъ, то мы должны согласиться, чтобы нами управляли деспоты, пока мы не приобретемъ достаточно знанія, чтобы управлять сами собою».

Болѣе и болѣе опредѣленный характеръ стремленій къ общественному перевороту приняло кооперативное движеніе тогда, когда оно приняло форму конгрессовъ. Самое слово «конгрессъ» было введено въ обычную англійскую жизнь и въ рабочее движеніе Уильямомъ Перомъ (Pare), «первымъ миссіонеромъ коопераций», какъ его называли журналы этого направленія. Привлеченный въ 1829 г. къ движенію вліяніемъ Томсона и особенно его книги «о распредѣленіи богатства», Перъ сразу сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ агитаторовъ движенія, въ продолженіи 40 лѣтъ посвящаялъ ему свою дѣятельность, потерялъ въ за этого, въ 1840 г., мѣсто въ Манчестерѣ, много содѣйство-

валъ распространенію движенія своею симпатическою личностію и своею дѣловитостію, былъ впоследствии главнымъ душеприкащикомъ Оуэна и оставилъ послѣ себя, въ рукописи, неоконченную біографію Оуэна по матеріаламъ, которые ему одному были доступны. Мысль о конгрессахъ встрѣтила столь же прекрасный приѣмъ, какъ и другія отрасли этого движенія. «Съ 1829 г., въ продолженіе шести лѣтъ, пишетъ Голіуэкъ (150): — кооперація, можно сказать, жила конгрессами.» Первый конгрессъ кооперативныхъ обществъ собрался въ Манчестерѣ, въ маѣ 1830 года. Тамъ присутствовали делегаты отъ 57 обществъ, представлявшіе болѣе 3000 членовъ; эти общества собрали небольшими взносами и торговлею на началахъ коопераціи, менѣе чѣмъ въ 15 мѣсяцевъ, капиталъ въ 6000 ф. Второй конгрессъ засѣдалъ въ Бирмингемѣ, въ октябрѣ 1831 г. Робертъ Оуэнъ и Уильямъ Томсонъ предсѣдательствовали на немъ. Два делегата изъ Глазгоу пришли на него пѣшкомъ. Но особенно важенъ былъ, по повороту въ направленіи кооперативнаго движенія, третій конгрессъ, имѣвшій мѣсто въ 1832 г., въ Лондонѣ, на Gray's Inn Road.

Въ это время только-что появился (14 апрѣля) первый номеръ кооперативнаго журнала Оуэна «The Crisis», при чемъ это названіе подразумѣвало «переходъ отъ заблужденія и бѣдствія къ истинѣ и къ счастью» путемъ осуществленія кооперативной дѣятельности. Съ самаго начала «The Crisis» разошелся въ количествѣ 12,000 экземпляровъ, и потребовалось немедленно второе изданіе въ 5000 экземпляровъ. Въ первомъ же номерѣ журнала находилось объявленіе о конгрессѣ, и Оуэнъ обращался къ кооперативнымъ обществамъ съ приглашеніемъ «выбрать людей, способныхъ къ высокимъ мыслямъ и къ такому нравственному мужеству, къ такой искренности въ преслѣдованіи цѣли, чтобы человѣческія страсти не были способны отклонить ихъ отъ божественнаго пути (godlike course), по которому имъ придется пойти». Въ числѣ избранныхъ делегатовъ былъ и Уильямъ Ловеттъ, бывшій въ это время, по его собственнымъ словамъ (43 и слѣд.), сторонникомъ Оуэна и «въ особенности» начала «общей собственности». «Это представленіе, пишетъ онъ:—имѣетъ особенную привлекательность для трудящихся и дурно оплаченныхъ рабочихъ обоаго пола. Мысль, что всѣ силы машинъ, всѣ искусства и изобрѣтенія людей будутъ приложены къ удобствамъ всѣхъ вообще, къ облегченію ихъ труда и къ увеличенію ихъ комфорта, есть одна изъ самыхъ увлекательныхъ мыслей... Надежда имѣтъ въ своемъ распоряженіи обширныя комнаты, сады, бібліотеки и музеи, трудиться безъ утомленія и перехода отъ

одного труда къ другому, въ полѣ или на фабрикѣ; видѣть, что общество обучаетъ дѣтей нашихъ, обеспечиваетъ ихъ и заботится о нихъ, не бояться нищеты ни для себя, ни для жены, дѣтей и друзей, которыхъ оставляешь послѣ себя—есть одна изъ самыхъ радостныхъ и утѣшительныхъ идей для энтузіастовъ. Я былъ однимъ изъ тѣхъ, которые приняли эту великую идею дѣйствія общественнаго механизма на пользу общую»... «Затѣмъ, приводя обычные аргументы противъ коммунистическаго строя общества (въ той формѣ общественной нивеллировки, которая одна и была ему, повидимому, знакома), Ловеттъ говоритъ (45): «Хотя здоровое размышленіе заставило меня потерять вѣру въ *«общность собственности»*, но я и до сихъ поръ не потерялъ вѣры въ большія выгоды, которыя могутъ получиться отъ умной и справедливой системы *«кооперации въ производствѣ богатства»*. Конгрессъ 1832 г. прямо сталъ на точку зрѣнія, которую впоследствии отбросилъ Ловеттъ. «Этотъ конгрессъ 1832 г., пишетъ Голіуэкъ (187):—замѣчательнѣе тѣмъ, что онъ впервые отступилъ отъ кооперации въ томъ видѣ, какъ она существовала и какъ ее проповѣдывали періодическія изданія съ 1821 г. На немъ былъ составленъ, и разосланъ во все общество, присутствовавшія на конгрессѣ циркуляръ, принятый единогласно и ставшій обществамъ уже совсѣмъ иную цѣль». Именно, во главѣ «правилъ для кооперативныхъ обществъ», которыя «особенно» рекомендовались «настоящимъ и будущимъ кооперативнымъ обществамъ», встрѣчаемъ слѣдующія слова: «Все должны понять, что великая окончательная цѣль всѣхъ кооперативныхъ обществъ, занимаютъ ли они торговлю, фабричнымъ производствомъ или сельскими работами, есть *«общее владѣніе землею»*. Въ то же время, конгрессъ раздѣлилъ государство на 9 округовъ для миссіонерства кооперации, при чемъ каждый округъ для этой цѣли долженъ былъ имѣть особый совѣтъ и особаго секретаря. «Съ разныхъ точекъ, пишетъ Голіуэкъ:—должно было произвести нападеніе на «старый безнравственный міръ». Совершенно естественно, что подобныя откровенныя заявленія Оуэна оттолкнули многихъ пособниковъ кооперации, которые участвовали въ этой дѣятельности съ филантропическими цѣлями, довольствуясь общими фразами о всеобщемъ содѣйствіи другъ другу и о жизни сообща и не разглядывая внимательно дѣйствительнаго содержанія этихъ фраз.—Въ томъ же 1832 г. собирався еще конгрессъ кооперативныхъ обществъ въ Ливерпулѣ, и затѣмъ еще 3 конгресса ихъ имѣли мѣсто въ 1833, 1834 и въ апрѣлѣ 1835 г.

Въ 1835 г. конгрессы кооперативныхъ обществъ обратились

въ «соціалистскіе конгрессы», и кооператоры приняли названіе «соціалистовъ». Въ этомъ самомъ году основанъ былъ новый журналъ, замѣнившій «The Crisis», именно—«Новый нравственный міръ» (The New Moral World, изданіе, которое слѣдуетъ отличать отъ извѣстной книги Оуэна, относящейся къ позднѣйшему времени и носящей подобное же названіе: Book of the New Moral World) и первый соціалистскій конгрессъ, въ маѣ 1835 г., положилъ основаніе «ассоціаціи всѣхъ классовъ всѣхъ націй», составленной изъ «друзей человѣчества». Мысль объ этой ассоціаціи выставлена была Оуэномъ еще въ началѣ 1834 года. Голіуэкъ насчитываетъ (стр. 191—196) 14 соціалистскихъ конгрессовъ, имѣвшихъ мѣсто между 1835 и 1846 годомъ. Я не нахожу нужнымъ въ этой статьѣ останавливаться долѣе на этой отрасли кооперативнаго движенія.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛЮДИ И ПРАВЫ.

(Изъ деревенскаго дневника).

I.

Было часовъ восемь темнаго августовскаго вечера. Деревня затихала, гасили огни и собирались спать. Съ каждой минутой становилось все тише и тише: царство непробуднаго сна приближалось быстрыми шагами; еще часъ и тогда «не добудишься», «не достучишься», «не докричишься». Въ такіе мертвые часы, волки утаскиваютъ и рѣжутъ овецъ и коровъ—и никто не слышитъ рева и блѣянья, узнавая о несчастіи только на другой день; въ такіе часы никто не слышитъ, какъ кричить и мучается неожиданно начавшимися родами женщина, не видитъ, какъ она въ горячечномъ состояніи слѣзла съ печи, съ лавки, пошла сама не зная куда; никто не поможетъ ей, не образумитъ ея, и она, полупомѣшанная, стона и вскрикивая, шатается гдѣнибудь по грязному двору, невѣдомо какъ попадаетъ въ хлѣвъ, не помня себя родитъ ребенка, который иной разъ задыхается тутъ же въ грязи, иной разъ расшибаетъ голову о какое-нибудь бревно, иной разъ обращаетъ на себя вниманіе и аппетитъ какого-нибудь животнаго... На утро, разумѣется—ужасъ, зарываніе мертваго въ песочекъ; рядъ мучительныхъ дней, оканчивающихся уголовнымъ дѣломъ и тюрьмой, болѣею частью, благодаря собакамъ или свиньямъ, которыя обыкновенно и дѣлаютъ открытія въ темную ночь зарытыхъ дѣтей... «Ничего не слышали, нѣтъ, крику не было, не слышали чтѣ-то!»—показываютъ потомъ на судѣ крѣпко спавшіе сожители или родственники подсудимой. И въ самомъ дѣлѣ, день-деньской намаившись, умѣютъ спать деревенскіе жители: одни спать «какъ убитые», другіе «какъ мертвые», третьи говорятъ: «заснулъ, братецъ ты мой—какъ ко дну пошелъ», а есть и такіе, что спать «какъ зарѣзанные»...

Огни погасали. Вонъ побродилъ зачѣмъ-то по комнатамъ со свѣч-

кой въ рукахъ лавочникъ, и задулъ огонь; теперь чуть теплится свѣтлая точка въ господскомъ домѣ, да въ волостномъ правленіи догараеть огарокъ... Писарь съ помощникомъ—во всю мочь выспавшіеся послѣ обѣда—сидѣли на сырыхъ ступеняхъ крыльца, вспыхивая папиросами... Кто можетъ представить себѣ подавляющую силу этой «мертвой» тиши, этой «мертвой» тьмы, за которыми долженъ слѣдовать «мертвый» сонъ, тотъ пойметъ, что мысли человѣческой,—нигдѣшней къ тому же полное удовольствіе, вовсе не дѣйствовать въ теченіи цѣлаго дня,—въ такія мертвыя минуты, нѣтъ никакой возможности воображать что нибудь, кромѣ представленія смертнаго часа. Человѣкъ, который не можетъ въ такія минуты спать (онъ ужъ послѣ обѣда выспался), долженъ чувствовать какъ эта тьма, этотъ надвигающійся со всѣхъ сторонъ сонъ, горы сна, зарывають его, живого человѣка, въ могилу, а если не въ могилу, то въ какое-то такое мѣсто, гдѣ ничего не видать, ничего не слышать, и гдѣ надобно перестать думать, гдѣ даже нельзя думать, еслибы и хотѣлъ.

— Нѣтъ! послѣ упорнаго молчанія и куренія, прозвоньсь довольно рѣшительно одинъ изъ собесѣдниковъ:—переведусь я отсюда, непременно переведусь.

— Я самъ тоже уйду...

— Чортъ съ ними...

И помощникъ, сказавшій это, заплевалъ и затопталъ огонь папирсы...

— Я самъ тоже не останусь... Чего тутъ?.. прибавилъ и молодой писарь.

— Какого чорта? вызывающимъ голосомъ продолжалъ помощникъ, очевидно придавленный пустыми днями и мертвыми ночами, но, какъ человѣкъ солидный, практической, не могъ ограничиться въ доводахъ своему бѣгству отсюда однимъ только сознаніемъ пустоты и гнетущей тоски, не могъ удовольствоваться ощущеніемъ могилы, навѣваемымъ сномъ и тьмой, а долженъ былъ искать, самъ для себя, какого-нибудь болѣе существеннаго, практическаго довода къ бѣгству...

— Что мнѣ тутъ? розыскивая этотъ доводъ и оглядываясь въ непроницаемой темнотѣ:—что я здѣсь? за какимъ чортомъ?..

Но темнота до такой степени осадила собесѣдниковъ, что какъ будто бы даже касалась щекъ, рукъ, точно это была какая-то особенная, черная какъ уголь и тяжелая масса. Вотъ почему помощникъ долгое время не могъ прибрать ничего путнаго въ объясненіе своего желанія и повторялъ:

— Чего я тутъ не видалъ? Славу Богу!.. точно свѣтъ клиномъ сошелся! авось...

— Въ самомъ дѣлѣ... поддакивалъ писарь.

— Что я тутъ? Семь-то рублей, что-ли? Такъ я въ Ендовѣ добуду восемь... коего дьявола...

Доводъ былъ найденъ: мало жалованья—вотъ главное, а вовсе не эта тьма и сонъ, похожий на смерть.

— Ну, да! обрадовался и писарь.—Что я-то смотрю? Я самъ могу больше десяти добыть, ежели захочу.

— Семь-то рублей! продолжалъ философствовать помощникъ:— развѣ это деньги? Тамъ, въ Ендовѣ-то, по крайней мѣрѣ, все-таки, большая дорога.

— Да вѣдь и здѣсь большая?

— Здѣсь! здѣсь—не дорога, а свинство одно. Развѣ такая дорога-то большая? Ты спроси сначала, а потомъ и говори. Настоящая дорога-то идетъ, какъ война воюеть—вотъ какая дорога, а это что? Почта только... Это чертовщина, а не дорога... Я тамъ однихъ писемъ на пятнадцать цѣлковыхъ накатаю, въ мѣсяцъ-то, потому народъ, суета, а здѣсь что?

Долго разрисовывалъ помощникъ свои будущія благополучія, зная въ тоже время, что все это только такъ, и нигуда онъ не перейдетъ, куда, въ самомъ дѣлѣ, не засохнетъ и не задохнется отъ тоски и однообразія, или не подвернется случай жениться, не подойдетъ какая-нибудь невѣдомая теперь, но хорошая «линія». И писарь зналъ, что все это вздоръ, но «доходъ», но «деньги» были столь уважительными у всей этой тьмы предметахъ, что никто не чувствовалъ себя глупымъ, позволяя себѣ фантазировать на этотъ счетъ. О деньгахъ, о доходахъ можно размечтаться, можно позволить себѣ безнаказанно поврать даже—это ничего. А вотъ раздумывать о томъ, почему скука, почему «дѣло, не дѣло», раздумывать о томъ, какъ бы получше было жить на свѣтѣ, словомъ—размышлять и фантазировать, основываясь на своей внутренней, сердечной тоскѣ и заботѣ—вотъ это ужъ глупость и вздоръ, потому что тогда «всякій» также начнетъ фантазировать, всякій полѣзетъ съ своими сердцами, а ужъ это Богъ вѣсть что.

Торепливое чавканье чьихъ-то лаптей, слышавшееся въ темнотѣ прервало фантазіи и разговоры двухъ хорошо выспавшихся людей...

— Кто тутъ? радуясь живому существу, спросилъ темноту писарь.

— Бертяще!.. весело и рѣзко отвѣчалъ голосъ изъ тьмы.

— А!.. обрадовались собесѣдники.

— Бертяще, продолжалъ голосъ, быстро приближаясь:—захо-

тѣлѣ винища, бѣжить въ кабацнще, во второй, братцы писаря, прразище. Какъ это вамъ покажется?

Тьма и сонъ, и смерть огласились вдругъ радостнѣйшимъ смѣхомъ. Въ голосѣ! «Бертище» было нѣчто до того смѣшное, комическое, что, кажется, самыя обыкновенныя слова, сказанныя имъ, непременно бы возбудили веселое расположеніе духа и улыбку въ самомъ скучномъ человѣкѣ. Слышались въ немъ и беззаботность, и веселье, и насмѣшка, и симпатія, и почти юношеская веселость, хоть «Бертище» былъ старикъ пятидесяти лѣтъ. Это былъ маленький, жилистый, проворный и нервный до послѣдней степени человѣкъ съ широкимъ смѣшнымъ утинымъ носомъ и проворными крошечными безвѣтными глазами; человѣкъ, занимающійся кузнечнымъ мастерствомъ пооденно — день тутъ, недѣлю тамъ, словомъ сколько ему понравится и гдѣ понравится. Но гдѣ бы онъ ни пристроился, тотчасъ начинался смѣхъ и живой, остроумный крестьянскій разговоръ. Остроты, пѣсенки, анекдоты, у него были «все свои» особенные, нигдѣ, нигдѣ, никогда не слышанные. И эти остроты и прибаутки сыпались градомъ въ то время, когда маленькія, жилистыя руки Бертища проворно работали молоткомъ. И работалъ-то онъ, точно комедію представлялъ: раскаливъ конецъ желѣзной полосы и выхвативъ его изъ горна, онъ, по дорогѣ къ наковальнѣ, непременно испугаетъ бабу, ткнувъ огнемъ по направленію къ ней и прибавивъ, конечно, смѣшное, хотя и сальное словцо; ожидая, пока разгорятся въ горнѣ уголья, онъ попляшетъ и опять расскажетъ исторію или подсмѣется надъ кѣмъ-нибудь; выдалась среди жаркой работы коротенькая минутка передышки, Бертище не упуститъ ея, чтобы не хлопнуть водки въ торопяхъ, въ попыткахъ, и все съ разными гримасами, прибаутками, позами и т. д. и т. д. Ненстоящій родникъ юмора, веселости и наблюдательности таится въ этомъ человѣкѣ, но случайность среды не дала ничему развиваться какъ слѣдуетъ, и талантливый человѣкъ этотъ осужденъ на то, чтобы выдѣлывать «колѣна», нить и, разумѣется, снитъ въ кругу.

— Тебѣ не дадутъ топеръ водки. Запрещено, сказалъ писарь.

— Миѣ-то? Да ты знаешь, кто я такой?

— Кто?

— Я—Бертъ! Понимаешь это! Знаешь въ Петербургѣ заводчикъ, Бердъ, миллионеръ?

— Ну?

— Ну, это я и есть! Это вы только, глупые, необразованные люди, собачьи влички носите, Свиньянъ, да Балванскій, да Зайцевъ... Я, братъ, этого съ собой не позволю дѣлать... Я себя самъ прозвелъ въ иностранцы.

— А твоя какъ фамилія то настоящая?

— Кукушка! Ну, что это за названіе? Какая я кукушка? Я—человѣкъ; вѣдь это срамъ, съ такимъ именемъ... Нѣтъ, братъ, думаю, шалишь, не проведешь! Я-те дамъ кукушка.. Берть! Объявилъ—и шабашъ... И въ думѣ такъ сказалъ—никакого, говорю, Кукушки нѣтъ, и билета съ кукушкой не возьму... Три цѣлковыхъ далъ; теперь пишутъ Берть.. Да какого чорта? Я по кузнечному, и онъ, петербургскій-то Берть—тоже по кузнечному. Вотъ и произвелъ! А то кукушка! Я тебя за эти слова... Ты что-жь меня садиться не приглашаешь? Что ты за дубина такая, что я долженъ стоять предъ тобой?

Что ты, Аннушка, фарсишь

Да къ себѣ не пригла-о-сишь

«А чего ты косишься...

«Что ко мнѣ не просишься...»

Подлясывая въ грязи, пропѣлъ Бертище и всочилъ на крыльцо.

— Что орете тутъ? среди смѣха писарей послышался голосъ выступившей на крыльцо жены учителя.—Дѣтей перебудите...

— Милая моя мамочка!.. не давая сказать ей слова, заговорилъ Берть и въ рѣмю сказалъ такое словцо, отъ котораго всѣ, и писарь, и жена учителя, какъ говорится, «сюртли со стыда».

— Тыфу ты, пьяница! почти убѣгая, произнесла жена учителя.

— Ай не любишь! сказалъ ей въ слѣдъ кузнецъ.—Поди я еще тебя понотчую.

Смѣхъ, охватившій писарей, былъ, по истинѣ, невообразимый. Они то закатывались до перхоти, до удушья, то, не выдержавъ и чуть не задохнувшись, оглашали тишину и тьму громовыми раскатами хохота. Берть также смѣялся и все прибавлялъ по словечку, благодаря чему, по крайней мѣрѣ, четверть часа никто изъ смѣявшихся не могъ придти въ себя. «О-охъ! о-охъ!» стонали они, хватаясь за грудь, и вдругъ опять пускались хохотать, какъ помѣшанные.

— Уйди ты отсюда, балалайка безструнная! кое-какъ опомнившись, сказалъ писарь:—измучалъ совѣмъ.

— Я, братъ, и такъ скоро уйду! Оставайтесь одни, безъ меня, пьянствовать. Чортъ съ вами!

— Ты ужъ никакъ второй мѣсяцъ идешь, все ни съ мѣста.

— А ты вели стаканчики въ кабакахъ побольше давать!.. да! Какъ же я уйду-то? Меня, вонъ, на станцію приглашаютъ, мнѣ надо двугривенный, а вы тутъ избаловали кабакъ—мнѣ и не справиться.. Наливай онъ стаканъ форменный, мнѣ бы четырехъ-то стакановъ за глаза хватало.

— Ну!

— Ну, конечно, съ посторонними... Ты поднесешь, Евсей поднесетъ, тотъ, другой, третій... само-собой. А то онъ наливаетъ—наперстокъ: вмѣсто четырехъ и пьешь шесть... Остается изъ сорока копеекъ, поденныхъ, всего двугривенникъ—развѣ на это уѣдешь? Мнѣ нуженъ двугривенный... А гривенникъ куда я дѣну? Хочешь не хочешь, надо пропить. Стало-быть, седьмой и восьмой. Вотъ и не на что идти... А то бы я отъ васъ давно ушелъ...

— Все не протрезвишься никакъ?

— Говорю, заведи законный стаканъ...

— Ну, будетъ врать-то. Какой стаканъ ни дай, все восемь выпьешь, покуда всего не пропьешь. Любишь. Охотникъ...

— Охъ, братецъ ты мой! вадохнувъ, сказалъ кузнецъ.— И то люблю.

— Очень нравится?

— Охъ, какъ нравится, братцы! Вино-то? Такъ нравится, такъ..

Кузнецъ что-то чмокнулъ губами.

— Что это ты?

— Бутылку, братцы мои, поцѣловалъ. Я завсегда сначала бутылку поцѣлую, а потомъ налью... А пустую, когда окончу, то къ сердцу прижимаю: милая моя мамочка. Ахъ, и люблю же я ее!.. водочку, матушку... страсть господняя! Чистая страсть!..

— А запоемъ пьешь?

— Нѣтъ, запою нѣтъ у меня. Я ее постоянно обожаю... Не будь водки, да я сейчасъ утоплюсь... Передъ Богомъ. Она—моѣ отрада, за подвиги награда.

— Давно-ли пьешь то?

— Я пью, кумовья, лѣтъ десять. Прежде я не пилъ. О, поглядѣлъ бы ты на меня прежде-то! У меня въ городѣ восемь кузницъ было; часы, цѣпочка... полное почтеніе... А тамъ вдругъ и одолѣло меня... Непремѣнно меня испортили—ужъ это вѣрно. Ужъ тутъ кто нибудь подмѣшалъ мнѣ, потому вдругъ. Не пилъ, не пилъ, все честно, благородно жилъ, наживалъ, вдругъ все мнѣ опротивѣло. Все не по мнѣ стало; думалъ: за какимъ я шуткомъ женился? Зачѣмъ цѣпочки, часы, что такое? Захотѣлось мнѣ все рассассировать, и тутъ я пошелъ; все рѣшительно, вотъ все, что подъ руку подвернется все сталъ пропивать; что было дома—пропилъ, чужое—экипажи, коляски тамъ, все продалъ, пропилъ, и что дальше пью, все того интереснѣй... Жена—Боже мой! Боже милостивый! И дерется, и жалуется, и сынъ бьетъ и оретъ, смѣхъ мнѣ—больше ничего... Доберусь до дому, какъ песъ въ грязи, пьяный, заберусь на печку—ха-ха-ха!.. а они-то зудать, орутъ, Боже мой... Вотъ любопытно мнѣ, да и только, а зла нѣту...

Потомъ они меня вонъ выгнали. Жена съ любовникомъ, съ купцомъ—ничего это мнѣ нисколько. Веселье меня обуяло, какъ птицу небесную. Изъ ховлевъ пришлось въ работники—еще того веселѣй стало. Полтинникъ выковалъ, пропилъ, повалился подъ заборъ—сплю. Надоѣло мнѣ въ городѣ, ушелъ безъ шапки и безъ всего въ другое мѣсто. Вездѣ смѣются надо мной, и я смѣюсь, и только думаю одно—какъ бы мнѣ безъ водки не остаться. Это для меня—ядъ, смерть... Чего-жь это я тутъ съ вами время траю? вдругъ какъ будто опомнившись и вскочивъ, сказалъ Бертъ.

— Куда-ты?

— А въ кабакъ-то! Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ заснуть... А мнѣ это нельзя. Я имъ тогда всё стекла переколочу. Мнѣ давай вина...

— Ты воротись, приди.

— Ну, ужъ нѣтъ. Я тамъ подъ вусточкомъ лягу съ моею милою, съ бутылочкой, тамъ и засну.

— А сощется? вопросительно произнесъ писарь, когда кузнецъ ушелъ.

— Конечно, сощется. Еще бы ему не спиться. Пьетъ безъ отдыха.

— А вѣдь не дуракъ?

— Ну, ужъ меньше!.. Имѣлъ заведеніе, а теперь самъ поденщикомъ... Какой же тутъ умъ? Умный человѣкъ такъ не сдѣлается. Просто пьяница и балабайка. Ишь, вонъ, жена и сынъ. прогнали его. Умный человѣкъ до этого не допустить.

Писарь молчалъ и внималъ, а помощникъ продолжалъ философствовать.

— Ты изъ ничего выйди въ люди, приобрѣти, ухитрись—вотъ тутъ ты покажешь своей умъ... А готовое прожить всякій умѣетъ. Это чтò! Вотъ, напримѣръ, Иванъ Ивановичъ (учитель мѣстной школы)—вотъ это умный человѣкъ, прямо можно сказать, что шельма. Онъ, положимъ—подлецъ-то подлець, а нельзя отнять—умень! Чтò правда, то правда. Чтò онъ такое? Нигдѣ не кончилъ; ни родни, ни руки нигдѣ не было, а вылѣзъ же въ люди. Теперь вонъ учитель, жалованье получаетъ, и деньжонки...

— Эка важность: на старухѣ жениться.

— Тебѣ не важность, потому что ты ничего не понимаешь. У старухи-то два дома, видишь ты это, да деньги; да дѣтскія деньги также на его рукахъ, потому онъ же—и опекунъ, видишь ты это али нѣтъ? Ты думаешь, онъ не сдумѣетъ какъ слѣдуетъ этими деньгами-то орудовать—сдѣлай милость! старуха-то, можетъ,

и году не проживеть, анъ у него и дома, и деньги, а съ деньгами все, братъ, можно...

— А ежели она пятьдесятъ лѣтъ проживеть?

— Да хоть двѣсти живи. Разъ онъ забралъ ее въ руки, ему то что? Онъ и теперь вонъ преспокойно живетъ, съ поповской кухаркой, и вниманія не обращаетъ—живи, сдѣлай милость, хоть тыщу лѣтъ: онъ, братъ, заручился, теперь его не сшибешь...

— А какъ узнаеть старуха-то, да прогнать?..

— Да гони, сдѣлай милость! Это ему еще лучше: положилъ деньги въ карманъ—и пошелъ... Она же останется безъ копейки... Нѣтъ, братъ, его теперь не ссадишь съ позиціи; ужъ онъ, братъ, запустилъ корни ловко...

— А плуты!..

— Ну!.. Плуты! Мало чего нѣтъ! Ты ужъ, чортъ знаетъ, чего хочешь... Такъ нельзя... А еще вотъ Андрианъ? Это развѣ не умный человѣкъ? Отъ отца отошелъ съ пятиалтыннымъ, а теперь вотъ черезъ шесть лѣтъ, домъ двухъ-этажный, пять лошадей, да денегъ, поди, не одна сотня...

— Все черезъ жену.

— Черезъ кого бы ни было, а добился...

— Жену продалъ барину.

— Продалъ ли тамъ, нѣтъ ли, а домъ вотъ, и деньги, и скоть...

Да хоть и продалъ, что-жь такое? Можетъ, она ему не мила была? Отчего-жь, ежели, напримѣръ, на время, и черезъ это можно на ноги стать... Вѣдь такъ нельзя судить: продалъ. Что у кого есть подъ руками. Ужъ лучше же съ выгодой, чѣмъ безъ выгоды; такимъ дурамъ, вонъ, какъ Акулька, безъ всякаго разсчета... Ежели идетъ линия, такъ, напротивъ того, умная женщина должна способствовать, потому что вотъ, напримѣръ, Андрианъ этотъ... Вѣдь ужъ онъ непремѣнно въ купцы выйдетъ—ужъ это какъ богъ святъ. А вышелъ въ купцы—никто тамъ этого знать не будетъ; а будетъ эта тайна промежду мужемъ и женой... Ежели-бъ она наживала такимъ манеромъ деньги, да въ домъ бы не несла, ну, тогда такъ можетъ претендовать... А ужъ ежели между ними согласіе, тогда чего же? Только промежду нихъ и будетъ...

— А грѣхъ-то?

— Ну, братъ, всѣ грѣшны. Я думаю, и у тебя не сочтешь грѣховъ-то, а тебѣ вонъ еще и двадцати лѣтъ нѣту... Всѣ грѣшны. Всякій дастъ отвѣтъ Богу самъ. Это не наше дѣло судить. Не осуждай! А про то я говорю, что умный человѣкъ, слумѣетъ извлечь, а дуракъ—нѣтъ.

— Подлостію.

— Чѣмъ пришлось. Чѣмъ Господь привелъ, а ужъ достигнетъ,—

а дуракъ никогда, и даже, вотъ какъ Бертъ, теряетъ состояніе...

Въ это время почти неслышными шагами—чему способствовали резиновыя балоши—выдѣлилась изъ тьмы и вступила на крыльцо какая-то фигура.

— Кто это? спросила она шопотомъ.

— Это мы, громко отвѣчали писаря. Это вы, Иванъ Ивановичъ?

— Я—я! точно задыхаясь, шептала учитель.

— Гдѣ вы до сихъ поръ?..

— Тутъ... у батюшки... предписаніе... Который-то часъ?

— Не знаемъ. Ваши ужъ легли.

— Ну, и слава Богу. Пусть... опоздаю...

Манера говорить и интонація голоса учителя были кротки, монашески умирительны.

— Ты, Иванычъ! появилась на крыльцѣ жена учителя.

— Я-я-я... Запоздаю... У батюшки... бумаги...

— Иди ужинать... Десятый часъ.

— Иду, иду, иду!

И супруги ушли.

— Вотъ плутъ-то! У батюшки!.. Этакая шельма! восторженно произнесъ помощникъ.

— А гдѣ-жь, по твоему?

— Да все время, съ семи часовъ, съ ней, съ кухаркой, я самъ видѣлъ... Вотъ поди узнай, гдѣ былъ? Предписаніе! Развѣ она чтѣ понимаетъ? А ты говоришь—дуракъ?

— Когда говорилъ? Я говорю, что плутъ!

— Да! Плутъ, это такъ... А я думалъ, ты дуракомъ его назвалъ... Такъ вонъ онъ какой дуракъ-то!.. Предписаніе да предписаніе, поди-жо ухвати его!.. Нѣтъ, не дуракъ, далеко не дуракъ...

— А вѣять да рассказать ей все?

— Ну, и вѣтнешься. Противъ тебя-жь дѣло. Ты какое имѣешь право нарушать союзъ? Гдѣ у тебя документы? нѣтъ, братъ, тутъ со всѣхъ сторонъ законопачено... Тутъ не съ твоимъ умомъ соваться. Ужъ ты лучше помалчивай, да присматривайся, какъ люди живутъ... Посильнѣй насъ—и то молчать?..

II.

Долго разговаривали и потомъ фантазировали, ложась спать, даже грезили во снѣ наши собесѣдники на тему о выгоднѣй-

ишем приобретени наилучшихъ средствъ къ жизни, т. е., въ сущности, на тому приобретени денегъ. Но мы не будемъ передавать ни этихъ фантазій, ни грезъ—утомительны онѣ, а, главное, обидны. Неопредѣленно, хотя и довольно ослзательно, тоскующій, необеспеченный русский человекъ не можетъ не видѣть своего спасенія только въ одномъ—въ возможности имѣть въ карманѣ кушъ денегъ. Вотъ тогда думаетъ онъ, когда у него будетъ этотъ кушъ въ рукахъ, тогда, кажется; онъ разберетъ и пойметъ все, что теперь его только томить и чего онъ теперь иначе и не объясняетъ, какъ тѣмъ, что жалованья ему—семь рублей, а не десять. Правда, разговоръ, приведенный выше, происходитъ между людьми, непринадлежащими собственно къ простому народу—и писарь, и помощникъ происходятъ изъ той безчисленной еще на Руси массы людей, которая растетъ въ убѣжденіи, что она почему-то можетъ рассчитывать на вознагражденіе и средства къ жизни, не зная и не трудясь, въ увѣренности, что ей должно получать, должно жить, пить, ѣсть и наполнять землю, не становясь въ ряды народа, не зарабатывая хлѣба на фабрикѣ, на пристани съ кулькою на плечахъ, или на желѣзной дорогѣ съ лопатой въ рукахъ и т. д. Такого народу, воспитаннаго на жирныхъ крохахъ, падавшихъ съ жирнаго стола крѣпостного права, на Руси великое множество: въ чиновничествѣ, въ мѣщанствѣ, въ духовенствѣ, вездѣ нарождено много безземельнаго народа, громадному большинству котораго нѣтъ ужъ средствъ получить ни знаній, ни умѣнья, дающихъ право требовать свою порцію хлѣба, но неубѣжденнаго еще въ томъ, что не сегодня такъ завтра «трудъ», только одинъ онъ и будетъ раздавать большія и малыя порціи. У бабушекъ, у деверьевъ, у безчисленныхъ родственниковъ этихъ невинно-привилегированныхъ бѣдняковъ, еще есть кое-какія средства прокормить какого-нибудь малаго, некончившаго нигдѣ курса лѣтъ до двадцати, есть еще кой-какія связи, позволяющія всунуть его въ учителя, въ писаря, въ писцы на желѣзную дорогу, въ пѣвчіе и т. д.; но все это не можетъ удовлетворить большинство, по незначительности своей и скудости и при изобиліи, такъ сказать, исключительно «сѣстныхъ» идеаловъ, такъ какъ никакихъ другихъ не полагалось во многихъ поколѣніяхъ предковъ. Но кромѣ сѣстныхъ идеаловъ, новѣйшее время несетъ на всякаго человека, даже на всякую дубину въ человѣческомъ образѣ, если не новыя, не сѣстные идеалы, то, навѣрное, не бывшія прежде въ ходу, не сѣстныя исключительно мысли. Двадцатилѣтній человекъ не можетъ не думать о томъ, напримѣръ, что ему трудно когда-нибудь законнымъ и надежнымъ путемъ удовлетворить свой ап-

петь, ему не может не приходиться в голову, что у него вѣдь нѣтъ ничего, кромѣ почерка, что этого товару вездѣ много и онъ ужъ не въ цѣнѣ, не можетъ онъ не видѣть, что кромѣ почерка, у него нѣтъ никакой другой заручки, что, волей-неволей, онъ долженъ терпѣть, нести свой крестъ, зависѣть отъ всякаго, кто можетъ ему приказывать—словомъ, не можетъ не чувствовать себя скверно; съ другой стороны, онъ не можетъ не видѣть, что этотъ *всякій*, которому онъ «подверженъ» въ волостномъ правленіи, въ желѣзно-дорожной конторѣ, словомъ—на всѣхъ поприщахъ своего заработка, также болѣею частію человѣкъ случайный, также попалъ на мѣсто и цапаетъ кушъ не по праву знанія, не по праву труда, а, въ большинствѣ случаевъ, также только потому, что его бабушки, его тети и деверья вращаются въ болѣе высшихъ сферахъ, что они могутъ «кому угодно» доставить мѣсто посредника, директора дороги и т. д.—Глядя на все это и мѣряя свое незнаніе съ незнаніемъ имѣющихъ власть, свое невѣжество съ таковымъ же тѣхъ, кто можетъ приказывать, свои аппетиты съ аппетитами людей привилегированныхъ, онъ не находитъ между собой и человѣкомъ, поставленнымъ выше, получающимъ болѣе, никакой разницы и все долженъ, невольно долженъ убивать въ себѣ зародившуюся мысль о цѣнѣ знанія и умѣнія и о необходимости ихъ въ человѣкѣ, не желающемъ быть паразитомъ, а во вторыхъ объяснять все дѣло—какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ—только тѣмъ, что вся суть въ средствахъ, что при средствахъ и низшій невѣжа можетъ сдѣлаться высшимъ невѣжей, ничего отъ своего невѣжества не терять. Вся разгадка успѣха: «рука», «случай» «то, что хорошо подвернулось подъ руку»... И, какъ ни грустно это вымолвить, а еще не одинъ десятокъ лѣтъ предстоитъ намъ присутствовать при все болѣе и болѣе имѣющимъ возрастать стремленіи къ наживѣ «во что бы то ни стало»—стремленіи, которому едва ли не придется, на нѣкоторое время, дать дорогу, передъ которымъ надобно будетъ посторониться другимъ, неменѣе основательно вытекающимъ изъ условій русской жизни стремленіямъ. «Сначала деньги, а потомъ ужъ разберемъ въ чемъ дѣло, въ чемъ вся суть!» Вотъ что принесено, между прочимъ, въ современную русскую жизнь человѣческими остатками крѣпостного права и нравственности и что принесутъ, съ еще болѣею, чѣмъ теперь, настойчивостью, цѣлымъ массивомъ этихъ остатковъ, въ безчисленномъ множествѣ залегающихъ въ разныхъ углахъ русской жизни...

Фраза «во что бы то ни стало» будетъ имѣть для читателя надлежащій смыслъ только тогда, когда онъ дастъ себѣ трудъ подумать, какая такая сила, кромѣ квартальнаго надзирателя.

прокурорскаго надзора и суда, можетъ стать на пути человѣку, разъ увѣровавшему, что «сначала нужно добыть, а потомъ разбирать?»

Долго, очень долго сидѣли наши пріатели на крылечѣ волостного правленія и вели разговоры все на одну и ту же тему, т. е. о томъ, что вся задача жизни человѣка умнаго должна состоять въ томъ, чтобы «зацѣпить» гдѣ-нибудь, откуда-нибудь «выхватить» кушъ или, проще, толстую пачку денегъ и положить ее себѣ въ карманъ—вотъ сюда, въ боковой, чтобы онъ вздувался отъ толстоты. На что имъ нужна была такая пропасть денегъ, куда и какъ намѣревались они употребить ее, объ этомъ разговора не было.—«Только бы сюда-то залучить, а тамъ ужъ оно само собой разберется!» говорилъ главный ораторъ, помощникъ волостного писаря, похлопывая себя по карману, и при словѣ «разберется» махнулъ рукой въ невѣдомую даль. Жажда именно только одного—имѣть въ карманѣ пачку—была такъ велика (и не утаю—законна), что, даже улегшись, наконецъ, спать въ другой комнатѣ волостного присутствія, наши пріатели продолжали грезить исключительно о какихъ-то бумажкахъ, пачкахъ билетовъ, причемъ помощникъ неоднократно даже хватался за бокъ.

Какъ ни грустно признаться, а признаться надо—такое настоятельное стремленіе къ кушу, такое поклоненіе пачкѣ денегъ, безъ разбора средствъ, какими достается она (на томъ свѣтѣ всякъ дастъ отвѣтъ за себя), и куда она уйдетъ (потомъ само собой разберется), обуреваютъ въ Слѣпомъ Литвинѣ не однихъ нашихъ пріателей, писарей. Узнѣ не одна крестьянская голова, болѣею частію самая талантливая, самая умная, точно также работаетъ всѣми силами ума надъ мыслью объ этомъ же кушѣ, объ этой же пачкѣ. «Только бы ее-то залучить, а тамъ...» А о томъ, что тамъ—никто не думаетъ. Нетолько отъ крайней нужды, отъ недостатка въ самомъ необходимомъ развивается такая жажда къ деньгамъ: сѣрый слѣпинскій мужикъ, какъ увидимъ ниже, добивается денегъ только на то, чтобы перебиться, и хотя чтить рублевую бумажку, но еще не выучился забывать все на свѣтѣ для того, чтобы во что ни стало получить ее. Онъ еще, къ счастью, не сообразилъ своего положенія и все думаетъ, что поправится то осенью послѣ уборки, то зимой на свободѣ, то по веснѣ, ежели Богъ дастъ. Но на то онъ и «сѣръ», чтобы не имѣть возможности во вѣки-вѣковъ придти въ себя. Тотъ же, кто не сѣръ, у кого нужда не съѣла ума, кого случай или чтъ другое заставило подумать о своемъ положеніи, кто чуть-чуть понялъ траги-комическія стороны крестьян-

днсаго житя, тотъ «не можетъ» не видѣть своего избавленія исключительно только въ толстой пачкѣ денегъ—только въ пачкѣ. и не задумается ни предъ чѣмъ, лишь бы добыть ее.

Въ прошломъ отрывкѣ изъ деревенскаго дневника было представлено, хотя, говоря по правдѣ, и довольно поверхностно, кое-что изъ той путаницы, среди которой живетъ мужикъ. Если читатель припомнитъ все, что записано тамъ насчетъ докторовъ, учителей, насчетъ всякихъ мѣстныхъ имущихъ власть лицъ, то оны, надо думать, согласится, что только забытый, сѣрый мужицкій умъ можетъ не видѣть полной беззащитности своего положенія. Во всемъ, что только ни окружаетъ его, не видно ни тѣни вниманія, добраго слова. Жизнь его, съ самаго дѣтства преполнена угрожающими случайностями: переѣдетъ лошадь, потому что «вино попалося даже хорошо», съѣстъ свинья, потому что родильница лежитъ въ обморокѣ, и домашніе такъ крѣпко спятъ, что ничего не слышать, «хоть въ барабанъ колоти», задохнется отъ угару, который каждую зиму наполняетъ на пять, на шесть часовъ въ день аккуратно всякую избу, потому что ни въ одной избѣ нѣтъ двойныхъ рамъ и потому что тепло надо беречь... Не говоря объ этихъ, ежедневно и ежеминутно всяцкихъ надъ крестьянскимъ ребенкомъ опасностей—поможетъ ли ему докторъ, если захватитъ его болѣзнь, эпидемія? Можетъ ли оны рассчитывать на помощь родного отца, который, ничего не зная ни въ какихъ болѣзняхъ, не имѣетъ, къ тому же, иной разъ, пятака серебромъ, чтобъ купить деревяннаго масла, шусу? Выведетъ ли его на свѣтъ Божій грамота, если, преодолевъ всѣ смертоносныя случайности дѣтскихъ годовъ, изъ ребенка выйдетъ парнишка, имѣющій еще вырасти въ человѣка? Дастъ ли что-нибудь хоть капельку стоящаго школьная наука, за которую приходится бѣгать четыре-пять зимъ, иной разъ босикомъ, иной разъ за пять, за шесть верстъ? А когда оны вырастетъ, сдѣлается самъ большой—не вѣчный ли оны слуга и работникъ, не вѣчный ли борецъ съ недоимкой? словомъ—можетъ ли оны существовать на свѣтѣ иначе, какъ вполне отдавшись на волю Божию? Всѣ, отъ кого зависитъ попеченіе объ участи крестьянской души, крестьянскаго существованія, дѣлаютъ свое дѣло, пожалуй, и добросовѣстно: учитель учить такъ, что на экзаменѣ ребята отвѣчаютъ на разные хитрые вопросы; оны въ потѣ лица «обламываютъ» эти полѣнья такъ, что, въ концѣ концовъ, они умѣютъ спѣть гимнъ и «Царю небесный»—оны не даромъ получаютъ деньги; не даромъ получаютъ деньги и лекарь, который даже охрипъ отъ хлопотъ и не знаетъ покою ни днемъ, ни ночью; не даромъ получаютъ деньги всѣ прочіе печальники, строящіе мосты и

*

проч., и проч.; но все это мало, ничтожно, сравнительно съ тѣмъ, что нужно; все это пришлое исполнять обязанность какъ нанятый человѣкъ, какъ человѣкъ, которому нуженъ кусокъ хлѣба для своей семьи, для себя, человѣкъ, которому впору исполнить форму обличья дѣла; словомъ, все это такіе люди, на которыхъ деревня не можетъ смотрѣть, какъ на своихъ, на людей, которые бы понимали, «какъ свои», всѣ деревенскія нужды. Когда придетъ въ деревню учитель—не отставной солдатъ, и не полуграматный, дешевый педагогъ, оболванивающій деревенскія полгнѣва, а умный, вполне образованный человѣкъ, проникнувшійся важностію дѣла и рѣшающійся получить за свой подлинно-добросовѣстный и труднѣйшій подвигъ не обременительныя для деревни шестнадцать рублей жалованья и тѣ же самыя яйца и курочку, какими довольствуется отставной солдатъ граматный—только тогда деревня можетъ рассчитывать на то, что ребятишки ея узнаютъ, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь путное. Когда, вмѣсто тысячи рублей жалованья за удовольствіе вѣчныхъ разъѣздовъ по громадной территоріи цѣлаго уѣзда и за глубокое неудовольствіе безпрестаннаго сознанія своей полной бесполезности, когда образованный докторъ рѣшится дѣлать подлинное добро въ маленькомъ уголкѣ одной, двухъ деревень, обрекая себя на всевозможныя лишенія и не рассчитывая ни на какія опредѣленныя вознагражденія, кромѣ тѣхъ же яицъ и курочекъ—тогда только деревенскій ребенокъ можетъ рассчитывать на существенную помощь... Но будетъ ли это когда-нибудь? Придетъ ли когда-нибудь въ русскую глухую деревню такой человѣкъ, который рѣшится бы отдать ей свои знанія, стать, несмотря на эти знанія, въ общія условія бѣдности крестьянской жизни, рѣшится бы «не благодѣлствовать», а существовать на тѣ, только на тѣ средства, которыя, безъ принужденія волостного начальства, а по силѣ помощи, дадутъ ему «за его трудъ» сами крестьяне, и только тѣ крестьяне, которымъ онъ помогъ, пособилъ, научилъ?

Когда-нибудь такой человѣкъ непременно придетъ въ деревню; теперь же куда его что-то не видно. Мѣсто его занимаетъ человѣкъ служащій, чужой, нанятой, какой случится, какой попался, и деревня живетъ безъ всякаго призора и безъ единого добраго слова, если не считать священника, каждый грошъ дохода котораго видѣтъ крестьянину—а это много значить—который, будучи понятенъ крестьянину, какъ человѣкъ, зарабатывающій свое пропитаніе (не больше), хорошъ для него и тѣмъ трудомъ, который даетъ ему пропитаніе. Трудъ этотъ облегчающій—такъ думаетъ крестьянинъ—положеніе кре-

ценнаго человѣка: онъ отпускаетъ его прегрѣшенія, лечитъ молебнами и акаѣстами; масло изъ лампы помогаетъ отъ тысячи недуговъ, крестный ходъ годится для урожая, отъ засухи для дождя. Даже скотъ и тотъ можетъ рассчитывать на помощь во время эпидемій только отъ молебна: не даромъ же, какъ писали недавно въ газетахъ крестьяне одной деревни, Тульской Губерніи, просили отца своего духовнаго отслужить молебенъ всему православному скоту «и помянуть» каждую скотину, то есть, мою телушку-бѣлушку, егорову ворону кобылку и т. д. Теперь же, когда въ деревнѣ нѣтъ человѣка, который бы, будучи выше по развитію, умнѣй, знающѣй всего міра деревенскаго, рѣшился бы зарабатывать себѣ скудный хлѣбъ своими знаніями, какъ зарабатываетъ его священникъ молитвами—теперь всякому, мало-мальски оцувствовавшемуся деревенскому жителю не можетъ представиться ни въ чемъ спасенія, кромѣ пачки денегъ за пазухой. Она можетъ вывести его изъ этой курной, ужасной избы, изъ подъ этого безпрестаннаго гнета ничегонезнанія; за деньги онъ достанетъ и доктора, и учителя, и откупится отъ солдатчины. Онъ такъ мало знаетъ, мало понимаетъ, что кругомъ его дѣлается, что только деньги и могутъ помочь ему выбраться на Божій свѣтъ. А разъ онъ убѣдится, что дѣло его плохо и что ему трудно, неловко и глупо живется, что ему надо и нужно выбраться, разъ онъ понялъ, что выбраться можно только деньгами — ни передъ чѣмъ, ни передъ какимъ средствомъ задуматься онъ не можетъ. Мгновенно начинаетъ выработываться не философъ, не «буржуа» (выраженіе И. С. Тургенева), а просто страстно влюбленный въ деньги, въ бумажки, въ пачки человѣкъ. Такихъ влюбленныхъ въ деньги людей, въ настоящіе дни, полны всѣ углы и закоулки земли русской, благодаря только неожиданности, внезапности всевозможныхъ переменъ въ условіяхъ русской жизни. Никакія службы на вновь открытыхъ дорогахъ, никакія воинскія повинности, никакія училища, всѣ вмѣстѣ взятыя, не въ силахъ поглотить и дать хлѣбъ народу, который никогда не рассчитывалъ на то, что ему придется остаться безъ хлѣба. Этого народа, въ мелкопомѣстномъ дворянствѣ, въ чиновничествѣ, въ поповствѣ, въ городскомъ полумѣщанствѣ, полукупечествѣ — непочатые углы, и всѣ они понимаютъ, что ихъ положеніе плохо; всѣ они ужасно мало могутъ и ужасно много жаждутъ, и вотъ, по всѣмъ угламъ земли русской, на крылечкахъ волостныхъ правленій, въ дьячковскихъ, дьяконскихъ и священническихъ домахъ, въ этихъ безчисленныхъ домишкахъ уѣздныхъ и губернскихъ переулковъ, домишкахъ «вдовы надворнаго совѣтника», «потомственнаго гражданина» — вездѣ

и всюду тысячи людей, положительно обиженных своимъ положеніемъ, неумѣнѣемъ взяться, невозможностью разсчитывать на помощь, людей, видящихъ спасеніе въ случайномъ заполученіи куша, который одинъ только и можетъ ихъ выручить изъ бѣды.

И въ Слѣбномъ Литвинѣ есть уже не мало мужичковъ, сообразившихъ, что дѣло—въ купѣ, въ пачкѣ. Упомяну въ особенности объ одномъ, о которомъ читатель имѣетъ уже понятіе. Это—староста, Петръ Михайловъ, понимающій человекъ. Человекъ онъ молодой; въ послѣдніе дни крѣпостного права, онъ былъ мальчикомъ лѣтъ восьми; отецъ его—тотъ самый мужикъ, у котораго старшій баринъ четыре раза сломалъ конюшню. Характеръ этого мужика, позволявшаго себѣ воевать съ господскими управляющими и даже съ самимъ баринномъ, человекъ, который, несмотря на всѣ невзгоды, сумѣлъ иной разъ постоять на своемъ, былъ характеръ крутой, деспотическій. Когда молодой Петръ Михайловъ, по освобожденіи крестьянъ, задумалъ ѣхать въ Петербургъ, противъ чего отецъ возсталъ, ему пришлось извѣдать на себѣ всю силу этой врутости и дикости необузданнаго ея проявленія. Терпѣливо ждалъ онъ отцовской смерти. Ждалъ два года и, только дождавшись ея, могъ добиться права уйдти въ Петербургъ на заработки. Крутой отецъ, видя непокорность сына, которую тотъ не могъ утаивать въ теченіи 2-хъ лѣтъ жданья, сохранилъ свой отцовскій норовъ до конца дней и, умирая, оставилъ Петру всего пятнадцать копеекъ, за непочтеніе, тогда какъ старшіе братья получили все. Должно быть, отцовскій норовъ не миновалъ и сына, и Петръ Михайловъ не задумался пуститься въ дальнюю дорогу почти безъ гроша. Въ Петербургъ онъ сразу попалъ на отличное мѣсто, къ хорошимъ господамъ, изъ числа тѣхъ быстро народившихся, которые, наживаясь изъ чужого кармана, не считали ни того, что имъ самимъ попадетъ подъ руку, ни того, что уйдетъ у нихъ изъ подъ руки. Петру Михайлову жилось хорошо, но онъ былъ еще мужикъ и «глупъ» и, накопивъ сотню, другую рублей, по глупости, воротился въ деревню. Думалъ, что для него, какъ для мужика, этихъ денегъ видимо-невидимо. Тотчасъ по возвращеніи, онъ женился и «подхватилъ» истинную красавицу и, какъ самъ онъ говорилъ, первую умницу. Но послѣ Питера «крестьянство» показалось ему труднымъ и глупымъ дѣломъ. «Изъ чего биться?» Этотъ вопросъ сталъ возникать у него въ головѣ поминутно, при каждомъ шагѣ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Отвѣдавъ легкаго столичнаго труда, хорошей ѣды, спокойнаго сна въ волю, тепла, теплой одежды, цѣльныхъ сапоговъ, онъ уже не могъ понять удовольствія биться какъ рыба объ

ледь для того, чтобы ничего подобного не имѣть... У Петра Михайлова родился первый ребенокъ и померъ—«незнамо отъ чего». Петръ Михайловъ съ женой стояли надъ нимъ дни и ночи, почти цѣлый мѣсяцъ, не зная, что съ нимъ дѣлается и чѣмъ помочь; онъ оралъ безъ умолку отъ какой-то страшной боли, противъ которой нигдѣ, на сто верстъ кругомъ, не было помощи. Барыня-помѣщица знала въ медицинѣ только двѣ вещи—деревянное масло и спускъ. Батюшка зналъ: масло изъ лампады, спускъ, просвирю за здравіе и молебень о здравіи; деревня знала много другихъ средствъ, въ родѣ того, что кричащаго ребенка надо вынести на морозъ и держать его на холоду до тѣхъ поръ, пока онъ не почнетъ затихать, и потомъ нести въ горницу, гдѣ онъ непремѣнно заснетъ отъ такой внезапной встрѣчки. Ему вправляли животъ, трясли за ноги къ низу головой, поили отпущеннымъ въ печѣ чернобыльникомъ, поили лампаднымъ масломъ—онъ все оралъ и вопилъ безъ всякаго милосердія и, наконецъ, умеръ. Жаль было ребенка—перваго ребенка—Петру Михайлову, и эта смерть разъяснила глупость его положенія едвали не сильнѣе отцовскаго самодурства и петербургской привальной жизни. Мужики, у которыхъ мрутъ дѣти точно также чуть не каждый годъ и которые все-таки продолжаютъ пользоваться ихъ средствами, ведущими ко гробу, стали представляться ему чистыми глупцами, и ему было обидно, до крови больно, что и онъ—такой-же глупецъ, какъ и они. Надо къ этому прибавить, что, воротясь изъ столицы, онъ вынесъ нѣкоторое понятіе вообще о порядкѣ, необходимомъ въ дѣлахъ для того, чтобы дѣла шли успѣшно: взялъ—отдай, наваялся—работай, подрядился—исполни, что слѣдуетъ—получи. Деревня же, въ которой ему пришлось жить своимъ хозяйствомъ, послѣ такихъ питерскихъ порядковъ, ничего подобного знать не хотѣла; время послѣ крѣпостнаго права стояло запутанное, положеніе дня не выяснилось для крестьянъ, и эта путаница была Петру Михайлову невыносима. У него, напримѣръ, подрядаются строить избу за тридцать рублей, подрядаются безъ бумаги, на совѣсть, и уходятъ, получивъ задатки, потому что вдругъ на нихъ нахлынула откуда-то практическая струя новаго времени, гласящая, что «безъ росписки новѣ ничего не подѣлаешь», а между тѣмъ, «по той же самой совѣсти»—они же, за одну только водку, дѣлаютъ въ пять разъ труднѣйшую работу дьячку, потому молъ, что добрый человекъ. То въ ножки кланяются по старой памяти, то сами же высѣкутъ въ волости. Все это Петру Михайлову было не по нутру. Смерть перваго ребенка еще болѣе ожесточила его на безтолочь, окружающую его, и на его собственную безтолочь, отъ которой

онъ не могъ выбиться, какъ мужикъ. Онъ, какъ умный человѣкъ, сразу понялъ, что ему нужны деньги и больше ничего, чтобы не тянуть этой лямки, чтобы не покоряться случайностямъ отъ забытыхъ, запутанныхъ людей и случайныхъ порядковъ, чтобы не вредить себѣ своимъ собственнымъ невѣжествомъ. «Выбираться» — вотъ что сдѣлалось его задачей, а умная жена тотчасъ сполна поняла и прониклась этой задачей. Какъ хорошая, умная подруга, она знала одно — что ей изъ всѣхъ силъ надо подсоблять мужу.

Они опять хотѣли-было въ Петербургъ ѣхать, но, на счастье, въ деревню назначено было человѣкъ двадцать молодыхъ людей какой-то специальной школы: они должны были въ теченіи лѣта производить съемки, нивелировать и т. д. Народъ навалилъ веселый, болѣею частію состоятельный и, на счастье Петра Михайлова, именно въ его домѣ помѣстилось пятеро самыхъ богатенькихъ.

Съ двухъ часовъ ихъ пребыванія Петръ Михайловъ замѣтилъ, что жена его произвела впечатлѣніе. «Лучше этой нѣтъ!» говорили молодые люди, въ самое короткое время успѣвшіе произвести съемку всѣмъ деревенскимъ дамамъ... И Петръ Михайловъ понялъ это, да и Аграфена только взглянула ему въ глаза, тоже поняла, въ чемъ теперь дѣло. И «не какъ-нибудь, не зря», стала Аграфена заниматься этимъ дѣломъ, а такъ, что самый расчетливый, самый основательный человѣкъ, осуждая ея поведеніе, могъ, въ концѣ концовъ, только похвалить ее, признать въ ней необыкновенный умъ, направленный, безъ всякихъ послабленій и увлеченій, только къ одной цѣли, которую она и достигала не какъ-нибудь, а съ толкомъ, умно, расчетливо. Она съумѣла вытянуть изъ всѣхъ пятерыхъ все, что у нихъ было, вытягивала все лѣто, всѣми возможными цѣнностями, причемъ вниманіемъ удостоивала далеко не всѣхъ, довела ихъ до ссоры, чуть не до дуэли, и въ тоже время не только не измѣнила своего обличья крестьянской жены, работающей, молчаливой, но даже и тѣни гордости не выказывала передъ завидовавшими ей приятельницами. Вставала она попрежнему въ три часа утра, гнала коровъ, шла на рѣчку съ тяжелыми ведрами, жала въ полѣ, ходила босикомъ по грязи, словомъ ни на волосъ не давала замѣтить ни господамъ, что они ей нужны, ни своимъ деревенскимъ соперницамъ, что дѣла ея блестятельны. Напротивъ, разъ появъ въ чемъ дѣло, инстинктивно угадавъ тотъ образъ дѣйствій, который какъ нельзя лучше привязываетъ къ ней мужа, она, при каждомъ успѣхѣ, стала чувствовать только одно, что «мало», надо больше, надо поступать настойчивѣй, добиваться энергичнѣй.

— Къ намъ опять, баринушки, милости просимъ! Не оставьте ужъ насъ опять-то, очень мы вами благодарны!.. Какъ простая деревенская баба, говорила она, кланяясь въ держа конецъ фартука у губъ, когда баринушки осенью разъѣзжались по домамъ, унося, быть можетъ, истинную любовь въ сердца.

— Непремѣнно! Непремѣнно! кричали ей самымъ искреннѣйшимъ образомъ баринушки и махали шапками...

— Присылайте другихъ побогаче! прибавила она грубо и искренно-безсердечно, когда баринушки умчались, и Аграфена осталась съ Петромъ Михайлычемъ съ глазу на глазъ. Она еще съ секунду подержала на своемъ лицѣ это грубое выраженіе, но вдругъ взглянула на улыбавагоса Петра Михайлова—и такъ сама улыбнулась, такими громадными и громадно-веселыми глазами мелькнула на мужа, что у того только дыханье захватило отъ удовольствія. Никакихъ больше разговоровъ, ни воспоминаній, ни даже именъ этихъ баринушекъ не повторялось. Точно ничего не было такого, о чемъ можно бы шепнуть другъ другу пару словъ. Веселая и радостная послѣ отъѣзда постояльцевъ, Аграфена тотчасъ поставила самоваръ и сама начала такую рѣчь...

— А ты вотъ что, Пётра, ты вотъ лошаденекъ парочку безпремѣнно у Барсукова купи... Лошади нервый сортъ...

— За лошадьми надоть въ Почивалово... У Барсукова что?

И пошелъ дѣловой изъ дѣловыхъ разговоръ... Петръ Михайловъ тоже не зѣвалъ съ господами. Пользуясь вліяніемъ жены, о которомъ господа и понятія не имѣли, полагая, что Петръ Михайловъ—не болѣе, какъ ловко обманываемый мужъ, онъ бралъ съ господъ и за провозъ, и за отвозъ, и за рыбку, и за пиво—«наше деревенское ужъ какое есть»—и гривенники, и рублевки, и такъ спрашивалъ на лаптишки, что, въ концѣ-концовъ, въ ту же осень онъ принудился строить большущій домъ, купилъ скотины и единогласно былъ избранъ въ сельскіе старосты. Вся деревня знала, что они съ женой пошли въ ходъ съ нехорошаго, но это самое умѣнье, это знаніе, «какъ пойти», какъ повернуть дѣлами—это-то и побѣждало всѣхъ; всѣ сознавали, что сдѣлано дѣло умно, ловко, хорошо, не какъ-нибудь, не зря, не дуромъ... Такъ-то, дуромъ-то, мало ли поступаетъ и поступаетъ на своемъ вѣку не одна крестьянская жена, особливо мастерицы онѣ поступать дуромъ «не въ домъ, а изъ дому», а эта Аграфена—нѣтъ... Такъ думали критики-мужчины и женщины, глядя на степенную, безъ гордости, Аграфену, истово владущую въ церкви поклонны... Грѣхъ! Это—такъ! Да кто не грѣшенъ-то? Аграфена небось говѣеть, и кается, да къ тому же, у ней

есть чѣмъ хорошо заплатить за грѣхи-то... И будетъ такая же, какъ и всѣ православные христіане, а у Петра-то Михайлова, между прочимъ, домъ вонъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, скота прибавляется, да на мирскія деньги, которыя у него иной разъ по мѣсяцамъ лежать на рукахъ безъ движенія, обороты дѣлаеть.

Къ веснѣ слѣдующаго года у Петра Михайлова былъ, въ самомъ дѣлѣ, готовъ отличнѣйшій домъ. Онъ раздѣлялся на двѣ половины; внизу—кладовыя (такъ строятся всѣ дома въ прилежащихъ къ Петербургской губерніяхъ), вверху—двѣ половины горницъ. А въ самомъ началѣ лѣта Господь послалъ и новую практику. Къ помѣщикамъ пріѣхалъ гостить братъ, старшій, лѣтъ подъ 50, холостякъ, отставной военный. Онъ пріѣхалъ подышать сельскимъ воздухомъ и тотчасъ же, конечно, сталъ заговаривать съ бабами...

— А matka гдѣ? спрашивалъ онъ отечески у малыхъ ребятъ.

— У полѣ...

— А молодая у тебя мамка-то или старая?

— Старая...

— Э... какой же ты бутузъ!..

Итакъ, по отечески разговаривая, любитель природы направился въ поле... Здѣсь онъ останавливался передъ каждой согнутой въ три погибели женской фигурой, снисходительно отбѣчалъ на земные (по старой памяти) поклоны, но долго не находилъ того, что именно и было любезно ему на лонѣ неискusstvenной природы... Наконецъ, онъ встрѣтилъ Аграфену. Она работала вмѣстѣ съ Петромъ Михайловымъ. Поклона земного онъ не получилъ отъ нея, а тотчасъ остановился, какъ вкопанный, держа руки съ палкой за спиной. Онъ даже сѣлъ отдохнуть на первый камень и заговорилъ... Ошибался онъ, надѣясь на легкую побѣду и на свою боевую опытность. Интересъ въ немъ Аграфена возбудила съ разу и съ разу же поняла, какъ надо поступать. Они съ Петромъ Михайловымъ привели ветерана почти въ изступленіе, понемногу, по вершочку, они завладѣвали имъ, его волей, его мыслями, и прежде, нежели ветеранъ могъ одобрительно отозваться о проведенномъ лѣтѣ, онъ долженъ былъ переплатить Петру Михайлову и Аграфенѣ кучу денегъ: то впередъ давалъ подъ ѣзду рублей двѣсти, а Петръ Михайловъ обязывался отработать, то Петръ Михайловъ подбивалъ его купить лошадь, говоря, что она будетъ, молъ, ваша, а только-что «показова» поработаетъ, то Аграфена просила эту лошадь подарить. На этотъ разъ изъ ветерана была сдѣлана продолжительная доходная статья. Онъ совершенно влюбился и въ Агра-

фену, и въ Петра Михайлова, въ его порядочность, пониманіе, въ его отсутствіе мужичьяго разгильдяйства, пьянства... Онъ помогаль достроивать ему домъ съ такимъ усердіемъ и интересомъ, какъ будто это былъ его собственный домъ.

— Да сдѣлай ты каменный фундаментъ! говорилъ онъ Петру Михайлову.— Ну, какъ же можно строить на грязи.

— Ваше превосходительство! Откуда-жь намъ камню-то взять! Я бы и радъ.

— Да я тебѣ дамъ, возьми... Чортъ знаетъ, что такое, строить домъ въ лужѣ!

Никакимъ слухамъ, никакимъ наговорамъ, касавшимся Петра Михайлова, ветеранъ не вѣрилъ; онъ нашель въ Аграфенѣ и даже въ Петрѣ семью, заботу, дѣло, вниманіе и деревенскую простоту, охоту выслушать совѣтъ, благодарность — все, что съ избыткомъ наполняло его холостые, старые дни. Петръ Михайловъ не прерываль сношеній съ ветераномъ и по отъѣздѣ его осенью въ столицу, да и самъ ветеранъ не желаль этого. Онъ самъ скучаль о нихъ, больше всего, конечно, объ Аграфенѣ, и все справлялся, не позовуть ли его крестить. Его позвали, дѣйствительно, и онъ нарочно пріѣхаль зимой, чѣмъ несказанно обидѣль сестру. Но Петръ Михайловъ далъ ему понять кое-что насчетъ ребенка, упомянувъ мелькомъ, что за этимъ малюткомъ (просто онъ, не умѣеть по умному говорить) надо ходить по божески, не такъ, чтобы какъ-нибудь, и ветеранъ поняль, что этотъ ребенокъ—его, хотя все это былъ вздоръ. Онъ далъ слово вывести мальчишку въ люди и навѣрное сдѣлаеть это...

Но, несмотря на успѣхъ, и Аграфена, и Петръ Михайловъ съ каждымъ днемъ все дѣлаются ненасытнѣе въ достиженіи, а глѣдое, въ желаніи еще большихъ успѣховъ. «Мало», «мало» все сильнѣе давить на ихъ общій умъ (они, дѣйствительно—одно тѣло и одинъ духъ), и они рвутся, какъ горячія лошади, все дальше и дальше, не зная, куда примчать ихъ рѣзвыя и вообще не усталыя еще ноги... Очень можетъ быть, что эта жажда денегъ и приведетъ ихъ обонкъ къ чему-нибудь недоброму: и Аграфена, и Петръ Михайловъ все-таки *темные люди*, зарвутся, не сумѣють остановиться—и погибнуть. Все это случится; но теперь они, по уму, по опредѣленности задачи и по энергіи, съ которою стремятся достигнуть ее—первые люди деревни; имъ завидуютъ всѣ, мало-мальски вышедшіе изъ туманнаго существованія сѣраго мужика; всѣ такіе слѣпунцы стремятся подражать, то-есть идти тою же дорогой—но увы! успѣха того не имѣють. Правда, они не церемонятся ни передъ чѣмъ и поставляють всякій товаръ, лишь бы за него шли въ руки деньги—только

товаръ ихъ, забитый и оборванный, и неумѣлый, не одерживаетъ такихъ побѣдъ, какъ умная и хитрая Аграфена.

«Шибко» нуждается въ деньгахъ и простой, сѣрый мужикъ и также желалъ бы заполучить въ свои корявыя руки какіе-нибудь кредитные знаки, но, глядя на его старанія въ этомъ отношеніи, ясно видишь, что успѣха они имѣть не могутъ. Тайна этого неуспѣха именно въ томъ и состоитъ, что мужикъ — человѣкъ сѣрый, что онъ еще не отвыкъ отъ «крестьянства», не умѣетъ жить иначе, какъ своимъ домою, своей семьей, и главное въ томъ, что плохо понимаетъ все происходящее за предѣлами его домишка. Онъ не можетъ, по неразвитости своей, обобщить и привести въ систему осаждающія его явленія жизни, иначе онъ бы давно думалъ точь въ точь такъ, какъ думаетъ Петръ Михайловъ. Теперь же, не приведя ничего въ ясность, онъ чувствуетъ только, что ему *нужны* деньги, иной разъ до зарѣзу, но не какъ спасеніе отъ тьмы, не какъ средство вообще выйти изъ ничтожества, а только какъ средство удовлетворить кое-какимъ нуждишкамъ; о большемъ онъ не хлопочетъ и отвыкъ думать. Ему грезятся не куши, не капиталы, а деньжонки рублишки, необходимые только для того, чтобы покрыть крышу, починить сапоги, отдать два рубля лавочнику. Онъ хватается за всякое средство, лишь бы только добыть рубликъ, и за этотъ рубликъ платитъ трудомъ своимъ въ десять разъ больше и — это всегда, за каждый рубликъ. Если же онъ, т. е. настоящій сѣрый мужикъ, и сообразитъ, что хорошо бы было ему получить поболѣ, справиться сразу, и если къ этому представится даже случай, то и тутъ не всегда онъ сумѣетъ воспользоваться имъ, потому что сѣръ, потому что наполовину еще крестьянинъ, потому что еще «не насобачился», какъ говорятъ въ деревнѣ въ похвалу развитымъ и умнымъ людямъ.

Во время житія моего въ Слѣпомъ-Литвинѣ познакомился я съ однимъ изъ такихъ сѣрыхъ мужиковъ. Онъ постоянно нуждался въ самомъ необходимомъ, постоянно просилъ хлѣбушка, продавалъ теленка, не давъ ему, послѣ появленія на свѣтъ, поотходиться и двухъ недѣль, тащилъ цыплятъ въ продажу, когда они были еще жолты. У него во всемъ былъ недостатокъ; о покупкѣ новыхъ сапоговъ онъ думалъ года по два; крышу собирался крыть лѣтъ пять и все-таки не могъ и т. п. Какая-то непоколебимая надежда на то, что онъ «вотъ, погоди, поправится», особенно поражала въ немъ, такъ какъ только она одна, какъ мнѣ кажется, и поддерживала его среди явнаго и полного разстройства всѣхъ его дѣлъ. Поддерживала она его до такой сте-

пени, что у Ивана Абрамова было гораздо больше веселых минутъ въ жизни, чѣмъ у самаго исправнаго изъ мужиковъ. Лицо его было чаще другихъ запечатлѣно добродушной усмѣшкой, шуткой. Чаще другихъ онъ думалъ о томъ, что вотъ придетъ праздникъ, наваримъ пива, словомъ, погуляемъ. Никогда на свою горькую участь онъ не озлоблялся и не срывалъ зла ни надъ кѣмъ изъ домашнихъ, какъ это частенько водится и не въ одномъ крестьянскомъ быту; напротивъ, что весьма удивительно, дѣти, даже приемышъ, взятый изъ воспитательнаго дома, составляли предметъ его особенной внимательности. Какъ самый тонкій наблюдатель, онъ день за днемъ могъ рассказать, какъ начала говорить и ходить Машутка, какъ называла на своемъ дѣтскомъ нарѣчьи курицу, телегу, хлѣбъ, зналъ съ точностью повадку и натуру каждаго ребенка и даже весьма искусно велъ нравственное воспитаніе своихъ ребятишекъ...

— Меня Васька обидѣлъ, реветъ во всю мочь крошечная дѣвчонка, бросаясь головой между колѣнами Ивана Абрамова:—прибей его, ты-а-а-а-а...

— Она щепку въ ротъ взяла, а я ее отнял отъ нея... Она и заревѣла...

— А-а! серьезно тянетъ Иванъ Абрамовъ.—Какъ же онъ это, Васька, Машутку смѣетъ обижать... Да мы его вотъ сейчасъ высѣкимъ, погляди-во какъ. Высѣчь его, Машутка?

— Выс-ссь...

— Ну, давай мы его высѣкимъ... Поди, волоки хворостину... Хорошую принеси, смотри. Мы его высѣчемъ съ тобой—небу будетъ жарко, ахъ, онъ такой-сякой! волоки, Машутка, скорѣй..

Вся въ слезахъ и во всякой грязи на лицѣ, тащитъ Машутка со двора громадную хворостину. Но куда она дотащила, обидя ея прошла.

— Давай, давай скорѣй, кричить, между тѣмъ, Иванъ Абрамовъ:—давай мы его... Ахъ онъ... Ну, Васька, ложись...

— Нина-а-а-а-а!.. реветъ Машутка — и вся исторія оканчивается самой задушевной мировой.

Не разъ приходила мнѣ въ голову мысль, что такому человеку, какъ Иванъ Абрамовъ, во что бы то ни стало, необходимо помочь. У него, въ самомъ дѣлѣ, не доставало только денегъ, чтобы поправиться, стать на ноги, и тогда рѣшительно не было никакихъ оснований сомнѣваться, что онъ встанетъ на ноги. Онъ хорошій, даже образцовый семьянинъ. Человѣкъ, который пьетъ когда случится, когда поднесутъ, и вовсе не завзятый любитель вина. Самъ Иванъ Абрамовъ двадцать разъ заводилъ рѣчь о томъ, что хорошо бы добыть мѣстечко гдѣ-нибудь на сторонѣ,

поработать годикъ, накопить рублей сто и потомъ взяться за крестьянство какъ слѣдуетъ, т. е. все починить, подпереть, открыть и т. д.

Случайно мнѣ пришлось встрѣтить одного господина, моего хорошаго пріятеля, который нуждался въ человѣкѣ хорошаго поведенія, нешьющаго и работающаго для своего имѣнія. Имѣніе это находилось верстахъ въ полутораста отъ Слѣпого-Литвина и въ семи или десяти верстахъ отъ желѣзной дороги. Состояло оно изъ построекъ: господскаго дома, службъ, бани и необходимыхъ хозяйственныхъ построекъ и лежало одиноко въ лѣсу, въ трехъ верстахъ отъ ближайшей деревни. Въ виду того, что зимой (а человѣка владѣлецъ нанималъ на зиму) мѣсто можетъ показаться глухимъ, владѣлецъ назначалъ желающему хорошее, слишкомъ хорошее жалованье: Мѣстные крестьяне, наперерывъ старавшіеся занять это мѣсто, не удовлетворяли владѣльца, какъ народъ подгородный, снисходительные взгляды котораго на исполненіе своихъ обязанностей, взятыхъ, разумѣется, при всевозможныхъ вліяніяхъ и тысячахъ «будьте покойны», «если мы», «Господи, сохрани, да мы тошь» и т. д.—были уже ему знакомы. Работа нанимаемаго должна была состоять въ надзорѣ за аккуратностію отправки изъ имѣнія сѣна на желѣзную дорогу, въ записываніи рабочихъ часовъ и въ надзорѣ за домою и скотомъ. Харчи полагались хозяйскіе и, кромѣ ихъ, жалованья пятнадцать рублей. Кромѣ этого, нанимавшійся могъ нанять плотника, на хозяйскій счетъ; конечно, и этотъ плотникъ долженъ былъ жить всю зиму, исполняя тѣ мелкія работы, которыя укажетъ хозяинъ и замѣтитъ самъ управитель.

Я предложилъ Ивану Абрамову, не хочетъ ли онъ занять такое мѣсто. Жить ему будетъ скучно, но за то къ веснѣ и рабочей порѣ онъ можетъ вернуться домой съ порядочными деньгами. Я подробно рассказалъ ему его обязанности, положеніе имѣнія, рисовалъ дорогу и лѣсъ, и домъ, и Иванъ Абрамовъ былъ радъ-радехонекъ.

— Лучше не надо! твердилъ онъ.

— А лѣсъ?

— Господи, помилуй! лѣсъ? Али мы лѣсовъ-то не видали! Я пяти годовъ заблудился въ лѣсу-то, двое сутокъ не ѣлъ... Авось теперь не махонькой...

На дичь были ружья, порохъ, дробь и пули; кромѣ того, тройка лошадей всегда находилась въ распоряженіи живущихъ на дачѣ; стало быть, въ случаѣ какой-нибудь опасности (а такой рѣшительно никто не запомнить), было чѣмъ защищать себя, а въ случаѣ болѣзни было можно послать работника на станцію, гдѣ была аптека и докторъ.

Я просилъ его подумать, сообразить, но онъ повторялъ только одно: «лучше не надо!» «по гробъ буду помнить» и т. п. Владѣльцу я расписалъ Ивана Абрамова самыми превосходными красками. Въ честности его я не сомнѣвался ни капли. Владѣлецъ внимательно слушалъ меня, вѣрилъ мнѣ, но, наученный, должно быть, опытомъ, почему-то сказалъ въ концѣ-концовъ.

— О-охъ, смотрите!.. Впрочемъ, если все такъ, такъ я лучшаго не желаю.

Я опять разсыпался въ увѣреніяхъ.

Иванъ Абрамовъ получилъ—въ чемъ я убѣдилъ владѣльца самыми непреложными доводами—нѣсколько денегъ на поправку, еще нѣсколько денегъ для дому, десять рублей на подати—и дѣйствительно внесъ ихъ—и нѣсколько денегъ на дорогу. Все это было послано въ письмѣ послѣ моего отъѣзда изъ Слѣпова-Литвина. На мизу было послано увѣдомленіе оставившему ее прикащику, чтобы онъ къ такому-то дню (по приблизительному расчету) ожидалъ прибытія новаго прикащика и потомъ уже, давъ ему все, оставилъ мѣсто.

Черезъ двѣ недѣли послѣ рассчитаннаго срока, получилось изъ деревни письмо, въ которомъ старый прикащикъ писалъ, что никто до сихъ поръ въ деревню не приходилъ, просилъ подыскать кого-нибудь другого, говоря, что дальше ждать не можетъ.

— Вотъ видите! съ легкимъ отгѣнкомъ насмѣшки сказалъ мой владѣлецъ.—Говорилъ я!..

Признаюсь, изумился я такой неаккуратности Ивана Абрамова, да мало того изумился—въ маловѣрную душу мою закралось сомнѣніе даже на счетъ безкорыстія Ивана Абрамова. Я столько навидался и наслышался на счетъ сомнительности этого безкорыстія, что невольно подумалось: «А ну-ко Иванъ Абрамовъ, уплативъ подати и забравъ кой-какія деньжонки, вдругъ раздумалъ ихъ отработывать, повѣривъ какому-нибудь деревенскому опытному-умному человѣку, что «бумагъ никакихъ не было,» а ноне безъ бумагъ ничего не возьмешь...»

Уже съ слабюю или, по крайней мѣрѣ, съ поколебленною вѣрою въ правоту моихъ словъ я старался вновь увѣрить владѣльца, что это какое-то недоразумѣніе, что быть не можетъ, чтобы Иванъ Абрамовъ надулъ, что не такой онъ человѣкъ и т. д., и т. д.

— Хорошо, хорошо... Подождемъ немного...

А куда было послано письмо къ одному, лучшему изъ мѣстныхъ мужиковъ—пожить въ мнѣ до прихода новаго прикащика. Къ неописанной моей радости—однако не раньше, какъ че-

резъ недѣлю — пришло другое письмо, на этотъ разъ прямо отъ Ивана Абрамова.

Оказывалось, что не ѣхалъ онъ по случаю того, что у него родила жена, а главное — потому, что *справлялъ* крестины, а крестины справлялъ потому, что сосѣдей не звалъ на прошлый праздникъ: стыдно, а еще главнѣе потому, что исхарчился на угощеніе «до послѣдняго», прибавляя при этомъ весьма категорически — «потому нельзя, никакъ невозможно» — продавалъ овецъ, но давали нестойшей цѣны, и теперь вотъ пришелъ потому, что, наконецъ, продажа состоялась удачная и, въ заключеніе, просилъ прощенія, говоря, что ужъ теперь онъ всей душой разстареется...

Очень я былъ радъ этому письму. Всѣ нечистыя подозрѣнія разлетались сами собою, какъ дымъ, и Иванъ Абрамовъ выходилъ совершенно чистымъ. Меня только удивляло немного то обстоятельство, что онъ, бьющійся какъ рыба объ ледъ бѣднякъ, тратить послѣднее на угощеніе и, прежде чѣмъ выпробовать что-нибудь, т. е. прибавить къ своему имуществу, начинаетъ съ продажи овецъ, т. е. съ прямой отбавки, съ прямого убытка... Петръ Михайловъ не задумываясь взялся бы за дѣло, а угощать началъ бы послѣ, по окончаніи и полученіи чистыхъ барышей. Ивану же Абрамову, т. е. сѣрому русскому мужику, не отвыкшему ставить на первомъ планѣ интересъ своей семьи, надо сначала «до послѣдняго» убитъ свои ничтожныя средства на какія-то формальности, которыя легко могутъ быть соблюдены и послѣ. Немного, чуть-чуть, я сердился на Ивана Абрамова: тутъ надо ковать желѣзо, пока горячо, а онъ двѣ недѣли возится съ угощеніемъ, добиваетъ все «до послѣдняго» и даже продаетъ овцу, чтобы тронуться въ путь, когда все это и безъ того было уже устроено.

Но все-таки я былъ радъ, что онъ — не обманщикъ.

Съ недѣлю съ дачи не было никакихъ извѣстій, какъ вдругъ, неожиданно, когда я случайно находился въ кабинетѣ владѣльца въ Петербургѣ (въ началѣ второй недѣли пребыванія Ивана Абрамова на новомъ мѣстѣ), вошла горничная и сказала: «изъ деревни, вотъ, мужикъ принесъ.»

На этотъ разъ письмо было отъ Ивана Абрамова. Къ неопisanному нашему удивленію, Иванъ отказывался отъ мѣста, говорилъ, что ему надо «безпремѣнно» идти домой, такъ какъ у него сгорѣлъ сарай, развалился овинъ и такъ какъ... Далѣе онъ такъ нагло лгалъ, выставлялъ такія невѣроятныя причины къ своему удаленію, что мы ужъ болѣе не могли сомнѣваться въ способности Ивана къ надуванію: онъ сломалъ ногу, вывихнулъ

богъ, ему ударило «сверху» по головѣ балкой и слово — Богъ знаетъ что!...

— Вотъ! сказалъ мой собесѣдникъ, кладя письмо на столъ. — Какъ это вамъ покажется?

Я не зналъ, что и думать.

— Позвольте-ка мнѣ письмо, сказалъ я, не зная что сказать. Я еще разъ перечиталъ это истинно наглое вранье, еще разъ не могъ понять, что такое дѣлается съ Иваномъ Абрамовымъ, и, раздумывая объ этомъ, машинально перевернулъ письмо другой страницей (оно было на четверткѣ сѣрой, писчей бумаги). Эта другая страница также оказалась исписанной и, къ удивленію, письмо было адресовано прямо ко мнѣ. «Простите моею подлой глупости, что я съ господиномъ долженъ поступать обманомъ: ничего больше нѣту, какъ безъ своихъ жить не могу; все думается.» И затѣмъ шло полное признаніе въ томъ, что вся предшествовавшая страница наврана.

Я указалъ на это моему собесѣднику — и мы оба искренно расхохотались.

— Даже надуть-то какъ слѣдуетъ не умѣть! пришло намъ въ голову.

На одной и той же бумагѣ, въ одномъ и томъ же письмѣ, этотъ хитрецъ разоблачаетъ всѣ свои тайны.

— У него бумаги не было больше-то! объяснилъ намъ мужикъ, принесшій письмо. Мужикъ былъ присланъ мѣстнымъ крестьяниномъ, жившимъ на дачѣ до прихода Ивана, и удивительныя дѣла поразсказалъ про этого сѣраго мужика. Оказывалось, что жить не въ своей семьѣ, не въ своемъ дворѣ, для Ивана Абрамова — просто невозможно. Никакія деньги не въ силахъ удержать его въ дали отъ нея. Онъ дѣлается пугливъ, какъ ребенокъ, боится темной комнаты, «за тыщу» рублей не рѣшается выйти на крыльцо ночью. Все ему — чужое, всего ему боязно, страшно, дико... Нѣтъ, подумалъ я, слушая эти рассказы, долго еще сѣрому мужику нашему не нажить «большихъ» капиталовъ!

Г. Ивановъ.

НА СМЕРТЬ НЕКРАСОВА.

Смелки поэта уста благородны...
Плачьте гонимые, плачьте голодные,
Плачьте несчастные, сирые, бѣдные!
Сердце не бьется, такъ много любившее
И беззащитной любви къ вамъ учившее!..

О, долговѣчны вы, пѣсни, поющія
Муки народныя, по сердцу бьющія! —
Пѣснь твоей, о, страданій пѣвецъ,
Будеть не скоро желанный конецъ:
Тамъ онъ, гдѣ горе людское кончается,
Тамъ онъ, гдѣ счастья заря занимается...

Путь туда длиненъ и полонъ утратъ,
Но — приведетъ онъ насъ въ сторону свѣта...
Маршемъ побѣднымъ, друзья, намъ звучать
Скорбныя пѣсни поэта...

Смелки поэта уста благородны...
Но—ты оставилъ намъ пѣсни свободныя,
Ты научилъ насъ борьбѣ...
Вѣчная память тебѣ!..

ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

II.

Трофеи.

Всякая сила, какого бы рода она ни была, составляет сама по себѣ источникъ самоудовлетворенія, и то, что доказываетъ обладаніе ею, высоко цѣнится, такъ какъ приводитъ за собою одобреніе. Любитель охоты, рыболовства, скачекъ и т. п., рассказывающій при всякомъ удобномъ случаѣ о своихъ успѣхахъ, тщательно сохраняетъ, по мѣрѣ возможности, видимые знаки этихъ успѣховъ, результаты своихъ подвиговъ. Если онъ рыболовъ—зарубины на краяхъ его палки указываютъ число и величину пойманныхъ имъ лососей; иногда же у него въ стеклянномъ сосудѣ хранится большая форель, которую ему удалось когда-то изловить въ Темзѣ. Если онъ ходитъ за оленями—въ его залѣ или столовой висятъ головы убитыхъ имъ оленей; ихъ цѣна значительно увеличивается въ его глазахъ, если на рогахъ оказывается много «развѣтвленій». Если же онъ—извѣстный охотникъ на тигровъ, тѣмъ болѣе станетъ онъ дорожить шкурами ихъ, какъ доказательствами своей доблести и мужества.

Трофей такого рода, даже въ нашей средѣ, даютъ ихъ обладателю возможность оказывать нѣкоторое вліяніе на окружающихъ. Путешественникъ, привозящій съ собою изъ Африки пару слоновыхъ клыковъ или громадный рогъ носорога, производитъ на лицъ, входящихъ съ нимъ въ сношенія, сильное впечатлѣніе, какъ человѣкъ рѣшительный и мужественный: съ нимъ считаютъ неудобнымъ шутить, а это придаетъ ему какую-то неопредѣленную правительственную силу.

*

Естественно, что въ глазахъ первобытнаго человѣка, который велъ хищническую жизнь и оцѣнивалъ людей съ точки зрѣнія ихъ охотничьей силы и способностей, животные трофеи имѣли еще большее значеніе: они-то болѣею частью и создавали почетъ и вліяніе. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ Вате число всякаго рода костей, развѣшанныхъ на стѣнахъ дома, обозначаетъ собою званіе лица. О шопонскихъ воинахъ мы читаемъ слѣдующее: «убившій сѣраго медвѣдя получаетъ право на званіе вонна»; такъ какъ убить одного изъ этихъ громадныхъ звѣрей считается важнымъ подвигомъ, «и только тотъ, кто совершить его, имѣетъ право носить высшіе знаки отличія шопоновъ—ноги и когти своей жертвы». «У санталовъ существуетъ «обычай передавать эти трофеи (звѣриныя шкуры и т. п.) отъ отца къ сыну». Если же ко всему сказанному мы прибавимъ, что жилище короля куссасовъ «тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ жилищъ, что на вершинѣ крыши развѣвается хвостъ льва или пантеры»—то врядъ ли усумнимся въ томъ, что этотъ символъ царскаго достоинства былъ вначалѣ не инымъ чѣмъ, какъ трофеемъ, выставленнымъ вождемъ, получившимъ верховную власть надъ племенемъ, благодаря своей доблести.

Но такъ какъ среди нецивилизованныхъ и полудицилизованныхъ племенъ, враги-люди болѣе опасны, нежели враги-животныя, и побѣда надъ первыми доставляетъ большее торжество, нежели побѣда надъ вторыми, то вслѣдствіе этого и доказательства такихъ побѣдъ цѣнятся обыкновенно болѣе высоко. Храбрый воинъ, вернувшійся съ поля битвы, можетъ разсчитывать на какія-либо почести только въ томъ случаѣ, когда подтвердитъ свои хвастливые разсказы какимъ-нибудь видимымъ, осязательнымъ доказательствомъ; если же онъ, въ подтвержденіе того, что убилъ врага, принесетъ съ собою какую-нибудь часть его тѣла, особенно же такую, которую трупъ обладаетъ только въ единственномъ числѣ, то мнѣніе о немъ среди племени возвышается и власть его усиливается. Сохраненіе трофеевъ, съ дѣлюю хвастнуть ими при всякомъ удобномъ случаѣ и добиться соотвѣтственнаго усиленія личнаго вліянія, обрацается, благодаря этому, въ установленный обычай. У апантѣевъ «побѣдители носятъ на себѣ мелкіе суставы, кости и зубы убитыхъ ими лицъ». У церисовъ и опатасовъ сѣверной Мексики многіе жарятъ и пожираютъ мясо своихъ плѣнниковъ, кости же сохраняютъ въ видѣ трофеевъ». У другого мексиканскаго племени, чичимековъ, существуетъ «обычай носить съ собою повсюду кость, на которой дѣлается зарубина всякій разъ, когда падетъ подъ ихъ ударомъ какой-нибудь врагъ. Такъ поступаютъ

они съ тою цѣлю, чтобы имѣть ясное представленіе о количествѣ враговъ, убитыхъ каждымъ изъ нихъ».

Выяснивши такимъ образомъ значеніе унесенія трофеевъ и ихъ социальное вліяніе, обратимся теперь къ разсмотрѣнію различныхъ группъ, на которыя распадаются эти трофеи.

Изъ различныхъ частей тѣла убитаго чаще всего отрѣзываютъ головы, вѣроятно потому, что онѣ составляютъ наиболѣе непреложное доказательство побѣды.

Нѣтъ надобности далеко ходить за примѣрами проявленія этого обычая и объясненіемъ тѣхъ мотивовъ, которыми руководились при этомъ. Ихъ легко найти въ наиболѣе обыденныхъ, наиболѣе распространенныхъ книгахъ. Въ книгѣ Судей, VII, 25, мы читаемъ слѣдующее:—«И поймали двухъ князей Мадиамскихъ: Орива и Зива, и убили Орива въ Цур-Оривѣ, а Зива въ Зекев-Зивѣ, и преслѣдовали Мадианитянъ, головы же Орива и Зива принесли къ Гедеону за Иорданъ». Обезглавленіе Голіаа Давидомъ, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовало принесеніе головы Голіаа въ Иерусалимъ, указываетъ на тотъ же обычай. Если у столь развитого племени, какъ еврейское, мы находимъ обычай приносить домой головы враговъ въ качествѣ трофеевъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ распространенъ и теперь по всему земному шару среди низшихъ расъ. Чичимеки Америки «втыкаютъ на шести головы убитыхъ и съ торжествомъ носятъ ихъ по своимъ деревнямъ въ знакъ побѣды, между тѣмъ, какъ всѣ деревенскіе жители пляшутъ вокругъ нихъ». Въ Ю. Америкѣ абионы увозятъ съ поля битвы головы враговъ, «привязывая ихъ къ сѣдламъ», а мундруки «украшаютъ свои грубыя и жалкія хижины подобными же отвратительными трофеями». Изъ малайо-полинезійскихъ народовъ, обладающихъ подобными же обычаями, можно указать на ново-зеландцевъ, которые высушиваютъ и потомъ собираютъ въ кучи головы убитыхъ враговъ. На Мадагаскарѣ, во все время царствованія королевы Ранавалоны, палки съ воткнутыми на нихъ головами выставлялись по всему берегу. Черепа непріятелей сохраняются въ видѣ трофеевъ жителями Конго и другими африканскими племенами: черепъ и бедра послѣдняго правителя Динкира все еще играютъ роль трофеевъ при дворѣ короля ашантиевъ». Изъ числа горныхъ племенъ Индіи, подобный же обычай существуетъ у кукисовъ. Моріеръ рассказываетъ, что жители Персіи, побуждаемые надеждою получить плату за доставленныя головы, «съ полнымъ хладнокровіемъ убивали военнопленныхъ съ тою цѣлю, чтобы головы, отправляемыя немедленно къ королю и складываемыя въ кучи у воротъ дворца, представили своимъ количествомъ

болѣе грандіозное зрѣлище». А что среди другихъ азіатскихъ племень снятіе головъ все еще въ обычаѣ, несмотря на то, что они находятся на сравнительно высшей ступени цивилизаціи — для доказательства этого достаточно припомнить недавніе подвиги турокъ, выкапывавшихъ тѣла убитыхъ враговъ и обезглавливавшихъ ихъ.

Этотъ фактъ вызываетъ въ умѣ представленіе о другомъ, а именно, что этотъ варварскій обычай не только возникаетъ, но и достигаетъ высшей степени развитія въ тѣхъ случаяхъ, когда военная дѣятельность проявляется съ особенною силою. Изъ примѣровъ болѣе древнихъ укажемъ на дѣянія Тимура, вывезшаго изъ Багдада девяносто тысячъ головъ. Что касается болѣе современныхъ, то самымъ замѣчательнымъ можно назвать случай, имѣвшій мѣсто въ Дагомэ. «Опочивальня дагомейскаго короля, говоритъ Бертонъ: — вымощена черепами сосѣднихъ князей и вождей, съ тою цѣлю, чтобы король могъ попирать ихъ ногами». А согласно свидѣтельству Дальзеля, король, отдавая своимъ военачальникамъ приказъ начать военныя дѣйствія, говорилъ обыкновенно, что «его домъ нуждается въ соломѣ», что «указываетъ на обычай выставлять на крышахъ карауленъ, находящихся у воротъ его дворцовъ, головы убитыхъ враговъ или головы знатныхъ плѣнниковъ».

Покончивъ съ примѣрами, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, какъ изъ обычая отрубать головы и сохранять ихъ въ видѣ трофеевъ вырабатываются средства усиленія политической власти, какъ онъ обращается мало по малу въ одинъ изъ факторовъ церемоній, которыми сопровождаются жертвоприношенія, какъ начинаетъ оказывать на общественныя сношенія контролирующее вліяніе. Что пирамиды и башни изъ головъ, воздвигнутыя Тимуромъ въ Багдадѣ и Алеппо, поражая ужасомъ покоренные имъ народы и въ тоже время возбуждая среди его сподвижниковъ страхъ передъ его мщеніемъ за неповорность, должны были повести къ болѣе прочному установленію его господства — фактъ, не подлежащій сомнѣнію, какъ не подлежитъ сомнѣнію и другой, а именно, что живя въ зданіи, вымощенномъ и украшенномъ черепами, дагомейскій король тѣмъ самымъ возбуждаетъ страхъ среди своихъ враговъ и поддерживаетъ послушаніе среди своихъ подданныхъ. У жителей сѣв. Целебеса, гдѣ до 1822 г. «человѣческіе черепа служили главнымъ украшеніемъ домовъ вождей», эти доказательства побѣды въ битвѣ, употребляемыя какъ символы власти, не могли не оказывать и сильнаго вліянія въ смыслѣ усиленія правительства.

Что головы приносили для умилостивленія умершаго и что

церемонія предложена ихъ составляла такимъ образомъ часть богослуженія, въ подтвержденіе этого мы имѣемъ много самыхъ ясныхъ доказательствъ. Только-что названное нами племя дастъ намъ одно изъ этихъ доказательствъ. «По смерти вождя, могла его должна быть украшена двумя только-что снятыми человѣческими головами, а если нельзя достать головъ враговъ, то ради этого случая убиваютъ рабовъ». То же находимъ мы и среди дайяковъ. Хотя послѣдніе во многихъ отношеніяхъ гораздо болѣе цивилизованны, но этотъ варварскій обычай, освященный преданіемъ, удержался у нихъ и до настоящаго времени: «старый воинъ не можетъ лежать спокойно въ могилѣ, пока родственники не снимутъ въ честь его головы съ какого-нибудь врага». У куписовъ сѣверной Индіи снятіе головъ для жертвоприношеній доведено до еще болѣе обширныхъ размѣровъ. Съ цѣлью добыть головы, они совершаютъ набѣги на равнины и иногда въ одну ночь захватываютъ не менѣе пятидесяти. Эти головы необходимы для нѣкоторыхъ церемоній, которыми сопровождаются покорны ихъ вождей, и каждый разъ за смертью котораго-нибудь изъ ихъ раджей слѣдуютъ такого рода набѣги».

Что обладаніе такими ужасающими знаками успѣха даетъ начало нѣкоторому вліанію и значенію въ общественныхъ сношеніяхъ, доказательство тому мы находимъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ сочиненій Сент-Джона: «охота за головами среди павантанцевъ, на о-вѣ Борнео, является не столько религіознымъ обрядомъ, сколько средствомъ выказать свою храбрость и мужество. Когда два лица начинаютъ спорить другъ съ другомъ, всегда почти при этомъ можно услышать вопросъ: «А сколько головъ добылъ вашъ отецъ или вашъ дѣдъ»? Если число этихъ головъ менѣе числа головъ, принадлежащихъ спрашивавшему, то за этимъ обыкновенно слѣдуетъ отвѣтъ: «Въ такомъ случаѣ, вы не имѣете права чваниться!»

Часто оказывается неудобнымъ нести голову врага, вслѣдствіе ея тяжести; если путь для возвращенія домой длиненъ, то возникаетъ вопросъ: не достаточно ли будетъ принести домой лишь какую-нибудь часть головы врага для доказательства того, что онъ дѣйствительно убитъ? Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дикари рѣшаютъ этотъ вопросъ утвердительно и сообразно съ тѣмъ и дѣйствуютъ.

Это видоизмѣненіе обычая и его значеніе выказывается особенно ясно у апантѣевъ, гдѣ «командующій на войнѣ вождь посылаетъ въ столицу челюсти убитыхъ враговъ», и гдѣ, по словамъ Рамсейера, «3-го іюля произошло большое торжество по случаю присылки съ театра военныхъ дѣйствій девятнадцати тѣловъ

съ челюстями, въ видѣ побѣднхъ трофеевъ». То же происходило и у таянъ въ то время, когда ихъ впервые открыли: они уносили съ собою челюсти своихъ враговъ, и Кузь видѣлъ пятнадцать челюстей, прикрѣпленныхъ къ углу одного дома. Подобное же явленіе мы находимъ и у Вате, гдѣ «чѣмъ выше вождь, тѣмъ обширнѣе и выставка костей». Если къ нимъ попадается въ числѣ убитыхъ враговъ кто-либо, «когда-то дурно отзывавшійся о вождѣ, то его челюсти вѣшаютъ въ домъ вождя въ видѣ трофеевъ»; это служитъ какъ бы молчаливою угрозою противъ лицъ, осмѣливающихся унижать его. Недавно сообщенный отчетъ о другомъ папуанскомъ племени, живущемъ въ Бойгу, на берегу Новой Гвинеи, еще ярче объясняетъ намъ этотъ обычай и его социальное вліаніе. Вотъ что пишетъ м-ръ Стонъ: «По своему характеру, племя это отличается кровожадностью и воинственностью; весьма часто оно совершаетъ набѣги на *«Big Land»* и возвращается съ триумфомъ, унося съ собою головы и челюсти избитыхъ жертвъ, причѣмъ челюсти достаются убійцѣ, а голова — лицу, обезглавленному трупу. На челюсть смотреть, поэтому, какъ на самый важный трофей, и чѣмъ большимъ числомъ челюстей обладаетъ извѣстное лицо, тѣмъ большую важность и значеніе приобретаетъ онъ въ глазахъ своихъ соотавищей». Можно прибавить, что туписы Южной Америки носятъ такого же рода трофеи. Желая почтить побѣдоноснаго воина «нѣкоторыя племена натираютъ его пульсъ глазами умершаго, а ротъ убитаго вѣшаютъ на его рукавъ на подобіе браслета».

Такими же трофеями, какими служатъ у нѣкоторыхъ народовъ челюсти, у другихъ являются зубы. Подобнаго рода примѣры доставляетъ намъ Америка. Карибы «наназываютъ зубы враговъ, убитыхъ ими въ сраженіи, и носятъ ихъ на рукахъ и ногахъ». Туписы, «пожравши плѣннаго, сохраняютъ его зубы, наназываютъ ихъ и носятъ въ видѣ ожерелья». Мексиканскія женщины носятъ «ожерелья изъ зубовъ враговъ, убитыхъ ихъ мужьями въ сраженіи». Во время испанскаго вторженія, жители Центральной Америки нарисовали образъ и «во рту изображеннаго ими лица были вставлены зубы, взятые у убитыхъ ими испанцевъ». Изъ одного вышеприведеннаго отрывка мы видѣли, что и ашантии носятъ зубы въ видѣ трофеевъ.

Тѣмъ же цѣлямъ служатъ и другія части головы, которыя легко отдѣлать и носить. Когда убито много враговъ, то отрѣзанныя уши, представляя незначительную тяжесть, въ то же время даютъ удобное средство для опредѣленія количества убитыхъ; вѣроятно эту цѣль и имѣлъ Чингисъ-ханъ въ виду, когда «наполнилъ въ Польшѣ девять мѣшковъ правыми ушами уби-

тыкъ». Носы также представляють удобный способ счисления, почему и ихъ употребляютъ для трофеевъ. При Константинѣ V, «поднесеніе кому-нибудь блюда съ носами считалось большою любезностію», а въ настоящее время черногорскіе солдаты приносятъ своимъ вождямъ носы убитыхъ ими враговъ. Правда, что отрѣзываніе у турокъ носовъ, доходившее иногда до того, что на одномъ полѣ сраженія снимають до пятисотъ носовъ, дѣлается въ отмщеніе за тѣ обезглавливанія, въ которыхъ виновны были турки; но это оправданіе ни мало не измѣняетъ того факта, что «черногорскихъ вождей никакъ нельзя было убѣдить оставить обычай уплачивать солдатамъ известную сумму за принесенные ими носы».

Древніе мексиканцы, поклонявшіеся, какъ божествамъ, своимъ предкамъ-каннибаламъ и совершавшіе во время богослуженія въ честь ихъ самыя ужасающіе обряды, въ нѣкоторыхъ случаяхъ брали, въ видѣ трофеевъ, кожу побѣжденныхъ. Съ перваго попавшагося въ плѣнъ живьемъ сдирали кожу. Воинъ, захватившій его, нарядился въ эту окровавленную кожу и въ теченіи нѣсколькихъ дней служилъ богу войны... Онъ переходилъ изъ одного храма въ другой, а за нимъ, съ криками радости, слѣдовали толпою мужчины и женщины». Изъ этого примѣра ясно видно, какъ побѣдитель бралъ первоначально трофей для доказательства своего искусства и ловкости, и какъ изъ этого возникла затѣмъ религіозная церемонія: трофей выставляли для того, чтобы принести удовольствіе божествамъ, находившимъ высокое наслажденіе въ кровопролитіи. Для доказательства того, что такова дѣйствительно была цѣль обряда можно представить еще одинъ примѣръ: «Въ день праздника бога золотыхъ дѣлъ мастеровъ Тотека, одинъ изъ жрецовъ одѣвался въ кожу плѣнника и въ такомъ костюмѣ изображалъ собою бога Тотека». У Небеля (Л. 3, фиг. 1) мы находимъ базальтовое изображеніе жреца (или идола), одѣтаго въ человѣческую кожу. Новое доказательство того же можно найти въ слѣдующемъ обычѣ сосѣдняго государства, Юкатана: «тѣла бросали на землю, подъ ноги, затѣмъ съ нихъ сдирали кожу, жрецы нарядились въ нее и плясали, а тѣла сжигали на дворѣ храма. Для такихъ обрядовъ они употребляли военноплѣнниковъ, иногда же осуждали на это нѣкоторыхъ изъ своихъ же соплеменниковъ».

Впрочемъ, обыкновенно въ видѣ трофея берутъ не всю кожу, а лишь относительно небольшую часть ея: требуется только, чтобы эта часть тѣла была въ единственномъ числѣ, чтобы не было дубликата ея. Какъ возникъ подобнаго рода образъ дѣйствій, ясно видно изъ слѣдующаго описанія одного обычая, су-

ществуящаго среди абиноновъ: «Они сохраняютъ головы своихъ враговъ, но когда боязнь приближающихся опасностей заставляетъ ихъ передвигаться съ одного мѣста на другое, они снимаютъ съ головы кожу, дѣлая прорѣзъ отъ одного уха къ другому, и затѣмъ осторожно снимая ее вмѣстѣ съ волосами. У кого больше такихъ кожъ, тотъ и пользуется наибольшою воинскою славою».

Очевидно, что для доказательства того, что во власти извѣстнаго лица находилась голова другого, нѣтъ надобности имѣть въ рукахъ всю кожу; достаточно имѣть кожу, покрывающую верхушку головы и отличающуюся отъ другихъ частей тѣмъ, что на ней растутъ волосы: отсюда происхождение скальпирования. Рассказы изъ жизни индѣйцевъ достаточно познакомили насъ съ этимъ обычаемъ; поэтому нѣтъ нужды останавливаться на объясненіи того, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, послѣ побѣды, «скальпы прикрѣпляются къ шестамъ», и какъ затѣмъ начинается пляска вокругъ, такъ какъ ихъ считаютъ самыми цѣнными трофеями и выставляютъ напоказъ во время празднествъ. Слѣдуетъ лишь упомянуть объ одномъ фактѣ, имѣющемъ мѣсто у шононовъ, потому что онъ ясно показываетъ намъ, что эти трофеи употребляются ими, какъ очевидное доказательство одержанной побѣды: они составляютъ нѣчто въ родѣ единственнаго легальнаго доказательства. Вотъ что говорится объ этомъ:

«Унесеніе скальпа съ поля битвы—честь, совершенно независимая отъ самаго акта побѣды надъ врагомъ. Убить противника—дѣло, имѣющее значеніе только въ томъ случаѣ, если скальпъ его принесенъ съ поля битвы; если же одинъ воинъ избилъ известное количество враговъ, а другіе оскальпировали ихъ или раньше другихъ коснулись тѣлъ мертвецовъ, на ихъ долю достанутся и всѣ почести, такъ какъ они овладѣли трофеями».

Хотя мы всегда связываемъ понятіе о скальпированіи съ сѣвероамериканскими индѣйцами, но этотъ обычай не ограничивается ими одними. По словамъ Геродота, скиен скальпировали своихъ побѣжденныхъ враговъ; и въ настоящее время на горахъ индѣйскихъ горъ скальпируютъ головы и сохраняютъ скальпы.

Обычай сохранять, какъ трофей, одни только волосы, менѣе распространенъ, вѣроятно, потому, что волосы не представляютъ очевиднаго доказательства побѣды: одна голова можетъ снабдить достаточнымъ количествомъ волосъ для двухъ трофеевъ. Тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ случаи, когда волосы врага служатъ средствомъ для доказательства успѣха на войнѣ. Говоря о Нага, Грэнджъ пишетъ, что его шить «былъ покрытъ

волосами убитых ими врагов». Катлинъ рассказываетъ, что туника одного манданскаго вождя была обшита бахромою изъ локоновъ волосъ, снятыхъ имъ собственноручно съ головъ его враговъ». А на нѣкоторыхъ празднествахъ кочимисовъ ихъ народѣ носятъ длинные платья изъ волосъ, украшенныхъ человѣческими волосами».

Другія части тѣла, наиболѣе удобныя для переноски—руки и ноги. Мексиканскія племена, черисы и опатасы, «скальпируютъ убитыхъ или отрѣзываютъ у нихъ по одной рукѣ, а затѣмъ пляшутъ вокругъ трофеевъ на самомъ полѣ сраженія». У калифорнскихъ индѣйцевъ, у которыхъ также распространенъ былъ обычай скальпировать, «господствовалъ въ то время еще болѣе варварскій обычай—отрѣзывать у павшаго врага руки, ноги или голову, въ качествѣ побѣдныхъ трофеевъ. Кромѣ того, они вырывали и тщательно сохраняли глаза своихъ жертвъ». Хотя у насъ нѣтъ на то прямыхъ указаній, тѣмъ не менѣе мы можемъ смѣло заключить, что для трофеевъ употреблялась непременно одна изъ рукъ или ногъ, либо правая, либо лѣвая, потому что, за отсутствіемъ такихъ различій, можно было съ двумя руками врага изъяснить притязаніе на побѣду надъ двумя врагами. Руки служили трофеями и у нѣкоторыхъ народовъ древняго міра. Надпись на одной изъ могилъ въ Ель-Кабѣ, въ Верхнемъ Египтѣ, гласитъ, что Аамесъ, сынъ Абуна, главы лочмановъ, «добывши руку въ сраженіи, получилъ отъ короля похвалу и золотое ожерелье, въ награду за храбрость»; а одинъ стѣнной рисунокъ въ храмѣ Мединета-Абу въ Оивахъ изображаетъ поднесеніе царю цѣлой кучи рукъ.

Этотъ послѣдній примѣръ приводитъ насъ въ другому виду трофеевъ. Рядомъ съ кучею рукъ, лежащею передъ царемъ, изображена куча дѣтородныхъ органовъ. Изображеніе сопровождается надписью, рассказывающей о побѣдѣ Менепты I надъ ливанцами; въ ней говорится, что «у союзниковъ ливанцевъ отрѣзывали руки и везли ихъ на ослахъ вслѣдъ за возвращающейся арміею»; въ тоже время въ ней упоминается и о томъ, что у самихъ ливанцевъ отрѣзывали для трофеевъ вышеназванные нами органы. Отсюда мы естественнымъ образомъ переходимъ къ трофеямъ сходнаго вида, употребленіе которыхъ было когда-то очень распространено, да и теперь въ ходу въ странахъ, сосѣднихъ съ Египтомъ. Привожу отрывокъ изъ сочиненія Брюса, гдѣ онъ рассказываетъ объ одномъ обычаѣ, господствующемъ среди абиссинцевъ; важность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній оправдываетъ до нѣкоторой степени обширность дѣлаемой мною выписки.

«Въ концѣ дня сраженія каждый изъ вождей обязанъ устыться

у дверей своей палатки, и каждый изъ его сподвижниковъ, убившій хоть одного врага, предстать передъ нимъ въ полномъ боевомъ вооруженіи съ окровавленною крайнею плотью убитаго имъ врага въ рукахъ... Если онъ убилъ болѣе одного человѣка, то онъ возвращается столько разъ, сколько убито имъ враговъ... Послѣ окончанія этой церемоніи, каждый воинъ беретъ принадлежащій ему кровавый трофей и удаляется къ себѣ, чтобы приготовить его такимъ же образомъ, какимъ индѣйцы готовятъ свои скальпы... Вся армія... въ день смотра, бросаетъ эти трофеи къ ногамъ короля и оставляетъ ихъ у воротъ его дворца».

Изъ этого отрывка можно замѣтить, какъ трофей, который въ началѣ служилъ средствомъ для доказательства побѣды, одержанной воинами, каждымъ въ отдѣльности, обращается въ даръ, подносимый правителю, а впоследствии—въ способъ опредѣленія числа убитыхъ — факты, доказанные новѣйшимъ французскимъ путешественникомъ д'Эрикуромъ. Что такое же употребленіе дѣлали изъ трофеевъ и евреи, видно изъ слѣдующаго отрывка, гдѣ рассказывается о томъ, какъ Саулъ пытался обмануть Давида въ то время, когда предлагалъ ему Михель въ жены: — «И сказалъ Саулъ: Идите и скажите Давиду: царь не нуждается въ богатомъ вѣнѣ отъ зятя, а требуетъ только сотню крайнихъ плотей филистимлянъ, снятыхъ въ отмщеніе съ враговъ его»; а Давидъ «убилъ у филистимлянъ двѣ тысячи и взялъ ихъ крайнія плоти и принесъ ихъ царю и рассказалъ о своемъ подвигѣ».

Но рядомъ съ непосредственнымъ мотивомъ, легшимъ въ основаніе обычая брать трофеи, существовалъ еще, другой мотивъ, побочный, по всему вѣроятію въ значительной степени содѣйствовавшій развитію обычая. Цѣлый рядъ фактовъ доказываетъ намъ, что дикарь, неспособный анализировать окружающее его, думаетъ, что качества одного предмета присущи въ равной степени всѣмъ частямъ его, и это свое понятіе объ окружающихъ его предметахъ переноситъ и на человѣка. Отсюда—возникновеніе обычая пожирать части тѣла умершихъ родныхъ и глотать ихъ кости, растворенныя въ водѣ, съ цѣлью унаслѣдовать ихъ добродѣтели; ѣсть сердце убитаго храбреца, чтобы приобрести его мужество, или его глаза, чтобы лучше видѣть вдаль; избѣгать мяса нѣкоторыхъ трусливыхъ животныхъ изъ боязни заразиться ихъ трусостью. Тоже вѣрованіе о равномерномъ распредѣленіи духа по всѣмъ частямъ человѣческаго тѣла порождаетъ и слѣдующій выводъ: если мы владѣемъ извѣстною частью тѣла какого-нибудь лица, то тѣмъ самымъ вступаемъ во владѣніе и извѣстною частью его духа—слѣдовательно, получаемъ власть надъ его духомъ; отсюда соотвѣтственное понятіе: если мы при-

носимъ вредъ извѣстной части тѣла трупа, то этотъ вредъ ощущается соотвѣтственно частью духа; слѣдовательно, можно мучить духъ, дурно обращаясь съ останками мертвеца. Въ этомъ причина зарожденія колдовства на всемъ земномъ шарѣ и столь сильное распространеніе. среди первобытныхъ лекарей, побрякушекъ изъ костей умершихъ; также употребленіе порошка изъ костей, пользующагося такимъ значеніемъ у перуанскихъ чародѣевъ; наконецъ употребленіе, судя по преданію, и нашими колдунами частей тѣла трупа для составленія разныхъ чаръ.

И такъ, кромѣ доказательства побѣды надъ врагомъ, трофей служатъ также средствомъ подчинить духъ убитаго врага. А что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обладаніе духомъ предполагаетъ и возможность обращенія врага въ раба, это доказываютъ весьма вѣскіе факты. Повсюду находимъ мы вѣрованіе, что двойники животныхъ и людей, убитыхъ на могилѣ умершаго, сопровождаютъ двойника этого умершаго и служатъ ему въ загробной жизни. Вѣрованіе это ведетъ въ одномъ мѣстѣ къ преданію смерти женъ, чтобы онѣ могли управлять будущимъ хозяйствомъ покойнаго; въ другомъ — къ принесенію въ жертву лошадей, чтобы покойный могъ на нихъ совершить свое загробное путешествіе; въ третьемъ — къ закалыванію собакъ, которыя должны служить проводниками мертвецу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ то же вѣрованіе порождаетъ другое, родственное ему, а именно: если мы положимъ на могилу умершаго какую либо часть тѣла животныхъ и людей, то тѣмъ самымъ сообщимъ покойнику власть надъ нимъ. Отсюда украшеніе могилъ во многихъ мѣстностяхъ костями скота и т. д., обычай власти на могилы головы неприятелей и рабовъ или ихъ скальпы. Говоря объ осадахъ, Тэйлоръ рассказываетъ, со словъ Мак-Ку и Вайца, что «они втыкаютъ иногда шесть» въ грудь каменьева, воздвигнутую надъ могилою усопшаго, а на верхушкѣ его вѣшаютъ скальпъ врага. Они дѣлаютъ это потому, что думаютъ такимъ дѣйствіемъ — вѣшаніемъ скальпа надъ могилою усопшаго друга — подчинить въ загробномъ мірѣ духъ жертвы духу умершаго друга». У ойибасовъ господствуетъ тотъ же обычай, обязанный своимъ происхожденіемъ той же причинѣ.

Не слѣдуетъ при этомъ оставлять безъ вниманія и другіе виды снятія и унесенія трофеевъ — виды, сходные съ вышеописанными и имѣвшіе также свою долю участія въ правительственномъ строѣ. Я говорю о выставкѣ частей тѣла преступниковъ.

Люди съ болѣе развитымъ умомъ, мы рѣзко различаемъ вра-

га отъ преступника и отъ раба. Но не таково было возрѣніе первобытныхъ людей: всѣ эти три понятія у нихъ смѣшивались. Совершенно почти лишенный тѣхъ чувствъ и идей, которыя мы называемъ нравственными, привыкшій удерживать силою все то, что онъ считалъ своимъ, своей собственностью, отымающій у болѣе слабаго жену и всякую другую вещь, пригланувшуюся ему, убивающій безъ колебанія своихъ дѣтей, если они являютъся ему обузою, или свою жену, если она оскорбитъ его, избивающій иногда даже своихъ собственныхъ соплеменниковъ и потому тѣснѣе славащійся этимъ — дикарь лишенъ всякаго опредѣленнаго, отвлеченнаго понятія о томъ, что право и неправо, что добро и что зло. Непосредственныя ощущенія удовольствія и страданія — таковы тѣ единственныя начала, по которымъ онъ различаетъ поступки и вещи, называя ихъ хорошими или дурными. Отсюда происходитъ взаимная вражда, а тѣ оскорбленія, которыя онъ испытываетъ, возбуждаютъ въ немъ одинаково-враждебныя чувства, принадлежитъ ли нападающая сторона къ числу его соплеменниковъ, или нѣтъ: онъ вовсе не различаетъ врага отъ преступника. Это смѣшеніе понятій, кажущееся намъ столь страннымъ съ перваго взгляда, сдѣлается гораздо болѣе яснымъ, если мы вспомнимъ, что на раннихъ ступеняхъ цивилизаціи семейныя группы, составляющія единицы національныхъ группъ, были въ значительной степени независимыми общинами и стояли другъ къ другу въ отношеніяхъ, весьма сходныхъ съ тѣми, которыя устанавливаются между двумя какими-либо національностями; что въ ихъ средѣ происходили небольшія кровавыя схватки — результаты кровавой мести, совершенно такъ же, какъ происходятъ крупныя схватки между націями; что каждая семейная группа отвѣчала передъ другой семейной группой за дѣйствія своихъ членовъ, такъ же точно, какъ одна нація отвѣчаетъ передъ другой за дѣйствія своихъ гражданъ; что невинные члены провинившейся семьи подвергались мщенію такъ же точно, какъ невинные граждане провинившейся націи, и что положеніе, занимаемое между семейнымъ зачинщикомъ ссоры (соотвѣтствующимъ современному преступнику), вполне подходило къ положенію междунаціональнаго зачинщика борьбы. Отсюда, естественно, происходило то, что съ нимъ поступали совершенно одинаковымъ образомъ. Мы уже видѣли, какъ въ средніе вѣка головы враговъ семьи (убійцъ ея членовъ или похитителей ея собственности) выставляли, какъ трофеи. Далѣе изъ законовъ, саллическихъ мы узнаемъ, что «подлѣ каждаго жилища находилась висѣлица, подобно тому, какъ находились онѣ и около общественныхъ судовъ». Замѣтивъ, что головы враговъ, убитыхъ на войнѣ,

привнеслись домой и выставлялись напоказ; узнавъ да́же изъ Легуеру, который ссылается на Страбона, что иногда эти головы прибывали къ главной двери дома рядомъ съ головами гражданскихъ враговъ, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что съ обычаемъ брать трофеи съ общественнаго и съ частнаго врага, было тѣсно связано отождествленіе ихъ обоимъ. Подобную же связь можно прослѣдить и въ обычаяхъ евреевъ. Иуда требуетъ не только головы Никанора, но и его руки; и то, и другое онъ приносить съ собою въ Иерусалимъ, какъ трофеи. А то была та самая рука, которую Никаноръ протянулъ, произнося богохульные рѣчи. Подобное обращеніе съ преступникомъ чужеземцемъ воплѣтъ однородно съ тѣмъ, какъ Давидъ обращался съ преступниками родственнаго племени: онъ не только повѣсилъ трупы лицъ, убившихъ Исбасета, но и «отрѣзалъ имъ руки и ноги».

Изъ сказаннаго можно съ полнымъ основаніемъ заключить, что выставка казенныхъ преступниковъ на висѣлицахъ или выставка ихъ головъ на шестахъ получила начало изъ трофеевъ, которые брали съ убитыхъ враговъ. Хотя, обыкновенно, вывѣшивали лишь часть тѣла убитаго врага, однако, иногда выставляли и все тѣло: такъ, напримѣръ, филистимляне повѣсили обезглавленный трупъ Саула на стѣнахъ Вноама. Если же тѣло казенныхъ преступниковъ выставляютъ болѣею частью въ цѣлости, то это потому, что его не приходится приносить издалека, какъ-то дѣлается обыкновенно съ тѣломъ убитаго врага.

Хотя между взятіемъ и унесеніемъ трофеевъ и обрядовымъ правительствомъ нѣтъ прямой и тѣсной связи, тѣмъ не менѣе, изъ ряда предшествовавшихъ фактовъ можно вывести существованіе нѣкотораго рода непрямого соотношенія между ними, соотношенія, дѣлающаго необходимымъ тщательное изученіе этого обычая. Онъ входитъ въ видѣ фактора въ каждую изъ трехъ формъ контроля—соціальную, политическую и религиозную.

Если мы вспомнимъ, что въ первобытныхъ обществахъ къ лицамъ относились съ большимъ или меньшимъ уваженіемъ, сообразно съ ихъ ловкостью; что эта ловкость опредѣлялась въ одномъ мѣстѣ числомъ головъ, которыя они могли выставить, въ другомъ—числомъ челюстей, въ третьемъ—числомъ скальновъ и т. д., что подобные трофеи накоплялись каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ, а гордость и тщеславіе семьи соразмѣрялись съ количествомъ трофеевъ, взятыхъ предками; что, какъ-то было у галловъ во время Посидонія, «головаи наиболѣе выдающихся лицъ изъ числа убитыхъ враговъ тщательно укладывали въ ящики, послѣ ихъ набальзамированія кедровымъ масломъ, а затѣмъ съ гордостью показывали чужеземнымъ посѣтителямъ; что

ни они, ни ихъ предки не соглашались продать свои трофеи ни за какія суммы денегъ, то намъ станетъ понятнымъ, почему трофеи порождаютъ нѣкоторымъ образомъ распадѣніе на классы и различія между ними. А зная, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ положеніе и рангъ извѣстнаго лица измѣняются сообразно съ количествомъ костей, вѣшанныхъ на жилищѣ, мы не будемъ въ состояніи отрицать того факта, что подобная выставка доказательствъ личнаго превосходства даетъ начало регулирующему вліянію, сказывающемуся въ социальныхъ отношеніяхъ.

По мѣрѣ развитія политическаго контроля, трофеи становятся во многихъ случаяхъ орудіями для поддержанія власти и авторитета. Кромѣ того чисто естественнаго страха, который внушаетъ къ себѣ вождь, обладающій многочисленными трофеями — этимъ живымъ доказательствомъ его разрушительной силы — еще болѣе страхъ возбуждается при видѣ вождя, достигшаго королевскаго званія, властвующаго надъ подчиненными ему вождями и племенами и нагромождающаго вокругъ себя цѣпля массы трофеевъ, которые его вѣрные воины берутъ въ честь его. Страхъ передъ нимъ переходитъ въ ужасъ, когда онъ выставляетъ въ большомъ количествѣ останки убитыхъ правителей. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ болѣе развитія этого обычая, поднесеніе такого рода побѣдоносно взятыхъ трофеевъ переходитъ въ политическую церемонію. Тѣ зучи руки, которыя складывали передъ древнимъ египетскимъ царемъ, служили для умилостивленія, какъ тому же служатъ теперь массы челюстей, которыя вожди ашантиевъ посылаютъ своему королю. Читая о томъ, что «жестокость солдатъ Тимура такъ сказать узаконилась даннымъ имъ приказомъ доставлять извѣстное количество головъ», мы выводимъ прямое заключеніе, что поднесеніе трофеевъ переходитъ въ форму, выражающую покорность. Но этимъ не ограничивается еще оказываемое имъ вліяніе чисто политическаго характера. Существуетъ и нѣкоторый производный видъ правительственнаго ограниченія, создаваемый выставленіемъ головъ и тѣлъ преступниковъ.

Хотя предложеніе частей тѣла убитаго врага и не входитъ въ общепринятое понятіе о религіозной церемоніи, но оно, очевидно, дѣлается ея составною частью въ то время, когда требуется умилостивить обоготвореннаго духа предка. Переходъ этотъ легко показать на такомъ фактѣ, какъ, на примѣръ, битва между двумя племенами хондовъ: первый «убившій непріятеля отрубывалъ его правую руку и съ нею бѣжалъ въ тылъ войска къ жрецу, который принималъ ее и относилъ, въ видѣ дара, на мо-

гилу Лага-Пенну», бога войны. Присоедините къ этому факту рядъ другихъ, какъ, наприимѣръ, что у таятанъ богу Оро приносили человѣческія жертвы, а изъ останковъ ихъ [строили стѣны, «состоящія исключительно изъ человѣческихъ череповъ», преимущественно же, если и не вполне, изъ тѣхъ, которые принадлежали врагамъ, убитымъ на полѣ сраженія, и вы увидите, что богамъ воздавали поклоненіе, поднося имъ и нагромождая вокругъ ихъ алтарей части тѣлъ враговъ, падавшихъ весьма часто подъ ударами своихъ побѣдителей только ради исполненія предполагаемаго божественнаго повелѣнія. Что заключеніе наше вѣрно доказывается тѣмъ, что для той же цѣли служить и другіе виды насильственно взятыхъ трофеевъ. Такъ, филистимляне, не довольствуясь выставкою останковъ Саула, положили «его вооруженіе въ жилищѣ Астарота». У грековъ трофеи изъ оружія, щитовъ и шлемовъ побѣжденных посвящались какому-либо божеству; а римляне складывали подобнаго рода трофеи въ храмъ Юпитера Капитолійскаго. Такимъ же образомъ и жители о-въ Фиджи, стараясь всѣми способами умилостивить свои кровожадныя божества, вѣшаютъ всегда добытыя знамена въ *mbure*, т. е. храмѣ. Къ этимъ фактамъ можно бы было присоединить и слѣдующіе, что сотни позолоченныхъ шпоръ, снятыхъ фламандскими рыцарями съ французскихъ послѣ побѣды при Куртрэ, были сложены въ мѣстной церкви, что во Франціи знамена, взятая у непріятеля, вѣшались подѣ церковными сводами (обычай, не безвѣстный и протестантской Англіи), еслибы это не наводило на мысль о томъ, что христіане думаютъ принести удовольствіе «богу милосердія» дѣйствіями, которыя употребляются для умилостивленія дьявольскихъ боговъ людодовъ—предположеніе, очевидно, невозможное.

Намъ остается упомянуть объ одной истинѣ, столь очевидной, что о ней, повидимому, не стоитъ и говорить, но важной по тѣмъ выводамъ, которые даетъ она: унесеніе трофеевъ связано непосредственно съ военнымъ состояніемъ. Обычай этотъ возникаетъ въ первобытной жизни, складывающейся всецѣло изъ враждебныхъ дѣйствій относительно людей и животныхъ; онъ развивается вмѣстѣ съ развитіемъ обществъ, покоряющихъ себѣ остальные общества, въ которыхъ постоянныя войны вырабатываютъ особый типъ воинственнаго строя; они падаютъ по мѣрѣ того, какъ развитіе индустріальной жизни замѣняетъ дѣйствія, направленные къ разрушенію; и, наконецъ, можно безошибочно предсказать, что, когда индустріальная жизнь достигаетъ своего апогея, обычай этотъ окончательно рушится и исчезаетъ.

Необходимо теперь указать на главное значеніе обычая уносить трофей. Причина, почему мы рассматривали его въ сочиненіи, озаглавленномъ «Обрядовое правительство», между тѣмъ, какъ онъ самъ по себѣ врядъ ли можетъ быть включенъ въ понятіе объ обрядѣ, заключается въ томъ, что онъ даетъ намъ ключъ для пониманія цѣлаго обширнаго класса церемоній или обрядовъ, господствующихъ на всемъ земномъ шарѣ, какъ среди нецивилизованныхъ, такъ и среди цивилизованныхъ народовъ. Изъ обычая отрѣзывать и уносить части тѣла умершаго возникъ въ послѣдствіи обычай отрѣзывать части тѣла и живыхъ людей.

Гербертъ Спенсеръ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ¹.

СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

Эта книга болѣе, чѣмъ современна. Она необходима, и я издаю ее.

В. Г.

I.

Безпечность.

1-го декабря 1851 г., Шаррасъ пожалъ плечами и разрядилъ свои пистолеты. И дѣйствительно, вѣрять въ возможность госу-

¹ *Примѣчаніе автора.* Эта книга была написана 26 лѣтъ тому назадъ въ Брюсселѣ, въ первые мѣсяцы изгнанія. Она была начата 14-го декабря 1851 г., на другой день послѣ прибытія автора въ Брюссель, и кончена 5-го мая 1852 г., какъ будто судьба хотѣла, въ годовщину смерти перваго Бонапарта, скрѣпить осужденіемъ жизнь и дѣйствія втораго. Точно также, по волѣ судьбы, изданіе этой исторіи, вслѣдствіе разныхъ трудовъ, заботъ и утратъ, замедлилось до 1877 г. Не слѣдуетъ ли видѣть какой-то таинственной преднамѣренности въ томъ обстоятельствѣ, что судьба заставила совпасть рассказъ о прошедшихъ событіяхъ съ событіями настоящаго времени? Мы надѣемся, что нѣтъ.

Какъ мы сейчасъ сказали, рассказъ о насильственномъ переворотѣ былъ написанъ рукой, еще не остывшей отъ борьбы съ нимъ. Изгнанникъ немедленно сдѣлался историкомъ. Онъ унесъ преступленіе въ своей негодующей памяти и желалъ, чтобъ ни одна подробность его не пропала.

Рукопись 1851 г. не подверглась почти никакимъ измѣненіямъ. Она осталась, какою была: изобилующей деталями правдивой, вѣрной дѣйствительности.

Авторъ становится здѣсь слѣдственнымъ судьей. Его соотаварищи по борьбѣ и изгнанію даютъ здѣсь свои показанія. Къ ихъ свидѣтельству онъ присоединяетъ и свое. Затѣмъ, пусть судить исторія.

Если Богъ поможетъ, изданіе книги будетъ скоро окончено. Продолженіе и конецъ ея повлется 2-го декабря—число самое придичное.

*

дарственного переворота становилось унижительнымъ. Гипотеза о противозаконномъ насиліи со стороны Луи Бонапарта, при строгомъ обсужденіи дѣла, оказывалась несостоятельной. Важнѣйшимъ вопросомъ минуты, очевидно, являлось избраніе Девинка. Ясно было, что правительство заботится только объ этомъ. Что же касается до посягательства на республику и права народа, то развѣ кто-нибудь могъ питать подобные замыслы? Гдѣ былъ человѣкъ, способный осуществить эту мечту? Для трагедіи нуженъ актёръ, а здѣсь именно недоставало актёра. Какъ! нарушить право, разогнать собраніе, уничтожить конституцію, задуть республику, попрасть націю, загрязнить знамя, обезчестить армию, развратить духовенство и судъ, добиться успѣха, восторжествовать, изгонять, ссылатъ, разорать, убивать, царствовать, такъ что законъ, наконецъ, сдѣлался подобіемъ ложа публичной женщины—и всё эти ужасы могли быть совершенны? Кѣмъ же? колоссомъ? Нѣтъ, карликомъ. Это вызывало смѣхъ. Никто уже не говорилъ: какое преступленіе! а говорили: какой фарсъ! Разсуждали такъ: злодѣянія требуютъ извѣстнаго роста. Есть преступленія, которыя для иныхъ рукъ черезъ чуръ высоки. Для того, чтобы сдѣлать 18-е брюмера, нужно имѣть въ прошедшемъ Арколя и въ будущемъ Аустерлицъ. Первому встрѣчному не дано быть великимъ бандитомъ. Всѣ спрашивали себя, что такое этотъ сынъ Гортензіи? Онъ имѣетъ Страсбургъ вмѣсто Арколя, и Булонь вмѣсто Аустерлица. Это французъ, родившійся голландцемъ, и натурализовавшійся въ Швейцаріи. Это помѣсь Бонапарта съ Веррюлемъ; онъ знаменитъ только наивностью, съ которой принималъ позы императора, и тотъ, кто выдернулъ бы перо изъ его орла, увидѣлъ бы, что оно гусиное. Это изображеніе Бонапарта не имѣетъ хода въ арміи, это поддѣлка, въ которой не столько золота, сколько свинцу, и французскіе солдаты, конечно, не сдадутъ намъ съ этой фальшивой монеты мятежами, убійствами, насиліями, измѣной. Если онъ попытается выкинуть какую-нибудь мошенническую штуку—то, конечно, потерпитъ крушеніе. Ни одинъ полкъ не двинется. Да, впрочемъ, зачѣмъ ему и пытаться? Несомнѣнно, у него есть стороны подозрительныя, но зачѣмъ же предполагать въ немъ совершеннаго негодяя? До такого крайняго посягательства ему не дорости. Онъ неспособенъ на него материально, зачѣмъ же считать его нравственно способнымъ? Развѣ онъ не связанъ честнымъ словомъ? Не сказалъ ли онъ: «Никто въ Европѣ не сомнѣвается въ моемъ словѣ». Опасаться нѣчего. Конечно, на все это можно было возразить: «преступленія совершаются и гравіозно, и мелко; въ первомъ случаѣ престун-

никъ называется Цезаремъ, во второмъ—Мандриномъ. Цезарь переходитъ Рубиконъ, Мандринъ перескакиваетъ помойную яму». Но тутъ вѣшивались разсудительные люди. «Воздержимся, говорили они, отъ оскорбительныхъ предположеній. Этотъ человекъ былъ въ изгнаніи, былъ несчастливъ. Изгнаніе поучаетъ, несчастіе исправляетъ».

Луи Бонапартъ, съ своей стороны, протестовалъ энергически. Фактовъ, свидѣтельствовавшихъ въ его пользу, было множество. Почему же думать, что онъ непременно обманываетъ? Онъ далъ замѣчательныя обязательства. Въ октябрѣ 1848 г., будучи кандидатомъ въ президентъ республики, онъ посѣтилъ одно лицо, жившее въ улицѣ La Toule d'Auvergne, № 37, которому сказалъ: «Я пришелъ объяснитьсь съ вами. На меня клеветаютъ. Неужели я кажусь вамъ безумцемъ? Предполагаютъ, что я хочу повторить Наполеона? Есть два человека, которыхъ большое честолюбіе можетъ взять себѣ за образецъ: Наполеонъ и Вашингтонъ. Одинъ гениальный человекъ, другой—добродѣтельный. Нелѣпо сказать себѣ: я буду гениальнымъ человекомъ, но честно сказать себѣ: я буду добродѣтельнымъ человекомъ. Что зависитъ отъ насъ? Что въ нашей волѣ? Быть гениемъ? Нѣтъ. Быть честнымъ—да. Гениальность не можетъ быть цѣлью, а честность можетъ. И чѣмъ я могу повторить Наполеона? только однимъ: преступленіемъ. Хорошо честолюбіе! Зачѣмъ считать меня сумасшедшимъ? Разъ республика дана, я—не великій человекъ и не стану копировать Наполеона, но я—честный человекъ и буду подражать Вашингтону. Мое имя, имя Бонапартовъ, встрѣтится на двухъ страницахъ французской исторіи. На первой будетъ преступленіе и слава; на второй—честность и прямотушіе. И вторая, можетъ быть, будетъ стоять первой. Почему? Потому что, если Наполеонъ выше, то Вашингтонъ лучше. Между преступнымъ тероемъ и честнымъ гражданиномъ я выбираю честнаго гражданина. Вотъ мое честолюбіе».

Съ 1848 до 1851 протекло три года; Луи Бонапарта подозрѣвали долго; но продолжительное подозрѣніе сбиваетъ умъ съ толку, и само притупляется, наконецъ, вслѣдствіе своей призрачности. У Луи Бонапарта были министры двуличныя, какъ Манъ и Руэръ, но были и простодушныя, какъ Леонъ Фоше и Огилонъ-Барро; и эти послѣдніе утверждали, что онъ честенъ и искрененъ. Видѣли, какъ онъ билъ себя въ грудь передъ воротами Гама; его молочная сестра, г-жа Гортенвія Корню, писала Мѣрославскому: «Я—искренняя республиканка и отвѣчаю за него». Его гамскій другъ, Поже, честный человекъ, говорилъ: «Луи Бонапартъ неспособенъ на измѣну». Развѣ Луи Бонапартъ не написалъ книги о поу-

перизмъ? Въ вѣтвѣнныхъ кружкахъ Елисейскаго Дворца, графъ Потоцкій былъ республиканецъ, а графъ д'Орсэ—либераль. Луи Бонапартъ говорилъ Потоцкому: «я—человѣкъ демократинъ», и графу д'Орсэ: «я—человѣкъ свободы». Маркизъ дю Галлэ (Hallays) былъ противъ государственнаго переворота, а маркиза—за него. Луи Бонапартъ говорилъ маркизу: «не бойтесь ничего» (правда, что онъ говорилъ маркизу: «будьте спокойны»). Національное собраніе, выказывавшее нѣкоторые признаки опасенія, наконецъ, оправилось и успокоилось. У него былъ, подъ рукой, генераль Неймейеръ, «человѣкъ вѣрный», который изъ Ліона, гдѣ онъ находился, могъ, въ случаѣ надобности, двинуться на Парижъ. Генераль Шангарнье говорилъ: «Разсуждайте спокойно, представители народа». Самъ Луи Бонапартъ произнесъ слѣдующія знаменитыя слова: «Въ каждомъ, кто захотѣлъ бы силой измѣнить то, что установлено закономъ, я буду видѣть врага моего отечества». Притомъ сила—вѣдь это армія, а у арміи были начальники; начальники любимыя ею и водившіе ее къ побѣдамъ: Ламорисьеръ, Кавеньякъ, Шангарнье, Лефлю, Ведо, Шаррасъ. Можно ли было представить себѣ алжирскую армію, арестующую алжирскихъ генераловъ? Въ пятницу, 28 ноября 1851 г., Луи Бонапартъ связалъ Мишелю де Буржъ: «Еслибы я и хотѣлъ зла, то не могъ бы сдѣлать его. Вчера, въ четвергъ, я пригласилъ къ себѣ обѣдать пятерыхъ полковниковъ парижскаго гарнизона и мнѣ пришла фантазія разспросить каждаго изъ нихъ отдѣльно; всѣ пятеро отвѣчали, что никогда армія не согласится способствовать насильственному перевороту и не посягнуть на неприкосновенность національнаго собранія. Вы можете это передать вашимъ друзьямъ».—«И онъ улыбался, говорилъ Мишель де-Буржъ, успокоенный:—и я улыбнулся тоже». Вслѣдствіе этого, Мишель де-Буржъ и произнесъ съ трибуны: «*Это наша честность*». Въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ, по жалобѣ президента республики на клевету, одинъ редакторъ сатирическаго журнала былъ приговоренъ къ денежной пенѣ и тюремному заключенію за карикатуру, изображавшую стрѣльбу въ цѣль, гдѣ конституція служила Луи Бонапарту мишенью. Когда министръ вн. дѣлъ, Торини, объявилъ въ совѣтѣ, въ присутствіи президента, что блюститель власти не можетъ нарушить закона, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ былъ бы... «Безчестнымъ человѣкомъ» договорилъ президентъ. Всѣ эти слова, всѣ эти факты получили большую гласность. Невозможность государственнаго переворота, матеріальная и нравственная, бросалась всѣмъ въ глаза. Посягнуть на національное собраніе! Арестовать представителей! Что за безуміе! Какъ я уже сказалъ, даже Шаррасъ, долгое время державшійся на сторожѣ, отказался отъ всякихъ предосторожностей.

Увѣренность была полная и единодушная. Въ собраніи, правда, было насъ нѣсколько человекъ, у которыхъ еще не совсѣмъ исчезли сомнѣнія, и которые, отъ времени до времени, покачивали головой, но насъ считали глупцами.

II.

П А Р И Ж ъ С Н И Т Ъ . З в о н о к ъ .

2-го декабря 1851 г., Версиньи, представитель народа отъ Верхней-Сены, жившій въ улицѣ Леона, № 4, спалъ. Онъ спалъ крѣпко, проработавъ часть ночи. Версиньи былъ молодой человекъ 32-хъ лѣтъ, бѣлокурый, съ кроткимъ лицомъ; очень живоумъ и занимавшійся изученіемъ экономическихъ и социальныхъ вопросовъ. Первые часы ночи онъ провелъ надъ одной книгой Бастиа, на которой дѣлалъ отмѣтки, и потомъ, оставивъ ее на столѣ раскрытой, заснулъ. Вдругъ его разбудилъ рѣзкій звонокъ. Онъ быстро приподнялся на своей постелѣ. Только-что разсвѣло. Было около семи часовъ утра. Не догадываясь о причинѣ такого ранняго посѣщенія и думая, что кто-нибудь ошибся дверью, онъ снова легъ и готовъ былъ заснуть, какъ второй звонокъ, еще сильнѣе перваго, окончательно разбудилъ его. Онъ всталъ въ рубашкѣ и пошелъ отпереть. Вошли: Мишель де-Буржъ и Теодоръ Багъ. Мишель де-Буржъ былъ сосѣдъ Версиньи; онъ жилъ въ улицѣ Мілап, № 16. Теодоръ Багъ и Мишель были оба блѣдны и казались сильно взволнованными.

— Одѣвайтесь сейчасъ, Версиньи, сказалъ Мишель. — Бонъ арестованъ.

— Не можетъ быть, вскричалъ Версиньи. — Неужто опять возобновляется дѣло Могена?

— Нѣтъ; нѣчто почище, возразилъ Мишель. — Жена и дочь Бона приходили ко мнѣ полчаса тому назадъ. Онѣ велѣли меня разбудить. Бонъ былъ схваченъ въ своей постели, въ шесть часовъ утра.

— Что это значитъ? спросилъ Версиньи.

Раздался еще звонокъ.

— Вотъ, вѣроятно, объясненіе... сказалъ Мишель де-Буржъ. Версиньи отворилъ. Это былъ представитель Пьеръ Лефранъ. Онъ дѣйствительно принесъ разгадку.

— Знаете-ли, что происходитъ? спросилъ онъ.

— Знаемъ, отвѣчалъ Мишель. — Бонъ въ тюрьмѣ.

— Республику заключили въ тюрьму. Читали ли вы аффиши?

— Нѣтъ.

Пьеръ Лефранъ объяснилъ, что всѣ стѣны покрыты аффишами; что толпы любопытныхъ спѣшатъ прочесть ихъ; что самъ онъ прочелъ одну изъ нихъ, на углу улицы, и что переворотъ совершился.

— Переворотъ! вскричалъ Мишель.—Скажите: преступленіе.

Пьеръ Лефранъ прибавилъ, что есть три аффиши: одна декретъ и двѣ прокламаціи; всѣ три на бѣлой бумагѣ и наклеены одна подлѣ другой. Декретъ напечатанъ очень крупными буквами.

Явился бывшій членъ учредительнаго собранія, Лессакъ, жившій такъ же, какъ и Мишель де-Буржъ, по сосѣдству, Онъ принесъ тѣ же новости и сообщилъ о другихъ арестахъ, произведенныхъ въ ту же ночь. Нельзя было терять ни минуты.

Пошли предупредить Ивана (Yvan), секретаря собранія, избраннаго лѣвой и жившаго въ улицѣ Бурсо.

Нужно было собраться, предупредить и тотчасъ же извѣстить республиканскихъ представителей, остававшихся еще на свободѣ. Версиньи сказалъ.—Я пойду искать В. Гюго.

Было восемь часовъ утра. Я уже проснулся и работалъ въ постелѣ. Мой человѣкъ вошелъ и сказалъ съ испуганнымъ видомъ:

— Васъ желаютъ видѣть одинъ изъ представителей.

— Кто?

— Г. Версиньи.

— Попроси его.

Версиньи вошелъ и разсказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Я вскочилъ съ постели. Онъ сообщилъ мнѣ, что положено было сойтись у Лессака.

— Ступайте и скорѣй предупредите другихъ представителей, сказалъ я ему. Онъ ушелъ.

III.

Что произошло ночью.

До роковыхъ іюньскихъ дней 1848 г., площадь передъ Домомъ Инвалидовъ представляла восемь обширныхъ лужаекъ, обнесенныхъ деревянными столбиками и заключенныхъ между двумя группами деревьевъ. Ихъ прорѣзывала улица, упиравшаяся въ порталъ Дома Инвалидовъ, которую пересѣкали три поперечныя улицы, шедшія параллельно Сенъ. Дѣти приходили сюда

играть на лужайкахъ. Центръ этихъ восьми лужаекъ обозначенъ былъ пьедесталомъ, на которомъ, во время имперіи, красовался левъ св. Марка, вывезенный изъ Венеціи; во время реставраціи, поставили тутъ статую Людовика XVIII, а при Луи Филиппѣ—гипсовый бюстъ Лафайетта. Такъ какъ 22-го іюня 1848 г. зданіемъ національнаго собранія чуть-чуть не овладѣли инсургенты, а по близости не было никакихъ казармъ, то генераль Кавеньякъ распорядился построить, въ трехъ-стахъ шагахъ отъ законодательнаго корпуса, на самыхъ лужайкахъ Дома Инвалидовъ, нѣсколько рядовъ длинныхъ бараковъ, подъ которыми газонъ исчезъ. Въ этихъ баракахъ, гдѣ помѣщалось отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человекъ, расположены были войска, предназначенныя исключительно для охраны Національнаго Собранія.

1-го января 1851 г., казармы на Площади Инвалидовъ заняты были двумя армейскими полками: 6-мъ и 42-мъ. 6-мъ командовалъ полковникъ Гардеранъ де Буассъ, прославившійся ранѣе втораго декабря; 42-мъ—полковникъ Эспинасъ, прославившійся съ этого дня.

Обычный ночной караулъ во дворцѣ Національнаго Собранія состоялъ изъ одного батальона пѣхоты и тридцати артиллерійскихъ солдатъ, подъ начальствомъ капитана. Кромѣ того, военное министерство прислало нѣсколько вѣстовыхъ изъ кавалеристовъ. На маленькомъ четырехугольномъ дворѣ, находившемся вправо отъ главнаго и называвшемся пушечнымъ, стояли два единого рога и шесть пушекъ съ зарядными ящиками. Батальонный командиръ и самый военный комендантъ зданія состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ квесторовъ. Съ наступленіемъ ночи, заперались рѣшотки и двери, раставлялись часовые, и зданіе получало видъ крѣпости; пароль былъ тотъ же, что и для всѣхъ парижскихъ постовъ.

Спеціальными приказами, отдаваемыми квесторами, воспрещалось впускать какую бы то ни было вооруженную силу, за исключеніемъ караула.

Въ ночь съ 1-го на 2-е декабря, зданіе Законодательнаго Корпуса охранялось батальономъ 42-го полка.

Засѣданіе 1-го декабря, весьма мирное, посвященное обсужденію муниципальнаго закона, окончилось поздно баллотировкой, производившейся на трибунѣ. Въ ту минуту, какъ квесторъ собранія, Базъ, входилъ на трибуну, чтобы подать свой голосъ, одинъ изъ представителей, принадлежавшій къ такъ называемымъ «елісейскимъ скамьямъ», подошелъ къ нему и шепнулъ на-ухо: «сегодня ночью васъ увезутъ». Каждый день получались подобныя предостереженія, а потому, какъ мы объясни-

ли выше, на нихъ никто уже не обращалъ вниманія. Но, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же послѣ засѣданія, квесторы призвали къ себѣ полицейскаго комиссара, специально состоявшаго при собраніи. При этомъ присутствовалъ и президентъ Дюпенъ. Спрошенный комиссаръ объявилъ, что, по донесеніямъ его агентовъ, тишина была всюду мертвая и что сегодня ночью, конечно, опасаться нечего. Когда же квесторы продолжали настаивать, президентъ Дюпенъ сказалъ только: «Пустяки» и ушелъ.

Въ тотъ же день, 1-го декабря, около трехъ часовъ, когда тестъ генерала Лефло переходилъ бульваръ, противъ кафе Тортона, кто-то, быстро проскользнувъ мимо него, проговорилъ надъ его ухомъ слѣдующія знаменательныя слова: «одинадцать часовъ — полночь». Въ квестурѣ и этимъ никто не встревожился; нѣкоторые даже посмѣялись, потому что это вошло уже въ привычку. Однако же, генералъ Лефло не хотѣлъ лечь спать, пока не пройдетъ назначенный часъ, и оставался въ канцеляріи квестуры до часу ночи.

При редакціи «Монитѣра» состояло четыре разсылныхъ, отнесшихъ стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ собранія въ типографію для набора и затѣмъ приносящихъ корректурныя листы въ засѣданіе собранія Ипполиту Прево, который исправлялъ ихъ. Ипполитъ Прево, имѣвшій, въ качествѣ главнаго стенографа, квартиру въ законодательскомъ корпусѣ, редактировалъ, въ то же время, музыкальный фельетонъ въ «Монитѣрѣ». Вечеромъ, 1-го декабря, онъ былъ въ Комической Оперѣ, на первомъ представленіи новой пьесы, и возвратился домой послѣ полуночи. Четвертый разсылный «Монитѣра» дожидался его съ корректурой послѣдняго столбца отчета. Прево продержалъ корректуру, и разсылный ушелъ. Былъ второй часъ вначалѣ. Повсюду царствовала глубокая тишина. За исключеніемъ караула, всѣ во дворцѣ спали.

Въ этотъ часъ ночи произошло нѣчто странное. Старшій адъютантъ батальона, стоявшаго въ караулѣ въ зданіи Собранія, пришелъ къ батальонному командиру и сказалъ: «Меня требуетъ полковникъ» и, согласно правиламъ дисциплины, прибавилъ: «Позвольте мнѣ идти?» Командиръ удивился. «Идите, сказалъ онъ съ нѣкоторой досадой. — Но полковнику не слѣдовало бы вызывать къ себѣ офицера, стоящаго въ караулѣ». Одинъ изъ караульныхъ солдатъ слышалъ, не понимая значенія этихъ словъ, какъ командиръ, рассказывая взадъ и впередъ по комнатѣ, повторилъ нѣсколько разъ: На кой чортъ онъ ему нуженъ?

Черезъ полчаса старшій адъютантъ возвратился. «Ну что, спросилъ командиръ:—зачѣмъ требовалъ васъ полковникъ?» — «Ни-

чего особеннаго, отвѣчалъ адъютантъ.— Онъ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія по службѣ, на завтрашній день». Часть ночи прошла. Около четырехъ часовъ утра, адъютантъ снова явился къ батальонному командиру. «Полковникъ зоветъ меня къ себѣ, господинъ командиръ», сказалъ онъ.— «Опять! воскликнулъ тотъ.— Это становится страннымъ. Нечего дѣлать, идите!» Къ обязанностямъ старшаго адъютанта относилось, между прочимъ, отдавать приказы, а, стало быть, и отмѣнять ихъ. По уходѣ старшаго адъютанта, батальонный командиръ, котораго это обстоятельство сильно встревожило, счелъ долгомъ извѣстить обо всемъ военнаго коменданта зданія и поднялся въ квартиру его. Комендантомъ былъ подполковникъ Ниольсъ. Онъ уже легъ спать, и вся прислуга разошлась также по своимъ комнатамъ. Батальонный командиръ, человѣкъ новый, плохо знакомый съ расположеніемъ зданія, шелъ ощупью по корридору и, остановившись у одной двери, которую принялъ за дверь комендантской квартиры, позвонилъ. Никто не явился; дверь не отперли, и батальонный командиръ сошелъ внизъ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова.

Съ своей стороны, старшій адъютантъ возвратился въ зданіе, но батальонный командиръ уже не видалъ его. Адъютантъ оставался у рѣшетки, выходившей на площадь Вургонъ, и, закутавшись въ свой плащъ, рассказывалъ по двору, словно поджидая кого-то.

Какъ только большіе соборные часы пробили пять, войска, спавшіе въ баракахъ у Дома Инвалидовъ, были внезапно разбужены. Вполголоса былъ отданъ приказъ забирать оружіе, тихо, безъ шума; и вскорѣ два полка, съ ранцами на плечахъ, направились къ зданію Собранія. Это были полки 6-й и 42-й. Въ то же время, т. е. ровно въ пять часовъ, во всѣхъ концахъ Парижа, изъ всѣхъ казармъ разомъ, выходила осторожно пѣхота, съ полковыми командирами во главѣ. Адъютанты и ординарцы Луи Бонапарта, разосланные по всѣмъ казармамъ, завѣдывали раздачею оружія. Кавалерію двинули только три четверти часа спустя послѣ пѣхоты, изъ опасенія, чтобы лошадиный топотъ не разбудилъ слишкомъ рано спящаго Парижа.

Г. де-Персины, привезшій изъ Елисейскаго Дворца въ баракъ дома инвалидовъ приказъ о раздачѣ оружія, шелъ во главѣ 42-го полка, рядомъ съ полковникомъ Эспинасомъ. Въ арміи рассказывали — въ настоящее время, къ фактамъ, прискорбнымъ для чести, такъ привыкли, что о нихъ говорить съ какимъ-то мрачнымъ равнодушіемъ — что, выступая вмѣстѣ съ своимъ полкомъ изъ казармъ, одинъ полковникъ — онъ могъ бы быть вв-

званъ — поколебался и что тогда присутствовавшій при этомъ «елисеецъ» вынулъ изъ кармана запечатанный пакетъ и сказалъ ему: «Я согласенъ, полковникъ, что мы подвергаемся большому риску; но вотъ здѣсь, въ этомъ пакетѣ, который мнѣ приказано вручить вамъ, вы найдете сто тысячъ франковъ банковыми билетами на непредвидѣнные случайности». Пакетъ былъ принятъ, и полкъ двинулся.

Вечеромъ, 2-го декабря, этотъ полковникъ говорилъ одной женщинѣ: «Я заработалъ нынче сто тысячъ франковъ и генеральскіе эполеты». И женщина выгнала его.

Ксавье-Дюрё, отъ котораго мы слышали это, впоследствии, изъ любопытства, видѣлся съ этой женщиной. Она подтвердила ему этотъ фактъ. «Разумѣется, она выгнала негодяя! Солдатъ, измѣнившій своему знамени, осмѣлился прийти къ ней! Станеть она пускать къ себѣ такого человѣка! Нѣтъ! До этого она еще не дошла! И она прибавила, рассказывая Ксавье-Дюрё:—я, вѣдь только публичная женщина!»

Между тѣмъ, въ полицейской префектурѣ дѣлались другого рода таинственныя распоряженія.

Запозданные жители, возвращавшіеся къ себѣ домой поздней ночью, могли замѣтить огромное количество фіакровъ, собранныхъ въ разныхъ пунктахъ, отдѣльными кучками, около улицы Жерю-валемъ.

Наканунѣ, къ одиннадцати часамъ вечера, подъ предлогомъ прибытія въ Парижъ изъ Генуи и Лондона эмигрантовъ, собраны были внутри зданія префектуры охранительная бригада и восемьсотъ городскихъ сержантовъ; въ три часа утра, получили у себя на квартирахъ приказаніе явиться туда же всѣ сорокъ-восемь комиссаровъ Парижа и предмѣстій, равно какъ и полицейскіе офицеры. Черезъ часъ, они прибыли. Ихъ размѣстили въ отдѣльныя комнаты и разобщили между собою, насколько это было возможно.

Въ пять часовъ, изъ кабинета префекта раздались звонки. Префектъ Мона призывалъ полицейскихъ комиссаровъ къ себѣ въ кабинетъ, одного за другимъ, объясняя имъ замыселъ и предстоящую каждому роль въ преступленіи. Ни одинъ не отказался. Нѣкоторые благодарили. Дѣло было въ томъ, чтобы захватить на дому семьдесятъ-восемь демократовъ, пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ въ своихъ околоткахъ и которыхъ въ Елисейскомъ Дворцѣ опасались, какъ возможныхъ предводителей баррикадъ. Кромѣ того — покушеніе еще болѣе дерзкое! — положено было арестовать шестнадцать народныхъ представителей. Для этой послѣдней цѣли выбраны были тѣ изъ полицейскихъ ко-

миссаровъ, которые казались наиболѣе способными сдѣлаться бандитами. Между ними и распредѣлили представителей. Каждый получилъ своего. Куртилю достался Шаррасъ, Дегранжу—Надо, Гюбо-старшій получилъ Тьера, Гюбо-младшій—генерала Бедо, генерала Шангарнье предоставили Лера, а генерала Кавеньяка—Колену, Дурланъ получилъ представителя Валентена, Бенуа—представителя Мю, Алларъ—представителя Шола. На долю комиссара Вланше выпалъ генераль Ламорисьеръ, а комиссару Варле достался г. Роже дю-Норъ, Комиссаръ Гроффье получилъ Греппо, а комиссаръ Вудро—Лагранжа. Квесторовъ распредѣлили такъ: Базъ поручень былъ комиссару Приморену, а генераль Лефлô—комиссару Вертолю.

Приказы объ арестѣ, съ именами представителей, заготовленные уже заранѣе, лежали въ кабинетѣ префекта. Оставалось только вписать въ нихъ имена комиссаровъ. Они были вписаны въ минуту отправленія.

Кромѣ вооруженной силы, обязанной поддерживать полицію, каждого комиссара должны были сопровождать нѣсколько городскихъ сержантовъ и нѣсколько агентовъ, переодѣтыхъ въ гражданское платье. Для арестованія генерала Шангарнье назначень былъ, въ помощь комиссару Лера, какъ донесъ о томъ Бонапарту префектъ Мона, капитанъ республиканской гвардіи Бодине.

Около пяти съ половиной часовъ, заготовленные фіакры были поданы, и всѣ отправились, каждый съ своими инструкціями.

Въ это время, въ другомъ концѣ Парижа, въ старой улицѣ du Temple, въ старинномъ домѣ герцоговъ Субизъ, обращенномъ въ королевскую—нынѣ національную—типографію, приводилась въ исполненіе другая часть заговора.

Около часу ночи, одинъ прохожій, возвращавшійся въ старую улицу Temple, черезъ улицу Vieilles-Haudriettes, замѣтилъ на углу этихъ двухъ улицъ, въ нѣсколькихъ большихъ окнахъ, яркое освѣщеніе. Это были окна національной типографіи. Онъ повернулъ направо въ улицу Temple; минутой спустя, онъ проходилъ мимо вогнутаго полукруга, гдѣ находится подъѣздъ типографіи. Главный входъ былъ запертъ. Двое часовыхъ стояли у маленькой боковой калитки. Она была полуотворена, и прохожій, заглянувъ на дворъ типографіи, увидалъ, что онъ полонъ солдатъ. Солдаты не разговаривали; не слышно было никакого шума, и только штыки блестяли. Удивленный прохожій приблизился. Одинъ изъ часовыхъ грубо оттолкнулъ его, крикнувъ: «мимо!»

Какъ городскіе сержанты въ префектурѣ полиціи, такъ и рабочіе въ типографіи были задержаны для ночной работы. Въ то

самое время, какъ Ипполитъ Прево возвращался въ законодательный корпусъ, директоръ національной типографіи возвращался въ типографію, и также изъ Комической Оперы, гдѣ въ первый разъ шла новая пьеса брата его, Сен-Жоржа. Войдя въ типографію, директоръ, получившій уже въ теченіи дня инструкціи изъ Елисейскаго Дворца, тотчасъ же взялъ пару карманныхъ пистолетовъ и сошелъ въ сѣни, которыя сообщались съ дворомъ типографіи. Вскорѣ послѣ того, ворота, выходящія на улицу, отворились и на дворъ типографіи въѣхалъ фіакръ. Изъ него вышелъ человекъ съ большимъ портфелемъ. Директоръ подошелъ къ этому человеку и спросилъ его:

— Это вы, г. де-Бевиль?

— Да, отвѣчалъ тотъ.

Фіакръ поставили въ сарай, лошадей отвели въ конюшню, а кучера помѣстили въ отдѣльную комнату въ нижнемъ этажѣ. Ему дали вина и сунули въ руку кошелекъ съ деньгами. Вино и лундоры — въ этомъ вся суть такого рода политики. Кучеръ напился и заснулъ. Его заперли въ комнату.

Не успѣли затвориться главныя ворота типографіи, какъ ихъ отворили опять, чтобы впустить на дворъ вооруженныхъ людей, вошедшихъ въ молчаніи. Потомъ ворота были снова заперты. Это была рота подвижной жандармеріи, 4-я рота 1-го батальона, подъ начальствомъ капитана ла-Рошъ д'Уази. Какъ можно будетъ видѣть изъ послѣдующаго, люди 2-го декабря старались наиболѣе щекотливыя дѣла поручать подвижной жандармеріи и республиканской гвардіи, т. е. двумъ корпусамъ, почти исключительно состоявшимъ изъ прежнихъ муниципальныхъ гвардейцевъ, таившихъ въ душѣ озлобленіе противъ февральскихъ событій.

Письмомъ военнаго министра, которое имѣлъ при себѣ капитанъ ла-Рошъ д'Уази, предписывалось ему, съ командой, состоять въ распоряженіи директора національной типографіи. Молча зарядили ружья; разставили часовыхъ въ наборныхъ, въ корридорахъ, у дверей, у оконъ — повсюду, и двонкъ у выхода. Капитанъ спросилъ: какою привязъ онъ долженъ отдать солдатамъ. «Самый простой, отвѣчалъ человекъ пріѣхавшій въ фіакръ: — въ каждаго, кто попытается уйти или открыть окно — стрѣлять».

Человекъ этотъ былъ дѣйствительно г. де-Бевиль, адъютантъ Бонапарта. Онъ удалился съ директоромъ типографіи въ большой уединенный кабинетъ, расположенный въ первомъ этажѣ и окна котораго выходили въ садъ. Здѣсь онъ передалъ директору все, что привезъ съ собой: декретъ о распущеніи на-

лать, воззваніе къ арміи, воззваніе къ народу, декретъ о созваніи избирателей; затѣмъ, прокламаціи префекта Мона и его письмо къ полицейскимъ комиссарамъ. Первые четыре документа, отъ начала до конца, были написаны собственной рукой президента. Кое-гдѣ замѣчались помарки.

Рабочіе ждали. Каждого изъ нихъ помѣстили между двумя жандармами, съ приказаніемъ не произносить ни слова. Затѣмъ, распредѣлили оригиналъ для набора, разрѣзавъ листки на самыя маленькіе кусочки, такъ чтобы ни одинъ наборщикъ не могъ прочесть цѣлой фразы. Директоръ объявилъ, что въ часъ все должно быть напечатано. Оттиски приносили къ полковнику Бевилью, сводившему ихъ и державшему корректуры. Печатаніе производилось съ тѣми же предосторожностями: у каждого станка стояло по два солдата. Но, несмотря на всѣ старанія, работа продолжалась два часа. Жандармы слѣдили за наборщиками; Бевиль слѣдилъ за С.-Жоржемъ.

Когда все было кончено, произошло нѣчто довольно подозрительное, походившее на измѣну измѣнѣ. Такого рода преступленія всегда подвержены этимъ случайностямъ. На измѣнника — два измѣнника. Бевиль и С.-Жоржъ, эти два соумышленника, въ рукахъ которыхъ находилась тайна государственнаго переворота, т. е. голова президента, и которые ни подъ какимъ видомъ не должны были обнаруживать этой тайны до рѣшительнаго часа, потому что иначе все дѣло могло быть проиграно, вздумали посвятить въ все немедленно двѣсти человѣкъ, «для того, чтобы видѣть, какое это произведетъ впечатлѣніе на солдатъ», какъ выразился впоследствии довольно наивно полковникъ Бевиль. Они прочли только-что вышедшія изъ-подъ станка таинственные документы подвижной жандармеріи, выстроенной на дворѣ, и бывшіе муниципальные гвардейцы покрыли ихъ рукоплесканіями. — Но еслибы они зашикали, спрашивается: что стали бы тогда дѣлать эти два господина, устроившіе маленькую репетицію государственнаго переворота? Вѣдь, пожалуй, г. Бонапартъ пробудился бы отъ своихъ грезъ въ венсенскомъ самкѣ.

Кучера выпустили, фіакры заложили; и въ 4 часа утра, адъютантъ, вмѣстѣ съ директоромъ типографіи — съ этой минуты оба преступники — привезли въ префектуру полиціи кипы отпечатанныхъ декретовъ.

Здѣсь начался ихъ позоръ: префектъ Мона пожалъ имъ руки.

Толпы афишеровъ, завербованныхъ на этотъ случай, разсыпались по всѣмъ направленіямъ наклеивать декреты и прокламаціи.

Это былъ именно тотъ часъ, когда войска заняли зданіе націо-

нального собранія. Со стороны Университетской Улицы есть входъ въ это зданіе, служившій нѣкогда подъѣздомъ дворца Бурбоновъ, и къ которому примыкаетъ проходъ, ведущій въ домъ президента. Это крыльцо, известное подъ названіемъ «президентскаго», охранялось, обыкновенно, часовымъ. Уже нѣсколько времени, старшій адъютантъ, за которымъ два раза въ теченіи ночи прислалъ полковникъ Эспинасъ, неподвижно и молча стоялъ подлѣ этого часового. Спусти пять минутъ послѣ выхода своего изъ бараконъ Дома Инвалидовъ, 42-й полкъ, за которымъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовалъ шестой, обошедшій улицей Бургонъ, вступалъ въ Университетскую Улицу. Полкъ, рассказывалъ одинъ очевидецъ, шелъ, какъ ходятъ въ комнатѣ больного. Волчьими шагами подерался онъ къ президентскому подъѣзду и наконецъ попалъ въ засаду.

Часовой, увидѣвъ приближающееся войско, хотѣлъ закричать: кто идетъ? но адъютантъ схватилъ его за руку и, въ качествѣ офицера, отдающаго приказанія по караулу, велѣлъ ему пропустить 42-й полкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ велѣлъ озадаченному привратнику отворить дверь. Персины вошли и сказали: дѣло сдѣлано.

Национальное собраніе было занято.

На нумъ шаговъ приближалъ батальонный командиръ Мёнъе. — «Комедантъ! закричалъ Эспинасъ:—я пришелъ смѣнить вашу баталіонъ». Комедантъ поблѣднѣлъ. Онъ простоялъ съ минуту потупившись. Потомъ, вдругъ, быстрымъ движеніемъ руки, сорвалъ съ себя эполеты, вынулъ изъ ноженъ свою шпагу, переломилъ ее о козлинъ, бросилъ ее обломки на мостовую и, весь дрожа отъ негодованія, воскликнулъ громовымъ голосомъ: Полковникъ! вы безчестите нумеръ полка!

— Хорошо, хорошо. отвѣчалъ Эспинасъ.

Президентскій подъѣздъ оставили открытымъ; но другіе не отпирали. Часовые на всѣхъ постахъ были замѣнены другими. Батальонъ, стоявшій въ караулѣ отослалъ въ бараки Дома Инвалидовъ. Въ проходѣ и на главномъ дворѣ солдаты составили ружья въ козлы. 42-й полкъ, по прежнему, молча, занялъ всѣ входы, наружные и внутренніе, дворъ, залы, галлерей, корридоры. Во дворцѣ всѣ продолжали спать.

Вскорѣ пріѣхали два маленькіе купе, такъ называемые *quarante vous*, и два фіакра, сопровождаемые двумя взводами республиканской гвардіи и венсенскихъ стрѣлковъ, и нѣсколькими отрядами полицейскихъ. Изъ купе вышли комиссары Бертоліо и Приморенъ.

Въ то время, какъ подъѣзжали эти кареты, у рѣшотки, выхо-

дивней на площадь Бургонь, показался человекъ, лысый, но еще молодой. Онъ имѣлъ видъ свѣтскаго человека, возвращающагося изъ оперы, и дѣйствительно, онъ возвращался оттуда, но по дорогѣ заѣхалъ въ вертепъ: онъ явился изъ Елисейскаго Дворца. Это былъ г. де-Морни. Онъ посмотрѣлъ съ минуту, какъ солдаты ставили ружья въ козлы, и потомъ прошелъ къ президентскому подъѣзду. Здѣсь онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ Персиньи. Четверть часа спустя, онъ, съ двумястами патисдсатью венсенскими стрѣлками, занялъ министерство внутреннихъ дѣлъ и, заставъ испуганнаго Ториньи, вручилъ ему, безъ дальнихъ объясненій, благодарственное письмо г. Бонапарта. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, наивный добрякъ Ториньи, слова котораго мы привели выше, говорилъ группѣ людей, когда Морни проходилъ по близости: Какъ эти монтаньяры клеветуютъ на президента! Нарушить присягу и сдѣлать *coup d'état* вѣдь на это пойдетъ только мерзавецъ! Внезапно разбуженный посреди ночи и смѣненный съ своего министерскаго поста, какъ часовые національнаго собранія, онъ съ удивленіемъ пробормоталъ, протирая глаза: Э? Такъ стало быть президентъ... — Да, отвѣчалъ Морни, захохотавъ.

Пишущій эти строки зналъ лично Морни. Морни и Валуевскій пользовались въ семействѣ Бонапарта положеніемъ, одинъ королевскаго, другой императорскаго принца — съ лѣвой стороны. Что такое былъ Морни? Вотъ что: высокочръный, веселый, интригантъ, но не изъ суровыхъ, другъ Ромѣ и партизанъ Гизо; съ свѣтскими манерами и съ правами игорныхъ домовъ; довольный собой, остроумный человекъ, въ которомъ извѣстный либерализмъ мыслей уживался съ наклонностью къ выгодному злодѣйству, человекъ, умѣвшій пріятно улыбаться, показывая при этомъ скверные зубы; любившій разгульную жизнь, разсѣянный; но сосредоточенный, некрасивый, всегда въ духѣ, жестокій, изящно одѣтый, безстрашный, готовый бросить на произволъ судьбы брата-узника и рисковать головой за брата императора; имѣвшій одну нать съ Луи Бонапартомъ и, подобно Луи Бонапарту — незвѣстнаго отца, такъ, что могъ бы называться Богарне или Флао, а назывался Морни; въ литературѣ до водовила и въ политикѣ до трагедіи, кутила, убійца, фривольный — насколько фривольность мирится съ злодѣйствомъ, достойный фигурировать и въ комедіи Мариво, и въ лѣтописяхъ Тацита. Ни капли совѣсти, безупречно одѣтый, любезный и подлый; при случаѣ, герцогъ съ головы до ногъ — таковъ былъ этотъ злодѣй.

Еще не было шести часовъ утра; войска начинали прибывать на площадь Согласія, гдѣ Леруа-Сент-Арно дѣлалъ имъ смотръ.

Полицейскіе комиссары, Бертоліо и Приморенъ, выстроили двѣ роты подъ сводами главной лѣстницы квестуры, но сами по этой лѣстницѣ не пошли. Взявъ съ собой полицейскихъ агентовъ, знавшихъ всѣ сокровенные уголки дворца Бурбоновъ, они отправились корридорами.

Генераль Лефло помѣщался въ павильонѣ. У него въ эту ночь, находились его зять и сестра, пріѣхавшіе въ Парижъ погостить. Они спали въ комнатѣ, дверь которой выходила въ одинъ изъ корридоровъ дворца. Комиссаръ Бертоліо постучался въ эту дверь. Ее отперли, и онъ ворвался съ своими агентами въ комнату, гдѣ спала женщина. Зять генерала вскочилъ съ постели и крикнулъ квестору, спавшему въ сосѣдней комнатѣ:—«Адольфъ! ломятся въ двери; домъ полонъ солдатъ. Вставай!» Генераль открылъ глаза и увидѣлъ передъ своей кроватью комиссара Бертоліо. Онъ вскочилъ.

— Генераль, сказалъ комиссаръ. — Я явился исполнить свою обязанность.

— Понимаю, отвѣчалъ генераль Лефло. — Вы измѣнникъ.

Комиссаръ пробормоталъ слова: «заговоръ противъ безопасности государства»... и предъявилъ приказъ объ арестованіи. Генераль, не говоря ни слова, ударилъ ладонью по этой гнусной бумагѣ.

Потомъ онъ сталъ одѣваться въ парадную форму. — Надѣвалъ мундиръ, напоминавшій взятіе Константины и Мехен, честный воинъ, очевидно, обольщалъ себя наивной мечтой, что для солдатъ, которыхъ онъ встрѣтитъ на пути своемъ, еще существуютъ алжирскіе генералы! Но для нихъ существовали только генералы западни! Жена обнимала его. Сынъ его, семилѣтній ребенокъ, въ одной рубашенкѣ, заливаясь слезами, говорилъ полицейскому комиссару: «Пощадите, г. Вонапартъ!» Генераль, прощаясь съ женой, шепнулъ ей на ухо: «На дворѣ стоятъ пушки. Постарайся, чтобъ изъ какой-нибудь дали выстрѣлъ».

Комиссаръ и агенты увели его. Онъ презиралъ этихъ людей и не говорилъ съ ними; но, когда онъ очутился на дворѣ, когда увидалъ солдатъ и полковника Эспинаса, сердце воина и бретонца заговорило въ немъ.

— Полковникъ Эспинасъ! воскликнулъ онъ:—вы безчестный человекъ, и я надѣюсь еще прожить до того времени, когда мнѣ придется сорвать съ васъ мундирныя пуговицы!

Полковникъ Эспинасъ потушился и вробормоталъ: — я васъ не знаю.

Одинъ изъ батальонныхъ командировъ, взмахнувъ своею шпагой, крикнулъ: «Довольно съ насъ генераловъ-адвокатовъ!» Нѣсколько солдатъ, сарестивъ штыки, приставили ихъ къ груди безоружнаго арестанта; три городскіе сержанта втокнули его въ карету, и одинъ подпоручикъ, подойдя къ ней и взглянувъ къ лицу этого человека, который, какъ гражданинъ, былъ его представителемъ въ какъ солдатъ — его генераломъ, крикнулъ ему это гнусное слово: Каналья!

Комиссаръ Приморенъ, въ своей чередѣ, обошелъ коридорами для того, чтобъ вѣрнѣе захватить другого вестора, База.

Дверь изъ квартиры База выходила въ корридоръ, сообщавшійся съ заломъ національнаго собранія. Въ эту дверь поступалъ комиссаръ Приморенъ. «Кто тамъ? отдала ли вамъ служавка. — Полицейскій комиссаръ отвѣтилъ Приморенъ. Служавка, думая, что это полицейскій комиссаръ собранія, отвѣтила. Въ эту минуту г. Базъ, услышавшій шумъ, накидывая на себя халатъ, закричалъ: — не выпускайте!

Едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ агентъ, перодѣтый въ гражданское платье, и три городскіе сержанта въ мундирахъ вломались въ комнату. Агентъ, растегнувшись и показывая свой трехъ-цвѣтный шарфъ, сказалъ г. Базу: — Узнаете ли вы это? — «Вы негодяи!» отвѣчала двесторъ.

Сержанты схватили г. Базу. «Вы неосмѣете увести меня, сказалъ двесторъ. — Вы, какъ полицейскій комиссаръ, какъ должностное лицо, должны созывать что вы дѣлаете. Вы покушаетесь на неприкосновенность народнаго представительства, нарушаете законъ, вы преступники!»

Завязалась борьба въ рукопашную — одного противъ четверныхъ. Г-жа Базъ и двѣ ея маленькія дочери подняли крикъ. Служавку городскіе сержанты отталкивали кулаками. «Вы разбойники!» кричала Базъ. Его увесли на рукахъ. Онъ отбѣгался, почти нагой. Его халатъ былъ взодранъ въ ключикъ, на тѣлѣ, были слѣды небоевъ; на рукахъ кровь и осадины. Лѣстница, нижній этажъ, дворъ были полны солдатъ. Они стояли, держа ружья «къ ногѣ» и съ прицѣпленными штыками. Квесторъ обратился къ нимъ: «Вашихъ представителей арестуютъ. Вамъ дали оружіе не затѣмъ, чтобъ вы нарушали законы». У одного сержанта былъ крестъ съ крестомъ доленскій. «Развѣ вы получили вашъ крестъ за такіе дѣла?» Сержантъ отвѣчалъ: «Мы знаемъ только одного господина». — «Я забылъ нумеръ вашего поля, продолжалъ г. Базъ. — Это поле окосаренный». Солдаты слушали молча, угрюмые.

словно съ просоной. «Не отвѣчайте, говорилъ имъ комиссаръ Приморенъ:—это до васъ не касается». Квестора пронесли черезъ дверь въ караульню «Черной Двери».

Такъ называется маленькая дверь, пробитая подъ сводами, противъ кассы національнаго собранія, и выходящая въ Улицу Бургонь, противъ Лилльской Улицы.

Къ дверямъ и къ маленькому крыльцу кордегардіи поставили нѣсколькихъ часовыхъ, и г. Ваза оставили тутъ подъ надзоромъ трехъ городскихъ сержантовъ. Солдаты, безъ мундира и безъ оружія, по временамъ, проходили мимо. Квесторъ пытался обращаться къ нимъ, взывая къ ихъ воинской чести:—Не отвѣчайте! говорили солдатамъ городскіе сержанты.

Между тѣмъ, комиссаръ Приморенъ со своими агентами перерылъ все въ кабинетѣ квестора. Всѣ ящики были вскрыты и обшарены. Обыскъ продолжался болѣе часу.

Г. Вазу принесли его платье; онъ одѣлся. По окончаніи обыска, его выпустили изъ караульни. На дворѣ дождался фіакръ. Г. Вазъ сѣлъ въ него, и съ нимъ трое городскихъ сержантовъ. Фіакръ, направляясь къ президентскому подъѣзду, долженъ былъ пробѣжать черезъ главный дворъ, потомъ черезъ пушечный. Начинало свѣтать; г. Вазъ заглянулъ на этотъ дворъ, желая узнать, стоятъ ли еще тамъ орудія. Онъ увидалъ зарядные ящики, поставленные въ рядъ, съ поднятыми дышлами. Мѣста, гдѣ стояла часть пушекъ и два единорога, были пусты.

Не добывая президентскаго подъѣзда, карета на минуту остановилась. На тротуарахъ, по обѣимъ сторонамъ улицы, стояли ряды солдатъ, опершись правой рукой на ружья съ применутыми штыками. Подъ однимъ деревомъ три человекъ, съ обнаженными саблями, совѣщались о чемъ-то. Это были: полковникъ Эспинасъ, котораго Вазъ узналъ, какой-то подполковникъ съ черно-оранжевой лентой на шеѣ, и командиръ уланскаго эскадрона. Окна кареты были подняты; г. Вазъ хотѣлъ опустить ихъ и обратиться къ разговаривавшимъ. Но городскіе сержанты схватили его за руку. Явился комиссаръ Приморенъ. Онъ собирался сѣсть въ маленькое двухмѣстное купе, въ которомъ пріѣхалъ. «Г. Вазъ, сказалъ онъ, съ той разбойнической любезностью, которую дѣятели 2-го декабря старались выказывать, совершая свои преступленія:—вамъ неудобно въ фіакръ, съ троеи людьми; садитесь ко мнѣ.»—Оставьте меня, отвѣчалъ арестованный:—съ ними мнѣ тѣсно, а ваше сосѣдство меня обезчестило бы. Когда карета повернула на набережную д'Орсъ, съ ней встрѣтился взводъ 7-го уланскаго полка, скаканнаго полной рысью. Это были конвой. Кавалеристы окружили карету, и она помчалась.

По дорогѣ не произошло ничего особеннаго. По временамъ, при лондиномъ топочѣ, растворялись окна, и въ нихъ высовывались головы. Арестованный, которому удалось, наконецъ, опустить окно, слышалъ встревоженные голоса: что это значитъ?

Карета остановилась. «Гдѣ мы?»—спросилъ г. Базъ.—Въ Мазасѣ, отвѣчалъ одинъ изъ городскихъ сервантовъ.

Квестора привели въ канцелярію. Въ ту минуту, какъ онъ входилъ въ нее, оттуда выводили Надо и Бона. По срединѣ стоялъ столъ, къ которому сѣлъ комиссаръ Приморенъ, слѣдовавшій за каретой въ своемъ купе. Пока Приморенъ писалъ, Базъ замѣтилъ на столѣ бумагу. Это былъ, очевидно, списокъ задержанныхъ. Въ немъ стояли слѣдующія имена, въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы ихъ приводимъ: Ламорисьеръ, Шаррасъ, Кавеньякъ, Шангарнье, Лефло, Тьеръ, Бедо, Рожэ-дю-Норъ, Шамболль. Вѣроятно, въ этомъ порядкѣ представители были привезены въ тюрьму.

Когда комиссаръ Приморенъ кончилъ писать, Базъ сказалъ ему: «Теперь примите мой протестъ и приложите его къ протоколу».—Это не протоколъ, отвѣчалъ комиссаръ:—это простой приказъ.—«Я все-таки желаю сейчасъ же написать свой протестъ», возразилъ Базъ.—Вы еще успѣете это сдѣлать въ своей тюрьмѣ, съ улыбкой замѣтилъ человекъ, стоявшій у стола. Базъ обернулся.—«Кто вы такой?» спросилъ онъ.—Я директоръ тюрьмы, отвѣчалъ тотъ.—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ Базъ:—я сожалѣю о васъ, потому что вы сознаете, какое вы совершаете преступленіе». Директоръ тюрьмы поблѣднѣлъ и пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ. Комиссаръ всталъ. Базъ тотчасъ же занялъ его мѣсто и, сѣвъ къ столу, сказалъ Приморену: «Вы полицейскій офицеръ; я требую, чтобы вы присоединили мой протестъ къ протоколу».

— Ну, хорошо, сказалъ комиссаръ. Базъ написалъ слѣдующій протестъ. «Я, нижеподписавшійся, Жанъ-Дидье Базъ, представитель народа и квесторъ Національнаго Собранія, насильственно схваченный въ своемъ помѣщеніи, въ Національномъ Собраніи, и приведенный въ эту тюрьму вооруженной силой, которой я не имѣлъ возможности сопротивляться, протестую, отъ имени Національнаго Собранія и отъ своего собственного, противъ посягательства на національное представительство, совершеннаго надъ мною сотоварищами и надо мной. Писано въ Мазасѣ. 2-го декабря 1851, въ восемь часовъ утра. Базъ».

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ Мазасѣ, солдаты смѣлились и шли на дворъ Національнаго Собранія. Они варили кофе въ котлахъ, развели огонь, и, такъ какъ пламя, разду-

вашее кѣтромъ, касалось перену наружной стѣны зала; то одинъ изъ старшихъ чиновъ кавестуры, офицеръ національной гвардіи, Рамоизъ де-ла-Крузель рискнулъ замѣтить имъ: «Вы можете поджечь зданіе». Одинъ изъ солдатъ ударилъ его; въ отвѣтъ, кулакомъ.

Изъ пушекъ, вѣсшихъ съ пушечнаго двора; четыре направлены были противъ Собравіи; двѣ, поставленныя на площади Булонь, противъ рѣшотки, и двѣ, поставленныя на площади Согласія—противъ главнаго подъѣзда.

На поляхъ этой поучительной исторіи, отиѣтнмъ фактъ: 42 ѱ полкъ былъ тотъ самый, который арестовалъ Луи Бонапарта въ Буссонн. Въ 1840 году этотъ полкъ помогалъ закону противъ заговорщика; въ 1851—заговорщику противъ закона. Таковы красоты пассивнаго послушанія!

IV.

Другія ночныя дѣянія.

Въ ту же самую ночь, во всѣхъ концахъ Парижа совершались разбойническіе подвиги: неизвѣстные люди, предводительствуя вооруженными отрядами и сами вооруженные топорами, кастетами, желѣзными ломанами, шпагами, скрытыми подъ одеждой, пистолетами; рукоятки которыхъ высовывались наружу, молча подходили въ какому-нибудь дому, занимали всѣ выходы, запирали входную дверь на крючокъ, связывали дворника, овладѣвали лѣстницей, вламывались къ спящему дворовѣку, и когда онъ, внезапно разбуженный, спрашивалъ у этихъ бандитовъ: «кто вы такіе?» начальникъ шайки отвѣчалъ: «Полицейскій комиссаръ». Такъ было съ Ламорисьеромъ, которому Вланше, схвативъ его за воротъ, угрожалъ заткнуть ротъ; съ Гренно, котораго повалилъ на землю и самымъ грубымъ образомъ оскорблялъ Гронфье, явившійся въ сопровожденіи шести человекъ и имѣвшій при себѣ потайной фонарь и масничій молотъ; съ Кавеньякомъ, схваченнымъ Коленомъ, медоточивымъ разбойникомъ, котораго скандализировали проклятія и ругательства генерала; съ Тьеромъ, арестованнымъ Гюбо-старшимъ, утверждавшимъ, что тотъ «дрожалъ и плакалъ» — ложь, примѣненная къ преступленію; съ Валантемомъ, котораго Дурлацъ и его сотоварищи стащили за ноги и за плечи съ постели и заперли въ полицейскій фургоны; съ Міо, вынесшимъ въ послѣдствіи странную муку въ африканскіхъ казематахъ; съ Рожэ дю-Норъ, мужествен-

нымъ и остроумно процѣсскимъ; подчинившимъ: бандитовъ хересомъ. Шаррасъ и Шангарнье захвачены были въ расплохъ. Они жили въ улицѣ Сент-Оноре, почти другъ противъ друга, Шангарнье въ № 3, Шаррасъ—въ 14-мъ. Съ 9-го сентября, Шангарнье распустивъ охранявшихъ его ночью и вооруженныхъ съ головы до ногъ пятнадцать человекъ; а Шаррасъ, какъ мы видѣли, разрядилъ 1-го декабря свои пистолеты. Они лежали разраженные у него на столѣ, когда пришли его брать. Полицейскій комиссаръ бросился на нихъ. «Глупецъ! сказали Шаррасъ:—еслибы они были заряжены; ты бы ужъ не существовалъ». Отвѣтимъ слѣдующую подробность; эти пистолеты подарены были Шаррасу, при взятіи Маскары, генераломъ Рено, который, въ ту минуту, когда Шарраса арестовали, находились на улицѣ въ числѣ сторонниковъ переворота. Еслибы пистолеты оставались заряженными и еслибы арестовать Шарраса поручили генералу Рено, то весьма любопытно было бы то обстоятельство, что пистолеты Рено убили бы самого Рено. Шаррасъ, конечно, не поколебался бы. Мы уже подменяли этихъ полицейскихъ негодяевъ, но повторять имена ихъ не бесполезно. Куртень арестовалъ Шарраса, Лера арестовалъ Шангарнье, Лагранжъ арестовалъ Надё. Люди, такимъ образомъ схваченные въ своихъ квартирахъ, были народные представители, были неприкосновенны, и, слѣдовательно, къ насилію надъ личностью присоединялось новое преступленіе—насиліе надъ конституціей.

Въ нахальствѣ, при совершеніи всего этого, недостатка не было. Полицейскіе агенты были веселы. Нѣкоторые изъ этихъ мерзавцевъ глумились. Въ Мазасѣ тюремщики острили надъ Тьеромъ. Надё прикрикнулъ на нихъ. Губо-младшій разбудилъ генерала Бедо. «Генералъ, вы арестованы».—«Я пользуюсь неприкосновенностью».—«Но не тогда, когда вы застигнуты на мѣстѣ преступленія».—«Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Бедо:—значитъ я застигнутъ на мѣстѣ преступленія—сна». Его взяли за воротъ и потащили въ фіакръ.

Встрѣтившись въ Мазасѣ, Надё пожалъ руку Грессо, а Лагранжъ—руку Ламорисьера. Это размѣшило полицейскихъ. Нѣкто Тиріонъ, полковникъ, съ командорскимъ крестомъ на шеѣ, присутствовалъ при отправленіи генераловъ и представителей въ тюрьму. — «Эй, вы! взгляните-ка мнѣ въ лицо!» крикнулъ ему Шаррасъ. Тиріонъ ушелъ.

Такимъ образомъ, не считая арестовъ, произведенныхъ позже, въ эту ночь, 2-го декабря, были заключены въ тюрьму 16 представителей и 78 гражданъ. Оба агента преступленія, Морни и Мопя, донесли объ этомъ Луи-Бонапарту. Coffrés, ци-

салъ Морни. Bouclés, писалъ Мона. Одинъ заимствовалъ арго у салоновъ, другой, — у каторги: отгъни въ способъ выразаться!

V.

МРАКЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Версини только-что ушелъ отъ меня. Въ то время, какъ я торопливо одѣвался, ко мнѣ пришелъ человѣкъ, которому я вполне довѣрялъ. Это былъ Жераръ, честный бѣднякъ, столяръ, не имѣвшій работы, котораго я приютилъ въ своемъ домѣ, рѣзчикъ по дереву и не лишенный нѣкотораго образованія. Онъ пришелъ съ улицы и весь дрожалъ.

— Ну чтѣ? спросилъ я. — Чтѣ говорить народъ?

Жераръ отвѣчалъ:

— Дѣло обдѣлано такъ, что его не могутъ понять. Работники читаютъ аффиши и, не говоря ни слова, идутъ на работу. Говорить только одинъ изъ ста, да и то затѣмъ, чтобъ сказать: отлично! Вотъ какъ имъ представляется дѣло: законъ 31 мая уничтоженъ — это хорошо! Реакціонное большинство прогнано — чудесно! Тьеръ арестованъ — превосходно! Шангарне схваченъ — браво! Около каждой аффиши есть клакеры. Ратапуаль объясняетъ свой *суп д'ѣта* Жаку Боному, и Жакъ Бономъ поддается на эту удочку. Короче, народъ одобряетъ — вотъ мое убѣжденіе.

— Пускай!

— Но чтѣ-жъ вы намѣрены дѣлать, г. Викторъ Гюго? спросилъ Жераръ.

Я вынулъ изъ шкафа свой трехцвѣтный шарфъ и показалъ ему. Онъ понялъ меня; мы пожали другъ другу руки.

Когда онъ уходилъ, вошелъ Карини. Полковникъ Карини — человѣкъ неустрашимый. Во время возстанія въ Сициліи, онъ командовалъ кавалеріей у Мѣрославскаго. Онъ посвятилъ нѣсколько горячихъ, полныхъ энтузіазма страницъ этому возстанію. Карини — одинъ изъ тѣхъ итальянцевъ, которые любятъ Францію, какъ мы, французы, любимъ Италію. У каждого человѣка съ сердцемъ, въ нашъ вѣкъ, два отечества: прежній Римъ, и нынѣшній Парижъ.

— Слава Богу! сказалъ мнѣ Карини. — Вы еще на свободѣ.

И онъ прибавилъ:

— Ударъ нанесенъ рѣшительный. Національное собраніе занято. Я оттуда. Въ Тюильри, на Площади Революціи, на на-

бережныхъ, на бульварахъ—всюду масса войскъ. У солдатъ на плечахъ ранцы. Орудія наготовѣ... Если будутъ драться — мы увидимъ нѣчто ужасное!

Я отвѣтилъ ему: «драться будутъ» и прибавилъ смѣясь: — Вы доказали, что полковники пишутъ, какъ поэты; теперь поэты должны драться, какъ полковники.

Я вошелъ въ комнату жены своей. Она ничего не знала и спокойно читала въ постели газету. Я взялъ съ собой пятьсотъ франковъ золотомъ. Я поставилъ на постель жены шкатулку, заключавшую въ себѣ девятьсотъ франковъ, всѣ деньги какія у меня оставались, и рассказалъ ей что произошло.

Она поблѣднѣла и спросила: «что ты намѣренъ дѣлать?»

— Исполнить свой долгъ.

Она обняла меня и произнесла одно только слово: «исполни.»

Мой завтракъ былъ поданъ. Я съѣлъ котлетку въ два приема. Когда я кончалъ, вошла моя дочь. Ей повзалося, что я прощаюсь съ ней, поцѣловалъ ее не такъ, какъ обыкновенно, и она спросила меня въ волненіи: что случилось?

— Твоя мать объяснить тебѣ, сказалъ я и вышелъ.

Въ улицѣ la Tour d'Auvergne было, какъ всегда, тихо и безлюдно. Но, недалеко отъ моего крыльца стояли четверо рабочихъ и разговаривали между собою. Они поклонились мнѣ. Я крикнулъ имъ: Вы знаете, что дѣлается?

— Знаемъ, отвѣчали они.

— Видь это—измѣна! Луи Бонапартъ душитъ республику. На народъ нападе; нужно, чтобъ онъ защищался.

— Онъ будетъ защищаться.

— Вы общаете мнѣ это?

Они крикнули: «да!»

Одинъ изъ нихъ прибавилъ: Мы кланемся!

Они сдержали слово. Баррикады были воздвигнуты въ моей улицѣ (Tour d'Auvergne), въ улицѣ Мучениковъ, въ Сите Родье, въ улицахъ Кокенаръ и Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ.

VI.

А ф ф и ш и.

Разставшись съ этими мужественными людьми, я могъ прогнаться на углу улицы Tour d'Auvergne и улицы Мучениковъ три гнусныя аффиши, привлеценныя ночью на стѣнахъ Парижа. Вотъ онѣ:

«Прокламація президента Республіки.

«Возваніє къ народу.

«Французы!

«Настоящее положеніе не можетъ идти далѣе. Съ каждымъ истевающимъ днемъ увеличивается опасность страны. Национальное собраніе, которое должно бы служить самымъ твердымъ оплотомъ порядка, сдѣлалось средоточіемъ заговоромъ. Патриотизмъ утраченъ, соть изъ его членовъ не могъ остановить его пагубныхъ стремленій. Въмѣсто того, чтобы составлять законы, клонящіеся къ общему благу — оно куется оружіе для междоусобной войны. Оно посягаетъ на власть, которую я получилъ непосредственно отъ народа; поощряетъ всѣ дурныя страсти. Оно подрываетъ спокойствіе Франціи. Я распустилъ его и призываю весь народъ стать судьей между нимъ и мною.

«Конституція, какъ вамъ извѣстно, была составлена съ цѣлью ослабить заранѣе ту власть, которую вы собирались вручить мнѣ. Шесть миллионновъ голосовъ явились блистательнымъ протестомъ противъ нея; но тѣмъ не менѣе, я строго соблюдалъ ее... Всѣ вызовы, клеветы, оскорбленія — находили меня безстрастнымъ. Но нынѣ, когда основной договоръ не уважается даже тѣми, которые непрестанно ссылаются на него, и когда люди, цогубившіе двѣ монархіи, хотять связать мнѣ руки, чтобы ниспровергнуть республику, долгъ мой — разрушить ихъ вѣроломные замыслы, сохранить республику и спасти страну, воззвать къ торжественному суду единственнаго властелина, котораго я призываю въ Франціи — народа.

«А потому я честно обращаюсь ко всей націи и говорю вамъ: если вы хотите, чтобы это болѣзненное состояніе, унижающее насъ, грозящее намъ опасностями въ будущемъ, продолжалось, то выберите на мое мѣсто другаго, потому что я не хочу болѣе власти, которая, лишая меня возможности дѣлать добро, возлагаетъ на меня отвѣтственность за дѣла, которымъ я не въ силахъ помѣшать, и приковываетъ меня къ кормилу въ такую минуту, когда я вижу, что корабль стремится къ гибели...

«Если же вы, напротивъ, еще довѣряете мнѣ, то дайте возможность выполнить великую миссію, возложенную на меня вами.

Миссія эта состоитъ въ томъ, чтобы заключать эру революцій, удовлетворивъ законнымъ нуждамъ народа и защитивъ его отъ вліянія разрушительныхъ страстей; она, въ особенности, состоитъ въ созданіи такихъ учреждений, которыя переживли бы людей и могли послужить основой для чего либо прочнаго.

«Убѣжденный въ томъ, что современное колеблющееся положеніе власти и преобладаніе одного собранія, постоянно служатъ причина-

ни волнений и раздоровъ; и предлагаю на ваше голосованіе слѣдующія основны конституціи, которыя будутъ разработаны впоследствии собраніями.

«1. Отдѣлкенный глава государства, избираемый на десять лѣтъ.

«2. министры, зависящіе отъ одной исполнительной власти.

«3. Государственный совѣтъ, составленный изъ наиболѣе выдающихся людей, подготовляющихъ законы и поддерживающихъ ихъ при обсужденіи въ законодательномъ корпусѣ.

«4. Законодательный корпусъ, обсуждающій и вотирующій законы, избираемый посредствомъ всеобщей подачи голосовъ безъ баллотировки по спискамъ, вредящей правильности выборовъ.

«5. Второе собраніе, составленное изъ всѣхъ знаменитостей страны — власть уравнивающая, хранительница основнаго договора и общественной свободы.

«Эта система, созданная въ началѣ нынѣшняго столѣтія первымъ консуломъ, однажды даровала уже Франціи спокойствіе и благосостояніе. Она обезпечивае ихъ и еще разъ.

«Таково мое глубокое убѣжденіе. Если вы радѣваете его — заявите это своимъ голосованіемъ. Если же, напротивъ того, вы предпочитаете правительство, лишенное силы — монархическое или республиканское — заимствованное неизвѣстно изъ какаго прошлаго, или химерическаго будущаго — отвѣчайте отрицательно.

«Такимъ образомъ вы, въ первый разъ послѣ 1804 г., будете вотировать вполне сознательно, хорошо понимая, за кого и за что.

«Если я не получу большинства вашихъ голосовъ, я потребую созыва новаго собранія и передамъ ему полномочіе, полученное мною отъ васъ.

«Но если вы вѣрите въ дѣло, символомъ котораго служить мое имя — т. е. если Франція, возрожденная революціей 1789 года, и организованная императоромъ, все еще пользуется вашимъ сочувствіемъ, то провозгласите это, освятить права, которыя я у васъ испрашиваю.

«Тогда Франція и Европа будутъ предохранены отъ анархіи; прелатствія рушатся, раздоры исчезнутъ, ибо, въ виду рѣшенія народа, всѣ преклонятся передъ волею Провидѣнія.

«Елисейскій Дворецъ, 2-го декабря 1851 г.

Луи Наполеонъ Бонапартъ.»

«Прокламація

«Президента республики къ арміи.

«Солдаты!

«Гордитесь вашей миссіей: вы спасете отечество, ибо я раз-

«Считаю на вас не для нарушенія закона, а для того, чтобы заставить уважать первый законъ страны: верховную власть націи, которой я законный представитель.

«Давно уже вы страдали, подобно мнѣ, отъ разныкъ препятствій, мѣшавшихъ добру, которое я хотѣлъ дѣлать, и проявленію вашихъ симпатій ко мнѣ.

«Эти препятствія рушились.

«Національное Собраніе посягнуло на власть, вѣренную мнѣ всей націей; оно перестало существовать.

«Я честно взываю къ народу и арміи и говорю имъ: или дайте мнѣ средства обезпечить ваше благосостояніе, или изберите, вмѣсто меня, другого.

«Въ 1830 и 1848 гг., съ вами обошлись, какъ съ побѣжденными. Оповоривъ ваше героическое безкорыстіе, не сочли даже нужнымъ освѣдомиться о вашихъ желаніяхъ и симпатіяхъ; а, между тѣмъ, вы — цвѣтъ націи. Теперь, въ эту торжественную минуту, я хочу, чтобы армія подала свой голосъ.

«Вотируйте же свободно, какъ граждане; но, какъ солдаты, не забывайте, что беспрекословное повиновеніе приказаніямъ главы правительства есть священный долгъ арміи, отъ генерала до солдата.

«Я, какъ лицо, отвѣтственное за свои дѣйствія передъ народомъ и передъ потомствомъ, озабочусь принять мѣры, которые кажутся мнѣ необходимыми для общаго блага. А вы непоколебимо слѣдуйте правиламъ дисциплины и чести и помогайте странѣ спокойно и обдуманно заявить свою волю.

«Будьте готовы къ подавленію всякой попытки стѣснить свободное проявленіе верховной власти народа.

«Солдаты! я не говорю вамъ о воспоминаніяхъ, связанныхъ съ моимъ именемъ. Они начертаны въ вашихъ сердцахъ. Между нами существуетъ неразрывная связь. Ваша исторія — моя исторія. Въ прошедшемъ у насъ есть общность славы и несчастія. Въ будущемъ явится общность чувствъ и стремленій, направленныхъ къ величію и спокойствію Франціи.

«Елисейскій Дворецъ. 2-го декабря 1851 г. Л. Н. Бонапартъ.»

«Именемъ французскаго народа, президентъ республики декретируетъ:

«Статья 1-я. Національное собраніе распущено.

«Статья 2-я. Всеобщая подача голосовъ восстановлена. Законъ 31 мая уничтоженъ.

«Статья 3-я. Французскій народъ созывается въ конвюціи, начиная съ 14-го декабря и до 21-го будущаго декабря.

«Статья 4-я. Осадное положеніе объявлено въ предѣлахъ пер-
ваго воинскаго округа.

«Статья 5-я. Государственный совѣтъ распущенъ.

«Статья 6-я. На министра внутреннихъ дѣлъ возлагается ис-
полненіе настоящаго декрета.

«Елисейскій Дворецъ. 2-го декабря 1851 г.

Луи Бонапартъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ де-Морни.»

VII.

Улица Бланшъ № 70.

Сите-Гальяръ очень трудно отыскать. Это маленькая, пустын-
ная улица того новаго квартала, который раздѣляетъ улицу Му-
чениковъ отъ улицы Бланшъ. Я, однако-жь, нашелъ ее. Когда
я приближался къ дому № 4, Иванъ (Yvan) выпнелъ изъ воротъ
и сказалъ мнѣ: «Я здѣсь, чтобы васъ предупредить. Полиція
наблюдаетъ за этимъ домомъ. Мишель ожидаетъ васъ въ улицѣ
Бланшъ № 70, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда».

Я зналъ № 70 въ улицѣ Бланшъ. Здѣсь жилъ Маннъ, зна-
менитый президентъ Венеціанской республики. Впрочемъ, соби-
рались же у него.

Привратница дома № 70 заставила меня подняться въ первый
этажъ. Дверь открылась и женщина, лѣтъ 40, красивая, съ по-
сѣдѣнными волосами, баронесса Коппанъ, которую я узналъ
потому, что встрѣчалъ ее въ свѣтѣ и у себя, ввела меня въ
гостиную.

Тамъ находились Мишель де-Вуржъ и Александръ Рей, быв-
шій членъ учредительнаго собранія, краснорѣчивый писатель,
мужественная душа. Александръ Рей редактировалъ тогда «Насъ-
наль».

Мы показали другъ другу руки. Мишель спросилъ: «Что вы
думаете дѣлать, Гюго?» — Все, отвѣчалъ я. — «Это и мое мнѣніе,
сказалъ онъ. — Пришло еще нѣсколько представителей, и, между
прочими, Пьеръ Лефранъ, Лабруссъ, Теодоръ Вахъ, Ноэль Парфе,
Арно (изъ Арьежа), Демосеенъ Оливье, тоже бывший конституціо-
налистъ, Шарамоль. Негодованіе было глубокое, невыразимое.
Лишнихъ словъ не тратили. Всѣ были исполнены мужествен-
наго гнѣва, поражающаго всякія рѣшенія».

Завязался разговоръ; стали обсуждать положеніе дѣлъ. Каж-
дый сообщалъ свои новости. Теодоръ Вахъ пришелъ отъ Леона

Фоме, жившаго въ улицѣ Блавиш. Онъ разбудилъ Фому, который отъ него перваго узналъ новость дня. Первыми словами Леона Фоме было: «какое гнусное дѣло!»

Шарамоль, съ первыхъ же минутъ, выказалъ мужество, не измѣнившее ему въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней ни на одинъ мигъ. Шарамоль былъ человѣкъ высокаго роста, съ энергическимъ лицомъ, съ убѣжденной рѣчью. Онъ вотировалъ съ лѣвой, но сидѣлъ между депутатами правой. Въ Национальномъ Собраніи онъ былъ сосѣдомъ Монталамбера и Ріансея. Между ними иногда происходили крупныя ссоры, которыя мы видѣли и которыя насъ забавляли.

Шарамоль явился на сходку въ № 70 въ какомъ-то военномъ плащѣ и вооруженный.

Положеніе было очень серьезное: арестовали шестнадцать представителей, всѣхъ генераловъ Национальнаго Собранія и, въ числѣ ихъ, того, кто былъ болѣе, чѣмъ генералъ — Шарраса. Всѣ газеты были запрещены; всѣ типографіи заняты войсками. На сторонѣ Бонапарта восьмидесяти тысячная армія, которая могла быть въ нѣсколько часовъ удвоена; на нашей сторонѣ — ничего. Народъ обмануть, да притомъ и безъ оружія. Телеграфъ — въ ихъ распоряженіи. На всѣхъ стѣнахъ — ихъ аффиши; а для насъ — ни одного типографскаго станка, ни листа бумаги. Никакого средства заявить протестъ, никакого средства вѣдать борьбу. Врагъ былъ въ латахъ; республика была обнажена. У врага былъ руноръ, у республики замать ротъ. Чтò дѣлать?

Набѣгъ на республику, на конституцію, на собраніе, на законъ, на право, на прогрессъ, на цивилизацію, произведенъ былъ подъ начальствомъ алжирскихъ генераловъ. Эти храбрецы доказали, что они трусы. Они приняли всѣ возможныя предосторожности. Только одна трусость можетъ научить такой ловкости. Арестовали всѣхъ военныхъ, сидѣвшихъ въ Национальномъ Собраніи, всѣхъ людей дѣйствія, принадлежавшихъ къ лѣвой: Шарля Лагранжа, Бона, Міо, Валантена, Надд, Шола. Прибавимъ къ этому, что всѣ люди, которые могли бы предводительствовать на баррикадахъ, находились въ тюрьмѣ. Устремляли западни намѣренно на тронули Жюль Фавра, Минеля де-Вуржа и мена, считая насъ болѣе людьми трибуны, нежели людьми дѣйствія; желали оставить лѣвой людей, способныхъ сопротивляться, но неспособныхъ побѣдить, надѣялись насъ опозорить, если мы не станемъ драться, и расстрѣлять — если станемъ.

Никто, однакожъ, не поналебался. Начались иронія. Представители съжигали все прибывавшія и прибывавшія. Явились Эдгаръ Кине, Дутре, Пальтье, Кассаль, Вржкьеръ, Боджеъ, Шэф-

фурь. Гостиная была полна. Одни сидѣли, большая часть стояла въ безпорядкѣ, но безъ шума. Я говорилъ первый. Я объявилъ, что нужно завязать борьбу немедленно, тотчасъ же, за ударъ ударъ. По моему мнѣнію, всѣмъ ста пятидесяти депутатамъ лѣвой слѣдовало надѣть свои шарфы, двинуться процессіей по улицамъ и бульварамъ, до площади Мадленъ, крича: «да здравствуетъ республика! да здравствуетъ конституція!» подойти къ войску, спокойно и безъ оружія, и убѣждать силу, чтобы она подчинилась праву. Если войско уступить, то отправиться въ Національное Собрание и покончить съ Луи Бонапартомъ. Если же солдаты отвѣтятъ законодателямъ картечью, то разсѣяться по Парижу, кричать: «къ оружію!» и строить баррикады. Начать сопротивленіе конституціонно и, если это не удастся, продолжать его революціонно. Но нужно было спѣшить.

— Преступленіе, говорилъ я, нужно накрыть сейчасъ же: медленность будетъ огромной ошибкой. Она дастъ возможность съ нимъ примириться. Каждая упущенная минута является его сообщницей, даетъ санкцію злодѣянію. Страшитесь ужасной вещи, называемой «совершившимся фактомъ». Къ оружію!

Многіе горячо поддерживали это мнѣніе. Между прочимъ, Эдгаръ Кине, Пельтье и Дутръ. Мишель де-Вуржъ сдѣлалъ нѣсколько серьёзныхъ замѣчаній. Мой инстинктъ говорилъ мнѣ, что нужно начать сейчасъ же. Его мнѣніе было, что нужно выждать.

Онъ утверждалъ, что опасно ускорять развязку. Переворотъ былъ организованъ, а народъ засталъ въ располхъ. Не слѣдовало обольщать себя иллюзіями: массы еще не трогались. Въ предмѣстьяхъ царя глубокая тишина.

Что она означала? Гнѣвъ? нѣтъ. Изумленіе? да. Этотъ народъ, вѣрный, однако же, такъ уменъ — не понималъ.

Мишель прибавилъ: «Мы не въ 1830 г. Карлъ X, прогоняя 221 депутата, долженъ былъ ожидать пощечины, т. е. вторичнаго избранія этихъ 221-го. Мы не въ такомъ положеніи. 221 были популярны. Нынѣшнее Національное Собрание не пользуется популярностью. Оскорбленная палата, которую попробовали бы распустить и которую поддерживаетъ народъ, всегда можетъ быть увѣрена, что она побѣдитъ. И народъ, дѣйствительно, возсталъ въ 1830 г. Теперь онъ неподвиженъ. Онъ одураченъ, въ ожиданіи пока не сдѣлается жертвой. Мишель де-Вуржъ заключилъ: «нужно дать время народу понять, разсердиться и возстать. Что касается до насъ, представителей, то, съ нашей стороны, было бы безрассудствомъ насиловать положеніе. Идти тотчасъ же, прямо къ войскамъ — значитъ напрасно становиться подъ

картечь и заранѣе лишать возстаніе его естественныхъ вождей — представителей народа; это обезглавить народную армию. Выждать — самое лучшее. Нужно остерегаться излишняго увлеченія; сдержанность необходима. Предать себя — значить проиграть битву, не начавъ ее. Такъ, навримѣръ, не слѣдуетъ идти на складку правой, назначенную въ полдень, потому что всѣхъ, кто пойдетъ туда, захватятъ. Оставаться на свободѣ, быть на сторожѣ, и дѣйствовать, ждать, пока придетъ народъ — вотъ чтò нужно. Четыре дня волненія безъ боя -- утомить войско. Мишель, впрочемъ, соглашался, что надо начать, но просто съ наклейки аффишъ, на которыхъ напечатать 68-ю статью конституціи. Только гдѣ найти типографію?

Мишель говорилъ съ опытностью революціонера, которой у меня не было. Онъ въ теченіи многихъ лѣтъ имѣлъ дѣло съ массами. Его совѣтъ былъ разуменъ. Нужно прибавить, что всѣ свѣдѣнія, которыя мы получали, подтверждали его мнѣніе, и говорили противъ меня. Парижъ безмолвствовалъ. Войска спокойно продолжали наполнять его. Даже аффишъ дикіе не срывали. Всѣ представители, находившіеся налицо, даже самые отважные, раздѣляли мнѣніе Мишела де-Буржа, что слѣдуетъ ждать, чтобъ пришли къ намъ. Говорили, что въ слѣдующую ночь начнется волненіе, и, въ заключеніе, прибавляли, вмѣстѣ съ Мишелемъ: надо дать время народу пожать. Начавъ слишкомъ рано, мы рисковали остаться одни. Не въ эту первую минуту мы могли увлечь народъ. Пусть негодованіе, мало по малу, охватитъ его сердце. Если наша манифестація будетъ преждевременной, она не удастся. Это было всеобщее чувство. Я самъ, слушая ихъ, поколебался. Можетъ быть, они были правы. Было бы ошибкой напрасно давать сигналъ къ битвѣ. Къ чему слыть молнія, если за ней не слѣдуетъ громовой ударъ? Возвысить голосъ, крикнуть, найти типографщика — вотъ въ чемъ былъ главный вопросъ. Но оставался ли хоть одинъ свободный станокъ?

Старый и храбрый командиръ 6-го легіона, полковникъ Форестъ, вошелъ. Онъ отвелъ Мишела де-Буржа и меня въ сторону.

— Послушайте, сказалъ онъ: — я смѣненъ; я не команду больше своимъ легіономъ, но назначте меня отъ имени лѣвой начальникомъ его. Подпишите приказъ; я сейчасъ пойду и велю быть сборъ. Черезъ часъ, легіонъ будетъ на ногахъ.

— Полковникъ, отвѣчалъ я: — я сдѣлаю болѣе, я пойду съ вами.

Обратясь къ Шарамолу, котораго ждала у крыльца карета, я сказалъ ему: — Пойдемте съ нами.

Форестье ручался за двух батальонныхъ командировъ 6-го легиона. Мы условились тотчасъ же ѣхать къ нимъ. Мишель и другіе представители должны были ждать насъ у Бонвалё, на бульварѣ Тамплъ, около кафе Туркь. «Тамъ обсудимъ». Мы отправились.

Мы проѣхали по парижскимъ улицамъ, гдѣ уже обнаруживалось броженіе. Безпокойная толпа наполняла бульвары. Незнакомые между собой прохожіе подходили другъ къ другу—вѣрный признакъ тревожнаго настроенія общества—и группы людей громко разговаривали на углахъ улицъ.

— Э! вадоръ все это! воскликнула Шарамоль.

Онъ все утро бродилъ по городу и съ горестью замѣчалъ апатію массъ.

Мы застали дома обоихъ батальонныхъ командировъ, на которыхъ рассчитывалъ полковникъ Форестье. Это были богатые негоціанты, торговавшіе полотномъ. Они приняли насъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Прикащики магазиновъ, столпившись у оконъ, смотрѣли на насъ, когда мы ѣхали. Но это было простое любопытство.

Однакожь, одинъ изъ батальонныхъ командировъ отложилъ поѣздку, предстоявшую ему въ этотъ день, и общалъ намъ свое содѣйствіе. «Но не создавайте себѣ иллюзіи, прибавилъ онъ.—Всѣ предвидать, что придется потерпѣть пораженіе. Немного людей пойдетъ».

Полковникъ Форестье сказалъ намъ:—Ватренъ, который принялъ теперь команду надъ 6 легиономъ, нисколько не заботится ни о какихъ переворотахъ; онъ, можетъ быть, передастъ мнѣ начальство добровольно. Я пойду къ нему одинъ, чтобъ не слишкомъ его напугать и увижусь съ вами у Бонвалё.

У Сен-Мартенскихъ Воротъ, мы съ Шарамолемъ оставили нашу карету и пошли по бульвару пѣшкомъ, для того чтобъ поближе посмотреть на группы и чтобъ лучше судить о фizioноміи толпы.

Послѣдняя нивелировка улицъ сдѣлала изъ бульвара Сен-Мартенскихъ Воротъ глубокой ровъ, надъ которымъ господствуютъ два откоса. На этихъ откосахъ, вверху, находятся тротуары съ перилами. Экипажи ѣздятъ во рву, а прохожіе ходятъ по тротуарамъ.

Въ ту минуту, какъ мы достигли бульвара, длинная колонна пѣхоты вступала въ этотъ ровъ, съ барабанщикомъ впереди. Густая масса волнообразно двигавшихся штыковъ наполняла Сен-Мартенскій четырехугольникъ и терялась въ глубинѣ бульвара Bonne Nouvelle. Громадная толпа запрудила оба тротуара

на Сен-Мартенскомъ бульварѣ. Множество рабочихъ въ блузахъ стояло, облокотясь на перила. Въ то время, когда голова колонны вступила въ дефилей передъ театромъ Сен-Мартенскихъ Воротъ, крикъ: Да здравствуетъ республика! грянулъ изъ всѣхъ устъ разомъ, словно крикнулъ одинъ человекъ. Солдаты продолжали двигаться молча, но, казалось, шаги ихъ земедились, и многие изъ нихъ смотрѣли на толпу съ нервѣшительнымъ видомъ. Чтѣ означалъ этотъ крикъ: «Да здравствуетъ республика!»? Привѣтствовали или дразнили имъ войско?

Мнѣ показалось въ эту минуту, что республика подняла чело, а насильственный переворотъ опустилъ голову.

Однакожь, Шарамоль сказалъ мнѣ: васъ узнали. И дѣйствительно, около Château d'Еаи толпа окружила меня. Нѣсколько молодыхъ людей крикнули: Да здравствуетъ Викторъ Гюго! Одинъ изъ нихъ спросилъ: гражданинъ Викторъ Гюго, чтѣ нужно дѣлать?

Я отвѣчалъ: срывайте мятежныя аффиши и кричите «Да здравствуетъ конституція!»

— А если въ насъ будутъ стрѣлять? сказалъ мнѣ одинъ молодой работникъ.

— Вы возьметесь за оружіе.

— Bravo! крикнула толпа.

Я прибавилъ: «Луи-Бонапартъ—мятежникъ. Онъ запятналъ себя сегодня всевозможными преступленіями. Мы, представители народа, объявили его внѣ закона, но даже и въ нашемъ объявленіи нѣтъ надобности. Самый фактъ измѣны ставить его внѣ закона. Граждане! У васъ есть двѣ руки, возьмите въ одну ваше право, въ другую — ружье и нападите на Бонапарта!..»

— Bravo! bravo! повторялъ народъ.

Какой-то буржуа, запиравшій свою лавку, сказалъ мнѣ: «Не говорите такъ громко. Еслибы услышали, что вы говорите это— васъ разстрѣляли бы».

— Ну, чтѣ-жь! Вы пронесли бы мой трупъ по улицамъ, и смерть моя была бы хорошимъ дѣломъ, еслибы вызвала кару Божію.

Всѣ закричали: Да здравствуетъ Викторъ Гюго!— «Кричите: да здравствуетъ конституція!» сказалъ я имъ.

И громовой крикъ: да здравствуетъ конституція! да здравствуетъ республика! вырвался изъ всѣхъ сердець.

Энтузіазмъ, негодование, гнѣвъ смѣшались въ одинъ общій пламень, который зажегся во всѣхъ очахъ. Я думалъ тогда, и думаю до сихъ поръ, что эта была рѣшительная минута... Мною овладѣло искушеніе поднять всю эту толпу и начать бой...

Шарамоль удержалъ меня; онъ сказалъ мнѣ вполголоса: «вы по напрасну подвѣте ихъ подѣ картечь... Всѣ безъ оружія, пѣхота въ двухъ шагахъ отъ насъ, а вотъ и артилерія».

Я обернулся. Дѣйствительно, по улицѣ Бонди, позади Château d'Euca, скакала артилерія полной рысью, веза нѣсколько орудій.

Совѣтъ воздержаться, данный мнѣ Шарамолемъ, остановилъ меня. Онъ, конечно, не могъ казаться мнѣ подозрительнымъ, исходя отъ такого неустрашимаго человѣка. Притомъ же, я былъ связанъ рѣшеніемъ, принятымъ на сходкѣ въ улицѣ Бланшъ. Я отступилъ передъ отвѣтственностью, которую могъ навлечь на себя. Воспользовавшись такимъ моментомъ, можно было и побѣдить, но можно было вызвать и рѣзню. Правъ ли я былъ, или неправъ?

Толпа все росла вокругъ насъ, такъ что трудно было подвигаться впередъ. Намъ, однако-жь, хотѣлось попасть на сходку къ Бонвалѣ. Вдругъ кто-то толкнулъ меня локтемъ. Я оглянулся. Это былъ Леопольдъ Дюрасъ, изъ «Насьоналя».

— Не ходите дальше, сказалъ онъ мнѣ.—Ресторанъ Бонвалѣ окруженъ солдатами. Мишель де-Буржъ пытался держать рѣчь къ народу, но пришло войско, и онъ едва могъ выбраться. Нѣсколькихъ представителей, которые пришли вслѣдъ за ними, арестовали. Поверните назадъ. Соберутся въ прежнемъ мѣстѣ въ улицѣ Бланшъ. Я искалъ васъ, чтобы сказать объ этомъ.

Въ это время проѣзжалъ мимо кабриолетъ. Шарамоль сдѣлалъ знакъ кучеру, и мы сѣли, сопровождаемые толпой, кричавшей: да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Викторъ Гюго!

Кажется, въ эту самую минуту, отрядъ городскихъ сержантовъ явился на бульваръ, чтобы арестовать меня. Кучеръ помчалъ насъ во весь опоръ. Черезъ четверть часа, мы были въ улицѣ Бланшъ.

VIII.

Вторженіе въ залу собранія.

Въ семь часовъ утра, мостъ Согласія былъ еще свободенъ. Большая рѣшетка національнаго собранія была еще запѣта; съвозъ ея желѣзные прутья видѣлись ступени крыльца—того самаго крыльца, гдѣ 4-го мая 1848 года была провозглашена республика—занятія солдатами, а на платформѣ, позади высокихъ колоннъ, служившихъ во время учредительнаго собранія, послѣ 15-го мая и 23-го іюня, прикрытіемъ для ма-

*

ленькихъ горныхъ единороговъ, заряженныхъ и наведенныхъ — можно было различить ружейные козлы.

Привратникъ, съ краснымъ воротникомъ, носившій ливрею національнаго собранія, стоялъ у калитки рѣшотки. Отъ времени до времени, прибѣжали представители. Привратникъ спрашивалъ: «Вы представители, господа?» — и отпиралъ. Иногда онъ освѣдомлялся объ имени.

Къ г. Дюпену входили безпрепятственно. Въ большой галлерей, въ столовой, въ почетной президентской залѣ находились ливрейные лакеи, молчаливо, отворявшіе двери, какъ и всегда.

Передъ разсвѣтомъ, немедленно послѣ арестованія квесторовъ База и Лефло, г. Панà, единственный квесторъ, котораго оставили на свободѣ, потому ли, что забыли его, или изъ пренебреженія къ нему, какъ къ легитимисту, разбудилъ г. Дюпена и предложилъ ему тотчасъ же созвать представителей, разославъ имъ приглашенія по домамъ. Г. Дюпенъ далъ слѣдующій неслыханный отвѣтъ: «Я не вижу никакой крайности».

Почти одновременно съ Панà, прибѣжалъ представитель Жеромъ Бонапартъ. Онъ убѣждалъ г. Дюпена стать во главѣ собранія. Тотъ отвѣчалъ: «Я не могу; я подъ арестомъ». Жеромъ Бонапартъ расхохотался. Дѣйствительно, къ дверямъ г. Дюпена не поставили даже часового; знали, что его собственная низость караулитъ его.

Позднѣе уже, около полудня, скалились надъ нимъ; почувствовали, что такое обращеніе ужъ слишкомъ презрительно, и удостоили его двухъ часовыхъ.

Въ семь съ половиной часовъ, пятнадцать или двадцать представителей и, между прочимъ, г. Эженъ Сю, Жоре, Рессегіа и де-Талуа собрались въ залу г. Дюпена. И они также тщетно пытались подѣйствовать на президента. Въ амбразуру окна одинъ остроумный членъ большинства, Демуссо де-Живре, немножко глухой и сильно взбѣшенный, почти бранился съ однимъ представителемъ, принадлежавшимъ, какъ и онъ, къ правой, и котораго онъ напрасно заподозрилъ въ сочувствіи къ перевороту.

Г. Дюпенъ, въ сторонѣ отъ группы представителей, одинъ, одѣтый въ черное, заложивъ руки за спину, прохаживался взадъ и впередъ передъ каминомъ, гдѣ пылалъ яркій огонь. У него, и въ его присутствіи громко разговаривали о немъ; но онъ какъ будто ничего не слышалъ.

Явились два члена лѣвой, Бенуа (изъ департамента Роны) и Кретенъ. Послѣдній, войдя въ залу, подошелъ прямо къ г. Дюпену и сказалъ:

— Г. президентъ, вы знаете, что происходитъ? Почему же собраніе не созвано?

Г. Дюпенъ остановился и, по своему обыкновенію, подергивая плечами, отвѣчалъ:

— Не къ чему!

И принялся снова ходить.

— Этого довольно, произнесъ Рессегіз.

— Этого слишкомъ много, сказалъ Эженъ Сю.

Всѣ представители вышли.

Между тѣмъ, мостъ Согласія покрывался войсками. Генералъ Вастъ-Вимѣ, маленький, старый, худой, съ сѣдыми волосами, гладко прилизанными на вискахъ, въ полной формѣ, въ шляпѣ съ галуномъ, съ своими густыми эполетами на плечахъ, выставляя на видъ свой шарфъ, не депутатскій, а генеральскій, и до того длинный, что онъ волочился по землѣ — бѣгалъ по мосту, привѣтствуя какими-то безсвязными восклицаніями имперію и переворотъ. Такія фигуры можно было видѣть въ 1814 г. Но только, вмѣсто большой трехцвѣтной коварды, они носили большую бѣлую. Въ сущности, тоже самое явленіе: старики, кричащіе: да здравствуетъ прошлое! Почти въ ту же минуту, г. Ларошжакленъ проходилъ черезъ площадь, окруженный сотней блузниковъ, слѣдовавшихъ за нимъ молча и съ видомъ лобопытства. Нѣсколько кавалерійскихъ полковъ были разставлены эшелонами въ большой аллеѣ Елисейскихъ Полей.

Въ восемь часовъ, значительныя силы обложили законодательный корпусъ. Всѣ подѣзды охранялись войскомъ, всѣ двери были заперты. Однако-жь, нѣкоторымъ представителямъ удалось проникнуть внутрь зданія, не черезъ проходъ президентскаго дома, со стороны площади Инвалидовъ, какъ утверждали нѣкоторые, но черезъ маленькую калитку, выходившую въ улицу Бургонъ, черезъ такъ называемую Черную Дверь, о которой было сказано выше. Не знаю, благодаря какой случайности или какому соображенію, она, 2-го декабря, оставалась отпертой до полу дня. Улица Бургонъ, однако-жь, была наполнена солдатами. Разставленные въ Университетской Улицѣ, тамъ и сямъ, взводы пропускали прохожихъ, которые были рѣдки.

Проникнувшіе черезъ Черную Дверь представители устѣли пробраться до залы конференціи, гдѣ они встрѣтили своихъ товарищей, вышедшихъ отъ г. Дюпена.

Вскорѣ, въ этой залѣ собралась довольно многочисленная группа представителей всѣхъ фракцій собранія. Между ними находились: Э. Сю, Ришарде, Файоль, Жорѣ, Маркъ Дюфрессъ, Бенуа (изъ Депар. Роны), Канѣ, Гамбонъ, д'Адельсвардъ, Крешп,

Ренеленъ, Тельяръ Латериссъ, Рансьонъ, генералъ Лейде, Полень Дюррѣ, Шана, Брилье, Колась (изъ Жиронды), Моне, Гастонъ, Фавро и Альберъ Рессегіа. Каждый изъ прибывшихъ соѣтовался съ Панѣ.

— Гдѣ вице-президенты?

— Въ тюрьмѣ.

— А два другіе квестора?

— Тоже. И прошу васъ вѣрить, господа, прибавлялъ г. Панѣ:— что я не причемъ въ томъ оскорбленіи, которое нанесли мнѣ, не арестовавъ меня...

Негодование не знало предѣловъ. Всѣ отгѣнки партій слились въ одномъ чувствѣ презрѣнія и гнѣва, и г. Рессегіа былъ не менѣе энергиченъ, нежели Эженъ Сю. Въ первый разъ еще, у всего собранія, казалось, были одна душа и одинъ голосъ. Каждый, наконецъ, высказывалъ объ «елисейцѣ» то, что онъ думалъ; и только теперь замѣтили, что въ собраніи давно ужъ, благодаря Луи Бонапарту—хотя въ этомъ и не давали себѣ отчета—образовалось полнѣйшее единогласіе—единогласіе презрѣнія къ нему.

Г. де Колась (изъ Жиронды) рассказывалъ что-то, жестикулируя. Онъ возвратился изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, видѣлъ г. де-Морни, говорилъ съ нимъ и былъ возмущенъ преступленіемъ Бонапарта. Это преступленіе сдѣлало его впоследствии членомъ государственнаго совѣта.

Г. де Панѣ переходилъ отъ группы къ группѣ, сообщая представителямъ, что онъ созвалъ собраніе къ часу. Но ожидать такъ долго было невозможно. Время не терпѣло. Въ Palais Bourbon, какъ и въ улицѣ Бланшъ, всѣ были того мнѣнія, что каждый пропущенный часъ довершалъ *coup d'état*; у каждаго тяжелымъ упрекомъ лежало на совѣсти его молчаніе, его бездѣйствіе. Желѣзное кольцо все сжималось; солдаты все прибывали, въ молчаніи наводняя собраніе. Каждую минуту у дверей, остававшихся въ предшествовавшую минуту свободными—появлялись часовые. Однакожъ, группу представителей, собравшихся въ залѣ конференціи, покамѣстъ не трогали. Нужно было дѣйствовать, говорить, открыть засѣданіе, бороться и не терять ни минуты.

Гамбонъ сказалъ: «Попытаемся еще, не сладимъ ли съ Дюпенномъ. Онъ нашъ официальный предводитель; намъ его нужно». Послали за нимъ, и не нашли; его уже не было; онъ исчезъ; убѣжалъ, спрятался, забился куда-то; упалъ въ обморокъ, похороненъ. Гдѣ?—никто не зналъ. У подлости есть свои норы.

Вдругъ въ залу вошелъ человѣкъ, человѣкъ незнакомый собранію, въ мундирѣ съ густыми эполетами и при шагѣ. Это

былъ одинъ изъ батальонныхъ командировъ 42-го полка, явившійся съ требованіемъ, чтобы представители вышли вонъ. Всѣ, какъ республиканцы, такъ и роялисты, ринулись на него—это выраженіе очевидца—и Генераль Лейде обратился къ нему съ словами, равносильными пощечинѣ.

— Я дѣлаю свое дѣло; исполняю приказаніе, бормоталъ офицеръ.

— Вы глупецъ, если вѣрите, что дѣлаете свое дѣло, закричалъ ему генераль Лейде:—и негодяй, если вы сознаете, что совершаете преступленіе. Слышите, что я вамъ говорю? Разсердитесь—если посмѣете.

Офицеръ отказался сердиться и продолжалъ: Тамъ вы, господа, не желаете удалиться?

— Не желаемъ.

— Я пойду за вооруженной силой.

— Идите.

Онъ вышелъ и, дѣйствительно, отправился за приказаніями въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Представители ожидали, съ тѣмъ невыразимымъ волненіемъ, которое можетъ испытывать только право, задушаемое насиліемъ.

Вскорѣ одинъ изъ нихъ вышелъ, потомъ быстро возвратился и возвѣстилъ, что приближаются двѣ роты подвижной жандармеріи съ оружіемъ въ рукахъ.

Маркъ Дюфрессъ вскричалъ:

— Пускай посягательство будетъ полное! Пускай насиліе найдетъ насъ на своихъ мѣстахъ. Идемте въ залу засѣданій. Онъ прибавилъ:—если ужъ мы доведены до того, то доставимъ себѣ случай увидѣть дѣйствительное и живое повтореніе 18-го брюмера!

Они отправились въ залу засѣданій. Проходъ оставался свободнымъ. Зала Казимира Перье еще не была занята войскомъ.

Ихъ было около шестидесяти человѣкъ. Многіе опоясались шарфами. Они вошли въ залу съ какою-то сосредоточенною серьезностію.

Тамъ Рессегіэ, съ добрымъ, впрочемъ, намѣреніемъ и желая образовать болѣе плотную группу, настаивалъ, чтобы всѣ помѣстились на правой сторонѣ.

— Нѣтъ, сказалъ Маркъ Дюфрессъ:—каждый на свою скамью.

Они разсѣялись по залѣ; каждый занялъ свое обычное мѣсто. Монэ, сидѣвшій на одной изъ нижнихъ скамей лѣваго центра, держалъ въ рукахъ экземпляръ конституціи.

Прошло нѣсколько минутъ. Никто не говорилъ ни слова. Это было безмолвіе ожиданія, предшествующее рѣшительнымъ дѣй-

ствіямъ и окончательнымъ кризисамъ, во время котораго каждый, повидимому, внимаеть послѣднимъ внушеніямъ своей совѣсти.

Вдругъ на порогѣ показались солдаты подвижной жандармеріи, предводимые капитаномъ съ обнаженной саблей. Неприкосновенность залы засѣданій была нарушена. Представители поднялись со всѣхъ скамей разомъ и закричали «Да здравствуетъ республика!» Затѣмъ сѣли снова.

Только одинъ Монэ остался на ногахъ и громкимъ, негодующимъ голосомъ, который раздавался въ пустой залѣ, подобно звуку трубы, приказалъ солдатамъ остановиться.

Они остановились, глядя на представителей съ видомъ остолебѣнія.

Солдаты наполняли только лѣвый проходъ залы и еще не прошли за трибуну.

Тогда представитель Монэ прочелъ 36-ю, 37-ю и 68-ю статьи конституціи.

Статьи 36-я и 37-я устанавливали неприкосновенность представителей. Статья 68-я низлагала президента, въ случаѣ его измѣны.

Это была торжественная минута. Солдаты слушали молча.

По прочтеніи статей, представитель Адельсваръ, сидѣвшій на первой нижней скамьѣ лѣвой стороны и находившійся ближе всѣхъ другихъ къ солдатамъ, обратился къ нимъ и сказалъ:

— Солдаты, вы видите, что президентъ республики — измѣнникъ и желаетъ сдѣлать измѣнниками и васъ. Вы вторглись въ священныя предѣлы національнаго представительства. Во имя конституціи, во имя закона, мы приказываемъ вамъ выйти отсюда.

Во время этой рѣчи Адельсвара, въ залу вошелъ начальникъ батальона, командовавшій подвижною жандармеріей.

— Господа, сказалъ онъ:—мнѣ дано приказаніе пригласить васъ удалиться, а если вы не удалитесь, то выгнать васъ.

— Приказаніе выгнать насъ! вскричалъ Адельсваръ, и всѣ представители прибавили:—чье приказаніе? Посмотримъ его. Кто подписалъ этотъ приказъ?

Командиръ вынулъ бумагу и развернулъ ее; затѣмъ тотчасъ сдѣлалъ движеніе, чтобы спрятать ее снова въ карманъ; но генералъ Лейде бросился къ нему и схватилъ его за руку. Многие представители наклонились и прочли приказъ—разогнать собраніе, подписанный *морскимъ министромъ* Фортю.

Маркъ Дюфрессъ обратился къ жандармамъ и вскричалъ:

— Солдаты! Уже одно присутствіе ваше здѣсь—преступленіе. Выйдите вонъ!

Солдаты, повидимому, колебались. Но вдругъ вторая колонна выступила изъ двери направо, и, по жесту командира, капитанъ вскричалъ:

— Впередъ! Вышвырните всѣхъ вонъ!

Тогда между жандармами и законодателями началась жестокая свалка. Солдаты, съ ружьями въ рукахъ, вошли въ ряды скамеекъ сената. Репелленъ, Шанъ, Рансіонъ были насильно стащены съ своихъ мѣстъ. Двое жандармовъ кинулись на Марка Дюфресса, двое—на Гамбона. Они долго отбивались на первой скамьѣ правой стороны, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно сидѣли Одилонъ Баро и Абатуччи. Поленъ Дюрё противопоставилъ насилію силу; потребовалось трое человѣкъ для того, чтобы оторвать его отъ скамьи. Монé былъ опрокинутъ на скамейку комиссаровъ. Адельсвардъ солдаты схватили за горло и выбросили изъ залы. Болѣзненный Ришардъ былъ опрокинутъ и подвергнутъ грубымъ оскорбленіямъ. Нѣкоторые были задѣты остриемъ штыковъ; у всѣхъ платье было разорвано.

Такимъ то образомъ, шестьдесятъ представителей народа были государственнымъ переворотомъ сквачены за воротъ и согнаны со своихъ мѣстъ. Булачная расправа довершила измѣну. Матеріальное дѣйствіе было достойно дѣйствія моральнаго.

Послѣдними вышли трое: Файоль, Тейльяръ-Латерисъ и Поленъ Дюрё.

Ихъ пропустили черезъ большую дверь дворца, и они очутились на Бургонской Площади.

Эта площадь была занята 42 линейнымъ полкомъ, подъ начальствомъ полковника Гардерана.

Между дворцомъ и статуею Республики, находившейся въ центрѣ площади, одно орудіе было наведено на собраніе противъ большой двери.

Возлѣ орудія, венсенскіе стрѣлки заряжали ружья и разрывали патроны.

Полковникъ Гардеранъ былъ верхомъ возлѣ группы солдатъ, которая привлекла вниманіе представителей: Тейльяра-Латериса, Файоля и Полена Дюрё.

Среди этой группы энергично отбивались трое арестованныхъ, крича: «Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ республика!»

Файоль, Поленъ Дюрё и Тейльяръ-Латерисъ приблизились и узнали въ этихъ трехъ плѣнникахъ трехъ членовъ большинства—представителей Тупе-де-Виня, Раду Лафоса и Арба!

Представитель Арбэ энергично протестовалъ. Когда онъ возвышалъ голосъ, полковникъ Гардеранъ прерывалъ его слѣдующими словами, которыя достойны того, чтобы ихъ сохранить въ памяти:

— Молчите! Еще слово — и я велю васъ пристукнуть!

Трое представителей лѣвой съ негодованіемъ потребовали, чтобы полковникъ отпустилъ ихъ товарищей.

— Полковникъ, сказалъ Файоль: — вы трижды нарушили законъ.

— Я нарушу его шесть разъ, отвѣчалъ полковникъ и велѣлъ арестовать Файоля, Полена Дюрё и Тейльера-Латериса.

Солдатамъ было приказано привести ихъ на гауптвахту зданія, строившагося для министерства иностранныхъ дѣлъ.

Шесть плѣнниковъ, идя между двумя рядами штыковъ, встрѣтили по пути трехъ своихъ товарищей, представителей, Эжена Сю, Шанэ и Бенуа (жъ департ. Роны).

Эжень Сю загородилъ дорогу командовавшему отрядомъ офицеру и сказалъ ему:

— Мы требуемъ, чтобы вы отпустили нашихъ товарищей на свободу.

— Я не могу, отвѣчалъ офицеръ.

— Въ такомъ случаѣ, довершите свои преступленія, сказалъ Эжень Сю. — Мы требуемъ, чтобы вы арестовали и насъ.

Офицеръ арестовалъ ихъ.

Ихъ отвели на гауптвахту, а затѣмъ въ казарму набережной Орсе. Только уже ночью, двѣ роты пришли за ними, чтобы отвести ихъ въ это послѣднее убѣжище.

Помѣстивъ ихъ среди солдатъ, офицеръ поклонился имъ до земли и сказалъ имъ съ вѣжливостью:

— Господа, ружья моихъ солдатъ заряжены.

Очищеніе залы, какъ мы уже сказали, совершилось шумно; представителей выталкивали черезъ всѣ выходы.

Одни изъ нихъ, и въ томъ числѣ тѣ, о которыхъ мы только что говорили, вышли въ Бургоньскую Улицу; другихъ потащили къ рѣшеткѣ противъ моста Согласія ¹.

Дойдя до этой комнаты, смежной съ небольшою ротондой, гдѣ находится боковая выходная дверь дворца, солдаты отпустили представителей на свободу.

Тамъ въ нѣсколько мгновеній образовалась группа, въ кото-

¹ Эта рѣшетка, запертая 2-го декабря, открылась только 12-го марта 1862 г. для Луи Бонапарта, посѣтившаго работъ по перестройкѣ залы законодательнаго корпуса.

рой представители Кане и Фавро начали говорить. Подняли крикъ:—Пойдемъ за Дюпенъ, притащимъ его сюда, если нужно!

На этотъ разъ Дюпенъ былъ дома. Узнавъ, что жандармы очистили залу, онъ вышелъ изъ своего тайнаго убѣжища. По мѣрѣ низверженія собранія, Дюпенъ становался на ноги. Съ заключеніемъ закона въ тюрьму, этотъ человѣкъ чувствовалъ себя освобожденнымъ.

Группа представителей, подъ предводительствомъ Кане и Фавро, нашли Дюпена въ кабинетѣ.

Завязался разговоръ. Представители потребовали, чтобы президентъ во главѣ ихъ снова вошелъ въ залу — онъ, человѣкъ собранья, съ ними, людьми націи.

Дюпенъ отказалъ наотрѣвъ; онъ не уступалъ, онъ геройски держался за свое ничтожество.

— Чего вы хотите отъ меня? говорилъ онъ, перемишывая свои боазиныя возраженія юридическими аксіомами и латинскими цитатами, подобно говорящимъ птицамъ, которыя пускаютъ въ ходъ весь свой репертуаръ въ минуты страха. — Чего вы хотите отъ меня? Кто я такой! Что могу я сдѣлать? Я — ничто. Теперь уже всѣ — ничто. *Ubi nihil, nihil*. Теперь господствуетъ сила. А гдѣ сила, тамъ народъ теряетъ свои права. *Novus nascitur ordo*. Примиритесь съ этимъ. Я же принужденъ покориться своей участи. *Dura lex, sed lex*. То есть, разумѣется, законъ необходимости, а не права. И что тутъ дѣлать? Оставьте меня въ покоѣ. Я не въ состояніи сдѣлать ничего; что могу, то я дѣлаю. У меня нѣтъ недостатка въ доброй волѣ. Еслибы въ моемъ распоряженіи было четверо рядовыхъ и одинъ вапралъ, я велѣлъ бы убить ихъ.

— Этотъ человѣкъ не знаетъ ничего, кромѣ силы, сказали представители. — Ну, такъ и мы употребимъ силу.

Ему, какъ веревку, накиннули на шею шарфъ и потащили къ залѣ. Онъ упирался, требовалъ «свободы», жаловался, барахтался, а сказавъ бы — лягался, еслибы это слово не было для него слышимомъ благородно.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ эвакуаціи собранія, по большой пріемной залѣ, черезъ которую такъ недавно жандармы тащили представителей, проходилъ Дюпенъ, влекомый представителями.

Далѣе не пошли. Солдаты заперли большую зеленую створчатую дверь. Прибѣжалъ полковникъ Эспинасъ, прибѣжалъ начальникъ жандармовъ. Изъ кармана этого послѣдняго выглядывали рукоятки пары пистолетовъ.

Полковникъ былъ блѣденъ, начальникъ жандармовъ былъ блѣ-

день, Дюпанъ имѣлъ видъ мартышки. Обѣ стороны чувствовали страхъ. Дюпанъ боялся полковника; полковникъ, разумѣется, не боялся Дюпана; но за этою смѣшною и жалкою натурою онъ видѣлъ нѣчто ужасное — свое собственное преступленіе — и держалъ. У Гомера есть одна сцена, гдѣ Немезида является позади Терсита.

Нѣсколько мгновений Дюпанъ стоялъ смущенный, безсмысленный и безмолвный.

Представитель Гамбонъ крикнулъ ему:

— Говорите же, господинъ Дюпанъ! глѣвая не прерываетъ васъ.

Тогда, подгоняемый словами представителей сяди и имѣлъ противъ своей груди штыки солдатъ, несчастный заговорилъ.

Что вышло изъ устъ его въ этотъ моментъ, что президентъ верховнаго собранія Франціи пробормоталъ передъ жандармами въ эту критическую минуту—того никто не уловилъ...

Тѣ, которые слышали эту ноту издыхающей трусости, спѣшили очистить отъ нея свой слухъ. Однакоже, казалось, что онъ, запинаясь, проговорилъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго:

— Вы — сила, вы имѣете штыки; я ссылаюсь на право и ухожу. Имѣю честь вамъ кланяться.

И онъ ушелъ.

Ему позволили уйти. Въ минуту удаленія, онъ обернулся и еще бросилъ нѣсколько словъ. Мы не станемъ ихъ подбирать. У исторіи нѣтъ корзины для сора.

ДВОРЯНСКАЯ ХАНДРА.

Я прѣхалъ въ деревню, чтобъ поселиться въ ней навсегда. Ъхалъ я совсѣмъ не затѣмъ, чтобы просвѣщать, распространять здравыя понятія о платежѣ недоимокъ, устранять неурожай и вообще способствовать улучшенію быта; не затѣмъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ распоряженіи земскими деньгами, и ужь, конечно, не затѣмъ, чтобы производить опыты по части сельскаго хозяйства. Просто чувствовалась потребность заживо имѣть гробъ—вотъ я и прѣхалъ.

Эта потребность была очень сильная, почти страстная. Но что всего страннѣе, она загорѣлась во мнѣ совсѣмъ не потому, чтобъ я прикончилъ какіе-то счеты съ жизнью, чтобъ я сдѣлалъ какое-то свое дѣло, а именно потому, что я ровно ничего не начиналъ и никакихъ у меня счетовъ назади не было. Умственное пустошество удивительно какъ утомляетъ. Оно всегда сопряжено съ беспорядочною сутолокой, которая загромождаетъ жизнь разнообразнымъ цѣпкимъ хламомъ и самымъ предательскимъ образомъ вводитъ въ заблужденіе. Благодаря этой сутолокѣ, долго, очень долго думаетъ человекъ, что онъ вращается среди дѣйствительныхъ интересовъ, и даже представляетъ себя силой, дѣйствующимъ лицомъ. И вдругъ, его словно освѣтитъ, перешибетъ пополамъ. И начнетъ ежемгновенно, неотступно, назойливо, и во снѣ, и на яву, представляться одно: гробъ! гробъ! гробъ!

Я ѣхалъ, однако-жь, не безъ опасеній. Я думалъ, что гробъ дастся не разомъ и что съ прѣздомъ моимъ начнется, хотя и въ другомъ вкусѣ, но все-таки сутолока. Со стороны домохозяевъ возникнутъ требованія разъясненій, распоряженій и прочія сельскохозяйственныя приставанія; со стороны мужиковъ—явятся поповношенія по части, такъ называемаго, сліянія, въ которыхъ съиграютъ свою роль и вопросъ о пьянствѣ, и вопросъ о гра-

матности, и вопросъ о ссудосберегательныхъ кассахъ. И, въ заключеніе, какъ наидѣйствительнѣйшій символъ сліянiя — ведро воды. Со всѣмъ этимъ, думалось мнѣ, придется вести борьбу, покуда, наконецъ, не водарится настоящее безмолвіе, изъ котораго выдвинется настоящій гробъ. Но, въ моему благополучію, всѣ эти опасенія оказались преувеличенными.

Нынѣшняя деревня — не та, въ которой кишать ревизскія души, а та, которую представляетъ собой помѣщичья усадьба — истинный кладъ для гробоскателя. Въ нынѣшней деревнѣ вы не встрѣтите ни малѣйшей суеты, ни гѣни сельскохозяйственныхъ заботъ и волненій, а слѣдовательно — никакихъ вопросовъ и сомнѣній. Есть, разумѣется, уголки, въ которыхъ и до нынѣ ютятся выжиги и «сколотятся изъ послѣдняго», но это исключенія. Общій характеръ — тишина и уныніе, которыя я назвалъ бы самоотверженіемъ, еслибъ при этомъ не приходило на мысль представленіе о выкупныхъ свидѣтельствахъ. Урокъ дня, то есть то, что нужно для пропитанія, протопленія и проч., исполняется какъ-то самъ собой, въ опредѣленный часъ, безъ шума, безъ бѣготни. Прежде, стонъ, бывало, стоялъ и надъ застольными, и надъ скотнымъ и птичнымъ дворами; нынче — благодать. Не только въ стѣнахъ помѣщичьяго дома, но и на дворѣ — ни звука, кромѣ такъ называемыхъ голосовъ природы: завыванья вѣтра, шума деревьевъ, чириканья и карканья птицъ, лая собакъ и т. п. Изрѣдка доносится, правда, съ поселка (если онъ не далеко) хлопотливое галдѣніе ревизскихъ душъ, но и оно не нарушаетъ обязательной для всѣхъ (и живыхъ, и мертвыхъ) гармоніи голосовъ природы, а, напротивъ, только дополняетъ ее и сливается съ нею. Можно, (особливо, ежели требованія комфорта довести до минимума) провести цѣлый день, не слышавши звука человѣческаго голоса и самому не издавши такового. Ходить, думать, глядѣть въ окно и даже, по возможности, не читать. И лишь на самое короткое время зажигать огонь. Для человѣка одинокаго и притомъ перешибленнаго пополамъ это — своего рода купель сілоамская, приводящая за собой исцѣленіе отъ всѣхъ недуговъ.

Усадьба у меня старинная: Господскій домъ — громадный, выстроенный изъ такого отличнаго лѣса, что и теперь все вполне исправно. Просторно, пропастъ воздуха и тепло. Когда-то, на красномъ дворѣ, рядомъ съ домою, было нагромождено множество всякаго рода службъ, но нынѣ всѣ эти постройки снесены отчасти по ветхости, а преимущественно за ненадобностью. Лѣтомъ, на этихъ «нарушенныхъ» мѣстахъ растутъ непролазные массы крапивы и репейника, зимою — изъ-за снѣжныхъ намо-

совъ видѣются неправильныя кучи ломаннаго кирпича и мелкаго мусора. Въ сосѣдствѣ съ ними, но нѣсколько подаль, словно монументъ, свидѣтельствующій о благополучномъ переходѣ отъ крѣпостныхъ порядковъ къ вольнонаемному труду, стоитъ небольшой, сложенный изъ тонкаго дѣса скотный дворъ въ которомъ помѣщаются двѣ коровы, двѣ лошади, ломанный инструментъ и прочій приличествующій вольнонаемному труду сельскохозяйственный инвентарь. Впереди дома — цвѣточный (когда-то) садъ, съ запущенными дорожками, повато спускающійся къ рѣчкѣ; сзади дома — паркъ, настоящій паркъ, съ старинными могучими деревьями, которыхъ шумъ даже человѣку, далеко не одержимому мизантропией, можетъ внушить мысль о гробѣ. Внизу, по теченію рѣчки — небольшая мельница, у зияющей двери которой вѣчно торчитъ засыпка, не знающая куда дѣваться отъ праздности, такъ какъ, за общимъ оскудѣніемъ, помолецъ навѣзжаетъ рѣдко, да и то налегкѣ.

Понятно, что при такой внутренней обстановкѣ прїездъ мой не могъ вызвать никакой особенной суматохи. Я написалъ, что явлюсь тогда-то, и въ назначенное время все было готово къ моему прїему. Печи истоплены, стѣны и потолки обметены, полы вымыты, мебель разставлена въ старинномъ порядкѣ, даже обѣдъ изготовленъ. «Распоряженій» до такой степени не потребовалось, что, когда я снялъ шубу (дѣло происходило въ половинѣ февраля), то мнѣ оставалось только сказать, что *покуда* мнѣ ничего не нужно. Домочадцы, встрѣтившіе меня, разошлись по своимъ угламъ, я слышалъ, какъ хлопнула сперва одна дверь, потомъ другая, третья, все глуше и глуше — и вдругъ я остался одинъ... И въ этой свѣтлой, большой и хороше натопленной залѣ очутился лицомъ къ лицу съ громомъ...

Точно также не потребовалось никакой борьбы и по части «слиянія». Еще на желѣзной дорогѣ, одна сосѣдка по вагону, добродушная помѣщица, узнавши, что я намѣреваюсь возобновить порванную связь съ старыми «праками», сочла долгомъ предупредить меня:

— Нынче, батюшка, отъ мужичка благодарности не спрашиваютъ. Равнодушные какіе-то они стали: ни помощи, ни привѣта. Все — на деньгахъ. Сколько слѣдуетъ ему по условію — получилъ и шабашъ. Спасибо — не ждите.

Такъ, въ самомъ дѣлѣ, и оказалось. При самомъ въѣздѣ моемъ въ крестьянскій поселокъ (давно ли я былъ тутъ «въ отца мѣсто?»), я сейчасъ же убѣдился, что мое появленіе ни въ комъ ничего не пробудило. Ни благодарныхъ воспоминаній, ни отрадныхъ надеждъ, ни даже изумленія. Мужики, пилившіе у

своихъ изъбъ дрова (въ этой мѣстности преобладаетъ дровяной промыселъ), на мгновеніе приподняли головы, очевидно потому, что вниманіе ихъ было привлечено топотомъ мчавшихъ меня лошадей, и опять принялись за свое дѣло. Я опасался сниманія шапокъ, поклоновъ (иногда даже въ воображеніи моемъ мелькали радостныя улыбки)—ничего не бывало! Точно муха передъ ними пролетѣла. И мужики показались мнѣ какіе то новые. Прегніе были восторженные, слезоточивые; нынѣшніе—равнодушные, зачерствѣлые. Прегній мужикъ всѣми внутренностями тянулъ къ барскому дому; нынѣшній—даже по надобности прохода мимо господской усадьбы, совершенно ее игнорируетъ, словно это не притягательное мѣсто, а только вѣхъ на пути. Бабы, качавшія на мірскомъ колодцѣ воду—и тѣ не оторопѣли при моемъ внезапномъ появленіи, не оставили своего занятія, а только безучастно проводили глазами мои сани. И отлично. Всѣ предположенія на счетъ «слизній» и ссудо-сберегательныхъ кассъ устроились разомъ. Не будетъ подѣлуевъ, но не будетъ и подкузмилей—ничего. Даже на традиціонное ведро воды, повидимому, расходъ не потребуется. Прекрасно, прекрасно, прекрасно.

Но у меня вертѣлось въ головѣ еще одно опасеніе: я полагаю, что возвращеніе въ домъ предковъ вызоветъ лично во мнѣ чувство умиленія. Воскреснутъ въ памяти забытыя дѣтскія игры, встанутъ передъ глазами, какъ живыя, любезныя сердцу лица. Очевидно, это должно населить гробъ хотя и призраками, но все таки помѣшаетъ ему быть настоящимъ гробомъ. Однако, и тутъ обошлось благополучно. Чтобы покончить разомъ съ этимъ опасеніемъ, я тотчасъ же объѣхалъ весь домъ и останавливаясь въ каждой комнатѣ, стараясь припомнить. Вотъ маменькина комната и въ ней длинный столъ, за которымъ она, обыкновенно, раскладывала изъ мѣдныхъ тазиковъ по банкамъ варенье; этотъ столъ и теперь стоитъ на старомъ мѣстѣ, и на поверхности его еще сохранились кружки, свидѣтельствующіе о пребывавшихъ тутъ нѣкогда банкахъ съ вареньемъ; и сама маменька, словно живая, сидитъ вонъ на томъ кожаномъ креслѣ и держитъ въ рукахъ серебряную ложку... Вотъ папенькинъ кабинетъ (теперь онъ мой) и въ немъ небольшой четырехугольный столъ, съ разрисованною на верхней доскѣ шашечницею, передъ которымъ покойный, сидя на обитомъ кожей волтеровскомъ креслѣ, читывалъ «Московскія Вѣдомости»... Вотъ дѣвчья, въ которой дѣтомъ толпа горничныхъ, облѣпленныхъ массаи мухъ, съ утра до вечера чистила ягоды, горохъ, грибы и проч., а зимой, тоже съ утра до вечера, раздавалось жужжаніе веретенъ... Вотъ дѣтская; въ противоположность другимъ комнатамъ, узенькая, низенькая, въ которой

обитало великое множество клоповъ... Повторяю: я обѣждалъ все это и множество другихъ комнатъ (вотъ тутъ была спальня дѣдушки, когда онъ прѣѣзжалъ въ деревню «въ гости»; вотъ тутъ рядомъ — спальня его «сударки», передъ которой подличалъ и ходилъ на заднихъ лапкахъ весь дождь; вотъ тутъ жилъ когда-то дяденька «буль», котораго въ хорошія комнаты не пускали, и который ѣдалъ изъ одной чашки съ собакой Трезоромъ; вотъ тутъ вѣлились тетеньки — сестрицы, къ которымъ я бѣгивалъ тайкомъ за мятными пряниками; вотъ тутъ поймали Генриету Карловну съ учителемъ Василиемъ Ивановичемъ, и т. д.)—и, о чудо!—никакого умиленія не ощутилъ! Возвратился въ залъ, посмотрѣлъ въ окно—оттуда видѣется рѣка, въ настоящее время скованная льдомъ—и опять-таки никакого умиленія! Кабинетъ, дѣтская, рѣка—все имена нарицательныя, которыя такъ и остались нарицательными. Отчего это? отъ того ли, что самыя воспоминанія, сопряженныя съ этими нарицательными именами, не заключаютъ въ себѣ ничего умилительнаго, или отъ того, что человѣкъ, перешибленный пополамъ, самъ по себѣ дѣлается недоступнымъ для чувствъ умиленія, такъ какъ между его дѣтствомъ и старчествомъ легла цѣлая пустота, которая поглотила все безъ остатка, кромѣ страстнаго желанія обрѣсти гробъ.

Какъ бы то ни было, но я понялъ, что гробъ найденъ и что огненный начинается существованіе, въ которое не вторгнутся ни сельско-хозяйственные доклады, ни «слиянія», ни умиленія. Я наскоро пообедалъ, надѣлъ халатъ и немедленно почувствовалъ себя спокойно, безмолвно, почти что-мертво!..

Впрочемъ, мнѣ все-таки не удалось лечь въ гробъ сразу. По обыкновенію, сейчасъ послѣ прѣѣзда, пришелъ отрекомендоваться сельскій батюшка. Но и онъ оказался какой-то сосредоточенный, однословный, угнетенный, угрюмый, точно только ватѣмъ и пришелъ, чтобъ посмотреть, какъ я улягусь въ гробу, а онъ меня потомъ отпѣвать начнетъ.

— На жительство... совсѣмъ? началъ онъ, словно нехотя.

— Да, совсѣмъ.

— Великое это слово... «совсѣмъ»!

Я махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Просторно вамъ здѣсь однимъ будете!..

— Да, много комнатъ.

— Хозяйствовать не станете?

— Нѣтъ.

— И не надо!

Разговоръ на минуту прервался.

— Жизнь здѣсь... началъ онъ опять.

Т. ССХХХVI — Отд. I.

— Я не для «жизни».

— А коли не для «жизни», такъ настоящее мѣсто — здѣсь! Да.. именно, именно здѣсь!

Онъ какъ-то тоскливо взглянулъ на меня, повачалъ головой, потомъ на буфетный шкафъ и продолжалъ:

— Вотъ ежели въ этомъ разѣ вода... спаси Богъ!

— Не потреблаю. А вы?

— Спаси Богъ!

Опять молчаніе.

— Въ паркахъ—шумъ отъ вѣтровъ; опять же воронн гвѣзда вѣять... Ставни по ночамъ стучать будутъ! Проржагали, поди, ветли-то...

— Не знаю, не спрашивалъ.

— Оторонь возьмишь, оторонь! Главное—ставни на ночь плотъ гѣ заперать!

— Прежде заперали; конечно, будутъ и теперь заперать.

— Ну, съ Богомъ!

Онъ подавъ мнѣ руку, и исчезъ... «Что-жь? оторонь, такъ оторонь—тѣмъ лучше», подумалось мнѣ. Она будетъ напоминать мнѣ прошлое: вѣдь я всю жизнь, если сказать по правдѣ, ничего, кромѣ оторони, и не испытывалъ...

Впоследствии, я узналъ, что здѣшній батюшка — отличнѣйшій человекъ. Водки не пьетъ дѣйствительно, устроилъ въ залѣ школу, въ которой безвозмездно учить крестьянскихъ дѣтей, съ мужичами живетъ въ ладахъ, читаетъ имъ по воскресеньямъ краткія поученія, о томъ, како благоугодити Господеви, и за свадьбы беретъ по божески, не вривирался. Вообще, обстановку имѣетъ скромную, почти бѣдную. А смотреть онъ угнетенно, потому что жена у него—франтиха и сластѣна и ежемгновенно его точитъ. То упрекнетъ, что онъ не полюдски одѣвается, «ходитъ, словно мельница крыльями машеть—то ли дѣло у насъ въ городу уланы стоять!», то ставитъ ему въ вину, что онъ кануны соблюдаетъ: «все у него либо подъ преподобнаго Мартиніана, либо подъ Тимофея-мученика!» А онъ ей въ отвѣтъ: «ты бы, дура, прежде смотрѣла!»

Меня на минуту заняла мысль: каково-то ему, человекъ скромному, и, повидному, даже чѣмъ-то пронигнутому, жить въ селѣ Лисыи Ямы, въ корѣ, на цѣпи, съ глазу на глазъ съ попадѣй, сластѣной и франтихой? И онъ на цѣпи, и она на цѣпи... Она скалитъ зубы и скачетъ, и онъ скалитъ зубы и скачетъ. И оба благодарятъ Провидѣніе, что у каждаго цѣпь на столько коротка, что не пускаетъ ихъ загрызть другъ друга. Этими и процвѣтаетъ ихъ семейный союзъ.

Если кто думаетъ, что вслѣдъ за этимъ вступленіемъ появится на сценѣ дворовая дѣвица (плодъ секретной любви покойнаго папеньки) и затѣмъ произойдетъ интереснѣйшее кровосмѣшеніе, или что изъ подъ куста выпорхнеть породистая помѣщичья дочка и подастъ поводъ къ цѣлому ряду пріятныхъ сценъ, съ робкими поцѣлудами, трепетными пожатіями рукъ, трелями соловья и проч. — тотъ пусть не читаетъ дальше этихъ признаній.

Ничего этого не будетъ: во-первыхъ потому, что ничего подобнаго не было въ дѣйствительности, а во-вторыхъ и потому, что я поставилъ себѣ задачей писать о гробѣ, только о гробѣ.

Мысль объ этомъ приличіишемъ, по настоящему времени, убѣжищѣ давно уже шевелилась во мнѣ и, наконецъ, вполне созрѣла по слѣдующему очень характеристичному случаю.

Не очень давно тому назадъ, умершему, прославленному человѣку нужно было отыскать приличное «последнее убѣжище». Разумѣется, пошли переговоры съ кладбищенскими властями, и вотъ, во время этихъ переговоровъ, матушка-игуменья нѣкоего знаменитаго монастыря, на который указала знаменитый покойникъ еще при жизни, такимъ образомъ рекомендовала свой товаръ:

— У насъ на монастырскомъ кладбищѣ — очень хорошо. Тишина, порядокъ, просторъ. И зимой-то придется поглядѣть — залобуешься, а лѣтомъ, какъ распускаются деревья — точно въ рай! И не вышелъ бы! Совѣтую.

И видя, что слова ея производятъ благопріятное впечатлѣніе, присовокупила:

— И еще тѣмъ у насъ хорошо, что для всѣхъ состояній такса устлана — по божееси! кому что требуется. И богатые люди, и средняго состоянія, и бѣдные — всѣхъ милости просимъ! И перваго класса мѣста, и втораго, и третьяго — все распределено, смотря потому какъ. Поближе къ благодати — и плата выше, подальше отъ благодати — и плата понижается. За церемоніаль плату особенно, и тоже по состоянію. Есть большая служба, есть средняя служба, есть и малая. Большое освѣщеніе, среднее и малое. Также и на счетъ поминовеній. Нудить никого не нудимъ, а кто какъ любить, такъ для себя и выбираетъ. Совѣтую.

Вотъ тогда-то и блеснула у меня въ головѣ мысль: именно мнѣ это самое и нужно. Но такъ какъ всѣ эти удобства я могъ получить хозяйственнымъ образомъ, то есть у себя, въ своемъ собственномъ кладбищѣ, то ясно, что для меня быть прямой расчесть воспользоваться этимъ преимуществомъ. Тамъ, думалось

мнѣ, я все найду: и мѣсто первѣйшаго класса (безвозмездно), и свой собственный готовый гробъ, а что касается до церемоніала, то, навѣрное, тамошняя самая большая служба будетъ стоить вдвое дешевле, нежели здѣшняя самая малая.

Сверхъ того, мнѣ хотѣлось умереть безъ тревогъ, постепенно и, буде возможно, то естественною смертію. Я—человѣкъ прерасудочный и притомъ робкій; мнѣ все кажется, что, если я буду продолжать «соваться», какъ совался до сихъ поръ, то существованіе мое, навѣрное, пресѣчется самымъ неожиданнымъ и притомъ злокачественнымъ образомъ. Я знаю, что это страшно (на тѣхъ же похоронахъ знаменитаго человѣка одинъ изъ моихъ друзей, служащій въ департаментѣ Возмездій и Воздаяній, указывая на громадную толпу, окружавшую гробъ, сказалъ мнѣ: «въ обществѣ говорятъ, будто бы мы не допускаемъ передовыхъ людей естественною смертію умирать—вотъ вамъ блестящее опроверженіе этой гнусной клеветы!»), но что же дѣлать, если онъ до того присущъ мнѣ, что я освободится отъ него не могу? Тогда какъ, ежели я заблаговременно переселюсь въ «свой собственный гробъ»—навѣрное, всякій страхъ напрасной смерти пройдетъ самъ собою, за неизмѣнимъ пищи. «Соваться» мнѣ тамъ—незачѣмъ, да и департаментъ Возмездій и Воздаяній будетъ далеко... Никто и не увидитъ, какъ я изнѣю, пропаду самымъ естественнымъ образомъ!

Съ любовью и не торопясь прилаживался я къ своему гробу и, признаюсь, не безъ удовольствія говорилъ себѣ: какъ это, однако, хорошо, что у меня свой собственный гробъ есть! Надоѣло «слоняться», «соваться» и вообще производить свойственныя досужему человѣку дѣйствія—взялъ, юрнулъ въ свой собственный гробъ и пропалъ въ немъ. А у другихъ, у «недосужихъ», и этого нѣтъ. Вотъ онъ ѣдетъ зимникомъ по рѣкѣ, передъ самыми окнами моего дома съ возомъ на мельницу—онъ и радъ бы юрнуть, да недосужно ему. И у него, пожалуй, есть свой собственный гробъ, тамъ на селѣ; но это такой гробъ, въ которомъ не постепенно умирать, а ежемгновенно и безъ отдыха жить надо. Во-первыхъ потому, что онъ, обитатель этого гроба—ревизская душа, а вовторыхъ, потому что жизнь сама по себѣ, помимо его воли, помимо разумѣнія, даже помимо инстинктовъ самосохраненія, влилась да и не отпускаетъ его.

Какая это жизнь—это другой вопросъ. Я по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что въ эту самую минуту, онъ глядитъ на мой гробъ и думаетъ: вотъ гдѣ настоящая-то жизнь! И всегда онъ такъ думалъ: и тогда, когда я «совался» и «пламенѣлъ», и теперь, когда я, истомленный «сованіями», исподволь прилаживаюсь къ

гробу. Всегда онъ завидывалъ моей тоскѣ и моимъ изъясненіямъ, называлъ ихъ жировыми и говорилъ: хотъ бы недѣлку такъ-то пожить!

Я изъясняю отъ тоски, отъ неудовлетворенной жажды поступковъ, наконецъ, отъ стыда, а онъ думаетъ: вотъ оно, хорошее-то житье! И думаетъ привольно, потому что его-то собственное житье ужъ таково, что даже суздальскимъ богатамамъ, этимъ присяжнымъ изобразителямъ адскихъ мученій — и тѣмъ не найтъ красокъ, чтобы достойнымъ образомъ воспроизвести это житье!

Собственно говоря, только это вѣчноприсущее сравненіе между его гробомъ и моимъ и напоминаетъ ему обо мнѣ. Во всемъ остальномъ — ему до меня дѣла нѣтъ. Ни совѣтовъ ему моихъ не нужно, ни сочувствія. Въ томъ дѣлѣ, которое сопровождаетъ его жизненную агонію, я никакихъ поученій дать ему не могу, да и онъ самъ эти поученія встрѣтитъ съ нетерпѣніемъ, скажетъ: уйди! не мѣшай! Что же касается до сочувствія, то и тутъ послѣдуетъ тотъ же отвѣтъ: уйди! не мѣшай! Онъ не приметъ его за иронію только потому, что вообще ничего не прямого, инносказательнаго не разумѣетъ, а просто на просто подумаетъ, что мое сочувствіе есть обыкновенное интеллигентное «сованіе», только на этотъ разъ ужъ совсѣмъ неумѣстно примѣненное. «И безъ тебя тошно — а ты лѣзешь!»

Да, лучше ужъ не «соваться», а сидѣть смирно въ своемъ собственномъ гробу и потихоньку умирать. Слава Богу! напенька съ маменькой, накопившая тальки да овчины, да прижимая къ рублю копейку, наколотили такъ достаточно, что даже все-сокрушающая рука времени не успѣла уничтожить всего. Углы дома не отгнили, потолки не повалились, полы не перевосились — чего еще нужно! А главное, никто не мѣшаетъ, никто даже не подозрѣваетъ, что въ этомъ гробу кто-то копошится. Много такихъ гробовъ разбросано по окрестности, и о большинствѣ даже неизвѣстно, чьи они и шевелится ли въ нихъ кто-нибудь. И стоять они, постепенно чернѣя и осѣдая, подъ вліяніемъ времени и непогодъ. Пройдетъ еще одно поколѣніе — даже гробовъ не будетъ, а просто на просто будутъ торчать почернѣвшіе, безглазые черпа.

При моемъ душевномъ настроеніи, это было чрезвычайно удобно. Мнѣ именно нужно было исчезнуть такъ, чтобы никто не отыскалъ. Я машинально повторялъ про себя старинное мудрое реченіе: мертвые срама не имутъ — и мысль, что нашлось, наконецъ, убѣжище, въ которомъ ничто не достигнетъ меня, приводила меня въ восхищеніе.

Замѣчательная особенность: вотъ она, тотъ самый, который

идеть за возомъ на мельницу, онъ не только не понимаетъ моего недуга, но даже меня, человѣка изнемогающаго, считаетъ за привередника. Можетъ быть, ему некогда разбираться, сколько постыднаго сорнаго налета наслѣло на жизнь, но можетъ быть и то, что его обычный *modus vivendi* уже таковъ, что самая способность что-нибудь различать притупилась. Ежели у человѣка съ младенческихъ пеленокъ, единственный способъ передвиженія состоитъ въ томъ, что его перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто за волосы, то, конечно, онъ будетъ ощущать при этомъ физическую боль, но все-таки врядъ ли пойметъ, что этотъ способъ передвиженія ненормальный. Ненормальный — для кого? Вотъ для нихъ, для тѣхъ, которые, худо ли, хорошо ли, а ползутъ таки на собственныхъ ногахъ—можетъ быть! Но для него—онъ нормальный, потому что иначе какъ же могло бы случиться, чтобы тасканіе за волосы совершалось среди бѣла дня, у всѣхъ на виду, и ни у кого бы не перевернулось сердце при этомъ зрѣлищѣ!

Такъ-то и тутъ; не понимаетъ онъ да и только. Но быть свидѣтелемъ этого непониманія, видѣть, какъ оно расплодилось по всѣмъ жизненнымъ тропинкамъ и заволокло вселенную—ужасно! Въ сущности, это собственно только и ужасно. Съ своимъ личнымъ частнымъ недугомъ я, пожалуй, довольно легко бы совладѣлъ а вотъ этотъ общій и частью даже чужой недугъ—онъ-то именно и составляетъ ту непосильную гирю, которая заставляетъ человѣка осѣдять все глубже и глубже, покуда онъ не очутится лицомъ къ лицу передъ отверстымъ гробомъ.

Почему чужой недугъ претворяется въ свой собственный и даже хуже гнететъ—это отчасти объясняется большимъ или меньшимъ досужествомъ. Досужество даетъ человѣку возможность развертывать перспективы, отыскивать связующіе элементы. А какъ только начинать чувствоваться связь между собою и «остальнымъ», такъ тотчасъ же дѣлается невыносимо больно. Горы чего-то неслышаннаго, какой-то безразсвѣтной мглы начинаютъ надвигаться со всѣхъ сторонъ и давить, и давить безъ конца. Чтобы вынести эти горы на своихъ плечахъ, надо быть или очень сильнымъ, или—очень нахальнымъ. Робкимъ и слабымъ— не остается ничего больше, какъ исчезнуть.

Я устроился сразу и отлично: надѣлъ халатъ и замолчалъ. Комната—цѣлая анфилада; можно ходить взадъ и впередъ до усталости. Ходишь и молчишь; даже въ головѣ настоящихъ мыслей нѣтъ, а мелькаетъ что-то неопредѣленное. Отрывки старыхъ вожделѣній, звуки... Прислуга является ко мнѣ рѣдко, въ опредѣленные часы, чтобы сказать, что подано кушать или принести стаканъ чаю. Были попытки завести разговоръ о томъ,

что сегодня съ утра мжнца мжить, или о томъ, что нынѣшнюю зиму волновъ до ужаста много, въ деревнѣ днемъ по улицѣ бѣгають; но, такъ какъ съ моей стороны поощреній не послѣдовало, то и эти неважные разговоры улеглись сами собою. Когда-то я интересовался вопросомъ объ одиночномъ заключеніи и даже съ жаромъ доказывалъ, что это — самый благородный способъ отщепенія нарушенной правды, потому, дескать, что оно даетъ нарушителю возможность примириться съ самимъ собою. Вотъ какою я былъ... филантропъ! Какъ бы то ни было, но эта старинная предилекція, должно быть, и сказалась теперь. Я нашелъ для себя именно одиночное заключеніе — разумѣется, смягченное анфиладою комнатъ и возможностью во всякое время нарушить обрядъ молчанія.

Только принесетъ ли оно съ собою примиреніе? разсѣять ли мглу, которая такъ и виситъ надо мною, несмотря на внѣшній свѣтъ и просторъ? — вотъ въ чемъ вопросъ.

Покажи́сь, однако, я чувствую себя очень хорошо. По крайней мѣрѣ, та страшная мысль, что я ничего не могу, ничего не знаю, что я пятое колесо въ колесницѣ, которая разбила мою жизнь, уже не терзаетъ меня такъ неотступно, какъ прежде. Имѣя впередъ только гробъ, мнѣ не нужно ни мочь, ни знать, а тѣмъ больше претендовать на званіе велишняго колеса: я и колесницы-то никакой не вижу. Какъ хотите, а это выигрышь. Мнѣ нужно одно: чтобъ молчаніе, объемиющее меня, не нарушалось ни однимъ призывомъ къ жизни. Мнѣ такъ довольно всякихъ «не могу», «не знаю», и понятіе о нихъ до того остождествляется, въ моихъ глазахъ, съ понятіемъ о жизни, что всякое напоминаніе о послѣдней представляется напоминаніемъ о первыхъ.

Но одиночество, и само по себѣ, имѣетъ втягивающую силу. Оно нашоштываетъ думы, немѣющія ничего общаго съ думами живыхъ людей. Чтѣ-то совершенно особенное; не скажу, чтобы фантастическое или безсвязное, но никогда не кончающееся и притомъ доступное для бесконечныхъ видоизмѣненій. Думы плывутъ безостановочно, сами собою, не береда старыхъ ранъ и не смущая тревогами будущаго. Для человѣка, перешибленнаго голодомъ и имѣющаго за плечами цѣлое бремя всевозможныхъ сованій», одно воспоминаніе о которыхъ заставляетъ краснѣть — это до того хорошо, что всякій перерывъ, всякое внѣшнее вторженіе кажется несноснымъ, тяжелымъ. Думается, что, если бы среди этого одиночества вдругъ появился свѣжій чело-вѣкъ съ цѣлымъ запасомъ вѣстей изъ міра живыхъ — это

не только не заинтересовало бы, но скорѣе даже огорчило бы меня. Я слушаю бы только машинально, изъ приличія, но внутри у меня кипѣла бы все та же неясная работа безконечно таинущихся представленій, звучала бы все та же струна. Это бываетъ съ людьми, которые серьезно сзосонились съ одиночествомъ, да еще съ людьми, которыхъ поразила сильная мысль, что-то въ родѣ откровенія. Вся обыденная жизнь проходитъ мимо этихъ людей, какъ бы не прикасаясь къ нимъ. Есть одна свѣтающаяся точка, въ которую неизмѣнно впередъ ихъ взоръ, и этой одной точки совершенно достаточно, чтобы наполнить ихъ существо до краевъ.

Однимъ словомъ, одиночество должно оказать мнѣ великую услугу: оно спасетъ меня отъ жизни. Умирать, хотя и жажно, но въ время—не только необходимо, но и полезно, поучительно: я на этомъ стою. Я знаю, что вообще достойнѣе и сообразнѣе съ человѣческимъ назначеніемъ говорить: благо живущимъ! Но знаю также, что бываютъ такіа изумительныя обстановки, въ которыхъ и умѣстиѣе, и приличнѣе говорить: благо умирающимъ и еще большее благо — умершимъ!

.....

Отлично, отлично, отлично.

Теперь самое существенное, это—довести мысль до той степени неопредѣленности, при которой она совпадаетъ съ жужжаніемъ. И затѣмъ—позабить. Погрузиться со всѣмъ прошлымъ и настоящимъ на самое дно, такъ чтобы выкарабкаться оттуда было нельзя, еслибы даже и пришла въ голову мысль опять лѣзть на встрѣчу стариннымъ сованіямъ.

Какъ я уже сказалъ выше, вѣшняя обстановка, съ самаго начала, удивительно какъ благопріятствовала этому погруженію. Но чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Нѣтъ ни прокшествій, ни даже простого благорастворенія воздухонъ—ничего такого, что вызвало бы попытку выйти изъ гроба. На дворѣ замѣчаются, правда, признаки весны, но не той свѣтозарной, зажигающей весны, о которой повѣствуется въ книжкахъ, а какой-то мокрой, сонливой, кислой. Тяжелыя, сѣрыя тучи повисли надъ домомъ, посѣлкомъ и паркомъ и съ утра до ночи свѣютъ на землю мокрый свѣтъ. Съ 1-го марта подулъ съ юго-запада вѣтеръ, но настоящего тепла не принесъ, а только сырость, да слякоть: вней, одѣвавшій паркъ узорчатою одеждою, сползъ, и деревья

стоять голыя и безпорядочно хлещуть по воздуху отяжелѣвшими вѣтвями; дорога исковеркалась и побурѣла; рѣка покрылась полыньями; въ саду снѣгъ истѣкло словно червоточиною и по мѣстамъ обнаружилась взбухшая земля; люди ходятъ мокрые, «забшіе, хмурые; деревня совсѣмъ почернѣла. Говорится въ сказкахъ о жаворонкахъ, о волшебныхъ метаморфозахъ воскресенія природы, но ни жаворонковъ, ни воскресенія нѣтъ, а есть унылая картина наопрятнаго превращенія твердаго черепа зимы въ непролазныя хлабы весны. Только вороны суетливѣе прежняго хлопочуть вокругъ гнѣздъ и неистовымъ крикомъ какъ бы возвѣщаютъ, что одна тоска, зимняя, кончилась, и началась другая тоска, весенняя.

Что-же касается до происшествій, то а заранѣе рѣшился устраниваться отъ нихъ и потому даже наблюденій никакихъ не дѣлаю. Иногда, впрочемъ, я подхожу въ окошко, гляжу на поселокъ, но особеннаго любопытства не ощущаю. Тамъ во множествѣ кипитъ черныя точки, погруженныя въ вѣчную страду. Кипятъ—и только. Борются—и не сознають борьбы; устраиваютъ, ухищляются—и не могутъ дать себѣ отчета: что и зачѣмъ? И не хотятъ знать ни высшихъ соображеній, ни высшихъ интересовъ, кромѣ, впрочемъ, одного, самаго высшаго: интереса ѣды. Конечно, я понимаю, что въ этомъ-то интересѣ и сила вся, но страшная вещь! — какъ только я наталкиваюсь на него (а не лезнуть-ся—нельзя), такъ тотчасъ же чувствую непреодолимое желаніе обойти, заматъ. Разумѣется, впрочемъ, такъ обойти, чтобы нѣтъ этого не замѣтить...

Вообще, я долженъ сознаться, что меня всегда гораздо сильнѣе трогалъ вопросъ о недостаткѣ такъ называемыхъ «свободъ», нежели вопросъ о недостаткѣ ѣды. Ёда—вещь неизменная (трудно даже вообразить: какъ это нѣтъ ѣды!), а я воспитанъ въ традиціяхъ красивыхъ линій и интересовъ исключительно спекулятивнаго свойства. Конечно, я не чуждъ и представленія о безкормицѣ, но не о «такой». вмѣстѣ съ Генрихомъ IV, я охотно желалъ всѣмъ и каждому курицу въ супѣ, но именно курицу, а не ржаной хлѣбъ, хотя бы и безъ примѣси лебеды. Сверхъ того, я могу довольно легко представить себѣ и трагическую сторону безкормицы, но именно трагическую, красивую: вопли, стоны проклятія, голодную смерть, а не обрядовое голоданіе, сопровождаемое почтительно-сдерживаемымъ урчаніемъ въ животѣ и плаксивою суетою, направленною въ одну точку: во что бы то ни стало оборониться отъ смерти.

Тѣмъ не менѣе, иногда мнѣ сдается, что, будь у меня, вмѣ-

сто множества высших интересовъ, только одинъ, самый высшій—навѣрное, меня не грызла бы такая бѣшеная тоска. Очень возможно, что она замѣнилась бы болѣе еще болѣе жестокой, но у той боли существовала бы реальная подкладка, на которую я могъ бы сослаться съ увѣренностью быть понятымъ. А теперь, съ своими «свободами», куда я пойду? Съ какими глазами покажусь я вотъ хоть на этой почернѣвшей отъ мужицкаго тука улицѣ, на которой день деньской все кипитъ, все кипитъ?

Поэтому-то я и не выхожу изъ гроба, и не наблюдаю ни надъ чѣмъ. Нѣтъ у меня нужной для этого подготовки. Однакожъ, это не мѣшаетъ мнѣ утверждать по совѣсти, что хотя, мои «высшіе интересы»—и не «самые высшіе», но все-таки они—не прихоть, не фанаберія, а дѣйствительная и стелющаяся боль сердца. И эта боль тѣмъ несноснѣе щемитъ меня, что я обязываюсь глотать свою отраву безмолвно и въ одиночку.

Однажды, впрочемъ, я соблазнился и чуть было совсѣмъ не выпрыгнулъ изъ гроба. Вотъ по какому случаю. Пришелъ сельскій батюшка, весь встревоженный, и сообщилъ мнѣ, что на селѣ случилось происшествіе.

— Появился мужичекъ одинъ, изъ фабричныхъ, рассказывалъ онъ:—нашъ онъ, коренной здѣшній, да не по здѣшнему рѣчь ведетъ. Говоритъ: рука божія якобы не надъ всѣми равно благодѣтельно и равно попечительно простирается, но иныхъ угробляетъ избыточно, а другихъ и отъ малаго немилостивѣе отстраняетъ...

— Воля ваша, батюшка, а тутъ что-то не такъ! усомнился я.

— Ну, да, конечно, онъ, по своему, по мужицкому, объясняетъ, а редакцію-то эту ужъ я...

— Понимаю. Что-жъ дальше?

— То-то вотъ: какъ въ этомъ разѣ поступить?

— То есть, какъ же такъ поступить?

— Дать ли дѣлу ходъ, или такъ оставить?

— Батюшка! помилосердуйте!

— Признаться, я и самъ... Только вотъ мужички обижаются... Кабатчикъ, значить... Въ личную себѣ обиду приваля — ну, и прочіе забунтовалъ!

Я заинтересовался и пошелъ на село. Передъ волостнымъ правленіемъ волновалась небольшая кучка народа, изъ которой неслись смутные крики. Но не успѣлъ я дойти до мѣста судбыта, какъ приговоръ уже былъ объявленъ и приводился въ исполненіе: виновнаго «стегали». Здоровенный мужичина самъ снялъ съ себя портеи, самъ легъ и самъ кричалъ: честной миръ!

господа честивые! простите! не буду! А впоследствии, я, сверх того, узналъ, что, только благодаря представительству батюшки, дѣло кончилось такъ легко и что, не будь этого представительства, кабатчикъ непремѣнно бы настоялъ, чтобы возмутителя его спокойствія отослали въ станъ.

Я возвратился домой и, признаюсь, нѣкоторое время чувствовалъ себя вкрайно взбудораженнымъ. Помилуйте! Я ужь совсѣмъ было началъ «погружаться», а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое представление о розгахъ уже стало помаленьку заливаться, и вдругъ... Да, братъ, «выше лба уши не растутъ!» машинально повторилъ я, и чуть-чуть не захохоталъ вслѣдъ затѣмъ; до такой степени весь воздухъ, которымъ я дышалъ, казалось мнѣ, провонялъ, протухъ...

Объ чемъ собственно шла рѣчь? — объ ѣдѣ. Кажется, предметъ общепонятный и общедоступный, а между тѣмъ честивой миръ рѣшеніемъ своимъ засвидѣтельствовалъ, что и дѣла ему до него нѣтъ, что онъ не желаетъ даже, чтобы его беспокоили подобными разговорами. Что означаетъ этотъ фактъ? То ли, что миръ хотѣлъ «уважить» кабатчика? или то, что въ его представлении вопросъ объ ѣдѣ сформулировался такъ: ѣшь, что у тебя подъ носомъ?

Какъ бы то ни было, но отъ мысли, что заправскій узелъ все-таки тамъ, на посёлкѣ, никакъ не уйдешь. Какъ ни взмывай крыльями вверхъ, какъ ни стучи лбомъ объ землю, какъ ни кружись въ пространствѣ, а посѣлка все-таки не миновать. Тамъ настоящій путь земли, тамъ — разгадка всѣхъ жизненныхъ задачъ, тамъ — ключъ къ уразумѣнію, не только прошедшаго и настоящаго, но и будущаго. И нужно пройти туда... но какъ же туда пройти, коль скоро тамъ только одно слово и произносится внятно: стегать?!

Во всякомъ случаѣ, кто не можетъ вмѣстить посѣлка, тотъ лучше пусть и не прикасается къ нему. Потому что иначе къ прежнимъ высшимъ мотивамъ тоски пришлось бы прибавить еще новый, самый высшій...

Тамъ я и поступаю, то есть стараюсь поступать. Я не хочу тоски, а хочу жить въ гробу безъ прошлаго, безъ будущаго, даже безъ настоящаго. Да, и безъ настоящаго, хотя это и кажется на первый взглядъ нелѣпнымъ. Я убѣжденъ, что можно до такой степени убить въ себѣ чувство жизни, что самая реальная, осязательная дѣйствительность — и та не то что *покажется*, а во истину сдѣлается призрачною, неуловимою. Стѣны будутъ двигаться, полъ начнетъ колебаться подъ ногами. Галлюцинація получится

полная, но вѣдь только она и можетъ привести за собой настоящее, завравское забвеніе.

Чтобы достигнуть этого результата, необходимо, прежде всего, отъучиться отъ настоящихъ, человѣческихъ мыслей и замѣнить ихъ другими, получеловѣческими. Во-первыхъ, это засвидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ поворотѣ въ сторону благонамѣренности, а во-вторыхъ, удивительно какъ помогаетъ жить, то есть умирать. По началу, разумѣется, встрѣтятся затрудненія, но извѣстные механическіе приемы мигомъ упростятъ дѣла. Такъ напримѣръ, настойчивымъ повтореніемъ вслухъ первой попавшей подъ руку бессмыслицы можно разбить какую угодно мысль.

Къ тому же, у каждаго человѣка есть наготовѣ цѣлый запасъ исторій, которыя преимущественно щекотаютъ его животненные истинеты, и потому нравятся. Несмотря на крайнюю несложность содержанія, эти исторіи имѣютъ то драгоцѣнное качество, что ихъ, по желанію, можно обставлять новыми и новыми деталями, вслѣдствіе чего онѣ никогда не кажутся ни запыленными, ни исчерпанными. Таковы, напримѣръ, исторіи любовныя. Какое свѣтозарное облако можно соткать по такому простому поводу, какъ столкновеніе двухъ существъ, изъ которыхъ одно называется мужчиною, а другое — женщиною! и какими яркими, разнообразными колерами будетъ это облако отливать! Или другой примѣръ: процессъ личнаго обогащенія; и его тоже можно всякими огнями освѣтить. И сто тысячъ — богатство, и миллионъ — богатство, и сотня миллионъ — богатство. Затѣмъ: сначала идетъ процессъ накопленія (какой отличный случай для внимательства элемента «чудеснаго»), потомъ — процессъ распредѣленія... то есть на себя, на свои собственные нужды, а отнюдь не... По истинѣ, можно до такихъ комбинацій дойти, что сразу и не справиться съ ними! И еще примѣръ: исторіи сельско-хозяйственныя. Самъ-другъ, самъ-семь, самъ-двѣнадцать — какое разнообразіе! А съ другой стороны — цѣна продуктовъ можетъ быть — рубль, а можетъ быть — грошъ. Какъ тутъ быть? Поневолѣ приходится рыться въ воспоминаніяхъ объ экономическихъ обѣдахъ (эти воспоминанія не только можно, но и должно освѣжать какъ можно чаще). Словомъ сказать, является цѣлый міръ мыслей, думъ, представленій, не весьма цѣнныхъ, получеловѣческихъ, но способныхъ воспринимать всякую произвольную деталь. Благодаря этому свойству, не успѣешь и оглянуться, какъ образуется громадный клубокъ, передъ которымъ цѣлыя поколѣнія будутъ стоять въ изумленіи, покуда не придетъ «невѣжа» и не скажетъ: наплевать!

Но когда-то это еще случится, а покажѣтъ ресурсъ все-таки.

есть. Я очень серьёзно отнесся къ этой программѣ и рѣшился, во что бы ни стало, ее осуществить. И вотъ, стѣны вокругъ меня зашатались, полъ заколебался подъ ногами... Проблески стариннаго стыда, воспоминанія о высшихъ вопросахъ, представленіе о посѣлѣхъ—все исчезло. Остались только зеленые круги въ глазахъ, какъ неизбежное послѣдствіе болѣзненной усталости.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это срамъ. Да, это срамъ, отвѣчу я, и даже высокой пробы, но онъ освобождаетъ меня отъ прошлаго, а въ данномъ случаѣ только это и требуется.

Я уже начиналъ совсѣмъ утрачивать чувство дѣйствительности, какъ нечаянный случай снова возвратилъ меня къ нему. Привязался ко мнѣ старикъ Дементычъ съ «докладомъ»: время-де погребъ набивать льдомъ. Нѣсколько дней сряду я только мычалъ въ отвѣтъ: а! гм! Наконецъ, онъ, повидимому, испугался и почти во все горло проскандовалъ свой вопросъ.

Вотъ по этому-то ничтожному поводу и завязался у насъ разговоръ.

— Отъ Ивана Михайлыча человекъ на мельницу пріѣзжалъ; спрашивалъ: давно ли вы въ усадьбу пріѣхали? доложилъ Дементычъ.

— Отъ Ивана Михайлыча! помню! какъ-же... помню, помню! да неужто онъ живъ? встрепенулся я.

— Живы-съ.

— Да вѣдь ему ужъ *тогда* было подъ семьдесятъ—помнишь?

— Много имъ годовъ. А все до послѣдняго время здоровы были. Только въ прошломъ году, отъ несчастьевъ отъ этикъ, словно кабы...

— Отъ какихъ несчастіевъ?

— Да съ молодыми господами что-то похѣлалось. Да и Марья Ивановна, дочка ихняя, померла. Теперь живутъ самъ-другъ съ младшей внучкой... въ родѣ какъ убогоньявая она... Поѣдете, что ли, провѣдать?

— Конечно, конечно.. Какъ-нибудь... съѣзжу!

Дементычъ ушелъ, а я началъ припоминать. Это было лѣтъ двадцать тому назадъ, въ самый разгаръ мюнхъ «сованій». Иванъ Михайлычъ ужъ и тогда былъ старикъ старый. Какъ сейчасъ вижу его: длинный, прямой, худощавый, но широкоплечный и плечистый, съ головой, остриженной подъ гребенку и украшенной окладистой сѣдой бородою, вѣчно въ застегнутомъ на всѣ

пуговицы черномъ сиртукѣ солиднаго покрою. Самъ лично онъ не «совался»—года не позволяли—но сердцемъ и мыслью былъ неотлучно съ нами (насъ было такъ довольно). Мы были молоды, а онъ, казалось, вдвое моложе насъ. Онъ воодушевлялъ насъ, вселялъ въ насъ бодрость и вѣру, въ насъ, которые и сами были всецѣло сотканы изъ бодрости и вѣры! Въ его старческомъ сердцѣ словно цвѣтъ какой-то загадочный распустился; въ его старческихъ глазахъ—искрилось пламя. Никакихъ сомнѣній онъ не допускалъ, а тѣмъ менѣе—ироніи, къ которой былъ даже строгъ. И радовался такою безмѣрною радостью, какою можетъ радоваться только острожникъ, выдержавшій безконечно-долгій искъ, утратившій всякую надежду на освобожденіе. И вдругъ, волшебствомъ какимъ-то, очутившійся на волѣ. И мы чувствовали на себѣ силу этой радости, и окружали старика всевозможными знаками уваженія. Чудно было видѣть, какъ сильный лучъ свѣта вдругъ освѣтилъ могильную плиту, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и необыкновенно отрадно. Казалось, плита поднялась и дала выхоть совсѣмъ новому, сильному человѣку, который не зналъ какъ надыхаться, наглядѣться, наликоваться. Конца-края его ликванію не было, потому что этотъ ожившій, согрѣтый лучемъ мертвецъ создавалъ перспективы за преспективами, одна другой радостнѣе, лучистѣе...

Въ то время, у него была дочь, еще довольно молодая. Красива-ли была она, или дурна, мнѣ какъ-то никогда не удавалось замѣтить; но я помню, что въ этой семьѣ всѣмъ было и уютно, и свѣтло, и тепло, и какъ-то особенно легко. Должно быть, отъ того, что въ ней царствовалъ какой-то удивительный ладъ. Всегда большой наплывъ постороннихъ—и ни малѣйшей суетовки, всегда немолчный говоръ—и никакого надобдливаго шума. Домъ этотъ служилъ средоточіемъ не потому, что туда можно было во всякое время уйти отъ нечего дѣлать, а потому, что всякій надѣялся освѣжиться въ немъ. Удивительное дѣло, сколько тогда матеріала для безконечныхъ бесѣдъ было—нынче этого даже представить себѣ нельзя! Точно всѣ родились вновь и на каждомъ шагѣ обрѣтали совсѣмъ новые предметы, нужные, животрепещущіе, настоятельные. Да и дѣйствительно, много было и животрепещущаго, и настоятельнаго, да вотъ пришло что-то загадочное, чего и ждать, казалось, было нельзя, пришло и подкосило...

Впоследствии, когда всѣмъ мѣстнымъ «сованьямъ» (я забылъ сказать, что жилъ въ то время въ деревнѣ, гдѣ собственно и сосредоточивалась тогдашняя кипучая дѣятельность) былъ поло-

жизнь крутой и внезапный конецъ, я бросился вонъ изъ деревни и убѣжалъ «соваться» въ другія мѣста. А Иванъ Михайлычъ остался на мѣстѣ, и, хотя цвѣтокъ, случайно распустившійся въ его сердцѣ, завялъ значительно, но все-таки онъ продолжалъ заботливо охранять его корень, въ чайники, что опять проглянуть лучи и согрѣить его. Повторяю: въ качествѣ острожника, почувствовавшаго просторъ полей, онъ сдѣлался наивнѣе, какъ юноша, и какъ юноша же былъ доступенъ только впечатлѣніямъ радости и надежды. Я лично уже не видѣлся съ нимъ, но отъ постороннихъ слышалъ, что онъ, точно такъ же, какъ и я, какъ и всѣ мы, не одинъ разъ распцвѣталъ и не одинъ разъ увядалъ. Надежда—вещь слишкомъ привязчивая, чтобы могла легко и скоро превратиться въ стыдъ. Но годъ или два тому назадъ, Ивана Михайлыча постигло двойное несчастье: сперва умерла дочь, а потомъ случилось что-то загадочное съ внуками, которыхъ онъ выростилъ и на которыхъ не могъ надѣяться. По словамъ Дементьича, въ самое короткое время его такъ свернуло, что отъ прежняго бодрого и физически-сильнаго старика осталась одна развалина. Теперь онъ живетъ вдвоемъ, съ удѣлѣвшею внучкой; оба думаютъ объ одномъ; оба чувствуютъ себя раздавленными, и оба боятся проговорить другъ передъ другомъ. Именно, только благодаря этой осторожности, ихъ жизнь еще кое-какъ виситъ на волоскѣ. Никто къ нимъ не ѣздитъ, да и некому: тѣ, которые когда-то составляли ихъ кругъ, давно ужъ разсыпались и ушли неизвѣстно куда. Вотъ я—воротился, вспомнилъ, что у меня случайно удѣлѣлъ свой собственный гробъ, а другіе—гдѣ? Уже ли все еще «суются», и пытаются пощечинными надеждами?

Воспоминанія эти встревожили меня. Съ недѣлю я не упоминалъ объ Иванѣ Михайловичѣ: все надѣялся, что какъ-нибудь обойдется. Въ моемъ безмолвіи, всякая непредвидѣнность, всякій выходъ изъ предѣловъ программы не на шутку пугали меня. Конечно, я ни подъ какимъ видомъ не могъ освободиться личнымъ образомъ отъ визита къ Ивану Михайлычу, но зачѣмъ же съѣздить? И я не знаю, чѣмъ бы это кончилось, еслибы не пришелъ ко мнѣ на выручку Дементьичъ, который, въ одно прекрасное послѣ-обѣда, доложилъ, что закладываютъ лошадей.

Я ѣхалъ съ замираніемъ сердца, словно ожидая, что мнѣ придется увидѣть нѣчто даже худшее, нежели гробъ. Сиротливо раскинулась по обѣимъ сторонамъ дороги родная равнина, обнаженная, расхищенная, точно послѣ погрома. При взглядѣ на эти далекія, оголенные перспективы, не рождалось никакой мысли,

кромѣ одной: гдѣ же тутъ пріютъ? Кто тутъ живетъ? зачѣмъ живетъ? въ какихъ выраженіяхъ проклинаетъ часъ своего рожденія? Я никогда не былъ панегиристомъ старыхъ порядковъ, но можно ли было представить себѣ, даже во снѣ, что на смѣну прошлому придетъ такое настоящее? А сколько было радостей-то! сколько надеждъ! Ахъ, эти радости! есть же такіе углы въ божьемъ мірѣ, гдѣ онѣ не оживляютъ, а только отражаютъ существованіе!

Наконецъ, проѣхали перелѣсокъ (я не узналъ его: тутъ прежде былъ хорошій, старинный лѣсъ), и изъ-за снѣжныхъ сугробовъ вынырнула усабба Ивана Михайлыча. И прежде она была не изъ нарядныхъ, а теперь и вовсе глядѣла развороненнымъ вороньимъ гнѣдомъ. Почернѣла, даже словно сгорбилась. Я осторожно подѣлкалъ къ заднему крыльцу (парадное было заволожено, и дорогу къ нему занесло снѣгомъ), и въ бывшей дѣвничьей былъ встрѣченъ Юліей Петровной, внучкой Ивана Михайловича.

Это была дѣвушка болѣзненная, маленькаго роста, горбатенькая. Лицо у нея блѣдное, почти прозрачное, и эта прозрачность сообщала ему, по временамъ, свѣтящіяся точки. Снѣсъ дѣтскаго и преждевременно состарѣвшагося поражаело въ этомъ лицѣ; глаза смотрѣли совсѣмъ по дѣтски, восторженно, какъ-то вдаль, дальше предмета непосредственно стоящаго между глазами, а на вискахъ и на лбу ужъ легли старческія тѣни. Даже голосъ ея звучалъ двойственно; въ общемъ, онъ напоминалъ неустановившіеся голоса переходной эпохи 12—13 лѣтняго возраста, но, по временамъ (даже слишкомъ часто), въ немъ прорывались такіе дряхлые звуки, что, слыша ихъ, вы невольно представляли себѣ цѣлую раздавленную жизнь.

Приняла она меня прилично, хотя и неособенно радушно. Можетъ быть, долгая строго-уединенная жизнь ужъ отъучила ее отъ той пріятливости, которою нѣкогда, казалось, были пропитаны даже стѣны этого дома.

— Дѣдушка васъ ждетъ, сказала она, подавая мнѣ руку.

— Онъ здоровъ?

— Здоровъ, но не надо его волновать. Конечно, при встрѣчѣ послѣ долгой разлуки, нельзя обойтись безъ воспоминаній, но есть предметы—вы меня понимаете?—которыхъ положительное слѣдуетъ касаться. Онъ и безъ того слишкомъ объ нихъ помнить.

Я нашелъ Ивана Михайлыча въ столовой. Передо мной стоялъ прямой и длинный старикъ, до того худой и обнаженный отъ мускуловъ, что даже кости у него, казалось, усохли. Блѣд-

но-сырая голова, словно мокрое поросшая волосами, ничѣмъ бы не отличалась отъ головы мертвеца, еслибъ изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ не выглядывали двѣ свѣтащіяся точки. Увидѣвъ меня, онъ протянулъ ко мнѣ свои длинные, худыя руки.

— Приѣхали?.. куда?.. ха-ха! привѣтствовалъ онъ меня.

Я бросился къ нему, и вдругъ внутри у меня что-то нахлынуло, закипѣло, защемило. Я не ждалъ отъ него смѣха... ужасная это, ужасная боль! Я весь вспыхнулъ, затрясся и, мучительно надрываясь отъ боли и, въ то же время, какъ бы усиливаясь освободиться отъ нея, крикнуть:

— Ну, да, въ гробъ, въ гробъ, въ гробъ!

Казалось, эта выходка поразила его. Онъ взялъ мою руку; одною рукою держалъ ее, а другою гладилъ, какъ бы желая успокоить.

— Ну, дайте я на васъ посмотрю! сказалъ онъ, подводя меня къ окну, и затѣмъ, внимательно осмотрѣвши, прибавилъ: — все въ порядкѣ. Теперь рассказывайте. А, впрочемъ, что-жь я! прежде познакомьтесь. Юлія — внучка моя. Теперь она у меня одна...

Онъ спохватился и не кончилъ.

— Рассказывайте, рассказывайте! повторилъ онъ.

Мнѣ всегда казалось, что я могу рассказать очень многое. Длинная жизнь, вся до краевъ наполненная «сованіями» — есть, кажется, что порассказать. Но теперь, при этомъ, такъ сказать, ультиматумѣ, я вдругъ сталъ въ тупикъ. Не то, чтобы я позавылъ или застыдился — нѣтъ, этого не было. Напротивъ, какъ нарочно, вся моя жизнь, со всѣми деталями, пронеслась въ эту минуту предо мной; а что касается до стыда, то, право, онъ не могъ дѣлать никакого диссонанса въ домѣ, гдѣ и безъ того все говорило о стыдѣ. Нѣтъ, просто показалось не любопытнымъ, не нужнымъ.

— Рассказывать-то, вѣрно, нечего... ха-ха! засмѣялся онъ.

— Пожалуй, что такъ, согласился я.

— Это, сударь, бываетъ, особенно въ такихъ углахъ вселенной, гдѣ по части благочинія чертучуръ постарались. Вспоминаешь-вспоминаешь и все какъ-то около одного предмета вертись: около выѣски съ надписью: «Управа благочинія»... ха-ха!

— Дѣйствительно, это воспоминаніе господствуетъ...

— Такъ-то господствуетъ, что вотъ я еще въ восемьсотъ четырнадцатомъ году (восемьдесятъ восемь лѣтъ, сударь, мнѣ!) началъ надеждами горѣть и потомъ все горѣлъ, все горѣлъ, а

ещели начать рассказывать... Плиухи, да плиухи, на каждомъ шагу плиухи... вотъ мерзость какая! Ну, дѣлать нечего, давайте смотреть другъ на друга и молчать. Юлія! ты у меня умная: скажи, вѣдь молчать — лучше?

— Да, дѣдушка, лучше.

— И я говорю: лучше... ха-ха! Только я вотъ еще что говорю: молчаніе—вещь обоюдоострая; иногда оно помогаетъ забывать, а иногда—жжетъ, бередить. Точно вотъ слезы, которыхъ не можешь выплакать, или стыдъ, который, хочешь не хочешь, а долженъ глотать. Такъ ли, господинъ надеждоносець... ха-ха!

Я прислушивался къ его смѣху, и мнѣ положительно дѣлалось неловко. Хохочущій старикъ—право, это цѣлая трагедія. Какую нужно необъятную боль, чтобъ добраться до дна старческой дремоты, разбудить всѣ скопившіяся тамъ боли, перебрать ихъ одну за одной и обострить—до хохота!

— Что касается до меня, сказалъ я:—то я, во всякомъ случаѣ, полагаю, что молчаніе цѣлесообразнѣе. Съ помощью его мы извлекаемъ свой личный стыдъ изъ публичнаго обращенія и перестаемъ служить посмѣшищемъ. Я, собственно, ради молчанія и воротился въ деревню.

— А вы изъ стыдящихся? вдругъ прервала меня Юлія Петровна и такъ пристально взглянула на меня, что я невольно сконфузился.

— А она у насъ стыдящихся не одобряетъ, съ своей стороны пояснилъ Иванъ Михайлычъ.

— Не одобряете? но что же дѣлать, если результатъ всей жизни выражается словами: довольно жить? возразилъ я.

— Она такихъ результатовъ не признаетъ. Не понимаетъ, что для насъ, старыхъ надеждоносцевъ... если мы и къ такимъ результатамъ приходимъ... и то ужъ заслуга... ха-ха!

Старикъ захохоталъ такимъ горькимъ и продолжительнымъ хохотомъ, что Юлія Петровна встревожилась.

— Дѣдушка! оставьте этотъ разговоръ! онъ васъ волнуетъ! обратилась она къ нему.

— Мудрая, а не въ силахъ понять, что у насъ другого разговора не можетъ быть! Ты говоришь: волнуетъ, а я, напротивъ, утверждаю: развлекаетъ, позволяетъ занимательно провести время... такъ ли, сосѣдъ?

— Не знаю, право....

— Нѣтъ, навѣрное. Вотъ, напримѣръ, я говорю: Какъ началось—и чѣмъ кончилось! Восклищаніе, кажется, не особенно мудрое, а, между тѣмъ, облегчаетъ меня! И я очень радъ, что есть

человѣкъ, который меня пойметъ и вмѣстѣ со мной постыдится... Такъ вѣдь?

Онъ взглянулъ мнѣ въ глаза и ласково потрепалъ рукой по колѣнѣмъ.

— Еслибъ я молчалъ — эта мысль глодала бы мои внутренности, шла бы за мной по пятамъ. А теперь, сдѣлавши изъ нея составную часть *saupréie de société*, я все равно что отнялъ у нея всякое значеніе. Оттого-то я и повторяю: Какъ начиналось и чѣмъ кончилось... ха-ха!

— Да начиналось ли?

— То-то вотъ... Она, впрочемъ, умная-то моя, не сомнѣвается. Не только «начиналось», а началось, говоритъ, и не вчера, а отъ начала вѣковъ. И придетъ, несомнѣнно придетъ! Юля? вѣдь такъ?

— Такъ, дѣдушка, придетъ.

— Она и на насъ, стыдящихся, какъ-то особенно смотритъ. Нѣчто въ родѣ Закхеевой смоковницы въ насъ видитъ... ха-ха!

— Дѣдушка! я никого не осуждаю! Я говорю только...

— Что нужно вѣрить?

— Нужно, дѣдушка.

— И что есть люди, которые не падаютъ духомъ?

— Есть.

— Аминь!

— Аминь, повторила Юлія Петровна.

Всѣ умолкли, а старикъ понурилъ голову, словно задремалъ. Черезъ минуту, однакожь, онъ вновь встрепенулся и взглянулъ въ окно. Небо было ясно, и на краю небосклона разливался тихій свѣтъ вечерней зари.

— Сколько разъ, въ былыя времена, словно про себя прошептала Иванъ Михайлычъ: — я провожалъ глазами эту зарю и говорилъ себѣ: завтра я опять увижу ее тамъ на востогѣ.

— А теперь?

— А теперь говорю: сейчасъ она потухнетъ, и затѣмъ начнется ночь...

— Дѣдушка!

— Дѣ, ночь... и навсегда! Ни надеждъ, ни «насъ возвышающихъ обмановъ»... ничего, кромѣ ночи!

— Нѣтъ, дѣдушка, этого не будетъ!

Я оглянулся и улыбился. Глаза Юленьки горѣли, лицо ея было все какъ въ лучахъ; даже въ голосѣ слышались мощныя, звонкія ноты.

— Заря опять придетъ, продолжала она: — и не только заря, но и солнце!

Старикъ махнулъ рукой, вмѣсто отвѣта.

— Есть добрые, не падающіе духомъ люди! есть! И они увидятъ солнце, увидятъ, увидятъ, увидятъ! повторила она.

Иванъ Михайлычъ быстро повернулся и протянулъ мнѣ руку.

— Ну, прощайте! сказалъ онъ: — тяжело мнѣ! Говорить мы ни объ чемъ не умѣемъ, а только умѣемъ раздражать себя... Тяжелы эти повторенія старой сказки объ увѣваніяхъ! Не ѣздите ко мнѣ... не нужно! Не затѣмъ мы живемъ, чтобы заниматься sauseries de scsiété... Будемте изнывать каждый въ своемъ углу... Довольно.

Н. Щедринъ.

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА.

ОТЪѢЗЖАЮЩЕМУ.

Даже въ полголоса мы не пѣвали,
Мы — горемыки пѣвцы!
Подъ берегами мы ведро прождали,
Словно лѣттан пловцы.
Старость приходитъ—недуги да горе;
Жизнь бесполезно прошла;
Хоть на прощанье въ открытое море,
Въ море царящаго зла
Прямо и смѣло направить бы лодку,
Сунься-ко! сдѣлаешь шагъ,
А на второмъ *перевѣтъ тебя зломуду*
Другъ моей юности (нынѣ мой врагъ)!
Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счелъ ты за лучшее вкнутъ;
Жить для нея—надо силу желѣзную,
Волю желѣзную—сгнуть.

* * *

Черный день! какъ нищій просить хлѣба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ея у докторовъ,
У друзей, враговъ и цензоровъ,
Я взываю къ русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня въ живую воду,
Или мертвой въ мѣру дай.

* * *

О, муза! я у двери гроба!
 Пускай я много виновать,
 Пусть увеличитъ во сто кратъ
 Мои вины людская злоба —
 Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
 Не наругаются надъ нами:
 Межь мной и честными сердцами
 Порваться долго ты не дашь
 Живому, кровному союзу!
 Не русскій—взглянеть безъ любви
 На эту блѣдную въ крови
*Моя и Герцану, музу...*¹

¹ Это стихотвореніе, по свидѣтельству сестры покойнаго, А. А. Бутычичъ, было послѣднимъ, которое онъ написалъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

НОВЫЙ ИСТОРИКЪ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

Les pharisiens. Par J. Cohen. I. Paris 1877.

Священный характеръ, которымъ отмѣчена для христіанъ исторія евреевъ, отнюдь не обязываетъ насъ во *всей* этой исторіи видѣть нѣчто исключительное, неподлежащее изученію съ точки зрѣнія естественной связи причинъ и слѣдствій и общихъ законовъ развитія обществъ. Самъ Іисусъ Христосъ предсказывалъ для ближайшаго будущаго («не пройдетъ родъ сей, какъ все сіе будетъ») появленіе лжехристовъ и лжепророковъ. Самъ Богъ устами пророка Іереміи предостерегалъ отъ лжепророковъ: «они обманываютъ васъ, рассказываютъ мечты сердца своего, а не отъ устъ Господнихъ... Они говорятъ: мнѣ снилось, мнѣ снилось. Долго ли это будетъ въ сердцахъ пророковъ, пророчествующихъ ложь, пророчествующихъ обманъ своего сердца?.. Чтò общаго у мякины съ зерномъ?» Такимъ образомъ, рядомъ съ сверхъестественнымъ «зерномъ» мы видимъ въ исторіи евреевъ совершенно естественную «мякину». Видимъ лжемесіи и лжепророковъ, злобно обманывающихъ людей или же дѣйствующихъ подъ вліяніемъ «обмана сердца своего». Имъ «снится», и сны, которые они видятъ, суть не божественныя откровенія, а обыкновенныя физиологическія явленія, имѣющія прстой, земной источникъ. Они совершаютъ «знаменія и чудеса», но это не чудеса, а или обманы, фокусы, или же нѣчто вовсе небывалое въ дѣйствительности. Ихъ пророчествамъ внимаютъ, на ихъ зовъ идутъ, но не потому, чтобы тутъ сказывался божественный голосъ, а въ силу тѣхъ же причинъ, по какимъ и другіе народы шли и идутъ на зовъ своихъ учителей и вождей. Это причины нравственныя, хозяйственныя, политическія. Однажды въ пустынѣ еврейскъ ниспала съ небесъ манна, а въ другой разъ имъ были посланы цѣлыя стада перепеловъ. Но въ обыкновенное время они добывали пищу обыкновеннымъ путемъ. Безъ сомнѣнія, эта

человѣческая сторона исторіи переплетается со стороной божественной. Такъ, жемесіи и жемпророки ссылаются на различныя подходящія мѣста священнаго писанія, толкуя ихъ въ благопріятномъ для «сметы ихъ сердца» смыслѣ. Но иногда буквально тѣ же ссылки встрѣчаемъ мы въ исторіи народныхъ движеній средневѣковой Европы и Россіи. Далѣе, идея мессіи, какъ избавителя, имѣющаго, рано или поздно, явиться на землѣ, коренилась, совершенно независимо отъ откровенія, въ самыхъ условіяхъ жизни евреевъ и появлялась въ той или иной формѣ и у другихъ народовъ, какъ только они попадали въ сходныя условія. Понятно, что только эта «макина», эта человѣческая сторона исторіи евреевъ подлежитъ изученію съ научной точки зрѣнія. Только она допускаетъ сравненіе съ другими историческими явленіями, только къ ней приложимъ, слѣдовательно, сравнительный методъ, безъ котораго немислима ни философія исторіи вообще, ни исторія какого-нибудь народа въ частности. Сторона божественная стоитъ съ христіанской точки зрѣнія безпримѣрно одиноко, а потому составляетъ предметъ богословія и исторіи священной. Но ея не исчерпывается исторія евреевъ. А между тѣмъ, обстоятельства такъ сложились, что свѣтская исторія евреевъ для насъ какъ бы не существуетъ, несмотря на то, что во многихъ отношеніяхъ она ни мало не уступаетъ, по глубинѣ поучительности, ни исторіи Греціи, ни исторіи Рима, не говоря уже о древнихъ восточныхъ монархіяхъ, исторію которыхъ считаетъ себя обязаннымъ знать каждый образованный человѣкъ. Въ западной Европѣ дѣло поставлено, конечно, нѣсколько лучше, но и тамъ свѣтская сторона исторіи евреевъ далеко не привлекаетъ къ себѣ такого вниманія, какого она заслуживаетъ. Есть много сочиненій, посвященныхъ какъ всей исторіи евреевъ въ ея совокупности, такъ и выдающимся ея эпизодамъ. Но и въ нихъ «зерно» настолько примируетъ надъ «макиной», въ формѣ ли догматической, или полемиической, что въ большинствѣ случаевъ они являются лишь подготовительными работами для положительнаго изученія собственно свѣтской стороны исторіи евреевъ. Какъ ни велики заслуги людей, критически изслѣдовавшихъ древнюю еврейскую литературу, а слѣдовательно и исторію, какъ ни важны достигнутые ими результаты, но, въ концѣ-концовъ, исторія евреевъ стоитъ все-таки особнякомъ. Историкъ крестовыхъ походовъ, напримѣръ, отмѣтивъ фактъ всеобщаго религіознаго увлеченія, перейдетъ къ изслѣдованію политическихъ, экономическихъ, нравственныхъ причинъ этого явленія. Такъ поступитъ и историкъ русскаго раскола, и историкъ реформаціи, такъ поступитъ всякій современный историкъ какого бы то ни было момента, окрашеннаго религіознымъ оттѣнкомъ. Самый скептическій историкъ еврейскаго народа можетъ просто сказать, что религіозный элементъ составляетъ самую суть занимающаго его предмета, и никого не удивитъ этимъ; никто не потребуетъ у него выясненія связи меж-

ду несомнѣнно сильно-развитою религіозною стороною исторіи евреевъ и другими ея сторонами; никто, по крайней мѣрѣ, не будетъ протестовать, если онъ отдѣляется нѣсколькими общими фразами на этотъ счетъ. Нынѣ выработались два одинаково законные типа историческихъ сочиненій. Или событія прошлаго располагаются въ извѣстной, такъ сказать, нравственно-политической перспективѣ, съ чисто-педагогическими цѣлями, съ цѣлью именно дать современникамъ тотъ или другой практической урокъ. Или въ событіяхъ прошлаго, въ ихъ послѣдовательной связи отыскивается то, что обыкновенно несомнѣнно правильно называется законами исторіи, то есть неизмѣнная повторяемость явленій при опредѣленныхъ сходныхъ условіяхъ. Историкъ перваго типа даетъ нравственную оцѣнку того или другого дѣателя исторіи, единичнаго или коллективнаго, даетъ художественную или научную оцѣнку литературнаго произведенія, ставшаго достояніемъ исторіи, даетъ политическую оцѣнку извѣстнаго правового или экономическаго учрежденія. Историкъ втораго типа покажетъ, какъ данныя обстоятельства выдвинули и должны были выдвинуть именно такихъ, а не иныхъ дѣателей, такую, а не иную литературу, такіа, а не нима учрежденія. Едва ли есть надобность распространяться о томъ, что оба эти типа историческихъ сочиненій могутъ выходить изъ-подъ пера одного и того же лица, даже непосредственно сливаться въ одно цѣлое, и что, независимо отъ нихъ, стоятъ еще философско-историческіе трактаты, стремящіеся объять все прошлое одною формулою. Обращаясь къ евреямъ, мы увидимъ, что оба означенные типа историческихъ изслѣдованій до сихъ поръ прилагались къ нимъ далеко не въ такой мѣрѣ и не въ такомъ видѣ, какъ это дѣлается обыкновенно. При томъ стремленіи доказать присутствіе или отсутствіе «зерна» въ еврейской исторіи, которое такъ характеризуетъ большинство историковъ и превосходный, но зато едва ли не единственный результатъ котораго есть критика источниковъ, немудрено, что нравственная оцѣнка дѣателей выходитъ одностороннею, а политическая оцѣнка учреждений почти не существуетъ. Уроки, и очень важныя, безъ сомнѣнія, извлекаются изъ еврейской исторіи, но, главнымъ образомъ, евреями для евреевъ и христіанами для христіанъ, а для историковъ-политиковъ, экономистовъ, моралистовъ это — почти непочатый еще уголъ. Какъ бы кто ни судилъ о значеніи субъективной точки зрѣнія въ исторіи, но несомнѣнно, что политическія убѣжденія историка сильно вліяютъ на изображеніе событій даже отдаленнѣйшаго прошлаго. Феодалъ не такъ напишетъ исторію Греціи, какъ Гротъ; социалистъ иначе напишетъ исторію Англій, чѣмъ Маколей; республиканецъ и Наполеонъ III не сойдутся въ воспроизведеніи римской исторіи; Костомаровъ и Погодинъ часто прощипались не столько о фактъ, сколько о политическомъ его значеніи. Исторія евреевъ находится какъ бы внѣ района вліянія политическихъ убѣжденій историковъ. Даже элементарнѣй-

шая изъ политическихъ доктринъ, доктрина національности, прилагается къ древней исторіи евреевъ лишь самими евреями и, за этимъ малымъ исключеніемъ, представляетъ поприще борьбы убѣжденій религиозныхъ. Въ глазахъ большинства еврейскіе герои-Маккавеевъ это — хранители религиознаго завѣта отцовъ; пламенный республиканецъ Иуда Галилейскій — тоже; приближенный годъ — постановленіе религиозное; яростная борьба политическихъ и социальныхъ партій, подъ звуки которой погибъ Іерусалимъ — борьба изъ-за вопросовъ религиозныхъ и проч., и проч., и проч. Но если такимъ образомъ историческій интересъ сосредоточивается на религиозной сторонѣ, то, конечно, съ этой точки зрѣнія исторія евреевъ вся цѣлкомъ безприимчива, а потому и искать въ ней отраженія тѣхъ или другихъ социологическихъ законовъ бесполезно, ибо законъ предполагаетъ повторяемость явленій. Значитъ, тутъ нѣтъ мѣста общимъ типамъ историческихъ изслѣдованій. Вотъ почему, несмотря на множество сочиненій, касающихся исторіи евреевъ, между которыми есть своего рода chefs d'oeuvre'ы, евреи, какъ цѣльный, а не односторонній матеріалъ, становятся достояніемъ исторіи лишь съ тѣхъ поръ, какъ, утративъ свою государственную самостоятельность, инкорпорируются въ исторію Европы. Здѣсь, уже какъ элементъ европейской исторіи, судьбы евреевъ разсматриваются съ экономической и политической точекъ зрѣнія и испытываютъ на себѣ всѣ измѣненія, происходящія въ фізіономіи науки, хотя этому еще и препятствуетъ замкнутость внутренней жизни еврейскихъ общинъ — замкнутость, густо окрашенная религиознымъ началомъ, но имѣющая и другія причины.

Если поляки и евреи оскорбленіями православной святыни вызывали ужасы возстаній временъ Хмѣльницкаго и гайдамачины, то всякій историкъ, оцѣнивъ по достоинству роль кощунственнаго поруганія въ дѣлѣ народной вспышки, тѣмъ не менѣе, очень хорошо знаетъ, что это поруганіе и реакція противъ него были только одними изъ симптомовъ общественныхъ отношеній въ Юго-западной Руси; что гнѣтъ чуждыхъ національностей, равно какъ гнѣтъ чужихъ и своихъ пановъ, былъ всесторонній, благодаря чему возстанія и выражались въ столь ужасныхъ формахъ. Между тѣмъ, совершенно аналогичны, и по кроваво-безпощадному характеру, и по всесторонности предыдущаго гнѣта, возстанія евреевъ временъ римскаго владычества большинствомъ историковъ приурочиваются почти исключительно къ поруганіямъ еврейской святыни римлянами и самаритянами. Точно также аналогичны періодъ самозванства въ Веллкороссіи и періодъ лже-мессіанизма у евреевъ, аналогичны до многихъ чрезвычайно мелкихъ подробностей. А между тѣмъ, отношенія историковъ къ этимъ двумъ группамъ явленій, такъ близкимъ и родственнымъ, несмотря на отдѣляющіе ихъ вѣка, существенно различны. И именно въ томъ смыслѣ, что источникъ лже-мессіаниз-

ма предоставляется исключительно въ вѣдѣніе религіознаго начала, тогда какъ раскольничій крестъ на знамени Пугачева никому не внушаетъ такого односторонняго толкованія. Оставляя за собою право когда-нибудь впослѣдствіи ближе разсмотрѣть эти любопытнѣйшія историческія параллели, мы укажемъ теперь читателю на сочиненіе, въ которомъ, сколько намъ извѣстно, впервые сознательно и послѣдовательно ищется политическая подкладка исторіи евреевъ. Мы не хотѣли бы, однако, дать понять читателю, что политическая исторія евреевъ до сихъ поръ совершенно не разрабатывалась. Мы говоримъ только, что этой сторонѣ дѣла удѣлялось сравнительно мало вниманія и что она уяснялась болѣе попутно, при преслѣдованіи историками совершенно другихъ цѣлей.

Сочиненіе, о которомъ мы говоримъ, называется «Les pharisiens». Авторъ, Коганъ (Cohen), пишетъ исторію собственно фарисеевъ, но онъ такъ широко понимаетъ свой предметъ, что вынужденъ писать настоящую и полную исторію еврейскаго народа. Книгѣ этой предшествовали разные лестные для нея слухи. Рассказывали, что авторъ, на основаніи новыхъ документовъ, совершенно заново освѣщаетъ свой предметъ, что книга блещетъ оригинальною и неожиданною постановкою историческихъ вопросовъ. Слухи эти справедливы развѣ на половину, но книга все-таки представляетъ значительный интересъ. Что касается источниковъ, то самъ авторъ на этотъ счетъ гораздо скромнѣе предшествовавшихъ его книгѣ слуховъ. Онъ говоритъ въ предисловіи, что широко пользовался готовыми уже результатами критическихъ и экзегетическихъ работъ. «Однако, прибавляетъ онъ: — да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что и мнѣ удалось открыть и разработать нѣсколько драгоценныхъ рудниковъ, незамѣченныхъ или пренебреженныхъ моими предшественниками». Тѣмъ же менѣе, «драгоценные рудники» отысканы, главнымъ образомъ, въ библіи, въ Иосифѣ Флавіѣ и въ талмудической литературѣ, то-есть тамъ, откуда черпаютъ и всѣ другіе историки еврейскаго народа. Оригинальность Когана состоитъ совсѣмъ не въ новизнѣ фактовъ, а въ попыткѣ извѣстнаго освѣщенія ихъ. Книга пересыпана разными случайными, мелкими сравненіями отдѣльных эпизодовъ еврейской исторіи съ вареломеевскою ночью, съ первой французскою революціей, съ лютеровою реформаціей и т. п. Но они ровно ничего не объясняютъ, никого ни къ чему не обязываютъ, и суть дѣла не въ нихъ, а въ томъ, что фарисей, по мнѣнію автора, представляли собою въ еврейскомъ обществѣ буржуазію (мысль, вскользь брошенная Ренаномъ), просвѣщенную, свободолюбивую, патриотическую хранительницу равновѣсія «свободы и порядка». Авторъ задался цѣлью реабилитировать фарисеевъ, показать, что ходячее объ нихъ мнѣніе, обратившее самое слово «фарисей» въ бранную кличку, совсѣмъ не вѣрно; что «фарисаизмъ былъ самою значительною, самою либеральною, нравственною, соціальною и религіозною революціей,

какую только можно себя представить; что онъ осуществилъ реформу изумительной широты и важности; что онъ есть истинный предшественникъ всѣхъ, кто впоследствии строилъ зданіе вѣрованій на чистомъ разумѣ; что въ очень многихъ отношеніяхъ онъ и до сихъ поръ стоитъ далеко впереди результатовъ, до которыхъ дошли современные общества».

Сочиненіе Когана еще не кончено, и мы имѣемъ только первый томъ, настолько, однако, подвигающій дѣло впередъ, что можно, не боясь ошибиться, сказать, что авторъ увлекся, что положеній своихъ онъ не доказалъ и не докажетъ. Несомнѣнно, однако, что фарисеизмъ означаетъ собою глубокій поворотъ въ исторіи евреевъ. Но для правильной его оцѣнки необходимо сдѣлать нѣкоторые существенныя оговорки, безъ которыхъ трудъ Когана можетъ ввести читателя въ большія заблужденія.

Коганъ часто говоритъ о фарисеяхъ, какъ о представителяхъ науки и свободной мысли, свободного изслѣдованія. Онъ упорно толкуетъ объ этомъ, хотя самъ же приводитъ факты, рѣзко его опровергающіе. Правда, онъ кое-что, неслѣдующее для фарисеевъ, скрываетъ. Напримѣръ, говоря о временахъ Гиркана, онъ замѣчаетъ, что фарисеи были довольны результатами его правленія вообще, его войны въ особенности. Онъ прямо говоритъ, что войны эти удовлетворяли «идеямъ фарисеевъ», но при этомъ очень коротко отмѣчаетъ, что, дескать, войны окончились обращеніемъ иудеевъ въ иудейство и пораженіемъ скизматиковъ-самаритянъ. Онъ не говоритъ, однако, что обращеніе иудеевъ составляетъ такое пятно на древней еврейской исторіи, на которое каждый мыслящій еврей смотритъ съ отвращеніемъ: иудеи были обращены насильственно, имъ была предложена дилемма: эмиграція или обрѣзаніе. Такъ какъ обстоятельство это могло бы набросить неблагоприятную тѣнь на «идеи фарисеевъ», то Коганъ объ немъ совершенно умалчиваетъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ съ торжествомъ приводитъ слова Христа: «на Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи; и такъ все, что они велатъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте». Онъ забываетъ, однако, привести конецъ фразы: «по дѣламъ же ихъ не поступайте». Впрочемъ, такихъ прямыхъ извращеній или, вѣрнѣе, извращающихъ умолчаній у Когана сравнительно мало. Онъ охотно и даже съ нѣкоторымъ легкомысліемъ приводитъ такіе факты, которые подрываютъ самое основаніе его взглядовъ на фарисеизмъ. Такъ и относительно будто бы присущаго фарисеямъ духа свободного изслѣдованія. Въ числѣ вопросовъ, подававшихъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ между фарисеями и саддукеями, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занималъ вопросъ о празднованіи субботняго дня. Фарисеи, равно какъ и ихъ предшественники хасидеи настаивали на томъ, что субботній день, во всякомъ случаѣ, неприкосновененъ, что, даже, въ случаѣ нападенія непріятеля, надо претерпѣть въ этотъ великій день всѣ мученія и смерть, но не браться за оружіе. Многочисленные враги евреевъ умѣли

пользоваться этимъ предразсудкомъ и были ихъ по субботамъ, какъ барановъ. Коганъ все это рассказываетъ. И, тѣмъ не менѣе, фарисеи, поддерживавшіе этотъ предразсудокъ, черезъ нѣсколько страницъ, озаглаиваются новаторами въ религіи и общественномъ быту, носителями свободнаго изслѣдованія. Наиболѣе общее подтвержденіе этой странной мысли Коганъ строитъ на томъ обстоятельстве, что фарисеи охотно прибѣгали къ преданію для разныхъ поправокъ въ законъ писанномъ, котораго, напротивъ, строго держались саддукеи. Авторъ изображаетъ даже иногда фарисеевъ необыкновенно коварными людьми, которые, подобно древнимъ авгурамъ, должны были смѣяться, глядя другъ на друга, потому что преданіе пускалось ими въ ходъ съ разными побочными и, главнымъ образомъ, политическими цѣлями. До известной степени это совершенно вѣрно. Многія догматическія тонкости фарисеевъ имѣли дѣйствительно цѣлю унизить въ глазахъ народа духовенство, аристократію, саддукеевъ, царей, въ родѣ Ирода. Но достигалась или нѣтъ эта непосредственная практическая цѣль, средство было отъ свободнаго изслѣдованія далеко, какъ небо отъ земли. Всѣ мысли фарисеевъ совершенно такъ же, какъ и мысли ихъ противниковъ, внушались народу въ видѣ непререкаемыхъ истинъ, догматовъ. Фарисеи утверждали, напримѣръ, что свитки закона нечисты и что служителямъ алтара запрещено прикасаться къ остаткамъ мертвыхъ животныхъ, а свитки дѣлались изъ вожи. Коганъ желаетъ дать понять, что, внушая народу эту мысль, фарисеи внушали вмѣстѣ съ тѣмъ идею, что духовенство осквернено. Допустимъ, что это предположеніе вѣрно. Но, во всякомъ случаѣ при чемъ же тутъ наука и свободное изслѣдованіе? Очевидно, Коганъ слишкомъ увлекся своимъ желаніемъ провести параллель между фарисеями и европейской буржуазіей. Вольтеръ и Дидро у евреевъ не было и не могло быть по той простой причинѣ, что вся «наука» и все «изслѣдованіе» ограничивались предѣлами «закона».

Да и вообще, новая европейская буржуазія—явленіе слишкомъ сложное для того, чтобы можно было найти ему точную и полную параллель въ относительно простыхъ условіяхъ древней еврейской исторіи. Другое дѣло — чисто народныя движенія. Здѣсь можно подыскивать истинно драгоценныя черты сходства, но буржуазіи, въ европейскомъ смыслѣ слова, даже и помимо умственного элемента, у евреевъ не могло быть по сравнительно малой развитости промышленной жизни. Въ этомъ отношеніи нужно довольствоваться только самыми общими чертами аналогій, и тогда можно получить результаты не безынтересныя.

Стараясь выяснитъ политическую подкладку борьбы еврейскихъ партій, Коганъ довольствуется, въ сожалѣнію, политикой въ тѣсномъ смыслѣ слова и не пытается приподнять завѣсу съ экономическихъ условій древней еврейской жизни. Это объясняется его политическимъ образомъ мыслей, такъ какъ онъ не безъ основанія можетъ считать себя представителемъ знамени-

тыхъ принциповъ 89 года и врагомъ принциповъ 48 и 71 годовъ. Правда, матеріаловъ для экономической исторіи евреевъ сравнительно немного, но они есть, притомъ, у всѣхъ подъ руками и, въ связи съ другими обстоятельствами, могутъ уяснить многое. Мы, разумѣется, не можемъ взяться здѣсь за эту работу, но общую картину можно возстановить двумя-тремя штрихами.

Въ книгѣ пророка Исаія, между прочимъ, читаемъ: «Горе вамъ, прибавляющіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ» (V, 8). Въ книгѣ пророка Іереміи: «Князья озлобились на Іеремію и били его, и заключили его въ темницу... Тогда князья сказали царю: да будетъ этотъ человекъ преданъ смерти... И сказалъ царь Седекія: вотъ, онъ въ вашихъ рукахъ, потому что царь ничего не можетъ дѣлать вопреки вамъ» (XXXVII, 15, XXXVIII, 4, 5). Необычайная мощь выраженія пророческихъ книгъ избавляетъ насъ отъ надобности приводить дальнѣйшія выписки. Этихъ двухъ цитатъ довольно, чтобы получить очень ясное понятіе о строѣ еврейской жизни передъ вавилонскимъ плѣномъ. Мы видимъ людей, присоединяющихъ поле къ полю и домъ къ дому, такъ что другимъ становится тѣсно—крупную поземельную аристократію. Видимъ далѣе, что она до такой степени сильна, что самъ царь съ горечью говорить объ этомъ. Видимъ, наконецъ, пророковъ, выступающихъ, во имя Бога и народа, грозными судьями всякаго нечестія и часто погибающихъ подъ ударами сильныхъ, обличаемыхъ ими. Тутъ на лицо всѣ дѣятельные элементы исторіи, но фарисеевъ еще нѣтъ.

Но вотъ грозныя предсказанія пророковъ сбылись. Навуходоносоръ покончилъ Іудею, царь Седекія ослѣпленъ, люди богатые, знатные и въ другихъ отношеніяхъ выдающіеся, пламенные патриоты, искусные ремесленники, сильные юноши выселены. На родинѣ остались только слабые, ничтожныя люди, весьма быстро подпавшіе вліянію разноплеменныхъ сосѣдей и дошедшіе до самаго жалкаго состоянія. Чтò касается выселенныхъ евреевъ, то среди нихъ, во-первыхъ, не затихла дѣятельность пророковъ, но теперь они преимущественно громили своихъ побѣдителей и предсказывали ихъ близкую гибель. Далѣе, вдали отъ родины и храма, среди чужихъ людей естественно должны были получить высокое значеніе законоучители и, притомъ, не только духовенства, а и «соферимъ», писцы, обязанность которыхъ первоначально состояла въ переписываніи книгъ закона и тщательномъ охраненіи текста. Весьма важно замѣтить (объ чемъ Коганъ не говоритъ ни слова), что эти учителя закона, равно какъ и значительная часть народа, усвоили себѣ многія средне-азиатскія ученія, главнымъ образомъ, изъ религіи Зороастра. Нельзя сказать, чтобы евреямъ жилось особенно дурно въ плѣну. Многіе изъ нихъ тамъ хорошо обжились и устроились, приспособились; знатны

люди были приближены ко двору, средніе люди обзавелись хозяйствами; повидимому, между ними особенно процвѣтала торговля. Тѣмъ не менѣе, еврей съ восторгомъ встрѣтили разгромъ Вавилона Киромъ, и не даромъ: персидскій завоеватель въ первый же годъ своего царствованія разрѣшилъ евреямъ вернуться на родину и возстановить храмъ Іеговы. Причины этой милости Кира остаются и до сихъ поръ не вполне разъясненными. Какъ бы то ни было, но съ того времени начинается обратная колонизація Іудеи. Не слѣдя за всѣми ея подробностями, отмѣтимъ только слѣдующія обстоятельства. На призывъ Зоровавела откликнулись только колѣна Іуды и Веніамина, выставившіе около 50,000 переселенцевъ. Остатки Израильскаго Царства, увведенные еще за два вѣка Салманазаромъ и поселенные въ Месопотаміи, чувствовали себя хорошо въ новомъ отечествѣ, да и изъ наводносоровыхъ плѣнниковъ двинулись только люди бѣдные, да религиозные и патриотическіе энтузіасты. Знатные и богатые только помогли имъ деньгами и разнаго рода имуществомъ. Лѣтъ черезъ восемьдесятъ, двинулась вторая партія переселенцевъ подъ предводительствомъ Эздры и Нееміи. Вотъ что они застали въ своей святой землѣ: «И сдѣлался большой ропотъ въ народъ и у женъ его на братьевъ, іудеевъ. Были такіе, которые говорили: насъ, сыновей нашихъ и дочерей нашихъ, много; и мы желали бы доставать хлѣбъ и кормиться и жить. Были и такіе, которые говорили: поля свои и виноградники свои и дома свои мы закладываемъ, чтобы достать хлѣба отъ голода. Были и такіе, которые говорили: мы занимаемъ серебро на подать царю подъ залогъ полей нашихъ и виноградниковъ нашихъ. У такіа же тѣла, какія тѣла у братьевъ нашихъ, и сыновья наши такіе же, какъ ихъ сыновья, а вотъ, мы должны отдавать сыновей нашихъ и дочерей нашихъ въ рабы и нѣкоторые изъ дочерей нашихъ уже находятся въ порабощеніи. Нѣтъ никакихъ средствъ для выкупа въ рукахъ нашихъ; и поля наши и виноградники наши у другихъ». (Книга Нееміи, V, 1—5). Такъ жаловались первые переселенцы. Эзра и Неемія застали и другія неурядицы, вслѣдствіе чего предприняли рядъ замѣчательныхъ реформъ. Во-первыхъ—реформа экономическая. Трудно сказать, какимъ путемъ было достигнуто соглашеніе, но остается несомнѣннымъ фактомъ, что всѣ закладныя сдѣлки и долговныя обязательства внутри іудейской общины были разрушены. Заложеныя земли, дома, виноградники были возвращены собственникамъ, которые получили обратно и «ростъ съ серебра и хлѣба и вина и масла», изъ котораго были даны сеуды. Это не была только единовременная реформа, потому что въ книгѣ Нееміи говорится о прекращеніи всѣхъ долговыхъ обязательствъ въ каждый седьмой годъ, а это напоминаетъ знаменитый законъ о юбилейномъ годѣ, занесенный въ книгу Левитъ и отчасти повторенный во Второзаконіи. Извѣстно, что по этому закону всѣ долги прещались черезъ каждыя семь лѣтъ, а черезъ каждыя 49 лѣтъ

наступалъ юбилейный годъ, когда всѣ проданныя земли возвращались первоначальнымъ владѣльцамъ. Точныхъ указаній о времени этого постановленія и о приведенія его въ исполненіе нѣтъ, вслѣдствіе чего многіе сомнѣваются и въ жизненности экономической реформы Эздры и Неемїи. Ничто не сомнѣвается въ одновременной перетасовкѣ экономическихъ отношеній, но думаютъ, что возвращеніе къ ней черезъ каждыя семь лѣтъ было практически невозможно и въ дѣйствительности не имѣло мѣста. Грець устраняетъ эти сомнѣнія очень простымъ соображеніемъ: Гиллель, жившій въ послѣднемъ вѣкѣ передъ Р. Х., сдѣлалъ значительныя измѣненія въ законѣ о седьмомъ годѣ, вызванныя нѣкоторыми практическими соображеніями; значитъ, до тѣхъ поръ законъ дѣйствовалъ въ полной силѣ. Достоинно также вниманія, что, по свидѣтельству Іосифа Флавія, евреи выхлопотали себѣ у Александра Македонскаго льготу отъ поземельныхъ податей въ субботній, седьмой годъ—льготу, вполне естественную, и даже безусловно необходимую, если признать, что въ седьмой годъ происходила перетасовка поземельныхъ отношеній. Инымъ же образомъ объяснить ее трудно.

Изъ другихъ подробностей реформы Эздры-Неемїи отмѣтимъ слѣдующія. Реформаторы застали, къ своему ужасу, сближеніе «народа божія» съ сосѣдними язычниками и множество смѣшанныхъ браковъ, то есть браковъ іудеевъ съ иноплеменниками, отъ которыхъ были уже и дѣти прижиты. Эти семейныя узы были немедленно расторгнуты, жены и дѣти отпущены. Далѣе были приняты разнообразныя мѣры для ознакомленія народа съ закономъ моисеевымъ и для введенія его въ жизнь: публичное чтеніе закона, толкованіе его и переводъ на понятный народу языкъ (арамейскій), публичные суды, школы. Всѣ эти мѣры естественно увеличивали значеніе законоучителей, слѣдующихъ въ законѣ соферовъ. Изъ нихъ то и выработалась партія фарисеевъ. Имя это является, однако, много позже.

Еврейская исторія замѣчательна тѣмъ, что въ ней, рядомъ съ установленными закономъ властями, всегда дѣйствовали власти, не имѣвшія прямой юридической санкціи, но, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно сильныя, даже болѣе сильныя, чѣмъ власти законныя. Такимъ элементомъ до плѣна были пророки, а послѣ плѣна законоучители и, затѣмъ, спорадически лже-мессїи. Эзра и Неемїя, сами «книжники», положили начало преобладанію книжниковъ. Коганъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующія характерныя изреченія талмуда: «Съ Аггеемъ, Захарїемъ и Малахіей святой духъ удалился изъ міра»; «законъ уже болѣе на небесахъ: человѣку дано право оцѣнки закона разумомъ, и толкованіе его предоставляется мудрымъ»; «ученый (то-есть учитель, книжникъ) выше пророка». Дѣйствительно, люди боговдохновенные и выдающіе себя за таковыхъ, пророки и лже-пророки, въ первое время послѣ реформы какъ бы оставляютъ историческую сцену, и на мѣсто ихъ становятся простые толкователи закона.

Надо, однако, замѣтить, что работа Эздры и Неемїи нисколько не противорѣчила надеждамъ и предсказанїямъ пророковъ: одинъ Богъ былъ признанъ, своеобразная экономическая реформа обуздала присоединяющихъ поле къ полю и домъ къ дому, вѣстная, весьма высокая степень національной самостоятельности достигнута, связи съ язычниками порваны рѣзо и круто. Пламенные патриоты, для которыхъ ложные боги были не только ложные боги, но и символы иноземнаго господства, должны были быть довольны. Можно даже думать, что, кромѣ массы народа, только они и были довольны, потому что Эзра и Неемїа встрѣтили множество препятствїй и не разъ должны были начинать зданїе вновь. Не было розни и между книжниками и низшими слоями іудеевъ, народомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Люди знатные и богатые, напротивъ, смотрѣли на реформу косо. Когда прочность дѣла Эздры и Неемїи стала очевидна, когда новая организація окрѣпла, многие изъ представителей высшихъ классовъ, не хотѣвшихъ сначала покидать Вавилонъ, переселились въ святую землю. Борьба стала неизбежна.

По всей вѣроятности, уже въ плѣну сложились или, вѣрнѣе, зародились партїи саддукеевъ или хасидеевъ и хасидеевъ, хотя вполне развертываются онѣ позже. Тяжесть неволи вызвала то, что она всегда вызываетъ — подвижничество, аскетизмъ, мысль и практику отреченїа отъ той доли жизненныхъ благъ, которая оставляется неволей. Такими подвижниками были хасидеи. Они были естественно близки книжникамъ и, по всей вѣроятности, даже сливались съ ними. Саддукеи, напротивъ, принадлежа къ высшему духовенству и свѣтской аристократїи, жили съ блестящими сторонами вавилонской и персидской жизни, любили власть, роскошь и никакихъ догматическихъ тонкостей не хотѣли знать. Въ концѣ войнъ Маккавеевъ, хасидеи исчезаютъ, а на мѣсто ихъ являються ессеи и фарисеи. Когда справедливо полагаютъ, что эти двѣ партїи или секты произошли изъ хасидизма. Именно: ессеи остались при своихъ аскетическихъ стремленїяхъ, а фарисеи *отдѣлились* для практическаго внимательства въ политическую жизнь, откуда и названїе «перушимъ», отдѣлившїеся. Обыкновенно, это «отдѣленїе», отщепенство толкуется совсѣмъ иначе. Предполагается именно, что фарисеи получили свое имя отъ саддукеевъ, которые видѣли въ нихъ отщепенцовъ отъ древняго закона. Другіе думаютъ, что фарисеи назывались такъ въ смыслѣ аскетовъ, отдѣлившїеся, удалившихся отъ тревогъ практической жизни. Въ виду единовременнаго существованїа фарисеевъ и есеевъ, а также дѣятельной исторической роли фарисеевъ, толкованїе Когана, кажется, всего вѣрнѣе.

Что касается самаго процесса выдѣленїа фарисеевъ, то Коганъ рисуетъ его такъ: «Хасидеи, замкнувшїеся въ суровыя требованїа назреата (подвижничества), жили болѣе созерцательно, чѣмъ»

практической жизнью. Не такъ было съ ихъ учениками. Молодые люди, слѣдовавшіе ихъ учениамъ, не осуждали себя, однако, на аскетизмъ. Внося въ общество строгость нравственныхъ и религиозныхъ принциповъ, полученныхъ отъ учителей, они вносили также гораздо болѣе положительныя стремленія, желанія и надежды. Большая часть ихъ, по рожденію, принадлежала къ низшимъ классамъ; но они возвышались надъ массою своимъ образованіемъ, своими трудами, образомъ жизни, словомъ—тѣмъ интеллектуальнымъ превосходствомъ, которое вездѣ создавало буржуазію и отличало ее отъ пролетариата. Притомъ, введеніе въ Іудею греческихъ и азіатскихъ нравовъ развило, вмѣстѣ съ вкусомъ къ роскоши, матеріальное благосостояніе, которое всегда составляетъ признакъ эпохъ испорченности. Благосостояніе средняго класса, составленнаго изъ людей, достигшихъ своего положенія трудомъ, наукой и промышленностью, значительно возросло. Вмѣстѣ съ матеріальнымъ улучшеніемъ положенія, въ этой части населенія явилось законное желаніе играть полезную роль въ современныхъ событіяхъ и воздвигнуть, рядомъ съ привилегіями родовой аристократіи, права аристократіи таланта.

Эта тирада, характерная для точки зрѣнія Когана, есть простой сколокъ съ обычныхъ изображеній возникновенія и развитія среднихъ классовъ. Надо, однако, думать, что фактически, то есть за исключеніемъ идеализаціи фарисейства, Коганъ рассказываетъ дѣло вѣрно. «Надо думать», потому что фактически данныя относительно этого предмета крайне скудны. Несомнѣнно, что многіе знаменитѣйшіе раввинны (а раввинны почти всѣ были фарисеями) происходили изъ низшихъ классовъ и, по крайней мѣрѣ, въ первую пору своего учительства даже зарабатывали свой хлѣбъ насущный физическимъ трудомъ. Но это относится во всякомъ случаѣ не ко всѣмъ фарисеямъ, и столь же несомнѣнно, что многіе изъ нихъ были людьми обезпеченными, каковое обезпеченіе достигалось торговлей, а иногда, какъ можно думать, несомнѣнно чистыми путями. Несомнѣнно, что масса народа долгое время вполне сочувствовала фарисеямъ, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы народъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ фарисейски настроенъ. Несомнѣнно, наконецъ, что въ самую тревожную и великую минуту еврейской исторіи добрыя отношенія между народомъ и фарисеями распались. Мы видимъ, такимъ образомъ, въ еврейской исторіи, въ общихъ чертахъ, конечно, повтореніе или, вѣрнѣе, предвосхищеніе процесса новой европейской исторіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, средніе классы и народъ идутъ нѣкоторое время вмѣстѣ, заодно до извѣстной степени мыслятъ, чувствуютъ, живутъ и умираютъ, но затѣмъ становятся другъ противъ друга. Надо, однако, замѣтить, что разсѣяніе евреевъ по лицу земли и другія крупныя особенности ихъ исторіи не дали означенному процессу возможности дойти до его логически неизбежнаго конца. Въ концѣ концовъ, евреи, утративъ свою государственную самостоятельность, сохра-

нивъ свою національную фязіономію, можно сказать, почти не существуютъ, какъ народъ, то есть какъ масса людей, непосредственнымъ трудомъ добывающихъ хлѣбъ. Евреи почти вездѣ или входятъ въ составъ буржуазіи, или, находясь въ положеніи самыхъ несчастныхъ пролетаріевъ, тѣмъ не менѣе, представляютъ собою кандидатовъ буржуазіи. Если прибавить къ этому, что нынѣшніе евреи исповѣдуютъ, въ сущности, фарисейзмъ, то станетъ понятна громадная социальная роль этого элемента еврейской исторіи.

Персидское владычество смѣнилось македонскимъ, а затѣмъ живой трупъ святой земли поочередно топтался то египтянами, то сирійцами. Этотъ порядокъ или безпорядокъ вещей не могъ, разумѣется, нравиться ни массѣ народа, на спинахъ котораго разыгрывались кровавыя драмы, ни патріотамъ, сторонникамъ реформы юдаизма. Высшіе классы и въ особенности высшее духовенство, напротивъ, довольно легко мирились съ иноземнымъ владычествомъ и даже извлекали изъ него выгоды въ ущербъ идеямъ Эздры и Неемїи. Такъ, при Александрѣ Македонскомъ родной братъ первосвященника, женившись на иностранкѣ, удалился въ ненавистную іудеямъ Самарію, гдѣ имъ былъ основанъ храмъ—соперникъ Сїона и куда онъ привелъ многихъ левитовъ и свѣтскихъ людей. Такъ, Онїа основалъ другой подобный же храмъ въ Леонтополисѣ въ Египтѣ. Такъ, первосвященники Язонъ и Менелай сдѣлались надежнѣйшими сообщниками знаменитаго юдофоба Антіоха Епифана. Усилія Антіоха, стремившагося эленизировать Іудею, благодаря усердію первосвященниковъ и другихъ знатныхъ людей, имѣли значительный успѣхъ. Но какъ сильна была, въ тоже время, въ извѣстной части населенія реакція, видно изъ одного приводимаго Коганомъ изреченія, по которому даже день перевода пятикнижія на греческій языкъ приравнивается временамъ поклоненія золотому тельцу. Дѣло разрѣшилось возстаніемъ Маккавеевъ и освобожденіемъ Іудей. Въ это время являются фарисеи подъ настоящимъ именемъ и начинается ихъ борьба съ саддукеями, причѣмъ вліяніе и официальная власть переходятъ то въ тѣ, то въ другія руки. Коганъ удѣляетъ очень много вниманія этой борьбѣ, стараясь показать, что фарисеи были свободолюбивые демократы и новаторы, а саддукеи—аристократы и реакціонеры. Мы уже отиѣтили выше одно ограниченіе, съ которымъ должно быть принято это заключеніе. Фарисеи были дѣйствительно (новаторами, но; со всѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ утверждаетъ Коганъ. Они были далеки отъ религіознаго свободомыслія, и въ этомъ отношеніи саддукеи стояли даже впереди ихъ, потому что постоянно осмѣивали скрупулезныя догматическія убѣжденія своихъ противниковъ. Но является любопытный вопросъ. Народъ несомнѣнно сочувствовалъ фарисеямъ. Чтò же въ ихъ ученіи было такого соблазнительнаго для народа? Трудно предположить, чтобы народъ, не будучи «книжникомъ» и будучи занятъ текущими практически-

ми дѣлами, могъ впасть душу свою въ споръ о чистотѣ свитковъ закона, о томъ, какъ принимать законъ «око за око и зубъ за зубъ» къ одноглазому человѣку, кривому и т. п. Правда, мы знаемъ изъ исторіи русскаго раскола, что народъ можетъ глубоко интересоваться какъ чисто обрядовыми вопросами, такъ и догматическими тонкостями. Но мы знаемъ также, что у этого интереса есть историческая подкладка въ самомъ ходѣ общественной жизни. Такая подкладка должна была быть и у фарисейства. И она дѣйствительно была. Во-первыхъ, уже самая борьба съ саддукеями, какими бы способами она ни велась, должна была располагать къ фарисеямъ сердце народа въ силу общественаго положенія саддукеевъ. Но былъ и другой, гораздо болѣе опредѣленный и сильный мотивъ сочувствія. Его Коганъ, занятый исключительно самими фарисеями, вовсе не касается. Дѣло въ томъ, что, присматриваясь къ содержанію борьбы фарисеевъ и саддукеевъ, не трудно видѣть, что на обѣихъ партіяхъ сильно отпечаталась вавилонско-персидскій плѣнъ и позднѣйшія сирійско-греческія вліянія. Саддукеи вынесли изъ этихъ чуждыхъ цивилизацій пристрастіе къ ихъ блестящимъ формамъ, свѣтскій лоскъ, практическую мудрость, извѣстное равнодушіе къ религиознымъ вопросамъ. Въ этомъ отношеніи они разорвали связь со всѣмъ прошлымъ еврейства, но за то, можетъ быть, именно вслѣдствіе своего равнодушія къ религіи, они не восприняли ничего изъ чужихъ религіозныхъ системъ, они держались буквы моисеева закона. Фарисеи, напротивъ, при всей своей ненависти ко всему иносемному, ввели въ юдаизмъ основныя положенія иранскихъ вѣрованій, совершенно чуждыя евреямъ до вавилонскаго плѣна. Мало того. Если евреи издревле склонны были измѣнять своему истинному Богу для преимущественно сирійскихъ божествъ, то это происходило лишь спорадически и грозные голоса пророковъ громкии отщепенцовъ. Фарисейской же религіозной реформой всѣ, кромѣ саддукеевъ, остались довольны, и она навсегда осѣла въ юдаизмѣ. Правда, на этотъ разъ дѣло шло не объ измѣнѣ Іеговъ. Общепризнанный фактъ фарисейскихъ заимствованій изъ иранскихъ вѣрованій Коганъ совершенно игнорируетъ, между тѣмъ какъ въ немъ именно лежитъ ключъ къ политическому положенію фарисеевъ и даже ко всей послѣдующей еврейской исторіи. Заимствование состояло въ иранскомъ дуализмѣ со всѣми его послѣдствіями. Есть въ этомъ ученіи кака-то всепопоряющая сила, дѣлающая его дорогимъ для всѣхъ угнетенныхъ народовъ на извѣстной ступени развитія. Сила, впрочемъ очень понятная и естественная. Иранскій дуализмъ выросъ на почвѣ враждебныхъ международныхъ отношеній. Въ постоянной борьбѣ съ туранскими народами выработалось это удивительно законченное представленіе міра, какъ процессъ неустанной борьбы добраго и злаго начала, причемъ, въ концѣ концовъ, должно побѣдить добро, то есть, во-первыхъ, Иранъ, а во-вторыхъ—все доброе внутри самого Ирана. Евреи

въ плѣну, прислушиваясь къ этимъ учениямъ, которыя были имъ близки уже по своей противоположности съ остальнымъ, языческимъ міромъ, припоминая свое историческое прошлое, почти сплошь ушедшее на борьбу съ эдомитянами, мавритянами, филистимлянами и проч., испытывая, наконецъ, всю тяжесть иноземнаго владычества и получая готовныя, выработанныя формулы дуализма, естественно, должны были склоняться къ нимъ. И склонились. Склонились фарисеи, склонилась вся масса народа. Саддукеи отрицали воскресеніе мертвыхъ, отрицали пришествіе Мессіи, отрицали будущее торжество добра на землѣ, предстоящее освобожденіе народа Израиля отъ всякаго зла, утверждая, что въ древнемъ законѣ нѣтъ никакихъ такихъ обѣщаній и, слѣдовательно, отнимая у народа вѣру и надежду на будущее. Естественно, что враги саддукеевъ, по всѣмъ этимъ пунктамъ, должны были пользоваться сочувствіемъ народа. Въ связи съ этимъ, многія, самыя дикія на нашъ взглядъ обрядовыя пререканія фарисеевъ и саддукеевъ получали особенный и очень важный смыслъ. Избранный народъ, естественно, долженъ былъ заботиться о своей «чистотѣ» по сравненію съ «нечистыми» народами. Отсюда масса фарисейскихъ предписаній: какъ содержать себя чисто, къ чему прикасаться и къ чему не прикасаться и т. п. Педантизмъ фарисеевъ въ этомъ отношеніи не зналъ предѣловъ, и хотя народъ никоимъ образомъ не могъ слѣдовать всѣмъ этимъ предписаніямъ, но общая идея «чистоты», въ виду перипетій борьбы добра и зла, была ему, конечно, дорога. Понятно уваженіе, съ которымъ былъ встрѣчаемъ «ученый» фарисей, доказывающій скверну и нечистоту внутреннихъ притѣснителей, саддукеевъ, явшающихся съ внѣшними притѣснителями — сарійцами, греками, римлянами. Ихъ скверна и нечисть и безъ того была неизгладимыми чертами записана въ сердцахъ народа, а тутъ являются свѣдущіе люди, доказывающіе, иногда, можетъ быть, не совсѣмъ понятно и слишкомъ утонченно, но, во всякомъ случаѣ, отъ имени закона и «науки», что скверна и нечисть, дѣйствительно, на лицѣ. Притомъ же, между фарисеями несомнѣнно были люди глубоко-убѣжденные, не только какъ истинные патриоты и демократы, но и частію своею жизнью доказывавшіе, что они не на словахъ только заботятся о чистотѣ. А извѣстно, какое значеніе простой народъ всѣхъ временъ и странъ придаетъ чистотѣ личной жизни, хотя бы и не находилъ для себя возможнымъ слѣдовать высокому примѣру. Хотя такими недосыгаемыми образцами для евреевъ были преимущественно ессен, которымъ приписывались и пророческій даръ, и сила заклинанія духовъ зла, какъ результаты ихъ святой жизни, но ессен держались вдалькѣ отъ текущихъ дѣлъ. Фарисеи же были на лицо, какъ защитники правъ народа и провозвѣстники его будущаго торжества. Это дѣлало ихъ влияние до такой степени сильнымъ, что царь-первосвященникъ Александръ Янней, всю жизнь боровшійся съ ними, варварски изби-

вавший ихъ цѣлыми тысячами, при смерти завѣщала своей жене Саломеѣ приблизить къ себѣ фарисеевъ, потому что сила въ нихъ. И фарисеи не упустили случая жестоко отомстить своимъ врагамъ: при Саломеѣ, саддукеи гибли такъ же, какъ фарисеи при Александрѣ.

Отмѣтимъ кстати любопытную податную реформу, проведенную фарисеями въ правленіе той же Саломеи: личные и добровольныя жертвоприношенія въ храмъ (за который всегда стояли саддукеи) были замѣнены національнымъ жертвоприношеніемъ, совершаемымъ на казенный счетъ, въ какихъ видахъ былъ введенъ особый налогъ; часть этого налога шла, однако, кромѣ того, на содержаніе законоучителей, экспертовъ по опредѣленію чистоты и нечистоты приносимыхъ жертвъ и т. п.

Вообще, политическимъ идеаломъ большинства фарисеевъ была совершенно независимая теократическая республика, во главѣ которой должны были стоять «книжники», въ родѣ какъ бы наиѣстниковъ единого, невидимаго царя Бога. Долженствовавшая наступить въ будущемъ мессіаническая монархія не противорѣчила этому идеалу, но она представлялась очень смутно и толковалась разнорѣчиво. Сама собой понятна близость этого идеала массѣ народа со стороны національной независимости: гнѣтъ чужеземцевъ давилъ народъ и матеріально, и нравственно. Но положительная сторона идеала, преобладаніе книжниковъ, фарисеевъ, требуетъ особеннаго разсмотрѣнія. Въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ народъ сочувствовалъ этой сторонѣ политической программы фарисеевъ? Смотрѣлъ ли онъ на нихъ только какъ на орудіе ниспроверженія внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, или сочувствіе его шло глубже? Чтѣ обѣщали фарисеи народу? Понятно, что «учености» фарисеевъ народъ могъ въ извѣстномъ направленіи сильно сочувствовать. Но не было ли у фарисеевъ какихъ-нибудь другихъ атрибутовъ, кромѣ учености? а если были, то какъ относились къ нимъ народъ? Было бы совершенно напраснымъ трудомъ обращаться съ этими вопросами къ Когану. Они его вовсе не занимаютъ. Чрезвычайно удивительно, что во всемъ обширномъ первомъ томѣ его сочиненія, можно сказать, не говорится о мессіанической идеѣ (объ ней упоминается только по поводу сивиллинныхъ книгъ), хотя разсказъ обнимаетъ образованіе партіи zelotowъ и возстаніе Іуды Галилейскаго, по всей вѣроятности, одного изъ лже-мессій. Точно также не опредѣляетъ онъ ближайшимъ образомъ общественное положеніе фарисеевъ. Онъ говоритъ только, какъ мы видѣли, что они принадлежали къ среднему, достаточному классу, но каковы были ихъ отношенія къ низшимъ классамъ внѣ религіозно-національной и собственно политической доктрины — мы не знаемъ. Вслѣдствіе этого становится совершенно непонятнымъ тотъ любопытнѣйшій моментъ еврейской исторіи, когда фарисеи утратили роль дѣятельной, руководящей политической партіи. Послушаемъ, какъ разсказываетъ объ этомъ Коганъ.

Дѣло было въ послѣднемъ вѣкѣ передъ Р. X. Въ синадріонѣ председательствовалъ знаменитый Гиллель, краса и гордость фарисеевъ. Вице-президентомъ былъ Шаммаи, также изъ фарисеевъ, но значительно отклонившійся отъ ученій Гиллеля и совершенная противоположность ему по личному характеру. Гиллель былъ кротокъ, уступчивъ, любезенъ, терпимъ. Шаммаи — суровъ, упрямъ, фанатиченъ. Преданіе сохранило объ нихъ такую анекдотъ. Одинъ язычникъ, ища просвѣщенія, обратился къ Шаммаи. Тотъ сообщилъ такую массу правилъ поведенія, необходимыхъ для истиннаго іудея, что язычникъ ужаснулся. Гиллель, напротивъ, сказалъ: не дѣлай другому того, что бы ты не хотѣлъ, чтобы тебѣ дѣлали другіе; въ этомъ сущность іудейства, все остальное — только комментарий. «Шаммаи, одушевленный благочестіемъ, граничившимъ съ аскетизмомъ, утверждалъ, что надо думать прежде всего о Богѣ и будущей жизни и, слѣдовательно, жертвовать земною жизнью для небесной. Гиллель, не менѣе благочестивый, но болѣе практичный, отдавалъ преимущество земной жизни, то есть общественнымъ и нравственнымъ добродѣтелямъ (*virtutes sociales et morales*) передъ аскетизмомъ и самоотреченіемъ. Первый готовъ былъ бы сказать, что царство божіе не отъ міра сего, второй исповѣдывалъ, что человекъ созданъ для жизни и что его земное назначеніе состоитъ въ прославленіи Бога своими дѣлами». Знаменитѣйшимъ дѣломъ Гиллеля было установленіе такъ называемыхъ «семи правилъ» толкованія закона. Исходя изъ общаго положенія фарисеевъ, что законъ нельзя понимать буквально, Гиллель систематизировалъ приемы толкованія. «Благодаря этимъ приемамъ. наивно замѣчаетъ Коганъ: — изъ обширной библейской сокровищницы, изъ этого созданія столбикъ разновременныхъ писателей можно было почерпнуть все, что угодно. Это была свобода изслѣдованія въ самомъ полномъ смыслѣ слова. Гиллель подвелъ ее подъ опредѣленные правила только для того, чтобы придать больше силы и авторитета всему, что пожелала бы провести фарисейская реформа». Несмотря на нѣкоторыя практическія мѣропріятія, введенныя Гиллелемъ, его все-таки больше тянуло въ міръ идей, тогда какъ Шаммаи стоялъ, напротивъ, ближе къ политической жизни современниковъ. Гиллелю народъ удивлялся, къ Шиммаи онъ былъ привязанъ. На ученикахъ того и другого разница ихъ ученій обнаружилась скоро въ самой рѣзкой формѣ.

Такъ рассказываетъ Коганъ. Рассказъ этотъ прежде всего одностороненъ и очень неполонъ. Если преданіе сохранило знаменитія слова Гиллеля: не дѣлай другому и проч., то оно же сохранило и нѣкоторыя другія черты его жизни, изъ которыхъ видно, что онъ не уступалъ ни одному фарисею въ формализмѣ, но подъ старость, будучи уже и отъ природы кротокъ и уступчивъ, оказывалъ всевозможныя послабленія какъ формальнаго, такъ и далеко неформальнаго свойства. Напримѣръ, Шаммаи утверждалъ, что слова закона о правѣ мужа дать женѣ рав-

воду въ случаѣ, если «онъ находитъ въ ней что нибудь *противное*» (Второзаконіе, XXIV, I.), надо толковать въ нравственномъ смыслѣ. Гиллель же находилъ, что мужъ можетъ прогнать жену даже если она пережаритъ кушанье, что это будетъ то «противное», о которомъ говоритъ законъ. Гораздо болѣе важнымъ и характернымъ послабленіемъ Гиллеля было слѣдующее. Мы уже упоминали, что онъ измѣнилъ законъ о прекращеніи всѣхъ долговыхъ обязательствъ въ седьмой «годъ отпущенія»—законъ, можетъ быть, очень древній или, по крайней мѣрѣ, современный построенію второго храма. Но, въ сущности, Гиллель не только измѣнилъ, а фактически отмѣнилъ законъ. Грець, какъ и Коганъ, какъ и всѣ евреи, благоговѣющій передъ Гиллелемъ, рассказываетъ объ этомъ такъ. Имѣя въ виду роковой седьмой годъ, богатые люди не охотно давали обѣднымъ займамъ, а потому Гиллель постановилъ, что займодавцы могутъ передъ наступленіемъ седьмого года письменно передавать свои права суду, совѣту старѣйшинъ, которому и представляется взыскивать долгъ. Это, дескать, было чрезвычайно выгодно для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Мы думаемъ, что это было выгодно главнымъ образомъ для займодавцевъ и даже только въ ихъ интересахъ и предпринято. Во всякомъ случаѣ, Гиллель фактически отмѣнилъ постановленіе о седьмомъ годѣ. Изъ этого видно, въ какой мѣрѣ основательно считать его, какъ это обыкновенно дѣлается, прямымъ продолжателемъ и завершителемъ дѣла Эздры и Нееміи. Конечно, знаменитыя «семь правилъ» Гиллеля были вѣнцомъ «свободнаго исслѣдованія» или произвольнаго толкованія закона. Но на практикѣ толкованіе это направлялось, при возобновленіи храма и наканунѣ его паденія, совершенно различно. Если можно говорить о древне-еврейской буржуазіи, то Эзра и Неемія представляютъ собою моментъ ея первыхъ, благородныхъ порывовъ, когда дѣло буржуазіи еще не отдѣлено отъ дѣла народа. Гиллель же есть представитель эпохи этого отдѣленія. Взглянувъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы поймемъ суть пререканій Гиллеля и Шаммаи и слѣдующихъ бурныхъ событій.

Въ характеристикѣ Шаммаи, сдѣланной Коганомъ, есть одна странность. По его словамъ, суровый товарищъ соперникъ благодушнаго Гиллеля очень низко цѣнилъ земную жизнь и больше думалъ о небесномъ, но въ то же время онъ гораздо сильнѣе мѣшался въ политическія дѣла, чѣмъ Гиллель, который рекомендовалъ земную жизнь, «соціальныя добродѣтели», но въ политическія дѣла мѣшался мало, преимущественно въ качествѣ миротворца. Это—явное притворѣчіе, вскрыть которое Коганъ не можетъ уже просто потому, что даже не замѣчаетъ его. Взявъ тѣ же факты, но освѣтивъ ихъ иначе и, какъ мы увидѣны, справедливѣе, мы немедленно же устранимъ противорѣчіе. Дѣло здѣсь далеко не въ личностяхъ только Гиллеля и Шаммаи, а въ дѣлахъ двухъ политическихъ направленій.

Весь ходъ всемірной исторіи, поддерживаемый внутренними неурядицами въ Иудеѣ, свелъ эту несчастную страну съ Римомъ. Она не могла не пасть, но, надо ей отдать справедливость, пала со славою; въ ней нашлись люди, которые пали послѣ сравнительно долгой борьбы, въ которой есть и темныя, и свѣтлыя стороны. Римъ и Иудея столкнулись, римляне засѣли въ Иудеѣ, евреи проникли въ Римъ. Насколько можно возстановить, по отрывочнымъ замѣчаніямъ латинскихъ писателей, картину еврейской жизни въ Римѣ, она очень живо напоминаетъ теперешнюю жизнь евреевъ, напримѣръ, въ Варшавѣ или въ Вѣнѣ. Начиная съ Помпея, римскіе полководцы приводили цѣлыя толпы плѣнныхъ евреевъ, которые и осѣдали болѣею частью въ столицѣ, въ видѣ рабовъ. Но это были самыя неудобныя рабы. Съ характерною для евреевъ выдержкою они упорно держались обычаевъ своихъ отцовъ, выслушивали угрозы, терпѣли побои и все-таки не работали по субботамъ, не ѣли изъ общей кухни, не прикасались къ «нечистымъ» вещамъ и длиннымъ рядомъ подобныхъ мелочей ставили своихъ мѣдальцевъ въ очень затруднительное положеніе. Поэтому ихъ охотно отпускали за дешевую плату, вслѣдствіе чего постепенно возникла въ Римѣ огромная община вольноотпущенныхъ евреевъ. При Августѣ ихъ было до сорока, а при Тиверіѣ до шестидесяти тысячъ душъ. Занимались они болѣею частью мелкою торговлей, ростовщичествомъ и всякаго рода факторствомъ. Имъ были отведены особые кварталы, въ которыхъ царилъ нищета, грязь, вонь, тѣснота, вѣчный гвалтъ. Римляне относились къ нимъ съ величайшимъ омерзевіемъ. Нѣчего и говорить о массѣ, когда даже лучшіе умы Рима дышали какою-то почти непонятною ненавистью. И внѣшній знакъ, какъ бы гербъ иудаизма—обрѣзаніе, и шумные богословскіе споры, и почитаніе невидимаго, неизобразимаго Бога, и нравы и обычаи евреевъ, со всѣми ихъ даже свѣтлыми сторонами, не говоря о темныхъ—все было дико, чуждо, отвратительно для римлянъ. Цицеронъ, Тацитъ, Аполлоній Тианскій называли евреевъ суевѣрами, чело-вѣко-ненавистниками. Ювеналь, Марціаль, Персій, Гораций обдавали ихъ презрѣніемъ и насмѣшками. Благодушный Маркъ-Аврелій, проѣзжая черезъ Палестину, восклицалъ, по словамъ Амміана Марцеллина: «о, маркоманны, о, квады, о, сарматы! я встрѣтилъ, наконецъ, людей, которые хуже васъ». Въ лѣтописи Тацита находимъ слѣдующую характерную, по формѣ и содержанию, замѣтку: «Было еще дѣло объ уничтоженіи египетскаго и іудейскаго богослуженія, и сенатъ рѣшилъ, чтобы четыре тысячи вольноотпущенныхъ, зараженныхъ этою ересью, если позволить ихъ лѣта, были отправлены въ Сардинію для усмиренія тамошнихъ разбойниковъ; что не о чемъ жалѣть, если они умрутъ отъ климата; чтобы остальные оставили Италію, если до извѣстнаго срока не покинуть богохульныхъ обрядовъ». Но евреи не унывали. Среди всяческаго гнета, насилій, оскорбленій, они, какъ гибкое ползучее растеніе, цѣплялись за всякіе вы-

*

ступы и шероховатости, проникали во всё поры римскаго общества, опутывая его ростовщичествомъ и прозелитизмомъ. Враги были ихъ должниками, враги обращались даже въ друзей и почитателей. Повидимому, преимущественно женщины римскія и, притомъ, высшихъ классовъ склонялись къ еврейству, которому причастна была сама Пoppея, жена Нерона. Понятно, что въ огромномъ большинствѣ римскаго народа и общества эти успѣхи евреевъ возбуждали еще пушью ненависть.

Такъ шли дѣла евреевъ въ Римѣ. Дѣла римлянъ въ Иудеѣ шли, разумѣется, иначе, но еще вѣрнѣе вели къ взаимной ненависти. Возстаніе шло за возстаніемъ, оскорбленіе за оскорбленіемъ. Фарисеи принимали сначала чрезвычайно дѣятельное участіе въ этой борьбѣ и не разъ жестоко расплачивались за идею національной независимости. Ожиданіе мессіи-избавителя все росло и, наконецъ, дошло до такого напряженія, что всякій прохожимецъ или иродивый, не говоря уже о выдающихся, талантливыхъ и искреннихъ личностяхъ, могъ увлечь цѣлыя толпы народа. Пастухъ Атронгей объявляетъ себя царемъ іудейскимъ и приобретаетъ массу сторонниковъ, хотя замѣчательно онъ, кажется, только своей необычайной физической силой и, разумѣется, ненавистью къ римлянамъ. Полоумный Ѳевда увлекаетъ цѣлыя толпы народа, ожидающаго, что передъ нимъ разступятся воды Іордана и онъ пройдетъ, какъ древле Моисей, по морю, яко по суху. И пр. и пр. Суровые побѣдители полу-міра съ презрѣніемъ и негодованіемъ смотрѣли на это упругое племя, полураздавленное и все-таки возстающее изъ-за того, что побѣдоносный римскій орелъ прибылъ къ стѣнамъ Іерусалима или что римскій полководецъ ограбилъ сокровищницу храма, или что римскій солдатъ разорвалъ свитокъ закона. Все въ этихъ двухъ столкнувшихся на мировой сценѣ національно-государственныхъ единицахъ было взаимно дико, отвратительно. Но, кромѣ разнообразныхъ, возникавшихъ отсюда столкновеній, побѣдитель давилъ побѣжденнаго и въ чисто матеріальномъ смыслѣ. Римъ бралъ подати подушную, поземельную и различныя таможенныя пошлины, мостовыя, дорожныя и проч. Система взысканія состояла въ отдачѣ сбора податей на откупъ, а откупщики обыкновенно отъ себя еще разъ переуступали это право мелкимъ сборщикамъ. При этомъ, сборщики имѣли обыкновеніе уплачивать за немущихъ сами, за извѣстный процентъ, разумѣется. Надо еще помнить, что евреи привыкли къ мысли, что налоги взимаются только для религиозныхъ цѣлей. Гаусратъ справедливо замѣчаетъ, что Іисусъ Христосъ, естественно бравшій тѣмъ для своихъ изреченій и притчъ изъ понятной слушателямъ окружающей дѣятельности, всего охотнѣе говорилъ о должникахъ, о займодавцахъ, о лихвенныхъ процентахъ, о деньгахъ, отданныхъ въ ростъ.

Все это такъ: Римъ разорялъ Иудею, оскорблялъ ее, сосалъ изъ нея кровь. Ненависть евреевъ къ римлянамъ имѣла чрезвы-

чайно глубокиа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне осязательныя основа-
 ны. Но мы знаемъ также, что Христось предписывалъ отдавать
 кесарево кесареви именно по вопросу о податяхъ; значитъ, онъ
 видѣлъ кругомъ еще какія-то независимыя отъ римской податной
 системы грабежи. Мы знаемъ, что мытарь, сборщикъ римскихъ
 податей, былъ противопоставленъ фарисею, который, исполняя
 всѣ религиозныя формальности, въ то же время «сѣждаетъ дома
 вдовъ» и вообще дѣлаетъ что-то по существу противозаконное;
 что именно—ближайшимъ образомъ не опредѣлено. Мы знаемъ,
 что Гиллель, признанный глава фарисейства, возвеличиваемый
 всею талмудическою, то есть фарисейскою литературой, потвор-
 ствовалъ заимодавцамъ. Мы знаемъ, наконецъ, что, какъ выра-
 жается Иосифъ Флавій, «четвертая секта» имѣла во главѣ Иуду
 Галилейскаго и Цадова, ученика Шаммаи, противника Гиллеля.
 Правда, намъ съ достовѣрностью извѣстенъ только одинъ поли-
 тическій догматъ этой «секты»: надъ Иудеями не можетъ быть
 ни римскаго, ни какаго другого владыки, кромѣ Бога. Самъ по
 себѣ, этотъ догматъ нисколько не противорѣчилъ фарисейскимъ
 убѣжденіямъ. Напротивъ, имъ провозглашалась та самая теокра-
 тическая независимая республика, которая всегда улыбалась
 фарисеямъ. Но было же, значитъ, въ программѣ Иуды и Цадова
 еще что-нибудь важное и не фарисейское, если съ этого време-
 ни гиллелисты отходить на задній планъ, а затѣмъ фарисеи
 преслѣдуются народною яростью наравнѣ съ саддукеями и рим-
 ланами. Къ сожалѣнію, мало кому доступная талмудическая ли-
 тература до сихъ поръ еще ни разу не разрабатывалась съ точ-
 ки зрѣнія, сочувственной шаммаистамъ и зелотамъ, а потому
 мы принуждены говорить гадательно. Но изъ совокупности скуд-
 ныхъ фактическихъ данныхъ, а также по нѣкоторымъ априор-
 нымъ соображеніямъ, можно, кажется, заключить, что, кромѣ
 римлянъ, были еще какіе-то внутренніе разорители Иудеи. Были
 ли это саддукеи? Несомнѣнно, но не одни они. Преданіе упре-
 каетъ саддукеевъ и высшее духовенство въ открытомъ грабѣжѣ,
 во всевозможныхъ насиліяхъ, но не приписываетъ имъ извы
 еврейскаго народа—ростовщической дѣятельности. Она, вмѣстѣ
 съ торговлей, выпала, повидимому, на долю фарисеевъ. (Любо-
 пытно, что ессеи, отъ которыхъ «отдѣлились» фарисеи, считали
 торговлю грѣховнымъ и нечистымъ дѣломъ). Относительно фа-
 рисеевъ произошло, повидимому, тоже самое недоразумѣніе, ко-
 торое часто повторяется въ исторіи угнетенныхъ народовъ. Гнетъ
 иностранцевъ и охотно иностранившихся саддукеевъ ощущался
 и сознавался въ качествѣ сильнѣйшей острой боли; гнетъ же фа-
 рисеевъ, блстителей національности, толковавшихъ своей, на-
 ціональный законъ, обвивавшихъ всю жизнь простого человѣка
 обрядностями, исполненіе которыхъ возможно было только при по-
 мощи ученаго книжника, фарисея, сознавался крайне слабо и
 только долго накопляемое народное горе прибавило, наконецъ,
 къ подвижникамъ-ессеямъ вольницу-зелотовъ и сикариевъ, ко-

торые уже явно отвергли фарисеевъ. Фарисеи мечтали только о національной независимости, zeloty (ревнители) пошли дальше и отодвинули самих фарисеевъ, оставаясь все тѣми же и даже еще гораздо бѣльшими врагами римлянъ, борьба съ которыми напугала фарисеевъ, какъ только она осложнилась внутренней борьбой. Главы фарисейства, этого нѣкогда столь радикальнаго по отношенію къ національной независимости ученія, мирились съ римскимъ владычествомъ и готовы были даже признать месію то въ Иродѣ, то въ Веспасіанѣ. Безъ признанія за фарисеями общественнаго положенія, хронически враждебнаго низшимъ классамъ, нѣтъ возможности объяснить ихъ удаленіе отъ дѣлъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., ихъ примирительное настроеніе, ихъ, наконецъ, дальнѣйшую судьбу. Нельзя объяснять дѣло простую умѣренность позднѣйшихъ фарисеевъ по вопросу о національной независимости. Это не рѣшеніе вопроса, а обходъ его, потому что дѣло именно въ томъ: съ чего фарисеи, эти борцы за національную независимость, борцы до послѣдней крайности, стали вдругъ умѣренны?

Если мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній о социальномъ положеніи большинства фарисеевъ, то намъ очень хорошо извѣстна, благодаря подробному разсказу Іосифа Флавія, вся обстановка ессеевъ. отъ которыхъ, по справедливому мнѣнію Когана, фарисеи «отдѣлились». Отдѣлились: значитъ, перешли къ чему-то другому, даже противоположному. Слѣдовательно, приглядываясь къ житейно-бытѣ ессеевъ, мы можемъ получить небезынтересныя отрицательныя указанія относительно отдѣлившихся фарисеевъ. Ессеи же жили вотъ какъ. Всякій вновь поступающій членъ отдавалъ все свое имущество братству и не имѣлъ никакой личной собственности. Прямымъ послѣдствіемъ этого было отсутствіе внутри братства всякихъ торговыхъ сдѣлокъ. Отправляясь куда-нибудь въ дорогу, ессей не бралъ съ собой рѣшительно ничего, кромѣ оружія на случай встрѣчи съ разбойниками, потому что вездѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ своихъ собратьевъ—а они были повсюду, расыпаны повсюду, хотя и имѣли нѣсколько излюбленныхъ поселеній—онъ находилъ тамъ, пищу одежду и все нужное. И это нужное онъ бралъ по праву, какъ свое собственное. Богатыхъ и бѣдныхъ, говоритъ Іосифъ Флавій, между ессеями нѣтъ. Далѣе, ессеи болѣе или менѣе сторонились отъ брачной жизни и половыхъ сношеній вообще. Одни отказывались отъ нихъ рѣшительно и навсегда, хотя охотно брали чужихъ дѣтей на воспитаніе, другіе женились именно только для того, чтобы имѣть дѣтей. Въ исполненіи субботняго дня и другихъ предписаній закона ессеи были строже, чѣмъ кто-нибудь, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ склонялись преимущественно къ аллегорическому, а не буквальному толкованію писанія. «Чистота» соблюдалась педантически. Случайное прикосновеніе не только къ иностранцу, но даже къ младшему, вновь поступившему члену секты, требовало очищенія, омовенія. Вообще, они часто купались и обливались

холодной водой. Они много занимались изученіемъ дѣлѣбныхъ средствъ и слыли искусными врачами, въ особенности же удачно изгоняли бесовъ, а также имѣли даръ пророчества. Эти достоинства ессеевъ признавались всѣми, въ томъ числѣ отчасти и фарисеями, но фарисеи думали, какъ мы уже видѣли, что съ послѣдними пророками, Аггеемъ, Захаріемъ и Малахией, святой духъ оставилъ міръ; ессей, напротивъ, полагали, что святой духъ живетъ среди нихъ, въ ихъ общинахъ. Конечно, это было не догматическое только разногласіе. Подъ «святымъ духомъ» здѣсь разумѣлась дѣлая программа нравственной жизни, освященная, санкціонированная религіознымъ началомъ. Нетрудно видѣть, въ чемъ она состояла. Относительно педантизма въ вопросахъ обрядовыхъ фарисеи могли, пожалуй, потягаться съ ессеями и не на этомъ пунктѣ могли они разойтись. Вопросъ о воздержаніи отъ брачной жизни самъ по себѣ также не могъ стать яблокомъ раздора. Безъ сомнѣнія, ессей не могли уважать Гиллелево толкованіе закона о разводѣ изъ за пережареннаго кушанья, но въ вопросѣ о бракѣ они сами не были единодушны: одни отвергали его, другіе нѣтъ. Остаются слѣдовательно только имущественныя отношенія. Только изъ-за нихъ, изъ-за вопроса о личной и общественной собственности фарисеи могли отдѣлиться отъ ессеевъ. Во всякомъ случаѣ, это былъ если не единственный, то одинъ изъ главныхъ пунктовъ раздора. Ессей думали, что идеи древнихъ пророковъ могутъ и должны быть доведены до ихъ логическаго конца. Фарисеи говорили: нѣтъ, съ послѣдними пророками святой духъ отлетѣлъ, надо жить и добро называть. Конечно, отсюда еще очень далеко до грабительства въ какихъ бы то ни было формахъ, до поведенія вдовьихъ домовъ. Но, въ связи со всѣмъ вышесказаннымъ, точка расхожденія фарисеевъ и ессеевъ получаетъ свое значеніе. Съ нею, а не съ «аристократіи таланта», началось настоящее выдѣленіе фарисеевъ, какъ особаго класса. Можно, пожалуй, говорить, вмѣстѣ съ Коганомъ, что фарисеи «отдѣлились», потому что жаждали практической дѣятельности, хотѣли, не довольствуясь ессейскимъ удаленіемъ отъ міра, стать воинствующею партией, хотѣли внести свои идеалы въ самый водоворотъ народной жизни. Но дѣло въ томъ, что они при этомъ измѣнили и идеалы свои. Они понесли въ народъ свою ненависть къ чужеземному владычеству, свою доходившую до нелѣпности ненависть ко всему иноземному вообще, наконецъ—свое «свободное изслѣдованіе» закона, сводящееся къ произвольному введенію нѣкоторыхъ важныхъ и множества ничтожныхъ до безсмыслия установленій. Но свои бывше соціальныя идеалы они оставили мирнымъ ессеямъ. Ихъ то, эти самые идеалы, подхватила впоследствии другая воинствующая партія, партія zelotovъ, рекрутировавшаяся изъ всякаго рода рѣшительныхъ людей, начинавшая съ чистѣйшихъ энтузіастовъ и кончая разбойниками съ большой дороги. Фарисеямъ тутъ уже не было мѣста. Но съ гласъ громомъ Іерусалима и разсѣяніемъ евреевъ, фарисаизмъ, воз-

родившейся въ талмудѣ, опять вступилъ въ силу, въ которой находится и понынѣ.

Такимъ образомъ, реформа, проведенная фарисеями, была дѣйствительно велика и обширна, но едва ли ей приличествуютъ тѣ восторженно хвалебные гимны, которые поетъ Коганъ. И прежде всего въ ней нѣтъ «свободнаго изслѣдованія». Напротивъ, она опутала еврейскій народъ цѣпью суевѣрія и обрядностей и усугубила его замкнутость и отроженность отъ всего остального міра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, благодаря именно этой великой реформѣ, еврей—одна изъ наиболѣе одаренныхъ національностей, изъ наиболѣе способныхъ внести великіе вклады въ сокровищницу человѣчества—такъ часто оказывается паразитами на тѣлахъ другихъ народовъ. Фарисейская проповѣдь возникла въ необыкновенно счастливую для себя и въ очень несчастную для еврейскаго народа историческую минуту. Сплетась съ мессіанической надеждою, въ которую несчастный народъ вложилъ всю душу свою, она заимствовала отъ нея свѣтъ, котораго не заслуживала, но отъ котораго она тѣмъ не менѣе была только на время оторвана въ бурный періодъ лже-мессіи и раззоренія Іерусалима.

Буржуазіей въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать это слово, фарисеи не были; имъ недостовало для этого ни матеріальныхъ, ни умственныхъ условий. Строго говоря, они не представляли собой даже опредѣленнаго общественнаго класса. Но, конечно, они не были и «сектой», какъ мы привыкли говорить со словъ Іосифа Флавія. Многие въ ихъ ученіи было обще всему народу, но ядро фарисейства составлялъ все-таки средній классъ, отрицательно очень ясно характеризующійся въ экономическомъ отношеніи признаками, общими всякому среднему классу: фарисеи не были крупными землевладѣльцами, не были и непосредственными производителями, то есть работниками. Что касается положительной характеристики ихъ экономической роли, то ее сдѣлать очень трудно, но, за вычетомъ землевладѣнія и личнаго труда, остается капиталъ, который въ тѣ времена приобретался почти исключительно торговлей и ростовщичествомъ. Умственныхъ условий для фарисеевъ, какъ для буржуазіи, тоже не хватало. Разговоры Когана о фарисейской «наукѣ» просто смѣшны. Нѣсколько болѣе серьезное значеніе имѣетъ его утвержденіе, что фарисеи способствовали облагороженію, уточненію, идеализаціи нѣкоторыхъ древнихъ вѣрованій. Но и это надо понимать очень условно. Иранскій элементъ внесъ въ юдаизмъ много мистическаго, но также и много дѣйствительно возвышеннаго. Замѣчательно, однако, что даже въ наиболѣе возвышенной части своего ученія, въ представленіи о будущемъ торжествѣ правды на землѣ, фарисеи были иногда удивительно грубы и плоски. Судя по выпискамъ изъ талмудической литературы, приводимымъ Гфрѣромъ и Р. фон-деръ Альмомъ, понятія фарисеевъ и талмудистовъ о пришествіи Мессіи сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что

князья всего мира придутъ и поклонятся іудеямъ и всѣ народы будутъ работать на нихъ. Кроме того, попадаются такого рода надежды: «Однажды раби Гамалиилъ сядѣлъ и училъ, что въ будущее время женщина будетъ рожать каждый день, потому что сказано: «беременная и родильница вмѣстѣ» (Леремія, 31, 8; текстъ имѣеть совершенно другой смыслъ). Одинъ изъ учениковъ засмѣялся и сказалъ: въ писаніи говорится, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Учитель отвѣчалъ: пойдемъ, я покажу тебѣ нѣчто подобное, и показалъ ему курицу». «Сказано: «почечнымъ тукомъ пшеницы» (Второзаконіе, XXXII, 14; въ русскомъ переводѣ: «тучною пшеницею»). Наши учителя говорятъ, что пшеничное зерно будетъ величиною, какъ двѣ почки самаго большаго быка». «Въ будущей жизни повозка или корабль будутъ грузиться одною ягодою винограда; потомъ эту ягоду будутъ ставить въ домъ и цѣдить изъ нея, какъ изъ бочки, а вѣтка будетъ служить вмѣсто дровъ на кухнѣ; не будетъ ни одной виноградины меньше, какъ въ тридцать ведеръ вина».

Подобныя грубыя представленія, въ связи съ обѣщаніями о покореніи міра подъ ноги сыновъ Израиля, должны были много способствовать популярности фарисеевъ. Но надъ этой почвой, общей невѣжественному народу и ученымъ фарисеямъ, незамѣтно, безсознательно скапливались элементы раздора изъ повседневныхъ житейскихъ отношеній.

Безъ сомнѣнія, въ средѣ самихъ фарисеевъ были люди, настроенные враждебно къ фарисейству, но, понятно, что это были фарисеи только по рожденію или по своей «книжности». Таковъ именно былъ товарищъ-соперникъ Гиллеля Шаммаи, такъ дурно и противорѣчиво оцѣненный Коганомъ. Строгий блюститель закона, даже педагогически строгій, какъ и всѣ ученые фарисеи, онъ приближался къ ессеямъ по своимъ нравственнымъ требованіямъ. Безъ сомнѣнія, на этой именно почвѣ происходили его пререканія съ благодушнымъ и слабымъ Гиллелемъ. «Соціальныя добродѣтели», проповѣдуемыя будто бы Гиллелемъ, въ противоположность удаленію отъ земныхъ интересовъ, на которомъ, будто бы, настаивалъ Шаммаи, очевидно изобрѣтены Коганомъ. Общія формулы морали Гиллеля могли быть очень высоки; но двѣ вышеприведенныя черты его практической дѣятельности—введеніе развода изъ-за пережареннаго кушанья и отмена закона о седьмомъ годѣ—показываютъ, что онъ былъ челоувѣкъ крайне удобный для самой легкой морали, въ которой могло не быть и слѣда какой бы то ни было «соціальной добродѣтели». Очевидно, надо понимать дѣло такъ, что, отстаивая передъ Шаммаи земные интересы, Гиллель отстаивалъ просто нѣкоторыя грѣхи фарисеевъ. Суровый же Шаммаи рекомендовалъ имъ поменьше заботиться о своихъ мелкихъ дѣлишкахъ и помнить объ обѣщанномъ «царствѣ небесномъ». Это напоминаніе нисколько не обязывало его удалиться отъ политическихъ тревоженій минуты. Все дѣло было въ его личномъ характерѣ. Ессен

рекрутировались изъ мирныхъ по природѣ, недостаточно энергичныхъ и усталыхъ, но глубоко преданныхъ своей идеѣ людей, удалявшихся въ лѣса и пустыни и устраивавшихъ тамъ жизнь сообразно своему идеалу. Понятно, что тѣ-же идеалы въ головахъ человека энергичнаго, борца, какими были Шаммаи, не только не удалили его отъ политическихъ тревоженій, а, напротивъ, кидали его въ самый водоворотъ ихъ. Такъ случилось, если не съ самимъ Шаммаи, то съ непосредственными его учениками. Только, благодаря, очевидно, малому знакомству Когана съ характеромъ народныхъ движеній вообще, могъ онъ сдѣлать такой блѣдный, противорѣчивый, ничего не значущій и висящій въ безвоздушномъ пространствѣ очеркъ дѣятельности Гиллея и Шаммаи. Впрочемъ, онъ шелъ въ этомъ отношеніи по стопамъ всѣхъ доселѣшнихъ историковъ еврейскаго народа.

Въ заключеніе, намъ остается только привести общую характеристику исторической роли фарисаизма, нѣсколько неожиданно сдѣланную въ концѣ книги самимъ Коганомъ: «Фарисеи представляли собой интеллигентную и либеральную буржуазію, всегда консервативную по инстинкту и по своимъ интересамъ, но которая, къ несчастію, постоянно колеблется между свободой и властью и почти всегда или затѣваетъ революціонную игру, когда отстаиваетъ права свободы, или игру деспотизма, когда хочетъ отстоять прерогативы власти. Фарисеи, которыхъ, въ области религіи, мы назвали протестантами юдаизма, могутъ быть съ такою же точностію названы жирондистами въ области политики. Для борьбы съ духовенствомъ и аристократіей, для расчистки пути либеральному и реформаторски настроенному среднему классу, они дали сильный толчокъ демократическимъ идеямъ. Эти идеи выросли въ свою очередь. Они породили политическій и религіозный радикализмъ, которымъ мирные ученые не могли овладѣть и который фатально увлекъ ихъ въ пропасть виѣствъ со всею націей».

Оставляя Киѣвъ Мокіевичу разсуждать о томъ, что было бы еслибы дѣла шли иначе, мы замѣтимъ только, что страшныя, кровавыя сцены внутреннихъ неурядицъ временъ агоніи Іудей были вызваны не только демократическими идеями фарисеевъ. Противъ саддукеевъ и римлянъ народъ поднимали, пожалуй, идеи фарисеевъ, противъ самихъ фарисеевъ—ихъ дѣла.

Н. М.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Важность событий, пережитых Франціею съ конца ноября по январь 1878 г.—Ноябрьскія избранія «пожизненныхъ» въ сенатъ.—Предложеніе Фере о парламентскомъ слѣдствіи въ сенатъ.—Вознеженія въ торгово-промышленномъ мірѣ.—Парижскія и провинціальныя петиціи негоціантовъ.—Грубость Мак-Магона относительно делегаций.—Депутаты и сенаторы въ качествѣ делегатовъ.—Опасенія многочисленныхъ банкротствъ.—Бюджетный вопросъ въ палатѣ депутатовъ.—Задвленіе «дѣловаго министерства».—Законопроекты Барду объ осадномъ положеніи и печати.—Докладъ Кошери.—Злоупотребленіе финансами и биржевна спекуляціи правительства «нравственнаго порядка».—Выборъ Эмиля Жирардена депутатомъ отъ IX-го парижскаго округа.—Встрѣча Гамбетты съ Лессепсомъ.—Памятная записка Дюклера.—Острота Лорье.—Бесѣда маршала съ предсѣдателями обѣихъ палатъ.—Записка Лессепса.—Замѣтка «Агентства Гаваса» 4-го декабря и опроверженія на нее Греви и Дюклера.—Торжественныя заглавенія въ палатѣ Жюла Ферри и Гамбетты.—Напряженное состояние страны, угрожавшее возникновеніемъ уличной революціи.

Послѣдніе мѣсяцы 1877 года, по знаменательности событий, разыгравшихся въ теченіи ихъ, достойны занять блестящее мѣсто въ исторіи Франціи. Революція, которой ожидала страна съ такимъ опасеніемъ и боязнью въ ноябрѣ, вспыхнула и разыгралась въ декабрѣ—безкровно и безъ выстрѣла. По своимъ результатамъ, она важна тѣмъ, что фактически доказала, что, при существованіи всеобщаго голосованія, все, чтѣ въ прежнее время вызывало народныя возстанія, можетъ, при извѣстной степени зрѣлости націи, разрѣшаться путемъ мирной законности. Короче, Франція, въ первый еще разъ въ теченіи своей исторической жизни, пережила революцію по англійскому способу, при которомъ легальность побѣдила произволь, и тѣмъ начала для нашей страны новую эру—мирнаго и безпрепятственнаго прогрессивнаго развитія...

Обо всемъ этомъ можно бы было говорить долго и много, но, въ качествѣ скромнаго лѣтописца, я предпочитаю продолжать краткое изложеніе событий, какъ они происходили съ той минуты, до которой я довелъ ихъ описаніе въ прошлой хроникѣ, представляя самимъ читателямъ дѣлать выводы, по мо-

ему взгляду, благоприятные не только для одной Франціи, но и для всѣхъ цивилизованныхъ націй.

Мы остановились на томъ, что въ тотъ самый день, когда палата отказалась входить въ какія бы то ни было сношенія съ шутовскимъ министерствомъ Рошбуа, сенатъ еще разъ выказалъ свои реакціонерыя стремленія избраніемъ въ пожизненные сенаторы бонапартиста Гранперрѣ. Но этого мало: въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій, благодаря нерѣшительности и лукавству орлеанистовъ вообще и междуцентральной группы конституціоналистовъ въ особенности, произошли еще два подобныя же избранія, именно: на вакансіи умершихъ Ланфрѣ (безпристрастнаго біографа Наполеона I и знаменитаго историка) и маркиза де-Франльѣ были выбраны роялисть Ларси и империалисть Фердинандъ Барро. Кромѣ того, скромное предложеніе сенатора Ферѣ о назначеніи парламентскаго слѣдствія о причинахъ промышленныхъ и торговыхъ невгодъ во Франціи, неотложность котораго и необходимость могли не быть приняты сенатомъ безъ нарушенія всякаго приличія — реакція удалось передать на обсужденіе такой комиссіи, которая постарается или совсѣмъ его утопить или ослабить его значеніе до того, чтобы не оказывалось надобности подымать слѣдствія, такъ какъ всю вину этихъ бѣдствій не трудно свалить на промышленныя затрудненія въ Америкѣ, восточный вопросъ и т. п. Въ комиссіи этой изъ 18 членовъ—11 реакціонеровъ. Впрочемъ, предложеніе Ферѣ, какъ это и предвѣдала делегация 18-ти, направлявшая дѣйствія республиканцевъ, не могло пройти безслѣдно для Франціи, и хотя сенатъ и выказалъ намѣреніе его безшумно погребсти, но довольно было одного заявленія о такомъ слѣдствіи, чтобы вызвать дѣятельную агитацію въ средѣ самихъ коммерсантовъ и промышленниковъ.

Такъ это и случилось. Около ста человекъ главнѣйшихъ парижскихъ негоціантовъ и представителей фирмъ важнѣйшихъ торговыхъ домовъ Франціи составили и подписали петицію къ президенту республики, въ которой изложили какъ тяжелое положеніе промышленности и торговли такъ и тѣ бѣдствія, которыя еще предстоятъ имъ, если безконечный конфликтъ между общественными властями еще протянется. «Вы можете, говорилось въ этой петиціи:—положить конецъ этому невыносимому и опасному положенію, удовлетворивъ вполнѣ тѣмъ стремленіямъ, которыя такъ ясно и громко высказаны на послѣднихъ выборахъ громаднымъ большинствомъ нашихъ согражданъ». Два делегата отправились съ этой петиціей въ Елисейскій Дворецъ, но маршалъ Мак-Магонъ не удостоилъ ихъ принатія. Встрѣченны и выпрошены они были его личнымъ секретаремъ д'Аркурромъ, отъ котораго не могли ничего добиться, кромѣ банальной фразы, «что маршалъ одушевленъ самыми благими намѣреніями».

Въ воскресенье, 2-го декабря, въ залѣ Фраскати произошло частное собраніе парижскихъ негоціантовъ, которые сошлись

тутъ въ числѣ 1,500 человекъ. На этомъ собраніи была составлена и подписана новая петиція, короче первой, но написанная въ болѣе энергическихъ выраженіяхъ. «Нижеподписавшіеся промышленники и коммерсанты, говорилось въ ней:—въ виду усиливающихся бѣдствій въ торгово-промышленной сферѣ, считаютъ своимъ долгомъ, сдѣлать новое и настоятельное обращеніе къ патриотизму президента республики. Положеніе дѣлъ принимаетъ такой опасный характеръ, что всѣмъ отраслямъ производствъ угрожаетъ скорое раззореніе и остановка всякихъ работъ. Даже международное предпріятіе всемірной выставки можетъ при этомъ не осуществиться. Голосованіе 14-го октября выразило настоятельную потребность и волю страны. Президенту республики надлежитъ безъ колебаній подчиниться выраженію этой воли, выйти на конституціонный путь и тѣмъ на самомъ дѣлѣ подтвердить высказанныя имъ нѣкогда прекрасныя слова, что «законъ большинства — главнѣйшій законъ въ парламентскихъ государствахъ»¹.

Делегаты этого собранія, на слѣдующій же день, отправились въ Елисейскій Дворецъ. Мак-Магонъ не принялъ и ихъ и выслалъ къ нимъ своего адъютанта, который предложилъ имъ обратиться съ ихъ петиціей въ министерство торговли. Когда они вѣжливо настаивали на своемъ желаніи видѣть маршала, то адъютантъ этотъ, полковникъ де-Вольгренавъ, отрѣзалъ имъ по военному, что торговопромышленное положеніе Франціи хорошо извѣстно маршалу изъ газетъ и изъ разговоровъ съ предсѣдателями коммерческихъ суда и палаты и что его *нѣтъ дома* для господъ негоціантовъ, становящихся съ нимъ въ оппозицію. Тогда справедливо раздраженные делегаты сказали ему: «Видѣть президента республики мы хотѣли только потому, чтобы сказать ему, что составляемъ только авангардъ готовящейся громадной манифестаціи. Сегодня насъ полторы тысячи, завтра будетъ сто тысячъ, а тамъ и миллионъ, такъ какъ мы представляемъ собою полнѣйшее выраженіе истинныхъ нуждъ и потребностей работающихъ классовъ всей Франціи!» Въ тотъ же самый день, делегаты отправились въ Версаль къ президентамъ сената и палаты депутатовъ, въ надеждѣ черезъ ихъ посредство получить аудіенцію у маршала. Герцогъ Одиффри-Пакъе принялъ ихъ съ полною предупредительностью и разсѣялъ всѣ опасенія относительно возможности какихъ бы то ни было пагубныхъ мѣропріятій со стороны Елисейскаго Дворца, увѣривъ ихъ, что армія ни въ какомъ случаѣ не согласится помогать государственному перевороту, да и оны, совокупно съ Гревъ — поддержать законное право парламента.

Поэтому делегаты не стали и домогаться аудіенціи и, вѣсто

¹ Слова эти заключались въ первомъ посланіи маршала послѣ его избранія 24-го мая 1873 года, и ими оны, выбранный 14-ю голосами монархической коалиціи, доказывалъ свое легальное право на занятіе поста Тьера.

врученія петиціи Мак-Магону, ограничились тѣмъ, что роздали значительное число ея экземпляровъ депутатамъ лѣвой стороны. Депутаты немедленно разослали эти экземпляры по своимъ округамъ, откуда они возвратились черезъ нѣсколько дней покрытыми множествомъ подписей. Между тѣмъ, въ публикѣ стало обращаться и нѣсколько другихъ адресовъ, составленныхъ уже гораздо рѣзче. Такъ, напримѣръ, въ адресѣ отъ мануфактурныхъ центровъ Юрскаго Департамента маршалу прямо ставился вопросъ: не означаетъ ли его намѣреніе упорствовать *до конца* — желанія дѣйствовать въ ущербъ Франціи «до окончательнаго истощенія ея матеріальныхъ средствъ»? при чемъ предлагалось ему «заботитися созваніемъ конгресса, буде ему нежелательно взять на одного себя отвѣтственность за то, что всемірная выставка не состоится и страна будетъ окончательно раззорена». Изъ мѣстностей, считавшихся самыми ретроградными, также стали раздаваться крики о «бѣдственномъ состояніи страны». Не одинъ Парижъ, но вся Франція возвысила голосъ, предлагавшій маршалу «поторопиться концомъ» и «возстановить порядокъ, подчинившись закону, если онъ не жалеетъ быть виновникомъ безчисленныхъ банкротствъ, имѣющихъ произойти къ 1-му января, и не думаетъ кормить на государственный счетъ сотни тысячъ рабочихъ, которымъ придется выносить всѣ ужасы повсемѣстной безработицы.

Но маршалъ продолжалъ упорно не принимать делегатовъ ни отъ одного промышленнаго или торговаго общества. Допло до того, что делегацию отъ альбѣфскихъ суконщиковъ принялъ и выпроводилъ простой дворцовый приставъ. Недоставало одного, чтобы маршалъ, наконецъ, позвалъ во дворецъ полицейскихъ сержантовъ и поручилъ имъ хватать за шиворотъ и прогонять прочь представителей торговаго и промышленнаго міра Франціи.

Тогда раздраженные петиціонеры стали требовать отъ своихъ депутатовъ, чтобы они лично переговорили съ маршаломъ о критическомъ положеніи промышленности. Въ теченіи цѣлой недѣли, Мак-Магонъ былъ вынужденъ принимать депутатовъ, являвшихся одинъ за другимъ, такъ же какъ и нѣсколькимъ сенаторовъ, и каждому отдѣльно заявлять, что онъ не согласится измѣнить своимъ взглядамъ и лучше согласенъ удалиться съ своего поста, чѣмъ уступать требованіямъ республиканскаго большинства. Одинъ изъ такихъ разговоровъ между маршаломъ и валенсъевскимъ депутатомъ Луи Леграномъ былъ во всѣхъ подробностяхъ переданъ въ «XIX Вѣкѣ». Въ теченіи получаса, несмотря на всѣ доводы Леграна, маршалъ стоялъ на своемъ, не соглашался взять изъ рукъ депутата петиціи, говоря, что она должна быть подава въ министерство торговли, утверждалъ, что въ результатахъ послѣднихъ выборовъ, онъ не видитъ выраженія народной воли, такъ какъ число голосовъ за республиканцевъ и противъ нихъ разнится только на нѣсколько сотъ тысячъ (на миллионъ, почтительно поправилъ его Легранъ), и два раза по-

вторшалъ, что онъ скорѣе удалится отъ власти, чѣмъ уступить. И Легранъ, какъ и другіе депутаты удалились отъ него ни съ чѣмъ. Черезъ три или четыре дня, однако, образъ дѣйствій маршала значительно измѣнился. Именно, 12-го декабря, когда, въ качествѣ представителей промышленности восточной Франціи, къ нему явились депутаты и сенаторы этой ея части, онъ принялъ депутацію съ взысканной любезностью и предупредительностью. Когда Бернаръ, говорившій отъ имени значительныхъ коммерсантовъ восточной Франціи, перешелъ въ фамильярный тонъ и сталъ совѣтовать маршалу сойтись съ республиканцами для того, чтобы разсѣять свои предубѣжденія, Мак-Магонъ нисколько не обидѣлся его тономъ и отвѣчалъ ему такимъ образомъ. «Я не могу входить съ вами въ споры по поводу политическихъ взглядовъ, только что вами высказанныхъ. Это дѣло парламентскихъ преній и на нихъ можете только говорить вслѣдъ; я могу говорить только о себѣ и завѣрить васъ, что я лично дѣйствую помимо всякихъ видовъ честолюбія. Я не принадлежу ни къ какой партіи. Я не стою ни за графа Шамбора, ни за графа Парижскаго, ни за императорскаго принца. Я намѣренъ поддерживать республиканскія учрежденія, существующія во Франціи, до 1880 года—если я до того времени удержусь самъ». Последнюю фразу онъ произнесъ съ особенно грустнымъ выраженіемъ. Тоже самое, слово въ слово, повторилъ онъ и республиканской депутаціи отъ Энскаго и Гардскаго департаментовъ, появившейся вслѣдъ за восточной. Кроме того, онъ прибавилъ: «Кризисъ завтра окончится—я на это, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, хотя и не общаю вамъ, что это окончаніе произойдетъ такъ, какъ бы вы того желали. Дѣйствуя, какъ я дѣйствую, я думаю, что исполняю свой долгъ. Еслибы я слушался только самого себя, то я просто удалился бы съ своею поста, но мною приняты на себя обязательства, и я долженъ ихъ исполнить». Когда депутаты, къ которымъ была обращена эта рѣчь, Турке и Марселевъ Пелле, стали откланиваться и уходить, онъ вдругъ, къ крайнему изумленію ихъ, закричалъ вслѣдъ за ними: «Когда вы станете выходить изъ дворца, вы сами увидите, господа, что изъ всѣхъ оконъ и магазиновъ той стороны улицы за вами и за выраженіями вашихъ лицъ станутъ наблюдать агенты моихъ враговъ, которые, я увѣренъ, нанимаютъ окна для надзора надо мною!! Слова эти, быстро облетѣвшія весь Парижъ, заставили думать публику, что маршалъ свихнулъ съ ума; всѣ вспомнили, что одинъ изъ его братьевъ и племянникъ его умерли помѣшанными, и въ самой средѣ депутатовъ уже пошли разговоры о томъ, что не придетъ ли маршала освидѣтельствовать для окончанія кризиса... Обстоятельства и событія, быстро вслѣдъ за тѣмъ послѣдовавшія, показали, что маршалъ въ этотъ день былъ дѣйствительно близокъ къ помѣшательству или, по крайней мѣрѣ, въ такомъ нервномъ разстройствѣ, которое легко могло перейти въ него.

Съ одной стороны, ему казалось невѣроятнымъ, что придется поступиться такъ скоро всѣми своими убѣжденіями, съ другой — ему трудно было показывать видъ, что торговня бѣдствія цѣлой Франціи нисколько его не трогаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просто не понималъ своего положенія и чувствовалъ только инстинктивный страхъ передъ тѣмъ, что богатѣйшіе фабриканты и коммерсанты становились однимъ за другимъ противъ него и заодно съ рабочими. Было отъ чего потерять голову! А кризисъ все ожесточался и ожесточался!..

Перехода къ описанію хода этого кризиса, нельзя не замѣтить, что еще 26 ноября, черезъ три дня послѣ назначенія маршаломъ комическаго министерства, прогнаннаго палатою депутатовъ, когда Мак-Магонъ сталъ настаивать, чтобы министры, несмотря на перенесенное ими фіаско, явились въ палату и вытрефовали отъ нея утвержденія хотя бы уже не всего бюджета, а только статей о прямыхъ налогахъ, распредѣленіе которыхъ лежитъ на обязанности генеральныхъ совѣтовъ — казалось, что раздоръ между президентомъ республики и представителями народа разгорится до того, что послужитъ началомъ народнаго возстанія. Въ Елисейскомъ Дворцѣ надѣялись, что республиканцы или выгонятъ буквально министровъ изъ палаты, или, при явленіи котораго ибудь изъ нихъ на трибунѣ, сами всею массою оставятъ залу собранія, или вообще произведутъ какой-нибудь необычайный скандалъ. Ничего подобнаго, однакоже, не произошло; делегация 18-ти предвидѣла, что все это входить въ планы конспираціи Фуру-деБроля и поэтому между республиканцами было условлено, что на появленіе министровъ не будетъ обращено никакого вниманія и, если съ ихъ стороны послѣдуютъ какія-либо предложенія, то имъ предоставлено будетъ идти обыкновеннымъ порядкомъ. Первымъ появился на трибунѣ знаменитый министръ внутреннихъ дѣлъ Вельшъ и прочиталъ, среди шума, разговоровъ, нѣсколько словъ о необходимости утвержденія прямыхъ налоговъ. Президентъ Грөви принялъ отъ него письменное изложеніе его заявленія и, сообразно обычной парламентской формулѣ, произнесъ, что правительственный проектъ будетъ отпечатанъ, розданъ депутатамъ и отправленъ въ комиссію.

Тотчасъ вслѣдъ за министромъ, на трибунѣ появился депутатъ Барду, уполномоченный делегацией 18-ти, и, при внезапно наступившемъ всеобщемъ молчаніи, сталъ читать изложеніе мотивовъ двухъ новыхъ законопроектвъ, касающихся осаднаго положенія и разносной продажи газетъ и изданій. Цѣлью послѣдняго изъ этихъ законопроектвъ было предоставленіе серьезнѣйшій гарантій для свободной продажи журналовъ всѣхъ направленій, безъ исключенія, по всей Франціи и для изыатія печати отъ произвола министровъ и префектовъ. Новымъ закономъ объ осадномъ положеніи требовалось, чтобы впредь, при внезапномъ его провозглашеніи президентомъ республики, по соглашенію съ со-

вѣтомъ министровъ, обѣимъ палатамъ предоставлялось черезъ три дня соединиться въ общее собраніе и утвердить или отвергнуть такое провозглашеніе. Кромѣ того, при распущеніи палаты и во все теченіе избирательнаго періода, осадное положеніе не можетъ существовать даже и въ видѣ временной мѣры, за исключеніемъ одного только случая внезапнаго объявленія вѣшной войны, но и то подѣ условіемъ, чтобы въ то же время немедленно были собраны избирательныя коллегии. Оба эти закона, стоящіе прямо въ разрѣзъ съ тѣми мѣрами, къ какимъ готово было прибѣгнуть правительство, должны были служить какъ бы пробнымъ камнемъ какъ для сената, такъ и для новаго парламентскаго министерства. Поэтому, для обоихъ законопроектовъ была голосована неотложность, которая и была принята большинствомъ 313 и 317 голосовъ противъ 47 и 7, при чемъ большинство реакціонеровъ отъ подачи голосовъ отстранилось.

27-го ноября, на трибуну выступилъ впервые одинъ изъ докладчиковъ бюджетной комиссіи, Кошери. Выступилъ онъ, однако, не для того, чтобы отвѣчать Вельшу, а для перечисленія передъ палатою беззаконій, произведенныхъ бывшимъ министромъ финансовъ Калльо, при употребленіи суммъ различныхъ экстраординарныхъ и добавочныхъ кредитовъ. «Journal des Débats», еще ранѣе, чѣмъ бюджетная комиссія успѣла сдѣлать необходимыя провѣрки, напечаталъ, что павшее министерство позволило себѣ рискованныя биржевыя спекуляціи, доставившія ему значительныя барыши, что было бы во всякомъ случаѣ предосудительно, еслибы даже выигранные фонды и не пошли на прикрытіе незаконныхъ расходовъ по выборамъ. Превжніе правители нравственнаго порядка и спасители общества, если и спекулировали на биржѣ, то дѣлали изъ ввѣряемыхъ имъ государственныхъ тайнъ средство личной наживы, а не орудіе для подтасовки всеобщаго голосованія. Кошери, однакоже, не позволилъ себѣ никакого намека на эти слухи, всѣмъ извѣстные и весьма распространенные въ биржевомъ мірѣ. Перечисливъ только тѣ злоупотребленія, какія были обнаружены бюджетною комиссіею, онъ тотчасъ же перешелъ къ развитію главнаго положенія о совершенной законности дѣйствій палаты относительно бюджета. «Голосованіе общественныхъ расходовъ составляетъ неотъемлемое право націи, которое она и поручаетъ своимъ представителямъ. Если палата распущена, то для правительства, нуждающагося въ деньгахъ, нѣтъ другого средства получить ихъ исполнѣе законно, какъ дожидаться утвержденія новой палаты. Для этого-то оно и должно поторопиться созывомъ избирательныхъ коллегій. Если правительство медлитъ, то министерство, нуждающееся въ финансахъ, можетъ обвинять только само себя, да, кромѣ того, должно еще нести и отвѣтственность за промедленіе. Такая отвѣтственность, разумѣется, увеличивается, если парламентская сессія преднамѣренно отдалается въ видахъ со-

Т. ССХХХVI. — Отд. II. 3

храненія министерствомъ за собою власги на возможно большій срокъ».

Этотъ докладъ произвелъ громадное впечатлѣніе какъ на палату и сенатъ, такъ и на публику. Вездѣ и всюду, начиная отъ салоновъ Елисейскаго Дворца до самыхъ мелкихъ канцелярій, въ теченіи нѣсколькихъ дней, онъ составлялъ главнѣйшій предметъ разговоровъ и разъясненій. Сенаторъ Батби, принявшій на себя, вслѣдъ за паденіемъ де-Брольи, не легкую обязанность — поддерживать въ непостоянныхъ и нерѣшительныхъ конституціоналистахъ священный огонь консерватизма, вынужденъ былъ объяснять своимъ адептамъ всю важность и опасность того положенія, въ какое поставили консервативную оппозицію дальновидные республиканцы своимъ холодно-энергическимъ образомъ дѣйствій относительно права распоряженія бюджетомъ. Ему поневодѣ пришлось самому убѣдиться и убѣждать другихъ, что потеряна всякая возможность, распустивъ палату, составить новую, такъ, чтобы она успѣла утвердить бюджетъ 1878 года и ассигновать хотя бы одну двѣнадцатую часть годовыхъ расходовъ, необходимыхъ на покрытіе самыхъ настоятельныхъ потребностей января мѣсяца; что сенатъ не имѣетъ права назначать сборъ какихъ бы то ни было налоговъ, и что, если заранѣе не будутъ законно опредѣлены размѣры налоговъ, то иностранныя государства немедленно воспользуются такой неурядицей, чтобы наводнить наши рынки своими произведеніями безъ платы ввозной пошлины. Кромѣ того, онъ вынужденъ былъ объяснять своимъ слушателямъ, что ни одинъ сборщикъ податей не согласится собирать ихъ, если на это не будетъ законнаго утвержденія, зная, что за это онъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ личнымъ имуществомъ, и что, съ другой стороны, плательщики не захотятъ ничего платить, изъ опасенія платить дважды, такъ какъ имъ нельзя будетъ выдавать закономъ обусловленныхъ квитанцій въ уплатѣ, а всякая другая росписка сборщиковъ признается недѣйствительною.

Во время самаго разгара толковъ о бюджетномъ вопросѣ, на обѣдѣ у Эмиля де-Жирардена, по случаю пріѣзда въ Парижъ Гранта и депутатской кандидатуры редактора «France» въ 9-мъ Парижскомъ Округѣ, встрѣтились Гамбетта и извѣстный Лессенсъ, близко сошедшійся съ Мак-Магономъ, когда послѣдній былъ еще въ Алжиріи. Вслушавшись въ разсужденія Гамбетты, Лессенсъ счелъ необходимымъ познакомиться съ нимъ маршала, отъ котораго, какъ онъ былъ увѣренъ, скрываютъ истину. Для этого, 28-го ноября утромъ, онъ нарочно поѣхалъ къ Мак-Магону и высказалъ ему, что второе распущеніе палаты было бы дѣломъ въ высшей степени рискованнымъ и опаснымъ, и что, вмѣсто того, чтобы упорство вать въ своемъ противодѣйствіи народной волѣ, маршалу слѣдовало бы войти въ сношенія съ увѣренными республиканцами и сблизиться, напримѣръ, хоть съ Греви, чтобы узнать

точно и определенно, чего именно хочет палата депутатов. Около того же времени, во время одного из приемных дней г-жи Рэневиль, салонъ которой посѣщается аккуратно Мак-Магономъ, вице-президентъ сената, Эженъ-Дюклеркъ, пользовавшийся особеннымъ уваженіемъ маршала, выбралъ удобную минуту, чтобы заговорить съ нимъ о положеніи вещей, и, когда Мак-Магонъ повторилъ свою обычную фразу: что же дѣлать?—далъ ему коротенькую записку съ изложеніемъ того, что слѣдовало бы сдѣлать маршалу, чтобы сохранить за собою общее сочувствіе. Въ запискѣ предлагалось непремѣннымъ условіемъ немедленное сформированіе министерства парламентскаго большинства, съ предоставленіемъ ему права наибольшаго измѣненія состава администраціи и измѣненія, при помощи конгресса, конституціи въ такомъ смыслѣ, чтобы впредь никакое распущеніе палаты не было возможнымъ безъ согласія на то двухъ третей сенаторовъ. Известный Лорье, бывший товарищъ Гамбетты по министерству внутреннихъ дѣлъ въ 1870 и 1871 годахъ, а съ 24 мая 1873 г. ставшій членомъ праваго центра, можетъ быть, только для того, чтобы слѣдить вблизи за интригами реакціи, и пользовавшійся новымъ своимъ положеніемъ не однажды, чтобы высказывать маршалу въ лицо горькія истины, въ одномъ изъ своихъ разговоровъ приоднесъ ему такую фразу: «Я понимаю, что, заручившись содѣйствіемъ Сен-Жерменскаго предѣстья, можно управлять Сен-Антуанскимъ, или наоборотъ, но не понимаю, чтобы безъ содѣйствія обоихъ можно было управлять тѣмъ и другимъ вѣстѣмъ». Когда маршалъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе Батби, то и отъ него услышалъ, что получить отъ сената согласіе на распущеніе гораздо труднѣе, чѣмъ это онъ думалъ прежде, да, кромѣ того, въ одинъ мѣсяць невозможно созвать новую палату, которая успѣла бы утвердить налоги, и что поэтому положительно необходимо образовать какъ можно скорѣе парламентское министерство, чтобы къ новому году не произошло роковой остановки въ дѣлахъ.

Кромѣ всего этого, 28-го же ноября, полицейскій префектъ Парижа, Вуазень, былъ уполномоченъ передать маршалу о разговорѣ, который происходилъ между нимъ и Одиффре-Пакье. Въ разговорѣ этомъ президентъ палаты не скрылъ отъ префекта, что онъ и Гриви начинаютъ беспокоиться, что офиціозная пресса съ такимъ постоянствомъ поддерживаетъ слухъ о могущемъ произойти государственномъ переворотѣ и что они рѣшили заручиться, на всякій случай, для охраны палаты, отрядомъ войскъ, подобно тому, какъ хотѣли этого квесторы 1851 года, которымъ, безъ сомнѣнія, удалось бы помѣшать успѣху 2-го декабря, если бы мѣра, предложенная ими, была принята и своевременно исполнена.

Маршалъ, послѣ такого сообщенія, поторопился пригласить къ себѣ на совѣщаніе президентовъ обѣихъ палатъ, но не вмѣстѣ, а порознь. Гриви онъ встрѣтилъ прямо заявленіемъ, что

*

онъ о государственномъ переворотѣ вовсе не думаетъ, но что очень желалъ бы добиться второго распущенія. «Но это и будетъ, отвѣчалъ ему Гревъ: — настоящимъ государственнымъ переворотомъ, такъ какъ ни страна, ни палата, навѣрно, этого не потерпятъ. Конечно, продолжалъ онъ: — и это будетъ исходомъ изъ кризиса, но я думаю, что слѣдовало бы поискать другого, не столь радикальнаго и болѣе практическаго, наиримѣръ, возвращенія на конституціонный путь и подчиненія парламентскимъ порядкамъ». — «Но какъ же вы хотите, возразилъ маршалъ: — чтобы я себя обезчестилъ, оставивъ своихъ друзей?» — «Для васъ, какъ для временнаго президента, такъ же, какъ для всякаго конституціоннаго короля, никакъ не можетъ служить безчестіемъ признаніе министрами лицъ, желательныхъ для національнаго большинства». — Да, но вѣдь мнѣ предложить условія, отъ меня потребуютъ гарантій... а съ вашими лѣвыми нѣтъ никакого сладу! — «Почему же вы это думаете? Республиканцы съумѣютъ согласовать уваженіе къ вашимъ правамъ съ исполненіемъ тѣхъ обязанностей, какія возложены на нихъ избирателями». Потомъ Гревъ прибавилъ, что лично онъ никогда не приметъ на себя обязанностей министра, и вовсе не добивается поста президента республики, какъ это думаютъ многіе его друзья. Послѣднія слова донельзя изумили маршала; онъ проводилъ своего собесѣдника до дверей и, пожимая ему руку, воскликнулъ: «Вы — самый честнѣйшій изъ всѣхъ людей, съ какими я только встрѣчался!» Очевидно, что добродушіе Гревъ, которое и дѣлало бы изъ него незамѣнимаго президента республики, побѣдило одно изъ главнѣйшихъ опасеній, которое такъ старательно поддерживали въ маршалѣ де-Брольи и духовникъ герцогини Маджентской, отецъ Тондини. У него не было соперника, стремящагося къ его испроверженію! Этимъ устранялся у него одинъ изъ аргументовъ для политики сопротивленія, но что же ему было дѣлать съ друзьями своими, поставившими его въ щекотливое положеніе? Какъ отдѣлаться отъ нихъ? промелькнуло, вѣроятно, еще въ первый разъ, въ его мысли.

Насколько, при своемъ свиданіи, маршалъ былъ мягокъ и уступчивъ, настолько Одифре-Паке — шумень и рѣзокъ. Онъ не сталъ дожидаться отъ маршала опроверженія слуховъ о государственномъ переворотѣ, а прямо высказалъ ему, что маршалъ слишкомъ окружилъ себя бонапартистами, почему и можно всего опасаться, но что онъ считаетъ своимъ долгомъ сказать ему, что «онъ не позволитъ, чтобы на его глазахъ казарма еще разъ могла скватить парламентъ за шиворотъ» (sic). Когда маршалъ сталъ заявлять о затрудненіяхъ, въ какія онъ поставленъ своими обязательствами передъ монархистами, онъ отвѣчалъ, что подобныя обязательства отходить на задній планъ «предъ обязательствомъ, даннымъ гласно цѣлой странѣ — подчиниться тому рѣшенію, которое она выскажетъ». «Нельзя, продолжалъ герцогъ: —

пренебрегать стремлениями большей половины страны, заботясь только о другой. Будучи президентомъ, нельзя быть въ тоже время главою партіи. Ни Людовикъ XVIII, ни Луи-Филиппъ не могли имѣть постоянно такихъ министровъ, которыя имъ лично были бы пріятны, и если ганноверскій домъ могъ столько времени просуществовать, несмотря на грозные кризисы, пережитые Англійей, то только благодаря тому, что въ этой странѣ глава государства всегда пользовался безотвѣтственностью». — «Это все правда, пробормоталъ маршалъ:—но мнѣ такъ трудно составить кабинетъ изъ лѣвыхъ, который могъ бы быть мною признанъ, и призналъ бы меня...» — «Попробуйте... Вы знаете Дюфора, Ваддингтона, Верто, и я думаю, что вы объ этихъ лицахъ наилучшаго мнѣнія». — Да, да, конечно, сказалъ маршалъ и, взявъ бумажку, записалъ эти три имени, но тотчасъ же, вернувшись къ своей идее fixe, что сенатъ согласится на распущеніе и что новые выборы дадутъ ему желательное большинство, онъ торопливо произнесъ:—Однако, по заявленіямъ префектовъ, въ случаѣ новыхъ выборовъ, за меня будетъ много новыхъ голосовъ!—«Префекты васъ грубо обманываютъ, отвѣтилъ Одиффре-Пакле, пожимая плечами:—для васъ дѣло окажется хуже, чѣмъ при послѣднихъ выборахъ, а притомъ, не рассчитывайте, пожалуйста, на то, что мои друзья, конституціоналисты праваго центра, пойдутъ за вами до конца по пути сопротивленія. Голосованіе 19-го ноября—лучшее доказательство ихъ самоотверженія ради васъ, но *оставьте всякую мысль о томъ, чтобы они могли снова вотировать распущеніе*. Остается одно, заключилъ герцогъ, взявшись за шляпу:—составленіе парламентскаго министерства. Дѣлайте, впрочемъ, что вамъ угодно. Я открываю вамъ окно и дверь для выхода; выходить или не выходить—уже дѣло ваше!»

Когда все это стало извѣстно на биржѣ, то на ней произошло значительное оживленіе. Всѣ фонды значительно поднялись. Оптимисты повсюду носились съ разсказами о собесѣдованіяхъ маршала съ президентами обѣихъ палатъ, а Одиффре-Пакле началъ серьезно составлять программу соглашенія, въ которую вошли слѣдующіе три пункта: 1) безусловная свобода кабинета въ выборѣ персонала администраціи; 2) принятіе правительствомъ законопроекта Барду и 3) президентское посланіе, въ которомъ маршалъ долженъ былъ заявить, что онъ возвращается на парламентскій путь съ тѣмъ, чтобы никогда съ него не сходить. Лессепсъ, приписывая отчасти и себѣ успѣшный поворотъ въ политическихъ замѣшательствахъ, захотѣлъ закончить свое дѣло и посѣщилъ въ Елисейскій Дворецъ. Въ видахъ полнаго примиренія исполнительной власти съ народнымъ представительствомъ, онъ счелъ нужнымъ занести на бумагу необходимыя для этого условія, какъ ему это представлялось послѣ разговора съ Гамбеттой. Представлялись же они ему въ такомъ видѣ: 1) отказъ президента отъ права распускать па-

лату и установление на будущее время такого порядка, при котором для распушения требуется согласие двух третей голосов сената; 2) избраніе пожизненных сенаторовъ большинствомъ голосовъ конгресса обѣихъ палатъ; 3) болѣе точное опредѣленіе законныхъ прерогативъ палаты депутатовъ относительно бюджета и 4) отмѣна пересмотра конституціи въ опредѣленный срокъ, взаимно чего несмѣняемость Мак-Магона до 1880 года, съ правомъ продленія его полномочій и послѣ этого срока. Разумѣется, Лессепсъ, составляя свою замѣтку, былъ одушевленъ наилучшими намѣреніями, но его программа оказалась слишкомъ груба и необработанна для такихъ противниковъ, какъ совѣтники маршала, которые и воспользовались тотчасъ же ея слабыми сторонами. Они тотчасъ же застрашали маршала словомъ «конгрессъ», впервые произнесенномъ съ трибуны радикаломъ Флокэ, и увѣрили, что въ этомъ заключается ловушка, въ которой его могутъ погубить, и, въ тоже время, стали инсинуировать, что, если онъ согласится теперь хотя на какія бы то ни было измѣненія въ конституціи, то это дѣло Богъ знаетъ до чего можетъ дойти. Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовала на маршала и герцогиня Маджентская, такъ что, когда Лессепсъ явился за отвѣтомъ, то Мак-Магонъ весьма недружелюбно выпроводилъ отъ себя своего стараго пріятеля. На Дюклерка, упомянуваго хотя и неопредѣленно о конгрессѣ, онъ тоже обозлился. Когда же Батби привелъ къ нему Дюфора для простого совѣщанія, то никакія доводы послѣдняго не могли разсѣять самыхъ нелѣпыхъ сомнѣній маршала, такъ что, наконецъ, старый законникъ вышелъ изъ терпѣнія и чуть не послѣ часовой бесѣды пришелъ къ заключенію, «что онъ рѣшительно не можетъ понять, чего хочетъ маршалъ».

9-го декабря, утромъ, въ газетахъ, на биржѣ и въ залѣ палаты депутатовъ, появилась замѣтка «Агентства Гавасъ», составленная въ совѣтѣ министровъ, которою заявлялось, что всякія попытки къ соглашенію между общественными властями невозможны къ осуществленію, такъ какъ республиканцами было потребовано созваніе конгресса для пересмотра статей конституціи, дающихъ право президенту республики съ согласія сената распускать палату депутатовъ, *что нарушало бы какъ права исполнительной власти, такъ и прерогативы сената.*

Эта іезуитски составленная замѣтка имѣла двойную цѣль: свалить вину продолженія кризиса на республиканское большинство и возстановить противъ него сенатъ, при чемъ частнымъ попыткамъ Лессепса и Дюклерка былъ приданъ характеръ требованій, формально предъявленныхъ делегаціею 18-ти. Поэтому, Леонъ Рено былъ уполномоченъ этою делегаціею заявить съ трибуны, что «никто изъ членовъ республиканскаго большинства не былъ уполномочиваемъ заявлять отъ имени дѣвухъ объ условіяхъ образованія парламентскаго кабинета, точно также какъ никто не былъ приглашаемъ къ этому маршаломъ». Гриви, съ своей сто-

ровы, заявилъ съ своего предсѣдательскаго кресла: «Изъ всѣхъ членовъ большинства я одинъ имѣлъ честь быть приглашаемъ на совѣщаніе президентомъ республики и считаю своимъ обязанностью заявить: во-1-хъ, что я ничего не говорилъ на этомъ совѣщаніи отъ имени большинства палаты, такъ какъ не имѣлъ на это никакого полномочія; во-2-хъ, что я не обязывался ни въ чемъ за это большинство, и въ 3-хъ, при моемъ разговорѣ съ президентомъ я нисколько не касался условий, на какихъ могло бы состояться парламентское министерство». Дюклеръ, съ своей стороны, объявилъ печатно, что условия, о которыхъ упоминается въ замѣткѣ, были набросаны имъ для маршала, въ предположеніи, что «только они могутъ доставить палатѣ достаточную гарантію противъ возможнаго злоупотребленія правомъ ея распушенія, и въ тоже время поддерживать достоинство президента республики».—Только одинъ Лессепсъ ничего не заявилъ о своемъ вмѣшательствѣ въ конфликтъ съ цѣлью его прекращенія.

Чтобы снять съ себя всякую отвѣтственность передъ страной, республиканское большинство рѣшилось отвѣчать на предложеніе «дѣловаго министерства» объ утвержденіи четырехъ прямыхъ налоговъ. Докладчикъ бюджетной коммисіи Жюль-Ферри заявилъ съ трибуны, что «отдѣльнаго утвержденія этихъ податей, помимо утвержденія всего бюджета, не будетъ произведено», потому что и теперь, какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, съ этимъ связаны вопросы о политическомъ положеніи Франціи. «Нѣтъ, воскликнулъ онъ среди повторенныхъ рукоплесканій большинства:—уполномоченные народа не обезоружатся добровольно въ виду власти, не желающей сложить оружія!.. Страна, торжественно высказавшаяся 14-го октября, поручила намъ охрану своихъ правъ, и мы ни за что не поступимся тѣмъ, что составляетъ важнѣйшую гарантію и сильнѣйшее средство защиты свободныхъ націй. Мы не утвердимъ четырехъ прямыхъ налоговъ, пока не увидимъ дѣйствительно парламентскаго министерства... Если же вслѣдствіе этого и произошли бы какіе-нибудь печальные безпорядки, то вся отвѣтственность за нихъ всецѣло должна пасть на тѣхъ, кто, не обращая вниманія на крики, вызываемые общимъ бѣдствіемъ и застоємъ всей промышленности, упорствуетъ на продолженіи кризиса, для прекращенія котораго достаточно одной минуты патриотическаго самоотверженія».

Депутаты Бараньонъ и Руэръ пробуютъ опровергать эти доводы, но безъ всякаго успѣха, и при голосованіи этого вопроса большинствомъ 314-ти голосовъ противъ 197-ми подтверждается рѣшимость республиканскаго большинства идти до конца въ борьбѣ съ личной властью и не доволять воспользоваться ни однимъ франкомъ плательщиковъ правительству, возставшему противъ правъ страны.

Чтобы еще болѣе подчеркнуть передъ публикой, что вся отвѣтственность за неутвержденіе бюджета и mogućія произойти отъ того бѣдствія для Франціи должна пасть исключительно на

правительство маршала Гамбетты, въ качествѣ председателя бюджетной комисси, заявилъ, что оба бюджета приходовъ и расходовъ совершенно готовы. «Намъ довольно 48-ми часовъ, сказать онъ:—чтобы представить всѣ наши доклады, и мы можемъ сказать странѣ: нашъ долгъ вполне исполненъ, но мы не выдаемъ золота и богатствъ, которыми народъ готовъ жертвовать, ранѣе того, чѣмъ народная воля будетъ признана и уважена и прежде, чѣмъ будетъ дознано опредѣленно, *управляется ли Франція сама собою или ею командуетъ по произволу одинъ человекъ*».

Послѣ всего этого, еслибы палата, глава государства и народъ обладали тѣмъ же темпераментомъ, какой проявлялся во Франціи въ 1789, 1830, 1848 и 1851 годахъ, не оставалось бы ничего болѣе, какъ немедленная бойня на улицахъ. Провинція едва сдерживала свое негодованіе, и взрывъ его, можетъ быть, отстранился только благодаря случайно возникшей въ газетахъ полемикѣ, по поводу неосторожной фразы, произнесенной герцогомъ де-Брольи въ парламентскихъ корридорахъ: «Между-собой!.. у меня слюнки текутъ, едва я только подумаю объ его возможности! Оно разомъ подниметъ значеніе консерваторовъ!» Нѣкоторые признаки дали поводъ заключить наиболѣе горячимъ сторонникамъ уличной борьбы, что, несмотря на завѣренія маршала, уже были сдѣланы всѣ распоряженія, чтобы войска могли вмѣшаться въ борьбу законности съ произволомъ. Провинція поняла тотчасъ же, что такого повода никакъ не слѣдовало подавать и что петиціи негоціантовъ заставить, наконецъ, правительство оглянуться и понять, что, въ случаѣ серьезнаго и одновременнаго взрыва революціи, ему нельзя надѣяться ни на какой успѣхъ. Нація поняла, что Мак-Магонъ, рано ли поздно ли, долженъ будетъ испугаться, и рѣшила терпѣливо ждать еще нѣсколько дней мирнаго разрѣшенія кризиса или выдержать революцію, если она будетъ начата самимъ маршаломъ.

II.

Мнѣніе конституціоналистовъ о распушеніи. — Условія Дюфора. — Маршалъ начинаетъ уступать. — Новая замѣтка «Агентства Гавая». — Заявление по ея поводу делегати 18-ти и сообщеніе Дюфора. — Послѣднія усилія Батби. — Недовольство гг. Бошѣ и Ламберта Сент-Круа. — Споръ президента сената съ президентомъ республики. — Образъ дѣйствій конституціоналистовъ. — Недовольство легитимистовъ и бонапартистовъ планами Батби. — Новые планы и комбинаціи. — Попытка къ государственному перевороту и призваніе его не-существовавшими.

Вообще, послѣ заявленій Ферри и Гамбетты, отъ маршала стали ожидать рѣшительныхъ дѣйствій, и еслибы онъ окончательно не хотѣлъ сдаваться, то долженъ былъ немедленно предложить сенату распушеніе палаты. Въ случаѣ принятія его,

должно было немедленно вспыхнуть междоусобіе, такъ какъ всѣ были увѣрены, что делегация 18-ти, съ своей стороны, заручилась на всякій случай содѣйствіемъ нѣкоторыхъ военныхъ начальниковъ, которые и помогутъ въ самомъ скоромъ времени возникнуть конгрессу сопротивленія, на основаніи закона Тревенёка. Въ случаѣ отказа сената, маршалу ничего болѣе не оставалось, какъ выйти въ отставку, съ рискомъ быть отданнымъ подъ судъ.

Конституціоналисты сената поняли положеніе вещей и, видя, что изъ него для орлеанистовъ не будетъ никакого благоприятнаго выхода, если они будутъ стоять за распущеніе, такъ какъ побѣдой воспользуются одни бонапартисты, рѣшили на частномъ собраніи формулировать, въ слѣдующей резолюціи, образъ дѣйствій, которому они намѣревались слѣдовать, въ виду критическихъ обстоятельствъ минуты.

1) Согласіе на распущеніе палаты не будетъ дано конституціоналистами даже въ случаѣ отказа въ утвержденіи бюджета, если предварительно исполнительная власть не попытается учредить парламентское министерство,

и 2) согласіе на распущеніе будетъ дано, если палата отвергнетъ парламентскій кабинетъ, покусится на прерогативы общественныхъ властей и потребуетъ, путемъ конгресса, пересмотра и отмены привилегій главы государства и сената относительно права распущенія палаты.

Резолюція эта была тотчасъ же доставлена въ Елисейскій Дворецъ, и герцогъ Одифре-Паке разъяснилъ маршалу всю ея основательность. Маршалъ поневолѣ понялъ, что такому рѣшенію нельзя не покориться, и немедленно уволилъ въ отставку «дѣловое министерство». Онъ тотчасъ же озаботился составленіемъ новаго и пригласилъ на совѣщаніе, кромѣ находившагося на лицѣ Батби, Пуье-Кертъе и Дюфора. Переговариваться съ ними онъ началъ одновременно, переходя изъ комнаты въ комнату, въ одной изъ которыхъ находился Дюфоръ, а въ другой — Батби и Пуье-Кертъе. Навивную мечту его при этомъ составляло — осуществить такой псевдо-парламентскій кабинетъ изъ членовъ праваго и лѣваго центровъ, при помощи котораго можно бы было добиться отъ палаты утвержденія одной или двухъ двѣнадцатыхъ бюджетныхъ суммъ, послѣ чего, выигравъ мѣсяць или два времени, можно бы было впоследствии какъ-нибудь извернуться. Но Дюфоръ, понявъ, что за такую мысль маршалъ ухватился по наущенію Батби, наотрѣзъ отказался способствовать осуществленію затѣи маршала и передалъ ему записку, въ которой изъяснялось, что для образованія такого парламентскаго министерства, которое могло бы быть признано правильнымъ палатой, надлежало: 1) составить его однороднымъ изъ однихъ республиканцевъ; 2) предоставить ему полную и дѣйствительную отвѣтственность при конституціонной безотвѣтственности президента; 3) предоставить ему же политическое на-

правление страны и безусловную свободу выбора и назначения чиновников, и 4) для доказательства искреннего примирения исполнительной власти съ законодательнымъ большинствомъ принять, по крайней мѣрѣ, хотя законопроекты Барду и отказаться отъ запрещенія свободной продажи оппозиціонныхъ газетъ и отъ провозглашенія осаднаго положенія, какъ отъ средствъ для стѣсненія избирательнаго движенія, въ случаѣ новаго распущенія палаты.

6-го декабря, маршалъ въ Версали снова видѣлся съ президентами обѣихъ палатъ. На вопросъ его, обращенный къ Одифре-Пакье объ условіяхъ Дюфора, герцогъ отвѣчалъ, что они какъ нѣльзя болѣе правильны и умѣренны. Затѣмъ, маршалъ прямо заявилъ, что онъ рѣшился поручить Дюфору составленіе правильнаго министерства. Гриви поздравилъ его съ такою счастливою переменною взглядомъ. «Франція, сказалъ онъ:—такъ ярко заявила свое мнѣніе, что подчиненіе ея волѣ не принесетъ президенту республики ничего, кромѣ чести». Когда маршалъ сталъ говорить, что этотъ образъ дѣйствій раздражить нѣкоторыхъ близкихъ ему людей, Гриви возразилъ ему: «Никакія второстепенныя соображенія, въ случаяхъ такой первостепенной важности, не должны смущать главу конституціоннаго государства; чѣмъ шире въ республиканскомъ смыслѣ будутъ основанія кабинета, тѣмъ большую живучесть представитъ собою министерство».

Вечеръ Мак-Магонъ провелъ съ своими приближенными, обсуждая возможный для нихъ составъ министерства, а 7-го числа привезъ съ собою въ Елисейскій Дворецъ полный списокъ министровъ. Но увъ! во взглядахъ маршала произошелъ новый переворотъ, и значительная доля уступчивости, обнаруженной имъ въ два предшествовавшіе дня, исчезла. При первомъ извѣстіи, что маршалъ *уступаетъ*, реакціонная печать забилъ въ набатъ. Роялистскій «Union» заявилъ, что маршалъ «готовится уступить лѣвымъ самую честь свою, которую ему слѣдовало бы считать все-таки выше однородности кабинета», «Pays» назвала уступку парламентскимъ Седаномъ и заявила, что парламентская капитуляція маршала преступнае дѣйствіе Базена у Меца. На вечерѣ, который Мак-Магонъ провелъ въ Версали съ своими приближенными, они его безпощадно чуть не на каждомъ словѣ извили; духовникъ герцогини Маджентской и іезуиты грозили ему прямо погибелью въ настоящей и будущей жизни, если онъ опуститъ въ ножны свою «честную шпагу» въ эту критическую для церкви минуту, когда святѣйшій отецъ готовится перейти въ горнія селенія и невзбѣженъ выборъ новаго папы. Военные угрожали ему немедленнымъ выходомъ въ отставку, въ случаѣ, если военнымъ министромъ окажется снова Берто или кто-либо изъ генераловъ молодой партіи.

Поэтому, когда Дюфоръ пріѣхалъ съ составленнымъ имъ спискомъ 9 ти министровъ, маршалъ, не обращая вниманія на то,

что самъ предоставилъ ему *carte blanche* въ выборѣ лицъ, вычеркнулъ изъ него три имени, «такъ какъ, заявилъ онъ при этомъ: — министерства морское, военное и иностранныхъ дѣлъ должны состоять въ полномъ распоряженіи главы государства и внѣ парламентскихъ колебаній». Старый законникъ не сталъ возражать, полагая, что удачнымъ подборомъ лицъ все-таки можно будетъ разрушить интригу де-Брольи, которою, очевидно, слѣдовало объяснить новый припадокъ упорства маршала. Но, послѣ совѣщанія съ лицами, которыхъ онъ избралъ себѣ въ товарищи, онъ написалъ Мак-Магону письмо, въ которомъ прямо высказалъ ему, что маршалъ самъ не слѣдовалъ принципу, вновь имъ придуманному, такъ какъ при смѣнѣ министерства де-Брольи министерствомъ де-Ронбуа, всѣ три упомянутые выше министра были имъ замѣнены другими; что невозможно, чтобы кабинетъ, на двѣ трети парламентскій, оставался въ одной трети внѣ-парламентскимъ, что министерская отвѣтственность, по 6 статьѣ конституціи, вмѣстѣ и личная и коллективная, и что такъ какъ всѣ послѣднія бѣдствія Франціи произошли отъ того, что были нарушены правила конституціи, то отнынѣ слѣдуетъ уже строго ихъ держаться и исполнять безусловно».

Все это было такъ ясно и неопровержимо, что, когда Дюфоръ снова явился вечеромъ во дворецъ, то Мак-Магонъ не пытался болѣе его опровергать, а прямо встрѣтилъ грубымъ заявленіемъ: «Я не могу идти по вашей дорогѣ! я составляю министерство изъ правыхъ и потребую расщупанія!»

Объ этомъ новомъ разрывѣ изъ президентской канцеляріи была послана новая замѣтка въ «Агентство Гавастъ», напечатанная 8-го декабря. Составлена она была, по обыкновенію, такъ, чтобы публика обвинила республиканцевъ. Именно въ ней было сказано, что съ самаго начала переговоровъ единственнымъ условіемъ маршала было сохраненіе за нимъ права располагать тремя портфелями, и что требованіе республиканцами всѣхъ портфелей возникло лишь подъ самый конецъ переговоровъ и, разумѣется, послужило причиною ихъ прекращенія. Съ своей стороны, делегация 18-ти послѣдила напечатать отъ себя заявленіе, что «республиканское большинство не входило, ни посредствомъ, ни непосредственно ни въ какія сношенія съ Дюфоромъ по случаю возложенія на него маршаломъ порученія составить парламентскій кабинетъ». Дюфоръ, съ своей стороны, заявилъ, какъ было дѣло, и этимъ уничтожилъ инсинуацію оффиціозной замѣтки. Составленіе новаго министерства поручено было маршаломъ Батби, который своими двусмысленными и противорѣчивыми дѣйствіями только этого и добивался. Полагая себя у дѣла, Батби повелъ такую рѣчь на назначенномъ имъ 8-го декабря собраніи конституціоналистовъ: маршалъ, какъ вамъ извѣстно, въ послѣдніе дни довелъ до послѣднихъ границъ свою уступчивость относительно лѣвыхъ, но всѣ его усилія оказались тщетными отъ противо-дѣйствія радикальныхъ элементовъ палаты, стремящихся къ его

низверженію... Поэтому, маршалъ нашелъ необходимымъ обратиться къ консерваторамъ для составленія парламентскаго кабинета. Разъ такой кабинетъ будетъ достаточно энергиченъ, онъ вытребуетъ отъ палаты утвержденія бюджета. — Что касается до него (Батби), то, имѣя всѣ полномочія для составленія кабинета, онъ не имѣетъ въ виду непремѣннаго распушенія палаты, хотя подобную крайнюю мѣру и не слѣдуетъ упускать изъ соображенія, такъ какъ исключительныя обстоятельства могутъ ее сдѣлать неизбѣжною... Конституціоналистамъ слѣдуетъ выказать вѣрность маршалу, такъ какъ если сенатское большинство окажется не за него—онъ тотчасъ же выйдетъ въ отставку. Слова эти значительно повліяли на конституціоналистовъ, но когда, на слѣдующій день, на собраніи у депутата Бонди, Батби снова повторилъ ихъ, то орлеанисты Боше вышли по поводу ихъ изъ себя. «Орлеанисты, рѣзко сказалъ онъ:—до сихъ поръ и во всѣхъ случаяхъ поддерживали маршала и никогда еще не отказывали ему въ содѣйствіи. Но въ настоящую минуту къ какимъ послѣдствіямъ могло бы оно повести? Чего отъ насъ требуютъ и куда насъ ведутъ? Какого исхода изъ кризиса добиваются? Не думаютъ ли добиться прекращенія противодѣйствія палаты? Разумѣется, этого не будетъ. Но въ такомъ случаѣ, отъ насъ хотятъ добиться вотъ распушенія и нарушенія конституціи, что бы взимать налоги помимо утвержденія палатою бюджета. Но тѣ, которые совѣтуютъ президенту республики подобныя мѣры, не разясняя страшныхъ послѣдствій, къ какимъ онѣ неизбѣжно поведутъ—обманываютъ его. Что же касается до меня, то я слишкомъ люблю свое отечество, чтобы содѣйствовать подобной политикѣ или принимать на себя такую грозную отвѣтственность». Когда Батби, испугавшись значенія этихъ словъ и для смягченія ихъ вліянія сталъ говорить о томъ, какимъ несчастіемъ для страны будетъ отставка Мак-Магона — «этого стража консервативныхъ интересовъ среди усиленія во Франціи радикализма и революціоннаго движенія»—то, въ отвѣтъ ему, Ламбергъ Сент-Круа неожиданно произнесъ слѣдующую тираду: «Маршалу, при настоящихъ обстоятельствахъ, возможны только два пути: или оставаться у власти, но управлять страной въ парламентскомъ смыслѣ, какъ это дѣлается повсюду въ Европѣ, или *сйти въ отставку и съ честью возвратиться къ частной жизни*. Но требовать отъ насъ, чтобы, послѣ всѣхъ доказательствъ нашей преданности, мы очутились въ печальной необходимости или осудить его, или принять на себя страшную отвѣтственность за новое распушеніе и тѣ катастрофы, которыя могутъ за этимъ послѣдовать—было бы невысказанно. Противъ подобнаго желанія никакой протестъ не можетъ быть достаточно энергиченъ!»

Послѣ этихъ словъ, двадцать пять или тридцать сенаторовъ междучентральной группы, помимо участія которыхъ распушеніе невозможно, рѣшили, что имъ ничего не остается, какъ разойтись, посоветовавъ самому же Батби постараться возбудить въ

Дюфоръ патриотическую рѣшимость завязать новые переговоры съ маршаломъ. Совѣтъ этотъ, впрочемъ, былъ только ироніей, такъ какъ орлеанисты тотчасъ же послали изъ своей среды трехъ делегатовъ къ Одиффре-Паке, съ просьбой о посредничествѣ. Президентъ сената охотно за него взялся и въ тотъ же вечеръ отправилъ въ Елисейскій Дворецъ своего друга, полицейскаго префекта Вуазена, чтобы узнать настроеніе маршала. Хотя Вуазенъ и доставилъ ему весьма неусокоятельные свѣдѣнія о «расположеніи духа» Мак-Магона, но это не остановило Одиффре-Паке, и на слѣдующее же утро онъ поѣхалъ къ Дюфору. Дюфора нашелъ онъ неуступчивымъ по вопросу объ однородности кабинета, но готовымъ сдѣлать всякія любезности маршалу относительно личностей министровъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ поѣхалъ въ Елисейскій Дворецъ. Маршалъ едва согласился его принять, и прямо встрѣтилъ восклицаніемъ: «Моя программа дѣйствій уже рѣшена. Я не хочу болѣе ни уступокъ, ни соглашеній. Я намѣренъ идти до конца!» Тогда Одиффре отвѣчалъ ему съ достоинствомъ: «Мнѣ очень жаль, что вы произносите подобныя слова; но я явился сюда по порученію моихъ друзей, можно сказать даже, по порученію сената, чтобы попытаться въ послѣдній разъ убѣдить васъ избавить страну отъ опасностей, которыя ей угрожаютъ. Я въ совершенномъ отчаяніи, что вы не удостоили даже выслушать моихъ взглядовъ, и весь дрожу, при мысли, какую страшную отвѣтственность вы рѣшились принять на себя».

Поѣхавъ тотчасъ же въ Версаль, Одиффре-Паке рассказалъ въ бюро сената о своей неудачѣ и о томъ, что онъ былъ принятъ маршаломъ, «какъ первый встрѣчный негоціантъ и высказался напрямки, что «второе распущеніе было бы буквально нарушеніемъ конституціи, такъ какъ оно было бы предпринято съ цѣлью незаконнаго сбора налоговъ», и что онъ, «какъ президентъ верхней палаты, обязанной охранять законы и конституцію, не допустить ни до постановки на очередь, ни до голосованія предложенія маршала о распущеніи палаты, отстаивающей свое законное право». Тогда, въ отвѣтъ ему, орлеанисты де-Барантъ сказалъ: «Конституціоналисты тоже рѣшились не голосовать распущенія», а вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько другихъ орлеанистовъ высказались въ томъ смыслѣ, что они уже достаточно потерпѣли отъ бонапартистскихъ возней и теперь, для сохраненія парламентскаго управленія, готовы применить къ союзу либераловъ.

Батби, однако, и этимъ не унялся и все еще придумывалъ новое министерство по плану, нѣсколько измѣненному, т. е. такое, которое потребовало бы отъ палаты вотированія бюджета, и, въ случаѣ отказа, сдѣлало бы второе объ этомъ предложеніе. При вторичномъ отказѣ, оно должно было обратиться къ сенату и просить его содѣйствія въ управленіи страной, вмѣстѣ съ президентомъ, помимо палаты. При согласіи сената —

произвести распушение. Въ противномъ случаѣ, предложить президенту республики отставку. Возможность осуществленія такого плана Батби основалъ на томъ, что, если пожертвовать орлеанистамъ нѣсколькими портфёлями и дать хорошія мѣста родственникамъ или друзьямъ вліятельнѣйшихъ изъ нихъ, то, несмотря на оппозицію Одиффре-Паке, Боше и другихъ, ихъ можно будетъ снова привлечь къ консервативному союзу въ такомъ количествѣ, чтобы въ сенатѣ образовалось реакціонное большинство, по крайней мѣрѣ, хоть одного голоса.

Но для этого необходимо было удержать въ консервативномъ союзѣ и легитимистовъ, и бонапартистовъ. Между тѣмъ, первые, по совѣту графа Шамбора, отказывались, какъ заявлено было въ «Union», отъ дальнѣйшей поддержки сопротивленія, «безъ ясной цѣли и опредѣленной программы», и не соглашались болѣе слѣдовать за «дурно разсчитанною политикою интригъ». Въ Батби, точно такъ же, какъ въ де-Бролли и въ Буффе, они не видѣли человѣка, который сумѣлъ бы способствовать реставраціи Генриха V. Бонапартисты также соглашались поддерживать кабинетъ распушенія только на томъ условіи, чтобы, по провозглашеніи осаднаго положенія, военное управленіе было довѣрено кому-либо изъ бонапартистскихъ генераловъ, напримѣръ Рошбузу, а направленіе имѣвшихъ вслѣдъ за тѣмъ произойти общихъ выборовъ — такому министру внутреннихъ дѣлъ, который, подобно, напримѣръ, де-Сен Полю, былъ бы всей душой преданъ ихъ интересамъ. «Le petit sarogal» предлагалъ съ наглою откровенностью Мак-Магону просто «призвать императорскаго принца, и провозгласить его императоромъ».

При такихъ условіяхъ, составить кабинетъ было очень трудно; напрасно Батби, чуть не каждый день, составлялъ новые списки министровъ изъ ничтожнѣйшихъ членовъ обѣихъ палатъ; едва заходила рѣчь объ установленіи общей программы, какъ создаваемые имъ эфемерные кабинеты распадались одинъ вслѣдъ за другимъ. Дѣло Батби приняло совершенно характеръ труда Пенелопы.

Маршалъ просто выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія. Тогда одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ бонапартистскихъ агентовъ — Дюранжель, занимающій довольно значительное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, предложилъ ему новый планъ операціи дѣйствій. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы, отказавшись отъ мысли о распушеніи палаты, добиться отъ послѣдней отказа въ бюджетѣ, вслѣдъ за чѣмъ тотчасъ же отсрочить засѣданіе палаты на 10 дней, или двѣ недѣли. Во время этой отсрочки, объявить Францію въ осадномъ положеніи и обратиться къ всеобщему голосованію для разрѣшенія двухъ вопросовъ:

«Желаеть ли народъ сохранить президентомъ республики маршала Мак-Магона; да, или нѣтъ?»

«Желаеть, или нѣтъ народъ, чтобы на 1878 годъ былъ со-

храненъ тотъ бюджетъ, какой былъ утвержденъ на 1877-й; да, или нѣтъ?»

Чтобы узнать, какъ отнесется къ такому исходу общественное мнѣнiе, мысль о плебисцитѣ была пущена въ печать. Увы! она оказалась вполне неудачною, и встрѣтила взрывъ негодованiя всѣхъ партiй. Бонапартисты взглянули на плебисцитъ въ пользу Мак-Магона, какъ на подтасовку ихъ основнаго принципа воззванiя къ народу. Легитимисты безцеремонно назвали его «безчестною попыткою». Орлеанисты, въ свою очередь, возопили противъ «преступной затѣи».

Такимъ образомъ, отъ идеи плебисцита маршалу пришлось отказаться, чему, впрочемъ, не мало поспособствовалъ и де-Брольи. Бюффе также высказался противъ плебисцита, но придумалъ, взамѣнъ его, другой планъ дѣйствiй, на основанiи только что созданной имъ теорiи «возвращенiя правительства, послѣ отказа ему въ бюджетѣ, къ естественному состоянiю, т. е. къ такому, при которомъ, самыми обстоятельствами, власти предоставляется право дѣйствовать, какъ ей заблагоразсудится». По этому плану слѣдовало показывать видъ, въ теченiи двухъ или трехъ недѣль, что составляется новое министерство; на самомъ же дѣлѣ— назначить кабинетъ изъ представителей борьбы передъ новымъ годомъ. На обязанность такого кабинета возложить или заставить палату вотировать весь бюджетъ въ одно засѣданiе, или принудить ее принять на себя всю отвѣтственность за остановку и разстройство всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Въ случаѣ же, еслибы республиканское большинство и затѣмъ отказалось отъ уступокъ освободить маршала отъ всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ на него конституцiей и провозгласить его диктаторомъ. Мѣры, которыми думалъ Бюффе осуществить свой *иротской* планъ, стануть вполне извѣстны только въ послѣдствiи; но и теперь уже, по нѣкоторымъ признакамъ, очевидно, что были сдѣланы всевозможныя распоряженiя и отданы приказанiя полицiи и войскамъ, на случай государственнаго переворота. Такъ полицейскимъ комиссарамъ въ Парижѣ были разосланы запечатанные пакеты, съ приказанiемъ вскрыть ихъ не ранѣе полученiя особой депеши. Значительные корпуса войскъ, стоящiе въ Турѣ, Реннѣ, Лиллѣ и т. д., получили приказы быть въ готовности, по первому призыву, идти на Парижъ. 13-го вечеромъ, по случаю, происшедшему въ Лиможѣ, и рассказанному въ республиканскихъ журналахъ, было узнано, что всѣ офицеры и солдаты были созваны въ казармы по особому приказанiю военнаго министра Рошбуа, и имъ велѣно было готовиться къ немедленному выступленiю. Отгѣна такого распоряженiя произошла только на слѣдующее утро, по полученiи новаго приказанiя изъ Парижа. Во время этого сбора, многiе генералы пригласили къ себѣ офицеровъ и, напомнивъ имъ объ обязанностяхъ, налагаемыхъ дисциплиною, совѣтовали имъ «точное исполненiе всякихъ приказанiй, какiя бы ни по-

слѣдовали, не смущаясь никакими мирными манифестациями населенія». Когда на подобныя слова коменданта лиможского гарнизона, одинъ изъ старшихъ офицеровъ Лабордеръ отвѣтилъ, что «исполненіе подобныхъ приказаній онъ считаетъ несомнѣннымъ съ долгомъ его, какъ солдата, гражданина и честнаго челоука», то онъ тотчасъ же за это былъ арестованъ.

Фактовъ подобнаго рода произошло, вѣроятно, не мало тамъ, гдѣ начальники войскъ были бонапартисты. Въ другихъ же мѣстностяхъ были случаи, что корпусные командиры сами не соглашались исполнять приказанія министра. Такъ разсказывали, что въ Безансонѣ герцогъ Омальскій открыто протестовалъ противъ распоряженія Рошбуэ, а генералы Кленшанъ и Камбриаль, тотчасъ же по полученіи экстреннаго приказа, заявили народнымъ представителямъ свою готовность оружіемъ поддерживать ихъ права.

Такимъ образомъ, государственный переворотъ прежде всего вызвалъ бы междоусобія въ войскѣ и, конечно, всего вѣроятнѣе, потерпѣлъ бы полный неуспѣхъ; но даже, въ случаѣ его успѣха въ Парижѣ и въ Версалѣ, въ какой-нибудь другой мѣстности Франціи, на основаніи закона Тревенёва, могло возникнуть національное собраніе для поддержанія правъ республики. И, конечно, всю эту неурядицу воспользовался бы никакъ не Мак-Магонъ, а развѣ одна Германія для того, чтобы покончить съ военнымъ могуществомъ Франціи и задушить іезуитизмъ въ его послѣднемъ убѣжищѣ.

Подробности обо всемъ этомъ, какъ и вообще обо всѣхъ преступленіяхъ власти съ 16-го мая по 13-е декабря, узнаются впоследствии, когда палатѣ удастся вывести все на свѣжую воду при помощи парламентскаго слѣдствія о выборахъ. Въ настоящее время, однако, достоверно извѣстно, что, до самой послѣдней минуты кризиса, мысль о государственномъ переворотѣ не оставала обитателя Елисейскаго Дворца и его приближенныхъ. Если не было приступлено къ попыткѣ его матеріальнаго осуществленія, то только потому, что опасались полнаго неуспѣха.

III.

Пуль-Кертъ, указывающій невозможность дальнѣйшаго сопротивленія. — Колѣбаніе маршала и его рѣшимость выйти въ отставку. — Гибель герцога Олدفре-Пака. — Дюфоръ составляетъ республиканское министерство. — Побѣда надъ ультрамонтанами — дѣтъ протестантовъ въ составѣ кабинета. — Измѣненія въ составѣ администраціи. — Президентское посланіе 14-го декабря, опровергающее прежнія заявленія маршала. — Палата допускаетъ прямыя налоги и разрѣшаетъ временно двѣ двенадцатя расходовъ, не утверждая всего бюджета. — Тщетная попытка опозовдін въ сенатѣ. — Закрытіе парламентской сессіи. — Что можетъ произойти до 1880 года? — Генеральныя совѣты и муниципальныя выборы. — Единственная надежда разбитой, разъединенной и опозоренной реакціи.

12-го декабря послѣ полудни, Батби долженъ былъ убѣдиться въ полнѣйшей тщетѣ всякихъ усилій его — образовать какой-либо

кабинетъ по тому или другому плану, вслѣдствіе рѣшительной невозможности найти министра финансовъ. Никто, положительно никто не соглашался принять на себя ответственности, сопряженной съ этимъ постомъ. Всѣ начальники отдѣльных частей по этому министерству, спрошенные по одному, отвѣчали согласно, что, если «ихъ поступленія не будутъ законно-парламентски назначены 31-го декабря, то 1-го января они запрутъ свои кассы и оставятъ у дверей ихъ ключи». Пуйэ-Кертье, секретно вызванный въ Елисейскій Дворецъ, объяснилъ на прямыхъ маршалу и всѣмъ его совѣтникамъ положеніе финансовыхъ дѣлъ въ такомъ видѣ:

— По праву, которое строжайшимъ образомъ исполняется во Франціи болѣе девяноста лѣтъ сряду, всѣ расходчики общественныхъ суммъ лично ответственны за полученія или траты, произведенныя вѣдъ точно опредѣленныхъ правилъ; съ 1-го января ни одинъ сборщикъ не можетъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей, если онъ не будетъ имѣть на это, по крайней мѣрѣ, *формальнаго приказанія своего ближайшаго начальника*. Если, такимъ образомъ, бюджетъ не будетъ утвержденъ 31-го декабря, то или *министръ финансовъ долженъ будетъ принять на себя личную и имущественную ответственность* передъ всѣми плательщиками и за всѣ траты, или же *вся общественная дѣла должны остановиться...* Кромѣ того, какъ *имущественная, такъ и уголовная ответственность* министра финансовъ распространяется не только на *всѣхъ его товарищей по министерству*, но и на *главу исполнительной власти*.

Маршалъ, и всѣ окружающіе его смутились при этихъ словахъ, но Пуйэ-Кертье, нисколько не стѣсняясь, продолжалъ:

— Что касается до меня, то я никогда не позволю себѣ принять званіе министра при такихъ обстоятельствахъ. Только безумцы могутъ указывать исполнительной власти на подобный путь, грозящій всевозможными опасностями. Только они могутъ хладнокровно вызывать плательщиковъ къ общему отказу въ налогахъ и подавать поводъ къ безчисленнымъ процессамъ, при которыхъ суды потеряютъ всякое свое значеніе. Это значило бы вызывать смуты и междоусобія одновременно въ двадцати, во ста направленіяхъ и произвести такую общественную неурядицу, противъ которой войско, само раздѣленное несогласіями, будетъ тѣмъ болѣе бессильно, что народное сопротивленіе представитъ собою вполне легальный характеръ.

Маршалъ оглянулся вокругъ себя и, не слыша никого, кто-бы рѣшился опровергнуть грознаго оратора, сталъ вслухъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою, объяснять всю затруднительность своего положенія. Онъ думалъ, 24-го мая 1873 года, что ему придется быть только *военнымъ президентомъ*, а что *политическимъ президентомъ* будетъ де-Брольи который всѣ государственныя заботы возьметъ на себя, предоставивъ ему только одно право спа-

сать дѣло консерваторовъ отъ покушеній радикализма. Въ парламентскихъ вопросахъ онъ никогда много не смыслилъ и предоставилъ вести все своимъ совѣтникамъ, но, наконецъ, увидѣлъ, что съ 16-го мая ему пришлось подписать цѣлую «книгу бумагъ» и что это скомпрометрировало его несравненно болѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать.—*Съ меня довольно, воскликнулъ онъ подъ конецъ:—все это для меня черезъ чуръ ужъ тонко! Я—не прожектёръ, а солдатъ.*

— Скажите, обратился онъ вслѣдъ за тѣмъ въ Пуиз-Кертъе:—могу ли я, не нарушая законности, назначить кабинетъ изъ правыхъ?

— Нѣтъ! законность на сторонѣ лѣвыхъ.

— Но въ такомъ случаѣ, что же мнѣ натолевовагъ герцогъ де-Брольи?.. *Я не хочу его болѣе видѣть!.. Я связанъ по рукамъ и по ногамъ; но, если консерваторы и теперь не въ состояннн мнѣ помочь—то я долженъ съ ними развязаться... Я оставляю своей постѣ!..*

— Пригласите Дюфора...

— Это сдѣлалось уже невозможнымъ... *я предпочитаю отставку!* И онъ судорожно схватилъ лежавшую передъ нимъ бумагу и сталъ писать на ней...

Всѣ присутствовавшіе, какъ рассказывается въ «Journal de Loiret», принадлежащемъ его личному секретарю Эмануэлю д'Аркуру стали его упранивать и упранивали въ теченіи полчаса, чтобы онъ не выходилъ въ отставку. Они приводили для этого всякіе доводы, скрывая настоящій, высказанный въ «Gaulois» напрямки. «Ему слѣдовало оставаться до 1880 года, чтобы прикрывать собою консерваторовъ, чтобы, во что бы то ни стало, добиться по крайней мѣрѣ утвержденія бюджета, такъ какъ безъ этого нельзя было обойтись. *Что предстоитъ дѣлать въ послѣдствіи—можно обдумать постѣ.*»

— Такимъ образомъ, сказалъ маршалъ:—вы хотите, чтобы я оставался, несмотря на то, что при этомъ долженъ нарушить свои обязательства?.. Вы хотите, слѣдовательно, моего безчестія?.. И среди всеобщаго молчанія, со слезами на глазахъ прибавилъ:

— Вы требуете отъ меня, во имя общественнаго блага самой громадной жертвы, какую можетъ принести человѣкъ!.. Я жертвую для васъ своей честью... Дай только Богъ, чтобы вы же потомъ не стали меня за это упрекать!..

Тотчасъ же было послано за президентами обѣихъ палатъ. Гревн не пришелъ. Одиффре-Паке явился до того раздраженный, что, при входѣ въ комнату накинудся на Батби съ такимъ азартомъ, что, казалось, между ними неизбежно произойдетъ дуэль.

— Вы здѣсь, кажется, обратился онъ къ нему:—обдумываете, какъ бы вызвать междоусобіе? Забудьте напередъ, что, если когда нибудь подобное несчастье случится, вы найдете меня во главѣ тѣхъ, кого вы называете радикалами и которые, въ сущ-

ности, и суть настоящие новосортеры, такъ какъ они не складываются съ законной почвой.

Поэтому, обратясь къ маршалу, онъ сталъ молчно упрекать его за невѣжливость пріема, сдѣланнаго ему, когда онъ явился, чтобы предохранить отъ опасности идти до конца по невозможному пути. «Вы забыли, сказали онъ ему подъ конецъ:—что я избранъ президентомъ сената значительнымъ большинствомъ, тогда какъ вы сдѣлались президентомъ республики только благодаря ничтожному большинству въ нѣсколько голосовъ!»

Маршалъ постарался прервать эту неприятную для него сцену, заявивъ, что «суваженіе его къ законности побуждаетъ его окончить столкновение — призваніемъ такого кабинета, какой найдеть необходимымъ составить Дюфоръ».

Дюфоръ, тотчасъ же приглашенный, не сталъ злоупотреблять выгодами своего положенія. Изъ трехъ именъ, вычеркнутыхъ изъ прежняго списка министровъ маршаломъ, онъ внесъ въ новый только одно—адмирала Потюд. вмѣсто генерала Грелъ, къ которому маршалъ чувствуетъ неприязнь, онъ внесъ имя генерала Бореля, бывшаго нѣкогда начальникомъ штаба герцога Маджентскаго. Такимъ образомъ, были замѣнены военное и морское министерства. Вопросъ о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ былъ разрѣшенъ, безъ новаго сопротивленія со стороны маршала, радикально. вмѣсто клерикала Банвивыля, за котораго такъ дѣлко стоялъ Мак-Магонъ—былъ назначенъ протестантъ Ваддингтонъ. Этимъ назначеніемъ, такъ же какъ и присутствіемъ въ новомъ министерствѣ еще четырехъ протестантовъ, галликанаецъ Дюфоръ, случайно или съ намѣреніемъ, блистательно заявилъ окончательный разрывъ правительства съ ультрамонтанами.

Въ политическомъ смыслѣ, въ министерствѣ, составленномъ Дюфоромъ на 6 сенаторовъ приходится только 2 депутата, слѣдовательно, оно отвѣчаетъ развѣ только въ самой слабой степени парламентской необходимости. Поэтому, чтобы придать ему характеръ, болѣе соотвѣтствующій требованіямъ большинства, большая часть мѣстъ помощниковъ государственныхъ секретарей (товарищей министровъ), предоставлены дѣлнымъ всѣхъ фракцій, за исключеніемъ непримиримой. Антибонапартистскій характеръ администраціи отвѣненъ назначеніемъ по министерству юстиціи въ товарищи Дюфору—Савари, а по министерству земледѣлія въ товарищи Тессерень-де Бору—Сиприена Жирера. Назначеніе въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ Лепера, бывшаго президентомъ республиканскаго союза, послужило выраженіемъ того, что доступъ къ власти отвергается и для представителей тѣхъ классовъ народа, которые Гамбетта называлъ «новыми общественными слоями».

На весьма важное мѣсто парижскаго полицейскаго префекта, въ зависимости отъ котораго находится безопасность чуть не всей Франціи, довольно неудачно, вмѣсто Вуазена, назначенъ Альбертъ Жиго. Его считаютъ незаконнымъ сыномъ Монталамбера, и онъ

*

рыйный сторонникъ того либеральнаго католицизма, яркимъ представителемъ котораго былъ нѣкогда де-Брольи и который, со времени ватиканскаго собора, считается чуть ли не такою же ересью, какъ кальвинизмъ. Назначеніе его, такимъ образомъ, не удовлетворило ни республиканцевъ, ни клерикаловъ.

Перемены въ составѣ префектовъ, весьма быстро произведенныя де-Марсэромъ, оставляютъ также много желать. Бѣдная часть личностей, попавшихъ въ префекты, не отличается особенно яркимъ характеромъ своихъ убѣжденій. Въ числѣ новыхъ префектовъ насчитывается только 15 политичныхъ республиканцевъ. Мѣстами префектовъ слишкомъ щедро заплачено орлеанистамъ за присоединеніе конституціоналистовъ къ лѣвой сената. Весьма нехорошо также, что какія-то частныя соображенія заставили де-Марсэра сохранить мѣста префектовъ за пятью сторонниками 16-го мая. Смѣщеніе всею массою всѣхъ префектовъ этого закала было бы вполне справедливо и логично и произвело бы весьма хорошее впечатлѣніе на населенія, уставшія отъ семимѣсячныхъ нелѣпныхъ преслѣдованій. Говоря же вообще, смѣна представителей центральной власти въ 83 департаментахъ все-таки показала народу, что, хотя Мак-Магонъ и остался на своемъ посту, но затѣмъ все во Франціи, кромѣ его, измѣнилось.

Посланіе маршала, въ которомъ онъ отрицается отъ всего, чего до тѣхъ поръ упорно держался, произвело значительный эффектъ, хотя немало поселянъ, конечно, недоумѣвало, какъ это президентъ республики могъ такъ скоро отречься отъ всего, что онъ говорилъ еще такъ недавно на выборахъ. Дѣло не въ личности маршала, а въ томъ, что, наконецъ, правительствомъ высказаны твердо принципы, соответствующіе конституціи 1875 года, причемъ для де-Брольи, Бюффе и Батби не оставлено никакихъ лазеекъ. Пусть маршалъ безхарактеренъ—страна отъ этого ничего не потеряетъ, и въ этомъ посланіи имѣетъ торжественное заявленіе герцога Маджентскаго, за скарбою двухъ министровъ юстиціи и внутреннѣхъ дѣлъ, въ томъ:

«что страна своимъ голосованіемъ придала прочность «республиканскимъ учрежденіямъ»;

что правительство «твердо рѣшилось ихъ защищать и поддерживать»;

что кризисъ «не повторится болѣе»;

что страна представляетъ собою «судью, на котораго нѣтъ апелляціи», что распущеніе «не будетъ возведено правительствомъ въ систему» и что Франція представляетъ собою «парламентскую республику, президентъ которой безответственъ, министры же ответственны индивидуально и коллективно.

Или, другими словами, что президентъ республики, будь онъ военный генералъ или морской адмиралъ—лицо индифферентное по отношенію къ власти, и вся она принадлежитъ большинству народнаго представительства.

Никто не могъ ожидать, что Дюфоръ сдумѣетъ подчинить

Мак-Магона этимъ основнымъ началомъ конституціонно-демократическаго управленія и заставить его подписаться подъ посланіемъ, гдѣ они выражены въ такой строго-опредѣленной формѣ. Поэтому-то посланіе 14-го декабря произвело на общество потрясающее впечатлѣніе. Когда оно читалось въ палатѣ, то республиканцы просто затаили дыханіе, чтобы не проронить ни одного слова. Реакціонеры же были поражены, какъ громомъ; да и было отчего. Они понимали, что народъ не можетъ взглянуть на это посланіе, въ которомъ маршалъ такъ рѣшительно сжигалъ свои корабли иначе, какъ на капитуляцію, при которой торжествующей республикѣ безусловно сдавались всѣ знамена и орудія монархической коалиціи.

Ни министерство, ни республиканское большинство не умилились, однакоже, ни сдачею Мак-Магона, ни разбитіемъ арміи «нравственнаго порядка». Между тѣмъ и другимъ произошло соглашеніе по финансовому вопросу, благодаря которому, всѣ текущіе расходы могутъ быть покрываемы безъ перерыва общественныхъ дѣлъ, но главное орудіе защиты народнаго представительства, бюджетъ, все еще остается въ рукахъ республиканцевъ.

Министръ финансовъ потребовалъ отъ палаты допущенія четырехъ прямыхъ налоговъ, въ чемъ ей было отказано министерствамъ де-Бролли и Рошбуа-Дютилльель, и палата тотчасъ же на это согласилась, чтобы дать возможность генеральнымъ совѣтамъ успѣть произвести ихъ раскладку до конца года. Но Леонъ Сэ не потребовалъ при этомъ ни быстрого утвержденія другихъ налоговъ, ни бюджета доходовъ и расходовъ въ дѣломъ его составѣ. Онъ просилъ только временнаго ассигнованія двухъ двѣнадцатыхъ, въ видѣ кредита въ 529.500,000 франковъ—суммы, необходимой для того, чтобы правительственная машина не останавливалась въ своемъ ходѣ въ теченіи января и февраля мѣсяцевъ. «Вотированіе такого кредита, сказалъ онъ:—будетъ служить какъ бы выраженіемъ довѣрія палаты къ правительству, и мы въ правѣ его просить, такъ какъ служимъ выраженіемъ того движенія общественнаго мнѣнія, которое произошло въ странѣ. На это докладчикъ бюджетной комиссіи Кошеръ отвѣчалъ: «Комиссія находитъ, что министерство заслуживаетъ такого довѣрія, въ виду обстоятельствъ, предшествовавшихъ его образованію, обязательствъ, высказанныхъ имъ съ трибуны, и нравственнаго характера лицъ, его составляющихъ». Послѣ этого, депутаты Жолибуа, отъ имени бонапартистовъ, и Ларошфуко-Бизачія отъ имени легитимистовъ, заявили, что, хотя они и согласны подавать голоса за предложенія правительства, но желаютъ, чтобы это не было сочтено за выраженіе съ ихъ стороны довѣрія. Затѣмъ, оба предложенія были приняты въ палатѣ единодушно 519 голосами.

Въ сенатѣ, финансовой комиссіей которой предсѣдательствуетъ Пуиз-Кертле, Вюрффе пытался вызвать недовольство на то, что

палата не декретировала всего бюджета, но предложеніе «черной эхидны», какъ называютъ Бюффе—было задушено конституціоналистами. Леонъ Сэ представилъ въ эту комиссію, вмѣстѣ съ своимъ докладомъ, и таблицы распредѣленія доходовъ, предварительно имъ составленныя. Въ публичномъ засѣданіи, когда Пуэй-Кертъе, бывшій докладчикомъ, позволилъ себѣ высказать сожалѣніе о томъ, что бюджетъ «каждый годъ запаздываетъ», лѣвыя заставили его замолчать однимъ простымъ возраженіемъ: «по чьей же винѣ?» Послѣ этого, Люсьенъ Брэнъ пытался, съ принципиальной точки зрѣнія, доказать, что конституція нисколько не даетъ палатѣ депутатовъ права отказывать въ утвержденіи бюджета въ цѣломъ составѣ, «такъ какъ, замѣтилъ онъ угрожающимъ тономъ: — и сенатъ, пользующійся по конституціи одинаковыми правами, имѣлъ бы тогда право также отказывать во всѣхъ кредитахъ». Лабуэ блистательно опровергъ это возраженіе, развивъ теорію права парламентскаго большинства, послѣ чего оба правительственные предложенія, принятія палатою, были утверждены и единогласнымъ голосованіемъ сената.

Декретомъ отъ 18-го декабря, парламентская сессія 1877 г. была объявлена закрытою. Открытіе новой сессіи произойдетъ, сообразно конституціи, во второй вторникъ января мѣсяца. Въ этой сессіи, въ палатѣ, кромѣ окончанія провѣрки полномочій, парламентскаго слѣдствія о дѣятеляхъ 16-го мая, предстоитъ рассмотрѣніе обоихъ законопроектовъ Барду и предложенія объ амнистіи за всѣ проступки и преступленія слова и печати, по которымъ были произведены преслѣдованія при господствѣ тираніи Брولى-Фурту, а затѣмъ депутаты обсудятъ весь бюджетъ 1878 года. Очевидно, что это займетъ цѣлую зиму. Послѣ же открытія всемірной выставки придутъ вакаціи, такъ что къ работамъ по бюджету на 1879 годъ палата приступитъ не раньше осени. Такимъ образомъ срокъ выбора 75 ти новыхъ сенаторовъ наступитъ при существованіи демократической и либеральной администраціи. Нечего, слѣдовательно, и сомнѣваться, что эти выборы обусловятъ появленіе въ сенатѣ республиканскаго большинства, послѣ чего возможность всякихъ конфликтовъ между общественными властями будетъ отстранена. Республика будетъ вполне обезпечена отъ всякихъ влериальныхъ интригъ и бонапартистскихъ конспирацій, отъ всякихъ безумствъ и измѣнъ каковаго бы то ни было президента. Конституція 1875 года будетъ вполне очищена отъ всѣхъ пагубныхъ для Франціи недомолвокъ и улучшена быстро или медленно, сообразно естественному настроенію общественнаго мнѣнія. Въ 1880 году — въ концѣ десятилѣтняго періода страданій, истязаній и невзгодъ, какимы подвергалась Франція и которыя погубили бы всякую страну, не обладающую столь исключительною живучестію — она вполне возродится и пойдетъ по пути, завѣщанному революціей 1789 года.

Что въ подобныхъ упованіяхъ нѣтъ ничего утопическаго — до-

казать это не особенно трудно. Последніе выборы въ генеральные совѣты уже обусловили въ нихъ республиканское большинство, муниципальные выборы, дающіе делегатовъ для избранія сенаторовъ, тоже произойдутъ при самыхъ благопріятныхъ для республики условіяхъ въ 36,000 общинъ Франціи. Пусть новыя префекты и не отличаются особеннымъ радикализмомъ, но они будутъ неизбѣжно признавать и поддерживать повсюду республику. Они безъ излишней поспѣшности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ загладятъ несправедливости правительства «нравственнаго порядка» и возвратятъ утраченныя представителямъ низшей администраціи, мэрамъ и ихъ помощникамъ, также какъ чиновникамъ разныхъ вѣдомствъ, мировымъ судьямъ и учителямъ, уволеннымъ въ отставку министерствомъ борьбы. Такимъ образомъ, въ самыхъ заколустныхъ мѣстностяхъ Франціи, республика явится передъ населеніемъ «во плоти и крови» — торжествующей. Понятно, что даже невѣжественная и нерѣшительная часть массы населенія, всегда дорожащая существующимъ порядкомъ, применитъ къ республикѣ — и старымъ партиямъ будетъ уже невозможно дѣлать изъ населеній игрушку своихъ интригъ и страстей.

Единственною надеждою католико-монархической реакціи осталось упованіе, что тѣ черныя тучи, какими обложены европейскій политическій горизонтъ, произведутъ общеевропейскій ураганъ, въ который будутъ вовлечена, помимо воли своей, и французская республика.

Но дѣятельныя приготовленія къ будущей всемірной выставкѣ служатъ лучшею гарантіею того, что, что бы ни произошло въ близкомъ будущемъ на Дунаѣ, Рейнѣ или Дарданеллахъ — Франція твердо рѣшилась не выходить изъ своего, необходимого для нея самой, безусловнаго нейтралитета.

Людовикъ.

Парижъ, 25-го декабря 1877 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Изъ недавняго прошлаго. *Н. Чаплыгина*. Москва, 1877.

Г. Чаплыгинъ очень разобиженъ редакціей «Русскаго Вѣстника». «Предлагаемые читателю рассказы, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ:—помѣщены были въ журналъ «Русскій Вѣстникъ» за 1873, 1874, 1875 и 1876 годы, но, какъ нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности «Семейство Баглановыхъ», были напечатаны редакціей съ значительными пропусками и измѣненіями, то авторъ рѣшился издать ихъ отдѣльною книгою въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ подъ его пера». Г. Чаплыгинъ—не первый и, вѣроятно, не послѣдній изъ дебитеровавшихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» писателей, оставшихся недовольными редакціонными «пропусками и измѣненіями». Каждому, конечно, свое дорого; но надо войти и въ положеніе несчастныхъ редакцій. Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, принимать онѣ на себя египетскую работу «значительнаго измѣненія» доставляемыхъ имъ писаній, чтобы потѣшить свой редакторскій «нравъ», а въ силу горькой необходимости. Когда г. Тургеневъ претендовалъ на редакцію того же «Русскаго Вѣстника» за измѣненія въ его «Отцахъ и дѣтяхъ»—это было понятно; графъ Толстой не согласился измѣнить послѣднюю часть «Анны Карениной», и это естественно. Тутъ дѣло шло не о литературной обработкѣ ихъ произведеній, въ которой эти писатели, конечно, не нуждаются, но о тенденціяхъ, объ идеѣ. Но что прикажете дѣлать съ произведеніемъ автора, который, по выраженію Павлина, нуждается въ двадцати страницахъ для развитія той мысли, что курица свойственно нести яйца? Вѣдь, никто же не оспариваетъ, что курица дѣйствительно свойственно это занатіе, и никто не требуетъ, чтобы вы говорили противоположное, а желательно только, чтобы по поводу куриныхъ яицъ вы не трактовали о яйцахъ Леды. Вотъ хоть бы г. Чаплыгинъ. Каково журналъ, какаа редакція, мало-мальски дорожащая своею репутаціей, рѣшилась бы напечатать безъ «значительныхъ измѣненій», на примѣръ, такое описаніе осени? Времена года, подобно возрастамъ человека, имѣють каждое свою собственную, ему одному присущую красоту. Прелестна вудрявая голова лукаво улыбающагося ребенка; упоителенъ долгій, полный сладострастія и нѣги взглядъ

• черносской красавицы; очаровательна группа молодой матери, окруженная лепещущими и играющими около нея малютками; но хорошъ и почтенный видъ маститаго старца съ высокими, изрѣзанными поперечными морщинами лбомъ и устремленнымъ на васъ изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, полнымъ передуманныхъ думъ, но еще бодрымъ и самоувѣреннымъ взглядомъ. Прекрасенъ и осенній ясный день. Уже не жжетъ пальцами лучами сентябрьское солнце; разрѣженный, свѣжій воздухъ вдыхается легче и свободнѣе; высоко скользятъ по чистому небу легкія и сѣрыя, какъ дымъ, облака; блестятъ на солнцѣ опутавшая землю шелковистою сѣтью паутина; ея тонкія, подыгранныя вѣтромъ пряди колышутся и носатся въ воздухѣ; рдѣютъ на темной зелени кудрявой рябины сочныя гроздія ея блестящихъ какъ кораллы ягодъ» и пр., и пр. (Семейство Баклановыхъ, 252). Такія описанія на вѣжливомъ техническомъ языкѣ журналистики называются «неудобными». Претендовать на «значительныя измѣненія» подобныхъ мѣстъ (а ихъ у г. Чапыгина таки достаточно) едва-ли благородно и едва-ли справедливо. Г. Чапыгинъ, надѣмся, уважаетъ требованія грамматикъ и хотя «лепещущія дѣти», «сочныя гроздія», «подыгранныя вѣтромъ пряди» (?) тоже вѣдь «вышли изъ подъ его пера», тѣмъ не менѣе, онъ, вѣроятно, не сталъ бы отстаивать неприкосновенность этихъ перловъ. А требованія элементарной эстетики почти такъ же просты и безспорны, какъ и грамматическія правила. Если же г. Чапыгинъ настолько лишенъ литературнаго вкуса, что не понимаетъ всей невозможности своихъ витѣватыхъ описаній, то тѣмъ хуже для него, конечно.

Г. Чапыгину тѣмъ менѣе было основаній сѣтовать на «значительныя измѣненія», что основная тенденція его повѣстей нисколько не пострадала отъ этихъ измѣненій. Тотъ «особый отпечатокъ», который свойственъ всѣмъ беллетристамъ завода «Русскаго Вѣстника», отличаетъ собою и повѣсти г. Чапыгина. Отпечатокъ этотъ, какъ извѣстно, состоитъ прежде всего въ сильномъ изобличеніи разныхъ «измовъ», причѣмъ способы и приемы этого изобличенія употребляются всегда одни и тѣже. Выводится на сцену какой-нибудь «патріотъ своего отечества», какъ выражается одно изъ дѣйствующихъ лицъ Островскаго, а, въ репандит и поучительный контрастъ этому «патріоту», притягивается какой-нибудь молодой «мерзавецъ своей жизни»; затѣмъ между этими лицами устраиваются болѣе или менѣе замысловатыя коллизіи, съ неизмѣнною тенденціею превозвеличенія одного и посрамленія другого, и романъ «отмѣнно длинный, нравоучительный и чинный» оказывается, такимъ образомъ, къ услугамъ читателя. Г. Чапыгинъ, въ слѣпую подчиненію этому традиціонному шаблону, доходитъ даже до наивности. Его «патріотъ своего отечества» — отставной полковникъ Александръ Васильевичъ Баклановъ — на многихъ длинныхъ и скучнѣйшихъ страницахъ только тѣмъ и занимается, что пилить вѣтрѣнаго и по-

перечнаго сентенціями о святости долга, о стародворянскомъ point d'honneur'ѣ, о необходимости прежде «забыть быть» и уже потомъ воздвигать строеніе—«только, пожалуйста, не по плану синихъ очковъ и стриженныхъ косъ», прибавляетъ онъ. Онъ не можетъ, буквально, выпить стакана чаю, пообѣдать спокойно, не упоминая о всѣхъ этихъ вещахъ. Напримѣръ, посылая свою жену за границу, онъ заявляетъ: «Я же изъ деревни не тронусь ни на шагъ. Меня удерживаетъ въ ней священный долгъ, на служеніе которому я обрекъ остатки дней своихъ, да и покинуть ее въ настоящее время (замѣтимъ, однакоже, что въ настоящее время, въ деревнѣ не происходило ровно ничего особеннаго, ни труса, ни глада, ни огня) было бы все равно, что бѣжать съ поля сраженія. Здѣсь мой постъ и, если будетъ нужно, я умру на немъ». До того онъ—«патріотъ своего отечества»! Авторъ, съ своей стороны, характеризуетъ его, между прочимъ, такимъ образомъ: «всѣ знали, что онъ лгать не любитъ и что, если сказать, что чего нибудь не видалъ или не ѣдалъ, то можно было смѣло биться объ закладъ, что онъ дѣйствительно ничего такого не ѣдалъ и не видывалъ» (С. Б. 327). До такой степени онъ правдивъ! Молодой «мерзавецъ своей жизни» — родной сынъ доблестнаго «патріота»—съ своей стороны, тоже, конечно, не теряетъ золотого времени и, не переводя духу, совершаетъ подлость за подлостью, одна гнуснѣе другой. Онъ деботируетъ тѣмъ, что прокучиваетъ съ какими-то камеліями 80,000 руб. отцовскихъ денегъ, затѣмъ соблазняетъ (и если неудачно, то отнюдь не по недостатку добраго желанія съ своей стороны) свою приемную сестру и заканчиваетъ свою карьеру тѣмъ, что съ компаніей шуллеровъ обигрываетъ какого-то великосвѣтскаго юнца, тѣмъ, наконецъ, и укладываетъ, къ своему и читателя удовольствію, въ гробъ своего доблестнаго отца. Чтò такое, въ сущности, долженъ изображать собою этотъ блудный сынъ—это трудно сказать. По своему общественному положенію, онъ—гвардейскій офицеръ, по поступкамъ—бѣглый каторжникъ, по убѣжденіямъ.. нигилистъ. Да, нигилистъ. Положимъ, что свое profession de foi онъ излагаетъ въ такомъ видѣ: «Живи пока живется и устраивай жизнь свою такъ, чтобы тебѣ было хорошо, по пословицѣ: всякій для себя, одинъ Богъ для всѣхъ; c'est le vrai principe des sages. Да, я не вѣрю, чтобы эти поборники гуманности дѣйствительно вѣрили и сочувствовали тому, о чемъ такъ усердно проповѣдуютъ: всѣ эти либеральныя, да гуманныя идеи хороши на словахъ, чтобы пыль въ глаза пускать; а прилагать ихъ къ жизни, а тѣмъ болѣе утѣшаться плодами, которые они должны принести гѣтъ черезъ тысячу—чистое сьумасшествіе. Да и какое мнѣ дѣло до того, чтò будетъ послѣ меня? Après moi le déluge» (С. Б. 405). Сколько извѣстно, такъ разсуждаютъ не нигилисты, а современные жрецы Ваала, съ которыми, дѣйствительно, Баклановъ - fils имѣетъ много точекъ соприкосновенія. Тѣмъ не менѣе, по замыслу автора, этотъ гвардейскій Рокамболь долженъ изображать собою то

«чуждице обле и оворно», которое, съ благословенія г. Тургенева, окрещено у насъ именемъ нигилизма. По крайней мѣрѣ, съ Стародумъ и Здравомысли повѣсти, съ Баглановымъ-отцомъ во главѣ, направляють свои изобличенія синнихъ очкомъ и стриженныхъ косъ именно по его адресу. Рокамболу, конечно, это все равно и, чувствуя свою непричастность къ синнимъ очкамъ, онъ хладнокровно строитъ куры Оленькѣ (пріемной сестрѣ) въ то время, когда надъ его головою разражаются, напригнѣрь, такіа филиппики: «Повѣрите (а не повѣрить невозможно, потому что это говорить тотъ самый Александръ Васильевичъ Баглановъ, въ правдивости котораго авторъ такъ оригинально побожился): всѣ эти нигилисты потому изъ семей своихъ и бѣгутъ, что случно имъ сидѣть за дѣломъ, за которое имъ, въ самомъ дѣлѣ, никто спасибо не скажетъ. Дома просидѣли бы онѣ весь вѣкъ своей незамѣченными; а тутъ объ нихъ всѣ говорятъ, пальцемъ на нихъ указываютъ — имъ это и любо. Посмотрите молъ на насъ, мы не заурядныа какія, не хотимъ знать ни вашихъ авторитетовъ, ни традицій, всюду сами себѣ дорогу прокладываемъ, ходимъ стриженныа, въ синнихъ очкахъ, потрошимъ лагушекъ въ клиникѣ и людей полосуемъ, ночи въ компаніи студентовъ просиживаемъ — все намъ ни почемъ. Не нужны намъ ни ваши браки, ни ваша семья, хотимъ мы жить, какъ птицы небесныа. Да и эти soi-disant передовые люди на одномъ съ ними полюзу: тоже желаніе выдвинуться изъ толпы и попарадировать не своимъ, такъ чужимъ умомъ, пощеголять въ павлиньихъ перьяхъ», и т. д. (334). Для образчика, этой тирады слишкомъ достаточно, потому что всѣ остальные съ нею «на одномъ полюзу»: беззубы и до послѣдней степени стереотипны. Но не въ томъ дѣло. Разбирать эти тирады по существу было бы смѣшно, а любопытно слѣдующее обстоятельство. Повѣсть «Семейство Баглановыхъ» написана въ 1875 году, когда уже, какъ извѣстно, синніа очки были сняты, косы отпущены. Быть можетъ — «силенъ сатана» — въ жизни сформировались новые факты, не менѣе предосудительнаго характера, но, во всякомъ случаѣ, то явленіе, специально эмблемою котораго служатъ гонимыа г. Чапыгинныа синніа очки и стриженныа косы, въ это время давно уже сошло съ историчекой своей сцены. Въ виду этого обстоятельства, зачѣмъ бы, казалось, г. Чапыгину огородъ городить? Если онъ, въ оправданіе себѣ, укажетъ на общее заглавіе своихъ повѣстей («Изъ недавняго прошлаго»), то это будетъ отвѣтъ нѣсколько нерезонный. Руководствуясь такою логикой, г. Чапыгинъ, лѣтъ черезъ пятнадцать, напишетъ другую книгу, озаглавить ее «Изъ давняго прошлаго» и будетъ съ паэосомъ рассказывать въ ней все ту же сказку про бѣлаго бычва; затѣмъ, если Богъ дастъ вѣку, еще черезъ пятнадцать лѣтъ подаритъ насъ собраніемъ повѣстей «Изъ стародавняго прошлаго» все на ту же тѣму и т. д. Lui! toujours lui! Это слишкомъ скучно. Еще Кузьма Прутковъ, съ своею обыкновенною мудростью, замѣтилъ, что «если у тебя есть фонтанъ, то

заткни его, ибо и фонтану надлежит отдохнуть». Беллетристамъ «Русскаго Вѣстника» тоже не мѣшало бы дать отдыхъ своему фонтану. Говоримъ это совершенно безпристрастно и даже доброжелательно, въ виду ихъ же собственныхъ интересовъ. Вѣдь трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ что-нибудь нелѣпѣе и смѣшнѣе того положенія, въ которое они ставятъ себя, заставляя, за неизмѣнимъ реальнаго объекта, отдуваться гвардейскихъ офицеровъ за всѣ провинности нигилистовъ. Г. Чапыгинъ—не первый и, вѣроятно, не послѣдній въ этомъ родѣ. Совершенно такой же пассажъ произошелъ нѣскольکو лѣтъ назадъ съ другимъ присяжнымъ обличителемъ «Русскаго Вѣстника»—съ г. Болеславомъ Маркевичемъ. Это недѣлимое написало тогда романъ, въ которомъ очень краснорѣчиво толковало о томъ, что «на отрицаніи ничего еще не создавалось прочнаго на землѣ»—по поводу похождения какого-то остзейскаго барона! Вышло это очень оригинально, но еще того болѣе глупо. Этотъ поучительный прецедентъ долженъ бы былъ предостеречь г. Чапыгина. А что касается до положительныхъ идеаловъ и тенденцій г. Чапыгина, то мы замѣтимъ ему, что канителить о святости долга и объ уваженіи къ традиціямъ вообще и стародворянскимъ въ частности—дѣло опять-таки довольно бесполезное: на счетъ первой тѣмы—въ виду конкуренціи азбукъ и прописей, на счетъ второй тѣмы—въ виду того прискорбнаго обстоятельства, что теоретическое формулированіе этихъ традицій ихъ защитниками—и г. Чапыгинымъ въ томъ числѣ—очень мало удаляется (и по сущности, и по формѣ) отъ характеристики того старика-дворянаго въ послѣдней повѣсти г. Иванова, который восхваляетъ прошлое насчетъ ннѣшняго такимъ образомъ: «были (крѣпкое слово) дубы... были (кр. сл.) скворцы... Нѣтъ теперь (кр. сл.) ни дубовъ... Нѣтъ теперь (кр. сл.) ни скворцовъ»... Оно, конечно, исключивши изъ повѣстей г. Чапыгина снія очки, священный долгъ и неизбѣжныя традиціи («дубы и скворцы»), отъ нихъ мало-что останется. Но этимъ именно и доказывается необходимость для г. Чапыгина хоть на время заткнуть себя.

Въ сущности, г. Чапыгинъ, самъ по себѣ—очевидно, добройшей души человекъ (въ общественно-литературномъ смыслѣ г. е.) *schöne Seele*, какъ говорятъ нѣмцы. Но съ волками жить по волчьи выть и, состоя на службѣ «Русскаго Вѣстника», даже самая смиренная овца принуждена выкидывать совершенно несвойственныя ея натурѣ воинственныя тѣлодвиженія. Мы заключаемъ о добротѣ души г. Чапыгина на основаніи его повѣстей «Махонины» и «Трескинцы», въ которыхъ онъ, не мудрствуя лукаво, рассказываетъ намъ о жизни разныхъ захоlustвъ и населяющихъ ихъ монстрахъ и раритетахъ, пожалуй, даже недурно рассказываетъ. По крайней мѣрѣ, тутъ видно, что человекъ знаетъ предметъ, о которомъ повѣствуетъ, и, примѣняя его же собственную характеристику, если говорить, что что-нибудь

«Идаль» или «видываль», то можно смѣло биться объ закладъ», что онъ дѣйствительно это видываль и идаль. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о томъ, что г. Чаплыгинъ «пиваль», такъ какъ (326) онъ открылъ какую-то запеканку, «отъывавшуюся именно томъ ягодомъ, которую любилъ пившій ее». Наврядъ ли существуетъ такая сверхъестественная запеканка! За то «телокъ», котораго тутъ же съ любовью описываетъ г. Чаплыгинъ, отличается замѣчательною реальностью изображенія. И оставаться бы этому доброму человѣку въ мірѣ телковъ и запеканокъ, и благо бы ему было, и долготѣнь бы онъ былъ на землѣ. Никто бы его, положимъ, читать не сталъ — потому что кому же надобность читать «Старосвѣтскіихъ помѣщиковъ» и «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», разведенныхъ блѣдною водичею посредственности? Но никто бы, значить, къ нему и не притронулся, и не обижали бы его рецензенты. А теперь нельзя. Несчастная звѣзда г. Чаплыгина побудила его, кромѣ «Семейство Бакалановыхъ», написать еще повѣсть «Пріемышь», въ которой онъ, понатужившись, попытался-было затронуть довольно сложный психологическій мотивъ. Дѣло идетъ о той печальной, но едвали не неизбѣжной розни въ стремленіяхъ и симпатіяхъ, которая такъ часто возникаетъ между близкими людьми, вслѣдствіе неодинаковости ихъ образованія и развитія. Задача, какъ видить читатель, трудная, требующая для удовлетворительной беллетристической разработки и много аналитической проницательности, и много технической ловкости.

Переходъ отъ «телковъ» къ такимъ вопросамъ слишкомъ ужъ рѣзокъ и крутъ, и, такъ какъ противъ природы не пойдешь, то очень естественно, что телчій элементъ проникаетъ собою и эту повѣсть г. Чаплыгина, смыслъ которой заключается въ томъ, что вся бѣда, видите-ли, происходитъ отъ недостатка почтительности. Мораль — совершенно достойная беллетристическаго Оеми-стоюлса московской журналистики, котораго даже самъ его папаша стѣсняется пустить въ общество, не утеревши ему предварительно носа.

Русскій рабочій. Духовно-нравственный журналъ. Спб. 1875, первый годъ. 1876, второй годъ. 1877, третій годъ.

Вотъ уже четвертый годъ пошелъ, какъ какимъ-то неизвѣстнымъ благотворителямъ русскаго народа пришла въ голову благая или блажная мысль издавать народный журналъ «Русскій Рабочій». Еще въ 1875 году, когда этотъ журналъ былъ совсѣмъ новой новинкой, мы поинтересовались имъ, но не сочли нужнымъ дѣлаться своими мыслями объ немъ съ читателемъ. Изданіе это, очень дешевое (60 коп. въ годъ, съ пересылкой 75, за двѣнадцать большихъ листовъ съ очень хорошими рисунками), очень красивое, показалось намъ, тѣмъ не менѣе, одною изъ тѣхъ чрезвычайныхъ пошлостей, объ которыхъ говорить не стоить. Намъ казалось, что изданіе, до такой степени нехѣлое, достаточно рекомендовать само себя. Но, въ концѣ прошлаго года, въ газе-

такъ появились опять объявленія объ изданіи «Русскаго Рабочаго». Это насъ нѣсколько удивило. Мы думали, что онъ уже погибъ подъ бременемъ своей никуда негодности. Но удивленіе наше возрасло еще больше, когда, приобрѣта изданіе за всѣ три года его существованія, мы наткнулись на напечатанныя въ немъ «Свѣдѣнія о томъ, въ какія мѣстности, сколькоими лицами и въ какомъ количествѣ экземпляровъ выписывался журналъ «Русскій Рабочій» въ 1875 г. по 1 число ноября мѣсяца». Изъ свѣдѣній этихъ оказывается, что число подписчиковъ на «Русскаго Рабочаго» въ 1875 г. достигало почтенной цифры 4799. Значитъ, нашъ расчетъ оказался неосновательнымъ. «Русскій Рабочій» не успѣлъ собственными своими средствами убѣдить публику въ собственной своей никуда негодности. Надо ему помочь. Правда, тутъ есть подписчики, выписывавшіе по 10, 15, 20, 50 и даже по 100 и по 150 экземпляровъ. Это, какъ объясняетъ редація «Русскаго Рабочаго» — землевладѣльцы, распорядители фабрикъ и заводовъ, предводители дворянства, мировые судьи и другія лица, сочувствующія «распространенію журнала между соприкасающимся съ ними рабочимъ населеніемъ, для пользы котораго собственно и издается «Русскій Рабочій». — Но все-таки это очень удивительно, и желательнo было бы имѣть какія-нибудь свѣдѣнія о благотворительныхъ предводителяхъ дворянства и распорядителяхъ фабрикъ и заводовъ, предлагающихъ рабочему населенію такую умственную пищу. Кто такой, напримѣръ, этотъ единственный ветлужанинъ, выписывающій 20 экземпляровъ «Русскаго Рабочаго»? Что это за два обитателя Сыръ-Дарьинской Области, выписывающіе по одному экземпляру? Какіе такіе два жителя Стерлитамака благотѣльствуютъ окружающее рабочее населеніе каждый на 50 экземпляровъ? И ты, Воронежъ, родина Кольцова, имѣешь въ своей средѣ благодѣтеля, благотѣльствующаго на дѣлахъ 150 экземпляровъ. Кто онъ? Изъ кого, наконецъ, состоитъ сама редація «Русскаго Рабочаго»?

Вопросы эти, мы увѣрены, возникнутъ у многихъ читателей, если они потрудятся просмотрѣть даже не всѣ три тетрадки «Русскаго Рабочаго», доселѣ вышедшія, а хоть одинъ, любой номеръ. Вотъ вамъ первый номеръ за 1875 г. На первой страницѣ, во весь листъ, картинка, изображающая какого-то восточнаго человѣка, разбрасывающаго сѣмена по пашнѣ. Внизу подпись: «Святель (снятъ съ натуры въ Палестинѣ)». Затѣмъ идетъ маленькая программа, profession de foi журнала: «Рабочіе люди — народъ занятой. Мало у нихъ досуговъ. Хотѣлось бы намъ сердечно эти немногіе часы досуга усладить и обратитъ въ ихъ пользу. Изъ этого желанія и вылилась мысль нашего листка, который мы въ самомъ началѣ ввѣряемъ ихъ расположенію, въ надеждѣ, что, если Господь благословитъ продолжать его, какъ задумали, то въ немъ они найдутъ и разсказъ для развлеченія, и совѣтъ для правильной, честной жизни, и утѣшеніе въ мину-

ту грусти, и примѣръ для ободренія. Прежде же всего въ каждомъ разсказѣ и въ каждой доброй мысли увидать Того, кто научилъ людей любить другъ друга и помогать другъ другу кто чѣмъ можетъ».—Прекрасныя эти намѣренія немедленно же и осуществляются разсказомъ «Святель». Жилъ-былъ, изволите ли видѣть, въ селѣ Богословскомъ учитель Николай Матвѣевичъ Зайцевъ, жилъ и умеръ. На похороны собрались пейзажи. Ждутъ священника и помѣщика. Во ожиданіи, староста Иванъ предлагаетъ собравшимся зайти къ нему попить чайку. «Я не предлагаю вамъ ничего хмѣльного, сказалъ онъ:—потому что духъ покойнаго Николая Матвѣевича порадуетъ, если мы обойдемся безъ вина и водки». Пейзажи охотно соглашались. Прибываетъ священникъ. Завязывается философско-богословскій разговоръ, изъ котораго мы приведемъ для образца только малую крупицу:

— «Вы, батюшка, надѣюсь, не вдаетесь въ подобное суевѣріе, сказалъ старикъ мельникъ, человекъ бывалый и опытный, владѣтель доходной пашни въ томъ же селѣ.

— «Это вовсе не суевѣріе, любезнѣйшій Оома Петровичъ, отвѣчалъ отецъ Александръ.—Говоря «духъ», я вовсе не разумѣлъ привидѣніе; вы, вѣроятно, всё знаете, что слово духъ имѣетъ болѣе одного смысла (какъ не знать). Говоря это, я хотѣлъ выразить, что духъ жизни и ученія Зайцева надолго, даже навсегда останется между нами.

— «Какъ прекрасно сказано, отозвался Андрей, который, согрѣвшійся чаемъ, съ любопытствомъ вслушивался въ разговоръ.— Какъ прекрасно сказано, эти слова совсѣмъ меня успокоили».

Изъ дальнѣйшей бесѣды выясняется, что покойный учитель былъ святель, снявшій доброе сѣмя, такъ что едва ли не онъ именно «снять съ природы въ Палестинѣ». Пейзажи и ихъ духовный пастырь окончателно убѣждается въ этомъ изъ словъ помѣщика, который говоритъ: «Я думаю, намъ слѣдуетъ соединиться въ общей молитвѣ, чтобы Господь послалъ намъ достойнаго преемника нашему почтенному Николаю Матвѣевичу. Онъ былъ смиренный святель не больше, но святель для небесной жатвы». Всѣ уходятъ на кладбище, а авторъ разсказа, оставшись наединѣ съ своими читателями, въ которыхъ онъ предполагаетъ «рабочихъ людей нашей родины», убѣждаетъ ихъ жить хорошо и стараться оставить по себѣ добрую память. Авторъ вполне увѣренъ въ неотразимой силѣ, убѣдительности своего разсказа и своихъ выводовъ. Увѣрены ли въ этомъ вы, благородный ветлужанинъ, облагодѣтельствовавшій ветлужскихъ «рабочихъ людей» на 15 рублей, и вы, благороднѣйшій соотечественникъ Кольцова, простершій свое благодѣяніе до 112 руб. 50 коп.?

Въ томъ же номерѣ есть разсказъ, точно также ни съ чѣмъ несообразный—«Елка». Есть еще слѣдующая хитроумная притча, озаглавленная: «Свѣтлый взглядъ на вещи». «Два ведра, качался

на коромыслѣ, отправлялись къ колодецу за водой. — «Какой у тебя печальный видъ!» замѣтило одно ведро другому. — «Меня печалитъ мысль о бесполезности нашей работы; какъ бы настъ ни наполнили у колодца, мы все возвращаемся къ нему пустыя». — «Какой странный взглядъ на вещи!» отвѣтило другое ведро. — Я, напротивъ того, утѣшаюсь мыслью, что какъ бы мы ни были пусты, когда приходимъ сюда, отсюда отправляемся домой полными». — Чрезвычайно утѣшительная мысль, разумѣется, но и довольно обоюдоострая, такъ что неизвѣстно еще, какъ истолковать ее, если поймутъ, «рабочіе люди нашей родины». Въ концѣ нумера — опять очень недурная картинка «Зима»: не русскій зимній пейзажъ и не русскій рабочій человѣкъ, прислонившійся къ плетню, со связкой хвороста на плечахъ.

Ходятъ слухи, что «Русскій Рабочій» издается какими-то великосвѣтскими дамами. Если это не вѣрно, то очень вѣроятно. Отъ него такъ и отдааетъ духами тѣхъ милыхъ дамъ, которыя даже такимъ саркастическимъ умамъ, какъ князь Мещерскій и г. Лѣсковъ, даютъ обильную пищу. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, чтобы, кромѣ этихъ раздупленныхъ пѣтистоукъ, несчастныхъ, рвущихся и къ лорду Редстоку, и еще Богъ вѣсть куда, нашлись какіе-нибудь люди, способные издавать такую белиберду, какъ «Русскій Рабочій». Во всѣхъ трехъ до сихъ поръ вышедшихъ тетрадахъ нѣтъ даже ни малѣйшаго проблеска пониманія задачи народнаго изданія и условій жизни русскаго рабочаго. Издатели, редакція, авторы точно отсюда-нибудь съ луны слетѣли. Впрочемъ, «авторовъ» въ «Русскомъ Рабочемъ», кажется, совсѣмъ нѣтъ, а есть только переводчики. У этого «Русскаго Рабочаго»

Вся англійская складка:

И такъ же онь сквозь зубы говорить,

И такъ же коротко остриженъ для порядка.

Картинки, текстъ, программа — все, очевидно, англійскаго происхожденія. Простодушіе идетъ такъ далеко, что берется, напримѣръ, какой-нибудь англійскій рассказъ и въ немъ какой-нибудь Джонъ подмѣняется Егоромъ Петровымъ, а весь англійскій союзъ остается неприкосновеннымъ, такъ что даже на картинкѣ Егоръ Петровъ щеголяетъ въ костюмѣ англійскаго рабочаго. Иногда, впрочемъ, Джонъ оставляется Джономъ, что, конечно, все-таки лучше. А то есть, напримѣръ, картина съ подписью: *Christus consolator*. Если редакція думаетъ, что все это можетъ быть скрашено изреченіями изъ евангелія, напечатанными гдѣ попало, въ видѣ какихъ-то заплатокъ среди текста, то, конечно, очень ошибается. Единственное употребленіе, какое русскій рабочій можетъ сдѣлать изъ «Русскаго Рабочаго», это вырвать картинки и наклеить ихъ на стѣну или на внутреннюю сторону крышки сундука. Мы вполне увѣрены, что такъ именно и дѣлается, и, если благодѣтельные ветлужане и воронежцы захотятъ быть откровенными, то подтвердятъ наше предположе-

ніе. Но какія однако глуности возможны въ нашемъ отечествѣ! совершенно даже патологическія глуности.

Исторія Вестова, Греци и Рима. Для обученія и самообразова-нія. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. Спб. 1878.

Книжка г. Корфа предназначается имъ не только для учащаго и учащагося міра, какъ учебное пособие, но и для прочтенія ея публикою. При этомъ, самъ авторъ такъ объясняетъ значеніе и характеръ своего сочиненія:

«Пишущій эти строки, говоритъ онъ:—вступая до сихъ поръ въ русскую печать только въ качествѣ посылнаго поборника земскаго начала и просвѣщенія и въ качествѣ педагога. Предлагаемая сегодня новая книга автора, посвященная, повидимому, специальному предмету изъ иной области, не имѣетъ, однако, нѣкихъ притязаній: это—не новое историческое изслѣдованіе по источникамъ, но *въ методическомъ отношеніи* совершенно самостоятельный опытъ изложенія исторіи, на основаніи лучшихъ научныхъ сочиненій по этому предмету, не имѣющій себѣ образца ни въ отечественной, ни въ иностранной литературѣ. Эта книга, не чуждаясь заимствованій, есть, тѣмъ не менѣе, результатъ десятилѣтняго преподаванія авторомъ всеобщей исторіи не дѣтямъ, которымъ, по мнѣнію автора, доступны лишь біографіи, но юношеству; эта книга—результатъ жизни автора и посылной оцѣнки имъ событій древняго міра и раньше его о нихъ высказанныхъ мнѣній. Полагая, что преподаваніе исторіи, продолжаетъ г. Корфъ:—должно быть политическимъ *воспитаніемъ* юности, и что осуществленіе земскаго начала и просвѣщенія массы въ настоящемъ возможно только подъ условіемъ уразумѣнія законовъ развитія общества, указываемыхъ исторіею, авторъ, внося сегодня свою скромную крупичку въ *историческую* литературу, чувствуетъ себя въ сферѣ *педагогич.*, въ своей старой сферѣ; онъ былъ бы счастливъ, еслибы предлагаемой книгой удалось хоть въ комъ-нибудь возбудить *любовь* къ исторіи и потребность заняться ею, какъ предидущей дѣятельностію своею удалось, быть можетъ, автору возбудить въ комъ-нибудь *любовь* къ народной школѣ и земскому дѣлу».

Далѣе г. Корфъ объясняетъ, что въ школѣ предлагаемый учебникъ долженъ служить главнымъ образомъ канвою для бесѣды учителя при *систематическомъ* курсѣ исторіи и для повторенія пройденнаго учениками. При этомъ, по словамъ г. Корфа, «около четырехъ или пяти страницъ книги stanno, въ большинствѣ случаевъ, на часовую лекцію учителя, если учитель ограничится однимъ лишь выясненіемъ и развитіемъ матеріала, предлагаемаго его книгой». Между читающею публикою исторія г. Корфа предназначается преимущественно для «автодидактовъ», не получившихъ систематической научной подготовки. Для такихъ лицъ существенно важна книга, «которая, при сравнительно-ничтожной затратѣ денегъ, времени и труда, помогла бы нажить въ міросозерцаніи извѣстныя путеводныя нити и точки, къ которымъ затѣмъ пріурочивалось бы чтеніе, которая помогла бы систематизировать воспринимаемое чтеніемъ и по возможности избѣжать чтенія случайнаго». Удовлетворить этой потребности и должна исторія г. Корфа. Но она не бесполезна также по мнѣнію автора, и для лицъ, систематически изучавшихъ исторію, и они найдутъ въ ней кой-что новое. Все это говоритъ о своей книгѣ самъ г. Корфъ. Какъ можно видѣть, притязанія

Т. ССХХХVI. — Отд. II. 5

автора немалы и даютъ право предъявить серьезныя требованія къ его сочиненію. Но, къ сожалѣнію, исторія г. Корфа не выдерживаетъ не только строгихъ, но и снисходительныхъ требованій. Не говоря уже о томъ, что книгу нискоимъ образомъ нельзя разсматривать, какъ какую-нибудь, хотя и скромную «крупицу» въ собственно исторической литературѣ, она не можетъ быть названа удовлетворительною даже и въ скромномъ значеніи простого учебника. Мы не знаемъ, на основаніи какихъ именно «лучшихъ» научныхъ сочиненій г. Корфъ составилъ свой трудъ—онъ нигдѣ ихъ не называетъ—но должны замѣтить, что онъ, во всякомъ случаѣ, не вычиталъ изъ этихъ сочиненій ничего такого, чтò не помѣщалось бы въ обыкновенныхъ историческихъ учебникахъ. По крайней мѣрѣ, нельзя назвать ни одного разряда историческихъ фактовъ, который былъ бы изложенъ въ его книгѣ обстоятельнѣе или серьезнѣе, нежели это дѣлается въ самыхъ посредственныхъ курсахъ. И «культура-исторія», какъ называется ее г. Корфъ, и исторія политическая трактуются одинаково поверхностно и мѣстами замѣчательно плоско. Приведемъ, на примѣръ, для образца изложенія г. Корфа, слѣдующую характеристику такого важнаго историческаго явленія, какъ буддизмъ. «Такъ какъ, говоритъ г. Корфъ на страницѣ 11:—религію браминовъ поддерживалась разобщенность между кастами, то масса, страдавшая отъ такого порядка вещей, и многіе изъ членовъ трехъ низшихъ кастъ отнеслись сочувственно къ проповѣди весьма добродѣтельнаго человѣка, прозваннаго за мудрость «Будда» (мудрецъ), на 29 году своей жизни, въ слѣдствіе размышленій, вызванныхъ въ немъ видомъ трупа, выступившаго съ своею проповѣдью и умершаго въ глубокой старости въ 540 году до Рождества Христова. Будда, допуская переселеніе душъ, такъ называемую «метампсихозу», отвергалъ боговъ браминовъ и возставалъ противъ законовъ о кастахъ, освященныхъ религію браминовъ». Представьте себѣ положеніе «автодидакта», который, набравшись отрывочныхъ свѣдѣній о буддизмѣ, обратится за «руководящею нитью» къ книгѣ г. Корфа и узнаетъ, что Будда былъ весьма добродѣтельный человѣкъ и умеръ въ старости, и что видъ разлагающагося трупа можетъ производить событія огромной важности! Подобныя только-что приведенной характеристики историческихъ событій и историческихъ личностей встрѣчаются у г. Корфа на каждомъ шагу. Захочетъ онъ, на примѣръ, освѣтить древнія учрежденія сравненіемъ съ новыми (на подобныя сравненія г. Корфъ особенно напиралъ), на какія же стороны онъ обращаетъ вниманіе? Ему представляется существенно важнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что какъ въ Англии законъ проходитъ чрезъ двѣ палаты, такъ и въ древнемъ Римѣ законъ, принятый центуриями, получалъ силу лишь по утвержденіи его куріатскими комиціями; затѣмъ, самыя куріи и центурии сравниваются по составу съ палатами парламента и даже съ дворянскими и земскими собраніями, но ни-

гдѣ ни однимъ словомъ не упоминается о самомъ существенномъ отличіи старинныхъ политическихъ учреждений отъ новѣйшихъ, заключающемся въ полномъ отсутствіи въ нихъ *представительнаго* характера. Вообще, изложеніе г. Корфа можно характеризовать тѣмъ, что онъ гораздо болѣе обращаетъ вниманія на внѣшнія черты явленій, съ которыми имѣетъ дѣло, нежели на ихъ сущность, а такое свойство, конечно, уже нисколько не благоприятствуетъ тѣмъ дѣламъ, которыми онъ задается.

Г. Корфъ видитъ заслугу своего учебника въ томъ, что онъ будто бы приближаетъ древній міръ къ новому, дѣлаетъ его болѣе осязательнымъ (ст. XV). Насколько внѣшни у него приемы такого сближенія, мы уже отчасти видѣли на примѣрѣ сравненія англійскихъ и римскихъ учреждений. Упомянемъ еще объ одномъ пунктѣ, на который напиралъ г. Корфъ, тоже въ видахъ сближенія древняго міра съ новымъ. Мы говоримъ о переводѣ на русскій языкъ греческихъ и латинскихъ словъ, входящихъ въ учебникъ. «Разложеніемъ и переводомъ такихъ словъ, какъ саркофагъ, олигархія, метрополія и т. д., мы надѣемся не только повліять на общее развитіе, но и сближить ученика съ древнимъ міромъ, который представляется ему тѣмъ-то крайне отвлеченнымъ, не имѣющимъ связи съ настоящимъ; узнать же, что русское слово «вѣдать» имѣетъ свои корни уже въ названіи ведъ древней Индіи, что слово «поганый» произносилось уже полторы тысячи лѣтъ тому назадъ (paganus) римлянами — значитъ однимъ разомъ больше понять, насколько настоящее порождено прошедшимъ, а въ этомъ весь смыслъ исторіи». Нѣтъ сомнѣнія, что исторія языка можетъ во многомъ освѣтить исторію народа, но думать, что того же можно достигнуть и поверхностнымъ этимологическимъ объясненіемъ того или другого слова — довольно наивно. Во всякомъ случаѣ, г. Корфу, если уже онъ придаетъ такое значеніе этимологіи историческихъ терминовъ, надлежало озаботиться, чтобы иностранныя слова стояли у него правильно, а то какъ-то странно встрѣчать небывалыя греческія глаголы, въ родѣ: «филось» — любовь, или переводъ слова «діа» (черезъ) словомъ «два» и т. п.

Въ цѣломъ, впечатлѣніе, выносимое изъ прочтенія книги г. Корфа, настолько не сходится съ тѣмъ, которое можно бы ожидать по широковѣщательному къ ней предисловію, что самое это предисловіе получаетъ характеръ рекламы свойства. довольно не красиваго, если не предположить въ ней подглядки крайней наивности.

Фермы землевладѣнія у русскаго народа въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ особенностей. С. К...на. Спб. 1877 г.

Брошюра г. К...на составляетъ отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» вольноэкономическаго общества. Если мы не ошибаемся, она представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе подробное и резюмированное развитіе предложенія, сдѣланнаго авторомъ въ геогра-

*

фическомъ обществѣ—предложенія относительно организаціи подробнаго изслѣдованія существующихъ формъ крестьянскаго землевладѣнія. Предложеніе это встрѣчено было сочувственно и въ средѣ географическаго общества образована особая коммиссія изъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ, для выработки подробной программы этого изслѣдованія. Подобная же коммиссія составила и въ волюно-экономическомъ обществѣ. Будемъ надѣяться, что труды коммиссіи приведутъ къ результатамъ и облегчатъ изученіе одного изъ важнѣйшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одного изъ наименѣе изслѣдованныхъ явленій нашей жизни.

Мы отмѣчаемъ приведенные факты не только потому, что они сами по себѣ заслуживаютъ вниманія, но и потому еще, что имъ нельзя отказать въ извѣстной знаменательности. Возрастаніе интереса къ такому существенному и жизненному вопросу, какъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, и болѣе трезвое отношеніе къ этому вопросу можно считать добрымъ признакомъ для состоянія общественной атмосферы, а если за разработку дѣла принимаются наши ученые общества, вообще не отличающіеся особенною чуткостью къ жизненнымъ требованіямъ — то можно заключить навѣрное, что интересъ къ общинѣ дѣйствительно назрѣлъ, и назрѣлъ серьезно. Повидному, то легковѣсное третигованіе ея, которое еще такъ недавно господствовало въ различныхъ проектахъ преобразованія сельскаго быта (большинство вторыхъ влилось въ освобожденію крестьянъ отъ земли), уже не можетъ имѣть долге мѣста.

Г. К...нъ, горячо вооружается противъ подобнаго легкаго отношенія къ наиболѣе насущному нашему внутреннему вопросу. Онъ замѣчаетъ весьма справедливо, что общинный принципъ такъ крѣпко сросся со всѣмъ строемъ жизни народной массы (по крайней мѣрѣ, великорусскаго племени), что разрушеніе общины предполагаетъ радикальную ломку этого строя. Чтобы предлагать такую ломку, казалось, нужно бы предварительно внимательно и подробно изучить институтъ общины и выяснить связь его съ мѣстными условіями и съ прочими сторонами общественной жизни. Общинная система имѣетъ множество своеобразныхъ формъ, много различныхъ видоизмѣненій и, очевидно, способна приспособляться къ различнымъ условіямъ и обстоятельствамъ; поэтому отрицать самый принципъ общины, во имя какаго бы то ни было требованія, можно только убѣдившись, что принципъ этотъ неспособенъ удовлетворить сказанному требованію ни въ какой своей формѣ. Едва ли нужно доказывать, что наши отрицатели общины совершенно не стояли на этой почвѣ; да и какъ могли они стоять на ней, когда различныя формы общиннаго быта не обследованы хорошенько и по сіе время. Большинство отрицательныхъ проектовъ грѣшило и въ другомъ отношеніи. Требуя разрушенія общиннаго строя для созданія у насъ порядковъ земледѣльческой культуры, господствующихъ на западѣ, авторы этихъ проектовъ, повидному, не отдавали себѣ

яснаго отчета: на сколько дѣйствительно возможна у насъ западная культура по другимъ условіямъ, совершенно независящимъ отъ системы землевладѣнія, и тѣмъ именно объясняется плохое состояніе нашего земледѣлія? Г. С. К...нъ приводитъ для примѣра краткій очеркъ состоянія сельскаго хозяйства въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки. Анализъ условій этого хозяйства убѣждаетъ, что главнѣйшіе залого успѣшности хозяйственнаго строя названныхъ странъ лежатъ въ такихъ обстоятельствахъ, которыя совершенно отсутствуютъ у насъ. Усовершенствованныя системы земледѣлія невозможны безъ соотвѣтственнаго развитія обрабатывающей промышленности, извѣстнаго сосредоточенія и густоты населенія, улучшенныхъ путей сообщенія и т. п. Наконецъ, примѣненіе фермерскаго хозяйства предя полагаетъ существованіе въ населеніи извѣстнаго класса, хоть сколько нибудь подходящаго, по личнымъ условіямъ, къ классу западныхъ фермеровъ. Но, конечно, этихъ условій нѣчего искать въ тѣхъ личностяхъ, къ которымъ, по разрушеніи общины, по всей вѣроятности перешла бы земля изъ рукъ крестьянъ-общинниковъ.

Г. К...нъ не ограничивается однимъ разборомъ и доказательствомъ несостоятельности ходячихъ мнѣній о нашемъ землевладѣніи и земледѣліи. Онъ касается также положительной стороны вопроса и рассматриваетъ: что же именно нужно для усовершенствованія нашего сельскаго хозяйства и уничтоженія отличающаго его нынѣ хищническаго характера? Къ сожалѣнію, доводы автора въ этомъ отношеніи не всегда отличаются такою же убѣдительностью, какъ и его критика. На ряду съ положеніями вполне справедливыми и здравыми является значительная доля недосказаннаго и возбуждающаго недоумѣнія. Какъ уже было упомянуто выше, г. К...нъ ставитъ раціональное развитіе земледѣлія главнымъ образомъ въ зависимость отъ развитія обрабатывающей промышленности и, притомъ, въ такихъ формахъ, чтобы промышленность эта поддерживала сельскую и предохраняла почву отъ истощенія, неизбежнаго при сбытѣ на сторону наибольшей части земледѣльческихъ продуктовъ. Что касается общинной системы, то, по мнѣнію автора, она не только не препятствуетъ правильному веденію хозяйства, но, напротивъ того, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ для него подспорій. Въ особенности это нужно сказать о высшей формѣ развитія общины, именно—о формѣ *производительной ассоціаціи* или земледѣльческой артели; примѣры этой формы мы встрѣчаемъ и нынѣ, а сродность ея складу русской народной жизни доказывается широкимъ распространеніемъ артелей промышленныхъ. Все это совершенно справедливо, но далеко не исчерпываетъ вопроса. Г. К...нъ обращаетъ слишкомъ мало вниманія на тѣ ближайшія непосредственныя препятствія, которыя задерживаютъ всякое развитіе крестьянскаго хозяйства. Мы говоримъ о неоспоримой, подтвержденной офици-

альными и земскими исследованиями недостаточности крестьянских надѣловъ и о чрезмѣрномъ обремененіи крестьянской земли налогами. Безъ устранения этихъ препятствій нечего и думать о поднятій сельскохозяйственной культуры. Г. К...нъ находитъ, что, при соединеніи нѣсколькихъ участковъ для работы на нихъ сообща и при извѣстномъ, правильномъ распределеніи рабочихъ силъ такимъ образомъ, чтобы извѣстная часть ихъ занята была земледѣльскою, а другая подспорною ей и перерабатывающею на мѣстѣ земледѣльческіе продукты промышленностью — правильное и успѣшное хозяйство возможно и на настоящихъ крестьянскихъ надѣлахъ. Предположимъ, что это такъ. Но вѣдь развитіе общиннаго строя можетъ происходить только естественно, само собою; точно также и здоровая промышленность можетъ явиться лишь при возвышеніи благосостоянія массъ, при образованіи извѣстныхъ избытковъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Оба эти благоприятныя условія для производительности крестьянскаго труда, не могутъ быть созданы извнѣ. Г. К...нъ, повидимому, и не хочетъ этого; но, съ другой стороны, онъ и не даетъ въ своемъ сочиненіи отвѣта на то: какимъ же именно путемъ они могутъ создаться, безъ приведенія, тѣмъ или другимъ способомъ, въ соотвѣтствіе съ насущными нуждами крестьянина, доходовъ, получаемыхъ имъ отъ земли при *настоящей* системѣ хозяйства? Г. К...нъ считаетъ современною задачею русской интеллигенціи — хлопотать всѣми силами о скорѣйшемъ возникновеніи въ густо населенныхъ мѣстностяхъ Россіи такого распределенія промышленности, которое необходимо для правильнаго сельскаго хозяйства (стр. 87). Но, не говоря уже о томъ, что русская интеллигенція вовсе не представляетъ достаточно сильнаго для подобнаго дѣла экономическаго элемента, самое возникновеніе значительной промышленности внѣ намѣченнаго выше естественнаго пути, если бы оно и было возможно, едва ли могло бы привести къ тѣмъ благимъ результатамъ, которыхъ желаетъ авторъ.

Несмотря на указанную недоговоренность и недостаточность нѣкоторыхъ положеній, трудъ г. К...на, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія, и нельзя не пожелать всякаго успѣха основной его цѣли — подвинуть наши научныя силы на изученіе различныхъ проявленій общиннаго принципа въ народной жизни.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отвѣтъ на письмо г. Черняева. — Отвѣтъ на статью, написанную по поводу этого письма г. Гилдровичъ-Платоновичъ. — Необходимость мира для Россіи. — Положеніе жидиновъ.

Въ 353 № «Современныхъ Извѣстій» напечатано письмо бывшаго предводителя сербско-тимокской арміи Черняева, обращенное къ внутреннему обозрѣвателю «Отечественныхъ Записокъ», т. е. ко мнѣ, съ предисловіемъ, кромѣ того, мнѣ же похвалою отъ редакціи «Современныхъ Извѣстій». Похвалою этой, въ своемъ родѣ очень замѣчательной, я займусь потомъ, а теперь дамъ отвѣтъ на письмо историческаго человѣка.

Прежде всего, письмо г. Черняева удивило меня тѣмъ, что онъ видитъ во мнѣ своего врага, старающагося опорочить тѣмъ-нибудь его дѣятельность, и притомъ голословно, безъ всякихъ основаній, тогда какъ многіе, читавшіе мое внутреннее обозрѣніе за декабрь позапрошлаго года, писанное вскорѣ послѣ дьунишскаго пораженія, упрекали меня въ пристрастіи къ г. Черняеву, въ томъ, что я будто бы желаю оправдать его во чтѣ бы то ни стало. И, дѣйствительно, всякій, кто внимательно прочтеть

мое поманутое обозрѣніе, будетъ имѣть болѣе права причестъ меня къ увлеченнымъ поклонникамъ г. Черняева, чѣмъ къ его врагамъ и ненавистникамъ, хотя, конечно, я не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Когда послѣ дьонинскаго пораженія на г. Черняева посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія, я старался доказать неосновательность этихъ обвиненій, указывая на ту истинную точку зрѣнія, съ которой должна быть оцѣниваема его дѣятельность въ сербской войнѣ.

Обвинители г. Черняева хотѣли разсматривать его дѣятельность какъ полководца, какъ политика; съ этой точки зрѣнія, дѣятельность г. Черняева, конечно, не могла выдержать никакой критики. Вся сербская война была непрерывнымъ рядомъ ошибокъ военныхъ и политическихъ. Это было ясно уже и послѣ дьонинскаго пораженія, а нынѣшняя война съ Турціею доказала это съ такою очевидностью, что, я думаю, ни одинъ сколько-нибудь грамотный человекъ не можетъ въ этомъ сомнѣваться.

400,000 русскаго войска, отлично вооруженнаго, постоянно пополнявшаго свои убыли въ людяхъ новыми свѣжими силами, владѣвшаго громаднымъ запасомъ денежныхъ средствъ для веденія войны, вмѣстѣ притомъ съ присоединенными силами Румыніи — равняющимися силамъ Сербіи, но только лучше организованными и устроенными—должны были бороться цѣлыя девять мѣсяцевъ, чтобы сломить Турцію, а г. Черняевъ хотѣлъ покорить Турцію съ 100,000 сербской милиціи и 2000 русскихъ добровольцевъ—арміею жалкой, плохо вооруженной, неимѣющей никакого опредѣленнаго источника денежныхъ средствъ для веденія войны, перебивающейя единственно случайными пожертвованіями изъ Россіи. Чтѣ мы отсюда должны заключить? Одно изъ двухъ: или, взявшись предводительствовать сербскою арміею, г. Черняевъ не имѣлъ никакого понятія о дѣйствительныхъ силахъ Турціи, считалъ ее чѣмъ-то въ родѣ покореннаго имъ Ташкента, или ему хорошо были извѣстны дѣйствительныя силы Турціи и онъ зналъ, что ничтожной сербской арміи съ турками нечего и думать справиться, однако-жь, взялся за предводительство этой арміею въ качествѣ любителя и искателя приключеній. Я такъ вѣрю въ честность и прямоту характера г. Черняева, что никакъ не могу допустить послѣдняго предположенія; потому принимаю первое, т. е. думаю, что, когда г. Черняевъ брался пред-

водительствовать сербской арміей, онъ не имѣлъ яснаго понятія о дѣйствительныхъ силахъ Турціи.

Я долженъ сказать, однако-жь, что, какъ бы первоначально ни было велико невѣдіе г. Черняева о силахъ Турціи, онъ имѣлъ вскорѣ полную возможность убѣдиться въ противномъ. Война Сербіи, какъ я писалъ и въ декабрьскомъ моемъ обозрѣніи, имѣла смыслъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы Сербія была въ силахъ поднять Болгарію и вмѣстѣ съ нею биться за очищеніе отъ турокъ Болгаріи и вообще славянскихъ земель, занятыхъ турками. Разъ этого не случилось, разъ вторженіе въ Болгарію не удалось, продолженіе войны становилось дѣломъ бессмысленнымъ, ибо бессмысленно было, объявивъ войну для освобожденія славянъ, наперечъ потомъ всѣ силы страны на защиту собственныхъ границъ, на которыя до войны никто не нападалъ и не могъ напасть, такъ какъ Сербія была гарантирована отъ всякаго вторженія дѣломъ Европою. Но продолженіе войны было дѣломъ не только бессмысленнымъ, но и опасно-бессмысленнымъ, потому что, продолжая безнадежную войну, Сербія, во-первыхъ, подвергала себя, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, опасности полнаго опустошенія и раззоренія, каковое съ нею, непремѣнно и случилось бы послѣ дьюинскаго пораженія, еслибы турки не были остановлены словомъ русскаго царя; во-вторыхъ, съ каждымъ днемъ продолженія безнадежной войны она отнимала у себя въ глазахъ Европы шансы на восстановленіе того независимаго положенія, которое ей было гарантировано Европою и право на которое она сама потеряла самымъ объявленіемъ войны Турціи. Всякой другой полководецъ на мѣстѣ Черняева, разъ вторженіе въ Болгарію не удалось, самъ немедленно посоветовалъ бы Сербіи немедленно заключить миръ. Г. Черняевъ, напротивъ, не только помѣшалъ князю Милану заключить миръ, когда тотъ, видя невозможность счастливаго исхода войны и не желая раззорять страны, вступилъ въ переговоры о мирѣ, но и провозгласилъ Милана королемъ Сербіи. — Точно какъ будто Турція была уже въ его рукахъ и силы его были такъ велики, что онъ былъ увѣренъ, что Европа не посмѣетъ сопротивляться этому рѣшительному имъ возведенію Сербіи въ рангъ королевства! Чѣмъ и какъ объяснить всѣ эти дѣйствія г. Черняева? — Еслибы г. Черняевъ былъ любитель и искатель приключеній, то все

это объяснялось бы легко само собою. Но я уже сказалъ, что не могу допустить этого, и потому могу предположить только одно—что г. Черняевъ былъ увлеченъ идеею славянской дотога, что онъ и теперь, какъ и въ началѣ войны, не понималъ своего положенія, не имѣлъ попрежнему яснаго представленія о силахъ Турціи, не видѣлъ громаднаго превосходства этихъ силъ надъ тою ничтожною арміею, которою онъ располагалъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня и то самообольщеніе, которое г. Черняевъ питалъ относительно своихъ укрѣпленій. Сидя въ Алексинацѣ, онъ увѣрялъ, что турки ни подъ какимъ видомъ не проникнутъ помимо алексинацкихъ укрѣпленій въ Сербію. Когда-же турки обошли Алексинацъ тѣмъ именно путемъ, который задолго уже до этого былъ указываемъ иностранными газетами и который все таки не былъ предусмотрѣнъ сербскою арміею, тогда г. Черняевъ, засѣвъ въ Делиградѣ, сталъ говорить о неприступности Делиграда и о той засадѣ, которую онъ приготовилъ тамъ для турокъ. До самого дѣянишкаго пораженія мы все читали въ газетахъ извѣстія о томъ, что *турки сидятъ съ мимикъ* и что възъ этого мѣшка имъ теперь нѣтъ выхода.

Имѣя въ виду всѣ эти промахи и ошибки, которыя, только благодаря счастливой случайности, не покончили для Сербіи полнымъ раззореніемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердо вѣря въ прямоту и честность характера г. Черяева, я никакъ не могъ признать справедливыми тѣ обвиненія, которыя строились на разсмотрѣніи его дѣятельности какъ полководца и политика. Никакой полководецъ, даже самый посредственный, и никакой политикъ такъ дѣйствовать не могъ. Такъ могъ дѣйствовать только или авантюристъ, или человѣкъ, всецѣло поглощенный извѣстною идеею, человѣкъ Божій, убѣжденный, что на него свыше возложена миссія осуществить эту идею и что онъ обязанъ бороться во чтѣ бы то ни стало, чтобы выполнить свою миссію, довести ее до конца. Вотъ почему въ моемъ декабрьскомъ обзорѣни я писалъ: «Генералъ Черняевъ имѣетъ для насъ единственное значеніе перваго волонтера русскаго движенія за славянское дѣло, который, вслѣдствіе этого, былъ центромъ русскаго движенія въ Сербіи и во все время сербской войны исполнялъ эту свою миссію, которою оддело его русское общество, со всѣмъ усердіемъ, какъ умѣлъ. Еслибы не только

вслѣдствіи, но сейчасъ, самымъ несомнѣннымъ образомъ было доказано, что г. Черняевъ не имѣлъ ни способностей стратега, ни способностей начальника, ни даже нравственныхъ качествъ, это могло бы имѣть значеніе для его личной исторіи и для исторіи сербской войны, а не для нашихъ къ нему отношеній. Для насъ онъ всегда будетъ имѣть неоспоримое значеніе, какъ человѣкъ, который не только бился изъ всѣхъ силъ, чтобы исполнить ту миссію, которою мы его облекли, но который реализовалъ наше славянское движеніе, до известной степени усиливъ его и далъ ему правильный истокъ и направленіе, который, однимъ словомъ, въ известную данную минуту—былъ для насъ мужемъ, единственно потребнымъ не потому, чтобы онъ былъ лучший, но потому что онъ первый вступилъ на настоящій путь и указалъ его другимъ. Несомнѣнно, что не тысяча, а десятки тысячъ людей были способнѣе Петра-пустынника вести первыхъ крестоносцевъ въ святую землю, но народъ выбралъ его, бывшаго простаго солдата, въ предводителя потому, что ему первому пришла мысль идти туда, и, чтобы осуществить ее, онъ всю свою душу вложилъ въ это дѣло и, хотя походъ подъ его предводительствомъ имѣлъ плачевный конецъ, но мысль его не умерла, и заслуга перваго крестоносца осталась за нимъ на всегда» и т. д.

Подъ всѣмъ тѣмъ, что говорится въ этомъ извлеченіи о дѣятельности Черняева въ Сербіи, я готовъ подписаться и теперь. Я не нахожу другой точки зрѣнія, болѣе вѣрной, для оцѣнки этой дѣятельности. Не знаю, читалъ ли г. Черняевъ мое декабрьское обозрѣніе позашедшаго года. По всей вѣроятности, не читалъ. Иначе онъ сказалъ бы что-нибудь въ разрѣшеніе приведенныхъ мною выше недоумѣній, которыя представляетъ его дѣятельность въ Сербіи, тѣмъ болѣе, что самъ г. Черняевъ склоненъ думать, что никакихъ такихъ недоумѣній не существуетъ, что дѣло велось наилучшимъ образомъ. Говоря объ отличной дѣятельности своего штаба, г. Черняевъ пишетъ, между прочимъ: «Безъ твердой организаціи штаба и всего командованія, борьба сербской милиціи была бы немыслима противъ превосходной въ силахъ турецкой регулярной арміи, противъ той самой арміи, предводимой тѣми же самыми пашами, съ которыми мы боремся и теперь на Дунаѣ уже восьмой мѣсяць. Дѣйствительность говоритъ сама за себя, и обвинения въ нераспорядительности делиградскаго штаба падаютъ сами собой». Хотя я ни въ моемъ помянутомъ декабрьскомъ обозрѣніи, г. Черняевымъ, какъ я предполагаю, нечитанномъ, ни въ послѣднемъ октябрьскомъ, имъ читанномъ, ни слова не говорилъ о военной распорядительности, объ исполнительности штаба и о командованіи вообще, а велъ только рѣчь о тратѣ денегъ; но, такъ какъ г. Черняевъ счелъ нужнымъ воспутъ и военной стороны дѣла, и сопоставить сербскую войну съ нынѣшнею, то не могу и я кратко не замѣтить, что взглядъ г. Черняева въ этомъ случаѣ

крайне ошибоченъ. Г. Черняевъ забылъ самое главное, а именно— что дѣятельность его арміи, положимъ, образцово державшейся, въ кондѣ-кондоѣ, кончилась страшнымъ дынешскимъ пораженіемъ, которое предало всю Сербію во власть турокъ. При такомъ печальномъ исходѣ дѣла, вопросъ о томъ: какъ держала себя ничтожная сербская армія противъ превосходящихъ силъ турокъ нигдѣ бы значеніе только тогда, когда бы было несомнѣнно доказано, что ей было необходимо во что бы то ни стало драться съ турками. А между тѣмъ, остается пока недоказаннымъ даже и то: слѣдовало ли съ такою ничтожною арміею начинать войну? тѣмъ болѣе: слѣдовало ли продолжать ее и даже настаивать на продолженіи, въ виду очевидной безнадежности успѣха? Слѣдовало ли безполезно губить тысячи людей, только для того, чтобы потомъ отдать на разореніе неприятелю всю страну? Вотъ вопросы, о разрѣшеніи которыхъ долженъ былъ бы подумать г. Черняевъ прежде, чѣмъ хвалиться стойкостію арміи. Безцѣльная стойкость арміи, ведущая за собою только гибель людей, разореніе страны, ничего, кромѣ порицанія, заслуживать не можетъ.

Обращаясь къ беспорядочному расходованію денегъ въ штабѣ моравско-тимокской арміи, считаю нужнымъ предварительне сказать, что я никогда ни единымъ словомъ, ни намекомъ не бросалъ подозрѣнія на личность самого г. Черняева и не могъ даже этого дѣлать, потому что, по рассказамъ людей, знавшихъ Черняева еще въ Ташкентѣ, былъ совершенно убѣжденъ въ его личномъ безкорыстіи. Подвергалась только и подвергается сомнѣнію—и не мною однимъ, а очень многими—дѣятельность людей, заправлявшихъ штабомъ тимокско-моравской арміи, и дѣлается это не безъ основанія. О злоупотребленіяхъ по штабу въ расходованіи денегъ писалось очень много, и обвиненія, взводимыя на штабъ, до сихъ поръ остаются неопровергнутыми. Отчета по расходованію присылавшихся изъ Россіи пожертвованій до сихъ поръ также никто не даетъ никакого. Какъ г. Комаровъ, бывший начальникомъ штаба, такъ и другіе два сотрудника г. Черняева по «Русскому Міру», игравшіе также значительную роль въ штабѣ, или упорно молчатъ на обращеніе къ нимъ вопросы, или отдѣлываются огульнымъ заявленіемъ, что все, дескать, происходило тамъ наилучшимъ образомъ. Понятно, что ни молчаніе, ни подобное кавалерское расшаркиваніе передъ публикой бывшихъ заправителей штаба нисколько усновить не могутъ напротивъ: они только раздражаютъ, только усиливаютъ подозрѣнія и даютъ каждому право признавать вполне справедливыми взводимыя на нихъ обвиненія. Г. Черняевъ говоритъ, что я обвиняю штабъ сербской арміи *голословно*. Какъ *голословно*! Вѣдь обвиненія на штабъ нигдѣ еще не опровергнуты; отчетности по расходованію суммъ штабомъ до сихъ поръ нѣтъ никакой. Какія же еще нужны данныя для обвиненія, чтобы оно было не *голословно*?

Съ болѣющимъ основаніемъ я нигдѣ бы право назвать голо-

словнымъ то заявленіе, которое дѣлаетъ генералъ Черняевъ въ защиту своего штаба. Сообщивъ на память валовую цифру полученныхъ штабомъ денегъ, точность которой ничѣмъ не подтверждена, и потомъ указавъ также на память главныя статьи расходовъ, безъ указанія даже приблизительныхъ цифръ расхода, г. Черняевъ затѣмъ утверждаетъ, что поступленіе и расходование суммъ въ штабѣ было совершенно правильное, на томъ единственно основаніи, что «всѣ расходы, говорить онъ:—до самыхъ ничтожныхъ, дѣлались не иначе, какъ по приказамъ за моею подписью; штабъ непосредственно никакихъ расходовъ не могъ дѣлать отъ себя». Вѣрю вполне въ искренность и правдивость этого заявленія, но поэтому самому не могу не сказать, что его могъ написать только человекъ, не вѣдающій ни добра, ни зла въ денежныхъ счетахъ. Нѣтъ такого учрежденія, гдѣ бы приказаны по расходованію денежныхъ суммъ подписывалъ кто-нибудь другой, а не главный начальникъ учрежденія; и, однакожь, злоупотребленій по расходованію суммъ встрѣчается множество во всѣхъ учрежденіяхъ. Ни одинъ понимающій дѣло начальникъ не рѣшится сказать, что у него никакихъ злоупотребленій по денежной части не было и нѣтъ, на томъ только основаніи, что всѣ бумаги подписываетъ онъ самъ. Точно также ни одинъ понимающій дѣло начальникъ не рѣшится давать отчетъ о расходованіи денежныхъ суммъ *на память*, не имѣя въ рукахъ никакихъ документовъ, отъѣхавъ, притомъ, на тысячу верстъ отъ мѣста, гдѣ расходовались эти суммы. Если г. Черняевъ сдѣлалъ это, то опять-таки это ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, какъ его благодушіемъ и гуманнымъ желаніемъ прикрыть свой штабъ отъ нареканій, въ чемъ онъ и самъ удостоивается, говоря, что его заставили взяться за перо обвиненія противъ бывшаго его штаба. Намъ страннымъ при этомъ представляется только вотъ что: обвиненія противъ штаба тимокско-моравской арміи явились не вчера, и не сегодня. Они высказывались въ то самое время, когда велась сербская война. Если генералъ Черняевъ не хотѣлъ себя раздѣлать отъ штаба, и принималъ полную отвѣтственность за всѣ его дѣйствія, то почему онъ тогда же, послѣ перваго появившагося обвиненія, не сдѣлалъ распоряженія, чтобы велась обстоятельная отчетность для Россіи о всѣхъ получаемыхъ отсюда и расходующихся суммахъ? При такой отчетности, не нужно было бы никакихъ разговоровъ; всякія нареканія на штабъ пали бы сами собою. Впрочемъ, и теперь, вмѣсто того, чтобы защищать штабъ только своимъ авторитетнымъ словомъ, которое въ денежныхъ дѣлахъ никакой убѣдительности ни для кого имѣть не можетъ, генералъ Черняевъ могъ затребовать болѣе точныя свѣдѣнія отъ бывшихъ своихъ начальниковъ штаба и ихъ опубликовать.

Обращаюсь теперь къ рассмотрѣнію того составленнаго *на память* отчета, который даетъ генералъ о приходѣ и расходѣ суммъ въ штабѣ тимокско-моравской арміи. Читателя же прошу

предварительно познакомиться съ этимъ отчетомъ въ приложенномъ ниже письмѣ г. Черняева. Хотя и не все, что говорится въ письмѣ, относится къ отчету; но я помѣщаю письмо цѣлкомъ, такъ какъ оно, само по себѣ, какъ письмо историческаго человека, должно имѣть интересъ для читателя.

Всякій, кто внимательно прочтетъ набросанный въ письмѣ отчетъ генерала Черняева, убѣдится, что отчетъ этотъ не вноситъ никакой ясности въ дѣло и самъ по себѣ никакъ не въ состояніи устранить тѣхъ обвиненій, которыя дѣлались противу штаба.

Положимъ, что цифра поступленія денежныхъ суммъ, произведенная хотя и на память, приблизительно вѣрна, т. е. что въ штабъ поступило не болѣе 200,000 металлическихъ рублей. Но подъ исчисленными статьями расхода можно подписать какія угодно цифры, а слѣдовательно, сколько въ дѣйствительности истрачено—остается совершенно неизвѣстнымъ.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ говорится о содержаніи, отпускавшемся 646 русскимъ офицерамъ, смотря по чину, по 15 и по 7 червонцевъ въ мѣсяцъ, и 1806 рядовымъ—каждому по 1 червонцу въ мѣсяцъ. Причемъ прибавляется, что всѣ они удовлетворены этимъ жалованьемъ по 1-е ноября 1876 года. Но означенное здѣсь количество добровольцевъ было уже только къ концу войны. Въ первые мѣсяцы войны ихъ такъ много не было. Слѣдовательно, по этому расчету нельзя опредѣлить, сколько именно было израсходовано на содержаніе добровольцевъ, тѣмъ болѣе, что въ отчетѣ комиссіи по сбору пожертвованій, отправившей на войну 869 добровольцевъ, въ томъ числѣ 403 офицеровъ, значителся, что «на жалованье и содержаніе этихъ добровольцевъ въ арміи и ихъ возвращеніе комиссіею израсходовано 53,096 р. (См. Сводъ замѣчаній и проч. Мартянова, стр. 34)». Изъ этого ясно, что многіе добровольцы удовлетворяемы были жалованьемъ прямо отъ комиссіи, и не только жалованьемъ, а и деньгами на возвращеніе.

Потому и означенный въ статьѣ 7 письма г. Черняева расходъ на пособіе нѣкоторымъ офицерамъ при возвращеніи въ Россію долженъ быть очень незначителенъ. По крайней мѣрѣ, и въ отчетѣ генерала Дандевила значителся, что онъ на выдачу возвращавшимся добровольцамъ израсходовалъ 284,492 франка, выдавая офицерамъ по 180 франковъ, а нижнимъ чинамъ—по 108 франковъ, и такимъ образомъ отправилъ въ Россію офицеровъ 553 чел., а нижнихъ чиновъ 1259 чел.

Въ 3 статьѣ значителся о покупкѣ 5300 шинелей въ Австріи; между тѣмъ, ниже въ письмѣ, генераль Черняевъ говоритъ, что «одежду и продовольствіе сербское правительство отпускало натурой». Въ отчетѣ комиссіи по сбору пожертвованій значителся, что ею заготовлено 1200 шинелей изъ пожертвованнаго сукна, 4500 полушубковъ.

Привожу всѣ эти данныя только для того, чтобы показать,

какъ необходимъ обстоятельный съ точными данными отчетъ какъ о поступленіи денегъ въ штабъ тимокско-моравской арміи, такъ и о расходованіи ихъ. Генераль Черняевъ оказалъ бы великую услугу, еслибы онъ посоветовалъ бывшимъ своимъ начальникамъ штаба составить таковой отчетъ. Этимъ отчетомъ не только самъ штабъ очистился бы отъ всякихъ нареканій, но имъ внесены бы были свѣтъ и въ запутанныя дѣла комиссіи по сбору пожертвованій.

Считаю нужнымъ упомянуть и еще объ одномъ обстоятельстве, не выясненномъ въ письмѣ генерала Черняева. Онъ говоритъ, что изъ 200,000 металлическихъ рублей было израсходовано всего 160,000 р., и что, по окончаніи войны, за всѣми расходами осталось 40,000 металлическихъ рублей, хотя и не сообщаетъ, куда поступилъ этотъ остатокъ.

Между тѣмъ, въ дѣлахъ комиссіи по сбору пожертвованій нѣются слѣдующіе документы:

Отъ 6 сентября генераль Черняевъ телеграфировалъ комиссіи о высылкѣ ему денегъ на содержаніе русскихъ добровольцевъ, на отправленіе ихъ изъ Сербіи въ Россію, на пособіе раненымъ и другіе расходы. Но за сдѣланнымъ г. Дандевиллю порученіемъ ходатайство это отклонено.

Затѣмъ получена телеграмма отъ начальника штаба тимокско-моравской арміи (отъ 21 сентября № 8) слѣдующаго содержанія: «У насъ много прибывшихъ изъ Россіи; надо помочь. Очень много раненныхъ офицеровъ, много отправляется назадъ; организація волонтеровъ, помощь раненымъ турками на театрѣ военныхъ дѣйствій жителямъ. Расходъ денегъ громадный, наличность ничтожная. Главнокомандующій просилъ увѣдомить насъ, что онъ находитъ безусловно необходимымъ сосредоточеніе пожертвованій въ дѣйствующей арміи. Здѣсь суммы расходуются по прямому назначенію. Разсылка же суммъ по разнымъ рукамъ влечетъ лишь неправильное и неопредѣленное расходваніе ихъ». Телеграмма эта принята была комиссіей къ свѣдѣнію (т. е. оставлена безъ удовлетворенія).

Далѣе—телеграммы генерала Черняева: а) отъ 29 сентября: «Употребите всевозможныя усилія, чтобы 100,000 червонцевъ на счетъ сербскаго займа были безотлагательно высланы! Сдѣйствуйте всѣми силами. Спасайте»; б) отъ 30 сентября: «Увѣдомьте, пожалуйста, возможно скорѣе относительно займа вообще и вчерашней телеграммы въ особенности». По обсужденію этихъ телеграммъ, комиссія, въ засѣданіи 1-го октября, постановила: препроводить князю Милану 100,000 р. въ видѣ ссуды, генералу же Черняеву послать остатокъ своей кассовой наличности — 8,000 руб.

Во всемъ этомъ, какъ видитъ читатель, существуетъ какая-то неясность. По телеграммѣ генерала Черняева и его начальника штаба выходитъ, что касса еще въ сентябрѣ была почти-что пуста. «Расходъ громадный, наличность ничтожная»; между тѣмъ,

въ письмѣ своемъ генералъ Черняевъ пишетъ, что даже по окончаніи войны оказался остатокъ въ 40,000 металлическихъ рублей. Правда, въ письмѣ генерала Черняева есть, повидимому, объясненіе этому; именно онъ говоритъ: «упомянутая выше сумма 200,000 металлическихъ рублей поступала частями, по мѣрѣ пожертвованія, неожиданно, потому многія потребности были удовлетворены несвоевременно». На основаніи этого показанія, можно бы было предположить, что въ сентябрѣ касса, по недостатку пожертвованій, была истощена, но потомъ, въ октябрѣ, стали поступать большія пожертвованія и оказался избытокъ. Къ сожалѣнію, въ томъ же своемъ письмѣ, только въ другомъ мѣстѣ, самъ же генералъ Черняевъ и опровергаетъ свое показаніе. Именно онъ говоритъ: «всѣхъ пожертвованій изъ Россіи поступило въ штабъ около 250,000 рублей. Цифру эту тѣмъ легче мнѣ припомнить, что изъ нихъ 200,000 р. присланы были отъ двухъ петербургскихъ банковъ при письмахъ И. И. Глазунова». 200,000 руб., за вычетомъ 20% курсовыхъ, составятъ 160,000 металлическихъ рублей, т. е. ровно ту сумму, которая, по письму генерала Черняева, покрыла всѣ расходы до самаго окончанія войны. Изъ этого видно, вопервыхъ, что деньги поступили вовсе не мелкими кучами по частямъ, а въ два раза послана была вся та сумма, которая потребовалась на всѣ расходы по войнѣ; *во вторыхъ*—если деньги отъ банковъ были посланы и не лѣтомъ, какъ мнѣ помнится, то, во всякомъ случаѣ, не позже сентября; слѣдовательно, въ сентябрѣ касса никакъ не могла быть такою истощенною, какою она значится по телеграммамъ отъ 21, 29 и 30 сентября.

Въ заключеніе, повторю опять, что я высказываю всѣ эти данныя не съ какою иною цѣлью, какъ въ видахъ разъясненія дѣла, что генералъ Черняевъ легко можетъ сдѣлать, потребовавъ отъ своихъ бывшихъ начальниковъ штаба точныя свѣдѣнія. Генералъ Черняевъ напрасно упрекаетъ меня въ *необстоятельномъ*, какъ онъ выражается, отношеніи къ дѣлу и личностямъ. *Обстоятельность* всѣхъ внутреннихъ обзорѣвателей, а, слѣдовательно, и моя зависитъ волюнѣ отъ обстоятельности тѣхъ свѣдѣній, которыя даютъ о дѣлѣ ведущія его личности. Если эти личности не дадутъ никакихъ свѣдѣній или дадутъ только необстоятельныя свѣдѣнія, то не наша вина, если мы не будемъ имѣть той обстоятельности, какаю была бы желательна.

Теперь я долженъ сказать нѣсколько словъ о той похвалѣ, которую г. Гиляровъ счелъ нужнымъ почтить какъ меня, такъ и всѣхъ имѣвшихъ дѣявленіе говорить о штабѣ тимокско-моравско-арміи, снабдивъ для этого письмо генерала Черняева особымъ предисловіемъ. Я начну съ конца этого предисловія, въ которомъ г. Гиляровъ-Платоновъ такъ опредѣляетъ свое отношеніе къ генералу Черняеву: «Мы не имѣемъ права гордиться личными близкими отношеніями къ М. Г. Черняеву. Есть органы, ближе насъ къ нему стоящіе, и потому присылаю именно къ намъ обнародуемаго ниже такого важнаго историческаго документа, какъ

письмо Черняева въ редакцію «Современныхъ Извѣстій», признаемъ лучшимъ наградою за свои посильные труды на пользу освобождаемаго нынѣ славянства». По этому лакейскому тону читателю не трудно понять, что г. Гиляровъ-Платоновъ не можетъ говорить о генералѣ Черняевѣ иначе, какъ становясь на четвереньки. Въ такомъ положеніи имъ писано все предисловіе къ письму Черняева. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что совлекшись добровольно человѣческаго образа, г. Гиляровъ-Платоновъ лишился способности разсуждать по человѣчески и даже говорить по человѣчески. Во всемъ своемъ предисловіи онъ только и дѣлаетъ, что, ползая передъ генераломъ Черняевымъ, восклицаетъ: ты—Ермакъ XIX столѣтія! Ты выше миниатюрнаго Гарибальди! Ты выше Колумба! Ты превыше всѣхъ современниковъ! Мы должны молиться на тебя! Внуки наши не будутъ знать, гдѣ тебѣ поставить памятникъ: въ Ташкентѣ ли, на Балканскомъ ли Полуостровѣ, или въ другомъ мѣстѣ! Воображаю, что долженъ, читая все это, чувствовать несчастный генералъ Черняевъ! «Вотъ, думаетъ, нажилъ себѣ поклонника! совсѣмъ осрамилъ!» Зато, обращаясь къ намъ, г. Гиляровъ-Платоновъ не знаетъ мѣры своимъ ругательствамъ. Онъ обзываетъ насъ литературными квартальными, журнальными сыщиками, грязью, самооплеванными выродками народа. За что? — А вотъ послушайте за что: «и не загорятся краскою стыда, не отвернутся съ презрѣніемъ отъ самихъ себя самооплеваные выродки народа, вызвавшіе Черняева изъ суворовскаго уединенія, на помѣщенный ниже отвѣтъ? Слѣдите же покрыть лавровый вѣнецъ вѣнцомъ терновымъ, несите цѣпи Колумба, зажигайте костеръ Іоанны д'Аркъ!» Все дѣло видите въ томъ, что мы вызвали генерала Черняева изъ суворовскаго уединенія на отвѣтъ. Во-первыхъ, фактически это несправедливо: ни мы, ни другіе, писавшіе о штабѣ генерала Черняева, никогда ни однимъ словомъ, ни намекомъ не касались генерала Черняева; въ полной увѣренности въ личной честности генерала Черняева, всегда всѣ отдѣляли его отъ штаба. Я думаю, что даже и теперь, когда генералъ Черняевъ торжественно провозгласилъ, что онъ и штабъ—одно, приминуть это заявленіе благодушію и недоразумѣнію со стороны г. Черняева и по прежнему будутъ отдѣлять его отъ штаба. А, во-вторыхъ, еслибы мы и дѣйствительно вызвали генерала Черняева на отвѣтъ, то что-жъ тутъ преступнаго? Всѣ великіе люди давали и даютъ отчеты въ суммахъ, имъ ввѣренныхъ. Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе заботится объ этомъ. Отъ отчета иногда уклоняются только земскіе дѣятели, опустошившіе земскіе сундуки, да редакторы, употребившіе ввѣренныя имъ пожертвованія, собранныя на славянъ, по своему усмотрѣнію, какъ разсказываетъ московскій корреспондентъ «Виржевыхъ Вѣдомостей» (№ 7), о какомъ-то московскомъ редакторѣ. «Нѣтъ, говоритъ г. Гиляровъ-Платоновъ: — деньги давалъ крестьянину, а онъ не требуетъ отчетности и ни кого на то не упом-

помочивалъ!» Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы говорите о злоупотребленіяхъ компаніи Горвица, Когана, Грегори и требуете отъ нихъ отчетности? Здѣсь деньги давалъ томе крестьянинъ, и отчетности томе не требуетъ, тѣмъ болѣе нивого изъ сочинителей не уполномочивалъ требовать отчетности по нимъ. Да вѣдь и не въ Горвицѣ, Коганѣ и Грегори тутъ только сила. И Горвица, и Когана, и Грегори кто нибудь поставилъ и кто-нибудь за ними смотритъ. Что если и васъ будутъ обвинять въ томъ, что вы зовете къ отвѣту кого-нибудь, да уже не изъ суворовскаго удивленія, что гораздо извинительнѣе, такъ какъ у человѣка въ удивленіи есть время отвѣчать, и что вы несете цѣли Колумба и зажигае кострець Іоанны д'Аркъ!

Эхъ, г. Гиларовъ-Платоновъ! Что вамъ за охота и за расчетъ становиться на четвереньки, когда Господь Богъ далъ вамъ возможность и право ходить на двухъ ногахъ! Если вамъ лично внутренно не претитъ подобное положеніе, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы изъ вниманія къ своему званію редактора газеты, старались держать себя поприличію, памятуя, что русская литература находится и безъ того не въ аванжаѣ у сильныхъ міра сего. Да и генерала Черняева пожалѣли бы. Онъ видитъ вашу искреннюю привязанность къ нему, но ему, человѣку независимато характера, какъ показываетъ его прошлое, будетъ, пожалуй, совѣстно протягивать свою руку человѣку, становящемуся передъ нимъ на четвереньки въ виду цѣлой Россіи...

Наконецъ Турція смирилась... Она ищетъ мира и соглашается на тѣ требованія, которыя заявлены Россіей. Есть основаніе надѣяться, что миръ не за горами. Дай Богъ, чтобы эта надежда исполнилась. Покрытая побѣдными лаврами, Россія, тѣмъ не менѣе, находится въ крайнемъ напряженіи и нуждается въ мирѣ.

Бюджетъ на 1878 годъ опредѣляется такимъ образомъ: *доходъ*—560 сличкомъ милліоновъ, *расходъ*—сличкомъ въ 600 милліоновъ, дефицитъ около 40 милліоновъ. Дефицитъ этотъ предположено пополнить изъ рессурсовъ желѣзнодорожнаго фонда и изъ остатковъ двухъ внутреннихъ и одного внѣшняго займа прошедшаго года на войну. За всѣмъ тѣмъ, въ нынѣшнемъ году, если онъ будетъ мирный, государство будетъ озачебно консолидированіемъ бумажныхъ денегъ, число которыхъ возросло уже свыше милліарда. Если же бы война продолжилась, то, какъ объявляетъ министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, «для удовлетворенія чрезвычайныхъ на военныя надобности издержекъ должны быть приняты особыя мѣры». Въ томъ же докладѣ министръ говоритъ, что «превышеніе расходовъ надъ доходами въ нынѣшнемъ году происходитъ не отъ уменьшенія доходовъ, а отъ увеличенія расходовъ по двумъ новымъ внутреннимъ займамъ (въ 300.000,000 р.) на 17.000,000 р. и по заграничнымъ платежамъ—на 8.970,000 р., вслѣдствіе пониженія курса бумажнаго рубля». Поэтому читатель можетъ судить, насколько воз-

если бы, кромѣ увеличенія долга, проценты за новые займы и по заграничнымъ платежамъ, вслѣдствіе еще большаго неминуемаго обезцѣненія нашихъ денегъ, еслибы война продолжалась и въ нынѣшнемъ году.

Между тѣмъ, платежныя силы государства съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обезсиляются и истощаются. «Сѣверный Вѣстникъ» (№ 8) замѣчаетъ, что «въ послѣднее время стали появляться въ газетахъ особенно рѣзкія извѣстія о взысканіяхъ съ крестьянъ различныхъ мѣстностей старыхъ податныхъ недоимокъ. Взысканія эти, по словамъ мѣстныхъ корреспондентовъ, производятся съ такою энергіей, что крестьяне принуждены сбывать за безцѣнокъ весь свой запасъ хлѣба и другихъ продуктовъ, сбывать, не помышляя о будущемъ неизбѣжномъ голодѣ, лишь бы предохранить отъ продажи свой скудный домашній скарбъ и скоть». «Сѣверный Вѣстникъ», въ устраненіе этого зла, рекомендуетъ земствамъ озаботиться немедленно устройствомъ широкаго крестьянскаго кредита, но въ какой формѣ—не объясняетъ. Если этотъ широкий кредитъ будетъ устроенъ въ формѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, то онъ не только немедленно, но и вообще, никакой пользы крестьянамъ не принесетъ. Если же земство будетъ давать крестьянамъ деньги само непосредственно на свой страхъ, то кончится дѣло тѣмъ, что недоимки крестьянъ государственныя превратятся въ земскія. Крестьянинъ не можетъ не быть въ недоимкахъ при своемъ настоящемъ положеніи. Только лучшее поземельное устройство и пониженіе налоговъ до соразмѣрности съ его доходами могутъ сдѣлать его исправнымъ плательщикомъ. Бѣдность народа, который и въ обыкновенное время живетъ изо дня въ день и не можетъ свести концевъ съ концами въ своемъ хозяйствѣ, во время войны превращается въ чистую нищету. Отъ крестьянскихъ хозяйствъ отнимаются лучшія рабочія руки; кромѣ этого, являются разныя новыя расходы и сборы по доставкѣ очередныхъ въ рекрутскія присутствія, по снаряженію и отправкѣ рекрутъ, по повинности конной, подводной, на содержаніе солдатскихъ семействъ и т. д. Между тѣмъ, заводы и фабрики сокращаютъ свои дѣла по недостатку сбыта. Рабочіе, лишившіеся мѣсты и хлѣба, поступаютъ или на содержаніе того же крестьянскаго міра, или нищенствуютъ въ городахъ, въ ожиданіи какой-нибудь работы. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Ярославля пишетъ, что «эти несчастные находятся въ такомъ жалкомъ положеніи, что, когда и случается работа, нанимающіе часто становятся въ тупикъ, кого нанять; иные почти вовсе лишены одежды, иные имѣютъ до крайности истомленный, голодный видъ». Тотъ же корреспондентъ рассказываетъ, что число кражъ и грабежей съ каждымъ днемъ увеличивается, что граждане болятся ходить ночью по улицамъ; число безпаспортныхъ бродягъ, немѣющихъ ни крова, ни пристанища, ни работы, ни гроша за душой, такъ велико, что полиція затрудняется, куда

дѣвать всѣхъ пойманныхъ въ мелкихъ воровствахъ.— «Шель бы ты въ острогъ?» «Просился, ваше в—родіе, у слѣдователя—не сажаетъ». — «У кого ты украдь?» — «Не знаю». — «Плетѣ, плетѣ больше». — «Ей Богу, не знаю, ваше в—родіе. Кабы я зналъ, сказалъ бы... Мнѣ что! Мнѣ бы и самому лучше... по крайней мѣрѣ, сытъ бы былъ и въ телѣ, а то теперь, сами изволите видѣть: въ чемъ одѣтъ!» — Такіе разговоры, прибавляетъ корреспондентъ, сплошь и рядомъ приходится слышать въ полицейскихъ частахъ.

Кромѣ этихъ случайныхъ обѣдствій, вызываемыхъ и обусловливаемыхъ войною, война отвлекаетъ вообще вниманіе отъ дѣлъ внутреннихъ, даже самыхъ настоятельныхъ—такихъ, неустройство которыхъ во время можетъ отразиться въ послѣдствіи самыми печальными послѣдствіями. Таково, напримѣръ, въ настоящее время дѣло о жмудиныхъ, печальная судьба которыхъ заслуживаетъ полнаго вниманія. По словамъ корреспондента «Русскаго Мира» изъ Ковны, племя жмудиновъ образовалось изъ смѣси иностранцевъ-выходцевъ въ Россіи съ польскими племенемъ. Назадъ тому 200 лѣтъ очень много иностранцевъ, преимущественно сосѣднихъ странъ, вслѣдствіе разныхъ стѣсненій, которыя они испытывали на своей родинѣ, переселились въ Россію и селились въ ней одни на земляхъ казенныхъ, другіе — помѣщичьихъ. Поселившіеся на земляхъ казенныхъ остались навсегда людьми вольными; тѣхъ же, которые поселились на земляхъ владѣльческихъ, владѣльцы съ теченіемъ времени сумѣли вполне закрѣпостить, такъ что эти вольные люди въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ выносили, какъ и всѣ крѣпостные, и «барщину», и «палку». Когда, однакожъ, наступило время освобожденія и стало извѣстно, что бывшихъ крѣпостныхъ надобно надѣлать землею, тогда владѣльцы бросились въ архивы и, на основаніи имѣвшихся тамъ документовъ, заявили, что живущіе на ихъ земляхъ жмудины — не крѣпостные, а вольные люди, что они живутъ на ихъ земляхъ на правахъ вольныхъ арендаторовъ. Поэтому, по Положенію 19 февраля 1861 г., жмудины остались безъ надѣловъ. Но, по ихъ жалобамъ въ 1864 году, на нихъ было обращено Высочайшее вниманіе, и помѣщики указомъ были обязаны оставить ихъ на своихъ земляхъ на прежнемъ положеніи, съ заключеніемъ договоровъ, впродъ 12 лѣтъ, до разъясненія этого вопроса. Въ прошедшемъ году истекъ этотъ срокъ, и помѣщики потребовали немедленнаго выселенія жмудиновъ. Жмудины, которыхъ все богатство состоитъ въ ихъ хатахъ и хозяйственныхъ постройкахъ, съ выселеніемъ остаются безъ крова, безъ куска хлѣба, выбрасываются на улицу съ своими семействами. Они соглашаются на все, чтобы остаться на своихъ родныхъ попелищахъ, впродолженія двухсотъ лѣтъ достаточно окупленныхъ потомъ и кровью ихъ отцовъ и ихъ собственнымъ трудомъ: они согласны по прежнему платить деньги за землю, согласны даже увеличить эту плату или просто сдѣлать выкупъ. «Но помѣщики, говоритъ корреспон-

дентъ:—понимають свое дѣло... Они знаютъ, что, выселивши жмуудиновъ, *всѣ эти цѣнныя постройки достанутся имъ, помѣщикамъ!*.. Жмуудины также понимаютъ цѣль помѣщиковъ, и, когда полиція было приступила къ исполненію ихъ выселенія, то они, вопреки своей природной покорности, воспротивились, рѣшили *«бороться за существованіе»*... Полиція удалось выселить только односельчанъ; а когда полицейскіе чины поступили въ выселенію цѣлыхъ деревень, тогда жмуудины встрѣтили ихъ съ дубинами и кольями, и со словами: *«не троньте насъ и мы васъ не тронемъ, а тронете—не прогнѣвайтесь!.. Мы будемъ защищать свои жилища до послѣдней капли крови; намъ все равно—придется умереть съ голоду!...»* А когда помѣщики, опасаясь, чтобы жмуудины, при выселеніи, не сожгли своихъ жилищъ, хотѣли было застраховать ихъ на свое имя и привезли для этого агентовъ, которые стали обѣзжать деревни и издали осматривать и оцѣнивать постройки, то жмуудины, понявъ въ чемъ дѣло, окруживъ экипажи агентовъ, сняли колеса, также со словами: *«если уѣдете сейчасъ, то отдадимъ колеса, а если нѣтъ—не прогнѣвайтесь!...»*

Всѣхъ жмуудиновъ, подлежащихъ выселенію, считается 80,000 душъ. Надобно удивляться, какъ никто не позаботился въ время о судьбѣ этихъ несчастныхъ!..

Письмо М. Г. Чернилова.

Пятигорскъ, 6-го декабря.

Въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ статьѣ «Внутреннее Обозрѣніе», между прочимъ, сказано: «Какія злоупотребленія дѣлались въ Сербіи, какія именно злоупотребленія совершались въ штабѣ Чернилова, а также различными агентами, расходовавшими русскія деньги — это останется для насъ навсегда покрыто мракомъ неизвѣстности, благодаря усердію, съ которымъ русская пресса прикрывала неисчислимыя злоупотребленія во время сербско-турецкой войны» (стр. 312).

Еслибы обвиненія въ неисчислимыхъ злоупотребленіяхъ падали на меня, Чернилова, лично, то я устранился бы отъ всякаго отвѣта, считая его еще преждевременнымъ, но такъ какъ анонимный авторъ обвиняетъ штабъ сербской арміи, то я не могу пройти молчаніемъ этого голословнаго обвиненія.

Начну съ того, что не вся русская печать была поборницей сербско-турецкой войны; газеты «Голосъ» и «Выржевыя Вѣдомости» относились совсѣмъ не сочувственно къ этой неравной борьбѣ, и каждый, кто хотѣлъ сказать что-либо противъ самой войны и участниковъ ея, находилъ на страницахъ этихъ газетъ самый радушный приѣмъ. Цензура, какъ говоритъ самъ анонимный авторъ, не препятствовала говорить правду. Какія же ужасающія злоупотребленія были открыты всѣми противниками и недовольными участниками сербской войны? Между тѣмъ, всякій мелочной недосмотръ, всякій ничтожный промахъ, въ военное время неизбѣжны, были тотчасъ же подхвачены и, освѣщенные съ враждебной точки зрѣнія, опубликованы.

Подъ моимъ начальствомъ въ Сербіи, отъ начала войны до заключенія перемирія, было русскихъ добровольцевъ 646 офицеровъ и 1806 рядовыхъ (въ ибарской и дринской арміяхъ было немного). Всѣ они, по прибытіи въ Сербію, вышли изъ подъ русскихъ законовъ и сербскимъ подчинены не были. Сербское правительство смотрѣло на нихъ, какъ на русскихъ подданныхъ, и дѣйствовало на нихъ тольکو черезъ меня. Что же было въ моихъ рукахъ, кромѣ нравственнаго убѣжденія, для управленія этою, нѣмъ не силоююною массою, прибывавшею мелкими частями, во время самаго боя, изъ всѣхъ концовъ Россіи и изъ всѣхъ слоевъ общества? Но, къ чести русскихъ добровольцевъ, такъ много позоренныхъ и въ некоторую часть нашей печати, я могу заявить, что всѣ они, отъ перваго до послѣдняго, какъ воины, исполняли взятый на себя долгъ до конца безукоризненно и самоотверженно. Ни одного случая неповиновенія или неуваженія къ начальствующимъ во все время, до моего отъѣзда изъ Сербіи, не было.

Единственное исключеніе изъ всѣхъ добровольцевъ представилъ собою въ этомъ отношеніи майоръ Хвостовъ. Но и это единственное исключеніе было уже по окончаніи войны, въ Бѣлградѣ. Хвостовъ въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ вовсе.

Передъ открытіемъ войны штабъ составленъ былъ исключительно изъ сербовъ, но, съ развитіемъ военныхъ дѣйствій и прибытіемъ русскихъ, онъ пополнился, и въ Бѣлградѣ состоялъ изъ 45 человекъ сербовъ и русскихъ наполовину. Несмотря на свою разнородность и на то, что онъ составлялся, такъ сказать, на лету, подъ огнемъ непріятеля, штабъ вполне выполнялъ свое назначеніе. Приказанія исполнялись быстро и точно. Никогда не приходилось приказывать два раза или замѣчать, что приказаніе не исполнено. Этому исполнительностью я былъ обязанъ В. В. Комарову и, по отъѣздѣ его, А. Д.

Доктуру, а также начальникам главных отраслей управления, избранным исключительно из сербских штаб-офицеров. Без твердой организации штаба и всего командования, борьба сербской милиции была бы немислима против превосходной в силах турецкой регулярной армии, против той самой армии, предводимой теми же пашами, с которой мы теперь боремся на Дунае уже восьмой месяц. Действительность говорит сама за себя, и обвинения в нераспорядительности Делиградского штаба падают сами собою.

Следовательно, обвинения эти относятся только к мнимой растрате присланных для войны из России денег. Но известно ли обвинителям и анонимному автору «Отечественных Записок», рутинно повторяющему чуждого слова, какия суммы, от начала войны до ее окончания, поступили в штаб?

За неимением под рукою точных данных, я могу привести цифру приблизительно, но ошибусь развѣ в единицах. Всѣх пожертвованій изъ Россіи поступило въ штабъ около 250,000 рублей (двѣсти пятьдесятъ тысячъ). Цифру эту тѣмъ легче мнѣ припомнить, что изъ нихъ 200,000 рублей (двѣсти тысячъ) прислано было отъ двухъ петербургскихъ банковъ при письмахъ И. И. Глазунова. Исключивъ изъ общей суммы около 20% курсовыхъ и комиссіонныхъ расходовъ, останется 200,000 металлическихъ рублей, бывшихъ въ моемъ распоряженіи. За неимениемъ при себѣ данныхъ объ употребленіи этихъ денегъ, я могу указать только на главныя статьи расходовъ, а именно:

1) Содержаніе 646 русскихъ офицеровъ: обер-офицеры получали по 7, штаб-офицеры по 15 червонцевъ въ мѣсяцъ. Этими содержаніемъ, назначеннымъ первоначально въ добавокъ только къ сербскому, офицеры были удовлетворены отъ штаба по 1 ноября 1876 г. Сербское правительство, уплачивающее въ началѣ русскимъ офицерамъ жалованье наравнѣ съ своими, впоследствии, при неожиданномъ налицѣ добровольцевъ, не могло удовлетворить ихъ, о чемъ и увѣдомилъ меня военный министръ, спустя нѣкоторое время. Такимъ образомъ, русскіе офицеры должны были довольствоваться однимъ только добавочнымъ содержаніемъ, выдававшимся изъ штаба.

2) Содержаніе 1,808 рядовыхъ добровольцевъ—по 1 червонцу въ мѣсяцъ.

3) Покупка въ Австріи 5,800 шинелей для войскъ,

4) Покупка 114 лошадей въ Руминіи.

5) Пособіе раненымъ, а также семействамъ убитыхъ сербскихъ офицеровъ.

6) Пособіе болгарскимъ и старо-сербскимъ семействамъ, бѣжавшимъ отъ турокъ.

7) Пособіе нѣкоторымъ офицерамъ при возвращеніи въ Россію.

8) Содержаніе штаба денежное и общій столъ.

9) Выдача войскамъ, сверхъ положенія, винныхъ порцій послѣ усиленныхъ переходовъ, сраженій, въ ненастное время.

10) Эстра-ординарные расходы жорпусныхъ командировъ.

11) Потеряно въ дорогѣ между Алексинацемъ и Зайчаромъ, казначеемъ штаба, сербскимъ офицеромъ Мостичемъ, 1,480 червонцевъ.

За всѣми упомянутыми выше расходами, осталось по окончаніи войны 40,000 (сорокъ тысячъ) металлическихъ рублей.

Упомянутая выше сумма 200,000 металлическихъ рублей поступала частями, по мѣрѣ жертвованія, неожиданно, и потому многия потребности были удовлетворены несвоевременно, что и возбуждало единичныя неудовольствія, а самое расходованіе суммъ производилось съ расчетомъ имѣть въ запасѣ деньги, такъ какъ нельзя было предугадать ни продолжительности войны, ни количества пожертвованій. Этими объясняется и значительный остатокъ относительно всей суммы.

По смѣнѣ Мостича, въ самомъ началѣ войны, за утрату денегъ, казначеемъ назначенъ былъ сербскій штаб-офицеръ, который велъ книги по правиламъ, установленнымъ для отчетовъ въ Сербіи. Всѣ расходы, до самыхъ ничтожныхъ, дѣлались не иначе, какъ по приказамъ, за мою подписью. Штабъ непосредственно никакихъ расходовъ не могъ дѣлать отъ себя.

И такъ, отъ начала войны до моего отъѣзда изъ Сербіи израсходовано было всего сто шестьдесятъ тысячъ металлическихъ рублей.

Одежду и продовольствіе сербское правительство отпусало натурой, госпи-

тали содержались правительствомъ, русскимъ Краснымъ Крестомъ и самыми обществами, приславшими ихъ на театръ войны. Никакихъ подрядовъ и поставокъ ни мною, ни штабомъ не утверждалось.

Спрашивается: много ли осталось мѣстъ для неистощимыхъ злоупотребленій, въ которыхъ противники сербско-турецкой войны и недовольные участники ея обвиняли меня и ничѣмъ неповинный штабъ, какъ будто бы мы злоупотребили сочувствіемъ русскихъ людей, помогавшихъ намъ въ неравной борьбѣ?

Ровно одинадцать лѣтъ тому назадъ, по возвращеніи моемъ изъ Туркестана, на меня снизались также со всѣхъ сторонъ обвиненія въ растратѣ казенныхъ суммъ; но никто не задалъ себя вопроса тогда, какъ и теперь: сколько всего было истрачено денегъ? Военное министерство назначило для повѣрки моихъ счетовъ одну за другою четыре комиссіи, вѣроятно, стоявшія дорожке повѣряемой суммѣ¹.

Что же оказалось послѣ всѣхъ этихъ повѣрокъ? — Что, перейдя далеко за предѣлы начертанной мнѣ программы покореніемъ Ташкента, я, сверхъ первоначальной сметы въ *десяти тысячъ рублей*, сокращенной мною же до *ста пятидесяти тысячъ*, передержалъ *восемьдесятъ пять тысячъ*, оставаясь въ краѣ, вмѣсто шести мѣсяцевъ, два года.

Находясь тогда въ отставкѣ, съ 480 рублями годовой пенсіи и внимая сипавшимся на меня обвиненіямъ, я, въ оправданіе себя, сравнивалъ стоимость своей экспедиціи въ Средней Азій и свое нравственное и матеріальное положеніе послѣ нея — со стоимостью почти одновременной англійской экспедиціи въ Абиссинію и положеніемъ начальствовавшаго ею адмирала Непира.

Правда, десять лѣтъ спустя послѣ покоренія мною Ташкента, именно въ началѣ 1876 года, послѣ появленія статей въ «Русскомъ Мирѣ» о положеніи дѣлъ въ туркестанскомъ генерал-губернаторствѣ, съ меня послѣдовало взысканіе черезъ петербургскую полицію около 5,000 рублей, по начету туркестанской администраціи. Я уѣхалъ въ скоромъ времени въ Сербію, не получивъ на объясненіе мое до сихъ поръ отвѣта. Но если, по требованію туркестанской администраціи, наступитъ инквизиція моего имущества, то обвинитель мой по сербской войнѣ убѣдится, что благосостояніе мое послѣ этой борьбы нисколько не увеличилось.

Теперь, какъ одинадцать лѣтъ тому назадъ, сядя за событіями изъ своего уединенія въ Пятигорскѣ и сравнивая средства, бывшія въ моихъ рукахъ при покореніи Ташкента, съ тѣми, которыя даны были моему преемнику, а также и тѣ средства, которыя были въ моемъ распоряженіи во время сербско-турецкой войны, съ употребленными донынѣ на ея продолженіе, я терпѣливо ожидаю суда исторіи.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать, что, помимо всѣхъ причинъ, вызвавшихъ войну, къ результатамъ, какихъ ни достигнемъ, нельзя будетъ не причислять и того, что, быть можетъ, эта война заставитъ насъ относиться *обстоятельнымъ* къ дѣлу и личностямъ; отъ этого, безъ сомнѣнія, мы выиграемъ всѣ вообще, а «Внутреннее Обозрѣніе» «Отечественныхъ Записокъ» въ особенности.

М. Черняевъ.

Пятигорскъ.
23-го ноября 1877 года.

¹ Первая повѣрка была сдѣлана на мѣстѣ, по распоряженію генерал-адъютанта Крижановскаго, дѣлопроизводителемъ оренбургскаго военно-окружнаго совѣта, подполковникомъ Матѣевымъ; отчетъ Матѣева былъ повѣренъ комиссіей подъ предсѣдательствомъ начальника артиллеріи оренбургскаго военного округа; этотъ отчетъ, въ свою очередь, былъ повѣренъ комиссіей при главномъ штабѣ, подъ предсѣдательствомъ полковника Полторацкаго. Для повѣрки Полторацкаго назначена была въ Петербургъ новая комиссія въ Ташкентѣ, подъ предсѣдательствомъ полковника Бикова.

ПИСЬМА О ПРАВДѢ И НЕПРАВДѢ.

III.

Недавно вышелъ первый томъ сочиненій Юрія Самарина. Вамъ онъ—чужой человѣкъ, конечно, и не онъ только, а вся та группа людей, однимъ изъ видныхъ представителей которой былъ Самаринъ. Если даже кто-нибудь изъ васъ създилъ въ качествѣ добровольца въ Сербію, славянофильство все таки для васъ—могильная плита съ полустертою надписью, положенная надъ чѣмъ-то такимъ, что давно истлѣло. И это вѣрно: Самаринъ—чужой человѣкъ, славянофильство погребено. Но помимо даже того археологическаго интереса, который можетъ побудить поближе подойти къ могильной плитѣ и разобрать написанное на ней: здѣсь поконтся прахъ и т. д.; помимо, говорю, этого интереса, очень законнаго и подлежащаго удовлетворенію, славянофильство можетъ представлять и вполне живой, современный интересъ, даже интересъ будущаго. Славянофильство, какъ таковое, славянофильство чистое *ist längst gestorben, verdorben*. Можно поручиться, что вы не встрѣтитесь съ нимъ на жизненномъ пути. Но точно также можно поручиться, что, быть можетъ, въ самомъ недалекомъ будущемъ поперекъ вашей дороги ляжетъ бревно, которое будетъ очень похоже на славянофильство, хотя утратить многіе существенные его признаки и даже называться будетъ не славянофильствомъ, а какъ-нибудь въ родѣ національ-либерализма. Я не о тѣхъ патріотическихъ рѣчахъ говорю, которыя жгутъ пламенемъ страницы нѣкоторыхъ нашихъ газетъ. Нѣтъ, это только случайная прелюдія, увертюра; это цвѣтки, а ягоды еще впереди и къ нимъ надо приготовиться. Во ожиданіи ягодъ, мы можемъ чувствовать себя недурно вотъ въ какомъ отношеніи. Славянофилы—и это первая благодарность, которую вы должны имъ принести—подняли множество чрезвычайно любопытныхъ и въ высокой степени важныхъ вопросовъ. Изъ за нихъ, изъ-за этихъ вопросовъ, отцы наши вели много споровъ, въ непосредственно практическомъ смыслѣ совершенно безплодныхъ, но чрезвычайно

горячихъ, пространныхъ, обстоятельныхъ. Въ полемическомъ увлеченіи, происходившемъ вдобавокъ въ нѣкоторомъ безвоздушномъ пространствѣ, безъ всякой практической «почвы», отцы наши не всегда могли, какъ слѣдуетъ, разобраться въ своихъ спорахъ. Теперь, и именно теперь, когда чистое славянофильство погребено, а ягоды на его могилѣ еще не созрѣли, мы можемъ съ большою пользою взглянуть попристальнѣе на труды нашихъ отцовъ, спокойно отдѣлить въ нихъ правду отъ неправды и затѣмъ предусмотрѣть цвѣтъ, вкусъ, ароматъ тѣхъ ягодъ, которыя созрѣютъ на могилѣ славянофильства изъ цвѣтовъ нынѣшняго газетнаго патріотизма. Повторяю свой совѣтъ: не говорите, что нѣтъ ничего путнаго изъ Виллема. Не во имя пошлаго эклектизма, нелѣпаго доскутничества, а во имя цѣльной и единой Правды, будемъ пересматривать споры нашихъ отцовъ, съ полною готовностью преломиться передъ истиной, откуда бы она ни шла. Разумѣется, намъ нѣтъ надобности входить во всѣ подробности ученій славянофиловъ и ихъ противниковъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь. Съ насъ достаточно общихъ чертъ и, главное, способа постановки вопросовъ. Въ этомъ отношеніи славянофильство, даже въ томъ только видѣ, какъ оно представлено первымъ томомъ сочиненій Самарина, даетъ много любопытнаго. Къ сожалѣнію, нѣкоторые важные параграфы славянофильскаго ученія отличаются очень щекотливыми свойствами...

Меня всегда поражала въ славянофильствѣ странная смѣсь абсолютизма со скептицизмомъ. Есть вещи и, притомъ, вообще говоря, очень спорныя, въ которыя славянофилы вѣрятъ чуть ли не сильнѣе, чѣмъ въ таблицу умноженія, но есть и такія, относительно которыхъ они являются самыми крайними скептиками. Скептицизмъ этотъ идетъ гораздо дальше простого сомнѣнія въ западной мудрости и затрогиваетъ самыя основныя вопросы Правды.

Вотъ какъ формулируетъ Самаринъ тѣ мнѣнія объ общихъ условіяхъ усвоенія истины, съ которыми онъ, Самаринъ, какъ представитель школы, не согласенъ.

«Задача науки — въ постиженіи сущности явленій. Чѣмъ полнѣе и чище они отражаются въ познающемъ разумѣ, чѣмъ мевѣе возмущается этотъ процессъ духовнаго отраженія случайнымъ характеромъ познающаго лица и посторонними обстоятельными, тѣмъ свободнѣе и стройнѣе явленія собираются въ группы, тѣмъ яснѣе выдается ихъ внутренней смыслъ изъ случайной ихъ обстановки, тѣмъ безошибочнѣе опредѣляется законъ ихъ послѣдовательнаго развитія. Народность можетъ быть предметомъ постиженія, какъ объектъ науки; но народность, какъ свойство постигающей мысли, ведетъ къ произволу, односторонности и тѣсотѣ воззрѣнія. Такимъ же образомъ проявляется въ ученюмъ трудѣ вліяніе вѣка на мыслителя и вообще преобладающее вліяніе какого бы то ни было условія или начала, кото-

рому сознательно или бессознательно подчиняется мысль. Мысль, по существу своему, безстрастна и безцѣльна, и потому ученый, не умѣвшій или не хотѣвшій очистить себя отъ представлений, понятій и сочувствій, прилипающихъ невольно къ каждому человѣку отъ той среды, къ которой онъ принадлежитъ, не можетъ быть достойнымъ служителемъ науки. Кто вноситъ случайное и частное въ область мировыхъ идей, тотъ выноситъ изъ нея, вмѣсто общечеловѣческихъ истинъ или вѣрнаго отраженія предмета въ сознаниі, представленія неполныя, образы изуродованныя и прихотливо расцвѣченные... Народность и односторонность въ дѣлѣ науки одно и тоже; это — неровное зеркало, въ которомъ искривляется отражаемый предметъ; въ примѣненіи къ живому организму, это — недугъ, болѣзнь ума... Историкъ не долженъ быть ни католикъ, ни протестантъ, ни французъ, ни нѣмецъ; онъ не долженъ принадлежать ни къ какой политической партіи, ни къ какой философской системѣ; онъ долженъ быть просто историкъ». (Сочиненія, I. «Два слова о народности въ наукѣ»).

Самаринъ не согласенъ съ этими мыслями. Онъ думаетъ, что подобный путемъ обнаженія познавательной способности отъ всѣхъ постороннихъ наростовъ, которые даны условіями среды, Правда никогда не была и не можетъ быть достигнута. Онъ думаетъ, что въ умѣ людей, разсуждающихъ, какъ сейчасъ показано, лежитъ невѣдомо для нихъ самихъ «основной слой отвердѣлыхъ понятій и представлений», который руководитъ ими во всѣхъ умственныхъ операціяхъ. «На повѣрку выйдетъ, говоритъ онъ: — что мнимое безпристрастіе, общечеловѣчность и отрицательная свобода ихъ возрѣвній, въ сущности, есть бессознательность». Подобный человѣкъ, по мнѣнію Самарина, только не сознаетъ присутствія въ себѣ многоразличныхъ осадковъ изъ «воздуха семьи, родины и т. д.» и потому можетъ быть вполне искренно говорить о полномъ своемъ безпристрастіи и безстрастіи, но на дѣлѣ онъ смотритъ на вещи подъ извѣстнымъ угломъ, съ извѣстной точки зрѣнія, не въ теченіи даннаго умственнаго процесса выработавшейся, а заранѣе, всѣмъ его прошлымъ подготовленной. Люди могутъ, слѣдовательно, различаться болѣе или менѣе сознательнымъ отношеніемъ къ основнымъ, всеопредѣляющимъ требованіямъ своего ума, но всѣ одинаково неспособны нетолько находить, но даже искать чистую истину. Таково ужъ свойство человѣка, съ нимъ ничего не подѣлаешь.

Слептицизмъ дальше идти не можетъ или, пожалуй, можетъ, но не иначе, какъ въ предѣлахъ славянофильской постановки вопроса о Правдѣ. Всѣ критеріи истины, всѣ мѣрила, при помощи которыхъ можно бы было убѣдиться, что вотъ это правда, а это неправда — устранены. Положимъ, какой-нибудь Смитъ дѣлаетъ открытіе и строитъ на немъ теорію. Ивану она кажется удовлетворительною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ знаетъ, что Смитъ, какъ англичанинъ, внесъ въ свою работу нѣчто такое, что

могъ внести только англичанинъ, пропитанный осадками изъ воздуха англійской «семьи, родины и т. д.». Такъ какъ эти условія англійской выработки мысли совершенно отличны отъ тѣхъ, при которыхъ живетъ и работаетъ Иванъ, то правда, уловленная Смитомъ, для Ивана—совсѣмъ не правда. Не правда она и для нѣмецкаго Михала, и для французскаго Жака. Каждый изъ нихъ можетъ и долженъ понимать дѣло по своему, можетъ и долженъ отвергать правду, добытую Смитомъ. Но этого мало. Недаромъ же Самаринъ говоритъ, что усвоеніе истины осложняется особенностями «семьи, родины и т. д.». Въ предѣлахъ «родины» князь Иванъ, простой Иванъ Ивановичъ и простѣйшій Ванька получаютъ совершенно различныя впечатлѣнія съ ранняго дѣтства, дышатъ совершенно различнымъ воздухомъ, а, слѣдовательно, и уголь, подъ которымъ они смотрятъ на вещи, ихъ точка зрѣнія на познаваемый міръ совсѣмъ не одна и та же. И каждый изъ нихъ правъ, потому что никакого общаго критерія правды нѣтъ. Пойдемъ еще дальше. «Воздухъ семьи» совсѣмъ не одинаково воспиталъ князя Ивана и супругу его княгиню Маланью, а потому ихъ точки зрѣнія на очень многіе предметы познанія различны; правда съ точки зрѣнія князя Ивана—совсѣмъ не правда съ точки зрѣнія княгини Маланьи, и примириться имъ не на чѣмъ. Съ братомъ своимъ, княземъ Петромъ, князь Иванъ могъ бы сойтись почти во всемъ, но, къ сожалѣнію, князь Петръ—глухонѣмой отъ рожденія, а потому дѣлая масса впечатлѣній, опредѣлявшихъ умственный строй князя Ивана, для князя Петра отсутствуетъ.

Все это послѣдовательно, само собой вытекаетъ изъ общихъ положеній Самарина и славянофильства вообще. Самаринъ говоритъ: «Примѣненіе познавательной способности предполагаетъ объектъ мышленія и мыслящій субъектъ. Отношеніе, въ которое становитъ себя субъектъ къ объекту, есть именно то, что называется точкою зрѣнія. Мыслить о какомъ бы то ни было предметѣ, не установившись передъ нимъ, невозможно; требовать, какъ г. Чичеринъ, чтобы точка зрѣнія выработалась сама собою, какъ плодъ изученія, немислимо, потому что изученіе *предполагаетъ* взглядъ на предметъ, слѣдовательно, и точку зрѣнія. Чѣмъ же готовится и опредѣляется этотъ приступъ къ предмету, эта точка зрѣнія? Отвѣчаемъ: *воспитаніемъ* мыслящаго субъекта въ самомъ широкомъ значеніи слова: коренными убѣжденіями, всецѣло наполняющими его и которыми онъ проникается постепенно, вдыхая въ себя воздухъ семьи, родины и т. д.» («Замѣчанія на замѣтки «Русскаго Вѣстника» по вопросу о народности въ наукѣ»). Такъ какъ рѣшительно не видно, почему тотъ или другой воздухъ семьи, родины «и т. д.» лучше остальныхъ подобныхъ же воздухонъ, то, значитъ, никакого критерія правды нѣтъ, и поговорка «кто во что гораздъ» получаетъ полное оправданіе. Она оказывается даже недостаточной энергичною для изображенія дѣйствительнаго положенія

вещей. Если я пришелъ къ известной истинѣ то, какъ бы я ни былъ «гораздъ», сознание обладанія правдой отравляется тою мыслью, что, будь я «воспитанъ» иначе, живи я въ другой обстановкѣ, я бы смотрѣлъ на предметъ моего изученія иначе и считалъ бы, можетъ быть, свою теперешнюю правду, которая мнѣ такъ дорога, такъ ласкаетъ мой умъ, возмутительной и грубой неправдой. И это изъ-за такого пустяка, какъ рожденіе отъ Смита или отъ князя Ивана, или отъ Ваньки!

Скажу прямо, что подобный скептицизмъ, въ качествѣ первой ступени, подготовительнаго приѣма къ обладанію Правдой, совершенно законенъ, умѣстенъ и даже необходимъ. Съ этой стороны смѣлость славянофильской постановки вопроса никогда не была оцѣнена по достоинству. Вы должны помнить, добромъ эту смѣлость мысли, отказывающейся отъ всякаго рода случайныхъ опоръ. Кто мучился сомнѣніями, кто жилъ и падалъ и поднимался, но, утопая, не хватался за жалкую соломинку, отвергалъ всѣ хрупкія и лживыя опоры, а честно искалъ Правды, тотъ поблагодаритъ славянофиловъ за такую постановку вопроса. Дѣло, однако, въ томъ, что славянофилы никогда не доводили своихъ сомнѣній до ихъ логическаго конца и навѣрное откажутся подписаться подъ вышеприведенными выводами, кажется, неизбежно вытекающими изъ ихъ общихъ положеній. Конечно, на голомъ скептицизмѣ можетъ успокоиться мысль развѣ какого-нибудь одинокаго, замкнутаго мыслителя, а политическая школа, желающая играть практическую роль, должна искать себѣ союзниковъ, людей «согласно мыслящихъ», должна проповѣдывать, доказывать, отстаивать какія-нибудь истины, находящіяся, съ ея точки зрѣнія, внѣ всякаго сомнѣнія. Понятно, слѣдовательно, что, еслибы славянофилы были даже совершенно послѣдовательны и безпощадно разматали бы всѣ наличные критеріи Правды, такъ имъ все-таки понадобился бы *свой* критерій, свое мѣрило истины. Они это и сдѣлали. Отъ скептицизма они перешли къ догматизму, отъ сомнѣнія къ утвержденію. Но это былъ, собственно говоря, вовсе не переходъ, не постепенное преодоленіе трудностей строго-логическаго пути, а головоломный скачокъ черезъ пропасть или, пожалуй, обходъ пропасти окольной тропинкой. Славянофилы обошли ее, сознательно или безсознательно зажмура глаза; отъ этого пропасть не исчезла, и постороннему человѣку очень ясно видны ея очертанія и ея глубина.

Самаринъ много и охотно полемицировалъ. Весь первый томъ его сочиненій состоитъ почти сплошь изъ полемическихъ статей. Для насъ любопытны здѣсь статьи: «О мнѣніяхъ «Современника» историческихъ и литературныхъ» (полемика съ г. Кавелинымъ, Никитенкомъ и Вѣлинскимъ), «Два слова о народности въ наукѣ», «О народномъ образованіи», «Замѣчанія на замѣтки «Русскаго Вѣстника», «Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина» и «По поводу мнѣнія «Рус-

скаго Вѣстника» о занятіяхъ философіей, о народныхъ началахъ и объ отношеніи ихъ къ цивилизаціи» (полемика съ г. Чичеринымъ, «Русскимъ Вѣстникомъ и нѣкимъ г. Великосельцовымъ»). Во всѣхъ этихъ статьяхъ проводится все та же на первый взглядъ столь смѣло-скептическая постановка вопроса объ условіяхъ Правды. Но въ невошедшихъ въ первый томъ полемическихъ статьяхъ объ общинномъ землевладѣніи, сколько я помню, по крайней мѣрѣ, этотъ общій вопросъ уже не затрогивается, хотя самая суть полемики представляетъ много къ тому поводовъ. Въ этихъ статьяхъ Самаринъ не прочь подтрунить надъ западничествомъ такихъ защитниковъ общины, какъ «Современникъ», и такихъ ея противниковъ, какъ г. Вернадскій; но о томъ, что чистая истина, независимая отъ условий среды, воспринимавшей ее, есть мифъ — объ этомъ рѣчи нѣтъ. Конечно, это можно объяснить разными причинами. Можно думать, что Самаринъ считалъ этотъ вопросъ поконченнымъ или что онъ хотѣлъ сосредоточиться на непосредственномъ предметѣ спора, не уклоняясь въ сторону общихъ и отвлеченныхъ вопросовъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что, заведя, въ этомъ случаѣ, свою скептическую рѣчь о чистой истинѣ, онъ оказался бы въ довольно затруднительномъ положеніи. Когда какой-то не чрезмѣрно умный г. Великосельцовъ рекомендуетъ прививать европейскую цивилизацію къ русскому народу, давая бабамъ читать романы и поощряя мужиковъ цѣловать у бабъ руки, тогда, конечно, нетрудно выражать сомнѣнія въ безусловномъ достоинствѣ европейской мысли и европейскихъ формъ общечитія. Не трудно также держаться на высотѣ скептицизма, когда «Русскій Вѣстникъ» или г. Чичеринъ утверждаетъ, что истина одна, что условія «воспитанія», вторгаясь въ область познания, только портятъ дѣло и т. п. На все это скептикъ могъ отвѣчать, какъ и дѣлалъ Самаринъ: истина не одна, потому что вы видите сами, что не всё насчетъ ея согласны; вторженіе воздуха «семьи, родины и т. д.» можетъ быть и вредно, но я утверждаю, что оно необходимо и существуетъ. Въ спорѣ объ общиннѣ положеніе было совсѣмъ иное. Гг. Вернадскій, Бутовскій и множество другихъ противниковъ общины доказывали ея негодность съ точки зрѣнія европейской науки. «Современникъ», напротивъ, стоя также на европейской точкѣ зрѣнія, отстаивалъ общину, доказывая при этомъ, что наука, усвоенная гг. Вернадскимъ, Бутовскимъ и проч., отнюдь не есть прямое отраженіе чистой истины; что наука эта въ значительной степени создана подъ влияніемъ извѣстныхъ европейскихъ партій и интересовъ. Онъ былъ, слѣдовательно, скептикъ не хуже Самарина и могъ, пожалуй, согласиться съ общими его положеніями. Онъ могъ бы сказать, а, въ частныхъ случаяхъ, и говорилъ: да, источникъ понятій чловека заключается въ его ощущеніяхъ и впечатлѣніяхъ, свойства которыхъ опредѣляютъ, слѣдовательно, характеръ понятій и характеръ отношенія къ предмету изученія; и вотъ почему

прихвостники французской и английской буржуазіи сочиняютъ, можетъ быть, вполне добросовѣстно, науку, ни для кого, во всемъ ея объемѣ, необязательную. Въ этомъ отношеніи онъ много тверже и послѣдовательнѣе Самарина стоялъ на общей съ нимъ почвѣ, и потому Самарину нѣчего было его учить. Но, какъ и Самаринъ, какъ славянофилы вообще, онъ не могъ удовлетвориться безбрежнымъ океаномъ скептицизма. И онъ, и славянофилы должны были искать твердой земли, точки опоры.

Насъ занимаютъ только славянофилы. Они, какъ извѣстно, нашли точку опоры въ національности или, какъ они любили неправильно выражаться, въ народности. На этой почвѣ обрывали они нить своихъ сомнѣній и торжественно восклицали: вотъ Правда!

Гдѣ же, однако, гарантія, что русская правда—болше правда, чѣмъ правда французская или нѣмецкая? И почему всѣ сомнѣнія сосредоточены на элементѣ національности, тогда какъ съ перваго же взгляда становится весьма вѣроятнымъ, что русская правда не есть что-нибудь вполне однородное, что въ ней можно различить, наприимѣръ, мужскую и женскую правду или дворянскую, купеческую, мѣщанскую, крестьянскую, казацкую правду? Допустимъ, что вторженіе національнаго элемента какъ въ работу одинокихъ мыслителей, такъ и въ творчество массъ неизбежно. Допустимъ, что нѣчего и прать противъ этого рожа, нѣчего и хлопотать объ очищеніи своей точки зрѣнія отъ воздуха родины. Но вѣдь не этотъ только воздухъ осложняетъ мысль человѣка, желающаго что-нибудь познать. Просто русскій человѣкъ, отвлеченный французскій человѣкъ и т. п. не существуютъ, а есть французскіе, русскіе, нѣмецкіе дворяне, французскіе, русскіе купцы, крестьяне, рабочіе и проч. *Этихъ* осложняющихъ вліяній, несмотря на весь свой скептицизмъ, славянофилы не принимали или не хотѣли принимать въ соображеніе. Правда, обстоательства наводили ихъ на этотъ предметъ, и тотъ же Самаринъ, полемизируя съ г. Чичеринымъ, говорить: въ допетровской Руси, по мнѣнію г. Чичерина, «судъ разсматривался исключительно съ точки зрѣнія частнаго права, какъ привилегія судившаго, какъ его оброчная статья, отнюдь не какъ дѣло общественное; судъ учреждался для выгодъ судьи, а не для пользы подсудимыхъ, и потому не могло быть понятія о какихъ-либо обязанностяхъ судьи къ подсудимымъ, а могла быть только рѣчь о правахъ его надъ ними и объ опредѣленіи границъ этихъ правъ въ отношеніи къ высшей власти или къ другимъ должностнымъ лицамъ... Допустимъ, что этотъ выводъ вѣренъ. *) очевидно, что понятіе о судѣ, въ смыслѣ кормленія, могло принадлежать только тому сословію, которое владѣло судомъ, какъ собственностью; это было воззрѣніе служилыхъ людей, дававшихъ судъ, а, конечно, не общества, принимавшаго судъ. Почему же понятіе, возникшее изъ частнаго отношенія *одного* сословія къ разсматриваемому предмету, принято за выраженіе

сознаніа дѣлаго общества, за указаніе на начало, лежавшее въ основѣ его устройства?» Хотя противъ этого разсужденія можно бы было кое-что возразить, но, въ общемъ, оно вѣрно. Однако, точно такое же разсужденіе можетъ быть приложено къ чрезвычайно многимъ чертамъ, выдаваемымъ за національныя. Русскіе купцы считаютъ обмѣриваніе и обвѣшиваніе дѣломъ совершенно законнымъ. Еслибы кто нибудь вздумалъ обобщить это явленіе до степени національной особенности, то славянофилы имѣли бы полное право возразить: нѣтъ, это не русская, а купеческая правда. Точно также и относительно добродѣтелей, наваливаемыхъ славянофилами на русскую національность. Рѣчь идетъ, положимъ, о сметливости русскаго народа, объ его способности прилаживаться къ разнообразнымъ условіямъ внѣшней обстановки. Если, въ подтвержденіе этой мысли, приводятся примѣры изъ крестьянской жизни, такъ изъ нихъ только тотъ выводъ и можно сдѣлать, что вотъ какіе сметливые люди русскіе крестьяне. Это нисколько не мѣшаетъ другимъ сословіямъ той же русской національности оказываться на каждомъ шагѣ раками на мели. Но вся стратегія и тактика славянофиловъ состояла въ томъ, чтобы русскія особенности, непривлекательныя или считаемыя непривлекательными, распределять по отдѣльнымъ сословіямъ, а особенности одного какого-нибудь сословія, достойныя, съ славянофильской точки зрѣнія, одобренія, возводить на степень общаго національнаго признака. Правда, они утверждали, что въ излюбленной ими древней Руси сословные элементы не существовали или, по крайней мѣрѣ, были только слабо намѣчены, но, справедливо ли это мнѣніе, или нѣтъ, въ постановкѣ общаго вопроса объ условіяхъ Правды они не имѣли никакого права сосредоточивать все свое вниманіе на однихъ лишь національныхъ особенностяхъ.

Они говорили: національный элементъ, воздухъ родины дѣластъ наши понятія нѣсколько односторонними, но съ этимъ ничего не подѣлаешь—таковъ ужъ предѣлъ, его же не преидеть человѣкъ. Совершенно съ такимъ же правомъ можно бы было сказать: сословный элементъ, воздухъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній нѣсколько извращаетъ наши понятія, но это необходимо. Однако, славянофилы ничего подобнаго не говорили и, при случаѣ, готовы были погрѣмѣть насчетъ сословныхъ предразсудковъ, отстаивая, въ тоже время, неизбѣжность и законность предразсудковъ національныхъ. Это первый ихъ *salto mortale*: начали сомнѣваться, скептицизмомъ и кончили полнымъ произволомъ выбора точки опоры, даже не пытавъ логически оправдать его.

Но даже и этотъ *salto mortale* не вывелъ еще насъ пока изъ океана сомнѣній. Осложненіе точки зрѣнія познающаго элементомъ національности неизбѣжно, а потому неизбѣжна односторонность его пониманія. Изъ этого слѣдуетъ, что воззрѣнія французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, китайцевъ, русскихъ одинаково

односторонни. Поэтому, русскому человѣку, какъ и всякому другому, надо помнить, что онъ вовсе не обладаетъ и не способенъ обладать полной истиной, что понятія, признаваемые имъ за истинныя, по необходимости, односторонни и, слѣдовательно, ошибочны, такъ же ошибочны, хотя и въ другомъ родѣ, въ другую сторону, какъ понятія французовъ, англичанъ и проч. Славянофилы опять-таки имѣли мужество признать это положеніе какъ исходную точку, но тотчасъ же струсили и придумали для русской или, точнѣе, славянской правды особыя гарантіи. Первая гарантія—безусловная. Помимо національности, они раздѣлили весь христіанскій міръ (оставивъ міръ не христіанскій внѣ своихъ соображеній) по вѣроисповѣданіямъ. Французы, испанцы, итальянцы обобщены въ рубрику католицизма, германскія племена—въ рубрику протестантизма, славяне—православія. При этомъ, хотя вѣроисповѣданія слиты уже не съ національностями, а съ цѣлыми племенными группами, и даже болѣе, потому что католико-протестантскій (онъ же романо-германскій) міръ противопоставляется часто, какъ нѣчто однородное, славяно-православному; но славянофилы все-таки разсуждаютъ о вѣроисповѣданіяхъ, какъ чисто національныхъ признакахъ, какъ о проявленіяхъ той или другой національной стихіи въ области религіи. Но, такъ какъ только въ православіи сохранилась единая, откровенная, вселенская истина, то этимъ самымъ славянская правда получаетъ гарантію безусловности. Я только отмѣчаю это умозаключеніе. Сказать же объ немъ ничего не имѣю, кромѣ развѣ того, что нить сомнѣній и здѣсь обрывается совершенно внезапно. Любопытнѣе другія гарантіи, относительныя. Добываются они вотъ какъ.

«Искренній католикъ (вы ужъ должны примириться съ вѣроисповѣданіемъ, какъ проявленіемъ національности), искренній католикъ, по рѣзко опредѣленной ограниченности своего взгляда, лишается способности высказать полную правду о борьбѣ римской церкви съ реформаціей; за то онъ постигнетъ и внесетъ въ науку не только все великое и общечеловѣческое, созданное католицизмомъ, но и самыя глубокія психологическія условія, вызвавшія католицизмъ... Нѣмецкій историкъ, можетъ быть, превратно представить въ своемъ разсказѣ характеръ борьбы германскихъ государствъ съ славянскими племенами; онъ не уразумѣетъ вполнѣ возстанія гусситовъ и увидитъ въ нихъ не болѣе, какъ грубыхъ предшественниковъ Лютера и Кальвина; онъ проглядитъ заслугу, оказанную западной Европѣ Польшею, сдержавшею въ теченіи цѣлаго вѣка напоръ турецкаго завоеванія, и заслугу Россіи, изжившей на себѣ давленіе монголо-татарскаго племени, побѣдившей его и чрезъ это укрупнившей за собой право мирнаго на него воздѣйствія; за то онъ яснѣе другихъ почувствуетъ и живѣе передастъ мировое значеніе германскаго племени въ судьбахъ человѣчества; ни одно проявленіе германскаго духа не ускользнетъ отъ его сочувствія и, чрезъ его на-

родное возрѣніе, хотя бы и нечуждое односторонности, войдетъ въ общее достояніе науки и сдѣлается доступнымъ для общечеловѣческаго пониманія участіе въ исторіи одного изъ великихъ народныхъ дѣятелей... Можно ли отрицать, что русскому, потому что онъ—русскій, и въ той мѣрѣ, въ какой онъ—русскій, духъ нашей исторіи, мотивы нашей поэзій, весь ходъ и все настроеніе народной жизни откроется яснѣе и полнѣе, чѣмъ французу, хотя бы послѣдній вполне овладѣлъ русскимъ языкомъ и такой массою матеріаловъ, какою никогда не располагалъ ни одинъ русскій ученый?» («Два слова о народности въ наукѣ»): Изъ этого можно, по первому взгляду, сдѣлать только то скромное заключеніе, что свой свое понимаетъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и односторонне, но глубже, чѣмъ чужой чужое. Слѣдовательно—достоинства русской правды, русскаго пониманія вещей не выходятъ за предѣлы русской исторіи: здѣсь русскіе люди такіе-же хозяева, какъ французы, нѣмцы и проч. у себя. Но это было бы слишкомъ скромно для славянофиловъ, да и вообще слишкомъ узко. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ Самарина, онъ (и вообще славянофилы) вовсе не отрицалъ общечеловѣческихъ элементовъ исторіи. Онъ полагалъ, что каждая національность, разрабатывая свое и съ своей особенной точки зрѣнія, вноситъ результаты своей работы въ нѣкоторую общую сокровищницу, гдѣ различныя односторонности другъ друга уравниваютъ. Это очень важно замѣтить, потому что славянофилы часто, и иногда не безъ основанія, жаловались, что ихъ не понимаютъ именно на этомъ пунктѣ. И въ самомъ дѣлѣ, это пунктъ очень важный; но въ рукахъ славянофиловъ онъ, къ сожалѣнію, игралъ такую же двусмысленную роль, какъ и ихъ свептицизмъ. Наставая на общемъ положеніи о естественной односторонности всего, прошедшаго сквозь призму національности, они дѣлали, однако, рѣзкое изъятіе изъ этого общаго правила въ пользу національности русской или вообще славянскій. Здѣсь-то они и прибѣгали чаще всего къ безусловной гарантіи, даваемой православіемъ. Но иногда они и безъ нея обходились. Такъ, Самаринъ чрезвычайно гордо заявляетъ въ одномъ мѣстѣ: «Мы дорожимъ старою Русью не потому, что она старая или что она наша, а потому, что мы видимъ въ ней выраженіе тѣхъ началъ, которыя мы считаемъ человѣческими или истинными, а вы, можетъ быть, считаете національными и временными» (104). Опять прыжокъ. Значитъ, русскія національныя начала, не въ примѣръ прочимъ, оставаясь національными, суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, начала общечеловѣческія и безусловно истинныя. Значитъ, далѣе, рѣчь здѣсь идетъ не объ томъ только, что русскій человѣкъ можетъ глубже понимать русскую исторію, чѣмъ, напримеръ, французъ, и, наоборотъ, французъ лучше понимаетъ свою исторію, чѣмъ русскій. Нѣтъ, этого мало. Русскій человѣкъ способенъ выработать такія общія научныя положенія, такую Правду, которая можетъ и должна быть принята всѣми человѣками,

безъ различія національностей, въ качествѣ общечеловѣческой, хотя сама она вышла изъ нѣдръ національности. Это—национальность избранная, которой законы не писаны, которая сама призвана писать другимъ законы. Само собою разумѣется, что, кромя неподлежащей возраженіямъ ссылки на православіе, положеніе это очень трудно подтвердить еще чѣмъ-нибудь. По этому славянофилы прибѣгали къ такому обороту мысли, нѣкоторыя подробности котораго должны васъ очень интересовать. «Если католикъ, говоритъ Самаринъ:—внесъ въ область науки свое ограниченное воззрѣніе на римскую церковь, если лютеранинъ такъ же односторонне опредѣлилъ значеніе реформаціи, если ни отъ того, ни отъ другого мы не можемъ ожидать послѣдняго слова, опредѣленія взаимнаго отношенія двухъ вѣроисповѣданій; то почему не допустить, что произнести это слово призванъ тотъ, кто не участвовалъ въ борьбѣ, не заразился возбужденными ею страстями и, по возвышенности своей точки зрѣнія, стоитъ надъ сторонами, ведущими между собой споръ? Если таково призваніе православнаго мыслителя, то не ясно ли, что оно выпадаетъ ему не ради превосходной силы его ума, а единственно потому, что мысль его воспитается въ другой духовной средѣ и что примиреніе противоположностей будетъ ему доступно не столько, какъ требованіе религіознаго сознанія, но какъ осуществленный фактъ въ полнотѣ духовной жизни православной церкви? Обнаруженіе односторонности выработанныхъ воззрѣній и примиреніе ихъ путемъ возведенія противоположностей въ высшій строй явленій, можетъ быть, предстоить намъ и въ другихъ областяхъ знанія. Можетъ быть, вопросы объ отношеніи личной свободы къ общественному предуставленному порядку, о соглашеніи выгодъ сосредоточенности поземельнаго владѣнія и раздробленія земли на мелкіе участки и многіе другіе найдутъ свое разрѣшеніе именно у насъ, вслѣдствіе того, что наука найдетъ ихъ въ жизни и взглянетъ на самые вопросы съ новой точки зрѣнія, на которую поставитъ ее народная жизнь. Можетъ быть также, что это мечта; но возможность подобнаго участія въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ оправдывается прошедшими вѣками. Въ отвѣтъ на міровой запросъ, исторія не приноситъ логической формулы, а выводитъ на сцену новаго дѣятеля, живой бытъ свѣжаго народа, и, много спустя, мысль, воспитанная въ сочувствіи съ нимъ, возводитъ его на степень понятія и переноситъ изъ дѣйствительности въ область науки, какъ понятіе, какъ законъ» (117).

Вы видите, что здѣсь, рядомъ съ гарантіей безусловной, предлагается, но сравнительно довольно робко, гарантія относительная, зависящая отъ «свѣжести» русскаго народа. Не всегда, однако, славянофилы такъ робко настаивали на блестящей будущности Россіи, какъ вершительницы судебъ міра. Робость часто переходила въ дерзость, даже малоосмысленную, гадательныя предположенія—въ полнѣйшую достовѣрность, скромныя напѣвы

надежды и ожиданий — въ нахально-побѣдный маршъ, и весь скептицизмъ исходной точки разбивался въ дребезги. Для всего этого нужно же было имѣть хоть что нибудь за душой, хоть какой нибудь призракъ, фантомъ; нужно же было найти въ русской исторіи и въ русскомъ бытѣ что-нибудь, если не въ дѣйствительности блистающее всѣми цвѣтами радуги красоты, то, по крайней мѣрѣ, поддающееся соответственной идеализаціи. Славянофилы нашли это «что нибудь» въ удачномъ разрѣшеніи Русью самаго важнаго вопроса изъ всѣхъ, передъ которыми когда-либо оставался въ раздумьи человекъ. Это — вопросъ объ отношеніи личности къ обществу. Древняя Русь, говорили славянофилы, завѣщала намъ общинное начало, и какъ осуществленный уже фактъ, и какъ идею, присущую народному духу. Подъ общиннымъ началомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть не то, что подразумѣвается подъ нимъ въ просторѣчій, а вообще свободное, сознательное, но смиренное подчиненіе личности цѣлому; свободное и сознательное отреченіе личности отъ своего полновластія. Этимъ путемъ сложились и держатся русскій «міръ», русская семья, русское государство. Вотъ чѣмъ мы хороши и святы, вотъ что предстоить намъ побѣдоносно пронести по всему бѣлому свѣту подъ звуки побѣдоноснаго марша. Въ древней Руси драгоценная способность личности къ смиренію, къ страданію и самопожертвованію ради интересовъ цѣлаго общества составляла достоинство всѣхъ русскихъ людей, что и доказывается болѣе или менѣе искусно или, пожалуй, болѣе или менѣе неискусно обфактованнымъ подборомъ историческихъ фактовъ. Но къ нынѣшнему времени оно сохранилось, вообще говоря, только въ народѣ, въ низшихъ классахъ общества. Такъ, чтобы привести хоть одинъ примѣръ: «въ понатіяхъ русскаго человека (мужика), женщина только до замужества живетъ для себя и старается нравиться кому хочеть. Съ выходомъ замужъ, эта веселая, беззаботная пора смѣняется другою, болѣе строгою. Начинается трудъ, подвигъ жизни и постоянное жертвованіе собою мужу, семьѣ и дому. Жена, мать, хозяйка живетъ уже не для себя, а для другихъ, и всѣ свои требованія и вкусы подчиняетъ желаніямъ и волѣ своего мужа, главы семейства. Ему одному она старается угождать и нравиться» (128, въ примѣчаніи). Въ подобныхъ явленіяхъ славянофиламъ дорога именно свобода, сознательность самопожертвованія и страданія. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что и къ этой свободѣ и сознательности они относились довольно таки двусмысленно, дѣлая изъ нихъ даже нѣчто въ родѣ упрека, когда имъ указывали на нѣчто подобное въ западной Европѣ. Такъ, въ пору знаменитыхъ споровъ объ общинномъ землевладѣніи, они не разъ доказывали, что европейская ассоціація, какъ бы далеко ни пошла она въ своемъ развитіи, всегда будетъ страдать преднамѣренностью, какъ бы излишнею сознательностью, тогда какъ русская община есть нѣчто органическое,

стихийное, съ молокомъ матери всосанное и потому, дескать, особенно прочное.

Такъ или иначе, но общинное начало сохранилось у насъ только въ народѣ. Вотъ почему «сближеніе съ народомъ можетъ быть еще болѣе необходимо для образованнаго класса, чѣмъ для самого народа. Во всѣхъ странахъ міра кругъ образованности, приобретаемой учениемъ въ городскомъ быту, съ каждымъ днемъ стѣсняется и мелѣетъ. Вездѣ знаніе логическое, которому подножіемъ служитъ отрицаніе непосредственности и сознанія жизненнаго, отказывается человѣку въ удовлетвореніи духовныхъ потребностей, самыхъ высокихъ и вмѣстѣ самыхъ простыхъ; онъ не находитъ въ немъ ни живыхъ побужденій къ дѣятельности, ни нормы для своей внутренней жизни. Потерявъ всякую власть надъ самимъ собой, онъ начинаетъ вспоминать и жалѣть о другомъ источникѣ знанія и жизни, когда-то ему доступномъ, но къ которому тропа для него потеряна; онъ ищетъ красотъ чего-то, чего не дадутъ ему ни книги, ни комфортъ жизни и что, въ простотѣ своей предугадываютъ дѣти и постигаетъ народъ. Народъ сохранилъ въ себѣ какое-то здравое сознаніе равновѣсія между субъективными требованіями и правами дѣйствительности, сознаніе, заглушенное въ насъ одностороннимъ развитіемъ личности; назидательные уроки жизни доходить прямо и безпрепятственно до его неотуманеннаго разума; ему доступенъ смыслъ страданія и даръ самопожертвованія. Все это не преподается и не покупается, а сообщается непосредственно отъ имущаго къ нищему. Усвоивъ себѣ жизнь народную и внося въ нее свое знаніе и свой опытъ, образованный классъ не останется въ накладѣ — онъ получитъ много взамѣнъ. Впрочемъ, съ какою бы точки бы смотрѣли на отношенія двухъ разлученныхъ другъ отъ друга половинъ нашего общественнаго состава, нѣтъ сомнѣній, что сближеніе необходимо, что первый шагъ должно сдѣлать высшее сословіе и что его должна внушать любовь» (91).

Этой выпиской я кончаю съ Самаринимъ и откладываю его въ сторону. Я не имѣлъ намѣренія писать объ немъ или о славянофилахъ критическую статью. Я хотѣлъ только намѣтить весь цѣль общахъ идей славянофильства, дающихъ поводъ для не-безъинтересной бесѣды о правдѣ и неправдѣ. Уже изъ тѣхъ бѣглыхъ замѣчаній, которыми я сопровождалъ изложеніе наиболѣе общей части ученія славянофиловъ, вы должны были убѣдиться, что это — чрезвычайно странная смѣсь правды и неправды, свѣта и мрака, смѣлаго полета мысли и заачьей трусости, рѣзкой постановки вопросовъ и крайней наивности, а подчасъ и дикости ихъ разрѣшенія. Славянофилы подошли, можно сказать, вплотную къ Правдѣ, но тотчасъ же отвернулись отъ нея и отошли прочь, даже не отошли, а позорно побѣжали.

Первое, что вамъ должно быть дорого въ славянофилахъ и что не повторяется, не повторяется и не можетъ повториться въ его настоящихъ и будущихъ отпрыскахъ, это то, что они никогда не

пытались сознательно разорвать Правду пополамъ; никогда не представлялась славянофиламъ мысль, что истина сама по себѣ, а справедливость сама по себѣ. Напротивъ, идея ихъ высшаго единства внушала не разъ славянофиламъ глубоко продуманныя и прочувствованныя строки. Другое дѣло—самое содержаніе ихъ понятій объ истинномъ и справедливомъ; но объ этомъ рѣчь еще впереди. Именно изъ идеи единства и цѣлостности Правды вытекаетъ ихъ скептическая постановка вопроса о чистой истинѣ. Но здѣсь вѣрна только постановка. Самый анализъ постороннихъ вліяній, осложняющихъ умственную работу человѣка, азбучно несостоятеленъ, такъ какъ рѣшительно ничѣмъ нельзя оправдать свода всѣхъ этихъ осложняющихъ вліяній къ одному элементу національности. Безспорно слѣдующее положеніе: приступая къ какому бы то ни было умственному акту, человѣкъ, кромѣ непосредственнаго наблюденія или размышленія, руководится извѣстною точкою зрѣнія, обусловленною его прошлымъ; весь его сознательный или безсознательный прошлый опытъ, располагаясь въ извѣстную систему, побуждаетъ его съ большею или меньшею силою смотрѣть на вещи такъ или иначе и даже видѣть то или иное. Въ общихъ чертахъ, вы почти всегда можете предсказать, какъ тотъ или другой человѣкъ отнесется къ совершенно новому для него факту, объ которомъ онъ прежде никогда не думалъ. Разумѣется, для этого вы должны знать его прошлое, знать, на примѣръ, какія онъ книги читалъ, съ какими людьми дружилъ, въ какомъ кругу вращался, какія наблюденія имѣлъ случай дѣлать. Весь этотъ опытъ уже предопредѣляетъ до извѣстной степени его отношеніе къ новому для него факту. Поэтому то и бываетъ такъ бесполезна прямая, такъ сказать, нахрапная, пропаганда какихъ бы то ни было, даже самыхъ высокихъ идей, если для усвоенія ихъ нѣтъ подходящей почвы въ умѣ людей, которымъ эти идеи проповѣдуются. Если вы захотите внушить человѣку идею, для васъ безусловно вѣрною, то прежде всего вы должны изучить этого человѣка и затѣмъ подойти къ нему съ той стороны, съ которой идея можетъ оказаться для него доступною. Для этого вамъ, можетъ быть, придется долго шевелить его систематизированный прошлый опытъ или, какъ хорошо выражается Самаринъ, «основной слой отвердѣлыхъ представленій и понятій»; придется говорить о вещахъ, можетъ быть, съ виду совершенно постороннихъ вашей идеѣ. Иначе вы ничего не добьетесь и вызовете даже, можетъ быть, несмотря на всѣ ваши благія намѣренія, враждебное отношеніе къ вамъ, какъ къ человѣку, очевидно, чужому. «Основной слой отвердѣлыхъ представленій и понятій» всегда существуетъ. Человѣкъ приступаетъ къ любому умственному процессу всегда съ нѣкоторымъ, сознательно или безсознательно предвзятымъ рѣшеніемъ. Таковъ законъ природы. И хотя, въ противность мнѣнію Самарина и другихъ, въ законахъ природы нигдѣ не писано, чтобы этотъ «основной слой» безусловно не подлежалъ провѣтриванію и измѣненіямъ, но

приступать къ такому провѣтриванію слѣдуетъ съ большими предосторожностями.

Въ числѣ вліяній, осложняющихъ всякій умственный процессъ, національные элементы, само собою разумѣется, играютъ извѣстную роль, но, къ счастью или къ несчастью, не въ нихъ вся сила, далеко, очень далеко не вся. Упуская это изъ виду, славянофилы обставляютъ свое положеніе очень скучными аргументами «отъ разума». Нѣсколько богаче арсеналъ ихъ доводовъ «отъ примѣра». Они любили указывать, что такое-то ученіе, не только политическое, а и научное или философское, развивалось преимущественно въ такой-то странѣ, потому что, дескать, здѣсь только оно находило для себя подходящую національную почву. Рѣшительно всё ихъ этого рода примѣры могутъ и должны быть истолкованы совсѣмъ иначе. Взять хоть бы ихъ любимый примѣръ распространенія либерально-экономическихъ ученій изъ Англіи. Национальнымъ англійскимъ продуктомъ ихъ можно признавать развѣ въ очень слабой степени. Во-первыхъ, потому, что въ выработкѣ ихъ въ самой Англіи принимали участіе совсѣмъ не англичане вообще, а извѣстные только слои англійскаго общества, и другіе слои того же англійскаго общества постоянно противъ нихъ протестовали и протестуютъ. Во-вторыхъ—потому, что либерально-экономическія ученія обошли всю Европу, не исключая и Россію, находя себѣ глшатаевъ именно въ тѣхъ слояхъ различныхъ національностей, которые воздвигнули ихъ и въ Англіи. Такимъ образомъ, ученія эти суть не національные, а сословные продукты, разумѣя подъ сословіемъ группу людей съ опредѣленными интересами, отличными отъ интересовъ остальныхъ частей націи. Славянофилы никогда не ставили такимъ образомъ вопроса, отчасти по искреннему недоразумѣнію, отчасти сознательно. Хотя сословный элементъ, какъ осложняющее начало, имѣетъ рѣшительно столько же правъ на признаніе, какъ и національный, но въ общемъ сознаніи какъ-то ужь утвердилась та мысль, что гнуть Правду въ угоду сословнымъ интересамъ стыдно. Идея національныхъ интересовъ находится въ совсѣмъ иномъ положеніи. Благодаря смѣшенію словъ нація и народъ, каковымъ смѣшеніемъ славянофилы занимались, а грядущіе наши національ-либералы (чего Воже сохрани!) будутъ заниматься систематически, національные интересы представлялись интересами прямо мужика. Это выходило какъ будто очень красиво, даже самоотверженно или, по крайней мѣрѣ, благотворительно. Но и безъ этого самоотверженія, все-таки нація, это вѣдь цѣлое, обнимающее собою всѣхъ, и каждого. Теперь вы понимаете, вѣроятно, хотя и не всё понимаютъ, что это—грубый софизмъ, что интересы націи, въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ не существуютъ, что за этими красивыми и благородными словами скрываются вполне осязательные интересы верхнихъ слоевъ націи. Но для усвоенія этой истины надо все-таки немножко подумать

очень, впрочемъ, немножко. Вотъ, напримѣръ, Самарину очень нравится, что истинно-русская женщина до заму́жества гуляетъ какъ ей угодно, но, вступая въ семью, въ нѣкоторое цѣлое, отдается ему вполне, стираетъ въ угоду ему свою личность. Дѣло, однако, здѣсь вовсе не въ цѣломъ, а въ вершинѣ цѣлаго, и Самаринъ просто не хочетъ понять этого, когда говоритъ: «начинается трудъ, подвигъ жизни и постоянное жертвованіе собою мужу, семьѣ и дому. Жена, мать, хозяйка живетъ уже не для себя, а для другихъ, и всѣ свои требованія и вкусы подчиняетъ желаніямъ и волѣ своего мужа, идеѣ семейства». Казалось бы, ясно, что мужъ есть такой же членъ цѣлаго, семьи, какъ и жена, а, слѣдовательно, если даже допустить, что ломать и давить личность въ интересахъ цѣлаго значить дѣлать хорошее дѣло, то изъ этого еще вовсе не вытекаетъ, чтобы подчиненіе жены желаніямъ и волѣ мужа было достойно похвалы. И, однако, для Самарина это именно такъ. Подобное смѣшеніе понятій еще соблазнительнѣе, когда рѣчь идетъ объ общественныхъ группахъ, болѣе сложныхъ и обширныхъ, чѣмъ семья. И дѣйствительно, тутъ смѣшеніе понятій достигаетъ часто чудовищныхъ размѣровъ, вслѣдствіе чего образуется мутная вода, въ которой одни добросовѣстно тонуть, а другіе недобросовѣстно рыбу ловятъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ вѣдь легко наговорить хорошихъ словъ, въ родѣ: самоотверженіе, преданность интересамъ цѣлаго, свободное и сознательное отреченіе личности отъ своего полномасштабна и проч., и проч., и проч. Легко даже увлечь кое-кого этими словами и заставить людей жертвовать собою въ интересахъ яко бы цѣлаго, а въ сущности ничтожнѣйшей его части. Отсюда всякаго рода іезуитизмъ противъ одного частнаго выраженія котораго — дѣйствій іезуитскаго ордена — Самаринъ такъ много ратовалъ. Іезуитизмъ, какъ закланіе личной совѣсти на алтарѣ будто бы цѣлаго или его сверхъестественной персонификаціи, а въ сущности на алтарѣ кучки вожаковъ какой-нибудь партіи, ордена, кружка, общества, секты и проч., есть дѣйствительно дѣло возмутительное. И для васъ это очень важно замѣтить; но замѣйте также, что не вездѣ, гдѣ говорится о свободѣ личности, она дѣйствительно подразумевается и цѣнится. Находя въ русской исторіи какое-то систематическое торжество смиренія и сознательнаго отреченія личности отъ своего полномасштабна, славянофилы, какъ извѣстно, громили европейскую цивилизацію за преобладаніе въ ней личнаго элемента. При этомъ пускались въ ходъ жалкія слова, въ родѣ: эгоизмъ, презрѣніе къ общественнымъ интересамъ, неразвитость общиннаго начала. Сама западная цивилизація, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, какъ бы вторила этимъ громамъ изъ Москвы, съ гордостью выставляя преобладаніе личнаго начала, какъ осуществленный фактъ и строго обслѣдованную теорію, но, разумѣется, идеализируя его, а не ругая. И все это неправда. Въ средніе вѣка въ Европѣ, конечно, не было никакого преобладанія личнаго начала, потому что личность сжималась тисками цѣлаго, которое называ-

лось то цехомъ, то гильдіей, то общиною, то церковью, то крѣпостными отношеніями, то феодальной системой. Чтѣ же произошло, когда эти многоразличныя узы отчасти совсѣмъ распались, отчасти ослабли? Вы очень хорошо знаете, чтѣ произошло. Вы знаете, что, напримѣръ, въ экономической области европейской жизни преобладаетъ совсѣмъ не личность, а капиталъ, а это, разумѣется—не одно и то же. Вы знаете, что, хотя отношенія европейскихъ капиталиста и рабочаго не имѣютъ формально-обязательнаго характера, но на самомъ дѣлѣ, при существующихъ условіяхъ, капиталистъ такъ же нуженъ рабочему, какъ рабочій капиталисту. Они могутъ, пожалуй, разсуждать о своей личной свободѣ, но, въ дѣйствительности, они прикованы другъ къ другу такими цѣлями, которыя ни въ чемъ, пожалуй, не уступаютъ многоразличнымъ цѣлямъ, лежавшимъ на личности въ средніе вѣка. Такимъ образомъ, цѣлое, въ составъ котораго входятъ капиталисты и рабочіе, совершенно подавляетъ личность, и преобладаніе личнаго начала есть мнѣ, ничѣмъ пока не отразившійся въ фактическомъ положеніи вещей. Дѣло только въ томъ, что личность европейскаго рабочаго, освободившись отъ формально-обязательныхъ узъ и не будучи безгласною, можетъ безпрепятственно заявлять объ томъ, что ея интересы и интересы общающаго ее цѣлаго—совсѣмъ не одно и то же, что интересы этого цѣлаго, собственно говоря, вовсе не существуютъ, потому что подъ ними скрываются интересы хозяевъ. Вотъ еслибы цѣлое было разорвано, еслибы рабочій могъ не нуждаться въ хозяинѣ или—чтѣ въ концѣ концовъ одно и то же—наоборотъ, тогда можно бы было говорить о торжествѣ личнаго начала, потому что тогда въ одной личности сосредоточивались бы всѣ тѣ ея атрибуты, которые теперь распределены по различнымъ группамъ. Теперь же мы видимъ преобладаніе не личности, а одного, оторваннаго, отвлеченнаго атрибута личности, усвоеннаго группою людей съ своими особенными интересами.

Все это должно быть вамъ хорошо извѣстно. Но, въ частныхъ случаяхъ, вы, можетъ быть, не всегда становились на надлежащую точку зрѣнія. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что вопросъ объ отношеніи личности къ обществу очень обширенъ и можетъ представиться вамъ, въ практической жизни, въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ. Я постараюсь напомнить нѣкоторыя изъ нихъ, какъ я думаю, наиболѣе для васъ важныя.

Всѣ умственныя, всѣ психическія процессы совершаются въ личности и только въ ней; только она ощущаетъ, мыслить, страдаетъ, наслаждается. Это—азбучная истина, но вы должны помнить и твердо держаться ея, не презирая ея азбучности, потому что на искалѣченіи ея строится множество политическихъ софизмовъ. Всякіе общественныя союзы, какія бы громкія или предвзятно-симпатичныя для васъ названія они ни носили, имѣютъ только относительную цѣну. Они должны быть дороги для

вась постольку, поскольку они способствуют развитію личности, охраняют ее от страданій, расширяют сферу ея наслажденій. Таковъ конечный смыслъ всѣхъ разсужденій на политическія темы, если только разсуждающіе доводятъ разсужденіе до логическаго конца, а не свертываютъ по дорогѣ къ нему въ сторону. Напомню наши споры о поземельной общинѣ. Противники ея утверждали, что община связываетъ личность крестьянина, насильно держитъ его у земли, налагаетъ на него цѣли. Сторонники общины, по крайней мѣрѣ, благородные, не дѣлали себѣ, однако, изъ нея фетиша, передъ которымъ надо было разбивать. Они не говорили, что община дорога, потому что она—община. Они видѣли въ ней надежное убѣжище для крестьянской личности отъ грядущихъ бѣдъ капиталистическаго порядка. Правда была на ихъ сторонѣ, потому что съ распущеніемъ общины, если не явится какой-нибудь противовѣсъ со стороны, у насъ долженъ повториться процессъ европейскаго экономическаго развитія, а тамъ, какъ мы видѣли, личность вовсе не торжествуетъ. Но дѣло не въ этомъ; споръ объ общинѣ насъ здѣсь не интересуетъ. Я говорю только, что объ сторонѣ самымъ ходомъ изслѣдованія вынуждены были принять мѣрло значенія общины судьбу личности. Они только разсмотрѣли на нее: одни понимали, другіе не понимали или умышленно не хотѣли понимать. Понимавшіе, хотя и стояли, по видимости, на почвѣ стѣсненія личной свободы, стояли, въ сущности, за личность, и стояли твердо. Наоборотъ, не понимавшіе и не хотѣвшіе понимать, несмотря на всѣ свои разглагольствованія на тему личной свободы и личныхъ интересовъ, постоянно сворачивали съ этой дороги въ сторону, главнымъ образомъ, разысывая перлы краснорѣчія насчетъ экономическаго процвѣтанія отечества, національнаго богатства и т. п. Богатство же есть опять-таки только оторванный, отвлеченный атрибутъ личности, а національное богатство—плодъ недоразумѣнія. Значить, какія бы медоточивыя уста ни приглашали вась къ фетишизму передъ общественными союзами всевозможныхъ наименованій, вы должны уклониться отъ позорной роли идолопоклонника, готоваго на человѣческія жертвоприношенія. Личность никогда не должна быть принесена въ жертву; она свята и неприкосновенна, и всѣ усилія вашего ума должны быть направлены къ тому, чтобы самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить въ каждомъ частномъ случаѣ за ея судьбами и становиться на ту сторону, гдѣ она можетъ восторжествовать. Слова, въ родѣ «общее дѣло», «общественные интересы», «общая польза» отнюдь не должны вась смущать, потому что подъ этимъ флагомъ слишкомъ часто провозится контрабанда. Я не то хочу сказать, чтобы они никогда не имѣли смысла, но за ними надо смотрѣть въ оба. Въ вопросахъ сравнительно мелкихъ, затрагивающихъ небольшія группы людей, разобраться въ этомъ смыслѣ, обновенно, вовсе не трудно. Но въ вопросахъ, обнимающихъ большія

массы, можетъ явиться сомнѣніе относительно приложимости мѣры личности. Я сейчасъ скажу, чѣмъ, въ такихъ случаяхъ, личность можетъ быть, удобства ради, замѣнена.

Но прежде поговоримъ объ одномъ возраженіи, которое легко предвидѣть. Можетъ быть, вы даже не безъ негодованія отвернетесь отъ предлагаемой точки зрѣнія, которую я нарочно ставлю такъ рѣзко, такъ ребромъ. Можетъ быть, вы скажете: проповѣдь эгоизма! теорія личнаго благополучія! — намъ это не нужно. Нѣтъ, вамъ это нужно. Возраженіе неосновательно; но, повѣрьте, я очень цѣню его мотивы, и уже изъ одного этого вы можете заключить, что я несу вамъ не проповѣдь эгоизма, какъ его обыкновенно понимаютъ и какъ вы его понимаете. Ваше возраженіе, несмотря на его неосновательность, гораздо мнѣ ближе, симпатичнѣе, чѣмъ сочувствіе людей, которые думаютъ, что защита личнаго начала есть проповѣдь эгоизма и что теорія, имѣющая краеугольнымъ камнемъ личность, должна оправдать ихъ обдѣлываніе личныхъ дѣлишекъ.

Эгоизмъ эгоизму рознь и словъ пугаться не слѣдуетъ; особенно вамъ это не къ лицу. Уже изъ предыдущаго вы должны видѣть, что тамъ, гдѣ вамъ указываютъ на торжество личнаго начала, личность на дѣлѣ можетъ оказаться сильно подавленою и искалѣченною. Въ эту ошибку, умышленно или неумышленно, очень часто впадаютъ какъ теоретики любви къ ближнему и самопожертвованія, такъ и теоретики эгоизма. Я напомню вамъ двѣ-три черты ученія одного изъ всесвѣтно знаменитыхъ теоретиковъ эгоизма. Разумѣю Бентама. Онъ утверждалъ, что единственный руководитель челоѣка есть личный интересъ, что челоѣкъ естественно ищетъ наслажденій и бѣжить страданій; а затѣмъ никакихъ другихъ мотивовъ дѣятельности нѣтъ; поэтому, какъ ученіе о нравственности, такъ и законодательство должны быть построены на тѣхъ же основаніяхъ. Тутъ Бентамъ дѣлаетъ ничѣмъ, съ его основной точки зрѣнія, неоправдываемый прыжокъ отъ личнаго интереса къ общей пользѣ, а затѣмъ погружается въ море обиденныхъ либеральныхъ доктринъ, кое-что въ нихъ урѣзываетъ, кое-что къ нимъ прибавляетъ. Ученіе о нравственности, по его мнѣнію, должно только помогать челоѣку въ сложныхъ расчетахъ кредита-наслажденія и дебетастраданія, которые могутъ представиться въ жизни. Если же другія теоріи нравственности уклоняются отъ этой задачи, то по простому недоразумѣнію: онѣ сами не понимаютъ, чего хотять. Для доказательства этого, Бентамъ подвергаетъ критикѣ всѣ ученія о нравственности, сводя ихъ къ двумъ типамъ. Одни, говоритъ онъ, основываютъ нравственность на началахъ симпатіи и антипатіи, другіе — на аскетизмѣ. Вотъ только на эту критику аскетическихъ ученій я и обращаю ваше вниманіе. Она должна выяснять намъ многое.

На первый взглядъ, принципъ аскетизма діаметрально противоположенъ принципу личнаго интереса и пользы и даже не

поддается никакому объясненію съ точки зрѣнія послѣдняго: аскетъ бѣжитъ наслажденій и ищетъ страданій. Объясненіе, однако, очень просто. Когда аскетизмъ появляется только въ видѣ разумнаго воздержанія, то это дѣло простаго расчета и, слѣдовательно, прямо подходитъ подъ формулу разумно понятаго личнаго интереса. Объ этомъ и говорить не стоить. Но воздержаніе переходитъ иногда въ осужденіе наслажденія, какъ чего-то унижающаго человѣческое достоинство. Этого взгляда придерживаются многіе моралисты-философы, но ими руководить просто честолюбіе, жажды славы, репутаціи добродѣтельныхъ людей или мудрецовъ. Значить и здѣсь мы имѣемъ только видоизмѣненіе принципа личнаго интереса: наслажденіе громкою репутаціей перебививаетъ порывы къ другимъ наслажденіямъ. Въ людяхъ мало образованныхъ аскетизмъ достигаетъ иногда своей высшей формы: люди не только избѣгаютъ наслажденій, но прямо ищутъ страданій. И это тоже очень просто: они надѣются, что блага загробной жизни съ избыткомъ вознаградятъ ихъ за претерпѣваемыя ими на землѣ страданія, а потому они ведутъ все-таки ту же самую линію личнаго интереса, которую, повидимому, отрицаютъ и которой, въ той или иной формѣ, держатся всѣ люди.

Такъ объясняетъ Бентамъ аскетизмъ. Чтобы оцѣнить всю тупость этого объясненія, я приведу слѣдующія ироническія (если это не иронія, то тѣмъ хуже) слова Бентама: «Разные монашескіе ордена и общества квакеровъ, домплиеровъ, моравскихъ братьевъ и другія религіозныя общины были свободныя общества, къ принятію правилъ которыхъ никто не могъ быть вынуждаемъ безъ собственнаго согласія. Сколько бы человѣкъ ни думалъ находить заслугу въ дѣланіи себя несчастнымъ, повидимому, ни въ одномъ изъ этихъ обществъ не появлялось никогда мысли, что для человѣка можетъ быть заслугой, если не обязанностью, дѣлать несчастными другихъ; хотя казалось бы, что, если известное количество несчастія есть такая возделѣнная вещь, то было бы все равно, будетъ ли каждый самъ себя дѣлать несчастнымъ, или одинъ будетъ дѣлать несчастнымъ другого... Дать себѣ известное число ударовъ бича было дѣйствительно заслугой для человѣка; но дать то же число ударовъ другому, безъ его согласія, было бы грѣхомъ...»

Бентамъ недоумѣваетъ, почему аскетъ истязуетъ самого себя, но другаго, безъ его согласія, истязать не станетъ. А недоумѣваетъ онъ потому, что не понимаетъ ни объективныхъ, внѣшнихъ источниковъ аскетизма, ни его субъективныхъ, внутреннихъ побужденій. Аскетизмъ, съ одной стороны, гораздо ближе къ принципу личнаго интереса, а съ другой — гораздо дальше отъ него, чѣмъ думаетъ знаменитый пророкъ утилитаризма. Конечно, какой-нибудь Сенека, щеголавшій теоретическимъ презрѣніемъ къ наслажденіямъ и бывшій, въ то же время, прихвостнемъ Нерона, могъ развивать свои нравственныя томъ единственно въ видахъ репутаціи и славы. Справедливо, что честолюбіе можетъ

повести и къ практическому осуществленію аскетическаго принципа. История знает не мало такихъ примѣровъ. Справедливо также, что награда въ будущей жизни большинствомъ аскетовъ принимается въ соображеніе. Но исчерпываются ли эти мотивы всѣмъ источникомъ аскетизма? Рѣшительно нѣтъ. Бенхамъ обратилъ вниманіе только на случайныя привѣскы къ какому-то особенному, специально-аскетическому побужденію — привѣски, берущія начало въ определенной обстановкѣ, которая можетъ быть и не быть на лицо, отнюдь, въ послѣднемъ случаѣ, не устраняя самаго аскетизма. Я ссылаюсь на вашъ личный опытъ. Помните, какъ Рахметовъ дожидаясь на дровахъ, утыканныхъ гвоздями. Надо правду сказать, это довольно неудачный, неумѣльный образъ, но въ немъ есть правда, и вы должны это очень хорошо знать. Вамъ, конечно, не разъ случалось или лично испытывать, или близко около себя видѣть не только совершенно сознательное отреченіе отъ наслажденія, но и прямой позы къ страданію, хотя и не въ такой нескладной и утрированной формѣ, какъ лежаніе на гвоздяхъ. Вы урѣзываете свой бюджетъ наслажденій, прямо ищете лишеній и дѣлаете это, замѣтите, совсѣмъ безъ мысли о славѣ или о какой нибудь наградѣ со стороны. Если не всѣ вы такъ самоотверженны, то вы понимаете все-таки, что это — дѣло очень возможное. И, значитъ, Бенхамъ долженъ бы былъ стать передъ подобнымъ явленіемъ въ тупикъ: онъ не можетъ свести его къ началу личнаго интереса. Съ его точки зрѣнія, такой аскетизмъ (а онъ можетъ идти очень далеко) составляетъ уже не кажуцуюся, а дѣйствительную и непримиримую противоположность личному началу. А между тѣмъ, здѣсь-то именно личное начало и торжествуетъ. Если на васъ не дѣйствуютъ ни стимулы славъ, ни стимулы награды или, по крайней мѣрѣ, кромѣ нихъ, дѣйствуетъ еще нѣчто, то это нѣчто должно состоять исключительно въ примиреніи съ самимъ собой, съ своею собственною личностію. Мимододемъ сказать, Бенхамъ не понималъ даже такой простой вещи, какъ совѣсть, и не понималъ именно потому, что совѣсть есть та почва, на которой происходитъ разладъ и примиреніе съ самимъ собою. Онъ угвралъ, что совѣсть выдумали философы въ родѣ того, какъ нѣмецъ выдумалъ обезьяну (Милль значительно исправилъ эту нелѣпость своего учителя). Всѣ подобныя слова онъ предлагалъ выкинуть изъ лексикона и замѣнить ихъ выраженіями представленій страданія и наслаженія. Оно, пожалуй, можно. Спокойная совѣсть есть состояніе наслаженія, угрызенная, больная совѣсть — состояніе страданія. Это несомнѣнно. И отсюда, съ утилитарной точки зрѣнія, вытекаетъ, что поступковъ, разрѣшающихся угрызѣніями совѣсти, прямой разсѣтъ — избѣгать. Но какъ быть, если совѣсть предписываетъ страданіе, если только этимъ путемъ можетъ возстановиться миръ въ душѣ чловѣка, миръ въ предѣлахъ его собственной личности, совершенно независимо отъ мнѣнія другихъ людей, отъ наградъ, вообще отъ всѣхъ стороннихъ

стимуловъ? Бентамъ отвѣтилъ бы, что человекъ, налагающій на себя какую-нибудь эпитемью, тѣмъ самымъ показываетъ, что страданія, ею причиняемая, для него меньше страданій, производимыхъ угрызениями совѣсти. Но надо же положить какую-нибудь разницу между страданіями, принимаемыми въ видахъ чужого одобренія и награды, и страданіями, принимаемыми единственно по личному внутреннему побужденію. Эта разница, казалась бы, особенно важна для апологетовъ личности, личнаго начала. Не установивъ ее, Бентамъ и оказывается въ такомъ двусмысленномъ положеніи относительно аскетизма. Я утверждаю, что, если держаться основаній бентамовской критики, то аскетизмъ окажется прямымъ и непримиримымъ противорѣчіемъ личнаго интереса, потому что субъективныя его цѣли могутъ не имѣть ничего общаго ни съ жаждою славы, ни съ расчетомъ на какія бы то ни было награды. Но если видѣть въ аскетизмѣ отраженіе жажды внутренняго примиренія съ самимъ собой то онъ несравненно ближе къ принципу личнаго интереса, чѣмъ думаетъ Бентамъ. Во-первыхъ—поскольку аскетъ не дорожитъ чужимъ мнѣніемъ и наградами со стороны, онъ заботится исключительно о себѣ, о спокойствіи своей совѣсти. Во-вторыхъ, аскетъ отрицаетъ всѣ наличныя общественныя союзы, семью, родину, сословныя группы, государство, и удаляется въ лѣса и пустыни или для того, чтобы жить тамъ безусловно одиноко, сторонясь отъ всякаго общенія съ людьми, или для того, чтобы свободно войти въ такую форму общенія, которая удовлетворяетъ его личнымъ вкусамъ. Правда, тамъ онъ налагаетъ на себя, подчасъ, очень тяжелыя узы, отрывается отъ такъ называемой личной собственности, отъ личныхъ привязанностей и проч., но все это онъ дѣлаетъ совершенно произвольно, свободно, по личному желанію и для удовлетворенія требованій своей личной природы. Аскетъ поэтому дѣйствительно полонъ жаждой чисто личнаго счастья, но совѣтъ не по тѣмъ основаніямъ, которыя выставляетъ Бентамъ, или, по крайней мѣрѣ, кромѣ нихъ, еще по особеннымъ основаніямъ. Но если неправъ Бентамъ, то еще больше неправы тѣ, которые видятъ въ аскетахъ какихъ-то смиренниковъ. Помилуйте, какіе же смиренники эти люди, отращающіе отъ ногъ своихъ прахъ всѣхъ исторически выработавшихся общественныхъ отношеній! какіе они смиренники, когда противопоставляютъ свою личность всему «міру», изъ котораго ушли добровольно! Аскетъ хочетъ страдать. Но мало ли страданій представляется и «на міру»? Смирные люди и остаются тамъ, подставляютъ свои шен, тогда какъ аскетъ бѣжитъ—онъ хочетъ страдать по своему. Известно, что аскеты, при удобномъ случаѣ, не разъ приставали къ самымъ крайнимъ партіямъ, мечтавшимъ о ниспроверженіи всего существующаго порядка, и заявляли, такимъ образомъ, желаніе реформировать весь «міръ» согласно своимъ личнымъ идеаламъ.

Все это я только для того говорю, чтобы показать, что въ

понятіяхъ Бентама о личныхъ интересахъ есть какой-то изъянъ. Очевидно, есть такія проявленія личнаго интереса, которыя совершенно ускользають отъ его критики. Не труднѣ видѣть, въ чемъ тутъ дѣло. Бентамъ, въ концѣ-концовъ, несмотря на разныя свои бугады, есть защитникъ и апологетъ такъ называемой системы «свободы и порядка», полнѣе всего осуществлявшейся въ нѣкоторыхъ сторонахъ англійской жизни, но, въ той или другой формѣ, давно и въ разныхъ странахъ бременящей землю. Вы знаете, что въ системѣ этой нѣтъ, собственно говоря, ни свободы, ни порядка, но что ужъ такъ принято ее называть, отчасти въ ироническомъ даже смыслѣ. Личный интересъ, какъ онъ преломляется въ этой системѣ, хотя грубо, однако, все-таки довольно хорошо, изслѣдованъ Бентамомъ. Но обобщать это частное изслѣдованіе, хотя бы оно даже вдесятеро лучше было выполнено, до степени анализа человѣческой природы нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Марксъ очень вѣрно замѣчаетъ, что Бентамъ подставилъ въ своей теоріи, вмѣсто человѣческой природы, природу современнаго англійскаго буржуа. А чѣмъ отличается личность современнаго англійскаго буржуа отъ человѣческой личности вообще? Тѣмъ, что она и не личность даже, а осколокъ личности. Впрочемъ, я не хочу становиться на эту точку зрѣнія, такъ какъ она потребовала бы довольно длинныхъ и, отчасти, уже извѣстныхъ вамъ объясненій. Я напомню тоже извѣстное вамъ, но для настоящаго случая болѣе удобное различіе между типами идеальными и типами практическими. Практическіе типы, это, тѣ, которые быстро приспособляются во всякой обстановкѣ, какъ бы она ни была узка и душна, которые согласны существовать въ видѣ любого колеса любой телеги, хотя бы оно было пятое, которыхъ требованія отъ жизни такъ скромны, что пятакъ, а тѣмъ болѣе двугривенный, ихъ совершенно удовлетворяетъ. Идеальные типы, напротивъ, слишкомъ полны, слишкомъ многосторонни, чтобы уместиться въ какой-нибудь тѣсной рамкѣ. Понятно, что личный интересъ практическаго типа и личный интересъ идеальнаго типа далеки другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Подождите же, значить, негодовать противъ личнаго интереса, пожалуй даже, противъ эгоизма, потому что эгоизмъ эгоизму ровнъ, и надо прежде всего знать, о какомъ сорта личномъ интересѣ идетъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ рѣчь. Пожалуйста, не думайте, чтобы это были ненужныя тонкости и пустяки. Это—дѣло очень важное, потому что жизнь представляетъ и сама по себѣ беду запутанностей, и если сюда еще прибавляются ложныя ассоціаціи идей и словъ, то путаница можетъ, если не совсѣмъ загубить человѣка, то, по крайней мѣрѣ, глубоко унижить его. Личный интересъ нисколько не противорѣчитъ ни самоотверженію, ни сознательному возложенію на себя страданій. Это такъ часто разъяснялось, что настаивать на этомъ мундтѣ нѣтъ надобности, и это его до сихъ поръ не понимаютъ.

тотъ не пойметъ и во вѣки-вѣковъ. Самоотверженіе есть не болѣе, какъ одна изъ формъ личнаго интереса, а потому на него бываютъ способны и практическіе, и идеальныя типы. Но замѣтьте разницу. Практическій типъ такъ срастается съ обстановкой, къ которой онъ приспособленъ, что личный его интересъ, до известной степени, отождествляется съ интересами того дѣла, которое даетъ ему его обстановку. Скажемъ, напримеръ, та истинно русская женщина, которую восхищается Самаринъ. Этотъ смиренный человѣкъ можетъ всю жизнь свою проводить въ самопожертвованіи, нести бремя жизни, какъ теленокъ, отпавшаго на убой, какъ почтовая лошадь, запряженная фельдъегеремъ. И это потому, что она приспособилась къ своей обстановкѣ, только изъ этого окошка и видитъ свѣтъ, весь свой интересъ уложила въ интересъ семьи или, какъ она зывается при ближайшемъ разсмотрѣніи, главы семьи. Пусть славянофилы и лицемѣры поютъ гимны такому смиренію—вы не пристапете къ ихъ хору, вы не восхвалите такого глубокаго униженія личности; вы поймете, что кто одобряетъ такое смиреніе, тотъ одобряетъ и угнетеніе, потому что безъ послѣдняго нѣтъ и перваго: если лошадь возитъ фельдъегера, такъ, значитъ, фельдъегерь ѣздитъ на лошади. Подставьте, вмѣсто семьи, любой общественный союзъ, большой, малый, постоянный, случайный—вы можете найти (можете и не найти, конечно), фельдъегерей и почтовыхъ лошадей, неразрывно другъ съ другомъ связанныхъ и логически другъ друга обуславливающихъ. Именно, вслѣдствіе этой неразрывности, они являются типами практическими, а потому и личные интересы ихъ состоятъ только въ поддержаніи наличныхъ общественныхъ отношеній, въ чемъ бы послѣднія ни состояли, въ системѣ ли «свободы и порядка», или въ чемъ другомъ. Совсѣмъ иной характеръ будетъ имѣть личный интересъ идеальнаго типа, и совсѣмъ иное будетъ его самоотверженіе. Никогда не унижитъ онъ своей личности, по крайней мѣрѣ, будетъ бороться противъ униженія до послѣдней возможности, пробуетъ разнообразныя комбинаціи и, можетъ быть, погибая въ омутѣ практической жизни. Онъ наложитъ на себя обязанности, даже очень тяжелыя, но наложитъ самъ; общественный идеалъ его сложится на основаніи требованій идеала личнаго. При известныхъ особенностяхъ характера, изъ него выйдетъ, болѣе или менѣе ярко выраженный аспектъ, сознательно отсѣивающій въ себѣ тѣ потребности, которыя не находятъ себѣ въ данной средѣ удовлетворенія, какова ему нужно. При другихъ условіяхъ темперамента, онъ будетъ рваться къ удовлетворенію своихъ требованій во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось поставить все окружающее вверхъ дномъ. Между этими двумя крайностями есть, разумеется, множество отѣнковъ, постепенно переходящихъ одинъ въ другой. Такъ или иначе, но идеальный типъ отказывается отъ роли какъ почтовой лошади, такъ и фельдъегера, и личный свой интересъ ула-

дычасть не въ ту или другую наличную общественную систему, а въ общественный идеалъ—въ такой именно идеалъ, гдѣ личность свята и неприкосновенна.

Вы можете смотрѣть на различные историческіе идеальные типы какъ вамъ угодно. Они все-таки носили на себѣ слѣды своего времени и своего мѣста, а потому бывали и невѣжественны, и грубы, и разнообразно искажены. Дѣло не въ этомъ. Я хочу только сказать, что мѣриломъ достоинства всякаго союза—партіи, кружка, семьи, націи и проч.—долженъ служить интересъ личности, разумеется, личности непрактическаго типа, потому что это значило бы мѣрять аршинъ аршиномъ же, а такое мѣренье ничего, кромѣ простого тождества, дать не можетъ. Значить, во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а личности. Она составитъ тотъ центръ, изъ котораго расшлется для васъ во всѣ стороны лучи Правды и освѣтятъ вамъ значеніе того или другого общественнаго союза. Одинъ и тотъ же союзъ можетъ оказаться сегодня твердымъ оплотомъ интересовъ личности, а завтра—ея губителемъ. Но вы не запутаетесь въ этомъ историческомъ калейдоскопѣ, если будете помнить, что всѣ психическіе процессы совершаются въ личности, и только въ ней, что только она получаетъ впечатлѣнія, ощущаетъ, мыслитъ, чувствуетъ, страдаетъ, наслаждается. Легко видѣть, что начало личности одно правомѣрно можетъ вывести изъ того океана скептицизма, изъ котораго славянофилы такъ произвольно выгѣзли на берегъ національности. Дѣло должно быть поставлено такъ. Умственный процессъ совершается въ предѣлахъ отдѣльнаго человѣка, личности. Предѣлы эти уставовлены, съ одной стороны, природою, а съ другой—историческимъ ходомъ вещей. Природныя опредѣленія мы вынуждены брать какъ они есть, не пытаясь ихъ расширять или измѣнять. Поэтому, прежде всего, мы должны выяснитъ, какія границы положены нашему уму природою. Въ этомъ именно состоитъ то, что обыкновенно называется теоріей познания. Я не буду ея здѣсь развѣивать, но вы, конечно, знаете, хотя въ общихъ чертахъ, тѣ результаты, къ которымъ на этотъ счетъ пришло большинство мыслящихъ людей. За малыми и не стоящими большого вниманія исключеніями, всѣ признають, что человѣку доступна только относительная Правда, что животное съ вноу организаціей должно понимать вещи иначе, что Правда, съ точки зрѣнія человѣка, не есть что-нибудь вполне соответствующее природѣ вещей и обязательное для всѣхъ существъ. Человѣкъ добываетъ элементы Правды при помощи пяти чувствъ, а, будь у него ихъ больше или меньше, Правда представлялась бы ему совсѣмъ иначе. Границы, отгѣченныя перстомъ природы, переизмѣнить нельзя. Правда, добытая всѣми средствами, какія представляютъ эти вѣчные предѣлы человеческой личности, есть Правда относительная; но, практически, она,

пожалуй, безусловна для человѣка, потому что выше ея подняться нельзя. Но вотъ историческій ходъ вещей прибавляетъ къ природнымъ опредѣленіямъ, ограниченіямъ человѣской личности, еще свои, особенныя, общественныя. Скажи мнѣ, къ какому общественному союзу ты принадлежишь, и я скажу тебѣ, какъ ты смотришь на вещи. Понятно, что все, добытое поднапоромъ этихъ историческихъ опредѣленій, отстоитъ болѣе или менѣе далеко отъ той полноты Правды, какая доступна человѣку; все это, слѣдовательно—неправда. И нѣтъ никакого основанія предпочитать одну неправду другой: напримѣръ, національную—сословной или наоборотъ.

Но если, такимъ образомъ, все зданіе Правды должно быть построено на личности, то, какъ уже сказано, конкретныя политическія вопросы представляются иногда въ такой сложной формѣ, что прослѣдить въ этой сѣти за интересами и судьбами личности бываетъ очень трудно. Въ такихъ случаяхъ, вмѣсто интересовъ личности, вы поставите интересы народа или, точнѣе, труда. Я не могу теперь представить оправданіе для такой постановки вопроса, потому что времени и мѣста остается мало, а я хотѣлъ бы сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ предметѣ высокой важности.

Славянофилы вѣрили или, по крайней мѣрѣ, говорили, что Россія предстоитъ великая будущность, какъ примирительницѣ различныхъ односторонностей европейской жизни. Ихъ бы устами да медъ пить. А для этого есть нѣкоторые основанія—основанія, впрочемъ, очень скромныя и никакой особенной чести намъ не приносящія. Кто носже другихъ начинаетъ дѣлать каменнубудъ дѣло, тотъ, естественно, пользуется преимуществомъ чужого опыта. Мы носже Европы начали дѣлать свою исторію, значить, можемъ воспользоваться всѣмъ ея историческимъ опытомъ. Воспользуемся ли мы имъ въ дѣйствительности—это другой вопросъ. Я вѣрю, даже знаю, что вы хотите воспользоваться; но боюсь, что вы не обойдетесь безъ ошибокъ, даже довольно элементарныхъ.

Если оставить въ сторонѣ православіе, какъ высшую ступень, на которой должны примириться односторонности католицизма и протестантизма, то наиболѣе важное значеніе славянофилы придавали удачному у насъ разрѣшенію противорѣчій личнаго и общественного начала—противорѣчія, терзающаго западную Европу. Мы видѣли, что славянофилы понимали это дѣло совсѣмъ неправильно, что въ Европѣ, къ сожалѣнію, личное начало не торжествуетъ, а только еще борется за свое существованіе, а наше смиреніе... ну, объ нашемъ смиреніи наде говорить съ болѣшимъ смиреніемъ, чѣмъ это дѣлали славянофилы. Что наиболѣе обще выраженная ваша задача состоитъ именно въ примиреніи личнаго и общественного началъ—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. При этомъ можетъ представиться такой вопросъ: что выше—правила личной нравствен-

ности или общественнаго поведенія, контуры идеала личнаго или общественнаго, такъ какъ между ними возможны колебанія болѣе или менѣе сложныя?

Оставимъ наши дѣла и заглянемъ во Францію. Французскій мужикъ былъ долго забытъ какъ либералами, такъ и социалистами, которые сосредоточивали свое вниманіе на городскомъ рабочемъ, а мужика предоставляли въ вѣдѣніе бонапартистовъ, легитимистовъ, ультрамонтановъ и проч. Послѣдствія известны. Представимъ себѣ теперь двухъ молодыхъ, энергичныхъ и образованныхъ французовъ, скажемъ, Пьера и Жака, задумывающихся о судьбѣ французскаго мужика. Они совсѣмъ разные люди и совсѣмъ по разнымъ причинамъ задумываются. Пьеръ мѣттить въ министры или хоть въ депутаты, но, по общественному положенію или по искренно республиканскимъ убѣжденіямъ, можетъ добиться своего только при республикѣ. Онъ замѣчаетъ, что прочному установленію республики мужикъ мѣшаетъ, потому что съ этой стороны его ниго до сихъ поръ не культивировалъ. Пьеръ рѣшаетъ заняться мужикомъ. Онъ сходится съ подходящими людьми, вырабатываетъ сообща съ ними подробный планъ распространенія въ крестьянскомъ населеніи либеральныхъ и республиканскихъ идей, издаетъ книжки, агитируетъ, словомъ, дѣлаетъ все для просвѣщенія мужика насчетъ легитимизма, бонапартизма и проч. Разсматривая дѣйствія Пьера только съ точки зрѣнія цѣлесообразности, мы увидимъ, что ему нѣтъ никакой надобности быть лично нравственнымъ человекомъ. Онъ можетъ быть просто мошенникомъ, даже пускать въ ходъ мошенническія продѣлки, подлоги, ложь, интригу, насиліе надъ чужой личностью и проч. и все-таки добиться своей цѣли—утвержденія республики приливомъ крестьянскихъ голосовъ. Жакъ находится совсѣмъ въ другомъ положеніи. Онъ не мечтаетъ о карьерѣ министра или депутата, хотя, можетъ быть, и не прочь попасть для извѣстныхъ цѣлей въ палату. Его не мучитъ ни честолюбіе, ни властолюбіе, ни корыстолюбіе, но онъ тоже не безъ душевныхъ мукъ живетъ. Онъ думаетъ: вотъ я—образованный и недурно обставленный человекъ; есть люди и гораздо лучше меня обставленные, а вотъ невѣжествомъ, неимущій, принижанный, коллективный соименникъ мой—Жакъ Бономъ. Это сопоставленіе вызываетъ въ Жакѣ такіа размышленія и такіа чувства, достигающія притомъ такой напряженности, что его жизнь просто отравляется. Нуженъ выходъ и ему представляется ихъ два. Онъ можетъ дозволенными во Франціи средствами уснаго и печатнаго слова требовать осуществленія своихъ идей. Онъ можетъ также заглушить свои муки и сомнѣнія, подойдя къ Жаку Боному влодную, заживъ его жизнью и передавая ему въ обмѣнъ свои знанія, свои болѣе развитыя понятія. Какъ въ первомъ, такъ, въ особенности, во второмъ случаѣ, онъ долженъ быть высоконравственнымъ человекомъ. Интригу, ложь, мелочное самолюбіе, рисовку, развратъ, насиліе, всякаго рода свинство онъ долженъ предоставить Пьеру

и ему подобнымъ, хотя бы уже потому, что Жакъ Бономъ не подпустить его въ себѣ вооруженнымъ этимъ арсеналомъ стараго міра. Да, наконецъ, онъ и не можетъ, органически не можетъ прибѣгать къ подобнымъ орудіямъ, если только ходъ его развитія дѣйствительно таковъ, какъ мы себѣ представляемъ. Въ немъ, вѣдь, по нашему предположенію, совѣсть заговорила, а не желаніе ссадить кого-нибудь съ теплаго мѣста, чтобы самому на него усѣсться. По чрезвычайно счастливому стеченію обстоятельствъ, нетолько между его идеалами личной жизни и идеалами общественными нѣтъ никакой ровни, но они другъ съ другомъ неразрывно связаны. Его личный интересъ и интересъ Жака Бонома, въ концѣ концовъ, тождественны. Провозвѣстникъ Правды, онъ долженъ осуществлять ее въ себѣ. Конечно, конь о четырехъ ногахъ, да и то спотыкается. Можетъ спотынуться и Жакъ и забыть даже азбучныя моральныя истины. Но онъ или именно только спотынется въ увлеченіи, или онъ — не Жакъ, такъ что другіе Жаки, уже по одному этому признаку могутъ увидѣть въ немъ чужаго и прогнать его отъ себя.

Этотъ примѣръ уяснитъ вамъ, быть можетъ, отношенія, существующія между идеалами личной нравственности и идеалами общественными.

Въ декабрьской книжкѣ, въ статьѣ *Обрядовое Правительство*, ошибочно напечатано: стр. 531: часто правительственна вмѣсто чисто, 537 Калумбака вм. Колумбана, правительствъ гражданскій и религіозный вм. правительство гражданское и религіозное, 546 хата вм. тапа, 546 томаковъ вм. шомоновъ, 548 Гизо вм. Огеа, 557 кажи вм. кажи, Митрорда вм. Митфорда, Чонгуна вм. Чонжю.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦЮ.

Въ декабрьской книжкѣ истекшаго года «Отечественныхъ Записокъ» была помѣщена рецензія на только-что выпущенный мною сборникъ, подъ заглавіемъ «Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», въ которой, при оцѣнкѣ моей издательской дѣятельности, было, между прочимъ, сказано, что я, при изданіи своихъ сборниковъ, пользуюсь бесплатно переводами мелкихъ стихотвореній отечественныхъ поэтовъ, что доставляетъ мнѣ большія выгоды. Составителямъ сборниковъ, имѣющихъ характеръ хрестоматій, предоставлено право закономъ, при изданіи подобныхъ книгъ, заимствовать изъ печатныхъ сочиненій и переводовъ отечественныхъ авторовъ известное количество страницъ бесплатно. Пользуясь этимъ правомъ, я издаю, начиная съ 1870 года, четыре сборника-хрестоматій, подъ заглавіемъ: «Поэзія Славянъ», «Русскіе Поэты», «Англійскіе Поэты» и «Нѣмецкіе Поэты» — и до сихъ поръ никто изъ нашихъ известныхъ поэтовъ-переводчиковъ, съ большинствомъ которыхъ я имѣю честь находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ, не выразилъ мнѣ ни однимъ словомъ своего неудовольствія по поводу этихъ законныхъ перепечатокъ, а, напротивъ, каждый изъ нихъ — или своимъ сотрудничествомъ, или своими совѣтами и указаціями, много содѣйствовалъ не только полнотѣ, но и достоинству каждаго изъ помѣняемыхъ сборниковъ. Только при указанной выше льготѣ возможно у насъ изданіе сборниковъ-хрестоматій, подобныхъ моихъ, одно изъ самыхъ существенныхъ достоинствъ которыхъ, помимо содержанія, заключается въ ихъ относительной дешевизнѣ. При оплатѣ же не части (т. е. вновь написаннаго и переведеннаго), а всего текста, изданіе хрестоматій немислимо. Вотъ наглядное доказательство справедливости моихъ словъ: ¹

¹ Счеты типографій и бумажныхъ фабрикъ при семъ прилагаю.

За 2,850 экземпляровъ, за вычетомъ 150 даровыхъ, считая по 1 р. 75 к., за вычетомъ 30% въ пользу книгопродавцевъ, будетъ выручено по истеченіи 10 лѣтъ	4,987	>	50	>
Итого будетъ выручено	858	>	70	>

III. Стоимость 3000 экземпляровъ «Нѣмецкихъ Поэтовъ».

Печать 43 листовъ въ типографіи Безобразова и К ^о	1,567	>		
282 стопы бумаги, по 4 р. 25 к. каждая, отъ г. Печаткина	1,198	>	50	>
Бумага веленевая и для обертки	195	>		
Корректур	88	>		
П. И. Вейнбергу, А. Л. Соколовскому и другимъ за статьи въ прозѣ, т. е. за 5 очерковъ по части нѣмецкой поэзіи и половину біографій . .	327	>		
Θ. В. Миллеру, Д. Д. Минаеву, А. Л. Соколовскому и другимъ за вновь переведенныя стихотворенія	522	>		
За книги по части нѣмецкой литературы	51	>		
За публикаціи	200	>		
Проценты въ теченіи 10 лѣтъ съ затраченнаго капитала	1.000	>		
Итого израсходовано на изданіе	5,188	>	50	>
За 2850 экземпляровъ, за вычетомъ 150 даровыхъ, считая по 2 р. 10 к. за книгу, за вычетомъ 30% въ пользу книгопродавцевъ, будетъ выручено по истеченіи 10 лѣтъ	5,985	>		
Итого будетъ выручено	796	>	50	>

Изъ этого расчета каждый можетъ видѣть, какъ бываютъ велики выгоды издателей сборниковъ-хрестоматій при относительной ихъ дешевизнѣ. Но при этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что и эти 1,655 рублей, долженствующіе, повидимому, по истеченіи 10 лѣтъ, вознаградить меня за составленіе большей половины біографій, собраніе матеріаловъ и редакцію, при трехкратномъ чтеніи корректуръ, могутъ и не поступить въ мою пользу, а съ ними и еще кое-что, если всѣ эти три изданія не распродадутся и по истеченіи 10 лѣтъ, что случается вѣрдыо, какъ это хорошо извѣстно большинству нашихъ литераторовъ. Достаточно сказать, что отъ «Поэзіи славянъ» еще до сихъ поръ остается въ складѣ до 600 экземпляровъ, а изъ «Англійскихъ Поэтовъ» не продано и 1,000 экземпляровъ.

Что же касается того, что изданія, подобныя моимъ, могутъ вредить изданію стихотворныхъ переводовъ нашихъ поэтовъ отдѣльно, то въ опроверженіе этого предположенія можно указать на «Стихотворенія Θ. В. Миллера», состоящія преимущественно-

изъ переводовъ и. несмотря на то, вышедшія недавно *третьимъ* изданіемъ. Тѣмъ не менѣе, я прекращаю свою издательскую дѣятельность по части сборниковъ-хрестоматій, хотя «Французскіе Поэты» у меня уже приготовлены къ печати. Если же найдутся желающіе надать ихъ, то я передамъ имъ съ удовольствіемъ весь готовый матеріалъ. Наконецъ, считаю не лишнимъ прибавить, что за все, вошедшее въ составъ изданныхъ мною полныхъ собраній сочиненій Шекспира, Шиллера и Байрона, въ русскомъ переводѣ, перваго—вмѣстѣ съ покойнымъ Некрасовымъ, а послѣднихъ двухъ—однимъ мною, оплачено сполна, на чтѣ имѣются росписки переводчиковъ. ¹

Н. Гербель.

¹ Объясненіе г. Гербеля нельзя, къ сожалѣнію, признать удовлетворительнымъ. Проценты въ теченіи десяти лѣтъ, до погашенія капитала, назначены совершенно произвольно, потому что капиталъ можетъ быть погашенъ и на десяткомъ, и на первомъ году. Г. Гербель ставитъ на видъ возможность того, что изданія не разойдутся и въ десять лѣтъ. Можетъ быть, не разойдутся, а можетъ быть, разойдутся и въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Сочиненія Байрона потребовали втораго изданія, сочиненія Шиллера—пятаго или шестого. Это уже не возможность, а фактъ, о которомъ, однако, г. Гербель не говоритъ ни слова и который ничѣмъ не отражается въ его расчетахъ приближ. и расходовъ. Правда, г. Гербель выдѣляетъ сочиненія Шекспира, Шиллера и Байрона, утверждая, что «все, вошедшее въ составъ этихъ изданій, оплачено сполна, на чтѣ имѣются росписки переводчиковъ». О сочиненіяхъ Шекспира въ рецензій не было и не могло быть рѣчи, потому что крупныя вещи, и не будь закона, никто не имѣетъ права перепечатывать безъ согласія авторовъ или переводчиковъ. Это относится и къ большинству произведеній Шекспира и Байрона. Чтѣ же касается лирическихъ произведеній и отрывковъ, не занимающихъ размѣромъ одного печатнаго листа, то, относительно ихъ я позволю себѣ выразить сомнѣніе въ справедливости показанія г. Гербеля. Не нѣтъ времени наводить подробности справокъ, я могу сослаться только на Д. Л. Михаловскаго и А. Н. Плещеева, которымъ г. Гербель не заплатилъ ничего за перепечатку небольшихъ вещей, вошедшихъ въ собранія сочиненій Шиллера и Байрона. Не могу поэтому не выразить сожалѣнія, что г. Гербель, приведя расчеты по тремъ сборникамъ-хрестоматіямъ, оставилъ въ туманѣ расчеты по изданію сочиненій Байрона и Шиллера, а также «Сборника Русскихъ Поэтовъ».

Росписки.

1-го января вышла и разослана подписчикамъ I-я, январская, книга
Историческаго Журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ: I. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Историческій очеркъ Е. П. Карновича: Наканунъ революціи 1830 г.—Возстаніе въ Варшавѣ.—Ночь на 18-е ноября 1830 г.—II. Приѣздъ депутата польскаго революціоннаго правительства къ цес. Константину Павловичу, 24-го и 25-го ноября 1830 г.—III. Шамилъ и его семья въ Калугѣ, 1862—1865 гг.—IV. Записки артистки Императорскимъ Московскимъ театровъ Л. П. Никулиной-Косицкой. 1829—1868 гг. Глава первая.—V. Восточная война: Записки доктора А. А. Генрици, 1854—1855 гг.—VI. Восточная политика и военныя учрежденія въ современномъ ихъ состояніи. Забѣтки М. И. Богдановича.—VII. Отъ Рущуна до Константинополя въ 1793 г.—VIII. Деспоты Зеновичи въ XVI—XVII вѣдахъ.—IX. Разказы, забѣтки и матеріалы: 1) Изъ записокъ княгини З. А. Волконской. 2) Аракчеевъ и Шумскій и проч., и проч.—X. Очерки, письма и забѣтки о музыкѣ и литературѣ 1859—1866 гг. (Окончаніе).—XI. Библиографическія забѣтки.

Приложенія: I. Заглавная виньетка.—II. Рисунки: землянки, шалаши и бараки подъ Севастополемъ въ 1854—1855 гг.—III. Массонскій знакъ ложи «Соединенныхъ Славянъ».

Хромолитографическій портретъ Н. В. Гоголя—вполнѣ точное воспроизведеніе подлинника, писаннаго знаменитымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ 1841 г., въ Римѣ, печатается подъ наблюденіемъ академика Л. А. Стрякова въ Парижѣ г-мъ Лемерсье. Портретъ этотъ будетъ разосланъ при одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старины» 1878 г., не медля послѣ полученія его изъ Парижа.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ»

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ «Русской Старины» 1878 г., съ портретами и проч. приложеніями, съ пересылкою восемь рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Русской Старины», при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Невскомъ Проспектѣ, д. № 46 (противъ Гостиннаго Двора). Въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Отрадномъ Бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова (на Кузнечномъ мосту, д. Фирсанова).

Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія неслучайно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Русская Старина», у Екатерининскаго канала, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Изъ прошедшихъ годовъ изд. «Русской Старины» можно получить—изд. 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.) и 1877 г. Каждому году есть 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. Самарскій.

Вышла и раздается подписчикамъ первая (январская) книжка
научнаго, литературнаго и политическаго журнала

„СЛОВО“.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Не у дѣль. Сцены въ трехъ актахъ. *П. Д. Боборыкина.* — II. 1. Разстался я съ обманчивыми снами. 2. Изъ Ады Кристенъ. Стихотвореніе *А. Н. Плещеева.* — III. Записки лондонскаго врача для бѣдныхъ. *Ф. Шалл* — IV. Раздумье. Стихотвореніе *П. Зосимскаго.* — V. Историческое значеніе военнаго подбора. 1. Обзоръ литературы военнаго подбора. 2. Значеніе физическихъ свойствъ націй для политической исторіи. 3. Зависимость между физическими свойствами и умственнымъ развитіемъ. *М. П. Чурилова.* — VI. Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ. *А. Я. Ефименко.* — VII. Экономическая теорія Маркса. 1. Теорія общественной коопераціи. *Н. И. Зибера.* — VIII. Кто во что гораздъ. Повѣсть въ трехъ книгахъ. *П. Володина.* — IX. Кандіотская пѣсь. Стихотвореніе *В. Р.*

X. Современное состояніе литературы. *М. А. Антоновича.* — XI. Начало европейской политики. *И. Л.* — XII. Политическій кризисъ во Франціи. *В. Жика.* — XIII. Занятія по поводу настоящей войны. *И. Дмитриева.* — XIV. Занятія о мурналахъ и газетахъ. Въмѣсто предисловія. — «Голосъ» о Лассахъ. — Чѣмъ кумушекъ считать трудиться. — Газетныя условія мира. — Гоненіе на жидовъ или «Воробьи и овсянка». — Сучекъ въ глазѣ ближняго. — Вѣрнѣйшій способъ побѣждать противника. — Вѣнокъ русской прессы на могилѣ Тьера. *А. Максимовича.*

Приложеніе. XV. Исторія одного преступленія. День первый. — Западня. *Виктора Гюю.*

Журналъ «СЛОВО» издается въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, еженедѣльными книжками отъ 20 до 30 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ.	За полгода.	За четверть года.
Безъ доставки и пересылки.	15 р. 50 к.	8 р. — к.	4 р. 50 к.
Съ доставкою на домъ въ Спб.	16 » — »	8 » 50 »	5 » — ».
Съ перес. въ другіе города.	17 » — »	9 » — »	5 » 50 »
За границу	19 » — »	10 » 50 »	7 » — »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ: въ С-Петербургѣ—въ главной конторѣ журнала «СЛОВО», на углу Малой Морской и Гороховой, д. № 9—12, и на Фонтанѣ, въ Соляномъ Городѣ, въ книжномъ магазинѣ *Н. Фену и К^о*; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ *И. Г. Соловьева*, *А. Л. Васильева* и *Ө. И. Салаева*; въ Варшавѣ—*В. М. Истомина*; въ Казани—*А. А. Дубровина*; въ Харьковѣ—*Максимовича*; въ Кіевѣ—Редакція Кіевскаго народнаго календаря; въ Одесѣ—*В. И. Блаже*; въ Вильно—*А. Г. Сыркина*; въ Тифлисѣ—*Г. Беренштамма*; въ Тулѣ—*В. И. Журковскаго*, Милліонная, д. № 15.

Иногородные подписчики прочіе имѣютъ, равно и желающіе подписаться на годъ съ разсрочкою, благоволятъ обращаться непосредственно въ главную контору журнала «СЛОВО». (Адресъ почтамту извѣстенъ).

Условія разсрочки: къ 1-му января вносится 7 р., къ 1-му мая 5 р. и къ 1-му сентября 5 руб.

Издатель *Ив. Г. Жуковский*.

Редакторы: *Д. А. Корончевскій*. *И. А. Гольдсмитъ*.

ныя заявленія въ палатѣ Жюля Ферри и Гамбетты. — Напряженное состояніе страны, угрожавшее возникновеніемъ уличной революціи. — II. Мнѣніе конституціоналистовъ о распущеніи. — Условія Дюфора. — Маршалъ начинаетъ уступать. — Новая замѣтка «Агентства Гавасъ». — Заявленіе по ея поводу делегаціи 18-ти и сообщеніе Дюфора. — Послѣднія усилія Батби. — Недовольство гг. Бошѣ и Ламберта Сен-Круа. — Споръ президента сената съ президентомъ республики. — Образъ дѣйствій конституціоналистовъ. — Недовольство легитимистовъ и бонапартистовъ планами Батби. — Новые планы и комбинаціи. — Попытка къ государственному перевороту и признаніе его неосуществимости. — III. Пуэй-Кертъе, указывающій невозможность дальнѣйшаго сопротивленія. — Колебаніе маршала и его рѣшимость выйти въ отставку. — Гнѣвъ герцога Олиффри Пакье. — Дюфоръ составляетъ республиканское министерство. — Побѣда надъ ультрамонтанами — пять протестантовъ въ составѣ кабинета. — Измѣненія въ составѣ администраціи. — Президентское посланіе 14-го декабря, опровергающее прежнія заявленія маршала. — Палата допускаетъ прямые налоги и разрѣшаетъ временно двѣ двѣнадцатые расхожденья, не утверждая всего бюджета. — Тщетная попытка оппозиціи въ сенатѣ. — Закрытіе парламентской сессіи — Что можетъ произойти до 1880 года? — Генеральныя совѣты и муниципальныя выборы. — Единственная надежда разбитой, разединенной и оппорозоренной реакціи. Людовина 27

- XIV — НОВЫЯ КНИГИ: Изъ недавняго прошлаго. Н. Чаплыгина. — Русскій рабочій. Духовно-нравственный журналъ — Исторія Востока, Греціи и Рима. Составленная барономъ Н. А. Корфъ. — Формы землевладѣнія у русскаго народа. С. К...на 56
- XV. — ВНУТРЕННЕ ОБОЗРѢНІЕ. Отвѣтъ на письмо г. Черныяева. — Отвѣтъ на статью, написанную по поводу этого письма г. Гиляровымъ-Платоновымъ. — Необходимость мира для Россіи. — Положеніе жмудиновъ. 71
- XVI. — ПИСЬМА О ПРАВДѢ И НЕПРАВДѢ. III. 93
- XVII. — ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Н. Гербея. 121

Объявленія: объ изданіи журнала «Отечественныя Записки» на 1878 годъ; о новой книгѣ «Въ средѣ умѣренности и акуратности»; о выходѣ январьской книжки «Русской Старинъ»; о выходѣ первой (январьской) книжки журнала «Слово». Отъ книжнаго магазина И. И. Мамонтова.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1878 году ежесъ-
мѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

съ *С.-Петербурга* безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкой: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Вельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію,
Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію,
Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: Въ *Главной Конторѣ* Редакціи «Отечественныхъ
Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Буль-
варѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требова-
ніями исключительно съ *Главную Контору* «Отечественныхъ За-
писокъ».

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ПОСЛѢДНЯ ПѢСНИ

Н. А. НЕКРАСОВА.

Стих. 1874—77 гг.

Цѣна 2 руб.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Обращаться за экземпляра-
ми къ г-жѣ Викторовой (Литейная, № 38, кв. № 4).

Гг. иногородные могутъ обращаться въ главную контору «Оте-
чественныхъ Записокъ».

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

ШЕСТЬ ЧАСТЕЙ, ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна за все три тома (до ста печатныхъ листовъ) 6 руб.,
въ с. за 6 ф.

Отдѣльно: часть VI — 1 р. 50 к.; части IV и V по 2 р.

Выписывающіе «Стихотворенія» черезъ Главную Контору «Оте-
чественныхъ Записокъ» (Басейная, 2) за пересылку ничего не
прилагаютъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1878

№ 2 ФЕВРАЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. КРАВСКАГО (Басейная, № 2).

- I. — БЫЛОЕ. Романъ. Часть первая. В. Крестовскаго. . . 311
- II. — ОБЪ УЧАСТІИ РОССІИ ВЪ ОСВОБОЖДЕНІИ ХРИСТІАНЪ ОТЪ ТУРЕЦКАГО ИГА. (*Окончаніе*). Е. Карновича. 361
- III. — КАКЪ Я ПРОЗРѢЛЪ. (Изъ воспоминаній ех адвоката). Н. Яковлева. 419
- IV. — Стихотвореніе. (Съ англійскаго). Д. Михаловскаго. 472
- V. — ИЗЪ ИСТОРІИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА. А. Энгельгардта. 473
- VI. — ПОГРЕВАЛЬНАЯ ПРОЦЕССІЯ. (Изъ Вл. Сыромли). (*Стихотвореніе*). Дмитрія Минаева. 506
- VII. — ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. Герберта Спенсера. 507
- VIII. — ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДКИ. (*Стихотвореніе*). Дмитрія Минаева. 526
- IX. — ИСТОРІЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго 527
- X. — ПІЙ ІХ, какъ папа, государь и человекъ. 573
- XI. — ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА. «Ты не забыта»—Сонъ 609
- XII. — ИСТОРІЯ ОДНОЙ РУДЫ. Разсказъ Бретъ-Гарта. (*Окончаніе*).
КАПИТАНСКАЯ КАЮТА. Святочный разсказъ.
Здуарда Дженкинса, автора «Джинксова Младенца».
(Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 81—96).

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

- XIII. — ОЧЕРКИ ПОДВОРНОЙ РОССІИ. Очеркъ первый. Л. Котелянскаго. 125
- XIV — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Декабрьская сессія генеральныхъ совѣтовъ. — Муниципальные выборы 6-го января.—Союзъ лѣвыхъ и заявленіе Леона Рено. — Мнѣніе Гамбетты о необходимости согласія республиканскаго большинства съ правительствомъ. — Выборы въ Бордо и случай съ Дюпорталемъ.—Маршалъ и орлеанисты.—Образъ дѣйствій де-Марсэра. — Проекты Фрейсинаэ и Барду. II. Открытіе парламентской сессіи 1878 года. — Случай въ Лиможѣ.—Смѣщеніе генерала Дюро.—

(См. страницу 3-ю).

БЫЛОЕ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Вечеръ былъ ужь довольно поздній; темное небо бѣгло отблескомъ фонарей; вѣтеръ шумѣлъ, но громче его шумѣли улицы. Были святки 1865 года; Петербургъ веселился.

Въ окнахъ третьяго этажа одного изъ высочайшихъ домовъ свѣтилъ огонь, рисуя на замороженныхъ стеклахъ тѣни горшковъ съ цвѣтами. Комната была просторная, уютная, что рѣдко случается въ меблированныхъ квартирахъ. Она была убрана даже щеголевато, съ мягкими креслами, ковриками, съ большимъ зеркаломъ, съ бездѣлушками на письменномъ столѣ. Въ углу, между цвѣтами, стояло маленькое, но дорогое пианино. За поднятою драпировкой видѣлась полуотворенная дверь; очевидно, квартира состояла не изъ одной комнаты.

Но она освѣщалась только однимъ огаркомъ свѣчи на мѣдномъ пятакѣ, ловко уложенномъ сверхъ пустого, низенькаго подсвѣчника. Другой огарокъ, ожидая своей очереди, лежалъ рядомъ на столикѣ, предъ красивой кушеткой.

На кушеткѣ сидѣла молодая особа и читала бѣлье. Она, должно быть, занималась этимъ давно. Кругомъ было тихо. Маленькіе бронзовые часы на этажеркѣ пробили девять; звукъ раздался какой-то острый, особенно рѣзкій въ пустотѣ. За окномъ порывно звенѣла матель.

Дѣвушка встала съ мѣста.

Она постояла съ минуту; вдругъ, схвативъ въ комокъ свою работу, отнесла и бросила ее за дверь темной комнаты, воротилась и опять постояла, выпрямившись, опустивъ руки, глядя кругомъ. Она странно улыбалась.

Ей казалось лѣтъ восемнадцать. Она была очень стройна, хотя невысока и немного худощава, какъ дитя, которое еще растетъ. Ея темные волосы были обрѣзаны до плечъ и слегка вились. Движеніе, которымъ она откидывала ихъ, когда они падали ей на глаза, кроткій и ясный взглядъ этихъ темныхъ глазъ, дѣлали ее еще болѣе похожей на ребенка. Только страшная улыбка придавала ея милому, нѣжно-розовому лицу какое-то горькое выраженіе—не то недоумѣнія, не то упрека.

Она была совсѣмъ одна. Дальше, чрезъ корридоръ, въ квартирахъ другихъ жильцовъ, слышалось, приходили и уходили.

Она стала ходить по комнатѣ, прошла и въ темную, останавливалась, принималась ходить опять. Она скучала.

Вдругъ, такъ же порывно, какъ бросила шитье, она схватила съ этажерки книгу, воротилась къ кушеткѣ, урѣшила другой огарокъ на мѣсто догорѣвшаго и сѣла читать. Вѣришь, она не читала, а учила, потому что, пробѣжавъ страницу, закрывала ее рукою и, поднимая глаза, шептала про себя наизусть.

Это продолжалось не долго. Она оглядывалась. Остановки дѣлались все чаще и длиннѣе. Мысль улетала все дальше. Не развѣянность, а раздумье становилось между нею и тѣмъ, что она читала... Дѣвушка вспоминала...

Казалось-бы, откуда воспоминанія у такого молодого существа? что могло невозвратно пройти для едва начатой жизни, что могло сжечь ее тѣмъ зловѣщимъ огнемъ, который вспыхивалъ минутами въ ея чистыхъ, дѣтскихъ глазахъ? Ея чувство, казалось, удивлялось само себѣ; оно чаще всего выражалось недоумѣніемъ.

Вдругъ, будто не достало силы или терпѣнія, она вскочила, вспрыгнула на окно, отворила форточку и высунулась, глядя внизъ. Испуганная птица слетѣла съ подоконника. На противоположной сторонѣ—два-три кривыя, обожженные дерева, на маленькомъ пространствѣ, уцѣлѣвшемъ; между постройками. За ними все ряды и выступы стѣвъ, кое-гдѣ мерцающія окошки, кое-гдѣ бѣлѣющія крыши, будто горы, ушедшія вдаль. Все—темное, застывшее. Мракъ и неподвижность какъ-то; ощутительнѣе когда по тусклой, обледѣлой дорогѣ скользнуть сани и ихъ косая тѣнь пробѣжить отъ одного фенара до другого; когда тѣнь прохожаго то вдругъ вытянется до пестрой выѣздки,

то упадетъ на земь. Это тѣмъ живая. Она полна смутнаго гула. Тяжелый, медленный стукъ полозьевъ обоза, грохотъ экипажныхъ колесъ, звонокъ омнибуса, свистокъ съ желѣзной дороги, шумъ проходящей, невидимой толпы—должно быть, идутъ подь самыя окнами—кашель, голоса, отрывки рѣчей, торопливое щелканье легкихъ каблуковъ по плитамъ, раскатъ смѣха, ругательство, визгъ шарманки, отрывокъ пѣсни...

Дѣвушка слухала... Между тѣмъ, въ ея дверь давно стучалась; наконецъ, раздалось громко:

— Развѣ нельзя войти?

— Кто тамъ?

— Я, Петровъ.

— Сейчасъ, отвѣчала она, соскакивая съ окошка.

Но прежде она зажгла двѣ большія свѣчи, задула огарокъ бросила и его въ темную комнату, спустила портьеру, спрятала книгу и тогда уже отперла дверь. Вошелъ высокий, бѣлокурый молодой человекъ.

— Долотовъ дома? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, у Ганевича. Я думаю, еще не скоро возвратится.

— Я самъ сейчасъ отъ Ганевича; его тамъ нѣтъ.

Гость бросился на кушетку и рядомъ съ собою бросилъ свою фуражку, мокрую отъ снѣга. Онъ усталъ, запыхался и, закрывъ рукою глаза отъ свѣта:

— Вы это для меня иллюминацію зажгли? сказалъ онъ сквозь зубы.—Примите, пожалуйста.

Дѣвушка переставила свѣчи на письменный столъ и, молча, сѣла.

— Вы говорите, что онъ скоро воротится? спросилъ гость:— куда же онъ дѣвался?

— Сказалъ, что идетъ къ Ганевичу, повторила дѣвушка нетерпѣливо.—Вы же сами третьяго дня толковали, что тамъ сегодня собираются; вы же его звали. Не бѣда, я думаю, разъ какой-нибудь и не быть. У васъ, чтѣ ни день, то сборища.

Петровъ поднялъ на нее свои усталые глаза.

— Легко изволите разсуждать, Татьяна Дмитриевна, сказалъ онъ, всталъ и прошелся. Проходя мимо письменнаго стола, онъ взялъ распечатанную коробку дорогихъ сигаръ, повертѣлъ, посмотрѣлъ на ярлычекъ магазина и поставилъ на мѣсто.

— Хотите закурить? сказала дѣвушка.

— Благодарствуйте; не хочу. Вы не обращайте на меня вниманія. Вы, вѣрно, чтѣ-нибудь дѣлали, продолжайте. Я покуда почитаю.

Онъ выбиралъ себѣ книгу, откидывая одну за другой.

— Я ничего не дѣлала, отвѣчала дѣвушка.

— Какъ же такъ?.. Однако, у любезнѣйшаго Павла Сергѣевича ничего нѣтъ, кромѣ пустяковъ... Какъ же такъ ничего не дѣлали?

— Такъ же.

— Весь вечеръ? продолжалъ Петровъ, все роюсь въ книгахъ.

— И день-деньской. Что-жь мнѣ дѣлать Похаживаю, въ окошко посматриваю, пѣсенки попѣваю.

Въ ея голосѣ было что-то такое, что заинтересовало гостя больше, нежели напрасное отыскиваніе книги. Онъ отошелъ отъ этажерки и сѣлъ напротивъ дѣвушки.

— Вы, помнитса, хотѣли учиться.

— Помнитса! повторила она. — Да, четыре мѣсяца назадъ, плановъ было много.

— Ну, что-жь?

— Много мнѣ помогли? спросила дѣвушка, ужь больше не сдерживая своего раздраженія. — Учиться — очень хорошо; но учиться одной — нельзя. Ну, можетъ быть, и можно, да не намъ, глупымъ. Вонъ они, учебники; вы бы ужь и ихъ пересмотрѣли.

Петровъ пристально смотрѣлъ на нее и молчалъ. Она какъ будто смутилась, потушила и чертила пальцемъ по столу.

— Что вы все сидите дома? спросилъ онъ, наконецъ.

— Куда-жь я пойду? возразила она. — Я никого не знаю. Право! прибавила она, вдругъ засмѣявшись. — Ну, вотъ, вы бываете у Павла Сергѣевича, другіе бываютъ; въ театрѣ мы ходимъ, знакома я съ женой Ганевича...

— Чего жь вамъ больше? Жена Ганевича — умница; съ ней не разстанешься.

— Не знаю, отвѣчала она.

— Какъ, не знаете?

— Не знаю. Вотъ, вы говорите, что съ ней не разстанешься, а я даже и не сблизилась... Послушайте! заговорила она послѣшно: — послушайте... пожалуйста, вы не начинайте меня бранить съ перваго слова; будьте, что называется, милостивы. Меня всѣ бранятъ. Ну, я глупая, не понимаю ничего. Ганевичъ, вы сказали — умница. Что мнѣ въ ея умѣ... Ну, знаю, знаю — Господи, знаю! она образована, читаетъ на четырехъ языкахъ, слушаетъ физиологію, опыты дѣлаетъ, пишетъ — знаю, все знаю! все передъ ней! И талантлива, и хороша собой, и голосъ у нея прелестный... Вотъ, только это и человѣческое!.. Ахъ, Иванъ Васильевичъ! третьяго дня, зашла она ко мнѣ; роль былъ открытъ, она присѣла, пробуетъ. Я... ну, вѣдь говорить я съ ней не умѣю!.. я

сказала: спойте. Она засмѣялась. — «Чтонибудь вамъ чувствительное?» И загѣла, знаете: «Въ хижину бѣдную...» Знаете?

Я закричала-бъ имъ, пусть не пугаются...

Матушка, дочь твоя съ горемъ не знается...

Она захватила лицо руками и вскочила съ мѣста. Петровъ удержалъ ее.

— Вы такую штуку выкинули и при Ганевичѣ? спросилъ онъ спокойно.

Она опустила руки; на ея сверкающихъ глазахъ были слезы.

— Это вы называете «штуки выкидывать?» вскричала она: — нѣтъ-съ, я ужъ выучена!.. Я только подошла и обняла эту госпожу... Ну, вздумалось мнѣ ее обнять! развѣ не можетъ придти фантазія—обнять, сказать спасибо?

— И она засмѣялась надъ вами?

— Ужъ это было-бы лучше! это было бы по человѣчески. Скажи мнѣ, что я дура, но просто, добромъ скажи!.. Она—ничего! Такая порядочная!.. Вотъ, она-то ужъ аристократка, а ей, небось, выговоромъ за это не дѣлаютъ!.. Ниже словечка. Просидѣла пять минутъ, все молча, вдругъ взяла свою шапочку, надѣла, «прощайте»—и въ дверь. И слышу: звонить, чтобъ за ней заперли...

— Ну, что-же?

— Не по-человѣчески.

— А вы чего хотѣли?

Она отвернулась и стала ходить по комнатѣ.

— Татьяна Дмитриевна, вы чего же хотѣли? повторилъ Петровъ.

— Что, Иванъ Васильевичъ, у этой госпожи была когда-нибудь мать? спросила она, останавливаясь передъ нимъ.

— Смѣшная вы!

— Хорошо, смѣшная. У меня мать есть.

— И Ганевичъ знаетъ, что вы ее оставили.

— Да. А легко это?

— Вы ее оставили.

— Что жъ, до завтра, что-ли, твердите: легко это? Что это—квартиру переимѣнить—бѣжать изъ родного дома?

— Конечно, вамъ въ родномъ домѣ было удобнѣе, но и здѣсь, кажется...

— Иванъ Васильевичъ, не говорите подлостей! вскричала она въ себя.—Я не шучу—не смѣйте шутить! Вы—честный человѣкъ, вы одинъ...

Она задыхалась, рванула пуговицу своего воротничка и, больше не удерживаясь, зарыдала, толкнувшись головой въ стѣну.

Петровъ подошелъ къ ней.

— Будеть, голубушка, сказалъ онъ тихо, ласково взявъ ее, какъ ребенка, за плечи и подводи къ кушеткѣ.— Будеть, выпейте воды. Нѣтъ-ли тутъ чего-нибудь...

На письменномъ столѣ что-то блестяло; онъ схватилъ; оказался флаконъ съ духами.

— Лейбъ-медикъ, вы никакъ спиртовъ ищете? вскричала дѣвушка, нервно засмѣявшись.— Подите лучше сюда.

Онъ подошелъ. Она лежала лицомъ въ подушку, минутами тяжело охая.

— Часто вы такъ-то? спросилъ онъ.

— Прошло, отвѣчала она. — Ну, скажите что-нибудь; разсмѣните.

Онъ молчалъ.

— Скажите что-нибудь, повторила она.

— Вотъ что я думалъ, сказалъ онъ:— все смѣяться, да какъ-нибудь замазывать вотъ такія штуки — толку никакого не будетъ. Больно вамъ — дѣлать нѣчего, а поговорить надо... Я вамъ не набиваюсь въ совѣтники, замѣтите, это во-первыхъ; къ слову пришлось; вы начали... Я повторю: чего вы хотѣли отъ Ганевичъ? Какого сочувствія? Вѣдь если вы, дочь благородныхъ и не бѣдныхъ родителей, оставили папашу и мамашу, братцевъ и сестрицъ... Есть они у васъ?

— Братъ и сестра.

— Если вы ушли отъ нихъ—стало быть, были причины. Вы не пожагѣли ни о какихъ выгодахъ вашего положенія, ушли въ одномъ платьѣ...

— Вамъ Павелъ Сергѣевичъ рассказалъ? спросила она въ подушку.

— Да. Отъ чего-нибудь и для чего-нибудь вы это сдѣлали. Вы рѣшили, что будете жить новой жизнью. Вотъ она. Въ ней есть и невзгоды, и обязанности; берите ихъ всѣ, какія есть; пошли впередъ—ужь назадъ не оглядывайтесь. Сансибельность ни къ чему... Умная женщина вамъ это показала; конечно, несовсѣмъ такъ она сдѣлала; ей-бы не уходить молча...

— Не презирать меня, прервала она, приподнявшись:—не презирать за то, что я не дерево и помню мою мать. Умна ваша Ганевичъ, а чувства въ ней вотъ на столько нѣтъ. Это значить: она человѣкъ неполный. Я читала, Пьеръ Леру сказалъ: «Кто признаетъ одни ощущенія, безъ мысли и чувства, тотъ—очень боленъ...»

— Это несовсѣмъ такъ, Татьяна Дмитриевна.

— Все равно! Она получеловѣкъ, она больная, ваша Ганевичъ.—«Не думай, не оглядывайся» — нѣчего сказать, легко! Я

перешла на другой берегъ, но тамъ-то, тамъ-то а что-нибудь оставила? *Имъ-то* легко?

— Кому? спросилъ онъ.

— Моей матери, моей сестрѣ Варѣ вскричала она.—Я ихъ бросила, не захотѣла съ ними горе дѣлать. Я отъ чего ушла? Отъ деспотизма, отъ стыда... Взяточникъ... Боже, да есть-ли что ужаснѣе, есть-ли нима этому—презирать редного отца! Есть-ли мука страшнѣе? Пить, ѣсть—краденое! Нарядить тебя... позорь!.. выставать какъ продажную: возьми ее кто-нибудь, за ней много добра награбленнаго... И не бралъ никто: ужь слишкомъ ославлено, слишкомъ скверно. Совались, правда... Ну, вообразите, какіе же люди совались, когда даже мой братъ, мой отецъ—ихъ знать не хотѣли! Или ужь бѣдняки, скрѣпя сердце. А такихъ у насъ презирали за бѣдность!

Она болѣзненно захохотала.

— О, важности было много у насъ!.. Посмотрѣлъ-бы теперь мой батюшка, какъ я всякій день пылъ обметаю, ворочаю тюфяки, кладу заплатки, собираю огарки, чищу подсвѣчники...

— Васъ это тяготить? спросилъ Петровъ.

— Чтѣ вы такимъ невизиторскимъ тономъ? Да, тяготить, потому что въ этомъ нѣтъ ни удовольствія, ни пользы. Это не трудъ: это ненужная возня.

— Нѣтъ, нужная. Десятки тысячъ людей это дѣлають.

— Еслибъ за это взялась Ганевичъ, вы бы не то сказали возразила она.

— Конечно, отвѣчалъ онъ спокойно.—Ганевичъ потратила бы время, которое можетъ употребить полезнѣе и выгоднѣе. Полстраницы перевода, то есть меньше часа занятія—вотъ и дневное содержаніе горничной, которая все сдѣлаетъ, чтѣ нужно въ домѣ.

— То есть содержаніе рабы?

— Напротивъ—доставленіе свободному человѣку работы по его способностямъ.

— Стало быть, мои способности только на это годятся... выговорила дѣвушка будто про себя, пряча опять голову въ подушку.

Оба замолчали. Часы пробили одиннадцать и остановились. Этого никто не замѣтилъ. Петровъ всталъ и ходилъ, замѣтно усталый, часто выпрямляясь и протирая лобъ и глаза. Онъ подошелъ къ печкѣ, прислонился и грѣлся. Печка почти остыла. Свѣчи горѣли высокія; ихъ пламя не колебалось; перекрещенныя тѣни мѣбели лежали неподвижно на паркетѣ и пестрыхъ коврикахъ. Черная фигура Петрова вырѣзалась на бѣлыхъ кафе-

ляхъ. Тишина становилась все глубже; въ ней начинался тотъ странный трепеть, шелестъ, будто далекий звонъ, какой чудится въ пустотѣ, поздней ночью...

— Иванъ Васильевичъ, вы здѣсь? вскрикнула дѣвушка.

— Здѣсь.

— Охъ, я думала, вы ушли. Подите сюда. Чтò вы тамъ дѣлаете?

— Я думала, вы заснули, сказалъ онъ, подходи.— Вамъ опять нехорошо?

— Садитесь вотъ тутъ. Какія у васъ руки холодныя... А я то-умна! Давно-бы самоварчикъ. Пойдите, я сейчасъ спрошу. У хозяйки гости, недолго...

— Не бѣгайте, ничего не надо, возразилъ онъ.— Лучше подите, ложитесь въ постель.

— Нѣтъ, я дождусь Павла Сергѣевича: надо отворить ему.

— Я за васъ отворю.

— Онъ, можетъ быть, придетъ еще не скоро.

— Я прожду хоть до утра; у меня дѣло. А вы отдохните.

Она было-пошла и остановилась.

— Нѣтъ, сказала она:— все равно, не засну; только хуже.

— Чтò хуже?

— Раздумаюсь въ потьмахъ. Мнѣ въ потьмахъ всегда нехорошо: мерещится, мерещится...

— Призраки, чтò-ли? спросилъ онъ, ласково смѣясь.

— Призраки! повторила она, захватывая свои колѣна и наклоняя къ нимъ голову.— Я часто думаю... Да вотъ сейчасъ, вы посылали меня отдохнуть—я думаю: какъ это люди отдыхаютъ? Какъ это, говорятъ, молодежь спокойно спитъ? Повѣрите ли, я, какъ себя помню, дѣвочкой, ребенкомъ, я не знаю, чтò такое—покойно заснуть. Все страхъ, все горе, тревога, бѣды всякія...

— Уроковъ не знали, платьице запачкали?

— Какой вздоръ! И какъ-бы я это смѣла? Платье пачкать, уроковъ не знать! Я и важнѣе этого никогда не бывала виновата, ни въ чемъ! прибавила она горько. — Жить я начала, о! какъ рано. Все знала, все понимала. Мы всѣ бывали безъ вины виноваты, весь домъ. Спишь, да выспишь, какъ говорится; не той ногой вошли, не такъ посмотрѣли—всѣ, мать, сестра, я, люди, и поднимется брань, крикъ... Ну, вотъ вамъ одна моя вина. Мнѣ четырнадцать лѣтъ было; объявляли волю. Какъ сейчасъ это передо мной: холодный день, седьмое марта; снѣгъ перепархивалъ. Наванунѣ пришелъ племянникъ моей матери; славный такой; я его ужасно любила. Говорю ему: приходи завтра, Ни-

колай, пойдемъ волю слушать. И тихонько убѣжала съ нимъ на площадь. Народу, мужиковъ! я никогда не видала такой толпы. Николай меня взялъ за руку; идемъ съ нимъ все впередъ. Меня одинъ мужикъ спросилъ:—«Ты, знать, дворовая, весела ужъ очень».—Я говорю: дворовая... И точно, весело было, хорошо. Лица какія кругомъ—старики особенно. Меня какой-то хорошій страхъ взялъ, знаете? заговорила она, вдругъ быстро приподнимаясь.—Сила кругомъ, честная сила, правда, достоинство. Чувствуешь, что самъ—ничто, а между тѣмъ—хорошо! плакать хочется, а дышется такъ полно!.. не знаю... Я взглянула на Николая. У него лицо точно переродилось, глаза свѣтятся; машеть шапкой, да какъ у меня надъ ухомъ: — «Ура!» — И я за нимъ.

— Закричали?

— Вѣдь какъ орала, даже охрипла. Развѣ я не человѣкъ? Понимаю, что передо мною совершается, ну, и участвую!.. Пришла домой, отецъ меня прибилъ... Всѣ наши люди разбѣжались, спокойно договорила она, ложась опять и закидывая руки за голову.

— А что же вашъ Николай?

— Его больше не пускали въ домъ, отвѣчала она также спокойно.

Мать въ ногахъ у отца просила милости, позволъ съѣздить, проститься.—«Нѣтъ!»... Вотъ, съ этого дня, съ этого часа, я съ собой и рѣшила: сказала, что такой рабой я не буду. Я тогда же хотѣла бѣжать; я такъ и сказала матери. Она—въ ноги... мнѣ!.. Милая, сокровище, мученица! А я вѣдь все-таки бѣжала, все-таки тебя бросила...

Молодой человѣкъ взялъ ее за руку.

— Полноте, сказалъ онъ:— не волнуйтесь; не обвиняйте себя напрасно. Вотъ изъ всего, что вы сейчасъ рассказали... Вы были обязаны уйти, ради собственнаго достоинства... Не изъ того жъ только вы ушли къ Долотову, что онъ красивъ собой? Это была не прихоть, а законное, должное чувство... Вы выбрали себѣ любовь, товарища, опору для первыхъ шаговъ...

Она глядѣла неподвижно, будто не понимая.

— У васъ, конечно, была цѣль... Была-ли?

— Была.

— Какая?

— Учиться, отвѣчала она, странно улыбнувшись.

— Прекрасно. У васъ, я знаю, начала хорошія; иностраннымъ языкамъ вы, пожалуй, нашего брата поучите. Это у васъ, вы говорите, не пошло. Отчего? Вольно же вамъ сидѣть сложа руки! Заботы у васъ нѣтъ, обстановка роскошная; Дологовъ богатъ; вы можете, сколько хотите, свободно развивать ваши способности...

— Жить на счетъ Дологова? рѣзко прервала она.

— Вздоръ! спокойно возразилъ онъ. — Къ тому же, вы это могли заранѣе предвидѣть, когда шли къ Дологову... Тотъ не на чужой счетъ живетъ, кто ежедневно нравственно расплачивается... И полезно, сгорѣвшее въ печи, приноситъ свою пользу, свою долю тепла; а женщина, которая, любя, заботится о человѣкѣ... Да помилуйте, будь это даже великій человѣкъ — безъ этихъ заботъ, безъ этой бережи, ему было бы некогда возвеличиваться!.. Глупо, другъ мой, Татьяна Дмитриевна, всю человѣческую жизнь цѣнить на гроши. Грошь—средство только, имъ люди обязаны дѣлиться, а другіе не хотятъ брать! Въ концѣ-концовъ, выйдетъ, что одни зажадничаютъ, а другіе возненавидятъ—вотъ вамъ и братство!.. Это мое мнѣніе; я говорю его громко. Я только у негодня не возьму, но мнѣ и такого случая не представится.

— Почему? спросила она какъ-то странно, не то вызывая, не то разсѣянно.

— Вы спать хотите?

— Нѣтъ, не хочу. Продолжайте.

— Я началъ о васъ...

— Нѣтъ, говорите о себѣ. Почему вамъ не представится случая.

— Обязаться негодяю? Потому что я съ такими незнаюсь—во-первыхъ. А во-вторыхъ—я самъ могу заработать.

— Вотъ и поймите: я тоже хочу работать. Я—вѣкъ мой на чужомъ. Стыдно. Трудиться, хотя бы въ крайности, въ нищетѣ...

— Не говорите лишняго. Нужда не сладка. И въ ней еще одна страшная сторона: она отупляетъ. Тутъ выдерживаетъ только сила да сила. Покуда человѣкъ пріучится работать...

— Онъ окрѣпнетъ! Способности развиваются въ трудѣ.

— Да не въ голодѣ, милая. Иллюзій не надо. Я разумно большинство. Выходятъ люди—что говорить! еще какіе выходи-ли!—но и тѣхъ, спросить каждаго по совѣсти: каково имъ бы-

вало? сколько они себя растратили? сколько хорошаго въ нихъ запропало, завяло? чего имъ не удавалась сдѣлать? сколько времени не хватало?..

— «Слава святому труду!» прервала она.

— Ну, что вы цитируете? вскричалъ онъ съ досадою.—Синій чулокъ вы, что ли? То волосы на себѣ рвете, то пѣсенки... И вѣдь сама знаетъ пѣсню: какой-такой «святой трудъ»? Стытый стихотворецъ сантиментальничаетъ: «les gueux, les gens heu-geux»—а переводчикъ, ради либеральной моды, припелъ «святой трудъ»... Съ вами говорить нельзя!

— Ну, не сердитесь. Сгѣбшій какой!

— «Святой труд!»... повторилъ онъ, вставъ и рассказывая. Да, трудъ святой, да отъ него кости болятъ... Нѣчего отрицать это: глупо, фразы. Своего рода идеальничанье: «шалашъ и милый другъ»—вотъ все равно тоже... Какъ не понять, что и достоинства, и заслуги больше... чортъ знаетъ, и самолюбіе даже больше польщено!.. когда просто, знаемъ: знаемъ мы, идя на трудъ, что обдеремся мы въ немъ, какъ въ терновникѣ, что изъ десятка насъ—половина не выдержитъ; знаемъ, что лѣземъ въ петлю... знаемъ; и все-таки идемъ! Не изъ злости—чтобъ никому не обязываться! Не изъ тщеславія, что мы—бойцы какіе-то!.. Вонъ бойцы: сотни лѣтъ землю пашутъ, ни о какомъ «святомъ трудѣ» не кричатъ!.. Идемъ, потому что должны, должны, обязаны. Общечеловѣческая обязанность: выдержимъ—на что-нибудь, кому-нибудь пригодимся. Вотъ и цѣль. Другой нѣтъ и быть не должно...

Рассказывая, онъ говорилъ будто самъ для себя.

— Вотъ, и я хочу трудиться, сказала дѣвушка, послѣ минутнаго молчанія.

— Опредѣлите это какъ-нибудь, отозвался онъ съ конца комнаты.

-- Что?

— Какъ вы хотите трудиться. Безъ фразъ, безъ лишкѣвъ.

— Не знаю... Чтобъ только когда-нибудь на что-нибудь пригодиться.

— Такъ готовьтесь, повторяю вамъ, развивайте ваши способности, благо вамъ досугъ и возможность.

Онъ оглянулся на нее и продолжалъ ласковѣе.

— Вы не очень честолюбивы? не сразу всего желаете? въ гениальныя, то есть?

— Что въ надо мной смѣтаетъ, сказала она тихо.

— Ничего не смѣясь, возразилъ онъ, подойдя.— Не теряйте времени, читайте, учитесь. Загребайте побольше, побольше по-

знаній; всё пойдуть въ дѣло, пригодятся. Не робѣйте. Поучитесь сами, будете другихъ учить: и полезный трудъ, и заработокъ... Да что вы, для первоначальной практики, и теперь не попробуете? Вотъ, у вашей хозяйки ребята въ школу ходятъ; вы бы повторяли съ ними уроки, диктовали-бы имъ. Вы ласковая, съ вами дѣти сейчасъ подружатся. Позовите ихъ къ себѣ...

— Сюда?

— Что-жь? у васъ просторно, продолжалъ онъ, оглядываясь.— А для чего вы рояль нанимаете? для красоты, что-ли? Павелъ Сергѣевичъ только «П Вассио» разныгрываетъ.

— Я играю.

— Будто? я не зналъ. Хорошо играете?

— Говорили—хорошо, отвѣчала она тихо и прибавила, засмѣявшись съ печальной злостью: — на прошлыхъ святкахъ, тамъ—дома, я въ концертѣ играла. Вотъ какіе подвиги!

— Это славно, сказалъ онъ серьёзно.—Почему же вы не участвовали, вотъ недавно былъ нашъ концертъ?

— Я-то?

— Сказали бы слово Ганевичъ; она этимъ распорядилась и какъ была бы довольна. А то она и не подозрѣваетъ, да и никто изъ нашихъ, что за вами таланты. Скромничаете, сударыня. Погодите: первый же разъ у Ганевичъ или при ней я васъ усажу...

— Нѣтъ, прервала она: — этого никогда не будетъ.

— Почему?

— Нѣтъ, повторила она нетерпѣливо.

— Ну, нѣтъ—такъ нѣтъ, сказалъ онъ, посмотрѣвъ, какъ она опять пряталась въ подушку.

— Я никогда, никуда не покажусь, прибавила она, замѣтивъ его взглядъ.

— Но вы бываете же въ театрѣ.

— Тамъ я одна... Тамъ на меня никто не обращаетъ вниманія, досказала она: — а тутъ... Туалетъ нуженъ.

— Вотъ тебѣ разъ! сказалъ онъ и засмѣялся. — Будто вы лукавить умѣете? Не трудитесь напрасно, другъ мой, меня не обманете. Что-нибудь другое, а не туалетъ. Но я ужъ вамъ сказалъ: я не набиваюсь на откровенность. Есть у васъ причины—какъ знаете! Я только толкую свое. У васъ талантъ; это капиталъ, которымъ слѣдуетъ пользоваться. Хотите, я вамъ доставлю музыкальные уроки? трехъ ученицъ, хоть завтра? Къ вамъ будутъ ходить?

— Сюда? нѣтъ.

— Ну, вы къ нимъ?

— Нѣтъ.

Онъ прислушался, какъ дрогнуть ея голось, еще пристально посмотрѣлъ на нее и отошелъ. Она будто сконфузилась его молчанія, приподнялась и робко смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ смотрѣлъ на часы.

— Стоять? сказала она.

Онъ кивнулъ головой, молча. Она бросилась къ часамъ, сняла колпакъ, вертѣла ключемъ; напрасно: часы не двигались.

— Чтò нибудь сломалось, замѣтилъ Петровъ равнодушно.

— Весь день шли, сказала она въ смущеніи. — Я завела въ восемь. Я не умѣю съ ними справляться.

Онъ ничего не сказалъ и все ходилъ. Она постояла еще у этажерки, оглядывая свою *бѣду*, и подошла къ гостю.

— Послушайте... Не думайте, пожалуйста, что я говорю изъ-за каприза. Нѣтъ...

— Чтò такое?

— Что я отказываюсь отъ уроковъ. Я сама, два мѣсяца слишкомъ, не открывала рояля.

— Это ваше дѣло.

— Право, не изъ каприза...

— Чтò вы оправдываетесь? Развѣ это самостоятельность—вотъ такъ объяснять всякій свой поступокъ? Это ужъ не только подчужденность, а совсѣмъ рабство. Я у васъ ничего не спрашиваю. Капризницей я васъ не считаю; но хоть бы и счелъ—чтò вамъ мое мнѣніе?

— Я имъ дорожу, возразила она.

— Это дѣло другое, продолжалъ онъ спокойно. — Въ такомъ случаѣ, надо меня слушать; я говорю не для собственнаго удовольствія. Признаться, съ перваго раза, какъ я васъ увидѣлъ, и до сегодня, вы всегда казались мнѣ какой-то странной, не на мѣстѣ. Положимъ, дѣвущій изъ вашего общества, вашего склада, должно быть сначала неловко въ новомъ, настоящемъ положеніи. Но это бы обошлось. Это ужъ и обошлось: вы хорошо держитесь: прилично, просто. Но вы все-таки какая-то потерянная. Сейчас, вы сказали ваше горе: жаль матери. Это законно. Но всему есть мѣра. Семья можетъ быть дорога, но люди живутъ не одной семьей. Занятая жизнь лучше семейнаго прозябанія. Прозябаніе—нечестно...

— Знаю! прервала она нетерпѣливо. — Азбука!

— Я и самъ полагаю, что вы знаете. Но, видите-ли, азбука собственно—ужъ очень избитая штука, а безъ нея, пожалуй, недалеко бы люди ушли. Такъ и то, чтò я сейчасъ сказалъ, избито, а безъ этихъ основаній не обойдетесь,

— Да. Но...

— Но... я вамъ, пожалуй, подскажу: вы не на этихъ основаніяхъ выросли. Вы о нихъ со стороны услышали и — заслуга большая! — вы ихъ приняли. Но привычка къ старому потягиваетъ васъ назадъ. Эта привычка принимаетъ разные, такъ сказать, искусительные образы: то скучно вамъ въ новомъ обществѣ, то складъ жизни кажется грубоватъ, то матери вамъ жаль...

— Отъ привычки? вскрикнула она:

— Вдумайтесь, разберите...

— Разбирайте сами, что вы-то говорите! Какъ вы осмѣлились... мать! Да я отдала-бы жизнь... А на что она, кому она нужна, моя жизнь!

Она бросилась въ темную комнату.

— Пойдите, Татьяна Дмитриевна, сказалъ онъ, удержавъ ее.

— Что вамъ еще? пустите, я сумасшедшая! я ждала, что хоть вы... вы, честный человекъ... Пустите, что со мной толковать...

— Нѣтъ, теперь потолкуемъ, возразилъ онъ, насильно усаживая ее на кушетку. — «Кому нужна моя жизнь»... Нѣтъ, теперь я ужъ заговариваю прямо. Вы тоскуете по семьѣ, но любимый человекъ — та же семья; онъ — замѣна всему. Бракъ — обрядъ, вы это широко понимаете и ваша мать, конечно, также. Вѣдь все равно вы бы разстались съ ней, еслибы съ кѣмъ-нибудь повѣчались. Васъ не это мучить. Вы ошиблись въ выборѣ; вы неудовлетворены. Дологовъ вамъ не товарищъ? Вы его не любите? Отвѣчайте, теперь я спрашиваю!

Она выпрямилась и смотрѣла на него, не сводя глазъ. Нѣсколько секундъ оба молчали.

— Вы не любите Дологова? повторилъ Петровъ.

— Люблю, отвѣчала она.

Онъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на нее, и опять оба молчали.

— Замѣтно, что вы прошли хорошую семейную дрессировку, продолжалъ онъ: — владѣете собой мастерски. Будетъ, не ломайтесь.

— Вы, кажется, бредите, сказала она презрительно. — Вотъ вамъ диванъ, подушка; почивайте съ Богомъ.

Она поднялась, чтобъ уйти.

— Bravo, барышня, даже и негодованіе! Великолѣпно! Пойдите: изъ чего?

Онъ захватилъ ее руки.

— Пойдите...! Вы сейчасъ вѣрно сознавали, что вы одиноки. Зачѣмъ же, вотъ такими фигурами отталкивать единственного человека, который къ вамъ приступился? Это ужъ не только не

разсчитать, это — напрасная злость. Я вѣдь не имѣю намѣренія предлагать вамъ любовь. Любовь для нашего брата — роскошь. Вамъ не хорошо живется; вы не знаете что дѣлать? Совсѣмъ напрасно: ошиблись, такъ ошиблись.

Она то взглядывала на него сверкающими глазами, то потуплялась, блѣднѣя и закусывая губы.

— Только будьте осторожны, продолжалъ онъ. — Не выказывайте никому ни вашего недовольства, ни вашихъ колебаній. Когда рѣшитесь покончить съ своимъ настоящимъ положеніемъ — кончайте разомъ. Отъ напеченки ушли безъ сакъ-волжа и безъ спонъ, такъ и тутъ...

— Иванъ Васильевичъ...

— Охъ, милая, только ужъ такъ горько не плачьте! сказалъ онъ съ жалостью, оставая ея руки и отворачиваясь.

Нѣсколько минутъ слышались только ея слезы, неудержимыя, какъ у ребенка, тихія, какія-то степенныя, будто слезы старухи, вспоминающей невозвратное.

Петровъ не прерывалъ ея, наклонивъ голову и глядя въ полъ.

— Иванъ Васильевичъ...

— Что?

— Я его въ самомъ дѣлѣ люблю.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ задумчиво. — Значить, еще не все пропало для васъ и для него.

— А вы... не презираете меня?

— Какой вы вздоръ говорите!

— Вы не думайте: это не ложный стыдъ...

— Не думаю, подтвердилъ онъ, все глядя въ полъ. — Да я и не уважаю геройства, которому ни-по-чѣмъ плюнуть на то, передъ чѣмъ вчера оно становилось на колѣни. Чего-нибудь стѣило колѣнопреклоненіе. Не съ дуру же, не изъ чувственности женщина отдаетъ свою жизнь... Если въ васъ еще жива любовь, стало быть, есть за что! Остается надежда. Вы признаете въ этомъ человѣкѣ что-нибудь порядочное — ну, хоть здравый смыслъ. Обратитесь къ здравому смыслу. Можно сговориться, понять другъ друга, справить разладъ...

У нея вырвалось отчаянное движеніе.

— Потолкуйте-ка съ нимъ. Онъ, напримѣръ... ну, вотъ его порокъ: онъ любитъ красивую обстановку, а отъ этого всякое удовольствіе достается вамъ въ три-дорога; слѣдовательно, вы имѣете ихъ рѣдко... вы даже и вовсе ихъ не имѣете, вы бережете всякій его грошъ. Но самъ онъ ничего не бережетъ. Вы скажете — это пустяки? отъ пустяковъ все начинается. Онъ ни въ чемъ себѣ не отказываетъ и забаловывается. Потребуйте, настойте,

чтобъ этого не было. Онъ ничего не дѣлаетъ. Отъ праздности вы скучаете оба. Прежде онъ онъ по утрамъ сидѣлъ въ департаментѣ и все жаловался, что служба мѣшаетъ заниматься. Ну, вотъ онъ и въ отставку, свободенъ, и все одно: только рыскаетъ. Вотъ, хоть бы сейчасъ: навѣрно, часъ второй ночи... Да! вы видѣли, какъ онъ уходилъ—въ чемъ онъ одѣтъ?

— Во фракѣ, отбѣчала она машинально.

— Во фракѣ! А сказалъ, что къ Ганевичу!.. Нѣтъ, извольте видѣть, Татьяна Дмитриевна, продолжалъ онъ, вдругъ вставая и съ нетерпѣливой злостью: — если вы точно любите этого барина, отучите его, во-первыхъ, фалфаронить, а во-вторыхъ—лгать. Это вы должны сдѣлать; прямая ваша обязанность. Вотъ на что вы можете пригодиться, если желаете быть полезны для человѣчества—высокимъ слогомъ. Это будетъ заслуга не маленькая: образумить человѣка. Вы—равны... А то вы, кажется, забыли эту простую истину? Забыли? Да? Вы его бонтесъ? Да?.. Такъ — стыдно!

Она опустила голову, не возражая.

— Стыдно! повторилъ онъ. — Это называется — унижаться. Вѣдь, небось, въ старину, читали, учили: «не сотвори себѣ кумира». Это—какъ разъ тоже. Трещеть передъ тѣмъ, кого уважать не можешь! Логика у женщинъ! Добиваются правъ, а сами руками ихъ выдаютъ! На словахъ давай имъ знамя, на баррикаду лѣзутъ, а на дѣлѣ... Вонъ, часы сломала, нѣтъ-нѣтъ—оглянется...

Въ дверь раздался, одинъ за другимъ, два сильные удара. Дѣвушка вскочила.

— Хозяинъ! сказалъ Петровъ:—даже роаяль охнулъ!..

Дѣвушка бросилась со свѣчей въ корридоръ; тамъ газъ уже былъ погашенъ. Послышалось, какъ упала на полъ шуба и разлетѣлись въ стороны тяжелыя валони. Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ бальномъ фракѣ, со шляпой на головѣ.

— Кто у тебя? спрашивалъ онъ, не дожидаясь отвѣта. — А Петровъ...

Дальше не было ни вопросовъ, ни привѣтствій. Петровъ заложилъ руки за спину и прислонился къ холодной печкѣ. Долотовъ сорвалъ перчатки, бросилъ ихъ со шляпой на роаяль и сѣлъ на кушетку, вытягивая ноги.

— *Thémigé!* закричалъ онъ.

Она возилась въ корридорѣ, вѣшая шубу, что было ей не по силамъ и не по росту, но, наконецъ, удалось.

— Дай чаю, скарабъ... Долотовъ, когда она воротилась.

— Всѣ спать, замѣтилъ она.

— Не схватить же мнѣ воспаленія, потому что всѣ спят! возразилъ онъ. — Согрѣй воды на канфоркѣ.

Она, не отвѣчая, пошла въ другую комнату.

— Развѣ нѣтъ тамъ хоть огарка? вскричалъ Долотовъ, когда она захватила одну изъ свѣчей. — Ты меня въ потьмахъ остав-
ляешь.

Не то покорно, не то насмѣшливо, дѣвушка поставила передъ нимъ обѣ свѣчи и ушла. Слышалось, какъ она шаркала спич-
кой. Петровъ, не велеясь, оставался на своемъ мѣстѣ. Доло-
товъ подвинулъ себѣ подушку.

— Thémine!

Она воротилась.

— Сигару.

Молча, она поднесла ему коробку съ письменнаго стола. До-
ловъ сдѣлалъ маленькій жестъ пальцемъ. Она догадалась по-
дать перочинный ножикъ и пепельницу и затѣмъ опять вышла.

Молчаніе въ комнатѣ было полнѣйшее и грозило продолжаться
долго; Петровъ чего-то выжидалъ, а Долотовъ игнорировалъ
его присутствіе. Случайно ихъ взгляды встрѣтились.

— Страшно усталъ... выговорилъ Долотовъ, чего-то сконфу-
зясь. — А вы давно здѣсь?

— Вы обѣщали, что сегодня вечеромъ, у Ганевича, вы доста-
вите мнѣ деньги; я пошелъ къ Ганевичу. Васъ тамъ не было,
я пришелъ сюда.

— Денегъ нѣтъ, отвѣчалъ Долотовъ.

— Вы не получили отъ матери?

— Нѣтъ.

— Вы ждали сегодня утромъ.

— И не получилъ.

Петровъ подошелъ и смотрѣлъ на него пристально.

— Чтѣ-жъ вы не принли сказать мнѣ это къ Ганевичу?

— Не пришелъ, потому что... У меня явилась мысль. Вы го-
ворили, что тотъ баринъ въ крайности... Я, какъ вамъ извѣстно,
не знаю, чтѣ онъ за человѣкъ; можетъ быть, эта крайность—и
вовсе не крайность, а такъ чтѣ-нибудь шальное, какъ сплошь
и рядомъ у нихъ... По чести вамъ говорю, Петровъ, меня все
это одолѣло. Съ вашими затѣями останешься безъ рубашки.

— Къ вамъ обратились всего въ другой разъ, возразилъ
хладнокровно Петровъ: — Крылицына вы знаете, и первые двад-
цать рублей, взятые у васъ, вамъ возвращены. До «безъ рубашки»
еще далеко. — Ну-съ, какая же вамъ мысль явилась?

Долотовъ взглянулъ на него презрительно.

— Я надѣялся найти денегъ у моей знакомой, княжны Анны
Т. ССXXXVI.—Отъ. I.

Чевальской, отвѣчалъ онъ, медленно выпуская дымъ своей сигары: — и натурально не нашель.

— Все-таки, напрасно не пришли сказать мнѣ это къ Ганевичу, повторилъ Петровъ.

— Я предпочелъ провести вечеръ полезнѣе, возразилъ Долотовъ. — У княжны я узналъ такіа вещи, касающіяся васъ, такое мнѣніе общества...

— Извѣстно! Одно слово: разбойники! прервалъ равнодушно Петровъ, отыскивая свою фуражку.

Таня внесла въ эту минуту тяжелый подносъ съ чайнымъ приборомъ.

— Погрѣйтесь, Иванъ Васильевичъ; я вамъ налью.

— Благодарю; нѣтъ. И вамъ пить не совѣтую: вы нездоровы и устали; ложитесь и засните.

— Скоро увидимся? торопливо спросила она, пожавъ его руку.

— Скоро. Прощайте.

— Прощайте, повторилъ Долотовъ, которому руки онъ не подалъ.

II.

Очень странный видъ имѣла эта гостиная, гдѣ хозяйка оставались молча и безъ всякаго дѣла въ такой поздній часъ ночи, когда, казалось бы, ничто не мѣшало имъ идти спать. Таня бродила, оглядываясь кругомъ, не то въ волненіи, не то переламывая сонъ. По знаку Долотова, она подошла налить ему стаканъ чаю.

Долотовъ снялъ фракъ.

— Дайте пледъ, сказала она.

Она принесла пледъ изъ темной комнаты. Долотовъ закутался, знаками указывая, гдѣ нужно было поправить. Таня повиновалась. Кончивъ, она прошлась еще, сѣла далеко и неуютно и, склонивъ голову, смотрѣла передъ собою.

У нея залегли въ памяти два слова: «Стыдно унижаться...»

Да, это — униженіе. Тамъ, гдѣ она — равная, подруга, жена, исполнять эти ненужныя заботы — униженіе. Будь онъ боленъ — дѣло другое... Странно, что до сихъ поръ ей еще никогда не подумалось, что это — униженіе. Она считала, что это просто горе, что она его не заслужила; но вѣдь горе бываетъ...

Она понимала, что росла рабой. Сейчасъ, въ первый разъ въ жизни, она рассказала это чужому человѣку. Но въ семьѣ рабство было общее, облегчалось любовью тѣхъ, съ кѣмъ выноси-

лось за-одно, случалось, даже забывалось среди этой любви; въ страданіи за милыхъ была какая-то горькая, восторженная от-рада... Заступить мѣсто такой любви, заставить рѣшиться на разлуку, заставить не думать объ *ихъ* слезахъ могло только сильное, новое чувство...

Таня смотрѣла на Долотова.

Всего полгода назадъ... Онъ прѣѣхалъ *туда*... Она не помнила подробностей первой встрѣчи. У какихъ-то знакомыхъ. Сестра Варя замѣтила, что онъ хорошъ собою. Потомъ вдругъ совсѣмъ неожиданно, онъ пришелъ вечеромъ. Тамъ непринято дѣлать первый визитъ вечеромъ. Отецъ, какъ всегда, былъ не въ духъ и почти съ перваго слова сказалъ, что нынѣшніе молодые люди безнравственны, безбожники. Онъ не обратилъ на это вниманія. Говорили о новыхъ судахъ. Онъ сказалъ, что авось-либо этимъ искоренятъ старыхъ грабителей. Отецъ спорилъ до брани, до крика. Братъ пошло подсмѣивался. Съ матерью и съ обѣими дѣвушками онъ не сказалъ ни слова. Таня вспомнила, что, ложась спать, сказала: «Долотовъ больше никогда не придетъ...» Варя сказала: «Ахъ, тѣмъ лучше!..»

А онъ пришелъ, и на другой же вечеръ! ни отца, ни брата не было дома. Чего-чего не переговорили! И какъ скоро разговоръ завязался!.. Какъ онъ прелестно говорилъ! какъ сладко и легко дѣлалось на душѣ! Такой широкій, широкій свѣтъ разливался передъ глазами: миръ, правда, занятія руки, достоинство и любовь... любовь безъ жертвъ, безъ обмана и безъ конца! Дышалось вольно и все хотѣлось больше захватить въ грудь и воздуха, и простора. Сейчасъ бы въ путь, сейчасъ бы въ дѣло; сейчасъ бы въ работницы къ тому, кто работаетъ, къ ногамъ учителя — слушать и въ сердцѣ складывать его слова! сойти сестрой, сидѣлкой, лучемъ свѣта къ одинокому, къ страдальцу, къ заключенному... всѣмъ радости!..

Онъ ушелъ. Мать плакала. Таня бросилась ей на шею и плакала...

Онъ приходилъ не разъ; говорили, читали...

Бѣдная мать! она знала, что дочь его полюбила. Она знала, хотя ей не сказали ни слова... Господи, что же было съ нею въ то утро, когда дочери не оказалось дома, когда на оставленное письмо отецъ отвѣчалъ проклятіемъ?..

Говорять, такъ должно было сдѣлать, чтобъ не прозывать, не оставаться рабомъ, чтобъ жить для своего достоинства и для пользы другихъ... И вдругъ, вмѣсто всего—униженіе...

— Вы еще долго намѣрены молчать? спросилъ Долотовъ.

Она вздрогнула и машинально встала.

*

— Что тебѣ угодно?

— Миѣ угодно, чтобы со мною держались по-человѣчески. Можно потерять терпѣніе. То господинъ Петровъ является послѣ полуночи, словно за душою, то вы налагаете на уста печать безмолвія... Или, быть можетъ, я вамъ помѣшаю? Извините!..

— Ты съ ума сошелъ, сказала она тихо, презрительно, равнодушно, въ раздумьи—все выѣстъ—и отошла опять.

— Что такое? Что ты сказала? Вамъ угодно начать со мною новыя отношенія, что ли?.. Поди сюда! вскрикнулъ онъ, стукнувъ по столу.—Что ты сказала?

— Что ты съ ума сошелъ, повторила она спокойно. — Не кричи; тутъ сосѣди есть.

Долотовъ вскочилъ; пладъ, сигара, стаканъ полетѣли на полъ. Онъ кинулся къ дѣвушкамъ; она глядѣла ему въ глаза и засмѣялась.

— Что это такое, чортъ возьми! закричалъ онъ, хватая ее за плечи и бросая на диванъ.—Чему ты хохочешь? Что тутъ безъ меня было? Я тебя... Чему ты хохочешь?

— Надъ собой, надъ собой, отвѣчала она, отворачиваясь: — пожалуйста, не пробуй силы, не унижайся.

— Что тутъ у васъ было?

— У кого?

— Затѣмъ Петровъ адѣсь былъ?

— Тебя ждалъ... Однако, позволь миѣ руки, Павелъ Сергѣевичъ; я не желаю, чтобы ихъ ломали.

— Тана!

— Что?

— Ты миѣ невѣрна?

— Тьфу, какая подлость! вскричала она, вскакивая:—только и заботы!.. Успокойся, батюшка, никого не люблю, никого не могу любить! Никто не можетъ меня любить! Безхарактерныхъ, безтолковыхъ, униженныхъ нельзя любить! Меня могутъ только презирать... я и сама себя презираю! Я—раба, меня бить хотѣть... Мама!..

Она бросилась къ двери и упала.

— Ну, этого не доставало, сказалъ Долотовъ. — Образумьтесь, тутъ сосѣди.

У нея вырвался такой болѣзненный стоны, что онъ испугался. Это не могло быть притворно.

— Тана, что съ тобой? Милая, что съ тобой?

Онъ поднималъ ее. Маленькое, граціозное тѣло безжизненно согнулось у него на рукахъ; полуоткрытый, помертвѣлый ротъ не могъ передохнуть. Долотовъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни,

положилъ ея голову къ себѣ на плечо. Она вся дрожала. Онъ тихо бралъ то одну, то другую ея руку и цѣловалъ ихъ.

— Таня, голубчикъ!..

— О, Богъ съ тобой... выговорила она.

— Ты больна, Таня?

— Пустя. Все равно.

— Нѣтъ, не все равно, потому что я тебя люблю, я не могу жить безъ тебя, вскричалъ онъ страстно. — Что-жь будетъ со мною?..

Онъ упалъ головой на ея грудь и нервно зарыдалъ.

Измученная, она сидѣла прямо, не шевелясь и ничего не понимая. Время отъ времени, она чувствовала поцѣлуи Долотова, а за ними—его усиленные рыданія.

— Охъ... выговорила онъ, наконецъ, приподнимая свое раскраснѣвшееся лицо.— Дорого мнѣ это обходится..

Онъ схватился за грудь и закашлялъ. Таня встала. Долотовъ поискалъ рукой на столѣ: стаканъ съ чаемъ, разбитый, откатился далеко. Долотовъ засмѣялся.

— Все равно. Не хлопочи. Поди сюда. Глухая! я по тебѣ съ ума схожу. Ты изъ меня дѣлаешь что хочешь. Едва вотъ такая минута—подозрѣнїе—я ни за что не отвѣчаю. Поди сюда... Вы меня бранили тутъ съ твоимъ Петровымъ? Чувствую!.. Дурно мнѣ, однако; примерой меня... вотъ плащъ, на полу; или слѣпа, не видишь?.. Господа эти воображаютъ, что міръ перевернуть. Вся исторія, знаешь, изъ-за чего? Крылицкину надо внести за лекціи—такъ вноси я. Срокъ ему дали до новаго года. Нынче которое?.. А? Ну, что же? которое нынче число?

— Двадцать седьмое, отвѣчала она машинально.

— Ничего не успѣешь! вскричалъ онъ нетерпѣливо.

— Какъ не успѣешь? завтра ужъ день не табельный.

— Что?

— Отдай Крылицкину деньги пораньше; онъ успѣетъ завтра внести.

— Какія деньги?

— Но вѣдь ты получилъ сегодня отъ матери.

— Э, ничего ты не понимаешь!.. — «Получилъ отъ матери!» Ну, получилъ-съ. А сколько—знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Всего-на-все двѣсти. Я, какъ видишь, отъ тебя не скрываю. А много ли ихъ въ наличности—знаешь?

— Нѣтъ, не знаю.

— То-то же.—«Отдай!» Какъ проворно! Мы не банкиры, другъ мой, Татьяна Дмитріевна.

— Но Крылицына исключать.

— На все власть Господня.

— Но это...

— Что такое «это»?

Она удержалась.

— Это нехорошо, когда мы можем и... Крылицына на последнемъ курсѣ, изъ первыхъ. Родныхъ — ни души. Чего онъ не вынесъ, какъ онъ бился, какъ живетъ... Вотъ — уголь...

Она показала рукой.

— Безъ печи. За перегородкой — драчки; вонь, руготня; спать на полу, на сырости...

— А ты почему знаешь?

— Я у него была.

— Bravo, mademoiselle Thémire! вы развиваетесь, посѣщаете студентовъ, bravo!.. Это когда же было? темной ночью?

— Среди бѣла дня.

— Давно?

— Недавно.

— Какъ же вамъ вздумалось?

— Вздумалось...

— Когда же?.. Да позвольте! Не тогда ли, какъ у меня собралась утромъ мои знакомые? вы пошли купить къ завтраку, пропадали два часа, а, воротясь, объявили, что забыли зачѣмъ ходили, и мы остались голодные? Тогда?

— Именно.

— А, хорошо!.. Ну, ужъ признавайся во всемъ: много ли ты тамъ посѣяла?

— Посѣяла?

— Ну, много ли васъ обобрали?

— Не смѣй ты этого мнѣ говорить! вскричала она. — Я тебѣ принесла назадъ все, что ты далъ. «Обобрали!» Да еслибъ я передъ нимъ въ землю поклонилась, онъ бы отъ меня не взял!

— Почему?

— Потому!

— Ну, почему же-съ?

— О, ради Бога, полно! вскричала она.

— По крайней мѣрѣ, почему этотъ визитъ помѣшалъ вамъ купить что вамъ было приказано?

— Потому что мнѣ было скверно! Честный человекъ голодаетъ, а я бѣгаю за пастетами для твоихъ Чевальскихъ, Мурачевыхъ...

— Ну?

— Ну, ничего. Не хочешь понимать...

— Ты-то вот не хочешь понять, что порядочному человеку, со всей кликой твоих Петровых, Крылицыных e tutti quanti — тошно приходится, просто физически под ложечкой тошно... Да поди сюда ближе. Я тебя поцѣловать хочу. Я спать хочу, Танечка, баиньки.

— Ложись.

— Сейчас-таки и уйду, не прося разрѣшенія... Ну, не дуйся. А вѣдь хитрая! Любопытна; вотъ такъ и горить, а гордость велика — ни за что не спросить: что ты тамъ у Чевальскихъ дѣлалъ... А? Сказать? У ненавистныхъ моихъ Чевальскихъ? У старой княжны Анны? Сказать?

— Ступай, спи.

— Пожалуйста, не такъ презрительно. Для меня даже нужно, чтобы вы это знали. Неравно ктонибудь изъ вашихъ друзей опять подѣдетъ вамъ рассказывать про меня чортъ знаетъ что... А я забочусь о нихъ же. У Чевальскихъ четвертаго января спектакль въ пользу этихъ господъ — «не платящихъ податей и долговъ»... Мурачевъ померъ со смѣху, когда я это сказалъ; хотѣлъ такъ и выставить на афишѣ... Ну, въ пользу вашихъ пустокарманныхъ и пустоголовыхъ строителей вселенной. Играемъ «Горе отъ ума». Нынче была репетиція. Я — Чацкій... А ты, дурочка, и не догадывалась, зачѣмъ я всѣ эти дни декламировала: *«Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима...»*? Это у меня хорошо выходитъ. Хочешь посмотреть? Я тебѣ подарю билетъ... Потому-то я и боюсь — сегодня двадцать седьмое — что не успѣютъ съ декораціями. А ты что думаешь? А?

— Ничего.

— А, какая тоска... Ну!..

Онъ взялъ свѣчу и пошелъ, волоча пледъ; осколки стакана затрещали подъ каблуками.

— Нельзя ли убрать? Тутъ ногу испортишь.

Онъ захлопнулъ за собой дверь другой комнаты и приотворилъ ее опять.

— Ты скоро придешь?

— Не приду, отвѣчала она.

Дверь захлопнулась еще громче.

Таня задула свѣчу и остановилась среди темноты. Бѣлыя окна вытянулись вдругъ, громадные.

— Господи, Владыко, Творецъ мой... возьми меня!

III.

На дворѣ было ужъ совсѣмъ свѣтло; красный лучъ ударилъ въ глаза Тани, освѣтивъ кушетку, на которой она лежала; голубыя тѣни дыма бились въ мерзлыя стекла.

— Поздно, подумала она въ просонкахъ:—солнце ужъ вышло изъ-за дома. Десятый часъ. Надо встать...

— Зачѣмъ надо? пробѣжало вдругъ въ ея головѣ, будто отголосокъ всего, что передумалось за ночь до той минуты, покуда вдругъ, мгновенно, дѣвушка заснула, какъ убитая.—Зачѣмъ вставать? что убирать? для чего? кому что готовить?.. Рабство! Вѣдь ужъ рѣшилась все это кончить, бросить. Объявлю ему, какъ онъ встанетъ... Пойду, скажу Петрову... Все равно. Петровъ найдетъ работу; все сладится...

Она приподнялась; у нея болѣло все тѣло, не отдохнувшее, а только больше изломанное на узкой кушеткѣ. Встать не было силы.

— А, все равно! успѣю, рѣшила она, пряча опять лицо въ подушку и подбирая подъ платье свои застывшія ноги.—Успѣю, успѣю, все успѣю. Вѣдь собирать мнѣ нечего... О, хоть бы услышать еще на часокъ, на полчаса!.. Славно; улеглась. Соображаетъ больше нечего, раздумывать нечего, думала она, разгоняя сонъ, на который себя настраивала, и перебирая опять все, что сообразила за ночь.—Домой, въ семью — нельзя... Мама, сокровище мое!.. Ну, какъ устроюсь немножко, уроки будутъ... Гдѣ мнѣ роль взять?.. Какъ только первые деньги (всего надо тридцать рублей: *туда* доѣхать и назадъ), поѣду къ ней. Въ слободѣ остановлюсь. Я ей скажу: мама, пойдемъ жить вмѣстѣ... Господи, Господи, вмѣстѣ! Да что это будетъ! Мамочка моя, красавица, солнышко мое, для тебя буду работать! всякій кусокъ хлѣба вмѣстѣ, изъ твоихъ ручекъ... Ноги твои, слѣды твои буду цѣловать, гадкая я, грѣшная, проклятая!.. Охъ, но вѣдь ты меня не вляла! вѣдь я—твоя, твоя любимая...

— А Варя? вдругъ почти выговорила она и встрепенулась среди своихъ отчаянно-радостныхъ слезъ. — Варя моя кроткая, безотвѣтная... вѣкъ свой никакой радости не знала, ни полюбила, ни посмѣялась... сна веселаго не видала: бывало, рыдаетъ, покуда ее не разбудишь... Нѣтъ, мы Варю съ собой увеземъ!.. О, всѣ вмѣстѣ, въ одной комнатѣ! Я теперь знаю, какъ люди живутъ. Чтобъ двѣ молодыя, здоровыя женщины не нашли себѣ дѣла? вздоръ какой! А мамочка будетъ у насъ царицей жить:

ничего, ничего не дѣлать! Посадимъ ее... ну, подожди насъ, чайкомъ насъ напои, когда мы прибѣжимъ къ тебѣ съ работы. Зажжемъ лампочку, застучитъ машина... Мы купимъ молочную, такую, какъ у Ганевичъ... Какъ это прозаично, важно Ганевичъ выговариваетъ «Silencieuse...» Хорошо этой госпожѣ: свободна! Ее уважаютъ. Полюбила—не ошиблась...

— Ошиблась!..

Она удержалась, закрывая губы.

— Раба—плакать громко не смѣть!.. Да говорить, и не надо плакать; и собственное достоинство, говорить, слѣдуетъ сохранять... Достоинство! Бросила его подъ ноги человѣку—подбери теперь... А онъ все еще милъ!

Солнце все ярче освѣщало комнату; сквозь слезы свѣтъ еще большѣ рѣзалъ глаза; всякій предметъ, всякая знакомая мелочь будто приставали и мучили, какъ живье...

Въ дверь сильно застучали. Таня вскочила.

— Кто тамъ?

— Да я же, отвѣчалъ сердитый голосъ хозяйки. — Часть цѣлнй вамъ кричу. Отдушники закрыты ли у васъ? Затапливаютъ. Дыму напустите, обоевъ-то вы мнѣ новыхъ не поставите.

Таня влѣзла на стулъ и закрыла отдушники.

— То-то, настезь были! продолжала за дверью хозяйка: — да давайте денегъ; Розалія въ булочную идетъ. Чего вамъ взять къ кофею, чтобъ, какъ тотъ разъ, сожитель вашъ не гнѣвался?

Таня не отвѣчала, стоя посреди комнаты и прикладывая ко лбу свои холодныя руки.

— Чего же брать? Вы его спросите, ужъ потрудитесь. Или еще почиваетъ? Ну, и разбудить, не бѣда; десятый часъ... Что-съ?.. Не двадцать разъ для васъ прислугѣ лѣстницу мѣрять...

— Я схожу сама, выговорила, наконецъ, Таня.

— На здоровье! отозвалась хозяйка, удаляясь по корридолу.

Тамъ поднимался шумъ и говоръ; грохнули объ полъ вазанку дровъ, скрипѣла кофейная мельница, визжала собака, которую били, гнали; жильцы уходили, крича свои приказанія, хлопая дверью, звеня звономъ. Таня слушала, будто въ первый разъ. Она даже это подумала.

— А это—въ послѣднй разъ... прошептала она, все стоя и оглядываясь.— Это все кончено...

То, что она называла конченнымъ, заметалось въ ея памяти, въ сердцѣ, въ ощущеніи, быстро, какъ кружки свѣта въ закрытыхъ глазахъ. Какъ отыскивали квартиру; устали до смерти. Онъ сердился. Нашли эту. Онъ такъ свысока говорилъ съ хозяйкой; все ему не нравилось. Таня замѣтила, по-французски,

что квартира удобна; онъ закричалъ по-русски, что она ничего не понимаетъ, что ей все дешево. Это былъ первый окрикъ...

Потомъ привыкла... раба!

Неблагодарная, вѣдь и хорошо бывало! Все убралось, устроилось, всякій житейскій вздоръ. Бывало вечеромъ, вдвоемъ... А онъ скоро сталъ скучать по вечерамъ. Приходилъ Петровъ, студенты... Крылицынъ всего былъ раза два... И все спорили; это его раздражало... Но какъ же было съ нимъ не спорить? Онъ... Богъ его знаетъ! онъ совсѣмъ измѣнился, судить такъ холодно, точно забывалъ все, что самъ говорилъ прежде... «Фантази!» говорилъ онъ. Даже подсмѣивался. Откуда это взялось?.. Но что-жъ мудренаго? всякій день у разныхъ князей, да богачей—тамъ наслушался!

Во время оглянулась!..

Франтъ, хвастунъ... Неудивительно, если порядочные люди его бросятъ!

— Такъ и я его брошу?..

— Да, брошу. Иначе нельзя. И ему самому будетъ лучше.. Лучше, милый! что себя обманывать? Другая будетъ веселѣ меня. Вѣдь будетъ другая! Съумѣетъ тебя развлечь, принять твоихъ свѣтскихъ друзей, нарядится изящно, не считая, дорого ли это стодть, не совѣстясь... не будетъ ничего вспоминать: воспоминанія—тѣ же упреки! Я тебѣ надоѣла... О, стыдъ какой!..

Въ корридорѣ что-то упало.

— Разбудать его... проговорила она въ испугѣ, машинально, привычно бросилась къ двери другой комнаты, приотворила и заглянула.

Спать... Спящій человѣкъ—какой-то беззащитный. Богъ знаетъ, что ему видится во снѣ; можетъ быть, горе... Охъ, не хуже жъ того, что у другого на яву! И какое у него горе?.. Но вотъ проснется, горе будетъ. Все-таки не легко расставаться. Любилъ полгода...

— Такъ разстанемся же добромъ! Въ послѣдній разъ услугу тебѣ, твоя хозяйшшка, какъ говорилъ, бывало, въ хорошіе часы, тогда... помнишь, однажды, ты былъ нездоровъ, ты сказалъ, что я тебя «отходила...» Все уберу, приготовлю, какъ онъ любилъ... все! въ послѣдній разъ...

Она поспѣшно принялась убирать комнату, письменный столъ, книги; смахнула пыль, заглянула въ коробку—есть ли папирски. Она забывалась въ ходьбѣ и вознѣ. У одного коврика отпиролась бахрома; Таня присѣла на земь и зашила. Подмета полъ и подобрала въ горсть осколки разбитаго стакана, она задума-

лась, куда ихъ выбросить и оглянулась на форточку. Открывая и закрывая ее, она оглянулась на цвѣты.

— Моя была охота... подумала она и остановилась передъ ними, обрывая сухіе листья, ошашивая землю кругомъ корней. — Другая, можетъ быть, не будетъ любить цвѣтовъ или такъ, какъ моды... Отдадутъ ихъ Розалин; они погибнутъ, ихъ выбросятъ... Это было что-то живое, жившее съ нею заодно, въ долгіе часы, когда она оставалась одна. Мать любила цвѣты. Крошечный бутончикъ бенгальской розы дрожалъ на своей тоненькой вѣткѣ; по тутому зеленому шарiku алой ниточкой ужъ обозначился цвѣтъ... Таня заглядывалась, ничего не видя; въ ея груди что-то колыхалось и вдругъ пропадало. Должно быть, такъ умирають...

Вдругъ она вздрогнула отъ мгновенной боли, которая пробѣжала по всему ея тѣлу; кто-то положилъ ей руку на плечо. Легкаго прикосновенія было довольно, чтобы разбудить эту отупѣвшую боль.

— Таня, что ты, милая?

Она обернулась — Долотовъ. Ничего не помня, она къ нему припала.

— Что ты, милая? повторилъ онъ, цѣлуя ее въ голову. — Здравствуй. Какова ты сегодня? Вчера вѣдь ты прихворнула, признайся.

Она не отвѣчала.

— Ну, да. Оттого мы и блажимъ, продолжалъ онъ, глядя ея волосы. — Непричесана. Я вотъ серьёзно за тебя примусь, позову доктора. Вообще замѣчено: необыкновенно какъ много женщинъ, больныхъ нервами, за послѣднее время. Такія времена!.. Тебѣ нужно посидѣть въ теплѣ, въ покоѣ, чѣмъ-нибудь заняться; ты у меня и будешь по прежнему легкомысливой пташечкой. А то, какъ вчера, эта пташка — и клювомъ, и крылышками... И что-жь! сама только избилась. Что?

— Послушай, сказала она, отклоняясь: — я хотѣла тебѣ сказать...

— Слушаю-сь. А долго ты будешь говорить?

— Какъ «долго»?

— Такъ. Какія-нибудь соображенія, распоряженія?

— Все въ двухъ словахъ, отвѣчала она, удержавшись на ногахъ только потому, что онъ обнималъ ее. — Но, не знаю, какъ ты...

— Не знаешь, такъ я знаю: я, душа моя, съязь; мнѣ чаю хочется и ужасно-ужасно хочется часокъ побыть съ тобой, приятно, вотъ такъ вотъ; знаешь, по сердцу, «какъ прежде когда»

то бисало — помнишь п'сенку? Танечка ты моя, синичка моя... Я былъ вчера дуракъ-дуракомъ; обидѣлъ тебя. Ты простила?

Послѣднiя слова онъ шепталъ ей на ухо.

— Госноди Боже! вскричала она.

— О, какъ сладко, вотъ такъ-то! да какъ хорошо — лучше не надо! вскричалъ онъ, приподнявъ ее. — Видишь что... Распоряжайся тамъ какъ хочешь, какъ знаешь, но ни объ чемъ существенномъ мнѣ не говори. Не могу, Танечка. Видишь ли... Я это ужъ вымолвилъ: я подурчился. Я это почувствовалъ... Ты думаешь: я — ужъ такое дерево, что не чувствую? Я еще когда проснулся-то! все лежалъ и размышлялъ. И ты тоже размышляла?

— Да.

— Придумывала?

— Да.

— И что же придумала?

Она помолчала.

— Ну, говори же!

— Я никогда не обманывала, сказала она твердо. — Я страшное придумала.

— Даже страшное?

— Да. Намъ нужно разстаться.

— Во-на! вскричалъ онъ, захохотавъ. — Точно страшное! только за ночь, только въ нервномъ припадкѣ такая вещь придумывается... Ахъ, ты, бѣшеная... Да какъ же ты смѣла?

— Не шути.

Онъ взглянулъ на нее, почти испуганный. Она стояла блѣдная и спокойная. Машинально она взяла на столѣ обрѣзокъ бумаги и складывала его въ складки. Долотовъ машинально внимательно посматривалъ, какъ она это дѣлала.

— Таня, что-жъ это такое?

— Такъ нужно, выговорила она.

— Извини, если я спрошу: ты полюбила другого?

— Я тебѣ вчера сказала, что это невозможно.

— Почему же невозможно?

— Ты не помнишь?

Она улыбнулась.

— Все равно, если не помнишь. Запомни вотъ что, пожалуйста: женщинамъ не такъ легко переходить отъ одного къ другому, какъ вы это полагаете.

Долотовъ молчалъ. Она провнесла всю свою фразу, не шевелясь, отчетливо, твердо, только ея голосъ дрожалъ, будто отъ

холода. Она раздражалась, подкрѣплялась рѣзвостями, которыя говорила.

— Я ужь не о себѣ хлопочу, а о другихъ жейщинахъ. Моя пѣсенка спѣта.

Она махнула рукой и отошла.

— Вотъ, расуди самъ, прибавила она, приостановясь у двери. — Я покуда подамъ чай. Ты озабь.

Долотовъ сидѣлъ, потулся въ столъ и разглядывая струйки на полнатурѣ. Въ корридорѣ Розалія отказывалась идти за булками, шума на весь домъ.

— Ступайте сами, крикнула она Танѣ.

Долотовъ распахнулъ дверь, бросилъ деньги служанкѣ и повернулъ ее спиной.

— Молчать, и чтобъ сейчасъ все было!

Онъ протянулъ руку, чтобъ также рѣзко увести Таню, но удержался и возвратился одинъ. Молча, онъ сѣлъ къ письменному столу, пошарилъ конверты, бумагу, будто собираясь писать, озабоченный. Онъ не оглядывался, но видѣлъ все, что кругомъ дѣлалось. Таня неслышно накрыла столъ. Розалія, тоная, внесла самоваръ и булки.

— Тише, строго замѣтилъ Долотовъ, не поворачивая головы.

— Готово, черезъ нѣсколько минутъ сказала Таня.

Онъ перешелъ къ дивану, спокойно сѣлъ, спокойно ѣлъ и пилъ, не молча и глядя на все кругомъ какими-то потерянноподвижными глазами, будто не узнавая предметовъ, не сознавая, что дѣлалъ, занятый единственно своей думой. Онъ не могъ бы сказать, зачѣмъ старается устроить на своемъ лицѣ и охранить это выраженіе. Ему казалось необходимо поддержать свое достоинство. Онъ былъ огорченъ, но больше озадаченъ, обижень: не онъ *«возвратилъ себѣ свою свободу»*, а отъ него уходили. Его бросали, какъ виноватаго.

Онъ зналъ, что виновать, и зналъ въ чемъ. Ни за что въ мирѣ онъ не назвалъ бы своей вины нетолько кому-нибудь, но даже самому себѣ. Зная эту вину, онъ искалъ другой, искалъ рядомъ, обходя эту, искалъ такой, которую можно бы сейчасъ перевернуть въ необходимость, въ несчастье, въ заслугу, сейчасъ обрушить всей тяжестью на эту дѣвчонку, которая осмѣливается разсуждать...

— Бѣжать хочеть!..

— Добро бы бѣжала къ кому-нибудь. Тогда — на ней весь стыдъ и вся огласка. А свое положеніе, пожалуй, можно бы представить трогательнымъ, трагичнымъ: любишь; для нея жертвовалъ и свѣтскими, и семейными отношеніями, а она измѣнила,

«коварная, как волна...» А теперь что скажут порядочные люди? дѣвушка изъ богатой семьи, образованная, не то, что всякія нечесанныя... это было прилично; и вдругъ—бросила... Да и тѣ господа, «передовой народъ», на смѣхъ поднимуть: стало быть хорошѣ, если бросила!..»

Онъ украдкой взглянулъ на нее. Она обловотилась, потупивъ голову и поднявъ глаза, смотря въ окно. Одну секунду онъ подумалъ, что она тоже выбрала себѣ позу и выраженіе. Нѣтъ. Слишкомъ блѣдна и слишкомъ замучена. Она прехорошенькая. Похожа на какую-то картинку новой школы—Миньона, что ли... Надо велѣть ей носить шиньонъ... Да вѣдь она уходитъ...

— Тая, сказала онъ, заставивъ ее встрепенуться.

— Что?

— Вотъ что, мой другъ. Такъ-какъ ты, я вижу, ужъ рѣшила... Ты вѣдь рѣшила?

— Да.

— Ты рѣшила меня оставить, но ты знаешь и должна помнить, что я люблю тебя, что для меня твое спокойствіе, твое положеніе и толки всякіе, и отношенія другихъ къ тебѣ... до мелочи, до всякаго стола въ домѣ, гдѣ ты поселишься...

— Ну, что же?

— Все это важно для меня. Я имѣю право, я обязанъ знать, какъ ты намѣрена себя устроить. Да, Тая, я обязанъ. Какъ честный человѣкъ, я считаю себя болѣе обязаннымъ предъ тобой, нежели какой-нибудь отецъ, братъ, мужъ. Вѣдь ты — моя! Мнѣ ты отдала всю чистоту твоего перваго чувства...

У него ужъ дрожалъ голосъ. Она заломила руки и отвернулась.

— О, какъ хорошо было! продолжалъ онъ.—Вышло!.. Ну, моя прелесть, милый товарищъ мой, сестричка моя, скажи-же мнѣ, какъ ты хочешь жить? Тая, Тая, а вѣдь не чужой! Неужели я этого не стою? Вѣдь ты скажешь... ты Петрову скажешь все, а мнѣ...

Она отошла, прислонилась головой къ косяку окна и не отвѣчала.

— Ты скажешь другимъ, ты поощишь людей, повинуюсь мена! Ты права, ты свободна... Но, Тая, изъ состраданія, не бросай меня безъ добраго, откровеннаго слова! Ну, хотъ разбрани мена! выскажи, чѣмъ я виноватъ?

— Такъ жить нельзя, выговорила она.

Она удерживала слезы. Долотовъ это видѣлъ.

— Жизнь моя, почему-же до вчерашняго дня было можно? сказалъ онъ, подходя къ ней.—Я все тотъ-же. Не знаю, въ чемъ

я могу быть виноватъ, но въ одномъ, я увѣренъ, я святъ: я люблю тебя, я помысломъ не погрѣшилъ противъ нашей любви! Изъ всѣхъ этихъ... эманципированныхъ женщинъ, изъ всѣхъ свѣтскихъ куколъ, которыхъ я вижу поневолю, нѣтъ, не было..! да и не будетъ, не можетъ быть милѣе, вотъ... этой мучительницы, этой преданной, друга, няньки, этого ангела-хранителя. Одна ты... о, чувствую, знаю!.. одна ты можешь образумливать меня, внушать мнѣ то небольшое добро, которымъ я живъ, которымъ я человекъ!.. О, теперь я понялъ—я тебя не стою! Уйди, уйди, ты права! Уйди, но только скажи, чѣмъ я тебя отвратилъ? чѣмъ я тебя оскорбилъ? Вѣдь не вчерашней-же глупостью, минутнымъ движеніемъ ревности? Ты слишкомъ высока, чтобы этимъ оскорбиться... Этимъ оскорбляются, вотъ... падшія женщины!

Онъ махнулъ куда-то въ сторону.

— Прости: грязное слово!.. Свѣтлая моя, непорочная! О, лучше убей меня, уходя: безъ тебя я погибъ!

Онъ бросился въ кресло и закрылъ лицо. Таня обернулась и смотрѣла.

— Перестань... начала она и остановилась.

У нея мелькнула ужасная мысль... Новенькая, новенькая! Такая еще никогда не приходила!.. Что, если онъ играетъ комедію? Наловчился въ любительскихъ спектакляхъ; роль проходить... Комедія?.. Да, что жъ это такое...

— Слушай! вскричала она нервно. — Перестань! Ты плачешь, что ли?

Онъ оглянулся. Ея волосы разметались, щеки горѣли; она задыхалась; она была прелестна.

— Въ послѣдній разъ! вскричалъ онъ, обхвативъ ее страстно. — Ты любила первой любовью, но вѣдь и я не могу больше такъ любить! Ты начинаешь новую жизнь, а моя — кончена! Не отводи себѣ глазъ, не утѣшай себя, не оправдывайся, знай: для меня все кончено! Но и ты... Ты, все-таки—моя! Этого забыть ты не можешь!

— Любишь-ли ты меня? вскричала она, вѣя себя, вырываясь.

— Ты видишь!

— Отвѣдай, отвѣчай одно слово! По совѣсти!

Онъ отступилъ.

— Развѣ когда-нибудь, Таня, ты замѣтила, что я говорю или поступаю не по совѣсти? спросилъ онъ вдругъ очень серьезно и холодно.

Она помертвѣла; онъ будто поймалъ ее на дурномъ дѣлѣ.

— Скажи откровенно; ты—свободна, прибавилъ онъ еще стро-

же и увѣрениѣ, мелькомъ взглянулъ ей въ глаза, заложилъ руки въ карманы пальто и началъ прохаживаться.

Онъ былъ доволенъ собою, сознавая, что превосходно выдержалъ характеръ и провелъ сцену. Теперь не уйдетъ: сама попалась. Она стояла, неподвижная, пораженная, какъ-то странно отчетливо чувствуя, что устала, озябла и голодна, и не понимая больше ничего, что происходило кругомъ. Долотовъ улынулся, проходя мимо, и ждалъ, что она догонитъ его и обвинитъ; онъ даже пріостановился.

— Ну-съ? сказалъ онъ, качая головою, съ насмѣшливо-печальнымъ упрекомъ. — Такъ какъ же? Я безсовѣстно притворяюсь, и съ меня надо требовать присяги... съ колокольнымъ звономъ, что-ли!.. присяги, дорого-ли мнѣ то, за что я жизнь отдаю?.. А!..

Онъ сжалъ руки, такъ, что онѣ хрустнули, откинулъ кресло, сѣлъ къ письменному столу и взялъ книгу.

Таня подошла къ нему.

— Прощай, сказала онъ, не оборачиваясь.

— Прости меня, выговорила она:—я тебя обидѣла.

— «Прости»? повторилъ онъ.

— Да. Я точно не хорошо подумала. Въ этомъ точно я виновата.

Она упала ему на плечо и не могла продолжать.

— Только въ этомъ? сказалъ онъ съ упрекомъ.

— Только въ этомъ, повторила она.—Я тебя люблю... какъ — сказать не умѣю!.. Милый, счастье мое... О, для чего ты такой!

— Какой?

— Охъ, ты самъ знаешь!

— Наде это объяснить какъ-нибудь; я не понимаю.

— Нѣтъ, понимаешь!..

— Опять?

— Прости... Нѣтъ, вспомни, что ты говорилъ прежде, что насъ связало... Оглянись. Куда дѣвалось все это прежнее? Откуда у тебя взялась эта холодность къ серьезному дѣлу, привязанность къ пустякамъ! Ты тратишь время, ты мельчаешь...

— А! Вчерашняя проповѣдь господина Петрова! прервалъ Долотовъ.

— Я не того ждала, я не за тѣмъ шла къ тебѣ жить, продолжала она:—вспомни, за что я тебя полюбила! Мы хотѣли... вспоминай свои слова!.. Мы обѣщались подать примѣръ, какъ должны жить люди, трудиться, помогать другимъ, уважать другъ друга... Забыть прихоти, когда тамъ, на улицѣ, нѣтъ хлѣба! Учиться, учить! втолковать притѣсненному, что у него есть права, потому что онъ—человѣкъ, образъ и подобіе Бога!..

Я вѣдь вѣрую въ Бога! Иначе, Господи, да что жь бы у меня осталось, когда вотъ оно, мое самое дорогое... О, кто тебя подмѣнилъ? Стыдно! Развѣ мы—честные люди? Ты—свѣтскій фать, я—твоя содержанка... И все, что изъ этого слѣдуетъ!

— Этакая прелесть! вскричалъ Долотовъ, не сводя съ нея глазъ. — Вотъ такую, такую я люблю—не слезливую, не нервную... О, злая, славная дѣвочка!

— Ты меня не уважаешь, вскричала она.

— Я? Тебя? Стыдно, Тана! Попреки къ тебѣ нейдуть. Ты меня не уважаешь—вотъ это правда... Что? Не можешь возразить? Да. Ты слушаешь людей, которые, изъ-за грязи, изъ-за пѣльковъ, клевету тебѣ на меня, объясняютъ тебѣ вкривь и вкосъ мои поступки, мои мнѣнія... Они еще не доросли, чтобы понять-то эти мнѣнія; они во себѣ не видывали общества, отношений... всего... Сплетники, вотъ они! Да!.. Вѣдь все изъ-за взноса генія этого, Крылицына, а Крылицынъ—горящая голова... А если я скажу тебѣ, что я принялъ твердое намѣреніе совсѣмъ разорвать съ этой компаніей—ты что на это скажешь?

Тана отшатнулась.

— Да, подтвердилъ Долотовъ, цѣлуя ее, будто мимоходомъ. — Разорвать именно потому, что я человекъ искренній, а не фать. Вотъ кто фаты—они. Вотъ кто рисуется и убѣжденіями, и страданіями, чортъ—что, семьсотъ тысячъ фразъ. Все—фальшь, все—натяжка. Видите: преступленіе пойти обѣдать въ домъ, гдѣ подаютъ чистыя салфетки! А то подвигъ—ѣсть на подписки, на подаванія, на подачки?.. Мѣры нѣтъ негодованію, отвращенію! И они смѣютъ называть себя людьми прогресса, честными людьми! Это ничтожество, эти полуграматные, которые сами не понимаютъ о чемъ кричать... Не могу я браться съ ними, будь они наидобродѣтельнѣйшіе! Умный мошенникъ меньше надѣлаетъ зла, чѣмъ добродѣтельный дуракъ. Связываться съ ними—пропадешь изъ-за какого блага... Да не такіе ужъ они и добродѣтельные, не такъ они и радуютъ объ общемъ благѣ... договорилъ онъ будто про себя, съ серьезной горечью.

Онъ всталъ, подошелъ къ чайному столу, отхлебнулъ изъ стакана. Все ужъ протыло.

— Сейчасъ... сказала Тана, вышла и, воротясь, принесла угольевъ на самоварной крышкѣ.

— Добрая ты моя, сказалъ Долотовъ, взявъ ее на колѣни.— Родная моя, милая хлопотунья!.. Полно. Я вижу, что тебя смутило: ты не поняла меня. Для женщины, это, пожалуй, и трудъ.

не; нужно большое знаніе всѣхъ тонкостей социальнаго дѣла, или особенная чуткость... Спасибо, Таня, что напоминаешь мнѣ о лучшемъ значеніи челоуѣка; спасибо за тебя: я радуюсь, что ты не отстала, что ты способна развиваться... Но въ этихъ господахъ ты ошибаешься, ангелъ мой. Я самъ въ нихъ ошибся. Я—все тотъ-же, какимъ ты меня полюбила; но люди, между которыми я думалъ найти помощниковъ, товарищей... Страшно, Таня, горько отерывать на нихъ твои прелестныя глазки!.. Позволь-же мнѣ цѣловать ихъ; не отворачивайся.. Вмѣсто дружбы у нихъ эксплуатація; вмѣсто труда — одни слова. Ты сама не разъ замѣчала и негодовала! Вглядись: только тотъ и кричитъ, у кого сапоговъ нѣтъ; дай ему сапоги — всѣмъ премного доволенъ. Узость понятій, необразованность изумительныя. Не воображай ты ихъ, милая, великими людьми. Не такіе бываютъ великіе!.. Недостаетъ имъ такъ немногаго: знанія, да самоотверженія, да твердости... а подчасъ и простой находчивости; простого куражу нѣтъ. Вотъ они что. Воробьи: чикъ-чикъ, да въ кустъ... Недавно, въ твоему любезному Квиритову будочникъ зашелъ; просто лѣстницей ошибся—такъ что было съ Квиритовымъ? Слышала?

— Слышала, отбѣчала она машинально.

— «Слышала»... передразнилъ онъ и прижалъ ее крѣпче. Не судите по наружности, Танечка, говорю тебѣ серьезно. Неужели ты думаешь, мнѣ весело, какъ ты говоришь, «тратиться», перебивать изъ пустого въ порожнее съ набѣленной княжной?

— Ты тамъ, однако, всякій день.

— Ахъ, ты, ревнивая!.. Но повѣрь-же ты мнѣ... Но вѣдь и я могу ревновать, что ты вѣришь Петрову, бѣгаешь навѣщать Крылицына, а? какъ думаешь?... Нѣтъ, серьезно, другъ мой: нужно, необходимо бывать въ этихъ кружкахъ, которыхъ наши вонтели ругаютъ и проклинаятъ. Сила — тамъ, вотъ въ чемъ штука! Тамъ я убѣдился, потому что знаю это общество, какъ равный, а не изъ-за притоки лакейской... А наши—ну, что они могутъ сдѣлать, когда денегъ нѣтъ, вліянія нѣтъ, связей нѣтъ? Правду я говорю?

— Нѣтъ.

— Спорщица!

— Нѣтъ, потому что важны не деньги, не связи, а люди... Но довольно, сдѣлай милость! Я это все уже знаю; слышала.

— А тамъ, въ обществѣ, нѣтъ людей?

— Нѣтъ. Но довольно, я сказала. Ты меня не собьешь. Тебѣ лично, я могу вѣрить... потому что хочу вѣрить... а тамъ, твои пріятели—Богъ съ ними!

Она отошла, прошлась еще разъ, остановились у окна, при-слонясь къ косяку головой и по дѣтски прикрывая ротъ своей маленькой рукой, сжатой въ кулакъ, между тѣмъ какъ непо-движно устремленные глаза сверкали холодно и отчаянно. Было замѣтно, какъ билась ея виски.

— Я отъ тебя не уйду, заговорила она съ трудомъ; у нея пересохло въ горлѣ.— Потому не уйду, что вѣрю, будто ты меня любишь. Любишь—такъ не можешь обманывать, особенно въ са-момъ-то святomъ. Если ты такой-же, какъ былъ, и такъ же тебѣ дорого все честное... ну, и я твоя, какъ была... Твоя раба... Охъ, еслибъ ты только чувствовалъ, что я тебѣ другой разъ отдаю!...

Она убѣжала въ другую комнату и заперлась.

Долотовъ закурилъ, нѣсколько минутъ сидѣлъ задумавшись, будто что припоминая, потомъ быстро поднялся, переиелъ къ письменному столу и, не отрываясь, написалъ три записки. То-ропясь и разбрасываясь, онъ не находилъ, что ему было нужно.

— Есть городскія марки? спросилъ онъ, стукнувъ въ дверь.

— Сейчасъ, отвѣчала, отпирая, Тania.

Марки лежали въ коробкѣ передъ глазами Долотова.

— Убери; зайдетъ кто-нибудь, сказали онъ, указывая на чай-ный столъ.— Ни ты, ни я не одѣты. Готово тамъ одѣться? Мнѣ надо выѣхать.

Онъ прошелъ въ другую комнату.

Tania осталась, осмотрѣлась, встрѣтила себя въ зеркалѣ и от-вернулась. Ей было стыдно...

Да, прежде всего, ей было стыдно. Ее мучила совѣсть. Она невозвратно погубила что-то ужъ такое дорогое, святое, что не умѣла и назвать. Погубила... Богъ знаетъ изъ-за чего, безъ убѣж-денія... даже безъ увлеченія. А, кажется, все ужъ было рѣшено иначе.

Она злобно засмѣялась, глядя на свое оступѣлое лицо. Она обезумѣла и сознавала это съ какой-то дикой радостью. Вспомни-лось вдругъ... Разсказывала работница, давно, тамъ, въ дѣтствѣ, въ темнотѣ; говорили—быль: Баба назвала чернымъ словомъ свою крошечную дочку; та пропала подъ полъ и стонетъ тамъ, воетъ. Святки избу; все воетъ. Тогда говорятъ матери: догляни ее ужъ до конца, чтобъ совсѣмъ провалилась... Мать догляла...

— Ну, вотъ, и совсѣмъ провалилась... выговорила вслухъ Та-ня, все глядя на себя.

IV.

Долотовъ шумно распахнулъ дверь и портьеру. Онъ былъ одѣтъ. Бѣгло оглянувъ все еще неубранный столъ, онъ нахмурилъ брови, но не сказалъ ни слова, даже какъ будто не замѣтилъ ни состоянія Тани, ни ея самой. Онъ взялъ свою шляпу съ роуля.

— Перчатокъ нѣтъ у меня другихъ? спросилъ онъ, не оглядываясь.

— Нѣтъ, отвѣчала Тани.

— Эти свѣтлыя. Все равно; заѣду, возьму. А тебѣ нужны перчатокъ?

— Мнѣ?

— Да, въ спектакль, четвертаго. Позаботься себѣ о платьѣ. Кстати: устрой себѣ какую-нибудь прическу; такъ показаться нельзя. До свиданія. Я обѣдаю дома.

Тани едва затворила за нимъ дверь, какъ въ корридорѣ раздался звонокъ и восклицаніе Долотова.

— А, милости просимъ!

— Вы уходите? спрашивалъ женскій голосъ.

— Остаюсь, чтобъ васъ видѣть.

— Я на минуту.

— Хоть одну минуту.

— По дѣлу.

— Все, что вамъ угодно.

Онъ пріотворилъ дверь и сказалъ тихо:

— Madame Ганевичъ.

«Приказываютъ, чтобъ я ушла»... подумала Тани и осталась. Долотовъ вошелъ вслѣдъ за гостьей.

— Извините, сказала она Танѣ:—я по домашнему, какъ встала съ постели.

На Ганевичъ была соболья шапочка, черное шелковое платье и какая-то воротенькая синяя бархатная штучка, тоже опушенная собольями, по которой моталась и блестящая длинная золотая цѣпочка часовъ. Тани опустила глаза на свои засученныя рукава и усмѣхнулась, молча. Долотовъ вспыхнулъ.

— Посылаю ее завтра на Выборскую консультироваться, сказалъ онъ шутливо.—Все хвораетъ.

— Ну, вы мнѣ дадите погрѣться, сказала Ганевичъ, садясь.— Морозъ сегодня!.. Чашечку чаю.

— Или кофе? спросилъ Долотовъ.

— А это еще лучше. Но вамъ хлопотать надо, замѣтила она Таня.

— Ничего, похлопочетъ; это ей полезно, возразилъ Долотовъ. Таня, молча, приходила и уходила.

— Рояль все ненастроенъ? спросила Ганевичъ..

Долотовъ махнулъ рукой.

— Да-съ, вѣдь я къ вамъ по дѣлу... Почему вы вчера не пришли?

— Репетировали.

— Все репетировали? Кажется, ужъ въ десятый разъ? Ну, какъ же идетъ?

— Такъ-себѣ. Барышня плоха.

— Такъ и ожидать было должно, сказала Ганевичъ. — И я вамъ, не видавъ, скажу, что плохо и почему плохо: она *играетъ*, а ей слѣдовало бы оставаться только самой собою, то-есть непосредственно показаться публикѣ во всей своей несостоятельности—и была бы Софья Павловна Фамусова живая!.. Ахъ, да. Недавно мнѣ одинъ старый господинъ объяснял... Это любопытно, и я должна была повѣрить на слово, потому что нашему поколѣнію не на чемъ исследовать и убѣдиться... Но очень правдоподобно: Софья Павловна—лицо изъ самой глубины крѣпостныхъ временъ, когда барыни награждали любовью своихъ дворовыхъ, а между тѣмъ не позволяли имъ при себѣ садиться, и, прогнѣвавшись, какъ ни въ чемъ не бывало, съ ними «распоряжались»... Ну, Софья Павловна до этого еще не дошла («Въ душѣ, съ *аратовъ*», можетъ быть, и дошла бы!), а покуда... ну, молода она еще!.. покуда это крѣпостное понятіе только проступаетъ у нея въ отношеніяхъ съ Молчалинымъ, но уже сильно проступаетъ. Это—вѣрно. Такъ вѣрно, что я не понимаю, какъ ея не разглядить, какъ ее можетъ любить этотъ Чацкий, котораго намъ навязываютъ герои...

— Ахъ, не сбивайте меня, прервалъ Долотовъ:—я только-что справился съ своей ролью.

— Вотъ прекрасно! Новый, трезвый взглядъ—и прочь его, потому что онъ тревожить рутину. Да мнѣ какое дѣло, что я васъ собою? Ужъ вы, въ самомъ дѣлѣ, не воображаете ли себя артистомъ? Еслибъ еще по профессіи, а то вѣдь нѣтъ?

— Какъ? Пойти въ актѣры?.. Конечно, нѣтъ!

Ганевичъ засмѣялась.

— Чего-жъ вы испугались? Да, я только вчера узнала, что вы тайну дѣлаете изъ вашего спектакля для нашихъ общихъ знакомыхъ. Это почему?

— Но... Такъ! отвѣчалъ Долотовъ.

— Однако?

— Неловко... Это въ ихъ пользу дѣлается, сказалъ онъ тихо.

— Пожалуйста, оставьте чувствительности. Вы просто боитесь, что васъ упрекнутъ въ нетвердости вашихъ принциповъ, въ сношеніяхъ съ свѣтскимъ людомъ. Такъ ли?.. Такъ вы бы спросили меня, а я бы вамъ сказала, что на это смотрѣть нечего.

— Это несомно! прошептала Долотовъ, оглянувшись на проходившую Таню.

Ганевичъ прослѣдила за его взглядомъ.

— Какъ? И эта?..

Долотовъ кивнулъ головой.

— Вотъ какъ! я не ожидала! выговорила она протяжно и засмѣялась. — Крайняя?

— Какъ всѣ новообращенныя, отвѣчалъ онъ, накурясь.

— Ну, что-жь дѣлать. Крайность все-таки лучше равнодушія, безличности, спячки какой-нибудь.

— Да, но когда, при крайности, еще совершенное непониманіе вещей...

— Диссонансы неизбежны въ механизмѣ домашней жизни! Ваше дѣло...

Она зашептала, повертывая своей хорошенькой шейкой, утопущей въ темномъ мѣхѣ, и потряхивая бѣлокурными завитками, которые высыпались изъ-подъ накладного шиньона.

— Ваше дѣло—вложить ей правильныя понятія. Энергія побольше; вы, право, слабы. Мужчины — удивительные! Говорятъ, систематизируютъ—заслужаться ихъ. А какъ только ихъ существованіе войдетъ въ рамки, какъ только сложится у нихъ что-нибудь въ родѣ домашнего очага, какъ только почувствуютъ они кругомъ себя размягченіе атмосферы...

— Въ чемъ же? прервалъ Долотовъ.

— Ахъ, въ чемъ? Во всемъ! Ну, съ кухаркой вы не бесѣдуете, пуговицы ваши пришиты... Тотчасъ всякой энергія—конечъ, и именно тамъ, гдѣ ей мѣсто: въ дѣлѣ развитія женщины, которая ваша. Вѣдь она ваша! А вы? вы ее только любите! Между тѣмъ, интересы ваши разны, мировоззрѣніе ваше разное. Женщина ваша, а вы оставляете ей всю ея дивную своеобразность, вы не позаботитесь спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ втолковать ей...

Долотовъ кометливо засмѣялся; схватившись за голову.

— Что за коммисія, Создатель, быть развивателемъ...

— Жены? подсказала Ганевичъ.

— О, я не связана! возразилъ онъ поспѣшно, порывисто, тихо, но очень серьёзно.

— И прекрасно, отвѣчала также тихо и серьёзно Ганевичъ и обратилась къ Танѣ, которая внесла кофе. — Благодарительница!!.. Скажите, пожалуйста... ну, понятно: движеніе, затрата силъ и такъ дагѣ возбуждаютъ аппетитъ; но жадность-то откуда является? Вотъ посмаковать, выбрать кусочекъ красивѣе... именно красивѣе. Вашъ булочникъ—художникъ, договорила она, разламывая крендель.

Таня хотѣла уйти, что Долотовъ даже ей приказывалъ взглядомъ. Ганевичъ это замѣтила.

— Посидите съ нами, вскричала она, удержавъ ее.—У меня дѣло. Павелъ Сергѣевичъ, жаль, что вы не пришли къ намъ вчера, я бы васъ обобрала; но все равно—оберу сегодня. Давайте на благое дѣло.

— Для Крылицына? выговорила Таня.

Ганевичъ оглянулась на нее мелькомъ.

— На благое дѣло, на супружеское счастье, продолжала она, захохотавъ. — Конечно, никогда не догадаетесь, что это такое. Я, батюшка, женю, сватаю; я мать посаженная, а куда нужны деньги. Давайте.

— Извольте, отвѣчалъ Долотовъ, подавая ей открытый бу-
мажникъ.

— Все? спросила она, хохоча.—Успокойтесь; по глазамъ вижу, что всего нельзя. Двадцать-пять мнѣ довольно.

Она взяла ассигнацію и аккуратно уложила ее въ свой нарядный портмонъ.

— Серьёзно, начала она: — я собираю на свадьбу. Нѣчего дѣлать. Вы знаете, какъ я вообще къ этому отношусь, по иногда приходится и поступаться своими убѣжденіями. Вы видали у меня Качалову? обратилась она къ Танѣ.

— Не знаю... не помню, отвѣчала Таня.

Она могла бы сказать, что всего раза три была у самой Ганевичъ. Вѣрнѣе, она не помнила и не понимала ничего, что дѣлалось кругомъ нея въ эту минуту.

— Она такъ разсѣяна... сказалъ нетерпѣливо Долотовъ.—Качалова изъ Вытегры—неужели не помнишь? Умная, талантливая дѣвушка...

— Дорошенькая собою, прервала Ганевичъ: — а «умную» и «таланливую» вы спрячете въ карманъ. Въ томъ и бѣда, что это кретинъ. Мнѣ писалъ о ней изъ Вытегры Власевъ...

Она обращалась къ Танѣ.

— Помните, когда онъ былъ туда посланъ? Вы знаете?
Тая ничего не знала.

— Это... Ну, все равно... Она жаловалась на свое скверное положеніе. Собственно въ семьѣ ей бы ничего, но Власевъ бывалъ у нихъ, говорили... Однимъ словомъ, она постигла, что такъ жить недостойно. Трутень какой-то, непронизительный членъ общества. Самой себѣ въ тягость; самостоятельная единица, а нѣчто, что папенька и маменька нѣбуютъ право притѣнуть, куда хотятъ. Штопала, стряпала... Власевъ ей объяснилъ; писалъ мнѣ. Я ей писала. Наконецъ, удалось намъ вытребовать ей отъ папеньки паспортъ. Она выказала, въ самомъ дѣлѣ, хорошіе задатки силы характера. Она пріѣхала сюда съ Власевыми. Ея цѣль была — научиться шить перчатки, чтобъ потомъ открыты въ Виттегрѣ свою мастерскую. И знаете...

Она обратилась къ Долотову.

— Такъ она сначала говорила дѣльно, умно. Энергичная такая. Она меня закупила. Такъ практически разсчитывала прибыль, понимала основанія правильной ассоціаціи... Оставалось научиться!

Долотовъ засмѣялся.

— Вы знаете дальнѣйшее? сказала она, смѣясь тоже.— Такъ я васъ избавлю отъ подробностей. Словомъ, все перепробовала: перчатки, башмаки, переводы... ахъ, что это было!.. переплетное дѣло... Я, наконецъ, говорю ей: вы дома несли пироги? Дѣ? Ну, займитесь кулинарнымъ искусствомъ, изучите его разумно. Это вѣдь тоже необходимо! вѣдь васъ отравляютъ въ кухмистерскихъ или чухонки эти, которыхъ мы нанимаемъ; работайте хоть надъ этимъ... Благословила ее; дала ей «Хмѣю кухни»... Вы знаете?

— Нѣтъ, сказала Тая.

Ганевичъ секунду помолчала.

— Я увѣрена, что книга осталась неразрѣзанная, продолжала она:— да и вообще всѣ книги... я ихъ немало раздавала... Ну-съ, между тѣмъ, барышня продолжаетъ плакаться о дѣятельности. бѣгаетъ по всему городу, болтаетъ всякій вздоръ. Такъ что недавно одинъ полицейскій другъ предупреждаетъ меня, чтобъ я ее уяла...

— Полицейскій другъ? спросилъ Долотовъ.

— Надо имѣть друзей вездѣ, возразила Ганевичъ... очень серьезно.— И вотъ вчера она мнѣ объявляетъ, что въ клубъ приказчиковъ... Какъ она туда пошла, кто ее знаетъ!.. Показалась мнѣ, что всю зиму тамъ пляшетъ. Ей тамъ сдѣлалъ предложеніе тоже полицейскій дѣятель, и она въ восторгѣ! Домъ бу-

дочь, собственность, все на свѣтѣ... А, Богъ съ нею! я очень рада. Надо только свертѣть какое-нибудь приданое. Вообразите, какъ безкорыстно влюбленъ: «довольно мнѣ, говорить, одного платица!» За красоту беретъ. Ея папаша будетъ радѣхонекъ; какъ же: зять изъ столичной администраціи!

— А главное—дочка на мѣстѣ, сказалъ Дологовъ.

— Да, но превращеніе-то каково—рѣдкій феноменъ: супруга квартальнаго, изучавшая Фейербаха! Власьевъ злится, а я его дразню, какъ пошли впрокъ его уроки...

— Чудесно! Надо Власьева отрядить къ ней шаферомъ.

— Ахъ; непременно, богатая мысль! Но знаете, кто еще недоволенъ этимъ бракомъ? Петровъ.

— Этому что? Влюбленъ въ нее, что ли?

— Влюбленъ? Петровъ? что вы!

Она раскохоталась.

— Что вы? совсѣмъ не то... Да! вчера онъ былъ невыразимо разстроенъ.

— Знаю.

— Я, чтобъ его разсмѣшить, представила ему жениха и невісту...

— Какъ? женихъ былъ у насъ?

— Что жь дѣлать; надо было покориться необходимости. Но какіе мы всѣ были скромные—прелесть! Музыка, романсы—и ничего больше!.. Но вы знаете Петрова: онъ такъ заботливъ, разборчивъ въ его людяхъ, въ средствахъ... осторожность—это манія... Ахъ, я люблю его—славный онъ господинъ. Испытали вы при немъ одно чувство? дѣлается страшно—такъ онъ честенъ и прямъ! Кажется не знаешь за собой вины, а что-то тяготитъ; точно будто не то дѣлаешь, что должно, точно будто недовольно близко все принимаешь къ сердцу... Точно будто онъ всѣ помыслы насъ въездъ видитъ... Испытали вы?

— Признаюсь, отъ бесѣды господина Петрова ничего, кромѣ скуки, не испытываю, отвѣчалъ Дологовъ.—Петровъ воплощенная фраза.

— Петровъ? вскричала Ганевичъ.

— Вы точно такъ думаете о немъ, какъ сейчасъ сказали? вмѣшалась Таня.

— Вы его знаете? спросила Ганевичъ.

— Оракуль mademoiselle Mhémige, отвѣчалъ Дологовъ. — Съ

этой минуты — я за нее объясняюсь — вы имѣете въ ней самую преданную поклонницу.

Ганевичъ будто затруднилась и ничего не сказала.

— Этотъ баринъ... продолжалъ Долотовъ: — этотъ баринъ слишкомъ сильно размахивается, причемъ, какъ извѣстно, никогда не попадаютъ въ цѣль, а только смѣшать зрителей... да и прожектиль можетъ отскочить и хватить самого бросающаго въ лобъ.

— Вотъ что особенно страшно! замѣтила насмѣшливо Ганевичъ.

— Если и не особенно, то все-таки. Самосохраненіемъ не пренебрегаютъ и передовые люди, отвѣчалъ онъ равнодушно и будто нечаянно посмотрѣлъ, какъ она покраснѣла. — Чувство законное... А если не самого хватить, то можетъ хватить другихъ, рядомъ. За что же?.. Подвергать другихъ ужъ и не честно.

— Вы такъ думаете? спросила Ганевичъ, какъ-то передохнувъ и глядя на него пристально. — Это, въ самомъ дѣлѣ, ваше мнѣніе?

— Очень опредѣленное, рѣзко отвѣчалъ Долотовъ. — Я не осмѣлюсь рисковать собою, не убѣдась положительно, что въ то же время не рискую никѣмъ... Жертвы, Александра Михайловна, должны быть только добровольныя.

Онъ произнесъ послѣднія слова тихо, настоятельно и спокойно, какъ простой человѣкъ, который не задумается принести себя въ жертву. Чуть замѣтная усмѣшка дрогнула въ его красивыхъ устахъ. Онъ выждалъ, когда гостя успокоилась, и протянулъ ей свою красивую руку.

— Славная вы, сказать онъ тихо и съ чувствомъ.

Ганевичъ тоже съ чувствомъ пожала его руку, но нѣсколько сконфуженная; она будто что обдумывала. Долотовъ встрѣтилъ сверкнувшіе глаза Тани и поцѣловалъ руку гостя.

— Не люблю я стулья ломать... выговорилъ онъ все такъ же тихо, но съ такой презрительной досадой, что при всей своей порядочности, будто не могъ удержаться и слегка ударилъ по столу.

— Мнѣ надо кое-что поразсказать вамъ... сказала Ганевичъ, все въ раздумьи, и встала. — Не теперь, послѣ; еще успѣется: Куда вы шли?

— Въ разные мѣста. На Невскій.

— Мнѣ тоже нужно, вотъ за тряпками невѣстѣ; проводите

меня до гостиннаго двора... Прощайте, прибавила она, оглянувшись на Таню.

— Мой порт-сигаръ тамъ, сказалъ ей Долотовъ.

Таня пошла.

— Ревнива? шепнула Ганевичъ, надѣвая свою шапочку.

Долотовъ, улыбаясь, кивнулъ головой.

— О! потякать не надо! замѣтила она строго и обратилась къ входящей Танѣ. — Чѣмъ вы займетесь безъ насъ, mademoiselle Thémige?

— Я думаю, заснетъ; она ночь не спала, отвѣчалъ за нее Долотовъ.

Ему какъ-то вдругъ стало ее жалко.

— Все равно. Спать среди дня всячески нездорово. У кого и нѣтъ слезина, тотъ его нагонитъ дневнымъ сномъ: голова тяжелеетъ, тупѣетъ. Возьмите лучше книжечку, mademoiselle Thémige. Вотъ тамъ, у васъ есть хорошия.

— Понграй, сказалъ Долотовъ уже въ дверяхъ, и положилъ ей руку на плечо.

Таня отклонилась.

— Развѣ она играетъ? спросила Ганевичъ, въ корридорѣ, надѣвая калоши.

Сѣнная дверь захлопнулась за ними. Хозяйка пробѣжала, бранясь, и увидѣла Таню.

— Вы дома? Могли-бы двери-то запереть; дѣло за вами бросаетъ. Да! вашъ тотъ, что по черной лѣстницѣ ходитъ... Письмо вамъ на-те... Пустить его, что-ли? онъ въ кухню.

Таня скватила письмо, которое ей подавали, и разорвала конвертъ.

— Господа ушли; идите, никого нѣтъ, кричала кому-то хозяйка. — Ужъ и хорошъ гость — отъ людей прячется...

Въ комнату вошелъ молодой человекъ, маленькій, худенькій, въ старенькомъ, довольно грязномъ пальто и осторожно притворилъ дверь за собою.

V.

Таня читала, стоя и не обращая вниманія на своего гостя. Письмо было недлинно, написано широко и полуграматно. Оно было отъ ея горничной, *оттуда изъ дома*.

Смѣшно! у нея тогда была горничная; она была барышня!

Ей и теперь писали: «милая барышня»...

Какое это чувство испытывается, когда вдруг, среди настоящего, которое обступило, стало, сдавило будто въ когтяхъ, вдругъ появится что-то изъ той, покинутой дали?... Тогда, прежде, она казалась такъ темна, а теперь такъ сияетъ!.. И эти образы, приходящіе оттуда... они—не привраки, они существуютъ, они не измѣнились и не измѣнили, они плачутъ о покинутыхъ и утѣшиться не могутъ... Бѣдная Катерина!..

— «Не могу я, милая барышня, войти въ вашу комнату; войду, спибу руки и слезами залюсь. Нѣтъ васъ, утѣшительница наша. Бывало, хоть вы въ домѣ разсѣветесь; теперь ничего голоса не слышно. Какъ я васъ просила, молила, когда вы уѣзжали...»

Да, она руки Долотова цѣловала въ ту ночь... Она была больна, наканунѣ пролежала и тѣмъ оправдалась, что ничего не знала; иначе-бы ее прогнали... Это все она написала Танѣ потомъ, много спустя потомъ, когда Таня извѣстила, что можно переписываться черезъ Квиритова.

Странно, почему, въ первую же минуту разлуки со всѣмъ роднымъ, показалось невозможнымъ, чтобъ вѣсти объ этомъ родномъ приходили прямо, на имя человека, замѣнившаго всѣхъ? Почему какъ-то невольно подсказалась тайна, и ей покорились и мать, и сестра, и такъ было страшно, что она откроется... И какъ долго ждалось, чтобъ можно было устроить эту переписку: покуда, почти случайно, не встрѣтился Квиритовъ. Квиритовъ—сынъ дядьки изъ прихода, тамъ...

Таня оглянулась на него. Онъ взялъ со стола какую-то книжку и перелистывалъ ее, стоя у печки, въ которой прислонялъ то одно плечо, то другое. На взглядъ Тани, онъ тоже оглянулся.

— Что? спросилъ онъ: — все благополучно?

— Это отъ Катерины, отвѣчала она. — Ничего не пишеть ни о мамѣ, ни о комъ.

— Должно быть, все слава Богу. Дурное сейчасъ скажутъ. Мнѣ мой батюшка тоже прислалъ письмо. Я его прошу всегда извѣщать о вашихъ. Онъ ихъ недавно видѣлъ на катаньи — вашу матушку, сестрицу. Должно быть, веселятся. Выборы тамъ.

Она слушала, терзаясь совѣстью. Несомнѣнно, ей хотѣлось знать о матери, о сестрѣ... но говорить о нихъ она не могла, не хотѣла. Въ эти минуты ихъ счастье, ихъ покой были ей необходимы — для своего собственного покоя...

— Веселятся! повторила она.

О, еслибъ сказали, что ее забыли, что ея совсѣмъ неужно,

что ей не любить! Вотъ бы радости!... Помнить, заботиться, любить—это все мученіе. Знать, что всего этого не переносить изъ за нея — да это благодать! это прощеніе!... Ну, веселятся. Варя катается. Конечно, шляпка новая, шубка новая, сапи новыя... Сколько за все это досталось обидъ, окривовъ, всякой грязи?... Ну, все равно, было весело; хоть часъ, да весело. Кого-нибудь видѣла; можетъ быть, кто-нибудь есть по сердцу... У Вари-то?... А мать?...

Она будто отмахнулась.

А вѣдь отгонять чувство, отгонять мысль — паденіе. Страшное нравственное паденіе. Такъ дойдешь до Бога-знаетъ чего. Одеревенѣешь. Будешь, какъ вонъ та барыня, что сейчасъ ушла: *цѣльная, дѣльная*... Да ужъ и не лучше-ли такъ-то, совсѣмъ, совсѣмъ...

— Голубчикъ, что-жь это я васъ ничѣмъ не погрѣю? сказала она Квиритову, подходя къ неубранному столу: — погодите, я сейчасъ...

— Что вамъ безповоротна, Татьяна Дмитревна! я не хочу.

— Я ничего не ѣла, возразила она: — сдѣлайте мнѣ компанію.

Она развела канфорку, поставила кофейникъ и принесла изъ другой комнаты кусокъ холоднаго жаренаго.

Маленькое личико студента слегка зарумянилось; онъ замѣтно былъ очень голоденъ.

— У васъ и такъ цѣлый день хлопоты, отговаривался онъ.

— Ничего, для друга-то, лишній разъ! возразила она съ мучительно-удальнымъ весельемъ. — Давайте пировать; намъ теперь просторъ.

Она налила ему рюмку вина.

— Вотъ апельсинчикъ, на закусочку.

— Татьяна Дмитревна... сказалъ студентъ.

— Что?

— Я не могу... У меня кусокъ въ горлѣ останавливается. Я вѣдь знаю, что вы меня помните...

— Ну, нѣжности оставьте.

— Нѣтъ, вы—какъ сестра родная... Я не умѣю сказать...

— А не умѣете, такъ и не говорите.

— Я знаю, чего вамъ это стоить... Павлу Сергѣевичу непріятно.

— Да что мнѣ Павелъ Сергѣевичъ? прервала она съ досадой... — Вы, миленькій, не завирайтесь. Мнѣ вотъ весело. Мои веселятся—ну, и прекрасно. Что-жь! я сама хочу веселиться. Святки. Достаньте-ка завтра два билетика въ боковыхъ мѣстахъ, а то и на балконѣ: завтра—*Роинда*.

— Развѣ Павелъ Сергѣевичъ пойдётъ въ боковую кѣста...

— Э, что вы все съ Павломъ Сергѣевичемъ... ну!.. мы съ вами, съ вами, голубчикъ, съ вами вдвоемъ. Братецъ съ сестрицей, родино...

Онъ взглянулъ на нее украдкой.

— Музыка, говорятъ, хороша, продолжала она. — Ганевичъ скакивала; она все знаетъ. Говорить: точно панихида. Вотъ вамъ и полезно послушать; вы манеру приобрѣтете, а, какъ васъ за неуплату погонять изъ университета, вы на крылосѣ славно будете пѣть, съ чувствіемъ.

— Нѣтъ, ужъ заплачено, Татьяна Дмитриевна; этотъ годъ не погонять, отвѣчалъ онъ, все заглядывая въ ея наклоненное лицо.

— А Крылицына выгонять?

— Его—непремѣнно.

— Нигдѣ не нашли?

— Денегъ-то? Гдѣ жъ ихъ найти! За меня тогда, въ сентябрѣ, отецъ самъ выслалъ въ правленіе, а то бы...

— А то-бы вы свои отдали? Молодець! Отецъ съ матерью, и съ дядями, и съ тетками, по грошамъ для него набрали, а онъ... Охъ, я не учу, Квиритовъ! простите меня...

Онъ молчалъ, все глядя на нее. Она потупилась въ столъ, потомъ вдругъ подняла голову, встряхнувъ волосы.

— Что жъ онъ будетъ дѣлать?

— Кто? Крылицынь? говорилъ — уѣдетъ.

— Куда? Вѣдь родныхъ у него нѣтъ?

Квиритовъ помолчалъ еще.

— Да вѣдь ни у кого родныхъ нѣтъ, Татьяна Дмитриевна, сказалъ онъ, наконецъ, закуривая маленькую сломанную папироску, которую обшарилъ у себя въ карманѣ. — То есть, я разумѣю, родныхъ въ смыслѣ помощи. Никто не въ правѣ истощать ихъ средства и даже физическія силы. Вотъ, напримѣръ, мои родные: что могутъ, для меня дѣлать, а я только еще на второмъ курсѣ, занятій мало... Затрата на меня, слѣдовательно, самая непроизводительная...

— Послушайте, голубчикъ, прервала Тая: — не говорите такъ фигурно. Вы всё какъ-то фигурно говорите; я не могу применить... И все это вздоръ. Придетъ время, и вы также ваши роднымъ поможете.

— Вотъ Иванъ Васильевичъ такъ говорить.

— Такъ что-жъ пустая толковать! Скажите о Крылицынь. Метровъ ходилъ вчера къ Ганевичъ?

Квиритовъ былъ сконфузенъ.

— Не знаю какъ сказать, Татьяна Дмитриевна, началъ онъ, врасплохъ и, для смѣлости, однимъ духомъ сжигалъ свою напро-
ску. — Началъ я тутъ у васъ... Мнѣ кажется, Ганевичъ эти
ненадежны... Простите меня, пожалуйста; вы съ ними дружны —
но что же я могу судить? Я — человѣкъ неразвитой, просто,
новѣйка.. но такъ мнѣ кажется. Мягко они стелютъ, а спать
жестко.

— А вы проснулись спать у нихъ? сказала Тани со злостью.

Но она между тѣмъ улыбалась. Это ободрило студента.

— Нѣтъ, меня Богъ миловалъ, отвѣчалъ онъ такъ рѣзко,
какъ нельзя было ожидать отъ его жалкой, смѣтой особы, и
опять сконфузился. — Впрочемъ, что-же? я не хожу къ нимъ.
Прошлой зимой, вотъ Власевъ—онъ тогда возвратился—Иванъ
Васильевичъ...

— Петровъ?

— Да. Заблуждается онъ въ ней очень; по себѣ судить. Ему
слово дорого, а ей говорить — что воду лить... Конечно, я не
понимаю, не могу рѣшать... Вотъ, прошлой зимой, говорить мнѣ
онъ и Власевъ, что госпожа Ганевичъ собираетъ у себя по пат-
ницамъ; лекціи тамъ кто-то читаетъ, химию. Я подумалъ: я
юрисъ, мнѣ не надо. Они настаивали; говорили, что она зани-
мается сама съ тѣмъ кто хочетъ, французскимъ, англійскимъ
языкомъ; тоже дни назначены. Меня къ ней послали. Барышень
тамъ было нѣсколько. Вотъ эта, слышали, Качалова, она по-
томъ въ переплетной была...

— Она замужъ идетъ, сказала Тани.

— Неужели? За Власева?

— Нѣтъ. Не знаю... Ну, рассказывайте: что вы у Ганевичъ
дѣлали?

— Да ничего не дѣлалъ. Она литературу читаетъ, а мнѣ
азбука нужна. Положимъ, я по французски читать умѣю, но
вѣдь я ничего не понимаю. Прочелъ, всѣ хохочутъ; такъ это
стѣснительно.—«Покажите, говорить, учебники, по которымъ вы
занимались?»—Я ихъ съ собой принесъ: ну, Шапсаль, разговоры—
да захватилъ кстати—я на Садовой купилъ, за патталыинный;—
толстенная такая—*Martyrs* Шатобриана, знаете?

— Нѣтъ!

— Я за имя купилъ; слышалъ: Шатобрианъ... Она, Александра
Михайловна, какъ взяла въ руки, такъ даже ужась у нея на
лицѣ. Подняла книгу вверхъ, показываетъ: «Вотъ, господа, го-
ворить: — тѣмъ оступались дѣла поколѣнія!» И всѣ передъ
ней благоговѣютъ. А тоже вѣдь никто не читалъ... Ивана Ва-

Сильевича тогда не было; она при немъ остерегается. Ей нравится очень, что онъ обращаетъ на нее вниманіе. Женское кокетство, можетъ быть, что таковой человекъ, суровый, казалось бы... Не знаю... И тутъ она объ авторитетѣ говорила, говорила, слушали ее, слушали. Тѣмъ урокъ и кончился. А потомъ...

Онъ взглянулъ опять въ лицо Таня. Она опять потупилась, опять машинально что-то разглядывая. Квиритову было неловко. Казалось, говори онъ хоть до завтра, она ничего не слышитъ. Но если замолчать—она, можетъ быть, замѣтитъ, обидится... Какъ нарочно, въ эту минуту, когда онъ остановился, она разсѣянно оглянулась на него какими-то ничего невидящими глазами. Ему стало почти странно.

— Такъ вотъ, потомъ... началъ онъ, запинаясь. — Потомъ... Однажды она прислала за мной. Власевъ ей перенесъ, что я я ищу работы. Я ему, право, ничего не говорилъ, не поручалъ... Ну-съ.—«Вотъ вамъ, говорить:—работа; переведите это». Поллиста печати, изъ какой-то книги вырвано, историческое.—«Въ складчину, говорить:—переводится; это—на вашу долю; съ лексикономъ сдѣлайте». — Два рубля за это. Я посмотрѣлъ... Вѣдь недобросовѣстно! Что-жъ я возьмусь, когда я не понимаю? Какой тутъ лексиконъ поможетъ? Отвѣчаю, что не могу... Такъ какъ же это она поняла? вскричалъ онъ, вдругъ оживляясь:—поняла, будто мнѣ показалось дешево!—«Сколько же вы, говорить:—хотите? Чего вамъ больше? за весь переводъ—по пятнадцати съ листа, а на мнѣ еще общая редакція, трудъ за всѣхъ! Чего-нибудь стѣдуетъ исправить безграматности!» Зачѣмъ же, говорю ей:—вы безпокойтесь, раздаете безграматнымъ? И ушелъ отъ нея. Хитрѣва! Мнѣ только пол-листа предложила, потому что, въ самомъ дѣлѣ, пришлось бы ей поправлять, а какъ ей Подымова дѣлала, институтка-шиферница, да Родольскому полтора тома свалила, а Родольскій французскую, нѣмецкую книгу вслухъ прямо по-русски читаетъ... такъ это ей «трудъ», «общая редакція!» «Обществу служить», видите, а попроси у нея для общества-то... Примѣрную ферму заводить хочетъ; хозяйственные машины, скотъ закупаетъ. У нея, подѣ Тверью, земля какая-то. Аргунову отправляетъ въ Швейцарію, изучать молочное производство. Школа тамъ будетъ, въ родѣ колоній, въ родѣ Меттре. Всѣ затѣи. А на такое дѣло, что погибаетъ такой человекъ, какъ Крылицынъ...

Последнее слово будто рабудило Таню.

— Такъ онъ уйдетъ? сказала она, будто только и слышала и поняла, и помнила изъ всего, что говорили.—Куда?

— Я не знаю, Татьяна Дмитриевна, отвѣчалъ Квиритовъ.— Если вамъ признаться... я не смѣю ихъ спрашивать, вотъ Крылицына, Ивана Васильевича. Это — не просто товарищи, знакомые, а повыше!... Я-то ужъ ихъ хорошо узналъ... Вѣдь, меня когда я разутый, раздѣтый въ Питеръ добрался—меня Иванъ Васильевичъ на улицѣ подобралъ: я ночевалъ у Казанскаго на паперти...

— Квиритовъ!.. вскрикнула она въ ужасѣ.

— Да. Вотъ какая бываетъ нищета, Татьяна Дмитриевна; вы ее не знаете. Вотъ какъ я ему обязанъ; а потомъ онъ пріѣхалъ, онъ кормилъ, да еще клятвой связалъ—отцу-матери не сказывать. Вамъ первой, одной говорю: сердце не вытерпѣло. Да этого мало. Мнѣ нужно было готовиться держать экзамень. Иванъ Васильевичъ—самъ не юристъ, а медикъ; онъ меня повелъ къ Алексію Александровичу — къ Крылицыну; а тотъ... Да вы не знаете, что это за люди! какое сердце у нихъ, какія понятія... человѣческія, одно слово—человѣческія! Благородство, задушевность, братство... И гениальные люди! Чего не знаютъ, чего не читали, какъ трудятся! Вы представьте, Алексій Александровичъ вѣдь ужъ выслушалъ полный курсъ историко-филологическій, кончилъ съ медалью, да опять поступилъ—на юридическій съ третьяго курса. — «Одно знаніе прѣва, говоритъ: — ничего безъ общаго образованія — безъ философіи...» Всѣ свободные дни—въ публичной библіотекѣ. Урокъ давалъ только одинъ, и тѣмъ жилъ. Диссертацию готовилъ: *«семейнаго отношенія, правахъ и обязанностяхъ»*. Анализъ, краснорѣчіе... Боже мой, подумать только—двадцать четыре года и человѣкъ уничтоженъ! Иди, пронадай, гложни! А въ государствѣ заводятся новыя суды!

Онъ зажалъ руками свое вспыхнувшее маленькое личико и глаза, полные слезъ.

— Да я пойду для него подѣ окнами просить! вскрикнуть онъ, вдругъ вскакивая съ мѣста. — Матушка, милая, Татьяна Дмитриевна, нѣтъ ли у васъ? сколько-нибудь, что-нибудь?

— Ничего нѣтъ, отвѣчала она.

— Вы завтра въ театръ хотѣли...

— Въ театрѣ!

Она захохотала.

— Ахъ, Квиритовъ, въ театрѣ! Или вы не видите, каково мнѣ? Я цѣлый мѣсяцъ матери не пишу — марки нѣтъ... Вотъ вамъ крестъ съ шеи, купите ему калачъ на дорогу...

Т. ССХХХVI. — Отд. I.

Квиритовъ оторопѣлъ, хотѣлъ сказать—и не могъ. Нѣсколько минутъ молчали оба, не глядя другъ на друга.

— О, что-жь это будетъ!.. прошептала Тая, опуская голову на столъ.

— Что бы ни было, сказать рѣзко и твердо Квиритовъ: — я знаю только, что для этихъ людей... они мои благодѣтели для нихъ я вынесу все, всякое несчастье, всякое униженіе, положу голову на плаху... Моя голова—ничто!

В. Крестовскій.

ОБЪ УЧАСТИИ РОССИИ

ВЪ ОСВОБОЖДЕНИИ ХРИСТИАНЪ ОТЪ ТУРЕЦКАГО ИГА.

(Окончаніе).

Вступивъ, 29 января 1696 года, въ права единодержавца надъ русскимъ государствомъ, Петръ I нашелъ вопросъ о покровительствѣ Россію турецкихъ христіанъ уже достаточно подготовленнымъ прежнимъ ходомъ событій. Къ этому времени было уже ясно выражено со стороны русскаго правительства желаніе освободить христіанское населеніе отъ власти магометанскихъ завоевателей; но вопросъ о томъ, какъ устроить будущую судьбу освобождаемыхъ? вовсе не предусматривался, такъ что рѣшеніе этого послѣдняго вопроса должно было бы вызвать столкновеніе между союзниками-освободителями, изъ которыхъ, конечно, каждый пожелалъ бы получить львиную долю изъ отнятой ими у турокъ территоріи. Изъ сильныхъ рувъ молодого царя не выпадало, какъ извѣстно, никакое дѣло, и онъ съ свойственнымъ ему пыломъ принялся завершать начатое дѣло, рассчитывая въ этомъ случаѣ на союзъ съ Западной Европой. Мы уже сравнили прежде заявленіе о такомъ союзѣ съ рекомендательнымъ для Россіи письмомъ для вступленія въ семью европейскихъ государствъ, и Петръ энергически воспользовался этимъ. Для составленія такого союза, онъ, подъ именемъ Петра Михайлова, отправился за границу съ чрезвычайнымъ русскимъ посольствомъ, которое должно было «подтвердить прежнюю дружбу и любовь» государей московскихъ при иностранныхъ дворахъ и стараться «объ ослабленіи враговъ креста Господня: салтана турецкаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ.» Петръ рассчитывалъ, что, находясь при посольствѣ, онъ будетъ направлять лично ходъ этого дѣла.

Прежде всего, царь постарался привлечь въ союзу Польшу, гдѣ вѣсть о взятіи имъ у турокъ Азова была встрѣчена съ большою радостью и послужила поводомъ къ торжествамъ и празднествамъ.

*

Царскій резидентъ при варшавскомъ дворѣ, Никитинъ, воспользовался такимъ настроеніемъ поляковъ и сказалъ польскимъ сенаторамъ торжественную рѣчь, заявляя, что царь шлетъ грамоты союзникамъ, приглашая, чтобъ они укрѣпились на продолженіе войны съ бусурманами и «вдругъ безопасно ударили на звѣря, ловающаго кровь христіанскую». Никитинъ, отъ имени царя, звалъ поляковъ «драться за крестъ Господень и братью изъ неволю поганской высвободить». О различіи христіанскихъ исповѣданій при этомъ не было рѣчи.

Невозможно сказать, до какой степени такое желаніе само по себѣ занимало царя и происходило ли оно исключительно изъ религіознаго побужденія. Самъ Петръ, сообщая въ 1697 году изъ Голландіи патриарху Адріану о своемъ намѣреніи освободить южныхъ славянъ, добавлялъ: «Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану». Нужно, однако, предположить, что такое желаніе вызвали въ немъ и политическіе его расчеты. Его прельщала мысль утвердиться на Черномъ Морѣ, и, конечно, возбужденіе христіанъ противъ Турціи, во имя религіи, должно было въ значительной степени ослабить могущество османлисовъ. Кромѣ того, война, предпринятая противъ Турціи за христіанъ, должна была привлечь на сторону Петра союзниковъ на Западѣ, которые, при видимо безкорыстной цѣли, имѣли, разумѣется, свои особые расчеты и виды. Когда Петръ выѣхалъ за границу, то уже помимо его, составилъ союзъ между римско-нѣмецкимъ императоромъ и венеціанскою республикою; къ этому союзу примкнулъ курфирстъ саксонскій и король польскій Августъ II. Война окончилась карловицкимъ миромъ, при заключеніи котораго русскій посолъ Возницынъ потребовалъ, между прочимъ, отъ имени русскаго государя, чтобъ русскіе люди имѣли право свободно ходить на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ, чтобъ Святыя Мѣста, отданныя султаномъ въ Іерусалимъ французамъ, были возвращены грекамъ и чтобъ православные въ турецкихъ областяхъ могли безпрепятственно отправлять свое богослуженіе.

Такимъ образомъ, при Петрѣ I положительно было заявлено со стороны Россіи притязаніе покровительствовать своимъ единовѣрцамъ въ Турціи. Только надъ одними православными, а не вообще надъ всѣми христіанами, присвоивала теперь себѣ Россія протекторатъ, который, вслѣдствіе возвращенія грекамъ отнятаго у нихъ французами, устанавливался съ перваго же раза въ ущербъ католикамъ. Вынудивъ отъ Турціи право покровительствовать своимъ единовѣрцамъ, царь московскій являлся тамъ единственнымъ защитникомъ православія. Заступничество Петра за своихъ единовѣрцевъ вызвало, какъ надобно судить по нѣко-

торныхъ проявленіяхъ, сочувствіе къ нему не только въ турецкихъ, но и въ австрійскихъ славянахъ: юго-славяне стали называть его «православнымъ царемъ славянскимъ», а угорскіе сербы предлагали услуги «преславному своему царю». Черногорцы писали ему: «Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ подданныхъ». Хотя, безъ всякаго сомнѣнія, хвалебная проза и такого же рода вирши представляютъ весьма плохой историческій матеріалъ, но, говоря о возбужденіи въ Петру въ славянахъ сочувствія, нельзя пройти молчаніемъ о томъ, что имя Петра стали превозносить въ славянской письменности хорваты Витезовичъ и дубровичане (рагузцы) Гродичъ и Ружичъ, и такое превознесеніе не мало содѣйствовало тому, что обликъ русскаго царя началъ представляться въ воображеніи славянъ въ сіяніи величія и славы.

Славяне стали теперь тяготѣть къ Петру, который, въ глазахъ многихъ нашихъ историковъ, представляется какимъ-то отщепенцемъ отъ славянства, истымъ западникомъ, чуждавшимся всего, что не носило на себѣ печати европеизма, несроднаго будто бы славящину.

Прежде всѣхъ тяготѣнію славянъ къ Россіи начала противодѣйствовать Австрія, считавшаяся, по дипломатическимъ преданіямъ Европы, наслѣдницею Турціи на Балканскомъ Полуостровѣ. Для нея такое наслѣдство было заманчиво, и не даромъ римско-нѣмецкіе императоры всегда такъ усердно старались объ освобожденіи славянъ изъ-подъ турецкаго ига, имѣя въ виду, что населенныя ими области, послѣ окончательнаго разгрома Турціи, примкнуть къ ихъ наслѣдственнымъ владѣніямъ. Тотчасъ послѣ карловицкаго мира, австрійскіе агенты начали возбуждать сербовъ противъ Россіи и вѣнскій дворъ выставилъ потомка древнихъ сербскихъ деспотовъ Бранковичей, Юрія, какъ будущаго государя Сербіи, Герцеговины, Босніи и южныхъ частей Банната, а сербскій патріархъ Максимъ вѣнчалъ и помазалъ Бранковича на царство. Одновременно съ этимъ было издано воззваніе ко всѣмъ турецкимъ христіанамъ, приглашавшее ихъ перейти подъ покровительство Габсбурговъ. Такимъ способомъ Вѣна хотѣла уничтожить то значеніе, какое приобрѣлъ Петръ среди славянскаго населенія Турціи.

Съ своей стороны, и Порта вскорѣ уразумѣла, къ чему клонилось покровительство православнымъ, добытое Петромъ, на основаніи карловицкаго мира. Когда, въ 1701 году, былъ назначенъ въ Стамбулъ постояннымъ русскимъ посломъ Петръ Андреевичъ Толстой, то Турція не стала скрывать своихъ подозрѣній относительно политическихъ замысловъ Россіи, прикрытыхъ религіоз-

нымъ заступничествомъ. «Есть въ туркахъ такое мѣніе, доносили Толстой государю:—что я, живучи у нихъ, буду разсвѣтать въ христіанахъ слова, подвигая ихъ противъ бусурманъ; для того крѣпкій заказъ грекамъ учинили, чтобъ со мною не выдѣлись, и страхъ учинили всѣмъ христіанамъ, подъ игомъ ихъ пребывающимъ, такой, что близко дому, въ которомъ я стою, христіане пройти не смѣютъ».

Опасенія Порты относительно замысловъ Петра увеличивались и предостерегательными внушеніями Франціи. Въ 1706 году, посланникъ короля Людовика XV сообщалъ турецкимъ сановникамъ, что царь московскій имѣетъ постоянныя сношенія съ греками, валахами, молдаванами и многими другими иновѣрными народами; что русскій посолъ внушаетъ грекамъ и другимъ своимъ единовѣрцамъ «всякія противности» и что царь московскій, въ союзѣ съ царемъ римскимъ, намѣренъ «заставить турокъ обратиться во внутреннюю Азію».

Занятый войною со шведами, Петръ не оставлялъ, однако, начатаго имъ въ Турціи дѣла. Одинъ изъ его агентовъ, сербъ Милорадовичъ, дѣятельно работалъ среди черногорцевъ, которые въ особенности полюбилась Петру за услуги, оказанныя ими ему «ради единовѣрія съ нами». Петръ продолжалъ сноситься съ черногорцами и помогалъ имъ оружіемъ, деньгами, а также посылалъ къ нимъ церковныя книги и учителей. Порты непріязненно посматривала на завязавшуюся теперь связь между ея православными подданными и единовѣрною съ ними Россію. Она готовилась къ разрыву съ нею, чего Петръ, обремененный сѣверною войною, еще не желалъ. Однако, подарки, сдѣланные Толстымъ муфтію и рейсъ-эфенди, предотвратили на этотъ разъ войну, но появившійся вслѣдъ за тѣмъ въ Турціи Карлъ XII побудилъ султана воевать съ Россією.

Въ 1711 году, Петръ, по его заявленію, готовился «освободить стонущихъ подъ варварскимъ игомъ грековъ, румынъ, болгаръ и сербовъ». Милорадовичъ поддерживалъ такое намѣреніе царя, передавая ему, что греки и другіе народы готовы возстать противъ турокъ въ союзѣ съ Москвою. Петръ въ особенности надѣялся на черногорцевъ, вызывая ихъ на брань съ невѣрными, чтобъ «освободить христіанскій народъ и прославить славянское имя». Петръ налегалъ теперь не на одно только единовѣріе, но и выдвигалъ современный намъ принципъ національностей, поминая въ своей граматѣ къ черногорцамъ, что они «съ русскими одного рода, одного языка». Готовясь къ борьбѣ съ Турціей, царь отправилъ къ черногорцамъ грамату, въ которой писалъ, что «турки нечестивцы, возмѣвши подозрѣніе, будто бы намѣ-

рени отобразить отъ нихъ несправедное завладѣніе и христіанамъ, подъ ихъ игомъ состоящимъ, вспомогать, осознались съ еретикомъ королемъ шведскимъ и нашему царскому величеству безъ всякой отъ насъ данной причины войну объявили. Видя такія ихъ неправды—говорилъ далѣе въ своей грамотѣ царь—и призирая на гоненіе христіанъ, призвавъ въ помощь Бога, принуждены мы собирать не токмо наши войска и силы, но и прочихъ potentатовъ, союзниковъ нашихъ, и сего года имѣемъ намѣреніе итти на нихъ войною, дабы не только противъ бусурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣнія вступить и православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить». Царская грамота окончивалась выраженіемъ надежды на побѣду, послѣ которой, «поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ стени арапскія».

Впрочемъ, Петръ могъ надѣяться не на однихъ только черногорцевъ; австрійскіе сербы и на этотъ разъ выражали ему свое сочувствіе: отъ ихъ имени, сотникъ Богданъ Поповичъ привезъ царю грамоту, въ которой они просили Петра «помыслить объ ихъ отеческой землѣ, обремененной игомъ бусурманскимъ».

Но главнымъ союзникомъ царя въ предстоявшей борьбѣ съ Турціею былъ молдавскій господарь Дмитрій Кантеміръ. Съ нимъ Петръ заключилъ тайный договоръ, утверждавшій наслѣдственное господарство въ родѣ Кантеміровъ надъ Молдавіей, съ сохраненіемъ въ ней особаго внутренняго управленія, безъ всякаго вмѣшательства со стороны русскаго правительства.

Въ 1711 году объявлено въ Москвѣ народу въ успенскомъ соборѣ о войнѣ противъ враговъ имени Христова. Русскіе полки двинулись въ походъ; на ихъ красныхъ знаменахъ съ изображеніемъ креста видѣлась надпись: «симъ знаменіемъ побѣдиши». Западная идея крестоваго похода явно промелькнула на этотъ разъ въ Москвѣ.

Походъ этотъ окончился, однако, неудачею, испытанною Петромъ при рѣкѣ Прутѣ и послѣ того, среди турецкихъ христіанъ, сѣверный богатырь утратилъ свое прежнее обаяніе. Молдавія безусловно смирилась передъ султаномъ, а черногорцы заключили съ Турціею перемиріе. Петръ, однако, не прерывалъ съ ними сношеній и звалъ ихъ селиться въ Россіи.

Не только въ Европѣ, но и въ предѣлахъ Азіи, Петру пришлось оказывать покровительство своимъ единовѣрцамъ противъ магометанъ. Дѣла съ Персіею привели его опять въ столкновение съ Турціею по этому вопросу. Онъ позволилъ армянамъ, претерпѣвавшимъ угнетеніе отъ турокъ, переселиться изъ владѣній султана въ области, завоеванныя Россіею у Персіи. Порта протесто-

вала противъ этого. По поводу такого протеста, посланный Петромъ въ Константинополь капитанъ гвардіи Румянцевъ долженъ былъ сообщить Портѣ, что русскіе армяне въ себѣ не призывали, но что они сами, по единоволю, просили взять ихъ подъ русское покровительство. Справедливость такого покровительства со стороны царя Румянцевъ долженъ былъ объяснить Портѣ тѣмъ, что «намъ, ради христіанства, армянамъ, какъ христіанамъ, отказать было нельзя, какъ и визирь самъ объявляетъ, что, по единоволю, просящимъ покровительства отказать невозможно», а далѣе царь, въ данной инструкціи Румянцеву, заявлялъ: «если Порта захочетъ перезывать къ себѣ бусурманъ изъ приобритенныхъ нами отъ Персін провинцій, то сіе намъ не будетъ противно, при чемъ разрѣшилъ даже Румянцеву выдать Портѣ письмо о томъ обнадеживанье.

Вліяніе Россіи на христіанъ, поработенныхъ магометанскими завоевателями, должно было усиливаться еще болѣе, такъ какъ, въ 1722 году, царь Восточной Иверіи Вахтангъ просилъ покровительства Петра; но въ то же время оно и поколебалось, такъ какъ единоволю намъ Грузія, желая избѣгнуть господства персовъ, поддалась не Россіи, а Турціи.

Если, вслѣдствіе этого событія, а еще и прежде, вслѣдствіе неудачи прутскаго похода, уменьлось среди православнаго населенія Турціи приобритенное Россіею значеніе, за то въ политическомъ мірѣ то положеніе, какое стремилась занять при Петрѣ Россія, возбуждало тревожные толки. Однимъ изъ главныхъ къ нимъ поводовъ послужило принятіе Петромъ императорскаго титула. До того времени, этотъ самый высшій государскій титулъ принадлежалъ въ Европѣ только верховнымъ повелителямъ Германіи, которые по Карлу Великому, возстановителю Римской Имперіи, считались преемниками римскихъ кесарей и были послѣ папъ первенствующими представителями католическаго міра. Теперь неожиданно явился новыи императоръ, греческаго закона, который, по родству прежней царской династіи съ династіею Палеологовъ, могъ считаться восточнымъ константинопольскимъ кесаремъ и въ силу этого предъявлять свои притязанія на древнюю Византію. Притязанія же такого рода со стороны православнаго государя могли быть сочувственно встрѣчены какъ православными греками, такъ и славянами, жившими въ областяхъ, принадлежавшихъ къ составу бывшей Восточной Имперіи, а теперь находившихся подъ властію турецкаго султана. Двухглавыи же византійскій орелъ, издревле доставшійся въ наслѣдіе отъ Палеологовъ московскимъ царямъ, какъ будто подтверждалъ такіа династическіа права ихъ преемника, слив-

шагеса распространить свои владѣнія на востокъ Европы. Принятіе Петромъ новаго титула было встрѣчено въ Европѣ съ неудовольствіемъ, и едвали это событіе не послужило болѣе всего поводомъ къ распространенію мнѣнія, что Россія намѣрена овладѣть Константинополемъ, какъ наследственнымъ своимъ достоинствомъ. Быть можетъ, оно собственно и навело на мысль о составленіи такъ называемаго завѣщанія Петра Великаго, въ которомъ взятіе у турокъ Константинополя выставляется какъ самое завѣтное желаніе новаго восточно-православнаго кесаря. Несомнѣнно, однако, что самъ Петръ переимѣнъ царскаго титула на императорскій не придавалъ такого широкаго политическаго значенія, какое приписывали ей иностранцы.

При вопросѣ о значеніи Россіи, какъ покровительницы вообще православнаго населенія въ Турціи и въ особенности православно-славянскаго населенія, ускользаютъ отъ вниманія писателей тѣ условія нашей собственной, внутренней жизни, которыя при Петрѣ Великомъ должны были составлять болѣе или менѣе сильную преграду покровительственнымъ стремленіямъ Россіи и которыя отчасти не устранились и до настоящаго времени. Нельзя не имѣть въ виду, что, если Россія, своимъ возрастающимъ при Петрѣ I могуществомъ и общимъ направленіемъ своей внѣшней политики, привлекала къ себѣ сочувствіе своихъ единовѣрцевъ, поработанныхъ турками, то при этомъ были, однако, и такія обстоятельства, которыя должны были отдалять ихъ не только отъ политическаго, но даже и отъ религіознаго объединенія съ Россіею. Мы уже упоминали о «политической ереси», существовавшей еще въ половинѣ XVII столѣтія противъ Россіи, а также о томъ вліятельномъ значеніи, какое должна была имѣть Малороссія для привлеченія къ намъ нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, жившихъ въ Турціи. Можно даже сказать, что въ первой половинѣ XVII столѣтія Малороссія была главною двигательницею идеи объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига. На берегу Днѣпра, по почину, впрочемъ, латинскаго епископа, предполагался рыцарскій орденъ для борьбы съ турками. Двое греческихъ патриотовъ, одинъ Трифилисъ, а другой, прозывавшійся въ Москвѣ Василюмъ Петровымъ, были самыми дѣятельными участниками по присоединенію Малороссіи къ Россіи, имѣя въ виду слотить при этомъ силу, грозную для турокъ. Между тѣмъ, примѣръ Малороссіи показывалъ, что никакъ нельзя было надѣяться, что Россія сохранитъ безъ нарушеній тѣ права и тѣ льготы, которыя она предоставитъ странѣ, добровольно присоединяющейся къ ней. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, кто правъ, кто вино-

вать передъ судомъ исторiи—Москва ли, стремившаяся, посредствомъ введенiя воеводскаго управленiя, уравнивать всѣ подвластныя ей области, или Украина, силившаяся отстоять противъ своей могущественной покровительницы свои древнiя вольности, несогласныя съ московскимъ, велико-русскимъ, государственными строемъ? Какъ бы то въ сущности ни было, но съ вѣшной стороны отношенiя Москвы къ Малороссiи представлялись въ такомъ видѣ: жаждавшая самовластия Москва силилась подавить тамошнiе порядки, несогласные съ московскими, и круто управляла страной, подчинившеюся ей не безусловно, но выговорившемъ себѣ извѣстные права. Что московскому правительству и безъ всякихъ уважительныхъ поводовъ, поданныхъ со стороны Малороссiи, были не по душѣ ея вольности временъ гетманщины, видно, между прочимъ, изъ того, что посланному туда, вскорѣ послѣ подданства Малороссiи, стольнику Кикину былъ данъ наказъ внушать, чтобъ быть царскимъ воеводамъ въ городахъ для того, чтобъ тамошними жителямъ отъ полковниковъ и отъ другихъ людей обидъ и налоговъ не было.

Петръ не измѣнилъ прежнихъ недружелюбныхъ отношенiй Москвы къ Малороссiи. Онъ еще до измѣны гетмана Мазепы не слишкомъ благосклонно посматривалъ на «не слушавшущаго его смиренно Украину» и твердо шелъ къ тому, чтобъ уничтожить дорогую для малороссовъ гетманщину, обезпечивавшую за ними ихъ обособленность со стародавними мѣстными самоуправленiемъ. Малороссiя роптала на Петра, а этотъ ропотъ Украины, на которую еще такъ недавно православные народы, подвластные Турци, смотрѣли какъ на свою будущую избавительницу, несомнѣнно находилъ среди нихъ отголосокъ и какъ бы оправдывалъ собою распространенное «политическую ересь» мнѣнiе, что «жить подъ православнымъ русскимъ царствомъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы».

Положенiе церковныхъ дѣлъ въ Россiи при Петрѣ Великомъ должно было также отдалять православныхъ подданныхъ султана отъ соединенiя съ Россiею. Петръ, какъ извѣстно, отличался вообще чрезвычайною вѣротерпимостiю, но у него не хватало ей въ тѣхъ случаяхъ, когда религiозные вопросы не согласовались съ его царскими велѣнiями и нарушали стройность тѣхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, которые онъ хотѣлъ водворить въ своей державѣ. По этому Петръ безпощадно преслѣдовалъ у себя раскольниковъ, и, конечно, должно было представляться чрезвычайно-страннымъ, что государь, подавившiй религiозное гоненiе противъ своихъ подданныхъ и при томъ, какъ казалось, единственно за ихъ стойкую приверженность къ

праотеческой вѣрѣ, явился въ то же время, за предѣлами своего государства, поборникомъ религіозной свободы. Еще страннѣе должно было казаться то обстоятельство, что, когда Петръ домогался присвоить себѣ покровительство надъ православными греками, молдаванами, валахами и славянами, жившими въ Турціи, его собственные подданные, коренные русскіе, стоявшіе за древнее православіе, укрывались отъ религіозныхъ преслѣдованій не только въ католической Польшѣ, но и въ бусурманской Турціи, находя тамъ для себя свободу совѣсти. Бѣгство старообрядцевъ въ Турцію началось еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; при Петрѣ, въ 1717 году, Игнатъ Некрасовъ ушелъ изъ Россіи съ 40,000 старообрядцевъ на Кубань, а потомъ переселился въ Добруджу, «выставляя гоненіе на праотеческую вѣру», за которую они впоследствии отчаянно бились съ русскими подъ турецкими знаменами и бунчуками.

Новое іерархическое устройство православной церкви, введенное въ Россіи Петромъ I, не могло также произвести благоприятное впечатлѣніе на нашихъ заграничныхъ единовѣрцевъ. Превосходное по мысли соборное или синодальное управленіе церковью было не въ духѣ грековъ и славянъ, привыкшихъ видѣть высшую церковную іерархію въ патриаршествѣ, отмѣненномъ въ Россіи. Комѣ того, въ «Духовномъ Регламентѣ» Петръ былъ названъ «главою» православной греко-каатолической церкви. Названіе это удерживалось въ нашемъ законодательствѣ до второго изданія «Свода законовъ» при императорѣ Николаѣ и дало поводъ Екатеринѣ II, въ ея перепискѣ съ Вольтеромъ, шуточно отзываться о своемъ значеніи, какъ государыни, при разрѣшеніи церковно-догматическихъ вопросовъ. Несомнѣнно, что присвоеніе такого названія мірской особѣ должно было смущать нашихъ чужеземныхъ единовѣрцевъ и, при общемъ предубѣжденіи противъ новшествъ Петра Великаго, могло заставить ихъ сомнѣваться въ искренности намѣренія царя — поддержать истинное православіе.

Правда, мы не находимъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобъ опасенія такого рода закрадывались въ душу нашихъ единовѣрцевъ, жившихъ за предѣлами Россіи; но умолчаніе исторіи — и при томъ, какъ наша, далеко еще не разработанной съ полнымъ примодушіемъ — о какомъ-нибудь фактѣ не можетъ доказывать его отсутствіе, если совокупность всѣхъ другихъ обстоятельствъ ослѣдительно указываетъ на возможность, а въ настоящемъ случаѣ можно сказать, даже и на неизбежность его существованія...

Обращаясь къ оцннкѣ тѣхъ результатовъ, которые принесло

заступничество Петра Великаго за единовѣрцевъ, угнетенныхъ турками, должно сказать, что, въ практическомъ отношеніи, результаты эти не имѣли никакого значенія уже потому, что исполненіе статей карловицкаго договора, относившихся къ нему, было предоставлено самой Портѣ безъ всякаго наблюденія со стороны Россіи. Исполнена была собственно одна только формальность. Неудача при Прутѣ не допустила утвердиться русскому вліянію въ единовѣрной намъ Молдавіи, а вопросъ о балканскихъ славянахъ и сербахъ не поднимался въ отдѣльности. Что же касается черногорцевъ, то они собственными своими силами, при помощи со стороны Россіи, пытались отстоять свою свободу, какъ политическую, такъ и религіозную. Относительно же Греціи, по ея географическому положенію, нельзя было даже ничего предпринять. Притомъ, греки въ это время не пользовались сочувствіемъ въ Россіи. Бывшій въ началѣ XVIII столѣтія въ Москвѣ греческій монахъ Серафимъ говорилъ, что тамъ грековъ ставятъ ниже всѣхъ иноземцевъ.

Это ближайшимъ образомъ объясняется тѣмъ, что въ коренной части русскаго народа, не затронутой никакими заносными преобразованиями, т. е. среди старообрядцевъ, въ половинѣ XVII вѣка, возникло сильное предубѣжденіе противъ грековъ, какъ отшатнувшихся отъ древняго православія. Поводомъ къ этому послужило сочиненіе Арсенія Суханова о поѣздѣ его на Востокъ. Митрополитъ Евгений Болховитиновъ замѣчаетъ, что «описание грековъ Сухановымъ было ненавистное и произвело великій соблазнъ въ російской церкви».

Помимо, однако, практическихъ результатовъ, вопросъ и покровительства Россію христіанамъ въ Турціи, подѣ вліяніемъ политики Петра, получилъ бѣдшую опредѣленность. Хотя Петръ началъ борьбу за освобожденіе христіанъ въ союзѣ съ католическими державами, но, при заключеніи мирнаго договора съ Турціею, онъ выдѣлилъ православныхъ изъ среды общаго христіанскаго населенія и только однихъ ихъ принялъ подѣ свое покровительство, оставивъ католиковъ на попеченіе ихъ единовѣрцевъ. Кромѣ того, предъявленіемъ требованія, чтобъ православнымъ грекамъ было возвращено въ Іерусалимѣ все то, что было у нихъ отнято въ пользу французовъ, Петръ показалъ, что онъ намѣренъ защищать въ Турціи своихъ единовѣрцевъ не только отъ гнета мусульманъ, но и отъ притязаній католиковъ. Тѣмъ самымъ онъ придавалъ преобладающее значеніе православію на Востокѣ. Само собою разумѣется, что объ уравненіи православныхъ въ гражданскихъ правахъ съ мусульманами не могло быть рѣчи. Въ ту пору даже и на Западѣ не проявлялась еще мысль о рели-

любой равноправности. Въ каждомъ государствѣ была тогда господствующая государственная церковь, послѣдователи которой пользовались особыми правами сравнительно съ послѣдователями другихъ исповѣданій. Англія и протестантская Германія лишили гражданскихъ правъ католиковъ; отмена нантскаго эдикта подвергла изгнанію гугенотовъ изъ Франціи. Польша угнетала диссидентовъ. Італія и Испанія были исключительно католическими, а Швеція и Данія исключительно протестантскими державами.

Нельзя также не замѣтить, что во время Петра Порты признала въ принципѣ право покровительства христіанскихъ державъ надъ ихъ единовѣрцами въ Турціи, и Петръ, какъ мы видѣли, въ инструкціи, данной имъ Румянцеву, могъ сослаться на заявленіе самого визиря, признавашаго, что христіане, по единовѣрью, не могутъ отказать христіанамъ въ покровительствѣ. Для западноевропейскихъ державъ, не имѣвшихъ въ средѣ своихъ подданныхъ мусульманъ, такое заявленіе со стороны Турціи не могло имѣть особаго значенія; но въ отношеніи Россіи, утвердившей уже свое господство надъ двумя мусульманскими царствами, признание такого принципа устанавливало начало международной взаимности, на основаніи которой Россіи легче было входить съ Портою въ соглашеніе объ участіи подвластныхъ ей православныхъ христіанъ, допуская и покровительство Турціи ея единовѣрцамъ, жившимъ въ владѣніяхъ Россіи. При такихъ условіяхъ могло установиться своего рода равновѣсіе, которое во многихъ случаяхъ предотвратило бы послѣдующія столкновенія между обоими государствами. Съ своей стороны, Петръ примѣнилъ этотъ принципъ къ армянамъ, но въ послѣдующее затѣмъ время наша дипломатія не пользовалась имъ.

Кратковременныя царствованія: сперва преемницы Петра, Екаторины I, а потомъ преемника ея Петра II не представляютъ ничего замѣчательнаго въ ходѣ вопроса о покровительствѣ Россіею ея единовѣрцамъ въ Турціи. Еще при Петрѣ Великомъ вопросъ этотъ осложнился подъ вліяніемъ политическихъ условій, вслѣдствіе новыхъ завоеваній Россіи при берегахъ Каспійскаго Моря. Послѣ него заботы о нашихъ единовѣрцахъ отодвинулись на второй планъ, и Россія преимущественно была занята тѣмъ, чтобъ не допустить турокъ утвердиться въ Прикаспійскомъ Краѣ. Къ этому присоединились еще взаимныя между Россіею и Турціею споры о Кабардѣ, и пререканія наши съ Портою утратили принятый ими было характеръ, когда главнымъ и даже единственнымъ поводомъ къ войнѣ съ нею могло быть выставлено желаніе Россіи освободить православныхъ изъ-подъ

бусурманскаго ига. Вопросъ объ этомъ еще при Петрѣ потерялъ свое самостоятельное значеніе и хотя въ послѣдствіи онъ каждый разъ, при разрывѣ нашемъ съ Турціею, выдвигался впередъ, но за нимъ таились неудовольствія по другимъ причинамъ чисто-политическаго свойства. Онъ уже не существовалъ безъ примѣси къ нему другихъ, вовсе нерелигіозныхъ интересовъ, и освобожденіе нашихъ единовѣрцевъ отъ турецкаго ига должно было прямо вести къ паденію Оттоманской Имперіи и къ территориальнымъ приобрѣтеніямъ, такъ что упомянутый вопросъ самъ по себѣ никакъ не могъ представлять самостоятельной исторической задачи.

Поводомъ къ войнѣ съ Турціею при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ было желаніе достигнуть отгвны оскорбительнаго для Россіи прутскаго договора, который, однако, касался гораздо болѣе политическихъ, чѣмъ религіозныхъ нашихъ интересовъ. Кромѣ того, въ войну съ Турціею вовлекли Россію дѣла съ Польшею, которую Порта стала брать теперь подъ свое покровительство, заявляя, что, въ силу договоровъ, она должна охранять цѣлость Рѣчи-Посполитой отъ всякихъ посягательствъ со стороны Россіи. Наконецъ, прямымъ поводомъ въ вооруженному столкновенію между Россіею и Турціею послужило то обстоятельство, что турки, войдя съ Персіею, хотѣли перевести свои войска чрезъ Прикавказскія Области, считавшіяся русскими владѣніями. Ко всему этому присоединились и небывалые прежде споры о «государственной чести» какъ Россіи, такъ и Турціи. Вопросъ же объ участіи христіанъ, подвластныхъ Портѣ, при всѣхъ возникшихъ пререканіяхъ, вовсе не затрогивался.

Между тѣмъ, обстоятельства, судя по донесенію русскаго резидента въ Константинополѣ, весьма благопріятствовали къ возбужденію этого вопроса. Резидентъ Неплюевъ, въ 1734 году, доносилъ, что турецкое государство «въ сильномъ разслабленіи» и что оно «совсѣмъ увязло въ Азіи», по случаю войны съ Персіею, что теперь турокъ можно «привести въ резонъ и пограничные свои народы отъ ига татарскаго освободить». Преемникъ Неплюева, Вешняковъ, указывая на положеніе Турціи, писалъ, что тамъ нѣтъ «ни начальниковъ политическихъ, ни руководителей военныхъ, ни разумныхъ правителей финансовыхъ», что все находится тамъ «въ страшномъ разстройствѣ и, при малѣйшемъ бѣдствіи, будетъ находиться на краю бездны». Къ этой картинѣ печальнаго состоянія Турціи Вешняковъ прибавлялъ, что турки теперь «малодушны и боязливы и какъ будто предчувствуютъ конецъ своей незаконной власти».

Прошли еще два года, и Вешняковъ, побуждая опять госуда-

рино къ войнѣ съ Турціею, писалъ слѣдующее: «на счетъ христіанскихъ подданныхъ турки онасаются, что всё восстанутъ, какъ только русскіе войска приближаются къ границамъ. Здѣшніе, константинопольскіе греки болѣею частію бездѣльники; ни вѣры, ни закона, ни чести не имѣютъ, но греки областные и еще болгары, валахи, молдаване, сербы и другіе такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ турецкаго тиранства и такъ сильно преданы Россіи, что при первомъ случаѣ жизни не пожалѣютъ для вашего императорскаго величества, какъ употребляемой избавительницы».

Въ виду этого, Вешняковъ находилъ, что теперь «самое полезное время не только къ сложенію звѣрской гордости, но и къ окончательному испроверженію всего этого сонмища. Всѣ страхи поражены—продолжаетъ доносить воинственный резидентъ—ваше величество законно владѣете сердцами всѣхъ добрыхъ христіанъ, находящихся подъ игомъ надыхающаго варварства».

Турки, однако, несмотря на всѣ эти пророчества, готовились къ войнѣ и надѣялись, что Франція, Англія, Голландія и Швеція не допустятъ Турціи до окончательнаго разрушенія, а Россію до значительныхъ завоеваній. Тѣмъ не менѣе, турки какъ будто слышали идти на уступки, и въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года Вешняковъ писалъ, что султанъ издалъ фирманъ, которымъ запрещалось «никого въ брань не называть русскимъ» и что «турки съ христіанскими подданными обходятся весьма ласково». «Такъ какъ турки—заключилъ свое донесеніе Вешняковъ—находятся въ чрезвычайной слабости, то отъ вашего императорскаго величества зависить повелѣть войскамъ своимъ идти прямо на Константинополь». Вешняковъ выражалъ при этомъ полную увѣренность, что Молдавія, Валахія и всѣ вообще христіане поднимутся непремѣнно противъ турокъ, а султанъ убѣжить изъ Стамбула.

На этотъ разъ путь русскимъ войскамъ въ Константинополь не лежалъ еще скатертью; турки оказали сильное сопротивленіе, христіане не шевелились, и первый походъ Миниха кончился неудачно.

Начавшаяся, въ 1738 году, вторая кампанія противъ турокъ сопровождалась успѣхами. Фельдмаршалъ Минихъ, занявъ въ 1739 году Яссы. Молдаване торжественно признали императрицу «настоющею, царствующею государыню», а имъ объявлено было, что императрица «принимаетъ и почитаетъ ихъ яко своихъ подданныхъ, сохраняя ихъ вольности и привилегіи». Въ виду этого, Минихъ совѣтовалъ императрицѣ удержать Молдавію за Россією,

разсчитывая, впрочемъ, чтобъ самому сдѣлаться тамъ господаремъ. «Молдавскіе статы (государственныя чины), доносили Миникъ императрицѣ:—оказывали не малую радость, видя такую славную христіанскую армію, которая, какъ они говорили, къ ихъ освобожденію пришла». Но союзники наши, австрійцы, заключили, 18-го сентября 1739 года, совершенно неожиданно съ Портою миръ, не предваривъ даже петербургскаго кабинета о своемъ миролюбивомъ намѣреніи. Миръ этотъ въ Россіи считался «весьма стыднымъ и предосудительнымъ; отъ него, какъ говорили, послѣдовалъ стыдъ всему христіанскому оружію». Миникъ былъ чрезвычайно раздраженъ такимъ исходомъ войны съ турками. Онъ, наставляя на ея продолженіе, писалъ императрицѣ: «Нетолько здѣшніе народы съ неизреченною радостію желаютъ покоренія подъ вашу державу, но и сербскій патріархъ Арсеній слезно проситъ покровительства вашего величества, принося жалобу на слабость царя (нѣмецкаго императора), что всю ихъ землю подъ его варварское отдаетъ».

Обстоятельства теперь, повидимому, измѣнились: въ передовыхъ бойцовъ за защиту христіанъ, поработенныхъ Турціею, римско-нѣмецкіе императоры становились почти ихъ союзниками и уже не оружіемъ, а дипломатическими сдѣлками готовились уладить съ ними свои территоріальныя интересы. Когда, въ 1737 году, въ промежутокъ между первою и второю русскою кампаніею противъ Турціи, открылись для соглашенія съ Турціею конференціи, то уполномоченные на ней представители Россіи требовали, чтобъ молдавское и валахское княжества «получили независимость подъ особыми владѣльцами» и только «по единовѣрью пользовались бы покровительствомъ Россіи». Турки не согласились на это требованіе, и тогда представители Россіи заявили имъ, что императрица желаетъ только такихъ границъ съ владѣніями султана, при которыхъ возможенъ былъ бы вѣчный миръ. Измѣненіе прежняго требованія со стороны Россіи произошло подъ вліяніемъ Австріи, такъ какъ австрійскіе уполномоченные сообщили русскимъ, что напрасно заводили они рѣчь о Валахіи, потому что Австрія намѣрена требовать ее для себя.

Несмотря на ничтожныя выгоды, пріобрѣтенныя нами бѣлградскимъ миромъ, правительство императрицы Анны выставило его, какъ чрезвычайно важное событіе, какъ трактатъ, воицѣлѣвшаго прутскую неудачу. Въ манифестѣ отъ 14-го февраля 1740 года объявлялось, что войска наши «нетолько непріятеля отъ границъ отдалили, но и внутрь земли его вѣкторіи одерживали», и что «прежнія извѣстныя несчастливаго прутскаго трактата вондиціи вовсе уничтожены и государство наше отъ такихъ

весьма обидныхъ, предосудительныхъ и бесславныхъ кондицій освобождено». Вопросъ же о покровительствѣ христіанамъ, а тѣмъ болѣе объ освобожденіи ихъ или, что тогда въ сущности было равнозначуще, о присоединеніи ихъ къ Россіи—не подвинулся нисколько впередъ. Неудовлетворительный для насъ исходъ бѣградскаго мира, по обыкновенію, приписывали герцогу вурмандскому Бирону, не радѣвшему о благѣ и славѣ Россіи и согласившемуся пойти на уступки въ пользу Турціи, изъ угожденія Австріи.

Если это было дѣйствительно такъ, то слѣдовало ожидать въ отношеніяхъ Россіи съ Турціею по покровительству тамошнимъ нашимъ единоувѣрцамъ, въ продолжительное царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, значительной перемены. Въ Елизаветѣ привыкли у насъ видѣть поборницу національно-русскихъ интересовъ, дѣйствовавшую въ разрѣзъ той нѣмецкой политики, которая, при преобладаніи нѣмцевъ, господствовала во время Анны Ивановны, въ кратковременное регентство Бирона и въ непродолжительное правленіе принцессы Анны Леопольдовны. Посмотримъ же, что было сдѣлано въ царствованіе набожной и кроткой Елизаветы на пользу православныхъ, находившихся у турокъ въ прежнемъ порабоженіи.

Въ Константинополь оставался резидентомъ Вешняковъ, имя котораго достойно занять видное мѣсто среди поборниковъ идеи—освободить турецкихъ христіанъ силою русскаго оружія. Увѣренный въ легкости исполненія этого предпріятія, онъ, въ 1745, году писалъ императрицѣ: «Отъ вашего величества зависитъ безъ крайнихъ усилій сіе злоехидное сонмище раззорить и крестъ возстановить. Кажется все въ тому идетъ. Всѣ бѣдные православные христіане ждуть избавленія отъ вашего величества. Стоитъ только нынѣшнею осенью явиться російской арміи на Дунай съ запаснымъ оружіемъ, то она въ короткое время удесятирится: молдаване, валахи, болгары, сербы, Славонія, Далмація, Черногорія, Албанія, вся Греція, острова и самъ Константинополь возьмутъ крестъ и побѣгутъ на встрѣчу вашему величеству; провіанта, фуража и денегъ нашлось бы чрезвычайное количество». Далѣе Вешняковъ писалъ, что «истощенныя христіанскія державы не могутъ помѣшать Россіи при нападении ея на Турцію и находилъ, что для освобожденія христіанъ и завоеванія Константинополя наступило такое удобное время, какое никогда не бывало и впредь не будетъ. Я пишу это—продолжалъ резидентъ—не отъ себя, но по представленію начальниковъ всѣхъ сихъ бѣдныхъ христіанъ; со слезами они просятъ и говорятъ, что еще бы хотя малый лучъ надежды

просіялъ, они все-бы устроили и къ намъ бы пристали». Замѣчательно, что Вешняковъ рассчитывалъ теперь на подмогу Россіи не со стороны однихъ только христіанъ, но даже и со стороны самихъ турокъ. Онъ сообщалъ, что къ русскимъ «пристала бы большая часть турокъ, потому что между ними множество христіанъ, называющихся «тринитаріями» т. е. исповѣдывающими святую Троицу. «Всѣ они, сообщалъ въ Петербургъ Вешняковъ:—по наружности только магометане и скучаютъ такую смутною бездною сего правленія. Чернь была бы изгублена, или покрестились бы, ибо ея во всей Румелии и пятой доли христіанъ не будетъ».

Повидимому, такія внушенія должны были бы подѣйствовать на императрицу Елизавету, какъ на женщину чрезвычайно набожную и какъ на государыню, приверженную къ православію. Духовенство при ней имѣло огромное вліяніе, и, казалось, бы теперь на самомъ дѣлѣ было наиболѣе «полезное» время для борьбы съ турками. Но государыня думала объ этомъ иначе, и интересы ея внѣшней политики были направлены на Западъ, а турецкіе христіане вообще, и въ частности наши единовѣрцы, были забыты. Европа въ это время перестала также думать объ ихъ освобожденіи и среди европейскихъ кабинетовъ возникла даже мысль не допускать Россію до усиленія ея значенія въ Турціи посредствомъ покровительства христіанамъ греческаго закона. Мы уже видѣли, въ какой сильной степени западная Европа вліяла на насъ въ этомъ направленіи, и, такъ какъ теперь прежнее сочувствіе къ христіанамъ тамъ уничтожилось, то и Россія сама по себѣ нетолько не напрягала всѣхъ усилій на пользу своихъ единовѣрцевъ, но стала опять оказывать чрезвычайное къ нимъ равнодушіе.

Вешняковъ не переставалъ, однако, подбивать петербургскій кабинетъ къ борьбѣ съ Турціею. Въ томъ же 1745 году, онъ писалъ императрицѣ, что къ нему «приходило нѣсколько бѣдныхъ молдаванъ, пришедшихъ въ бѣдность отъ несказаннаго гоненія и грабежа правителей», что они принуждены были покинуть свои дома и бѣжать подъ покровительство Россіи, подъ защиту императрицы, какъ единственной ихъ государыни и оборонительницы; но что ихъ отогнали отъ русскихъ границъ потому, что пришли безъ паспортовъ, а сенатскій указъ запрещаетъ такихъ принимать. Такимъ образомъ, къ приписываемой намъ великой задачѣ примѣшалась и паспортная система, не допускавшая оказывать защиты такимъ именно нашимъ единовѣрцамъ, которые преимущественно въ ней нуждались. Отгонъ турецкихъ христіанъ отъ русскихъ границъ произвелъ самое неблагопріят-

ное впечатлѣніе. «Многіе ихъ братья, звалияся Вешняковъ: — смотрѣли на Россію, какъ на вѣрное убѣжище въ бѣдахъ, но теперь услыжавъ, что дорога въ Россію закрыта, бѣгутъ въ Польшу, въ Трансильванію и въ глубь турецкихъ владѣній—въ Болгарію». Съ своей стороны, Вешняковъ распорядился направлять являвшихся къ нему христіанъ на вольный Донъ и въ то же время совѣтовалъ императрицѣ отмѣнить указъ сената о паспортахъ. «Почему бы вашему величеству, писалъ Вешняковъ по поводу этого предложенія:—не пользоваться собираніемъ расточаемаго сего стада, законно вамъ принадлежащаго, а турокъ привело бы это въ болѣшій страхъ и внушило бы болѣшее уваженіе».

Вешняковъ писалъ также о турецкихъ христіаныхъ и канцлеру графу Воронцову, сообщая, что лучшія рѣчи грековъ и славянъ въ бесѣдахъ о Россіи, что самое пріятное ихъ чтеніе — жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Вешняковъ сообщалъ также, что въ прошлую войну, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, славяне хотѣли пробраться въ русскую армію, если бы она появилась на Дунаѣ, и что они, не будучи въ состояніи скрывать своихъ чувствъ къ Россіи, подвергались страшнымъ бѣдствіямъ и умирали съ ея именемъ на устахъ. Такое сочувствіе къ Россіи получало особенную важность въ глазахъ русскаго резидента потому, что Франція старалась всѣми способами приобрести любовь греческаго народа покровительствомъ, ласками, учрежденіемъ школъ и даровою раздачею книгъ, употребляемыхъ при богослуженіи. Такая любовь христіанъ къ Россіи требовала взаимности, по мнѣнію Вешнякова, который внушалъ, что Россія должна подражать Италіи и Франціи, помогающимъ такъ усердно своимъ единовѣрцамъ. Какъ на новый способъ для сближенія съ ними, Вешняковъ указывалъ на заведеніе въ Россіи поселеній изъ христіанъ, принимая ихъ безъ всякаго стѣсненія, какъ дѣлаютъ это турки въ отношеніи своихъ единовѣрцевъ, приходящихъ во владѣнія султана изъ Россіи, между тѣмъ какъ у насъ военная коллегія въ 1743 году запретила принимать турецкихъ христіанъ въ военную службу, а сенатъ не дозволилъ даже пропускать ихъ черезъ границу, если они не представляютъ паспортовъ, выданныхъ имъ отъ турецкихъ начальствъ.

Внушенія неугомоннаго Вешнякова были, однако, напрасны. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ отношеніи Порты, русское правительство оказывало не только вялость, но и замѣтную робость. Горячился и храбрился собственно одгнѣ только

*

Вешняковъ, внушая императрицѣ, «что бояться Порты нечего, а ей надобно страху задать». Чтобы ободрить въ этомъ случаѣ государыню, онъ указывалъ ей, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на Австрію, которая приняла 14,000 семействъ, ушедшихъ въ Валахію вслѣдствіе безчеловѣчныхъ поступковъ валахскаго господара Михаила, и упоминалъ, что вѣноскій дворъ сдѣлалъ это, несмотря на существующій между нимъ и Портою договоръ, запрещающій приемъ турецкихъ бѣглецовъ австрійскимъ правительствомъ, тогда какъ подобнаго договора вовсе не существуетъ между Россією и Турціею.

Вешняковъ не преминулъ выставить передъ императрицею и тѣ выгоды, которыя получила бы Россія «еслибы это варварское сонмище (Турція), находящееся въ ослабленіи, какинъ-нибудь образомъ истребилось. Мы, писалъ Вешняковъ:—приобрѣли бы тогда державу, которая безъ гибели своей не могла бы отстать отъ Россіи, смирилась бы гордость австрійская и Австрія была бы удержана отъ своихъ прежнихъ великихъ замашекъ». Европейское равновѣсіе, по мнѣнію Вешнякова, зависѣло бы тогда отъ Россіи, да отъ государства, возникшаго на Балканскомъ Полуостровѣ взаимнѣ Турціи. Намъ неизвѣстно, какое именно государство проектировалъ Вешняковъ на упомянутомъ полуостровѣ, но, во всякомъ случаѣ, замѣчательно, что онъ въ покровительствѣ Россіи христіанамъ видѣлъ какъ противовѣсъ Австріи, такъ и средство удержать ее отъ прежнихъ «великихъ замашекъ», тогда какъ, въ предшествовавшее время, союзъ съ нею считался первымъ условіемъ для борьбы съ турками.

Это было послѣднее письмо Вешнякова. Надобно полагать, что онъ пользовался большимъ расположеніемъ турецкихъ христіанъ, собственно какъ природный русскій человекъ, потому что и патриархъ іерусалимскій, и митрополитъ теранійскій просили петербургскій кабинетъ, чтобы на мѣсто Вешнякова былъ назначенъ не иностранецъ, а природный русскій. Такое желаніе ихъ было исполнено, такъ какъ должность резидента при Портѣ занялъ Неплюевъ; который продолжалъ дѣйствовать въ духѣ своего предшественника, сообщая въ Петербургъ, что «Турція находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, будучи, подобно старому безкровному тѣлу, въ которомъ кости раздроблены и которое находится при послѣднихъ издыханіяхъ».

Неплюевъ, какъ и Вешняковъ, усердно ратовалъ за христіанъ, но дѣятельность его продолжалась не долго; онъ вскорѣ умеръ, разбитый параличемъ. Весьма замѣчательно, какъ объ этомъ ревнителѣ за христіанъ отзывался духовникъ его, состоявшій при русскомъ посольствѣ, іеромонахъ Іосифъ. Въ письмѣ своемъ къ

Симеону Тодорскому, епископу псковскому, Іосифъ писалъ, что Неплюевъ былъ всегда «въ лютости и ярости», что онъ былъ «мучимъ отъ бѣса» и передъ смертью, какъ бѣсъ, отворачивался отъ креста. Преподобный отецъ полагалъ, что его духовный сынъ «не былъ совершенно христіанинъ, но люторъ или совсѣмъ атеиста» и производилъ тѣмъ самымъ великій соблазнъ. «Единое православное государство въ свѣтѣ, писалъ Іосифъ:—и тое начинается уже колебаться въ вѣрѣ и развращаться. Весь Стамбулъ атеистомъ покойнаго называлъ за его злое поступки». Въ заключеніе письма, Іосифъ просилъ преосвященнаго внушить государыни, чтобъ на мѣсто Неплюева прислали въ Царьградъ добраго христіанина.

Между тѣмъ, въ Константинополѣ дѣла принимали не совсѣмъ благопріятный для Россіи оборотъ. Порта успѣла заключить съ Персією миръ, и въ Петербургѣ стали ожидать столкновенія съ Турцією, рассчитывая, впрочемъ, какъ рассчитывали и гораздо позднѣе, что «безденежье» Турціи не допуститъ ея до объявленія войны.

Послѣ «атеисты» Неплюева назначенъ былъ, въ 1757 году, резидентомъ въ Турцію секундъ-маіоръ Алексѣй Обрѣзковъ, который «имѣлъ довольное знаніе въ тамошнихъ поведеніяхъ», находясь въ теченіи десяти лѣтъ при Вешняковѣ, а потомъ при Неплюевѣ.

Положеніе дѣлъ въ это время было слѣдующее:

Такъ сильно полюбившаяся Петру Великому Черногорія, послѣ прутскаго договора, лишилась покровительства Россіи и за преданность ей понесла особое наказаніе: у находящагося въ Черногоріи цетиньскаго монастыря турки отняли часть принадлежавшей ему земли. Владыка черногорскій, Савва Петровичъ, наслышавшись о благочестіи «госини» (госпожи) или «кравелицы русской Елисавки», вздумалъ, въ 1752 году, обратиться къ ней, какъ «во всей вселенной православія надзирательницѣ», съ просьбою употребить ея ходатайство передъ Портою о возвращеніи монастырю отобранныхъ у него земель. Обрѣзковъ, слѣдуя даннымъ ему инструкціямъ, отвѣчалъ черногорскому владыкѣ, что «по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, Россія ничего не можетъ сдѣлать въ пользу митрополита, «ибо, писалъ представитель Россіи: — извуреніе вамъ дѣлается въ денежныхъ налогахъ, но всѣмъ я вездѣ то же достается». Утѣшая его высокопреосвященство такимъ простымъ и нагляднымъ образомъ, Обрѣзковъ совѣтовалъ «съ терпѣніемъ удовольствовать извурителей». На словахъ, однако, онъ увѣрилъ митрополитчяго посланца, что имѣетъ

высочайшее повелѣніе стараться о пользѣ черногорцевъ, но нужно только потерпѣть.

Въ то же время, греческое духовенство просило св. синодъ устроить такъ, чтобъ греческія богослужебныя книги печатались въ Россіи. На эту скромную просьбу отвѣчали изъ Петербурга краснорѣчивымъ молчаніемъ. Выразился одинъ только признакъ сочувствія тогдашней Россіи къ ея единовѣрцамъ: имъ съ 1752 года позволили селиться въ Россіи, но и въ этомъ случаѣ у насъ подражали Австріи и, притомъ, принимали лишь такихъ людей, за которыхъ Порты не «увязывалась»; кромѣ того, запаслись отговоркою, что и сама она принимала магометанъ, перебѣжавшихъ изъ Россіи въ ея владѣнія.

Черногорцы, въ отношеніи монастырской земли, удовольствовались общаніемъ, но, когда на нихъ произвели нападеніе и венеціанцы, и турки, то они, въ 1755 году, обратились къ «Елисаветѣ» съ просьбою о заступничествѣ. Митрополитъ Василій по этому случаю писалъ канцлеру графу Воронцову: «Мы ни откуда не чаемъ помощи, кромѣ Бога и сильнаго російскаго скипетра. Плачетъ бѣдная Сербія, Болгарія, Македонія, рыдаетъ Албанія въ страхъ, чтобъ не пала Черная Гора. Если Черная Гора будетъ освобождена, то всѣ къ намъ пристанутъ, а если ея завладѣютъ турки, то христіанство во всѣхъ упомянутыхъ земляхъ конечно исчезнетъ».

Въ отвѣтъ на это письмо, Воронцовъ отвѣчалъ: «Отъ такихъ непріятелей вашему обществу надобно быть всегда въ осторожности, не дѣлая имъ, однако, никакого озлобленія, чтобъ они не имѣли причины на васъ жаловаться Портѣ. Чтò же касается защиты Черной Горы отъ турецкихъ войскъ, то, при надежномъ случаѣ, не оставимъ сдѣлать представленіе въ пользу черногорскаго народа какъ Портѣ, такъ и Венеціанской Республикѣ».

Такой поучительно-канцелярской отпиской кончилъ графъ Воронцовъ непосредственныя сношенія съ черногорскимъ владыкою, но въ «секретнѣйшемъ» рескриптѣ, посланномъ Обрѣзову, поручено было императрицею, «чтобъ не ривести черногорцевъ въ отчаяніе, хотя стороною сдѣлать все, чтò возможно, въ ихъ пользу, исходатайствовать облегченіе этому единственному и усердному къ намъ народу». «Давайте тайно имъ знать, писала государыня:—чтò будетъ дѣлаться въ Портѣ, чтобъ они не были застигнуты врасплохъ». Обрѣзову поручалось также настоять у венеціанскаго посла въ Константинополѣ о прекращеніи обидъ черногорцамъ, причемъ въ рескриптѣ прибавлялось, что «въ настоящее время, когда мы заняты на другой сторонѣ, формально и съ надлежащею твердостью къ защитѣ Черногоріи приступить».

нелзя». Рескриптъ оканчивался приказаніемъ резиденту — переговорить о черногорскихъ дѣлахъ съ переводчикомъ Порты, который былъ христіанинъ и считался человѣкомъ, преданнымъ Россіи.

Переводчикъ, съ своей стороны, не совѣтовалъ Обрѣзкову обращаться съ заступничествомъ къ Портѣ, такъ какъ это ускорить гибель черногорцевъ и всѣхъ православныхъ христіанъ. «Ничто не можетъ быть для Порты болѣе чувствительнаго, а для бѣдныхъ православныхъ христіанъ опаснаго, какъ если русская императрица явится защитницею послѣднихъ. Этими турка, какъ уснувшего льва, можно разбудить», говорилъ переводчикъ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ его внушенія о томъ, какъ должна дѣйствовать Россія въ отношеніи Турціи. По его словамъ, лучшій способъ для того, чтобы ослабить Турцію — не давать ей повода къ войнѣ, такъ какъ военный духъ служитъ основаніемъ Турецкой Имперіи, а война возбуждаетъ его. «Турки придутъ въ прежнюю ярость и свирѣпство, тогда какъ, живя въ тишинѣ и безопасности, они годъ отъ году ослабѣваютъ, потому что управленіе у нихъ самое слабое и оплошное, нѣтъ ни порядка, ни послушанія, и если еще нѣсколько лѣтъ такъ будетъ, то Турецкая Имперія, бывшая страшлищемъ всего свѣта, подломится и повалится отъ собственной своей тяжести, какъ ветхая храмина. Турки въ войнѣ оживутъ и ослабѣютъ въ мирѣ: у нихъ начало и основаніе — оружіе, выпустя его изъ рукъ, они бьются какъ рыба на землѣ».

Сообщивъ эти соображенія переводчика императрицѣ, Обрѣзковъ прибавляетъ отъ себя: «По такому-то переводчика Порты заявленію, въ коемъ я, по скудоумному моему разсужденію, много основательности и резонабельности нахожу, я прямо отзыватьсь удерживаюсь, подѣ рукою же было, сколько моей возможности есть, чтобы имъ (черногорцамъ) какое-нибудь вспоможеніе подать, имѣя же, однако, при томъ, надлежащую осторожность, чтобы не открылось мое за нихъ заступленіе».

Вскорѣ, впрочемъ, измѣнилось миролюбивое настроеніе, навѣянное на Обрѣзкова соображеніями переводчика Порты. Своими донесеніями онъ сталъ прямо вызывать императрицу на войну съ Турціею, хотя уже и хвалилъ крѣпость султана, а также и распорядительность визиря. Онъ замѣтилъ, что Порта вооружается, и по поводу этого писалъ въ Петербургъ: «Опасность не такъ велика; судя по свойству адѣшняго правленія и войска, можно безъ всякихъ чрезвычайныхъ издержекъ и не ослабляя мѣръ, принятыхъ противъ короля прусскаго, въ одну, много въ двѣ кампаніи, привести Порту въ совершенное раскаяніе и по-

срамленіе). Русскій дворъ, однако, избѣгалъ всякаго столкнове- нія съ Портою, которая, съ своей стороны, поводомъ къ войнѣ считала приближеніе русскихъ войскъ къ польскимъ границамъ. Къ войнѣ съ Россіей подстрекала Турцію англійскій посолъ въ Константинополь, сэръ Портеръ; въ особенности же ему было желательно, чтобы Порта объявила войну Австріи, но этому сильно противились и муфти и великій визирь. Велась, однако, и другая, совершенно противоположная интрига со стороны Пруссіи, которая хлопотала о томъ, чтобы въ союзъ съ нею вступила Турція. Порта, однако, не соглашалась на это иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы и Англія присоединилась къ этому союзу. Но англійское министерство объявило Пруссіи, что съ Портою оно заключало только торговые договоры, а не союзы и что заключеніе съ нею союза возбудитъ негодованіе въ королевскихъ дворахъ неаполитанскомъ и испанскомъ, а также и въ самомъ англійскомъ народѣ.

При такой дипломатической борьбѣ партій, волновавшей прежде столь сильно западную Европу вопросъ объ освобожденіи христіанъ отъ ига невѣрныхъ не поднимался уже болѣе. Россія, въ свою очередь, слѣдовала этому направленію, принятому обще-европейскою политикою, и на Турцію смотрѣла только какъ на орудіе для поддержанія придуманной тогда европейскими кабинетами системы равновѣсія.

Молдавія, Валахія, Сербія, Герцеговина, Болгарія, Боснія и греческія провинціи не пользовались въ это время никакимъ покровительствомъ со стороны Россіи, которая поддерживала свои покровительственныя отношенія, да и то слишкомъ робко, и даже двоюдушно, только съ Черногорією, и притомъ—лишь по настойчивымъ просьбамъ тамошняго владыки. Русскому кабинету, по замѣчанію г. Соловьева, «справилась полезная благосостоянію Европы политика Порты—не мѣшаться въ дѣла воюющихъ между собою христіанскихъ дворовъ». Поэтому въ елизаветинское царствованіе единовѣрцы наши въ Турціи были пренебрежены, и, при напоминаніи ихъ о себѣ, они со стороны Россіи встрѣчали не горячее заступничество, но спокойное, холодное внушеніе—ладить съ своими «изнурителями», съ добавленіемъ къ тому крайне неопредѣленныхъ обѣщаній.

Послѣднимъ слабымъ знакомъ вниманія «кравевицы Елиса-еки» къ черногорцамъ былъ посланный ею рескриптъ черногорскому митрополиту. Въ этомъ рескриптѣ объявлялось ему высочайшее благоволеніе за усердіе; что же касается заступничества, то на счетъ этого сообщалось, чтобы посланный рескриптъ хранить въ тайнѣ, такъ какъ «теперь всякая формальность

могла бы быть опасною по великой близости окружающихъ черногорцевъ непріятелей, и по толику большому отдаленію нашей имперіи сіе дѣло отлагается до будущихъ лучшихъ временъ, а теперь они (черногорцы) удовольствоваться имѣють увѣреніемъ нашего благоволенія».

Собственно же митрополитѣ Елизавета, согласно его просьбѣ, приказала отпускать по 15,000 рублей въ годъ «для учрежденія между черногорцами добраго порядка и для приведенія ихъ въ единогласіе».

Осторожность русскаго правительства по вопросу о покровительствѣ нашимъ единовѣрцамъ доходила даже до того, что изъ Триеста былъ отозванъ русскій агентъ, зазывавшій черногорцевъ въ русскую службу.

Въ 1760 году, Елизавета отказалась отъ предложенія разныхъ услугъ и отъ покровительства албанскому народу, и представитель албанцевъ былъ отпущенъ только съ выдачею ему 300 рублей на дорогу. Въ томъ же году отказала она въ выдачѣ далматскому епископу Банцаревичу денежнаго пособія на переѣздъ семействамъ далматцевъ, желавшихъ вступить въ русскую службу, «за нежеланіемъ возбуждать неудовольствіе Турціи».

Такой смиренной политики держалась Россія въ ту пору, когда ее, по словамъ почтеннаго историка г. Соловьева, «отъ неѣмцевъ избавила дочь Петра, когда Россія пришла въ себя, а на высшихъ мѣстахъ управленія явились снова русскіе люди и когда, при назначеніи иностранца на мѣсто второстепенное, Елизавета спрашивала: развѣ нѣтъ русскаго? — иностранца можно назначить только тогда, когда нѣтъ способнаго русскаго». Дѣйствительно, во все продолженіе царствованія Елизаветы, дѣла внѣшнія, военныя и внутреннія были исключительно въ рукахъ природныхъ русскіхъ, а сама государыня отличалась ревностію къ православной вѣрѣ, и, казалось бы, что, при такихъ благоприятныхъ условіяхъ, тогда сильнѣе должно было проявиться сочувствіе Россіи къ своимъ единовѣрцамъ, угнетеннымъ турками. Выходило, однако, совершенно иначе. Можно положительно сказать, что о времени Петра и до нашихъ дней, ни въ одно царствованіе — за исключеніемъ развѣ царствованія императора Павла — не выказывалось такое равнодушіе къ судьбамъ нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи, какое выказывалось въ царствованіе Елизаветы. Конечно, такое равнодушіе можно объяснить тѣмъ, что Россія должна была напрягать всѣ свои силы для борьбы съ Пруссіей; но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, въ продолженіи болѣе десяти лѣтъ, въ началѣ царствованія Елизаветы, Россія могла свободно располагать своими вооруженными силами

и, во-вторыхъ, что, если признать освобожденіе христіанъ отъ турецкаго ига исторической задачей Россіи, то чрезвычайно страннымъ покажется, что именно въ ту пору, когда все внутри Россіи было налажено къ тому, чтобы разрѣшить эту задачу въ духѣ національной политики, она была совершенно забыта и личное раздраженіе Елизаветы противъ злоязычнаго Фридриха II, хотя и съ примѣсью политическихъ «конъюктуръ», брало верхъ надъ такою задачею, которая, при чисто-русскомъ правительствѣ, должна была быть на первомъ планѣ. Даже недостатокъ твердости въ характерѣ императрицы не долженъ былъ, повидимому, препятствовать дальнѣйшему осуществленію такой задачи, когда бы она, если такъ выразиться, вошла въ плоть и кровь какъ правительства, такъ и народа, и настоятельно напоминала бы о себѣ. Елизавета съ замѣчательнымъ упорствомъ вела войну съ своимъ сосѣдомъ-недругомъ и заявляла, что будетъ продолжать съ нимъ борьбу даже и тогда, еслибы принуждена была продать половину своихъ платьевъ и брилліантовъ. Положимъ, что она, и въ этомъ случаѣ, не доходила до полного самоотверженія по части своего туалета и своихъ уборовъ, но все-таки какая неизмѣримая разница между тѣми жертвами, какія были принесены ею для борьбы противъ Фридриха съ одной стороны, а съ другой—въ пользу нашихъ единовѣрцевъ! Такое равнодушіе Россіи къ положенію христіанъ въ Турціи и такой застой этого вопроса, при русско-православной обстановкѣ всего царствованія Елизаветы, лучше всего показываетъ, что онъ не былъ у насъ жизненнымъ вопросомъ и что, лишь только онъ замеръ на Западѣ, онъ замеръ и у насъ до «лучшихъ» временъ. Въ эту пору положеніе Австріи, сравнительно съ положеніемъ Россіи, было не только не лучше, но даже хуже; а между тѣмъ, вѣнскій кабинетъ въ отношеніи христіанъ, подвластныхъ Порту, дѣйствовалъ смѣло, не стѣсняясь даже договорами, заключенными съ Портою. Марія-Терезія давала въ своихъ владѣніяхъ пріютъ убѣгавшимъ изъ подъ турецкаго гнета христіанамъ, которые въ то же время были отгоняемы на границахъ другой христіанской державы. Слабость нашей политики доходила до того, что русскій представитель въ Константинополѣ считалъ нужнымъ подбодривать императрицу примѣромъ слишкомъ осторожной и черезъ-чуръ осмотрительной Австріи. Наконецъ — что было всего печальнѣе — въ политикѣ русскаго кабинета стало проявляться отсутствовавшее прежде двоедушіе, всегда такъ вредно отзывающееся на судьбѣ покровительствуемыхъ. Заботясь о томъ, чтобы только не «привести черногорцевъ въ отчаяніе», имъ внушали, чтобы они переносили терпѣ-

ливо таготѣющій надъ ними гнетъ, а между тѣмъ, въ тихомолку подбивали ихъ неопредѣленными обѣщаніями. Само собою разумѣется, что проявленіе подобнаго безсилія никогда не можетъ внушить увѣренность въ защиту по сочувствію, а представляется только въ видѣ политическихъ, тонко обдуманнхъ расчетовъ, чѣмъ, конечно, въ сущности, и было при Елизаветѣ покровительство Россіи ея единовѣрцамъ въ Турціи. По этому вопросу не встрѣчается ни увлеченія, ни проблеска отваги, нѣтъ также здѣсь и свойственной русскимъ людямъ размашистости. Напротивъ, здѣсь господствуютъ умѣренность и аккуратность, которыя могли быть подѣ-стать только временамъ «анти-національной политики» и «нѣмецкаго ига», таготѣвшаго прежде надъ Россіею и сброшеннаго дочерью Петра Великаго.

Вступленіе на престолъ императора Петра III застало отношенія наши къ Портѣ въ весьма странномъ положеніи. Не зная о смерти императрицы Елизаветы и слѣдуя ея политикѣ, Обрѣзковъ отправилъ изъ Константинополя донесеніе на ея имя, но донесеніе это попало въ руки вновь воцарившагося государя. Восторженному поклоннику Фридриха-Великаго пришлось прочесть жалобу Обрѣзкова «на сугубое стараніе» прусскаго посланника склонить Порту къ войнѣ съ Австріею и увидѣть сравненіе короля прусскаго съ обезьяною, которая ищетъ кошкнну лапу для того, чтобы вытащить изъ печки печенныя каштаны. Императоръ заявилъ, съ своей стороны, что, если Турція начнетъ войну съ Австріею, то онъ вмѣшиваться не будетъ. Заключеніе мира съ Пруссіею устранило, повидимому, одну изъ причинъ прежней осторожности русскаго кабинета въ отношеніи къ Портѣ, но надѣяться на покровительство со стороны Россіи турецкимъ христіанамъ не приходилось, такъ какъ Петръ III имѣлъ въ виду начать войну съ Даніею.

Въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II вопросъ о нашихъ единовѣрцахъ въ Турціи не выдвигался на видное мѣсто. Въ Константинополѣ шла по прежнему дипломатическая борьба. Пруссія интриговала по старому, и Фридрихъ далъ знать Портѣ, что его вліяніе въ Россіи будетъ также сильно при Екатеринѣ, какъ было оно сильно при Петрѣ III. Хотя тутъ и была значительная доля хвастовства, но, тѣмъ не менѣе, Россія дѣйствительно сблизилась съ Пруссіею, а вмѣстѣ съ нею и Англія приняла систему сѣвернаго союза, «концерта» или «аккорта». Цѣль этой системы была—противодѣйствовать фамильному договору Бурбоновъ, т. е. противостоять замысламъ Франціи и Испаніи. При этомъ, въ дипломатическомъ мірѣ возникали величавые вопросы о династіяхъ, коронахъ, раздѣлѣ

народовъ, политическомъ равновѣсїи и, конечно, при всемъ этомъ не было времени думать о болгарахъ, боснякахъ и даже грекахъ. Если же порою возникалъ вопросъ о нашихъ единовѣрцахъ въ Турціи, то къ нему относились легко и старались уклончиво обойти его, пуская въ ходъ дипломатическую переписку.

При императрицѣ Екатеринѣ II, черногорцы стали опять жаловаться русскому резиденту Обрѣзкову на утѣсненія, которыя они испытывали со стороны турокъ и венеціанъ, но Обрѣзковъ писалъ государынѣ, что «эти утѣсненія рождаются въ непокойномыслии преосвященнаго митрополита Василя Петровича, которое не допускаетъ его жить въ нѣкоторомъ согласїи съ сосѣдомъ»; что митрополитъ приведетъ черногорскій народъ въ разореніе, почему Обрѣзковъ и внушалъ черногорскому владыкѣ «имѣть мирожитіе со всѣми сосѣдами для собственной черногорскаго народа пользы», и въ числѣ такихъ сосѣдей главными были, конечно, турки. Что же касается венеціанъ, то Обрѣзковъ сомнѣвался въ приписываемыхъ имъ черногорцамъ попыткахъ ввести въ Черногорію унію, потому, что венеціанская республика, по его словамъ, наименѣе всего заботится о томъ, чтобъ преклонить народъ къ признанію папы главою церкви.

Такимъ образомъ, въ начальные годы царствованія Екатерины II, русское правительство уклонялось отъ покровительства даже наиболѣе сочувственному ему православному населенію въ Черногоріи. Вопросъ объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига былъ оставленъ въ сторонѣ западною Европою. Польшѣ, обуреваемой внутренними раздорами и угрожаемой сосѣдами, некогда было думать объ этомъ. Австрія вела съ Турціею только политическія дѣла. Англія хлопотала о своей торговлѣ въ предѣлахъ Турецкой Имперіи. Франція имѣла политическіе расчеты на Турцію. Россія, которая мысль объ освобожденіи турецкихъ христіанъ усвоила въ себѣ съ Запада, шла съ нимъ и въ это время рука объ руку, такъ что вопросъ этотъ и у насъ оказался въ забросѣ. Для возбужденія его нуженъ былъ новый толчекъ, и онъ былъ данъ опять съ Запада, но на этотъ разъ чрезвычайно страннымъ способомъ.

С. М. Соловьевъ замѣчаетъ: «Едва ли не первый Вольтеръ сталъ толковать, что Екатерина должна взять Константинополь, освободить и возсоздать отечество Софокла и Алкивиада». Такая догадка представляется вполнѣ достовѣрною, потому что, прежде чѣмъ явился на свѣтъ божій такъ называемый «восточный проэктъ», Вольтеръ переписывался съ русскою государынею объ освобожденіи грековъ изъ-подъ турецкаго ига.. Безъ всякаго сомнѣнія, «без-

божника» Вольтера не только не порадовало, но, напротивъ, сильно покорило бы, еслибъ надъ древней Софіей заблестала снова крестъ, а православный благовѣсть загудѣлъ надъ освобожденной столицей Константина. Для Вольтера, которому крестовые походы казались самымъ смѣшнымъ событіемъ въ исторіи Европы, не-подъ стать было являться въ видѣ Петра-Пустынника; да при томъ вообще XVIII вѣкъ былъ не таковъ, чтобы въ это время можно было поднимать религіозныя войны. Поэтому Вольтеръ начинаетъ склонять Екатерину, чтобы она освободила Грецію, не во имя христіанства, не какъ «отечество Софокла и Алкивиада». Онъ прельщаетъ императрицу не величіемъ освободительницы христіанъ, но славою освободительницы народа, прославившагося въ языческой древности. Вольтеръ не говоритъ о созиданіи на земляхъ, отнятыхъ у турокъ, храмовъ божіихъ, но объ учрежденіи тамъ греческой академіи и о томъ, что новыя Зевкисы и Праксители увѣковѣчатъ ликъ великой сѣверной царицы и наполнять міръ ея изображеніями, и что ей суждено быть, въ одно и тоже время, нѣсколькими богинями древней Эллады: Венерой, Юноной и Церерой. Не входя въ дипломатическіе вопросы, касающіеся Турціи, Вольтеръ, только во имя челоувѣколюбія и цивилизаціи, проситъ Екатерину окончателно порѣшить съ турками и уничтожить поворъ Европы, которая терпитъ на своей почвѣ варваровъ, «распространяющихъ чуму и презирающихъ литературу». Онъ приходитъ въ негодованіе при мысли, что горсть варваровъ-азіатцевъ властвуетъ надъ историческимъ народомъ, но не при мысли о томъ, что орда мусульманъ господствуетъ надъ христіанскими народами. Вольтеръ вдается въ пророчество, говоря: «Я серьезно думаю, что, если турки когда-нибудь будутъ изгнаны изъ Европы, то они будутъ изгнаны русскими».

На первыхъ порахъ, мольбы Вольтера за грековъ встрѣтили со стороны Екатерины холодный отвѣтъ: «И греки, и спартанцы совершенно выродились: для нихъ грабежъ дороже свободы», писала Екатерина Вольтеру. Такимъ образомъ, по мысли православной царицы, еслибы и можно было приняться за освобожденіе грековъ, то развѣ язычниковъ; но выродившіеся ихъ потомки, христіане и притомъ единовѣрцы Россіи, не заслуживаютъ свободы. Мудрая представительница грядущихъ судебъ Россіи не видитъ, однако, въ освобожденіи христіанъ изъ турецкой неволи исторической нашей задачи и нисколько не сочувствуетъ ей, а, между тѣмъ, въ нашей исторіи Екатерина выставляется едва ли не главной рѣшительницею этой великой задачи... Немнѣе успѣха по заступничеству за грековъ въ языческо-льстивой

формѣ, «безбожникъ» Вольтеръ сталъ заявлять Екатеринѣ о превосходствѣ Новаго Завѣта надъ Алькораномъ, предоставляя ей самой сдѣлать тотъ выводъ, что, при такомъ условіи, нужно предоставить господство первому надъ послѣднимъ. Разумѣется, что и объ этомъ предметѣ Вольтеръ велъ переписку съ императрицей въ обычномъ своемъ тонѣ.

Желаніе Вольтера, хотя и не по тѣмъ побужденіямъ, какія онъ выставлялъ, вскорѣ исполнилось. Польскія дѣла вовлекли насъ, въ 1769 году, въ войну съ Турціею. Въ понятіяхъ тогдашняго русскаго общества война эта имѣла только политическое значеніе. Подтверженіе тому мы находимъ въ извѣстныхъ «Запискахъ» Болотова, который, по своему развитію, легче, чѣмъ другіе его современники, могъ бы понять историческую задачу, преслѣдуемую Россіею въ начавшейся между ею и Турціею войнѣ. Кромѣ того, Болотовъ былъ представителемъ того средняго помѣщичьяго класса, въ которомъ, сравнительно съ другими слоями тогдашняго населенія Россіи, можно было скорѣй всего встрѣтить самыя разностороннія сужденія о политическихъ дѣлахъ. Независимо отъ этого, Болотовъ былъ человѣкъ и религіозный, и гуманный, и, безъ всякаго сомнѣнія, еслибы мысль объ освобожденіи турецкихъ христіанъ силою русскаго оружія была хоть сколько-нибудь усвоена его современниками, то онъ не преминулъ бы выразить ей свое сочувствіе или, по крайней мѣрѣ, хоть вскользь упомянуть о ней. Болотовъ говоритъ, однако, о первой въ царствованіе Екатерины русско-турецкой войнѣ, какъ о событіи чисто политическомъ, и нельзя не согласиться, что, если даже его вовсе не занимаетъ при этомъ вопросъ объ участи его единовѣрцевъ, поработченныхъ турками, то едва ли забота о нихъ могла затрогивать умъ и сердце его соотечественниковъ. Онъ восторгается успѣхами русскаго оружія, присутствуетъ въ Москвѣ на празднествахъ, происходившихъ по случаю заключенія кучукъ-кайнарджійскаго мира, но все это не вызываетъ у него ни полслова о судьбѣ его турецкихъ единовѣрцевъ. Равнодушіе замѣчательное въ одномъ изъ лучшихъ и передовыхъ представителей тогдашняго русскаго общества, хотя и въ манифестѣ объ этой войнѣ упоминается о «безуспѣшныхъ домогательствахъ» и представленіяхъ въ пользу греко-россійской православной церкви и «находящихся съ нею въ равныхъ случаяхъ диссидентахъ, которымъ едва ли что другое оставалось, какъ дышать съ прочими своими согражданами однимъ воздухомъ». Въ этомъ манифестѣ Порты выставлялась «всегда къ имени христіанскому враждующей державой».

Первая турецкая война вызвала императрицу Екатерину на

покровительство христіанамъ, подвластнымъ Турціи, но вызвала она случайно и, притомъ, въ виду важныхъ политическихъ соображеній.

Одинъ изъ братьевъ Орловыхъ, Алексѣй Григорьевичъ, жившій, подъ предлогомъ поправленія здоровья, въ Италіи, узналъ о готовности славянъ и грековъ возстать противъ Порты и сообщилъ объ этомъ императрицѣ, предлагая ей отправить русскую эскадру для поддержанія будущихъ инсургентовъ. Орловъ писалъ императрицѣ, что эскадра эта «не только подвинетъ великое раззореніе, но нанесетъ ужасъ всѣмъ магометанамъ, въ куражъ и одобреніе православнымъ, и болѣе страшна имъ быть можетъ, нежели все сухопутное войско».

Екатерина приняла предложеніе Орлова и рѣшилась не только послать въ Архипелагъ эскадру, но поднять все христіанское населеніе Турціи противъ власти султана. Съ манифестами, призывавшими къ возстанію во имя православной вѣры, русскіе появились въ Албаніи, Болгаріи, Валахіи и Молдавіи. Руководителямъ этого дѣла было внушено повести его такимъ образомъ, чтобъ возстаніе произошло одновременно. Въ распоряженіе Орлова была послана громадная сумма, и ему были предоставлены обширныя права. Подготовленную такимъ образомъ борьбу съ невѣрными Екатерина называла и «душеспасительнымъ предпріятіемъ», и «великою затѣею». Въ одномъ изъ своихъ писемъ она писала Орлову: «Мы прославимся въ сей вѣкъ, спасая многія тысячи подъ варварскимъ игомъ страдающихъ единовѣрныхъ нашихъ». Нельзя, конечно, сказать, насколько руководило въ этомъ случаѣ Екатериною религиозное чувство, но что слава имѣлась въ виду прежде всего—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Екатерина въ письмахъ къ Орлову говорила: «Европа дивится великому нашему подвигу», «державы христіанской республики полагаютъ справедливость на нашей сторонѣ». Желаніе Вольтера начало также теперь исполняться, такъ какъ Екатерина желала «возвратить грекамъ плоды драгоцѣнной вольности». Она не говорила уже о томъ, что греки недостойны свободы, но, повидимому, выражала полное свое сочувствіе къ «выродившимся грекамъ и спартанцамъ».

Между тѣмъ, главный руководитель начавшагося среди славянъ и грековъ движенія, Алексѣй Орловъ, весьма несочувственно относился къ своимъ кліентамъ. Онъ писалъ императрицѣ, что турецкіе христіане «лживы, обманчивы, непостоянны, дерзки, трусливы, лакомы къ добычѣ и деньгамъ», что «законъ они исповѣдуютъ однимъ устамъ, не имѣя въ сердцѣ даже слабаго начертанія христіанскихъ добродѣтелей», что они «прово-

дать жизнь въ распутствѣ, ненавидятъ порядокъ и ежеминутно пребываютъ въ смятеніи духа». Очевидно, что сочувствіе къ турецкимъ христіанамъ главнаго дѣятеля по ихъ освобожденію не могло быть сильно, если онъ описывалъ ихъ въ такихъ непривлекательныхъ краскахъ. Очевидно также, что онъ, освобождая ихъ, исполнялъ только обширный политическій планъ.

Побѣда Румянцева на сушѣ и истребленіе турецкаго флота графомъ Алексѣемъ Орловымъ при Чесмѣ принудили Порту заключить въ Кучукъ-Кайнарджи миръ, для насъ блестящій и установившій опредѣленные права Россіи на вмѣшательство въ дѣла православныхъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ. Блистательная Порта обѣщала «твердую защиту христіанскому закону и церквамъ онаго» и допускала посѣщеніе христіанами Іерусалима безъ «харача». По 7-му артикулу этого мира, русскимъ посланникамъ въ Константинополѣ дозволено было дѣлать представленія въ пользу церковно-служителей русской церкви, находившейся въ Стамбулѣ. По 16-му артикулу, Молдавіи и Валахіи было предоставлено самоуправленіе, а тамошнимъ государямъ разрѣшено было имѣть при Портѣ своихъ представителей греческаго закона, при чемъ была обезпечена свобода христіанскаго исповѣданія въ этихъ княжествахъ. Порта обѣщала возвратитъ монастырямъ земли, «признавать и почитать духовенство съ должнымъ оному чину отличіемъ». Въ манифестѣ 17-го марта 1775 года объ этомъ мирѣ объявлялось: «жители православные греко-восточнаго исповѣданія обрадованы возвращеніемъ ихъ прежнихъ правъ, свободы и преимуществъ и двухлѣтнимъ увольненіемъ отъ всякихъ податей. Самое наше православіе въ мѣстахъ его произрастанія ограждено для переду нашею императорскою опекою отъ всякаго притѣсненія и насильства».

Собственно кучукъ-кайнарджійскій миръ доставилъ выгоды только Молдавіи и Валахіи, но славяне остались, какъ и прежде, не причемъ, Россія не выговорила себѣ права заступаться за нихъ, такъ какъ подходящей къ тому статьи не было внесено въ кучукъ-кайнарджійскій договоръ, а, по 23-му его артикулу, формально отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Грузіи и Мингреліи. Слѣдовательно, и упомянутый договоръ вовсе не имѣлъ такого важнаго значенія относительно права Россіи защищать въ Турціи своихъ единовѣрцевъ, какое обыкновенно ему придается нашими историками. Кромѣ того, кучукъ-кайнарджійскій миръ дѣлалъ большую уступку религіозному значенію султану. По этому миру, татары крымскіе, буджакскіе, едисанскіе и проч., вообще «татарская нація» признана «въ политическомъ и гражданскомъ состояніи, по примѣру другихъ державъ, подѣ

собственнымъ правленіемъ состоящихъ, ни отъ кого, кромѣ еди-
наго Бога, не зависящихъ»; но при этомъ прибавлено было, что
въ «духовныхъ обрядахъ» султанъ остается для нея «верхов-
нымъ калифомъ».

Одолѣвъ однажды Турцію и надѣясь на дальнѣйшіе успѣхи
своего оружія, Екатерина задалась цѣлью воскресить надпую
подъ ударами турокъ Византійскую Имперію. Осуществленіе этого
величаваго проэкта, приписываемаго князю Потемкину, вело
прямо къ освобожденію христіанъ отъ турецкаго ига и къ пол-
ному торжеству православія на Востокѣ. На возстановленный
Россією императорскій престолъ Палеологовъ предназначался
второй будущій внукъ императрицы, который родился 27-го ап-
рѣля 1779 года и которому дано было имя Константина въ честь
основателя Константинополя, а также и послѣдняго византійскаго
императора, павшаго въ битвѣ съ турками при защитѣ отъ нихъ
своей столицы. Теперь Екатерина не скрывала уже своего намѣ-
ренія замѣнить во всѣхъ европейскихъ областяхъ, подвластныхъ
султану, господство магометанъ-турокъ господствомъ православно-
ныхъ грековъ. Съ самой колыбели, новорожденный великій князь
Константинъ Павловичъ былъ окруженъ греками. На праздни-
кѣ, данномъ Потемкинымъ по случаю его рожденія, пѣли тор-
жественную кантату на эллино-греческомъ языкѣ, а на одной
сторонѣ медали, выбитой по этому случаю, между изображеніа-
ми, въ видѣ молодыхъ женщинъ, вѣры и надежды, была помѣ-
щена любовь, держащая на рукахъ младенца; фигуры эти оза-
рались лучами, среди которыхъ была надпись: «съ семи». Въ
отдаленіи, съ правой стороны, видѣлся храмъ св. Софіи, а на-
лѣво—море съ восходящею надъ нимъ звѣздою¹. Замыслы Ека-
терины на счетъ Константинополя сдѣлались извѣстны въ Ан-
глии, такъ какъ англійскій посланникъ въ Петербургѣ сообщилъ
въ Лондонъ, что императрица, тотчасъ послѣ рожденія своего
внука, стала говорить въ кругу близкихъ къ ней лицъ о возве-
деніи второго своего внука на возстановленный престолъ визан-
тійскихъ императоровъ, который, какъ мы уже замѣтили однаж-
ды, еще въ исходѣ XVI-го столѣтія, Австрія готова была пред-
оставить русскимъ государямъ за союзъ ихъ съ западными дер-
жаваами противъ турокъ.

Подготавливая осуществленіе своего плана, хотя и не въ бли-

¹ Мы имѣли случай упомянуть о такъ называемомъ «греческомъ проэктѣ»
въ статьѣ нашей «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», (Рус. Ст. Іюль 1877
г. стр. 222—225). Сохранивъ основной взглядъ на этотъ проэктъ, высказы-
ваемый нами въ этой статьѣ, мы развиваемъ его примѣнительно къ содержанію
настоящей.

жайшемъ будущемъ, Екатерина старалась привлечь къ Россіи грековъ и, учредивъ «греческій кадетскій корпусъ», доставила возможность молодому ихъ поколѣнію получать образованіе въ Россіи. Все греческое пошло въ ходъ при дворѣ Екатерины; греко-классическая литература, живопись въ подражаніе греческому вкусу и даже самая одежда, такъ какъ государыня ввела въ моду придуманное ею женское одѣяніе, называвшееся «гречанкою». На югѣ Россіи вновь основываемымъ городамъ стали давать греческія названія. Мысль о возстановленіи Восточной Имперіи долго не покидала Екатерину. Такъ, въ 1788 году, она думала о томъ, чтобъ Молдавію и Валахію оставить независимыми для будущей греческой имперіи, подъ названіемъ Дакии. Въ томъ же году она говорила: «Пусть турки идутъ куда хотятъ, греки могутъ составить монархію для Константина Павловича»; а однажды, въ 1789 году, высказала своему статсъ-секретарю Храповицкому, что, «подѣливъ Турцію, можно дать куски Англій, Франціи и Гишпаніи, а остатка, добавила она, довольно для Константина Павловича, *pour un cadet de la maison*». Греки, не заслуживавшіе прежде, по ея мнѣнію, свободы, сдѣлались теперь предметомъ ея заботы: «Грековъ можно оживить — говорила Екатерина — Константинъ мальчикъ хорошъ, онъ лѣтъ черезъ тридцать прійдетъ изъ Севастополя въ Константинополь, Мы теперь рога ломаемъ, а тогда ужъ будутъ сломаны».

Въ свою очередь, и греки начали смотрѣть на великаго князя Константина, какъ на будущаго своего государя.

Заботясь объ освобожденіи грековъ, Екатерина не обращала вниманія на славянъ, подвластныхъ Турціи, и въ этой неравномѣрности ея участія къ единоплеменникамъ Россіи таилась величайшая ошибка не только въ политическомъ, но и въ религіозномъ отношеніи. Послѣдствіемъ такого предпочтенія было бы господство грековъ на Балканскомъ Полуостровѣ и подавленіе тамъ славянскихъ элементовъ преобладаніемъ элементовъ греческихъ. Такое положеніе дѣлъ отозвалось бы неблагоприятно для славянъ и въ религіозномъ отношеніи. Опытъ долженъ былъ показывать, что греки умѣютъ господствовать надъ славянами не хуже турокъ, а греческое духовенство склонно стремиться къ тому, чтобъ поработить политически свою славянскую паству. Собственно въ отношеніи славянъ, Екатерина, возстановленіемъ «Греческой Имперіи», готовилась сдѣлать то, что дѣлали уже турки: Порты, видя, что между значительною частью ея подданныхъ и Россією существуетъ не только религіозная, но и племенная связь, начала еще съ 1767 года заботиться о томъ, чтобы огречить славянъ, и орудіемъ для достиженія этой цѣли из-

брала греческое духовенство. Вся высшая церковная іерархія въ Болгаріи была составлена исключительно изъ грековъ, которые и показали, каковы они духовные пастыри среди иноплеменнаго имъ народа. Греческое духовенство въ Болгаріи сдѣлалось прежде всего тайною полиціею турецкаго правительства и усердно слѣдило за каждымъ неогречившимся болгаринномъ. Греческіе архіереи и архимандриты, подъ предлогомъ сохраненія отъ хищничества турокъ монастырскаго и церковнаго достоянія, забирали къ себѣ изъ сокровищницъ и ризницъ золотыя и серебряныя вещи и присвоивали ихъ себѣ. Такимъ образомъ, они грабили храмы Божіи усерднѣе, чѣмъ магометане. Болгарія была озлоблена противъ грековъ болѣе, чѣмъ противъ турокъ; однако, Екатерина, въ проектируемомъ ею государствѣ готовила преобладающее значеніе грекамъ, и не ошибаясь можно сказать, что, еслибы Екатерининѣ удалось осуществить свой планъ, то часть православныхъ христіанъ, освободившись отъ ига невѣрныхъ, попала бы подъ иго своихъ единовѣрцевъ, которое, по всей вѣроятности, не было бы нисколько легче мусульманскаго. Замѣчательно, что въ Москвѣ, еще въ исходѣ XVII вѣка готовилась борьба за православное въ Турціи населеніе не съ его притѣснителями, а съ представителями его церкви. Такъ, московскій патріархъ Іоакимъ помышлялъ не объ избавленіи болгаръ отъ турокъ, но объ отторженіи ихъ и сербовъ отъ константинопольскаго патріархата, въ виду того, что въ Москву гораздо болѣе доходило жалобъ на притѣсненія славянъ со стороны православнаго духовенства изъ грековъ, нежели на притѣсненія ихъ со стороны турецкихъ властей.

Если Вольтеръ, съ своей стороны, повліялъ на Екатерину въ пользу освобожденія грековъ, то, независимо отъ этого, были еще и другія причины, побуждавшія императрицу отдавать предпочтеніе грекамъ, которые, хотя по единовѣрію были также близки русскимъ, какъ и славяне, но за то были чужды по племенному родству. Въ то время, когда Екатерина была занята мыслью о восстановленіи греческой имперіи, вѣра наша, называемая нынѣ православною, называлась «греческою». Въ высшемъ образованіи, въ поэзи, въ живописи, въ валяніи и въ театрахъ преобладало классическое направленіе, руководительницею котораго была древняя Греція. «Такимъ образомъ, какъ мы писали однажды:—и языческая, и христіанская Греція, начиная съ театра и кончая церковію, или, говоря иначе, и въ эстетической, и въ религіозной жизни того времени, являлась первенствующею представительницею». Между тѣмъ, славянскіе элементы не имѣли никакого значенія въ общественномъ на-

*

шемъ развитіи, да едвали у насъ и подоврѣвали существованіе другихъ славянскихъ народовъ, кромѣ враждовавшихъ съ нами поляковъ. Въ ту пору, каждый мало-мальски образованный русскій человекъ зналъ о всѣхъ герояхъ Иліады. Онъ зналъ и о громкоголосомъ Несторѣ, и о быстроногомъ Ахиллѣ, и о рогоносномъ Менелая, но, въ противоположность этому, самымъ даже образованнымъ русскимъ людямъ екатерининскаго вѣка не были извѣстны христіанскіе герои славянства, и для нихъ чѣмъ-то совершенно невѣдомымъ звучали имена Бранковичей, Нѣманичей, Дразковичей, Кубратичей и Любовичей, ихъ единокровныхъ единовѣрцевъ.

Слава, которою такъ сильно увлекалась Екатерина, также не допускала ея сохранить равенство между защищаемыми ею единовѣрными съ Россією національностями. И здѣсь опять отзывалось вѣяніе Западной Европы, которая, подъ вліяніемъ классической образованности, не одинаково сочувствовала христіанамъ, вида въ грекахъ представителей просвѣщенія, а въ славянахъ—представителей необразованности и даже полного нечужества.

Планъ Екатерины о возстановленіи греческой имперіи не осуществился. Вторая война съ Турціею не велась съ прямою цѣлю освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига; а, напротивъ, однимъ изъ поводовъ къ этой войнѣ выставлялось заступленіе Россіи за политическую отъ Порты свободу магометанъ. Поводами къ этой войнѣ, въ манифестѣ, изданномъ 7-го января 1787 года, служили: порабощеніе «политической вольности» татаръ, признанныхъ независимыми отъ Порты; «грабительства, изнуреніе, вопль и жалобы въ Молдавіи и Валахіи» (о грекахъ же и славянахъ не было помину; принятіе къ себѣ турками запорожцевъ; отсутствіе у русскихъ торговыхъ выгодъ и — главное — заключеніе подъ стражу русскаго посланника Булгакова. «Вотъ какими поступками, говорилось въ манифестѣ:—воздавала Порта невазорному нашему расположенію пребывать съ нею въ вѣчной дружбѣ»).

Яссскій миръ, окончившій эту войну и широко раздвинувшій на югъ предѣлы русской имперіи, не усилилъ покровительства Россіи надъ ея единовѣрцами, подвластными Турціи. Миръ этотъ, въ отношеніи упомянутого покровительства, подтвердилъ только статьи предшествовавшаго ему кучукъ-кайнарджійскаго договора. Въ манифестѣ, изданномъ 23-го февраля 1792 года, по случаю заключенія ясскаго мира, сказано было, что Россія «ополчилась принужденно противъ вооруженія, «неправедно на нее устремленнаго, что миръ этотъ постановилъ выгоды мореплаванія и тор-

говли, раздвинуть предѣлы имперіи, обезпечить границы, об-уздать Алжирь, Тунисъ и Триполь. Въ указѣ же о торжественномъ молебствіи по поводу этого мира добавлялось, что простертое на Польшу оружіе, ниспроверженіе вредныхъ перемѣнъ и новостей, коварствомъ и насиліемъ введенныхъ, увѣнчано успѣхомъ».

Такимъ образомъ, и долголѣтнее царствованіе Екатерины не-далеко подвинуло вопросъ объ освобожденіи христіанъ отъ ту-рецкой неволи, хотя у насъ насчетъ этого и давно уже пуше-ны въ оборотъ трескучія фразы. Екатерина не вела прямой и настойчивой борьбы за освобожденіе христіанъ изъ-подъ гнета турокъ. Вопросъ объ ихъ правахъ былъ только дополнительнымъ вопросомъ при разрѣшеніи побѣдоноснымъ русскимъ оружіемъ задачъ исключительно политическаго свойства, причемъ на хри-стіанъ опирались какъ на орудіе, опасное для Порты. У насъ существуетъ мнѣніе, что царствованіе Екатерины оживило на-деждами христіанскіе народы Турціи. Мнѣніе это въ отношеніи грековъ можетъ считаться справедливымъ, но оно сомнительно въ отношеніи славянъ. По крайней мѣрѣ, въ пѣсняхъ черногор-цевъ до нынѣ слышатся укору Екатерины Великой за то, что она оставила ихъ на произволъ турокъ.

Царствованіе преемника Екатерины, императора Павла, отли-чавшееся вообще такими странностями и перемѣнчивостью въ нашей политикѣ, представляетъ нѣкоторыя особенности въ об-разѣ дѣйствій Россіи по отношенію къ христіанскому населенію Турціи. Раздраженный противъ французовъ, отнявшихъ у турокъ Ионическія Острова, императоръ Павелъ заключилъ, 23-го декаб-ря 1798 года, оборонительный союзъ съ Портою. Въ союзномъ актѣ говорилось: «Друзья одной стороны да будутъ друзьями другой», а статьи этого акта назывались «невинными и спаси-тельными постановленіями». Вслѣдствіе этого договора, Павелъ привазалъ своей эскадрѣ, находившейся въ греческомъ архипе-лагѣ, соединиться съ турецкимъ флотомъ для того, чтобы, вы-тѣснивъ съ Ионическихъ Острововъ французовъ, подчинить снова власти султана тамошнее христіанское населеніе. Такой союзъ Россіи съ невѣрными противъ ея единовѣрцевъ вскорѣ, однако, долженъ былъ разстроиться. Обстоятельства сложились такъ, что императоръ Павелъ принялъ на себя званіе великаго магистра Мальтійскаго Ордена, для котораго «истребленіе магометанскаго изчадія» было религіозно-рыцарскою обязанностію. Верховному вождю такого ордена никакъ не подобало оставаться въ союзѣ съ мусульманами, и императоръ, сдѣлавшись великимъ магист-ромъ, тотчасъ же повелѣлъ русской эскадрѣ отдѣлаться отъ ту-рецкаго флота. Крайнее ожесточеніе Павла Петровича противъ

французовъ-революціонеровъ, которыхъ онъ, какъ безбожникъ, считалъ нечестивѣе магометанъ, побудили его къ союзу съ турками. Прекративъ свое союзничество съ турками, Павелъ, въ 1799 году, обѣщалъ свое покровительство черногорцамъ и помощь «для устроенія у нихъ государственнаго порядка». Можно, однако, почти съ полною увѣренностію сказать, что, еслибы императору Павлу пришлось царствовать при иной политической обстановкѣ въ Западной Европѣ, то онъ, при его религіозности, пылкости и рыцарскихъ наклонностяхъ, явился бы ревностнымъ поборникомъ освобожденія христіанъ отъ ига невѣрныхъ, и для достиженія этой цѣли онъ пошелъ бы отважнѣе и рѣшительнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, сдѣвшихъ до него на русскомъ престолѣ. Кто знаетъ: быть можетъ и принятіе сана великаго магистра Мальтійскаго Ордена, основаннаго для неустанной борьбы съ магометанскимъ міромъ, совершилось подъ влияніемъ затаенной отъ всѣхъ мечты императора о такомъ великомъ рыцарскомъ подвигѣ?..

Царствованіе императора Александра Павловича должно было быть, повидимому, самою благопріятною порогою для ожиданія турецкими христіанами своего избавленія отъ мусульманскаго ига. Либеральныя стремленія государя въ первый періодъ его царствованія какъ будто указывали на то, что «вѣчный другъ человѣчества» не потерпитъ порабощенія слабого сильнымъ и поспѣшитъ подать угнетенному руку помощи. Хотя, во второй періодъ его царствованія, либеральныя стремленія Александра Павловича исчезли, но ихъ замѣнило напряженное религіозное настроеніе, и императоръ думалъ только о томъ, чтобы дѣйствовать въ духѣ христіанскаго ученія. Такое настроеніе, какъ слѣдовало бы ожидать, должно было вызвать въ немъ сильное сочувствіе къ христіанамъ, притѣсненнымъ невѣрными, и любопытно посмотреть, что вообще сдѣлалъ въ пользу ихъ императоръ, руководясь сперва либеральными принципами Запада, а потомъ евангельскимъ духомъ.

Во время вступленія на престолъ Александра I, Россія находилась въ дружескихъ отношеніяхъ къ Турціи; заключенный съ нею императоромъ Павломъ оборонительный союзъ, какъ дипломатическая сдѣлка, сохранилъ свою силу, а первоначальная миролюбивая политика государя не предвѣщала разрыва съ Портою. Постороннія обстоятельства повліяли, однако, на нарушеніе добрыхъ отношеній между обоими государями. Императоръ Наполеонъ возбудилъ Порту противъ Россіи, и, въ концѣ 1806 года, султанъ объявилъ войну Россіи. Александръ не желалъ этой войны, и, когда, въ 1804 году, пріѣхали въ Петер-

бургъ сербскіе депутаты, протоіерей Ненадовичъ, Гераклія и Филіповичъ, съ просьбою въ государю о защитѣ Сербіи отъ турецкихъ насилій, то имъ объявили, что Россія не можетъ нарушить съ этою цѣлью дружественнаго трактата, существующаго между нею и Портою.

Положеніе Сербіи около этого времени было чрезвычайно печально. Предводители янычаръ—дахія, въ 1804 году, начали распорядиться тамъ произвольно, и сербы, жалуясь на ихъ насиліе, писали султану, что янычары обобрали ихъ совершенно, что имъ приходится «подпоясываться лыками», но что янычарамъ и этого мало. «Они, писали сербы султану:—не оставляютъ въ покоѣ нашу душу, честь и вѣру, у мужа отнимаютъ жену, у отца—дочерей, у брата—сестеръ; монастыри, церкви, монахи, пошны—все предано поруганію. Если ты еще нашъ царь, заявляли сербы, обращаясь къ падишаху:—то приди и освободи насъ. Если же не хочешь, то скажи, по крайней мѣрѣ, о томъ, и тогда намъ остается бѣжать въ горы и лѣса или топиться». Султанъ провѣль дахіямъ, что онъ расправится съ ними, какъ съ разбойниками. Угрозы, однако, не дѣйствовали на янычаровъ и, наконецъ, сербы, потерявъ и терпѣніе, и надежду на защиту со стороны султана, возстали противъ турецкаго господства, подъ предводительствомъ Георгія Петровича Чернаго. Возстаніе пошло ходко, и сербы завели снова сношенія съ Россією, прося о покровительствѣ, и вождямъ народнаго движенія въ Сербіи внушено было изъ Петербурга—отправить въ Царыградъ уполномоченныхъ съ требованіемъ, чтобъ сербамъ были сданы всѣ сербскія крѣпости, занятыя турками, и было бы уплачено 2.000,000 піастровъ военныхъ издержекъ. Султанъ приказалъ взять подъ стражу сербскихъ посланцевъ и повсемѣстно обезоружить райю. Вмѣшательство Россіи въ сербское движеніе подготовило противъ нея сильное неудовольствіе со стороны Порты, а вліяніе французской дипломатіи произвело окончательный разрывъ. Сербія начала борьбу за независимость въ началѣ 1806 года, а въ концѣ этого же года, какъ мы уже сказали, Порта объявила войну Россіи.

Россія въ эту пору имѣла противъ себя грознаго врага, и нанесенныя намъ пораженія, сперва подъ Аустерлицомъ, а потомъ подъ Фридландомъ, уменьшили опасенія Порты на счетъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Сербіи. Съ Турцією у насъ было въ 1807 году заключено перемиріе, распространенное и на Сербію, а тильзитскій миръ усилилъ еще болѣе прежнюю неблагопріятную для насъ обстановку при войнѣ съ Турцією; въ силу этого договора, русскія войска должны были выйти изъ Молдавіи и

Валахию. Но въ 1808 году, дружественное свиданіе между Наполеономъ и Александромъ въ Эрфуртѣ совершенно измѣнило положеніе дѣлъ, такъ какъ Наполеонъ не только предоставилъ Александру полную свободу дѣйствій въ отношеніи Турціи, но и выразилъ свое сочувствіе Россіи. Присланному въ Парижъ для поздравленія, по случаю его брака съ эрцгерцогиней Марією-Луизою, князю Куракину. Наполеонъ говорилъ, что онъ не любитъ турокъ, что Османская Имперія находится въ состояніи разложенія, что въ Турціи господствуетъ анархія, а въ турецкихъ войскахъ не существуетъ никакой дисциплины. Онъ удивлялся, между прочимъ, отъ чего русскіе не заведутъ на Черномъ Морѣ военнаго флота, который держалъ бы Турцію въ постоянномъ страхѣ. Въ этому онъ добавлялъ, что Австрія лишилась въ Молдавіи и Валахіи того значенія, какимъ она пользовалась въ бывшее время, и что онъ считаетъ эти княжества какъ бы принадлежащими Россіи.

Пользуясь дружбою Наполеона, императоръ Александръ, въ 1808 году потребовалъ, между прочимъ, отъ Порты признанія независимости Сербіи подъ покровительствомъ Россіи и Турціи, а также подтвержденія существовавшего уже покровительства Россіи надъ Грузією, Имеретією и Мингрелією. Австрія, однако, воспротивилась требованію петербургскаго кабинета относительно Сербіи.

Годы 1808 и 1809 прошли въ безплодныхъ дипломатическихъ переговорахъ, а между тѣмъ, дѣло усложнилось, такъ какъ въ протесту Австріи присоединилась Великобританія. Россія же, съ своей стороны, усилила свои домогательства, и, въ 1810 году, поддерживаемая Наполеономъ, потребовала отъ Порты присоединенія къ русской имперіи Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, признанія Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и Гурии областями, принадлежащими русскому государю, уступки въ пользу Россіи Анапы и Поти, признанія независимости Сербіи, свободного пропуска русскихъ судовъ чрезъ Дарданелы и уплаты контрибуціи въ 4¹/₂ милліона тогдашнихъ серебряныхъ рублей. При удовлетвореніи Портою этихъ требованій, предлагалось произвести территориальный обмѣнъ съ Австрією.

Такимъ образомъ, первоначально простой, самъ по себѣ, вопросъ объ освобожденіи на востокѣ Европы христіанъ отъ ига невѣрныхъ посредствомъ изгнанія турокъ въ Азію или, по крайней мѣрѣ, о покровительствѣ турецкой райи христіанскими державами Европы, былъ заслоненъ и подавленъ теперь грузомъ разныхъ политическихъ комбинацій и сдѣлками такого же рода. При рѣшеніи теперь этого вопроса, стоявшаго нѣкогда во главѣ

всѣхъ сдѣлокъ западной Европы съ Турціей, не было уже нивакихъ религіозныхъ увлеченій и великодушныхъ порывовъ, такъ какъ и тѣ, и другіе были замѣнены хитро-сплетенными дипломатическими разсчетами, а также болѣе или менѣе отдаленными видами европейскихъ кабинетовъ на остающееся въ Европѣ послѣ турокъ наслѣдство. Россія находилась, какъ казалось, теперь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для рѣшенія важнаго вопроса въ ея пользу; но миръ съ Турціей задерживался происками и интригами иностранныхъ дипломатовъ въ Константинополь, а между тѣмъ, прежнія дружескія отношенія между императорами Александромъ и Наполеономъ начали колебаться.

Прежде, чѣмъ Россія успѣла заключить миръ съ султаномъ, ей стала угрожать опасность со стороны Наполеона. Къ этому времени, а именно къ марту мѣсяцу 1812 года, относится сдѣлавшееся нынѣ извѣстнымъ слѣдующее сообщеніе русскаго посланника въ Стокгольмѣ. Наполеонъ, какъ сообщалъ онъ секретно, основываясь на словахъ наслѣднаго принца шведскаго, намѣренъ былъ, при неудачной войнѣ съ Россією, предложить императору Александру войти въ союзъ и сообща обратить оружіе противъ турокъ съ цѣлю изгнать ихъ изъ Европы и раздѣлить ихъ земли. При этомъ раздѣлѣ все, что по эту сторону Балкановъ должно было достаться Александру Павловичу, а все остальное—Наполеону, который и провозгласилъ бы себя императоромъ восточнымъ и западнымъ. Австріи онъ предполагалъ отдать остатки турецкихъ земель по Сереть и даже по Прутъ, а если бы она не удовольствовалась этимъ, то уступить ей Далмацію, Ионическіе Острова и предоставить ей же верховную власть надъ Сербією, какъ надъ пашалыкомъ Георгія Чернаго. Къ этому онъ былъ готовъ добавить даже Трансильванію. Въ случаѣ же удачнаго исхода борьбы съ Россією, Наполеонъ, опять по словамъ наслѣднаго принца, намѣренъ былъ взять Константинополь и перенести туда свою столицу съ тѣмъ, чтобъ управлять оттуда Россією, Австрією и всею Европою. Затѣмъ—напасть на Персію и на англичанъ въ Индіи.

Предложеніе о союзѣ Наполеономъ сдѣлано не было, а, въ виду вооруженій Франціи, надобно было поспѣшить окончить войну съ Турцією, и Россіи, 16 мая 1812, года удалось заключить въ Бухарестѣ мирный договоръ съ Портою. Договоромъ этимъ подтверждался вообще яскскій трактатъ 1792 года, которымъ, въ свою очередь, подтверждались статьи вучукъ-кайнарджійскаго мира, предоставлявшія Россіи право покровительствовать ея едновѣрцамъ въ Турціи. Сверхъ того, въ 8-й статьѣ бухарестскаго трактата сказано было: «хотя нѣтъ никакого сомнѣнія,

что Блистательная Порта, по правиламъ своимъ, употребить снисхожденіе и великодушіе противъ народа сербскаго, какъ издревле подданнаго сей державѣ, платящаго ей дань, но, взирая на участіе, какое сербы принимали въ дѣйствіяхъ войны, признано за приличное постановить нарочныя условія объ ихъ безопасности». Поэтому Порта обязывалась объявить прощеніе и издать общую для сербовъ амнистію; сербы же должны были разрушить крѣпости, построенныя во время войны, а туркамъ предоставлялось занять прежде существовавшія въ Сербіи крѣпости. Кромѣ того, въ той же 8-й статьѣ изложено было, что «Порта даруетъ сербамъ, по ихъ просьбамъ, тѣ же самыя выгоды, какими пользуются подданные острововъ архипелажскихъ и другіе подданные султана, и что она распорядится всѣми дѣлами обще съ народомъ сербскимъ».

Въ то время, когда М. И. Голенищевъ-Кутузовъ велъ переговоры, доставившіе Россіи бухарестскій трактатъ, командовавшій на Дунаѣ русскою арміею адмиралъ Чичаговъ говорилъ о томъ, что не слѣдуетъ мириться съ Портою, но должно нанести ей такой рѣшительный ударъ, послѣ котораго подвластные ей христіанскіе народы получали бы полную независимость. Съ этою цѣлью онъ предполагалъ поднять противъ турокъ Сербію, Боснію, Далмацію, Хорватію и всю Иллирію, составивъ такимъ образомъ подъ покровительствомъ Россіи обширный союзъ, враждебныя дѣйствія котораго были бы направлены противъ Порты. Но дипломатическіе расчеты не допустили осуществленія этого предположенія.

Съ удаленіемъ съ береговъ Дуная нашей арміи турки не только не думали исполнить условія тѣхъ статей бухарестскаго договора, которыя были постановлены въ пользу Сербіи, но лѣтомъ 1813 года напали на нее. Нападеніе это сопровождалось страшными жестокостями: мужчинъ турки сажали на колъ, а дѣтей, въ насмѣшку надъ обрядомъ крещенія, окунали въ кипятокъ. Скоро турки взяли верхъ надъ сербами. Георгій-Черный принужденъ былъ бѣжать въ Австрію, и въ это время предводителемъ сербовъ явился Милошъ Обреновичъ. Опасаясь Россіи, дѣла которой поправились послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи и низверженія Наполеона, султанъ предоставилъ самимъ сербамъ собраніе податей; сербскіе «кнезы» допущены были въ окружныя суды, какъ равноправныя съ мусульманами члены, а также и въ верховное судилище или народную канцелярію. Достигнувъ нѣкоторой политической свободы, сербы приобрѣли и религиозную свободу: они стали строить и возобновлять церкви, не испрашивая уже, какъ прежде, разрѣшенія паши.

Что касается Черногоріи, а также другихъ, за исключеніемъ Сербіи, славянскихъ областей Турціи, то онѣ не пользовались вовсе вниманіемъ императора Александра Павловича.

Священный союзъ и стремленіе главы этого союза, Александра I, установить въ Европѣ порядокъ и спокойствіе на основахъ евангельскаго ученія, повліяли весьма неблагоприятно на освобожденіе христіанъ отъ ига невѣрныхъ. Порты чрезвычайно опасались возникновенія этого союза, полагая, что одною изъ его цѣлей будетъ свобода подвластныхъ ей христіанъ, которымъ единодушно подадутъ руку помощи христіанскіе монархи, вступившіе въ священный союзъ. Оказалось, однако, что именно этотъ союзъ вѣрнѣе всего могъ обезпечивать султана отъ всякой попытки христіанскаго населенія, поработеннаго турками, нетолько завоевать себѣ свободу, но и достигнуть какихъ либо облегченій.

Вообще, славянство едва ли могло надѣяться на политическое къ нему сочувствіе Александра I, въ особенности послѣ тѣснаго сближенія, да еще подъ вліяніемъ началъ священнаго союза, съ Пруссією и Австрією, изъ которыхъ первая такъ успѣшно онѣмечила прибалтійскихъ славянъ, а вторая такъ настойчиво подавляла подвластные ей славянскіе народы. Кромѣ того, еще и до священнаго союза, императоръ Александръ I желалъ образовать изъ Сербіи государство для младшей линіи австрійско-габсбургскаго дома, т. е. усилить на счетъ славянъ могущество первенствовавшей въ ту пору германской державы. Черногорія также испытала на себѣ невыгодное для славянства вліяніе тогдашней русской политики. Владыка Петръ, по волѣ императора Александра Павловича, долженъ былъ уступить Бокку сперва французамъ, а позже, послѣ завоеванія ея черногорцами, передать ее во владѣніе австрійцевъ.

Между тѣмъ какъ событія въ турецко-греческихъ областяхъ приняли особое направленіе, въ числѣ лицъ, самыхъ приближенныхъ къ императору Александру Павловичу, былъ въ это время его статсъ-секретарь графъ Иванъ Антоновичъ Каподистрія, родомъ грекъ. Онъ явился главнымъ ходатаемъ у государя за своихъ единовѣрцевъ, и, когда греки, рассчитывая на сочувствіе къ нимъ Европы, замыслили возстать противъ Порты, то Каподистрія указалъ вождямъ греческаго народа на состоявшаго въ русской службѣ генерала князя Ипсиланти, какъ на лицо, способное стать во главѣ возстанія. Ипсиланти вторгнулся съ инсургентами въ Молдавію и провозгласилъ тамъ свободу христіанъ отъ турокъ; но императоръ Александръ Павловичъ встрѣтилъ извѣстіе объ этомъ возстаніи съ крайнимъ негодованіемъ. Съ точки зрѣнія членовъ

священнаго союза, возстаніе противъ какого бы то ни было правительства, какъ власти, установленной Богомъ, считалось не только политическимъ, но и религиознымъ преступленіемъ. Союзники не хотѣли принять въ соображеніе, что въ настоящемъ случаѣ греки начали борьбу во имя христіанской религіи противъ магометанъ, и, въ глазахъ ихъ, возставшіе противъ султана греки были не кто иные, какъ итальянскіе карбонаріи, къ уничтоженію которыхъ священный союзъ преимущественно направлялъ бывшія въ его распоряженіи силы. Несочувствіе священно-союзниковъ къ движенію грековъ объяснялось тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, революціонная партія старается изгнать турокъ изъ Европы, и, слѣдовательно, прежде всего нужно подумать о томъ, чтобъ разстроить планы этой партіи, хотя бы въ сущности они вели прямо къ торжеству христіанства надъ исламомъ. Священный союзъ постановилъ—держать всѣ европейскіе народы въ застоѣ, а между тѣмъ, среди грековъ началось движеніе и притомъ еще такое, которымъ руководили выборные народные представители, а не природный монархъ.

Повидимому, императору Александру Павловичу легче, чѣмъ кому-нибудь другому, можно было бы усвоить историческую задачу Россіи—освободить своихъ единовѣрцевъ отъ мусульманскаго ига. Онъ росъ и мужалъ въ ту пору, когда при дворѣ его бабки былъ въ ходу проектъ о возстановленіи Византійской Имперіи, но, такъ какъ упомянутая задача не была никогда нашимъ жизненнымъ вопросомъ, а навѣвалась намъ только съ Запада, то и императоръ Александръ I былъ, въ этомъ случаѣ, подъ влияніемъ политическаго настроенія, преобладавшаго въ Европѣ, руководимой княземъ Меттернихомъ.

На конгрессѣ, бывшемъ въ Лайбахѣ, Александръ I имѣлъ случай выслушать многое о возстаніи грековъ противъ турокъ. Поборники независимости грековъ говорили ему, что власть турокъ надъ греками не имѣла никогда законнаго основанія; что христіане не могутъ находиться подъ властію магометанъ безъ нарушенія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ уставовъ; что никакая давность не въ силахъ уничтожить непреложныя права грековъ быть независимымъ народомъ и что, поэтому, возстаніе ихъ противъ своихъ притѣснителей представляется священною для нихъ обязанностію, а помощь имъ составляетъ несомнѣнный долгъ христіанскихъ монарховъ, указываемый имъ Богомъ и собственною совѣстью. Императоръ Александръ Павловичъ внималъ, однако, съ большимъ сочувствіемъ не этому, а противоположнымъ внушеніемъ, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что нужно предоставить не людямъ, а всевышнему Промыслу рѣше-

ніе міровыхъ вопросовъ; что слѣдуетъ оставить все по прежнему, такъ какъ господство турокъ надъ христіанами основано на правѣ завоеванія, не подлежащемъ, въ теченіи многихъ вѣковъ, никакому сомнѣнію; что господство это подтверждено многими трактатами Порты съ христіанскими державами и что нельзя помогать грекамъ безъ нарушенія этихъ трактатовъ, заключенныхъ во имя всемогущаго Бога...

Послѣдствіемъ лайбахскаго конгресса была торжественная декларация союзныхъ государей, гласившая, что трактаты не дозволяютъ имъ объявить законными и заслуживающими одобренія такіе перевороты въ Турціи, которые признаны преступными и подлежащими карѣ въ Неаполѣ и Піемонтѣ.

Неистовство турокъ надъ христіанами и упорство грековъ заставило, однако, и священно-союзныхъ государей подумать о послѣдствіяхъ греческаго возстанія. Они постановили объявить его предводителямъ, чтобы они прекратили свои мятежныя покушенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложено было склонить Порту къ такимъ реформамъ, которыя улучшили бы положеніе подвластныхъ ей христіанъ. Никакихъ положительныхъ мѣръ, однако, принято не было, и греческое возстаніе было предоставлено на произволъ случайностей.

Геройству грековъ сочувствовало въ Россіи высшее общество, среди котораго умѣлъ вселить расположеніе къ судьбѣ грековъ графъ Каподистрія; народъ же вообще не выказывалъ своихъ чувствъ, да и не могъ этого сдѣлать, оставаясь въ сторонѣ отъ политическихъ вопросовъ, но войско желало войны. По поводу всего этого, императоръ Александръ, въ письмѣ къ лорду Кэстелъри, писалъ, что изъ всѣхъ русскихъ одинъ только онъ противился войнѣ съ Турціей за грековъ, и жаловался на вредъ, наносимый народной къ нему любви такимъ противодѣйствіемъ общественному желанію.

Былъ, впрочемъ, моментъ, когда Александръ намѣревался поднять оружіе противъ Турціи. Графъ Ростопчинъ, въ письмѣ своемъ изъ Парижа къ графу М. С. Воронцову отъ 29-го апрѣля (11-го мая) 1821 года, приписывалъ императору намѣреніе овладѣть Константинополемъ и сдѣлать его столицей своего брата цесаревича Константина съ тѣмъ, чтобы русская корона перешла къ великому князю Николаю Павловичу.

Весьма вѣроятно, что, въ виду этого предположенія, императоръ пошелъ было на разрывъ съ Портою, потребовавъ отъ нея, чтобы она возстановила разрушенныя турками церкви, успокоила Европу, взволнованную убійствомъ патріарха Григорія, очистила бы Молдавію и Валахію отъ своихъ войскъ и возстановила бы

такъ власть государей. Предъявляя эти требованія, Александръ сообщилъ Портѣ, что она ставитъ себя своими поступками съ христіанами во враждебное положеніе къ христіанскому міру и что христіанскій государь не можетъ предать своихъ единовѣрцевъ на произволъ сильному изувѣрству. Въ отвѣтъ своемъ Порта отклонила отъ себя обвиненіе въ преслѣдованіи христіанъ; сообщила, что патріархъ Григорій былъ казненъ за государственную измѣну и что надъ трупомъ его совершила насиліе чернь; что, по восстановленіи спокойствія, храмы будутъ возобновлены, а по уничтоженіи матежниковъ, турецкія войска очистятъ придунайскія княжества.

Александръ настаивалъ на исполненіи предъявленныхъ имъ требованій, сообщая, что онъ вооружится не для расширенія предѣловъ Россіи и не для возвеличенія личной власти, а единственно для того, чтобъ исполнить свои обязанности въ отношеніи какъ своихъ подданныхъ, такъ и своихъ единовѣрцевъ. Выбѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ русскому посланнику при Портѣ, барону Строганову, выѣхать изъ Константинополя.

Трудно сказать, насколько во всемъ этомъ было дѣйствительной рѣшимости, а не одной только дипломатической обрядности. О перевѣсѣ этой послѣдней въ данномъ случаѣ заставляетъ предполагать дальнѣйшій образъ дѣйствій императора.

Англія, въ лицѣ своего посланника лорда Стратфорда, начала склонять Порту къ уступкамъ на требованія Россіи, а Александръ, съ своей стороны, признавалъ, что дѣйствія лорда Стратфорда не были противны пользамъ Россіи, и, не упорствуя далѣе въ своихъ прежнихъ требованіяхъ, онъ настаивалъ только на умиротвореніи Греціи по соглашенію съ Портою.

Веронскій конгрессъ въ 1822 году отнялъ какъ у грековъ, такъ и вообще у христіанъ, подвластныхъ Турціи, послѣднюю надежду на помощь со стороны Россіи. Депутаты греческаго народа не были даже допущены въ Верону, а Александръ, бесѣдуя однажды съ бывшимъ на этомъ конгрессѣ извѣстнымъ боголюбивымъ французскимъ писателемъ Шатобрианомъ о цѣли священнаго союза, сказалъ ему: «Представилось испытаніе — возстаніе Греціи; ничего не могло быть болѣе выгоднымъ для меня и для моего народа и болѣе согласнаго съ общественнымъ мнѣніемъ Россіи, какъ религіозная война съ турками, но я видѣлъ въ волненіяхъ Пелопонеза признаки революціи и удержался. Никогда я не оставлю государей, съ которыми нахожусь въ союзѣ. Монархи имѣютъ право заключать явные союзы для защиты отъ тайныхъ обществъ».

До какой степени Александръ I отдавалъ предпочтеніе своей религіозно-политической системѣ передъ простыми порывами чи-

сто-религіознаго чувства, можно, между прочимъ, заключить изъ того, что онъ не дозволилъ, по просьбѣ московскаго митрополита Филарета, отслужить по всей Россіи панихиду по мученически-убіенномъ въ Константинополѣ патріархѣ Григоріи, тогда какъ церковь наша, въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ, поминаетъ «святѣйшихъ патріарховъ православныхъ».

За освобожденіе Греціи принялся англійскій министръ Каннингъ, который прежде всего счелъ нужнымъ устранить отъ этого дѣла Россію, «во имя свободы народовъ и права ихъ учреждать у себя такой образъ правленія, какой они найдутъ болѣе удобнымъ».

Борьба грековъ съ турками была, въ концѣ царствованія Александра Павловича въ полномъ разгарѣ. Грековъ смиряли не только турки, но и египетскія войска, и на жертву тѣмъ и другимъ была предоставлена Греція. 5-го апрѣля 1824 года, въ Петербургѣ была открыта по греческимъ дѣламъ конференція, но противъ постановленія этой конференціи заявили протестъ греки, такъ какъ имъ предоставлялись самыя ничтожныя права. Съ протестомъ этимъ они обратились къ Англій, которая, руководимая Каннингомъ, отказалась отъ всякаго участія въ петербургской конференціи и готовилась противодѣйствовать Россіи.

Въ такомъ положеніи оставался греческій вопросъ при вступленіи на престолъ императора Николая. Европѣ было извѣстно, что новый русскій государь, чуждый религіозно-политическаго мистицизма, не былъ сторонникомъ священнаго союза. Англія предвидѣла, что онъ взглянетъ на дѣло хотя и не съ либеральной, но за то съ практической точки зрѣнія, и что, такъ или иначе, постарается положить конецъ тѣмъ волненіямъ, которыя, въ теченіи слишкомъ пяти лѣтъ, обуревали Грецію. Лондонскій кабинетъ началъ опасаться, что императоръ Николай будетъ дѣйствовать самостоятельно, почему и поспѣшилъ сблизиться съ Россіею. Послѣдствіемъ этого сближенія былъ подписанный, 23-го марта 1826 года, въ Петербургѣ, представителями Россіи, Англій и Франціи, протоколъ, въ которомъ постановлялось, что Греція будетъ находиться въ вассальной зависимости отъ Порты, подъ управленіемъ властей, избранныхъ самими греками и утвержденныхъ султаномъ; что турки должны будутъ обезпечить грекамъ свободу религіи и торговли, а греки, съ своей стороны, обязаны будутъ платить Портѣ ежегодную подать. Сверхъ того, турки, живущіе въ Греціи, должны будутъ продать свое находящееся тамъ имущество и выселиться оттуда. Затѣмъ, 24-го мая (6-го іюня) того же года, въ Лондонѣ, между тремя упомянутыми державами, была заключена конвенція, по которой кабинеты этихъ

державъ коллективно предлагали Портѣ свое посредничество, съ цѣлью привести ее къ соглашенію съ греками, на слѣдующихъ условіяхъ: заключить перемиріе, необходимое для начатія мирныхъ переговоровъ; основаніемъ же для соглашенія Порты съ греками должно служить подчиненіе грековъ верховной власти султана, которому они обязаны будутъ платить ежегодную дань въ размѣрѣ, разъ навсегда опредѣленномъ по взаимному согласію между ними и Портою. Греки выберутъ для себя правительство по собственному желанію, но въ утвержденіи его Порты будетъ имѣть рѣшительный голосъ; турки продадутъ грекамъ свои недвижимыя имущества, находящіяся въ областяхъ, населенныхъ греками, а сами выселятся оттуда. При этомъ договаривающіяся стороны заявили, что онѣ не ищутъ для себя никакихъ территориальныхъ пріобрѣтеній, никакого исключительнаго вліянія, а также не домогаются какихъ-либо выгодъ и преимуществъ для торговли своихъ подданныхъ. Ко всему этому, въ лондонской конвенціи было присовокуплено, что, ежели греки или Порты откажутся отъ перемирія, то державы, подписавшія лондонскую конвенцію, объявятъ той сторонѣ, которая намѣрена продолжать войну, а если окажется нужнымъ, то и обѣимъ; что Россія, Франція и Англія обратятся къ мѣрамъ для прекращенія продолжающейся войны, не принимая, впрочемъ, участія во взаимныхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ воюющихъ сторонъ.

Несмотря на такой нейтралитетъ, лондонская конвенція привела союзныя державы къ наваринской битвѣ.

Со времени этой битвы, велись съ турками безплодные переговоры до тѣхъ поръ, когда, 14-го апрѣля 1828 года, явился манифестъ императора Николая о войнѣ съ Турціею. Главною причиною этой войны выставлялось то обстоятельство, что «миръ съ Оттоманскою Портою въ Бухарестѣ установленный и въ теченіи 16 ти лѣтъ многократно колеблемый, нынѣ, наконецъ, не смотря на всѣ усилія Россіи къ его сохраненію — рѣшительно ниспровергнуть».

Замѣчательно, что въ этомъ манифестѣ, который, конечно, прежде всего долженъ былъ возбудить непріязненные чувства русскихъ противъ Порты, религіозный вопросъ не былъ вовсе затронутъ. Призывъ къ борьбѣ за вѣру не раздался въ то время у насъ воинственнымъ кликомъ. Въ манифестѣ императора Николая говорилось лишь о томъ, что Порты «угрожаетъ истребительною войною Россіи, сзываетъ поголовное противъ нея ополченіе, объявляетъ ее своимъ непримиримымъ врагомъ, попираетъ конвенцію, заключенную въ Аккерманѣ и ниспровергаетъ всѣ прежніе договоры». Въ добавокъ къ этому, поводами къ войнѣ

выставлялись: «оскорбленіе достоинства русскаго флага, задержка турецкими властями русскихъ кораблей, стѣсненіе черноморской нашей торговли, закрытіе Босфорскаго Пролива и подстрекательство Персіи къ войнѣ съ Россією».

Въ деклараціи, опубликованной при манифестѣ, о заступничествѣ Россіи за христіанъ вообще упоминается очень слабо и притомъ исключительно въ формѣ сдержаннаго дипломатическаго заявленія. Декларация укоряетъ Порту въ «слѣпо-непріязненномъ ея стремленіи противъ Россіи», въ изъявленіи къ ней ненависти, въ провозглашеніи, что наше правительство есть вѣчный, неукротимый врагъ мусульманства и что оно умышляетъ разрушеніе Оттоманской Имперіи.

Касательно угнетеннаго положенія христіанъ, подвластныхъ султану, Портѣ не дѣлается въ деклараціи никакого укора; о черногорцахъ, болгарахъ, боснякахъ и герцеговинцахъ нѣтъ вовсе помину; но упоминается только въ отдѣльности о Сербіи, Молдавіи, Валахіи и морейскихъ грекахъ. Такъ, въ деклараціи говорится, что народу сербскому обѣщано было Портою всеобщее прощеніе, но что турецкія войска вторглись въ Сербію и ознаменовали свое шествіе кровопролитіемъ; что княжествамъ Молдавскому и Валахскому предоставлено было льготное время и разныя преимущества, но Порта истощила доходъ, обременила новыми налогами и довершила раззореніе сего несчастнаго народа. Въ заключеніе указывалось на то, что возстаніе морейскихъ грековъ и «вторженіе въ Молдавію измѣнниваго своему долгу русскаго чиновника (князя Ипсиланти) возбудило и въ турецкомъ правительствѣ, и въ турецкомъ народѣ слѣпую ненависть ко всѣмъ христіанамъ, данникамъ Порты, безъ различія виновныхъ и невинныхъ». Съ своей же стороны, Россія, какъ «покровительница» Молдавіи и Валахіи, дала свое согласіе «на принятіе нужныхъ мѣръ обороны и законнаго наказанія, но требовала, чтобы невинный не страдалъ за безпорядки». Декларация упоминала также о томъ, что война съ греками становилась день ото дня все кровопролитнѣе и что турки, въ противность договорамъ, заключеннымъ Портою съ Россією, заняли Молдавію и Валахію, что безвременная кончина пресѣкла дни императора Александра Павловича въ ту пору, когда имъ было объявлено намѣреніе принудить Порту къ уваженію правъ Россіи.

«Долгъ чести, обязанность охранять пользы своихъ подданныхъ, говорилось въ деклараціи:—не дозволяетъ Россіи оставаться въ такихъ отношеніяхъ съ Турцією; Государь Императоръ объявляетъ войну Оттоманской Портѣ». Къ этому добавля-

лось, что «война предпринимается для охраненія нарушенныхъ трактатовъ, и его величество не положить оружія доколѣ безопасность и польза державы его не будутъ обезпечены».

Устраняя, сколько возможно болѣе, религіозныя побужденія къ войнѣ съ Турціею, декларация 1829 года заявляетъ, что «Россия — не врагъ исламизма, такъ какъ во владѣніяхъ Его Императорскаго Величества милліоны подданныхъ спокойно и торжественно исповѣдуютъ вѣру магометанскую и отправляютъ богослуженія оной, пользуясь гражданскими правами, наравнѣ съ прочими подданными». Въ противоположность же этому, не представляется вовсе приниженное и угнетенное положеніе христіанъ во владѣніяхъ султана, но указывается только на случайное возбужденіе ненависти магометанъ къ христіанамъ, вслѣдствіе вторженія «русскаго чиновника» и возстанія морейскихъ грековъ.

Такимъ образомъ, война Россіи съ Турціею, начатая въ 1828 году, представляется преимущественно, и можно даже сказать войною чисто политическаго характера. Война эта ознаменовалась блестящими успѣхами нашего оружія, и въ мирномъ договорѣ, заключенномъ съ Портою, 2-го сентября 1829 года, въ Адрианополѣ, упоминалось, что русскія войска стояли «передъ воротами Константинополя» и султанъ «простеръ длани для принятія мира». О вопросахъ религіозныхъ въ этомъ трактатѣ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній, и онъ ограничивается собственно только политическими сдѣлками, отъ которыхъ зависѣло положеніе христіанъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Турецкой Имперіи. Такъ, Грузія, Имеретія, Мингрелія и Гурія признаны присоединенными къ Россіи на вѣчныя времена. Молдавіи и Валахіи предоставляются права, выговоренныя въ капитуляціяхъ, а также свобода богослуженія, совершенная безопасность, народное независимое управленіе и право безпрепятственной торговли. По отношенію къ Сербіи Порта обязалась возвратить ей 6 округовъ и навсегда обезпечить спокойствіе и благосостояніе свѣрнаго и покорнаго народа сербскаго».

Въ отдѣльной конвенціи, присоединенной къ адрианопольскому договору, постановлялось, чтобъ правленіе господарей въ Молдавіи и Валахіи не ограничивалось, какъ прежде, семью годами, но, чтобъ они назначались пожизненно, чтобы вдоль всего лѣваго берега Дуная турки не имѣли жительства, а допускались бы туда только турецкіе кущи, и чтобъ придунайскія господарства платили султану опредѣленную дань.

Участь грековъ должна была рѣшиться по общему соглашенію между Россіею, Франціею и Англіею; о славянскихъ же земляхъ, подвластныхъ Турціи, не было никакого помину. Для

никъ даже адрианопольскій миръ не сдѣлалъ ничего существеннаго, и не даромъ одинъ изъ русскихъ дипломатовъ, во время осады Варны, писалъ о нихъ отъ 1-го октября 1828 года: «Бѣдныя! Они думаютъ, что для нихъ настала година свободы и независимости отъ презрѣннаго ига; они спокойно и твердо уповаютъ на насъ, а у насъ связаны руки просвѣщенною Европою. Не будутъ ли они проклинать тѣхъ, которыхъ они теперь благословляютъ, какъ своихъ спасителей?»

Въ манифестѣ, изданномъ 19-го сентября 1829 года и возвѣщавшемъ русскому народу о заключеніи адрианопольскаго мира, объявлялось, что Дарданеллы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ исключенія, что безопасность русскихъ предѣловъ обезпечена, что Порта признала обязательность прежнихъ трактатовъ, что убытки, понесенные русскими подданными, будутъ вознаграждены Портою и, наконецъ, что будетъ устроена карантинная линія для предотвращенія вторженія губительной заразы, т. е. чумы изъ Турціи въ русскія владѣнія.

О томъ же, какое вліяніе имѣла только-что оконченная война на судьбу христіанъ, подвластныхъ Турціи, въ манифестѣ сказано слѣдующее: «Благотворное вниманіе обращено на судьбу единовѣрныхъ намъ народовъ, Оттоманской Портѣ подвластныхъ, преимущества княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены и благосостояніе ихъ возвышено и упрочено. Трактаты по дарованію правъ сербамъ исполняются неукоснительно. Политическое бытіе Греціи признано».

Адрианопольскій миръ утвердилъ могущественное вліяніе Россіи на Порту. Россія не довольствовалась уже однимъ только покровительствомъ своимъ единовѣрцамъ въ предѣлахъ Турціи, но перешла и къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Оттоманской Имперіи. Представители Россіи организовали внутреннее управленіе Молдавіи и Валахіи, и петербургскій кабинетъ зорко наблюдалъ за исполненіемъ той статьи адрианопольскаго мира, которая относилась къ Сербіи. Въ Сербіи всегда была развита народная власть, выражавшаяся посредствомъ скупщины, а въ промежутокъ времени, отъ 1815 до 1828 года, въ ней установилась и княжеская власть, начавшая посягать на права скупщины. Въ 1830 году, султанскимъ хатти-шерифомъ передано было князю Милошу Обреновичу все внутреннее управленіе Сербіею, и сербамъ предоставлено было избирать изъ своей среды митрополитовъ и епископовъ. Но притѣсненія сербовъ Обреновичемъ возбудило между ними гражданскую войну, и сербы въ 1839 году жаловались Портѣ, а не Россіи, на своего самовластнаго правителя. Маленькая Сербія была обязана своей сво-

*

бодом преимущественно собственными силами. Сербы героически бились съ турками и успѣли отнять у нихъ Бѣлградъ.

Православные болгаре были крайне недовольны своимъ положеніемъ и послѣ адрианопольскаго мира. Въ 1836 году они затѣяли возстаніе противъ турокъ, но о намѣреніи ихъ узналъ трюневскій архіепископъ, изъ фанариотовъ, и предалъ своихъ единовѣрцевъ турецкому правительству. Послѣ этого, въ Болгаріи начались попытки къ возстанію уже не собственно противъ турокъ, но противъ фанариотовъ, стоявшихъ во главѣ мѣстной православной церкви. Такія попытки происходили въ 1841 и 1849 годахъ, но онѣ не были успѣшны и наказывались жестокими и многочисленными казнями. Очевидно было, что религиозной свободѣ, предоставленной болгарамъ, было недостаточно для ихъ благосостоянія и что для нихъ господство православно-греческой іерархіи было тяжелѣе произвола турецкихъ пашей.

Мы уже видѣли, что и въ прежнее время вопросъ объ участіи Россіи въ покровительствѣ православному населенію въ Турціи былъ тѣсно связанъ съ направленіемъ западно-европейской политики. Когда же, послѣ вѣнскаго конгресса, Россія увлеклась множествомъ самыхъ разнообразныхъ интересовъ на Востокѣ, то европейская дипломатія начала обставлять каждый ея шагъ все болѣшими и болѣшими затрудненіями. Взаимное же соперничество Англіи и Франціи еще болѣе усложняло дѣло; но, когда между ними произошло соглашеніе, устроенное Наполеономъ III, то оно прежде всего было направлено къ подрыву того значенія, какое приобрѣла себѣ въ Турціи Россія по адрианопольскому миру.

Здѣсь было бы неумѣстно вдаваться въ тонкости и изгибы тогдашней англо-французской политики по дѣламъ Востока. Мы выскажемъ только, что при Наполеонѣ III вліяніе Франціи на Востокѣ получило преобладающее значеніе. Оно выразилось, между прочимъ, въ томъ, что имѣющій особое значеніе въ глазахъ всего христіанства ключъ отъ главныхъ дверей восточнаго храма былъ переданъ, по распоряженію Порты, католикамъ. Между тѣмъ, издавна уже было соединено понятіе о первенствѣ той христіанской церкви на Востокѣ, которая владѣтъ упомянутымъ ключемъ.

Изданный императоромъ Николаемъ, 14-го іюня 1853 года, манифестъ о вступленіи русскихъ войскъ въ Магдавію и Валахію начинался слѣдующими словами: «Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподаннымъ, что защита православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ нашихъ». Затѣмъ, въ манифестѣ

говорилось, что основаніемъ такой защиты служилъ кучукъ-кабарджійскій договоръ, но что «Порта нарушила право и преимущество православной церкви и грозила совершеннымъ испроверженіемъ сего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго». Императоръ повелѣвалъ своимъ войскамъ занять придунайскія княжества для того, «чтобы доказать, къ чему можетъ вести упорство Порты», и обѣщавъ остановить движеніе войскъ, «если Порта обѣзается соблюдать неприкосновенность православной церкви». Затѣмъ, государь заявилъ: «Богу предоставляемъ рѣшить нашъ споръ». Такимъ образомъ, въ первый разъ поводомъ къ войнѣ съ Турціею выставлялась исключительно защита православія, безъ всякой къ тому примѣси какихъ либо политическихъ интересовъ.

Въ манифестѣ о войнѣ съ Турціею, обнародованномъ 20-го октября, упоминалось, что «тщетно главные европейскіе кабинеты старались поколебать закоснѣлое упорство Порты». Но здѣсь выставлялся уже и другой поводъ къ войнѣ, а именно—тотъ, что Порта «приняла мятежниковъ всѣхъ странъ въ ради своихъ войскъ».

«Остается, возвѣщалось въ манифестѣ:—принудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, воими отвѣчала она на самыя умѣренныя требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на Востокѣ православной вѣры, исповѣдываемой и русскимъ народомъ». Начинаяшущая войну манифестъ называлъ войною «за святое дѣло».

Намъ, конечно, не могутъ быть извѣстны сокровенные помыслы покойнаго императора, но надобно полагать, что онъ дѣйствительно хотѣлъ ограничиться умѣренными требованіями и, поможивъ въ пользу Россіи спорный съ Франціею вопросъ объ іерусалимскомъ храмѣ, доказать преобладающее вліяніе Россіи на Востокѣ. По всей вѣроятности, онъ не помышлялъ ни о завоеваніи Константинополя, ни о измѣненіи порядковъ на Балканскомъ Полуостровѣ среди тамошняго славянскаго населенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, приходится заключить на основаніи слѣдующаго факта.

Вскорѣ по обнародованіи манифеста о войнѣ съ Турціею, въ «Москвитинѣ» появилось стихотвореніе Тютчева, судившее намъ завоеваніе Константинополя и оканчивавшееся слѣдующею строфою:

И свои древніе Софіи,
 Въ возобновленной Византіи,
 Вновь осѣнять святой алтарь,
 Пади предъ нимъ, о, царь Россіи!
 И встань какъ всеславянскій царь!

Строфа эта вызвала расторженіе о не пропускѣ цензурою такихъ стиховъ и статей, въ которыхъ высказываются завоевательныя стремленія Россіи.

Несмотря на то, что война 1853 года противъ Турціи была предпринята, по заявленію Россіи, только для огражденія правъ и преимуществъ православной церкви на Востока, намъ привелось вынести тяжелую борьбу не съ одною лишь Турціею, но и съ христіанскими ея союзницами: Англіею, Франціею и Сардиніею. Ясно было, что миновали уже тѣ времена, когда западная Европа не только не намѣрена была противодействовать русскому оружію, направленному для изгнанія магометанъ изъ Европы и къ освобожденію христіанъ отъ ига невѣрныхъ, но, напротивъ, старалась побудить къ этому Россію.

Таковъ былъ общій ходъ вопроса объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига. Нельзя не признать, что самобытно вопросъ этотъ въ Россіи не возникалъ никогда, что мысль объ этомъ приходила къ намъ въ прежнее время съ Запада, а впослѣдствіи упомянутый вопросъ былъ въ прямой зависимости отъ направленія общей европейской политики.

Вопросъ этотъ былъ также чуждъ и религиозному, и умственному нашему движенію въ прежнее время.

Никто изъ представителей нашей церковной іерархіи не заявилъ себя двигателемъ вопроса объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига. Наши духовные витіи, въ своихъ старинныхъ «продикахъ», а также въ торжественныхъ, похвальныхъ и поучительныхъ рѣчахъ, никогда не касались этого вопроса. При дворѣ Елизаветы и Екатерины II духовное краснорѣчіе было въ большомъ ходу, можно даже сказать—въ большой модѣ; но и въ эту пору, слова проповѣдниковъ, становившихся у аналоя, не раздавались въ защиту поработенныхъ нашихъ единоплемениковъ. Между тѣмъ, эти ораторы очень часто вдавались въ политическіе вопросы, прославляя дѣянія вѣнценосцевъ и побѣды нашего христілюбиваго воинства. Былъ даже такой случай: въ царствованіе Анны Іоанновны, при молебствіи по случаю взятія Очкова, одинъ изъ полевыхъ пастырей, Аванасій Кляпцевъ, произнесъ торжественное слово, въ которомъ называлъ евангелиста Іоанна Богослова «самой небесной монархіи министромъ и секретаремъ тайнъ божіихъ», слѣдовательно, вдавался въ глубь политическихъ интересовъ. Минихъ прислалъ изъ арміи эту рѣчь императрицѣ, «какъ израдную и ей угодную». Казалось бы, что, при томъ поводѣ и при той обстановкѣ, при которыхъ говорилъ этотъ проповѣдникъ, всего удобнѣе было бы коснуться освобожденія православной во Христвѣ братіи отъ рабства не-

вѣрныхъ, но и здѣсь объ этомъ не было вовсе помину... Изъ числа самыхъ знаменитыхъ нашихъ іерарховъ, митрополитъ Платонъ, жившій въ то время, когда былъ въ ходу восточный проектъ, въ своей «Исторіи русской церкви», говоритъ только вскользь о ненависти магометанъ къ христіанству. Касаясь же покоренія турками православныхъ христіанъ и Царьграда, онъ не выражаетъ ни малѣйшаго сочувствія къ ихъ бѣдственной участи. Въ крестовыхъ же походахъ или, какъ ихъ называетъ Платонъ, «крозадахъ» онъ не признаетъ религіознаго увлеченія и видитъ только палскія «затѣйки». Да и вообще онъ не могъ явиться поборникомъ освобожденія турецкихъ христіанъ силою оружія, признавая, что церковь ни по какимъ причинамъ не должна побуждать государство къ войнѣ, такъ какъ вести ее зависить исключительно отъ усмотрѣнія монарха.

Обратимся къ наиболѣе выдающимся передовымъ нашимъ людямъ, которымъ выпадало на долю произведеніями ихъ ума и воображенія руководить общественнымъ мнѣніемъ и возбуждать помыслы, страсти и чувства въ своихъ согражданахъ. Чтѣ же мы находимъ въ этомъ случаѣ? Ломоносовъ, написавшій немало торжественныхъ одъ, часто упоминалъ въ нихъ о побѣдахъ русскаго оружія и о дальнѣйшихъ его успѣхахъ. Такъ, въ одѣ, посвященной императору Петру III, онъ высказывалъ, что и Китаю не слѣдуетъ слишкомъ надѣяться на свои «пространныя стѣны», какъ на защиту отъ русскихъ, и, обращаясь въ этой одѣ къ государю, Ломоносовъ выражалъ ему желаніе:

Чтобъ Хины, Инды и Японы
Подверглись подъ твои законы;

но, несмотря на такую широту политическихъ мечтаній, онъ не говорилъ ни слова объ освобожденіи турецкихъ христіанъ силою русскаго оружія. Не упоминалъ онъ объ этомъ и въ своей знаменитой одѣ на взятіе Хотина, хотя на этотъ разъ предметъ пѣнныя и вызывалъ его прямо на такую тему. Вообще, Ломоносовъ, бывшій безспорно однимъ изъ самыхъ передовыхъ русскихъ людей, могъ только крайне равнодушно относиться къ подобному предпріятію, такъ какъ въ похвальному слову Петру Великому онъ не только, въ числѣ подвиговъ прославляемаго нинъ монарха, не выставилъ защиты Петромъ турецкихъ христіанъ, но скорбѣлъ о томъ, что «для изцѣленія наружныхъ ранъ обогрены были поля и рѣки не меньше російскою, нежели татарскою кровью». Если же онъ жалѣлъ русскую кровь, пролитую подъ вліяніемъ вѣншей политики собственно за права, честь и выгоды Россіи, то несомнѣнно, что онъ не отнесся бы сочувственно къ такой жертвѣ изъ-за чужого дѣла.

Другой, самый видный представитель нашей «политической» поэзии — Державинъ, жившій въ эпоху торжества русскаго оружія надъ «агарянами» и сановникъ близкій къ русской царицѣ, славолюбиво мечтавшей о возстановленіи Византіи, часто касался въ своихъ одахъ борьбы русскіихъ съ невѣрными. Такъ, въ одѣ, подъ заглавіемъ «Аоннейскому витазу», онъ «славилъ» графа Алексѣя Орлова Чесменскаго; но вся эта ода носила на себѣ отпечатокъ греческаго язычества, и въ ней побѣдитель турокъ при Чесмѣ не выставлялся вовсе бойцемъ за поработненное христіанство, а дѣйствовалъ среди языческой обстановки.

Другая ода Державина «На побѣды Екатерины», послѣ упоминанія въ ней объ Юпитерѣ и Геркулесѣ, но не о христіанствѣ, оканчивалась слѣдующими строками:

Гряди, гряди, о рокъ! — и орломъ рукою
Возстань Палеологъ, невѣрженный лукой!

Въ одѣ «На пріобрѣтеніе Крыма» Державинъ писалъ:

Магнетъ отъ ужаса блѣднѣя,
Завоситъ изъ Европы ногу
И возрастаетъ Константины.

Въ одѣ «На взятіе Измаила» находятса слѣдующія строки:

Иль Россю духъ идетъ военный,
Христовой вѣрой прожженный,
Ахель спасъ, Агарянь стертъ?

Далѣе, въ одной изъ строфъ этой оды, Державинъ, обращаясь къ Западу Европы, такъ опредѣляетъ назначеніе Россіи по отношенію къ магометанамъ и Европѣ:

..... Россъ рожденъ судьбой
Отъ варварскихъ хранить вась узъ,
Темировъ поирать ногою,
Блудъ вашихъ отъ Омаровъ музъ,
Отмстить крестовне походы,
Очистить іорданскіи воды,
Священный градъ освободить,
Аоннамъ возвратитъ Аонну,
Градъ Константиновъ Константину
И миръ Афету водворить.

При переводѣ этой поэтическо-политической задачи Россіи на прозаическій языкъ, оказывается, что назначеніе Россіи по мысли поэта, было: охранять Европу и ея просвѣщеніе отъ азіатскихъ ордъ; совершить то, чего не могли сдѣлать западно-европейскіе крестоносцы, т. е. освободить святии мѣста; подчинить власти Еккатерини (Аонны или Минервы) столицу древней Эллады, завоевать Царьградъ для великаго князя Константина Павловича и водворить миръ въ Европѣ. О православныхъ же турецкихъ славанахъ во всемъ этомъ политико-поэтическомъ неречивѣ — полное умолчаніе.

Надобно, впрочемъ, сказать, что въ области русскаго стихотворства первое упоминаніе о борьбѣ Екатерины съ турками за христіанъ принадлежитъ не Державину, а другому не слишкомъ извѣстному стихотворцу В. И. Майкову. Онъ, въ 1769 году, въ «Стихахъ на отшествіе русскаго флота изъ Ревеля въ Средиземное Море», восклицалъ:

И тронуть будучи несчастныхъ грековъ стономъ,
Прегордыхъ ихъ враговъ, пришедши, побѣди!

Майковъ упоминалъ не только объ освобожденіи Греціи, но и о будущей подвластности ея Россіи, говоря:

Одна съ Россіей въ ней вѣра,
Закономъ будутъ въ ней одни!

Онъ, какъ и Державинъ, думалъ въ этихъ случаяхъ объ азычской Греціи, увѣряя своихъ читателей, что

Тамъ нимфы ходятъ межъ кустами,
Побѣды Россіи поютъ,

и что «Парнасъ призываетъ россовъ на помощь».

Только одѣ «На взятіе Бендеръ» Майковъ придалъ оттѣнокъ христіанской мысли, такъ какъ въ этой одѣ говорится, что «сынъ Божій вручаетъ громъ Екатеринѣ», а врагу ея внушается:

«Познай Срацннъ ожесточенный,
Познай руки Господней власть».

Почти съ полною увѣренностію можно сказать, что приведенныя нами строки, до появленія въ 1853 году стихотворенія Тютчева, напечатаннаго въ «Москвитянинѣ», о которомъ мы уже упоминали, составляютъ весь вкладъ въ сокровищницу нашей поэзіи по вопросу объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига. Строки эти написали и Майковъ, и Державинъ подъ влияніемъ «Восточнаго проэкта», возникшаго, въ свою очередь, по почину крайне плохого христіанина — Вольтера. Но кануль въ вѣчность этотъ проэктъ, и смолкло вмѣстѣ съ этимъ российское стихотворство, вторившее «великой затѣѣ» Екатерины. Замѣтимъ встати, что освобожденіе Россією турецкихъ христіанъ Державинъ тѣсно связывалъ съ хорошими внутренними порядками въ ней самой. Такъ, говоря о доблестяхъ россовъ, онъ добавляетъ:

Чего не можетъ родъ сей славный,
Люба царей своихъ, свершить?
Умѣте лишь, главы вѣчанни,
Его безцѣнну кровь щадить,
Умѣте дать ему на льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту
И правотой сердца избѣгать...

Изъ другихъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ никто не затрогивалъ вопроса объ освобожденіи христіанъ. Жуковский, ибннй и сострадательный стихотворецъ — впрочемъ, турокъ по матери — звалъ, да и то въ прозѣ, только освобожденія Іерусалима изъ

рукъ невѣрныхъ, добавляя: «пусть остальное будетъ упрочено за турками, какъ ихъ законное достояніе». Стихотворное же въ немъ настроеніе возбуждала мысль о сохраненіи цѣлости Оттоманской Имперіи, и онъ, по поводу защиты, оказанной султану противъ египетскаго паши, пѣлъ на патріотическую ноту:

И въ ограду Цареграду!

На Босфорѣ русскій флагъ.

Пушкинъ, чуткій ко всему и уму, и сердцемъ, не только не воспѣвалъ грядущей свободы христіанъ, добытой русскимъ оружіемъ, но, напротивъ, хотя и чрезвычайно поэтически, но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ политическаго такта—отозвался на этотъ вопросъ, будучи вдохновленъ блестящими нашими побѣдами за Балканами. Въ написанномъ имъ небольшомъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ «Олеговъ щитьъ», онъ невольно вспомнилъ о томъ, какъ «ко граду Константина» пришелъ «съ славянскою дружиной» «воинственный варягъ» и какъ онъ на «цареградскихъ вратахъ» пригвоздилъ свой булатный щить—

Стронтину греку въ стыдъ и страхъ.

Въ этомъ горделивомъ для Россіи воспоминаніи проглядываетъ весьма мало сочувствія славнаго нашего поэта къ христіанамъ-грекамъ, чаявшимъ своего избавленія со стороны потомковъ варяго-славянъ.

Разумѣется, говоря объ участіи поэзіи въ разсматриваемомъ нами вопросѣ, мы не принимаемъ въ соображеніе являшіеся порошечки мелкихъ рюмоплетовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1853 году, гарнизонный полковникъ Марковъ напечаталъ въ Вильнѣ стихи, обращенные къ султану въ такой, слишкомъ безцеремонной формѣ:

Что ты, что ты, окаянный?

Въ чью ты голову кутишь?

Что сталъ фертомъ, рыцарь чванный,

И честной народъ смѣшишь.

Ну, тебѣ ли въ балахонѣ,

Въ бабьихъ тряпкахъ и въ платкахъ,

Хорохориться на тронѣ

Съ чубкомъ твоимъ въ зубахъ...

Оканчивалось же это обращеніе къ падишаху слѣдующею каламбурною угрозою:

Мнѣ дивалъ твой разнорядиѣ,

Какъ скамейку помернѣ

И тебя въ чалмѣ парадной

Изъ Европы вонъ шамрнемъ!

Кто, впрочемъ, знаетъ—быть можетъ, гдѣ черезъ двѣсти, ученые изслѣдователи увидятъ и въ этой строфѣ сознаніе Россіей ея исторической задачи по расправѣ съ турками?

Литература наша, въ прозаическомъ ея отдѣлѣ, не сохраняетъ за прежнее время никакихъ слѣдовъ сочувствія къ освобожденію

славянъ отъ турецкаго ига. По этому предмету у насъ не появилось, въ былую пору, не только никакихъ монографій, но даже и небольшихъ статей до возникновенія такъ называемаго славянофильства. Мы не будемъ касаться здѣсь вопроса о томъ, до какой степени могли въ этомъ случаѣ повліять на молчаніе нашихъ писателей цензурныя условія. Мы замѣтимъ только, что была, однако, пора, когда, при малой требовательности нашего общества, вопросъ объ освобожденіи славянъ изъ турецкой неволи могъ разсматриваться безъ всякихъ послылокъ къ другимъ, болѣе или менѣе щекотливымъ вопросамъ. Была пора, когда достаточно было писать объ этомъ исключительно съ точки зрѣнія христіанской любви, а самый предметъ писанія подавалъ даже поводъ къ воскуриванію ошміама, но, тѣмъ не менѣе, предметъ этотъ все-таки не воздѣлывался нашими писателями—очевидно, что на него не было запроса со стороны нашего общества.

Остановливаясь на тѣхъ изъ нашихъ писателей, отъ которыхъ слѣдовало бы скорѣе всего ожидать голоса въ пользу христіанъ, поработченныхъ турками, нужно обратить особенное вниманіе на Карамзина. Онъ, кромѣ того, что былъ историкомъ, былъ еще задушевнымъ собесѣдникомъ и даже негласнымъ совѣтникомъ императора Александра I; онъ былъ другомъ графа Каподистриі — этого неутомимаго ревнителя по освобожденію своихъ единовѣрцевъ-соотечественниковъ—и жилъ въ ту пору, когда сербы и греки, отыскивая свободу, вели геройскую борьбу съ своими притѣснителями. Казалось бы, что, при всѣхъ этихъ условіяхъ, Карамзинъ долженъ былъ если и не сознать, то, по крайней мѣрѣ, хотъ чують историческую задачу своей родины былое которой онъ изучилъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ его современниковъ; но о такой задачѣ онъ не промолвилъ ни полслова. Да и вообще великодушное и безкорыстное освобожденіе Россіею христіанъ отъ турецкаго ига онъ признавалъ задачей, чуждой политикѣ, поучая, что «евангеліе молчитъ о политикѣ»...

Желая прослѣдить историческое развитіе упоминаемаго нами вопроса, мы, между прочимъ, просматривали и русскія газеты какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго столѣтія за тѣ годы, когда у насъ возникали столкновенія съ Турціею но и здѣсь мы не встрѣтили ни прямого указанія, ни намека на призваніе наше быть «освободителями» нашихъ единовѣрцевъ. Здѣсь все дѣло, послѣ велерѣчивыхъ возгласовъ о трепетѣ Магомета, о сломаіи роговъ горделивой лунѣ и т. д., сводилось къ завоевательнымъ, а не къ освободительнымъ дѣламъ...

Добавимъ ко всему этому, что, въ ближайшее къ намъ время,

въ разныхъ специально-историческихъ изданіяхъ было напечатано множество документовъ и громадное количество частной переписки замѣчательныхъ нашихъ дѣателей, но во всей этой массѣ старинной нашей письменности намъ не приходилось встрѣчать сочувствія къ волнующему насъ нынѣ вопросу. Не свидѣтельствуетъ ли и это о равнодушіи и даже о безъизвѣстности его среди предшествовавшихъ намъ поколѣній; но, между тѣмъ, это едва ли могло бы быть удѣломъ вѣковой, истинно-исторической задачей?

Затѣмъ, послѣ всего сказаннаго нами, надобно прійти къ заключенію, что славянофилы наши являются, въ данномъ случаѣ, ревностными западниками былой поры; они оказываются двигателями идеи, не возникшей среди нихъ, не выработанной ими, но той, которую усвоили мы съ Запада. Старинныя же московскія преданія не передали намъ въ этомъ отношеніи никакого завѣта, но, напротивъ, оставили только воспоминанія о «братской любви и крѣпкой дружбѣ» съ религиозными и политическими угнетателями православнаго славянства...

Прошло слишкомъ двадцать лѣтъ со времени заключенія парижскаго мира, поколебавшаго прежнее значеніе Россіи на Востокаѣ. Въ теченіи этого времени совершились событія, придавшія политическому положенію Европы новую обстановку. Восточный же вопросъ остался, по прежнему, достояніемъ европейской дипломатіи; но Россія, выдѣливъ изъ него особый вопросъ о защитѣ христіанъ отъ угнетенія турокъ, ведетъ нынѣ опять борьбу съ Турціею. Обсужденіе этой борьбы не вошло еще въ область исторіи, и потому, дойдя до нея, мы прекращаемъ нашу историческій обзоръ участія Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига.

Е. Карновичъ.

КАКЪ Я ПРОЗРѢЛЪ.

(Изъ воспоминаній ex-адвоката).

I.

...Я торжествовалъ и мое торжество было совершенно законно. Я воображалъ себя не послѣдней спицей въ колесницѣ Сонногородскаго правосудія и имѣлъ на то самыя прочныя основанія. Слава обо мнѣ, какъ опытномъ и притомъ даже честномъ адвокатѣ, гремѣла по всѣмъ градамъ и весямъ Сонногородской губерніи. Клиенты осаждали меня толпами и даже иногда поздно ночью ломались во мнѣ въ двери, оскорбленные людскою неправдой. Синіе листы, большіе синіе листы съ неровными краями, испещренные словами «а буде ежели», «свято и нерушимо», узенькія полоски бумаги, являвшія, что тогда-то таковой то повинень таковому-то столько-то, наполняли ящики моего письменнаго стола, сверху совсѣмъ загроможденнаго бумагами. Я отводилъ, апеллировалъ, кассировалъ, защищалъ, обвинялъ, однимъ словомъ, совершалъ все, что требовалось отъ меня для водворенія счастья на землѣ... Мѣстные адвокаты злобствовали и скрежетали зубами, ибо къ нимъ не шелъ никто изъ жаждущихъ отыскать свое право, и я могъ наслаждаться всѣми выгодами положенія монополиста...

Торжество было полное, результаты моей дѣятельности очевидны, осязаемы. Я разливалъ благодѣянія кругомъ себя. Клиенты мои ликовали, проливали слезы умиленія и благодарили небо, ниспославшее имъ такого благодѣтеля. Благодарность ихъ ко мнѣ доходила до того, что (я навѣрное знаю это) одна вдова предпринимала путешествіе въ монастырь за 18 верстъ отъ города съ единственной цѣлью вынуть за мое здравіе просфору... Да одна ли она!

Почетъ и уваженіе окружали меня, возрастая съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и вознагражденіе, получае-

мое мной за веденіе дѣлъ, по таксѣ, для присяжныхъ повѣренныхъ установленной.

Въ свою очередь, я тоже ликовалъ, но вовсе не потому, что мои доходы увеличивались. Нѣтъ, я торжествовалъ, потому что былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, служа Сонногородскому правосудію, я служу правосудію вообще и всей своей дѣятельностью какъ нельзя болѣе способствую торжественному шествію впередъ той колесницы, на которой возсѣдаетъ слѣпая неунынная богиня со своими никого не обмѣривающими вѣсами и мечемъ, карающимъ только неправду.

Да, причина моего торжества заключалась вовсе не въ томъ, что я получалъ полную возможность обставить цвѣтами лѣстницы моей квартиры, заводить рикаковъ, бить зеркала и стекла въ трактирахъ, немедленно и щедро расплачиваясь за все это чистоганомъ. У меня нетолько не было такихъ артистическихъ наклонностей, но мнѣ становилось даже больно, когда въ публикѣ начало укореняться мнѣніе, что подобныя доблести составляютъ необходимую принадлежность хорошаго адвоката, что онѣ мѣрили адвокатскихъ способностей. Вслѣдствіе всего этого, меня сначала обѣгали. Наученные опытомъ Сонногородцы, вида, что я живу смиренно, недоумѣвали, какой я адвокатъ, и полагали, что я ничего не знаю. Но я все-таки продолжалъ вести спартанскій образъ жизни, считалъ себя обязаннымъ вести его для того, чтобы доказать, что можно быть хорошимъ адвокатомъ, не изломавши ни одного стакана въ трактирѣ — и доказать...

Я бился не изъ-за денегъ, у меня не было даже желанія скопить что нибудь и потомъ оставить адвокатуру. Напротивъ, я всю жизнь хотѣлъ быть адвокатомъ и вотъ почему. Несмотря на то, что я былъ адвокатъ, я все таки былъ вмѣстѣ съ тѣмъ идеалистъ. Я какъ-то умѣлъ сочетать и полученіе вознагражденія по таксѣ и идеальныя стремленія. Я торжествовалъ, потому что, по моему мнѣнію, я служилъ правдѣ и наглядно доказывалъ ту совѣмъ забытую истину, что адвокатъ и жуликъ вовсе ни синонимы. Дѣйствительно, жульничества въ моей дѣятельности не могли отыскать, несмотря на всѣ свои старанія, даже самые заклятые враги мои, Сонногородскіе адвокаты. Ни одинъ изъ нихъ нетолько не могъ сказать, чтобы я продалъ кого-либо изъ своихъ кліентовъ, но не смѣлъ даже заикнуться и о томъ, что бы я, воспользовавшись невѣденіемъ довѣрителя, получилъ лишній рубль сверхъ того, что мнѣ слѣдовало по таксѣ.

Я всей душой былъ преданъ правдѣ и стремился водворить ее на землѣ. Водворить же ее, по моему мнѣнію, было очень легко. Правда представлялась мнѣ не въ видѣ какихъ-нибудь

новоявленныхъ истинъ, для которыхъ надо было ломать старое и очищать такимъ образомъ мѣсто. Синіе листы, явленные у нотаріуса и записанные въ реестръ подъ такими-то №№, а также многоразличные, нигдѣ не явленные документы—скрижали, на которыхъ начертывалась правда. Осуществлять то, что было написано въ этихъ листахъ и разсчитываться за это по таксѣ—вотъ что было нужно для водворенія правды на землѣ. Я былъ такъ глубоко въ этомъ убѣжденъ, что не спалъ ночи, размышляя надъ синими листами; даже помышленіемъ я никогда не рѣшался нарушить таксу.

Въ чемъ состояла правда—было видно изъ синяго листа съ перваго взгляда. Надо было только осуществить. Трудность для этого представлялась только въ началѣ моей практики и заключалась въ томъ, что содержаніе синихъ листовъ было до нелѣзя разнообразно. Сегодня скрижаль гласила одно, завтра другое. Для того, чтобы осуществить, надо было доказать справедливость того и другого. Это было не легко, но только сначала. Потомъ трудность совершенно исчезла, и я дошелъ въ умѣніи доказывать до полной виртуозности. Часто въ одномъ и томъ же засѣданіи у меня оказывались два совершенно противорѣчивые листа. Я нисколько не унывалъ. Бралъ одинъ листъ и начиналъ восхвалять, напримѣръ, тѣхъ, кто, снимая съ вола шкуру, помнить, что больше одной драть не полагается. Рѣчь моя приводила всѣхъ въ восторгъ, залъ потрясали рукоплесканія, председатель звонилъ... Волненіе публики, вызванное моей рѣчью, затихало. Судъ изрекалъ, что я правъ. Переходили къ слушанію другого дѣла, Превжній листъ откладывался, я бралъ новый, начиналъ и... Я самъ себя дивился, но рѣчь была еще блистательнѣе. Тѣ, кто къ дѣламъ о сдираніи шкуръ, находили возможнымъ припутывать ариметику, втаптывались въ грязь. Необыкновенное знаніе, иронія такъ и блистали. Истина торжествовала. Стѣны суда грозили рухнуть отъ грома рукоплесканій, звонокъ председателя не помогать... приходилось очищать залъ.

Единственное препятствіе было побѣждено, и я сдѣлался настоящимъ насадителемъ правды. Дѣло пошло какъ по маслу. Стоило только взглянуть въ синій листъ, осуществить—и правда сіяла. Въ интересахъ послѣдней мудрствовать лукаво не полагалось, ибо тогда легко было вѣяться въ обстоятельства, къ дѣлу неотносящіяся. Синій листъ и больше ничего! Ни взадъ, ни впередъ смотрѣть было не нужно. Да и къ чему... Какое дѣло мнѣ было до того, какъ образовался этотъ листъ, что за человекъ мой клиентъ, и что онъ сдѣлаетъ съ той неустойкой, которую я взыщу ему. Все это ко мнѣ не относилось. Я долженъ былъ толь-

ко вникать, не касаясь обстоятельств посторонних и не смотря ни на какихъ лицъ.

Итакъ, я ежечасно, ежеминутно насаждалъ на землѣ правду, а мои кліенты благоденствовали и спали спокойно, поручивъ мнѣ свои дѣла.—«Этого, небось, за 100 руб не купишь! Нѣтъ, братъ, этотъ срока не проглядитъ!»—«Теперь ты о дѣлѣ не горюй. Все равно, что выиграно, коли онъ валеть!» Такие возгласы слышались обо мнѣ отовсюду.

Что мнѣ еще было нужно! Мнѣ, завидовали не одни адвокаты. О нихъ нечего и говорить, ибо совершенно понятно, до чего они бѣсновались, видя, какъ мои доходы возрастаютъ и возрастаютъ. Глядя на мою дѣятельность, умилялись всѣ, кто также какъ и я, обладали похвальной наклонностью послужить правдѣ. Я живо помню, какъ одинъ изъ этихъ людей рисовалъ то, что ждетъ меня впереди, и онъ не ошибался. Дѣйствительно, меня ждала слава на всю Сонногородскую Губернію, а, можетъ быть, и дальше, слава человѣка, который не пожалѣетъ живота для своихъ кліентовъ, слава человѣка, котораго нельзя купить, хотя бы противная сторона прибавила 2 красненькихъ сверхъ того, что слѣдовало отъ довѣрителя по таясь.

Упоенный торжествомъ, я думалъ всю жизнь трудиться на избранномъ поприщѣ, но вдругъ...

Какъ хорошо я помню этотъ день! Предо мной совершенно неожиданно предсталъ тотъ, кого я уже началъ забывать. Это былъ одинъ мой старый пріятель. (Мы учились съ нимъ вмѣстѣ, и тогда еще онъ казался мнѣ какимъ-то особеннымъ). Попалъ онъ въ Сонногородскъ проѣздомъ, просидѣлъ у меня нѣсколько часовъ, только нѣсколько часовъ, въ продолженіе которыхъ, пожалуй, ничего почти и не сказалъ, но мое торжество было омрачено. Отчасти я самъ былъ виновникомъ этого омраченія. Я не утерпѣлъ, и передъ нимъ, даже передъ нимъ, явилъ признаки своего ликования, начавъ распространяться о своихъ подвигахъ. Впрочемъ, думаю, и не начни я, онъ самъ бы узналъ, что я лую. Какъ теперь помню, я тогда былъ воплощенное ликование. Даже лицо у меня было какое то особенное. Оно такъ и сіяло.

Онъ молча слушалъ рассказъ о моихъ подвигахъ, но слушалъ такъ, какъ слушаютъ ребенка, который рассказываетъ объ игрушкахъ, только что подаренныхъ папой. На губахъ моего друга такъ и застыла улыбка, которою онъ ясно говорилъ, что ребенку тѣшиться ничѣмъ не возбраняется. Увлеченный своимъ ликованиемъ, я не вдругъ замѣтилъ такое отношеніе моего друга къ моему рассказу, но, признаюсь, какъ только мнѣ сталъ

ясенъ смыслъ его улыбки, я точно оцѣнилъ. Хотя тогда я уже давно практиковалъ, а потому долженъ былъ бы, кажется, привыкнуть ко всякому отношенію къ своимъ рѣчамъ, но тутъ я замолчалъ... Мой другъ всегда былъ для меня тѣмъ, чего не понимаешь какъ слѣдуетъ, надъ чѣмъ иногда (только, впрочемъ, за глаза) непрочъ и подтрунить, но чего, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то боишься.

Я сконфузился и замолчалъ, а онъ сидѣлъ и ждалъ, что вотъ-вотъ я опять начну. Мнѣ показалось даже, что онъ удивленно взглянулъ на меня, когда я замолчалъ.

Нѣсколько секундъ мы безмолвствовали.

— Торжествуешь? спросилъ онъ наконецъ, вида, что я молчу, и по прежнему улыбнулся.

— Самъ посуди! произнесъ я, но больше говорить уже не могъ. Я чувствовалъ, что глаза мои разбѣгаются и не смотрятъ прямо. Улыбка моего друга стѣснила меня.

— Я, братъ, давно разсудилъ, сказалъ онъ. — И тебѣ бы, кажется, разсудить-то не мѣшало.

— Ты, кажется, смѣшиваешь меня съ прочими адвокатами, но я, другъ, влизуами не занимаюсь...

Онъ какъ-то очень не хорошо захохоталъ и у меня опять прилилъ языкъ.

— А ты что же, добро дѣлаешь? спросилъ онъ.

— Я... конечно...

— И всегда знаешь, что добро дѣлаешь?

— Всегда.

— Гм, протянулъ онъ.—Приглядись.

— Не понимаю.

— Конечно, гдѣ понять, если не хочешь...

— Да къ чему приглядываться-то? недоумѣвалъ я.

— Къ чему? Ко всему. Къ людямъ, для которыхъ добро дѣлаешь, къ тому, что изъ этого добра выходитъ, ну, словомъ, ко всему... Если умъ и честь есть—увидишь.

Онъ замолчалъ. Я пробовалъ было, когда робость съ меня сошла, вступить съ нимъ въ трактатъ, но онъ не пожелалъ.

Только между нами всего и было. Я проводилъ его на желѣзную дорогу. Передъ отбѣздомъ онъ высунулся изъ окна вагона, протянулъ мнѣ руку и, улыбаясь такъ же, какъ во время разговора со мной, нѣсколько секундъ смотрѣлъ на меня.

Поѣздъ ушелъ. Я остался одинъ на платформѣ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я прицѣпилъ себѣ на фракъ бѣлый значекъ, я задумался.

Можетъ быть, въ томъ, что мой другъ такъ говорилъ со мной,

и была причина того, что я вдруг как-то перестал ликовать. Пусться онъ рассуждать, доказывать и т. д., кто знаетъ, можетъ быть, я бы по прежнему торжествовалъ. Вѣдь я былъ адвокатъ и, по всей вѣроятности, подыскалъ бы какія-нибудь возраженія... Но въ разсужденія онъ не пустился. Точно для него въ моей дѣятельности все было до того ясно, что и рассуждать объ этомъ не стоило. Это-то и сразило меня. — Пригладись! Да, это было ужасное слово, отъ котораго я не могъ отдѣлаться. Оно, да обидный презрительный смѣхъ перевернули во мнѣ все. Въ самомъ дѣлѣ, не только я былъ убѣжденъ, но и другіе убѣрили меня въ томъ, что я служу правдѣ, а онъ, мой другъ, захохоталъ и притомъ такъ, что во мнѣ явилось сомнѣніе... Да, чуть ли онъ не подозрѣваетъ меня въ томъ, что я сфальшивилъ, что все, передъ чѣмъ мы когда-то преклонялись, забыто... Онъ даже ни о чемъ почти не говорилъ со мной, несмотря на то, что я нѣсколько разъ старался начать разговоръ... Онъ только смотрѣлъ на меня, да улыбался...

Надо было идти домой писать какую-то жалобу, а я, вмѣсто того, пошелъ бродить около вокзала.

Отъ сонногородской желѣзной дороги вела вѣтвь къ пристани. Работа кипѣла. Грязные, оборванные, съ испитыми лицами работники стояли по колѣно въ вязкой, жидкой грязи и рыли землю. Тачки, наваленныя землей, сновали повсюду. Надсмотрщики, съ пальцами въ рукахъ, кричали на рабочихъ, укоряя ихъ въ лѣнности.

Недалеко, въ сторонѣ отъ работъ, виднѣлись какія-то конуры, вырытыя въ землѣ и покрытыя досками, на которыхъ кое-какъ была набросана земля. Я подошелъ ближе и долженъ былъ тотчасъ же зажать носъ. Непреодолимый смрадъ и вонь неслись изъ этихъ конуръ. Внутри ихъ грязь, плѣсень. На земляномъ полу, подъ нарами, стояли лужи. Дождь, очевидно, протекалъ черезъ крышу. Въ одной конурѣ двое рабочихъ лежали на нарахъ и по временамъ громко стонали. Ихъ трясла лихорадка.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работы уже кончились и землекопы приготовлялись ужинать. Въ огромномъ, до нельзя грязномъ котлѣ, вмazanномъ въ печку, кипѣла какая-то бурда. Рабочіе черпали изъ котла и разносили бурду по конурамъ, въ грязныхъ деревянныхъ посудинахъ. Своимъ отвратительнымъ мутнымъ цвѣтомъ, жидкая бурда напоминала помои, и единственно чѣмъ отличалась отъ нихъ — это сѣрыми червями, въ изобиліи плававшими по ея поверхности. Сходство бурды съ помоями еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что ее разливали въ такія грязныя посудины, что невозможно, кажется, было и думать о томъ,

что она предназначается въ сѣдѣ. Посудины, какъ видно, никогда не мылись и пристававшая къ нимъ ежедневно бурда, засыхая слоями, образовала грязную толстую оболочку.

Вмѣстѣ съ бурдой разносился хлѣбъ, но, впрочемъ, это былъ на столько же хлѣбъ, насколько бурда походила на кашу. Онъ заплѣсневѣлъ, позеленѣлъ и былъ ужасно твердъ.

— Ахъ, мошенники, подумалъ я:—что надъ народомъ дѣлаютъ! Мнѣ захотѣлось узнать имя строителя [этого участка, но только что я собирался подойти съ этою цѣлью къ кучкѣ рабочихъ, какъ сзади меня раздавался знакомый голосъ.

Мой клиентъ Кузницынъ привѣтствовалъ меня.

— Посмотрѣть? освѣдомился онъ. — Дѣло хорошее, полюбуйтесь.

Оказалось, что заправлялъ этими работами никто иной, какъ тотъ же Кузницынъ.

— Мое, мое дѣло, докладывалъ онъ, весело ухмыляясь. — Вѣдь я ужъ давно по этой части... Только прежде отъ другихъ работалъ. А вотъ какъ вы мнѣ выскали съ Пантелеева деньги, повелъ отъ себя... Вамъ говорю спасибо.

Я молчалъ.

— Съ народомъ ничего не подѣлаешь, сѣтовалъ Кузницынъ. — Народъ избалованъ. Такой сталъ мошенникъ народъ, что не приведи Богъ. Видите, сколько ихъ у меня осталось (онъ указалъ на работниковъ), а нанялъ больше трехсотъ... Третьей части теперь нѣтъ, разбѣжались, а работа спѣшная. Непремѣнно думаю къ мировому, надо показать примѣръ.

Я полюбуйствоваться, отчего землекопы разбѣжались.

— Такъ, ни отъ чего, развелъ руками Кузницынъ.—Просто, народъ мошенникъ. Работой, говорятъ, морю, пищей не довольны... А что дома ѣдать, вы бы посморѣли... Работой морю!.. Посудите сами, ну, стану я имъ за то деньги платить, чтобы они на боку лежали.

Подоселъ надсмотрщикъ. Кузницынъ поговорилъ съ нимъ о чемъ-то и потомъ опять обратился ко мнѣ.

— Мироваго не миновать... Прочить ихъ, разбойниковъ, надо хорошенъко. Ужъ я ни къ кому, какъ къ вамъ съ этимъ дѣломъ. У меня контракты; вытребовать ихъ изъ жительства и заставить работать.

Онъ еще нѣсколько времени поговорилъ и потомъ ушелъ куда-то. Я отправился по направленію къ городу. Бурда, которой угощали рабочихъ, не выходила у меня изъ головы.

Послѣ мнѣ еще многое пришлось узнать о подвигахъ Кузницына. Рабочимъ денегъ онъ не платилъ почти вовсе, или обсчи-

*

тывалъ ихъ самымъ невѣроятнымъ образомъ. Около его конторы сидѣли цѣлыя толпы народа, дожидаясь расчета и всячески ругая моего клиента. Но этому народу приходилось дожидаться долго, а иногда и вовсе ничего не дожидаться. По сотнямъ Кузницкихъ назанималъ въ Сонногородскѣ огромныя суммы и потому, кончивъ кое-какъ работы, тайкомъ скрылся куда-то.

А я-то какъ для него старался! Мнѣ казалось, что его такъ обижаетъ Пантелеевъ. Кузницкихъ былъ тогда, положимъ, правъ, но что же, въ концѣ-концовъ, вышло изъ моихъ стараній?..

Сильно стемнѣло. При въѣздѣ въ городъ, у кабаковъ горѣли фонари. На улицѣ было тихо, пусто, темно. Гдѣ-то изрѣдка лаяла собака, да издали доносились протяжные звуки гармоніи. Кто-то, подъ аккомпаниментъ ея, необыкновенно сильно пуская въ носъ и страшно поверкая слова, докладывавалъ, что

Въ Петербургѣ родилась,
Въ Новгородѣ росла,
Во Москву переселилась,
А, мнѣ кажется, турьма.

Я подходилъ къ кабаку, который мнѣ былъ обязанъ своимъ существованіемъ. Хозяину его, Карнаузову, грозило очень неприятное возмездіе за нѣкоторыя его дѣла, но я, тронувъ мольбами кабатчика, приложилъ все свое стараніе. Карнаузовъ былъ спасенъ, и послѣ этого такъ ревностно занялся своимъ дѣломъ, что воздвигъ еще два новыхъ заведенія.

Я поровнялся съ кабакомъ. Въ этотъ самый моментъ дверь его распахнулась такъ быстро, что ударилась о что-то. Стекла зазвенѣли и посыпались на крылечко. Въ дверяхъ на мгновеніе показались двѣ фигуры, между которыми шло единоборство. То сей, то онъ на бокъ гнулся... но вотъ одна фигура вдругъ отдѣлилась отъ другой, шукой скатилась съ крылечка и грохнулась на землю. Судя по полету, фигурѣ этой должно быть дали здороваго тумака въ шею.

— Караулъ, караулъ! пронеслось въ воздухѣ.

Но побѣдитель, оставшійся на крылечкѣ заведенія, не обратилъ особеннаго вниманія на крики своего врага и съ бранью принялся разсматривать поврежденіе, причиненное двери. При свѣтѣ фонаря, висѣвшаго у кабака, мнѣ легко было признать въ побѣдителя своего клиента, Карнаухова.

— Я къ мировому пойду, грозилъ вытоленутый, оправившись отъ пораженія.— Лучше добромъ отдай.

— Проваливай, отвѣтилъ Карнауховъ.

Вслѣдъ затѣмъ, онъ ушелъ въ кабакъ. Другой человекъ остался передъ крыльцемъ и, очевидно, придумывавалъ, что ему надо предпринять.

Черезъ нѣсколько домовъ, за воротами стояли два обывателя. Когда я поровнялся съ ними, громкое «караулъ!» опять разда-лось сзади меня. Около кабака, значитъ, дѣло не кончилось.

— Все тамъ кричать, разсуждалъ одинъ обыватель. — Такое у этого Карнаухова озорство каждый день, что не приведи Богъ. Вчера десять рублей у одного вытащили; охибѣлъ — и вытащи-ли; а самого на улицу.

— Поди, самъ сидѣлецъ, догадывался другой.

— Кромѣ его никому. Одно слово, дневной грабежъ... Того и гляди, убьютъ кого-нибудь.

— Какъ онъ не боится!

— Что ему бояться! Ужъ разъ судился, правъ вышелъ. Ему все ни по чѣмъ... Найму, говорить, адвоката...

Мнѣ вдругъ стало страшно неловко: я почему-то вообразилъ, что мѣщанинъ скажетъ, какого именно адвоката найметъ Карнауковъ. Я зашагалъ скорѣе.

Вотъ я въ самомъ центрѣ города. Тоже тихо. Изрѣдка кое-гдѣ горятъ необыкновенно тусклые фонари. Народа на улицахъ нѣтъ, только извозчики стоятъ на перекресткахъ. Въ обывательскихъ домахъ, по большей части, темно... Освѣщенные окна клуба привлекли мое вниманіе. Домой все еще не хотѣлось, скучно... зайти развѣ? Черезъ нѣсколько секундъ, я уже былъ въ залѣ, установленномъ зелеными столами. Сонногородцы отдыхали за картами отъ дневныхъ трудовъ и весело привѣтствовали меня. Я былъ рѣдкій гость въ клубѣ.

Мой клиентъ, Налетовъ, оказался тутъ же и тоже съ радостью встрѣтилъ меня. Впрочемъ, онъ всегда былъ радъ меня видѣть. Онъ былъ такъ благодаренъ мнѣ за то, что я помогъ ему получить наследство, на которое онъ уже махнулъ рукой, потому что получить его было трудно. А получить наследственные имѣ-нія не мѣшало. Собственные, конечно, тоже не благопріобрѣтен-ныхъ, не удерживались въ рукахъ и понемногу переходили къ тѣмъ, кого предки Налетова, вѣроятно, не разъ чистили по зу-бамъ. Получивъ наследство, Налетовъ могъ продолжать прежній образъ жизни, т. е. отходить отъ карточного стола только для того, чтобы отправиться въ театръ, или на пикникъ съ ак-трисами.

Налетовъ схватилъ меня подъ руку, и мы пошли по заламъ. Всегда беззаботный, веселый, на этотъ разъ онъ былъ что-то очень задумчивъ. Оказалось, что подписка на подарокъ актри-сѣ Зарнициной шла не совсѣмъ успѣшно. Это не могло не пе-чальить Налетова, который хотѣлъ устроить овацію Зарнициной въ пику одному важному сонногородцу, поднесшему подарокъ

другой актрисѣ, Ланитиной. Заринкина и Ланитина разодрали Сонногородскъ на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая хотѣла превзойти другую.

Налетовъ вынулъ изъ кармана листъ и предложилъ мнѣ его для подписки, но я отказался.

— Ну, вамъ простиительно, вы не ходите въ театръ, а другіе... посмотрите!

При этомъ онъ съ негодованіемъ ткнулъ въ листъ. Подписано было, по мнѣнію Налетова, не много. Только одинъ онъ выдѣлялся своей щедростью.

— Обойдемся и такъ, замѣтилъ онъ многозначительно и спрятавъ листъ.

Спустя немного, мы сѣдѣли на диванчикѣ. Съ нами былъ еще удивительно добродушный съ виду старичекъ Перфильевъ. Съ нимъ познакомилъ меня тутъ же въ клубѣ Налетовъ. Перфильевъ, по его собственнымъ словамъ, сгоралъ желаніемъ познакомиться съ мной, ибо отъ всѣхъ слышалъ о моихъ подвигахъ и, какъ оказалось, испыталъ мои доблести даже на своей шкурѣ.

— Какъ же! давно имѣю удовольствіе слышать о васъ, объяснялъ Перфильевъ, привѣтливо глядя на меня.—Даже, можно сказать, знаю васъ.

И онъ, при послѣднихъ словахъ, мотнулъ головой. Я освѣдомился, какъ онъ меня знаетъ.

— А по дѣлу-то Обиралова, воскликнулъ старичекъ.—Помните, вѣдь съ меня вы тогда взыскали!..

Я припомнилъ, что, дѣйствительно, такое дѣло у меня было.

— Съ меня, съ меня, заговорилъ опять Перфильевъ.—Обидѣли только вы меня тогда, вдругъ прибавилъ онъ, перемѣнивъ тонъ и какъ-то склоняя на бокъ свою голову.

Я высказалъ удивленіе.

— Васъ я не виню, вы тутъ не при чемъ, успокоивалъ меня старичекъ.—Вексель-то былъ вѣдь вдвойнѣ написанъ, прибавилъ онъ тише.—Взялъ я у Обиралова всего тысячу, а написали двѣ. Понадѣялся я на него, а онъ всё взыскалъ, да еще съ процентами.

Налетовъ заступился за меня.

— Николай Павловичъ почему же это знаетъ? сказалъ онъ.

— Конечно, живо согласился Перфильевъ.—Они почему знаютъ! Имъ принесли вексель, написано двѣ тысячи. Ихъ дѣло только взыскать.

— А, однако, каналья этотъ Обираловъ, замѣтилъ Налетовъ.

— Такой подлець, что не приведи Богъ, загорячился Перфильевъ.— Мерзавецъ! Отца роднаго продасть.

— На него не вы одни жалуетесь.

— То же вотъ, что со мной, и съ Григорьевымъ сдѣлалъ. Вы же разыскивали, обратился ко мнѣ старичекъ.— Помните, полторы тысячи?

Я принужденъ былъ молча выслушивать очень неелестные отзывы о моемъ клиентѣ, при чемъ оказывалось, что во всѣхъ его дѣлахъ я непремѣнно участвовалъ въ качествѣ адвоката. Но за это меня не только не обвиняли, а изъ словъ Перфильева было видно, что меня уважаютъ какъ нельзя больше.

— Вы вѣдь этого не знаете, дѣлъ-то Обиралова, объяснялъ старичекъ.— Такъ васъ уважаютъ, такъ вами всѣми дорожатъ... Дай Богъ намъ такихъ людей, какъ вы, побольше.

И онъ до того умиллся при этомъ, что грасъ мою руку.

Подошелъ землевладѣлецъ Свистулькинь.

— О чемъ, господа, бесѣдуете? освѣдомился онъ.

— А вотъ объ Обираловѣ разговаривали, объ его мошенническихъ, объяснилъ Перфильевъ.

— Грабитель! немедленно согласился и Свистулькинь.

— Ему бы только на большую дорогу. На себѣ испыталъ, загорячился Перфильевъ.

Свистулькинь даже вздохнулъ.

— Да развѣ вы одни на него жалуетесь, сказалъ онъ опускаясь на диванъ.— Недавно, вотъ онъ старуху Канюкину обдѣлалъ. Заплатила она ему, при мнѣ заплатила, а вексель, по своей глупости, не взяла. Снова разыскалъ.

Я вдругъ сталъ бояться, чтобы Свистулькинь не сталъ припоминать, кто былъ адвокатомъ Обиралова по дѣлу его съ Канюкиной, но припоминать это Свистулькинь не сталъ, и я успокоился. Однако, на голову моего клиента снова посыпались всякія обвиненія. Всѣ негодовали на его подлости. Негодование было неожиданно прервано появленіемъ самого Обиралова, который, незамѣтно подеравшись сзади, схватилъ вставшаго съ дивана Свистулькина за руки.

Всѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, Перфильева, точно обрадовались появленію Обиралова, и начали трясти его руку. Перфильевъ раскланялся довольно холодно, но все таки раскланялся.

Черезъ нѣсколько секундъ, Свистулькинь уже стоялъ съ Обираловымъ у буфета и, отминая самую малую часть своего мезинца, торжественно объявлялъ, что даже на такую величину Обираловъ не долженъ вѣрить какому-то Порхачеву, потому что съ такими людьми, какъ Порхачевъ, дѣлъ имѣть нельзя.

— Развѣ сыграемъ на билліардѣ партійку? пригласилъ Сви-
стувлькинъ своего собесѣдника послѣ того, какъ Порхачевъ былъ
ошельманованъ. Обираловъ согласился. Свистувлькинъ выпилъ
рюмку водки и, необыкновенно дружелюбно обхвативъ станъ
Обиралова, удалился съ нимъ въ билліардную.

Перфильевъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— И самъ-то не лучше Обиралова, кивнулъ онъ головой по
направленію удалявшемуся Свистувлькину.— Ахъ, люди, люди!

Налетовъ, молча сидѣвшій на диванчикѣ и задумчиво гла-
дившій себѣ колѣно, вдругъ почему-то предложилъ выпить
шампанскаго; но и на отрѣзъ отказался. Какъ Налетовъ ни
упрашивалъ, я все-таки не согласился.

Подожелъ еще какой-то сонногородецъ и у Налетова под-
нялся съ нимъ ужасно жаркій разговоръ о подпискѣ на пода-
рокъ Зарничиной. Они нѣсколько времени перебирали разныя
фамиліи и высчитывали по пальцамъ членовъ своей партіи. По-
томъ оба побѣжали, должно быть, агитировать.

Я остался съ Перфильевымъ.

— Хорошій человекъ Павелъ Николаевичъ, началъ онъ на
этотъ разъ о Налетовѣ.— Только не хозяинъ. Не надолго ему
хватить того имѣнія, что вы отыскали.

Я ничего не сказалъ.

— Помилуйте, продолжалъ Перфильевъ какъ-то таинственно,
взявши меня за пуговицу сюртука.— Вчера больше двухъ ты-
сячъ здѣсь проигралъ. Нехорошо, очень плохо.

— Неужели двѣ тысячи?

— Двѣ. Я одинъ взялъ съ него семьсотъ. Другіе, пожалуй,
по столько же... Очень горячится. Опять эти подписки, подарки;
вѣдь постоянно почти что онъ одинъ отдувается... Ужъ глѣску-
то въ новомъ имѣніи немного осталось и въ карманѣ ничего.

Вернулся я домой поздно, но заснуть долго не могъ... Въ
конечномъ результатѣ моей дѣятельности фигурировали передо
мною Карнауовъ, нагоняющій страху на весь околонецъ, Оби-
раловъ, дерущій по нѣсколько шкуръ съ cadaго и притомъ
непремѣнно при помощи моей, Кузницынъ, душегубствующій,
надъ землекопами и строящій такую дорогу, по которой, мо-
жетъ быть, мнѣ же придется сломать голову и прекратить до-
блестное служеніе правдѣ...

Наконецъ, я заснулъ, но и во снѣ мнѣ лезла въ голову вся-
кая пакость. Мнѣ снилось, будто Карнауовъ вознамѣрился
открыть домъ терпимости — и открылъ. Предпріятіе это было
задумано въ обширныхъ размѣрахъ и при немъ былъ особый,
юрисконсультъ. На это мѣсто попалъ я, хотя всѣ сонногород-

скіе адвокаты всѣми мѣрами хотѣли отбить его у меня. На моей обязанности лежало не только обязанность защищать Карнаухова и его клеветовъ отъ обвиненій въ очищеніи кармановъ пьяныхъ посѣтителей, но и разныя заботы о присканіи средствъ къ процвѣтанію заведенія. Благодаря моей ревности, заведеніе дѣйствительно цвѣло... Я не корыстовался ни одной копѣйкой антрепренера и получалъ вознагражденія за труды, строго примѣняясь къ таксѣ, хотя могъ бы взять больше. Вслѣдствіе этого, почетъ и уваженіе окружали меня. Мнѣ снилось, что даже не разъ я былъ предметомъ овацій...

II.

Я нѣсколько дней не могъ успокоиться.

Сонногородцы даже не дерзали сравнивать меня съ другими мѣстными адвокатами. Во-первыхъ, я былъ человѣкъ съ твердыми убѣжденіями и притомъ самаго крайняго направленія. Последнее заключеніе сонногородцы дѣлали изъ того, что я не игралъ въ клубѣ, не держу рысаковъ и изъ другихъ столь же непрочныхъ данныхъ. Потому я былъ насадитель правды, а остальные адвокаты... О, они о правдѣ никогда не думали, будучи исключительно заняты мыслью о вознагражденіи. Однимъ словомъ, я на столько отличался въ глазахъ сонногородцевъ отъ своихъ сотоварищей, что одна барыня, въ разговорѣ со мной, закатывала глаза и томно восклицала: «Ахъ, вы не отъ міра сего!» Другіе же обыватели называли меня идеалистомъ, причемъ я сильно подозреваю, что слово идеалистъ должно было служить вѣроломнымъ выраженіемъ другого понятія. Превознося меня за мою приверженность къ таксѣ, для присяжныхъ повѣренныхъ установленной, сонногородцы изъ этого выводили, что въ головѣ у меня чего-нибудь да недостаетъ.

Я самъ глубоко вѣрилъ въ то, что сонногородскимъ адвокатамъ до меня, какъ до звѣзды небесной далеко, и что различіе это состоитъ въ томъ, что я служу правдѣ, а они...

Теперь я думалъ иначе... Ну какая разница между мной и хотя бы адвокатомъ изъ военныхъ писарей, Птичкинымъ? Прежде всего, мы различались тѣмъ, что я строго придерживался таксы, Птичкинъ же всегда наговаривалъ ее нарушить. Устроивши какое-нибудь дѣльце, Обираловъ, если онъ имѣлъ меня своимъ помощникомъ и покровителемъ, уносилъ всѣ содранныя шкуры къ себѣ, а мнѣ выдѣлялъ лишь какой-нибудь небольшой клочъ. Отъ Птичкина же нельзя было такъ дешево отдѣлаться и Обираловъ

долженъ былъ съ бранью выдѣлять своему помощнику, по крайней мѣрѣ, одну цѣлую шкуру. Въ этомъ было между мной и Птичкинымъ различіе, но различіе это, какъ мнѣ казалось, имѣло существенное значеніе развѣ для Обиралова. А существенное сходство у меня съ Птичкинымъ было и состояло въ томъ, что оба мы насаждали одну и ту же правду, т. е. начертанную на синихъ листахъ, и стояли за однихъ и тѣхъ же: Кузницина, Обиралова, которые процвѣтали, благодаря намъ. Впрочемъ, кому они были больше обязаны своимъ процвѣтаніемъ, мнѣ или Птичкину? Думаю, скорѣе всего мнѣ, потому что Птичкинъ не только, какъ уже сказано, не хотѣлъ довольствоваться клокомъ изъ добычи въ вознагражденіе за свое содѣйствіе, но въ своихъ стремленіяхъ нарушить таксу доходилъ иногда до того, что всѣ шкуры оставлялъ у себя, а Обиралову выдавалъ только клокъ. У меня этого никогда не случалось и за это, какъ я понялъ, Кузницинъ и Обираловъ уважали меня. Положимъ, ужаливая у Обиралова его добычу, Птичкинъ вовсе не имѣлъ въ виду посредствомъ ея облагодѣтельствовать родъ человѣчскій, а наоборотъ, о томъ только и мечталъ, какъ бы ему заступить мѣсто своего кліента... Но, во-первыхъ, когда бы еще это было, а во-вторыхъ, какъ бы еще сѣмъ Птичкинъ идти по слѣдамъ Обиралова? Настоящимъ своимъ процвѣтаніемъ Обираловъ и *tutti quanti*—это не подлежало никакому сомнѣнію—были обязаны мнѣ.

Однимъ словомъ, бились мы за одно. Но вотъ опять разница. Птичкинъ, послѣ засѣданія, сидя въ трактирѣ съ Обираловымъ, съ завистью глядѣлъ на его золотую съ брилліантами цѣпочку и дорогіе перстни. Въ это время онъ предавался размышленіямъ о томъ (только о томъ), скоро ли онъ наживетъ капиталъ и будетъ въ состояніи пойти по слѣдамъ Обиралова.

Я же не только не мечталъ объ этомъ, но, выйдя изъ суда, часто сейчасъ же вступалъ въ слѣдующій разговоръ съ какимъ-нибудь пріятелемъ.

— Усталъ, говорилъ я, потягиваясь.

— Все по дѣламъ? замѣчалъ пріятель.

— Да. Обиралову взыскивалъ по векселямъ.

На нѣсколько секундъ замолчали.

— А, однако, мошенникъ этотъ Обираловъ, говорилъ задумчиво мой пріятель.—Съ нищаго суму сниметъ. Обѣдалъ я у него въ воскресенье. Посмотрите, какое серебро. Навѣрное, кого-нибудь ограбилъ.

— Хвалить нечего, соглашался я, и черезъ нѣсколько вре-

меня прибавлялъ.—Да, еслибы всѣ люди походили сколько-нибудь на Обиралова—бѣда!

Я это говорилъ, а въ тоже время думалъ, какъ бы поскорѣе получить исполнительный листъ и взыскать Обиралову все сполна. При этомъ я отлично зналъ, что, какъ только Обираловъ получитъ взысканныя мною деньги, онъ тотчасъ же пуститъ ихъ въ оборотъ и, при помощи ихъ, совершитъ нѣсколько самыхъ отчаянныхъ грабежей...

Выходило, что у меня было убѣжденіе, стремленіе, но... Убѣжденія были сами по себѣ, а адвокатскія дѣла сами по себѣ. Убѣжденіями я руководствовался во всемъ прочемъ; для руководства же въ адвокатскихъ дѣлахъ у меня было нѣчто другое, именно синій листъ и безчисленное множество юридическихъ положеній. Эти положенія такъ и кишѣли во мнѣ. Они и синій листъ такъ хорошо замѣняли мнѣ въ адвокатскихъ дѣлахъ убѣжденія, что въ послѣднихъ не только никакой надобности не чувствовалось, но потому, какъ оказалось, убѣжденія могли и должны были совершенно повредить... Вести дѣла Обиралова, Кузницына и прочихъ стало невозможно.

Итакъ, человѣкъ и адвокатъ 'во мнѣ были совершенно отдѣлены другъ отъ друга. Вслѣдствіе этого, человѣкъ говорилъ объ известномъ фактѣ: «хорошо, дурно, честно, безчестно!» Адвокатъ такихъ словъ не употреблялъ. У него они замѣнялись другимъ: законно, незаконно, воспрещается, дозволяется... Этого раньше я не замѣчалъ...

Безпокойство мое понятно. Иллюзіи мои разлетѣлись. Я думалъ, что правда въ синемъ листѣ, и что для благодѣтельности рода человѣческаго надо только осуществить то, что въ этомъ листѣ начертано. Увы! Кузницынъ и Обираловъ были рѣшительно всегда правы по своимъ листамъ, а, въ концѣ концовъ, все-таки получался разбой, душегубство.

Туманъ, который я нанустилъ себѣ въ глаза, разсѣялся. Синій листъ былъ разорванъ, юридическія руководства разшвыряны въ разныя стороны. То, что они закрывали отъ меня, стало видно. Правда, водворяемая мной на землѣ, не только не благоухала, но издавала очень скверный запахъ. Я бы могъ это видѣть давно, но я ничего не видалъ, потому что занимался ликованіемъ.

Что дѣлать?.. Бросить все. Эта мысль стала приходить мнѣ въ голову, но...

Меня посѣтилъ одинъ мой пріятель, коренной сонногородецъ а, слѣдовательно, великій любитель золотой середины и просто гений по части сочиненій старыхъ погудокъ на новый ладъ.

Я до того истомился за это время, что чуть не захворалъ. Эти томленія отразились на веселомъ до сихъ поръ лицѣ моемъ и не могли укрыться отъ вниманія моего пріятеля.

— Что это вы такой скучный? спросилъ онъ.— Или нездоровы?

Я отвѣтилъ, что здоровье мое—ничего.

— Ну, такъ о чемъ же скучать, продолжалъ сонногородецъ:— особенно вамъ-то. Дѣла, слава Богу, есть. Всѣхъ адъиниыхъ Жидь-Фавровъ въ уголь загнали. А что, шутиливо обратился онъ вдругъ ко мнѣ:— чай деньжонокъ-то у насъ малюху толлику сконили?.. Признайтесь, сконили вѣдь?

Онъ даже игриво дотронулся до моего колѣна; но мнѣ было не до шутокъ. Онъ замѣтилъ это.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ?

Мнѣ было до того не по себѣ, что я забылъ о томъ, что со мной бесѣдуетъ сонногородецъ, и съ одного маха выложилъ передъ нимъ обуревавшія меня сомнѣнія. Онъ точно онѣмѣлъ и нѣсколько времени удивленно смотрѣлъ на меня. Потомъ вдругъ захохоталъ.

— Да что это на васъ нашло! сказалъ онъ нахохотавшись.

— Нѣтъ, вы мнѣ отвѣтите, присталъ я къ нему еще болѣе серьезно. Его хотѣть показался мнѣ даже неприличнымъ.

Онъ продолжалъ удивляться.

— Да неужели вы не шута?

Но видно мое лицо сказало ему, что я дѣйствительно не шу-чу и онъ не сталъ даже дожидаться моего отвѣта.

— Нѣтъ, вы въ самомъ дѣлѣ нездоровы, заговорилъ онъ, пристально нѣсколько разъ взглянувъ на меня.— Какая разница между вами и Птичкинымъ! Полноте, батюшка! Вы настоящій адвокатъ, какихъ дай намъ Богъ побольше, а онъ, Птичинъ-то, что такое?.. Жуликъ.

— Однако, правду-то мы одну насаждаемъ, чуть не вскричалъ я.

Меня сердило легкое отношеніе моего собесѣдника къ занимавшему меня вопросу и я, окончательно разгорячившись, разсказалъ, какіе результаты моего служенія правдѣ я видѣлъ, и о какихъ слышалъ отъ Перфильева и Свистулькина.

Сонногородецъ даже руками развелъ.

— Да развѣ вы въ этомъ виноваты? въ свою очередь чуть не закричалъ онъ.— Развѣ вы вытаскиваете по десяти рублей изъ чужихъ кармановъ?.. Ахъ, Боже мой! да полноте, пожалуста.

— Однако, я же взыскалъ деньги Кузницыну, я же отстоялъ кабакъ...

Пріятель не далъ мнѣ кончить.

— Подумайте, о чемъ вы говорите, остановилъ онъ меня.

Онъ не продолжалъ далѣе, смотря на меня и какъ бы давая мнѣ время одуматься. Но я не одумывался и мой пріятель опять принялся меня отчитывать.

— Ну, не взыщи вы, такъ бы Кузницынъ и Карнауховъ безъ денегъ и сдѣли?... Не взыщите вы, взыскалъ бы другой...

Но этотъ аргументъ не убѣдилъ меня. Не я, такъ другой. Давѣдъ на этомъ основаніи и въ палачи достигнуть можно. Все равно, не я, такъ другой. А, можетъ быть, я то еще помилюстивше другого буду. Эта мысль мелькнула у меня въ головѣ и я тотчасъ же выложилъ ее передъ пріятелемъ.

Онъ даже какъ будто обидѣлся.

— Экъ, куда вы хватили, произнесъ онъ недовольнымъ тономъ.— Впрочемъ, вы часто доходите до крайностей.

Нѣсколько времени мы молчали.

— Ну, хорошо, началъ опять мой пріятель.— Обираловъ и Карнауховъ мерзавцы... Я ихъ защищать не стану. А что же, позвольте узнать, ужъ кромѣ ихъ и людей нѣтъ на свѣтѣ? Развѣ хорошіе люди въ адвокатахъ не нуждаются?

Я ничего не возразилъ и мой пріятель распространился.

— По вашему выходитъ, что все надо бросить и притомъ только потому, что есть Карнауховы и Обираловы. А кто же честныя-то дѣла вести будетъ?... Сдѣлайте одолженіе, бросьте, все бросьте. Наши адвокаты будутъ этому какъ нельзя болѣе рады.

Онъ долго не переставалъ. Изъ его словъ выходило, что я и такъ уже принесъ громадную пользу. Тамъ не далъ взыскать съ бѣднаго, тамъ кого-то освободилъ отъ тюрьмы и такъ далѣе. Мой пріятель договорился до того, что кинуть адвокатуру такому человѣку, какъ я, все равно, что совершить преступленіе.

— Да-съ, вы оставите свой постъ. Вы злу служили?... А помните, какъ-то я видѣлъ у васъ двухъ мужиковъ, по два съ полтиной вы имъ взыскали?... а?... это тоже на душегубство похоже?

Онъ даже умиллся. Возражать мнѣ было нечего. Умиленіе, вызванное по поводу двухъ съ полтиной, было на столько сильно, что подѣйствовало и на меня. Я значительно успокоился. «А въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ правъ, думалось мнѣ. Трогательная картина полученія мужиками двухъ съ полтиной такъ и носилась передо мной, закрывая собою и Кузницына, и Обиралова и Карнаухова... А пріятель, какъ будто угадывая мои мысли, продолжалъ наигрывать на той же стрункѣ.

— Нѣтъ, вы напрасно на себя клеветаете. Вы только темныя стороны въ своей дѣятельности желаете видѣть, на свѣтлыя же стороны не обращаете никакого вниманія. Ну, скажите, еслибы не вы, развѣ кто-нибудь постарался бы объ этихъ мужичкахъ?

А вы говорите, адвокатуру надо бросить. Кто же честныя-то дѣла вести будетъ? Честныя дѣла есть, какъ хрусталь чистыя.

Разговоръ нашъ нѣсколько времени продолжался все въ этомъ же духѣ. Я расстался съ своимъ пріятелемъ значительно успокоенный, утѣшенный: онъ просто сблизъ меня съ толку этими двумя съ полтиной. Кто будетъ заботиться объ этикъ дѣлахъ?.. Я!!!

Какъ я ни размышлялъ, выходило, что честныя дѣла есть и что плевать на все поэтому нельзя. Передо мной носились несчастные два съ полтиной, которые мнѣ никакъ не хотѣлось отдавать на расхищеніе сонногородскимъ адвокатамъ... Конечно, еслибы я хотя сколько-нибудь рассудилъ, то сейчасъ бы увидаль, что въ дѣлахъ правду отъ неправды отличить мудрено, а поручиться, что изъ самой чистой, повидному, правды черезъ часъ не получится душегубства и того еще мудренѣе. Мнѣ бы стоило вспомнить дѣло хотъ Анкудинова. Кажется, на что оно было чисто. Кулакъ-купецъ не отдавалъ ему, Анкудинову, кровныхъ денегъ. Я выскалъ и что же!.. Какъ только деньги были получены, Анкудиновъ тотчасъ же открылъ въ своей деревнѣ кабакъ и теперь такъ сѣлъ на шею своимъ землякамъ, что они режутъ отъ него гораздо сильнѣе, чѣмъ отъ прежняго своего помѣщика Продуева. Да и одно ли анкудиновское дѣло имѣло такой финаль?

Впослѣдствіи, когда я одумался, я обо всемъ этомъ вновь имѣлъ рассужденіе съ тѣмъ же сонногородцемъ, и сонногородецъ уже не образумилъ меня, хотя всѣ вопросы онъ, по прежнему, разрѣшилъ очень просто.

— Правды-то не узнать! восклицалъ онъ.—Что вы! Правду всегда узнать можно.

— Однако, какъ же?

— По дѣлу сейчасъ видно.

Я указалъ ему на Анкудинова, но онъ надъ этимъ возраженіемъ только засмѣялся и понесъ прежнее, т. е. началъ доказывать, что за послѣдствія я не отвѣчаю.

— Хорошимъ людямъ надо помогать и все хорошо будетъ, заключилъ онъ.

— Да я почему знаю, что онъ человекъ хорошій, когда я его въ первый разъ вижу?

— Старайтесь узнать... Ну, иногда ошибетесь—безъ этого нельзя. Вонъ и ножевщикъ ножи дѣлаетъ, а почему онъ знаетъ, стануть его ножомъ хлѣбъ рѣзать или на разбой съ нимъ выйдутъ?

Мнѣ такого объясненія было мало. Я вовсе не хотѣлъ не спать ночей, ворочать мовгами и въ тоже время пребывать въ полной невѣдѣнности, что изъ этого, въ концѣ концовъ, вый-

дѣть. Деньги я взыщу, а онъ, мой клиентъ, возьметъ, да домъ терпимости на нихъ откредитуетъ, или найметъ на нихъ какихъ-нибудь молодцовъ, да меня же, гдѣ-нибудь въ глухомъ переулкѣ, вдуветъ за то, что я не довзыскалъ двухъ копеекъ.

Но если все это было ясно для меня потому, то, послѣ перваго разговора съ сонногородцемъ, я объ этомъ не думалъ. Я былъ весь занятъ мыслью о томъ, что есть чистыя дѣла, въ родѣ дѣлъ о двухъ съ полтиной, и что ихъ, въ случаѣ моего удаленія, вести некому... Я чуть опять не возликовалъ. Мнѣ былъ указанъ исходъ Мнѣ было жалко все бросить—и вотъ мнѣ было доказано, что бросать я не только не долженъ, но даже не имѣю никакого права.

Да, мнѣ было жалко все бросить... Мнѣ становилось тяжело, когда я даже думалъ объ этомъ. Я такъ привыкъ вставать утромъ и знать, что въ залѣ кто-нибудь дожидается меня съ синимъ листомъ... Нѣсколько часовъ я разбиралъ эти листы, думалъ о томъ, какъ осуществить ихъ, разговаривалъ съ клиентами, а потомъ шелъ въ судъ. Тамъ всегда было много народа, и шли оживленныя разсужденія, цѣлью которыхъ было доказать, почему тотъ, кто укралъ триста рублей, несравненно виновнѣе того, кто похитилъ только 299 р. 99 ³/₄к. Тамъ часто мы погружались въ самую суть философіи валома и тому подобныя вопросы... Я вошелъ уже во вкусъ этихъ разсужденій. Сверхъ того, бросать все—вѣдь это значитъ отказаться отъ возможности сражаться съ сонногородскими адвокатами, отъ наслажденія побивать ихъ какой-нибудь неизвѣстной имъ статьей или хотя и извѣстной, но придавъ ей такое толкованіе, о которомъ противникамъ моимъ и не грезилось. Эти побѣды не могли не доставлять удовольствія, ибо при этомъ на лицо было сознание, что такимъ образомъ торжествуетъ добродѣтель, а пороку пріемлетъ должное наказаніе. Положимъ, я увидалъ, что между обогащеніемъ Обиралова и добродѣтелью есть кой-какая разница, но это нисколько не уменьшало моего желанія побивать сонногородскихъ адвокатовъ и торжествовать. Наоборотъ, мое собственное прозрѣніе, тогда далеко неполное, должно было еще увеличить во мнѣ желаніе обратить въ прахъ всѣхъ мѣстныхъ Беррье и Жюль-Фавровъ... Я, ратуя за правду à la два съ полтиной, долженъ былъ показать, какое зло дѣлаютъ мои сотоварищи, отстаивая самыя чистыя дѣла Обиралова и прочихъ.

III.

Было 10 часовъ утра. Въ передней, одинъ за другимъ, раздавались звонки. Это все подходили кліенты. Пора выходить къ нимъ.

Я посмотрѣлъ въ пріотворенную дверь. Въ залѣ было нѣсколько человѣкъ. У самаго входа въ залъ чинно помышались два краснолицыхъ, откормленныхъ купца въ длинныхъ кафтанахъ и сапогахъ на выпускъ. Дальше, знакомый мнѣ гостиннодворецъ Чистохватовъ, въ модномъ сюртукѣ, пестромъ галстукѣ и съ толстой золотой цѣпочкой по жилету, являлъ свою гостиннодворскую галантность. Плотный, невысокаго роста господинъ въ синихъ очкахъ и сѣромъ пиджакѣ, облѣпленномъ пухомъ, ходилъ по комнатѣ, держа въ рукахъ фуражку съ краснымъ околышемъ. Онъ нетерпѣливо оглядывался на ту дверь, изъ которой я долженъ былъ выйти. Въ залѣ было тихо. Только шаги господина въ очкахъ нарушали эту тишину.

Въ Сонногородскѣ почти всѣ пересудились при помощи моей, а потому я зналъ почти всѣхъ, ожидавшихъ меня въ залѣ. Особенно хорошо былъ мнѣ извѣстенъ одинъ изъ купцовъ, Сметанинъ. Съ нимъ вмѣстѣ какъ-то мы напрягали всѣ усилія ошелмовать одного коммерсанта, которому вдругъ пришла охота заплатить своимъ кредиторамъ по гривеннику за рубль. Въ какой азартъ приходилъ тогда Сметанинъ, какими отчетистыми выраженіями чествовалъ онъ этого злонамѣреннаго коммерсанта! (Сметанинъ тоже былъ въ числѣ кредиторовъ). Онъ обнаруживалъ тогда такое негодованіе, что я просто любовался на него. Другой купецъ у меня не бывалъ, но господина въ синихъ очкахъ я зналъ. Онъ назывался Ратмановъ и принадлежалъ къ числу той аристократіи, которой, въ увѣреніе ея высокаго происхожденія, осталась только фуражка съ краснымъ околышемъ. Потому, вѣроятно, Ратмановъ никогда и не расставался съ послѣдней.

Я вышелъ. Ратмановъ первый подлетѣлъ ко мнѣ. Несмотря на раннее время дня, онъ уже успѣлъ немного «тронуть». Это доказывали его неровныя движенія, а паче всего запахъ, которымъ онъ обладалъ меня.

— У меня очень спѣшное дѣло, объяснилъ Ратмановъ, входя за мной въ гостиную, гдѣ я принималъ кліентовъ, и усаживаясь къ столу.—Я просилъ васъ запиской принять меня вчера вечеромъ, но васъ дома не было.

Я спросилъ, въ чемъ состоитъ его дѣло.

— Дѣло у меня вотъ какое, продолжалъ Ратмановъ очень развязнымъ тономъ.—Взысканіе двухъ тысячъ рублей. Только я васъ попрошу начать его какъ можно скорѣе.

Онъ вынулъ изъ кармана синій листъ и подалъ мнѣ его. Я прочиталъ условіе и спросилъ Ратманова, съ кого и что онъ намѣренъ взыскивать.

— Съ сестры, отвѣтилъ онъ, махая по воздуху спичкой, и выпуская дымъ только что закуренной папироски.—Вотъ съ этой самой, гнулъ онъ пальцемъ въ условіе:—съ Анны Николаевны, двѣ тысячи, которыя она должна по условію.

Я объяснилъ, что для взысканія еще не наступилъ срокъ, такъ какъ Анна Николаевна обязалась заплатить деньги черезъ четыре года, а прошло только три. Ратмановъ согласился.

— Я это знаю, сказалъ онъ.—Но все-таки нельзя ли какъ-нибудь... (онъ повертѣлъ пальцемъ въ воздухъ) знаете, подыскать какое-нибудь основаніе, что бы взыскать теперь. Вотъ, напримеръ, она продаетъ изъ имѣнія лѣсъ... Потомъ заплатить будетъ нечѣмъ.

Я сказалъ, что нельзя.

— Подумайте, предложилъ Ратмановъ.—Можетъ быть, что-нибудь... найдете, а?

Но я думать отказался.

— Гм... Такъ значить нельзя. Да мнѣ и самому такъ казалось, но я надѣялся на васъ, на вашу опытность. Думалъ, что вы какое-нибудь основаніе принцете.

Онъ помолчалъ и потомъ опять началъ.

— Хорошо-съ! Въ такомъ случаѣ, мы сдѣлаемъ вотъ что... Она не платитъ мнѣ процентовъ, а должна платить каждый годъ. Взыщемъ ихъ.

Процентовъ ему слѣдовало триста шестьдесятъ рублей. Я уже готовъ былъ взять дѣло, какъ Ратмановъ вдругъ объявилъ мнѣ, что сестра его переселилась на жительство въ дальній уѣздъ. Дѣло надо было вести у мѣстнаго мирового судьи. Я предложилъ Ратманову обратиться къ какому-нибудь адвокату, живущему въ томъ же уѣздѣ, указывая на то, что онъ ограничится, вѣроятно, только вознагражденіемъ въ тридцать шесть рублей и ничего не потребуетъ на путевыя издержки, но Ратмановъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ.

— Я васъ хочу, непременно васъ, рѣшительно объявилъ онъ.

— Вамъ все равно.

— Нѣтъ... Я сказалъ ей, что прійдете вы — и только. Вы не бойтесь, что вознагражденіе незначительно, присовокупилъ онъ.— Я отдаю вамъ всѣ триста шестьдесятъ рублей, все, что вы ни

выидете съ нею. Только, пожалуйста, выидите и всё надержки, что бы она знала...

Я пожалъ плечами. Дѣйствительно, нельзя было не удивиться.

— Я не понимаю зачѣмъ вы ведете дѣло, если отдаете всё деньги мнѣ, сказалъ я.

Ратмановъ едва далъ мнѣ договорить.

— Занятъ? вскричалъ онъ.—А зачѣмъ, чтобъ она знала, что я пустыхъ словъ не говорю... Да-съ, только за этимъ.

Последнія слова онъ произнесъ необыкновенно торжественно, предварительно помолчавъ нѣсколько секундъ для ващого, въроятно, эффекта. Потомъ онъ поднялся со стула и, какъ-то театральнo подойдя къ столу, въ волненіи ткнулъ нѣсколько разъ папирской въ пепельницу.

Я посмотрѣлъ на него и рѣшительно сказалъ, что дѣла его не возьму. Ратмановъ, въ свою очередь, сильно удивился.

— Вамъ мало трехсотъ рублей? догадался онъ.— Хорошо-съ, я прибавлю еще.

Но дѣла я все-таки не бралъ. Ратмановъ настаивалъ.

— Возьмите... Повѣрите, мнѣ только хочется доказать, и больше ничего. Да-съ, доказать. Я не хочу никого, кромѣ васъ. Пусть она знаетъ.

Я молчалъ, и это молчаніе Ратмановъ принялъ за согласіе.

— Значить, берете?

— Нѣтъ.

— Удивляюсь. Вы, можетъ, опасаетесь за вознаграденіе. Мы напишемъ условіе у нотариуса. Часть извольте впередъ...

Онъ поднесъ-было руку къ боковому карману, но я попросилъ его не беспокоиться и рѣшительно объявилъ, что дѣла я его ни въ какомъ случаѣ не возьму.

— Да почему же? спрашивалъ онъ.—Что за причина?

Я сказалъ, что занятъ, но все-таки не скоро отъ него отдѣлался. Онъ долго удивлялся и рассказывалъ, что уже нѣсколько адвокатовъ предлагали ему свои услуги.

Наконецъ, онъ простился и пошелъ. Но желаніе доказать, посредствомъ меня, что пустыхъ словъ онъ не говоритъ, было настолько сильно, что онъ оборотился въ дверяхъ.

— Подумайте... Я зайду потомъ, сказалъ онъ.

Но я опять попросилъ его не беспокоиться. Ратмановъ пришелъ поздно. Тѣ времена, когда я велъ такіа дѣла, вся суть вторыхъ, дѣйствительно, заключалась въ томъ, чтобы доказать, что довѣрители мои пустыхъ словъ не говорятъ, эти времена прошли. Я желалъ другого.

Выходя въ залъ пригласить къ себѣ кого-либо изъ кліентовъ,

я былъ очень доволенъ обнаруженной мной твердостью. Помнит-ся, я даже самодовольно улыбулся.

Но твердость моя тотчасъ же должна была подвергнуться са-мому тяжкому испытанію. Вошелъ незнакомый купецъ и реко-мендовался Зуйковымъ. Онъ чинно усѣлся въ кресло, славилъ въ карманъ и досталъ оттуда цѣлую пачку векселей. Потомъ надѣлъ на носъ очки, помочилъ во рту палецъ, внимательно просмотрѣлъ векселя и, отобравши нѣсколько, подалъ ихъ мнѣ. Векселей было на девяносто тысячъ!

Я твердо рѣшилъ не брать неизвѣстныхъ дѣлъ, но когда я взялъ въ руки эти узенькія полоски бумаги и увидалъ, что въ нихъ заключается цѣлый капиталъ, рѣшимость моя сильно по-колебалась. Это больше, чѣмъ понятно. Векселя! У какого адво-ката не забьется сердце, когда къ нему принесутъ векселей на такую сумму и объявятъ, что по нимъ можно получать сполна. Отказаться отъ такого дѣла, вѣдь это то же, что оттолкнуть очень, очень почтенную пачку кредитокъ, которая сама собою лѣзетъ въ карманъ... Одного вознагражденія за веденіе такого дѣла приходится 2.065 руб.

Волнующій этими мыслями, я держалъ векселя и смотрѣлъ на нихъ, какъ бы читая, но на самомъ дѣлѣ я вовсе не читалъ. Я размышлялъ, что мнѣ дѣлать. Отдавать ихъ назадъ страшно не хотѣлось. Руки у меня дрожали... А Зуйковъ, какъ будто нарочно, еще поддразнивалъ меня.

— Дѣло самое вѣрное, говорилъ онъ. — Полученіе сполна. Только бы запрещеніе наложить... какъ бы чего не вышло.

Откажись я, онъ, конечно, пойдетъ къ другимъ адвокатамъ, а тѣ такого клада изъ рукъ не выпустятъ. Сколько одного шам-панскаго можно выпить, получивъ такой гонораръ, какиихъ ло-шадей можно завести... Я тотчасъ вспомнилъ слова того самаго пріятеля, который уміялся надъ двумя съ полтиной. «Накопи-те, батюшка, капиталецъ, да тогда и ройтесь въ дѣлахъ сколько угодно», говорилъ онъ. Теперь эта мысль показалась мнѣ до-нельзя справедливой. Она представляла прекрасный исходъ изъ моего затрудненія. Да, мнѣ стоило выиграть два-три такихъ дѣла, и я могъ ждать чистыхъ дѣлъ очень долго. На помощь этимъ соображеніямъ пришли другія: «Ну, развѣ я знаю Зуйко-ва? а, можетъ быть, онъ хорошій человекъ? Узнаю, что мошен-никъ, могу потомъ отказаться. Ахъ, да и о чемъ тутъ думать? Развѣ сталъ бы я размышлять, еслибы тотъ же Зуйковъ попро-силъ меня получить его деньги изъ какого-нибудь банка. Не то ли же и полученіе по векселямъ?

Дѣло было взято. Узнавъ, что ему придется заплатить поря-

дочную сумму за веденіе дѣла, Зуйковъ счелъ нужнымъ поторговаться. Я раскрылъ уставъ и показалъ таксу. Однако, она не убѣдила Зуйкова.

— Дѣло-то вѣдь легкое, замѣтилъ онъ. — Другіе много меньше возьмутъ.

— Можетъ быть.

— Уступить бы маленечко надо.

Но я не уступалъ.

— Вотъ г. Обмыльковъ говорилъ, что возьметъ за половину, настаивалъ Зуйковъ.

Я рѣшилъ, что если брать это дѣло, такъ брать за полное вознагражденіе и ни копейки не скидывать. Поэтому, я предложилъ Зуйкову обратиться къ Обмылькову. Онъ, видя мою твердость, сдался и, послѣ нѣкотораго колебанія, выложилъ мнѣ извѣстную сумму на издержки.

Только-что я вошелъ въ залъ, какъ туда изъ передней стремительно влетѣла какая-то женщина и быстро нѣсколько разъ перекрестилась передъ образами. Я узналъ свою кліентку Базыкину. Подойдя ко мнѣ, она нѣсколько секундъ молчала. Очевидно, она была сильно взволнована.

— Въ окружномъ мнѣ сказали, что дѣло мое воротилось, начала она скороговоркой и порывисто обдернула черный платокъ, который покрывалъ ея голову.

— Да, отвѣтилъ я.

— Что же, палата отказала?

Я долженъ былъ отвѣтить опять утвердительно. Базыкина вдругъ обернулась въ ту сторону, гдѣ висѣлъ образъ, и снова начала быстро креститься. Потомъ повернулась ко мнѣ и низко поклонилась.

— Покорно васъ благодарю, никогда я вашей милости не забуду, раздраженно заговорила она. — Дай Богъ и вамъ то же испытать на своемъ вѣку, чтѣ я теперь претерпѣть должна.

Я никакъ не ожидалъ, что дѣло приметъ такой оборотъ, и молча смотрѣлъ на Базыкину, не зная, чтѣ мнѣ дѣлать. Мнѣ было ужасно неловко. Гостиннодворецъ и Сметанинъ какъ-то переминались на своихъ мѣстахъ. Имъ, очевидно, было тоже не по себѣ.

— Помогли, нѣчего сказать, помогли! продолжала, между тѣмъ, Базыкина, глядя на меня и съ укоромъ качая головой.

— Чѣмъ же я-то виноватъ? только и нашелся сказать я. — Вѣдь я сдѣлалъ, чтѣ могъ. Денегъ я съ васъ не бралъ, почему-то вырвалось у меня.

А она продолжала кланяться и по временамъ креститься.

— Дай вамъ, Господи, пошли вамъ, Господи! Пустили меня по міру.

— Послушайте, хотѣлъ я что-то сказать, но она перебила меня, повторяя то же, что и раньше.

— Глаза закрывать стану, а васъ вспомню. Чтобы вамъ, да и дѣтямъ вашимъ пришлось испытать то же...

Я повернулся и пошелъ въ гостиную. Да мнѣ ничего больше и не оставалось. Я зналъ, что на сторонѣ Базыкиной правда, но этой правды мнѣ никогда нельзя было осуществить.

Базыкина осталась на прежнемъ мѣстѣ. Мнѣ было слышно, что у нея завязался разговоръ съ гостиннодворцемъ и Сметанинымъ, которые принялись утѣшать ее.

— Помогли, такъ помогли, что пустили по міру, отвѣчала имъ она.

— Они чѣмъ виноваты? заступился за меня, должно быть, гостиннодворецъ.

— Видно, было нельзя, поддержалъ Сметанинъ.

Но Базыкина стояла на своемъ.

— Вѣдь духовная-то его, мужнина, отвѣчала она, всхлипывая.— Два свидѣтеля утвердили. Третьяго мужнина сестра, золовка, подкупила. Говорите, покойнаго не видалъ. Да развѣ на двухъ основаться нельзя?

— Значить, нѣтъ закона, замѣтилъ Сметанинъ.

— А я чѣмъ стану жить? Одна была надежда на домишко. Вмѣстѣ вѣдь наживали. Ей, золовкѣ-то, онъ за что пойдетъ.

— Такія ли дѣла бывають, утѣшалъ Сметанинъ.— Тысячи отнимають.

— Всякому свое дорого.

— Значить, нельзя. Выше закона не будешь.

Немного помолчали.

— Да, пошли имъ, Господи, здоровья. Буду ихъ по гробъ помнить, начала опять Базыкина.

Въ дальнѣйшій разговоръ никто съ нею не вступилъ. Гостиннодворецъ и Сметанинъ о чемъ-то заговорили между собой. По стуку двери я догадался, что Базыкина скоро ушла.

Я опять вышелъ и пригласилъ Сметанина, такъ какъ Чистохватовъ изъявилъ желаніе подождать, и никакъ не хотѣлъ идти ко мнѣ первымъ. Изъ всѣхъ кліентовъ я больше всего надѣялся на Сметанина. Я былъ увѣренъ, что онъ непременно дастъ мнѣ возможность вывести на свѣжую воду какую-нибудь пакость.

Усѣвшись въ гостиной, Сметанинъ предварительно оглянулся и, замѣтивъ, что дверь въ залу заперта не совсѣмъ плотно,

всталъ и притворилъ ее. Потомъ онъ началъ разсужденіе по поводу сейчасъ бывшей сцены.

— Вотъ и старайся для нихъ, замѣтилъ онъ. — Одна неблагодарность. Развѣ она понимаетъ, что вы бы всей душой, да развѣ ваша воля!

Потому ли, что мое адвокатское самолюбіе было уязвлено Базыкиной, которая устроила мнѣ при всѣхъ такую сцену, или почему-либо другому, но только я счелъ нужнымъ оправдаться. Со всѣми подробностями я разсказалъ Сметанину исторію дѣла Базыкиной. Онъ слушалъ мой разсказъ о томъ, что я велъ ея дѣло просто изъ жалости, старался утвердить ея завѣщаніе даже исковымъ порядкомъ, но палата отказала, ибо оно было подписано только двумя свидѣтелями. Во время разсказа, Сметанинъ неоднократно качалъ головой и упрекалъ Базыкину въ неблагодарности.

— Раньше бы ей надо было посовѣтоваться, какъ сдѣлать, сказалъ онъ, когда я кончилъ разсказъ. — Эти дѣла гдѣ намъ знать! Я вотъ затѣмъ и пришелъ, чтобы узнать, какъ лучше по закону сдѣлать. Помните, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ: — было у васъ дѣло мое со Щукинымъ о сплавномъ лѣсѣ. Какъ это тогда вы эту продажу опровергли?

Я припомнилъ дѣло и объяснилъ Сметанину, что Щукинъ только для вида заключилъ договоръ о продажѣ своего лѣса. Онъ хотѣлъ такимъ образомъ сдѣлать, чтобы его кредиторы не могли обратитъ взысканія на этотъ лѣсъ, на самомъ же дѣлѣ лѣсъ оставался собственностью Щукина, который продолжалъ имъ распоряжаться. При этомъ я разъяснилъ Сметанину всѣ промахи Щукина и указалъ, какъ бы слѣдовало ему сдѣлать.

Сметанинъ понялъ въ совершенствѣ и остался очень доволенъ моими разъясненіями.

— Вотъ благодарю, растолковали вполне, объявилъ онъ. — Значить, надо передать лѣсъ покупателю, а самому и не касаться.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— А это все равно, кому ни продать? освѣдомился Сметанинъ.

— Все равно, отвѣтилъ я, но на этотъ разъ пожелать узнать, для чего ему эти свѣдѣнія.

— Видно, опять кто-нибудь смощенничалъ, сказалъ я съ улыбкой. — Такъ желаете вывести на чистую воду.

Сметанинъ замаялся и нѣсколько разъ даже тяжело вздохнулъ. Я удивленно посмотрѣлъ на него.

— Да, вамъ ужь отерошсь, вдругъ какъ бы рѣшилъ онъ. — Дѣла мои плохи. Платить нѣчѣмъ.

Я такъ и привскочилъ на мѣстѣ. Сметанинъ, значить, хотѣлъ сыграть такую же штуку, какъ и Щукинъ, противъ котораго мы выѣхали когда-то вооружались. Но только Сметанинъ хотѣлъ сыграть, какъ слѣдуетъ, а не зря.

— Чтò сдѣлаешь! продолжалъ онъ, между тѣмъ, жалобнымъ голосомъ. — Отъ бѣды не уйдешь... Ужь вы меня, по старому знакомству, не оставьте. Я больше о дѣсѣ хлопочу. Сами знаете, пойдетъ за бездѣлю, а его у меня много. Лучше я его такъ продать. Потомъ, Богъ поможетъ, расплачусь...

Я не слушалъ его. Во мнѣ такъ и кипѣла злость. Сметанинъ хотѣлъ еще спросить что то, но я поднялся и рѣшительно объявилъ, что у меня болитъ голова и говорить я рѣшительно не въ состояннн. (Я самъ не знаю, почему я не сказалъ ему прямо). Онъ тоже всталъ.

— Нынче какъ-то всѣ головой жагуются, замѣтилъ онъ. — Такъ ужь я въ другой разъ. Вы мое дѣло, пожалуйста, держите въ секретѣ. Потому только я и отерлся вамъ, что вѣрю.

Онъ протянулъ мнѣ руку, я подалъ ему свою (да, подалъ!) и ощутилъ въ ней бумажку. Меня просто передернуло. Я отдернула руку и двадцатипяти рублевая кредитка упала на полъ. Сметанинъ быстро поднялъ ее и положилъ на столъ. Я хотѣлъ закричать, что денегъ мнѣ не надо, но онъ отворилъ двери и вышелъ въ залъ.

Бумажка рѣзала мнѣ глаза. Я зналъ, что Сметанинъ, благодаря моимъ указаннямъ, отлично устроитъ дѣло, и ему не придется плакаться, какъ Базыкиной. Бумажка была ни въ чемъ не виновата, но она, скомканная, чуть ли не изорванная, полетѣла подъ диванъ. Однако, предаваться гнѣву было просто некогда. Меня ждалъ Чистохватовъ.

Я пригласилъ его.

— Дѣло у меня, говорилъ онъ, улыбаясь. — Идѣть судъ попалъ. Помогите, въ Сибирь ссылаютъ.

Улыбка и шуточки гостиннодворца еще больше взбѣсили меня. Мнѣ было не до нихъ.

— Какое дѣло? грубо обрѣзалъ я, не садясь на стулъ и ходя по комнатѣ, вслѣдствіе чего и Чистохватовъ, сѣвшій было, вско- чилъ.

— Господинъ судебный слѣдователь началъ надо мной слѣд- ствіе, объяснилъ онъ, уже не такъ развязно.

— Въ чемъ же васъ обвиняютъ?

— Помните, какое дѣло, просто званія не стоятъ. Умеръ

у насъ родственникъ Иванъ Степановичъ—дѣло его у насъ было. За ними была наша сестра. Теперь начали дѣло, говорятъ, что мы имѣніе покойнаго скрыли, перевезли къ себѣ. Деньгъ будто мисколько не оказалось, а человекъ былъ состоятельный.

— Ну, такъ что же. Пусть производятъ слѣдствіе. Защитникомъ вѣдь при слѣдствіи имѣть нельзя.

— Нельзя-съ? переспросилъ гостиннодворецъ.

— Нѣтъ.

Онъ немного помялся.

— Я больше на счетъ того, чтобы вы научили меня, какъ при слѣдствіи показывать, сказалъ онъ.—Завтра господишъ слѣдователь требуетъ къ допросу. Можетъ быть, о чемъ-нибудь надо умолчать.

— Да вы перевозили имѣнье-то? чуть не крикнулъ я.

Чистохвостовъ опять помялся и потомъ отвѣтилъ.

— Нельзя же; сестра, просить... Научите, какъ бы показать лучше. Сами мы народъ неопытный: чего бы не было. Все этотъ банкъ началъ дѣло, веселя покойникъ тамъ учитывалъ. Безъ него и дѣла бы никакого не было.

Учить я отказался.

— Какъ же такъ? А мы сами ничего не знаемъ.

Онъ привадутился.

— Я на васъ надѣялся, упрямивалъ онъ. — Мы готовы все, что назначите.

Я еще разъ отказался.

— Къ кому же теперь обратиться?

— Адвокатовъ много.

— Васъ бы хотѣлось. Тѣмъ какъ-то не вѣрится. Не передали бы чего. Могутъ они передать?

Я сказалъ, что, по закону, не могутъ.

— Могутъ ли я открывать имъ все безъ опасенія?

Я отвѣтилъ, что это его дѣло, въ которомъ совѣтовать не берусь. Чистохвостовъ еще попытался упросить меня, но безуспѣшно и, наконецъ, ушелъ.

«Учить васъ скрывать ваши мошенничества», подумалъ я злостью, но мнѣ тотчасъ припомнилось дѣло того же самаго Ивана Степановича, о которомъ говорилъ гостиннодворецъ. Иванъ Степановичъ тоже обвинялся въ какомъ-то очень не хорошемъ дѣлѣ. Положимъ, я его не училъ, но развѣ Иванъ Степановичъ не былъ настолько догадливъ, чтобы, по восклицаніямъ моихъ въ то время, какъ онъ разъяснялъ мнѣ свое дѣло, не уразумѣть, что хорошо и что нельзя назвать хорошимъ. Онъ уразумѣлъ и скрылъ это нехорошее тѣмъ болѣе, что и скрыть-то ему было

легко. Объ этомъ нехорошемъ должны были свидѣтельствовать его привычки. На судъ, конечно, они умолчали... Я защищать Ивана Степановича, я зналъ все, но, тѣмъ не менѣе, я тщательно при допросѣ обходилъ все, что могло неминуемо навести привычекъ на разсказъ о томъ, что знали они, я, да Иванъ Степановичъ. Мнѣ казалась невозможнымъ топить своего кліента, но я находилъ возможнымъ защищать его, умалчивая о многомъ. Не я, такъ другой! Какъ я былъ тогда проникнутъ этимъ правиломъ! ни чуть не меньше, чѣмъ Иванъ Степановичъ былъ убѣжденъ въ томъ, что стоитъ только нанять адвоката и все ни по чемъ. Но кто былъ виноватъ въ томъ, что Иванъ Степановичъ повѣрилъ въ непреложность послѣдняго правила? да, кто былъ виноватъ въ этомъ?

Всѣ, подумалъ я по уходѣ Чистохватова, но въ передней опять раздался звонокъ. Сегодня кліентовъ больше, чѣмъ всегда. Они точно стремятся обратить меня на путь истинный.

Вошла дама, необыкновенно нестро одѣтая и съ лицомъ, покрытымъ толстымъ слоемъ пудры. Ее сопровождалъ пожилой, полный мужчина. Оба они раньше бывали у меня по своимъ дѣламъ, а потому пріѣтствовали меня, какъ знакомаго. При этомъ дама даже освѣдомилась о моемъ здоровьи.

Въ гостиной, куда я ихъ пригласилъ мужчина прежде всего справился о томъ, можетъ ли онъ говорить откровенно. Я, хотя и заподозрилъ пакость, но ничего еще не зная, отвѣтилъ утвердительно.

Началъ мужчина.

— Дѣла Анны Петровны (мужчина указалъ на свою спутницу) вы знаете. Пришлось—вотъ какъ!

Онъ провелъ пальцемъ по горлу, желая наглядно показать, какъ пришлось Аннѣ Петровнѣ.

— Да, плохи наши дѣла, вздохнувъ, подтвердила дама.—Такъ плохи, что и сказать нельзя.

Въ дополненіе къ своему пестрому костюму, который и надѣтъ былъ затѣмъ, чтобы скрыть года, висѣвшіе на плечахъ дамы, она немилосердно шепелявила и ужасно закатывала глаза.

— Запуталась Анна Петровна совсѣмъ, варьировалъ мужчина и взглянулъ на даму, давая ей, должно быть, знать, чтобы она ему не мѣшала.—Теперь кредиторы собираются подать ко взысканію, и все пойдетъ въ продажу.

Анна Петровна вдала продолжительный вздохъ. Мужчина закурилъ папирску.

— На васъ однихъ надежда, вдругъ обратился онъ ко мнѣ.

— Что же вамъ угодно?

— А вотъ что. (Онъ предварительно опять оглянулся кругомъ и, подойдя къ двери въ залъ, заглянулъ туда). Видите ли, есть у Анны Петровны векселя, на пятнадцать тысячъ. Не взметесь ли взыскать?

Я не понималъ, для чего такія предосторожности при такомъ обыкновенномъ дѣлѣ, но скоро все разъяснилось.

— Отчего же, сказалъ я.—Выдайте довѣренность—и только.

Мужчина отрицательно покачалъ головой.

— Такъ нельзя. Нужно безъ довѣренности, сказалъ онъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Анна Петровна поставитъ свой бланкъ и передастъ векселя вамъ, какъ бы въ собственность. Вы и выпишите. Четвертая часть ваша.

Я отказался.

— Отчего же? удивился мужчина:—отчего вы не хотите взять дѣла? Вѣдь вы сами знаете, что по довѣренности Аннѣ Петровнѣ нельзя. Кредиторы ея сейчасъ прихлопнутъ ея денежки и она ни копейки не получитъ. А такъ по бланку—шалишь!

Онъ даже слегка свиснулъ.

— И вамъ хорошо: четвертая часть, прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, не могу.

Мужчина удивленно развелъ руками и обратился къ Аннѣ Петровнѣ.

— Теперь просите вы.

— Сдѣлайте одолженіе! вставила Анна Петровна.

— А вѣдь, кажется, вознагражденіе достаточное, началъ опять мужчина. Онъ, должно быть, полагалъ, что я хочу ихъ принять. Я поспѣшилъ разувѣрить его.

— Отчего же, въ такомъ случаѣ, не берете? приставалъ онъ.— Опасаетесь чего-нибудь со стороны кредиторовъ? Вы сами знаете, что ничего быть не можетъ. Все законно.

Анна Петровна опять присоединила свои просьбы, но я не соглашался.

— Отчего же вы не берете, удивлялся мужчина.— Возьмите. Мы знаемъ, что вы человѣкъ честный, а потому и обращаемся къ вамъ. Другому, конечно, этого повѣрить нельзя. А на васъ надѣмся. Вы съ Анной Петровной раздѣляетесь честно.

Упрашиванія шли долго, но ни къ чему не повели. Парочка удалилась, недовольная моимъ отказомъ сдѣлать доброе дѣло.

«Вы съ нами раздѣляетесь честно!» «А кредиторы — шалишь!» Да, вотъ именно этою честностью и дорожили Кузницынъ, Обираловъ и многіе, многіе другіе.

Пока я еще раздумывалъ объ этомъ, а уже ко мнѣ входилъ

новый клиентъ. Это былъ очень высокій сѣдой старикъ въ необыкновенно запачканномъ долгополомъ сюртукѣ. Онъ сильно хромалъ на одну ногу, а потому опирался на толстую палку. Палка сильно стучала объ полъ и Докучаевъ, то припадая на короткую ногу, то выпрямляясь во весь свой высокій ростъ, подошелъ ко мнѣ.

Но мнѣ было даже тошно смотрѣть на него. Я зналъ Докучаева за самаго отчаяннаго влязника, который только и ищетъ предлога съ кѣмъ-нибудь посудиться. Даже въ прежнее время я не бралъ его дѣлъ, потому что это были даже не дѣла, а Богъ знаетъ, чтѣ такое.

— Что вамъ? очень не любезно встрѣтилъ я Докучаева.

— Дѣльце не возьмете ли? Любопытное дѣльце, отвѣтилъ онъ съ поклономъ.

Я объявилъ, что не возьму.

— Почему же такъ? освѣдомился старикъ.— Вѣдь вы дѣла-то моего еще не видали?

— Я знаю ваши дѣла. Ихъ нельзя выиграть.

Старикъ укоризненно покачалъ головой.

— Какъ не выиграть, сказалъ онъ.— Дѣла у меня самыя чистыя; ну, хоть вотъ съ Дерохинымъ, которое вы не взяли... Посмотрите это-то.

Я и смотрѣть отказался и старикъ, запустившій уже было руку въ боковой карманъ сюртука, очень недружелюбно посмотрѣлъ на меня.

— Съ какими же дѣлами къ вамъ ходить?.. произнесъ онъ.— Какія же вы дѣла берете?.. Можетъ быть, по веселянъ или закладнымъ? Эти-то мы и сами съумѣемъ сдѣлать. А вы, сударь, адвокатъ да еще и присяжный, такъ вы всякое дѣло должны сдѣлать.

Послѣднія слова Докучаевъ произносилъ съ разстановкой и очень укоризненно. Очевидно, онъ хотѣлъ уколотъ меня; онъ враждебно простился со мной и ушелъ.

Устами Докучаева и спутника Анны Петровны говорило чуть не все сонногородское общество. «Съумѣть сдѣлать всякое дѣло», «честно разсчитаться... а кредиторы—шалишь!»

Клиентовъ больше не было. Былъ часъ. Надо было сходить въ судъ.

На улицѣ мнѣ попалась моя клиентка, старуха Тюленева. Я ей помогъ отыскать полторы десятины земли, захваченной ея сосѣдомъ. Дѣло было только что кончено въ пользу Тюленевой и старуха разсыпалась въ благодарностяхъ.

— Все къ вамъ собиравсь благодарить, да вотъ никакъ не соберусь, говорила она.—Вы не подумайте обо мнѣ чегонибудь. Я успокоилъ ее.

— Помилуйте, такое вы мнѣ благодареніе сдѣлали, да чтобы я... Никогда этого не будетъ. А ужъ землю-то у меня покупаетъ сосѣдъ Никифоровъ, да дешево даетъ. Меньше пятидесяти рублей за всю не отдамъ. Что торопиться.

Потолевали еще, и старуха стала прощаться.

— Такъ ужъ будьте покойны. Вотъ черезъ мѣсяць получу пятьсотъ рублей. Сводили у меня весной гѣсь... Черезъ мѣсяць обѣщали отдать. Человѣкъ вѣрный, Сметанинъ, можетъ, знаете.

Ахъ, лучше бы она не говорила о моихъ благодареніяхъ! Вѣрный человѣкъ Сметанинъ былъ тотъ самый купецъ, котораго я научилъ сегодня, какъ надо распорядиться съ гѣсомъ, чтобы кредиторы... фриты! Тюленева могла проститься съ своими пятьстами рублей.

Мнѣ было тошно, а старуха точно дразнила меня, увѣряя меня, что я оказалъ ей благодареніе.

IV.

Я не узналъ суда.

Храмъ Сонногородскаго правосудія былъ очень непредставителенъ. Какія-то сѣрокаменные, длинныя лѣстницы, своими бесчисленными, до нельзя истертыми ступенями, представляли одинаковыя шансы какъ подняться наверхъ въ самое святилище, такъ и слетѣть внизъ, переломавши при этомъ руки и ноги. Пыль отъ лѣстницъ и отъ кирпичныхъ половъ корридоровъ наполняла тучами все зданіе и заставляла ежеминутно чихать непривычный носъ. Паутина причудливыми гирляндами висѣла повсюду, обоготвали отъ стѣнъ и представляли одну сплошную массу ломотьевъ. Сукно на судейскихъ столахъ и обивка кресель полиняла, загрязнилась. Рѣшетка для подсудимыхъ никому не исполнявала, ибо всѣй знали, что стоило только коснуться пальцемъ, и она тотчасъ разлетится въ прахъ. У прокурора не было никакой трибуны, а просто стояла какая-то крашеная конторка. Однако, въ своихъ рѣчахъ мы именовали конторку трибуной, а, въ благодарность за это, прокурору называлъ скамьей защиты тотъ стулъ съ прорванной кожаной подушкой, на которомъ мы воссѣдали. Но и эта убогая мебель была на столько ветха, что увлекаться во время преній было

нелзя. Надо было опасаться, какъ бы на самомъ патетическомъ мѣстѣ не грохнуться о землю.

Мизерная обстановка составляла предметъ нашей скорби. Это была чисто гражданская скорбь. Намъ было больно видѣть это униженіе правосудія; намъ казалось, что никто къ нему не будетъ имѣть уваженія. Мы всегда обвиняли кого-то въ томъ, что у насъ полинялое сукно, рваные стулья и насчетъ вины этого кого-то ставили все, даже ту пыль и паутину, которыми изобилуетъ судъ... Свѣжее сукно и лакированная рѣзная мебель были предметомъ нашихъ пламенныхъ желаній. Мы завидовали тѣмъ, у кого все это было, и полагали, что имъ должно быть очень пріятно судить, а у нихъ пріятно судиться.

Оскорбленные тѣмъ униженіемъ, которое испытывала наша богиня, мы нашли наилучшимъ на все махнуть рукой и суда никогда не мели. Это былъ своего рода протестъ.

Но говорю, что теперь я суда не узналъ. Что-то произошло... Сѣрокаменная лѣстница была тщательно выметена; на ней даже протянули узенькій коверъ. Прибирали, чистили вездѣ. Но этого мало. Какое-то сматеніе, страхъ царилъ въ судѣ и, казалось, чувствовались въ воздухѣ. Чиновники, не видя передъ собой ничего, какъ угорѣлые носились взадъ и впередъ съ бумагами. Молчаливые до сихъ поръ сторожа громко кричали, требуя то метлу, то тряпокъ.

Я ничего не понималъ. Но вотъ вдали мелькнулъ одинъ изъ судей. Я бросился къ нему, но онъ, кажется, даже не посмотрѣлъ на меня и быстро пробѣжалъ куда-то. Лицо у него было какое-то особенное. Онъ былъ не то убитъ, не то испуганъ, страшно испуганъ чѣмъ-то.

Это еще больше изумило меня. Мы были всегда спокойны и олимпійски величавы. Спокойствіе наше совершенно понятно. Мы были всѣмъ довольны и никакія вредныя мысли не лѣзли намъ въ голову. Въ послѣднемъ отношеніи мы были до того застрахованы, что даже вопросъ о томъ, почему тотъ, кто укралъ триста рублей, виновнѣе того, кто похитилъ 299 р. 99³/₄ к., и этотъ вопросъ, собственно говоря, не волновалъ насъ. Намъ стоило открыть книгу и увидать, что тамъ написано, и намъ больше ничего было не надо. Къ такому отсутствію поводовъ для безпокойства присоединилось убѣжденіе, что съ нами теперь ничего не подѣлаешь. Послѣднее давало намъ надежду долго сидѣть подъ смоковницей. Почему мы были величавы — сказать трудно, но все таки, я думаю, что и величавость наша можетъ быть легко объяснена. На насъ постоянно приходили смотрѣть и мы привыкли ходить козыремъ. Да, еще вотъ!.. Величавость наша мо-

жетъ быть еще объяснена и тѣмъ, что мы воображали себя ни больше, ни меньше, какъ интеллигенціей. Причинъ для этого самоиѣнія теперь я подыскать не въ состояннн, но когда-то я до мозга костей былъ проникнутъ имъ. Можетъ быть, это самоиѣніе явилось у насъ оттого, что намъ, еще въ то время, какъ насъ называли, натолековали, что мы интеллигенція, и мы повѣрили на слово. Но такъ ли, слы-ли, въ своемъ интеллигентномъ званнн мы было твердо убѣждены. Намъ даже не приходило въ голову, что на это званнн у насъ нѣтъ дипломовъ. У нѣкоторыхъ изъ насъ были только свидѣтельства отъ уѣздныхъ училищъ, ибо мы проходили науки только въ этихъ заведенннхъ. А у другихъ, хотя дипломы и были, но все равно, что ихъ не было. Сами ихъ обладатели забыли, откуда они ихъ получили—такъ это было давно. Въ дипломахъ же, за давностью времени, прочесть ничего было нельзя. Они совсѣмъ износились. Тѣмъ неменѣе, убѣжденнн, что мы интеллигенція, было до того сильно, что мы завели свои вечера. Мы знали, что безъ вечеровъ интеллигенціи не бываетъ. Вечера эти мы называли юридическими, потому что на нихъ мы разрѣшали вопросы о томъ, куда надо писать на бѣлой бумагѣ и куда можно на сѣрой. Разрѣшивши, на что требовалось часа полтора, мы отдыхали до утра отъ этихъ дебатовъ за картоннымъ столомъ, а потомъ шли къ дѣламъ.

Величавое спокойствіе, вечера съ разсужденннми о бѣлой и сѣрой бумагѣ, сознаннн, что съ нами ничего не подѣлаешь, произвели на меня свое дѣйствіе. Я былъ мастеръ воображать, а потому живо вообразилъ, что въ насъ нѣтъ страха и трепета. Совершая величавость, я думалъ, что мы проннались гражданскимъ мужествомъ и готовы умереть за правду.

Вотъ поэтому-то я и удивлялся, видя страхъ, суматоху. Я смотрѣлъ кругомъ, желая получить объясненнн.

По мнѣ пришлось стоять долго. Какъ я ни взывалъ къ пробѣгавшимъ мимо меня, никто не слушалъ. Макали рукой и бѣжали, бѣжали... Наконецъ, я остановилъ одного. Но, посмотрѣвъ на него, не зналъ, что дѣлать. Чиновникъ этотъ такъ всегда дорожилъ своей бородой, что, кажется, готовъ былъ положить за нее душу. Его борода была, дѣйствительно, хороша. Теперь, ея не было въ помннѣ. Гладко выбритый подбородокъ лоснился и только однн баянбарды напоминали о прежней красѣ чиновника.

— Что съ вами? вскричалъ я, забывая, что хотѣлъ спросить его о причинѣ сматеннн, и указывая на его фнзномнн.

— Обрился, отвѣтилъ онъ, порываясь бѣжать.—Неловко, чешется.

Онъ, дѣйствительно, схватился за подбородокъ и почесалъ его. При этомъ онъ даже, хоть и грустно, но улыбнулся.

— Да отчего? между тѣмъ приставакъ я.

— Велико. Степанъ Степановичъ приказалъ, съ сожалѣніемъ пожалъ онъ плечами и даже вздохнулъ. Такъ ему жаль было бороды.

— Зачѣмъ?

Онъ въ свою очередь удивленно посмотрѣлъ на меня, точно на выходца съ того свѣта.

— Да вѣдь завтра... произнесъ онъ.

— Что, завтра?

— Придетъ! ужъ закричалъ чиновникъ.

Я ничего не понималъ.

— Кто?

— Фу, Боже мой, да ревизоръ! въ послѣдній разъ крикнулъ мой собесѣдникъ. Слово ревизоръ, вѣроятно, напомнило ему что то. Онъ сорвался и побѣжалъ, махая только рукой на мои дальнѣйшіе вопросы.

Теперь, я понималъ все. Слухи о приходѣ ревизора носились давно. Послѣдніе дни я сидѣлъ дома и не зналъ, что все это такъ близко.

Желая узнать подробности, я пошелъ въ канцелярію. Тамъ было вавилонское столпотвореніе. Шкафы отворены настежь, дѣла укладывались въ нихъ въ строгомъ порядкѣ. Чиновники подшивали бумаги, рылись въ книгахъ, дѣлали въ нихъ отмітки. Хотя двѣ большія комнаты, составляющія канцелярію, были прибраны, но такъ какъ обои висѣли ключьями, а полъ, когда то крашеный, давно потерялъ краску подъ ногами посѣтителей, то канцелярія была не много лучше прежняго. За то чиновники были просто неузнаваемы. Они всѣ были безъ бородъ. Оказалось, что и здѣсь бороды пали жертвой, имѣющей унижостивить грядущую бѣду.

— Чтѣ, господа, побрились? спросилъ я.

— Нельзя, отвѣтили многіе изъ нихъ, и при этомъ, какъ тотъ чиновникъ, тоже ухмыльнулись и почесали себя по подбородкамъ. — Великъ, такъ обрѣешься.

— Кто же распорядился?

— Самъ Степанъ Степановичъ.

Въ канцелярію особеннаго страха не было. Роясь въ бумагахъ и книгахъ, чиновники перекидывались между собой разными веселыми замѣчаніями. Имъ, казалось, доставляло удовольствіе, что тѣ, кого они боялись, въ свою очередь, почувствовали страхъ.

— Трусать, возгласилъ одинъ чиновникъ, махая головой по направленію къ кабинету и весело или скорѣе лукаво улыбаясь.

— И товарищи прокурора побрились, замѣтилъ другой.

— Они всегда, братъ, брѣются, когда и туда ѣздить.

— Тоже боится.

— Заблѣшься. А вдругъ не понравится! Ничего не возьмешь.

— Конечно.

Кто-то поднялъ вопросъ о томъ, кому больше всего достанется; но этотъ вопросъ еще не былъ обсужденъ вполне, какъ въ канцелярію вошелъ одинъ изъ чиновниковъ. Онъ не принимался за работу, а сѣвши къ столу, началъ беззаботно покуривать папиросу.

— Хоть бы ты немного занялся, обратился къ нему одинъ изъ сѣдѣвшихъ за тѣмъ же столомъ.

— Вотъ погоди, покурю, отвѣтилъ чиновникъ.

— У тебя все погоди, да погоди.

— Мнѣ, братъ, и жалованье такое, что съ меня нечего спрашивать: три рубля въ мѣсяцъ.

Онъ помолчалъ и началъ смѣяться.

— Что ты? полюбопытствовали многіе.

— Какъ Степанъ Степановичъ упрасивалъ Лукьянова приготовить въ особенности его столъ! Обѣщалъ за это мѣсто секретаря.

— Ты почему знаешь? усомнился кто-то.

— Значить знаю, если говорю.

— Не дасть.

— Конечно. У него съ собой свои привезены. Скорѣе имъ дасть за то, что наущничаютъ.

Никто не продолжалъ разговора.

— Въ черныхъ сюртукахъ приходитъ велѣлъ, не унимался чиновникъ.—А гдѣ ихъ взять?

— Развѣ велѣлъ? слышался вопросъ.

Всѣ подтвердили.

— Чтѣ, развѣ вратъ стану, присовокупилъ неугомонный чиновникъ.—Вчера, какъ училъ кланяться, такъ и велѣлъ.

Меня заинтересовало, кто и кого училъ кланяться, и я справился объ этомъ.

— Самъ Степанъ Степановичъ училъ всю канцелярію, отвѣтило мнѣ нѣсколько голосовъ.—На случай, если ревизоръ войдетъ въ канцелярію.

Неугомонный чиновникъ захохоталъ.

— Эту комедію стоило посмотреть, сказалъ онъ.

Я только хотѣлъ подробно разспросить, на словахъ или соб-

ственнымъ примѣромъ училъ Степанъ Степановичъ, какъ въ канцелярію вошло нѣсколько мѣстныхъ адвокатовъ. Они были беззаботны, ибо грядущее не касалось ихъ. Появленіе адвокатовъ не понравилось чиновникамъ.

— Мѣшать пришли, слышалось въ одномъ углу.

— Пожалуйста, не троньте, раздавалось въ другомъ. — Перенутаете.

— Мнѣ только настольную посмотрѣть, говорилъ адвокатъ.

— Нѣтъ, ужъ это потомъ. Теперь не до васъ, отвѣчали ему.

Адвокаты сошлись по срединѣ комнаты и принялись болтать. Въ канцелярію появился какой-то особой, робкой походкой черноватый господинъ. Онъ несъ въ рукѣ свертокъ бумагъ и своей фвізіономіей самымъ достовѣрнымъ образомъ являлъ, что имя его непременно записано въ родословныхъ книгахъ іерусалимскаго дворянства. Это былъ тотъ самый адвокатъ Птичкинъ, который нѣсколько времени не давалъ мнѣ покоя.

— Чтѣ, по дѣламъ? привѣтствовали его адвокаты.

— Нельзя же, какъ-то конфузливо улыбнулся Птичкинъ и, пожавъ протянутыя руки, направился къ одному столу. Но сидѣвшій у этого стола чиновникъ протестовалъ противъ прихода Птичкина по дѣламъ.

— Теперь никакихъ дѣлъ нѣтъ, возгласилъ онъ. — Чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, господя, гдѣ вы были раньше?

— Мнѣ только исполнительный листъ, робко замѣтилъ Птичкинъ.

— Никакихъ листовъ теперь нѣтъ. До васъ—каже! возразилъ чиновникъ. — Вишь сколько онъ вводовъ набралъ.

При этомъ чиновникъ указалъ на свертокъ, торчавшій въ рукавѣ Птичкина. Послѣдній почему-то сконфузился.

— Да, загребаетъ денежки, поддерживалъ чиновника жирный съ заплаканными глазами адвокатъ, махнувши головой на Птичкина. — Каждый день приноситъ вотъ какую кипу купчихъ.

Адвокатъ показалъ рукой какую кипу приноситъ Птичкинъ, но послѣдній, все болѣе и болѣе конфузаясь, поспѣшилъ скрыться изъ канцеляріи.

Толстый адвокатъ продолжалъ:

— Онъ поналъ, гдѣ раки зимуютъ. Каждый день двадцать, тридцать вводовъ, по три рубля. Это сколько составитъ? Вотъ и смѣйтесь надъ нимъ!

Онъ умолялъ и началъ покручивать свою бороду, какъ бы размышляя о томъ, сколько въ самомъ дѣлѣ все это составитъ и отчего эта благодать свалилась на Птичкина.

— А прежде что былъ? разсудилъ кто-то изъ канцеляріи.

— Что! отозвался адвокат.— Военный писарь. Я помню, какъ онъ сюда и пришелъ въ первый разъ.

— Да, началъ опять тотъ же канцеляристъ, который удивлялся тому, что былъ и что сталъ Птичнинъ.— Я тоже помню. Еще вотъ тутъ ему подвернулся мужикъ (канцеляристъ указалъ на переднюю) и попросилъ написать прошеніе о ввѣдѣ. Онъ и приняться то не умѣлъ. Мы же показали. А теперь у него десять тысячъ вѣрныхъ есть, да домъ купленъ...

— Пожалуй, побольше десяти-то, вмѣшался кто-то.— Сколько онъ нотаріусовъ отъ себя держитъ, на своемъ залогѣ.

— Да, умѣетъ деньги наживать. Нотаріусы ему за залогъ часть дохода платятъ, а деньги, представленные въ залогъ, въ процентныхъ бумагахъ лежатъ, и, кромѣ того, доходъ приносятъ.

— Это не мы съ тобой, обратился толстый адвокатъ къ своему товарищу и хлопнулъ его по плечу.

— Гдѣ намъ, отвѣтилъ тотъ, какъ бы съ ироніей, но въ голосъ такъ и прозвучало сожалѣніе, отчего же все это досталось Птичнину.

— Вы, господа, все шикуете, оттого вамъ и не въ пользу, произнесъ кто-то изъ канцеляріи и тотчасъ прибавилъ.— Однако, вамъ лѣдно болтать отъ бездѣля, а намъ некогда.

Адвокаты занялись между собой разговорами, а канцеляріи, какъ бы торопясь наверстать потерянное время, углубились въ дѣла и книги. Исслѣдовать вопросъ о томъ, какимъ образомъ Степанъ Степановичъ преподавалъ своимъ подчиненнымъ ученіе о поклонкахъ, такъ и не удалось.

Я ушелъ изъ канцеляріи. Дверь въ залъ уголовного отдѣленія была отворена, и я, отъ нечего дѣлать, забрелъ туда. Залъ, видимо, прибрали, вывели. Даже старое сукуно, которымъ былъ устланъ полъ, казалось почище. Но залъ все-таки выглядѣлъ не очень презентабельно. Длинная, широкая, но несоразмѣрно низкая комната была мрачна. Судейскій столъ и кресла теперь не были покрыты чехлами. Полянившее сукуно и обивка, доставлявшія столько страданій моему сердцу, тоже какъ будто немного почистились. Я сталъ у шатавагоса барьера и невольно задумался. Мнѣ живо пришли на память тѣ дни, когда я притащился сюда служить неумытнѣй богинѣ. Вотъ и тотъ прорванный стулъ (теперь тоже будто починенный), который мы именovali скамьей защиты, и сидя на еѣ, я думалъ залечить раны страждущаго человѣчества. Благое намереніе оставалось при мнѣ, а, вмѣсто того, я утучнѣлъ и безъ того тучныхъ Обралова, Бузицына и прочихъ. Кому я помогъ?.. Я силится припомнить, но, увы! никто не приходилъ мнѣ на память. Всѣ, кого

я защитилъ, опять завертѣлись до того, что не завтра, такъ послѣ-завтра, ихъ опять надо судить снова. Мнѣ вдругъ припомнилось далекое дѣтство... Лѣто. деревня. Вечеромъ я стою у открытаго окна. Запахъ скошеннаго сѣна несется съ поля. Тихо. Только гдѣ-то на дорогѣ дребезжить телега. Вонь еще коростели переликаются за рѣжкой. Въ комнатѣ на столѣ, подлѣ самаго окна, горитъ свѣча. Мотыльки, одинъ за другимъ, врываются въ комнату, кружатся около пламени свѣчки, падаютъ на столъ и обожженные ползаютъ по немъ. Мнѣ очень жаль ихъ, и я употребляю всѣ усилія отогнать ихъ отъ свѣчки. Помню, какъ я былъ радъ, когда мнѣ удавалось поймать какогонибудь мотылька, пока онъ еще не обжогся. Я осторожно несъ его въ рукѣ и выкидывалъ за окно. Но мотылекъ тотчасъ же летѣлъ назадъ и, черезъ нѣсколько секундъ, обожженный уже ползалъ по столу. Я чуть не плачу. Но я никогда, или, по крайней мѣрѣ, долго, не догадывался закрыть окно... Мнѣ стало больно, когда я все сообразилъ. А сколько блистательныхъ рѣчей было произнесено здѣсь, сколько цвѣтовъ краснорѣчія разбросано, какихъ только мерзавцевъ, въ пылу ораторскаго увлеченія, мы не нарекали образцами честности, кого только не старались облгать!.. Мнѣ просто стыдно становилось припоминать, какъ бывало, до начала судебныхъ преній я и прокуроръ препирались по поводу нравственныхъ качествъ подсудимаго. Казалось, намъ бы слѣдовало помѣняться мѣстами. Прокуроръ говорилъ, что мой клиентъ, кажется, парень ничего, а я, защитникъ, утверждалъ, что такихъ мошенниковъ еще мало. Но, во время нашей бесѣды, выходилъ судъ, открывались пренія... Я и обвинитель яростно набрасывались одинъ на другого. То, что говорилось раньше, забывалось. Мы выходили изъ себя и чуть образъ не снимали со стѣны, доказывая—прокуроръ, что моего клиента надо скрутить по рукамъ и по ногамъ, до того онъ развращенъ, я—что подсудимый дитя, по своей невинности... И откуда только бралось все это, какъ поворачивался языкъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь и денегъ мнѣ за это не платилось! Все это дѣлалось мной *ex officio*. Кончались пренія, сходились мы съ прокуроромъ—и опять ничево. Никому изъ насъ не было стыдно и даже на публику, при которой происходили наши откровенныя объясненія, мы смотрѣли какъ ни въ чемъ не бывало. Да и чего, въ самомъ дѣлѣ, было стыдиться! Вѣдь мы исполняли свой долгъ... Впрочемъ, не знаю, была ли у меня даже такая мысль. Просто, какъ-то не хотѣлось ударить лицомъ въ грязь—то бы тогда сказали обо мнѣ, еслибы я, не возражая, сказалъ бы два-три слова?.. Теперь обо мнѣ думали

не иначе, какъ о молодцѣ. Да, я могъ уловить такого рода замѣчанія:

— Какъ это онъ, рассуждалъ кто-то, одобрительно кивая головой.— Ужъ кажется, на что выдѣе, а нѣтъ, гляди сколько наговорилъ. Точно и въ самомъ дѣлѣ правда.

— Такая должность, резонировалъ другой.

— Молодецъ!

Иногда кто-нибудь изъ знакомыхъ вступить непосредственно со мной въ разговоръ.

— Такъ какъ? «надо возвратить обществу честнаго человѣка»? шутилъ знакомый, повторяя мои слова и кивая на подсудимаго.

Я улыбаюсь.

— Молодецъ вы, право, молодецъ, произнесетъ знакомый и даже похлопаетъ меня по плечу.

Да, все это дѣлалось единственно изъ за титула молодца, и это ли одно...

Пока я предавался этимъ размышленіямъ въ залъ вошли два молодые адвоката. Они только что кончили курсъ и начали практиковать.

— А, зашли посмотрѣть, какъ прибрали залъ? обратился ко мнѣ одинъ изъ нихъ.

— Да, отвѣтилъ я.

— Вотъ кстати, воскликнулъ другой.— У меня къ вамъ жалоба.

— Какая? спросилъ я:— на кого?

— Вотъ на него, показалъ адвокатъ на своего товарища.— Представьте, на дняхъ защищали мы съ нимъ по одному дѣлу двухъ подсудимыхъ. Обвинялись они въ подлогѣ... Вѣдь утопилъ моего клиента ни за что, ни про что.

При этомъ онъ указалъ опять на своего товарища.

— Какъ такъ?

— Да очень просто. Никакихъ уликъ противъ моего клиента не было и прокуроръ почти вовсе его не обвинялъ. Гляжу, а онъ (адвокатъ мотнулъ головой на сотоварища) какъ началъ, ну, хуже прокурора! И обвинили.

— Да зачѣмъ же? Развѣ нужно было для оправданія другого? удивился я.

— Ни чуть. Просто такъ. Себя показать захотѣлъ. Потому и присяжные говорили, что навѣрное бы оправдали, еслибы не онъ.

Другой адвокатъ, на котораго приносилась жалоба, самодовольно улыбался, скручивая папироску.

— Да, неудалось тебѣ тогда, началъ онъ, вкладывая папирос-

жу въ мундштукъ.—Я вѣдь тебѣ еще до засѣданія предлагалъ держать пари, что не оправдають.

— Что же, по вашему, подсудимый виноватъ? спросилъ я ловкаго обвинителя.

— Кто-жь его знаетъ, отвѣтилъ онъ.—Можно предполагать. Уликъ, дѣйствительно, нѣтъ почти вовсе. Я былъ въ ударѣ тогда...

— А какъ обвинили?

— На шесть ваторги.

Провзнеся это, ловкій обвинитель даже улыбнулся и торжественно взглянулъ на своего сотоварища.

— Погоди, воскликнулъ тотъ.—Будетъ и на моей улицѣ праздникъ. Когда-нибудь и я тебѣ удружу.

Послѣдовалъ шутивый тычокъ въ животъ обидчика.

— Ну, это еще когда-то будетъ, возразилъ тотъ, поджимаясь отъ тычка.

— Когда-нибудь да будетъ... А ужъ удружу.

Я не сталъ слушать дальше и ушелъ изъ зала. Молодые адвокаты вполне утвердили меня въ мысли, что, изъ-за титула-молодца, они способны совершить многое... Несомнѣнно совершать!

Въ корридорѣ я наткнулся на нѣсколько молодыхъ кандидатовъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ на окнѣ, держа на колѣняхъ портфель, трое стояли напротивъ. Всѣ они вели оживленный разговоръ. Имъ хотѣлось какъ можно скорѣе получить мѣста. Я подошелъ.

— Безъ протекціи нѣчего и думать, говорилъ одинъ.

— Ни за что не получишь, отвѣтилъ другой.—Вонъ, Владиміръ-цевъ, сколько времени его представляли... Все ничего. А теща его попросила и живо устроила.

— Какъ это она? Говорать, чрезъ какого-то генерала.

— Да, розыскала какого-то генерала и живо оклопотала.

Таинственный генералъ заинтересовалъ всѣхъ. Объ этомъ можно было сейчасъ же безъ ошибки заключить по физиономіямъ.

— Какой это генералъ? размышляли почти всѣ.

— Это ужъ неизвѣстно. Тамъ только ей на него указали.

— Надо узнать, сказала сидѣвшій на окнѣ.

— Не говорить. Я ужъ какъ упрасивалъ, не сказала.

— Да ей что?

— По глупости; боится!

— По глупости, нѣтъ ли, а не говорить.

Кандидаты смолкли. Я былъ увѣренъ, что генералъ не вы-

ходилъ у нихъ изъ головы. Такъ и оказалось. Черезъ нѣсколь-
ко секундъ молчанія, сидѣвшій на окнѣ выдалъ свои мысли.

— Какой это такой генералъ? мучительно произнесъ онъ.

Но вопросъ такъ и замеръ безъ отвѣта. Не скоро перешли
къ другимъ предметамъ. Молчаніе опять длилось нѣсколько ми-
нутъ.

— Гдѣ будетъ осенью сессія? спросилъ одинъ очень молодой
кандидатъ.

О иѣстѣ ему думать было еще слишкомъ рано.

— Въ Пафнутевѣ и Кусальскѣ, отвѣтилъ другой.

— А развѣ въ Вишневомъ Городкѣ не будетъ?

— Нѣтъ.

— Отчего.

— Туда надо ѣхать Шипову, да онъ упросилъ общее собра-
ніе назначить въ Пафнутевѣ. Въ Вишневомъ въ сѣздѣ не-
много изъ оконъ дуетъ. Шиповъ можетъ простудиться.

— Пустяки. Тамъ сѣздъ хорошій.

— Для насъ съ тобой хорошій. А вѣдь Шипову надо 20
градусовъ тепла.

— Дѣла вѣдь Вишневогородскаго Уѣзда.

— Все равно разберуть въ Пафнутевѣ.

Разница была, дѣйствительно, не велика. Всего какихъ-нибудь
нѣсколько лишнихъ десятковъ верстъ, которыя должны были
сдѣлать свидѣтели.

— Въ Вишневомъ Городкѣ хорошо, заговорилъ молодой кан-
дидатъ.—Въ прошлый разъ, мы просто каждый день тамъ въ
карты дулись до утра. Изъ-за карты, да въ засѣданіе... Голова
трещить, всѣ какъ сонные. Только и просятъ говорить по-
меньше...

Разговоръ былъ прерванъ неожиданно. Къ намъ подбѣжалъ
еще кандидатъ.

— Слышали, кого въ Свищовскѣ назначили? кричалъ онъ
издали.—Приказъ прислать.

— Нѣтъ, встрепенулись всѣ.

— Мыльниковъ.

Нѣкоторые плюнули.

— Чтò это за безобразіе! Университетскіе по нѣскольку лѣтъ
сидятъ. Тьфу! слышалось со всѣхъ сторонъ. Особливо волновал-
ся одинъ кандидатъ, тотъ, который сидѣлъ на окнѣ. Онъ, какъ
оказалось, рассчитывалъ въ Свищовскѣ.

— Да кто же представлялъ Мыльниковъ? спросилъ кто-то.

— Никто. Онъ вѣдь приставъ, старикъ, когда-то былъ земле-
мѣромъ. Имѣніемъ прокурора Мукосѣева управляетъ.

- Вонъ она въ чемъ штука-то!
- Не можетъ быть!
- Что не можетъ быть? отвѣтили нѣсколько голосовъ сразу.
- Всѣ это прекрасно знаютъ. Это вамъ каждый въ Свищовскѣ скажетъ.

— Для чего же мы учились, если такъ?

Негодование долго не унималось. Выплылъ опять таинственный генералъ, но теперь ужъ вмѣстѣ съ нимъ въ головахъ кандидатовъ фигурировалъ и Мукосяевъ.

— Есть у меня одинъ человекъ. Съ Мукосяевымъ онъ хорошо знакомъ, началъ кандидатъ какую то комбинацію, но дослушать ее мнѣ не удалось.

Ко мнѣ подошелъ Птичкинъ. Я ужъ давно замѣчалъ, что онъ вертѣлся въ корридорѣ и нѣсколько разъ посматривалъ на меня, но съ нимъ разговаривали какіе-то два крестьянина. Онъ оторвался отъ нихъ и таинственно позвалъ меня въ сторону.

— Нужно мнѣ переговорить съ вами, сказалъ онъ тихо, почти шопотомъ.

Я изъявилъ согласіе выслушать его, но просилъ изложить дѣло немедленно. Птичкинъ отказался, объяснивъ, что дѣло его секретное и объ немъ надо долго разговаривать. По просьбѣ Птичкина, я согласился на то, что онъ вечеромъ зайдетъ ко мнѣ.

Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ къ нему подскокнлъ сторожъ солдатъ.

— Васъ Петръ Матвѣевичъ требуютъ, объявилъ онъ.— Въ кабинетъ, наверхъ.

Птичкинъ точно испугался и заметался на мѣстѣ. Лицо его приняло ужасно трусливое выраженіе. Какъ будто ему очень не хотѣлось идти на зовъ Петра Матвѣевича и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ боялся ослушаться. Наконецъ, онъ на что-то рѣшился и, отведя солдата въ сторону, сунулъ ему что-то въ руку, а потомъ началъ быстро говорить. Изъ отдѣльныхъ словъ, долетѣвшихъ до меня, я понялъ, что онъ просилъ сторожа сказать, что его, Птичкина, нѣтъ въ судѣ. Сторожъ пошелъ наверхъ, а Птичкинъ, забывши меня и мужиковъ, дожидавшихся его въ сторонкѣ, бросился къ своему верхнему платью. Черезъ нѣсколько секундъ, онъ появился одѣтый въ пальто и торопливо объяснилъ крестьянамъ, чтобы они приходили на бульваръ.

— Что это вы? спросилъ я, заинтересованный всѣмъ этимъ.

— Скажу послѣ. Такъ я ужъ найду къ вамъ, объяснилъ онъ и быстро ускользнулъ изъ суда.

Только-что убѣжалъ Птичкинъ, какъ свади меня стукнула дверь. Я оглянулся. Самъ Степанъ Степановичъ высунулъ го-

лову изъ своего кабинета и велѣлъ сторожу послать къ нему какого-то чиновника. Увидя меня, Степанъ Степановичъ вышелъ. Какъ онъ измѣнился въ такое короткое время! Обритое, смуглое лицо, сохранившее все слѣды происхожденія отъ колѣна Гадова, носило на себѣ явные слѣды страха, ужаса, отчаянiя. Впрочемъ, все это видѣлось и во всѣхъ движенiяхъ Степана Степановича.

— Что? какъ? спросилъ я.

Онъ сейчасъ же догадался, о чемъ я говорю и усиленно заморгалъ глазами, а также какъ-то необыкновенно странно весь задержался. Положимъ, это была его манера, но, Боже мой, сколько страха видѣлось теперь въ этой манерѣ!

— Должно быть, завтра, непременно, завтра, отвѣтилъ онъ убитымъ голосомъ.

— Ничего, утѣшилъ я. Мнѣ стало его жалко.

Онъ ничего не отвѣтилъ, а только вынулъ изъ кармана жидета маленькiй окурокъ сигары и, закуривъ, началъ усиленно сосать его. Такъ прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ Степанъ Степановичъ заметался на одномъ мѣстѣ и закричалъ, чтобы поскорѣ послали чиновника, котораго онъ звалъ.

— Скорѣе, какъ можно скорѣе, кричалъ онъ, но въ голосѣ его скорѣе звучалъ страхъ, чѣмъ что-либо другое.

Сторожъ опять побѣжалъ за чиновникомъ, а Степанъ Степановичъ пожалъ, кѣтъ, даже не пожалъ, а какъ-то прикоснулся къ моей рукѣ и потомъ юркнулъ въ свой кабинетъ. А прежде? Сколько бы разговоровъ было у насъ, съ какою бы любовной улыбкой онъ жалъ мнѣ руку!

Наконецъ, чиновникъ, котораго было нужно Степану Степановичу, пробѣжалъ въ его кабинетъ съ кипой бумагъ подъ мышкой. Я опять началъ ходить по корридолу. Вавилонское столпотворенiе не унималось. Сторожа, чиновники бѣгали взадъ и впередъ, какъ муравьи, у которыхъ кто-нибудь наступилъ на гнѣздо. Никто не останавливался и не говорилъ со мною. Все земное ихъ, кажется, оставило. Они не замѣчали меня.

Мнѣ стало скучно. Я пошелъ въ кабинетъ къ Степану Степановичу. Кабинетъ представлялъ совершенную противоположность канцелярiи. Въ немъ было не только чисто, но замѣчался претевнiя на щегольство. Полъ былъ устланъ ковромъ. Мебель довольно порядочная. На окнахъ занавѣски, на стѣнѣ зеркало.

Степанъ Степановичъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ. Чиновникъ стоялъ подлѣ и подавалъ одну бумагу за другой. Степанъ Степановичъ подписывалъ.

— Въ департаментъ, произнесъ чиновникъ, подавая одну особенно тщательно написанную бумагу.

Степанъ Степановичъ посмотрѣлъ бумагу со всѣхъ сторонъ, особенно тщательно подписалъ и потомъ сталъ еще разсматривать подпись. Вдругъ лицо его измѣнилось. Онъ быстро поднялся съ своего мѣста и подбѣжалъ съ бумагой къ окну. Тамъ онъ нѣсколько секундъ посмотрѣлъ на нее и вдругъ оборотился къ чиновнику.

— Что это? это что такое? скороговоркой началъ онъ и затыкалъ пальцами въ бумагу.

Чиновникъ, видимо, ничего не понималъ. Лицо его выражало полное недоумѣнiе.

— Что это такое? я васъ спрашиваю, продолжалъ Степанъ Степановичъ. — Ахъ, Боже мой, присовокупилъ онъ съ видомъ полного отчаянiя. Казалось, вотъ-вотъ силы оставить его...

— Не знаю, ваше пр—ство, отвѣтилъ чиновникъ, продолжавшiй съ недоумѣнiемъ смотрѣть то на Степана Степановича, то на бумагу.

— Да посмотрите. Боже мой! стоналъ тотъ.

Чиновникъ взялъ бумагу, посмотрѣлъ на нее и все-таки ничего не понялъ. Это видно было по его лицу.

— Вотъ сюда, сюда посмотрите, тыкалъ Степанъ Степановичъ въ свою подпись и окончательно убивался.—Подойдите къ окну.

Чиновникъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на бумагу, но, увы! все напрасно. Загадка все еще оставалась загадкой. Степанъ Степановичъ обратился ко мнѣ.

— Сдѣлайте одолженiе, посмотрите!

Я исполнилъ его просьбу, но тоже безуспѣшно. Степанъ Степановичъ уже окончательно выходилъ изъ себя отъ отчаянiя.

— Да что тутъ написано? обратился онъ къ чиновнику и указалъ на свою подпись.

— Ваша фамилiя, ваше—ство, Лейбинъ, отвѣтилъ, заминаясь, чиновникъ.

— Нѣтъ-съ, не Лейбинъ, а Хейбинъ, какъ-то выкрикнулъ Степанъ Степановичъ.—Посмотрите, пожалуйста, опять обратился онъ ко мнѣ.

Теперь-то, наконецъ, и то съ помощью указанiй Степана Степановича, мы увидѣли въ бумагѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была подпись, едва замѣтный волосокъ. Волосокъ, если внимательно вглядѣться, приходился немного на крестъ съ первой буквой фамилiи Степана Степановича, которую онъ подписывалъ тонкими прямыми линiями. Степану Степановичу представилось, что выходитъ Хейбинъ.

— Перепишите, сейчасъ перепишите, распорядился онъ и разорвалъ тотъ листъ, на которомъ была сдѣлана подпись.

Отъ волненія онъ не могъ даже сидѣть и началъ ходить по кабинету.

— Помните, какъ это можно, говорилъ онъ.—Право, когда-нибудь не увидишь и пойдешь; въ такомъ видѣ и пойдешь.

Чиновникъ ушелъ, напутствуемый сердитымъ взглядомъ начальника и приказаніемъ переписать бумагу.

— Видите, какіе у насъ чиновники, обратился ко мнѣ Степанъ Степановичъ.—Сейчасъ попадешь подъ судъ или получишь неприятность. А для этихъ бумагъ еще держится особый писецъ.

— Кто тамъ станетъ разглядывать, замѣтилъ я, желая смягчить волненіе Степана Степановича.

— Ахъ, полноте! Какъ это можно! а вдругъ замѣтатъ, заволновался онъ.

Я прекратилъ ужасный разговоръ, уйдя изъ кабинета, и сталъ ходить опять по корридолу. Мнѣ было очень не хорошо. Я удивлялся, какъ я не замѣчалъ раньше того, что мнѣ пришлось замѣтить сегодня...

Опять хлопнула дверь изъ кабинета. Степанъ Степановичъ показался въ корридорѣ.

— Курилкинъ, Курилкинъ! закричалъ онъ.

Но сторожа Курилкина не оказалось. Степанъ Степановичъ выходилъ изъ себя, призывая его. Наконецъ, сторожъ явился.

— Гдѣ это ты пропадаешь? не то плакалъ, не то раздражался генералъ; но предаваться гнѣву было некогда. Гроза была надъ нимъ самимъ. Степанъ Степановичъ, суетясь, спросилъ, здѣсь ли его лошади.

Курилкинъ сбѣгалъ узнать и доложилъ, что лошадей нѣтъ. Это опять повергло Степана Степановича въ горестное состояніе.

— Сейчасъ сбѣгать за извозчикомъ, рѣшилъ онъ.

— Куда прикажете нанимать? освѣдомился Курилкинъ.

— Куда? Ну, туда, туда, метался Степанъ Степановичъ. У него отшибло память и онъ, очевидно, не могъ вспомнить то, что ему было нужно.— Въ домъ! да, въ домъ, гдѣ отведена квартира его — ству.

Курилкинъ пошелъ за извозчикомъ, а Степанъ Степановичъ убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ. Но ему тамъ не сидѣлось. Тотчасъ же онъ выскочилъ въ корридоръ, самъ надѣлъ свое пальто и нетерпѣливо топтался на одномъ мѣстѣ. Ему, должно быть, казалось, что Курилкинъ ходитъ страшно долго, тогда какъ всего прошло нѣсколько минутъ. Я подошелъ.

— Читали газеты? спросилъ я, чтобы развлечь его.—Сколько болгаръ вырѣзали турки!

— Болгары, турки, а? что? лепеталъ Степанъ Степановичъ,

занятый какими-то тяжелыми мыслями и, очевидно, ничего не понимавший.

Я увидѣлъ, что сдѣлалъ глупость и замолчалъ. Наконецъ, явился Курилкинъ и проводилъ Степана Степановича.

— Безпокоятся все насчетъ квартиры, объяснялъ Курилкинъ съ какой-то особенной улыбкой.—Сами до всякой малости доходить, добавилъ онъ и сталъ поправлять пальто на вѣшалкѣ.

Мнѣ захотѣлось узнать, что дѣлается въ канцеляріи уголовного отдѣленія и я пошелъ туда. Уголовная канцелярія ничѣмъ не отличалась отъ гражданской и чуть ли даже была не грязнѣе ея. Писцы сидѣли и писали. Очевидно, они сильно торопились.

— Ну, что, написалъ? говорилъ одинъ другому черезъ столъ.

— Сейчасъ, напишу, отвѣчалъ тотъ.

— Покуримъ.

— Ну, тебя. Допишу сначала.

— Пишите, пишите, пожалуйста, поскорѣе, понукалъ сидѣвшій въ сторонѣ чиновникъ.—Потомъ покурите. Дмитріевъ, дай-ка дѣло о Конюховѣ.

Дѣло было подано.

— Торопитесь? спросилъ я чиновника, который принялся перелистывать дѣло:

— Бѣда, да и только, махнулъ онъ рукой.—Вдругъ вздумали при ревизорѣ дѣло разбирать. Вотъ и поремъ горячку, повѣстки всѣмъ разослать надо. Извольте успѣть.

— Сюрпризъ будетъ для подсудимаго, сказалъ я.

— Дѣйствительно сюрпризъ, согласился чиновникъ.—Онъ какъ-то, съ недѣлю тому назадъ, приходилъ сюда, спрашивалъ, когда будетъ слушаться его дѣло. Мы сказали: мѣсяца черезъ два, а вдругъ теперь...

— Да что это они вздумали?

— Такъ... Захотѣлось ревизору показать, какъ они судятъ. Оторвутъ людей отъ работы, время-то теперь вѣдь горячее. Натѣка, возьмите дѣло, прибавилъ онъ и закурилъ папироску.

— Устали, продолжалъ чиновникъ, потягиваясь.—Хоть бы скорѣе кончилось все это... Ну, что, повѣстки?

— Сейчасъ готовы, отозвались писцы.

— Однихъ свидѣтелей десять человекъ, мотнулъ головой чиновникъ, принимая повѣстки.

Я сѣлъ было на окно, но тотчасъ же долженъ былъ соскочить. Поднялась ужаснѣйшая пыль.

— Постойте-ка, повернулъ меня какой-то писецъ и принялся усердно чистить мой сюртукъ. Я посмотрѣлъ въ полуоборотъ.

Фалды были въ пыли и известкѣ. Точно я побывалъ на мельницѣ.

— Однако, у васъ не хорошо, сказалъ я.

— У насъ по старому, согласился какой-то писецъ.— Говорять, здѣсь чистить не будутъ. Сюда ревизоръ не пойдетъ.

— А еще въ черныхъ сюртукахъ приходятъ велать, говорили чиновникъ, чистившій меня.— Тутъ ежели и есть у тебя, такъ не надѣнешь. Въ полицейскомъ управленіи чище.

Я ужъ направился было изъ суда, но въ корридорѣ кто-то схватилъ меня за руку.

— Куда?

Я оглянулся. Позади меня стоялъ одинъ товарищъ прокурора, маленькій человѣчекъ въ очкахъ, очень молодой.

— Куда спѣшите? повторилъ онъ. Зайдемте-ка къ намъ.

Зашли. Прокурорская на видъ была все-таки почище судейскихъ комнатъ и даже обнаруживала, какъ и кабинетъ Степана Степановича, претензію на щегольство. Столъ покрытъ хорошимъ сукномъ, стулья очень порядочные. Былъ даже шкафъ съ книгами, конечно, самаго уголовного содержанія. На полу порядочный коверъ, на окнахъ шторы. Но все это, само собою разумѣется, обрѣталось только въ комнатѣ, назначенной для пребыванія прокурора и его товарищей. Въ канцеляріи же было почти тоже, что и въ судѣ.

Въ прокурорской никого, кромѣ насъ, не было. Усѣлись курить.

— Чтѣ подѣлываете? спросилъ я.

— Да вотъ къ ревизіи готовимся, отвѣтилъ товарищъ.— Мы не боимся. У насъ дѣло вѣдь не залежится. Еще раньше срока даемъ ходъ. А вы, небось, все читаете?

Я ничего не отвѣтилъ и товарищъ продолжалъ.

— Охота вамъ этой ерундой заниматься?

— Какъ такъ?

— Да такъ. Ну, что хорошаго. Нѣтъ, я съ самаго университета бросилъ, вотъ десять лѣтъ. Лучше дѣломъ заняться.

— Какимъ дѣломъ?

— Агтъ обвинительный написать, дѣло прочитать хорошенько. Лучше какуюнибудь каналью пробрать какъ слѣдуетъ.

Привелъ секретарь и положилъ передъ товарищемъ цѣлую кипу дѣлъ. Товарищъ тотчасъ же бросился разбирать ихъ.

— Убийство... отличной разбой... хорошо! Ну, пошли кражи... Онъ недовольно прокинулъ нѣсколько дѣлъ.— А! еще убійство. Вотъ мы ихъ проберемъ.

Онъ прихлопнулъ рукой по кипѣ дѣла и самодовольно улыбнулся. Потомъ сосчиталъ дѣла.

— Сорокъ восемь. Отлично!

— Что отлично? спросилъ я.

Товарищъ посмотрѣлъ на меня.

— Есть что почитать! Сейчасъ приду домой и примусь.

Онъ даже какъ-то причмокнулъ и опять посмотрѣлъ на меня черезъ очки. По лицу его было видно, что онъ, дѣйствительно, очень доволенъ.

Вошелъ другой товарищъ и, поздоровавшись съ нами, тотчасъ принялся разсматривать дѣла, которыя были положены передъ его мѣстомъ.

— А! дѣло Гришина! обрадовался онъ, вытаскивая изъ кипы одно дѣло.—Я ужъ давно поджидалъ его.

— Какое это дѣло? отнесся къ товарищу его коллега.

— Убийство; интересно, очень интересно. Ну! просто, никакихъ уликъ, а мнѣ кажется, что онъ убилъ.

— Гдѣ пойдетъ дѣло? заинтересовался товарищъ.

— Въ Зломъ, должно быть.

— О, тамъ присяжные хороши!

— Надо обвинить, заговорилъ товарищъ, перебирая дѣло Гришина.—Тонкія улики!

Онъ нѣсколько разъ потеръ руки и погрузился въ дѣло... Въ это время въ соборѣ, который былъ противъ суда, зазвонили во всѣ колокола. Мы подошли къ окну. Изъ собора показалась процессія съ образами и хоругвями. Товарищъ, мечтавшій объ обвиненіи Гришина, усердно молился...

Въ кабинетъ въ это время вошелъ знакомый мнѣ судебный слѣдователь изъ уѣзда. Когда онъ тоже освѣдомился о ревизіи и получилъ также увѣреніе, что прокурорскій надзоръ нисколько не труситъ, то разговоръ перешелъ на другіе предметы. Впрочемъ, главная суть разговоръ было изысканіе средствъ къ изловленію и затѣмъ подведеніе такой обстановки, чтобы изловленному потомъ уже не пришлось гулять по бѣлому свѣту. Такъ какъ разговоръ подобнаго свойства уже не совсѣмъ плѣнялъ меня, то я слушалъ однимъ ухомъ. Но вдругъ, знакомая фамилія, произнесенная слѣдователемъ, привлекла мое вниманіе.

— Зуйковъ, говорилъ слѣдователь:—да это первый мошенникъ и эксплуататоръ въ нашемъ уѣздѣ. Отъ него всѣ крестьяне ревя ревутъ, всѣхъ ограбилъ. Я давно добираюсь до него, да все неудается.

— Какой это Зуйковъ? живо спросилъ я.

— Купецъ (слѣдователь назвалъ имя и отчество Зуйкова). А

развѣ вы его знаете? Первый мошенникъ! Онъ вѣдь и разбогатѣлъ-то отъ фальшивыхъ денегъ. По крайней мѣрѣ, такой слухъ. У мужиковъ послѣднюю телушку со двора тащить. И чѣмъ богаче станеть, тѣмъ ненасытнѣе.

Я молча слушалъ. Зуйковъ—не оставалось никакого сомнѣнія—былъ тотъ самый купецъ, который утромъ передалъ мнѣ векселя на девяносто тысячъ. Италъ я трудился по прежнему для тѣхъ же Кузницына, Обиралова и проч.

— Вотъ недавно, продолжалъ слѣдователь:—какъ онъ одного помѣщика обчистилъ. Тотъ полоумный, а отъ постоянного пьянства сдѣлался окончателно идиотомъ. Съ женой у него теперь не лады, а раньше онъ выдалъ ей векселя на довольно крупную сумму. Стало ему жаль платить, а Зуйковъ подстроился къ нему, увѣрилъ, что жена продастъ имѣнье и помѣщику нечего не останется. По совѣту Зуйкова, помѣщикъ выдалъ ему векселей, что-то тысячъ на сто. Это для того, чтобы, какъ выражается помѣщикъ, убить женнины векселя. Зуйкову достанется большая часть изъ имѣнія при продажѣ и помѣщикъ увѣренъ, что Зуйковъ эти деньги отдастъ ему назадъ. Такъ помѣщику обѣщано.

— Кто этотъ помѣщикъ? почти вскричалъ я.

Слѣдователь назвалъ того самаго господина, отъ имени котораго были написаны векселя, принесенные ко мнѣ Зуйковымъ.

Я не сталъ больше сидѣть въ прокурорской и побѣжалъ изъ суда. У меня явилась мысль сейчасъ розыскать Зуйкова и бросить ему его векселя; но гдѣ я стану искать его? Порѣшилъ написать письмо, а самъ пошелъ на бульваръ.

Тамъ было такъ хорошо подъ тѣнистыми липами. Съ террасы открывался видъ на обрестности Сонногородска. Внизу рѣка, по которой тянулись плоты. Солнце заливало своими лучами и эту рѣку, и противоположный высокій берегъ ея, на которомъ было видно село, съ церковью и барскимъ домомъ. Огромный тѣнистый садъ окружалъ домъ и спускался къ самой рѣкѣ. Налѣво—поля, съ раскиданными по нимъ кучами деревьевъ, дорога, обсаженная съ обѣихъ сторонъ березами. Тихо. Только экипажи, да телеги громыхаютъ на мосту.

Птичкинъ пріютился на бульварѣ и бесѣдовалъ съ крестьянами, разсматривая синіе ласты. Я сѣлъ на лавку.

На бульварѣ появился тотъ самый гостиннодворецъ, который просилъ меня поучить его, какъ показывать. Онъ чѣмъ-то былъ очень опечаленъ и, увидя меня, подсѣлъ ко мнѣ.

— Былъ у г. Обмылова, началъ онъ.

• — Ну, что же?

— Помилуйте, такъ меня напугалъ, что я просто не знаю,

что и дѣлать. Говорить, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, мнѣ нѣчего и ходить въ слѣдователю, потому что дѣло можетъ быть худо. Всякій разъ, по ихъ мнѣнiю, надо совѣтоваться, какъ идти въ допросу.

Гостиннодворецъ разсказалъ мнѣ кое-что изъ того, что наговорилъ ему Обмылковъ. Изъ словъ послѣдняго, дѣло было настолько скверно, что прогулка въ далекія Палестины была неизбѣжна. Однако, если пригласить Обмылкова, то отъ нея можно было и освободиться.

— Я бы и пригласилъ ихъ, рассуждалъ купецъ:— да цѣну-то они просятъ очень большую.

— А сколько?

— Пять тысячъ.

— Вы бы сходили къ кому-нибудь другому, предложилъ я.

Г. Обмылковъ, какъ оказалось, мелко не плавалъ.

— Боюсь, какъ бы чего не вышло. Г. Обмылкову вѣдь я разсказалъ все. А ну, передать?

Я молчалъ.

— Не знаю, что и дѣлать, раздумывалъ мой собесѣдникъ. Ему было и тяжело проститься съ пятью тысячами и боязно отвѣзаться отъ Обмылкова.

Мы оба молчали. Въ это время мимо бульвара проѣхалъ Степанъ Степановичъ. Гостиннодворецъ проводилъ его глазами.

— Безпокоится Степанъ Степановичъ, сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышались печаль и безпокойство, навѣянное Обмылковымъ.— Все насчетъ квартиры безпокоится...

— Какой квартиры? спросилъ я.

— У нашего знакомаго отведена квартира-то ревизору, отвѣчалъ Чистохватовъ.— Такъ Степанъ Степановичъ по нѣскольку разъ въ день ѣздитъ. Все имъ кажется ничего, да вотъ только одно мѣсто сильно безпокоитъ.

— Что такое? не понялъ я.

— Ну, знаете, какое мѣсто.

Купецъ, видя, что я не поддерживаю бесѣду, ушелъ, но на смѣну его тотчасъ явился Птичинъ, который покончилъ дѣла съ крестьянами и свертывалъ въ пукъ съ старыми дѣлами нѣсколько синихъ листовъ.

— Можно поговорить съ вами теперь? освѣдомился онъ.

Мнѣ было не до разговора, но хотѣлось отдѣлаться скорѣе и не ждать его вечеромъ. Я кивнулъ головой.

— Только, пожалуйста, чтобы это дѣло осталось между нами, предупредилъ Птичинъ, садясь подлѣ меня.— Ужъ вы никому.

Такое вступленiе не особенно было мнѣ прiятно, потому что

я сейчас же предположилъ, что Птичкинъ во что-нибудь влетѣлъ и хочетъ посоветоваться со мной о томъ, какъ бы ему избѣгнуть сѣтей ловчихъ; но дѣло оказалось не то.

— Обижаетъ меня Петръ Матвѣевичъ, сказалъ Птичкинъ.

— Какъ?

— Да вотъ какъ. Когда я держалъ экзаменъ на свидѣтельство... боязно, ну, я и пригласилъ Обмылкова позаняться со мной. Вдругъ, одинъ разъ зоветъ меня Петръ Матвѣевичъ въ кабинетъ. Никого, кромѣ его, тамъ нѣтъ. Сталъ онъ разговаривать со мной объ экзаменѣ, а сначала поговорилъ о томъ, о семъ, пугаетъ, что экзамены будутъ строгіе. Откуда-то, вижу, знаетъ, что я занимаюсь съ Обмылковымъ. Съ нимъ, говорить, не приготовиться, онъ самъ не много знаетъ. Я испугался. Вдругъ онъ предлагаетъ мнѣ заниматься съ нимъ. Не знаю, что дѣлать? Дайте, говорю, подумать до завтра. Согласился. Разсердить его нельзя, сами знаете, дѣла, а я заниматься съ нимъ страшно. Все-таки, на другой день сказалъ, что буду съ нимъ готовиться. Велѣлъ приходить утрами въ кабинетъ, а на домъ къ нему не ходить. Въ этотъ же день, только я пошелъ изъ кабинета, воротилъ и попросилъ немедленно полтора рубля. Не дать нельзя, далъ. Потомъ еще, въ разное время, перебралъ у меня, всего рублей триста. Просить теперь еще — что мнѣ дѣлать? научите.

Но я не отвѣтилъ ему ничего, а спросилъ, занимался ли съ нимъ Петръ Матвѣевичъ въ дѣйствительности-то.

— Такъ нѣсколько разъ заходилъ я въ кабинетъ, но занятій не было, говорили о пустякахъ. Далъ только онъ мнѣ листъ и велѣлъ выучить, что на немъ написано. А что въ немъ учить, вотъ я вамъ его покажу. Потомъ велѣлъ идти на экзаменъ—ну, выдержалъ.

— Спрашивалъ онъ васъ самъ?

— Такъ кое-что. Научите, что мнѣ дѣлать? Пристасть съ деньгами. Не дать боюсь, а давать—до которыхъ же поръ?

Я не зналъ, вѣрить мнѣ Птичкину, или нѣтъ. Онъ какъ бы угадалъ мое сомнѣніе.

— Вотъ листъ, который онъ мнѣ далъ.

Я взглянулъ на листъ, поданный мнѣ Птичкинымъ. Содержаніе до-нельзя знакомо: на листѣ переписано, съ кое-какими до-бавленіями, оглавленіе, приложенное къ гражданскимъ законамъ.

— А вотъ еще, продолжалъ Птичкинъ разбивать мои сомнѣнія.—Его записки: написалъ на имя хозяина моей квартиры. Самъ предложилъ. Однако, на мое имя писать не осмѣлился.

И листъ, на которомъ было изложено оглавленіе, и росписки были писаны рукой Петра Матвѣевича. Сомнѣнія быть не могло.

— Что мнѣ съ-ними дѣлать, размышлялъ Птичкинъ, глядя на росписки.—Только бросить!

Однако, бросить онъ не рѣшился, а положилъ въ портфель, откуда онѣ были вынуты. Я кое-какъ успокоилъ Птичкина, если только былъ въ состояніи кого-нибудь успокоить. У меня путалось въ головѣ...

Птичкинъ и Чистохватовъ доканали меня своими сообщениями. Я сидѣлъ на скамьѣ и ничего не видѣлъ... Во мнѣ что-то происходило очень непріятное.

Кончилось тѣмъ, что я не сталъ дожидаться чистыхъ, какъ хрусталь, дѣлъ и, въ одно прекрасное утро распорядился не пускать къ себѣ никакихъ кліентовъ.

Степана Степановича я послѣ этого хорошенько не видалъ и какъ сошла ревизія, не знаю.

Должно быть, однако, все обошлось благополучно. Это я заключаю изъ того, что ревизоръ приглашалъ Степана Степановича на чай, но чаемъ ли угощалъ, конечно, неизвѣстно. Я случайно узналъ объ этомъ: я шелъ мимо квартиры, отбѣденной ревизору, и вдругъ увидѣлъ Степана Степановича. Онъ стоялъ на крыльцѣ и курилъ папирску, которую держалъ въ рукавѣ. Увидавъ меня, онъ поманилъ пальцемъ (кричать онъ не рѣшился). Я не хотѣлъ было подходить, но у него было такое лицо, что мнѣ вдругъ пришло въ голову, не схватили ли его спазмы—и подошелъ. Онъ сказалъ мнѣ, что приглашенъ на чай, и вотъ сейчасъ пойдеть, только покурить. (Тамъ курить, должно быть, онъ боялся). Я хотѣлъ было уйти, но онъ вздохнулъ и жалостно попросилъ посмотрѣть, нѣтъ ли на немъ дождевыхъ капель. Хотя дождикъ накрапывалъ, но капель не оказалось.

— Да, на чай приглашалъ, еще разъ сказалъ Степанъ Степановичъ, но такъ жалобно, что я подумалъ: «ой, врешь, на чай ли, полно».

Уходя, я обернулся и увидалъ, что онъ все еще стоитъ на крыльцѣ. Вдругъ онъ поднялъ руку къ звонку, но рѣшимость, должно быть, оставила его, и рука опустилась. Сборо ли онъ осмѣлился и позвонилъ, не знаю. Я ушелъ далеко и, оглядываясь нѣсколько разъ, видѣлъ, что онъ все еще на крыльцѣ и то подниметь къ звонку, то опустить свою руку.

Н. Яковлевъ.

(Съ англійскаго).

Не во дни надеждъ и ликования
Мы любви всю силу узнаемъ,
Съ глубиной ея очарования
И съ ея живительнымъ огнемъ.
Для сердцецъ лучи ея сияютъ—
Средь невзгодъ земного бытія,
Бурь и тьмы, когда насъ оставляютъ
Свѣтлыхъ дней минутные друзья.

Да, любовь—не огонекъ блудящій,
Не игра летучихъ облаковъ;
То—костеръ, во тьмѣ ночной горящій,
То—маякъ, спасающій пловцовъ,
То—бальзамъ, что сердце, злой тревогой
И бѣдой убитое, живить,
То—очагъ, что въ хижинѣ убогой,
Занесенной вьюгами, горить.

Д. Михаловскій.

ИЗЪ ИСТОРИИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА.

Въ этой, второй, части «Исторіи моего хозяйства»¹ я опишу мое имѣніе и хозяйство, какое въ немъ нашелъ, когда явился сюда въ 1871 году. Затѣмъ, расскажу какъ я повелъ свое хозяйство по новому, какія сдѣлалъ измѣненія въ *системѣ* хозяйства и какихъ достигъ результатовъ.

Достигнутые мною результаты показываютъ, что въ нечерноземной полосѣ, даже у насъ въ Смоленской Губерніи, *хозяйничать и въ настоящее время можно, заниматься хозяйствомъ стоитъ.*

Въ семь лѣтъ, не внося въ имѣніе никакихъ капиталовъ извнѣ, при помощи средствъ, извлеченныхъ изъ самого имѣнія, я достигъ до того, что производительность имѣнія *утроилась*, то есть, тотъ же участокъ земли сталъ производить на сумму, втрое большую, хлѣба, льна, молока и пр. И въ то же время цѣнность имѣнія, по меньшей мѣрѣ, *удвоилась*. Запущенное, бывшее совершенно въ такомъ же видѣ, какъ и другія, имѣнія въ 7 лѣтъ достигло цвѣтущаго состоянія и рѣзко отличается отъ окрестныхъ имѣній: количество пахатныхъ земель удвоилось, удвоилось количество покосовъ, удвоилось количество ежегодно вывозимаго на поля навоза, получаемый въ имѣніи хлѣбъ славится въ округѣ своею чистотой и охотно покупается по высшей противъ другихъ цѣнѣ, заведены земледѣльческія орудія, инструменты, лошади, сбруя, улучшенъ скотъ, всегда есть въ конторѣ деньги и никакіе платежи не задерживаются ни на минуту.

Семь лѣтъ имѣніе прокармливало меня, живущаго въ немъ безвыѣздно, дѣтей, прѣзжающихъ на лѣто, тридцать человекъ служащихъ и рабочихъ, изъ коихъ нѣкоторые успѣли уже сдѣлать порядочныя сбереженія, и давало заработокъ крестьянамъ сосѣднихъ деревень. Въ настоящее время, годовой расходъ по

¹ Первая часть напечатана въ «Огнестенныхъ Запискахъ» за 1876 годъ № 1 и 3.

имѣнію достигаетъ 5000 рублей и это—считая только то, что выплачивается наличными деньгами, и не считая расходовъ на содержаніе меня, служащихъ и рабочихъ, собственныхъ, непокупныхъ продуктовъ, доставляемыхъ имѣніемъ, то есть, не считая хлѣба, мяса, соли, овощей, употребляемыхъ на харчи. А между тѣмъ, одной ржи на хлѣбъ выходитъ въ годъ до 80 четвертей, убивается до десяти штукъ скота, штукъ 20 барановъ, 5 или 6 створмленныхъ свиней и пр.—все въ такомъ же размѣрѣ. Покупается только то, что неудобно, невозможно, или невыгодно производить дома; слѣдовательно, большая часть расходовъ суммы идетъ на жалованье служащимъ и рабочимъ, на уплату за сдѣланные работы и поденщикамъ, на покупку кормовъ и т. п. На продукты заграничнаго происхожденія, на фабричныя издѣлія мы тратимъ очень мало, лишь на самое необходимое, но, тѣмъ не менѣе, однихъ косвенныхъ налоговъ (водка, соль, табакъ и пр.) съ имѣнія сходитъ до 400 рублей въ годъ.

Оплачивая такіе расходы своею производительностію, земля между тѣмъ не истощилась; напротивъ, обогатилась, потому что ежегодно прикупаются кормы, преимущественно конопляные жмыхи, съ которыми въ имѣніе ввозится болѣе кали, фосфорной кислоты, чѣмъ сколько вывозится съ продаваемыми продуктами: рожью, льнянымъ сѣменемъ, льномъ, молокомъ и пр.

Правда, за эти семь лѣтъ я ничего не отложилъ въ кубышку, не прикупилъ новыхъ земель, не выдавалъ денегъ на сторону, а всѣ получаемые доходы тотчасъ же вкладывалъ въ землю, расширяя дѣло. Правда, я не настроилъ красивыхъ домовъ, скотныхъ дворовъ, цвѣтниковъ, не имѣлъ алегантныхъ экипажей и лошадей, не держалъ поваровъ и лакеевъ, вообще, я жилъ не роскошно, но все-таки же не дурно, не хуже, чѣмъ живетъ въ городѣ чиновникъ средней руки.

Необходимо только замѣтить одно: первые три года я получалъ по 1200 рублей въ годъ оброку съ крестьянъ, что дало мнѣ возможность продержаться первые годъ, обзавестись инвентаремъ и скотомъ, покрыть первыя собственныя ошибки по хозяйству. Теперь эти деньги возвратились и находятся въ инвентарѣ, скотѣ и запасномъ — на черный день—фондъ кассы. Не будь оброковъ, пришлось бы продать болѣе лѣсу или часть земли, или, наконецъ, сдѣлать долгъ.

Теперь на имѣніи нѣтъ долговъ и цѣнность имѣнія по меньшей мѣрѣ удвоилась.

И все это сдѣлалъ я, человѣкъ не умѣющій, не способный даже самъ работать, человѣкъ, который не можетъ обойтись

безъ мужика, который двадцать лѣтъ лучшей поры жизни провель въ городѣ на службѣ, человекъ, неопытный въ практическомъ хозяйствѣ, неминуемо дѣлавшій множество ошибокъ, за которыя платило имѣніе.

Чѣмъ же достигнуть такой результатъ? Достигнуть онъ *измненіемъ системы* хозяйства, что дало возможность за тотъ же трудъ, за то же число пудофутовъ работы, получать изъ земли болѣе кулей ржи, болѣе пудовъ льна и мяса, болѣе ведеръ молока, что дало возможность *заставить силу солнечнаго луча работать въ томъ направленіи, какъ нужно хозяину*, и вмѣсто лозы производить льняное волокно, вмѣсто еловыхъ шишекъ—рожь. И достигнутый результатъ—еще не предѣлъ, потому что до сихъ поръ разработана *только часть* земель; остается еще много земли пустыщей, мало производщей, а, между тѣмъ, способной еще дать сотни кулей ржи, пудовъ льна, ведеръ молока. Да, кромѣ того, до сихъ поръ еще болѣшая часть работъ производится тѣми же примитивными ручными способами, какъ и у крестьянъ; обращено мало вниманія на сокращеніе труда помощію механическихъ приспособленій, на пользованіе силой вѣтра, силой воды, протекающихъ по имѣнію ручьевъ...

Достигнутые при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ—а въ числѣ ихъ самымъ неблагоприятнымъ я считаю то, что *не умю самъ работать, какъ мужикъ*, и веду хозяйство при помощи людей, въ немъ *незаинтересованныхъ*, работающихъ подневольно, не на себя—результаты показываютъ, что *земли наши еще богаты*, очень богаты, что при *правильномъ* приложеніи труда огромныя пространства теперь пустыщей, стоящей непродуцительно земли могли бы дать такія массы хлѣба и всякихъ продуктовъ, что міръ удивился бы *нашимъ колоссальнымъ богатствамъ*.

Земли у насъ много, земля богата, *а истощится, такъ у насъ есть богатѣйшія въ мірѣ залежи фосфоритовъ*; но громады пространства земли пустыютъ непродуцительно, потому что тѣ, которымъ принадлежатъ земли—какъ собака на снѣгъ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ—оставивъ пустовать свои земли, заказавъ ихъ, чтобы никто не трогалъ, производя на нихъ лишь столько, чтобы содержать управляющаго имѣніемъ старосту, который играетъ роль столба, указующаго, что земля принадлежатъ кому-то—не тронь, значить, сами ушли въ города, гдѣ, сидя по канцеляріямъ, ворчатъ, ноютъ и пишутъ—пишутъ законы, которыхъ и безъ того написано уже столько, что, какъ говорить знакомый еврей Абрамъ: «если по законамъ жить, такъ самому господину становому жить будетъ не можно, потому что

ты плюнуть на право, а по закону можетъ нужно плевать на лѣво».

Вспомнить, что «хозяйничать не стоитъ», что «въ деревнѣ нынче жить невозможно». Не правда это.

Вспоминая, какъ сожалѣли пріятели о моемъ несчастіи, когда, семь лѣтъ тому назадъ, судьба выкинула меня въ деревню—я невольно улыбаюсь. Теперь я благодарю судьбу... Здѣсь, въ этомъ вольномъ воздухѣ, на этомъ привольи полей и лѣсовъ, среди этого обхватывающаго человѣка, наполняющаго все существо его дѣла, настоящаго дѣла, здѣсь, среди этой невозмутимо-спокойной, сѣрой массы, среди этихъ людей, ежедневно совершающихъ, не сознавая того, геройскіе подвиги, какъ простое дѣло, здѣсь, въ деревнѣ, я позналъ сладость свободы, нашелъ покой, счастье, почувствовалъ у себя подъ ногами почву, сдѣлался синономъ своей родины, позналъ ея силу, могущество, богатство, непобѣдимость.

Имѣніе, въ которомъ я хозяйничаю съ 1871 года, село Батищево, находится въ Дорогобужскомъ Уѣздѣ Смоленской Губерніи, близъ линіи московско-брестской желѣзной дороги, верстахъ въ 15-ти отъ станціи Дорогобужъ и верстахъ въ семи отъ полустанціи Дурово. Отъ уѣзднаго города Дорогобужа оно отстоитъ въ 35-ти верстахъ.

Въ полномъ своемъ составѣ, то есть, до надѣленія крестьянъ землею, Батищево имѣло 940 казенныхъ десятинъ земли въ одной межѣ, т. е. 9 квадратныхъ верстѣ. Земля имѣетъ нѣсколько удлиненную въ направленіи отъ Сѣвера къ Югу фигуру, и длина ея въ этомъ протяженіи составляетъ около 4½ верстѣ.

По имѣнію протекаетъ, впадающая въ Днѣпръ, рѣчка Вержи, которая течетъ съ Запада на Востокъ, и дѣлитъ имѣніе на два участка. Въ южномъ, лежащемъ на правомъ берегу Вержи, участкѣ, заключается 530 десятинъ, а въ сѣверномъ — 410 десятинъ.

Двѣ принадлежавшія къ имѣнію деревни лежатъ въ сѣверномъ участкѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Вержи. Эти деревни получили въ надѣлъ ту землю, которая находилась въ ихъ пользованіи до «Положенія», всего около 325-ти казенныхъ десятинъ, изъ коихъ 305 десятинъ лежатъ въ сѣверномъ участкѣ, и около 20-ти десятинъ — въ южномъ. Крестьянскими надѣлами принадлежащая мнѣ земля дѣлится на два не имѣющіе между собою прямого сообщенія участка: въ южномъ участкѣ, на правомъ берегу Вержи, заключается 510 десятинъ:—здѣсь находится усадьба съ хозяйственными постройками, всѣ полевыя угоды и

покосы. Другой, *сѣверный*, участокъ въ 105 десятинахъ, на лѣвомъ берегу Вержи, тянется узкою полосою позади крестьянскихъ надѣловъ и отдѣляетъ ихъ отъ земель сосѣдняго владѣльца.

Рѣка Вержа течетъ съ Запада на Востокъ въ узкой болотистой долинѣ, сажень въ 200—300 шириною, дно которой находится подъ покосами, мовми—на правомъ берегу, и крестьянскими—на лѣвомъ. Довольно отлогіе съ моей стороны, и болѣе крутые—съ крестьянской берега долины находится подъ пашнями.

Въ продольномъ направленіи, съ Сѣвера на Югъ, имѣніе разсѣвается опять-таки на два, довольно равные участка—восточный и западный—проселочною дорогою, идущею изъ г. Вязьмы въ г. Духовщину; на этой дорогѣ стоитъ усадьба, въ южномъ участкѣ, моя мельница на Вержѣ и деревня Батищево въ сѣверномъ участкѣ.

Сѣверный участокъ, лежащій за крестьянскими надѣлами, граничитъ съ владѣніями богатаго помѣщика, ведущаго въ этомъ имѣніи обширное хозяйство, съ посѣвомъ клевера, льна, молочнымъ скотомъ. Въ его усадьбѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ меня, находится швейцарская сыроварня, на которую я сбываю свое молоко.

Южный участокъ граничитъ съ надѣлами и землями, находящимися въ пользованіи крестьянъ четырехъ деревень; межн точно опредѣлены живыми урочищами, копями, канавами—изгородей нѣтъ. Крестьяне трехъ деревень зажиточны, даже, по здѣшнему, богаты, занимаются преимущественно земледѣіемъ и не ходятъ на дальніе заработки. Крестьяне четвертой деревни бѣдны. Главный зимній промыселъ крестьянъ—пилка и возка дровъ на желѣзную дорогу и грузка вагоновъ. Полеводство у крестьянъ трехпольное, съ значительнымъ посѣвомъ картофеля и ячменя въ яровомъ клину; льномъ крестьяне до моего пріѣзда не занимались, но производство пеньки сильно развито, для чего при деревняхъ имѣются огороженные участки—конопляники, на которыхъ ведется интенсивная культура конопли. Здѣшняя пенька и конопля пользуется заслуженною извѣстностью.

Изъ принадлежащихъ мнѣ двухъ участковъ земли—сѣверный въ 105 десятинахъ, находился, до моего пріѣзда, подъ лѣсомъ, именно: 70 десятинахъ было подъ казанымъ крупнымъ смѣшаннымъ—береза, осина, ель—лѣсомъ, въ которомъ попадалась хорошая крупная строевая ель, и 35 десятинахъ подъ молоднякомъ. Изъ старыхъ плановъ видно, что и этотъ занятый теперь лѣсомъ участокъ, еще въ 1778 году, былъ подъ пашнею и покосами, находившимися въ пользованіи стоявшей тутъ деревни, въслѣдствіи куда-то выселенной.

Южный участокъ, въ 510 десятинъ, находился въ хозяйственномъ пользованіи владѣльца и обрабатывался крестьянами двухъ деревень, получившихъ, какъ сказано выше, надѣлъ изъ этого владѣнія, и крестьянами еще двухъ другихъ деревень, находящихся въ другомъ уѣздѣ, верстахъ въ 25 ти отсюда, получившихъ тамъ въ надѣлъ ту землю, которой они пользовались до «Положенія», въ количествѣ тоже около 300 десятинъ. Такимъ образомъ, около половины всей бывшей въ этой вотчинѣ земли отошло въ надѣлъ крестьянамъ, за что и получена выкупная сумма, поступившая въ уплату лежавшихъ на имѣніи долговъ. Такъ какъ крестьяне этихъ четырехъ деревень, еще до «Положенія», пользовались опредѣленнымъ, точно ограниченнымъ—прежній владѣлецъ былъ хозяинъ—количествомъ земли, за которую несли повинность работою на господской землѣ; такъ какъ количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, довольно близко подходило къ нормѣ надѣла (одна деревня имѣла нѣсколько менѣе, а другія три—нѣсколько болѣе), то при надѣленіи землею крестьяне получили то, чѣмъ пользовались до «Положенія», и никакихъ прирѣзковъ и отрѣзковъ не было. Крестьяне двухъ дальнихъ деревень теперь въ имѣніи не работаютъ, но крестьяне двухъ ближнихъ деревень постоянно обрабатываютъ въ имѣніи полевою землю, косятъ луга, мнутъ ленъ, нанимаются на зиму въ скотники и проч., и зарабатываютъ, такимъ образомъ, сумму, необходимую имъ для уплаты выкупныхъ платежей и другихъ денежныхъ повинностей. Количество работы, которое они теперь производятъ на имѣніе, несравненно ниже того количества работы, которое они производили въ крѣпостное время за пользованіе тою же землею, и потому благосостояніе крестьянъ послѣ «Положенія» увеличилось, особенно со времени постройки желѣзной дороги, доставляющей степной хлѣбъ, и расширенія моего хозяйства, дающаго значительные заработки этимъ деревнямъ.

О сѣверномъ, въ 105 десятинъ, участкѣ я буду говорить впоследствии, а теперь—объ южномъ, въ 510 десятинъ, гдѣ сосредоточено все хозяйство и гдѣ стоитъ усадьба, находящаяся теперь почти въ центрѣ полуокруга или, вѣрнѣе, полуэллипсиса, потому что разстояніе отъ усадьбы до южной границы нѣсколько длиннѣе, чѣмъ разстояніе отъ усадьбы до восточной и западной границъ.

Этотъ участокъ, въ свою очередь, раздѣляется на три меньшіе участка маленькими рѣчками, текущими въ глубокихъ, но не широкихъ рвахъ съ Юга на Сѣверъ и впадающими съ правой стороны въ Вержу. Въ среднемъ участкѣ, лежащемъ между

двумя большими, юго-сѣверными рвами стоитъ усадьба и находится среднее или южное поле; въ двухъ крайнихъ участкахъ находятся восточное и западное поля. Эти глубокіе рвы, съ протекающими въ нихъ рѣчками, отдѣляли поля прежней трехпольной системы и потому никакихъ изгородей между полями не было. Къ двумъ крайнимъ—восточному и западному—полямъ, расположеннымъ по покатому берегу долины рѣки Вержи, прилегаютъ болотистые дуга, по которымъ течетъ Вержа. Сзади полей лежатъ пустоши, состоящія изъ лужковъ—по низинамъ—перемежающихся съ рощами; такихъ пустошей, которыя служатъ выгономъ, когда соответствующее поле находится подъ паромъ, болѣе всего въ южномъ полѣ, и очень мало въ западномъ полѣ, такъ что, когда это поле подъ паромъ, то часть дуга по Вержѣ отводится подъ выгонъ. Во всѣхъ трехъ поляхъ есть водопой: въ западномъ и восточномъ—естественные, по рѣкѣ и рѣчкамъ, а въ южномъ—вырытъ довольно большой и глубокой водоемъ, въ которомъ удобно поить и купать скотъ. Глубокіе рвы, отдѣляющіе поля, удобные, какъ естественныя межи между полями, при прежнемъ трехпольномъ хозяйствѣ, представляютъ большое неудобство при лѣтней вывозкѣ навоза, перевозкѣ сноповъ, сѣна, и потому, когда впоследствии развитіи хозяйства, всѣ земли будутъ разработаны и введется болѣе интенсивная система хозяйства, удобнѣе будетъ, вмѣсто сосредоточенія хозяйства въ одномъ мѣстѣ, имѣть три хутора. Теперь же, хотя я измѣнилъ систему полеводства, но все-таки оставилъ тоже раздѣленіе полей, такъ что всѣ паровые участки находятся въ одномъ полѣ, всѣ участки съ озимымъ хлѣбомъ въ другомъ, всѣ участки съ яровымъ въ третьемъ. Только участки съ клеверомъ находятся одновременно во всѣхъ трехъ поляхъ.

Почва почти вся хорошая—низинъ съ подзоломъ очень мало—супесковатый легкій суглинокъ, хорошо пропускающій воду; подпочва такая же, но очень желѣзистая, такъ что мѣстами, очень не глубоко отъ поверхности попадаются прослойки гороховидныхъ желѣзисто-глинистыхъ скопленій. Задерживающій воду пластъ лежитъ глубоко на уровнѣ Вержи и потому вода близко отъ поверхности находится только въ долинѣ Вержи и во рвахъ, гдѣ родники болѣею частію открываются въ берегахъ рвовъ и постоянно затопляютъ долины рвовъ, поддерживая въ нихъ сырость.

Вода въ родникахъ и колодцахъ сильно желѣзистая, содержитъ желѣзо, по всей вѣроятности, въ видѣ углекислой закиси; на воздухѣ она быстро окисляется, осажая бурую ржавчину—окись желѣза. Присутствіе желѣза въ водѣ выражается тѣмъ,

что бочки, черпаки, ведра, комья, и пр. деревянная посуда быстро окрашивается въ бурый цвѣтъ окисью желѣза. На то же указываетъ отсутствіе въ ручейкахъ и копаняхъ улитокъ и вообще водныхъ животныхъ и растений, которыми такъ богаты воды, слегка известковатыя и въ особенности содержація много органическихъ веществъ.

Оставляющія всюду ржавчину желѣзистыя воды причиною, что на низкихъ лугахъ и во рвахъ, въ особенности ближе къ устьямъ ихъ, гдѣ открываются родники и вода разливается по рву, травы получается мало и она дурного качества, состоитъ почти исключительно изъ востреца и можетъ служить только для корма лошадямъ, потому что рогатый скотъ и овцы ни травы этой, ни приготовленнаго изъ нея сѣна не ѣдятъ. Такое качество сѣна, получаемого изъ рововъ и низкихъ луговъ по Вержѣ, обуславливаетъ необходимость содержать въ имѣніи лошадей, которыя одни только и могутъ питаться—и то съ грѣхомъ пополамъ—такимъ сѣномъ и перерабатывать его въ навозъ.

Изъ одного только ключа, вытекающаго изъ рва, къ которому примыкаетъ западное поле, получается известковатая вода, которая оставляетъ въ самоварѣ большую известковатую накипь углекислой извести. Въ соответствіи съ этимъ находится и то, что въ западномъ полѣ, мѣстами, не глубоко отъ поверхности, встрѣчается рыхлый поздреватый мергель, кусочки котораго замѣчаются въ кротовыхъ кучкахъ, и который въ настоящее время, когда стали пахать глубже плугами, выпахивается на поверхность.

Не во всѣхъ трехъ поляхъ почва одинакова: одно изъ полей, именно западное, гдѣ встрѣчается мергель, *юраздо плодороднѣе* и всегда даетъ на три, четыре куля ржи съ десятины болѣе, чѣмъ другія поля. Такъ, до моего хозяйства *средній* урожай ржи съ десятины былъ слѣдующій:

Въ южномъ полѣ 5 кулей 5 мѣръ ржи съ десятины.
» восточномъ » 6 » 4 » » » »
» западномъ » 9 » 6 » » » »

Съ 1873 года, когда, со вступленіемъ моимъ въ хозяйство, урожай стали увеличиваться, все-таки сохранилось *тоже отношеніе* между урожаями разныхъ полей. Такъ, за послѣдніе года *средній* урожай ржи былъ:

Въ южномъ полѣ 9 кулей 6 мѣръ ржи съ десятины.
» восточномъ » 10 » 3 » » » »
» западномъ » 13 » » » » » »

И увеличеніе урожая вслѣдствіе лучшаго удобренія, обработ-ки и проч. шло въ такомъ же порядкѣ.

Въ южномъ полѣ *средній* урожай ржи съ десятины увеличил-

ся на 4 буля 1 мѣру, въ восточномъ — на 3 буля 7 мѣръ, въ западномъ — на 3 буля 2 мѣры.

Понятно, что увеличеніе урожая на болѣе плодородной почвѣ не должно было идти такъ быстро.

Это превосходство урожая въ западномъ полѣ можно отчасти приписать хорошему, ровно повсѣтому положенію—вслѣдствіе чего озимь не подвергается вымочкамъ, но—главнымъ образомъ, болѣе плодородной почвѣ и, по всей вѣроятности, присутствію въ ней извести. Если это такъ, то известкованіе другихъ полей можетъ дать хорошіе результаты.

Когда я, въ 1871 году, сѣлъ на хозяйство въ Батищевѣ, то имѣніе представлялось въ слѣдующемъ положеніи.

Сѣверный, въ 105 десятинъ, участокъ былъ подъ лѣсомъ. Среди лѣса находился открытый ровъ и мелкія лужайки, большею частію, заросшія уже лозникомъ. Этотъ участокъ ежегодно отдавался въ пользованіе крестьянамъ, въ дополненіе къ получаемой ими платѣ за обработку земли—по 21 до 23 рублей за кругъ съ молотбой. Крестьяне обкашивали въ немъ ровъ, дорожки и лужайки, а также пользовались имъ, какъ выгономъ преимущественно для кормленія лошадей. Крестьяне всегда гнались за этимъ участкомъ, частію по старой памяти, частію потому, что къ участку прилегали неразчищенные пустоши сосѣдняго владѣльца, по которымъ могли бродить ихъ лошади и скоть. Теперь все это измѣнилось, потому что сосѣдній владѣлецъ разчистилъ и обратилъ въ поле большую часть своихъ пустошей и отгородился изгородью; я же, съ своей стороны, продавъ часть лѣса на срубъ, расчистилъ бывшую подъ лѣсомъ землю на покосы; вслѣдствіе чего этотъ участокъ, на который я не могу прогнать свой скоть, такъ какъ участокъ отдѣленъ отъ меня крестьянскими надѣлами, весной и послѣ скося травы представляетъ теперь отличный выгонъ для крестьянскаго скота и лошадей.

Главный, южный, въ 510 десятинъ, участокъ состоялъ изъ слѣдующихъ угодій: пахатныя земли, покосы по долинѣ рѣки Вержи и рвамъ, пустошные покосы и рощи.

Пахатныя земли. Когда-то въ Батищевѣ находилось по $54\frac{1}{2}$ хозяйственныхъ, въ 3,200 квадратныхъ сажень, десятинъ въ каждомъ полѣ, слѣдовательно, всего было подъ пахатомъ въ трехъ поляхъ $163\frac{1}{2}$ хозяйственныхъ десятинъ, что составляетъ 218 казенныхъ, въ 2,400 кв. саж., десятинъ. Такимъ образомъ, тогда изъ 510 десятинъ южнаго участка было подъ пахатомъ 218 десятинъ, то есть нѣсколько болѣе $\frac{2}{5}$ всего количества земли. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, запашка была уменьшена, и въ каждомъ полѣ было за-

пущено по 14 хозяйственных десятин, всего 42 хозяйственных десятины в трех полях. Эти 42 хозяйственных десятины = 56 казенным десятинам заросли березняком и представляют теперь годны на дрова березовых рощи. После того до «Положения» пахалось к каждому полгу по $40\frac{1}{2}$ хозяйственных десятин, а всего, в трех полях, $121\frac{1}{2}$ хозяйственных десятин, что соответствует 162 казенным десятинам. Следовательно, в этот промежуток времени из 510 десятин обрабатывалось 162 десятины, т. е. несколько меньше $\frac{1}{3}$ всего количества земли. Вскоре после «Положения», в каждом полгу было запущено по $18\frac{1}{2}$ хозяйственных десятин, всего $55\frac{1}{2}$ хозяйственных десятин в трех полях. Эти $55\frac{1}{2}$ хозяйственных десятин = 74 казенным десятинам, второго запуска, называемые у нас пустоками, облогами, найдены мною в 1871 году заросшими березняком различных возрастов, иныя сплошь, иныя лишь по горбылям, потому что низинки косились. Подъ пахатю в 1871 находилось по 22 хозяйственных десятины в полгу, всего 66 хозяйственных десятин или 88 казенных, что составляет около $\frac{1}{6}$ всего количества земли. Таким образом, полевые угодья представлялись в 1871 году в следующем виде:

Обработываемой пахаты	66	хоз. дес.
Заросшей мелким березняком пахаты (пустоковъ, облогъ) зап. 1862—65 г.	$55\frac{1}{2}$	> >
Заросшей крупным березняком пахаты зап. 1838 г.	42	> >

Всего пах. обработываемой и запущенной земли $163\frac{1}{2}$ > >

Вотъ какъ измѣнилось положеніе за послѣднія 50 лѣтъ. Изъ того количества земли, ($163\frac{1}{2}$ хозяйственных десятин) какое обрабатывалось в иѣнн 50 лѣтъ тому назадъ, теперь, в 1871 году, обрабатывалось всего $\frac{2}{5}$. Остальная же пахатная земля была запущена и заросла березнякомъ разнаго возраста, причеиъ около $\frac{2}{5}$ ея были покрыты мелкимъ березнякомъ, годнымъ частью только на метлы, частью на дрова для собственного домашняго употребленія и около $\frac{1}{5}$ — крупнымъ березнякомъ, годнымъ на дрова въ продажу.

Что касается разработки вновь этихъ запущенныхъ пахатныхъ земель, то земли второго запуска, поросшія мелкимъ березнякомъ, разработать не трудно: мелкіе березняки легко прямо выкорчевать и затѣмъ землю тотчасъ поднять; земли же перваго запуска разработать труднѣе — было бы трудно прямо корчевать крупные березняки и потому нужно сначала срѣзать ихъ на дрова,

мѣсто расчистить, оставить на нѣсколько лѣтъ подъ покось, ежегодно подчищая, чтобы не заросло кустомъ, и, когда пни выгниютъ, поднять.

Изъ старыхъ межевыхъ плановъ видно, что въ Батищевѣ когда-то, лѣтъ сто тому назадъ, было еще болѣе пахатной земли; полагаю, что тогда обрабатывалось около $\frac{1}{2}$ всего количества, но земли эти давно уже запущены, заросли лѣсомъ, который нѣсколько разъ неправильно вырубался и опять нарасталъ.

Я особенно останавливаюсь на описаніи пахатныхъ угодій и желалъ бы обратить вниманіе читателя на этотъ предметъ, потому что Батищево есть среднее имѣніе, какихъ у насъ множество. Въ Батищевѣ нѣтъ хорошихъ заливныхъ луговъ, какъ въ богатыхъ имѣніяхъ, лежащихъ по долигѣ Днѣпра, но точно также нѣтъ, или очень мало, низменныхъ, бесплодныхъ подзолистыхъ земель. Хозяйство до 1871 года велось точно такъ же, какъ оно велось и ведется въ другихъ имѣніяхъ по трехпольной системѣ; точно также послѣ «Положенія» половина пахатныхъ земель запущена и заросла березнякомъ и лозой, пустошные луга тоже заросли и повосы сдавались съ половины. Поэтому, все, что мною сдѣлано въ Батищевѣ, можетъ быть сдѣлано и въ большинствѣ другихъ имѣній. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о положеніи хозяйства въ Батищевѣ, я приведу данныя объ урожаяхъ ржи до 1872 года.

Я не могу привести точныхъ числовыхъ данныхъ относительно того, какіе урожаи были въ имѣніи до «Положенія», когда обрабатывалось по 40 десятинъ въ полѣ; однако, лицо, завѣдывавшее прежде имѣніемъ и имѣвшее въ своихъ рукахъ записи урожаевъ за старые годы, сообщило мнѣ, что въ старое время урожаи ржи въ среднемъ были самъ-шесть, при посѣвѣ $1\frac{1}{2}$ куля на десятину. Слѣдовательно, съ одной хозяйственной десятины получалось 9 кулей ржи, а съ 40 десятинъ, 360 кулей. Принимая во вниманіе, что имѣніе было прежде въ рукахъ отличнаго хозяина, земли обрабатывались и удобрялись хорошо, былъ строгій присмотръ и порядокъ, покосы подчищались, каналы содержались въ исправности, сѣно все поступало въ имѣніе, я полагаю, что показаніе объ урожаяхъ нисколько не преувеличено. Найденные мною въ имѣніи старые амбары для хлѣба свидѣтельствуютъ, что амбары, видно, выстроены не за разъ, но пристраивались по мѣрѣ увеличенія урожаевъ.

Каковы были урожаи вскорѣ послѣ «Положенія», въ то переходное время, когда запашки уменьшались, мнѣ неизвѣстно; затѣмъ нѣвѣются записи урожаевъ съ 1865 года, а именно:

Въ 1865 г. (восточное поле)	съ 21 десят.	получено 149 куд. ржи.
» 1866 г. (западное поле)	» 22 »	» 236 » »
» 1867 г. (южное поле)	» 23 »	» 138 » »
» 1868 г. (восточное поле)	» 21 »	» 153 » »
» 1869 г. (западное поле)	» 22 »	» 207 » »
» 1870 г. (южное поле)	» 23 »	» 124 » »
» 1871 г. (восточное поле)	» 21 »	» 110 » »

Всего за 7 лѣтъ 153 хоз. десятины дали 1117 куд. ржи.

Въ среднемъ одна десятина давала 7 кудей $2\frac{1}{2}$ мѣрн, а если откинемъ 1871 годъ, чтобы имѣть два равные сѣвооборота, то за 6 лѣтъ съ 132 десятины получено 1007 кудей, а въ среднемъ съ 1 десятины получалось 7 кудей 5 мѣрн.

Изъ этого видно, что, несмотря на уменьшеніе запашки вдвое, урожаи уменьшились въ среднемъ на $1\frac{1}{2}$ кудей съ десятины, то есть, на одно зерно. Сличая урожай каждаго поля, видно, что они стали уменьшаться. Ниже все это выяснится при разсмотрѣніи системы хозяйства, которая велась прежде въ Батищевѣ.

Приведенныя цифры показываютъ, что за семилѣтіе 1865—1871 г., въ среднемъ, ежегодно получалось 160 кудей ржи; слѣдовательно послѣ «Положенія» производительность имѣнія уменьшилась на 200 кудей, то есть болѣе, чѣмъ вдвое. Нельзя, однако, считать, чтобы на столько уменьшилась производительность въ общей экономіи страны, потому что прежде все сѣно сравнивалось въ имѣніи, а теперь часть его шла въ уплату за трудъ, слѣдовательно, сравнивалась на крестьянскихъ дворахъ и служила для удобренія крестьянскихъ полей, производительность которыхъ должна была увеличиться. Тѣмъ не менѣе, однако, я полагаю, что буду недалекъ отъ истины, если скажу, что общая производительность уменьшилась на $\frac{1}{4}$, то есть на 80 кудей ржи, вмѣсто которой, земля стала производить лозикъ, березнякъ и т. п.

Заканчивая обзоръ пахатныхъ угодій, припомню, что изъ 510 десятинокъ южнаго участка, 40 лѣтъ тому назадъ, подъ пахатомъ находилось 218 казенныхъ десятинокъ, изъ коихъ въ 1871 г. обрабатывалось только 88 казенныхъ десятинокъ, подъ мелкими зарослями было 74 казенныя десятины и подъ крупнымъ березнякомъ 56 десятинокъ.

Покосы. Точныхъ числовыхъ данныхъ относительно количества получаемого съ нихъ сѣна я не могу представить, потому что у меня нѣтъ хозяйственнаго плана всего имѣнія; покосы не разбиты на десятины, получаемое сѣно никогда не взвѣшивается, ни при уборкѣ, ни при выдачѣ скоту. Но такъ какъ всѣ луга

и лужайки мнѣ хорошо извѣстны, многократно мною пройдены и измѣрены шагами, такъ какъ за послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ я хозяйничаю, количество ежегодно получаемыхъ копь сѣна сосчитывалось и записывалось, то я имѣю достаточно данныхъ для характеристики покосовъ въ Батищевѣ.

Главный покосъ составляетъ лугъ по правому берегу рѣки Вержи, занимающій долину этой рѣки. Лугъ этотъ, по моему приблизительному вычисленію, заключаетъ 22 хозяйственные десятины и даетъ среднимъ числомъ 415 копь сѣна—въ неурожайные годы количество сѣна понижается до 300 копь, въ особенно урожайные достигаетъ 550 копь.

Лугъ по Вержѣ представляетъ узкую котловину, потому что берегъ Вержи выше, чѣмъ середина луга. Въ весеннее половодье лугъ лишь мѣстами заливается водою, которая наноситъ плодотворный илъ; вода стоитъ на лугу недолго—день-два, много три. По окончаніи весенняго разлива, вода изъ низкой середины луга стекаетъ канавами, и лугъ высыхаетъ до извѣстной степени. Однако, во многихъ мѣстахъ лугъ и лѣтомъ остается влажнымъ, потому что орошается желѣзистыми водами, вытекающими изъ множества родниковъ, отрывающихся въ разномнѣхъ покатаго берега долины; эти воды вредно дѣйствуютъ на растительность и лугъ производитъ преимущественно кислыя травы—вострепъ, изъ которыхъ получается конское сѣно, годное только для прокормленія лошадей.

Говорятъ, что въ прежнее время этотъ лугъ давалъ болѣе сѣна, и сѣно было лучшаго качества, потому что весной разливы рѣки прежде бывали гораздо болѣе, чѣмъ нынче. Я охотно вѣрю тому, что прежде разливы были сильнѣе, воды въ половодье было больше, и объясняю это измѣнившимися условіями хозяйства. Извѣстно, что всѣ поселенія у насъ лежатъ по рѣчкамъ и для пахатныхъ полей всегда выбираютъ покатыя мѣста, именно покатыя берега долинъ, по которымъ протекаютъ рѣчки. Между тѣмъ, послѣ «Положенія», вслѣдствіе сокращенія запашекъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, огромное количество полей запущено и заросло частымъ лозникомъ и березнякомъ. Понятно, что прежде, съ наступленіемъ вѣшнихъ дней, снѣгъ на открытыхъ поляхъ таялъ гораздо быстрѣе, чѣмъ теперь, когда эти поля покрылись частыми, сплошными зарослями. Поэтому, при одинаковомъ количествѣ выпавшаго снѣга, теперь, вслѣдствіе медленнаго его таянія, образуется менѣе воды за разъ и нѣтъ такихъ весеннихъ разливовъ, какіе бывали прежде.

Лугъ по Вержѣ даетъ сѣно плохого качества. Только по самому берегу, да по низинкамъ, въ второя заходитъ весной во-

да изъ рѣчки, получается сладкое, годное для рогатаго скота сѣно; на остальныхъ же мѣстахъ получается совершенно негодное для кормленія рогатаго скота сѣно, которое хорошо ѣдятъ только лошади.

Если при уборкѣ сѣна тщательно его сортировать, отбирая, какъ это мы дѣлаемъ, сѣно по копнамъ, то можно получить до $\frac{1}{3}$ сѣна, годнаго для коровъ. Поэтому съ вершинскаго дуга получается въ среднемъ 139 копъ *коровьяго* сѣна, годнаго для коровъ и телятъ, и 276 копень *конскаго* сѣна, годнаго только для лошадей.

Второй по количеству сѣна покосъ составляютъ два большіе рва, по которымъ протекають съ Юга на Сѣверъ впадающія въ Вержу рѣчки. Въ этихъ двухъ рвахъ будетъ около 10 хозяйственныхъ десятинъ, дающихъ 176 копъ сѣна. Рвы довольно глубоки съ крутыми берегами, изъ которыхъ сочатся родники, поддерживающіе во рвахъ сырость; хотя текущія по рвамъ рѣчки выровнены канавами и стокъ воды хорошъ, но все-таки желѣзистыя воды родниковъ оказываютъ свое дѣйствіе и по дну рва травы получается хотя и много, но она дурного качества и для рогатаго скота не годна. По крутымъ берегамъ рововъ, правда, растутъ сладкія полевныя травы, но здѣсь растительность скудна; въ верховьяхъ рововъ травы тоже хорошия, но такъ какъ ровъ въ верхней части идетъ по лѣсу, то вслѣдствіе сильнаго отбѣненія трава получается дурного вкуса и неохотно поѣдается скотомъ. Такъ какъ во время покоса въ рвахъ неудобно отбирать коровье сѣно, котораго притомъ получается очень мало, то всѣ 176 копъ сѣна изъ рововъ идутъ въ *конское*.

Для кормленія рогатаго скота идетъ сѣно съ пустошей, то есть, расчищенныхъ изъ подъ лѣсовъ покосовъ. Пустоши въ Батищевѣ представляютъ, сравнительно съ пустошами другихъ мѣстъ, рѣдкую особенность: это скорѣе красивый паркъ, только безъ шоссированныхъ дорогъ, чѣмъ обыкновенныя пустоши. Произошло это оттого, что при расчисткѣ пустошныхъ луговъ изъ подъ лѣса, раздѣлка производилась правильно, подъ дуга расчищались только низины, которыя, гдѣ нужно, осушались канавами; всѣ же возвышенныя мѣста—за исключеніемъ только нѣкоторыхъ центральныхъ пунктовъ, на которыхъ стояли сараи для сѣна—оставлялись подъ лѣсомъ. Такъ какъ при расчисткѣ дѣло велось такъ, чтобы не только сдѣлать дуга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и придать мѣстности красивый видъ, то образовался красивый паркъ, состоящій изъ небольшихъ, разнообразныхъ по очертанію и древеснымъ породамъ, рощей, перемежающихся съ красивыми

полями, на которыхъ тамъ и сямъ стоятъ, разбросанно, отдѣльныя деревья—дубы, сосны.

Послѣ «Положенія», часть пустошей уже заросла, то есть, на полянахъ между рощами появились кусты лозника, которые мѣстами совершенно покрыли поляны. Однако, часть пустошей, та именно, которая находилась въ пользованіи сосѣднихъ крестьянъ, обработывавшихъ за это землю въ имѣніи, осталась чиста, потому что поляны ежегодно подчищались и выкашивались.

Трава на пустошахъ родится болѣею частію хорошая, особенно на открытыхъ большихъ полянахъ, дающая сѣно, отлично поѣдаемое рогатымъ скотомъ и овцами; только на нѣкоторыхъ небольшихъ, сильно отѣненныхъ полянахъ получается сѣно неохотно поѣдаемое скотомъ, да еще на старинныхъ, давно разработанныхъ, большихъ низинахъ съ подзолистою почвой травы уже выродились, такъ что нѣкоторыя поляны сплошь покрыты бѣлоусомъ и куманицей.

Сколько десятинъ находится подъ пустошами я не измѣрялъ даже приблизительно, но, по соображенію количества сѣна, котораго въ средней сложности, съ пустошей получается 444 копы, подъ пустошными покосами можно считать 40 хозяйственныхъ десятинъ.

Кромѣ пустошей, есть еще полевые покосы, которые ежегодно выкашиваются въ двухъ поляхъ, такъ какъ третье паровое поле служить выгономъ. Эти полевые покосы состоятъ изъ низинъ по облогамъ, т. е. запущеннымъ полевымъ десятинамъ, полевымъ ровиковъ, и ложковъ, канавъ, дорогъ, и т. п.; травы на нихъ родятся хорошія и годныя, дающія хорошее питательное мелкое сѣно. Въ средней сложности, съ полевыхъ покосовъ получается до 249 копъ. Такъ какъ половина сѣна полевыхъ покосовъ получалось съ облогъ, которыя у меня причислены къ полевымъ угодыамъ и только до 120 копъ получалось съ ровковъ, дорогъ и проч. земель, не вошедшихъ въ счетъ полевыхъ угодій, то подъ этими покосами нужно считать около 12 хозяйственныхъ десятинъ. Такимъ образомъ, подъ покосами въ Батищевѣ можно считать 84 хозяйственныхъ десятины, что равняется 112 казеннымъ.

Со всѣхъ покосовъ можно получить до 1284 копъ сѣна, изъ коего будетъ 452 копы *конскаю*, годнаго только для прокормленія лошадей, и 832 копы *коровьяю*, годнаго для рогатаго скота.

Изъ этой характеристики батищевскихъ покосовъ можно сдѣлать нѣкоторые важные выводы, обуславливающіе систему хозяйства. Такъ какъ въ Батищевѣ нѣтъ заливныхъ луговъ, естественно удобряемыхъ извнѣ иломъ, наносимымъ весенними водами,

то для покрытія ущерба, происходящаго отъ вывоза съ продаваемыхъ продуктами плодотворныхъ почвенныхъ частицъ, необходимо: или 1) употреблять *искусственныя* удобренія, именно фосфорнокислыя (кости, фосфориты), или 2) прикупать *концентрированныя корма* (барда, жмыхи), или 3) пользоваться только частію земли и вести *переложное* хозяйство, какъ это повсемѣстно у насъ и дѣлается, чередуя хлѣба и травы съ лѣсами, т. е. запуская истощенныя пашни и покосы съ выродившимися травами подъ лѣса и разрабатывая лѣсныя пространства на луга и пашни. Конечно, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть соединены и всѣ три способа, но, съ точки зрѣнія общей экономіи для хозяйствъ подобнаго рода *искусственныя удобренія* составляютъ главное. Прикупъ концентрированныхъ кормовъ, который въ настоящее время можетъ быть очень выгоденъ для хозяина, есть улучшение одного хозяйства *насчетъ другихъ*, возможное только вслѣдствіе извѣстнаго экономическаго строя; крестьянинъ, напримѣръ, потому только отдаетъ на маслобійнѣ жмыхи за выбивку масла, что у него нѣтъ денегъ; достаточный крестьянинъ платитъ деньгами и жмыху беретъ назадъ на кормъ скоту. Переложное хозяйство, съ оставленіемъ земель подъ лѣсами, возможно только при избыткѣ земель и неравномѣрномъ распредѣленіи ихъ; оставленіе подъ лѣсомъ такихъ земель, которыя юдны для культуры, есть признакъ очень плохого состоянія хозяйства и можетъ быть примѣненъ только въ случаѣ послѣдней крайности. Для лѣсовъ найдется достаточно земель негодныхъ для культуры хлѣбовъ и травъ—лишь бы только *культура лѣсовъ* велась правильно. Введеніе же искусственныхъ удобреній, именно фосфоритовъ, которые, залегая подъ землею въ некультурномъ слоѣ, составляютъ мертвый капиталъ, привнесло бы огромную пользу въ общей экономіи, и потому вопросъ объ искусственныхъ удобреніяхъ есть вопросъ общественной важности.

Опредѣливъ такимъ образомъ общія основанія системы хозяйства, обратимъ теперь къ разсмотрѣнію того, что обусловливается качествомъ получаемаго съ батищевскихъ повосовъ сѣна. Мы видѣли выше, что въ Батищевѣ получается 452 копы конскаго сѣна, которыми можно прокормить 16 лошадей. Это конское сѣно для рогатаго скота негодно и потому необходимо содержать лошадей, слѣдовательно, необходимо имѣть для нихъ работу какъ лѣтомъ, такъ и зимою, чтобы лошади не служили исключительно для переработки сѣна въ навозъ. Для того же, чтобы хорошо утилизовать сѣно, необходимо давать лошадямъ и овесъ, котораго нужно 80 четвертей въ годъ. Поэтому нѣчего

разсчитывать на доходъ отъ овса, такъ какъ онъ весь пойдетъ за лошадей, телать, свиней.

Затѣмъ, можно получить еще 832 копы коровьяго сѣна. Главная масса этого сѣна получается съ пустошей, дающихъ скудные урожаи, и притомъ разбросанныхъ между рощами на большомъ пространствѣ; косить эти лужки батраками, или сдѣльно, сдавая отъ десятины, неудобно и невыгодно, а потому необходимо ихъ сдавать на сносъ съ части бобылямъ и разному одиному люду, занимающемуся покосомъ. Вслѣдствiе этого, часть сѣна пойдетъ на сторону и количество получаемого ежегодно коровьяго сѣна уменьшится, такъ что его останется для своего хозяйства не болѣе 500 копъ. Поэтому, чтобы увеличить количество кормовыхъ средствъ для рогатго скота, необходимо *вести травосѣяние*, а для этого нужно увеличить запашку, ибо въ противномъ случаѣ, количество земли подъ хлѣбомъ уменьшилось бы до того предѣла, при которомъ накладные расходы слишкомъ тяжело ложатся на производство. Ниже мы увидимъ, что со введенiемъ травосѣяния и культуры льна, увеличенiе запашки до того размѣра, какъ было до «Положенiя», даже больше, возможно и выгодно.

Лѣса. Мы сказали выше, что подъ полевыми угодьями въ Батищевѣ было 163½ хозяйственныхъ десятинъ, подъ покосами можно считать 84 хозяйственныхъ десятины, всего 247½ хоз. десят., что составляетъ 330 казенныхъ десятинъ. Если причислить къ этому еще 50 десят., находящихся подъ рѣчками, дорогами, водопойными копанами, болотистыми низинами, то выйдетъ всего 380 десятинъ; слѣдовательно, изъ 510 десятинъ южнаго участка, подъ лѣсомъ находится 130 десятинъ. Лѣсъ этотъ не высокаго достоинства: хорошаго строевого еловаго лѣса въ этомъ участкѣ нѣтъ, очень мало ровнаго еловаго лѣса, годнаго для мелкихъ построекъ, хорошаго березоваго лѣса тоже мало; рощи на пустошахъ красивы на видъ, но добра въ нихъ мало. Лѣсъ этотъ пустошонный; изъ него рубили что было годнаго на поличку построекъ, на дрова для домашняго употребленiя, послѣ чего вырубленныя пространства заросли; лѣсъ въ рощахъ смѣшанный, и по породамъ, и по возрасту, такъ что рядомъ съ столѣтнею осиною или елью, не срубленною когда-то потому, что она почему либо не годилась въ дѣло, стоитъ молодая наросль. Большой цѣны этотъ лѣсъ не имѣетъ, беречь его не стоитъ, но все-таки для собственнаго потребленiя, имѣя въ виду близость желѣзной дороги, онъ цѣненъ. Кромѣ этихъ 130 десятинъ, имѣется еще 56 десятинъ молодыхъ березовыхъ рощей,

*

выросшихъ на запущенныхъ, 40 лѣтъ тому назадъ, полевыхъ десятинахъ, и сѣверный участокъ въ 105 десятинъ.

Въ 1870 году, я нашелъ въ имѣніи только двѣ старинныя постройки: домъ и амбаръ. Домъ ничего характернаго не представлялъ — это былъ маленькій домишко, выстроенный на случай прїѣзда господъ лѣтомъ; за то громадный старинный амбаръ, солидно построенный въ эпоху хозяйственнаго процвѣтанія имѣнія, при крѣпостномъ правѣ, былъ характеренъ и служилъ нагляднымъ доказательствомъ того, какія громадныя количества хлѣба когда-то получались въ имѣніи. Остальныя постройки были уже передѣланы, уменьшены сообразно новымъ условіямъ хозяйства и, оставаясь нѣсколько лѣтъ безъ всякаго ремонта, сильно опустились: овинъ былъ уменьшенъ на половину и въ немъ оставалась одна только сажка, другая же была заброшена и сгнила; хлѣбный дворъ, такъ какъ и половины его было достаточно по нынѣшнимъ хлѣбамъ, тоже на половину развалился; въ такомъ же видѣ былъ скотный дворъ и всѣ другія постройки.

Хозяйственный персоналъ состоялъ изъ неграмотнаго старосты, у котораго пузъ бирокъ замѣнялъ всѣ хозяйственныя книги, сторожа, который караулилъ лѣсъ и хуторъ, носилъ для старосты воду, дрова, и скотника, который лѣтомъ пасъ, а зимою кормилъ скоть.

Хозяйственнаго инвентаря никакого не было, хозяйство велось по старому, поля обрабатывались крестьянами сдѣльно съ ихъ орудіями и лошадьми за извѣстную плату отъ круга, луга отдавались на скосъ съ половины, а часть ихъ отдавалась въ уплату за обработку круговъ. Молочнаго скота въ имѣніи не содержалось, но только молодые бычки, которые тутъ выращивались: ежегодно въ имѣніе пригонялось штукъ 20 еще не достигшихъ годовалаго возраста воликовъ и вмѣсто ихъ забирали изъ имѣнія штукъ 20 выросшихъ четырехъ или пяти годовалыхъ воловъ. Скоть кормили сѣномъ, соломою и мякиною на столько, чтобы онъ былъ живъ зимою и *самъ* весной вышелъ въ поле: случалось, однако, рассказывали мнѣ, что иногда весной, скоть приходилось поднимать, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнимъ, что половина сѣна въ имѣніи было такого (воискаго), которое скоть вовсе не ѣлъ.

Лѣсъ въ имѣніи сохранялся тщательно. Онъ никуда не употреблялся, кромѣ какъ для домашнихъ потребностей, то есть, для такъ называемаго ремонта построекъ — стѣну подпереть, крышу починить, мостикъ поправить — и на дрова къ овину и избамъ старосты и скотника. Охраненіе лѣса стоило дешево и охранять его было легко, потому что до проведенія желѣзной доро-

ги лѣсъ здѣсь цѣнности не имѣлъ и его всюду было много. Порубокъ, сколько-нибудь значительныхъ не случалось, развѣ что кто нибудь срубить березу, другую, на ось, выдолить изъ ели раскоху, или сдереть кору для покрышки улья. Крестьяне въ этой мѣстности приготовленіемъ издѣлій не занимаются, да и цѣннаго подѣлочнаго лѣсу здѣсь нѣтъ. Лѣсу для построекъ и для дровъ, крестьянамъ тоже не трудно было достать, потому что окрестные помѣщики, нуждаясь въ заготовленіи для себя лѣсного матеріала и дровъ и не желая тратить на это денегъ, охотно сдавали крестьянамъ и лѣсъ и дрова съ половины; наконецъ, и купить лѣсу не Богъ знаетъ что стоило, потому что 40 рублей за десятину строеваго лѣса была красная цѣна. Легкости охраненія лѣса въ Батищевѣ способствовало еще и то, что лѣсъ здѣсь лежитъ отдѣльными островами посреди полей и покосовъ, такъ что вывезти незамѣтно сколько нибудь значительное количество невозможно. Наконецъ, народъ здѣсь смиренный, ходящій подъ страхомъ, крестопоклонный народъ, какъ говорить староста, и сторожу нечего опасаться въ лѣсу. Объ аграрныхъ преступленіяхъ здѣсь ничего не слышно, да и вообще, я полагаю, что они существуютъ больше въ воображеніи старыхъ помѣщиковъ и петербуржцевъ, потому что ни о чемъ подобномъ отъ настоящихъ хозяевъ, живущихъ въ деревнѣ и знающихъ деревенскую жизнь, я не слыхалъ. Только наѣзжіе петербуржцы, деревенской жизни не знающіе, боятся какъ бы не подпустили «краснаго пѣтуха», но эти господа всего боятся, и грабителей, и волковъ, и ѣдять ночью боятся.

Покосовъ въ Батищевѣ, какъ видно изъ предъидущаго вычисленія, довольно много, но сѣна въ имѣніи прежде оставалось мало. Большая часть пустошныхъ покосовъ сдавалась въ пользованіе сосѣднимъ крестьянамъ въ уплату за обработку полей: лучшіе пустошные покосы, дающіе въ средней сложности 320 копъ сѣна, восялись сосѣдними крестьянами, которые обрабатывали за это восемь круговъ земли. Остальные покосы всё сдавались съ части. Такимъ образомъ, изъ 1,284 копъ сѣна, которыя можно накосить съ батищевскихъ луговъ, 802 копы вывозились изъ имѣнія и только 482 поступали для прокормленія своего скота. Если припомнимъ, что въ этомъ количествѣ сѣна было 226 копъ конскаго сѣна, большая часть котораго скотомъ не поѣдалась и шла подъ ноги, то будетъ понятно, что никакого молочнаго или мясного скотоводства при такихъ кормовыхъ условіяхъ вести не было возможности; единственное, что было возможно—какъ это и дѣлалось—выращивать простыхъ бычцовъ,

которые доставлялись въ имѣніе годовальными и выводились въ 4-хъ годоваломъ возрастѣ.

Полевое хозяйство находилось не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ луговое и скотоводство. Вслѣдствіе запуска большаго количества пахатныхъ земель, всѣ поля были окаймлены березовыми зарослями разнаго возраста, которыя доходили до самаго дома, такъ что въ десяти шагахъ отъ дома начинались такія густыя заросли, въ которыхъ могъ скрыться человекъ и невидимо пройти, зарослями и кустами, до границы имѣнія. Канавы на поляхъ не прочищались и тоже заросли лѣсомъ. Земля была опущена дурною обработкою, навозу было мало и онъ былъ дурного качества. Рожь родилась сорная, къ костеремъ.

Вотъ въ какомъ видѣ я нашелъ хозяйство въ 1871 году. Оставить его въ такомъ видѣ было невозможно, потому что при такомъ хозяйствѣ имѣніе съ каждымъ годомъ приходило бы въ упадокъ и, наконецъ, должно было бы превратиться въ пустырь, подобно тому, какъ уже превратились въ пустыри многія имѣнія, находящіяся въ подобныхъ условіяхъ. Система хозяйства была такова, что если имѣніе и давало какой-нибудь доходъ, то потому только, что изъ него вытѣгивались всѣ соки; система *истощенія*, при данныхъ условіяхъ, была доведена до совершенства, такъ какъ всѣ средства, какія возможно примѣнить, не затрачивая никакого капитала, были употреблены для извлеченія изъ земли всего, что можно. Большая часть сѣна, около $\frac{2}{3}$ всего количества поступала въ уплату за работу и вывозилась изъ имѣнія, а съ нимъ вывозились почвенныя частицы; чего не вывозилось съ сѣномъ, то вывозилось съ хлѣбомъ, потому что весь хлѣбъ—рожь, ячмень, овесъ—продавался на сторону; наконецъ, то, что не извлекалось сѣномъ и хлѣбомъ, извлекалось молодымъ скотомъ, который выращивался на скудныхъ кормахъ, оставшихся за продажей сѣна и хлѣба, и, выведенный изъ имѣнія, уносилъ тѣ частицы, которыя во время своего роста усвоилъ изъ кормовъ. Къ счастью, эта раззорительная система хозяйства—*а эта система существуетъ у насъ повсемѣстно*—касалась только небольшого клочка земли, именно полевыхъ угодій, находившихся въ обработкѣ, а главная масса земли, заросшая и зароставшая лѣсомъ, оставалась нетронутою и въ ней накоплялись почвенныя богатства; еслибы при этомъ еще вырубались лѣса и порубленные пространства расчищались на лѣда и луга, на которыхъ велось бы такое же хищническое хозяйство, то имѣніе скорѣе было бы совершенно раззорено и поправить дѣло было бы гораздо труднѣе.

Повторяю, оставить хозяйство въ такомъ положеніи было бы невозможно. Не трудно предсказать, что бы изъ этого вышло.

Еслибы въ имѣніи еще были заливные, ежегодно удобряемые плодотворнымъ иломъ, извѣтъ наносимымъ весенними водами, луга, то и при этой системѣ, даже при самой простой системѣ ежегодной продажи покосовъ, хозяйство могло бы существовать и идти одинаковымъ образомъ, изъ году въ годъ, давая опредѣленный доходъ. Я не говорю, что для имѣній съ заливными лугами эта система была бы *лучшею* системою, но все-таки она была бы *возможна* для такихъ имѣній. Въ имѣніи же безъ заливныхъ луговъ, при такой системѣ, хозяйство очень скоро просто сдѣлалось бы невозможнымъ. Вслѣдствіе ежегоднаго вывоза всего, что только можно извлечь изъ обрабатываемой части имѣнія, полевныя угодья и покосы вскорѣ совершенно истощились бы. Такъ какъ покосы никогда не очищались, то они заросли кустами, кочками, мохомъ, канавы заплывали, травы вырождались; поэтому, количество сѣна годъ отъ году уменьшалось. Вслѣдствіе этого, вскорѣ покосы пришлось бы отдавать за болѣе дешевую цѣну. Такъ, за пользованіе пустошами, которыя давали 320 копеекъ сѣна, крестьяне обрабатывали восемь круговъ, но, вслѣдствіе уменьшенія сѣна, вскорѣ, за тѣ же пустоши, крестьяне стали бы работать только 6, 5, 4 круга и, наконецъ, когда трава совсѣмъ бы выродилась, и вовсе отказались бы отъ пользованія покосомъ; если же бы и брали его за дешевую цѣну, то только для выгона; но разъ покосъ заросъ бѣлоусомъ и куманицей настолько, что его уже не стоить косить и онъ идетъ только подъ выгонъ—дѣло кончено; для исправленія такой земли нужно уже поднимать ее, что невозможно при описанной системѣ хозяйства. Точно также и другіе покосы, которые сдавались на скосъ изъ части, вслѣдствіе заростанія и истощенія, стали бы давать менѣе сѣна, а потому ихъ пришлось бы сдавать уже не съ половины, а съ двухъ пятыхъ, съ одной трети и, наконецъ, на многіе покосы вовсе не нашлось бы охотниковъ брать съ части. Вслѣдствіе уменьшенія корма, пришлось бы уменьшить количество скота, уменьшилось бы количество навоза и пришлось бы уменьшить запашку; уже въ 1871 году, несмотря на то, что предъидущій годъ былъ урожайный на травы, корму было достаточно и скотъ весною вышелъ въ поле въ удовлетворительномъ видѣ, навозу хватило только на 15 десятинъ, да и то на хозяйственную десятину клали лишь по 180 лѣтнихъ крестьянскихъ возовъ, а 7 десятинъ остались неунавоженными. Если до 1871 года запашка держалась въ 22 десятины, то потому только, что 8 круговъ обрабатывались за пользованіе пустошами и что бы съ этихъ 8-ми безнавозныхъ круговъ ни получилось, все составляло доходъ; разъ же крестьяне не стали бы дер-

жать пустошей, а уже слѣдующее трелѣтіе они не находили это выгоднымъ, пришлось бы уменьшить запашку сначала на 5, потомъ на 10 десятинъ. Когда же запашка, при такой системѣ хозяйства и такихъ урожаяхъ, уменьшится до 10 десятинъ, то дохода имѣніе уже давать не будетъ, и хорошо, если уплатить повинности и содержаніе старосты, скотника, построекъ. Я знаю такія хозяйства, въ которыхъ, при 10 десятинахъ запашки, владѣльцу приходится еще приплачивать на содержаніе старосты, такъ что хозяйство ведется въ чистый убытокъ, повидимому, только для того, чтобы земля была занята и кто-нибудь другой не воспользовался ей, какъ никому не принадлежащей.

Я подробно описалъ естественныя средства Батищева и положеніе хозяйства въ немъ. Съ этимъ я долженъ былъ начинать, съ этимъ долженъ былъ поставить хозяйство на прочную ногу. Я не имѣлъ никакой хозяйственной опытности и, хотя воспитывался до 15-ти лѣтъ въ деревнѣ, что, однако, оказало свою пользу, но затѣмъ 20 лѣтъ прослужилъ въ Петербургѣ; прибавьте къ этому, что у меня не было ни ногъ, ни рукъ, ни глазъ, ни ушей, дѣйствительно, не было, потому что, сравнительно съ мужицкими, *наши* руки — не руки, глаза — не глаза, уши — не уши. Но, мало того, что хозяйство было опущено, въ домѣ не было, какъ говорится, ни плошки, ни ложки; самый домъ былъ въ такомъ состояніи, что зимою и въ комнатахъ приходилось сидѣть въ валенкахъ и полушубкѣ. Жизнь мою въ Батищевѣ я уже разсказалъ въ моихъ письмахъ «Изъ деревни». Въ настоящее время все это уже прошло, хозяйство поставлено на прочную ногу, имѣніе приведено въ цвѣтущее состояніе. Несмотря на то, что я, по неопытности, сдѣлалъ множество ошибокъ, особенно по части скотоводства, все вышло хорошо, потому что я сразу попалъ на правильную *систему* хозяйства.

Кромѣ Батищева я ничего не имѣлъ. Никакихъ денежныхъ пособій извнѣ получить не могъ. Нужно было отыскать необходимыя средства въ *самомъ имѣніи*. Правда, я могъ пользоваться небольшимъ кредитомъ, я имѣлъ оброки съ крестьянъ первые три года; но такъ какъ на имѣніи былъ долгъ, то, для уплаты его, нужно было сдѣлать выкупъ. Однако, кредитъ и оброки дали мнѣ возможность продержаться первое, самое трудное время, тѣмъ болѣе трудное, что, въ 1871 году, у насъ былъ неурожай и на хлѣбъ, и на траву; за вычетомъ сѣменя, я получилъ всего 78 кулей ржи (рожь пришла самъ 3,5), 65 кулей овса (пришелъ самъ 1,8), 8 кулей ячменя (пришелъ самъ 3,3) и корму было такъ мало, что уже съ февраля скотъ пришлось кормить

рѣзкой. Не будь оброковъ, пришлось бы продать часть земли, да и то дѣло пошло бы гораздо медленнѣе.

Нужно было въ самомъ имѣніи найти средства для веденія хозяйства. Но гдѣ найти эти средства?

Въ Батищевѣ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ нашихъ имѣніяхъ, земли было много, но большая часть ея оставалась непроизводительною—подъ лѣсомъ и зарослями. *Хозяйство велось лишь на небольшомъ участкѣ земли, а вся остальная земля лежала впустъ и никакого дохода хозяину не приносила.* Пустить въ ходъ эту землю, сдѣлать ее производительною, привести всю землю въ культурное состояніе, такъ, чтобы каждая десятина давала доходъ, чтобы вся земля была или подъ хлѣбомъ, или подъ травами, или подъ цѣннымъ, культивированнымъ лѣсомъ, сдѣлать такъ, чтобы все было на своемъ мѣстѣ: гдѣ нужно быть хлѣбу—былъ хлѣбъ, гдѣ нужно быть лѣсу—былъ лѣсъ—вотъ задача, которую я себѣ поставилъ.

Въ Батищевѣ 615 десятинъ земли; если отчислимъ 50 десятинъ неудобной—подъ рѣчками, дорогами, болотистыми низинами, то все еще остается 565 десятинъ земли, годной для культуры; количество громадное, если все его привести въ культурное состояніе, особенно, если на всѣхъ 565 дес. вести интенсивное хозяйство. А почему же не вести?

Между тѣмъ, я нашелъ въ Батищевѣ, въ 1871 году, въ культурномъ состояніи всего только 84 десятины, которыя пахались искони вѣковъ, изъ году въ годъ, на глубину 2—3 вершковъ, и, при самомъ отличномъ, но въ мѣру, удобреніи, могутъ дать рожь много самъ 8, потому что, если сразу положить лишнее навозу, то рожь поляжетъ. Затѣмъ, подъ ежегодно производительными, все-таки что-нибудь дающими покосами было 112 десятинъ, всего, значитъ, производительныхъ было 200 десятинъ. 365 десятинъ никакой пользы не приносили и находились подъ зарослями и лѣсомъ, а именно: 74 десятины были подъ молодыми 10—15 ти-лѣтними зарослями, 130 десятинъ подъ пустошнымъ лѣсомъ, зарослями, кустами, 86 десятинъ подъ березовыми 40-лѣтними рощами и 75 десятинъ подъ хорошимъ цѣннымъ лѣсомъ.

Когда лѣсъ растетъ не тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ расти, когда лѣсъ, да еще притомъ дикій, некультивированный, растетъ на годныхъ для культуры земляхъ, то это признакъ плохого положенія хозяйства въ странѣ, признакъ дикости. Уничтоженіе лѣсовъ, съ приведеніемъ земли изъ-подъ нихъ въ культурное состояніе, *есть прогрессъ въ хозяйствѣ.* Земля подъ лѣсомъ дастъ наименѣе дохода, потому что тутъ солнечный лучъ работаетъ

для того, чтобы произвести продукт, наименѣе цѣнный: крахмалъ хлѣбнаго зерна, клѣтчатка льняного волокна, клѣтчатка сѣна стѣить дороже, чѣмъ клѣтчатка еловыхъ или осиновыхъ дровъ. Взявшись за хозяйство, я рѣшилъ *уничтожить* лѣсъ, но, разувѣется, невозможно продуктивнѣе для себя. Однако, вы-продать лѣсъ и оставить потомъ землю изъ-подъ него вновь заростать лѣсомъ не рѣшало моей задачи. Земли изъ-подъ лѣса должны были быть сдѣланы производительными, то есть должны были быть *обращены въ пахатныя или въ покосы*.

Въ тоже время я рѣшилъ перенести полевое хозяйство на *новыя земли*. Именно: старыя пахатныя земли оставить *на от-дыхъ*, но для того, чтобы они не заросли лѣсомъ, какъ заросли брошенныя послѣ «Положенія» пашни, рѣшилъ засѣвать ихъ травами и—вещь интересная!—земли, на которыхъ, даже при хорошемъ удобреніи, не получается большихъ урожаевъ ржи, даютъ и безъ удобренія прекрасныя укусы травъ. Подъ пашни же я рѣшилъ сначала раздѣлывать тѣ земли, которыя запущены послѣ «Положенія» и уже заросли березнякомъ. Разработка эта идетъ такъ: березнякъ выкорчевывается, земля подымается, по пласту сѣется ленъ, а потомъ рожь, которая на этихъ отдохнувшихъ земляхъ родится превосходно, гораздо лучше, чѣмъ на старопахатныхъ земляхъ. Теперь у меня уже подняты всѣ земли, которыя пахались до «Положенія».

Но разскажу прежде, что я сдѣлалъ и намѣренъ сдѣлать съ лѣсами.

Изъ 75-ти десятинъ стараго лѣса я продалъ на срубъ 50 десятинъ и пространство изъ-подъ лѣса раздѣлалъ на покосы. 25 десятинъ оставилъ для того, чтобы имѣть строевой матеріалъ для ремонта собственныхъ построекъ, но березу изъ этого лѣса, при первомъ случаѣ, выпродамъ.

86 десятинъ сорока-лѣтнихъ березняковъ я сохранилъ, во-первыхъ для того, чтобы имѣть запасный фондъ на случай необходимости быстро выручить капиталъ; во-вторыхъ потому, что лѣсъ молодъ и не имѣетъ еще настоящей цѣны. По продажѣ впослѣдствіи этихъ березовыхъ рощей, земля изъ-подъ нихъ должна поступать подъ пашню, а такъ какъ этого нельзя сдѣлать быстро, вырубивъ всѣ рощи за разъ, то продажа должна совершаться постепенно.

Изъ 130 десятинъ пустошнаго лѣса я оставляю тѣ рощи, въ которыхъ лѣсъ цѣнный и хорошій, а также заросли, взявшіяся по такимъ мѣстамъ, которыя не стоитъ раздѣлывать на покосъ. Все же остальное рубится на дрова для своего потребленія и вырубленныя пространства раздѣлываются на луга.

74 десятины зарослей, выросших на полевых землях, запущенных послѣ «Положенія», обращены подъ пахату.

Пятьдесятъ десятинъ лѣсу я продалъ вскорѣ по вступленіи на хозяйство и это дало мнѣ три тысячи рублей, которыя я получалъ въ теченіи трехъ лѣтъ по 1,000 рублей въ годъ. Получаемыя за проданный лѣсъ деньги я ежегодно употреблялъ *на прикупъ кормовъ*. Пока я не раздѣлялъ новые покосы изъ-подъ лѣса и не завелъ травосѣянія, мнѣ необходимо было прикупать солому и сѣно. Я нанималъ хорошіе луга на Двѣпрѣ, покупалъ гдѣ можно сѣно и солому, даже пеньковую востру для подстилки, покупалъ ежегодно болѣе 1000 пудовъ конопляныхъ жмыхъ, вовсе не продавалъ овса, но весь его скармливалъ лошадямъ и скоту, и значительное количество ржи употреблялъ тоже въ кормъ для посыпки запаренной соломенной рѣзки. Такимъ образомъ, всѣ выручаемыя отъ продажи лѣса деньги шли на приобрѣтеніе кормовыхъ средствъ. Если эта затрата на кормовыя средства не принесла всей той пользы, которую могла принести, то потому только что скотъ дурно оплачивалъ кормъ, какъ вслѣдствіе моей неопытности въ скотоводствѣ, такъ и вслѣдствіе *неправильной системы*, мною въ скотоводствѣ принятой. Но объ этомъ я буду еще говорить ниже. Пространство изъ подъ проданнаго лѣса было раздѣлено на луга.

Вопросъ о раздѣлѣ пространства изъ подъ лѣсовъ—вопросъ очень важный, потому что послѣ проведенія желѣзной дороги, лѣса, не имѣвшіе у насъ до того никакой цѣнности, если они не прилегали къ сплавнымъ рѣкамъ, вдругъ получили цѣнность, такъ какъ представилась возможность рѣзать ихъ на дрова для отправки по желѣзной дорогѣ въ Москву. Вскорѣ послѣ открытія желѣзной дороги, къ намъ налетѣла масса покупателей на лѣса. Владѣльцы лѣсовъ, помѣщики, уже проѣвшіе тѣ немногія выкупныя свидѣтельства—имѣнія-то всѣхъ были заложены, перезаложены и просрочены — которыя имъ выдали послѣ «Положенія», вдругъ вновь получили возможность «покрасоваться» и, разумеется, всѣ бросились продавать лѣса. Деньги, полученные за лѣса, пошли на уплату долговъ, потрачены на жизнь, превращены въ процентныя бумаги тѣми, которые, думая о будущемъ, хотѣли устроить себѣ ренту, чтобы спокойно доживать свой вѣкъ въ городахъ, вдали отъ этого ненавистнаго хозяйства, которое, какъ заколдованное, не дается въ руки послѣ «Положенія». Дрова сгорѣли въ Москвѣ, деньги ушли Богъ ихъ знаетъ куда, мѣстность на пространство тридцати верстъ отъ линіи оголилась и превратилась въ пустыри, покрытые гніющими пнями и нарастающимъ кустарникомъ.

Можно ли болѣе безпутно обращаться съ землей! Вырубаетъ лѣса и огромныя пространства *плодороднѣйшей* земли, въ которой вѣками накопились громады количества тучнаго перегноя, бросать. Чтѣ же будетъ потомъ на этой заростающей всякой дрянью землѣ?—плохой дровагой лѣсъ, да еще когда-то—черезъ пятьдесятъ лѣтъ.

Пятьдесятъ лѣтъ превосходная плодороднѣйшая земля будетъ лежать втунѣ, не будетъ давать никакого дохода, и въ результатѣ получится плохой дровагой лѣсъ! Противники истребленія лѣсовъ будутъ, пожалуй, въ восторгѣ оттого, что лѣсныя посѣчища не разрабатываются на луга и вновь зарастаютъ лѣсомъ. Но я предпочитаю видѣть на годныхъ для культуры земляхъ хлѣбъ. Я принадлежу къ числу самыхъ яростныхъ защитниковъ истребленія лѣсовъ. Говорятъ, есть люди, которыхъ возмущаетъ истребленіе ёлокъ для рождественскихъ дѣтскихъ праздниковъ, но меня нисколько не возмущаютъ даже еловые вѣтки, которыя зимой ставать на проселочныхъ дорогахъ, хотя, навѣрно, въ одной волости на вѣтки истребить болѣе ёлокъ, чѣмъ сколько ихъ потребуется для рождественскихъ праздниковъ на весь Петербургъ. Меня нисколько не порадуешь запрещеніе уврачать березками жилища на Троицынъ день, потому, что я съ удовольствіемъ дозволилъ бы—водочкой бы даже угостилъ—всѣмъ обитателямъ нашей волости рубить къ Троицѣ березки на тѣхъ мѣстахъ, которыя мнѣ нужно расчистить на поля и луга. Сколько такихъ березокъ я срубилъ и сжегъ, раздѣлавъ на поля 74 десятины березовыхъ зарослей! Тѣхъ, которые возмущаются уничтоженіемъ ёлокъ и березокъ, и сосчитали, сколько березокъ уничтожается ежегодно на Троицу—дѣлать имъ нечего—слѣдовало бы посадить сюда въ наши березовыя заросли, пусть питаются березовыми почками.

Но если даже смотрѣть на это дѣло съ точки зрѣнія защитниковъ лѣса, то и тогда существующій порядокъ возобновленія лѣсовъ—оставляя вырубленные изъ нодръ старыхъ лѣсовъ пространства вновь зарастать лѣсомъ—никакъ нельзя признать рациональнымъ. Чтѣ мы видимъ, проѣзжая по нашей лѣсной мѣстности? Бѣдствующее, всегда безъ хлѣба населеніе, убогія деревушки, полуразрушенныя помѣщичьи усадьбы, тощія поля съ урожаемъ ржи самъ 3, много—самъ 5, получаемомъ при самомъ усиленномъ трудѣ, скудные лѣса, тощихъ мелкихъ коровенокъ и лошадеенокъ и, рядомъ съ этимъ, *огромныя пространства ровосходной тучной земли, заростающія лѣсомъ*. Ну, рационально ли это? Не лучше ли, не рациональнѣе ли было бы приложить тотъ же трудъ къ разработкѣ вырубленныхъ пространствъ, ко-

торыя тотчасъ же бы дали отличные урожаи травъ и хлѣбовъ? Ну, а если непремѣнно нужно разводить лѣса, то гораздо рациональнѣе будетъ, по мѣрѣ разработки новыхъ земель, запускать подъ лѣса старыя, истощенныя, выпаханныя поля, которыя тотчасъ, сами собою, обрѣмяются и заростутъ отличными ровными лѣсомъ. Прекрасныя лѣсныя плантаціи, выросшія на заброшенныхъ послѣ «Положенія» тощихъ, выпаханныхъ поляхъ, во очю свидѣтельствуютъ, что это есть превосходный способъ лѣсоразведенія въ нашихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Еслибы это дѣлалось такъ, что черезъ 50 лѣтъ, въ теченіи которыхъ мы будемъ пользоваться плодородными землями изъ подъ лѣсовъ, на нашихъ выпаханныхъ, истощенныхъ поляхъ выросли бы новыя ровныя дровяныя лѣса, тогда можно было бы, вырубивъ эти лѣса, вновь обратить земли изъ подъ нихъ въ пашни, а истощенныя пашни запустить подъ лѣса. При обиліи земель, такое переложное хозяйство, въ которомъ хлѣба смѣнялись бы лѣсами, можно было бы продолжать много лѣтъ.

Нельзя ожидать, что владѣльцы лѣсовъ и земель сами займутся разработкой земель. Хотя мы и слышимъ часто отъ владѣльцевъ, что они не занимаются хозяйствомъ только потому, что не имѣютъ необходимыхъ для того капиталовъ, но опытъ показываетъ, что это не такъ. Есть, очевидно, другія причины, почему владѣльцы сами хозяйствомъ не занимаются. Въ послѣднее время порублены громадныя количества лѣсовъ, владѣльцы ихъ получили за лѣса огромныя капиталы, но капиталы эти ушли изъ нашей мѣстности и не слышать, чтобы кто-нибудь обратилъ эти капиталы на хозяйство. Единственное средство измѣнить столь невыгодный для народной экономіи порядокъ—это предоставить право каждому желающему разрабатывать въ свою пользу заброшенныя земли, если онѣ не разрабатываются самимъ владѣльцемъ, внося при этомъ, пожалуй, владѣльцу опредѣленную арендную плату по таксѣ.

Чтобы показать, какъ выгодно разрабатывать пространства изъ подъ вырубленныхъ лѣсовъ, я расскажу, какъ я разработалъ участокъ изъ подъ проданнаго мною лѣса.

Въ 1871 году, я продалъ на срубъ участокъ стараго лѣса, въ которомъ было 57 кв. десятинъ—собственно подъ лѣсомъ было 49 десятинъ и 8 десятинъ подъ дорогами, полянами и ровами. Проданный лѣсъ былъ раздѣленъ на 3 участка, которыя вырубались послѣдовательно въ три года—1872, 1873 и 1874.

Первый участокъ былъ срубанъ зимою 1872 года, а зимою 1873 года изъ него вывезены дрова и участокъ поступилъ въ мое распоряженіе. Предоставивъ крестьянамъ сосѣдней деревни,

обрабатывающим у меня земли, выбрать изъ участка въ свою пользу все, что было годнаго—жерди, дрова, колья—я приступилъ осенью 1873 года къ разработкѣ этого участка. Чистку участка я сдалъ граборамъ, съ платою по 11 рублей отъ казенной десятины. Въ эту осень граборы вычистили 15½ десятины, то есть подобрали весь ломъ, вырубилъ кусты и деревца—пни, конечно, не корчевались—снесли все въ груды, сожгли и разбросали золу. За эту чистку я заплатилъ 170 р. 50 к. Слѣдующій годъ участокъ былъ за крестьянскимъ яровымъ и потому его не травилъ скотомъ; на немъ появились грубыя травы—скрипникъ, заберъ, папоротники, злаковъ было мало, а пошла сильная осинковая заросль. Осенью 1874 года, я нанялъ граборовъ скосить весь участокъ для того, чтобы срѣзать отростки и грубыя травы. Работа эта мнѣ обошлась 61 р. 50 к. Въ 1875 году участокъ былъ подъ выгономъ у крестьянъ, потому что прилегалъ къ ихъ паровому полю. Весною 1876 года, участокъ былъ еще подчищенъ, что обошлось 24 р. 50 к. Слѣдовательно, вся чистка перваго участка обошлась 256 р. 50 к.

Въ 1876 году, участокъ былъ сданъ на скосъ изъ $\frac{2}{5}$ въ мою пользу. Всего накошено сѣна 145 копень, изъ коихъ я получилъ 58. Считая копну по 1 р.—обыкновенная у насъ цѣна—выходить, что участокъ далъ 58 рублей, а это составляетъ 22% на затраченный капиталъ. Въ 1877 году участокъ былъ сданъ на скосъ съ половины. Всего накошено 186 копъ сѣна, изъ коихъ я получилъ 93 копы превосходнаго сѣна, стоимостью въ 93 рубля, что составляетъ 36% на затраченный для расчистки капиталъ.

Такъ какъ участокъ лежитъ за крестьянскими надѣлами, то я не пользуюсь имъ какъ выгономъ послѣ покоса; но крестьяне до глубокой осени пасутъ на немъ лошадей и скотъ, что составляетъ не малую для нихъ выгоду. Будь этотъ участокъ смежнымъ съ землей, на которой я веду свое хозяйство, онъ доставлялъ бы мнѣ еще болѣе выгоды, потому что я могъ бы имъ пользоваться какъ выгономъ.

Второй участокъ былъ срѣзанъ зимою 1873 года и дрова изъ него вывезены зимою 1874 года. Въ 1875 и 1876 годахъ, участокъ былъ подъ выгономъ у крестьянъ, которымъ было предоставлено выбирать изъ него въ свою пользу ломъ на дрова. Лѣтомъ 1876 года, второй участокъ и часть третьяго были вычищены, за чистку заплачено по 10 рублей отъ десятины и всего вычищено 24¼ десятины за 212 р. 50 к. Лѣтомъ 1877 года, участокъ находился подъ выгономъ, а въ 1878 году онъ поступить прямо, или послѣ незначительной подчистки, подъ покровъ

Опытъ мнѣ показалъ, что послѣ вырубкн лѣса землю слѣдуетъ года на два оставлять подъ выгономъ, предоставляя желающимъ выбирать ломъ на дрова. За это время земля подъ скотомъ уплотняется, грубыя травы исчезаютъ, мелкіе сучья сгниваютъ; все это облегчаетъ расчистку и, если ее производить въ жаркое время, въ маѣ и іюнѣ, оставляя въ то же время участокъ подъ выгономъ для скота и лошадей—тѣмъ больше будетъ пастись скота, тѣмъ лучше—то на слѣдующій же годъ послѣ расчистки можно будетъ косить, при чемъ срѣжется и весь мелкій отростокъ. Такимъ образомъ, на шестой годъ послѣ срѣзки лѣса земля можетъ поступить подъ покосъ, прослуживъ четыре года передъ тѣмъ подъ выгономъ.

Третій участокъ былъ срѣзанъ *лѣтомъ* 1874 года и дрова изъ него вывезены зимою 1875 года. Такъ какъ на этомъ участкѣ лѣсъ былъ срѣзанъ *лѣтомъ* и сучья потому успѣли не сопрѣвъ высохнуть, такъ какъ въ немъ много возвышенныхъ мѣстъ, то этотъ участокъ можно быдо пустить на *яда*, то есть, не выбирая ломъ, сучья, выжечь весной и по пожару посѣять яровую пшеницу. Такъ и было сдѣлано: крестьяне взяли у меня этотъ участокъ изъ $\frac{2}{3}$ сноповъ пшеницы въ мою пользу. Весною 1875 года, крестьяне выжгли годныя на *яда* возвышенныя мѣста въ этомъ третьемъ участкѣ, подобрали несорѣвншій ломъ, побили землю, гдѣ нехорошо выгорѣло кашырилами (мотыжками), посѣяли пять кулей пшеницы и задѣлали смыками. Пшеница уродилась хорошо; всего нажали 100 копѣ, изъ коихъ мнѣ досталось 40, а крестьянамъ 60 копѣ. Изъ доставшихся мнѣ 40 копѣ, я намолотилъ 22 четверти пшеницы, а крестьяне, значить, намолотили 33 четверти, слѣдовательно, всего взято 55 кулей, то есть *пшеница на ядѣ родилась самъ 11*—это обыкновенный урожай пшеницы на хорошихъ *ядахъ*, въ хорошей годъ. Я получилъ на свою часть 22 куля пшеницы, а, за вычетомъ двухъ кулей сѣменъ—20 кулей пользы. Считая пшеницу только по 8 р. за куль, *яды* дали мнѣ 160 рублей, да еще солому и мякину—это за хлопоты. На 160 рублей, полученныхъ за пшеницу, я могу вычистить 16 десятинъ на покосы, которые, въ слѣдующій же годъ, дадутъ 20% пользы. Изъ этого видно, что, если дрова рѣзать *лѣтомъ* и возвышенныя мѣста обращать на *яда*, то расчистку можно производить на вырученныя за пшеницу деньги, слѣдовательно, расчисткой можно заниматься и безъ капитала.

Въ 1876 году, 3-й участокъ оставался подъ выгономъ, а въ 1877 году большая часть низинъ на немъ вычищена на покосы, возвышенности же, бывшія подъ *ядами*, заростають ровнымъ осинникомъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ выгодна расчистка на покосы пространства изъ подъ старыхъ лѣсовъ. Положимъ, я имѣю участокъ въ 57 десятинъ лѣса, который продаю на срубъ. Послѣ вырѣзки дровъ я оставляю участокъ на два года подъ выгономъ для скота и лошадей, предоставляя каждому желающему выбрать въ свою пользу ломъ, годный на деревенскія дрова—гдѣ лѣсъ дорогъ, за право выбирать ломъ крестьяне еще сработаютъ что нибудь или будутъ выбирать дрова изъ чести въ пользу хозяина. Въ эти два года мелкй хворостъ сгниеть, будетъ поломанъ скотомъ, земля уплотнится, покажутся сладкия травы. Затѣмъ, участокъ вычищается, то есть, подбирается ломъ и сучья, вырубаются кусты, деревца, отростокъ, все это сносится въ груды и сжигается. Чистка эта производится лѣтомъ и во время ея участокъ находится подъ выгономъ для скота, который не даетъ ходу древеснымъ отросткамъ, поѣдая и выбивая ихъ. Чистка обойдется по 10 рублей за десятину, а за 57 десятинъ 570 рублей; на слѣдующй годъ весною, полезно пройти участокъ съ топоромъ и граблями, что обойдется еще 1 руб. на десятину всего 57 руб. Слѣдовательно, вся чистка будетъ стоить 627 рублей, и если лѣсъ проданъ по 100 руб. за десятину, то на чистку придется употребить *всего* $1\frac{2}{3}$ *вырученной суммы*, а $\frac{2}{3}$, хозяинъ можетъ растратить на свои удовольствія.

На первый разъ участокъ слѣдуетъ сдать на косъ хотя бы даже съ $\frac{1}{2}$ въ пользу хозяина, потому что весьма важно срѣзать отростокъ косомъ, чтобы не дать ему хода. Можно рассчитывать первый же годъ получить съ десятины по 6 копъ. изъ копъ хозяину достанется 2, а всего 114 копъ на 114 рублей. На слѣдующй годъ покосъ уже можно будетъ сдать съ половины, и можно рассчитывать на 8 копъ съ десятины, всего на 228 копъ, стоящихъ 228 рублей. Слѣдующе года можно будетъ получить и еще болѣе сѣна—10, 12 копъ съ десятины и такіе укосы можно будетъ получать лѣтъ десять, пятнадцать, пока травы не станутъ выраживаться. Между тѣмъ, оставшіеся послѣ срубки лѣса при подгниютъ, тогда ихъ легко будетъ выкорчевать, участокъ поднять подъ ленъ и затѣмъ пустить подъ хлѣбопашество. Когда же земля выпашется и истощится, стоить ее только оставить, и она заростетъ ровнымъ березовымъ лѣсомъ.

Я сказалъ выше, что берегу до поры до времени только ровныя березовыя и еловыя роци; но плохой пустошонный лѣсъ, котораго насчитывается до 180 десятинъ, я стараюсь пустить въ ходъ—рублю на дрова, отдать бы на дрова съ половины, продать бы—и пространства изъ подъ лѣса раздѣлать на луга. Раздѣлка эта производится двоякимъ образомъ: возвышенныя

мѣста раздѣляются на яды, низкія мѣста прямо на покосы. Гдѣ на возвышенныхъ мѣстахъ лѣсъ хороше, тамъ сначала выбираются годныя для постройки дерева, потомъ выбираются дрова и, наконецъ, все вываливается на чисто, лѣтомъ, въ Петровки. На слѣдующую весну ядо выжигается и засѣвается пшеницею, а когда пшеница взойдетъ и достаточно поднимется, то я сѣю по ней смѣсь клевера съ тимоеежкой. На пожогахъ, послѣ пшеницы, клеверъ родится превосходно, гораздо лучше чѣмъ на поляхъ, но держится недолго и исчезаетъ на третій годъ; однако, въ это время успѣютъ пойти травы, ядо поступаетъ подъ покосъ и не требуетъ чистки, потому что при косбѣ клевера срѣзается и отростокъ, тогда какъ безъ посѣва клевера ядо послѣ пшеницы нескоро зарастаетъ травой, первые года не косится и на немъ поэтому успѣваетъ вырасти большой отростокъ, который необходимо потомъ вырубить, чтобы превратить ядо въ покосъ.

Низкія мѣста съ плохимъ лѣсомъ вырубаются на чисто сплошь, причежь крестьяне подражаются на рубку такъ, чтобы лѣсъ при рубкѣ раздѣливался по сортамъ; лучшая береза рѣжется на швырокъ для отопленія комнатъ, лучшая осина и ель рѣжется на пятерокъ для отопленія кухни и избъ, худшія деревья, макушки, сучья—на полуторныя дрова къ овину. Все, что есть годнаго для построекъ—столбы, бревна, слегы, рѣшотины, даже еловые колья—выбирается особо, и цѣны за работу назначены такія, что нанявшемуся рѣзать лѣсъ выгодное выработать бревно или столбъ, чѣмъ срѣзать дерево на дрова. Послѣ вырѣзки лѣса земля остается нѣсколько лѣтъ подъ выгономъ и затѣмъ рачищается на покосъ.

Такъ я поступаю съ лѣсами, которые находятся въ томъ возрастѣ, что ихъ нельзя корчевать. Всѣ же молодыя заросли, выросшія на поляхъ, запущенныхъ послѣ «Положенія», я выкорчевалъ и землю разработалъ на поля, вслѣдствіе чего запашка увеличилась вдвое и достигла тѣхъ размѣровъ, какихъ была до «Положенія». Эта операція была моимъ главнымъ дѣломъ за эти семь лѣтъ. Она была для меня чрезвычайно выгодна, дала возможность поднять хозяйство, быстро увеличить урожай, и привела къ той системѣ полеводства, которая, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, есть самая подходящая для нашей мѣстности, именно—къ многопольной системѣ, съ посѣвомъ льна, хлѣбовъ и травъ на долгій срокъ.

Обработываемой полевой земли въ 1871 году было по 22 хозяйственныхъ десятины въ полѣ, зарослей было по 18¹/₂ десятинъ въ полѣ. Я обратилъ эти заросли въ пахатныя земли и

теперь у меня по *сорока* хозяйственныхъ десятинъ въ полѣ. Ежегодно я прибавлялъ по 8 десятинъ зарослей къ яровому полю; заросли эти выкорчевывались, подымались и засѣвались льномъ; послѣ льна земля оставалась на отдыхъ въ пару и затѣмъ поступала подъ рожь. Такъ какъ я, по числу рабочихъ рукъ и количеству навоза, не могъ сѣять болѣе 24 десятинъ ржи, то, увеличивъ посѣвъ ржи до этой нормы, потомъ прибавляя ежегодно 8 десятинъ нови къ яровому полю, я засѣваю 8 десятинъ старой пахатной земли по ржи клеверомъ съ тимоееевкой. Посѣвъ яроваго—овса и ячменя—потому уменьшился до 16 десятинъ, но за то въ яровомъ прибавилось 8 десятинъ льну. Такимъ образомъ, въ обработкѣ ежегодно находилось 24 десятины пару, 24 десятины ржи, 16 десятинъ ярового и 8 десятинъ льну. Засѣвая ежегодно по 8 десятинъ клеверу, я, по мѣрѣ того, какъ разрабатывались заросли, въ 6 лѣтъ, обошелъ два раза клеверомъ всѣ поля, и у меня на *мѣсто зарослей явилось 48 десятинъ клевера* разныхъ возрастовъ. Запаска достигла 40 десятинъ въ полѣ—120 десятинъ въ 3-хъ поляхъ. Каждое изъ 3-хъ полей прежней трехпольной системы представляетъ теперь 5 участковъ по 8 десятинъ въ каждомъ. Три участка въ каждомъ полѣ (24 десятины) ежегодно обрабатываются, а остальные два (16 десятинъ) находятся подъ травами. Слѣдовательно, всего подъ травами будетъ 6 участковъ (48 десятинъ), а такъ какъ ежегодно травой засѣвается 1 участокъ (8 десятинъ), то каждый участокъ остается подъ травомъ 6 лѣтъ, а на седьмой годъ подымается подъ ленъ.

Такимъ образомъ теперь, когда всѣ заросли подняты и система полеводства установилась, прежнія 3 поля имѣютъ такой видъ:

Паровое поле: 24 десятины (3 участка) пара, изъ коихъ 16 послѣ яроваго и 8 изъ подъ льна (переломъ), 8 клеверу 2 года и 8 клеверу 5 года.

Ржаное поле: 24 десятины ржи, изъ коихъ 8 по перелому изъ подъ льна, 8 клеверу 3 года и 8 клеверу 6 года.

Яровое поле: 16 десятинъ ячменя и овса, 8 десятинъ льна, 8 десятинъ клевера 1 года и 8 десятинъ клевера 4 года.

Всего въ 3-хъ поляхъ 15 участковъ по 8 десятинъ, на которыхъ посѣвъ *будетъ чередоваться* такъ:

1. Парь	6. Овесь	11. Клеверъ 3 г.
2. Рожь	7. Парь	12. Клеверъ 4 >
3. Овесь	8. Рожь	13. Клеверъ 5 >
4. Парь	9. Клеверъ 1 г.	14. Клеверъ 6 >
5. Рожь	10. Клеверъ 2 г.	15. Ленъ.

Слѣдовательно, система установилась 15-типольная, по 8 десятинъ въ клину, расположенныхъ группами по 5 клинцевъ въ каждомъ изъ полей прежней трехпольной системы. Такъ какъ прибавка одного клина нови ежегодно производилась въ яровомъ полѣ, а клеверомъ засѣвался одинъ клинъ по ржи, то всѣ паровые клинья приходится въ прежнемъ паровомъ полѣ, всѣ ржаные клинья въ ржаномъ, всѣ яровые въ яровомъ. Это удобно, потому, что прежнія поля были раздѣлены рвами и всѣ дороги изъ усадьбы были проведены соответственно этому раздѣленію. Клинъ съ клеверомъ отводится къ одной сторонѣ поля такъ, чтобы они не мѣшали прогону скота въ пару.

Первый паровой клинъ, идущій послѣ льна, посѣянаго по нови на отдохнувшей землѣ, удобряется слабо, потому что по перелому рожь, и при слабомъ удобреніи, родится отлично. Этотъ клинъ съ осени пахется послѣ льна на зиму и навозъ на него вывозится лѣтомъ.

Седьмой паровой клинъ удобряется слабѣе; часть навоза вывозится на него зимою и часть лѣтомъ.

Ленъ на *пятнадцатомъ* клину сѣется по пласту.

А. Энгельгардъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

*

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРОЦЕССИЯ.

(Изъ Вл. Сиромома).

Весело лягу въ тебя я, могила...
Еслибъ сошлись на моей скромной тризнѣ
Люди, которыхъ любилъ я при жизни,
Слишкомъ бы много народу тамъ было.
Пусть будутъ только хотъ тѣ, что любилъ
Сами меня: стану ждать ихъ въ могилѣ.

Братьевъ, мнѣ преданныхъ—искренно, стойко—
Мало: два-три человѣка найдется...
Жду и враговъ своихъ: ихъ соберется
Тоже не больше, пожалуй, какъ тройка.

Гробъ мой проводить къ церковной оградѣ
Шестеро—шпшта шпштагшт... За этимъ,
Старый священникъ седьмымъ будетъ сзади,
А звонаря, какъ восьмого, отмѣтимъ;
Вѣтеръ отчины да будетъ деватымъ;
Дождикъ десятымъ пойдетъ провожатымъ.

Тѣло мое пусть скорѣе схоронять,
Чтобъ мои кости въ землѣ отдохнули,
Нѣсколько слезъ на могилу уронять
И пропоятъ мнѣ латинское *luli*.
Долю земную, печальную долю
Въ гробъ унесу я и высплусь въ немъ въ волю.

Дмитрій Минаевъ.

ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

III.

ИЗУВЪЧЕНІЕ.

Мы значительно облегчим изложеніе тѣхъ фактовъ и заключеній, которымъ посвящена настоящая глава, если обратимся прежде всего къ разсмотрѣнію другихъ явленій, находящихся съ ними лишь въ косвенной связи.

Старинная церемонія ввода во владѣніе леномъ, согласно описанію Бэртона, производилась въ Шотландіи слѣдующимъ образомъ:— «Онъ (повѣренный сюзерена) наклонился и, взявши въ руку камень и пригоршню земли, вручалъ ихъ повѣренному новаго вассала, передавая этимъ лень въ его дѣйствительное, полное и вещественное владѣніе». Параллельную форму передачи владѣнія мы встрѣчаемъ и въ наше время среди одного отдаленнаго и мало цивилизованнаго народа. Продавая обработанный кусокъ земли, хондъ призываетъ въ свидѣтели продажи мѣстнаго бога, «затѣмъ даетъ покупателю пригоршню земли». Отъ случаевъ, когда передача другому пригоршни земли выражаетъ такимъ образомъ и дѣйствительную передачу во владѣніе земельной собственности, мы можемъ перейти теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ, когда то же дѣйствіе выражаетъ уже нѣчто другое, а именно политическое подчиненіе. Когда аеняне, въ виду похода Клеомена, отправили къ персамъ пословъ съ просьбою о помощи противъ спартацевъ, персы потребовали отъ нихъ выраженія подчиненія въ награду за обѣщанное покровительство, что и было исполнено послыемъ

въ Персію воды и земли. На островѣ Фиджи то же дѣйствіе имѣеть то же значеніе: «Сого съ корзиною земли... вообще тѣсно связано съ войною; его преподносятъ слабѣйшая сорона, выражая этимъ уступку своей земли побѣдителямъ.» Тоже встрѣчается и въ Индіи. Посольство «пантэевъ», отправленное въ Англію Ту-венъ-хэиномъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, «повезло съ собою каменные глыбы, взятныя съ четырехъ вершинъ горы Тали, какъ доказательство наиболѣе полного его желанія стать въ вассальное отношеніе къ британской коронѣ».

Этотъ способъ передачи части вмѣсто цѣлаго, когда нѣтъ возможности передать цѣлое механическимъ образомъ, можетъ быть названъ символическою церемоніею; хотя мы вправѣ утверждать, не прибѣгая даже къ дальнѣйшимъ толкованіямъ, что онъ чрезвычайно близко подходитъ къ дѣйствительной передачѣ, такъ близко, какъ только возможно въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, мы не должны смотрѣть на этотъ обрядъ, какъ на нѣчто искусственно придуманное. Его можно включить въ разрядъ другихъ обрядовъ, болѣе простого свойства, которые въ одно и то же время и объясняютъ его, и сами объясняются имъ. Я говорю объ обычѣ отдавать часть тѣла для выраженія отдачи цѣлаго. На островѣ Фиджи, данники, приближаясь къ своему владыкѣ получили, чрезъ нарочно посланное для этого лицо, приказъ обрѣзывать свои *tobe* (локоны волосъ, висящіе свади на подобіе хвостовъ)... Всѣ они немедленно обрѣзали эти хвосты.» Правда, можно возразить на это, что подобное дѣйствіе есть дѣйствіе символическое, скорѣе искусственно придуманное, нежели образовавшееся естественнымъ путемъ. Однако, нетрудно доказать и объяснить его естественное происхожденіе. Достаточно вернуться къ тому, о чемъ мы уже упоминали въ нашемъ изслѣдованіи.

Вспомнимъ, во-первыхъ, какъ слава и почести возростають вмѣстѣ съ количествомъ собранныхъ трофеевъ, какъ-то происходить, напримѣръ, у шошоновъ, гдѣ «тотъ, кто захватилъ наибольшее число скальповъ, пользуется и наибольшею славою». При соединимъ къ этому далѣе показаніе Банкрофта касательно обращенія съ плѣнниками у чичимековъ: «ихъ часто скальпируютъ живьемъ и затѣмъ кладутъ кровавыя трофеи на головы ихъ мучителей». А затѣмъ спросимъ себя: что же произойдетъ въ томъ случаѣ, когда скальпированный врагъ останется въ живыхъ и поступитъ во власть лица, взявшаго его въ плѣнъ. А вотъ что: лицо это присоединитъ его скальпъ къ другимъ своимъ трофеямъ и сохранитъ его, а побѣжденный врагъ обратится въ раба, рабское состояніе котораго будетъ легко доказываться тѣмъ, что онъ лишился своего скальпа. Отсюда начало обычая, установив-

нагоса болѣе прочнымъ образомъ гораздо позже, когда, вслѣдствіе измѣненія соціальныхъ условій, стало болѣе выгоднымъ сохранять въ видѣ слугъ побѣжденныхъ враговъ, нежели пожирать ихъ мясо. Консервативный дикарь старается какъ можно менѣе измѣнять разъ установленный обычай. Вмѣстѣ съ развитіемъ новаго обычая обращать въ рабство плѣнныхъ, продолжаетъ дѣйствовать и старый обычай—вырѣзывать у плѣнныхъ враговъ такія части тѣла, которыя могутъ служить трофеями и въ тоже время не уменьшаютъ полезныхъ качествъ плѣнника; а изъ этого внослѣдствіи происходитъ то, что оставленные такимъ образомъ знаки обращаются въ знаки порабощенія. Мало по малу такого рода знаки, вслѣдствіе частаго употребленія ихъ, отождествляются съ понятіемъ о рабствѣ: ими отмѣчаютъ не только лицъ, взятыхъ въ плѣнъ, но родившихся отъ нихъ дѣтей, пока, наконецъ, ношеніе такихъ знаковъ не начинаетъ вообще обозначать подчиненіе.

Что покорное перенесеніе изувѣченія можетъ иногда перейти въ выраженіе согласія на обращеніе въ рабство, указанія на то мы находимъ въ исторіи евреевъ:—«И пришелъ Наасъ Аммонитянинъ, и осадилъ Іависъ Галаадскій. И сказали всѣ жители Іависа Наасу: заключи съ нами союзъ, и мы будемъ служить тебѣ. И сказала имъ Наасъ Аммонитянинъ: я заключу съ вами союзъ, но съ тѣмъ, чтобы выколоть у каждаго изъ васъ правый глазъ». Они согласились принять подданство, изувѣченіе же (хотя на него въ данномъ случаѣ не было изъявлено согласія) должно было обозначать собою ихъ подчиненіе. Такимъ образомъ изувѣченія являются вначалѣ, подобно клеймамъ, которыми фермеры отмѣчаютъ овецъ—указаніями на частное право собственности, а затѣмъ и на политическое, служить въ тоже время постояннымъ напоминаніемъ о власти правителя: они поддерживаютъ къ нему страхъ, изъ котораго вытекаетъ послушаніе. Что это такъ, ясно видно изъ разсказа объ ослѣпленіи Василіемъ II пятнадцать тысячъ плѣнныхъ болгаръ, при чемъ «весь народъ былъ уstraшенъ этимъ ужаснымъ примѣромъ».

Прибавивъ къ сказанному, что наложеніе клеймъ или изувѣченіе, обратившееся въ признакъ подчиненной расы, переживаетъ, какъ знакъ подчиненія, даже и то время, когда трофей, породившій его, давно уже исчезъ, обратимся къ изслѣдованію разнообразныхъ видовъ изувѣченій и тѣхъ путей, помощьюъ которыхъ они различнымъ образомъ входятъ во всѣ три формы контроля—политическій, религіозный и соціальныя.

Когда арауканцы, приступая къ военнымъ дѣйствіямъ, отправляютъ пословъ для созыва союзныхъ племенъ, они вручаютъ

имъ особня стрѣлы, играющія роль вѣрительныхъ грамотъ; «если же война уже началась, то къ стрѣламъ присоединяютъ еще палецъ или (согласно показанію Алседа) руку убитаго врага», — новый примѣръ въ ряду вышеприведенныхъ; показывающій, что иногда для доказательства побѣды отрѣзывали и приносили до-мой руки врага.

Въ иныхъ случаяхъ, какъ то показываютъ многіе факты, имѣю-щіеся у насъ въ рукахъ, у побѣжденныхъ враговъ отрѣзывали руки для трофеевъ, и затѣмъ живьемъ приводили домой съ по-ля сраженія. На одной изъ стѣнъ памятника, возведеннаго въ честь царя Озмандіаса, подавившаго возстаніе бактрианъ, из-ображена «процессія плѣнниковъ: всѣ они безъ рукъ и другихъ членовъ». Но хотя у побѣжденнаго врага можно отнять руки, не подвергая его живъ большой опасности, тѣмъ не менѣе по-теря руки настолько уменьшаетъ цѣнность его, какъ раба, что обыкновенно предпочитаютъ брать какіе либо другіе трофеи.

Но нельзя сказать того же объ отнятій пальца. Мы уже ви-дѣли, какъ въ иныхъ случаяхъ побѣдители забираютъ съ собою пальцы въ видѣ трофеевъ. А что побѣжденныхъ враговъ, съ от-нятыми для трофеевъ пальцами, сохраняли иногда въ качестве рабовъ, доказательства того представляетъ намъ Библия. Въ кн. Судей, I, 6, 7, мы читаемъ слѣдующее:—«Адоии-Везекъ (ха-наитянинъ) побѣждалъ; но они погнались за нимъ и поймали его, и отсѣкли большіе пальцы на рукахъ его и на ногахъ его. Тогда сказалъ Адоии-Везекъ: семьдесятъ царей съ отсѣченными на рукахъ и на ногахъ ихъ большими пальцами собирали крохи подъ столомъ моимъ; какъ дѣлалъ я, такъ и мнѣ воздалъ Богъ». А отсюда происходитъ то, что во многихъ мѣстностяхъ пальцы отрѣзываютъ и подносятъ для умилостивленія какъ живущихъ, такъ и мертвыхъ правителей и мертвыхъ родственниковъ. Крово-жадные фиджійцы, у которыхъ преданность десютамъ-людоѣдамъ достигаетъ крайнихъ размѣровъ, представляютъ въ этомъ отно-шеніи массу доказательствъ. Вотъ что говоритъ Уильямсъ, опи-сывая послѣдствія, къ которымъ привелъ фактъ нанесенія оскор-бленія:—«Отправили посла... къ вождю оскорбителя для истре-бованія объясненія, оно было тотчасъ же дано, вмѣстѣ съ паль-цами четырехъ лицъ, для успокоенія разгнѣвавашагося главы племени». Въ другой разъ, послѣ смерти одного вождя, «прива-зано было отрѣзывать сто пальцевъ, но отрѣзано было лишь шесть-десятъ; при чемъ одна женщина лишилась жизни, благодаря ам-путациі». И еще: ручка ребенка «была покрыта кровью, лиш-шейся ручьемъ съ того мѣста, гдѣ у него только-что отрѣзали мизинецъ, въ знакъ привязанности его къ умершему отцу». Этотъ

обычай умилюствовать умершихъ, предложеніемъ имъ отрѣзанныхъ пальцевъ, распространенъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. У чаруасовъ, по смерти главы семьи, дочери, вдова и замужнія сестры обязаны каждая отрѣзать по суставу пальца, и это изувѣченіе повторяется ими по смерти каждаго лица, занимающаго это высокое положеніе, при чемъ начинаютъ съ мизинца. У мандановъ самый обыкновенный способъ выразить горе при смерти родственника заключается въ отрѣзываніи двухъ суставовъ мизинца, а иногда и другихъ пальцевъ. Подобный же обычай встрѣчается у дакотовъ и разныхъ другихъ американскихъ племенъ. Отрѣзанный палецъ, приносимый въ данномъ случаѣ въ жертву духу умершаго родственника или вождя и служащій для выраженія той покорности, которая могла бы умилюствовать его, еслибы онъ былъ живъ, въ другихъ случаяхъ обращается въ жертвоприношеніе Великому Духу или Богу. Посвященіе въ войны молодыхъ мандановъ производится слѣдующимъ образомъ: «онъ поднимаетъ вверхъ мизинецъ лѣвой руки и въ краткой рѣчи, обращенной къ Великому Духу, выражаетъ свою готовность принести ему въ жертву этотъ палецъ; затѣмъ кладетъ его на высушенную буйволовую кожу, гдѣ ударомъ топора другой воинъ отсѣкаетъ ему палецъ у самой руки». Согласно словамъ Маринера, жители Тонга, обращаясь къ богамъ съ просьбою о выздоровленіи какого-либо больного старшаго родственника, отрѣзываютъ часть мизинца и приносятъ его въ жертву.

Этотъ родъ изувѣченій, выразившій вначалѣ подчиненіе могущественному существу, живущему или умершему, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался, повидимому, въ знакъ семейнаго подчиненія. У австралийцевъ существуетъ обычай отрѣзывать у женщинъ крайній суставъ мизинца, а у готтентотовъ вдова, выходящая вторично замужъ, должна отрѣзать себѣ крайній суставъ одного изъ пальцевъ руки; при третьемъ замужествѣ она лишается слѣдующаго сустава и т. д., при каждомъ новомъ выходѣ замужъ.»

Что умилюстительныя изувѣченія рукъ производятся обыкновенно такимъ образомъ, чтобы какъ можно менѣе мѣшать ихъ дѣятельности, ясно видно изъ того, что вначалѣ отрѣзываютъ болѣею частью крайній суставъ мизинца, а болѣе важныя части рукъ затрогиваются лишь въ случаѣ частаго повторенія этой операціи. Къ сказанному можно прибавить еще слѣдующее: если иногда и отрѣзываютъ цѣлую руку, въ чемъ проявляется такимъ образомъ полное переживаніе первоначальнаго обычая изувѣчивать убитыхъ враговъ, то это дѣлается только въ томъ случаѣ, когда полезность подчиненнаго лица не берется въ расчетъ,

когда то жестокое обращеніе, которому подвергается внѣшній врагъ, распространяется и на внутренняго врага—на преступника. Евреи наказывали отнятіемъ рукъ за одинъ видъ преступленія, какъ то видно изъ Второзаконія, XXV, 11, 12. Объ одномъ японскомъ политическомъ преступникѣ мы читаемъ слѣдующее: «Ему были отрублены обѣ руки, что въ Японіи считается верховнъмъ безславіемъ». Въ средневѣковой Европѣ отрубывали руки за разнаго рода вины; въ числѣ многихъ карательныхъ изувѣченій, узаконенныхъ Вильгельмомъ Завоевателемъ, упоминается и о лишеніи руки.

Недавно появившіеся рассказы о жизни на Востоцѣ показываютъ, что нѣкоторые изъ побѣжденныхъ, у которыхъ побѣдители отрубали носы, все равно, считали ли они ихъ мертвыми, или живыми, переживали иногда свое изувѣченіе, и въ такомъ случаѣ ихъ, по одному уже этому знаку, узнавали какъ побѣжденныхъ, покоренныхъ людей. Слѣдовательно, потеря носа можетъ сдѣлаться отличительнымъ признакомъ рабскаго состоянія. Такъ оно въ дѣйствительности и бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Вотъ что рассказываетъ намъ Геррера о нѣкоторыхъ древнихъ племенахъ Центральной Америки: они вызывали на поединокъ сосѣдніе народы въ томъ случаѣ, когда имъ нужно было приобрести рабовъ, и если эти народы отказывались отъ вызова—«они нападали на ихъ страну, опустошали ее и отрубывали носы всѣмъ тѣмъ, кого обращали въ рабство». Описывая войну, происходившую во время его плѣна у апантіевъ, Рамзейеръ говоритъ, что апантіи пощадили лишь одного плѣнника, но «обрили ему голову, отрубали носъ и уши и заставили носить королевскій барабанъ».

Вмѣстѣ съ потерей носа, Рамзейеръ упоминаетъ и о потерѣ ушей. Къ разсмотрѣнію этого-то изувѣченія мы и перейдемъ. Его также можно объяснить, какъ послѣдствіе обычая брать трофеи, которое, въ иныхъ случаяхъ, переживаетъ и самый этотъ обычай. Оно является, если не знакомъ обыкновеннаго рабства, то, по крайней мѣрѣ, знакомъ того другого рабства, которое часто служитъ наказаніемъ за совершеніе преступленія. Въ древней Мексикѣ «за ложь, произнесенную во вредъ другому лицу, виновнику отрубывали часть губъ, а иногда и уши». У гондурасовъ воровство наказывалось конфискаціею имущества вора; «если же кража была велика, то похитителю отрубывали уши и руки». Закономъ Мичтековъ, народа, сосѣднаго съ вышеуказаннымъ, предписывается «отрубывать у прелюбодѣя уши, носъ или губы»; а у нѣкоторыхъ изъ племенъ Запатекасовъ «у женщинъ, уличенныхъ въ прелюбодѣянніи, отрубывали уши и носы».

Но хотя, повидимому, отсутствіе ушей указываетъ вообще скорѣе на преступника, нежели на побѣжденнаго врага, пережившаго свое изувѣченіе, т. е. отнятіе ушей для трофея и обращеннаго въ раба, тѣмъ не менѣе, можно смѣло предположить, что когда-то, среди нѣкоторыхъ народовъ, это изувѣченіе составляло отличительный признакъ порабощеннаго плѣнника; и что затѣмъ, путемъ смягченія, оно породило тотъ способъ отмѣченія раба, который издревле существовалъ и былъ узаконенъ у евреевъ, и до настоящаго времени существуетъ на Востоцѣ, правда, съ нѣскольکو измѣненнымъ значеніемъ. Въ книгѣ Исходъ, XXI, 5, 6, мы читаемъ, что, если послѣ шестилѣтней службы купленный рабъ откажется идти на волю, то пусть его господинъ «поставить его къ двери, или къ возяку, и проколетъ ему господинъ его ухо шиломъ, и онъ останется рабомъ его вѣчно». Объясняя этотъ обрядъ, Клобель говоритъ: «На современномъ намъ Востоцѣ прокалываніе ушей служить для обозначенія посвященія лицъ. Оно выражаетъ принадлежность изувѣченнаго лица другому». Когда же, вмѣстѣ съ развитіемъ крайняго деспотизма, къ частному рабству присоединяется общественное, и всѣ подданные начинаютъ считаться собственностью правителя, то весьма вѣроятно, что отсюда возникаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ всеобщность этого изувѣченія. «Всѣ бурмезы безъ исключенія», по словамъ Санджермана, «прокалываютъ себѣ уши. День совершенія этой операціи празднуется съ большою торжественностью. Она пользуется у нихъ такимъ же значеніемъ, какъ у насъ таинство крещенія».

Упомянемъ здѣсь еще объ одномъ курьёзномъ фактѣ, рассказанномъ Форситомъ, и находящимся въ нѣкоторомъ, правда, косвенномъ отношеніи къ этому роду изувѣченій, а именно: хонды, «въ знакъ покорности, схватываютъ свои уши руками».

Челюсти можно брать какъ трофей лишь въ томъ случаѣ когда врагъ убитъ. Дѣло другое—зубы: нѣкоторые изъ нихъ можно вырвать, не нанося этимъ существеннаго вреда плѣннику и не уменьшая степени его полезности. Отсюда другой видъ изувѣченій.

Мы уже видѣли, какъ ашантии и жители Ю. Америки носятъ въ видѣ трофеевъ зубы. Если такимъ образомъ зубы берутъ для трофеевъ у плѣнниковъ, оставляемыхъ въ живыхъ и превращаемыхъ въ рабовъ, то потеря ихъ должна необходимо обратиться въ знакъ подчиненія. Изъ ряда фактовъ, ясно показывающихъ, что изъ этого возникаетъ впоследствии умиловительный обрядъ, достаточно привести одинъ. Между другими изувѣченіями, которыя налагаются обычаемъ послѣ смерти царя или вождя

на Сандвичевыхъ Островахъ, Еллисъ упоминаетъ о вышибаніи одного изъ переднихъ зубовъ и объ отрѣзываніи ушей. Заключение, которое можно вывести отсюда, вполнѣ очевидно. Далѣе, читая у Кука о томъ, какъ жители Сандвичевыхъ Острововъ вышибаютъ себѣ отъ одного до четырехъ переднихъ зубовъ; замѣчая затѣмъ, что все народонаселеніе получаетъ такого рода отмітки вслѣдствіе повторенія изувѣченій, имѣющихъ цѣлью умилостивить духи умершихъ правителей; узнавши, наконецъ, что послѣ смерти какого-либо страшнаго правителя, котораго вполнѣ вслѣдствіи обожествляютъ, не только тѣ, кто зналъ его, подвергаются этому изувѣченію, но даже и дѣти, родившіяся послѣ его смерти—мы ясно видимъ, какъ обычай, разъ установившись, переживаетъ вполнѣ въ видѣ священнаго обряда тогда, когда его первоначальное значеніе уже утратилось. Но мы имѣемъ и другіе доказательства священнаго характера такого рода обычаевъ, доказательства, возникшія изъ назначенія опредѣленнаго возраста, въ которомъ изувѣченіе можетъ быть произведено, и изъ характера тѣхъ лицъ, которымъ поручено производить его. Ангесъ рассказываетъ намъ, что въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ обрядъ вышибанія зубовъ совершается кораджерами или жрецами; а Гайгартъ пишетъ слѣдующее объ одномъ полупривученномъ австралійцѣ: «онъ однажды сказалъ мнѣ съ весьма важнымъ видомъ, что долженъ удалиться изъ дому на нѣсколько дней, такъ какъ онъ достигъ уже зрѣлаго возраста, и давно уже наступила пора, когда ему должны вышибить зубы!» Разныя другія африканскія племена, какъ-то: Батоба, Доръ, и т. д., такимъ же образомъ лишаются двухъ или болѣе переднихъ зубовъ. Обыкновенно подобная потеря обращается въ обязательный обрядъ. Но самый лучший примѣръ (встрѣченный мною уже послѣ того, какъ я привелъ первые) доставляется намъ древними перуанцами. У нихъ существуетъ преданіе, по которому побѣдитель Гуанна Ккапагъ, возмущившись ихъ непокорностью, издалъ законъ, повелѣвающій имъ и ихъ потомкамъ вышибать въ каждой челюсти по три передніе зуба. По другому, рассказанному Сиеза, преданію, которое естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ перваго, это вышибаніе зубовъ отцами у маленькихъ дѣтей считалось «дѣйствіемъ, въ высшей степени пріятнымъ богамъ». Затѣмъ, какъ то случилось и со многими другими изувѣченіями, значеніе которыхъ утрачено, измѣненія во внѣшности обрядовъ повлекли за собою и совершенно невѣрные объясненія мотивовъ ихъ происхожденія.

Нужно прибавить, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ, изувѣченія получаютъ постепенно другія, измѣнен-

ныя формы. «Дамары продѣлываютъ клинообразную дыру между двумя передними зубами»; «жители мѣстностей, сосѣднихъ съ Сиерра-Леоне, подпиливаютъ или отламываютъ зубы»; разныя другія племена обладаютъ сходными съ этими обычаями.

Такъ какъ переходъ отъ пожиранія поработченныхъ враговъ къ поработченію ихъ производитъ смягчающее вліяніе на обычай унесенія трофеевъ, и трофеи начинаютъ брать такимъ образомъ, чтобы не подвергать опасности жизнь побѣжденныхъ; такъ какъ, затѣмъ, существуетъ стремленіе придать изувѣченію такія формы, чтобы ни въ малѣйшей степени не уменьшить степени полезности врага; такъ какъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ класса, рожденнаго въ неволѣ, знакъ, носимый рабомъ, перестаетъ означать то, что онъ былъ взятъ на войнѣ, слѣдовательно, не подразумѣваетъ болѣе побѣды надъ нимъ со стороны его владѣльца, то поэтому нѣтъ никакой надобности, чтобы знакъ поработченія налагался непременно путемъ тяжелыхъ изувѣченій. Отсюда происходитъ то, что изувѣченія наименѣ вредныя и наименѣ тяжелыя получаютъ наибольшую распространенность. По крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію, такого рода толкованіе служитъ болѣе пригоднымъ объясненіемъ того явленія, что отрѣзываніе волосъ для умилостивительныхъ цѣлей является болѣе преобладающимъ видомъ изувѣченія.

Мы уже указали выше на вѣроятное происхожденіе обычая, существующаго среди фиджійцевъ, а именно, что данники ихъ, приближаясь къ главному вождю, приносятъ ему въ жертву свои локонны, съ цѣлью умилостивленія; подобнаго же рода жертвоприношенія были въ старину обязательны и въ Британіи, какъ выраженія вѣрноподданическихъ чувствъ. Вотъ что мы находимъ въ легендахъ артуровскаго цикла, представляющихъ, несмотря на то, что они мало достовѣрны въ историческомъ отношеніи, не мало полезныхъ свѣденій о нравахъ прошлаго времени. (По сокращенному изложенію Кокса):—«Тогда Артуръ отправился къ Церлеону; туда же прибылъ и посланный отъ короля Ріонса, который сказалъ: «Одинадцать королей принесли мнѣ клятву въ вѣрность, и ихъ бородами я обшилъ себѣ мантию, пришли же и ты мнѣ свою бороду, такъ какъ для окончанія моей мантии недостаетъ именно одной бороды!»

Мы имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что обычай срѣзывать волосы у поработченныхъ плѣнниковъ, за весьма малыми исключеніями, возникаетъ одновременно съ снятіемъ скальповъ съ умершихъ враговъ, и что самое дѣйствіе срѣзыванія нѣкоторой части волосъ и предложенія ихъ съ цѣлью умилостивить, или затѣмъ, чтобы выразить этимъ переходъ подъ власть извѣст-

наго лица, соотвѣтствуетъ скальпированію. Фиджійскіе данники срѣзываютъ и подносятъ ту часть волосъ, которая называется у нихъ *tobe*, кѣчто въ родѣ косы, висящей сзади: а это показываетъ, что косу эту верховный правитель могъ требовать для себя, слѣдовательно, она составляла его собственность. Даже болѣе. Среди калмыковъ, тотъ, кто схватитъ другого за косу, или вырветъ ее, признается виновнымъ въ преступленіи, заслуживающемъ наказаніе, такъ какъ коса считается принадлежностью вождя, или, во всякомъ случаѣ, рассматривается, какъ признакъ подчиненія ему. Если же онъ произведетъ подобное же дѣйствіе съ короткими волосами, растущими на верхней части головы, то это не влѣчается въ вину, потому что на эти волосы смотреть, какъ на собственность обиженнаго, а не вождя. Къ сказанному можно прибавить и слѣдующій рассказъ Уильямса: когда татары завоевали Китай, они приказали «китайцамъ перенять національный татарскій обычай брить передъ головы, а задніе волосы оставлять и заплетать въ длинную косу, въ знакъ подчиненія». Приведемъ еще одинъ примѣръ для подтвержденія той же мысли: если побѣжденный не былъ убитъ, а уведенъ въ качествѣ раба, ему иногда дозволяется носить свой скальповый коконъ. Это дѣлается на томъ основаніи, что побѣдитель можетъ во всякую данную минуту срѣзать его.

Но какъ бы то ни было, а несомнѣнно, что столь сильно распространенный обычай снати волосъ съ убитыхъ, безъ кожи или съ кожей, является всегда въ тѣсной связи съ обрѣзываніемъ волосъ у рабовъ. Такого рода ассоціація этихъ двухъ обычаевъ мы находимъ какъ у грековъ, такъ и у римлянъ: «рабамъ въ знакъ рабства обрѣзывали волосы». То же встрѣчаемъ мы по всей Америкѣ. «Въ обществѣ на рабовъ смотреть съ презрѣніемъ, а ихъ волосы коротко стригутъ», говоритъ Бэнкрофтъ о нутеяхъ. «Каранбскимъ рабамъ и плѣнникамъ строго запрещается носить длинные волосы», пишетъ Эдуардсъ. Такимъ же образомъ отмѣчаютъ и рабство, возникшее какъ результатъ наказанія за преступленіе. Въ Никарагуа «вору обрѣзывали волосы, а затѣмъ его отдавали въ рабство тому лицу, котораго онъ обокралъ, пока это лицо не было удовлетворено». Такого рода признакъ рабства налагается иногда въ видѣ наказанія за какой-либо проступокъ. Такъ въ Ц. Америкѣ прелюбодѣя «сначала подвергаются бичеванію, а затѣмъ у него обрѣзываютъ волосы (большое безчестье)». Древніе мексиканцы налагали иногда слѣдующее наказаніе: «они отрѣзывали преступнику волосы въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ». Въ средневѣковой Европѣ отрѣзываніе волосъ было внесено въ кодексы законовъ, какъ

наказаніе. Отсюда, естественнымъ образомъ, вытекаетъ соотвѣтственное понятіе о почетности длинныхъ волосъ. У гибгасовъ «самое большое оскорбленіе, какое можно нанести мужчинѣ, или женщинѣ—это остричь имъ волосы». Причина такого воззрѣнія очевидна: виѣшность остриженного лица уподобляется, въ такомъ случаѣ, виѣшности раба, а слѣдствіемъ этого является то почетное значеніе, которое придается длиннымъ волосамъ. «Итцаскскіе индѣйцы, по словамъ Фанкура, носятъ сколько возможно длинные волосы, и въ высшей степени трудно заставить ихъ обстричься». Длинные волосы служатъ также знакомъ отличія у тонгановъ: никто, кромѣ высшихъ лицъ, не имѣетъ права носить ихъ. То же встрѣчаемъ мы и у жителей Новой Каледоніи и разныхъ другихъ нецивилизованныхъ народовъ, такъ же, какъ и у полцивилизованныхъ народовъ Востока: «турецкіе принцы стригутъ бороды для того, чтобы показать свою зависимость отъ милости царствующаго султана». Греки, «въ зрѣломъ возрастѣ, носили болѣе длинные волосы», и съ волосами у нихъ было вообще связано известное политическое значеніе». Въ Сѣверной Европѣ, «у франковъ... рабы носили менѣе длинные и болѣе тщательно зачесанные волосы, чѣмъ свободные люди», а послѣдніе—менѣе длинные, чѣмъ знатныя лица: «длинные волосы короля франковъ имѣли священное значеніе... Они считались признакомъ и почетною прерогативою королевской породы». Клотарь и Хильдебертъ, желая раздѣлить между собою королевство брата, держали совѣтъ о томъ, какъ поступить съ своими племянниками, «отрѣзавъ ли имъ волосы, и низвести ихъ, такимъ образомъ, до званія подданныхъ, или убить ихъ». Можно прибавить къ этому и слѣдующій эпизодъ изъ японской исторіи: «нельзя было открыто обрѣзавъ ни волосъ, ни бороды, ни ногтей микадо, дабы не изувѣчить его священную особу», обрѣзываніе ихъ, въ случаѣ необходимости, производилось въ то время, когда онъ считался спящимъ.

Упомянемъ мимоходомъ и о соотвѣтствующемъ этому обезпеченію божескаго сана. Длинные волосы, этотъ признакъ земного достоинства, служатъ также признакомъ достоинства небеснаго. Боги разныхъ народовъ, особенно главные изъ нихъ, отличаются своими большими бородами и длинными вьющимися волосами.

Семейное подчиненіе во многихъ случаяхъ также тѣсно связано съ короткими волосами; на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, женщины носятъ обыкновенно этотъ признакъ рабскаго достоинства. Турнеръ рассказываетъ, что самоанскія женщины носятъ короткіе волосы, а мужчины—длинные. Среди

других малайо-полинезийских народов, какъ, напримѣръ, таитя и ново-зеландцевъ, мы встрѣчаемъ то же различіе. То же и у другихъ негритянскихъ народовъ. «Въ Новой Каледоніи вожди и вліятельныя лица носятъ длинныя волосы и связываютъ ихъ въ полуконическую форму на верхушкѣ головы. Всѣ же женщины стригутъ свои волосы до самихъ ушей. Стрижку головы, какъ отличительную принадлежность женскаго пола, мы находимъ у Танна, Лифу, Вате и у Тасмакійцевъ. Къ этому можно прибавить сходныя способы выраженія сыновняго подчиненія. Поднесеніе волосъ составляло когда-то въ Европѣ часть церемоніи усыновленія.. Карлъ Мартель отправилъ Пепина, своего сына, къ Лутипранду, королю лонгобардовъ, специально съ тою цѣлью, чтобы Лутипрандъ обрѣзалъ ему первыя волосы, и, благодаря этой церемоніи, заступилъ ему въ будущемъ мѣсто отца». Клодвигъ, желая помириться съ Аларихомъ, предложилъ послѣднему усыновить его, отрѣзавъ у него, Клодвига, бороду.

Это изувѣченіе, означая собою подчиненіе живущимъ лицамъ служить, въ то же время, и для выраженія подчиненія мертвымъ. До какой степени предложеніе волосъ было первоначально тѣсно связано съ предложеніемъ трофеевъ, легко видно изъ обычая дакотовъ. Мужчины брѣютъ волосы на головѣ, оставляя лишь небольшой влочекъ на макушкѣ (скальповый локонтъ); они даютъ ему расти и потомъ залетаютъ въ косы, ниспадающіе по плечамъ; обрѣзываніе косъ составляетъ обычное жертвоприношеніе въ случаѣ смерти близкихъ родственниковъ; а это вполнѣ почти равносильно обычаю подносить умершему скальпы. На то же указываетъ и рассказъ о жизни карайбовъ. «Такъ какъ волосы составляютъ главную ихъ гордость, то, желая доказать вполнѣ бесспорнымъ образомъ искренность своей печали по смерти родственника, или друга, они стригутъ ихъ, подобно рабамъ или плѣнникамъ». Подобныя же явленія мы встрѣчаемъ повсюду, какъ среди нецивилизованныхъ народовъ, такъ и у древнихъ историческихъ племенъ. Евреи дѣлали, искусственнымъ образомъ, плѣшь на головѣ, что играло у нихъ роль похороннаго обряда, а также обстригали и средину бороды. То же имѣло мѣсто у грековъ и римлянъ: «въ дни траура они коротко стригли волосы». Греки ясно понимали значеніе этого изувѣченія. Поттеръ замѣчаетъ, что «Електра у Еврипида обвиняетъ Елену въ томъ, что она пощадила свои локоны, не обрѣзала ихъ, и тѣмъ обманула покойнаго; и онъ приводитъ далѣе слова, показывающія, что это пожертвованіе волосами (которые они клали иногда на могилы) дѣлалось отчасти съ цѣлью умиловать духа умершаго». Необходимо прибавить еще одно, весьма важное замѣчаніе:

«Въ случаѣ недавней смерти лицо, оплакивающее покойнаго, стригло всю голову; если же покойникъ давно умеръ, и ему желали принести жертву, то отрѣзывали лишь одинъ локонъ».

Если только однажды изъ предложенія волосъ для умилостивленія умершихъ, обращааемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ боговъ, возникли религиозныя умилостивленія, то мы вправѣ ожидать, что это предложеніе волосъ, съ теченіемъ времени, вступить еще въ новый фазисъ, и появится вновь уже въ видѣ религиознаго обряда. Дѣйствительность не обманываетъ нашихъ ожиданій. Изъ того факта, что греки, кромѣ обрѣзыванія всѣхъ волосъ для жертвоприношенія при погребеніи, приносили и другія же, подобныя, хотя и несравненно меньшія жертвы, ясно видно, какъ у нихъ начало уже возникаетъ то, такъ сказать, въдвратное умилостивленіе, которымъ характеризуется поклоненіе божеству. Разскажъ же о томъ, какъ «иногда, въ случаѣ смерти какого-нибудь популярнаго лица, напримѣръ, главнокомандующаго, вся греческая армія стригла себѣ волосы», представляетъ собою примѣръ того умилостивленія, которое воздается всѣми вообще членами общины, несвязанными между собою никакими узами родства, и при болѣе прочномъ установленіи переходить въ чисто религиозный культъ. Отсюда и получается начало нѣкоторыхъ обрядовъ грековъ. «Когда мальчикъ обращался въ *εφηρος*, ему стригли волосы, и эта стрижка сопровождалась большою торжественностью и религиозными церемоніями. Сначала дѣлались возліанія въ честь Геркулеса... и обрѣзанные волосы посвящались какому-либо божеству, обыкновенно рѣчному богу». То же имѣло мѣсто и у римлянъ. Въ ту эпоху, когда обычай стричь волосы появился впервые у римлянъ, «обрѣзанные волосы, въ подобныхъ случаяхъ, посвящались какому-либо божеству».

Принесеніе въ жертву волосъ составляло и у евреевъ богослужбное дѣйствіе. Мы читаемъ, какъ «пришли изъ Сихема, Синама и Самаріи восемьдесятъ человекъ съ обрѣтыми бородами и въ разодранныхъ одеждахъ, и изранивъ себя, съ дарами и ливаномъ въ рукахъ для принесенія ихъ въ домъ Господень». Крель сообщаетъ объ арабахъ цѣлый рядъ подобныхъ же фактовъ.

Въ Перу этотъ обычай подвергся любопытнымъ видоизмѣненіямъ. У перуанцевъ волосы приносились въ жертву постоянно въ небольшомъ количествѣ. «Но кромѣ того, пишутъ д'Агоста:— у нихъ существовалъ обычай вырывать рѣсницы или брови и предлагать ихъ солнцу, холмамъ, вѣтрамъ и вообще всѣмъ такимъ предметамъ, которыхъ они боялись». «При входѣ въ храмъ, или находясь въ храмѣ, они подносили руки къ бровямъ, точно

желая вырвать ихъ, и затѣмъ дѣлали такое движеніе, какъ будто хотѣли сдуть ихъ на идола». Это служитъ превосходнымъ указаніемъ на то ослабленіе, которому подвергаются вообще со временемъ всякаго рода церемоніи. Наконецъ, когда, въ случаѣ великаго народнаго бѣдствія, нужно прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ для умилостивленія божества, иногда самъ правитель жертвуетъ своими волосами. Во время изверженія большого вулкана въ Гаваи, когда всѣ другія испытанныя средства умилостивленія не въ силахъ были утишить гнѣвъ боговъ, «король Камегамега обрѣзалъ часть своихъ волосъ, считавшихся священными, и бросилъ ихъ въ потокъ (лавы), какъ самое цѣнное жертвоприношеніе».

Остается упомянуть еще объ одномъ видѣ развитія этого жертвоприношенія: оно иногда переходитъ въ умилостивленіе, играющее роль въ общественныхъ сношеніяхъ. Таитане подносили лицамъ, которымъ они хотѣли выразить особое уваженіе, вѣнки, сплетенные изъ собственныхъ волосъ. Во Франціи въ V и VI вѣкахъ существовалъ обычай вырывать нѣсколько волосковъ изъ бороды при приближеніи къ важному лицу и предлагать ихъ ему; иногда то же дѣлалъ правитель, когда желалъ выразить кому-либо свое благоволеніе; такъ Клодвигъ, обрадовавшись посѣщенію епископа тулузскаго, далъ ему волосъ изъ своей бороды, а затѣмъ и вся свита послѣдовала его примѣру. Впослѣдствіи смыслъ этого обычая затемнился, вслѣдствіе его ослабленія: въ эпоху рыцарства, дерганье за усы считалось однимъ изъ способовъ выказать уваженіе.

Разсматривая трофеи, мы уже пришли къ тому заключенію, что фаллическіе трофеи, «большіе или меньшіе, имѣли то же значеніе, какъ и трофеи всякаго иного рода». А это открываетъ намъ путь къ объясненію подобнаго рода изувѣченій. Мы видѣли, какъ въ томъ случаѣ, когда побѣжденные не были убиты, а обращены въ рабство, становилось необходимо брать только такіе трофеи, которые не подвергали бы опасности ихъ жизни, и не причиняли бы имъ существеннаго вреда; отсюда, вмѣсто челюстей—вырываютъ зубы, вмѣсто рукъ—отрѣзываютъ пальцы, вмѣсто скальповъ—волоса. Подобнымъ же образомъ, изъ изувѣченій дѣтородныхъ органовъ сохраняются только такіе, которые совершенно почти не умаляютъ рабочихъ достоинствъ поработаннаго врага.

Я не имѣю прамыхъ доказательствъ того, что кастрація была порождена обычаемъ брать трофеи; но за то у меня въ рукахъ находятся несомнѣнные доказательства, что въ иныхъ случаяхъ

плѣнныхъ кастрировали такъ, что операція эта влекла за собою существенный вредъ. Такъ мы читаемъ у Гиббона, что «все плѣнные Тобальда, маркиза Сполетскаго, «были немилосердно кастрированы». Наша мысль, что въ древнее время существовали подобнаго рода насильственныя жертвоприношенія побѣдителя, находить дальнѣйшее подтвержденіе въ томъ, что такія же точно жертвы приносились и богамъ. Во время ежедневныхъ празднествъ въ честь фригійской богини Амма (Агдистисъ) «молодые люди, согласно обычаю, обращали себя въ евнуховъ помощью остраго черепка, съ крикомъ: «Возьми это, Агдистисъ!» У финикіянъ существовалъ такой же обычай, и Бринтонъ упоминаетъ объ одномъ самоизувѣченіи древнихъ мексиканскихъ жрецовъ, которое, повидимому, было не инымъ чѣмъ, какъ кастраціей. Обычай этотъ, имѣвшій цѣлю при своемъ возникновеніи выразить подчиненіе, продолжалъ, во многихъ случаяхъ, существовать, подобно многимъ другимъ обрядамъ, даже и тогда, когда его первоначальное значеніе было совершенно потеряно. Готтентоты подвергаютъ дѣтей полукастраціи на восьмомъ, или девятомъ году; подобный же обычай встрѣчается и у австралійцевъ.

Естественно, что изъ изувѣченій такого рода наибольшее преобладаніе получаютъ наименѣ тяжелыя. Обрѣзаніе распространено среди самыхъ разнообразныхъ племенъ во всехъ частяхъ свѣта—среди малайо-полинезійцевъ на Таити, Тонга, Мадагаскаръ; среди негрятанскихъ племенъ Новой Каледоніи и острова Фиджи; среди африканскихъ народовъ, какъ внутреннихъ, такъ и береговыхъ, начиная съ сѣвера Абиссиніи и кончая южною Кафрскою Землею; въ Америкѣ у нѣкоторыхъ изъ народовъ, населяющихъ Мексику и среди жителей Юкатана и Сан-Сальвадора; наконецъ, среди австралійскихъ туземцевъ. Не говоря уже о томъ, что древніе египетскіе памятники прямо указываютъ на существованіе обрѣзанія съ незапамятныхъ временъ у египтянъ, оставляя въ сторонѣ тѣ причины, которыя заставляютъ насъ предполагать, что оно практиковалось, и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ, и у жителей Аравіи; приведенные нами факты ясно доказываютъ, что распространеніе обрѣзанія не ограничивается какою-либо одною областью, или одною расою, и вполне опровергаетъ ходячее теологическое объясненіе этого обряда. Въ то же время они отрицаютъ и другое, нерѣдко встрѣчаемое толкованіе, такъ какъ достаточно бѣлаго взгляда на выше упомянутые факты, чтобы убѣдиться въ сильномъ распространеніи обрѣзанія среди самыхъ грязныхъ племенъ міра, и въ отсутствіи его,

*

или въ слабomъ развитіи у народовъ, отличающихся наибольшою чистотою. Напротивъ, всѣ эти факты, взятые въ совокупности, вполне совпадаютъ съ общою теоріею, приведенною нами, и еще болѣе подтверждаютъ ее.

Мы уже видѣли, что въ Абиссиніи, даже и до настоящаго времени, каждый воинъ вручаетъ своему вождю трофей, добытые посредствомъ обрѣзанія падшаго врага, и затѣмъ, всѣ такіе трофеи, взятые послѣ битвы, подносятъ королю. Если же побѣжденныхъ враговъ перестаютъ убивать, а обращаютъ въ рабовъ, и если, въ то же время, взявшіе ихъ въ плѣнъ, продолжаютъ подносить вождямъ видимыя доказательства своей доблести, то отсюда, естественнымъ образомъ, возникаетъ обычай обрѣзывать живыхъ плѣнниковъ. А это служить также и средствомъ отмѣчать ихъ, какъ подчиненныхъ лицъ. Очевидно, къ какимъ выводамъ приводитъ это положеніе. Такъ какъ вожди и короля умилостивляютъ поднесеніемъ такого рода трофеевъ, взятыхъ съ ихъ враговъ, и такъ какъ, далѣе, согласно первобытному вѣрованію, то, что доставляетъ наслажденіе живущему лицу, доставляетъ наслажденіе и его духу, то отсюда вытекаетъ, естественнымъ образомъ, обычай предлагать такіе же трофеи и духу усопшаго правителя. Затѣмъ, въ обществѣ, отличающемся воинственнымъ духомъ и управляющемся неограниченнымъ деспотомъ, божественнымъ по происхожденію и по природѣ, властелиномъ, требующимъ отъ всѣхъ подданныхъ, безъ различія, ношенія этого знака рабства и внушающимъ и послѣ своей смерти такой сильной страхъ, что духъ его стараются всячески умилостивить—мы встрѣчаемся съ новымъ видоизмѣненіемъ этого обычая: предложеніе королю такого рода трофеевъ, взятыхъ съ порабощенныхъ враговъ, развивается въ предложеніе богу подобныхъ же трофеевъ, взятыхъ съ каждаго новаго мужсваго поколѣнія страны, въ знакъ того, что всѣ ея жители—рабы бога. Въ разсказѣ Моверса о томъ, какъ у финикянъ обрѣзаніе служило «знакомъ посвященія Сатурну», также какъ и въ древнихъ обычаяхъ жителей Сан-Сальвадора, по которымъ, послѣ обрѣзанія, «совершавшагося по еврейскому способу, кровь предлагалась идолу», мы находимъ новое доказательство только что высказанной нами мысли.

Очевидно, что это самое толкованіе можно примѣнить и къ обычаю, о которомъ упоминается въ библіи. Мы уже видѣли, какъ у древнихъ евреевъ, подобно современнымъ абиссинцамъ, существовалъ обычай брать для трофеевъ дѣтородные органы, что по необходимости приводило къ изувѣченію падшаго врага. Какъ

въ этомъ, такъ и въ другомъ случаѣ, слѣдуетъ, что побѣжденнаго врага не лишаютъ жизни, а берутъ въ плѣнъ, то подобнаго рода изувѣченіе служитъ средствомъ для отмѣченія его, какъ подчиненнаго, покореннаго лица. А что и на самомъ дѣлѣ обрѣзаніе являлось у евреевъ знакомъ подчиненія—доказательства тому мы встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ. Узнавъ изъ словъ Пальгрэва, что современные бедуины выработали лишь одно понятіе о Богѣ, какъ о могущественномъ живущемъ правителѣ, мы начинаемъ вполне ясно понимать сущность церемоніи скрѣпленія договора между Богомъ и Авраамомъ помощью обрѣзанія. Это даетъ намъ ключъ къ пониманію того, какъ изувѣченіе Авраама, являвшееся цѣною за приобретеныя имъ земли, выражаетъ, въ то же время, и признаніе имъ Господа «своимъ богомъ», а также, почему знакъ этого изувѣченія должны были носить не только онъ и его потомки, лица, пользовавшіяся благоволеніемъ Господа, но также и рабы ихъ, не одной съ ними крови. А если мы вспомнимъ, что, согласно первобытному вѣрованію, двойникъ умершаго владыки по виду вполне сходенъ съ живымъ, то намъ сдѣлается понятнымъ рассказъ, передаваемый въ книгѣ Исхода, о томъ, какъ Богъ разгнѣвался на Моисея за то, что тотъ не обрѣзалъ своего сына: — «Дорогою на ночлегѣ случилось, что встрѣтилъ его Господь и хотѣлъ умертвить его. Тогда Сепфора, взявши каменный ножъ, обрѣзала крайнюю плоть сына своего» и бросила къ ногамъ его. Что обрѣзаніе у евреевъ обозначало подчиненіе Іеговѣ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: во время правленія чужеземнаго царя Антіоха, который ввелъ и чужеземныхъ боговъ, обрѣзаніе было запрещено, и тѣ, кто упорствовалъ въ исполненіи этого обряда, и отказывалъ въ послушаніи чужеземнымъ богамъ, подвергались смерти; Маттаѳія же и его друзья, вѣрные богу своихъ отцовъ, вооружившись противъ чужеземныхъ правителей и чужеземной вѣры, «и обходили вокругъ Маттаѳія и друзья его, и разрушали жертвенники, и необязательно обрѣзывали необрѣзанныхъ дѣтей, сколько находили въ предѣлахъ Израильскихъ». Гирканъ, покоривши Идумеевъ, потребовалъ, чтобы они совершили надъ собою обрядъ обрѣзанія, и это было поставлено въ главное условіе, отъ выполненія котораго зависѣло оставленіе ихъ въ родной землѣ; такой же приказъ изданъ былъ и Аристовуломъ, покорившимъ народъ Итуремъ.

Съ этими фактами сходны по значенію и другіе, совершенно противоположныя. Маринеръ говоритъ, что Тонгтонга (старшій духовный вождь Тонга) не подвергается обрѣзанію, какъ под-

вергаются ему всѣ другіе туземцы: не признавая надъ собою власти, которой онъ долженъ подчиняться, онъ и не носитъ знаковъ подчиненія. Къ этому можно присоединить фактъ, показывающій, какъ цѣлыя племена, принадлежація къ расѣ, у которой обрѣзаніе въ обычай, не совершаютъ его надъ собою въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они отказываютъ въ подчиненіи. Вотъ, что говоритъ Рольфсъ о нѣкоторыхъ изъ берберовъ Марокко, отличающихся этимъ: «эти необрѣзанные племена живутъ въ Рифскихъ горахъ... Всѣ эти горные жители ѣдятъ мясо диваго кабана, вопреки запрещенію корана».

Гербертъ Спенсеръ.

ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДКИ.

Говорать про сладость
Честнаго труда...
Милая! онъ въ радость
Быль ли намъ когда?

Очерствѣли оба
Мы въ когтяхъ нужды:
Зависть, голодь, злоба —
Вотъ ея плоды.

Ты лежишь больная,
Не сомнешь очей;
Я сижу, не зная
Сна ужъ пять ночей,

Пять ночей надъ пыльной
Кипой скучныхъ дѣлъ...
Сонный и бессильный
Мозгъ окостенѣлъ.

Милая, больна ты;
Но, хсть грудь въ огнѣ,
Мы не такъ богаты,
Чтобы слечь и мнѣ.

Слегъ бы, впрочемъ, тоже...
Затекла рука,
А болѣзнь, о Боже!—
Отдыхъ бѣднака.

Но нужда на стражѣ,
Ждетъ, чтобъ одолѣть...
Не имѣешь даже
Права заболѣть.

Дмитрій Минаевъ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ¹.

СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

День первый. Западня.

(Продолженіе).

IX.

Конецъ хуже смерти.

Намъ хотѣлось бы здѣсь совсѣмъ покончить съ этимъ чело-
вѣкомъ (Дюпеномъ), три года носившимъ великое званіе прези-
дента національнаго собранія Франціи, и умѣвшаго только быть
прислужникомъ большинства; покончить съ тѣмъ, чтобы никогда
уже болѣе не упоминать о немъ. Онъ нашелъ средство, подко-
нецъ, спуститься такъ низко, какъ нельзя было ожидать даже
отъ него. Если его карьера въ собраніи была карьерой слуги,
то онъ кончилъ ее, какъ лавей.

Неслыханное поведеніе г. Дюпена передъ жандармами, его
стараніе показать, что онъ протестуетъ, подали поводъ даже къ
подозрѣніямъ. Гамбонъ вскричалъ: онъ сопротивляется какъ со-
общникъ; онъ знаетъ все.

Но мы считаемъ эти подозрѣнія несправедливыми. Дюпень
ничего не зналъ. И, въ самомъ дѣлѣ, кому изъ людей, смасте-
рившихъ переворотъ, могло придти въ голову—просить содѣй-
ствія Дюпена? Подкупать его? Развѣ это возможно? Да и къ
чему? Платить ему деньги? Но какая же надобность тратить
ихъ понапрасну, когда для этого человѣка достаточно одного
страха. Въ потворствѣ иныхъ людей можно всегда быть заранѣе
увѣреннымъ: Трусость—давняя сообщница измѣны. Проли-
тая кровь закона скоро вытирается. За убійцей, идущимъ съ кн-
жаломъ въ рукѣ, слѣдуетъ трусъ, у котораго въ рукѣ губка.

Дюпенъ убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ. За нимъ послѣдовали и туда.

— Боже мой! вскричалъ онъ.— Неужели они не могутъ понять, что я хочу, чтобъ меня оставили въ покоѣ?

Его, дѣйствительно, тормошили съ утра, стараясь извлечь изъ него искру мужества, которой у него не было.

— Вы обращаетесь со мной хуже, нежели жандармы! говорилъ онъ.

Представители расположились у него въ кабинетѣ, усѣлись у его стола, между тѣмъ какъ онъ стоналъ и ворчалъ въ своемъ креслѣ, и стали составлять протоколъ о случившемся, желая, чтобы въ архивахъ сохранились официальные слѣды посягательства.

Когда протоколъ былъ оконченъ, представитель Кане прочелъ его президенту и подалъ ему перо.

— Чтò мнѣ съ нимъ дѣлать? спросилъ Дюпенъ

— Вы—президентъ, отвѣчалъ Кане.— Это наше послѣднее засѣданіе. Ваша обязанность подписать его протоколъ.

Этотъ человекъ отказался.

Х.

ЧЕРНАЯ ДВЕРЬ.

Дюпенъ—это ни съ чѣмъ несравнимый позоръ.

Впослѣдствіи, онъ принималъ плату. Его сдѣлали чѣмъ-то въ родѣ генеральнаго прокурора кассационнаго суда. Дюпенъ оказалъ Луи Бонапарту услугу. Онъ сдѣлался, вмѣсто него, послѣднимъ изъ людей.

Будемъ продолжать эту мрачную исторію. Представители правой, озадаченные внезапною переверотою, бросились, въ значительномъ числѣ, къ Дарю, который былъ вице-президентомъ собранія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ председателей сходокъ, въ улицѣ Пирамидъ. На этихъ сходкахъ всегда поддерживали политику Елисейскаго Дворца, но все-таки не вѣрили, чтобъ замышлялся переворотъ. Дарю жилъ въ улицѣ Лилль, № 75.

Часовъ въ 10 утра, около сотни этихъ представителей собрались у Дарю. Они рѣшились сдѣлать попытку проникнуть въ залу засѣданій Собранія. Улица Лилль упирается въ улицу Бурговъ, почти противъ той маленькой двери, которая служитъ входомъ въ зданіе и называется Черной Дверью.

Представители направились къ этой двери, съ Дарю во главѣ.

Они шли подь руки, по трое въ рядъ. Нѣкоторые надѣли шарфы. Потомъ они сняли ихъ. Черная Дверь, по обыкновенію, отворенная, охранялась только двумя часовыми. Нѣкоторые представители, наиболѣе возмущенные, и, между прочимъ, г. Кердрель — бросившись къ этой двери, старались проникнуть въ зданіе. Но ее быстро захлопнули, и между представителями и подослѣвшими городскими сержантами произошло нѣчто въ родѣ свалки, въ которой одному представителю вывихнули руку.

Въ то же самое время, баталіонъ, выстроенный на площади Бургонь, двинулся бѣглымъ шагомъ на группу представителей.

Дарю, державшій себя съ большимъ достоинствомъ и съ большою твердостью, сдѣлавъ знакъ баталіонному командиру остановиться. Баталіонъ остановился, и Дарю, во имя конституціи, и, въ качествѣ вице-президента Собранія, сталъ убѣждать солдатъ положить оружіе и пропустить представителей самодержавнаго народа.

Баталіонный командиръ отвѣчалъ требованіемъ немедленно очистить улицу, говоря, что никакого Собранія больше нѣтъ, что онъ не знаетъ, что такое народныя представители, и что если лица, которыхъ онъ видитъ передъ собой, не разойдутся добровольно, то онъ разгонитъ ихъ силой.

— Мы уступимъ только насилію, произнесъ Дарю.

— Вы измѣняете своему долгу, прибавилъ де-Кердрель.

- Офицеръ отдалъ приказаніе наступать. Роты двинулись сомкнутыми рядами. Послѣдовала минута нѣкотораго смятенія, почти спешки. Сильный натискъ заставилъ представителей отхлынуть въ улицу Лилль. Нѣкоторые упали. Многихъ изъ членовъ правой солдаты свалили въ грязь. Одного, Этьенна, ударили прикладомъ въ плечо. Прибавимъ кстати, что, недѣлю спустя, Этьеннъ сдѣлался членомъ, такъ называемой, совѣщательной комиссіи. Переворотъ ему понравился, не исключая, какъ видно, и удара прикладомъ.

Всѣ возвратились къ Дарю. По дорогѣ, разсѣявшаяся группа снова соединилась, и даже увеличилась нѣсколькими новыми лицами.

— Господа! сказалъ Дарю. — Президента нѣтъ съ нами; зала засѣданій для насъ закрыта. Я—вице-президентъ, и теперь мой домъ—зданіе національнаго собранія.

Онъ велѣлъ отворить большой залъ, и представители правой расположились въ немъ. Начались довольно шумныя пренія, но Дарю замѣтилъ, что минуты дороги, и молчаніе водворилось.

Первою мѣрою, которую слѣдовало принять, было, очевидно,

изложение президента, въ силу 18-й статьи конституціи. Нѣсколько представителей, изъ тѣхъ, которыхъ я помогъ окрестить названіемъ «Бургграфовъ», усѣлись вокругъ стола и принялись редижировать актъ о изложеніи.

Въ ту минуту, какъ они собирались прочесть его, вошелъ еще одинъ представитель, объявившій собранію, что улица Лилл наполнена солдатами, и что домъ сейчасъ окружать.

Нельзя было терять ни минуты.

Бенуа д'Ази сказалъ:—Господа! отправимся въ мэрію 10-го округа; мы можемъ совѣщаться тамъ безопасно, подъ защитой 10-го легіона, которымъ командуетъ нашъ сотоварищъ, генералъ Лористонъ.

Въ домѣ Дарю былъ задній выходъ, черезъ калитку, находившуюся въ глубинѣ сада. Многіе представители вышли черезъ нее. Дарю хотѣлъ послѣдовать за ними. Въ залѣ оставались только онъ, Одиллонъ Барро, да еще два, три человѣка, когда дверь отворилась. Вошелъ капитанъ и сказалъ Дарю:

— Графъ! Я васъ арестую.

— Куда я долженъ идти за вами? спросилъ Дарю.

— Мнѣ отдано приказаніе наблюдать за вами, въ вашемъ домѣ.

Домъ былъ дѣйствительно занятъ солдатами; и вотъ почему Дарю не могъ присутствовать на засѣданіи въ мэріи 10-го округа.

Офицеръ пропустилъ Одиллона Барро.

XI.

Верховный судъ.

Между тѣмъ, какъ все это происходило на лѣвомъ берегу Сены, около полудня, въ большой залѣ суда, называемой залой Потерянныхъ Шаговъ, какой-то человѣкъ, одѣтый въ пальто, застегнутое до верху, расхаживалъ взадъ и впередъ. За нимъ, на нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовало нѣсколько лицъ, которыхъ можно было, пожалуй, принять за подкрѣпленіе. Въ извѣстныхъ случаяхъ, полиція избираетъ себѣ пособниками людей, двусмысленная наружность которыхъ поселяетъ безпокойство въ прохожихъ, такъ что они спрашиваютъ себя: Кто это? Должностныя лица или мошенники? Человѣкъ въ застегнутомъ пальто ходилъ отъ дверей къ дверямъ, изъ корридора въ корридоръ, дѣлая знаки слѣдовавшимъ за нимъ сбѣраить; потому

возвращался въ большую залу, останавливалъ встрѣчавшихся ему адвокатовъ, страпчихъ, приставовъ, канцелярскихъ писцовъ, служителей, обращаясь къ каждому съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ, произнесеннымъ вполголоса, такъ чтобы его не могли слышать проходящіе. Одни отвѣчали на этотъ вопросъ: да, другіе—нѣтъ. И неизвѣстная личность продолжала бродить по зданію суда, съ видомъ гончей, разнюхивающей слѣдъ.

Это былъ полицейскій комиссаръ.

Чего онъ искалъ?—Верховнаго суда. Чтò дѣлалъ верховный судъ?—Онъ скрывался. Зачѣмъ скрывался? для отправленія правосудія?—И да, и нѣтъ.

Полицейскій комиссаръ арсенала получилъ утромъ отъ префекта Мопа, приказъ, во что бы то ни стало разыскать верховный судъ, если только онъ найдетъ нужнымъ собраться. Смѣшавши верховный судъ съ государственнымъ совѣтомъ, полицейскій комиссаръ сначала отправился на набережную Орсе. Не найдя тамъ ничего, даже государственнаго совѣта, онъ рѣшился идти на угадъ, въ зданіе суда. Такъ какъ ему приказано было разыскать судъ, то онъ думалъ, что, можетъ быть, найдетъ его здѣсь.

Но онъ не нашелъ его, и удалился. И, однакоже, верховный судъ собрался. Гдѣ и какъ? Въ самой дальней, въ самой скрытой залѣ, во всемъ зданіи, носившей названіе бібліотеки кассационнаго суда. Эта обширная зала освѣщалась двумя окнами, выходившими на внутренній дворъ. Мебель ея состояла изъ нѣсколькихъ кожаныхъ стульевъ и большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ; а по стѣнамъ, снизу до верху, шли полки съ юридическими книгами.

Въ эту-то уединенную залу, 2-го декабря, около 11-ти часовъ, пришли, одинъ за другимъ, нѣсколько человекъ, одѣтыхъ въ черное, но безъ судейскихъ робъ и безъ знаковъ, съ испуганнымъ, растеряннымъ видомъ. Они покачивали головами и говорили между собою вполголоса. Эти дрожащіе отъ страха люди—были верховный судъ.

Верховный судъ, согласно конституціи, состоялъ изъ семи лицъ: президента, четырехъ судей, и двухъ добавочныхъ, избираемыхъ кассационнымъ судомъ изъ своей среды и ежегодно смѣняющихся.

Въ декабрѣ 1851 г. судьями были: Гардуенъ, Патайлъ, Моро, Делапальмъ, Коши, Гранде и Кено. Двое послѣдніе были добавочными.

Эти люди, почти неизвѣстные, имѣли кое-какіе антецеденты. Коши, занимавшій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, должность пре-

зидента королевскаго суда въ Парижѣ, человекъ мягкій, легко поддающійся страху, былъ братомъ математика, члена академіи, которому принадлежитъ изслѣдованіе о звуковыхъ волнахъ, и бывшаго архивариуса палаты пэровъ. Делапальмъ былъ прежде прокуроромъ, сильно замѣшаннымъ въ разныхъ процессахъ, касавшихся печати, при реставраціи. Патайлъ былъ депутатомъ лѣваго центра во время іюльской монархіи. Моро былъ замѣчателенъ тѣмъ, что его прозвали сенскимъ, въ отличіе отъ Моро, изъ департамента Мёрты, который, въ своей чередѣ, былъ замѣчателенъ тѣмъ, что его прозвали Мёртскимъ, въ отличіе отъ Моро изъ департамента Сены. Гранде, первый изъ добавочныхъ судей, былъ президентомъ палаты въ Парижѣ. Я читалъ о немъ слѣдующую похвалу: «никто не замѣчалъ у него ни характера, ни какого-либо опредѣленнаго мнѣнія». Второй добавочный, Кено — либераль, депутатъ, чиновникъ, прокуроръ, консерваторъ, начитанный, послушный и умѣвшій всѣмъ пользоваться для того, чтобы положить себѣ дорожку изъ уголовнаго суда въ кассационный, гдѣ онъ принадлежалъ къ строгимъ. 1848 годъ шокировалъ его понятія о правѣ и онъ вышелъ въ отставку, послѣ 24-го февраля; но послѣ 2-го декабря — не вышелъ.

Гардуэнъ, предсѣдатель верховнаго суда и бывший предсѣдатель ассизовъ, человекъ религіозный, суровый яansenистъ, считавшійся между своими товарищами «неподкупнымъ судьей», усердный чтецъ Николая, жившій душой въ «Port Royal'ѣ», напоминалъ тѣхъ старыхъ парламентаристовъ, обитавшихъ въ Марэ, которые ѣздили въ судъ верхомъ на мулѣ. Но мулъ теперь вышелъ изъ моды и тотъ, кто посѣтилъ бы президента Гардуэна, нашелъ бы въ его конюшнѣ также мало упряма, какъ и въ его совѣсти.

Утромъ 2-го декабря, въ 9 часовъ, два человека поднимались по лѣстницѣ въ квартиру г. Гардуэна, въ улицѣ Конде, № 10, и встрѣтились у его дверей. Это были Патайлъ и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ адвокатовъ при кассационномъ судѣ, бывший членъ учредительнаго собранія Мартенъ (изъ Страсбурга). Патайлъ явился, чтобы отдать себя въ распоряженіе Гардуэна.

Первой мыслью Мартена, по прочтеніи аффишъ, возмущавшихъ переворотъ, была мысль о верховномъ судѣ. Г. Гардуэнъ пригласилъ Патайля пройти въ другую комнату, и принялъ Мартена какъ человека, съ которымъ не хотятъ говорить при свидѣтеляхъ. Когда Мартенъ потребовалъ созванія верховнаго суда, Гардуэнъ выразилъ желаніе, чтобы «его оставили дѣйствовать»,

объявилъ, что «верховный судъ исполнить свой долгъ», но что прежде всего ему нужно было, посоветоваться съ своими товарищами», и окончилъ слѣдующими словами: *Сегодня или завтра все будетъ сдѣлано.*—«Сегодня или завтра воскреслинулъ Мартенъ. Но спасеніе республики, г. президентъ, спасеніе страны, зависить, можетъ быть, отъ того, что верховный судъ сдѣлаетъ или чего онъ не сдѣлаетъ. На васъ лежитъ большая отвѣтственность. Подумайте объ этомъ. Когда называешься верховнымъ судомъ, то исполнять долгъ свой слѣдуетъ не сегодня и не завтра, а немедленно, тотчасъ-же; не теряя ни одной минуты, не колеблясь ни одного мгновенія». Мартенъ прибавилъ: если вамъ нуженъ человѣкъ, готовый на энергическія мѣры—я предлагаю себя.

Гардуэнъ отклонилъ предложеніе, сказалъ, что не будетъ терять ни одной минуты и попросилъ только позволенія посоветоваться съ своимъ товарищемъ, Патайлемъ.

Онъ дѣйствительно созвалъ верховный судъ къ 11-ти часамъ. Положено было собраться въ библиотечной залѣ.

Судьи выказали аккуратность, въ четверть двѣнадцатаго всѣ уже были въ сборѣ. Послѣднимъ пришелъ Патайлъ. Они усѣлись за большимъ зеленымъ столомъ. Въ библиотекѣ они были одни. Никакой торжественности. Президентъ Гардуэнъ открылъ засѣданіе слѣдующими словами:

— Господа! нѣтъ надобности разъяснять положеніе. Всѣ знаютъ, въ чемъ дѣло. «Статья 68 конституціи была настоятельна. Верховный судъ долженъ былъ собраться, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть обвиненнымъ въ измѣнѣ. Судьи не особенно спѣшили, но, наконецъ, объявили судъ состоявшимся; секретаремъ назначили Бернара, главнаго секретаря кассационнаго суда; за нимъ послали, а въ ожиданіи его прихода, попросили библиотекаря, г. Деневера вести журналъ. Условилсь о времени и мѣстѣ, гдѣ сойтись вечеромъ. Подвергли обсужденію выходку конституціоналиста Мартена, за которую даже разсердились на него, какъ за попытку политики оказать давленіе на судъ. Толковали немножко о социализмѣ, о красной республикѣ, о томъ рѣшеніи, которое нужно было постановить. Разговаривали, рассказывали, порицали, дѣлали предположенія, тянули... Чего же собственно они ждали?

Мы уже видѣли, что дѣлалъ, въ свой чередъ, полицейскій комиссаръ. -

Дѣло въ томъ, что выборъ этой удаленной залы вызывало сомнѣнія. Если предположить, что народъ могъ ворваться въ зданіе суда и потребовать, чтобы верховный судъ исполнилъ долгъ свой, то выборъ этотъ казался вполне удачнымъ; но съ

другой стороны, представлялось и такое соображеніе: явится полиція, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы разогнать верховный судъ и вдругъ его не найдеть... Съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя было назвать выборъ удачнымъ.

Верховный судъ хотѣлъ скрыться; но ему слишкомъ хорошо удалось это.

Прискорбно было думать, что когда полиція и вооруженная сила явятся — дѣло зайдетъ уже слишкомъ далеко и верховный судъ будетъ скомпрометированъ.

Канцелярія была организована, теперь надо было организовать самое засѣданіе. Этотъ второй шагъ былъ гораздо важнѣе перваго.

Судьи нарочно танули время, въ надеждѣ, что судьба, наконецъ, рѣшится въ пользу той или другой стороны — въ пользу собранія или въ пользу президента, противъ переворота или за него — и что тогда верховный судъ, совершенно безопасно для себя, можетъ схватить кого-нибудь за воротъ. Очень долго обсуждался вопросъ, тотчасъ ли декретировать обвиненіе президента, или ограничиться только предварительнымъ постановленіемъ. Последнее мнѣніе превозмогло.

Они редижировали постановленіе; не то честное, рѣзкое постановленіе, которое было обнародовано и наклеено на стѣнахъ, благодаря усиліямъ представителей лѣвой, и куда вошли такіа грубая, неприличная слова, какъ «пгеступленіе» и «государственная измѣна» — итѣ, такое постановленіе слишкомъ отзывается оружіемъ... Судейская мудрость состоитъ въ томъ, чтобы постановить рѣшеніе, которое въ сущности не есть рѣшеніе, которое ни къ чему не обязываетъ, гдѣ обо всемъ говорится условно, гдѣ никто не обвиняется и вещи не называются настоящими именами. Рѣшенія этого рода дозволяютъ выжидать, и серьезнымъ людямъ отнюдь не слѣдуетъ, въ щекотливыхъ обстоятельствахъ, легкомысленно прибѣгать къ такой грубой вещи, какъ правда. Верховный судъ это понялъ, и постановилъ рѣшеніе осторожное: оно оставалось до сихъ поръ въ невзвѣстности и печатается здѣсь въ первый разъ. Вотъ оно. Это *chef-d'oeuvre* двусмысленности.

Извлеченіе

изъ протоколовъ верховнаго суда.

«Верховный судъ.

«На основаніи 68 ст. конституціи:

«Въ виду того, что наклеенныя сегодняшняго числа, на стѣнахъ Парижа, печатныя объявленія, начинающіяся словами: *президентъ республики* и въ концѣ имѣющія подписи: *Луи Наполе-*

отъ Бонапарта и де-Морни, министр внутреннихъ дѣлъ, возвѣщаютъ, между прочими иѣрами, о распущеніи національнаго собранія; что этотъ фактъ распущенія означеннаго собранія президентомъ республики можетъ осуществитъ случай, предусмотрѣнный ст. 68 конституціи и вызвать необходимость созванія верховнаго суда.

«Объявляетъ, что верховный судъ открылъ свои дѣйствія и назначилъ для исполненія обязанностей прокурора... (Здѣсь оставался пробѣлъ и только поздне уже сюда было вписано ими г. Ренуара, члена кассационнаго суда), а для исполненія обязанностей секретаря—г. Бернара, главнаго секретаря кассационнаго суда. Дальѣйшее же производство въ предѣлахъ означенной 68 ст. конституціи, отсрочивается до завтра, 3-го декабря, въ 12 часовъ дня».

«Постановлено въ засѣданіи суда, въ коемъ присутствовали: г. Гардуэнъ — президентъ, гг. Патаиль, Моро, Деланальмъ и Боши—судьи, 2-го декабря 1851 года».

Добавочные судьи, Гранде и Кено, предложили также подписать это постановленіе, но президентъ нашелъ болѣе правильнымъ обойтись безъ нихъ, такъ какъ добавочные судьи не имѣютъ значенія, когда судъ въ полномъ составѣ.

Былъ уже часъ, и въ судѣ начали ходить слухи, что часть національнаго собранія декретировала низложеніе Лун-Бонапарта. Одинъ изъ судей, выходявшій изъ залы во время преній, сообщилъ объ этомъ своимъ товарищамъ. Тогда судъ обнаружилъ нѣкоторые признаки энергіи. Президентъ замѣтилъ, что слѣдовало бы назначить генераль-прокурора.

Здѣсь явилось затрудненіе. Кого назначить? Во всѣхъ предшествовавшихъ процессахъ избирали обыкновенно, для исполненія этихъ обязанностей, генераль-прокурора парижскаго апелляціоннаго суда. Къ чему нововведенія? Порѣшили выбрать по прежнему прокурора апелляціоннаго суда. Этимъ прокуроромъ былъ въ настоящую минуту Ройе, состоявшій хранителемъ печати Бонапарта. Новое затрудненіе и новыя безконечныя пренія!

Согласится ли Ройе? Гардуэнъ самъ вызвался отправиться къ нему съ предложеніемъ. Нужно было только пройти галлерей Мерсьеръ.

Г. Ройе находился въ своемъ кабинетѣ. Предложеніе очень смутило его. Онъ былъ совсѣмъ озадаченъ. Принять—дѣло не шуточное, отказать—дѣло серьезное. Тутъ нахло обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ. 2-го декабря, въ часъ пополудни, переворотъ былъ еще преступленіемъ. Г. Ройе, не зная, удастся ли государственная измѣна, осмѣливался называть ее, въ интимномъ

кружѣ, настоящимъ ея именемъ и съ благородной стыдливостью потупляя взоръ передъ незаконнымъ насилиемъ, которому, спустя три мѣсяца, множество красныхъ маѣтій, а въ томъ числѣ и его собственная, присягнули въ вѣрности. Но его негодование не доходило до обвинения. Обвиненіе говорить громко, во всеуслышаніе, а г. Ройе пока еще ограничивался шопотомъ... Онъ былъ въ нерѣшительности.

Гардуэнъ понялъ это состояніе духа. Наставать было бы крайностью. Онъ удалился, и возвратился въ залу, гдѣ его ждали товарищи.

Однакожь, полицейскій комиссаръ явился въ зданіе суда вторично. Ему удалось, наконецъ, «откопать», какъ онъ выразился, верховный судъ. Онъ проникъ въ залу совѣта гражданскаго отдѣленія. Въ эту минуту его сопровождали только тѣ агенты, которые были съ нимъ утромъ. Мимо проходили служитель. Комиссаръ обратился къ нему съ вопросомъ: — «Гдѣ верховный судъ?» — «Верховный судъ? повторилъ тотъ. — Что это такое?» Но на всякій случай онъ предупредилъ объ этомъ библиотекаря, который сейчасъ же пришелъ. Г. Деневеръ и комиссаръ обмѣнялись нѣсколькими словами.

— Кого вамъ нужно?

— Верховный судъ.

— Кто вы такой?

— Я спрашиваю, гдѣ верховный судъ?

— Теперь происходитъ засѣданіе.

— Гдѣ онъ засѣдаетъ?

— Вотъ здѣсь.

И библиотекарь указалъ на дверь. — «Хорошо», сказалъ комиссаръ. Онъ не прибавилъ ни слова и вернулся въ галлерей Мерсьеръ. Мы сейчасъ сказали, что его сопровождало только нѣсколько агентовъ.

Верховный судъ дѣйствительно засѣдалъ. Президентъ отдавалъ судьямъ отчетъ о своей бесѣдѣ съ генераль-прокуроромъ. Вдругъ послышались шаги въ корридорѣ, ведущемъ изъ залы совѣта въ ту комнату, гдѣ шло засѣданіе. Дверь отворится съ шумомъ, показываются штыки и посреди ихъ человѣкъ въ разстегнутомъ пальто и опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ.

Судьи глядятъ, пораженные.

— Господа, говорить этотъ человѣкъ: — разойдитесь сейчасъ же.

Президентъ Гардуэнъ встаетъ.

— Что это значитъ? кто вы такой? Знаете ли, съ кѣмъ вы говорите?

— Знаю. Вы—верховный судъ, а я—полицейскій комиссаръ.

— Ну, такъ что же?

— Ступайте вонъ.

Съ нимъ было тридцать пять человѣкъ муниципальных гвардейцевъ, подъ командой поручика и съ барабанщикомъ впереди.

— Но... сказалъ президентъ.

Комиссаръ прервалъ его, слѣдующими словами—мы ихъ приводимъ буквально:—«Я не стану вступать съ вами въ ораторскія пренія, г. президентъ. Я получилъ приказанія и передаю ихъ вамъ; извольте повиноваться.

— Кому?

— Префекту полиціи.

Тогда президентъ сдѣлалъ слѣдующій странный вопросъ, заключавшій уже въ себѣ готовность подчиниться приказанію.

— У васъ есть предписаніе?

— Есть. И комиссаръ подалъ президенту бумагу. Судьи были блѣдны. Президентъ развернулъ бумагу. Коши заглянулъ въ нее черезъ плечо г. Гардуэна. Президентъ прочелъ:

«Предписывается разогнать верховный судъ, а, въ случаѣ отказа съ его стороны, арестовать гг. Беранже, Роше, де-Буассьё, Патайя и Гелло».

И, обратясь къ судьямъ, президентъ прибавилъ: — Подписано «Мопà».

Потомъ онъ сказалъ комиссару: — «Тутъ недоразумѣніе. Это имена не наши. Гг. Беранже, Роше, де Буассьё отслужили свой срокъ и уже не состоятъ членами верховнаго суда. Что же касается до Гелло, то онъ умеръ.

Составъ верховнаго суда былъ дѣйствительно временный и обновлялся. переворотъ разрушилъ конституцію, но не зналъ ея. Бумага за подписью Мопà относилась къ прежнему составу суда. переворотъ напуталъ, руководствуясь старымъ спискомъ. Маленькая разсѣянность убійць.

— Г. полицейскій комиссаръ, продолжалъ президентъ: — вы видите, что это имена не наши.

— Это мнѣ все равно, возразилъ комиссаръ. — Къ вамъ ли относится это предписаніе, или не къ вамъ — разоидитесь, а не то я васъ всѣхъ арестую.

И онъ присовокупилъ:

— Арестую тутъ же, сейчасъ.

Судьи замолчали. Одинъ изъ нихъ взялъ со стола лежавшій на немъ листокъ бумаги—это было постановленное рѣшеніе—и положилъ его въ карманъ. Потомъ они удалились.

*

Комиссаръ указалъ имъ дверь, гдѣ видѣлись штыки и сказалъ: «сюда».

Они прошли корридормъ между двумя рядами солдатъ. Выводъ республиканскихъ гвардейцевъ проводилъ ихъ до галлерей Сен-Луи. Тамъ ихъ оставили на свободѣ, съ пониженными головами. Было около трехъ часовъ.

Между тѣмъ какъ все это происходило въ библиотечной залѣ, рядомъ, въ прежней парламентской большой камерѣ, засѣдалъ и судилъ, какъ всегда, кассационный судъ, не подозревая, что дѣлалось по сосѣдству.

Но покончимъ съ верховнымъ судомъ.

Вечеромъ, въ половинѣ восьмого, всѣ семеро судей собрались у одного изъ нихъ, у того самаго, который унесъ въ карманѣ постановленіе, составили протоколъ, редижировали протестъ и, совная необходимость пополнить пробѣлъ, оставшійся въ ихъ постановленіи, назначили, по предложенію Кено, генераль-прокуроромъ г. Ренуара, своего сотоварища по кассационному суду. Ренуаръ, немедленно извѣщенный объ этомъ, согласился. Они собрались въ послѣдній разъ, на другой день, 3-го, въ одиннадцать часовъ, т. е. за часъ до срока, назначеннаго ими въ постановленіи, приведенномъ выше, и опять въ библиотекѣ кассационнаго суда, въ присутствіи г. Ренуара. Составили актъ о его назначеніи и о томъ, что онъ требуетъ дальнѣйшаго производствъ дѣла. Кено отнесъ постановленіе въ главную канцелярію и немедленно вписалъ его въ реестръ внутреннихъ распоряженій кассационнаго суда, такъ какъ верховный судъ не имѣлъ своего особеннаго реестра, и съ самаго основанія своего положилъ, что будетъ пользоваться реестрами кассационнаго суда. Затѣмъ внесли въ реестръ еще два акта, составленные послѣ постановленія и озаглавленные такимъ образомъ: 1) Протоколъ о вмѣшательствѣ полиціи во время обсужденія означеннаго постановленія. 2) Актъ о назначеніи г. Ренуара генераль-прокуроромъ. Кромѣ того, семь копій со всѣхъ этихъ бумагъ, собственноручно написанныхъ судьями и за нихъ подписаны, были спрятаны въ надежное мѣсто, а также памятная книжка, куда, говорить, были вписаны пять другихъ секретныхъ рѣшеній, отнесенныхъ къ перевороту.

Существуетъ ли еще эта страница реестра кассационнаго суда въ настоящую минуту? Правда ли, что префектъ Монэ, какъ это утверждали, потребовалъ себѣ реестръ и разорвалъ тотъ листъ, гдѣ было написано постановленіе? Мы не могли разъяснить этого обстоятельства. Теперь, этотъ реестръ никому не доступенъ и чиновники главной канцеляріи нѣмы.

Таковы факты. Резюмируемъ ихъ.

Еслибы этотъ судъ, называвшійся верховнымъ, способенъ былъ проникнуться идеей долга, что разъ всѣ члены его были въ сборѣ, засѣданіе могло бы состояться въ нѣсколько минутъ. Онъ могъ бы дѣйствовать быстро и рѣшительно, назначивъ генераль-прокуроромъ человека энергичнаго, изъ членовъ кассационнаго суда, какъ, наприимѣръ, Фрелона, или изъ адвокатуры, какъ, наприимѣръ, Мартена, (изъ Страсбурга). Въ силу 18 ст. и не дожидаясь распоряженій національнаго собранія, онъ могъ бы постановить приговоръ, опредѣляющій свойство совершеннаго преступленія, декретировать арестованіе Луи Бонапарта и его сообщниковъ, и распорядиться о заключеніи президента въ тюрьму. Съ своей стороны, и генераль-прокуроръ могъ бы издать такой же декретъ объ арестѣ. Все это могло бы быть окончено въ половинѣ двѣнадцатаго, а въ этотъ часъ противъ верховнаго суда еще не было принято никакихъ мѣръ. Вслѣдъ за этими первыми распоряженіями, верховный судъ вышелъ бы на улицу и тамъ объявилъ бы народу о своемъ рѣшеніи. Онъ не встрѣтилъ бы въ эту минуту никакихъ препятствій. Наконецъ, во всякомъ случаѣ, судьямъ слѣдовало засѣдать въ своихъ костюмахъ, въ залѣ засѣданія, сохраняя всю торжественность судебной обстановки, и при появленіи полицейскаго агента съ солдатами, приказать солдатамъ арестовать агента. Солдаты, быть можетъ, послушались бы ихъ. Въ противномъ же случаѣ, пусть ихъ торжественно повлекли бы въ тюрьму, чтобы народъ увидѣлъ на улицѣ собственными глазами, какъ грязныя ноги насильственнаго переворота попираютъ мантию правосудія. Вмѣсто всего этого, что сдѣлалъ верховный судъ? Мы сейчасъ это видѣли.

— Ступайте вонъ.

— Уходимъ.

Матѣ Моле, вѣроятно, не такъ разговаривалъ съ Видокомъ.

ХІІ.

Мэрія 10-го округа.

Представители, выйдя отъ г. Дарю, снова сошлись на улицѣ. Здѣсь, разбившись на группы, они старались вкратцѣ обсудить положеніе. Ихъ было много. Можно было, менѣе, чѣмъ въ часъ, посредствомъ повѣстоковъ, разосланныхъ на домъ хотя бы только тѣмъ, кто жилъ на лѣвомъ берегу Сены, въ виду слѣш-

ности дѣла, собрать около 300 человекъ. Но гдѣ собраться? У Лемарделе? Но улица Ришельё охранялась войскомъ. Въ заглъ Мартель? Это было слишкомъ далеко. Разсчитывали на тотъ легионъ, которымъ командовалъ генералъ Лористонъ; и потому установили выборъ на мэрию 10 округа. Притомъ же она находилась довольно близко, и не нужно было переходить мостовъ.

Выстроились въ колонну и двинулись.

Г. Дарю, какъ мы уже сказали, жилъ въ улицѣ Лилль по соседству съ собраніемъ. Вся часть улицы между его домомъ и зданіемъ собранія, занята была гѣхотой. Послѣдній взводъ ея стоялъ у самыхъ дверей Дарю, но преграждалъ путь къ нимъ только съ одной стороны, съ правой. Представители, выйдя отъ Дарю, направились въ улицу Св. Отцовъ, и оставили солдатъ позади себя. Войску въ эту минуту дана была инструкція только помѣшать представителямъ сойтись въ собраніе, а потому они могли спокойно выстроиться въ колонну на улицѣ, и идти. Если бы они повернули направо, а не налево, ихъ бы не пропустили. Но на этотъ счетъ не было отдано никакого приказанія, и они прошли, благодаря этому промаху.

Это обстоятельство, часть пуста, привело Сент-Арно въ ярость. Дорогою присоединялись новые представители, и колонна все росла. Члены правой жили, по большей части, въ Сен Жерменскомъ Предмѣстьи; и потому колонна почти вся состояла изъ людей большинства.

На углу набережной Орсе, они встрѣтили группу членовъ лѣвой, соединившихся, по выходѣ изъ собранія, и совѣщавшихся между собой. Это были Эскиросъ, Маркъ Дюфрессъ, Викторъ Геневель, Кольфаврю и Шаміо.

Тѣ, которые шли впереди колонны, отдѣлились отъ нея, подошли къ группѣ и сказали ей: «пойдемте съ нами».

— А вы куда? спросилъ Маркъ Дюфрессъ.

— Въ мэрию 10-го округа.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ декретировать низложеніе Луи-Бонапарта.

— А потомъ?

— Потомъ, всей толпой, отправимся къ зданію собранія; провремся, если встрѣтимъ сопротивленіе—силой, и съ крыльца прочитаемъ декретъ о низложеніи.

— Хорошо; мы идемъ съ вами, сказалъ Маркъ Дюфрессъ.

Пять членовъ лѣвой пошли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ колонны. Въ колоннѣ нашлось нѣсколько друзей ихъ, которые тотчасъ же къ нимъ примкнули. И мы констатируемъ здѣсь фактъ, не придавая ему, впрочемъ, болѣе значенія, нежели

сколько онъ имѣлъ, что обѣ фракціи представителей, въ этой импровизированной сходкѣ, направлялись къ мэрію, не сближаясь одна съ другой, и занимая каждая особую сторону улицы. При этомъ, случаю угодно было распорядиться такъ, что члены большинства шли по правой, а члены меньшинства по лѣвой сторонѣ ея.

Ни на комъ не было шарфовъ. Ни по какимъ вѣшнымъ признакомъ нельзя было узнать представителей народа. Прохожіе смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ, и, казалось, не понимали, что это за процессія, безмолвно двигающаяся по пустыннымъ улицамъ Сен-Жерменскаго Предмѣстья? Часть Парижа еще ничего не знала о переворотѣ.

Въ стратегическомъ отношеніи, какъ оборонительный пунктъ, мэрія 10-го округа была дурно избрана. Расположенная въ узкой улицѣ, въ коротенькой части улицы Греннель Сен-Жермень находящейся между улицами: Св. Отцовъ и Sépulcre, и по близости отъ площадки Круа-Ружъ, куда войска могутъ подойти съ столькихъ различныхъ пунктовъ, мэрія 10-го округа, стѣсненная, блокированная со всѣхъ сторонъ, была бы плохой цитаделью для народнаго представительства, въ случаѣ нападенія на него. Правда, что выборъ цитадели точно такъ же труденъ, какъ въ исполствіи выборъ генерала.

Прибытіе въ мэрію, казалось, произошло при хорошихъ предзнаменованіяхъ. Большія ворота, ведущія на четырехъ-угольный дворъ, были заперты; ихъ отворили національные гвардейцы—человѣкъ около двадцати—стоявшіе въ караулѣ; они взяли съ ружья и отдали военную честь собранію. Представители вошли. Помощникъ мэра почтительно встрѣтилъ ихъ на порогѣ мэріи.

— Дворецъ національнаго собранія, сказали представители:—запертъ войскомъ; мы пришли, чтобы отперть засѣданіе здѣсь. Помощникъ мэра провелъ ихъ въ первый этажъ и велѣлъ отпереть для нихъ большую муниципальную залу. Национальные гвардейцы кричали, «да здравствуетъ національное собраніе!»

Когда представители вошли, двери заперли. Толпа начинала собираться на улицѣ и кричала: да здравствуетъ собраніе! Нѣсколько постороннихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ собранію, проникли въ мэрію, одновременно съ представителями. Воялись слишкомъ большого скопленія народа, и потому къ маленькой боковой двери, оставшейся отворенною, поставили двухъ часовыхъ, съ приказаніемъ не пропускать никого, кромѣ представителей, которые могли еще подойти. У той же двери, сталъ г. Овенъ Траншеръ, чтобы узнавать вновь входящихъ въ лицо.

Представителей, когда они пришли въ мэрію, было нѣсколь-

ко менѣе трехсотъ; потому число ихъ превзошло эту цифру. Было около одиннадцати часовъ дня. Не всѣ вошли тотчасъ же въ залу, гдѣ должно было происходить засѣданіе. Нѣкоторые преимущественно члены лѣвой, оставались на дворѣ, смѣшавшись съ національными гвардейцами и гражданами.

Говорили о томъ, что дѣлать. Тутъ встрѣтилось первое затрудненіе. Старшій по возрасту,—*doyen d'âge*—былъ г. Кератри. Слѣдовало ли избрать его предсѣдателемъ? Представители, собравшіеся въ залѣ, указывали на него. Представители, оставшіеся на дворѣ, колебались. Маркъ Дюфрессъ подошелъ къ Жюлю де-Ластери и Леону де-Мальвиллю, находившимся между представителями лѣвой, и сказалъ имъ: «Что они тамъ на верку затѣваютъ? Избрать въ предсѣдателя Кератри! Но вѣдь имя Кератри точно также испугаетъ народъ, какъ мое испугало бы буржуазію!»

Членъ правой, Керанфлексъ, подошедшій къ нимъ, сталъ нужнымъ поддержать это мнѣніе. «И притомъ подумайте о возрастѣ Кератри! прибавилъ онъ.—Это безуміе. Избирать вождемъ восьмидесятилѣтняго старика, въ такую опасную минуту!»

Но Эскиросъ воскликнулъ: Плохой аргументъ! Восемьдесятъ лѣтъ—это сила.

— Да... когда они внушаютъ почтеніе! возразилъ Кольтфигрю.

— Нѣтъ ничего внушительнѣе, продолжалъ Эскиросъ:—восьмидесятилѣтняго старца.

— Прекрасно, когда предсѣдательствуетъ Несторъ! прибавилъ Шаміо.

— Но не Жеронтъ, сказалъ Викторъ Геннекенъ.

Эти слова положили конецъ преніямъ. Кератри былъ устраненъ. Гг. Жюль Ластери и Леонъ де-Мальвилль, два челоуѣка, уважаемые всѣми партіями, взились уговорить представителей правой. Положили, что будетъ предсѣдательствовать бюро. Пять членовъ его были на лицо: два вице-президента гг. Бенуа д'Ази и Вите; и три секретаря гг. Гримо, Шапо и Муленъ. Другіе два вице-президента—генералъ Бедо и Дарю находились: первый въ Мазасѣ, второй—подъ домашнимъ арестомъ. Изъ остальныхъ трехъ секретарей, двое, Пепенъ и Лавазъ—елисейцы—не явились; а третій, Ивонъ, членъ лѣвой, присутствовалъ на сходкѣ, происходившей въ улицѣ Бланшъ почти въ ту же самую минуту.

Но вотъ на крыльцѣ мэриіи показался приставъ (*huissier*) и крикнулъ, какъ въ самые мирные дни собранія: «Гг. представители, пожалуйста въ засѣданіе!»

Этотъ приставъ, принадлежавшій къ собранію, и послѣдовав-

шій за нимъ, раздѣлялъ во весь тотъ день его участь—включая сюда и задержание на набережной Орсе.

При появленіи пристава, всѣ представители, оставшіеся на дворѣ, и между которыми находился одинъ изъ вице-президентовъ, г. Вите, поднялись въ залу, и засѣданіе началось.

Это засѣданіе собранія было послѣднимъ, происходившимъ въ правильныхъ условіяхъ. Дѣвая, съ своей стороны, какъ мы видѣли, отважно овладѣла снова законодательной властью, съ которой соединила то, что требовалось въ данную минуту обстоятельствами, т. е. обязанности революціонныя; и безъ бюро, безъ пристава, безъ секретарей, открыла также засѣданіе. Засѣданія эти не были безстрастно и вѣрно воспроизведены стенографіей; но они живутъ въ нашей памяти и исторія занесетъ ихъ въ свои страницы.

Два стенографа собранія, гг. Гросле и Лаганшъ, присутствовали на засѣданіи въ мѣрин 10 округа. Они могли съ точностью записать его; но цензура восторжествовавшего переворота искажила отчеты ихъ, и заставила своихъ историографовъ напечатать этотъ искаженный рассказъ, выдавъ его за подлинный. Одна лишняя ложь не идетъ въ счетъ. Этотъ стенографическій отчетъ принадлежитъ къ дѣлу о преступленіи 2-го декабря. Онъ составляетъ одинъ изъ капитальнѣйшихъ документовъ процесса, который должно возбудить будущее. Въ нашей книгѣ этотъ документъ будетъ помѣщенъ вполне, съ обозначеніемъ всѣхъ мѣстъ, выкинутыхъ цензурою Бонапарта. Эти урѣзки уже свидѣлствуютъ о значеніи и важности документа.

Стенографія воспроизводитъ все, за исключеніемъ жизни. Стенографія—это ухо, оно слышитъ, но не видитъ. И потому, здѣсь необходимо попополнить неизбежныя пробѣлы стенографскаго отчета.

Для того, чтобы имѣть полное понятіе объ этомъ засѣданіи, нужно представить себѣ большую залу мѣрин, нѣчто въ родѣ длиннаго четырехугольника, освѣщеннаго съ правой стороны четырьмя или пятью окнами, выходящими на дворъ, а съ лѣвой уставленнаго нѣсколькими рядами скамеекъ, наскоро внесенныхъ, на которыхъ громоздятся 300 представителей, собранныхъ здѣсь случаемъ. Никто не сидѣлъ; передніе стояли, а задніе встали на скамейки. Кое-гдѣ видѣлись маленькіе столики. По срединѣ расхаживали взадъ и впередъ. Претивъ входной двери, въ другомъ концѣ комнаты, длинный столъ, окруженный свѣчами, занималъ всю стѣну; за нимъ засѣдало бюро. *Засѣдало*—это выраженіе условное, бюро не сидѣло—оно стояло, какъ и все остальное собраніе. Секретари Шапо, Муленъ и Гримо писали стоя. По

временамъ, оба вице-президента влѣзали на скамью, для того, чтобы ихъ лучше видѣли со всѣхъ концовъ залы. Столъ былъ покрытъ старымъ зеленымъ сукномъ, запачканнымъ чернилами. Принесли три или четыре чернильницы. По столу была разбросана бумага. Тутъ писались декреты, по мѣрѣ ихъ изготовленія, съ нихъ снимали множество копій. Нѣкоторые представители, превратившись въ импровизированныхъ секретарей, помогали секретарямъ официальнымъ.

Эта большая зала, какъ мы уже сказали, расположена была въ первомъ этажѣ и выходила прямо въ сѣни. Въ нее вела довольно узкая лѣстница.

Вспомнимъ, что почти всѣ находившіеся на лицо представители были членами правой.

Первый моментъ былъ трагическій. Здѣсь особенную энергію проявилъ Беррье. Беррье, который, подобно всѣмъ импровизаторамъ безъ стили, оставить по себѣ только имя, и очень спорное имя, былъ скорѣе адвокатъ, нежели убѣжденный ораторъ. Но на этотъ разъ, онъ былъ кратокъ, логиченъ, серьезенъ. Началось съ криковъ: что дѣлать? Нужно составить декларацию, сказалъ де-Фаллу.—Нужно протестовать, сказалъ Флавиньи.—Нужно издать декретъ, сказалъ Беррье. Дѣйствительно, декларация — это слова, пущенныя на вѣтеръ; протестъ — это только шумъ. Но декретъ — уже дѣло. — Закричали: какой декретъ?—Декретъ о низложеніи, сказалъ Беррье. Низложение — это былъ крайній предѣлъ энергіи правой. За низложеніемъ слѣдовало объявленіе вѣтѣ закона. Низложить было дѣломъ возможнымъ для правой. Объявить вѣтѣ закона могла только лѣвая.— И точно, Луи Бонапарта объявила состоящимъ вѣтѣ закона лѣвая. Она сдѣлала это на первой же сходкѣ своей въ улицѣ Бланшъ, какъ увидать далѣе. Съ низложеніемъ легальность оканчивалась; съ объявленія вѣтѣ закона начиналась революція. Повтореніе революціи — это логическое послѣдствіе всѣхъ *coups d'état*.

Когда низложеніе было рѣшено, человекъ, въ послѣдствіе сдѣлавшійся измѣнникомъ, Кантенъ-Бошаръ вскричалъ: «Подпишемъ его всѣ!» Всѣ подписали. Вошелъ Одиллонъ Барро, нитомъ Антонн Туре и подписали оба. Вдругъ г. Писсатори возвѣстилъ, что мэръ отказывается впустить въ залу вновь прибывающихъ представителей. «Предпринемъ ему декретомъ», сказалъ Беррье и декретъ былъ вотированъ. Благодаря этому декрету, вошли Фавро и Монс. Они только что оставили законодательное собраніе и рассказали о трусости Дюшена. Дагирель — одинъ изъ всакаовъ правой, былъ самъ возмущенъ этимъ, и сказалъ: «Противъ насъ употребили штыки». Послышались голоса: потребуемъ

10-й легіонъ. Пускай бьютъ сборъ. Лористонъ колеблется. Прикажемъ ему защищать собраніе. Предпишемъ декретомъ, сказалъ Беррье. Декретъ былъ написанъ, что не помѣшало Лористону отказаться. Другимъ декретомъ, также предложеннымъ Беррье, объявлялся извѣнникомъ каждый, кто посягнетъ на парламентскую неприкосновенность, и предписывалось немедленно освободить представителей, преступно задержанныхъ. Все это было вотировано разомъ, безъ преній, въ какой-то единодушной неурядицѣ, и посреди дѣлой бури бѣшеныхъ разговоровъ. Отъ времени до времени, Беррье удавалось водворить тишину; но потомъ гнѣвные крики начинались снова.—Ссир d'état не посмѣетъ проникнуть сюда! Мы здѣсь хозяева. Мы у себя. Напасть на насъ здѣсь—это намислимо! Эти мерзавцы не осмѣлятся! Если бы шумъ былъ не такъ великъ, представители могли бы услышать въ открытыя окна, какъ подлѣ нихъ солдаты стучали оружіемъ...

Это былъ баталіонъ венсенскихъ стрѣлковъ, молчаливо вошедшій въ садъ мэриі, и, въ ожиданіи приказаній, заряжавшій ружья.

Мало-по-малу, засѣданіе, сначала безпорядочное, приняло правильнѣйшій видъ... Крики превратились въ гулъ. Голосъ пристава: «молчаніе, господа!» наконецъ, взялъ верхъ надъ шумомъ. Каждую минуту являлись новые представители и спѣшили подписаться подъ декретомъ о низложеніи. Такъ какъ около стола толпилось слишкомъ много народу, то въ залѣ и въ сосѣднихъ комнатахъ распространилось около дюжины летучихъ листовъ, на которыхъ представители писали свои имена. Первый, подписавшій декретъ о низложеніи, былъ г. Дюфоръ, послѣдній—Беттингъ де-Ланкастель. Одинъ изъ президентовъ, Бенуа д'Ази, держалъ рѣчь къ собранію; другой, Вите, блѣдный, но спокойный и твердый раздавалъ инструкціи и приказанія. Бенуа д'Ази держалъ себя прилично, но не совсѣмъ твердый голосъ его обнаруживалъ внутреннее волненіе. Раздѣленіе, существовавшее между членами правой, не исчезло даже въ эту критическую минуту. Представитель изъ легитимистовъ говорилъ вполголоса своему сосѣду, объ одномъ изъ вице-президентовъ: «Этотъ долговязный Вите похожъ на выбѣленный надгробный памятникъ». Вите былъ орлеанистъ.

Такъ какъ авантюристъ, съ которымъ имѣли дѣло, былъ способенъ на все; а время близилось къ сумеркамъ, то нѣкоторыми легитимистами, изъ породы безхитростныхъ, овладѣлъ не шуточный, но комическій страхъ. Маркизъ **, напомнимъ собою басню «Муха и дорожнике», расхаживалъ взадъ и впередъ, кричалъ, декламировалъ, разглагольствовалъ,

протестовалъ, заявлялъ и дрожалъ. Другой, г. А. Н., весь въ поту, красный, задыхавшійся, страшно безпокоился: Гдѣ караулъ? Сколько человѣкъ? кто командуетъ? Офицеръ! Позовите ко мнѣ офицера. Да здравствуетъ республика! Национальные гвардейцы, держитесь стойко». Вся правая сторона кричала: «да здравствуетъ республика!»—Вы значить хотите уморить ее, говорили имъ. Эскиросъ. Нѣкоторые были безмолвны. Бурбуссонъ хранилъ молчаніе побѣжденнаго государственнаго человѣка. Другой, виконтъ *** ощущалъ такой страхъ, что бѣгалъ ежеминутно въ уголокъ двора. Въ толпѣ, наполнявшей этотъ дворъ, находился парижскій уличный мальчишка, изъ котораго впоследствии вышелъ симпатичный, смѣлый поэтъ, Альберъ Глатиньи. Онъ крикнулъ этому виконту: Послушайте! неужели вы думаете, что coup d'etat можно потушить тѣмъ же способомъ, какимъ Гуливеръ тушилъ пожаръ?

Орлеанисты были спокойны и держали себя лучше. Это происходило отъ того, что они подвергались ббльшей опасности.

Паскаль Дюпра велѣлъ возстановить на декретахъ, сверху, слова: «Французская Республика», которыя пропустили.

Отъ времени до времени, нѣкоторые произносили имя Дюлена. Тогда раздавались свистки и хохотъ. «Не называйте этого подлеца», кричалъ Антони Туре. Предложенія слѣдовали за предложеніями. Въ залѣ стоялъ гулъ, отъ времени до времени смѣнявшійся глубокимъ торжественнымъ молчаніемъ. Тревожныя рѣчи слышались то въ той, то въ другой группѣ. «Мы попались какъ въ мышеловку! Намъ прижали къ стѣнѣ!» Потомъ, при каждомъ предложеніи, раздавались голоса: «Такъ! Такъ! Конечно! Это хорошо!» Представители вполголоса назначали другъ другу свиданіе въ улицѣ Шоссе д'Антенъ, № 19—въ случаѣ, еслибъ ихъ выгнали изъ мэріи. Биксіо унесъ декретъ о низложеніи, чтобы отдать его напечатать. Эскиросъ, Маркъ Дюфрессъ, Паскаль Дюпра, Ригаль, Лербеттъ, Шаміо, Латрадъ, Кольфаврю, Антони Туре, давали тамъ и сямъ энергическіе совѣты. Дюфоръ, возмущенный и рѣшительный, протестовалъ съ достоинствомъ. Одиллонъ Баро неподвижно и молча сидѣлъ въ углу, съ видомъ наивнаго изумленія.

Гг. Пасси и Токвиль рассказывали, посреди группъ, что, въ бытность свою министрами, они постоянно опасались насильственнаго переворота; что имъ всегда было ясно, что мысль о немъ гнѣздится въ мозгу Луи Бонапарта. Токвиль присовокуплялъ:—Каждый вечеръ я говорилъ себѣ: «Я засыпаю министромъ, а проснусь, пожалуй, узникомъ».

Нѣкоторые изъ тѣхъ, кого называли «людьми порядка», под-

писывая декретъ о низложеніи, ворчали: «Берегитесь красной республики!» Казалось, они одинаково страшились и успѣха, и неудачи. Г. де-Ватимениль, пожимая руки лѣвымъ, благодарилъ ихъ за ихъ присутствіе: «Вы дѣлаете насъ популярными», говорилъ онъ. Антони Туре отвѣчалъ ему: «Я не знаю теперь ни лѣвой, ни правой; я вижу только собраніе». Младшій изъ двухъ стенографовъ сообщилъ представителямъ, произносившимъ рѣчи, листки отчета, приглашая тотчасъ же просмотрѣть ихъ, и говорилъ: «Намъ некогда будетъ перечитывать». Нѣкоторые представители, выйдя на улицу, показывали народу копіи съ декрета о низложеніи, за подписью членовъ бюро. Кто-то изъ народа, взявъ одну копію, крикнулъ: «Граждане! чернила еще не высохли. Да здравствуетъ республика!».

Помощникъ мэра стоялъ въ дверяхъ залы, такъ какъ лѣстница была вся наполнена національными гвардейцами и посторонними зрителями. Нѣкоторые проникли въ самое засѣданіе, и, между прочими, прежній членъ учредительнаго собранія, Беле, человекъ рѣдкаго мужества. Ихъ сначала хотѣли удалить, но они воспротивились. «Это наши дѣла, воскликнули они:—вы—собраніе, но мы—народъ».—Они правы, сказалъ Беррье.

Г. де-Фаллу, сопровождаемый Керанфледомъ, подошелъ къ конституціоналисту Беле, и, облокотясь подлѣ него на каминь, сказалъ: «Здравствуйте, коллега!» Онъ напомнилъ ему, что они вмѣстѣ засѣдали въ комиссіи національныхъ мастерскихъ, и вмѣстѣ посѣщали рабочихъ въ паркѣ Монсо. Эти люди, чувствуя, что они падаютъ, становились нѣжны къ республикѣ. Каждый говорилъ съ того мѣста, гдѣ находился—тотъ влѣзъ на скамью, тотъ на стулъ, нѣкоторые взобрались на столы. Самыя противоположныя рѣчи слышались одновременно. Въ одномъ углу, прежніе вожаки порядка выражали боязнь, какъ бы не восторжествовали «красные». Въ другомъ, люди правой, окруживъ людей лѣвой, спрашивали ихъ: «Развѣ предмѣстья не восстанутъ?»

У повѣствователя одна обязанность—разсказывать. Онъ разсказываетъ все, какъ дурное, такъ и хорошее. Какъ бы то ни было, несмотря на всѣ эти подробности, о которыхъ мы не могли умолчать, надо отдать справедливость людямъ правой, составившимъ значительное большинство на этой сходкѣ, что они вели себя съ достоинствомъ, и во многихъ отношеніяхъ заслуживаютъ уваженія. Нѣкоторые даже—мы упоминали объ этомъ—проявили большую энергію и рѣшимость, какъ бы желая соперничать съ членами лѣвой.

Такъ какъ мы еще не разъ увидимъ въ теченіи этого разсказа, что люди правой обращали свои взоры къ народу, то слѣ-

дуютъ здѣсь оговориться: эти монархисты, говорившіе о народномъ возстаніи, призывавшіе предмѣстья, составляли меньшинство и притомъ меньшинство почти незамѣтное. Антони Туре предложилъ тѣмъ, которые были тутъ предводителями, пройти всей толпой по народнымъ кварталамъ съ декретомъ о низложеніи въ рукахъ. Припертые къ стѣнѣ, они отказались. Они объявили, что хотятъ защищаться только при помощи организованной силы, а не народа. Странная вещь — но которую, тѣмъ не менѣе, должно констатировать — эти люди, по своей политической близорукости, сопротивление народа, даже во имя закона, считали мятежнымъ! Вся революціонная обстановка, какую они могли еще допустить — это легионъ національной гвардіи, съ барабанщикомъ впереди. Передъ баррикадой они отступали. Право въ блузѣ — не было правомъ; истина, вооруженная пикой, не была истиной; законъ, вырывающій камни изъ мостовой, производилъ на нихъ впечатлѣніе Эвмениды. Но, впрочемъ, принимая ихъ за то, чѣмъ они въ дѣйствительности были, и что они значили, какъ политическіе люди — нельзя не согласиться, что эти члены правой были правы. Что бы они стали дѣлать съ народомъ? и что бы народъ сталъ дѣлать съ ними? Какъ бы они взялись за дѣло, чтобы воспламенить массы? Есть ли возможность представить себѣ Фаллу трибуномъ, призывающимъ Сент-Антуанское Предмѣстье къ возстанію? Увы! При этомъ скопленіи всякихъ ничтожностей, при этомъ ровномъ усложненіи обстоятельствъ, которыми такъ подло, и такъ предательски воспользовался *сoup d'état*, при этихъ громадныхъ недоразумѣніяхъ, въ которыхъ и заключалось все положеніе — зажечь революціонную искру въ сердцѣ народа — на это не хватило бы самого Дантона!

Soup d'état вошелъ въ это собраніе съ нахальствомъ, въ своемъ каторжническомъ востюмѣ. У него была гнусная увѣренность, здѣсь какъ и вездѣ. На этой сходкѣ было 300 представителей народа. Луи Бонапартъ прислалъ разогнать ихъ сержанта. Когда сержанту оказали сопротивленіе, онъ прислалъ офицера, временно командовавшаго 6-мъ баталіономъ венсенскихъ стрѣлковъ. Этотъ офицерикъ, молоденькій, бѣлокурый, на половину слѣбующійся, на половину угрожающій, показывалъ пальцемъ на лѣстницу, гдѣ свертели штyki, и дразнилъ собраніе.

— Кто этотъ рыій блондинъ? спросилъ одинъ членъ правой. Национальный гвардеецъ, находившійся тутъ, отвѣтилъ: выбросьте его въ окно! — Дайте ему пинка! крикнулъ кто-то въ народѣ.

Но какова бы ни была вина этого собранія передъ принципами революціи, каковы бы ни были ошибки его — одна демократія

имѣла право упрекать его за нихъ. Все-таки это было національное собраніе, т. е. воплощеніе республики, всеобщей подачи голосовъ, народнаго самодержавія. И Луи Бонапартъ задушилъ это собраніе. Мало того—онъ оскорблялъ его. Пощечина хуже убійства.

Окрестные сады, занятые войсками, были усеяны разбитыми бутылками. Солдаты поили. Они просто повиновались эполетамъ, и, по выраженію одного очевидца, казались «ступившими». Представители обращаясь къ нимъ говорили: вѣдь это преступленіе! Они отвѣчали: мы ничего не знаемъ.

Одинъ солдатъ говорилъ другимъ: Куда ты дѣвалъ десять франковъ, которые тебѣ дали утромъ?

Сержанты подстрекали офицеровъ. За исключеніемъ командира, который, вѣроятно, добивался креста, офицеры были почти тельны; сержанты—грубы.

Одинъ поручикъ, казалось, колебался. Сержантъ крикнулъ ему: — Вы не одинъ здѣсь командуете. Идите!

Г. де-Ватимениль спросилъ одного солдата: — неужели вы осмѣлитесь арестовать насъ, насъ, представителей народа? «Еще бы!» отвѣтилъ солдатъ.

Многіе солдаты, слыша, какъ представители жаловались, что они съ утра ничего не ѣли, предлагали имъ хлѣба.

Нѣкоторые представители приняли. Токвиль, который былъ боленъ, и, блѣдный, стоялъ прислонясь къ окну, получилъ отъ солдатъ кусокъ хлѣба, и подѣлился имъ съ Шамболлемъ.

Два полицейскихъ комиссара явились въ «формѣ», описанные шарфомъ, и въ шляпахъ, съ чернымъ шнуркомъ. Одинъ былъ старикъ, другой молодой. Первый назывался Лемуанъ Ташра, второй—Барне. Надо отмѣтить эти два имени. Неслышанная наглость этого Барне обратила на себя всеобщее вниманіе. Все было у него, и циническая рѣчь, и вызывающій жестъ, и сардоническій тонъ. Потребовавъ, чтобы собраніе разошлось, онъ съ невыразимымъ нахальствомъ прибавилъ: «справедливо ли, нѣтъ ли—все равно» (*à tort ou à raison*). На скамьяхъ собранія послышался ропотъ. «Кто этотъ негодяй?» Другой, по сравненію съ нимъ, казался умѣреннымъ и пассивнымъ. Эмиль Пеанъ вскричалъ:—Старый исполняетъ свое ремесло, а молодой дѣлаетъ себѣ карьеру.

Прежде, чѣмъ эти Ташра и Барне вошли, и прежде, чѣмъ раздались стукъ ружейныхъ прикладовъ о ступени лѣстницы, собраніе думало о сопротивленіи. Но о какомъ? Мы сейчасъ сказали это. Большинство допускало только одно сопротивленіе: правильное, военное, въ мундирѣ и въ эполетахъ. Декретировать это сопротивленіе было легко, организовать — трудно. Такъ

как генералы, на которыхъ большинство привыкло рассчитывать, были арестованы, то оставалось только два генерала возможныхъ: Удино и Лористонъ.

Генераль маркизь Лористонъ, бывший пэръ Франціи, полковникъ 10-го легіона, и въ то же время представитель народа — дѣлалъ различіе между долгомъ представителя и долгомъ полковника. Когда нѣкоторые друзья его, члены правой, потребовали, чтобы онъ велѣлъ бить сборъ и созвалъ 10-й легіонъ, онъ отвѣтилъ: «Какъ представитель народа, я долженъ привлечь исполнительную власть къ отвѣтственности, но, какъ полковникъ, долженъ ей повиноваться». Онъ съ такимъ упорствомъ продолжалъ держаться этого мнѣнія, что не было никакой возможности вызвать его на улицу.

— Какъ онъ глупъ! говорилъ Пискатори.

— Какъ онъ уменъ! говорилъ Фаллу.

Первый офицеръ національной гвардіи, который явился въ мундирѣ, показался знакомымъ двумъ членамъ правой, и они вскричали: Это г. де-Перигоръ! Но они ошиблись: это былъ Гильбо, командиръ 3-го батальона, 10-го легіона. Онъ объявилъ, что готовъ идти по первому приказанію своего начальника, генерала Лористона. Генераль Лористонъ вышелъ на дворъ и, минуто спустя, возвратился, сказавъ: «Моей власти не признають. Я подаю въ отставку». Впрочемъ, имя Лористона не пользовалось большой извѣстностью между солдатами. Удино знали ближе въ арміи. Но какъ знали?

Когда было произнесено имя Удино, въ этомъ собраніи, почти исключительно состоявшемъ изъ членовъ правой — произошло нѣкоторое волненіе. И дѣйствительно, при этомъ роковомъ имени, въ эту критическую минуту, размышленія тѣснились въ головѣ каждого. Что такое былъ *coup d'état*?

Это была «римская экспедиція внутри страны», но предпринятая противъ кого? Противъ тѣхъ, которые дѣлали римскую экспедицію внѣ страны. Национальное собраніе Франціи, насильственно распущенное, нашло для своей защиты, въ эту послѣднюю часть, только одного генерала... И какого же? именно того, кто, во имя національнаго собранія Франціи, насильственно распустилъ національное собраніе въ Римѣ. Какую силу могъ имѣть для спасенія одной республики Удино, задушившій другую республику? Не естественно ли было предположить, что его собственныя солдаты отвѣтять ему: «Чего вы отъ насъ хотите? что мы сдѣлали въ Римѣ, то мы дѣлаемъ и въ Парижѣ». Ахъ, что это за исторія — эта исторія измѣны! Французское законодательное собраніе написало первую главу ея кровью римскаго учре-

дательнаго собранія, провидѣніе написало вторую главу.—кровью французскаго національнаго собранія. Перо держалъ Луи Бонапартъ.

Въ 1849 году, Луи Бонапартъ умертвилъ самодержавіе народа въ лицѣ римскихъ представителей. Въ 1851 г., онъ умертвлялъ его въ лицѣ французскихъ представителей. Это было послѣдовательно; и хотя гнусно, но справедливо. Законодательное собраніе несло разомъ тяжесть двухъ преступленій, будучи сообщникомъ перваго, и жертвой втораго. Всѣ эти люди большинства сознавали это и склоняли голову. Или, скорѣй, это было все одно и то же преступленіе — преступленіе 2-го іюля 1849 г., но только перемѣнившее названіе: теперь оно называлось 2-е декабря. Порожденное этимъ собраніемъ—оно убивало его. Всѣ преступленія—отцеубійцы. Въ извѣстный день — они обращаются противъ тѣхъ, которые ихъ породили, и умертвляють ихъ.

Въ эту, наводившую на размышленіе минуту, Фаллу, вѣроятно, искалъ глазами Монталамбера. Но Монталамберъ былъ въ Елисейскомъ Дворцѣ.

Когда Тамизье всталъ и произнесъ эти страшныя слова: «Римская экспедиція!» Дампьеръ, растерянный, крикнулъ ему: «Молчите! Вы насъ губите».

Не Тамизье губилъ ихъ, а Удино. Дампьеръ не чувствовалъ, что онъ кричитъ «замолчите!»—исторіи.

И потомъ, не говоря уже объ этомъ воспоминаніи, которое, въ подобную минуту могло быть пагубно для человѣка, одареннаго наилучшими военными способностями, генералъ Удино—впрочемъ, отличный офицеръ и достойный сынъ своего храбраго отца—не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ внушительныхъ качествъ, которыя, въ критическій, революціонный моментъ, дѣйствуютъ на солдата и увлекають народъ. Для того, чтобы образумить сотысячную армію, чтобы отыскать истинную душу французскаго солдата, на половину утонувшую въ винѣ, разливаемомъ преторіанцамъ, чтобы вырвать знамя у *сoup d'état* и возвратить его закону, чтобы окружить собраніе громомъ и молніей, нуженъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ ужъ нѣтъ больше; нужны были твердая рука, спокойное слово, холодный и глубокій взоръ какаго нибудь Дезэ, этого французскаго Фокіона; нужны были широкія плечи, высокій ростъ, громовый голосъ, грубое, циническое, дерзкое, веселое и высокое краснорѣчіе Клебера, этого военнаго Мирабо. Дезэ, представлявшій собою воплощеніе справедливаго человѣка; или Клеберъ—съ наружностью льва! Генералъ Удино былъ маленькой человѣкъ, неловкій, конфузливый,

съ неопредѣленнымъ, тусклымъ взглядомъ, съ красными щеками, узкимъ лбомъ, сѣдвющими гладкими волосами, мягкимъ голосомъ, скромной улыбкой, безъ дара слова, безъ жеста, безъ силы, храбрый передъ неприятелемъ и застѣнчивый передъ первымъ встрѣчнымъ. Онъ безспорно имѣлъ видъ солдата, но въ то же время и видъ попа; При видѣ его, представленіе о шпагѣ мѣшалось съ представленіемъ о церковной свѣчѣ. Глаза его какъ будто говорили: амины! У него были наилучшія намѣренія. Но что онъ могъ сдѣлать одинъ, безъ ореола истинной славы, безъ личнаго авторитета и имѣя за собой Римъ! Онъ самъ сознавалъ все это; и былъ словно парализованъ этимъ. Когда его назначили, онъ всталъ на стулъ и поблагодарилъ собраніе. Въ дуплѣ его, въ эту минуту, не было недостатка въ твердости, я не сомнѣвался въ томъ; но рѣчь его была нерѣшительна. Когда маленькій, бѣлокурый офицерикъ осмѣлился подступить къ нему и взглянулъ ему прямо въ лицо, онъ, державшій въ рукѣ мечъ народа, онъ, генералъ самодержавнаго собранія, умѣлъ пробормотать какія-то жалкія фразы, въ родѣ слѣдующей: «объявляю вамъ, что только одно насиліе *можетъ заставить насъ подчиниться приказанію* (!), которое бы воспрещало намъ собираться...» Онъ говорилъ о *подчиненіи* — онъ, который бы долженъ повелѣвать. Ему навязали черезъ плечо шарфъ, который, казалось, стѣснялъ его. Онъ попеременно склонялъ голову то къ одному плечу, то къ другому; онъ держалъ въ рукѣ свою шляпу и трость; онъ имѣлъ очень благодушный видъ. Одинъ легитимистъ шепнулъ своему сосѣду: «можно подумать, что это балли, произносящій рѣчь новобрачнымъ». А сосѣдъ его, также легитимистъ, отвѣчалъ: «онъ напоминаетъ мнѣ герцога Англемскаго».

Какая разница съ Тамизье! Тамизье — чистый, серьезный, убѣжденный, простой артиллерійскій капитанъ, имѣлъ видъ генерала. Тамизье — сильный умъ, мужественное сердце, нѣчто въ родѣ философа-солдата, могъ бы, при болѣе известности, оказать рѣшительныя услуги. Богъ знаетъ, что бы произошло, если бы Провидѣніе дало Удино душу Тамизье, или Тамизье эполеты Удино.

Въ этомъ кровавомъ декабрьскомъ переворотѣ, недоставало генеральскаго мундира, который былъ бы надѣтъ на достойныя плечи. Можно бы написать цѣлую книгу о роли галуновъ въ исторіи націй.

Тамизье, назначенный начальникомъ штаба, за нѣсколько минутъ до вторженія въ залу, отдалъ себя въ распоряженіе собранія. Онъ стоялъ на столѣ и говорилъ звучнымъ и задушевнымъ

голосомъ. Люди, наиболѣе растерявшіеся, ободрились подъ вліяніемъ этой скромной, честной, преданной личности.

Вдругъ онъ выпрямился, и, смотря на все это роляистское большинство, воскликнулъ: «Да, я принимаю полномочіе, которое вы мнѣ предлагаете; принимаю полномочіе защищать республику; но ничего кромѣ республики, слышите-ли вы это?»

Единодушный крикъ отвѣчалъ ему: «Да здравствуетъ республика!»

— О! сказалъ Белэ.—Голосъ-то возвратился къ вамъ, какъ и 4-го мая.

«Да здравствуетъ республика! Ничего, кромѣ республики! повторили люди правой; и Удино громче всѣхъ.

Всѣ руки простирались къ Тамизье; всѣ руки жали его руку. О! опасности! какая ты непреодолимая учительница! Атеистъ, въ послѣдній часъ, призываетъ Бога, а роляисты—республику! Всякій цѣпляется за то, что отвергалъ.

Официальные историки декабрьскаго переворота рассказывали, что, при самомъ началѣ засѣданія, два представителя были посланы собраніемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ для «переговоровъ». Достоверно то, что оба эти представителя не получали никакого полномочія. Они явились не отъ имени собранія, а отъ своего собственнаго. Они предложили себя въ посредники для того, чтобы мирно покончить начатую катастрофу. Эти честные люди предъявили нѣсколько наивное требованіе, чтобы Морни призналъ себя плѣнникомъ, и возвратился на путь закона; «въ прѣтивномъ случаѣ, прибавили они, собраніе исполнить долгъ свой, и призоветъ народъ къ защитѣ республики и конституціи». Морни отвѣчалъ имъ улыбкой, приправленной слѣдующими простыми словами: «Если вы сдѣлаете призывъ къ оружію, и если я найду представителей на баррикадахъ — я велю разстрѣлять ихъ всѣхъ до одного».

Собраніе 10-го округа уступило силѣ. Президентъ Вите потребовалъ, чтобы на него наложили руку. Агентъ, который схватилъ его, былъ блѣденъ и дрожалъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наложить на человѣка руку значить наложить ее на право, и тотъ, кто осмѣливается дѣлать это, трепещетъ, какъ нарушитель закона.

Выходили изъ мэриіи долго, и въ безпорядкѣ; прошло около получаса; солдаты стояли шпалерами, а полицейскіе комиссары, казалось, исключительно озабоченные тѣмъ, чтобы разгонять на улицѣ прохожихъ, посылали за приказаніями въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Все это время нѣкоторые представители,

*

сидя около стола въ большой залѣ, писали къ своимъ семействамъ, къ женамъ, къ друзьямъ; послѣдніе листки бумаги разбѣгались на расквату, недоставало перьевъ. Г. де-Люинъ написалъ записку къ женѣ карандашемъ; облатокъ не было, и письма приходилось отправлять не запечатанными. Нѣкоторые солдаты вызвались отправить ихъ на почту. Сынъ г. Шамболя, сопровождавшій отца до мэріи, вызвался отдать письма г-жамъ Люинъ, де-Ластери и Дювержье де Гораннъ. Генераль Ф., тотъ самый, который не далъ баталіона президенту учредительнаго собранія, Маррасту, за что былъ произведенъ изъ полковниковъ въ генералы, стоя по среди двора мэріи, съ краснымъ лицомъ, полушпанный, только что возвратившійся, какъ говорили, съ завтрака изъ Елисейскаго Дворца, распоряжался всѣмъ. Представитель Лербеттъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Генераль! вы подлець!» Потомъ, обратясь къ своимъ товарищамъ, вскричалъ: «слышите-ли, я говорю этому генералу, что онъ подлець?» Генераль Ф. не шевельнулся, сохранивъ грязь на своемъ мундирѣ и эпитетъ на своей щекѣ.

Собраніе не призвало народъ къ оружію. Мы сейчасъ объяснили, что оно не въ силахъ было этого сдѣлать. Однако-жь, въ послѣднюю минуту, членъ лѣвой, Латрадъ, сдѣлалъ еще усиліе и, отвѣдя въ сторону Беррье, сказалъ: «Актъ сопротивленія оконченъ. Такъ не дадимъ же себя арестовать. Разсѣмса по улицамъ, съ крикомъ: къ оружію!» Беррье посоветовался съ вице-президентомъ Бенуа д'Ази. Тотъ отказался. Помощникъ мэра проводилъ членовъ собранія до воротъ мэріи, съ открытой головой. Въ ту минуту, какъ они появились на дворѣ, готовые удалиться, національные гвардейцы отдали имъ честь, крича: «Да здравствуетъ собраніе! да здравствуютъ представители народа!» Национальныхъ гвардейцевъ тотчасъ же обезоружили — и почти насильно — венсенскіе стрѣлки.

Напротивъ мэріи жилъ виноторговецъ. Когда большія ворота отворились настежь и на улицѣ показалось собраніе, впереди котораго ѣхалъ верхомъ генераль Ф., между тѣмъ, какъ вице-президента Вите тащилъ за воротъ полицейскій агентъ, нѣсколько человекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя блузы, и столпившихся у оконъ этого виноторговца, рукоплескали, крича: «Отлично! Долой 25 франковиковъ!»¹ Отправились въ путь.

Венсенскіе стрѣлки, шедшіе по обѣимъ сторонамъ кортежа, бросали на арестованныхъ взгляды, исполненные ненависти. Ге-

¹ Члены собранія получали 25 фр. въ день содержанія. *Примеч. перев.*

нераль Удино говорилъ вполголоса: «Эта маленькая пѣхота ужасна! При осадѣ Рима, они бросались на приступъ, какъ бѣшенныя. Эти мальчишки—сущіе дьяволы».—Офицеры избѣгали взглядовъ представителей. Г. де-Куаленъ, проходя мимо одного офицера, вскричалъ: «Какой поворотъ для мундира!» Офицеръ отвѣчалъ съ озлобленіемъ, и вызвалъ г. де-Куалена на дуэль. Нѣсколько минутъ спустя, на пути, онъ подошелъ къ Куалену и сказалъ: «Милостивый государь! Я подумалъ, и сознаю, что виновать».

Шли тихо. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мэриі, кортежъ встрѣтился съ г. Шегаре. Представители закричали ему: «Пойдемте!» Онъ сдѣлалъ выразительный жестъ руками и плечами, означавшій: зачѣмъ, если меня не схватили?.. и хотѣлъ пройти мимо. Но, однакожь, устыдился и вернулся назадъ. Его имя находится въ спискѣ, по которому дѣлали переключку въ казармахъ.

Нѣсколько дагѣ, проходилъ г. Лесперю. Ему закричали: Лесперю! Лесперю!—Я вашъ, отвѣчалъ онъ. Солдаты его отталкивали; онъ схватился за ружейный прикладъ и силой ворвался въ колонну.

Въ одной изъ улицъ, по которой проходили, открылось окно. Въ немъ показалась женщина съ ребенкомъ. Ребенокъ, узнавъ между арестантами отца, сталъ звать его, протягивая къ нему ручки; мать сзади плакала.

Сначала намѣревались отвести собраніе, всей массой, въ Мазасъ. Но министерство внутреннихъ дѣлъ отиѣнило это распоряженіе. Идти такъ далеко днемъ и по самымъ населеннымъ улицамъ, гдѣ легко было вызвать волненіе, побоялись. Подъ руками была казарма Орсе. Ее избрали временной тюрьмой.

Одинъ изъ командировъ съ наглостью указывалъ прохожимъ шпагой на арестованныхъ представителей, и громко говорилъ: Это бѣлые, намъ приказано ихъ щадить. Теперь очередь за гг красными представителями. Пусть берегутся!

Повсюду, гдѣ проходилъ кортежъ, съ тротуаровъ, изъ дверей, изъ оконъ — населеніе кричало: «да здравствуетъ національное собраніе!» Когда замѣчали въ колоннѣ нѣсколькихъ представителей лѣвой, то кричали: Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ законъ! Лавки не были заперты и прохожіе сновали туда и сюда. Нѣкоторые говорили: подождемъ до вечера, это не конецъ.

Офицеръ главнаго штаба, веркомъ, въ парадной формѣ, встрѣтивъ кортежъ, замѣтилъ Ватимениа и подѣхалъ поздороваться съ нимъ. Въ улицѣ Бонъ, въ ту минуту, какъ шестіе поровня-

лось съ домою редакціи *Démocratie Pacifique*, група людей закричала: Долой намѣнника!

На набережной Орсе крики удвоились. Тамъ была толпа. По обѣимъ сторонамъ набережной, армейскіе солдаты, стоя въ двѣ шеренги, локоть къ локтю, сдерживали зрителей. По срединѣ, въ пространствѣ, остававшемся свободнымъ, члены собранія подвигались медленно, имѣя справа и слѣва два ряда солдатъ; одинъ рядъ стоялъ неподвижно, угрожая народу; другой шелъ—угрожая представителямъ.

Всѣ эти подробности колоссальнаго преступленія, составляющаго предметъ нашей книги, наводятъ на самыя серьезныя размышленія. Въ каждомъ честномъ человѣкѣ насильственный переворотъ, произведенный Луи Бонапартомъ, можетъ возбудить только глубочайшее негодованіе. Кто прочтетъ до конца эту книгу, конечно, не обвинитъ насъ въ намѣреніи смягчить этотъ чудовищный фактъ. Но такъ какъ глубокая логика фактовъ всегда должна быть подчеркнута историкомъ, то необходимо напомнить здѣсь, и повторять это непрестанно, что, за исключеніемъ незначительнаго числа членовъ лѣвой, поименованныхъ нами, триста представителей, проходившихъ такимъ образомъ передъ глазами толпы, составляли старое роялистское и реакціонерное большинство собранія. Еслибы возможно было забыть, что эти лица, каковы бы ни были ихъ ошибки, ихъ проступки и илюзіи, что эти лица, съ которыми такимъ образомъ обходились, были, однакоже, представители самой цивилизованной націи, законодатели, уполномоченные демократическаго права, неприкосновенные, и что, подобно тому, какъ каждый человѣкъ носитъ въ себѣ частицу духа Божія, каждый изъ этихъ избранныхъ народа, носилъ въ себѣ частицу души Франціи; еслибы, говорили мы, было возможно хоть на минуту забыть все это... то, разумѣется, они представляли бы изъ себя, въ это декабрьское утро, зрѣлище, можетъ быть, болѣе забавное нежели грустное, и ужъ навѣрное, болѣе философски-поучительное, нежели достойное самоблгоуваженія... Какъ! Послѣ столькихъ стѣснительныхъ законовъ, столькихъ исключительныхъ мѣръ, послѣ того, какъ были вострированы цензура и осадное положеніе, послѣ всѣхъ оскорбленій, нанесенныхъ справедливости, правосудію, человѣческой совѣсти, общественному довѣрію, праву; послѣ такой снисходительности къ полиціи, такихъ любезностей съ произволомъ... и вдругъ эта партія порядка дождалась того, что всю ее, въ полномъ составѣ, хватаютъ и волокутъ городскіе сержанты!

Однажды утромъ, или, лучше сказать, ночью, когда наступилъ

моментъ спасти общество, *coup d'état* бросается на демагоговъ... и что же? оказывается, что онъ схватилъ за шиворотъ роалистовъ!

Дошли до казармъ. Это были прежнія казармы лейбъ-гвардіи. На фронтонѣ ихъ находится изваянный гербъ, гдѣ до сихъ поръ еще можно различить слѣды трехъ лилій, стертыхъ въ 1830 г. Тутъ остановились. Дверь отворилась.—А! такъ значить здѣсь! сказалъ г. де-Брольи.

На стѣнѣ казармы, около двери, видѣлась большая аффиша, на которой крупными буквами было напечатано: Пересмотръ конституціи.

Это было объявленіе о брошюрѣ, вышедшей за два или за три дня до переворота, безъ имени автора, и которая требовала имперіи. Ее приписывали президенту республики.

Представители вошли и дверь затворилась за ними. Крики замолили. Толпа, на которую также порою находятъ минуты мечтательности, стояла нѣсколько времени на набережной, неподвижная и нѣмая, смотря поочередно то на затворенную дверь казармы, то на виднѣвшійся, въ двухъ стахъ шагахъ оттуда, сквозь мглы декабрскія сумерки, молчаливый фронто́нъ національнаго собранія.

Оба полицейскіе комиссара отправились къ де-Морни, съ отчетами о своемъ «успѣхѣ». Г. де-Морни сказалъ: *Борьба началась. Это хорошо. Это послѣдніе представители, которыхъ арестуютъ».*

ХІІІ.

Луи Бонапартъ въ профиль.

. Умы всѣхъ этихъ людей были весьма различно настроены.

Крайнюю легитимистскую фракцію, представительницу блага знамени, во всей его чистотѣ, переворотъ, надо правду сказать, не особенно раздражалъ. На многихъ лицахъ можно было прочесть изреченіе г. Фаллу: «Я такъ доволенъ, что мнѣ стѣнитъ большого труда казаться опечаленнымъ». Чистые опускали глаза. Это идетъ къ чистотѣ. Смѣлые подымали голову. Негодованіе было у нихъ безпристрастное, позволявшее и удивляться немножко. Какъ эти генералы славно попались! Отечество задушено—это ужасно; но ловкое мошенничество, соединенное съ отцеубійствомъ, приводило въ восхищеніе. Одинъ изъ главныхъ говорилъ со вздо-

комъ сожалѣнія и зависти: у насъ нѣтъ такого талантливаго чловѣка. Другой шепталъ: «Вотъ это такъ порядокъ». И прибавлялъ: увы! Третій восклицалъ: Это преступное дѣло, хорошо обдѣланное. Нѣкоторые колебались; ихъ влекла съ одной стороны законность, которую представляло собой собраніе, а съ другой— гнусность Бонапарта; то были честныя души, балансировавшія между долгомъ и подлостью. Нѣкто г. Томиль Демазуръ, дойдя до дверей большой залы мэрїи, остановился, взглянуть туда, потомъ осмотрѣлся вокругъ и не вошелъ. Справедливость требуетъ сказать, что у нѣкоторыхъ между чистыми роялистами, и прежде всего у г. Ватимениля, звучала нота честнаго, искренняго негодованія, возмущенной справедливости...

Но какъ бы то ни было, легитимистская партія, взятая въ цѣломъ, не чувствовала отвращенія къ перевороту. Она ничего не боялась. И, дѣйствительно, къ лицу ли роялистамъ бояться Луи Бонапарта?.. Почему?

Равнодушія не боятся. Луи Бонапартъ былъ чловѣкъ равнодушный. Онъ зналъ одно—свою цѣль. Разчистить путь, чтобъ достичь ея—это очень естественно. Остальное все можно оставить въ покоѣ. Вся политика его заключалась въ этомъ. Раздавить республиканцевъ, и пренебречь роялистами.

У Луи Бонапарта не было никакой страсти. Пишущій эти строки, разговаривая однажды о Луи Бонапартѣ съ бывшимъ королемъ Вестфалїи, сказалъ: «въ немъ голландецъ обуздываетъ корсиканца».—Если тутъ есть корсиканецъ, отвѣчалъ Жеромъ.

Луи Бонапартъ былъ всегда только чловѣкомъ, выжидающимъ случая. Шпіонъ, старающійся надуть Господа Бога. У него была зловѣщая задумчивость игрока, который плутуетъ. Плутство допускаетъ смѣлость и исключаетъ гнѣвъ. Въ своей Гамской тюрьмѣ онъ читалъ одну только книгу: «Монархъ» Макіавелли. У него не было семьи; онъ могъ колебаться между Бонапартомъ и Вергюлемъ. У него не было отечества; онъ могъ колебаться между Франціей и Голландіей.

Этотъ Наполеонъ относился къ св. Еленѣ благодушно. Онъ восхищался Англїей. Вражда! — къ чему? Для него не существовало ничего на свѣтѣ, кромѣ выгоды. Онъ прощалъ, потому что эксплуатировать; забывалъ все, потому что на все впередъ рассчитывалъ. Какое ему было дѣло до дѣда? Онъ не служилъ ему—онъ имъ пользовался. Его скудная мысль блуждала въ Аустерлицѣ. Онъ набивалъ чучело орла.

Вражда, злопамятность—все это непронзводительная трата. Луи Бонапартъ помнилъ только то, что ему было выгодно помнить.

Гудсонъ-Лоу не мѣшалъ ему улыбаться англичанамъ. Маркизь де-Моншеню не мѣшалъ ему улыбаться роялистамъ.

Это былъ серьезный политикъ, благовоспитанный, замѣнутый, погруженный въ свои планы; не раздражительный, дѣлающій только то, что заранее назначено, безъ рѣзкостей, безъ крупныхъ словъ, скромный, аккуратный, ученый, внятно разговаривающій о необходимой рѣзвѣ, и готовый произвести ее—потому что нельзя безъ этого.

И все это—повторяемъ—безъ страсти и безъ гнѣва.

Луи Бонапартъ былъ одинъ изъ людей, заразившихся глубокимъ охлажденіемъ Макіавелли.

Вотъ какому человѣку удалось потопить имя Наполеона, соединивъ въ Брюмеру Декабрь.

XIV.

КАЗАРМА Д'ОРСЭ.

Было половина четвертаго.

Представители-арестанты вошли на казарменный дворъ, обширный параллелограмъ, окруженный высокими стѣнами. Эти стѣны, въ которыхъ пробито три ряда оконъ, имѣютъ унылый видъ, свойственный тюрьмамъ, казармамъ, семинаріямъ.

На этотъ дворъ ведетъ длинный проходъ со сводами, идущій черезъ весь передній корпусъ, гдѣ помѣщается карауль. Со стороны набережной, онъ оканчивается большими, широкими воротами, со стороны двора — желѣзной рѣшеткой. За представителями заперли и ворота и рѣшетку. Ихъ оставили «на свободѣ» на дворѣ, со всѣхъ сторонъ запертомъ и охраняемомъ часовыми.

—Оставьте ихъ. Пусть ходять по двору, сказалъ одинъ офицеръ.

Воздухъ былъ холоденъ, небо пасмурно. Солдаты въ курткахъ и нестроевыхъ шапкахъ, сновали между представителями. Сначала Гримо, потомъ Антони Туре сдѣлали переключку. Около нихъ образовался кругъ. Лербетъ сказалъ смѣясь: «это идетъ къ казармамъ. Мы имѣемъ видъ фельдфебелей, являющихся съ рапортомъ». Выкликали имена всѣхъ 750 представителей. При каждомъ имени слышался отвѣтъ: *тутъ*, или *здѣсь*, и секретарь отмѣчалъ карандашемъ присутствующихъ. Когда дошло до имени Морни, кто-то крикнулъ: «Въ Клиши!» При имени Персеньи, тотъ же голосъ крикнулъ: «Въ Пуасси». Импровизаторъ этихъ двухъ рифмъ, впрочемъ, довольно бѣдныхъ, впоследствии прим-

кнулъ къ перевороту, къ Морни и къ Персиныи, и промѣнялъ честь на сенаторское шитье. При переключкѣ оказалось на лицо 220 представителей.

Послѣ списка именъ, въ стенографическомъ отчетѣ значится слѣдующее:

«По окончаніи переключки, генералъ Удино просить разъяснившихся по двору представителей собраться вокругъ него и сообщаетъ имъ слѣдующее:

«Капитанъ, оставленный здѣсь для завѣдыванія казармой, сейчасъ получалъ приказаніе приготовить комнаты, въ которыя мы должны будемъ удалиться въ качествѣ плѣнниковъ (очень хорошо!). Не желаете ли вы, чтобъ я послалъ за нимъ? (Нѣтъ! нѣтъ! это бесполезно). Я скажу ему, что онъ можетъ выполнить данныя ему приказанія (Да! именно!)»

Цѣлыхъ два часа, представители оставались запертыми и безцѣльно «шатались» на этомъ дворѣ. Они прохаживались рука объ руку. Ходили скоро, чтобъ согрѣться. Люди правой говорили людямъ лѣвой: «О! еслибъ вы вотировали предложеніе квесторовъ!» Они говорили также: «Ну, что, господа? *Хорошъ невидимый стражъ!*»¹ И они смѣялись. А Маркъ Дюфрессъ отвѣчалъ: *Уполномоченные народа! разсуждайте спокойно!* При этихъ словахъ, лѣвая смѣялась въ свою очередь. Впрочемъ, ни малѣйшей горечи. Это было добродушіе общаго несчастія.

Освѣдомляясь о Луи Бонапартѣ у его бывшихъ министровъ, адмирала Сесня, спросили: «Но, наконецъ, что онъ такое?» — Адмиралъ отвѣчалъ: «Ничтожество». Беззѣвъ прибавилъ: «Онъ хочетъ, чтобъ исторія называла его «государемъ». *Жампій чело-вѣкъ!*» сказалъ Камюсъ изъ Гибуржера². Одиллонъ Барро вскричалъ: «Какое роковое бѣдствіе, что мы принуждены были воспользоваться услугами этого чело-вѣка!»

Когда все это было высказано и политическая философія достигла этихъ высотъ, она истощилась и всѣ замолчали.

Справа, у воротъ, находилась маркитанская, подымавшаяся на нѣсколько ступеней надъ мостовой двора.

— Возведемъ эту маркитанскую въ званіе трактира, сказалъ бывший посланникъ въ Китаѣ, Лагренѣ.

Представители вошли туда. Одни приблизились къ печкѣ, другіе спросили булѳона. Фавро, Пискатори, Лараби и Ватиме-

¹ La sentinelle invisible. Такъ Мишель де-Буржъ называлъ Бонапарта въ качествѣ охранителя республики противъ монархическихъ партій.

² «Sire» и «rauvge sire» — непереводимая игра словъ.

нили удалились въ уголь. Въ противоположномъ углу пьяные солдаты разговаривали со служанками казармы. Кератри, удрученный бременемъ своего восьмидесятилѣтняго возраста, сидѣлъ у печки на старомъ стулѣ; стулъ шатался, старикъ дрожалъ отъ холода.

Около четырехъ часовъ, на дворъ вошелъ батальонъ венсенскихъ стрѣлковъ со своими котелками. Солдаты начали ѣсть, съ пѣснями и хохотомъ. Бродяги глядѣли на нихъ и сказали Писсатори:

— Странно видѣть котлы анычаровъ, исчезнувшіе изъ Константинополя и появившіеся въ Парижѣ!

Почти въ ту же самую минуту, явился офицеръ главнаго штаба сообщить представителямъ, что *назначенные для нихъ покои ютосы*, и просилъ ихъ слѣдовать за нимъ. Ихъ ввели въ восточный флигель казармы, наиболѣе удаленный отъ зданія государственнаго совѣта, и велѣли подняться въ третій этажъ. Они ждали комнаты и постелей, но нашли длинныя залы, обширные сараи, съ грязными стѣнами и низкими потолками, гдѣ мебель состояла изъ столовъ и деревянныхъ скамеекъ. Это-то и были «покои». Всѣ эти сараи, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, выходили въ одинъ и тотъ же корридоръ, — узкій проходъ, тянувшійся во всю длину зданія. Въ одной изъ этихъ залъ видѣлись сваленные въ углу барабаны и военно-музыкальные инструменты. Представители размѣстились въ этихъ залахъ, какъ попало. Токвилъ, больной, бросилъ свой плащъ на полъ въ амбразурѣ одного окна и легъ. Онъ пролежалъ такъ, растянувшись на землѣ, нѣсколько часовъ.

Эти залы отапливались весьма плохо чугунными печами въ формѣ угля. Одинъ представитель, желая погрѣться углемъ въ одной изъ нихъ, опрокинулъ ее и чуть не поджегъ пола.

Послѣдняя изъ этихъ залъ выходила на набережную. Тамъ Антони Туре отворилъ одно окно и облокотился на него. Туда же собралось и нѣсколько другихъ представителей. Солдаты, находившіеся внизу на тротуарѣ, увидѣли ихъ и закричали:

— А! вотъ они, эти двадцати-пяти-франковые нищіе, которые хотѣли урвать наше жалованье.

Дѣйствительно, полиція, наканунѣ, распространила въ казармахъ клевету о сдѣланномъ, будто бы, предложеніи — уменьшить жалованье войску; называли даже автора этого предложенія. Антони Туре попробовалъ; разувѣрить обманутыхъ солдатъ. Одинъ офицеръ крикнулъ ему:

— Предложеніе это сдѣлалъ одинъ изъ вашихъ, — Ламнэ!

Около половины второго, въ залы были введены Вазеттъ, Бисю и Викторъ Лефранъ, пожелавшіе присоединиться къ своимъ товарищамъ и раздѣлить съ ними заключеніе.

Наступала ночь. Всѣ' были голодны. Многіе не ѣли съ утра. Овенъ Траншеръ, человекъ услужливый и преданный, который взялъ на себя роль привратника въ мэриі, сдѣлался фурьеромъ въ казармѣ. Онъ получилъ по пяти франковъ съ каждаго представителя и его послали заказать обѣдъ на двѣсти двадцать персонъ въ кафе д'Орсе, на углу набережной и улицы Бакъ. Обѣдъ былъ плохъ, но прошелъ весело. Плохая баранина, дурное вино и сыръ. Недоставало хлѣба. Ѣли какъ могли, кто стоя, кто на стулѣ; тотъ на столѣ, другой — верхомъ на скамейкѣ, держа тарелку передъ собой, какъ на балномъ ужинѣ, сказалъ, смѣясь, щеголь правой стороны, Тюрьо дела-Розіеръ, сынъ цареубійцы Тюрьо. Ремюза хватался руками за голову. Эмиль Пеанъ сказалъ ему:

— Мы выпутаемся изъ этого.

А Густавъ Бомонъ вскричалъ, обращаясь къ республиканцамъ:

— А ваши друзья лѣвой? спасутъ-ли они честь? Будетъ-ли, по крайней мѣрѣ, возстаніе?

Передавали другъ другу куверты и тарелки, причемъ правая оказывала большое вниманіе лѣвой.

— Это именно такой случай, гдѣ требуется слияніе, замѣтилъ одинъ молодой легитимистъ.

За обѣдомъ прислуживали солдаты и погребщики. На каждомъ столѣ горѣли и дымились двѣ или три сальные свѣчи. Стакановъ было мало. Правая и лѣвая пили изъ однихъ и тѣхъ же.

— Равенство, братство, говорилъ маркизъ Соваръ-Бартеlemi, представитель правой.

— Но не свобода, отвѣчалъ ему Викторъ Геннеанъ.

Полковникъ Ферэ, зять маршала Бюжо, былъ комендантомъ казармы. Онъ предложилъ свой салонъ представителямъ Брольи и Одиллону Барро, которые и приняли предложеніе. Кератри, Дюфора и Этьена выпустили изъ казармъ: перваго, во вниманіе къ его глубокой старости, втораго, по случаю родовъ его жены, а третьяго—по причинѣ раны, которую онъ получилъ утромъ въ Бургонской Улицѣ. Въ тоже время, къ двумъстамъ арестантовъ присоединили Ежена Сю, Бенуа (изъ департамента Роян) Фэйоля, Шанэ, Тупе де-Вина, Раду-Лафосса, Арбеа и Тейльяръ-Латерисса, которые до тѣхъ поръ находились подъ арестомъ въ новомъ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ.

Около восьми часовъ вечера, по окончаніи обѣда, строгости были нѣсколько ослаблены и промежуткомъ между дверью и рѣшоткой казармы началъ наполняться дорожными мѣшками и туалетными принадлежностями, которыя были присланы семействами узниковъ.

Представителей вызывали по именамъ. Каждый спускался внизъ въ свою очередь и снова поднимался со своимъ плащомъ, бурнусомъ или мѣховымъ коврикомъ. Нѣкоторымъ женамъ удалось повидать своихъ мужей. Шамболь могъ позать черезъ рѣшетку руку своего сына.

Вдругъ раздался голосъ:

— А! мы будемъ ночевать здѣсь?

Принесли матрасы и разложили ихъ на столахъ, на полу, вездѣ, гдѣ могли.

Тамъ помѣстились пятьдесятъ или шестьдесятъ представителей; большинство осталось на сѣмьяхъ. Маръ Дюфрессъ пристроился на ночь на табуретѣ, положивъ локти на столъ. Счастливы были тѣ, которые имѣли стулъ.

Впрочемъ, добродушіе и веселость не поколебались.

— Мѣсто бургграфамъ! сказалъ, улыбаясь, одинъ почтенный старикъ, представитель правой. Молодой республиканскій представитель всталъ и предложилъ ему матрацъ. Всѣ наперерывъ предлагали другъ другу пальто, плащи одѣла.

— *Примиреніе*, говорилъ Шаміо, предлагая половину своего матраца герцогу Люину. Герцогъ, имѣвшій два милліона ежегоднаго дохода, улыбнулся и отвѣчалъ:

— *Вы—свѣтой Мартинъ, а я—бѣдный.*

Пальце, знаменитый адвокатъ, принадлежавшій къ среднему сословію, говорилъ:

— Я провелъ ночь на бонапартистскомъ тюфякѣ, завернувшись въ монтаньярскій бурнусъ, окутавъ ноги демократическо-соціальной, бараньей шкурой и прикрывъ голову бумажнымъ легитимистскимъ колпакомъ.

Заключенные въ казармѣ представители могли рассказывать тамъ довольно свободно. Имъ позволяли спускаться на дворъ. Кордѣ (изъ Кальвадоса), взойдя на верхъ, сказалъ:

— Я сейчасъ говорилъ съ солдатами. Они еще не знали, что генералы были арестованы. Они казались удивленными и довольными. Это извѣстіе возбудило надежды.

Представитель Мишель Рено, изъ Нижнихъ Пиренеевъ, нашелъ въ числѣ венсенскихъ стрѣлковъ, занимавшихъ дворъ, многихъ своихъ земляковъ изъ Баскской Провинціи. Нѣкоторые

изъ нихъ подали за него свой голосъ и напомнили ему это. Они прибавляли:

— О! мы опять вотировали бы за красный списокъ!

Одинъ изъ нихъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, отвелъ его въ сторону и сказалъ ему:

— Не нуждаетесь ли вы въ деньгахъ? У меня есть сорокъ су.

Около десяти часовъ вечера—суматоха на дворѣ. Двери и рѣшотки съ большимъ шумомъ поварачивались на своихъ петляхъ. Приближалось нѣчто, рокотавшее подобно грому. Представители наклонились къ окнамъ и увидали остановившійся внизу лѣстницы какой-то большой продолговатый сундукъ, окрашенный черною, желтою, красною и зеленою краскою, на четырехъ колесахъ, запряженный четырьмя почтовыми лошадьми и окруженный людьми въ длинныхъ сюртукахъ, съ свирѣпыми физиономіями и фавелами въ рукахъ. Въ темнотѣ и при помощи воображенія, эта колесница казалась вся черною. Въ ней виднѣлась дверь, но не замѣчалось нивакого другого отверстія. Она похаживала на большой движущійся гробъ.

— Что это такое? Не дроги-ли?

— Нѣтъ, это арестантская фура.

— А эти люди? могильщики?

— Нѣтъ, тюремные служители.

— За кѣмъ же она пріѣхала?

— За вами, господа! вскричалъ какой-то голосъ.

Это былъ голосъ офицера; а появившійся экипажъ былъ дѣйствительно арестантскою телегой.

Въ то же время раздалась команда:

— Первый эскадронъ на лошадей! Пять минутъ спустя, уланы, которые должны были сопровождать фуры, выстроились на дворѣ въ боевомъ порядкѣ.

Тогда въ казармѣ поднялся шумъ, подобно шуму разъяренныхъ пчелъ въ ульѣ. Представители взиравшись вверхъ и опускались внизъ по лѣстницамъ, подходили къ фурѣ, чтобы разсмотрѣть ее поближе. Нѣкоторые дотрогивались до нея, не вѣря своимъ глазамъ. Пискатори столкнулся съ Шамболемъ и крикнулъ ему:

— Я отправляюсь въ этомъ!

Берье встрѣтился съ Евгениемъ Сю и они обмѣнялись слѣдующими словами.

— Вы куда?

— На Монъ-Валерьенъ. А вы?

— Не знаю.

Въ половинѣ одинадцатаго, передъ отправленіемъ, началась переключка. Какіе-то агенты помѣстились у стола между двумя свѣчами въ нижней залѣ, внизу лѣстницы и представители были вызываемы по двое. Представители условились не называть себя и отвѣчать при каждомъ имени: — «нѣтъ». Но тѣ изъ «бургграфовъ», которые приняли приглашеніе Ферэ, сочли это мелочное сопротивленіе недостойнымъ ихъ и отвѣчали на призывъ. Это увлекло и остальныхъ. Всѣ отделились на свои имена. Между легитимистами произошло нѣсколько трагикомическихъ сценъ. Они—единственные изъ всѣхъ, которымъ ничто не угрожало, упорно считали себя въ опасности. Они не выпускали одного изъ своихъ ораторовъ, они обнимали его и удерживали чуть не со слезами, крича:

— Не уѣзжайте! Знаете ли вы, куда васъ ведутъ? Подумайте о венсенскихъ врахъ.

Представители, вызываемые, какъ мы сказали, по парно, дефилировали въ нижней залѣ передъ агентами; затѣмъ усаживались въ фуру. Нагрузка эта, повидимому, производилась какъ попало и наудачу; однакожь, впоследствии, судя по различію обращенія съ представителями въ разныхъ тюрьмахъ, можно было видѣть, что эта беспорядочность, пожалуй, не была лишена нѣкотораго порядка. Когда первая фура была полна, подали другую такого же вида. Агенты съ карандашомъ и записною книжкой въ рукахъ, записывали имена лицъ, помѣщенныхъ въ каждой фурѣ. Эти люди знали представителей. Когда Маркъ Дюфрессъ, вызванный въ свою очередь, вошелъ въ нижнюю залу, его сопровождалъ Бенуа (Ронскій).

— А! вотъ господинъ Маркъ Дюфрессъ, сказала личность, державшая карандашъ.

Бенуа, на вопросъ объ имени его отвѣчалъ: Бенуа.

— Ронскій, сказалъ агентъ, и потомъ прибавилъ:—потому что есть еще Бенуа—д'Ази и Бенуа—Шампи.

Нагрузка каждой фуры продолжалась около получаса. Последующія прибавки довели число плѣнныхъ представителей до двухсотъ тридцати двухъ человекъ. Ихъ нагрузка, или, по выраженію Ватименила, «набиванье», начавшееся въ половинѣ одинадцатаго часа вечера, окончилась только около семи часовъ утра. Когда арестанскихъ фуръ не достало, то привели омнибусы. Эти экипажи были раздѣлены на три поѣзда; всѣ они конвоировались уланами. Первый поѣздъ отправился около часу утра и былъ препровожденъ на Мон-Валерьянъ; второй, около пяти часовъ утра—въ Мазасъ; третій, около половины седьмого—въ Венсенъ.

Такъ какъ эта процедура тянулась долго, то не вызванные воспользовались матрацами и старались заснуть. Вслѣдствіе этого, въ верхнихъ залахъ, отъ времени до времени, водворялось молчаніе. Среди одного изъ этихъ промежутковъ безмолвія, Бивсіо поднялся на своемъ стулѣ и возвысилъ голосъ:

— *Господа, что вы думаете о пассивномъ повиновеніи?*

Въ отвѣтъ ему раздался всеобщій хохотъ. Въ другой изъ безмолвныхъ промежутковъ, какой-то голосъ вскричалъ:

— *Роміе будетъ сенаторомъ.*

Эмиль Пеанъ спросилъ:

— *Что станетъ съ краснымъ призракомъ?*

— *Онъ содѣлается попомъ,* отвѣчалъ Антони Туре:— *и превратится въ чернѣйшій призракъ.*

Другихъ словъ, о которыхъ говорятъ историографы, 2-го декабря не было произнесено. Такъ, Маркъ Дюфрессъ никогда не произносилъ фразы, которою приверженцы Луи Бонапарта хотѣли прикрыть его преступленія:— *Если президентъ не велитъ разстрѣлять всѣхъ тѣхъ изъ насъ, которые будутъ сопротивляться, то онъ не знаетъ своего дѣла.*

Для государственнаго переворота это удобно, но для исторіи—это ложь.

Пока узники входили въ арестантскіе фургоны, внутренность этихъ послѣднихъ освѣтилась. Но въ каждой клѣткѣ открыта была отдушнина. Такимъ образомъ, Маркъ Дюфрессъ могъ черезъ форточку видѣть Ремюза въ клѣткѣ, находившейся противъ его собственной отгородки. Ремюза былъ помѣщенъ рядомъ съ Дювержье-дю-Горанномъ.

— Клянусь честью, г. Маркъ Дюфрессъ, вскричалъ Дювержье-дю-Гораннъ, когда они задѣли другъ друга локтями въ проходѣ фургона:— *клянусь честью, еслибы кто предсказалъ мнѣ, что я поѣду въ Мазасъ въ арестантскомъ фургонѣ, то я отвѣтилъ бы, что это невѣроятно; но еслибы кто прибавилъ, что я отправляюсь туда вмѣстѣ съ Маркомъ Дюфрессомъ, то я сказалъ бы, что это невозможно.*

По наполненіи одного фургона, туда входили пятеро или шестеро тюремныхъ агентовъ и помѣщались стоя, въ проходѣ. Затворяли дверь, поднимали подножку и трогались въ путь.

Когда всѣ арестантскіе фургоны были наполнены, то все еще оставались не помѣщенные представители. Какъ мы уже сказали, для нихъ прибавили omnibusы, ихъ втаскивали туда безпорядочно и грубо, не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на нѣмъ. Польовиникъ Ферэ, сидя на лошади веркомъ, командовалъ

чи распорядился. Взявшись на подножку предпоследняго фургона, герцогъ Ментебелло крикнулъ ему:

— Сегодня годовщина Аустерлицкой битвы, и зять маршала Бюжо сажаетъ въ арестантскій фургонъ сына маршала Ланна.

Когда очередь дошла до послѣдняго омнибуса, то въ немъ оказалось только семнадцать мѣстъ, а представителей оставалось восемнадцать человекъ. Болѣе проворные вошли первыми. Антони Туре, который одинъ, самъ по себѣ, поддерживалъ равновѣсїе всей правой, потому что былъ умель, какъ Тьеръ и толстѣ какъ Мурать, Антони Туре, тяжелый и медленный влѣвъ послѣднимъ. Когда онъ появился во всей своей громадности на порогѣ омнибуса, то раздался крикъ ужаса:

— Куда онъ помѣстится?

Антони Туре видитъ, въ глубинѣ омнибуса, Берье, идетъ прямо къ нему, садится ему на колѣни и спокойно говоритъ:

— Вы желали давленія, господинъ Берье.— Вотъ вамъ.

XV.

М а з а с ь .

Арестантскіе фургоны, сопровождаемые уланами до самаго Мазаса, были встрѣчены тамъ другимъ эскадрономъ уланъ. Арестанты выходили изъ фургона по-одиночкѣ. Командовавшій уланами офицеръ стоялъ возлѣ дверцы и смотрѣлъ съ глубокимъ любопытствомъ.

Мазась, заступившій мѣсто тюрьмы ла Форсъ, нынѣ разрушенной, есть огромное красноватое зданіе у самаго амбаркадера лионской желѣзной дорога, на высотахъ Сентъ-Антуанскаго Предмѣстья. Иадали онъ кажется кирпичнымъ, вблизи же оказывается, что выстроено изъ булыжнаго камня, обмознутаго въ цементъ. Шесть большихъ трехъ-этажныхъ корпусовъ прикасаются одинъ къ другому въ точкѣ отправленія и расходятся радіусами, расположенными вокругъ ротонды, составляющее общій центръ. Эти корпуса раздѣлены дворами, расширяющимися по мѣрѣ удаленія корпусовъ другъ отъ друга. Корпуса имѣютъ множество маленькихъ окошечекъ, освѣщающихъ арестантскія кельи; окружены высокою стѣной и представляютъ съ высоты птичьего полета фигуру вѣера. Таковъ Мазась. Съ ротонды, составляющей центръ, поднимается нѣчто въ родѣ минчрета. Нижній этажъ

составляетъ круглая зала, служащая канцеляріей. Во второмъ этажѣ находится церковь, гдѣ одинъ патеръ служитъ обѣдню для всѣхъ, и обсерваторія, гдѣ одинъ надсмотрщикъ наблюдаетъ за всѣми дворами всѣхъ галлерей разомъ. Каждый корпусъ называется отдѣленіемъ. Дворы перерѣзаны высокими стѣнами, на множество маленькихъ, продолговатыхъ пространствъ для прогулки.

По мѣрѣ выхода представителей изъ фургона, каждого изъ нихъ отводили въ круглую залу канцеляріи. Тамъ спрашивали у него имя и давали, вмѣсто имени, номеръ. Къ вору и къ законодателю—это правило прикидается одинаково въ этой тюрьмѣ; *сюр д'ѣта* уравниваетъ всѣхъ. Какъ только представитель былъ внесенъ въ списокъ и заномерованъ, его киприваживали. Ему говорили: «Идите на верхъ» или «идите» и въ концѣ корридора, въ который онъ былъ назначенъ, возмѣщали его появленіе, крича: «Номеръ такой-то! Принимай». Сторожъ того корридора, отвѣчалъ: «Посылай». Узникъ поднялся по лѣстницѣ одинъ, шелъ прямо по корридору и, дойдя до мѣста, находилъ сторожа, стоящаго у открытой двери. Сторожъ говорилъ: «вотъ сюда, господинъ». Арестантъ входилъ, сторожъ запиралъ дверь, затѣмъ наступала очередь другого арестанта.

Къ заключеннымъ представителямъ государственный переводъ отнесся весьма различно. Тѣхъ, которыхъ приберегали, именно людей правой, помѣстили въ Венсенъ, тѣхъ, которыхъ ненавидѣли, людей лѣвой—помѣстили въ Мазасъ.

Венсенцы пользовались комнатами Монпансье, нарочно отведенными для нихъ, превосходнымъ столомъ, свѣчами, огнемъ и почтительною услужливостію губернатора, генерала Куртижи. Съ мазасскими же узниками обращались вотъ какіи образомъ:

Арестантскій фургонъ доставилъ ихъ въ тюрьму. Они переходили изъ одной кѣтки въ другую. Въ Мазасъ, письмоводитель внесъ ихъ въ реестръ, осмотрѣлъ ихъ, смѣрлялъ ихъ ростъ, и записалъ, какъ колодниковъ. По выходѣ ихъ изъ канцеляріи, каждого, по галлерей-балкону, висящему въ темнотѣ, подъ длиннымъ и сырнымъ сводомъ, провели до узкой двери, которая внезапно отворилась. Туда сторожъ вталкивалъ представителя, схвативъ его за плечи, и дверь затворилась снова.

Заключенный представитель видѣлъ себя въ маленькой, продолговатой комнатѣ, узкой и темной. Вотъ это то на нѣмѣшнѣмъ, обильномъ предосторожностями языкѣ закона, и называ-

вается «келье». Декабрьскій полдень проникалъ туда только въ видѣ полусвѣта сумерекъ. На одномъ концѣ—дверь съ форточкой, на другомъ—у самаго потолка, на высотѣ десяти или двѣнадцати футовъ, слуховое окошко, съ матовымъ стекломъ. Это стекло мутило глаза и мѣшало видѣть синеву или сѣрый свѣтъ неба, и отличать облака и лучи, и придало блѣдному свѣту зимняго дня какой-то неопредѣленный колоритъ. Это былъ мѣтѣ, чѣмъ слабый свѣтъ, это былъ свѣтъ мутный.

Черезъ нѣсколько моментовъ, узникъ начиналъ смутно видѣть предметы, и вотъ что онъ находилъ: стѣны, выбѣленные известкой и по мѣстамъ перелопаченныя отъ различныхъ испареній, въ углу—круглую дыру, снабженную жалѣзными полесами и издававшую убійственный запахъ, въ другомъ углу дощечка, поворотная вращающаяся на шарнирѣ, и могущая закрывать столъ; низкая постели, только соломенный стулъ. Подъ ногами кирпичный полъ. Первымъ впечатлѣніемъ была тьма; вторымъ—голодь.

И такъ узникъ видѣлъ себя одинокомъ, дрогнувшимъ отъ холода въ этой почти полной тьмѣ; онъ могъ ходить взадъ и впередъ по пространству въ восемь квадратныхъ футовъ подобно волку въ клеткѣ, или же сидѣть на стулѣ, какъ идоть въ домѣ уменьшенныхъ.

Очутившись въ этомъ положеніи, одинъ бывший республиканецъ, сдѣлавшійся потомъ членомъ большинства, и даже бонапартистомъ отчасти, Эмиль Леру, заключенный, впрочемъ, въ Мавасъ по ошибкѣ, такъ какъ, вѣроятно, его приняли за шестого либо другого Леру, заплакалъ отъ одиночества. Такъ прошло четыре, пять часовъ. Между тѣмъ, узники ничего не ѣли съ самаго утра; нѣкоторые въ тревогахъ государственнаго переворота не успѣли позавтракать.

Голодь давала себя чувствовать. Неужели о ней забудутъ? Нѣтъ. Раздался звонъ тюремнаго колокола, форточка двери отворилась, чья-то рука подала узнику оловянную миску и кусокъ хлѣба.

Узникъ съ жадностію схватывалъ миску и хлѣбъ.

Хлѣбъ былъ черный и липкій; а миска содержала въ себѣ нѣчто въ родѣ сгущенной горячей воды рышняго цвѣта. Ничто не можетъ сравниться съ запахомъ этого «суша». Что касается до хлѣба, то онъ отдавалъ только хлѣсенью.

Каковъ бы ни былъ голодь, но въ первую минуту узники бросили хлѣбъ на полъ и выжили содержаніе миски въ дыру съ жалѣзною рѣшеткой.

Однако, желудокъ вопіалъ, часы проходили, и узники подымали хлѣбъ и кончали тѣмъ, что ѣли его. Одинъ изъ нихъ подыналъ даже миску и попытался вытереть дно ея хлѣбомъ, который потомъ съѣлъ. Въ послѣдствіи этотъ узникъ, выпущенный на свободу въ изгнаніе, рассказывалъ мнѣ объ этой пищѣ и говорилъ: ventre affamé n'a pas de pitié (у голоднаго брюха нѣтъ обонянія).

Полное одиночество, глубокое безмолвіе. Однако же, черезъ нѣсколько часовъ, Эмиль Леру (онъ самъ рассказывалъ этотъ фактъ г-ну Версиньи) услышалъ, по другой сторонѣ своей правой стѣны, какой-то странный стукъ, перемежавшійся, съ неровными интервалами. Онъ приложилъ ухо. Почти въ тотъ же моментъ, по другую сторону лѣвой стѣны, послышался въ отвѣтъ другой стукъ въ томъ же родѣ. Эмиль Леру въ восторгѣ—какая радость услышать хоть какой-нибудь шумъ! вспомнилъ о своихъ товарищахъ по заключенію и началъ кричать громкимъ голосомъ:

— A! a! Такъ и вы тоже здѣсь?..

Не успѣлъ онъ окончить свою фразу, какъ дверь его кельи, при скрипѣ петель и щелканьи замковъ, отворилась; явился тюремщикъ и сказалъ ему:

— Молчите!

Народный представитель, нѣсколько озадаченный, хотѣлъ пуститься въ нѣкоторыя объясненія.

— Молчите, возразилъ тюремщикъ:—нѣто я васъ запрачу въ казематъ!

Этотъ тюремный сторожъ говорилъ съ узникомъ въ томъ же тонѣ, въ какомъ *сoup d'état* говорилъ съ націей.

Однако же, Эмиль Леру, по своей привычкѣ къ «парламентаризму», попробовалъ настаивать.

— Какъ! сказалъ онъ:—неужели я не могу отвѣчать на сигналы, которые мнѣ подають двое изъ моихъ товарищей?

— Двое изъ вашихъ товарищей! возразилъ тюремщикъ.—Это—два вора. И онъ опять заперъ дверь, покатываясь со смѣху.

Это были дѣйствительно два вора, между которыми былъ, хотя не раснять, но запертъ на замокъ Эмиль Леру.

Мазасская тюрьма построена такъ замысловато, что каждое слово тамъ слышно изъ одной кельи въ другой. Вслѣдствіе этого — никакого одиночества, несмотря на отдѣльныя кельи. Отсюда — строгое молчаніе, налагаемое жестокою логикою тюремнаго устава. Что дѣлають воры? они изобрѣли систему телеграфическаго постукиванія—и уставъ терпѣть свою

силу. Эмиль Леру просто на просто помѣшалъ начавшему разговору.

Такова была жизнь представителей въ Мазасѣ. Сверхъ того, въ виду соблюденія тайны, ни одной книги, ни одного листа бумаги, ни пера, ни даже маленькой прогулки по двору.

Воровъ, какъ мы сейчасъ видѣли, тоже помѣщаютъ въ Мазасѣ.

Но тѣмъ изъ нихъ, которые знаютъ какое-нибудь ремесло, позволяется работать. Умѣющимъ читать доставляются книги, пишущіе снабжаются чернильницей и бумагой; всѣмъ дается часъ прогулки, требуемой гигиеной и на основаніи тюремнаго устава.

Представителямъ — ничего. Одиночество, заточеніе, нѣмота, тьма, холодъ, «количество скуки, способное свести съ ума», по выраженію Ленге и Бастиліи.

Сидѣли цѣлый день на стулѣ со сложенными руками и ногами! таково было ихъ положеніе. А постель? можно ли было лечь?

Нѣтъ, постели не было.

Въ восемь часовъ вечера, тюремный сторожъ входилъ въ келью доставалъ и снималъ нѣчто, свернутое на доскѣ у потолка—это нѣчто—была койка.

Повѣсивъ на крюкъ, прикрѣпивъ и расправивъ койку, сторожъ уходилъ, пожелавъ узнику покойной ночи.

На койкѣ было шерстяное одѣяло, иногда—матрасъ, въ два дюйма толщины. Узникъ, завернувшись въ это одѣяло, пробовалъ спать, но только дрожалъ отъ холода.

Но на завтра могъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, не вставать цѣлый день со своей койки?

Нѣтъ.

Въ семь часовъ утра, сторожъ входилъ снова, здоровался съ представителемъ, приказывалъ ему встать, свертывалъ койку и засовывалъ ее въ углубленіе подъ потолокомъ.

Но, въ такомъ случаѣ, слѣдовало собственною властію, снова схватить койку, развернуть ее, повѣсить и лечь на ней!

Очень хорошо—въ темную!

Таковы были порядки. Койка для ночи и стулъ для дня.

Будемъ, однако справедливы. Нѣкоторымъ были даны кровати; въ томъ числѣ Тьеру и Роже (du Nord). Грени не получилъ таковой.

Мазасъ — тюрьма прогрессивная; Мазасъ несомнѣнно лучше свинцовыхъ казематовъ Венеціи и подводныхъ темницъ Шатле.

Отъ сооруженъ фантазією доктринеровъ. Однако же, вы видите, что Мазасъ оставляетъ еще желать многого. Признаемся, что, съ извѣстной точки зрѣнія, непродолжительное одиночное заключеніе законодателей въ Мазасѣ не совсѣмъ бесполезно. Въ этомъ государственномъ перевотѣ, можетъ быть, нѣсколько участвовало Провидѣніе. Помѣстивъ законодателей въ Мазасѣ, Провидѣніе дало имъ хорошій урокъ. Покушайте своей страны; не мѣшайте, чтобы тѣ, которые строятъ тюрьмы, испробовали ихъ сами.

ПІЙ ІХ.

КАКЪ ПАПА, ГОСУДАРЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Въ восемь часовъ утра, 8-го февраля 1878 года, передъ за-
творенными дверями одной изъ залъ Ватикана остановилась
торжественная процессія прелатовъ католической церкви. Шед-
шій во главѣ кардиналъ-камерленгъ, монсиньоръ Печчи, уда-
ряетъ по двери бронзовымъ молоткомъ и громко произноситъ:

— Джаванни Маріа!

Отвѣта нѣтъ.

— Графъ Мастай-Ферретти.

То же молчаніе.

— Пій ІХ!

Молчаніе не прерывается.

Кардиналъ отворяетъ дверь. На желѣзной кровати, подъ крас-
нымъ шелковымъ покрываломъ и бѣлой простыней, лежитъ мерт-
венно-блѣдная, бездыханная фигура «Ватиканскаго узника». Кар-
диналъ приближается къ кровати и, взявъ у одного изъ сопро-
вождающихъ его прелатовъ маленькій, серебрянный молоточекъ,
три раза ударяетъ имъ по лбу умершаго папы. Снова зоветъ онъ
его три раза и, не получивъ отвѣта, опускается на колѣни.

— Папа дѣйствительно умеръ! громко произноситъ онъ, обра-
щаясь ко всѣмъ окружающимъ.

Потомъ онъ снимаетъ съ руки покойнаго золотой перстень,
съ изображеніемъ св. Петра, забрасывающаго сѣти, которымъ папы
привѣщаетъ свои декреты, и ломаетъ его щипцами. Одинъ
изъ прелатовъ преклоняетъ тогда колѣно и читаетъ протоколъ

о смерти Пія IX. Черезъ минуту, громкій гулъ большого колокола Капитолія возвѣщаетъ всему католическому міру, что не стало его непогрѣшимого главы.

Вотъ поразительная, театрално-эффектная сцена, окончившая восьмидесяти-пятилѣтнюю жизнь и тридцати двухлѣтнее царствованіе Пія IX. Трудно было бы придумать болѣе соответственный эпилогъ той нескончаемой траги-комедіи, которую онъ разыгрывалъ до самаго конца съ такимъ замѣчательнымъ искусствомъ, во всѣхъ разнообразныхъ фазахъ своей жизни: и веселымъ франтомъ въ провинціальномъ городкѣ, и епископомъ, примиряющимъ всѣ партіи, и либеральнымъ папой, и непогрѣшимымъ намѣстникомъ Христа, и добровольнымъ Ватиканскимъ узникомъ.

Конечно, жизнь такого человѣка, какъ графа Джіаванни-Марин-Мастая-Ферретти, навѣстнаго всему міру подъ именемъ Пія IX, представляетъ любопытную, блестящую картину, фономъ которой служитъ исторія Европы за послѣднія тридцать лѣтъ. Много писано на различныхъ языкахъ о политической, общественной и частной жизни Пія IX; массы матеріаловъ для его характеристики, столь обильны, что нельзя и думать познакомиться со всѣми но, главнымъ образомъ, можно раздѣлить всѣхъ авторовъ этихъ сочиненій на двѣ категоріи. Одни стараются представить Пія IX легкомысленнымъ, разгульнымъ кутилой въ юности, жестокимъ тираномъ въ зрѣлыхъ годахъ, и бездушнымъ, себялюбивымъ, слабохарактернымъ лицемѣромъ въ старости, а другіе силатся увѣрить весь міръ, что, по ангельскимъ добродѣтелямъ, украсившимъ его святую жизнь, онъ только уступаетъ, и то едва ли, Тому, чьимъ намѣстникомъ онъ былъ на землѣ. Которое изъ этихъ враждебныхъ мнѣній справедливо, или ближе къ истинѣ, не трудно рѣшить, прослѣдивъ всю общественную и политическую дѣятельность Пія IX, останавливаясь при этомъ на его частной жизни лишь настолько, насколько необходимо для правильнаго освѣщенія его характера, какъ свѣтскаго государя и папы. Въ послѣднемъ отношеніи, конечно, намъ интересна только одна общественная и политическая сторона его папской дѣятельности, а не духовная, догматическая.

Какъ нельзя болѣе кстати, для подобнаго изслѣдованія, вышла недавно «*Исторія жизни Пія IX*», Томаса Адольфа Троллопа¹. Авторъ ея, извѣстный англійскій писатель, жилъ въ Италіи около тридцати пяти лѣтъ, и написалъ нѣсколько замѣчатель-

¹ «The Story of the life of Pius the Ninth», by T. Adolphus Trollope. London. 1877. 2 vol.

ныхъ историческихъ сочиненій и романовъ, представляющихъ любопытную картину прошлаго и настоящаго этой страны, какъ, напримѣръ: «Декада итальянскихъ женщинъ», «Павель папа и Павель монахъ», «Исторія Флорентійской Республики», «Дѣтство Екатерины Медичи», и т. д. Его новый трудъ, при легкомъ, живомъ изложеніи, даетъ множество интереснаго матеріала, основаннаго частью на личныхъ разговорахъ съ современниками Піа ІХ, и бросаетъ новый свѣтъ на нѣкоторыя темныя стороны его жизни. Что же касается до взглядовъ самого Троллопа, то, не отличаясь новизною, они, болѣею частью, умѣренны, трезвы и выражаютъ похвальное желаніе быть безпристрастнымъ, хотя это и не всегда ему удается, особливо въ отношеніи частной жизни папы, и либеральной эпохи его царствованія.

Основываясь, главнымъ образомъ, въ нашемъ очеркѣ на книгѣ Троллопа, мы, однако, прибѣгли къ помощи и другихъ источниковъ, преимущественно къ «*Дипломатической исторіи конклавовъ*» — Петручелли-Делла-Гаттина ¹, послѣдняя глава которой представляетъ блестящую характеристику покойнаго папы, хотя, быть можетъ, и нѣсколько рѣзкую. Но, при этомъ, не надо забывать, что она написана въ шестидесятыхъ годахъ и пламеннымъ итальянскимъ либераломъ, видѣвшимъ въ Піѣ ІХ злѣйшаго врага своей родины. По этому Троллопъ и Петручелли-Делла-Гаттина часто и очень широко расходятся въ своихъ мнѣніяхъ о приводимыхъ ими фактахъ; но, въ большинствѣ случаевъ, приходится отдавать преимущество итальянскому историку въ достовѣрности его свѣдѣній и логичности, правильности его выводовъ. Для провѣрки разсказа Троллопа о первой либеральной эпохѣ царствованія Піа ІХ, и итальянской революціи 1848 года, чрезвычайно полезны извѣстные историческіе труды Гарнье-Пажеса, Д'Ассонвилли, Ричіарди, Перенса и проч.; а въ очеркѣ римскихъ конклавовъ и избранія Піа ІХ, мы руководствовались, кромѣ труда Петручелли Делла-Гаттина, краткимъ, но чрезвычайно основательнымъ и добросовѣстнымъ сочиненіемъ Картрайта «*О составѣ Папскихъ конклавовъ*» ², и недавно вышедшей книгой Теста «*Предисловіе къ конклаву*» ³.

¹ «Histoire diplomatique des Conclaves» — par. F. Petrucelli Della-Gattina. — Paris. 1864, 4 vol.

² «On the constitution of the pontifical conclaves — By. W. G. Cartwright London. 1872.

³ «Préface au Conclave», par Louis Teste. Paris. 1877.

I.

На берегу Адриатического Моря, не вдалежъ отъ Анконы, находится маленькій городокъ Синигалиа, нѣкогда извѣстный своей армаркой, а теперь обращающій вниманіе путешественника только маленькой станціей желѣзной дороги, и стариннымъ монастыремъ капуциновъ. Въ этомъ отдаленномъ уголкѣ «папскихъ владѣній», въ XVII вѣкѣ, поселился работникъ-гребенщикъ изъ Брешиа, по имени Альбертъ Мастай. Счастье улыбнулось эмигранту и его потомкамъ. Отличаясь энергіей, трудолюбіемъ и ловкостью, они искусно пользовались обычными, въ то время, междоусобными смутами, и мало-по-малу, проложили себѣ дорогу въ мелкое, мѣстное дворянство. Одному изъ нихъ удалось жениться на богатой наслѣдницѣ извѣстнаго рода Ферретти, изъ Анконы, и получить, вмѣстѣ съ значительнымъ приданымъ, графскій титулъ. Этому примѣру послѣдовалъ въ концѣ прошлаго столѣтія Джироламо Мастай-Ферретти, женившись на графинѣ Солацци, красивой, доброй и достойной молодой дѣвушкѣ. Отъ этого брака родился, 13-го мая 1792 года, Джіаванни-Марія-Мастай-Ферретти, будущій папа Пій IX.

О дѣтствѣ Джіаванни-Маріи извѣстно только, что онъ былъ маленькій, слабый, щедущій ребенокъ и съ семи лѣтъ подвергся припадкамъ падучей болѣзни. Двѣнадцать лѣтъ его отправили въ школу, которую содержалъ въ Вольтеррѣ извѣстный астрономъ Ингирами, что доказываетъ либеральное направленіе родителей мальчика, такъ какъ Вольтерра находилась въ Тосканѣ, а въ тѣ времена высылать дѣтей для воспитанія изъ Папской Области считалось тѣмъ-то очень либеральнымъ. Здѣсь онъ оставался четыре года, и по свидѣтельству его товарищей, учился плохо, былъ чрезвычайно лѣнивъ, не отличался никакими талантами, и сверхъ того, какъ лично передавалъ Троллопу, командоръ Перуцци, дядя нынѣшняго синдика Флоренціи, который воспитывался вмѣстѣ съ Мастаемъ въ Вольтеррѣ: «это былъ величайшій лжецъ всей школы». Въ школѣ будущій папа набрался немного латыни, вовсе не учился греческому языку, приобрѣлъ любовь къ итальянскимъ поэтамъ и самъ писалъ не дурныя стихи. Наконецъ, Ингирами убѣдился, что юноша никогда не будетъ въ состояніи окончить курсъ, тѣмъ болѣе, что припадки падучей болѣзни начали усиливаться, и написалъ родителямъ, чтобъ они взяли его домой.

Шестнадцать лѣтъ, Мастай вернулся въ Синигалию. Въ то время, въ 1808 году, этотъ городъ входилъ въ составъ Итальянскаго Королевства и вся молодежь сходила съ ума отъ Наполеона, военной славы и воинственныхъ идей. «Молодой Мастай, говоритъ Петручелли-Делла-Гаттина:—былъ, благодаря чрезвычайно нервной, впечатлительной натурѣ, романтичнымъ, пламеннымъ энтузиастомъ. Онъ воспѣлъ дрезденскую битву и поступилъ въ масоны, которыхъ впоследствии предалъ проклятію. Онъ жилъ въ военной средѣ, ѣздилъ верхомъ, фехтовалъ и жаждалъ офицерскихъ званій. Выбравъ съ тѣмъ, онъ старался самъ окончить свое образованіе, чтобъ достойно занять въ обществѣ мѣсто, принадлежащее ему по рожденію, и занимался музыкой, играя на флейтѣ и виолончель. Чтобы вполне стать на высоту своихъ пріятелей-военныхъ, онъ вскорѣ научился ловко обкуривать трубки, разомъ выпивать бутылку вина и искусно играть на бильярдѣ и въ мячъ. Эти физическія упражненія укрѣпили его здоровье. Онъ носилъ особый, придуманный имъ костюмъ, полу-статскій, полу-военный, немного смахивавшій на парикмакерскій, но, очевидно, шикъ изыщества для провинціального франта. Его никогда не видывали иначе, какъ въ сѣромъ казакинѣ съ черными шнурами, красной фуражкѣ, брюкахъ съ лампасами, большихъ отложныхъ воротничкахъ рубашки, широкомъ пунцовомъ галстукѣ, разлетавшемся по вѣтру, шпорахъ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ и сигарой во рту».

Нѣкоторые изъ біографовъ Піа IX утверждаютъ, что онъ, дѣйствительно, поступилъ на военную службу, именно въ гвардію Наполеона, другіе — что онъ служилъ въ австрійской арміи, третьи — что онъ числился въ папской гвардіи, но, по свидѣтельству лучшихъ авторитетовъ—Троллона и Петручелли Делла-Гаттина—онъ только желалъ поступить въ папскую гвардію и съ этой цѣлью отправился въ Римъ, гдѣ, дожидаясь офицерскаго чина, велъ веселую жизнь моднаго франта. Но злой недугъ, преслѣдовавшій его съ дѣтства, послужилъ преградой для военной карьеры. Однажды съ нимъ случился припадокъ на улицѣ. Узнавъ объ этомъ, военное начальство отказало ему въ обыкновенномъ уже офицерскомъ патентѣ. Этотъ ударъ былъ чрезвычайно чувствителенъ для юноши. Конечно, папская гвардія, основанная Піемъ VII, по возвращеніи его на римскій престолъ, не могла разсчитывать на военную славу и даже едвали ей когда-нибудь пришлось бы понюхать пороху, но мундиръ ея былъ очень блестящъ и, по всей вѣроятности, эта сторона возной службы привлекала къ себѣ, главнымъ образомъ, молодого Мастая. Дѣйствительно, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Троллопъ, «почти

женское пристрастіе къ вѣнному блеску составляло одну изъ самыхъ характеристическихъ особенностей будущаго папы, а неутолимая жажда рукоплесканій, которая впоследствии была главнымъ элементомъ его характера, составляла только другой фазисъ того же основнаго темперамента.

Послѣ этой неудачи, Джіованни-Марія обратился къ утѣшеніямъ святой церкви, но, по каноническимъ правиламъ, страдающій падучей болѣзью не можетъ быть служителемъ алтара, и потому адѣсь также его ожидало жестокое разочарованіе. Видя, что всѣ пути въ жизни для него закрыты и не имѣя состоянія, такъ какъ онъ былъ младшій сынъ, будущій папа пришелъ въ такое отчаяніе, что рѣшился покончить съ своимъ жалкимъ существованіемъ. Онъ уже направился къ Тибру, съ твердымъ намѣреніемъ броситься въ воду, но по дорогѣ его встрѣтилъ другъ дѣтства, адвокатъ Катабене, который самъ рассказывалъ этотъ эпизодъ Петручелли Делла-Гаттина, и сталъ его уговаривать не приводить въ исполненіе своего плана. Послѣ долгихъ утѣщеваній, ему удалось отвести Мастая къ его духовнику, канонику Сторасу, который былъ тронутъ отчаяніемъ своего духовнаго сына и предложилъ ему мѣсто смотрителя въ приютѣ *Tata Giovanni* для дѣтей нищихъ. Юноша согласился и, надѣвъ скромный костюмъ провинціальнаго патера, началъ въ этомъ смиренномъ званіи свою духовную карьеру. Вскорѣ, благодаря отдаленному родству съ самимъ папой и покровительству двухъ дядей, изъ которыхъ одинъ былъ епископомъ, а другой—каноникомъ св. Петра, всѣ затрудненія были улажены и юноша былъ посвященъ въ патеры, но съ условіемъ, чтобы, совершая обѣдню, всегда имѣлъ при себѣ другого патера, который могъ бы, въ случаѣ припадка съ нимъ, взять изъ его рукъ св. причастіе. Впоследствии, по словамъ одного изъ новѣйшихъ французскихъ біографовъ Пія IX, Вильфранша, онъ былъ освобожденъ отъ этого обязательства самимъ папою, который сказалъ: «Мы даруемъ тебѣ эту милость тѣмъ охотнѣе, что убѣждены въ скоромъ прекращеніи злаго недуга». Этотъ Вильфраншъ, съ пламеннымъ краснорѣчіемъ фанатика, восклицаетъ: «Говоря это, былъ ли одаренъ свыше Пій VII предвидѣніемъ будущаго и зналъ ли онъ о великой судьбѣ смиреннаго патера, преклоненнаго передъ нимъ, но фактъ тотъ, что его предсказаніе исполнилось и роковая болѣзнь прекратилась». Трудно предположить, однако, чтобы этотъ біографъ не зналъ другого, болѣе бесспорнаго факта, что болѣзнь Мастая не прекращалась до послѣдняго времени.

Въ свѣтлое воскресенье 1819 года, будущій папа служилъ въ первый разъ обѣдню въ церкви св. Анны въ приютѣ *Tata Gio-*

vanti. Ему было тогда 27 лѣтъ. Здѣсь, на рубежѣ его новой жизни, кстати сказать нѣсколько словъ объ очень спорномъ вопросѣ между его биографами. Одни рассказываютъ множество анекдотовъ объ его разгульной молодости, а другіе, уморно отрицая справедливость этихъ эпизодовъ, восхваляютъ ангельскую непогрязность Пія IX. Петручелли Делла-Гаттина и Троллопъ въ этомъ отношеніи сильно расходятся. По словамъ перваго, Джіованни-Марія въ Синигалии и въ Римѣ, когда онъ готовился въ офицеры и въ патеры, дѣйствительно предавался разгулу, картежу и любви къ женщинамъ. Онъ указываетъ на цѣлый рядъ красавицъ, любовью которыхъ пользовался страстный юноша, начиная отъ бѣдной горожанки Синигалии, Лэны, маленькой еврейки, римскаго Гетто и его молочной сестры, актрисы Моранди, до блестящей принцессы Альбани, на которой онъ хотѣлъ жениться, и знаменитой графини Клары Колонны. Приэтомъ никакъ нельзя упрекнуть Петручелли Делла-Гаттина въ намѣренной клеветѣ, потому что онъ прямо опровергаетъ обвиненіе молодого Мастая въ шулерствѣ и называетъ оскорбительнымъ вымысломъ толки о близкомъ отношеніяхъ его къ своей родной сестрѣ. Съ другой стороны, Троллопъ, отвергая огуломъ всѣ рассказы объ этой сторонѣ частной жизни Пія IX, не приводитъ никакихъ доводовъ въ подтвержденіе своего права называть апокрифическими и недостойными довѣрія, по его же словамъ, «тысячи свѣдѣній, приводимыхъ людьми, болѣе или менѣе компетентными». Но если даже мы и остановимся на мнѣніи, совершенно голословномъ новѣйшаго англійскаго биографа, то что же мы видимъ. «Я старался, говорить онъ:—отдѣлать все вѣроятное отъ почти навѣрно ложнаго въ неодобрительныхъ отзывкахъ объ юношеской жизни Мастая, и долженъ признать, что онъ, конечно, велъ жизнь человека, готовившагося въ офицеры блестящаго полка, а не въ патеры, даже и въ такіе, какіе тогда встрѣчались въ Римѣ, но при этомъ не надо забывать, въ какой страшно развратной средѣ онъ вращался. За то достовѣрно, по мнѣнію людей, имѣвшихъ возможность знать правду, что духовная карьера Пія IX, какъ епископа, архіепископа и кардинала, не была особенно омрачена тѣми пороками, которые, обыкновенно, принято считать болѣе простительными для мірянъ, чѣмъ для духовныхъ лицъ. Несмотря на положительныя доказательства противнаго, онъ, повидимому, за исключеніемъ нѣсколькихъ общечеловѣческихъ слабостей, жилъ прилично, какъ патерь, со времени вступленія въ духовное званіе». Но ни одинъ авторитетный биографъ и во главѣ ихъ, недолюбливаемый Троллопомъ Петручелли Делла-Гаттина и не утверждалъ большаго, чѣмъ признаетъ защитникъ

непорочности Пиа IX. Они только приводят подробности и называют по именамъ эти общечеловѣческія слабости. Что же касается до положительныхъ доказательствъ, которыми не хочется, по какому-то странному упорству, вѣрять Троллопъ, то онъ, вѣроятно, главнымъ образомъ, намекаетъ на всѣмъ извѣстные факты объ отношеніяхъ Пиа IX къ графинѣ Колоннѣ и къ графинѣ Спауръ.

Первая изъ нихъ была его благодѣтельной феей до самой ея смерти. Възявъ подъ свое покровительство юнаго кандидата въ офицеры папской гвардіи, она при переходѣ его на духовную карьеру, постоянно заботилась объ его повнішеніи; пользуясь своими аристократическими связями, она много помогала ему въ достиженіи епископскаго сана и кардинальской шляпы, одолжила ему необходимую сумму для перваго обезажденія въ кардинальскомъ званіи и была хозяйкой на данныхъ имъ по этому поводу празднествахъ. Отличаясь либеральнымъ направленіемъ, она имѣла сильное вліяніе на перыне, славные годы дѣятельности Пиа IX, по достиженіи имъ папскаго престола; а наступившая затѣмъ реакція совпадаетъ съ ея смертію и появленіемъ въ Ватиканѣ новой звѣзды, графини Спауръ. Эта женщина была совершенно иного рода. Хитрая, ловкая, вкрадчивая интригантка, по происхожденію итальянка, а по замужеству—жена баварскаго посланника, она ослѣпила папу своимъ умомъ, изощренностью, красотой и сдѣлалась его Эгеріей. Въ интересахъ своихъ собственныхъ и Австріи, она наложила руку на все: на политяку, дипломатію, энциклики, религіозные догматы и т. д. Извѣстно, что папа бѣжалъ въ Гаэту въ ея каретѣ и тогда многіе увѣрили, что главной причиной этого рокового бѣгства не былъ страхъ революціи, а желаніе не разставаться съ графиней Спауръ, которая боялась жить въ Римѣ. Впоследствии Антонелли, отстаивая свое вліяніе, удалилъ изъ Ватикана эту хитрую интригантку, и съ тѣхъ поръ Пиа IX предавался исключительно изобрѣтенію новыхъ догматовъ, начиная съ непорочнаго зачатія.

Къ положительнымъ доказательствамъ общечеловѣческихъ слабостей Мастая, въ его молодости, надо отнести и слова Пиа VII, когда онъ явился къ нему послѣ отказа въ приѣмъ на военную службу. «Дитя мое, сказалъ папа:—*caro Giovanni*, ты страдаешь двумя недугами: ты влюбчивъ и подверженъ паучей болѣзни. Поступай въ духовенство, *fatti chierico*, и вылечишься отъ обоихъ». Намонецъ, самъ Троллопъ признаетъ достовѣрность исторіи съ актрисой Моранди, и хотя старается придать ей идеальныи характеръ, но рассказываетъ такіа, не встрѣчающіяся у Петру-

челли Делла-Гаттина, подробности, которыя далеко не говорятъ въ пользу Пія IX. По его словамъ, предметъ юной любви папы былъ выданъ замужъ, по интригамъ его родителей, за пѣвца Амброги, потомъ она овдовѣла и доселѣ живетъ въ нищетѣ во Флоренціи. Всѣ письма и прошенія, которыми несчастная старуха пыталась возбудить состраданіе папы, во имя ихъ прежней любви, остались безъ отвѣта. «Она не вѣритъ, чтобъ ея возлюбленный Мастай такъ позорно обошелся съ нею, хотя на немъ и папская тиара, прибавляетъ Троллоупъ:—а тѣшить себя мыслью, что ея мольбы не доходятъ до него. Можетъ быть, это справедливо, но, съ другой стороны, еще вѣроятнѣе, что бѣдная старуха недостаточно понимаетъ, какъ можетъ измѣнять человѣка роковая тиара».

Все сказанное нами объ этой сторонѣ частной жизни Пія IX совершенно достаточно для полноты его характеристики и, если мы нѣсколько нарушили хронологическій порядокъ нашего разсказа, за то намъ не придется болѣе останавливаться на этомъ спорномъ, хотя, въ сущности, не важномъ вопросѣ, для опредѣленія общественной и политической личности Пія IX. Очевидно, нельзя согласиться съ газетными некрологами, убѣрающими, что онъ всегда велъ безупречную, непорочную жизнь, но, въ то же время, несправедливо было бы упрекать его въ чрезмѣрной безнравственности, припомнимъ, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ, въ этомъ отношеніи, доходили его предшественники и даже многіе изъ современныхъ католическихъ прелатовъ. Дѣйствительно, по мѣткому выраженію Троллоупа, непогрѣшимый глава католической церкви былъ повиненъ только къ общечеловѣческимъ слабостямъ.

Но обратимся къ молодому патеру Джіованни-Маріи-Мастаю. Онъ принялся съ жаромъ за исполненіе своихъ духовныхъ обязанностей, съ цѣлю проложить себѣ дорогу къ высшимъ церковнымъ почестямъ. Отличаясь пламеннымъ краснорѣчіемъ, красивой фигурой, мелодичнымъ голосомъ, онъ вскорѣ обратилъ всеобщее вниманіе на свои краткія проповѣди (*ferugini*). Но еще большаго успѣха онъ достигъ въ качествѣ миссіонера въ провинціальныхъ городахъ, особливо въ родной Синигалии, гдѣ поразительный эффектъ производилъ контрастъ его теперешняго религіознаго вдохновенія съ веселой жизнью, которую онъ еще недавно велъ въ этомъ городѣ. Петручелли Делла-Гаттина рисуешь чрезвычайно рельефную картину этихъ миссіонерныхъ подвиговъ будущаго папы. «Никакая пѣвица или акробатъ не имѣли такого успѣха на знаменитой ярмаркѣ въ Синигалии, разсказываетъ онъ:—особливо женщины, сходили съ ума отъ энтузіазма къ юному

проповѣднику и лънули къ нему, какъ мухи къ меду. Всѣ жаждали его увидать, послушать, прикоснуться къ нему. Онъ исключительно проповѣдывалъ ночью, при фантастической, живописной обстановкѣ, въ церкви, погруженной въ мракъ, кромѣ каедръ, на которой нѣсколько свѣчей тускло освѣщали его блѣдное, вдохновенное лицо. Еще эффектнѣе были ночныя представленія на городской площади; тысячи свѣчей блестяли въ окнахъ окружающихъ домовъ, толпы восхищенныхъ слушателей явились у возвышенной платформы, на которой стоялъ молодой проповѣдникъ, рядомъ съ громаднымъ распятіемъ, обращая свою вдохновенную рѣчь къ черепу съ зажженной внутри свѣчей. Мастай не проповѣдывалъ, а игралъ. Онъ игралъ на каедрѣ точно также, какъ нѣкогда на театрѣ въ любительскихъ спектакляхъ. Онъ публично бичевалъ себя и опускалъ кость скелета въ горящій спиртъ, для нагляднаго изображенія геенны огненной. Толпа приходила при этомъ въ такое фанатическое одушевленіе, что нападала на смѣльчаковъ, смѣявшихся надъ этими театральными эффектами». Приводитъ этотъ отрывокъ, Тролоупъ замѣчаетъ; «Все это очень вѣроятно, потому что вполне соответствуетъ натурѣ и характеру Мастая, жаждавшего всегда быть на показъ и стяжать рукоплесканія; природный шарлатанъ, любящій театральныя и мелодраматическія внѣшнія блескъ, олъ, еслибъ не былъ папою, годился бы лучше всего, по своимъ дарованіямъ и особенностямъ, въ *primo tenore*».

Возвратясь въ Римъ, послѣ своихъ славныхъ успѣховъ, онъ былъ назначенъ помощникомъ канонника церкви св. Маріи въ Вла-Лата и продолжалъ завѣдывать пріютомъ «*Tata Giovanni*», до 1823 г., когда онъ долженъ былъ покинуть послѣднюю должность, вслѣдствіе неприятой исторіи. Его товарищъ по управленію пріютомъ сталъ однажды упрекать его за жестокость и пристрастіе въ отношеніи воспитанниковъ и дѣло дошло до того, что, выйдя изъ себя, онъ бросилъ въ Мастая миску съ супомъ, такъ какъ дѣло происходило за обѣдомъ. Чтобы заглушить эту скандальную исторію, Мастай предпринялъ свою знаменитую поѣздку въ южную Америку; впрочемъ, нѣкоторые біографы полагаютъ, быть можетъ, не безъ основанія, что не такая малая причина побудила его поѣхать миссіонеромъ за океанъ, а жажда разыграть роль на болѣе обширной сценѣ и выказать себя героемъ въ глазахъ всего свѣта.

Въ то время, недавно образовавшіяся республики Южной Америки просили у папы прислать легата для приведенія въ порядокъ церковныхъ дѣлъ, въ виду освобожденія страны отъ испанскаго ига. Пій VII назначилъ легатомъ въ южную Америку епис-

слова Музи, и Мастай, благодаря покровительству кардинала Делла Генга, получилъ мѣсто секретаря. Путешествіе въ Америку продолжалось ровно полгода и было ознаменовано различными приключеніями. Въ началѣ и въ концѣ пути, миссіонеры претерпѣли сильную бурю, ихъ арестовали въ испанскомъ портѣ Пальмѣ, за то, что они отправлялись въ страны, возставшія противъ испанскаго правительства, и они наткнулись въ морѣ на корабль, полный неграми-невольниками, которыхъ везли въ Рио-Жанейро. Наконецъ, они достигли Буэносъ-Айреса и были приняты съ подобающими почестями; но вскорѣ республиканскіе правители, боясь вреднаго вліянія римскихъ патеровъ на суевѣрное населеніе, изгнали ихъ изъ города. Дальнѣйшее путешествіе въ Чили по пустыннымъ пампасамъ, представляло не менѣе опасностей, чѣмъ на океанѣ. Въ Сант-Яго ихъ ожидали тѣже затрудненія, какъ въ Буэносъ-Айресѣ. Такимъ образомъ, религиозная и политическая цѣль посольства не была достигнута. Петручелли Делла-Гаттина намекаетъ, что одной изъ причинъ этого неуспѣха были интриги Мастая противъ своихъ товарищей и начальнива, но не приводитъ никакихъ доказательствъ этого обвиненія. Однако, одинъ фактъ, который, повидимому, совершенно дискредитировалъ римское посольство, не дѣлаетъ чести молодому патеру. Имущество всѣхъ монастырей въ Чили было конфисковано республиканскимъ правительствомъ и оставшимся монахамъ и монахинямъ назначали пансіонъ. Одной изъ обязанностей римскаго посольства было распредѣлять эти пансіоны и составлять списки пансіонеровъ. Въ какомъ-то монастырѣ августинскаго ордена оказались на лицо только настоятель, поваръ и собака. Мастай, въ качествѣ секретаря, составилъ бумагу о назначеніи имъ всѣмъ пансіонъ. Легать, не читая, подписалъ ее и, на другой день, во всѣхъ газетахъ былъ напечатанъ декретъ о секуляризаціи собаки. Одни біографы придаютъ этому странному поступку Мастая характеръ взятки: другіе видятъ въ немъ только желаніе окончательно убить посольство, а, наконецъ, третьи, и въ томъ числѣ Троллоупъ, считаютъ это только юмористической шуткой. Конечно, послѣднее объясненіе самое невѣроятное и не выдерживающее критики. Какъ бы то ни было, послѣ подобнаго скандала, оставаться болѣе въ Чили было невозможно и легать отправился въ обратный путь, взявъ съ собою Мастая, который хотѣлъ непременно остаться, въ надеждѣ, что, благодаря его связямъ съ высшей аристократіей Чили, ему удастся то, что не удалось епископу Музи.

Въ іюль 1825 г., Мастай возвратился въ Римъ, гдѣ уже былъ
T. CCXXXVI — Отд. I.

папою его другъ и покровитель кардиналъ Делла-Генга, подъ именемъ Льва XII. Положеніе дѣлъ въ папскихъ владѣніяхъ было тогда самое печальное и опасное. Политика новаго папы была простая и несложная; она состояла въ восстановленіи старыхъ порядковъ и обычаевъ, отъ которыхъ уже давно отказались, по причинѣ совершенной несоотвѣтственности ихъ съ современной жизнью. Онъ всѣми силами старался повести свой народъ вспять и, усиливая клерикализмъ, уничтожить жестокими карами въ зародышѣ всякую оппозицію и недовольство. Онъ подтвердилъ и распространилъ всѣ привилегіи духовенства, покровительствовалъ монашескимъ орденамъ, усилилъ власть конгрегацій и кардиналовъ, отдалъ совершенно въ руки духовенства воспитаніе, правосудіе, муниципальное правленіе и общественную благотворительность, преслѣдовалъ евреевъ и сдѣлалъ латинскій языкъ обязательнымъ въ судахъ и школахъ. «Постоянное стремленіе, говорить итальянскій историкъ Фарини ¹:—идти противъ духа времени въ интересахъ клерикальной касты, попиранье самыхъ благородныхъ и драгоценныхъ завоеваній цивилизаціи, возведеніе въ систему низкихъ доносовъ, жестокіе крестовые походы на либераловъ, смѣшеніе политики съ религіей, патера съ жандармомъ, возвеличиванье престола надъ алтаремъ— все это дѣлало папское правительство ненавистнымъ для образованныхъ классовъ и особливо молодежи». Результатомъ подобной политики были постоянныя возмущенія, которыхъ не могли уничтожить ужасныя казни безо всякаго суда, висѣлицы, галеры и т. д. Напримѣръ, кардиналъ Риваролла, посланный въ Равенну для уничтоженія тайныхъ обществъ, приговорилъ въ одинъ день 508 человекъ къ смертной казни и галерамъ, а 209 отдалъ подъ надзоръ полиціи, состоявшій въ томъ, что несчастные не смѣли отлучаться изъ мѣста своей родины и должны были не выходить изъ дома отъ захода до восхода солнца, являться въ полицію каждыя двѣ недѣли, исповѣдываться ежемѣсячно у назначаемыхъ правительствомъ духовниковъ и ежегодно удаляться на трехъ-дневную эпитемью въ монастырь. Но, не довольствуясь всѣмъ этимъ, кардиналъ издалъ еще декретъ, по которому подвергъ огуломъ смертной казни безъ суда всѣхъ, которые были ему извѣстны, вслѣдствіе доносовъ, какъ главы тайныхъ обществъ.

Вотъ въ какомъ положеніи была страна и какими принципа-

¹ Lo Stato Romano, dell'anno 1815 al 1850, per Luigi Carlo Farini, vol. I p. 17.

ми руководилось правительство, когда Мастай, возвратясь из Америки, начал свою карьеру, как сильный міра сего. Прежде всего папа назначилъ его администраторомъ пріюта св. Михаила для престарѣлыхъ нищихъ и сиротъ, а потомъ архіепископомъ въ Сполетто, хотя ему было тогда только 34 года. О той и другой дѣятельности Мастая сохранилось очень мало свѣдѣній, и, какъ всегда, противорѣчивыхъ, но, повидимому, онъ довольно удовлетворительно исполнялъ свои обязанности и расходывалъ значительную часть скуднаго содержанія на помощь нищимъ; впрочемъ, нѣкоторые біографы упрекаютъ его въ жестокости и нетерпимости въ отношеніи либераловъ. По счастью, епархія Сполетто была небольшая, неважная и подвергалась менѣе всѣхъ другихъ политическимъ возстаніямъ противъ клерикальной тираніи. Обитатели этой бѣдной, горной страны, хотя и терпѣли такую же горькую участь, какъ ихъ братія въ легаціяхъ, но слишкомъ были дики и невѣжественны, чтобъ сознавать причину своихъ бѣдствій, а потому принимали очень мало участія въ политическихъ движеніяхъ того времени.

Такимъ образомъ, первые два года дѣятельности молодого епископа прошли тихо, но, по вступленіи на престолъ новаго папы Пія VIII, который такъ же, какъ и его предшественникъ, олицетворялъ всю свою государственную систему однимъ словомъ — *усмиреніе*, даже въ этомъ отдаленномъ уголкѣ начались волненія. Однако, только послѣ смерти Пія VIII, царствовавшего лишь двадцать мѣсяцевъ и избранія Григорія XVI, вспыхнуло открытое возстаніе. Конклавъ не могъ выбрать хуже этого командорскаго монаха, грубаго, невѣжественнаго, суевѣрнаго. Увѣряли, что онъ былъ очень ученъ и зналъ основательно каноническое право, но это знаніе было ему столь же полезно въ исполненіи его трудныхъ обязанностей, какъ напримѣръ, знаніе кодекса китайскихъ приличій. Говорили, что онъ былъ добръ, но эта доброта не мѣшала ему карать самымъ жестокимъ образомъ всякое недовольство народа противъ нестерпимой тираніи правительства. Онъ, конечно, не былъ ханжею, но лишь потому, что его грубой натурѣ не былъ доступенъ релігіозный энтузіазмъ. Не удивительно, что такой человекъ, очутившись на папскомъ престолѣ въ столь трудную, смутную эпоху, совершенно погубилъ во мнѣніи большинства итальянцевъ свѣтскую власть папъ, основавъ ее, въ теченіи пятнадцати-лѣтняго своего царствованія, на однихъ австрійскихъ штыкахъ.

Его избраніе послужило сигналомъ общаго возстанія въ Мархин и Умбрин. На этотъ разъ революціонный потокъ окружилъ

и Сполеттскій утесъ, гдѣ дотолѣ мирно прозябалъ монсеньоръ Джованни Мастай. 13 февраля 1831 года, эмиссары изъ сосѣднихъ возставшихъ городовъ потребовали отъ папскаго делегата вооруженія національной гвардіи. Онъ нѣсколько времени сопротивлялся, но потомъ тайно бѣжалъ изъ города. Архіепископъ, надѣясь, что его краснорѣчіе подѣйствуетъ тамъ, гдѣ потерпѣла поражение административная власть, старался уговорить инсургентовъ отказаться отъ своего предпріятія, но, конечно, безъ всякаго успѣха, и тогда онъ также, [;]страхнувъ прахъ съ ногъ своихъ, удалился въ Абрुцскія Горы.

Извѣстенъ печальный исходъ этой революціонной попытки, въ которой принималъ участіе Лунджи Бонавартъ, будущій Наполеонъ III. Австрійскіе штыки, въ помощи которыхъ обратился папа, вскорѣ воустановили порядокъ въ церковныхъ владѣніяхъ и папское правительство потомъ хвалилось, что, при наказаніи мятежниковъ, оно выказало большую умѣренность, но безъ такой умѣренности вся страна лишилась бы своего населенія. Къ тому же эта хваленая умѣренность нисколько не мѣшала многочисленнымъ жестокимъ казнямъ. Впрочемъ, архіепископъ Мастай, возвратившись въ Сполетто, дѣйствительно, былъ умѣренъ въ карательныхъ мѣрахъ противъ либераловъ, въ чемъ отдають ему справедливость даже тѣ биографы, которые обвиняють его въ прежнихъ жестокостяхъ. Онъ спасъ многихъ несчастныхъ отъ преслѣдованій правительства и по этому случаю рассказываетъ любопытный анекдотъ. Одинъ полицейскій агентъ, отличавшійся большою ревностью въ розысканіи инсургентовъ, представилъ архіепископу длинный, стоявшій ему большіхъ трудовъ списокъ виновныхъ. Мастай въ это время стоялъ у камина и, прочитавъ роковую бумагу, спокойно бросилъ ее въ огонь. «Другъ мой! произнесъ онъ:—вы не имѣете никакого понятія о своемъ и моемъ ремеслѣ; волкъ, нападая на стадо, никогда не предупреждаетъ о томъ пастыря». Однако, эта выходка молодого архіепископа не понравилась въ Римѣ, и его вытребовали туда для объясненій, которыя, повидимому, были удовлетворительны, такъ какъ въ концѣ 1832 года, онъ получилъ повышеніе въ церковной іерархіи и назначенъ епископомъ Имолы.

Производство изъ архіепископовъ въ епископы можетъ показаться страннымъ всякому, кто незнакомъ съ порядками католической церкви. Дѣло въ томъ, что епархія Имолы гораздо важнѣе Сполеттской, и съ давнихъ поръ епископъ Имолы всегда получаетъ кардинальскую шляпу, а, главное, архіепископъ Сполетто имѣлъ около 15,000 фран. ежегоднаго дохода, а епи-

сколь Имола болѣе 50,000. Поэтому, естественно, что переходъ изъ бѣдной епархіи въ богатѣйшую въ Церковной Области считался значительнымъ повышеніемъ.

Несомнѣнно, что назначеніе Мастая въ Имолу, центръ самаго безпокойнаго округа, болѣе всего принимавшаго участія въ возстаніи, состоялось именно по причинѣ нѣкоторой популярности сполеттскаго архіепископа среди либераловъ. Примирительная политика была тогда единственнымъ спасеніемъ папскаго правительства, а Мастай былъ именно такой человекъ, который могъ и желалъ заслужить одобреніе обѣихъ противоположныхъ партій—либеральной и клерикальной. Вѣрный отличительной чертѣ своего характера—ненасытной жаждѣ рисоваться и стяжать рукоплесканія, новый епископъ появился впервые передъ своей паствой съ театральнымъ эффектомъ. Въ полномъ облаченіи, съ митрой на головѣ, онъ торжественно въѣхалъ въ городъ и прямо отправился въ соборъ, гдѣ произнесъ проповѣдь о необходимыхъ реформахъ, которыя онъ намѣревался ввести въ епархію, если паства окажетъ ему содѣйствіе. Все это, вмѣстѣ съ его красивой фігурой и мелодичнымъ голосомъ, сильно подействовало на впечатлительныхъ итальянцевъ и сразу доставило ему популярность, которая въ теченіи тринадцати лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Имола, только усиливалась съ каждымъ годомъ. Конечно, нельзя вѣрить рассказамъ панегиристовъ Пія IX объ его великихъ благодѣтельныхъ дѣлахъ, *acta sanctorum*, но даже враждебные біографы признаютъ, что онъ совѣстливо исполнялъ свои трудныя обязанности, сдѣлалъ много добра епархіи, особливо заботился о бѣдныхъ дѣтяхъ, не имѣвшихъ ни крова, ни куска хлѣба, смотрѣлъ сквозъ пальцы на поведеніе лицъ, заподозрѣнныхъ въ либерализмѣ, и энергично дѣйствовалъ противъ вооруженныхъ сборовъ *centurioni* кардинала Альбани, опустошавшихъ Романью. Все это заслужило ему общее уваженіе. Быть примирителемъ, другомъ и совѣтникомъ либераловъ и ретроградовъ, составляло цѣль всѣхъ усилій епископа и часто, если не всегда, они увѣнчивались успѣхомъ. Его дворець былъ открытъ для всѣхъ и нерѣдко въ его залахъ встрѣчались самые непримиримые враги, съ которыми онъ обращался съ одинаковой любезностью. Подобная система лавированія и угожденія нашимъ и нашимъ вполне соответствовала лицемѣрью и неискренности, которыя отличали Мастая во всѣ эпохи его жизни; благодаря ей, онъ, съ одной стороны, заслужилъ славу либерала, а съ другой кардинальскую шляпу, которую ему пожаловалъ Григорій XVI въ 1841 году. Троллопъ рассказываетъ очень любопытный и впол-

нѣ достовѣрный фактъ, лучше всего характеризующій эту двоедушную политику епископа Имолы, которая отъ успѣха къ успѣху, привела его, наконецъ, на папскій престолъ.

Въ числѣ либераловъ, посѣщавшихъ епископскій дворецъ, находился одинъ судья, по имени Монтани. Онъ былъ бѣдный человекъ, имѣлъ большое семейство и очень боялся, что его извѣстная преданность либеральной партіи побудитъ правительство лишить его мѣста. Видя любезное обращеніе епископа и слыша всюду похвалы его добротѣ, онъ повѣрилъ, что Мастай не походить на другихъ епископовъ и рѣшился попросить его заступничества въ Римѣ. Епископъ принялъ Монтани съ распростертыми объятіями и, услышавъ въ чемъ дѣло, воскликнулъ: «Очень счастливъ, любезный Монтани, исполнить вашу просьбу. Намъ теперь именно надо такихъ людей, какъ вы. Я напишу словечко Бернетти (государственный секретарь Григорія XVI) и дѣло будетъ въ шляпѣ. Вы хотите сами ѣхать въ Римъ? тѣмъ лучше. Заходите завтра за письмомъ, оно будетъ для васъ готово». Судья разсыпался въ благодарностяхъ и, приготовившись къ путешествію въ Римъ, которое въ тѣ времена было не очень легкимъ, явился въ назначенный срокъ за письмомъ. Его привели въ кабинетъ епископа и онъ тамъ увидалъ два одинаковыя письма, одно изъ которыхъ лежало на каминѣ, а другое—на письменномъ столѣ. Епископъ былъ такъ занятъ, что молча далъ ему письмо со стола, и, благословивъ, отпустилъ. Монтани въ тотъ же день отправился въ Римъ, но на дорогѣ занемогъ и только недѣлю черезъ двѣ могъ явиться къ кардиналу Бернетти. Онъ былъ принятъ съ удивительнымъ радушіемъ. Кардиналъ, пожимая ему руку объявилъ, что онъ можетъ спокойно возвратиться къ своимъ занятіямъ, такъ какъ добрый епископъ писалъ уже о немъ и все будетъ сдѣлано по его желанію. Обрадованный судья поспѣшилъ обратно въ Имолу съ письмомъ епископа въ карманѣ, потому что Бернетти не хотѣлъ его взять, говоря, что это дубликатъ. Но на дорогѣ ему стало любопытно узнать, что написалъ о немъ такого хорошаго добрый епископъ. И онъ распечаталъ письмо. Добрый епископъ увѣдомлялъ государственнаго секретаря, что онъ былъ принужденъ дать рекомендательное письмо нѣкому Бернарду Монтани, что къ подобнымъ уловкамъ онъ обязанъ прибѣгать въ своемъ трудномъ положеніи, но что въ сущности этотъ Бернардо Монтани одинъ изъ самыхъ вредныхъ либераловъ и, еслибъ кардиналъ могъ найти средство удалить его навсегда изъ Имолы, то оказалъ бы этимъ большую услугу, какъ епископу, такъ и всему городу. Такииъ

образомъ, добрый епископъ перепуталъ письма и, по ошибкѣ, послалъ по почтѣ письмо, предназначавшееся для Монтани, а ему далъ письмо, написанное для кардинала Бернетти.

Другой анекдотъ, относящійся къ тому же времени и представляющій Мастай въ лучшемъ свѣтѣ, также чрезвычайно характеристиченъ. Повидному, епископу Имолы было трудно нетолько примирять съ правительствомъ либераловъ, но и поддерживать хорошія отношенія съ консерваторами, преданными сторонниками клерикальной партіи, которые возставали противъ его либерализма. Во главѣ ихъ былъ гонфалоньеръ города, котораго епископъ никакъ не могъ умаслить. За то онъ пользовался неограниченнымъ уваженіемъ и довѣріемъ жены гонфалоньера, которая тщетно пыталась съ своей стороны побороть вражду мужа въ этому святому человѣку. Наконецъ, она объявила епископу, что нашла средство для примиренія его съ мужемъ: у нея вскорѣ долженъ былъ родиться ребенокъ и, еслибъ кардиналъ удостоилъ быть его восприемникомъ, то, конечно, отецъ, обрадованный такою честью, забудетъ все старое. — «Если въ этомъ только дѣло, отвѣчалъ епископъ: — то я очень радъ быть крестнымъ отцомъ вашего ребенка». — «Но этого недостаточно, отвѣчала жена гонфалоньера: — мой мужъ никогда не согласится васъ просить объ этомъ». — «Такъ я у него попрошу этой милости», съ улыбкой произнесъ епископъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, встрѣтивъ гонфалоньера въ городскомъ совѣтѣ, онъ отвелъ его въ сторону и, поздравивъ съ подготавлившимся счастливымъ событіемъ, предложилъ быть восприемникомъ его ребенка. Гонфалоньеръ былъ до того изумленъ этой неожиданной выходкой, что воскликнулъ: «Вы! либералъ! Вы, крестный отецъ моего ребенка! Никогда!» И онъ повернулся спиною къ кардиналу, который долженъ былъ проглотить подобное оскорбленіе. Но, черезъ мѣсяцъ, пришло извѣстіе о смерти Григорія XVI, епископъ Имолы поѣхалъ въ Римъ на конклавъ, былъ избранъ, какъ извѣстно, въ папы и немедленно написалъ гонфалоньеру: «Вы отказали епископу Имолы въ чести быть восприемникомъ вашего ребенка; не примете-ли вы въ крестные отцы епископа Рима». Несчастный гонфалоньеръ бросился въ Ватиканъ и помирился съ папою, который не упустилъ, конечно, случая порисоваться.

Такимъ образомъ, вступивъ въ Имолу среди театральной обстановки и рукоплесканій толпы, Мастай и простился съ своей паствой, въ лицѣ ея гражданскаго главы, эффектной мелодраматической сценой, конечно, вызвавшей всеобщій восторгъ. И тутъ, какъ всегда, онъ остался вѣренъ себѣ. «Основная черта

его характера, справедливо и метко говорит Троллопъ:—главная побудительная причина всѣхъ его дѣйствій, выродоженіи столь долгой, необыкновенной жизни, была страсть къ одобренію, къ рукоплесканіямъ. Руководимый этимъ всепоглощающимъ чувствомъ, онъ былъ мелодраматическимъ франтомъ въ молодости, мелодраматическимъ епископомъ въ зрѣлые годы и мелодраматическимъ папой въ старости. Желаніе порисоваться ни на минуту не покидало его до послѣдняго времени, и это желаніе одинаково побуждало его ходить по улицамъ Снн-гагн въ пунцовомъ галстухѣ и совать въ Ватиканъ знаменитый соборъ, признавшій непогрѣшимость папы. Однако, эта страсть къ одобренію можетъ вести къ хорошимъ и къ дурнымъ результатамъ, смотря потому, чьего одобренія жаждеть человекъ—людей достойныхъ или кого бы то ни было? По вѣщанію, какъ Джіованни Мастай, такъ и Пій IX, не разбирали кто восторгается имъ, а только упивался рукоплесканіями всѣхъ и каждого, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Рукоплесканія зрителей, передъ которыми онъ исполнялъ свою роль, обставивъ себя всевозможными театральными эффектами, составляли руководящую нить всей его жизни».

II.

Григорій XVI умеръ 2-го іюня 1846 года. Его смерть и погребеніе произошли по издавно установленному церемоніалу, которому должны были слѣдовать и въ обрядахъ, совершенныхъ по поводу смерти Пія IX. Въ виду общаго интереса, возбуждаемаго этими средневѣковыми церемоніями, столь чуждыми XIX столѣтію, и доказывающими воочію, какъ обветшала и выродилась та власть, та система, которая прикрывается этой блестящей, нелѣпой мишурой, мы постараемся набросать картину, конечно, въ общихъ чертахъ всего, что дѣлается въ Римѣ въ теченіи девяти дней, слѣдующихъ за смертью папы.

Какъ только доктора заявятъ о приближеніи смерти главы католической церкви, кардиналъ государственный секретарь увѣдомляетъ объ этомъ старѣйшину кардиналовъ и послѣдній, вмѣстѣ со своими товарищами, отправляется въ резиденцію папы для соотвѣтствующаго богослуженія. Кардиналу-пенитенціарію и духовнику папы предоставляется только нануствовать умирающаго въ послѣднюю минуту, а соборованіе совер-

шасть кардиналъ-рвничій папской часовни. Вслѣдъ за смертью папы, государственный секретарь посылаетъ за кардиналомъ-камерленгомъ или камергеромъ и слагаетъ съ себя свое званіе; съ этой минуты его обязанности никѣмъ не исполняются до открытія конклава и назначенія имъ секретаря, которымъ не можетъ быть кардиналъ. Тогда происходитъ та странная сцена удостовѣренія въ смерти папы со стороны камерленга, съ которой мы начали нашу статью, а потомъ слѣдуетъ не менѣе любопытный эпизодъ. Въ залу, гдѣ стоитъ тѣло только-что умершаго папы, входитъ депутація швейцарскихъ тѣлохранителей, какъ извѣстно, сохраненныхъ въ Ватиканѣ Піемъ IX; они въ походной формѣ, съ ранцами на плечахъ, ведутъ съ камерленгомъ официальный разговоръ: «Мы уходимъ», говорятъ они.—«Зачѣмъ? спрашиваетъ камерленгъ:—сколько вы получали жалованья отъ его святѣйшества?» Тѣлохранители называютъ цифру своего содержанія.—«Согласны вы служить за ту же цѣну новому папѣ?»—«Согласны», отвѣчаютъ воины. Тогда камерленгъ общаетъ оставить имъ прежнее содержаніе—и они уходятъ.

Между тѣмъ, посылается приказъ сенатору города Рима, который, конечно, въ настоящее время, въ лицѣ престарѣлаго маркиза Кавалетти, существуетъ только для Ватикана, извѣстить столицу о смерти папы звономъ большого колокола въ Капитоли. Въ старину, при свѣтской власти папъ, этотъ торжественной звонъ означалъ не только простую вѣсть о смерти наслѣдника св. Петра, но совершенное прекращеніе всякой дѣятельности папскаго правительства въ судахъ и администраціи и вся власть переходила въ руки народа, точно въ знакъ того, что папы—узурпаторы, покидающіе свою власть у народа, который, послѣ ихъ смерти, хоть на время вступаетъ во всѣ свои права. Немедленно всѣ тюрьмы Рима отъкрывались и узниковъ выпускали на свободу именемъ древнихъ муниципальных властей, которыя на время междуцарствія, до избранія новаго папы, торжественно заявляли себя представителями римскаго народа. Впрочемъ, этому древнему обычаю послѣдовали и по смерти Григорія XVI, только освобождены были не всѣ арестанты, а лишь тѣ, которые сидѣли въ тюрьмахъ за неважные проступки; политическихъ же узниковъ удалили заранѣе въ другіе города.

Передавъ тѣло папы пенитенціаріамъ св. Петра и составивъ подробный инвентарь всѣхъ предметовъ, находящихся въ Ватиканѣ, камерленгъ возвращается къ себѣ и образуетъ особую комиссію съ старѣйшими кардиналами всѣхъ трехъ разрядовъ: епископовъ, патеровъ и дьяконовъ, для управленія дѣлами цер-

кви, и принятія мѣръ въ погребенію папы и открытію конклава. Такимъ образомъ, кардиналъ камерленгъ, въ старину исполнявшій должности министра финансовъ и главы гражданскихъ судовъ, но въ послѣднее время только бывшій при жизни папы сановникомъ его двора, становится въ сущности временнымъ главою католической церкви и ему предоставляется даже право чеканить монету, а, по избраніи новаго папы, онъ вручаетъ ему папскій перстень и ключи Ватикана. Поэтому неудивительно, что пользуясь такою властью, камерленгъ имѣетъ громадное вліяніе на конclave, и иногда достигаетъ папской тиары, какъ на примѣръ Гонорій III, Инокентій VII, хотя вообще считаютъ, что это званіе такъ же, какъ и государственнаго секретаря, несовмѣстимо съ кандидатствомъ на папскій престолъ¹.

Принявъ тѣло папы, пенитенціаріи, францисканскіе монахи, моютъ и одѣваютъ его, а въ старину бальзамировали, но теперь

¹ Когда настоящая статья уже была отпечатана, получено извѣстіе объ избраніи въ папы, подъ именемъ Льва XIII, кардинала Печчи, назначеннаго камерленгомъ только въ сентябрѣ прошлаго года, какъ увидѣли, съ цѣлью уменьшить его шансы на тиару. Джіованни Печчи родился въ Каринетто, въ 1810 году, и происходитъ отъ древняго рода патриціевъ Папской Области. Окончивъ воспитаніе въ римской коллеціи, онъ поступилъ въ академію, гдѣ изучалъ богословскія и юридическія науки. Григорій XVI очень уважалъ его знанія и 33 лѣтъ назначилъ архіепископомъ Дамьетскимъ и нунціемъ въ Брюссель, гдѣ онъ пользовался большимъ расположеніемъ короля Леопольда I. По возвращеніи въ Италію, онъ, въ 1846 году, былъ назначенъ архіепископомъ въ Перуджію, гдѣ уже прежде, въ качествѣ легата, обнаружилъ замѣчательную энергію въ преслѣдованіи разбойниковъ, и папа, по ходатайству бельгійскаго короля, возвелъ его тогда же въ кардинальское достоинство, но не успѣлъ обнародовать этого назначенія, а Піи IX, вступивъ на престолъ, сдѣлалъ это только въ 1859 году. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, кардиналъ Печчи смиренно пребывалъ въ своей епархіи. Антонелли, боясь его вліянія на папу, держалъ его вдали отъ Рима, и сумѣлъ возстановить противъ него Пія IX. Хотя онъ считался всегда преданнымъ слугою папскаго престола и защитникомъ status quo, но не принадлежалъ къ партіи ультрамонтановъ, и умѣетъ поворотиться «предопредѣленнымъ свыше событіямъ», т. е., повидимому, человекъ ловкій и одинъ изъ «политиковъ», а не «святыхъ», какъ дѣлать кардиналовъ Руджіеро Бонги, бывшій итальянскій министръ народнаго просвѣщенія, въ замѣчательномъ сочиненіи, «Pio Nono e il Papa futuro». По его словамъ и первое «святые смотрятъ только на небо и не хотятъ слышать ни о какихъ уступкахъ или соглашеніяхъ, а послѣдніе—«политики» смотрятъ по очереди и на небо и на землю, считающа полезнымъ идти на сдѣлку или, въ крайней мѣрѣ, не преувеличивать требованій церкви и не усиливать вражды». Хотя книга Бонги вышла въ концѣ прошлаго года, но она главнымъ образомъ состоитъ изъ статей, напечатанныхъ пять или шесть лѣтъ тому назадъ, а потому замѣчательно, что онъ еще тогда указывалъ первымъ кандидатомъ на папскій престолъ монсиньора Печчи изъ числа семи кардиналовъ, имѣвшихъ шансы на наслѣдство св. Петра.

эту послѣднюю обязанность исполняютъ доктора, причѣмъ сердце, мозгъ и внутренность, также набальзамированныя, кладутся въ серебрянную урну, которую замуравливаютъ въ стѣнѣ церкви св. Петра, если папа умеръ въ Ватиканѣ. Послѣ этого, тѣло выставляютъ на день въ Сивстинской Часовнѣ и, наконецъ, переносятъ торжественной процессіей въ соборъ св. Петра, гдѣ оно стоитъ три дня для поклоненія вѣрующимъ. Здѣсь, въ часовнѣ св. причастія, тѣло папы въ парадномъ облаченіи покоится на роскошномъ катафалкѣ въ наклонномъ положеніи. Голова лежитъ на бархатной подушкѣ, съ дорогими кружевами, руки сложены на золотомъ распятіи, лицу придаиа жизнь румянами, а ноги пропущены между плъстрами желѣзной рѣшетки, отдѣляющей часовню отъ остальной церкви, такъ что публики можетъ лобызать ихъ, стоя снаружи. На подушкѣ, по бокамъ головы, видѣются двѣ кардинальскія шляпы, изъ которыхъ одна выражаетъ свѣтскую власть папы, а другая—духовную. На четвертый день, двери собора запираютъ отъ публики и тѣло кладутъ въ деревянный, кипарисовый гробъ, обитый внутри чернымъ атласомъ; рядомъ съ тѣломъ помѣщаются въ гробъ бархатныя мѣшки съ золотыми деньгами, отчеканенными при покойномъ папѣ, въ числѣ, равняющемся количеству лѣтъ, проведенныхъ имъ на престолѣ св. Петра, пергаментный свитокъ съ описаніемъ главныхъ событій его царствованія, освещенная пальмовая вѣтвь и нѣсколько пучковъ ошіама. Этотъ первый гробъ, запечатанный восковыми печатами шести старшихъ кардиналовъ—опускаютъ въ другой свинцовый и въ третій, также кипарисовый, обитый снаружи пунцовымъ бархатомъ и снабженный золотой доской, на которой вырѣзаны имя и гербъ покойнаго. Послѣднимъ актомъ этого настоящаго погребенія, совершаемаго по древнему римскому обычаю, по возможности, тайно, служитъ перенесеніе гроба въ мраморный саркофагъ въ стѣнѣ надъ дверью, ведущей въ куполь. Тутъ покоится прахъ папы до смерти его преемника, когда уже его предають окончательно землѣ. Такимъ образомъ Григорій XVI, въ теченіи 32 лѣтъ, напрасно ждалъ своей очереди успокоиться на вѣки подъ великолѣпнымъ памятникомъ.

Однако, этимъ всѣ церемоніи похоронъ еще не окончены; на пятый день, въ соборѣ св. Петра воздвигаютъ громадный катафалкъ. На похоронахъ Григорія XVI этотъ катафалкъ состоялъ изъ колоссальной, усѣченной пирамиды, выкрашенной подъ порфиръ; на верху красовалась статуя религіи, а по четыремъ сторонамъ пьедестала возвышались колонны подъ мраморъ въ 20

фуювъ вышины. Въ переднемъ фасѣ былъ устроень саркофагъ, въ которомъ будто бы лежало тѣло папы, а по бокамъ находились статуи правосудія и милосердія. На колоннахъ стояли громадныя треножники и на нихъ горѣли разноцвѣтныя огни, а внизу висѣли жирандоли въ 250 восковыхъ свѣчей. Впродолженіи четырехъ дней совершались торжественныя заупокойныя обѣды, а въ послѣдній девятый день происходить собственно отпѣваніе, при громадномъ стеченіи духовенства и народа. Послѣ торжественнаго надгробнаго слова, произнесеннаго на латинскомъ языкѣ заранѣе избраннымъ проповѣдникомъ, поется *Dies Irae* и церемоніи похоронъ окончены. Тогда кардиналы отправляются великолѣпной процессіей въ Ватиканъ или Квириналъ на конклавъ, для избранія новаго папы.

Точно также, какъ похороны, и избраніе папы совершается по правиламъ и обрядамъ, строго опредѣленнымъ многими буллами и декретами, отъ которыхъ конклавъ рѣдко уклоняется и то развѣ въ мелкихъ подробностяхъ. Поэтому разсказать, какъ былъ избранъ въ папы Пій IX, мы вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ и картину избранія его преемника.

Иакошше напоминать, что избраніе папы высшими сановниками церкви, кардиналами, сравнительно учрежденіе новое. Впродолженіе многихъ столѣтій, несмотря на все разнообразіе политическихъ событій, которыя съ необыкновенной быстротой слѣдовали въ Римѣ одинъ за другимъ, избраніе римскаго епископа, увеличивавшаго все болѣе и болѣе свою власть, производилось всѣми сословіями древней общины, то есть гражданской властью, народомъ и духовенствомъ. Весь общественный и государственный строй въ другихъ отношеніяхъ подвергался постояннымъ намѣненіямъ, но никто не думалъ, среди безконечныхъ переворотовъ, сдѣлать избраніе папы независимымъ отъ народа и гражданскихъ властей, сосредоточивъ его исключительно въ рукахъ духовенства. Эта, реформа, или скорѣе, революція произошла только въ половинѣ XI вѣка, когда католическая церковь должна была выдержать роковую борьбу съ имперіей. Въ эту рѣшительную минуту, ея судьбы находились въ рукахъ Гильдебрандта, этого гѣнія—покровителя папства въ продолженіи долгихъ, чреватыхъ событіями лѣтъ, прежде въ качествѣ совѣтника шести папъ, а потомъ и намѣстника Христа, пріобрѣтшаго величіе и могущество свѣтскаго государя. По его почину, Николай III издалъ буллу, по которой избраніе папы исключительно было передано собору кардиналовъ, подъ названіемъ конклава, но все же низшему духовенству и народу было оставлено право утвержденія ихъ выбо-

ра. Но и это неопредѣленное, смутное право было окончательно отнято Александромъ III, постановившимъ, что ни духовенство, ни народъ не имѣютъ никакого участія въ избраніи папы, которое производится большинствомъ двухъ третей голосовъ всѣхъ кардиналовъ, собравшихся въ конклавъ. Наконецъ, Григорій X, въ 1274 году, составилъ подробныя правила и церемоніаль для конклава, который, впрочемъ, въ сущности, уже дѣйствовалъ при его избраніи, сопровождавшемся чрезвычайно замѣчательными событіями. Кардиналы собирались тогда на конклавъ въ Витербе, но вражда партій была такъ сильна, что продолженіе двухъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ, они не могли согласиться ни на какой выборъ. Наконецъ, св. Бонавентура убѣдилъ гражданъ Витербе запереть кардиналовъ; это было сдѣлано, но безъ всякого результата. Потомъ услыжавъ, что кардиналъ Порто заявилъ шуткой о невозможности Святому Духу сойти на избирателей по причинѣ крыши, народъ ее разобралъ и кардиналы подверглись всѣмъ непріятностямъ непогоды. Но и это не помогло. Тогда городскія власти стали постепенно уменьшать пищу членовъ конклава, и, наконецъ, этимъ путемъ было достигнуто избраніе Григорія X. Естественно, что испытавъ самъ подобную неурядицу, онъ постановилъ самыя строгія правила о замуровываніи кардиналовъ, собравшихся на конклавъ, такъ чтобы никто не могъ къ нимъ проникнуть и всѣ необходимыя сношенія съ внѣшнимъ міромъ производились бы черезъ маленькое окошко. Кромѣ того, было постановлено, что если избраніе папы не состоится въ три дня, то роскошный обѣдъ и ужинъ, отпускаемые сначала кардиналамъ, ограничатся однимъ блюдомъ; если же междуцарствіе продолжится болѣе шести дней, то имъ дадутъ только хлѣбъ, воду и вино. Эти строгія правила, съ теченіемъ времени, нѣсколько смягчились, но въ главныхъ своихъ чертахъ, конклавы доселѣ происходятъ по обрядамъ и церемоніалу, установленнымъ буллою Григорія X, нѣсколько дополненной въ XVII столѣтіи Григоріемъ XV.

Конклавъ, происходя отъ латинскихъ словъ cum clave, относящихся до мѣста и лицъ, запертыхъ въ немъ, состоитъ изъ избранія кардиналовъ, и такъ называемыхъ конклавистовъ, то есть секретарей, нотаріусовъ, докторовъ, капелановъ, слугъ и другихъ приближенныхъ лицъ кардиналовъ. Число членовъ конклава не опредѣлено, такъ какъ въ немъ могутъ участвовать всѣ наличныя кардиналы, а не каждый изъ нихъ въ данное время, можетъ пріѣхать въ Римъ; къ тому же и самое число кардиналовъ не одинаково, хотя съ 1585 года, опредѣленъ соборъ

кардиналовъ въ семьдесятъ членовъ: шесть кардиналовъ-епископовъ, пятьдесятъ кардиналовъ-патеровъ и четырнадцать кардиналовъ-дьяконовъ¹. Титулъ кардинала, происходя отъ латинскаго слова, означающаго петлю, то есть подпору церкви, строго говоря, не духовное званіе, а скорѣе почетную должность при римскомъ дворѣ. Поэтому, вовсе не обязательно кардиналу быть непременно духовнымъ лицомъ, а только, какъ сановникъ папскаго двора, въ существѣ церковнаго учрежденія, онъ обязанъ носить духовную одежду и вести безбрачную жизнь. Кардиналовъ не рукополагаютъ; а просто они назначаются папою, какъ свѣтскимъ государемъ. Съ согласія папы не только свѣтскіе, но и духовные кардиналы могутъ слагать съ себя свое званіе и жениться, чему были нерѣдкіе примѣры. Кардиналы духовные всѣхъ трехъ разрядовъ и свѣтскіе пользуются одинаковыми правами, только послѣдніе не могутъ участвовать въ конклавѣ безъ особаго папскаго разрѣшенія, которое выдавалось чрезвычайно рѣдко, и въ исторіи сохранился только одинъ примѣръ свѣтскаго кардинала—члена конклава. Именно, при избраніи Сикста V, принималъ участіе кардиналъ эрцъ-герцогъ Альбертъ, дававшій никакихъ духовныхъ обѣтовъ и вскорѣ потомъ женившійся. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, при избраніи Пія VIII, кардиналъ, Альбани, однако, долженъ былъ поступить въ дьяконы, чтобы имѣть право подать голосъ въ конклавѣ. Въ настоящее время, нѣтъ ни одного свѣтскаго кардинала, такъ какъ, по желанію Пія IX, всѣ приняли въ послѣдніе года духовный санъ. Относительно права кардиналовъ на участіе въ конклавѣ, еще надо прибавить, что оно неограниченное и ничто, ни удаленіе отъ папскаго двора, ни ссылка, ни тюремное заключеніе, ни даже отлученіе изъ церкви не можетъ помѣшать кардиналамъ явиться на конклавѣ. Только путемъ разжалованія кардинала, папа можетъ подготовить таковой конклавъ, который непременно выберетъ указаннаго имъ кандидата.

Подобно тому, какъ кардиналу не обязательно быть духовнымъ лицомъ, такъ и папы могутъ быть не только изъ низшаго духовенства, но и міряне; такъ, Адріанъ V никогда не имѣлъ духовнаго сана. Наконецъ, извѣстная легенда о папѣ-женщицѣ, долго пользовавшаяся общимъ довѣріемъ, не могла бы существовать, еслибъ кандидатомъ на папскій престолъ долженъ былъ

¹ Въ настоящее время всѣхъ кардиналовъ 64, изъ которыхъ 35, преимущественно иностранцевъ, Пій IX назначилъ въ послѣднія пять лѣтъ, конечно, съ цѣлью повліять на конклавъ, долженствовавшій избрать ему преемника.

исключительно кардиналъ. Хотя историческими трудами, главнымъ образомъ, не католиковъ Бланделя и Бейля доказана неосновательность этого преданія, не уже самъ тотъ фактъ, что этому такъ долго вѣрили католики, и что, по словамъ Гиббона, до реформациі, статуя этой женщины занимала мѣсто среди статуй всѣхъ папъ въ соборѣ Сіенны, имѣеть большое историческое значеніе. На основаніи этой легенды, во всякомъ случаѣ, живо и красиво придуманной, въ половинѣ IX столѣтія, молодая дѣвушка въ Майнцѣ влюбилась въ монаха и, убѣжавъ изъ родительскаго дома, поселилась въ его обители, гдѣ ее приняли въ число братіи. Послѣ нѣкотораго времени, проведеннаго съ своимъ возлюбленнымъ въ этомъ монастырѣ, она ѡбъѣжала вмѣстѣ съ нимъ и путешествовала по различнымъ странамъ Европы; между прочимъ, она была и въ Аѳинахъ, гдѣ изучала древнее греческое право. Наконецъ, она прибыла въ Римъ и, основательно изучивъ богословскія науки, сдѣлалась профессоромъ и на ея лекціи стекались самыя знатныя и ученые ея современники. Мало-по-малу, она приобрѣла такую извѣстность своими знаніями и святостью, что, по смерти Льва IV, въ 855 году, она была единогласно возведена на папскій престолъ, подъ именемъ, одни говорятъ Іоанна, а другіе—Льва V. Тутъ она замѣнила своего стараго возлюбленнаго какимъ-то кардиналомъ и, процарствовавъ благополучно два съ половиною года, вдругъ среди торжественнаго шествія въ церковь св. Петра, родила публично на улицѣ ребенка. Одни говорятъ, что она немедленно умерла въ родяхъ, а другіе, что народъ избилъ ее камнями. Однако, хотя, по каноническимъ законамъ, кандидату на папскій престолъ не обязательно быть кардиналомъ, но продолженіе пятисотъ лѣтъ не было папы, не имѣвшаго титула кардинала; послѣдній изъ подобныхъ папъ былъ Урбанъ VI, избранный въ 1378 году. Впрочемъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ допущенъ до избранія и получилъ много, хотя и недостаточно голосовъ генераль-ордена капуциновъ, неизмѣнній кардинальской шляпы.

По правиламъ, конклавъ долженъ собираться въ томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ папа, но, въ большинствѣ случаевъ, онъ происходилъ въ Ватиканѣ, и только со смерти Піа VII, въ Квириналѣ, въ 1823 году, всѣ послѣдующіе конклавы происходили въ этомъ дворцѣ. Въ настоящее время въ Квириналѣ живетъ итальянскій король, а папа—«ватиканскій узникъ», поэтому и конклавъ, по смерти Піа IX, долженъ произойти въ Ватиканѣ. Въ старину, когда конклавъ собирался въ Ватиканѣ, помещеніе ему

отводили въ нижнемъ этажѣ. Каждый кардиналъ занималъ особую комнату, называвшуюся келіей и устроенную въ одной изъ громаднѣхъ залъ Ватикана. Въ каждой изъ этихъ залъ находилось по нѣскольку подобныхъ построекъ, состоявшихъ изъ двухъ комнатъ: одной для кардинала, а другой, сверху на антресоляхъ, для его конклавистовъ. Помѣщенія кардиналовъ, возведенныхъ въ это достоинство покойнымъ папой, были обтянуты фіолетовымъ сукномъ, въ знакъ траура, а другія — зеленымъ. Всѣ эти жилища раздавались по жребію кардиналамъ и они ихъ сами меблировали. Свѣтъ проникалъ въ нихъ только сверху, а окна были заложены. Большая зала, служащая сѣнями для Сикстинской часовни оставалась свободной для прогулки заключеннымъ кардиналамъ, а въ часовнѣ происходилъ самый процессъ выборовъ, и существуетъ преданіе, что картины въ ней оттого въ такомъ дурномъ положеніи, что ихъ закоптилъ дымъ отъ сжигаемыхъ избирательныхъ листовъ послѣ каждой неудавшейся баллотировки. Ни подъ какимъ видомъ, ни кардиналъ, ни кто изъ конклавистовъ не могли выйти за предѣлы перваго этажа. Всѣ ходы и выходы старательно замуравливались и оставляли не задѣланными только двери изъ большой залы, передъ часовней, чрезъ которыя допускали въ конклавъ кардиналовъ, прибывшихъ въ Римъ послѣ его открытія, и коронованныхъ особъ, еслибъ таковыя явились. Кромѣ этихъ случаевъ, двери всегда были заперты четырьмя замками, ключи которыхъ находились у камерленга и особо избираемаго маршала конклава. Близъ дверей и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ перваго этажа были устроены подъемныя машины для полученія кардиналами вещей, не возбуждавшихъ подозрѣнія офицеровъ стражи, которые тщательно осматривали каждую вещь, отыскивая писемъ.

Когда всѣ приготовления для конклава окончены, кардиналы слушаютъ обѣдню въ церкви св. Сильвестра и оттуда торжественно идутъ въ помѣщеніе конклава, куда въ этотъ день допускаются всѣ посторонніе, до заката солнца, но потомъ маршалъ звонитъ три раза и объявляетъ: «Exiit omnes». Затѣмъ, всѣ входы и выходы и окна замуравливаются, а парадныя двери запираются на замокъ. Конклавъ открытъ.

Самое избраніе, какъ мы уже сказали, происходитъ въ Сикстинской часовнѣ, гдѣ для каждаго кардинала поставленъ столъ подъ балдахинномъ. Передъ престоломъ находится большой столъ, а на немъ церковная чаша, служащая избирательной урной. Позади—камень, гдѣ сжигаютъ избирательные листки и толпа извнѣ, видя дымъ, выходящій изъ трубы, понимаетъ, что Римъ

еще не имѣть своего первосвященника. Что касается до самаго способа избранія, то онъ тройкій: по соглашенію, по вдохновенію и по баллотировкѣ.

Первый способъ заключается въ томъ, что кардиналы, не видя возможности остановиться на какомъ-нибудь имени, соглашаются поручить одному или нѣсколькимъ произвести выборъ. Однако, этотъ способъ уже давно оставленъ, какъ очень опасный. Известно, что, когда лонскій конклавъ принялъ эту систему и выбралъ Жака д'Оса въ посредники, то онъ воскликнулъ: «Papa Ego» и сдѣлался Іоанномъ XXII.

Второй способъ, по вдохновенію, требуетъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, двѣ-третьи всѣхъ членовъ конклава обратились къ избранному или лицу и прямо воздали ему честь, какъ папѣ. По этой системѣ были избраны: Григорій VII, Марцелій II и Павелъ IV; но, очень трудно придти къ такому соглашенію, а потому единственный употребительный способъ избранія составляетъ баллотировка.

Она подраздѣляется на два вида: 1) простую баллотировку, при которой каждый кардиналъ пишетъ на листѣ имя избираемаго или лица и 2) перебаллотировку, такъ называемую *accessit* или *по присоединенію*, причемъ избиратель можетъ присоединить свой голосъ къ одному изъ кандидатовъ, имя котораго вышло на первой баллотировкѣ. Эти обѣ баллотировки производятся каждый день, первая утромъ, а вторая вечеромъ, пока одинъ изъ кандидатовъ не получитъ большинства двухъ-третей голосовъ. Избирательный листокъ четырехугольный; каждый членъ конклава пишетъ свое имя, потомъ складываетъ листокъ и припечатываетъ своей печатью, затѣмъ пишетъ имя избираемаго лица и оставляетъ эту часть листка открытой, наконецъ, выставляетъ какой-нибудь девизъ, обыкновенно текстъ изъ священнаго писанія и снова, сложивъ, запечатываетъ. Такимъ образомъ, при счетѣ голосовъ, обращается вниманіе только на имя кандидата, девизъ разсматривается для провѣрки баллотировки, а имя избирателя открывается только въ крайне важныхъ случаяхъ.

Написавъ свой листокъ, кардиналъ подходитъ къ престолу часовни, передъ которымъ стоитъ церковная чаша, и, преклонивъ колѣни, произноситъ безмолвную молитву, а потомъ, вставъ, произноситъ слѣдующую присягу: «Клянусь Спасителемъ, что я выбираю того, который, я полагаю передъ Богомъ, долженъ быть избранъ и тѣмъ же чувствомъ буду руководиться при перебаллотировкѣ». Вслѣдъ за этимъ, онъ показываетъ листокъ, находящійся у него въ рукахъ, приподнимаетъ дискосъ, которымъ покрыта чаша, владеть

въ нее листокъ и, низко поклонившись, возвращается на свое мѣсто. Если кардиналъ не можетъ встать, то одинъ изъ его товарищей подноситъ къ нему дискосъ и онъ кладетъ на него листокъ; если же кто-нибудь изъ избирателей боленъ и лежитъ въ своей келии, то у него тамъ отбираютъ листокъ въ особо устроенный ящикъ. Когда всѣ листки поданы, то трое кардиналовъ, избранные для повѣрки голосовъ, приносятъ чашу на средину часовни, ставятъ ее на столъ и высыпаютъ листки на дискосъ. Потомъ, первый изъ нихъ, по очереди, беретъ листокъ, читаетъ въ полномъ голоса имя кандидата и передаетъ второму, тотъ дѣлаетъ тоже и передаетъ третьему, который уже громко читаетъ это имя и всѣ кардиналы отмѣчаютъ его карандашемъ на спискѣ кардиналовъ, выходящемся у каждого изъ нихъ. Если кто изъ кандидатовъ получаетъ двѣ трети голосовъ, то выборы кончены, если же нѣтъ, то приступаютъ къ перебаллотировкѣ. Она производится точно тѣмъ же порядкомъ, только избиратели пишутъ на листкахъ: *Accedo*, то есть, присоединяюсь къ такому-то кандидату, или: *Accedo nemini*, то есть, не присоединяюсь ни къ кому, если онъ остается при своемъ первомъ выборѣ. При этомъ не дозволяется писать новаго имени, или повторять прежнее. По подачѣ этихъ листковъ, вторично сводится счетъ голосамъ, и если все же не состоится большинства, то всѣ листки сжигаются и на другой день приступаютъ къ новой баллотировкѣ. Иногда эти баллотировки и перебаллотировки производятся много разъ, такъ какъ партіи, на которыя постоянно раздѣляется конклавъ, не сразу выставляютъ своихъ настоящихъ кандидатовъ, а часто стараются сбить противниковъ дутными именами. Это дѣлается, главнымъ образомъ, для того, чтобъ вызвать *veto* католическихъ державъ.

Это право Франціи, Австріи, Испаніи и Португаліи исключать своимъ *veto* того, или другого кандидата изъ баллотировки — основано лишь относительно Португаліи на законной папской буллѣ, а другія государства, неизвѣстно по какой причинѣ пользуются этой привилегіей. Замѣчательно, что Португалія ни разу не произнесла подобнаго *veto*, а другія государства прибѣгли часто къ этой мѣрѣ и еще недавно, при выборѣ Григорія XVI, Австрія отвела, такимъ образомъ, кардинала Джустиниани. Конклавъ принялъ этотъ отводъ, но вообще, надо замѣтить, что онъ вовсе не обязателенъ и часто избраніе папъ совершалось на зло заявленному тѣмъ или другимъ государствомъ желанію. Относительно *veto* надо замѣтить, что оно можетъ быть произнесено только однажды извѣстнымъ государствомъ на данномъ конклавѣ и чрезъ посредство одного изъ кардиналовъ.

Естественно, что этимъ *всѣ* пользуются враждующія на конклавѣ партіи, и оно составляетъ одинъ изъ видовъ тѣхъ не-своевременныхъ интригъ, которыми всегда обружено столь важное для кардиналовъ, всей католической церкви и свѣтскихъ государей избраніе папѣстника Христа. Здѣсь нечего распространяться о подкупахъ, всевозможныхъ сдѣлкахъ, обманахъ, преступныхъ уловкахъ и пр., къ которымъ прибѣгаютъ партіи для торжества своего кандидата. Кардиналъ Бургосъ, въ XV столѣтіи, писалъ испанскому королю, что конклавъ — «школа плутовства, мошенничества и злобы». «Еслибъ кто-нибудь изъ государей видѣлъ своими глазами, прибавляетъ онъ: — какъ происходитъ конклавъ и какъ дѣлаютъ папу, то онъ, конечно, былъ бы достаточно христіаниномъ, чтобъ признать подобную торговлю папскимъ престоломъ причиной многихъ бѣдствій и войнъ». Конечно, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, но при избраніи Пія VIII, въ 1829 году, маркизъ Крова, посланникъ пьемонтскаго короля, ярый ультрамонтанецъ, писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Туру, извѣстному іезуиту: «Посылаю Вашему Превосходительству официальные свѣдѣнія о результатахъ баллотировки каждаго дня, но умалчиваю о многихъ постыдныхъ подробностяхъ; лесть, обманъ, ложныя обѣщанія, измѣна своему слову, коварство, ложь, низкія интриги — все это составляетъ обыкновенное явленіе на всѣхъ конклавахъ, и поэтому я часто слышалъ, что человѣкъ честный и религіозный не можетъ болѣе раза въ жизни присутствовать въ конклавѣ». Почти тоже самое писалъ тогда и Шатобрианъ французскому правительству. Въ интригахъ на конклавѣ принимаютъ участіе не только сами кардиналы, но и конклависты, то-есть ихъ приближенные, и при избраніи Пія IV, секретарь кардинала Куевы едва не далъ тѣмъ своему покровителю очень простой, нехитрой уловкой. Онъ уговорилъ одного кардинала за другимъ подать голосъ въ пользу Куевы, говоря, что, конечно, его никто не выберетъ, но хотя бы одинъ голосъ въ его пользу доставилъ бы старику большое удовольствіе. Кардиналы поддались на удочку, и изъ 34 членовъ конклава 32 обѣщали свои голоса Куевѣ, но ловкая стратагема не удалась, вслѣдствіе случайнаго разговора двухъ кардиналовъ, сообщившихъ другъ другу о ходатайствѣ искуснаго конклависта.

Наконецъ, послѣ большихъ или меньшихъ интригъ, проволокъ и неудачныхъ попытокъ, требуемое большинство высказывается въ пользу одного изъ кандидатовъ. Тогда послѣдніе листки, рѣшившіе судьбу конклава сожигаются, но дымъ выходитъ ужъ изъ

другой трубы и собравшаяся извѣтъ толпа привѣтствуетъ радостное событіе. Между тѣмъ, камерленгъ и старѣйшины трехъ разрядовъ кардиналовъ подходятъ къ избраннику, спрашиваютъ его, согласенъ ли онъ надѣть тиару. Въ ту минуту, когда онъ даетъ утвердительный отвѣтъ, всѣ багдахины надъ мѣстами кардиналовъ мгновенно опускаются за исключеніемъ одного, надъ новымъ папой. Потомъ старѣйшина кардиналовъ спрашиваетъ, какимъ именемъ онъ будетъ называться, а церемоніймейстеры, допущенные въ часовню, ведутъ его къ престолу, гдѣ онъ, преклонивъ колѣно, молится. Затѣмъ, на него надѣваютъ палское облаченіе и, возвратясь къ престолу, новый папа впервые даетъ апостольское благословеніе и, сѣвъ на тронъ, принимаетъ повеленіе кардиналовъ, которые, стоя на колѣняхъ, цѣлуютъ его руку и туфлю, украшенную золотымъ крестомъ, что, по словамъ пламенныхъ католиковъ, доказываетъ смиреніе папъ, желавшихъ, чтобы цѣловали не ихъ ноги, а олицетвореніе Христа. Между тѣмъ, старѣйшина кардиналовъ идетъ къ наружному выходу изъ помѣщенія конклава, велитъ сломать стѣну, отдѣляющую конклавъ отъ вѣшняго міра и объявляетъ народу:

Annuncio vobis gaudium magnum: Papat habemus (Заявляю вамъ радость великую—у насъ есть папа).

Дѣло конклава кончено: непогрѣшимый глава католической церкви, намѣстникъ Христа созданъ. Но для полнаго вступленія во всѣ принадлежащія ему права и почести новый папа долженъ торжественно отправиться въ тотъ же день или на слѣдующій въ церковь св. Петра, гдѣ онъ принимаетъ поклоненіе всего духовенства и благословляетъ народъ, а въ первое затѣмъ воскресенье происходитъ вѣнчаніе папы тиарой на балконѣ церкви св. Петра въ виду несмѣтной толпы, собранной на площади. При этомъ совершается много церемоній, изъ которыхъ одна очень знаменательна. Церемоніймейстеръ, преклонивъ колѣна передъ папою, зажигаетъ небольшое количество палки, наверху на золоченной палкѣ и, указывая на исчезновеніе ея въ густомъ дымѣ, произноситъ торжественно: *«Sancte Pater, sic transit gloria mundi»*, (Святый отецъ, такъ переходитъ слава земная). Этотъ странный обрядъ, напоминающій папѣ объ его человѣческихъ слабостяхъ въ ту самую минуту, когда онъ становится непогрѣшимымъ, повторяется три раза. Въ прежнія времена, еще даже въ нынѣшнемъ столѣтіи существовалъ и другой обычай, точно также имѣвшій цѣлью напомнить намѣстнику Христа о необходимомъ человѣческомъ смиреніи. Утромъ, на слѣдующій день послѣ избранія, новому папѣ приносили въ торжественной про-

пессіи громадного, бронзоваго пѣтуха, служившаго символомъ отреченія Св. Петра, какъ слабости, которой можетъ поддаться всякій человѣкъ.

Представивъ, насколько возможно, полную картину смерти папы и избранія его преемника, мы теперь бросимъ взглядъ на тѣ обстоятельства, которыя произошли въ Римѣ послѣ кончины Григорія XVI. Конечно, всѣ описанныя нами церемоніи были совершены съ подобающимъ великолѣніемъ, хотя, какъ рассказываетъ Массимо Д'Азеліо, папа умеръ брошенный всѣми, и преданный ему ватиканскій садовникъ, желая узнать объ его здоровьѣ, прошелъ безпрепятственно по всѣмъ заламъ дворца до спальни, гдѣ намѣстникъ Христа лежалъ одинъ въ предсмертной агоніи безъ докторовъ и кардиналовъ, а наемные слуги въ это время грабили Ватиканъ, не имѣя досуга обратить вниманія на то, какъ умиралъ Мауро Кашеллари изъ Беллуна. Затѣмъ собрался конклавъ, но послѣ долгихъ проволочекъ, такъ что его засѣданія открылись только черезъ двѣ недѣли по смерти папы, а не на десятый день, какъ требуютъ правила.

Никогда, быть можетъ, во всей длинной исторіи папъ такая многочисленная и тревожно-настроенная толпа, не провожала кардиналовъ въ Квириналъ, при торжественномъ шествіи ихъ на конклавъ, какъ вечеромъ 14-го іюня 1846 года. Весь народъ съ трепетомъ ожидалъ результата этого конклава, чего дотолѣ нивогда не было. Ни самолюбіе того или другого кандидата, ни личный интересъ партій или сторонниковъ извѣстной особы, а жизнь и смерть цѣлаго народа зависѣла отъ избранія намѣстника Христа, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и римскій государемъ. «Будемъ ли мы страдать подлѣ прежнихъ невыносимыхъ игомъ, или для насъ еще возможна новая эра надежды?» спрашивалъ себя каждый римлянинъ, тѣсняясь вокругъ дверей Квиринала. Дѣйствительно, трудно себѣ представить что-нибудь ужаснѣе положенія Церковной Области въ это время. Григорій XVI, державшійся во все свое царствованіе только австрійскими штывами, былъ слѣпымъ орудіемъ самой жестокой политической реакціи, воплотившейся въ его государственномъ секретарѣ, кардиналѣ Ламбускини, кровожадномъ, корыстолюбивомъ, фанатическомъ монахѣ, который деспотически управлялъ церковью и государствомъ. Все пятнадцатилѣтнее царствованіе этого папы было лишь одной нескончаемой борьбой съ народомъ, выведеннымъ изъ терпѣнья невыносимой клерикальной тираніей. Военно-судныя комиссіи не прекращали ни на одинъ день своихъ дѣйствій, осуждая безъ суда и

защиты на торжественное заключеніе, ссылку и смерть всѣхъ подозрѣваемыхъ въ либеральномъ образѣ мыслей. «Должно ли удивляться нашему противодѣйствію столькимъ притѣсненіямъ? говорилось въ секретно составленномъ манифестѣ отъ имени населенія Папской Области, къ правителямъ и народамъ Европы: — намъ ставить въ укоръ, что мы требовали гражданскихъ реформъ съ оружіемъ въ рукахъ, но мы просимъ всѣхъ государей Европы, всѣхъ, засѣдающихъ въ нихъ совѣтахъ, обратить вниманіе на то, что мы были вызваны на это необходимостью; мы не имѣемъ никакого законнаго средства заявить наши желанія, мы не имѣемъ народнаго представительства, мы не имѣемъ даже права просить, доведенные до того состоянія рабства, когда всякое прошеніе, всякая просьба, всякая жалоба считается оскорбленіемъ государя. Наши желанія чисты, они имѣютъ въ виду интересы трона апостольскаго, наравнѣ съ правами отечества и человечества¹⁾. Дѣйствительно, умѣренность требованій римскаго населенія и стоявшихъ во главѣ его либераловъ, лучше всего доказывалось замѣчательнымъ спокойствіемъ народа во время двухнедѣльнаго междуцарствія послѣ смерти Григорія XVI. Въ прежнія времена эпоха, простиравшаяся отъ смерти одного папы до избранія другого, всегда ознаменовывалась мятежами, насиліями и уличными беспорядками; казалось бы, что смерть Григорія представляла прекрасный случай для возстанія, съ цѣлю уничтожить папское правительство, но результатъ ея былъ совершенно иной. Надежда на лучшее будущее при новомъ папѣ возникла въ сердцахъ несчастнаго народа и онъ спокойно, сдержанно ожидалъ выбора кардиналовъ, въ числѣ которыхъ находились люди, сознававшіе, что покойный папа своимъ деспотизмомъ, постыдной жизнью и преклоненіемъ передъ недостойными любимцами, пошатнулъ престолъ св. Петра, а потому для восстановленія его въ прежнемъ величій необходимо было выборъ первосвященника, сочувствовавшаго духу времени.

Такимъ образомъ, задача, предстоявшая конклаву, была очень простая, ясно опредѣленная и несложная, хотя чрезвычайно важная по своимъ послѣдствіямъ. Кто будетъ избранъ въ папы; человѣкъ, который еще съ большей энергіей станетъ продолжать реакціонную деспотическую политику своихъ предшественниковъ, презирая всякія уступки и надѣясь лишь на помощь иностран-

¹ Исторія революціи 1848 года, Гарнье-Пажеса. Итальянская революція, С. Петербургъ 1862 года, стр. 7.

ныхъ штыковъ, или чловѣкъ, готовый путемъ политическихъ реформъ примирить народъ, гибнущій отъ клерикальной тирании съ правительствомъ намѣстника Христа? Этотъ вопросъ раздѣлитъ естественно всѣхъ членовъ конклава на два враждебные лагера, такъ какъ не надо забывать, что въ то время никто не возставалъ противъ духовной власти папы, а дѣло только шло объ исполненіи имъ обязанностей свѣтскаго государя. Предчувствуя всю громадность значенія конклава послѣ его смерти, Григорій XVI старательно подготовилъ его составъ и довелъ число кардиналовъ до 78, то есть тремя болѣе, чѣмъ слѣдовало по каноническимъ законамъ, а потому очевидно, что большинство въ конклавѣ, состоявшемъ изъ 50 чловѣкъ, было скорѣе расположено въ пользу реакціонной политики. Во всякомъ случаѣ ретроградная партія, прозванная Генуэзской, отъ родины ея главы Ламбрускини, была тѣсно сплочена не только политическими соображеніями, но и личными интересами. При этомъ ихъ голоса, повидимому, сосредоточивались на одномъ кандидатѣ Ламбрускини. Хотя, по издавно установившемуся обычаю, государственный секретарь не можетъ быть избранъ въ папы, такъ какъ *Nemo bis Papa* (никто два раза не можетъ быть папой) и, вѣроятно, во всемъ конклавѣ не отыскалось бы чловѣка, который не питалъ бы къ нему ненависти,—Ламбрускини былъ самый видный чловѣкъ среди непримиримыхъ и времена были слишкомъ тяжелыя, чтобъ думать о личныхъ вкусахъ или старинныхъ обычаяхъ. Къ тому же всѣ европейскіе посланники, за исключеніемъ французскаго, Пелегрино Росси, стояли за его выборъ, вполне согласный съ царившей въ то время повсюду метерниховской политикой.

Напротивъ, либеральная партія, прозванная римской, неопредѣленная, волнуемая, какъ обыкновенно, не отличалась единствомъ и имѣла нѣсколькихъ кандидатовъ. Самыми видными были старѣйшина кардиналовъ Людовико Микаро и Паскаль Гизи, легать въ Форми. Первый, генералъ ордена капуциновъ, былъ какимъ-то страннымъ монахомъ-демократомъ; строгій, небожный аскетъ, онъ презиралъ лицемерную политику папскаго двора, заботился о матеріальномъ благоденствіи низшихъ классовъ и, хотя пользовался любовью народа, но нисколько не искалъ популярности, а, напротивъ, отправляясь въ конклавъ и слыша со всѣхъ сторонъ въ толпѣ добрыя пожеланія, онъ крикнулъ во все горло: «Обдумайте, братья, чего вы желаете; если я буду папой, то у васъ не будетъ недостатка ни въ хлѣбѣ, ни въ висѣлицахъ». Но можно безошибочно сказать, что всѣ желанія либе-

ральной партіи сосредоточивались на кардиналь Гиви, который снискалъ всеобщую любовь твердымъ, либеральнымъ образомъ дѣйствій въ своей епархіи, Форли, куда онъ не допустилъ ни одной военно-судной комиссіи, этого бича всей страны. Остальные трое кандидатовъ Согліа, Анджелись и Мастай-Феретти были гораздо менѣе извѣстны, но либеральная партія рассчитывала на ихъ умѣренность и сочувствіе духу времени. При этомъ Мастай-Феретти имѣлъ менѣе всѣхъ шансовъ на выборъ, такъ какъ, несмотря на его популярность въ Имоля, о немъ положительно извѣстно было въ Римъ только, что онъ ничѣмъ въ предыдущей своей дѣятельности не заслужилъ ненависти народа.

Вотъ въ какомъ положеніи были партіи въ конклавъ и въ виду разъединенія либераловъ — съ одной стороны, а съ другой неприбытія нѣсколькихъ реакціонныхъ кардиналовъ, все ожидали, что онъ будетъ чрезвычайно продолжителенъ. Но нигде-у учрежденіе на свѣтѣ не поражаетъ вышнихъ зрителей такими неожиданными случайностями и разочарованіями, какъ римскій конклавъ. Прошло только сорокъ восемь часовъ, и стѣна, замуровывавшая избирателей, была сломана и раздался торжественный возгласъ: *Parat habemus!*

Борьба началась со стороны Ламбрускіни чрезвычайно энергично, но безъ обычной тайны. Онъ сразу выказалъ всѣ силы своей партіи и отказался отъ политаки выжиданія, обыкновенно столь полезной въ конклавѣ. Онъ даже рѣшился не ждать прибытія своихъ сторонниковъ-кардиналовъ, во главѣ которыхъ былъ миланскій епископъ, кардиналъ Гейсрукъ, итѣвшій, какъ впоследствии оказалось, порученіе отъ Австріи объявить *«voto»* противъ либеральныхъ кандидатовъ, въ томъ числѣ и Мастай-Феретти. Эта поспѣшность и проволокки кардинала Гейсрука, прибывшаго въ Римъ поздно, уже послѣ избранія папы, побуждали Ламбрускіни. На первой баллотировкѣ Ламбрускіни получилъ пятнадцать голосовъ, Мастай—тринадцать и Согліа—вѣтъ, остальные голоса раздѣлились между другими кардиналами. Большинство, требуемое для избранія, было 34 голоса, и Ламбрускіни, увѣренный въ своемъ успѣхѣ, настоялъ, чтобы конклавъ отступилъ отъ своего обычнаго правила, и, вмѣсто одной баллотировки и перебаллотировки въ день, производилъ по двѣ. На второй баллотировкѣ Ламбрускіни уже получилъ одинадцать голосовъ, а Мастай семнадцать, на третьей у Ламбрускіни оказалось одинадцать, у Мастай — двадцать семь. Реакціонная партія возвратилась въ свои келіи въ самомъ мрачномъ отчаяніи.

Почему же большинство въ конклавѣ стало такъ неожиданно

склоняться въ пользу одного изъ самыхъ невѣдомыхъ, слабыхъ кандидатовъ? По всей вѣроятности, какъ часто случается въ избирательныхъ собраніяхъ, партій, вида труднѣе провести своего избраннаго кандидата, предпочтѣли торжеству противника избраніе личности слабой, безцвѣтной, цодъ имеемъ которой каждая партія надѣялась господствовать. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Мастай былъ самымъ лучшимъ кандидатомъ. Для всѣхъ онъ былъ загадкой, и лица, взявшіяся провести его, могли съ успѣхомъ указывать ретроградѣмъ на его жестокости въ Сполетто, либераламъ на его популярныя мѣры въ Имоля, первымъ на его испытанную преданность папскому престолу, а послѣднимъ на его либеральныя стремленія, наконецъ, членамъ всѣхъ партій на его доброту, слабость характера, веселую молодость и вѣроятную уступку всей своей власти государственному секретарю. При этомъ надо замѣтить, что самые добросовѣстные изъ кардиналовъ чрезвычайно боялись долгаго конклава, въ виду революціонныхъ движеній въ странѣ и готовы были пожертвовать личными вкусами общей пользѣ. Наконецъ, въ послѣднюю минуту и ненависть къ Ламбускини многихъ членовъ его собственной партіи, конечно, играла не маловажную роль. Но всего замѣчательнѣе во всѣхъ интригахъ, переговорахъ и сдѣлкахъ, происходившихъ на конклавѣ, было то, что самъ Мастай положительнѣе не принималъ въ нихъ никакого участія и что о Гизи никто, повидимому, и не помышлялъ, тогда какъ его избраніе ожидалось извнѣ съ такимъ упорствомъ, что ночью, вслѣдъ за избраніемъ, повсюду въ Римѣ распространилась вѣсть объ его выборѣ.

Всѣ въ конклавѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали вечерней баллотировки 16-го іюня и, по странной случайности, въ числѣ трехъ кардиналовъ для повѣрки голосовъ, былъ назначенъ Мастай. Согласно показаніямъ очевидцевъ, онъ нисколько не былъ увѣренъ въ своемъ торжествѣ и потому, когда ему пришлось провозгласить свое имя въ двадцать девятый и тридцатый разъ, онъ пришелъ въ такое волненіе, что опустился въ кресла блѣдный, дрожащій и просилъ конклавъ освободить его отъ этой обязанности, бывшей сверхъ его силъ. Онъ, вѣроятно, забылъ, что выборъ другого лица на его мѣсто для повѣрки голосовъ, сдѣлалъ бы не дѣйствительной всю баллотировку и необходимо было бы на слѣдующее утро начать сѣзнова. Но объ этомъ помнили его сторонники и, окруживъ Мастая, просили успокоиться и собраться съ силами. Противная партія молчала, мрачно насупившись, но, быть можетъ, питая надежду, что новая баллотировка дастъ

иной результатъ. Только Вернетти, прежній государственный секретарь Григорія XVI и личный врагъ Ламбускини, злобно бормоталъ въ полголоса: «хорошо, послѣ сбора—красная дѣвица».

Тревожное недоумѣніе продолжалось, однако, не долго. Мастай поборолъ свое смущеніе и хотя дрожащимъ, но громкимъ голосомъ еще четыре раза произнесъ свое имя. Дѣло было кончено, двѣсти шестьдесятъ второй папа избранъ. Графъ Джіованни-Марія-Мастай-Феретти сталъ Піемъ IX.

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА.

ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

«Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь ужь не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я не даромъ берегу...»

Вотъ и все, что ты намъ завѣщала,
Да еще узнали мы потомъ,
Что давно ты бѣднымъ отдавала,
Что добыть умѣла ты трудомъ.

Попъ трусливъ — боится, не хоронить;
Убѣдить его мы не могли.
Мы въ оврагъ, гдѣ горько вѣтеръ стонетъ,
На рукахъ покойницу снесли.

Схоронивъ, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу,
И на камнѣ четко написали
Жизнь и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людямъ милы,
И ученье въ нихъ...
Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ...

5-го ноября 1877 г.

СОНЪ.

Мнѣ снилось, на утесѣ стоя,
Я въ море броситься хотѣлъ.
Вдругъ ангелъ свѣта и покоя
Мнѣ пѣсню чудную запѣлъ:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человекъ!
Сниму съ главы покровъ тумана
И сонъ съ оляжёлёныхъ вѣкъ;
И музѣ возвращу я голосъ,
И вновь блаженные часы
Ты обрѣтешь, собирая колосья
Съ своей несжатой полосы.»

12 ноября 1877 г.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОЧЕРКИ ПОДВОРНОЙ РОССИИ.

Очеркъ первый.

I.

Вопросъ о формахъ нашего землевладѣнія породилъ обширную литературу, представляющую цѣлый арсеналъ доводовъ за и противъ общины. Арсеналомъ этимъ пользуются и въ литературѣ, въ различныхъ «собраніяхъ», «комиссіяхъ», «обществахъ». При этомъ происходитъ любопытное явленіе. Теоретически побѣда остается за сторонниками великорусской аграрной системы—они предъявляютъ и новыя аргументы, основанные на фактахъ европейской жизни, русской исторіи и проч., и могутъ не безъ гордости указывать на рядъ европейскихъ писателей, неожиданно оказывающихся ихъ союзниками; противники же общины постоянно рассказываютъ одну и ту же сказку про благо бычя, сказку скудную и не мудрую. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ побѣда предстаетъ, кажется, противникамъ общины.

Наше экономическое положеніе и до войны не было блестящимъ. Нужно было кого-нибудь или что-нибудь обвинить въ этомъ, и ничто не могло быть легче, какъ сдѣлать козлищемъ отпущенія нашу систему землевладѣнія. Слѣдствія были смѣшаны съ причинами; частные случаи, обусловленные посторонними причинами, были приняты за проявленія принципа, а злоупотребленія принципомъ стали выдаваться за самый принципъ. Общинное землевладѣніе получило очень нехорошую репутацію, которая и выразилась въ отвѣтахъ многихъ землевладѣльцевъ, спрошенныхъ въ 1872 году объ этой системѣ въ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Отвѣты, которые дали эти лица, поражаютъ своею законничностью; афоризмы въ родѣ: «общинное владѣніе пагубно и плоды его гибельны», весьма часто исчер-

пываютъ весь отвѣтъ спрошеннымъ по этому важному предмету. Слѣшь и рядомъ административная община смѣшивается съ земельной; круговая порука считается неотъемлемымъ атрибутомъ общиннаго землевладѣнія, и великорусская аграрная система описывается существующею въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ объ ней ничего не слыхали. И вездѣ почти эта загадочная община, о которой, судя по ихъ отвѣтамъ, многіе изъ спрошенныхъ лицъ имѣютъ самое туманное представленіе, вездѣ она оказывается виновницею всевозможныхъ бѣдъ ствій населенія!

Эта незавидная репутація общиннаго землевладѣнія послужила однимъ изъ главныхъ поводовъ появленія «Вопросовъ», разосланныхъ правительствомъ въ іюлѣ 1876 года во всѣ губерскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Судя по этимъ «Вопросамъ», нужно думать, что противникамъ общины предстоитъ близкое торжество: «Вопросы» составлены на основаніи доклада названной выше комиссіи, который признаетъ общинное землевладѣніе безусловно вреднымъ для сельскаго хозяйства и одною изъ главныхъ причинъ существующихъ аграрныхъ затрудненій. Формулированы эти «Вопросы» такъ, что торжество противниковъ общины будетъ, по всей вѣроятности, не внезапное, а постепенное¹. Во всякомъ случаѣ, есть полное основаніе ожидать въ ближайшемъ будущемъ упраздненія общиннаго владѣнія въ законодательномъ порядкѣ. Вопросъ о преимуществахъ и недостаткахъ нашей аграрной организаціи опять, слѣдовательно, выплываетъ наружу, опять становится «злойбой дня», практическимъ и жизненнымъ вопросомъ, и если у нашего общества не пропало еще всякое чутье къ своимъ интересамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что оно начнетъ прислушиваться къ толкамъ, которые, вѣроятно, не заставятъ себя ждать въ литературѣ (если, разумѣется, послѣдняя пойметъ свои обязанности). Каковы бы, однако, ни были эти литературные толки, торжество противниковъ общины все-таки, кажется, несомнѣнно и близко. Въ одно, вѣроятно, недалекое, прекрасное утро эти господа узнаютъ, что гидра, наконецъ, раздавлена, причина всѣхъ причинъ существующаго зла уничтожена, и всѣ общинныя земли раздѣлены на подворные участки. Предъ ихъ духовнымъ окомъ, вѣроятно, предстанетъ радужная картина...

Этой картиной «подворной» Россіи не бесполезно позаняться теперь. Пусть читатель не думаетъ, однако, что мы желаемъ забавлять его гаданіями и предсказаніями; занятіе Кыфы Моисеича было бы вовсе не кстати въ настоящую минуту. Когда

¹ Вотъ нѣкоторые изъ этихъ «Вопросовъ»: «Какъ должны быть отведены въ натурѣ подворные участки? До какой степени можетъ быть при этомъ допущено и сохраняемо существующее при общинномъ владѣніи раздробленіе одного и того же участка на мелкія полосы? Какія угодья и въ какомъ количествѣ могутъ быть оставлены при подворномъ владѣніи въ общемъ пользованіи всего общества?» и т. д.

мы стоимъ передъ завѣсой, отдѣляющей настоящее отъ яркаго будущаго, то желаніе приподнять хвѣтъ уголокъ этой завѣсы и взглянуть въ будущее — но меньшей мѣрѣ, простительнаго. Трудно предугадать, какіе именно порядки начнутся въ Россіи послѣ упраздненія общины; можетъ быть, хорошіе порядки, а, можетъ быть, и не хорошіе. Но мы имѣемъ возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этихъ порядкахъ по аналогіи. У насъ есть мѣстности, въ которыхъ общинное землевладѣніе совершенно неизвѣстно; познакомиться съ одною такою мѣстностью значить увидѣть въ небольшомъ размѣрѣ картину «подворной» Россіи. Понятно, что тутъ намъ встрѣятся явленія, обусловленныя исключительными чисто мѣстными причинами; но если выдѣлить подобныя явленія и оставить ихъ въ сторонѣ, то другія, очевидно, будутъ зависѣть отъ самаго принципа личнаго землевладѣнія. Настоящій взглядъ будетъ посвященъ социальной обстановкѣ, которую создастъ для сельскаго населенія система личнаго владѣнія землею; а о томъ, какъ обстановка эта отражается на экономическомъ положеніи деревенскаго люда, рѣчь будетъ впереди. Картина, которая, такимъ образомъ, развернется передъ нами, можетъ до нѣкоторой степени удовлетворить нашей любознательности насчетъ «подворной» Россіи. Смотра по тому, какова будетъ эта картина, мы или раздѣлимъ, вмѣстѣ съ противниками общины, ихъ радость по поводу упраздненія нашей системы, или воздержимся отъ этого удовольствія. Пусть простятъ насъ тогда противники общины, если мы, можемъ быть, нѣсколько испортимъ ихъ радужное настроеніе; пусть они знаютъ, что и нами руководить одно, только стремленіе — узнать истину и принести посильную пользу деревенскому люду, то самое стремленіе, которое, вѣроятно, является стимуломъ и ихъ дѣятельности.

Самой удобной мѣстностью для только что указанной цѣли, являются Полтавская и Черниговская губерніи, которыя на официальномъ языкѣ носятъ названіе «Малороссійскихъ губерній». По свойствамъ природы, по исторической судьбѣ своей, по этнографическому составу и экономическому положенію населенія, губерніи эти мало чѣмъ разнятся другъ отъ друга. Это одинъ изъ самыхъ благодатныхъ уголковъ Россіи, съ превосходной черноземной почвой (исключеніе составляютъ въ этомъ отношеніи сѣверныя уѣзды Черниговской Губерніи), мягкимъ климатомъ и богатой растительностью. На первый взглядъ представляется, что люди вездѣ тутъ сьумѣли одинаковымъ образомъ воспользоваться дарами природы. Но, всматриваясь ближе въ матеріальную обстановку здѣшняго населенія, можно замѣтить, что оно въ экономическомъ отношеніи является далеко не однороднымъ. Историческія условія давно уже раздѣлили его на нѣсколько группъ, и крестьянская реформа не сравняла и не слила ихъ въ одно цѣлое. Такъ называемые малороссійскіе казаки и казенные крестьяне, бывшіе крѣпостные крестьяне и помещики

не могли, очевидно, соединиться въ одну компактную массу, благодаря только Положенію 19-го февраля. Каждая группа продолжаетъ жить своеобразною жизнью, отвовавъ себѣ большую или меньшую часть даровъ природы. Всѣ эти группы знакомы только съ системою личнаго землевладѣнія. Хотя у каждой изъ нихъ система эта проявляется не одинаковымъ образомъ, но, въ настоящемъ этюдѣ, достаточно будетъ познакомиться съ обстановкой двухъ самыхъ многочисленныхъ группъ, именно малороссійскихъ казаковъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Это, однако, вовсе не такъ легко исполнить. У насъ, какъ извѣстно, нѣтъ порядочной сельско-хозяйственной статистики: попробуйте, напримѣръ, узнать сколько крестьянъ данной губерніи или даже уѣзда получили высшій размѣръ надѣла и сколько—низшій; сколько у нихъ выгонной, пахатной или усадебной земли; сколько скота приходится на каждый крестьянскій дворъ и т. п.; попробуйте узнать что нибудь въ этомъ родѣ, и вы на первомъ же шагу должны будете остановиться. Противорѣчивыя данныя разныхъ «трудовъ», «отчетовъ», «раскладовъ» могутъ совсѣмъ васъ сбить съ толку. Ждать, пока у насъ появится правильная регистрація земли или сколько-нибудь порядочно устроенная гипотечная система и вообще пока народится сельско-хозяйственная статистика, было бы, однако, крайне неудобно: жизнь требуетъ немедленнаго отвѣта на выдвинутые ею вопросы, и «исторія, по выраженію знаменитаго защитника общины, не сидитъ на диванѣ». Волей-неволей приходится обращаться къ нынѣшней официальной статистикѣ, рискуя при этомъ не получить отвѣта на многіе вопросы и довольствуясь такъ называемыми средними цифрами, которыя, какъ извѣстно, даютъ только общій приблизительный отвѣтъ на данный вопросъ и вовсе не могутъ объяснить отдѣльных, конкретныхъ случаевъ. Личное наблюденіе могло бы оказать существенную услугу дѣлу изученія народнаго быта вообще и экономической обстановки его въ частности; но извѣстно, какими неблагоприятными условіями оно у насъ обставлено... Въ лучшемъ случаѣ, наблюдателю, если онъ—простой смертный, приходится довольствоваться той мѣстностью, въ которую занесла его судьба, и благо ему, если мѣстность эта оказывается типичной въ какомъ-либо отношеніи. Читатель не долженъ поэтому пенять, если онъ, встрѣтивъ въ настоящемъ этюдѣ данныя, которыя можно было извлечь изъ официальныхъ и иныхъ источниковъ, не найдетъ почти никакихъ результатовъ личнаго наблюденія.

II.

Трудно на первый взглядъ отличить хуторы, слободы и деревни, въ которыхъ живутъ малороссійскіе казаки, отъ другихъ южно-русскихъ поселеній: тѣ же разбросанныя въ живописномъ

беспорядкѣ бѣлыя хаты-мазанки, тѣ же высокія соломенныя крыши, надъ которыми низко нависли густыя вѣтви раскидистыхъ вербъ, тѣ же колоды съ высокими «журавлями». Точно также трудно узнать потомковъ знаменитыхъ «лицарей» въ этихъ усадьбахъ и чубатыхъ поселянахъ, одѣтыхъ большею частью въ холщевые, выпачканные дѣтjemъ шаровары и грязныя, пропитанныя потомъ рубахи; юныя казачки и парубки тоже мало чѣмъ отличаются отъ обыкновенной крестьянской молодѣжи. Произошли извѣстныя историческія событія, и, благодаря имъ, малороссійскіе казаки, мало-по-малу, обратились изъ воиновъ въ мирныхъ хлѣбопашцевъ.

Давно прошло уже то время, когда здѣсь кипѣла самобытная живая и непрестанная военная тревога; быльемъ поросла уже и героическая эпоха Хмельницкаго. Татарингъ и ляхъ давно перестали тревожить южно-русское населеніе; миръ и тишина воцарились на Украинѣ; наступила новая жизнь и возникли новыя интересы. Бывшій воинъ забросилъ свое оружіе и взялся за плугъ; въ его военныхъ услугахъ болѣе не нуждались. Въ 1797 году, вмѣсто обязанности выставять и содержать отъ себя казачье войско, казаки были подчинены рекрутской повинности, правда, съ нѣкоторыми отличіями: первый наборъ (1-го декабря 1797 года) произведенъ былъ по шести человекъ съ тысячи; затѣмъ, въ 1832 г., учрежденъ ежегодный наборъ по пяти съ тысячи, а въ 1842 году приказано было брать по восьми съ тысячи, но наборъ производить разъ въ два года; рекруты получили названіе *солдатовъ*, любовь имъ не брала, срокъ службы былъ пятнадцатилѣтній. Несмотря на эти послѣднія особенности, казакъ, очевидно, пересталъ быть «лицаремъ»; отъ него стали требовать безнедомочнаго взноса податей и налоговъ, а не военныхъ подвиговъ. Жажда кипучей дѣятельности и громкой славы, борьба за общее дѣло, самопожертвованіе, любовь къ свободѣ, все то, что имѣло въ глазахъ казака особенную прелесть и являлось для него идеаломъ, отошло въ область преданій; сѣдоусне дѣды рассказываютъ подчасъ своимъ внукамъ о добромъ старомъ времени, но контрастъ между блестящей казацкой эпопеей и теперешней жизнью такъ великъ, что рассказы дѣдовъ относятся слушателями къ «байкамъ», къ фантастическому міру сказокъ... Прежній воинъ сталъ пахаремъ, и въ глазахъ его получило первенствующее значеніе то, на что онъ прежде смотрѣлъ, какъ на второстепенную вещь, получила значеніе земля. Правда, живя въ хуторахъ и слободахъ, реестровые казаки и прежде посвящали землѣ все свое время, свободное отъ войны и службы; но главные интересы ихъ все-таки были не дома и не въ хатѣ. Теперь центр тяжести ихъ жизни перемѣстился; земледѣльческіе интересы настолько завладѣли вниманіемъ казаковъ, что они почти позабыли свое прошлое и мало чѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ крестьянъ.

Малороссійскіе казаки не были затронуты круціонами пра-

вомъ. Въ то время какъ владѣльческие крестьяне были прирѣшены къ землѣ и къ личности помещика, казаки остались свободными людьми и живѣть съ казенными крестьянами, холопствами и другими некрѣпостными поселенцами были извѣстны подъ общимъ названіемъ государственныхъ крестьянъ. Имъ принадлежали въ обихъ губерніяхъ большія пространства земли, которыми они пользовались, какъ собственники. Было время, именно въ половинѣ XVII вѣка, когда называться реестровымъ казакомъ значило быть собственникомъ извѣстнаго участка земли. Т. Лазаревскій цитируетъ въ своей замѣчательной статьѣ («Малорос. посполитые крестьяне»). Историко-юридическій очеркъ. Въ Зап. Черниговск. губернскаго стат. комитета за 1866 г., кн. I) одинъ актъ, въ которомъ говорится, что послѣ Хмѣльницкаго, «какъ освѣли люди, то *можныи*е пописались въ казани, а *поддѣиіе* остались въ мужикахъ». По мнѣнію этого автора, съ половины XVII столѣтія, въ Малороссіи являются два сословія: «товариство» — казаки, и «посполство» — земледельцы и мѣщане-торговцы; первые должны были защищать родину и получить право на вѣчное владѣніе землею, послѣ того какъ «все акты польскаго владѣнія уничтожены были казацкой саблей» (стр. 5), на вторыхъ лежала вся земская служба. По мнѣнію Бантына-Каменскаго («Исторія Малой Россіи»), Хмѣльницкій, изгнавъ изъ Малороссіи поляковъ, роздалъ казакамъ земли среди значительныхъ владѣній, поступившихъ въ собственное его распоряженіе или принадлежавшихъ шляхетству православнаго исповѣданія. То же самое возвращеніе раздѣляетъ и г. А. Марковичъ («Историч. и статистич. записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществѣхъ Черниговской Губерніи»). Въ Матеріалахъ для статист. Россійской Имперіи, отд. IV, 1840 г., стр. 25), хотя и расходится съ В. Каменскимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что казаки владѣли собственными землями, не подлежитъ сомнѣнію. Хотя до времени Соронадскаго включительно, гетманы и даже полковники имѣли право раздавать имѣнія, но то были имѣнія ранговыя, ратушныя, канцелярскія, магистратскія, монастырскія и войсковыя или свободныя; какъ видно изъ самаго названія ихъ, имѣнія эти назначались или для содержанія отдѣльныхъ учреждений, или членамъ такъ называемой казацкой «старшины» въ видѣ вознагражденія за службу. Казацкія же земли считались неприкосновенной и неотъемлемой собственностью лицъ этого сословія; въ гетманскихъ универсалахъ прямо говорится: «отдаемъ такое-то село, кромѣ казаковъ» (Марковичъ, с. 21). Правда, казацкое сословіе пополнялось иногда выходцами изъ крестьянской среды: поименные списки каждаго поля или «компуть» пробѣрялись каждаго годъ (до ревизіи 1728 года), и, непонятно, что при такихъ пробѣряхъ крестьянину не трудно было попасть въ компуть, если только у него были средства подкупить писца (Лазаревскій). Но, очевидно, что эти, какъ ихъ называли, «новобисские» казаки

изъ крестьянъ были опять таки «можѣйшіе» люди, въ матеріальномъ отношеніи, конечно.

И такъ, казачье сословіе состояло во второй половинѣ XVII вѣка изъ людей, которые владѣли большими или меньшими участками земли и пользовались, по всей вѣроятности, значительнымъ благосостояніемъ. Не будетъ ничего удивительнаго, если окажется, что потомки этихъ «можѣйшихъ» людей, нынѣшніе казаки, пользуются такимъ-же благосостояніемъ, какимъ встарину пользовались ихъ предки. Такъ бы оно и должно было быть.

Въ настоящее время въ обѣихъ губерніяхъ считается около 600 тысячъ душъ казаковъ. Въ Полтавской Губерніи они составляютъ 48,2% всего сельскаго населенія, а въ Черниговской—36%; въ первой губерніи казакамъ принадлежитъ около одного милліона десятинъ земли, во второй—слишкомъ 600 тысячъ десятинъ¹; въ первой на одного казака приходится по 2,2 десятины, во второй—по 3 десятины. Позволительно было, конечно, ожидать, что потомки «можѣйшихъ» людей обладаютъ нѣскольکو большимъ количествомъ земли; но извѣстно, что экономическое благосостояніе зависитъ не отъ одного только размѣра участковъ, а также отъ качества земли и отъ отношенія между ея доходностью и расходами земледѣльца. Относительно качества земель, принадлежащихъ казакомъ, трудно высказать какое-нибудь опредѣленное мнѣніе, такъ какъ для этого не имѣется никакихъ положительныхъ данныхъ. Можно только догадаться, что казакамъ достались земли не низкаго качества: вѣдь когда они получали свои участки, Малороссія не отличалась особенно густымъ населеніемъ. Культура казацкихъ земель, вліяющая также на ихъ доходность, ничѣмъ существенно не разнится отъ культуры крестьянскихъ земель: та же трехпольная система, тѣ же допотопныя орудія, тотъ же недостатокъ удобренія. Поэтому хотя казацкія земли даютъ значительный валовой доходъ, но онъ, вѣроятно, меньше, чѣмъ могъ бы быть при рациональной культурѣ. Если предположить, что у казаковъ обѣихъ губерній совсѣмъ нѣтъ неудобныхъ земель, то валовой доходъ² ихъ отъ

¹ По свѣдѣніямъ за 1872 годъ, приведеннымъ въ Трудахъ податной комиссіи, въ Полтавской Губерніи считается 367,716 душъ казаковъ, а въ Черниговской—208,279 душъ. Примыхъ указаній на то, сколько имъ принадлежитъ земли въ обѣихъ губерніяхъ, нигдѣ не оказалось. Но это можно узнать косвеннымъ путемъ. Вышимъ крѣпостнымъ и казеннымъ крестьянамъ, колонистамъ и евреямъ-земледѣльцамъ Полтавской Губерніи принадлежитъ въ общей сложности 926,744 десятины, а всѣхъ земель податныхъ сельскихъ сословій, по свѣдѣніямъ земства (Тр. Под. Ком. XXII, ч. III), считается въ этой губерніи 1.899,369 десятинъ; очевидно, что казакамъ принадлежитъ 972,625 десятинъ. Въ Черниговской губ. всѣмъ названнымъ группамъ деревенскаго люда, кромѣ казаковъ, принадлежитъ 1.258,276 десятинъ, всей же земли у сельскаго населенія, по земскимъ даннымъ, 1.887,800 десятинъ; казакамъ, слѣдовательно, принадлежитъ 629,024 десятины.

² По трехпольной системѣ ежегодно обрабатывается только двѣ трети всей

земли, при среднемъ урожаѣ, можно считать въ 20 милліонно-рублей ежегодно—цифра, конечно, весьма почтенная; но если распредѣлить ее поровну между всѣми казаками, то на каждаго придется всего по 33 руб. 25 коп. *валового* дохода. Правда, и платежи казаковъ, относительно говоря, не велики. Они не платятъ ни выкупныхъ платежей, подобно бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, ни оброчной подати, подобно государственнымъ; кромѣ поземельнаго государственнаго сбора да мѣстныхъ платежей, ихъ земли не обложены никакими другими налогами, и всѣ платежи казаконъ ложатся на «душу», на трудъ. Въ суммѣ они платятъ¹ нѣсколько меньше двухъ съ половиною милліонно, и на душу приходится всего 4 руб. 29 к. Такимъ образомъ, въ распоряженіи каждаго казака остается, за вычетомъ платежей, всего по 29 рублей валового дохода. Не забудемъ, что тутъ рѣчь идетъ о *ревизскихъ* душахъ, т. е. исключительно о мужскомъ населеніи; на каждую же ревизскую душу, какъ извѣстно, приходится отъ полутора до двухъ душъ неревизскихъ (женщинъ и дѣтей). И такъ, каждая «душа» или каждая коллективная казачья едини-

цацкой земли, т. е. 648,417 десятинъ въ Полтавской Губерніи и 419,849 десятинъ въ Черниговской. По существу, именно въ Полтавской Губерніи сѣвообороту, яровыми хлѣбами засѣвается только $\frac{1}{3}$ обрабатываемой земли, а $\frac{2}{3}$ озимими, рожью и ячменемъ, въ пропорціи 1:2. Въ Черниговской губерніи, по причинѣ географическимъ, сѣвооборотъ нѣсколько иной: половина всей обрабатываемой ежегодно земли засѣвается яровыми хлѣбами и половина—озимими, рожью и пшеницей, въ пропорціи 2:1. Принимая среднія цѣны на хлѣбъ и среднія цифры урожайности хлѣбовъ, приведенныя въ Труд. ком. для изслѣдованія пол. сельскаго хозяйства, получаемъ:

	Полтавская Губернія.			Черниговская Губернія.		
	Кол-во засѣв. десятинъ.	Хлѣбъ въ чет-вертига.	Сумма валов. дохода.	Кол-во засѣв. десятинъ.	Хлѣбъ въ чет-вертига.	Сумма валов. дохода.
Рожь	180,116	945,609	2.916,827 р.	159,782	559,128	1.677,384 р.
Пшеница	360,281	1.801,155	8.105.197 »	69,891	279,564	2.406,076 ».
Ячмень						
ячневосъ	180,069	972,641	1.945,282 »	209,674	1.048,370	2.096,740 *
			Всего: 12.967,806 »			6.180,200 »

¹ Вотъ весь цѣль казачьихъ платежей, вычислений по даннымъ Податной комиссіи (XVII т., ч. III):

	Полтавская губернія	Черниговская губернія
Подушная подать . . .	884,715 р.	472,793 р.
Общественный сборъ . .	76,988 »	58,318 »
Государ. позем. сборъ . .	77,810 »	33,938 »
Государ. подуш. сборъ . .	186,565 »	100,788 »
Земскіе платежи	127,317 »	64,598 »
Мірскіе платежи и натуральная повин.	275,787 »	156,209 »
Всего: 1.579,132 »		885,929 »

на должна на 29 руб. удовлетворять всемъ своимъ потребностямъ—ѣсть, пить, одѣваться, обрабатывать землю и обмѣнѣвать поля. Нужно ли говорить, что это невозможно? Вѣдь взрослому работнику нужно въ годъ для пропитанія 18 пудовъ или двѣ четверти ржаного хлѣба (съ припекомъ—24 пуда или по 2³/₄ фунта въ день), т. е. на деньги—рублей шесть, а коллективной единицѣ или «душѣ» нужно, по крайней мѣрѣ, рублей двѣнадцать. Ну, а сѣмена, а одежда, а кормъ скоту и т. п. мелкія статьи расхода—развѣ все это можно покрыть 17 рублями? Какъ ни мало тратитъ нашъ земледѣлецъ, но читатель, вѣроятно, и безъ выкладки пойметъ, что суммы этой недостаточно.

Овазывается, стало быть, что потомки «можнѣйшихъ» людей должны поголовно бѣдствовать. Но, на самомъ дѣлѣ, мы этого не замѣчаемъ. Въ отчетахъ земскихъ управъ земли казаковъ значатся въ числѣ доходныхъ и о дефицитѣ въ казацкомъ хозяйствѣ совершенно не упоминается. Въ земскихъ собраніяхъ фигурируютъ много гласныхъ изъ казаковъ, а это обстоятельство доказываетъ, что между ними есть люди съ достаткомъ, пользующіеся почетомъ и вліяніемъ въ сельскихъ обществахъ. Въ любомъ казацкомъ селеніи можно встрѣтить помѣстительныя хаты, съ окнами въ шесть стеколъ, въ которыхъ примыкаютъ фруктовые сады, обширные огороды, крытыя соломой риги и другія хозяйственные постройки. Доказательствъ зажиточности казаковъ существуетъ довольно много. Но, съ другой стороны, контрастъ между достаткомъ и бѣдностью гораздо сильнѣе въ казацкихъ селеніяхъ, чѣмъ въ любой крестьянской деревнѣ, гдѣ нивелирующая сила нужды наложила свой отпечатокъ на всю обстановку. Рядомъ съ помѣстительными хатами здѣсь можно увидѣть одинокія хатки на курьихъ ножкахъ, безъ всякихъ хозяйственныхъ пристроекъ, безъ плетня, даже безъ «присѣбы» (заваленки), съ обшпанянными и прогнившими крышами. И что всего знаменательнѣе, послѣдняго рода построекъ тутъ гораздо больше: изъ тридцати дворовъ вы, пожалуй, не насчитаете и восьми «хозяйскихъ» помѣщеній. И въ одеждѣ, и въ пищѣ, словомъ—во всей внѣшней обстановкѣ казаковъ, можно замѣтить тотъ же рѣзкій контрастъ. Богатство и бѣдность, горе и радость распределены, повидимому, далеко не равномерно въ казацкой средѣ. Казаки не только изъ воиновъ обратились въ земледѣльцевъ, но они еще раздѣлились на двѣ группы, отличающіяся одна отъ другой по своему экономическому положенію. Обстоятельство это объясняется не тѣми или другими внѣшними событіями, а только аграрной организаціей Малороссіи, тѣми отношеніями къ землѣ, которыя установились здѣсь съ давнихъ поръ.

III.

У насъ нѣтъ еще пока прямыхъ указаній на то, что въ Малороссіи нѣкогда существовало общинное землевладѣніе. Но по

аналогіи необходимо допустить, что и у переселившихся сюда славянъ существовалъ тотъ порядокъ вещей, когда поля, лѣса, луга и воды принадлежатъ всей общинѣ въ полной совокупности, и каждый членъ ея можетъ получить въ пользованіе каково-нибудь участокъ, смотря по желанію и способностямъ. Этотъ способъ владѣнія, какъ теперь доказано, практиковался у всѣхъ народовъ въ началѣ ихъ исторической жизни, но мало по малу исчезалъ вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Уничтоженіе это происходитъ постепенно; колесо исторіи вертится съ неудержимой силой, зацѣпляя то тотъ, то другой предметъ общинной собственности и разбивая его на мелкія части между членами общины. Сначала исключаются изъ общиннаго имущества усадьбы, становясь достояніемъ отдѣльныхъ семействъ и лицъ; потомъ наступаетъ очередь полей, которыя раздѣляются обыкновенно на подворные участки; затѣмъ слѣдуютъ рѣки и озера, которыя становятся собственностью владѣтелей береговъ, а, наконецъ, лѣса и луга, которые тоже переходятъ къ собственникамъ почвы. Исторія застаётъ Малороссію именно въ тотъ моментъ, когда усадьбы—хуторы и хаты—принадлежатъ уже отдѣльнымъ личностямъ, между тѣмъ какъ луга, выгоны, лѣса и рѣки съ озерами принадлежатъ еще всей общинѣ. Существовало ли въ это время въ Малороссіи общинное землевладѣніе, неизвѣстно; но если оно и имѣло тогда мѣсто, то все-таки не могло сохраниться послѣдствіемъ. Княжескія усобицы и раздоры долго свирѣпствовали внутри страны, въ то время, какъ ее постоянно тревожили своими набѣгами разныя авары, печенѣги и половцы; потомъ произошелъ татарскій погромъ, а тамъ началась борьба съ Литвою, поляками и крымскими татарами. Только во второй половинѣ прошлаго столѣтія прекратились, наконецъ, эти военныя тревоги, продолжавшіяся, такимъ образомъ, цѣлыхъ девять вѣковъ. Южно-русское населеніе не имѣло, слѣдовательно, возможности мирно усѣсться на своей землѣ и развить или даже только сохранить всѣ стороны своего быта. Еще Владиміръ Мономахъ указалъ на то, что смерду невозможно было спокойно заниматься земледѣліемъ, потому что могъ прийти половчанинъ, убить смерда, а коня взять себѣ. Жизнь должна была здѣсь получить подвижной, бивуачный характеръ. Жители сложились не большими селами и деревнями, а отдѣльными хуторами и маленькими поселеніями. Жилища строились на своруду руку. Это были шалаши, обмазанные глиною (мазанки), разбросанные въ живописномъ безпорядкѣ гдѣ-нибудь за холмомъ, возлѣ рѣчки. При появленіи непріятеля старшія мѣста покидались, и жители расходились въ разныя стороны. Бората прирѣда, раздольныя степи и рѣдкое населеніе давали возможность не дорожить старыми мѣстами и захватывать новыя земли. Каждый могъ отгородить около своего хутора участокъ земли, который владѣлъ, пока хотѣлъ или пока дозволяли обстоятельства. Посемельная собственность произошла здѣсь путемъ захвата

чиному непринадлежавших земель; этот акт захвата народъ называлъ «займанщиною» и, по свидѣтельству г. Лазаревского, еще въ прошломъ столѣтѣ сохранился на него въ доказательство своего права собственности. Это постоянное передвиженіе населенія имѣло своимъ послѣдствіемъ колонизацію обширныхъ украинскихъ степей, и, благодаря ему, совершилось, по словамъ того же автора, постепенное заселеніе Полтавщины, какъ называли прежде нынѣшнюю Полтавскую Губернію. Но эта невольная подвижность населенія дала еще другое послѣдствіе; она отразилась на родовомъ союзѣ, на семьѣ. Члены южно-русской семьи, съ наступленіемъ періода возмужалости, выдѣлялись изъ нея и образовывали новыя семьи, которыя, подъ вліяніемъ тѣхъ же тревожныхъ условій, разбѣгались затѣмъ по обширнымъ равнинамъ Украины. Съ появленіемъ казачества составъ семьи долженъ былъ уменьшиться еще болѣе. По мнѣнію г. Тарновскаго («Юридическій бытъ Малороссіи», въ «Юр. Зап.» Рѣдкіна, II, 37), «въ казацкомъ быту кроется эта слабость родоваго союза. Молодые люди толпами отправлялись на Запорожье, оставляли семейства свои, отыскивали отъ нихъ среди битвъ и разгульной жизни; потомъ, отдохнувъ отъ подвиговъ, селились гдѣ-нибудь на хуторѣ среди необозримыхъ степей и основывали независимыя семейства; такихъ семействъ независимыхъ было много, а на остальные имѣла также вліяніе эта запорожская жизнь». Благодаря этимъ двумъ условіямъ, тревожнымъ политическимъ обстоятельствамъ и казачеству, семья не могла здѣсь развиваться, на подобіе многочисленной великорусской семьи, въ родовую или семейную артель. Взрослые молодые люди обыкновенно оставляли родную кровь, и дома оставались только подростки. Неудивительно поэтому, что между родителями и взрослыми или женатыми сыновьями не замѣчалось тѣхъ патриархальныхъ отношеній, которыя господствовали въ великорусскихъ семьяхъ, гдѣ всѣ домашніе обязаны были пассивной покорностью по отношенію къ главѣ семейства, къ «большаку». Пронигрывая въ количественномъ и, пожалуй, въ экономическомъ отношеніи, семья выигрывала въ нравственномъ: сознаніе своей самостоятельности, своего достоинства, своего «я» развивалось въ отдѣльной личности довольно сильно. Стремленіе отдѣльныхъ членовъ семьи выдѣляться изъ нея и занять самостоятельную жизнь осталось вѣстоимлемымъ свойствомъ южно-русской семьи даже и тогда, когда все успокоилось и осѣлось въ Малороссіи. Вотъ что говорить объ этомъ предметѣ г. Тарновскій въ одномъ изъ своихъ любимѣйшихъ изслѣдованій: «Въ Малороссіи не только дворянскіе братья и дальніе родственники не сохранили хозяйственнаго единства, но даже женатый сынъ обыкновенно отдѣляется отъ отца, строитъ особую избу и заводитъ особое хозяйство. Два женатые брата не уживаются вмѣстѣ... Даже братья, принужденные жить подъ одною кровлею, имѣютъ не только отдѣльную собственность, но даже отдѣльный столъ въ разныхъ углахъ од-

ной жизни. Случается даже, что женатый сын, живущий вмѣстѣ съ отцомъ, заводитъ отдѣльную собственность отъ семейства отца своего» («О дѣлности семействъ въ Малороссіи», «Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1854, V, 79—81).

При такомъ характерѣ южно-русской семьи, «займанщина» или окупация новыхъ земель должна была производиться не общинами, а незначительными по числу своимъ членамъ семьями или даже отдѣльными лицами. Люди, случайно сошедшіеся на новыхъ мѣстахъ, находясь постоянно подъ страхомъ какой-нибудь военной грозы, заботились каждый о захваченномъ имъ участкѣ и не имѣли никакого основанія заботиться о сохраненіи той аграрной организаціи, которая, по всей вѣроятности, существовала у нихъ дома. Съ другой стороны, разбѣженное населеніе, оставшееся на старыхъ мѣстахъ, тоже не имѣло никакихъ побудительныхъ причинъ владѣть землями на общинныхъ началахъ. Хорошей и плодородной земли было много, населеніе было рѣдкое, время постоянно стояло тревожное, военное, и каждый увлекалъ изъ своего участка земли все, что можно было извлечь, не заботясь о другихъ и мало по малу забывая объ исконной системѣ землевладѣнія.

Вмѣсто древняго способа владѣнія землею, съ теченіемъ времени, сложилась новая аграрная система. Участокъ земли, которымъ владѣлъ каждый домохозяинъ, сталъ такимъ же предметомъ личной собственности, какъ усадьба или движимое имущество. Послѣ смерти владѣльца, земля вмѣстѣ съ прочимъ семейнымъ имуществомъ переходила къ наследникамъ. Какими правилами руководствуется обыкновенно южно-русское населеніе при дѣленіи наследства, читатель можетъ узнать изъ замѣчательнаго изслѣдованія г. Чубинскаго («Очеркъ народныхъ юрид. обычаевъ и понятій въ Малороссіи»). Въ «Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр.» 1869, II, 679—715), гдѣ собранъ довольно полный кодексъ обычаевъ по этому предмету. Сравнивая правила, которымъ слѣдуетъ теперь народъ при дѣленіи наследства, съ постановленіями «Русской Правды» объ этомъ предметѣ, г. Чубинскій приходитъ къ заключенію, что съ XI вѣка возвращеніе народныя на наследство не перемѣнились. Замѣтимъ мимоходомъ, что «Русская Правда» есть по преимуществу сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ; она много говоритъ о судьбѣ движимаго имущества и усадьбы на случай смерти владѣльца, но обходитъ молчаніемъ вопросъ о поземельной собственности. Этотъ пробѣлъ можетъ, кажется, служить косвеннымъ указаніемъ на то, что въ XI вѣкѣ земля еще не была предметомъ частной собственности, иными словами, что она тогда находилась въ общинномъ владѣніи. Какъ бы те ни было, но съ теченіемъ времени земельный участокъ каждаго владѣльца сталъ дѣлиться по ровну между наследниками-сыновьями. Дочери обыкновенно получаютъ приданое изъ движимаго, а все остальное имущество, значить и земля, дѣлится поровну между сыновьями. Глава ес-

мейства считает совершенно несправедливымъ «обидѣть» кого-либо изъ своихъ сыновей, дать ему меньшую часть, чѣмъ другимъ. Родительскій гнѣвъ можетъ покарать только непокорнаго сына, который, какъ говорить народъ, «не шанувалъ» своего отца, и такой сынъ оставляется иногда безъ всякаго наслѣдства; всѣ же другіе сыновья одинаково дороги отцовскому сердцу—и получаютъ потому равныя доли изъ наслѣдственнаго имущества. «Идеаль каждый хозяина, по замѣчанію одного землевладѣльца (Тр. ком. для изв. с. х., VI ч., I отд., 251), состоитъ въ томъ, чтобы при жизни своей подѣлить дѣтей». Но если онъ умеръ, не осуществивши этого идеала, то имущество его все таки раздѣлится поровну между сыновьями: таковъ ужъ обычай. Какіе практическіе результаты получаются благодаря этой системѣ равномѣрнаго наслѣдованія, можно видѣть на слѣдующемъ гипотетическомъ примѣрѣ. Предположимъ, что у какой-нибудь семьи имѣется участокъ въ шесть десятинъ; семья состоитъ изъ трехъ человекъ: отца семейства и двухъ взрослыхъ сыновей. Умеръ отецъ; у cadaго сына по три десятины земли; хозяйство сократилось на половину. Если у cadaго изъ этихъ двухъ новыхъ хозяевъ тоже по два сына, а такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, то, очевидно, сыновьямъ этимъ достается уже по полутора десятинъ. Если предположимъ размноженіе въ этомъ порядкѣ, то правнуки нашего домохозяина будутъ уже имѣть по три четверти десятины, т. е. по такому клочку земли, доходомъ съ котораго жить совершенно невозможно. Клочекъ этотъ непременно приходится сбыть съ рукъ или же сдать въ аренду, а то и просто перестать его обрабатывать: при трехпольной системѣ, овчинка не стоитъ выдѣлки, и земля только стѣсняетъ собственника, не давая ему возможности заняться другимъ промысломъ. Такимъ образомъ, при системѣ равномѣрнаго наслѣдованія участки земли должны все болѣе и болѣе мельчать и культура ихъ, по мѣрѣ раздробленія, должна ухудшаться, такъ какъ у собственника становится каждый разъ все меньше скота и вообще орудій производства. «Одно изъ неблагоприятныхъ условій для здѣшняго хозяйства, замѣчаетъ г. Чубинскій («Основа», 1861, X, 132):—условіе, лежащее въ самомъ характерѣ народа, это раздробленность семействъ, слѣдовательно, раздробленность хозяйственныхъ силъ, какъ вещественныхъ, такъ и личныхъ». Клочки земли начинаютъ поэтому продаваться и концентрируются въ рукахъ какаго-нибудь хозяина, которому случайно удалось остаться единственнымъ наслѣдникомъ зажиточнаго отца. Подобно магниту, онъ притягиваетъ къ себѣ мелкіе клочки земли, и съ каждымъ новымъ приобрѣтеніемъ притягательная его сила все возрастаетъ. Конечно, и его имущество должно раздробиться, по южно-русскому обычаю, между наслѣдниками, между его сыновьями и внуками: но, во-первыхъ, земля значительныхъ размѣровъ не будетъ такъ скоро раздроблена на клочки, совершенно негодные къ обработкѣ, а

во-вторыхъ, размѣры этой земли могутъ быть опять увеличены прикупною мелкою ключевъ.

И такъ, благодаря своеобразнымъ историческимъ условиямъ. мы въ Малороссіи встрѣчаемъ систему личнаго землевладѣнія и равногнрнаго наслѣдованія, вмѣсто общинныхъ аграрныхъ порядковъ—встрѣчаемъ незначительную, по числу своихъ членовъ семью, вмѣсто многочисленной семьи-артела. Обычаи, священные вѣками, свято сохраняются и чтутся населеніемъ, и понятно, что малороссійскіе казаки не составляли и не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Какъ мы видѣли, въ половинѣ XVII столѣтія они были поземельными собственниками и, дѣйствительно, составляли «могнѣйшую» часть населенія. Они довольно долгое время совершенно свободно располагали своими землями: продавали ихъ другъ другу, или лицамъ другой сословіи—формально и навсегда или только на время, «поки хотя», какъ тогда говорили (Марковичъ),—закладывали свои участки, дробили ихъ между своими наслѣдниками, и т. д. Слово сказать, казаки всевозможными способами продавали и осущестляли свои права на землю, какъ собственники. Пока казаки сохраняли значеніе военного сословія, ни начальники ихъ, владѣніе «ранговыми» мѣрами, ни другіе землевладѣльцы не рѣшались, какъ мы видѣли, отнимать у нихъ земли и вообще вторгаться въ ихъ права. Но «когда малороссійская старшина убѣдилась, говорить г. Лазаревскій (ibid, 13—14):—что казачество, какъ сословіе вонновъ, со дня на день стало терять свое значеніе, вслѣдствіе измѣнившихся историческихъ условий, тогда она начала сильнымъ образомъ эксплуатировать силы этого сословія, вербуя членовъ его разными неправдами въ «подданство» и захватывая его земли только по праву сильного». Эти захваты казачьихъ земель приняла уже въ началѣ XVII вѣка такіе размѣры, что казачамъ, какъ полагаютъ г. Лазаревскій, «грозила участь, одинаковая съ малороссійскимъ крестьянствомъ», т. е. обезземеленіе и, пожалуй, закрѣпощеніе. Нѣкоторые кѣры русской администраціи послужили для казаковъ поддержкой въ этой трудной борьбѣ съ землевладѣльцами и «старшиной». Ревнзія 1728 года и указъ 8-го января 1789 года, запретившіі казачамъ продавать свои земли, явились какъ нельзя болѣе кстати и положили конецъ развязному отношенію мѣстныхъ землевладѣльцевъ къ казачьимъ землямъ. Запрещеніе это, кажется, продолжалось до закона 1892 года, когда казачамъ опять была разрѣшена продажа земель, но не иначе, какъ *съ средою своего сословія*, да и то только въ случаѣ чрезвычайнаго владѣнія, и въ размѣрѣ, не превышающемъ *трехъ десятковъ*. Этими мѣрами казачья земля застрахована была не только отъ насильственнаго захвата, но и отъ вольной продажи. Мобилизація поземельной собственности могла de jure происходить въ казачьей средѣ только двумя путями: во-первыхъ, посредствомъ на-

слѣдованія и, во-вторыхъ, начиная съ 1832 года, посредствомъ продажи мелкихъ участковъ другъ другу.

Впрочемъ, серьезное значеніе могли имѣть только мѣры, положившія предѣлы хищничеству «старшины». Что же касается закона 1832 года, то онъ въ сущности только формулировалъ тѣ явленія, которыя не могли не происходить въ жизни и до него. Покупщикомъ земли являлся и прежде, большею частью, свой же братъ-казакъ. Хотя крѣпостное время не было санкционировано закономъ до 1783 года, но владѣльческими врестьянамъ и въ прошломъ столѣтіи было не до покупки; а для помещиковъ приобрѣтеніе участковъ казацкой земли, обыкновенно мелкихъ и череполосныхъ, не могло представлять особенной выгоды. Законъ, о которомъ идетъ рѣчь, вычеркнулъ, слѣдовательно, только *возможность* конкурентовъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, понизилъ цѣну казацкой земли. Г. Чубинскій, констатирующий этотъ фактъ («Основа» 1861, X), сообщаетъ, между прочимъ, что, при закладѣ земли, землевладѣлецъ-казакъ «пользовался двойнымъ количествомъ земли противъ данной суммы; должникъ лишался пользованія землею и возможности уплатить, отчего земля дѣлалась собственностью землевладѣльца». Въ этомъ заключалось значеніе закона 1832 года. Продажа же земли и, именно, мелкими участками совершалась *de facto* и до него, потому что законъ 1739 года совсѣмъ не соблюдался. Это видно изъ тѣхъ мотивовъ, которыми обуславливалась и обуславливается подобнаго рода продажа, мотивовъ, имѣющихъ своимъ основаніемъ систему личнаго землевладѣнія.

При принципѣ равномѣрнаго наслѣдованія, внутри каждаго семейства не совершается того акта несправедливости по отношенію къ старшимъ или младшимъ дѣтамъ, который неизбежно совершается при миноратѣ или майоратѣ: весь приростъ населенія, который составляетъ для казаковъ, по крайней мѣрѣ, 1% въ годъ¹, не остается безземельнымъ. Но въ то время, какъ участки дѣлятся на равныя части между наслѣдниками, всѣ вообще семьи вовсе не состоятъ изъ равнаго числа членовъ, и дальнѣйшее размноженіе ихъ тоже идетъ неравномѣрно; участки, которые получаютъ наслѣдники различныхъ семей, поэтому неравны между собою. Нѣкоторые участки, какъ видно было на приведенномъ выше гипотетическомъ примѣрѣ, должны съ теченіемъ времени мельчать все больше и больше, пока не

¹ По свѣдѣніямъ г. Арандаренко («Записки о Полтавской губерніи», 1848—1852 г., 3 тома), которому, какъ официальному лицу, были доступны мѣстные архивы, въ 1764 году считалось въ Полтавской губерніи 177,508 душъ казаковъ. Въ 1872 году въ этой губерніи, какъ мы видѣли, было уже 367,716 душъ; за 108 лѣтъ казацкое населеніе возрасло на 190,208 душъ. Приростъ населенія составляетъ, слѣдовательно, 1,761 человекъ или 1% въ годъ; удвоеніе населенія происходитъ въ 100 лѣтъ. За неимѣніемъ другихъ данныхъ, приходится довольствоваться и этими.

достигнуть того предѣла, когда обработка ихъ, въ особенности по трехпольной системѣ, становится совершенно невыгодной. Начинается продажа участковъ, и мотивомъ ея служитъ невозможность обработки раздробленной до крайности земли. Между тѣмъ, потомки другихъ семействъ, размноженіе которыхъ шло медленно, обладаютъ еще участками болѣе значительныхъ размѣровъ и имѣютъ, вслѣдствіе этого, возможность приобрести у своихъ малоземельныхъ сосѣдей ихъ клочки земли покупкою или другимъ путемъ. Въ результатѣ оказывается, что нѣкоторые собственники освобождаются отъ земли, которая ихъ только стѣснила, и поступаютъ въ ряды «вольныхъ» рабочихъ. Другіе собственники, болѣе излюбленные судьбою, скупаютъ земли и занимаютъ этихъ рабочихъ, которымъ иногда приходится трудиться въ качествѣ наймниковъ надъ землею, нѣкогда принадлежавшею имъ самимъ или ихъ предкамъ. Этимъ, однако, дѣло еще не кончается. Населеніе продолжаетъ размножаться и участки все болѣе раздробляются. Хотя дробленіе земли происходитъ уже теперь между потомками меньшаго числа семействъ, чѣмъ прежде, однако, оно въ послѣдствіи даетъ тѣ же результаты: обезземеленіе новой части населенія и сосредоточеніе всей земли въ рукахъ еще меньшаго числа людей. Обычай равномернаго наследованія не падаетъ, слѣдовательно, и людей зажиточныхъ. Въ Васильевской волости, Полтавскаго уѣзда, я зналъ одного зажиточнаго казака, семидесятилѣтняго старца, который получалъ въ наследство всего восемь десятинъ, но довелъ свой участокъ, благодаря постоянной прикупкѣ по мелочамъ, до тридцати десятинъ. Участокъ этотъ онъ раздѣлилъ между своими пятью сыновьями, конечно, по-ровну. Младшій сынъ, еще неженатый, остался жить вмѣстѣ со старикомъ-отцомъ; остальные сыновья, получивъ по шести десятинъ каждый, построили себѣ новыя хаты и стали хозяйничать самостоятельно. Мотивъ, побудившій этого казака раздѣлить землю между своими сыновьями еще при жизни, былъ тотъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ неизбѣжныхъ при раздѣлѣ споровъ и ссоръ. «Жить мнѣ остается не долго, разсуждалъ онъ:—послѣ моей смерти землю они все равно подѣлятъ,—такъ лучше сдѣлать это теперь, полюбовно». Четыре старшіе сына женаты; у нихъ есть дѣти, между которыми неизбѣжно раздробятся шести-десятинные участки ихъ отцовъ. У внуковъ нашего зажиточнаго казака, очевидно, будетъ уже очень мало земли, а нѣкоторые правнуки, пожалуй, вынуждены будутъ «освободиться» отъ своихъ чересчуръ мелкихъ участковъ. Въ конечномъ результатѣ иногда получается, что земля, принадлежавшая нѣкогда цѣлой казацкой деревнѣ, сосредоточивается въ рукахъ одной линіи какаго-нибудь рода, которая, съ теченіемъ времени, извергаетъ изъ среды своей новыхъ безземельныхъ отщепенцевъ: но понятно, что тѣмъ казакамъ, которые еще раньше «освободились» отъ своихъ земель, нисколько не легче отъ этого. Ихъ судьба уже рѣшена: за одно

съ волами они вынуждены работать на тѣхъ немногихъ счастливецѣхъ, которымъ обладаніе землею доставляетъ и досугъ, и житейскія радости, на которыхъ, какъ говоритъ народъ, «и гроши робать, и люди робать».

Такимъ образомъ, благодаря равномерному наслѣдованію и приросту населенія, казаки—если не легально, то фактически—должны были продавать свои земли въ прошломъ столѣтіи, какъ продаютъ ихъ и теперь. Еслибы у насъ существовали статистическія данныя о мобилизаціи поземельной собственности, принадлежащей сельскому населенію, то казачкія земли, замкнутыя своеобразными условіями и силою закона въ средѣ одного сословія, могли бы представить любопытнѣйшій примѣръ для провѣрки того экономическаго закона, что при личномъ землевладѣніи идетъ съ одной стороны дробленіе или пульверизація земли, въ то время, какъ съ другой—совершается концентрація ея въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа зажиточныхъ людей. Но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ по этому важному вопросу. Всѣ имущественныя сдѣлки по поводу земли, въ родѣ продажи, заклада, дѣлежа между наслѣдниками, совершаются у казаковъ, какъ и у другихъ сельскихъ жителей, не формальнымъ, а обычнымъ порядкомъ и, притомъ, словесно. Дѣла эти устриваются обыкновенно тихо и безъ шума, и мы узнаемъ о нихъ случайно. Недостатокъ точныхъ и прямыхъ данныхъ можно восполнить, конечно, только отчасти, косвенными и случайными свѣдѣніями, которыя рисуютъ намъ приблизительно вѣрную картину современнаго положенія аграрнаго дѣла у казаковъ.

Одинъ земледѣлецъ Полтавской Губерніи, какъ видно изъ всѣхъ его отвѣтовъ, весьма близко знакомый съ мѣстными условіями, сообщаетъ слѣдующее: «Всего въ обѣихъ губерніяхъ живетъ до шести сотъ тысячъ казаковъ съ двумя почти милліонами десятинъ земли. Несмотря на эту численность, только *третья часть* казаковъ можетъ быть названа земледѣльческой; остальные *две трети* не только не имѣютъ земли, но, можно сказать, находятся въ нищенскомъ положеніи... Въ Кременчугскомъ, на примѣръ, уѣздѣ, гдѣ считается 72 тысячи казаковъ, трудно найти работника между казаками, потому что *немногіе* казаки находятся почти *въ кабалѣ* у имущихъ. Первые живутъ у послѣднихъ, какъ работники, за долги или просто изъ бѣдности, пока работой своей не расквитаются съ долгомъ или не заработаютъ столько, чтобы быть въ состояніи трудиться самостоятельно; они называются подсосѣдками и суть нѣчто подобное германскимъ кнехтамъ» («Тр. ком. для изслѣд. сельск. хоз.», VI, отд. II, 77). Это сообщеніе желательно было бы провѣрить; хотѣлось бы, чтобы дѣйствительность была менѣе ужасна: вѣдь страшно подумать, что почти 400 тысячъ душъ, 66% казачкаго населенія, мало-по-малу лишились всего имущества, упали на самую низкую ступень общественной лѣстницы, стали пролетаріями и вынуждены рабо-

тать на 200 тысячъ счастливцевъ. Но никакихъ точныхъ данныхъ для проверки у насъ нѣтъ. Сопоставля то, что мы сейчасъ узнали, съ другими отрывочными свѣдѣніями, можно убѣдиться, что сообщеніе полтавскаго землевладѣльца, къ несчастью, подтверждается. Оказывается, что «есть казаки, которые имѣютъ отъ 200 до 300 десятинъ земли», что «въ среднемъ выводѣ, у зажиточныхъ казаковъ слѣдуетъ считать отъ 20-ти до 50-ти десятинъ на владѣльца» (ibid., 78). Если читатель припомнить, что у казаковъ обѣихъ губерній приходится теперь среднимъ числомъ около трехъ десятинъ на душу, то онъ увидитъ, что для появленія одного обладателя 300 десятинъ сто душъ должны были остаться безъ земли. А что такихъ зажиточныхъ людей вовсе не мало, доказываетъ малочисленность казачьихъ дворовъ сравнительно съ землею: по свѣдѣніямъ черниговской губернской земской управы («Тр. податн. ком.», XXII, ч. III), у казаковъ приходится на одинъ дворъ отъ 5 до 12½ десятинъ, тогда какъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на одинъ дворъ приходится отъ 2½ до 4¾ десятины; между тѣмъ, въ этой губерніи на одну крестьянскую душу приходится больше земли (3,3 десятины надѣла), чѣмъ на одну казацкую (3 десятины). Значитъ, казачіе дворы населены тѣснѣе крестьянскихъ. Предполагать, что это происходитъ вслѣдствіе рѣдкихъ семейныхъ раздѣловъ—неосновательно: и казаки, и крестьяне живутъ въ одинаковыхъ бытовыхъ условіяхъ, и обычай имѣютъ для нихъ одинаковую обязательную силу. Относительная малочисленность казачьихъ дворовъ и большая ихъ населенность объясняются исключительно тѣмъ, что многие казаки не имѣютъ собственныхъ домовъ и вынуждены жить въ качествѣ батраковъ или «подосѣдковъ» у зажиточныхъ людей. Справедливость этого заключенія подтверждается словами другого землевладѣльца, который прямо заявляетъ, что большая часть казаковъ Черниговской Губерніи малоземельна («Тр. ком. для изслѣд. сельск. хоз.», VI, отд. II, 16). Въ одной корреспонденціи («Одесск. Вѣстн.», мартъ, 1877 г.) сообщается, что въ Полтавской Губерніи безземельныхъ людей «уже достаточно изъ казаковъ».

Итакъ, мы должны принять, что положеніе казаковъ таково, какимъ рисуетъ его цитированный выше земледѣлецъ Полтавской Губерніи. *Se non è vero, è bene trovato*; если мы и не нашли точнаго числа безземельныхъ казаковъ, то врядъ ли грѣшимъ противъ истины, полагая, что число это составляетъ 66% населенія, т. е. около 400 тысячъ ревизскихъ душъ. Главной, и даже единственной причиной появленія такой громадной арміи пролетаріевъ нужно считать систему личнаго землевладѣнія и разномѣрнаго наслѣдованія. Всѣ другія событія, имѣвшія мѣсто въ жизни малороссійскихъ казаковъ, носили исключительный и случайный характеръ, и дѣйствіе ихъ было непродолжительное. Благодаря хищничеству «старшины» и землевладѣльцевъ, образовался, вѣроятно, разрядъ малоземельныхъ или даже безземель-

ныхъ казаковъ; но разрядъ этотъ не могъ, однако, быть особенно значительнымъ, такъ какъ дѣятельность «старшины» въ этомъ направленіи продолжалась не долго, и продажа казацкихъ земель была запрещена уже во второй четверти прошлаго столѣтія. Да къ тому же земли, присвоенныя себѣ «старшиною» или купленныя потомъ помѣщиками у казаковъ, остались въ рукахъ лицъ другого сословія. Стало-быть, фактъ непродолжительнаго хищничества «старшины» не можетъ служить объясненіемъ того распредѣленія земель между членами казацкаго сословія, которое мы замѣчаемъ въ настоящее время. Такія явленія, какъ голодъ, содѣйствовали, конечно, въ свою очередь образованію пролетаріата. Въ Полтавскомъ Уѣздѣ мнѣ рассказывали, что дѣтъ семьдесятъ тому назадъ былъ въ тѣхъ мѣстахъ голодъ, какого ни до того, ни послѣ того не бывало. Людямъ зажиточнымъ бѣдствіе народное пошло въ прокъ: за мѣрку хлѣба отдавали по цѣлой десятинѣ земли; въ средѣ мѣстнаго казачества появилось нѣсколько человѣкъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ столь большія пространства земли, что, по словамъ старика рассказчика, ея у нихъ «собаки не грызутъ». Но понятно, что голодъ былъ въ данномъ случаѣ только благоприятнымъ условіемъ, а не основною причиною. Голодъ отражается губельно, главнымъ образомъ, на маленькихъ людяхъ, на малоземельныхъ; а малоземельность есть та ступень, черезъ которую проходитъ, при системѣ личнаго землевладѣнія, всякій казакъ прежде, чѣмъ становится пролетаріемъ. Такимъ образомъ, основною причиною появленія и постояннаго возрастанія безземельной арміи въ средѣ казаковъ необходимо считать именно ихъ систему землевладѣнія.

Нѣтъ сомнѣнія, что процессъ обезземеливанія шелъ бы себѣ полнымъ ходомъ и давалъ бы свои печальные результаты даже безъ всякаго посторонняго содѣйствія. Но для него существуетъ постоянное и благоприятное условіе, въ видѣ нашей податной системы. Казаки, какъ было выше указано, весьма мало платятъ за свои земли¹; всѣ платежи и повинности ложатся, главнымъ образомъ, на душу. Несмотря на такой характеръ казацкихъ платежей, увеличеніе количества сборовъ и повинностей шло параллельно съ возрастаніемъ числа безземельныхъ казаковъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія съ казаковъ взимались провіантъ и фуражъ, пчелиная и табачная десятина, да половина дохода съ казацкихъ мельницъ; графъ Румянцевъ замѣнилъ, въ 1765 г., сборъ провіанта и фуража сборомъ по одному рублю съ каждой хаты (Марковичъ). Къ концу прошлаго столѣтія, въ 1797 г., одновременно съ введеніемъ рекрутской повинности, казаки уже были обложены подушной и оброчной податью, а за право свободнаго винокуренія они должны были платить по 55 коп. съ

¹ Въ Полтавской Губерніи платежи эти составляютъ 12,0% общей суммѣ казацкихъ платежей, а въ Черниговской—всего 11,02%.

души; впрочемъ, оброчная подать, взимавшаяся, конечно, съ земли, была снята съ нихъ въ 1832 году. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія платежи казаковъ представляются уже въ слѣдующемъ видѣ: подушной подати они платили по 1 руб. 45 коп. съ души, земской повинности — по 30½ коп., общественного сбора — по 62 коп. и за право свободной продажи вина — по 55 коп. (Арандаренко). Въ настоящее время подушная подать возросла уже до 3-хъ руб. съ души¹, и такъ какъ ревизія была давно, то многимъ приходится платить за «мертвыхъ души»: я зналъ одного малоземельнаго казака, платившаго за пять душъ, изъ которыхъ было уже три мертвыхъ. Пока происходило это постепенное возрастаніе податей и сборовъ, число безземельныхъ казаковъ должно было все увеличиваться, благодаря приросту населенія и равномерному наслѣдованію. Теперь казачье общество каждаго селенія связано, конечно, круговою порукою и представляетъ собою, въ фискальномъ отношеніи, одну податную единицу; накоплять недоимки, какъ извѣстно, крайне неудобно — и вотъ, во избѣжаніе экзекуцій, дѣло происходитъ обыкновенно такъ, что зажиточные казаки вносятъ подати за своихъ малоземельныхъ и безземельныхъ сочленовъ, а эти послѣдніе вынуждены потомъ «отрабатывать» за обязанное имъ благодѣаніе. Отсюда происходитъ, что «неимущіе, какъ говоритъ полтавскій землевладѣлецъ, находится почти въ кабаль у имущихъ». Извѣстно, какъ вообще опасно брать взаимны въ счетъ будущаго труда; для земледѣльца же подобнаго рода заемъ почти всегда бываетъ раззорителенъ: «отрабатывать» приходится въ самую горячую страдную пору, собственный хлѣбъ переставается на паши, и колосья начинаютъ высыпаться. При такихъ условіяхъ, обработка участка, измелъчавшаго благодаря безирестаннымъ дѣлѣжамъ, становится окончательно невыгодной — и участки продается тѣмъ же зажиточнымъ казакамъ. Такъ отражается наша податная система на малоземельныхъ членахъ казачьяго сословія. Безземельные же казаки принуждены работать на богатыхъ, «пока работой своей не расквитаются съ долгомъ», а это, само собой разумѣется, происходитъ скоро. Нечего поэтому удивляться, что народъ, по словамъ г. Чубинскаго («Основа», 1861, X), «не любитъ богатыхъ казаковъ больше, нежели пановъ — особенно скоро нажившихся». — О неудобствахъ нынѣшней податной системы много было говорено въ литературѣ, и тутъ нѣтъ надобности распространяться объ этомъ предметѣ. Принимая за единицу обложенія не чистый доходъ съ имущества, а трудовую силу, «душу», она, въ экономическомъ отношеніи, ведетъ къ раззоренію работника. Что же касается нравственной стороны этой системы, то среда, о которой идетъ рѣчь, представляетъ такого рода явленіе: собственныхъ 300

¹ Въ Полтавской Губерніи она колеблется между 3 р. 2 к. и 3 р. 32 к., въ Черниговской — между 2 р. 82 к. и 3 р. 17 к.

десятины земли и его батракъ платять одинаковую сумму подушныхъ и другихъ податей. Самый ярый защитникъ нынѣшней податной системы затруднится, вѣроятно, назвать такой порядокъ вещей справедливымъ...

Однако, не нужно преувеличивать значенія податной системы въ процессѣ обезземеливанія казацкаго сословія. Она является для него благоприятнымъ условіемъ, ускоряетъ его дѣйствіе, но процессъ этотъ не отъ нея зависитъ и не ею регулируется. Пролетаріатъ есть продуктъ существующихъ здѣсь аграрныхъ порядковъ, а не податной системы. Благодаря этимъ порядкамъ, земля, принадлежавшая когда-то всему сословію «можнѣйшихъ» людей, сосредоточилась теперь почти вся въ рукахъ только одной трети его, и валовой доходъ казацкихъ земель въ 20 милліоновъ рублей распредѣляется между 33% населенія (191,998 душъ). На долю каждаго изъ этихъ счастливицевъ приходится въ годъ среднимъ числомъ по 100 рублей. Но и въ средѣ этой трети казаковъ, которая, по словамъ Полтавскаго землевладѣльца, «можетъ быть названа земледѣльческою», земли распредѣлены неравномѣрно; процессъ обезземеливанія идетъ клиномъ, и если между ними есть обладатели участковъ въ 300 десятинъ, то должны быть и владѣтели меньшихъ участковъ. Поэтому и въ распредѣленіи валоваго дохода существуетъ градація; одни казаки получаютъ больше 100 рублей, другіе меньше, у однихъ остается и чистый доходъ, другіе едва стягиваютъ концы съ концами. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ по этому важному вопросу.—Во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ остается то обстоятельство, что весь валовой доходъ отъ земли распредѣляется между одною третью казаковъ, а остальные двѣ трети (382,927 душъ) живутъ исключительно заработками. Этотъ поразительный фактъ существованія такой громадной арміи пролетаріевъ, на пространствѣ всего двухъ губерній въ средѣ одной только группы сельскаго населенія, заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. Фактъ этотъ находитъ себѣ объясненіе въ той системѣ землевладѣнія, которую противники общины считаютъ нужнымъ ввести во всей Россіи, но для него не существуетъ никакого оправданія. Когда заходитъ рѣчь о неудобствахъ личнаго землевладѣнія въ социальномъ отношеніи, сторонники его приводятъ обыкновенно тотъ аргументъ, что эта аграрная система важна по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ: благодаря ей, становится возможнымъ сельско-хозяйственный прогрессъ, рациональная культура и т. д. Мы не станемъ анализировать въ настоящемъ этюдѣ, насколько вообще основателенъ этотъ аргументъ; замѣтимъ только, что по отношенію къ интересующей насъ средѣ этотъ элементарный доводъ неприменимъ. Лицъ, приглашенныхъ въ комиссію для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, очень тщательно разспрашивали о различныхъ сторонахъ экономическаго быта; но ни одно изъ этихъ лицъ не обмолвилось ни единымъ словомъ о томъ, чтобы у ка-

законъ замѣчался какой-нибудь прогрессъ въ хозяйствѣ. Одинъ землевладѣлецъ даже прямо заявилъ, что «хозяйство казаковъ осталось въ томъ же видѣ, какъ и до освобожденія крестьянъ, хотя есть казаки, имѣющіе отъ 200 до 300 десятинъ» (Тр. ком. для изслѣд. сельск. хоз., VI, II, 78). Какимъ же еще мамономъ можно оправдать появленіе четырехсотъ-тысячной массы безземельныхъ казаковъ? Скажутъ: никто въ этомъ не виноватъ, правительство всякими мѣрами старалось удержать земли въ казацкой средѣ и т. д. Да мы никого и не винимъ, кромѣ самой системы; мы только настаиваемъ на томъ, что фактъ этотъ можно объяснить, но не оправдывать, и противъ него необходимо протестовать самымъ энергическимъ образомъ. Затѣмъ, отдавая справедливость заботамъ правительства, выразившимся въ законахъ 1739 и 1882 годовъ, мы замѣтимъ, что эти законы запрещали казакамъ продавать свои земли въ чужія руки, но ни на волосъ не повліяли на распредѣленіе земель между самими членами этого сословія.

Теперь насъ, вѣроятно, не будетъ уже удивлять ни тотъ контрастъ во внѣшней обстановкѣ, который мы замѣчаемъ въ казацкихъ селеніяхъ, ни то обстоятельство, что въ земскихъ собраніяхъ мы встрѣчаемъ много гласныхъ изъ казаковъ. Въ хорошихъ помѣстительныхъ хатахъ живетъ зажиточное меньшинство казацкаго населенія; въ земскихъ собраніяхъ засѣдаютъ, въ качествѣ представителей мелкихъ землевладѣльцевъ и сельскихъ сословій, опять-таки зажиточные люди. Казацкое сословіе расплодилось на двѣ неравныя группы, и каждая изъ нихъ идетъ своею дорогой — тернистой для большинства и торной для немногихъ.

IV.

Но система личнаго землевладѣнія обставлена, можетъ быть, у казаковъ слишкомъ благоприятными условіями; можетъ быть, еслибы существовали какія-либо ограниченія чрезмѣрнаго дробленія земель, то результаты были бы иные? Замѣтимъ, что требовать ограниченія системы личнаго землевладѣнія — значитъ уже признавать недостатки ея: вѣдь вся суть этой системы заключается именно въ безконтрольномъ правѣ собственника распоряжаться и пользоваться своею землею. Тѣмъ не менѣе, мы познакомились теперь съ аграрными порядками другой группы населенія, у которой обычай равномѣрнаго наслѣдованія и личнаго землевладѣнія былъ обставленъ неблагоприятными условіями и подвергался разнообразнымъ стѣсненіямъ. Какъ ни сильны были эти препятствія, но обычай постоянно находилъ себѣ выходъ и проявлялся такъ или иначе.

Въ нашей мѣстности живутъ люди, которыхъ старинный актъ называетъ «подлыми», въ противоположность малороссійскимъ казакамъ. Эти «подлые» люди — не кто иные, какъ бывшіе крѣ-

постные крестьяне. По численности своей, они мало уступают казакамъ: въ Полтавской Губерніи, бывшіе вѣрнопостные составляютъ теперь 41,2% сельского населенія, въ Черниговской Губерніи—44,5%; въ первой губерніи ихъ живетъ (по свѣдѣніямъ за 1872 годъ) 313,093 души, во второй—257,333. Не слѣдуетъ думать, что крестьяне стали собственниками только послѣ 1861 г.; многіе изъ нихъ и прежде владѣли землями, одни какъ собственники, другіе—по волѣ помѣщиковъ, но были и такіе, которые вовсе не имѣли земли. Во второй половинѣ XVII столѣтія, послѣ изгнанія польскихъ помѣщиковъ, крестьяне въ имущественномъ отношеніи не составляли однородной массы. Какъ видно изъ названнаго выше изслѣдованія г. Лазаревского, они въ это время раздѣлялись на три группы: тяглыхъ крестьянъ, огородниковъ и лѣзныхъ. Тяглые владѣли усадебной и полевой землею и имѣли въ своемъ распоряженіи соотвѣтственное количество рабочаго скота; ихъ поземельная собственность произошла, вѣроятно, путемъ захвата свободной земли («займанщины»), и тяглые сохраняли ее за собою въ продолженіе долгаго времени. Вторую группу составляли такъ называемые огородники, которые владѣли только усадьбой съ огородомъ, но полевой земли не имѣли. Нѣкоторые изъ нихъ обладали рабочимъ скотомъ и носили названіе половниковъ или половничиковъ: обрабатывая чужую землю, они пользовались только половиною продуктовъ; другіе не имѣли и рабочаго скота и зарабатывали себѣ пропитаніе «скопщиною»: они получали извѣстную долю урожая, обыкновенно третью и четвертую часть. Наконецъ, послѣднюю группу составляли «лѣзные» крестьяне, у которыхъ не было даже и усадебъ. Это были переселенцы изъ Великоороссіи, Литвы и Бѣлоруссіи, которые приходили въ Украину, славившуюся своимъ обиліемъ земель и плодородіемъ, приходили большею частью въ сѣверную часть ея, въ «городы» (теперешняя Черниговская Губернія). Лѣзные крестьяне составляли неосѣдлый, бродячій элементъ населенія, переходившій съ мѣста на мѣсто и искавшій «гдѣ лучше».

Обычай равномѣрнаго наслѣдованія и личнаго землевладѣнія, котораго придерживалась часть населенія, обдавшая землею, не могъ, однако, проявляться съ полною силой; поземельныя отношенія регулировались не однимъ только этимъ обычаемъ, но еще новымъ факторомъ—помѣщичьей властью. Проліявая свою кровь при Хмѣльницкомъ за освобожденіе родины отъ польскаго ига, народъ мало выигралъ отъ этого освобожденія: вмѣсто иноземныхъ пановъ, народились свои паны, главнымъ образомъ, изъ казацкой «старшины». вмѣсто одного гнѣта явился другой, не менѣе тягостный. Еще Хмѣльницкій подтвердилъ права на землю монастырей и тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые помогли ему въ войнѣ. Всѣ другія имѣнія, освобожденные отъ польскихъ владѣльцевъ, поступили въ разрядъ «ранговыхъ», «кан-

целярскихъ» и т. д., и только нѣкоторая часть изъ нихъ образовала, подъ именемъ «свободныхъ» или «войсковыхъ» имѣній, запасный фондъ для раздачи за войсковыя заслуги. Начиная съ 1662 года, въ универсалахъ, которыми давалось право на имѣніе, предписывается крестьянамъ оказывать помѣщику или «державцѣ» различныя услуги или, какъ тогда говорилось, «належное послушенство при звыклой повинности». Изъ изслѣдованія г. Лазаревскаго можно видѣть, что обязанности крестьянъ были первоначально весьма не многосложны: они должны были доставлять державцѣ дрова, убирать сѣно и гатить плотины. Но съ теченіемъ времени повинности ихъ стали возрастать. Осенью каждаго года они обязаны доставить державцѣ часть урожая, соразмѣрную съ количествомъ рабочаго скота («осенщина»); сельскіе продукты и всякую живность крестьяне доставляли тоже бесплатно; за разрѣшеніе жениться они платили такъ называемыя «куничныя гроши», и, кромѣ того, представляли въ пользу державцы десятину съ мѣда и табаку. Къ концу XVII вѣка владѣльческіе или посполитые крестьяне уже справляли барщину («панщину робили») или сидѣли на оброкѣ («на чиншѣ сидѣли»). Понятно, что, при такомъ быстромъ ростѣ крѣпостной зависимости, державцы не церемонились съ крестьянскими землями всякій державца считалъ своею собственностью всѣ земли, входившія въ черту его владѣній, и не обращалъ никакого вниманія на права крестьянъ. Конецъ XVII вѣка и весь XVIII ознаменовались постоянными жалобами и протестами крестьянъ и необыкновенной жестокостью державцевъ. Размѣры повинностей крестьянъ и правъ державцевъ не были точно опредѣлены въ гетманскихъ и старшинскихъ универсалахъ; въ этихъ документахъ повторялось только, что повинности посполитыхъ крестьянъ должны быть «мѣрными», т. е. не особенно тягостными, но самый размѣръ ихъ вполне зависѣлъ отъ произвола державцевъ. Судъ и администрація находились въ рукахъ казацкихъ начальниковъ, т. е. тѣхъ же державцевъ, и понятно, что жалобы и протесты крестьянъ вели только къ строгимъ и жестокимъ наказаніямъ. Не находя себѣ никакого удовлетворенія легальнымъ путемъ, крестьяне искали выхода изъ своего положенія помимо лицепріятнаго суда державцевъ. Лучшимъ средствомъ избавиться отъ притѣсненій державцевъ было записаться въ число казаковъ: во время ежегодной провѣрки полковыхъ списковъ или «компутовъ», крестьяне старались подкупить писцовъ и такимъ образомъ попасть въ «компутъ». Многочисленныя дѣла объ этихъ такъ называемыхъ «новописныхъ казакахъ» служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ широко практиковался этотъ способъ; но изъ этихъ же дѣлъ видно, какъ энергически протестовали державцы противъ этого явленія. Требуя нѣкоторой замкнутости со стороны крестьянъ и пассивнаго отношенія со стороны державцевъ, способъ этотъ не могъ считаться доступнымъ для ббль-

шей части посполитыхъ. Многие изъ нихъ избавлялись отъ своего тягостнаго положенія другимъ путемъ: они бросали свои хозяйства и переселялись въ слободы. Получая пустошороннія земли, державцы, въ видахъ умноженія населенія Малороссіи, получали вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшеніе «закликать слободу». Слободы населялись преимущественно лѣзными крестьянами, но сюда же часто приходили и посполитые крестьяне и даже казаки. Приманкой для населенія являлось то обстоятельство, что державцы предоставляли слобожанамъ на опредѣленное число лѣтъ свободу («слободу» —отсюда и названіе этихъ поселеній) отъ всякихъ повинностей и, кромѣ того, такіа, напримѣръ, широкія льготы, какъ право свободнаго винокуренія. Но, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, слобожане обязывались быть вѣчными крѣпостными у державцевъ. «Отдаваясь за слободскія льготы въ подданство, пишетъ г. Лазаревскій (ibid, 96—97):—слобожане становились въ безисходную почти зависимость отъ своихъ новыхъ державцевъ и тѣмъ еще больше увеличивали произволъ послѣднихъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ. Положительно можно сказать, что слободская жизнь положила основаніе тѣмъ отношеніямъ державцевъ къ крестьянамъ, которыя потомъ довольно естественно обратились въ крѣпостное право, съ которымъ Малороссію познакомили впервые именно «слобожане заграничныя», т. е. выходцы изъ Бѣлоруссіи и Великороссіи». Такая грустная перспектива удерживала многихъ посполитыхъ крестьянъ отъ искушенія, которое представляла собою льготная слободская жизнь. Но такъ какъ необходимо было выйти изъ непригляднаго положенія, то нѣкоторые крестьяне покидали свои хаты и земли и становились «подсосѣдками»: они вмѣстѣ съ семьями получали кровъ и пищу отъ сосѣдей и обязывались помогать хозяевамъ своимъ въ ихъ домашнихъ работахъ. Подсосѣды были въ сущности тѣ же батраки, но крестьяне и казаки относились къ нимъ, какъ къ сосѣдямъ, попавшимъ въ бѣду, тогда какъ мелкіе державцы, къ которымъ тѣ иногда тоже являлись съ предложеніемъ своихъ услугъ, смотрѣли на нихъ, какъ на крѣпостныхъ.

Всѣ эти средства избавиться отъ притѣсненій державцевъ были, однако, на столько непривлекательны, что большая часть владѣльческихъ крестьянъ не рѣшалась ими воспользоваться. Число этихъ крестьянъ было довольно значительно: по переписи 1730 года, ихъ оказалось 101,000 дворовъ. Они широко пользовались правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, и державцы имѣли право задерживать только задолжавшихъ крестьянъ — до уплаты долга (Марковичъ); впрочемъ, уходя отъ державцы, крестьяне, какъ утверждаетъ г. Аранларенко, должны были оставлять въ его пользу все свое движимое имущество. Требуя отъ крестьянъ полнаго подчиненія и большихъ услугъ, державцы надѣляли ихъ землею крайне неравномѣрно; по мнѣнію г. Марковича, «количество земли, которое владѣлецъ обыкновенно давалъ

крестьянину, опредѣлить трудно: надѣляли не вѣстное число душъ, а дворъ, и ему доставалось иногда по десяти десятинъ въ каждую руку» (ibid. 14). Но такихъ счастливыхъ было немного: надѣлы получали только, по выраженію того же автора, «усердные» крестьяне. Они, да еще тѣлые крестьяне, приобрѣвшіе свои земли «займанщиною» или покупкою, составляли группу поземельныхъ собственниковъ («грунтовыхъ») въ средѣ тогдашняго крестьянства. Земли они свои продавали, закладывали и раздѣляли поровну между наслѣдниками. Но опредѣлить, какія послѣдствія давалъ этотъ способъ землевладѣнія, много ли, благодаря ему, образовалось безземельныхъ крестьянъ—совершенно невозможно. Число пролетаріевъ въ Малороссіи было очень значительно даже въ первую половину прошлаго столѣтія¹; но такъ какъ собственниковъ крестьянъ было тогда немного, то личное землевладѣніе могло играть самую незначительную роль въ процессѣ обезземеливанія. Гораздо большее значеніе имѣлъ тогда другой факторъ, помѣщичій произволъ, благодаря которому, многіе крестьяне принуждены были бросать свои поля и хаты и отправляться въ слободы или къ другимъ владѣльцамъ.

Большая часть угодій и земель находились въ рукахъ державцевъ; но эти земли безъ опредѣленнаго и постояннаго контингента рабочей силы не могли служить вѣрнымъ источникомъ дохода. «Вольный переходъ посполитыхъ съ мѣста на мѣсто, говоритъ г. Марковичъ:—не позволялъ владѣльцамъ требовать отъ нихъ усиленной дѣятельности. Съ двора, въ которомъ жило нѣсколько работниковъ, обыкновенно, брали на барщину только одного работника. Не было ни равномернаго надѣленія земель, ни правильнаго распредѣленія труда. . Вообще, хозяева нуждались въ работникахъ и, чтобы пріохотить ихъ къ себѣ, раздавали крестьянамъ другихъ селеній и казакамъ деньги въ долгъ, на отработокъ. Нѣкоторые владѣльцы имѣли такихъ должниковъ великое множество» (ibid. 18). Неудивительно поэтому, что въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка державцы начинаютъ осаждать правительство просьбами о запрещеніи свободнаго перехода крестьянъ. Въ 1738 году вышелъ указъ, который запретилъ крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто, пока войсковая канцелярія не переписшетъ не только дворы, но и хаты и въ хатахъ семьи ихъ. Когда кончилась эта перепись, владѣльцы стали удерживать крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ и насильно возвра-

¹ Г. Марковичъ приводитъ слѣдующіе примѣры: «Въ одномъ селѣ, за 1729 годъ, показано пахатныхъ людей 48 двора, бобылей 51; въ другомъ, при переписи 1732 года, было грунтовыхъ 30 дворовъ, малогрунтовыхъ 29, ~~и~~ и убогихъ 39; въ третьемъ, по той же переписи, было: «сможныхъ» мужиковъ 3, среднихъ грунтовыхъ 2, малогрунтовыхъ 14, безгрунтныхъ 11, водосѣлковъ 3» (ibid. 14). Изъ этихъ примѣровъ видно, что безземельные и мало-земельные крестьяне составляли большинство населенія владѣльческихъ имѣній.

щать отлучившихся, называя их бѣглыми. Однако, личная свобода крестьянъ была подтверждена указомъ 18-го августа 1742 года, гдѣ прямо сказано, «чтобы имъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто имѣть». Но державцы на этомъ не успокоились; они продолжали тревожить правительство просьбами, пока, наконецъ, шагъ за шагомъ, не добились отмены свободныхъ переходовъ. Это произошло 3-го мая 1783 года: въ этотъ день вышелъ указъ, которымъ «для известнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ... предписывается каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней своей ревизіи написанъ». Законъ этотъ окончательно закрѣпилъ тѣ отношенія, которыя постепенно сложились между державцами и крестьянами въ теченіе почти полутора вѣковъ. Наступили мрачныя времена крѣпостнаго права, съ безконтрольнымъ произволомъ помѣщиковъ и глухимъ недовольствомъ крестьянъ...

Крѣпостное право имѣло нивелирующее значеніе для всего крестьянства: слобожане и селяне, тягле, огородники или полугрунтовые и лѣзные—всѣ были перетасованы, подведены подъ одинъ уровень и должны были подчиниться помѣщичьей власти. Съ теченіемъ времени помѣщики стали отводить своимъ крѣпостнымъ участкамъ земли, доходами съ которыхъ они должны были удовлетворять своимъ насущнымъ потребностямъ; но нельзя сказать, чтобы всѣ крестьяне были отъ этого въ выигрышѣ. Раздавая одною рукою участки земли, помѣщики другою рукою отнимали у крестьянъ тѣ земли, которыя приходились имъ по вкусу. Такова была судьба бѣльшей части земель, принадлежавшихъ тяглымъ крестьянамъ; такая же участь часто постигала тѣ земли, которыя крестьяне купили себѣ на собственное имя или—послѣ 1848 года, когда законъ отнялъ у нихъ это право—на имя помѣщиковъ¹. Впродолженіе всей эпохи крѣпостнаго права, крестьяне постоянно, однако, смотрѣли на земли, которыми владѣли, какъ на свои собственныя, и обращались съ ними соотвѣтственно этому взгляду. Потому-то вездѣ, гдѣ только дозволялъ это помѣщичій произволъ, встрѣчаются обыкновенные результаты личнаго землевладѣнія. Говоря о первыхъ годахъ этой эпохи, г. Марковичъ замѣчаетъ: «земли переходили къ потомкамъ того, кто первоначально получилъ ихъ. Смотра по большему или меньшему размноженію семействъ, выходило, что нѣкоторые двory имѣли много земли при маломъ числѣ душъ,

¹ Вотъ что пишетъ одно лицо, близко знакомое съ этимъ дѣломъ: «Помѣщики вмѣшивались въ права крестьянъ на земли. Часто у крестьянъ не имѣлось никакихъ документовъ на право ихъ владѣнія землями, и слѣдуетъ эти земли подъ общимъ именемъ «предковскихъ». Помѣщики безцеремонно поступали съ крестьянской недвижимою собственностью: раздавали имъ земли на известной нормѣ или же выселяли въ отдаленныя свои помѣстья». («Наблюденія шпрое. посред.», «Оскова», 1862, II).

другіе, при большомъ числѣ, мало, или вовсе никакой земли» (ibid. 20). Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, по наблюденіямъ г. Тарновскаго, «дѣлимость семействъ безпрестанно раздробляетъ недвижимую собственность крестьянъ; но, съ другой стороны, покупкою земель богатыми у бѣдныхъ опять свопляются состоянія въ руки. Такія обстоятельства увеличиваютъ постоянно число безземельныхъ» («Юрид. бытъ Малороссіи», 39). Одно и то же явленіе—значительный контингентъ безземельныхъ крестьянъ—останавливаетъ на себѣ вниманіе различныхъ изслѣдователей южно-русскаго быта, и всѣ они объясняютъ его себѣ, какъ результатъ помѣщичьяго произвола и чрезмѣрнаго дробленія земель между членами семействъ.

Такимъ образомъ, въ самое глухое время крѣпостного права, когда все склонялось и дрожало предъ властью помѣщика, когда у крестьянина, въ сущности, ничего не было своего, система землевладѣнія, о которой идетъ рѣчь, тихо и незамѣтно, гдѣ только было возможно, давала свои обычные результаты. Оба фактора—и помѣщичья власть, и система землевладѣнія—дѣйствовали въ одномъ направленіи, и, благодаря имъ, въ Малороссіи образовался значительный контингентъ пролетаріевъ. Каково жилось этимъ людямъ, сколько ихъ было—объ этомъ мы, къ сожалѣнію, не встрѣтили никакихъ данныхъ.

V.

Цѣлыхъ 78 лѣтъ продолжались крѣпостныя отношенія. Южно-русское крестьянство терпѣливо ждало «воли». Отъ поколѣнія къ поколѣнію переходила вѣра въ красные дни, въ тотъ праздникъ, который когда-нибудь долженъ былъ наступить на мужицкой улицѣ. «Воля» представлялась народу въ видѣ сытой, довольной и обеспеченной жизни, которая должна смѣнить собою зависимость отъ помѣщика, отъ его своеволія и капризовъ. Вѣра въ наступленіе этого блаженнаго времени, подобно вѣрѣ въ загробную жизнь, скрашивала судьбу обездоленнаго люда и давала ему силы терпѣливо ждать. Наступило, наконецъ, 19 февраля 1861 года. Крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости и надѣлены землею. Но все ихъ міросозерцаніе, всѣ ихъ отношенія, обычаи и аграрные порядки остались, какъ извѣстно, тѣже, что и до освобожденія; со своими подворными участками крестьяне обращаются такъ, какъ всегда привыкли обращаться съ собственной землею. Прежде чѣмъ познаться съ нынѣшними результатами крестьянскаго землевладѣнія, замѣтимъ, что въ самый моментъ освобожденія образовался въ нашей мѣстности довольно значительный контингентъ безземельныхъ крестьянъ. Этотъ контингентъ, который въ настоя-

щее время доходить уже до ста тысяч душ¹, произошел под влиянием причин, не имеющих ничего общего с системой личного землевладения. Хотя это явление не носит исключительного и местного характера, однако, в литературе упоминается о нем обыкновенно вскользь; между тем, оно стоит того, чтобы на нем остановиться подольше.

Известно, какая беззаветная радость охватила закрепощенный люд, когда пронеслась вѣсть, что вышла «воля». Умы волновались, фантазия разыгрывалась, на землѣ пахло раемъ... Понятно, что когда начались разъясненія, наставленія и внушенія со стороны мировыхъ посредниковъ, то простому человѣку стало не вдомекъ: люди все говорили, что наступитъ вольная воля, а тутъ толкуютъ о какихъ-то временно-обязанныхъ отношеніяхъ, о непонятныхъ уставныхъ грамотахъ и выкупныхъ платежахъ, о 49-ти какихъ-то годахъ. Стали носиться странные слухи; говорили, напримѣръ, что надѣленіе землемъ затѣвается съ единственной цѣлю—обмануть французскаго царя Наполеона, который будто бы согласился заключить миръ подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы крестьяне были освобождены; но такъ какъ освобожденіе крестьянъ не представляло для помѣщиковъ никакой выгоды, то было рѣшено перевести зависимость отъ помѣщика на зависимость отъ земли: оттого будто бы землю по душамъ и стали верстать. Какъ ни глупы были этого рода слухи, но они производили сильное впечатлѣніе; во многихъ мѣстахъ крестьяне рѣшили, что освобожденіе и въ особенности надѣленіе землемъ представляетъ собою, какъ они говорили, «якусь штуку», какой-то подвохъ, и потому отказались отъ земли. «Въ первое время по объявленіи манифеста, говорить одинъ изъ тогдашнихъ мировыхъ посредниковъ, можно было слышать отзывы крестьянъ, что черезъ два года, или когда придетъ, по ихъ выраженію, «слушный часъ», имъ отдадутъ помѣщичьи земли въ собственность, въ вознагражденіе за даровой ихъ трудъ на пановъ втеченіе многихъ лѣтъ» («Наблюд. мир. поср.», «Основа», 1862, II, 23). Эта вѣра въ «слушный часъ» послужила причиной, почему крестьяне иногда относились недоброумно къ разъясненіямъ посредниковъ. «Не принимать уставной грамоты, говорить дру-

¹ Чтобы узнать число безземельныхъ, нужно только изъ общаго числа бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вычесть число крестьянъ, надѣленныхъ землемъ. Оказывается:

	Въ Полтавской Губ. (по свѣд. 1876 г.)	Въ Черниговской Губ. (по свѣд. 1872 г.)
Крестьянъ, приступ. къ выкупу	201,086 душъ	186,644 душъ.
» оброчныхъ и в. обязан.	75,725 »	} 50,920 »
» выкуп. безъ сод. правительства.	7,317 »	
Всего надѣлен. крестьянъ:	284,078 »	237,564 »
Общее число »	355,577 »	257,333 »
Число безземельныхъ крестьянъ	71,499 »	19,769 »

гой посредникъ:—объявлять ее панскою выдумкою, называть посредника орудіемъ панскихъ замысловъ и въ то же время говорить, что начальство «треба слушать»—это такое противорѣчіе понятій, примиреніе котораго, съ нашей точки зрѣнія, рѣшительно невозможно. Но логика крестьянъ совсѣмъ не та, что у насъ: по ихнему, официальное лицо можетъ быть представителемъ высшей правительственной власти и вмѣстѣ орудіемъ интересовъ сословія. Ему нужно повиноваться, когда онъ говоритъ, что «слушный часъ» еще не пришелъ, и приказываетъ работать по прежнему, и, напротивъ, не слѣдуетъ вѣрить, если онъ обязательственныя отношенія, опредѣленныя по уставной грамотѣ, называетъ «волею», которую далъ царь. Онъ дѣйствуетъ по долгу службы, наказывая крестьянина за неисполненную трехдневную работу, за потраву поля, за вырубку лѣса, возвращая помѣщику сдѣланный крестьяниномъ захватъ земли, и злоупотребляетъ властью, объявляя крестьянамъ, что они не имѣютъ права отказываться отъ земли» («О ходѣ крестьянскаго дѣла», «Основа». 1862, VII, 79—80). Результатъ всего этого, какъ уже сказано, былъ тотъ, что крестьяне во многихъ мѣстахъ самымъ энергическимъ образомъ отказывались отъ предлагаемой имъ земли. «Есть имѣнія, читаемъ мы, въ которыхъ всѣ или нѣкоторые крестьяне отказались отъ надѣловъ: одни—потому, что хотѣтъ переселиться на казенныя земли; другіе—въ гордомъ сознаніи своей независимости, говоря, что «безъ насъ паны поскачуть» («Наблюденія», *ibid.*, II, 30). Какъ извѣстно, помѣщики, однако, не «поскакали», и въ дуракахъ остались крестьяне, испугавшіеся надѣловъ, какъ крѣпостного права въ новомъ изданіи. Спохватились они потомъ и раскаялись, но уже было поздно. Дѣти и внуки ихъ навсегда остались безземельными и должны платиться за глупость своихъ отцовъ, подобно тому, какъ родъ человѣческой платится за грѣхъ Адама...

Хотя число этихъ простодушныхъ крестьянъ еще теперь не извѣстно, однако, нѣтъ сомнѣнія, что не одни они составляютъ тотъ контингентъ безземельныхъ, о которомъ идетъ рѣчь. Далеко нѣтъ; въ этотъ контингентъ вложились очень почтенной цифрой крестьяне, принадлежавшіе мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ. Мелкопомѣстными считались по закону («Дополн. правила объ устр. крестьянъ, водворен. въ имѣніяхъ мелкон. влад.», ст. I) такіе владѣльцы, за которыми, по десятой ревизіи, числилось меньше 31 души мужскаго пола и у которыхъ, притомъ, или вовсе не было удобной земли, или же ея было меньше 60 надѣловъ высшаго размѣра. Владѣльцы эти вовсе не обязаны были надѣлать своихъ крестьянъ землею, если они этого не сдѣлали до «Положенія» 19-го февраля (ст. 3). Между тѣмъ, число крестьянъ, которыми владѣли эти помѣщики, доходило до 50-ти тысячъ душъ въ обихъ губерніяхъ¹. Нѣтъ основанія, конечно, ду-

¹ Изъ данныхъ г. Тройницкаго видно, что въ моментъ освобожденія считалось въ Полтавской Губерніи 4,788 мелкопомѣстныхъ дворянъ (изъ общаго

мать, чтобы всё эти 50 тысячъ крестьянъ не получили вовсе надѣла; но можно съ полною вѣроятностью допустить, что половина ихъ, около 25-ти тысячъ душъ, остались безъ земли. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что положеніе крестьянъ, принадлежавшихъ мелкопомѣстныхъ владѣльцамъ, оказывается вездѣ очень плачевнымъ, а наша мѣстность, особенно Полтавская Губернія, занимаетъ чуть ли не первое мѣсто между всѣми губерніями по количеству этого рода крестьянъ. Прибавимъ еще, что законъ (ст. 4) не обязываетъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ прирѣзывать крестьянамъ земли, еслибъ оказалось, что у послѣднихъ ея было меньше, чѣмъ сколько опредѣлено для данной мѣстности «Положеніемъ». Вообще, нашъ законъ много заботится о судьбѣ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ и удѣляетъ мало вниманія ихъ бывшимъ крестьянамъ. Разрѣшая, напримѣръ, выдавать пособія этимъ владѣльцамъ и даже подвергая вопросъ этотъ всестороннему разсмотрѣнію (дѣлныхъ 12 статей посвящено этому предмету), законъ предоставляетъ крестьянамъ право (ст. 8), «по прекращеніи обязательныхъ ихъ отношеній къ владѣльцамъ», переселяться на казенныя земли; но нигдѣ нѣтъ ни слова ни о денежномъ пособіи крестьянину, ни объ облегченіи сложной процедуры, которая предстоить ему, когда онъ пожелаетъ выйти изъ своего общества. А между тѣмъ, крестьянинъ, желающій покинуть старое пенелище, едва ли не сильнѣе нуждается въ пособіи, чѣмъ мелкопомѣстный помѣщикъ: вѣдь не радость же гонить его съ того мѣста, гдѣ онъ родился и выросъ, вѣдь это бѣднѣякъ, нищій долженъ пуститься въ невѣдомую чужую сторону искать счастья. Предоставленные самимъ себѣ, эти безземельные, или малоземельные крестьяне принуждены, очевидно, работать по вольному найму на тѣхъ самыхъ владѣльцевъ, отъ которыхъ они были отрѣплены 19-го февраля 1861 года.

Помимо указанныхъ двухъ группъ крестьянъ, большая часть дворовыхъ людей также осталась безъ земли. Тамъ, гдѣ было много помѣщиковъ, было, понятно, и большее число дворовыхъ; въ одной, напримѣръ, Полтавской Губерніи насчитывалось, въ 1845 году, 18,119 дворовыхъ (Аралдаренко). Если предположимъ, что у cadaго помѣщика было, среднимъ числомъ, всего по три дворовые человѣка, то, въ 1861 году, ихъ должно было быть въ обѣихъ губерніяхъ около 35 тысячъ душъ. Между тѣмъ, по закону, далеко не всѣ дворовые имѣли право на полевой надѣлъ¹; даже отводя имъ участки земли, помѣщики не обязаны

числа 7,322 помѣщиковъ), которымъ принадлежало 30,225 душъ крестьянъ. Въ Черниговской Губерніи число это было нѣсколько меньше: мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ насчитывалось 2,880 (изъ 4,238), съ 17,659 душами крестьянъ. Всего этихъ крестьянъ, слѣдовательно, было въ обѣихъ губерніяхъ 47,884 души.

¹ Законъ говоритъ, что право на полевой надѣлъ имѣютъ только тѣ дворовые люди, которые «до обнародованія указа, 2-го марта 1868 года, сами лично пользовались полевнымъ надѣломъ и, по поступленіи къ помѣщику въ услуженіе,

были «обзаводить ихъ ни домами, ни другими принадлежностями крестьянскаго хозяйства» (ст. 7). Понятно, послѣ этого, что большая часть дворовыхъ вовсе не получила ни усадебной, ни полевой земли; а тѣ изъ нихъ, которымъ достались надѣлы, тоже не могли успѣшно заниматься хозяйствомъ, такъ какъ у нихъ не было никакихъ хозяйственныхъ принадлежностей.—Тутъ у мѣста будетъ указывать на одну остроумную продѣлку помѣщиковъ, о которой мнѣ передавали во многихъ мѣстахъ Полтавской Губерніи. Когда золотой вѣкъ помѣщиковъ приблизился къ своему благополучному окончанію, многіе изъ нихъ очень растревожились и стали весьма старательно изучать «Положеніе»; вся сила ихъ ума была направлена, особенно въ первое время, на открытіе лазеекъ, черезъ которыя, по равнымъ кривымъ, можно было бы обойти новый законъ. Законъ вѣдь, говорятъ, на то и писанъ, чтобы его толковать, ну... и обходить, если возможно. Лазейка, конечно, была найдена: оказалось возможнымъ переименовать нѣкоторую часть крестьянъ въ дворовыхъ. Дѣло въ томъ, что, по закону (ст. 2), дворовыми считаются только тѣ, которые «по сказкамъ десятой ревизіи показаны дворовыми при населенныхъ имѣніяхъ, домахъ, фабрикахъ, заводахъ или лѣсныхъ капиталахъ». Нельзя сказать, чтобы это опредѣленіе не давало повода къ толкованіямъ, потому что нѣсколько затруднительно, напримѣръ, представить себѣ двороваго человѣка при «денежномъ капиталѣ». Точно также «сказки десятой ревизіи» вовсе не представляются такимъ барьеромъ, черезъ который нельзя было бы перескочить, если только у желающаго имѣется въ запасѣ тотъ металлъ, который, по словамъ Пушкина, считаетъ все своимъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, туманное опредѣленіе дворовыхъ людей, а съ другой, скажемъ, доступность десятой ревизіи—дали тотъ результатъ, что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ больше половины крестьянъ оказались дворовыми... Дѣло это темное и обработано такъ тонко, что едва ли выплыветъ когда-нибудь на свѣтъ божій; по крайней мѣрѣ, цифры и вся фактическая сторона дѣла, вѣроятно, навсегда останутся похороненными подъ развалинами приснопамятнаго вѣрностнаго права. Тѣмъ не менѣе, благодаря этой исторіи, безземельнаго полку, конечно, прибыло.

Эти три группы безземельныхъ образовали основной контингентъ крестьянскаго пролетаріата, который, какъ мы видѣли, доходить теперь до ста тысячъ душъ. Контингентъ этотъ образовался на первыхъ же порахъ послѣ освобожденія, и затѣмъ къ нему стали присоединяться отдѣльныя личности, которыя каждый годъ выдѣляются изъ крестьянской среды.

либо хозяйственную должность, не переставали пользоваться надѣломъ, или же несли извѣстную повинность при обработкѣ казенныхъ полей» («Положеніе объ устр. двор. людей», ст. 6). Такихъ людей, очевидно, не могло быть много среди дворовыхъ.

Но вѣд крестьяне были надѣлены землею; какъ же это случается, что изъ ихъ среды выдѣляются безземельные люди?— Дѣло происходитъ очень просто. Предположимъ, что крестьяне получили сполна тѣ надѣлы, которые назначены были для нихъ Положеніемъ, и что надѣлы эти дѣйствительно вполне достаточны «для обезпеченія ихъ быта и обязанностей предъ правительствомъ»¹. Сдѣлавши эти два предположенія, мы должны, однако, имѣть въ виду, что надѣлы обезпечиваютъ населеніе, численность котораго опредѣлена послѣдней ревизіей (1858 г.), т. е. 19 лѣтъ тому назадъ, и что приростъ населенія, который доходить въ нашей мѣстности до 5,661 души въ годъ², вовсе не имѣлся въ виду при опредѣленіи нормы крестьянскихъ участковъ. Такъ какъ размѣры крестьянской земли не могутъ быть увеличены посредствомъ экспроприаціи, на примѣръ, части помѣщичьихъ владѣній, то понятно, что, при этомъ условіи, нарождающіяся поколѣнія должны или вовсе остаться безъ надѣловъ, или получить только часть владѣній своихъ отцовъ. Какую долю этой альтернативы они ни выберутъ, положеніе ихъ все-таки будетъ печальное: въ одномъ случаѣ, они окажутся безземельными, въ другомъ—малоземельными. Но они не могутъ выбрать первой половины альтернативы, они не могутъ остаться безъ земли: и сложившійся вѣками обычай раздѣлять имущество по-ровну между дѣтьми, и чувство родителей, одинаково любящихъ всѣхъ своихъ дѣтей—не дозволятъ имъ этого. Да и съ какой стати отказались бы они отъ наслѣдства—развѣ они виноваты въ томъ, что являются неожиданными гостями на жизненномъ пиру? Правда, законъ обставляетъ крестьянское земельное владѣніе нѣкоторыми ограниченіями. Предоставляя порождъ наслѣдованія и семейныхъ раздѣловъ мѣстнымъ обычаямъ (ст. 93 Пол.), законъ требуетъ, однако, «чтобы каждая часть полевого участка была не меньше половины установленнаго для той мѣстности высшаго размѣра пѣшаго участка» (ст. 96). Значитъ, еслибы всѣ крестьяне получили надѣлы по высшему размѣру, то, слѣдуя закону, они могли бы раздѣлить свои участки пополамъ только одинъ разъ; а затѣмъ, всѣ нарождающіяся поколѣнія должны были бы остаться безъ земли. Но это ограниченіе идетъ въ разрѣзъ съ мѣстными обычаями, освятившими безграничное дробленіе семейнаго имущества; земля дробится при наслѣдствѣ между сыновьями, дѣлится на части, въ случаѣ про-

¹ Такъ формулированъ въ манифестѣ 19-го февраля мотивъ, почему крестьяне были надѣлены землею.

² Приростъ крестьянскаго населенія, живущаго въ одинаковыхъ климатическихкихъ и битовыхъ условіяхъ съ казаками, можно также считать равнымъ 1%. Принимая за основаніе число крестьянъ, показанное въ таблицахъ Тройницкаго, мы находимъ, что ежегодный приростъ крестьянскаго населенія составляетъ въ Полтавской Губерніи 3,254 души, а въ Черниговской—2,407 душъ.

даже или заклада, и то, что запрещается легально, существует фактически. Очень часто даже собственники продают третью или четвертую часть надѣла, ради возможности сохранить остальную часть, уплативши повинности. Это старая истина, что когда правило не согласно съ обычаями и нравами народа, то трудно поддерживать его авторитетъ; его просто перестаютъ соблюдать, и оно само собою упраздняется. Одинъ землевладелецъ Полтавской Губерніи заявляетъ, что «еслибы надѣлы остались въ той величинѣ, въ какой они предоставлены были крестьянамъ въ самомъ началѣ, то они представлялись бы значительнымъ обезпеченіемъ въ бытѣ крестьянина; но при тѣхъ обычаяхъ, какіе существуютъ въ Малороссіи, нельзя не предвидѣть, что надѣлы эти современнымъ потеряютъ всякое практическое значеніе для крестьянъ. Это можетъ произойти отъ необыкновеннаго дробленія поземельной собственности въ крестьянскихъ семействахъ» (Тр. ком. для иссл. сел. хов., VI, II, 78). Землевладелецъ Черниговской Губерніи замѣчаетъ, что, «въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, можно было замѣтить улучшение ихъ хозяйства; но, къ несчастію, съ каждымъ годомъ усиливающіеся семейные раздѣлы приводятъ хозяйство въ худшее состояніе» (ibid, II, 53). Другой землевладелецъ находитъ, что, «по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, надѣлы окажутся недостаточнымъ» (ibid, I, 3). Такимъ образомъ, ограниченія, которыя поставилъ законъ, не имѣютъ уже и теперь существеннаго значенія для крестьянскаго землевладѣнія; обычай оказывается сильнѣе закона и уничтожаетъ тѣ препятствія, которыя послѣдній ему поставилъ. Но отъ этого дѣло, однако, мало измѣняется. Еслибы законъ имѣлъ практическое значеніе, то въ ряды пролетаріевъ поступало бы ежегодно по 5,661 душѣ; теперь же, пролетаріатъ возрастаетъ медленно, и новые члены крестьянской среды не лишаются земли непосредственно. Надѣлы раздробляются, мельчаютъ, пока, наконецъ, такъ или иначе, не попадутъ въ руки зажиточныхъ людей. Правда, послѣднато момента процесса обезземеливанія, концентраціи земли въ однихъ рукахъ, мы тутъ еще не видимъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ средѣ малороссійскихъ казаковъ; но это происходитъ, во-первыхъ, потому, что нынѣшнему крестьянскому землевладѣнію всего 16 лѣтъ отъ роду и, во-вторыхъ, потому, что до истеченія годовыхъ 49 лѣтъ, продажа и закладъ крестьянскихъ участковъ можетъ совершиться только фактически, но не легально. Нерѣдко случается, что крестьянинъ владѣетъ въ убытокъ мелкимъ участкомъ просто потому, что не можетъ его сбыть въ рынокъ. Но по истеченіи 49 лѣтъ, когда надѣлы будутъ выкуплены крестьянами и сдѣлаются ихъ собственностью, дробленіе участковъ, ничѣмъ не сдерживаемое, разовьется съ полной силой, и система личнаго землевладѣнія дастъ свои обычные результаты. Теперь, за 16 лѣтъ, число безземельныхъ составляетъ,

вѣроятно, не больше 13⁰/₁₀₀ населенія, тогда же ростъ пролетаріата пойдетъ быстрѣе.

Такии представляются результаты личнаго землевладѣнія при томъ предположеніи, что надѣлы крестьянъ были дѣйствительно достаточны «для обезпеченія ихъ быта и обязанностей предъ правительствомъ». Но это предположеніе вовсе нельзя считать основательнымъ. Чтобы не утомить вниманія читателя, мы въ настоящемъ этюдѣ не станемъ приводить тѣхъ выкладокъ и вычисленій, посредствомъ которыхъ мы узнали, что въ бюджетѣ крестьянъ нашихъ губерній всегда оказывается дефицитъ; сошлемся на извѣстный трудъ г. Янсона («Статистич. изслѣд. о крест. надѣлахъ и платежахъ», 1877), изъ котораго читатель можетъ увидѣть, что надѣлы во всей черноземной полосѣ недостаточны для удовлетворенія насущныхъ потребностей крестьянъ. А при этомъ условіи результаты личнаго землевладѣнія должны были, очевидно, наступить скорѣе: контингентъ малоземельныхъ не долженъ еще былъ образоваться,—онъ былъ уже данъ въ значительныхъ размѣрахъ; клочки земли, негодные къ обработкѣ получились послѣ перваго же раздѣла наслѣдственнаго имущества, и пролетаріатъ появился къ средѣ перваго же поколѣтія, смѣнившаго собою освобожденныхъ въ 1861 году крестьянъ.

VI.

Двѣ группы населенія, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, составляютъ слишкомъ 80⁰/₁₀₀ всѣхъ сельскихъ податныхъ сословій нашей мѣстности ¹. На сколько дозволяло наше умѣніе и тѣ данныя, которыя удалось намъ собрать, мы показали, какъ жетса, что личное землевладѣніе, находясь нетолько подъ ограниченіемъ закона, но даже подъ давленіемъ крѣпостнаго права, приводитъ непремѣнно, при существующей системѣ равномѣрнаго наслѣдованія, къ образованію сельскаго пролетаріата. Намъ нѣтъ никакой надобности говорить тутъ о другихъ, весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ группахъ сельскаго населенія нашихъ губерній, у которыхъ господствуетъ та же система землевладѣнія и тотъ же принципъ наслѣдованія; мы думаемъ, что знакомство съ ними, равно какъ и со всякой другой средой, въ которой практикуется эта система, непремѣнно приведетъ насъ къ тому заключенію, что личное землевладѣніе измѣняетъ къ худшему общественное положеніе работника и потому безусловно вредно къ социальномъ отношеніи ². Можно себѣ представить

¹ Казаки, вмѣстѣ съ бывшими помѣщичьими крестьянами составляютъ въ Полтавской Губерніи, 89,⁰/₁₀₀ сельскихъ податныхъ сословій, а въ Черниговской—80,⁰/₁₀₀.

² Судьба однодворцовъ Орловской и Тульской Губерній можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ справедливости этого заключенія. Однодворцы

только одинъ случай, когда заключеніе это будетъ невѣрно—именно, еслибы, земледѣльческое населеніе, страстно привязавшись къ своей аграрной системѣ, послѣдовало мудрому совѣту Мальтуса и перестало размножаться. Тогда бы, дѣйствительно, никакого пролетаріата не получилось, и всякій земледѣлецъ мирно-бы сидѣлъ подъ своею смоковницею, предаваясь приятнымъ размышленіямъ о прелести личнаго землевладѣнія. Но такъ какъ нельзя требовать насилія надъ человѣческой природою, во имя даже системы, заключающей въ себѣ, какъ увѣряютъ ея сторонники, необыкновенныя экономическія преимущества, то подобная идиллія имѣетъ мало шансовъ на осуществленіе. А если исключить предложеніе Мальтуса, то не остается ни одной комбинаціи съ этой аграрной системой, которая въ концѣ-концовъ не привела бы къ тому же результату.

Всевозможныя запрещенія продажи земель, назначеніе максимума и минимума участковъ — не приводятъ, обыкновенно, ни къ чему. Не затрогивая самой организаціи землевладѣнія, всѣ подобныя регламентаціи развиваются объ обычай, сложившійся вѣками, и то, что запрещено легально, существуетъ негласно, какъ фактъ. При томъ подобными мѣрами не достигается самаго главнаго: населеніе, все-таки не предохраняется отъ пролетаріата. — Измѣненіе способа наслѣдованія могло бы имѣть болѣе существенное значеніе; еслибы только возможно было придумать такой способъ, при которомъ не совершалось бы несправедливости по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ семейства и въ то же самое время участки не дробились бы до чрезвычайности. Равномѣрное наслѣдованіе удовлетворяетъ первому требованію: всѣ члены семейства получаютъ поровну; но второе требованіе совершенно игнорируется: участки раздробляются, мельчаютъ, и значительная часть населенія обезземеливается. При майоратѣ или миноратѣ, наоборотъ, осуществляется второе требованіе, но за то внутри каждаго семейства совершается актъ самой вопиющей несправедливости: вся недвижимая собственность сосредоточивается въ рукахъ старшей или младшей линіи, а другіе члены семейства прямо поступаютъ въ ряды пролетаріевъ. Какого-нибудь средняго, электическаго способа наслѣдованія, въ которомъ заключались бы достоинства каждаго изъ двухъ извѣстныхъ способовъ и отсутствовали бы ихъ недостатки, до сихъ поръ не

получили въ XVII столѣтіи и позже участки земли на правѣ личной собственности. Несмотря на многократныя запрещенія правительства, они постоянно продавали свои земли другъ другу и даже лицамъ другихъ сословій. Въ результатъ оказалось, что теперь между однодворцами «на 10 зажиточныхъ хозяевъ считается 60 положительныхъ бѣдняковъ и на такихъ обществахъ считается всего болѣе недомога», что изъ нихъ «ныне имѣютъ уже по 200 десятинъ, другіе же ни кола, ни двора и живутъ въ работникахъ» (подробности см. въ статьѣ г. П. Соколюка: «Опытъ съ подворнымъ владѣніемъ въ Вѣликороссіи», «Новое Время», № 289, 1876).

придумали. Надо полагать, что его и придумать невозможно, такъ какъ оба указанные способа наслѣдованія несоединимы и даже взаимно исключаютъ другъ друга.—Такимъ образомъ, при личномъ землевладѣннн, никакими средствами—ни запрещеніемъ продажи земель, ни измѣненіемъ способа наслѣдованія—нельзя избѣжать рокового послѣдствія, свойственнаго этой аграрной организаціи, появленія пролетаріата.

Указываютъ, однако, на организованную и свободную эмиграцію, какъ на средство, которое не только можетъ освободить населеніе отъ народившагося уже контингента безземельныхъ или малоземельныхъ, но которое можетъ и на будущее время предохранить его отъ пролетаріата. Въ этомъ именно смыслѣ эмиграція въ нашей литературѣ была недавно названа «предохранительнымъ клапаномъ». Нужно, говорятъ, только открыть «клапанъ», и пролетаріатъ какъ рукой сниметъ, и «интенсивная культура» начнется... Любопытно, однако, знать, должны ли мы стараться рѣшить такой важный вопросъ, какъ аграрный, только на нынѣшній день или же намъ слѣдуетъ подумать также и о завтрашнемъ днѣ? Не говоря уже о томъ, что противъ поголовнаго переселенія всѣхъ пролетаріевъ вооружатся первыми сами же зажиточные люди, на которыхъ эти пролетаріи теперь работаютъ, корень зла вовсе не будетъ уничтоженъ этой реформой. Эмиграція въ томъ видѣ, какъ она предлагается въ нашей литературѣ, дѣйствительно представляется большимъ облегченіемъ для населенія, но и только. Аграрнаго вопроса ни эмиграція, даже наилучшимъ образомъ устроенная, ни «интенсивная культура» не разрѣшаютъ. На нѣсколько десятковъ лѣтъ, пока страдающее отъ безземелья или малоземелья крестьянство не расселится по огромнымъ пространствамъ Россіи, аграрнаго вопроса въ острой формѣ не будетъ. Но развѣ населеніе перестанетъ размножаться? Развѣ участки земли, какъ бы велики они первоначально ни были, не раздробятся, въ концѣ концовъ, на клочки, негодные къ обработкѣ? Развѣ малоземельный и безземельный людъ не будетъ страдать и тогда отъ случайнаго характера заработковъ? Посмотрите, чтѣ дѣлается теперь хотя бы въ тѣхъ же двухъ губерніяхъ. Безземельный человѣкъ вынужденъ, какъ сообщаетъ одинъ землевладѣлецъ, «или поступить на службу къ помещику, или идти на заработки, или же становиться въ *зажиточки*, т. е. отбывать извѣстнаго рода послуги за право убирать со снопа хозяйскій хлѣбъ. Конечно, всѣ эти виды заработковъ не вполне его обезпечиваютъ, такъ какъ они случайны... Если лѣтніе заработки бываютъ неудачны, то онъ сильно бѣдствуетъ» («Тр. ком. для изслѣд. сельск. хоз.», VI, II, 84—85). Эта случайность заработковъ, это шаткое экономическое положеніе гонитъ безземельнаго человѣка изъ дому большею частью на югъ, въ многоземельный Новороссійскій Край. Отхожіе промыслы и переселенія имѣли здѣсь мѣсто довольно часто и прежде. Еще въ 40-хъ годахъ изъ одной Полтавской Губерніи отправлялись на

заработки до 90 тысячъ человѣкъ (Арамдаренко). Въ послѣднее время, въ газетахъ то и дѣло попадаются извѣстія о переселеніяхъ и объ откожныхъ промыслахъ. Весною нынѣшняго года прочтали мы слѣдующее: «Изъ разныхъ мѣстностей малороссійскихъ губерній гнутся обозы на югъ въ закубанскія степи: то идутъ на «поселанье» или на «слободы». Идутъ большею частью бѣдняки, которымъ нечего много терять на родинѣ: «однаково-де не пропадать», говорятъ они въ отчаяніи; но много идетъ и людей болѣе зажиточныхъ, которые очень хорошо видятъ, что зажиточность въ ближайшемъ будущемъ не спасетъ ихъ отъ обѣднѣнія, такъ какъ земля все больше и больше переходитъ въ однѣ руки; а мелкіе участки все больше и больше дробятся, благодаря увеличивающемуся населенію, и потому становятся только въ тягость мелкимъ владѣльцамъ» («Новое Время», № 390. 1877). Тутъ мы наглядно видимъ, какъ личное землевладѣніе гонитъ людей изъ подъ родного неба, людей, даже вовсе еще не попавшихъ въ ряды пролетаріевъ. Развѣры настоящаго этюда не дозволяютъ намъ, въ сожалѣнію, обрисовывать положеніе этихъ послѣднихъ съ достаточной подробностью; читатель увидѣлъ бы, что судьба безземельнаго человѣка не заключаетъ въ себѣ ничего привлекательнаго.—Спрашивается теперь: есть ли у насъ какая-нибудь гарантія, что при организованной и свободной эмиграціи не наступятъ когда-нибудь подобныя явленія?—Вѣдь, всѣ существующія поземельныя отношенія останутся нетронутыми—значитъ, останутся нетронутыми и ихъ возможныя послѣдствія; пролетаріатъ не будетъ нѣкоторое время рѣзать глаза, какъ теперь, но онъ будетъ существовать, какъ говорятъ философы, *implicite*, тайно, скрытно, подобно искрѣ, тлѣющей подъ золою. Куда же прикажете дѣваться тогда безземельнымъ людямъ—на луну что-ли эмигрировать? ¹. Мы не сомнѣваемся, что эмиграція въ состояніи облегчить экономическое положеніе населенія и что теперь въ ней ощущается настоящая необходимость, но мы вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаемъ, что она—слишкомъ слабое лекарство для излеченія основнаго недуга системы личнаго землевладѣнія.

Но развѣ, спросятъ, при общинномъ землевладѣніи нѣтъ пролетаріата? развѣ казакамъ было бы лучше, еслибы у нихъ существовала поземельная община: вѣдь тогда каждый изъ нихъ получалъ бы всего 29 руб. валоваго дохода?—Да, отвѣтнимъ мы

¹ Тутъ необходимо оговориться. У насъ идетъ рѣчь не о знаменитыхъ прогрессіяхъ Мальтуса, не о несоотвѣтствіи между возрастаніемъ населенія и увеличеніемъ продуктивной силы земли. Мы говоримъ только, что какова бы ни была экономическая обстановка населенія, придерживающагося системы личнаго землевладѣнія, непремѣнно долженъ наступить моментъ, когда земля раздробится на слишкомъ мелкія части, чтобы ихъ выгодно было эксплуатировать, вачнется продажа мелкихъ участковъ, концентрація ихъ въ однѣхъ рукахъ, и часть населенія будетъ обезземелена.

на первый вопрос:—въ Велико-россиі есть и безземельные, и малоземельные люди, но въ этомъ виновато не общинное землевладѣніе. Контингентъ безземельныхъ могъ тамъ образоваться хотя бы такимъ же точно образомъ, какъ въ нашей мѣстности появились тѣ сто тысячъ пролетаріевъ, о которыхъ сказано выше. А наличность малоземельныхъ доказываетъ только, что многимъ общинамъ отведено было въ надѣль слишкомъ мало земли; община служитъ только гарантіей справедливаго и равномернаго распредѣленія земель между ея членами, но она не обладаетъ творческой силой и создать новыхъ земель не можетъ.—Что же касается казаковъ, то, какъ мы видѣли, 29 руб. дѣйствительно мало для удовлетворенія всѣхъ потребностей «души» впродолженіе цѣлаго года, и казаки, даже при поземельной общинѣ, должны бы были бѣдствовать. Дѣло въ томъ, что теперь общинное землевладѣніе не можетъ служить панацеей противъ такихъ, напримѣръ, явленій, какъ недостатокъ земли или низкое ея качество. Теперь эта аграрная система имѣетъ значеніе только отрицательнаго условія для благосостоянія населенія: всякій работникъ только потому, что онъ—членъ общины, не можетъ очутиться въ положеніи пролетарія. Положительныя же свойства этой системы раскроются только въ будущемъ, когда трудовой элементъ будетъ иначе комбинироваться, чѣмъ теперь, когда не только владѣніе, но и пользованіе землею будетъ общинное. При томъ социальномъ преимуществѣ, которое признають за нею даже ея противники, она послужитъ тогда прочнымъ залогомъ для экономическаго благосостоянія населенія.

Мы приподняли уголокъ завѣсы, отдѣляющей настоящее отъ вѣроятнаго будущаго, и на небольшомъ примѣрѣ видѣли одну сторону картины «подворной» Россіи. Привлекательна ли эта картина, должны ли мы желать скорѣйшаго уничтоженія общины и введенія подворнаго владѣнія—пусть объ этомъ судитъ самъ читатель.

Л. Котляискій.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Декабрьская сессія генеральныхъ совѣтовъ. — Муниципальные выборы 6-го января. — Союзъ гвѣнкъ и заявление Леона Рено. — Мнѣніе Гамбетты о необходимости согласія республиканскаго большинства съ правительствомъ. — Выборы въ Бордо и случай съ Дюпорталемъ. — Маршалъ и организація. — Образъ дѣйствій де-Марсера. — Проекты Фрейсмана и Барду.

Сессія генеральныхъ совѣтовъ, происходившая въ декабрѣ, дѣломъ которой была раскладка прямыхъ налоговъ, разрѣшенныхъ палатою депутатовъ — доказала какъ нельзя яснѣе, что республиканцы были вполне правы, считая благоприятными кантональные выборы 4-го ноября. Образованіе новыхъ бюро совершенно измѣнило отношенія, существовавшія въ этихъ департаментскихъ собраніяхъ между представителями разныхъ партій. Въ 50-ти совѣтахъ — республиканцы положительно господствуютъ. Въ 40 остальныхъ — реакціонеры различныхъ оттѣнковъ еще составляютъ большинство. Но въ ноябрѣ происходило обновленіе только половины состава совѣтовъ, такъ что, еслибы выборы касались всѣхъ ихъ, то преобладаніе республиканцевъ было бы несомнѣнно подавляющимъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе еще и на то, что въ двухъ третяхъ изъ тѣхъ совѣтовъ, гдѣ большинство осталось за реакціонерами всѣхъ фракцій, это большинство весьма скромное, въ одинъ, два или много въ три голоса.

Поэтому, при открытіи сессіи, всего какихъ-нибудь въ пяти или шести совѣтахъ председатели собраній отважились на протестъ противъ «радикализма» новыхъ префектовъ или на апологию недавнихъ креатуръ 16-го мая. Особенною грубостью отличился председатель Лиможскаго совѣта, Пейрамонъ, относительно префекта, республиканца Массико, съ назначеніемъ котораго онъ, по его выраженію, «не позволяетъ себѣ поздравлять департаментъ». Хорошо извѣстный читателямъ Поль-де-Кассаньякъ также выказалъ не мало энергіи, добившись отъ совѣта, которымъ предсѣдательствовалъ, очереднаго порядка, съ заявленіемъ «глубочайшаго сожалѣнія» смѣщенному префекту.

Некоторые из незначительнаго числа префектовъ 16-го мая, къ сожалѣнію, несмѣщенныхъ, открыли собраніе рѣчами, въ которыхъ сквозило неудовольствіе противъ установившагося порядка. Одинъ изъ нихъ (въ Сартскомъ Департаментѣ) назвалъ себя даже, по старой привычкѣ, «представителемъ маршала», прибавивъ, впрочемъ, «президента республики». Но за этими немногими исключеніями (пять, шесть случаевъ), префекты всѣхъ остальныхъ департаментовъ въ рѣчахъ своихъ весьма опредѣленно, и даже довольно краснорѣчиво приветствовали наступленіе новой эры для прогрессивнаго развитія демократическихъ учреждений съ «окончательнымъ» водвореніемъ во Франціи республики. Предсѣдатели-министры и помощники государственныхъ секретарей (какъ Барду—въ Шю де-Домъ и Кошери—въ Луарѣ) ограничились похвалами республиканскому образу правленія, какъ открывающему для всѣхъ и каждаго «широкіе пути», и заявленіемъ надежды, что общее матеріальное благосостояніе должно быть неизбѣжнымъ результатомъ «счастливаго исхода изъ грознаго кризиса». За то предсѣдатели изъ республиканскихъ депутатовъ, положеніе которыхъ не обязывало къ особенной сдержанности, весьма энергично заявили о своей побѣдѣ и высказали весьма рѣзкую правду о «политическихъ неудачникахъ», терроризовавшихъ такъ недавно, хотя и не на долго, чуть не цѣлую Францію.

Выборы въ муниципальные совѣты, происходившіе 7-го января въ 36,000 общинахъ Франціи—были для республики еще благоприятѣе департаментскихъ. Очевидно, что измѣненіе административнаго персонала, хотя произошло еще очень недавно—успѣло уже благотворно повліять на населеніе. Реакціонеры просто поражены результатами этихъ выборовъ, но республиканцы не особенно увлекаются этимъ новымъ своимъ торжествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, при громадномъ числѣ новыхъ членовъ муниципалитета, выбранныхъ въ одинъ день (429,000) весьма трудно, сдѣлать изъ этихъ выборовъ какіе-нибудь положительныя политическіе выводы. Много ли въ этой массѣ дѣйствительныхъ республиканцевъ? На этотъ вопросъ отвѣчать нелегко и почти не подлежитъ сомнѣнію, что въ средѣ ихъ немало и такихъ лицъ, которыя, выдавая себя за республиканцевъ при побѣдѣ республики, были бы бонапартистами или роялистами, при побѣдѣ реакціи. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, чтобы муниципальные совѣты состояли силою изъ искреннихъ республиканцевъ; для настоящей минуты хорошо уже и то, что они освобождены отъ пагубнаго подчиненія реакціоннымъ вліяніямъ. Это особенно важно для тѣхъ департаментовъ, которымъ предстоитъ въ декабрѣ 1878 года выбирать коммунальныхъ делегатовъ, составляющихъ, какъ извѣстно, большинство въ избирательной департаментской коллегіи для выбора сенаторовъ; если такими делегатами будутъ республиканцы, то надежды, возлагаемыя республикой на мун-

циальные совѣты, будутъ вполне оправданы. А покажѣтъ, это самое важное. Поэтому, политическіе дѣятели и обратили свое вниманіе на выборы преимущественно въ тѣхъ департаментахъ, которымъ въ 1878 году предстоитъ играть избирательную роль. Въ результатѣ оказалось, что въ одиннадцати департаментахъ, избравшихъ, въ 1875 году, сенаторовъ-реакціонеровъ, муниципальные совѣты представляли такой характеръ, что все заставляетъ надѣяться, что теперь они выберутъ въ сенаторы республиканцевъ. Только въ трехъ департаментахъ такой выборъ подлежитъ сомнѣнію. Въ концѣ концовъ, по расчету настоящей минуты, если только онъ окажется вѣренъ, въ сенатъ вмѣсто 55-ти реакціонеровъ и 16-ти республиканцевъ, должныствующихъ (не считая колоній) оставить сенатъ, въ 1879 году войдутъ 44 республиканца и 27 реакціонеровъ. Такой перемѣны будетъ весьма достаточно для доставленія лѣвымъ сената большинства голосовъ въ 20-ть.

Все предпріятіе 16-го мая, конечно, было затѣяно коалиціей именно для того, чтобы помѣшать такому возникновенію большинства въ сенатѣ. Понятно, что теперь главнѣйшею цѣлью французской демократіи должно быть стремленіе, чтобы всѣ органы власти приняли окончательно республиканскій характеръ. Поэтому-то Леонъ Рено, сдѣлавшійся президентомъ лѣваго центра вмѣсто де Марсера, нынѣ министра, на первомъ же собраніи этой группы, счелъ нужнымъ заявить прежде всего о необходимости поддержанія между республиканцами всѣхъ фракцій того «братства», которое помогло ихъ общей побѣдѣ и которое обязываетъ ихъ и теперь, когда побѣда еще окончательно не упрочена, не разъединяться и, «во имя спасенія республики и Франціи, во имя общаго блага, не отступать отъ программы взаимной уступчивости и даже временнаго пожертвованія въ некоторой частіи своихъ убѣжденій». Точно тоже выразилъ и Гамбетта въ своей послѣдней рѣчи, отличавшейся замѣчательной уступчивостью, хотя онъ произносилъ ее въ Марсели въ одномъ изъ самыхъ радикальныхъ клубовъ. Въ Марсели онъ заѣхалъ при возвращеніи своемъ изъ Рима, куда ѣздилъ простымъ путешественникомъ, но гдѣ былъ принятъ какъ политическій дѣятель, что ясно доказываетъ, что Италия перестала смотрѣть на Францію, какъ на страну, подчиненную клерикализму. «Для того, чтобы мы могли дожить безъ потрясеній и неприятныхъ случайностей до 1-го января 1880 года, сказалъ онъ въ этой рѣчи, и чтобы мы обезпечили къ этому времени республиканское большинство въ сенатѣ, необходимо, чтобы большинство палаты было единодушно съ министерствомъ. Въ настоящую минуту мы отдаемъ большинство въ палатѣ, въ генеральныхъ совѣтахъ, въ совѣтахъ окружныхъ и муниципальных. Черезъ годъ мы и въ сенатѣ получимъ такое же большинство, если выборы сенаторовъ произойдутъ, при существованіи республиканскаго министерства... Марсельцы поняли оратора и привѣтствовали его руко-

плесканиями. Поняла его и вся французская демократія, за незначительными исключениями.

Если въ большихъ городахъ, какъ, на примѣръ, въ Парижѣ, составъ генеральныхъ муниципальных совѣтовъ принялъ нѣсколько радикальную окраску, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы крайніе замыслили встать въ оппозицію съ установившимся порядкомъ вещей. Такъ въ Лионѣ, гдѣ и генеральный, и муниципальный совѣты состоятъ чуть не сплошь изъ радикаловъ, отношенія ихъ къ новому префекту и мэру самыя благожелательныя. Только въ одномъ Бордо до сихъ поръ проявились нѣкоторые признаки раздѣленія при приготовленіяхъ къ выбору депутата для замѣщенія откывшейся, за смертью Луи Ми, ваканціи. Кандидатами тамъ явились сразу четыре республиканца. Разумѣется, что съ выборомъ одного изъ нихъ всякія преппирательства этого рода окончатся. Бордоскія несогласія, однако, произвели въ Парижѣ довольно шуму. Дѣло въ томъ, что въ числѣ кандидатовъ оказались два лица близкихъ Парижу: Изъ Гю, главный редакторъ «*Bien public*» и «*Réforme économique*», бывшій также основателемъ и главнымъ редакторомъ «*Droits de l'homme*», и Дельбуа—зять одного изъ главнѣйшихъ акціонеровъ газетъ: «*Peuple*», «*Réveil*» и «*Républicain*». Между ними возникла журнальная схватка «изъ-за лавочки», и съ обѣихъ сторонъ было пущено не мало ядовитыхъ статей и не особенно благовидныхъ инсинуаций. Полемика эта, въ самый разгаръ, когда три органа непримиримыхъ «*Républicain*», «*Reveil*» и «*Peuple*», рассылая свои обвиненія противъ Гю, стали безцеремонно задѣвать и Гамбетту, открыла, что въ числѣ репортеровъ этихъ органовъ состоитъ настоящій, заправскій *мушаръ*. Онъ и самъ въ объясненіяхъ своихъ не сталъ отрицать того, что составляетъ ежедневно и съ вѣдома своихъ сотоварищей по изданіямъ, легонькіе отчетцы для свѣдѣнія полиціи. Кромѣ того, открылось, что редакторы трехъ газетъ-близнецовъ состоятъ въ сношеніяхъ съ принцемъ Наполеономъ, по примѣру извѣстнаго Порталиса, издававшего социалистскій «*Корсаръ*», въ сотрудничествѣ съ Жюлемъ Амигомъ, и сдѣлавшагося бонапартистскимъ депутатомъ! Последній ударъ главному редактору «*Républicain*» и «*Réveil*» и въ тоже время депутату отъ Тулузы, Дюпорталу, нанесла, наконецъ, «*République Française*», державшаяся въ сторонѣ отъ этой полемики, помѣщеніемъ на своихъ столбахъ весьма компрометирующаго письма его, въ которомъ онъ нѣкогда не только просилъ у «принца-президента» Луи Наполеона Бонапарте милостиваго разрѣшенія «оставить Алжирію», но и дать мѣсто, на которомъ онъ могъ бы «повергнуть къ стопамъ» принца «свое усердіе и способности!»

Этотъ рядъ печальныхъ разоблаченій нанесъ значительное пораженіе всей партіи «непримиримыхъ». На нихъ обстоятельствомъ выброшена тѣнь, которая надолго заставитъ ихъ умѣрять свои требованія, а на время даже и замолчать. Разказанный

нами случай, какъ бы нарушившій ту дисциплину, которой слѣдуютъ республиканцы, еще болѣе утвердилъ ее, и теперь положительно можно сказать, что во Франціи царствуетъ Гамбетта, а министры только управляютъ его именемъ.

Обычныя новогодніе приемы маршала въ Елисейскомъ Дворцѣ и въ зданіи префектуры въ Версали ничѣмъ не были замѣчательны. Толпы чиновниковъ раскланились съ маршаломъ, не раскрывшимъ ни разу устъ для произнесенія какого-либо звука. Очевидно, Мак-Магонъ горькимъ опытомъ убѣдился, что говорить что-либо часто служитъ только ко вреду говорящаго. За послѣднее время, онъ также ничего не пишетъ, а когда ему необходимо подписывать какія-либо бумаги, то подписываетъ ихъ, не читая. Тяготится ли онъ сколько-нибудь подобнымъ положеніемъ?.. Напротивъ. Весь Парижъ повторяетъ его слова, сказанныя имъ будто бы на дняхъ одному своему боевому сослуживцу: «Я сталъ гораздо счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ составилось новое министерство; меня оставляютъ въ покоѣ. Фуру и де-Брольи были просто *блаіеры*. Боше же и Ламберъ де-Сент-Круа, если и обманывались, то всегда мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорили то, что сами они принимали за истину». Маршалъ почти не видается съ половиною изъ членовъ кабинета, а тѣмъ болѣе съ помощниками государственныхъ секретарей, не принадлежащихъ къ «его обществу», но старается какъ можно болѣе сблизиться съ орлеанистами. Забывъ свою недавнюю ссору съ президентомъ сената, онъ отправилъ своего оффиціального представителя на свадьбу дочери Одифре-Пакье. На этой свадьбѣ, впрочемъ, однимъ изъ свидѣтелей въ мэрии былъ графъ Парижскій, и если принцъ-претендентъ выказалъ этимъ свое подчиненіе установившемуся порядку, то маршалу стало понятно, что и ему будетъ не совѣмъ удобно выказывать вражду къ противнику правыхъ сената, отстрочившему гибельный переворотъ 12-го декабря.

Новые министры на новогоднихъ приемахъ не слѣдовали примѣру маршала. Они, напротивъ, говорили очень много съ своими подчиненными. Де-Марсэръ, напримѣръ, произнесъ нѣсколько маленькихъ рѣчей, произведшихъ на публику весьма благоприятное впечатлѣніе. Такъ, обращаясь къ таку называемому директору прессы, онъ высказалъ ему, что бюро, ввѣренное его управленію, никакъ не должно быть учрежденіемъ, направляющимъ общественное мнѣніе, а только «канцеляріей справокъ», на обязанности которой лежитъ знакомить власть «съ искреннимъ и просвѣщеннымъ отголоскомъ мнѣній страны, выражаемыхъ путемъ печати». Въ отношеніи примѣненія законовъ къ журналамъ, типографіямъ, разносной продажѣ и т. д. этому бюро слѣдуетъ дѣйствовать съ крайней осмотрительностью, имѣя въ виду, что правительство стремится быть «либеральнымъ, какъ можно болѣе либеральнымъ». Полицейскимъ начальникамъ онъ рекомендовалъ никакъ не забывать, что настоящее правительство есть «правительство

свободы». «Республиканское правительство, сказалъ онъ:—однимъ изъ представителей котораго я имѣю честь быть, стремится не къ тому, чтобы во что бы ни стало преслѣдовать какую-то отвлеченную легальность, а къ тому, чтобы довести до возможной степени всякую свободу... Поэтому, предлагая политическіе законы, должно прежде всего заботиться о томъ, чтобы, при пособіи этихъ примѣненій, народная свобода увеличивалась, а никакъ не стѣснялась». Говоря съ представителями биржи, министръ очень остроумно придавъ другой оборотъ фразѣ де-Фурту, недавно обращенной къ нимъ же: «Иные говорятъ, замѣтилъ онъ:—что занятіе политикой вредитъ финансовымъ и промышленнымъ дѣламъ. Это парадоксъ. Хорошія дѣла этого рода только и могутъ совершаться при хорошей политикѣ». Говоря съ новымъ начальникомъ департаментской и коммунальной администраціи, онъ высказался противъ рутинны, полагающей, что на обязанности этого бюро—во все вмѣшиваться, и за децентрализацію, приучающую страну къ болѣе и болѣе степени самоуправленія. Эту же самую мысль, лично для него весьма дорогую, де-Марсэръ развили и въ своемъ замѣчательномъ циркулярѣ къ префектамъ, отъ 14-го января, по поводу назначенія мэровъ новыми муниципальными совѣтами. Можно сказать, что во Франціи, въ первый еще разъ со времени установленія у насъ централизаціи—чему, конечно, болѣе насъ свободные народы не завидуютъ—министръ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобы, во имя своего всемогущества, приказывать подчиненнымъ какъ можно болѣе его поддерживать, высказываетъ желаніе, чтобы его чиновники какъ можно меньше вмѣшивались въ общественныя дѣла, и не «нарушали правъ страны—дѣйствовать въ своихъ дѣлахъ самостоятельно».

Предлагая префектамъ войти въ дружескія отношенія съ мэрами, онъ совѣтуетъ общинамъ обратить особенное вниманіе на выборъ этого посредника между ихъ мѣстными нуждами и потребностями власти, говоря имъ съ полною искренностью, что «если они будутъ дурно управлять, то имъ придется жаловаться только на самихъ себя, такъ какъ назначеніе хорошаго мэра совершенно въ ихъ рукахъ». Это очень хорошо поняли населенія и въ 83,000 общинахъ изъ 36,000, гдѣ муниципальные совѣты сами выбираютъ мэровъ или ихъ помощниковъ, 21-го появились совѣты, составъ которыхъ значительно выше состава прежнихъ совѣтовъ. Чувствуя себя несравненно свободнѣе противъ недавняго прошлаго въ распоряженіи суммами, общины, безъ сомнѣнія, не станутъ, какъ прежде, дѣлать препатствія предпріятіямъ государственной власти, но будутъ ревностными пособниками въ осуществленіи широкихъ реформъ, задуманныхъ для блага Франціи министрами народнаго просвѣщенія и общественныхъ работъ.

Послѣдній изъ нихъ, Фрейсинэ, занялся весьма тщательно проектомъ правительственной покупки второстепенныхъ желѣзнодоро-

рожныхъ линій, не могущихъ содержаться своими средствами, а равно проэктомъ окончанія полной сѣти французскихъ желѣзныхъ дорогъ и утилизаціи водныхъ путей при посредствѣ каналовъ. Предпріятіе это, не отягощая финансовъ, доставить десять лѣтъ прибыльной работы мирной и свободной Франціи. Проэкты эти вызвали весьма сильное противодѣйствіе въ средѣ финансовыхъ феодаловъ и участниковъ большихъ желѣзнодорожныхъ компаній, такъ какъ они идутъ въ разрѣзъ съ планами, составленными во время имперіи, когда обращалось большее вниманіе на внѣшній блескъ, чѣмъ на полезность, что доставляло ажіотажу возможность быстрыхъ обогащеній. Министръ не стоитъ упорно за лично ему правящіеся планы и его инициатива вызвала множество работъ, съ цѣлью изыскать возможно лучшее разрѣшеніе проблемы: осуществить наиболее экономическій и вмѣстѣ производительный способъ устройства сѣти дорогъ и каналовъ. Я лично имѣлъ случай прочесть письмо, отправленное къ министру однимъ изъ талантливейшихъ нашихъ инженеровъ (онъ состоитъ также членомъ муниципальнаго парижскаго совѣта) Вотье. Письмо это указываетъ на лучший способъ, какъ слѣдуетъ дополнить нашу желѣзнодорожную сѣть, чтобы соединить удобство сообщеній съ возможно дешевойною перевозкой людей и товаровъ. О существующихъ большихъ линіяхъ онъ говорить мало. Что сдѣлано, то уже сдѣлано, и относительно ихъ онъ находитъ, что комфортъ ихъ устройства и быстрота хода, пожалуй, и не вредны. Бѣда въ томъ, что, по укрепившейся у насъ рутинѣ, и мелкія и побочныя дороги принято строить по тому же самому образцу. Отъ этого выхлѣбать, что эксплуатация ихъ не покрываетъ затратъ на постройку. Этого можно избѣжать, если не стараться создавать какихъ-то чудесъ искусства, а сообразовать расходы на постройку съ тѣми доходами, какіе можетъ давать линія. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему служатъ эти неизбѣжныя, принятія при постройкахъ, прямыя линіи, при соединеніи какого-либо города съ какой-нибудь деревушкой? Чѣмъ болѣе желѣзнодорожное полотно будетъ отклоняться отъ прямой линіи, тѣмъ съ большимъ количествомъ населенныхъ мѣстностей станетъ оно соприкасаться и тѣмъ большее число пассажировъ обезпечитъ за собою, помогая этимъ усиленію общаго числа пользующихся дорогомъ. Локомотивъ же, сколько бы ни дѣлалъ онъ поворотовъ, все-таки быстрѣе доставитъ публику въ то, или другое мѣсто, лежащее на линіи его пути, чѣмъ всякіе другіе способы передвиженія, не исключая и системы конно-желѣзныхъ дорогъ. Должно надѣяться, что просвѣщенный министръ оцѣнитъ по достоинству проектъ Вотье, и что комиссія, уже учрежденная у всѣхъ бассейновъ нашихъ большихъ рѣкъ, сумѣютъ водворить движеніе и на нашихъ водныхъ путяхъ. Пора бы уже и покончить смѣшную борьбу желѣзнодорожныхъ путей съ водными сообщеніями, отъ которой не мало страдаютъ карманы публики, тогда какъ и тѣми, и другими слѣдуетъ только умѣло пользо-

ваться. Если за желѣзныя дороги—быстрота, то за водяныя пути—дешевизна, а мало ли случавъ, что не только для провоза камней, или желѣза, но даже и хлѣбовъ не требуется никакой быстроты при доставкѣ ихъ съ мѣста отпуска въ мѣсто потребленія? Министръ Фрейсина, едва ставшій во главѣ общественныхъ работъ, выказалъ уже такую дѣятельность, что отъ нея можно ждать весьма благопріятныхъ результатовъ для Франціи. Одно уже доставленіе имъ работы цѣлой массѣ трудящагося класса на цѣлыя десять лѣтъ служить ручательствомъ, что и онъ осязательно докажетъ, съ своей стороны, положеніе, высказанное де-Марсэромъ, что «хорошія дѣла возможны только при хорошемъ политическомъ управленіи».

По министерству народнаго просвѣщенія, Барду принялся за осуществленіе всѣхъ реформъ, задуманныхъ Ваддингтономъ. Первоначальное образованіе будетъ во Франціи даровымъ повсюду, гдѣ этого потребуетъ необходимость. Всюду, гдѣ общины захотятъ имѣть школы для дароваго ихъ просвѣщенія, правительство обязуется давать денежную для этого помощь. На устройство школьныхъ домовъ и снабженіе ихъ мебелью—общины могутъ стигнѣ получать ссуды изъ заведенной для этого особенной кассы. Вопросъ объ установленіи размѣра жалованья сельскимъ учителямъ стойтъ уже на очереди и, разумѣется, будетъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ—если позволить это бюджетъ.

Я нарочно упомянулъ о дѣятельности новаго министерства, чтобы показать, на какой путь стала Франція и подкрѣпить этимъ свой взглядъ, высказанный мною въ прошлой корреспонденціи, что результаты пережитой нами безкровной революціи—скажутся очень скоро и совершенно возродятъ Францію.

II.

Открытіе парламентской сессіи 1878 года.—Случай въ Лиможѣ.—Слѣженіе генерала Дюкро.—Парламентское слѣдствіе.—Запросъ Гаварди.—Конституціоналисты.—Продолженіе провѣрки полномочій.—Манифестація правыхъ.—Предложеніе Жюльбуа-Тумара.—Гамбетта и суды.—Неудавшіяся выборы «пожизненнаго».—Амнистія по проступкамъ печати.—Смерть Виктора Эммануэля.—Похороны Распайла.

Открытіе обычной парламентской сессіи произошло самымъ спокойнымъ образомъ, на основаніи извѣстной статьи конституціи, во второй вторникъ января мѣсяца. Временнымъ председателемъ въ сенатѣ, по старшинству лѣтъ, былъ выбранъ Готье де-Рюмилль. Онъ указалъ на знаменитое президентское посланіе 14-го декабря, какъ на залогъ прочности существующихъ учреждений, и поздравилъ своихъ товарищей съ счастли-

вымъ окончаніемъ конфликта, грозившаго возможностью кровавой развязки. Положеніе правыхъ было, по-истинѣ, комично, когда ораторъ твердымъ и искреннимъ голосомъ сталъ хвалить нѣкоторыхъ изъ конституціоналистовъ за ихъ образъ дѣйствій, способствовавшій мирному разрѣшенію кризиса. «Долгъ сената, сказала онъ вслѣдъ затѣмъ:—умѣрять порывы какъ палаты депутатовъ, такъ и исполнительной власти, но онъ, являясь образцомъ, не долженъ обращаться въ органъ борьбы и орудіе какой-либо партіи, такъ какъ сенатъ, по преимуществу, учрежденіе мира и соглашения». Въ палатѣ депутатовъ, президентъ по старшинству г-нъ Дессо, началъ съ похвалы энергіи большинства, благодаря которой дерзкое покушеніе на народное самодержавіе могло быть устранено. Эти его слова вызвали рѣзкія и нелѣпныя возраженія Поля Кассаньяка, за что послѣдній и былъ призванъ къ порядку. Закончить свою рѣчь Дессо, по необходимости, пришлось не заявленіемъ ярыхъ надеждъ на счастливую будущію Франціи, а извѣщеніемъ о двухъ потеряхъ, понесенныхъ палатою, въ лицѣ умершихъ ея членовъ — Гардскаго депутата, Дювана, бывшаго «одною изъ жертвъ 2-го декабря», и марсельскаго — знаменитаго Распайла, оставившаго по себѣ славу память одного изъ вѣрнѣйшихъ друзей человѣчества и неустрашимаго бойца за свободу.

Черезъ три дня (10-го), были организованы окончательныя бюро обѣихъ палатъ. У депутатовъ, за исключеніемъ лицъ, сдѣлавшихся министрами или ихъ товарищами — бюро составлены изъ тѣхъ же членовъ, что и въ прошлую сессію. Предсѣдателемъ палаты избранъ Гревъ, всѣми г-вными и нѣсколькими бонапартистами. Правые отъ подачи голосовъ устранились. Въ сенатѣ правые сговаривались выбрать президентомъ, вмѣсто Одиффре-Пакье, Брффе, но, при голосованіи, за перваго оказалось 172 голоса, почему онъ и былъ избранъ.

Случай въ Лиможѣ, о которомъ я писалъ вамъ въ прошлой своей корреспонденціи, подалъ поводъ къ ожесточенной газетной полемикѣ. Официально подтвердился онъ смѣщеніемъ генерала Брессоля и отстраненіемъ его подчиненнаго, маіора Лабордера, отъ занимаемой имъ должности (la mise en non activité). Первый наказанъ за «непониманіе распоряженій высшихъ», а второй — за нарушеніе дисциплины. Напомню здѣсь вкратцѣ этотъ случай: 13-го декабря, вечеромъ, гарнизонъ, расположенный въ Лиможѣ, былъ внезапно созванъ въ казармы. Генераль Брессоль сталъ дѣлать распоряженія о немедленномъ занятіи нѣкоторыхъ пунктовъ города, важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, и объявилъ войску, что, по полученіи призыванія стрѣлать, гарнизонъ обязывается немедленно приступить къ этому, еслибъ даже передъ толпами народа оказались дѣти и женщины. Маіоръ Лабордеръ отвѣчалъ ему на это, что, такъ какъ въ городѣ нѣтъ открытаго восстанія, то подобныя приказанія могутъ относиться только къ затѣваемому государственному перевороту, противъ кото-

раго возмущается его сознание, какъ гражданина, и честь, какъ солдата. Газеты предположили, что лиможскій случай не могъ быть одиночнымъ, и ихъ предположеніе подтвердилось тѣмъ, что, какъ оказалось, въ теченіи ноября и декабря, многимъ начальникамъ войскъ были дѣйствительно розданы вышпимъ военнымъ начальствомъ инструкціи, исполненіе которыхъ возлагалось на нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ. «Оффиціальныи Журналь» старался доказывать, что въ означенныхъ мѣрахъ не было ничего исключительнаго, и что онѣ представляли собою продолженіе обычныхъ распоряженій на случай всегда возможнаго возникновенія безпорядковъ въ той или другой мѣстности. Точно также приказъ вступать войскамъ въ Парижъ былъ отданъ, какъ общее распоряженіе на случай возникновенія возстанія, что необходимо, по отсутствію въ Парижѣ гарнизона, за выходомъ изъ него войскъ набора 1872 года. Генераль Брессоль, заканчиваетъ министерская замѣтка, дурно понялъ полученное имъ привязаніе, а маіоръ Лабордеръ не согласился исполнять приказаніе своего начальника, почему оба они и заслужили постигшее ихъ наказаніе.

Общественное мнѣніе, однакоже, не удовлетворилось этими объясненіями; чѣмъ болѣе выяснялся лиможскій случай, тѣмъ очевиднѣе для всѣхъ становилось, что если де-Рошбуэ и даже Берто подтверждали въ своихъ приказахъ только о соблюденіи обычныхъ мѣръ предосторожности, то *другіе* не упускали изъ виду возможность воспользоваться такими распоряженіями для своихъ цѣлей. Не подлежить сомнѣнію, что когда въ Елисейскомъ Дворцѣ обдумывали способы вырвать отъ сената согласіе на вторичное распущеніе палаты, то консерваторы рассчитывали, что войска помогутъ имъ воспрепятствовать осуществленію республиканскаго собранія, разрѣшаемаго закономъ Тревенѣа. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы планъ Батби-Бюффе, о насильственномъ утвержденіи бюджета, сталъ приводится въ исполненіе, то консерваторы не отказались бы прибѣгнуть къ военной дисциплинѣ для нарушенія конституціи. Присутствіе генерала Дюкро секретнымъ образомъ въ Парижѣ, въ послѣдніе дни кризиса, вполне доказано газетами. Во всѣ эти дни, онъ по нѣскольку разъ являлся черезъ потайную дверь въ Елисейскій Дворецъ и бралъ въ разныхъ ресторанахъ отдѣльныя комнаты, куда на совѣщаніе съ нимъ являлись различныя оффиціальныя лица.

Очевидно, государственный переворотъ замышлялся, и къ нему дѣлалось немало приготовленій, но зналъ ли объ этомъ маршалъ и не остановилъ ли бы его прежде всѣхъ онъ самъ, не давая на него своего согласія—вотъ къ чему сводился вопросъ. Было ли бы разумно въ настоящее время, когда маршалъ вполне подчинился большинству, начинать по поводу этого шекотливаго дѣла парламентскія пренія, долженствовавшія, во всякомъ случаѣ, скомпрометировать маршала? Со временемъ, конечно, будетъ извѣстно, благодаря какимъ собесѣдованіямъ между Дюфоромъ и Гамбеттой, делегаціею 18-ти и министерствомъ рѣшено

было не поднимать объ этомъ вопросъ въ палатѣ. А жалъ! Предстоятъ отличный случай вывести на свѣжую воду такъ называемыхъ консерваторовъ, а главное освободить войска отъ вредныхъ вліяній клерикализма и бонапартизма и опредѣлить, до какихъ предѣловъ должна простираться, на основаніи военной дисциплины, обязанность подчиненныхъ повиноваться распоряженіямъ начальниковъ, въ случаяхъ прямой ихъ преступности. Все это, конечно, помогло бы тому, что на пособіе арміи перестали бы рассчитывать конспираторы, и войска сгѣлались бы во истину законной охраной республиканскаго порядка вещей. Публика ожидала, что, при открытіи сессіи, кто либо изъ депутатовъ крайней лѣвой или изъ непримиримыхъ непременно внесетъ вопросъ о подготовленіяхъ къ государственному перевороту, но никто объ этомъ не заикнулся. Лѣвыхъ удовлетворило удаленіе отъ командованія 8-мъ корпусомъ генерала Дюкро, хотя эта немилолюбивость правительства относительно этого слишкомъ усерднаго реакціонера и была значительно смягчена назначеніемъ его въ смѣшанную комиссію общественныхъ работъ, на мѣсто Бореля, назначеннаго военнымъ министромъ. Реакціонные органы, по поводу этого смѣщенія, подняли таковой вопль, что республиканцы успокоились, и ожесточенная полемика, по поводу неудавшагося государственнаго переворота, смогла внезапно, какъ бы по маговому волшебнаго жезла. Гамбетта же издавна находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Борелемъ и счелъ неудобнымъ ставить своего пріятеля въ неловкое положеніе отвѣтственности за распоряженія его предшественника. Вѣроятно, однако, что этотъ вопросъ снова выйдетъ на свѣтъ божій, когда палатская комиссія о преступленіяхъ власти, совершенныхъ съ 16-го мая по 13-е декабря, по поводу выборовъ, представитъ свой докладъ и заключеніе палатѣ. Слухи объ этой комиссіи потому замолкли, что ея члены дѣятельно работаютъ надъ открытіемъ всей интриги, во всѣхъ ея подробностяхъ. Комиссія эта раздѣлилась на особыя подкомиссіи, которыя разѣхались по разнымъ мѣстностямъ Франціи для обследованія административныхъ злоупотребленій тамъ, гдѣ они производились. Всѣ министры отдали своимъ подчиненнымъ приказанія, буквально противоположныя тѣмъ, какими хвалился съ трибуны де-Брольи, т. е. обязали ихъ способствовать всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами раскрытію истины. Даже Дюфоръ отиѣнилъ распоряженіе своего предшественника и разрѣшилъ прокуратурѣ начинать преслѣдованіе противъ производителей выборныхъ злоупотребленій и ихъ сообщниковъ. Онъ позабылъ только одно: измѣнить составъ генеральныхъ прокуроровъ и ихъ помощниковъ; настоящіе же едвали отважатся на преслѣдованіе своихъ друзей и единомышленниковъ. Въ разрѣшеніи Дюфора не сдѣлано никакихъ исключеній для высшихъ сановниковъ, и палата надѣется, что ей удастся привлечь къ отвѣтственности Фуру, де-Брольи и имъ подобныхъ, но такъ какъ только сенатъ можетъ судить бывшихъ министровъ, то республи-

каины и не торопятся. Имъ нужно, чтобы слѣдствіе тянулось какъ можно долѣе и судьями главныхъ дѣателей 16-го мая явился уже сенатъ, обновленный въ трети своего состава, какинъ онъ будетъ послѣ 1-го января 1879 г. Въ настоящее время, поэтому, реакціонерамъ сената не остается ничего другого, какъ употребить всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать планамъ палатскаго большинства. Для этого имъ прежде всего нужно достигнуть сверженія министерства Дюфора-де-Марсера. Застрѣльщикомъ въ дѣлѣ осуществленія этой мысли явился де-Гаварди, внесшій запросъ о муниципальных выборахъ, произведенныхъ, по его мнѣнію, незаконно, и объ утвержденіи на прежнихъ мѣстахъ тѣхъ мэровъ, которые были уже удалены (при нравственномъ порядкѣ). Въ отвѣтъ на это Дюфоръ, 18-го января, прочиталъ ему самый текстъ законовъ, сюда относящихся, и обратился къ правымъ съ требованіемъ — выбрать изъ своей среды кого-либо посвѣдующаго для заявленія своихъ неувольствій правительству. Но де-Гаварди произвелъ передъ тѣмъ столько смѣха въ сенатѣ, назвавъ своего друга Шенелона «представителемъ настоящей демократіи», такъ какъ онъ изъ продавца свиней сдѣлался чуть не первымъ конфиденнтомъ Генриха V, что на вызовъ Дюфора никто не отовался. Вышло совершенно напротивъ. Правые до того затихли, что никто не потребовалъ даже голосованія и, такимъ образомъ, торжественно заявленный запросъ обратился въ простой вопросъ. Очевидно, правые боялись, что конституціоналисты стануть голосовать вмѣстѣ съ республиканцами, и такимъ образомъ возникнетъ то глѣвое большинство сената, осуществленія котораго они такъ опасаются. Но едва ли опасенія эти не были напрасными. Если конституціоналисты, скомпрометировавшіеся въ ноябрѣ, своимъ декабрьскимъ отказомъ участвовать въ требованіи вторичнаго распущенія палаты и способствовали образованію министерства Дюфора, то они все-таки еще не отстранились отъ коалиціи правыхъ и до сихъ поръ исполняютъ данное правымъ обѣщаніе поддерживать ихъ кандидатовъ на ваканціи «пожизненныхъ», безпрестанно открывающіяся въ сенатѣ за смертью. Легитимисты имъ оказываютъ подобныя же услуги и такимъ образомъ рука руку моетъ. Такъ реакціонеры провели имъ Шабо-Латура, а они помогли назначенію банапартиста Гранпере. За смертью генерала Ореля де-Паладина, открылась новая ваканція. Тутъ правые задумали воспользоваться услугами конституціоналистовъ, въ видахъ нанесенія оскорбленія республиканцамъ, и затѣяли назначить «пожизненнымъ» генерала Дюкро. Для успѣха подобнаго предпріятія имъ необходимо было только заручиться пособіемъ 25—30 конституціоналистовъ, но такого числа преданныхъ они въ ихъ средѣ не нашли. Орлеанисты предлагали, съ своей стороны, герцога Деказа, такъ какъ депутатство его, купленное въ захолустномъ округѣ Пуже-Теньерѣ за значительную сумму, по всей вѣроятности, будетъ въ палатѣ кассировано. Но герцогу

Девая не сочувствуют ни бонапартисты, ни клерикалы. Для соглашения не оказывалось никакой почвы, как вдруг представился новый кандидат, въ лицѣ весьма уступчиваго легитимиста, герцога де-Ларошфуко-Визачіа, депутатскія полномочія котораго только что не признала палата, и который сталъ такимъ образомъ какъ бы «жертвою республиканскаго большинства палаты». Большинство это, говоря правду, сдѣлало громадную ошибку, не забаллотировавъ сразу всѣхъ 200 человекъ, заявлявшихъ себя кандидатами маршала и де-Фурту. Оно имѣло на это полное право и слѣдовало даже совершить это отстраненіе внесеніемъ перехода къ очередному порядку, серьезно и строго мотивированному, такъ какъ всѣ эти кандидаты вошли въ палату, благодаря только насильямъ и подлогамъ. Но оно этого не сдѣлало и тянетъ безъ конца проверку полномочій. При этомъ пробѣлочная коммиссія приняла системой отсрочивать обсужденіе полномочій такихъ лицъ, которыя выбраны такими ретроградными округами, что, какъ ни кассируй ихъ выборы, они снова попадутъ въ палату, до окончанія парламентскаго слѣдствія. Точно также эта коммиссія пока оставила въ покоѣ и знаменитостей реакціи, какъ на примѣръ бонапартистскаго адвоката Жолибуа, самого Фурту и его бывшаго помощника барона Рейля—изъ-за тѣхъ же соображеній. Такимъ образомъ, пришлось ограничиться пока изгнаніемъ изъ своей среды только такихъ жалкихъ реакціонеровъ, которые безъ административной поддержки никогда не могли бы побѣдить республиканца, и которымъ рѣшительно нечего надѣяться на переѣборы.

Въ числѣ лицъ послѣдней категоріи, подвергся остракизму палаты и герцогъ де-Ларошфуко-Визачіа. Человекъ этотъ до того незначителенъ, что на переѣборахъ достаточно было всего какихъ-нибудь 700 голосовъ, чтобы мало извѣстный аптекарь, демократъ де-Мамезъ, замѣнилъ собою въ парламентѣ этого «прямого наследника крестоносцевъ», какъ себя называетъ самъ герцогъ. Участъ герцога была рѣшена въ коммисіи большинствомъ всего двухъ голосовъ. Между тѣмъ, это былъ депутатъ совершенно безвредный и, хотя не блисталъ никакими талантами, но, обладая представительною виѣшностью и большими средствами, отличался хорошими манерами и щегольствомъ, онъ пользовался въ Парижѣ репутаціею весьма порядочнаго человека. Президентъ лѣваго центра считалъ, что присутствіе въ палатѣ наряднаго герцога положительно необходимо, въ видахъ ея виѣшняго представительства, но докладчикъ коммисіи, депутатъ монмартрскаго округа, Клемансо, составилъ грозный докладъ, гдѣ безъ всякой церемоніи обнаружилъ всю неправду, сопровождавшую выборы и ту унижительную роль, какую добровольно принялъ на себя герцогъ во время избирательнаго періода, пользуясь покровительствомъ министра финансовъ Каллѣд, чтобы съ крайнимъ трудомъ побѣдить своего республиканскаго соперника, честнаго москательщика Гранже. Послѣ этого доклада, выборы

герцога былъ кассированъ 253 голосами противъ 209. Огорченный герцогъ, не обладающій краснорѣчьемъ, не сумѣлъ ничего сказать въ свою защиту, а ограничился только восклицаніемъ: «Я подчиняюсь этому приговору, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горжусь, что могу выйти изъ состава подобной палаты депутатовъ!» Предсѣдательствовалъ въ этотъ день весьма наивный депутатъ Рамо. Онъ пригласилъ герцога къ порядку, забывая, что съ той минуты, какъ герцогъ пересталъ быть депутатомъ, онъ не имѣлъ на это никакого права. Послѣ словъ Рамо, большая часть правыхъ оставила свои скамьи и вышла вслѣдъ за герцогомъ изъ зала, чтобы проводить его до выхода на улицу. «Слабечная манифестація», какъ ее прозвали тотчасъ же республиканцы, не представляла, впрочемъ, ничего внушительнаго, а оказалась только смѣшною. Но вслѣдъ за ней произошло нѣсколько собраній правой стороны палаты, на которыхъ обсуждался вопросъ, нельзя ли придумать новой и болѣе значительной манифестаціи для заявленія, что правые считаютъ провѣрку полномочій настоящею палатою—тиранической. Непризнанные депутаты предложили для этого одновременный выходъ въ отставку всѣхъ правыхъ, но тѣ изъ нихъ, полномочія которыхъ признаны и тѣ, которые надѣются на признаніе своихъ полномочій въ будущемъ, нашли подобную мѣру негнѣной. Потому обсуждали, не будетъ ли удобно правымъ вовсе не посѣщать палаты, а разѣхаться по своимъ департаментамъ и, пользуясь парламентскою неприкосновенностью, агитировать въ средѣ избирателей, въ видахъ подготовленія ихъ къ слѣдующимъ выборамъ. Нѣкоторые предлагали продолжать посѣщенія палаты, чтобы не лишать себя полученія жалованья и пользованья тѣми привилегіями, которыя приносятъ депутатское званіе, но не принимать болѣе участія ни въ какихъ иреніяхъ и ни въ одномъ голосованіи. Участники собранія ни на чемъ, однако, не сошлись, кромѣ представленія палатѣ предложенія отъ лицъ всѣхъ правыхъ, объ измѣненіи правилъ провѣрки, текстъ котораго составленъ былъ Жолибуа, а внести его на трибуну взялся наняный адмиралъ Тупаръ, президентъ небольшой группы конституціоналистовъ. Мысль о внесеніи этого предложенія орлеанистомъ, въ видахъ подтвержденія союза между консерваторами обѣихъ палатъ, придумана была бонапартистами и имѣла бы значительные шансы на успѣхъ, еслибы они озаботились, чтобы предложеніе было прилично мотивировано и носило опредѣленный политическій характеръ, такъ что къ нему могли бы примкнуть и члены лѣваго центра.

Но этого-то и не поняли бонапартисты. Предложеніе ихъ написано въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ и исполнено такихъ смѣшныхъ преувеличеній, что это бросилось всѣмъ въ глаза. Въ немъ, по поводу непризнанія палатою ничтожнаго числа 15 реакціонеровъ, въ то время, когда признано ихъ уже болѣе 100—настоящая палата сравнивалась съ революціонными собраніями,

а ея голосованія съ *малотинною!* Ненависть къ лѣвымъ высказывается въ немъ такъ явно и въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ, что Гревъ вынужденъ былъ безпрестанно останавливать Тушара, напоминая ему о приличіи и о палатскомъ регламентѣ, а Тушаръ, чтобы имѣть возможность дочитать заявленіе до конца, долженъ останавливаться и брать назадъ неумѣстныя выраженія. Сущность предложенія влѣзаетъ къ слѣдующему: 1) ускорить провѣрку полномочій, 2) опредѣлить срокъ, позднѣе котораго не могутъ быть принимаемы жалобы на неправильности при выборахъ, 3) сохранять за депутатами, провѣрка полномочій которыхъ еще не произведена или отсрочена, всѣ парламентскія прерогативы и 4) считать нивалидацію закономъ только при большинствѣ двухъ третей голосовъ. Такимъ образомъ, еслибы это предложеніе было принято, то при обладаніи реакціонерами числомъ голосовъ нѣсколько бѣльшимъ противъ одной трети—полномочія ни одного изъ реакціонеровъ не могли бы быть уже признанными!

Адмиралъ Тушаръ требовалъ неотложности для этого предложенія. Гамбетта просилъ, чтобы къ нему серьезно не относились, а признали его несвоевременнымъ: «Слышанное ли это дѣло, сказалъ онъ, среди гвалта поднятаго бонапартистами:— чтобы меньшинство, которое нельзя назвать ни свободнымъ, ни независимымъ, такъ какъ оно—плодъ официальныхъ кандидатуръ, изъ за непризнанія какихъ-нибудь 15, 16 своихъ членовъ, покушалось на права большинства, которое въ признаніи полномочій своихъ враговъ дошло до послѣдней степени синсхродельности и терпимости?» «Распущеніе, продолжалъ онъ:— было предпріятіемъ, направленнымъ противъ воли цѣлой націи. 16 го мая, шедшее въ разрѣзъ всѣмъ интересамъ Франціи, было явнымъ возмущеніемъ противъ самыхъ законныхъ стремленій страны, заявляемыхъ самымъ торжественнымъ образомъ... Это было насильственное покушеніе на народную волю. Безрешонное министерство, нарушая всѣ законы, обратило чуть ли не всѣхъ чиновниковъ въ избирательныхъ агентовъ... Республиканскую партію такъ безпощадно преслѣдовали, что противъ нея было начато 2598 судебныхъ процессовъ. И все это для того, чтобы дать возможность меньшинству попасть въ члены палаты!.. Если это меньшинство не сдѣлалось большинствомъ, то потому только, что страна, въ своемъ сопротивленіи министерству, оказала столько же героизма, сколько министерство выказало произвола въ своемъ насиліи... И это-то меньшинство провозносятъ слова: гоненія, преслѣдованія и проскрипція, и только потому, что мы не признали полномочій какихъ-нибудь 17-ти его членовъ!»

При этомъ Гамбетта напомнилъ, что въ собраніи 1870 г., по предложенію Бараньона, имѣ сторонника официальныхъ кандидатуръ, былъ кассированъ выборъ одного республиканскаго кандидата только за то, что на выборахъ онъ былъ поддержанъ

письмомъ Бартеlemi Сент-Илера, бывшаго тогда секретаремъ Тьера. «Еслибы, продолжалъ онъ:—подобный ригоризмъ былъ примѣненъ и къ настоящей палатѣ, то сколькимъ изъ числа ста депутатовъ меньшинства, полномочія которыхъ признаны, не пришлось бы здѣсь сидѣть!» — Это оскорбленіе меньшинства! прервалъ Бодри д'Ассонъ, а де-ла-Рокеттъ подошелъ къ трибунѣ и, скрестивъ руки, произнесъ: «Я принимаю эти слова за личную себѣ обиду!» Гриви началъ объяснять, что ораторъ имѣлъ полное право на сравненіе провѣрочной процедуры настоящей палаты съ процедурою собранія 1870 г., но де-ла-Рокеттъ продолжалъ настаивать, что въ такомъ сравненіи заключается обида и онъ имѣетъ право принять ее на свой счетъ. Въ этомъ странномъ препирательствѣ прошло цѣлыхъ десять минутъ. Потомъ начинаются перерывы, которые Гамбетта отражаетъ. «Насъ готовы изгнать!» заявляетъ кто-то справа. «Такими изгнанниками, какъ вы, отвѣчаетъ ему Гамбетта:—быть еще недурно. Вы называете насъ Конвентомъ, а между тѣмъ сами сознаете, что передъ Конвентомъ пришлось бы вамъ говорить иначе и т. д.» Затѣмъ начинаются остроты, и когда кто-то изъ лѣвыхъ замѣтилъ, что избирательную борьбу министерство вело по способу цесарскаго сѣченія (*oréation cézarienne*), то Гамбетта уловилъ на лету это выраженіе и сказалъ: «да, это было настоящее цесарское сѣченіе—какъ извѣстно, почти никогда не удающееся». Начинается общій хохотъ, благодаря которому удается, наконецъ, возстановить молчаніе, и ораторъ доканчиваетъ свою рѣчь доказательствами неприличія и непристойности предложенія меньшинства, противъ котораго большинство прегрѣшило только излишествомъ снисхожденія».

Отвѣчать народному трибуну выходитъ Поль де-Кассаньякъ, напоминая этимъ палатѣ извѣстную басню о завистливой лягушкѣ, затѣявшей «сравняться въ дородствѣ» съ воломъ. Рѣчь его до того нелѣпа, что даже на правыхъ производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Тушаръ то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, слушая, какъ человекъ, поддерживающій его предложеніе, пускается въ апологию 18-го брюмера и 2-го декабря. Но Кассаньякъ и на этомъ не останавливается и заявляетъ прямо и просто: «Мы уже произвели нѣсколько государственныхъ переворотовъ и, можетъ быть, произведемъ еще и новый». Тогда среди рукоплесканій лѣвыхъ, къ трибунѣ приближается величественный старикъ Мадье де-Монжо и замѣчаетъ оратору: «Знаете ли вы, въ чемъ заключается громадная разница между вами и нами?.. Вы производили государственные перевороты при помощи войскъ, мы же производили революціи, на которыя насъ вынуждали, при помощи только своихъ рукъ и подставляя свою грудь—принимая весь рискъ и опасности предпріятія на себя!»

Бараньонъ, имя котораго упомянулъ Гамбетта, счелъ тоже нужнымъ отвѣчать ему, но возраженіе его отличалось крайнею безтактностью. Сначала онъ заявилъ, что гордится тѣмъ, что

былъ кандидатомъ маршала, а потомъ его же сталъ безъ нужды унижать за то, что онъ вынужденъ былъ уступить передъ предложенной ему альтернативой: «подчиниться или удалиться». «Съ нами, сказалъ онъ:—нельзя говорить такимъ языкомъ, мы не подчинимся и не удалимся, а потому насъ просто хотятъ отсюда прогнать». Потомъ, онъ сталъ упрекать Гамбетту за то, что онъ самъ подвергся осужденію одного изъ судовъ Франціи, что «надъ нимъ и до сихъ поръ тяготѣтъ судебный приговоръ, почему онъ и нуждается болѣе всякаго другого» въ амнистіи, которая скоро послѣдуетъ за всѣ политическіе проступки, совершенные съ 16-го мая. Это заставляетъ Гамбетту снова явиться на трибунѣ и заявить, что «судебный приговоръ такъ мало надъ нимъ тяготѣтъ, что сама прокуратура сочла нужнымъ пропустить всѣ сроки для приведенія его въ дѣйствіе, и что его процесса не осмѣлились даже разбирать по существу передъ апелляціоннымъ судомъ». «Я самъ требовалъ этого, сказалъ онъ:—но судъ на это не рѣшился и никогда не рѣшится, почему я и не нуждаюсь ни въ юридическихъ знаніяхъ г. Бараньона, ни въ амнистіи хранителя государственной печати, понимая очень хорошо, что если суды иногда и могутъ доводить свою угодливость передъ властью до вчинанія неправильныхъ процессовъ, но никогда не рѣшатся произносить такихъ приговоровъ, которые слишкомъ явно возмутили бы свою неправдою общественную совѣсть».

Тогда Ланглуа ясно и громко заявляетъ слѣдующее мнѣніе, къ которому тотчасъ же примыкаютъ всѣ лѣвые: «Если признаніе несвоевременности предложенія, о которомъ мы разсуждали, и не выражаемъ достаточно всего презрѣнія къ нему, то оно все-таки покажетъ, что мы не придаемъ ему никакого серьезнаго значенія. Республиканское большинство, что бы объ немъ ни говорили, всегда съумѣетъ оставаться твердымъ и умѣреннымъ. Оно не можетъ допустить, чтобы его оскорбляли, какъ оскорбляютъ его въ изложеніи мотивовъ слушаннаго нами предложенія. На такіа оскорбленія оно отвѣчаетъ презрительнымъ признаніемъ несвоевременности предложенія».

Голосованіе даетъ 300 голосовъ за Ланглуа и 177 противъ. Самъ Бетмонъ, несмотря на то, что онъ защищалъ Ларошфуко, голосуетъ за Ланглуа. Такимъ образомъ, маленькій, жалкій омытъ возмущенія правыхъ способствуетъ только къ тому, что всемогущество и справедливость лѣвыхъ получаетъ новое подтвержденіе. И грозные ораторы правыхъ, сулившіе наканунѣ чуть не стереть съ лица земли большинство, въ тотъ же день, принимаютъ какъ милостивую — признаніе полномочій одного изъ своихъ. На слѣдующій день они всѣ занимаютъ свои обычныя мѣста на скамьяхъ и продолжаютъ принимать неловкое участіе въ провѣркѣ полномочій. Такъ они подаютъ 189 голосовъ за признаніе депутата-бонапартиста, который не признается 300-ми. Впрочемъ, у нихъ хватаетъ довольно приличія, чтобы

не стоять всею массою за нѣкоего роялиста Эстиньяра, обвиненія противъ котораго слишкомъ ясны и вѣски.

Событія эти повергаютъ въ совершенное уныніе всю реакціонную прессу отъ «Фигаро» до «Union». Всѣмъ очевидно, что отъ консервативнаго союза не осталось даже слѣда.

Смятеніе въ лагерѣ реакціи до того велико, что когда въ сенатѣ, 23-го января, пришлось приступать къ выбору «пожизненнаго», изъ-за котораго возникла вся передрыга, то для аполіогіи государственнаго переворота въ лицѣ генерала Дюкро — въ сенатѣ нашлось только 7 голосовъ! Поддерживать Ларошфуко-Бизачіа рѣшаются только *два* голоса, къ которымъ, спустя нѣкоторое время, примыкаютъ еще *три*! Заимѣстить ваканцію Ореля-де-Паладина представляется просто невозможностью. Герцогъ Девазь не получаетъ необходимаго числа голосовъ: за него ихъ только 128, тогда какъ за республиканца Виктора Лефрана 129. Приходится отложить выборъ до слѣдующаго дня. Но и 24 повторяется то же самое и Девазь, и Лефранъ остаются при томъ же числѣ голосовъ, то есть ни одинъ не получаетъ абсолютнаго большинства! Теперь только 7-го февраля можно будетъ узнать, на чьей сторонѣ члены междуцентральной группы и какое большинство въ сенатѣ — республиканское или реакціонное. Уже одного того, что могъ возникнуть такой вопросъ — достаточно, чтобы видѣть, что политика уступчивости республиканцевъ приноситъ имъ все новыя и новыя побѣды.

Въ то время, когда сенатъ обнаруживалъ свое политическое безсиліе, въ палатѣ депутатовъ открылись пренія объ амнистіи за всѣ преступныя уклоненія печати, совершенныя съ 16-го мая по 14 декабря. Имперіалисты Лангле и Руэръ попытались предложить распространеніе этой амнистіи и на проступки печати, совершенныя до и послѣ этого періода. «Нѣтъ», отвѣчали имъ на это какъ докладчикъ Гоблэ, такъ и самъ хранитель печати Дюфоръ: — періодъ, на который распространяется амнистія, долженъ стоять особнякомъ въ жизни Франціи». «Въ настоящемъ случаѣ, сказалъ министръ: — дѣло идетъ о томъ, чтобы загладить несправедливости того времени, которое можно назвать политической невзгодой, тяготѣвшею надъ Франціей въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ. Провокаціи, какими изобиловало это время, создали для печати какое-то исключительное положеніе... Законъ, о которомъ идетъ рѣчь, долженъ быть закономъ умиротворенія, который помогъ бы забыть все, что произошло въ продолженіи избирательной борьбы, посягнувшей на всѣ принципы конституціи». Понятно, что такія слова Дюфора вполне соответствовали взглядамъ большинства и за амнистію подали голоса всѣ республиканцы, въ числѣ 321 человека, и только 35 реакціонеровъ голосовали противъ. Остальные воздержались отъ голосованія.

Въ день погребенія Виктора-Эммануила, въ палатѣ депутатовъ не происходило засѣданія. Надъ сенатомъ, по предложенію республиканца Герольда, былъ выкинутъ черный флагъ въ знакъ

траура. Обѣ итальянскія палаты торжественно заявили французскому парламенту благодарность за эту сочувственную манифестацію. Итальянская колонія Паризжа организовала въ церкви Мадлены торжественную заупокойную мессу, на которую не пришелъ никто изъ французскихъ католиковъ, а явились одни только свободные мыслители. Такимъ образомъ, послѣднія почести королю были отданы одними республиканцами, а при молитвахъ за него присутствовали только такія лица, которыя находятся въ оппозиціи съ церковью. Но какъ бы все это ни казалось страннымъ, Италия повала настоящій смыслъ этой демонстраціи либеральной и демократической Франціи; а въ этомъ-то и была вся суть.

Правительство, продолжающее носить фирму Мак-Магона, было представлено въ Римѣ въ лицѣ маршала Канробера и лейтенанта Патриція де-Мак Магона. Именитые эти путешественники предполагали прибыть въ Римъ къ самому дню похоронъ, но во время ихъ путешествія, похороны были отложены на двое сутокъ. Они не рассчитывали на торжественную встрѣчу на дебаркадерѣ римской желѣзной дороги и были въ путевыхъ костюмахъ, что придадо нѣсколько комической характеръ смотру войскъ, который имъ пришлось немедленно совершить. Обстоятельство это не понравилось итальянцамъ, но они скоро поняли, что все произошло по недоразумѣнію и что Франція, переставъ быть клерикальной, весьма сердечно оплакиваетъ Виктора-Эммануила, который, въ теченіи всей своей жизни, не забывалъ тѣхъ услугъ, какія ему оказалъ сосѣдь-народъ.

Россія также сильно ошибется, если станетъ судить о настроеніи Франціи относительно восточнаго вопроса по тѣмъ статьямъ, которыя время отъ времени появляются объ немъ въ нашихъ газетахъ, даже республиканскихъ. Положительно завѣряю васъ, что вопросъ о свободѣ проливовъ нисколько не волнуетъ нашего народа. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія вступать въ союзъ съ «коварнымъ Альбіономъ» и упрямся руками и ногами, если онъ задумаетъ насъ втнудить въ него. Девизъ всего нашего народа, принятый имъ безповоротно—это нейтралитетъ и миръ во что бы то ни стало. Парижъ же исключительно поглощенъ заботами о предстоящемъ ему международномъ праздникѣ промышленности, торговли и изящныхъ искусствъ.

Вы, конечно, знаете уже о смерти Распайла, съ 1830 по 1848 годъ составлявшаго, съ Бланки и Барбесомъ, главнѣйшую поддержку «воинствовавшей» республики во Франціи. Послѣ продолжительныхъ ссылки и тюремныхъ заключеній, онъ, въ 1869 году, какъ бы воскресъ для парламентской дѣятельности и былъ выбранъ депутатомъ въ національное собраніе. Потомъ онъ былъ снова избранъ Марселемъ въ палаты 1876 и 1877 годовъ. Умеръ онъ 84-хъ лѣтъ, 7-го января. 13-го тѣло его было привезено изъ Аркейль-Бюшана и перевезено торжественно для погребенія на кладбищѣ отца Лашеза. Къ этому дню изъ провинціи прибыло

множество депутацій, чтобы почтить умершаго, и республиканцы обѣихъ палатъ сопровождали его въ полномъ составѣ. На всемъ протяженіи похороннаго поѣзда, публика кричала: «да здравствуетъ амнистія», но, какъ ни старались объ этомъ реакціонеры, никто не прибавлялъ къ этому крика: «да здравствуетъ коммуна!» Это былъ невольный сердечный крикъ населенія, не приведшій ни къ какимъ практи ческимъ недоразумѣніямъ, такъ какъ самые непримиримые изъ непримиримыхъ депутатовъ хорошо понимаютъ, что новое внесеніе въ палаты предложенія объ амнистіи несвоевременно, и для его успѣха слѣдуетъ подождать уже очень недолго — менѣе года, когда сенатъ сдѣлается достаточно республиканскимъ, а Мак-Магонъ, можетъ быть, оставить свой постъ.

Людоедствъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Католическая лига и кальвинисты во Франціи. *И. В. Лушцаго.* Опытъ исторіи демократическаго движенія во Франціи во второй половинѣ XVI вѣка (по неизданнымъ источникамъ). Томъ 1-й. Кіевъ 1877.

Странную и печальную судьбу имѣетъ русская научная литература, въ особенности тѣ ея отдѣлы, которые посвящены циклу такъ называемыхъ гуманитарныхъ знаній. Къ ней наиболѣе примѣнимо то замѣчаніе, которое въ одной изъ сатиръ г. Щедрина сдѣлано о всей нашей литературѣ вообще, именно, что она страдаетъ отсутствіемъ постоянного и опредѣленнаго «читателя». И конечно, ближайшихъ, непосредственныхъ причинъ такого изолированнаго положенія русской науки (если только въ настоящее время можно говорить о «русской наукѣ») слѣдуетъ искать въ самомъ характерѣ нашихъ ученыхъ трудовъ. Значительная часть этихъ трудовъ, если не большинство, отличается какою-то случайностью, полнымъ отсутствіемъ органической связи какъ между собою, такъ и съ интересами русскаго общества. О разобщенности русской науки отъ струи общественной жизни давно уже и много было говорено; но тѣмъ не менѣе и до нынѣ эта разобщенность составляетъ преобладающій фактъ. Нетрудно видѣть, какія послѣдствія вытекаютъ изъ этого для нашей науки: отворачиваясь отъ жизни и имѣя въ виду только «интересы чистой науки», наши ученые какъ бы забываютъ, что самая эта наука постепенно выскользаетъ изъ подъ ихъ ногъ и на мѣсто

ея является простая эрудиція. Вѣдь «интересы знанія, науки», въ сущности—только голая фикція. Въ дѣйствительности, реально и конкретно существуютъ только интересы и потребности личностей. Пополнить «пробѣлъ въ наукѣ» значитъ удовлетворить существующую въ томъ или другомъ слоѣ мыслящихъ и читающихъ людей и неудовлетворенную еще умственную потребность. Поэтому научное сочиненіе, претендующее на какое-нибудь *реальное* значеніе можетъ или имѣть въ виду непосредственно интересы массы публики, или же предназначаться для ученыхъ круговъ, т. е. опять таки для личностей, и даже въ послѣднемъ счетѣ для массъ, но только посредственно, послѣ репродукціи его въ трудахъ другихъ ученыхъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, конечно, можно говорить только о какомъ-нибудь данномъ, конкретномъ обществѣ или кругѣ ученыхъ, а никакъ не о какой-то отвлеченной, безличной наукѣ вообще. Что же мы видимъ въ нашей научной литературѣ? Нѣтъ надобности говорить, что *непосредственными* интересами русской читающей публики ученые наши рѣдко руководятся въ выборѣ темъ для своихъ трудовъ. Конечно, есть нѣсколько очень свѣтлыхъ и пріятныхъ исключеній, но это во всякомъ случаѣ исключеніе, а не общее правило. Остаются ученые круги, *производящій элементъ* русской науки. Но весьма часто и этотъ элементъ совсѣмъ не имѣется въ виду, и вновь появляющійся ученый трудъ падаетъ совершенно какъ снѣгъ на голову, *ex-abrupto*. Стоитъ припомнить комичныя явленія, вродѣ поисковъ ученыхъ магистрантовъ и докторантовъ за официальными оппонентами, чтобы вполне убѣдиться въ этомъ. Выходить такъ, какъ будто русскіе ученые пишутъ для какой-то фиктивной, воображаемой публики. Читаетъ ученый много книгъ на разныхъ языкахъ по тому или другому предмету, обнаружится извѣстный пробѣлъ въ кругѣ свѣдѣній, которыя онъ приобрѣлъ такимъ чтеніемъ, нашъ ученый и задается цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ; очень часто онъ вовсе и не интересуется при этомъ вопросомъ, ощущается ли въ дѣйствительности въ томъ обществѣ, гдѣ онъ живетъ, и въ томъ учебномъ классѣ, къ которому онъ принадлежитъ, соответственная его задачѣ потребность, или же потребность создалась только въ немъ самомъ, благодаря той искуственной атмосферѣ, которую онъ себя окружилъ. Отъ этого ученый трудъ, не приспособленный ни къ какой школѣ, или просто обрушивается въ пустое пространство, или же, если потребности ученаго случайно совпадаютъ съ реальными потребностями той или другой чужой литературы, можетъ до извѣстной степени пригодиться въ переводѣ на иностранный языкъ.

Мы могли бы привести много примѣровъ въ подтвержденіе нашей мысли, но, во-первыхъ, мы помнимъ, что *popina sunt odiosa*, а во-вторыхъ, намъ кажется, что приведенныя положенія едва ли можно оспаривать. Всякій, знакомый съ русскою научною литературою, согласится, что въ ней есть много отдѣльныхъ почтенныхъ трудовъ, но всѣ эти труды вовсе не составляютъ како-

го-нибудь органическаго дѣлаго. Въ русской наукѣ нѣтъ, «духа жива», а потому нѣтъ и никакой опредѣленной фізіономіи. Фізіономія эта явится только тогда, когда русскія ученые силы будутъ руководствоваться общими интересами и, взаимно поддерживая другъ друга составлять общую дружную кооперацію. Но что же можетъ служить связующимъ цементомъ, руководящимъ принципомъ этой коопераціи, какъ не потребности и интересы русской земли. Когда русскіе ученые живо проникнутся этими насущными интересами, когда задачей ихъ дѣятельности будетъ непосредственное удовлетвореніе потребностей живой русской дѣятельности, тогда сама собою установится и связь между научными трудами. Тогда можно будетъ говорить о *русской наукѣ*; теперь же у насъ есть только рядъ отдѣльныхъ трудовъ, оазисовъ въ сплошной пустылѣ.

Всѣ приведенныя соображенія невольно приходятъ въ голову при чтеніи книги г. Лучицкаго. Трудъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ, очень почтенный, тоже, въ полномъ смыслѣ—уединенный оазисъ. Г. Лучицкій задался цѣлю изслѣдовать исторію демократическаго движенія во Франціи во второй половинѣ XVI в. Изданный имъ въ настоящее время томъ есть отрывокъ изъ этого труда; г. Лучицкій подробно рассказываетъ въ немъ исторію нѣсколькихъ лѣтъ (1576—1579) изъ времени религиозныхъ войнъ во Франціи. Избранный имъ періодъ самъ по себѣ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, и детальное изложеніе всѣхъ его явленій объясняется главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что во *французской исторической литературѣ* періодъ этотъ не вполне изслѣдованъ. Г. Лучицкій изучалъ дѣло на мѣстѣ, самымъ доскональнымъ образомъ; онъ рылся въ архивахъ, парижскихъ и провинціальныхъ, открылъ значительное число новыхъ документовъ, которые частью напечаталъ, частью приготавливаетъ къ печати. Все это позволило ему изложить въ своей книгѣ нѣкоторые эпизоды изъ исторіи внутренней борьбы во Франціи, въ періодъ времени отъ мира въ Шатенуа до майскаго ордонанса 1579, въ болѣе обстоятельномъ и правильномъ видѣ, нежели это дѣлали до сихъ поръ французскіе историки. Если книга г. Лучицкаго появится въ переводѣ на французскій языкъ, она будетъ небезполезна изслѣдователямъ той же эпохи; изданные имъ акты, безъ сомнѣнія, пригодятся французскимъ ученымъ—но какое значеніе можетъ принадлежать этой книгѣ въ *русской научной литературѣ*—сказать чрезвычайно трудно. Научные факты цѣнны тогда, когда они занимаютъ извѣстное мѣсто въ ряду другихъ фактовъ и могутъ служить основаніемъ для извѣстнаго вывода; но факты, излагаемые г. Лучицкимъ, по крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ, принимаютъ до извѣстной степени къ пустому мѣсту; сами же по себѣ они не настолько серьезны и многочисленны, чтобы на нихъ можно было построить какое-нибудь научное заключеніе. Г. Лучицкій и самъ смотритъ на свое изслѣдованіе только, какъ на *mate-*

риалъ для будущихъ обобщеній; но даже и съ этой стороны гораздо болѣе интересъ будутъ имѣть послѣдующія части сочиненія, въ особенности та, которая должна бы предшествовать настоящему тому, а именно введеніе. Въ этомъ «введеніи, которое составитъ особый томъ, авторъ намѣренъ на основаніи матеріала, уже собраннаго имъ и собираемаго подъ его руководствомъ въ національномъ парижскомъ архивѣ, представить изслѣдованіе состоянія общества, разсматриваемаго съ статической точки зрѣнія, показать каково было правительство и его органы, классы, на которые подраздѣлялось общество, каковы были ихъ силы и взаимныя отношенія и т. п.». Такое изслѣдованіе, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть для русской читающей публики гораздо болѣе значеніе, нежели утомительно подробный разсказъ о мелочныхъ «событіяхъ», которыми наполненъ изданный нынѣ томъ труда г. Лучицкаго.

Мы остановились на книгѣ г. Лучицкаго потому, что, какъ намъ кажется, вправѣ были бы ожидать отъ нея болѣе, нежели она даетъ. Г. Лучицкій до сихъ поръ не принадлежалъ къ числу ученыхъ, которые считаютъ необходимымъ условіемъ соблюденія научнаго достоинства—закутываться въ жреческія мантіи. Мы встрѣчаемъ его имя въ ряду полезныхъ дѣятелей тѣхъ отдѣловъ нашей литературы, которые предназначаются для непосредственнаго потребленія массы русской читающей публики, для «алчущихъ и жаждущихъ» умственной пищи. Было бы желательнѣе, чтобы и чисто-научная дѣятельность г. Лучицкаго тоже была связана болѣе живыми нитями съ потребностями этой массы. Безъ сомнѣнія, тогда эта дѣятельность будетъ стоять на почвѣ гораздо болѣе твердой и плодотворной, нежели теперь.

Audi alteram partem. Восточный вопросъ прошедшаго и настоящаго. Защита Россіи. Сэра Т. Синклеръ, баронета, члена британскаго парламента. Перев. подъ редакціей В. Ѡ. Пудыковича. Спб. 1878.

Т. Синклеръ—одинъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ дѣла турецкихъ славянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, и рѣшительный противникъ турефильской политики нынѣшняго торійскаго министерства. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ той борьбѣ, которая велась между англійскими партіями по поводу восточнаго вопроса; онъ выступилъ защитникомъ славянъ и русской политики въ парламентѣ; затѣмъ, перенесъ пропаганду своей идеи на болѣе широкую арену—въ прессу. Какъ истый англичанинъ, онъ повелъ дѣло весьма энергично: онъ собралъ цѣлую массу фактовъ, которые, по его мнѣнію, должны были поразить его противниковъ, составилъ изъ нихъ толстую книгу (переводъ которой въ сокращеніи появился теперь на русскомъ языкѣ), напечаталъ ее въ огромномъ количествѣ экземпляровъ по весьма дешевой цѣнѣ и, чтобы сдѣлать извѣстною, разослалъ бесплатно по экземпляру во все газеты, иль либо издающіяся (по словамъ переводчика, такимъ образомъ, авторомъ было разослано

до 1,800 экземпляровъ). Искренность симпатій г. Синклера точно также вполне соответствуетъ энергій его агитаціи: прочитавши книгу, едва ли можно допустить относительно этого какое нибудь сомнѣніе. Но, къ сожалѣнію, достоинства самаго произведенія, вышедшаго изъ подъ пера г. Синклера, далеко не идутъ въ уровень съ благими намѣреніями автора. Мы не знаемъ, на сколько г. Пуцыковичъ передѣлалъ или сократилъ сочиненіе г. Синклера, но въ томъ видѣ, какъ книга появляется по русски, она имѣетъ очень странный характеръ. Это какой-то безпорядочный наборъ фактовъ, безъ разбора и безъ критики, важныхъ и неважныхъ, переищенныхъ съ афоризмами и замѣчаніями автора, иногда серьезными, иногда наивными до смѣшного и почти всегда не безпристрастными. Книга состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ статей, связанныхъ между собою только общою тенденціею, ихъ проникающею. Тутъ есть и очерки преній въ парламентѣ по поводу восточнаго вопроса и выдержки изъ сочиненій и рѣчей Фримена, Гладстона, Брайта, изобличенія прошедшаго Биконсфильда и изобличенія жидовъ вообще; весьма тщательный кропотливый сводъ всѣхъ дурныхъ отзывовъ, которые сдѣланы разными путешественниками о туркахъ и т. д. Чтобы дать понятіе о манерѣ изложенія автора, приведемъ на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ книги. Вотъ, напримѣръ, буквальная выписка изъ статьи «Правда о Россіи». (Стр. 82).

«Условія Муравьева при сдачѣ Карса 1855 г. отличались рыцарскою предупредительностію къ своимъ несчастнымъ противникамъ. А послѣ сдачи, онъ далъ банкетъ всему турецкому гарнизону. Генералъ Вильямсъ пользовался отличнымъ уваженіемъ во все время пребыванія своего въ Россіи въ качествѣ военнопленнаго. Сверхъ того, Царь великодушно даровалъ свободу слишкомъ 23 милліонамъ крѣпостнымъ, на сумму свыше 120 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ подвигъ безконечно выше стоящій по значенію нашей эманципаціи негровъ въ Вест-Индіи, стоявшей намъ всего 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Далѣе я могу присовокупить, что американцы питаютъ величайшее уваженіе къ русскимъ и ни одинъ американецъ не захочетъ унизить себя, чтобы пойти сражаться съ турками противъ Россіи и угнетенныхъ христіанъ, хотя между англичанами нашлись многіе, которые дѣлаютъ это» и т. д...

Упомянувши такимъ образомъ бѣгло о крестьянской реформѣ, между обѣдомъ генерала Муравьева и отношеніями къ туркамъ американцевъ, авторъ чрезъ нѣсколько страницъ серьезно распространяется... о достоинствахъ русской шариаты. «Русскому изысканному вкусу, говоритъ онъ на стр. 100:—мы обязаны нашей современной цивилизованной системою обѣдать «à la Russe», украшая столы прекрасными цвѣтами и избранными плодами въ богемскихъ хрустальныхъ и фарфоровъ, переищенныхъ съ элегантнымъ и красивымъ серебрянымъ приборомъ. А достоинства charlotte russe glacée и чудесной икры, свойственной только Рос-

сия, наконецъ, восторжествовали надъ нашей мѣшкотной восприимчивостью, и въ то время, какъ отличныя русскія папироски изъ табаку Латакія съ успѣхомъ вытѣсняють грубые плевелы изъ рабовладѣльческой Гаванны, ароматическая русская юфта также не имѣетъ себѣ соперника въ цѣломъ свѣтѣ, и т. д.

Мы отнюдь не говоримъ, чтобы вся вообще книга г. Синклеръ состояла изъ мѣстъ, подобныхъ приведеннымъ, но они въ ней попадаются весьма часто. Г. Синклеръ видимо слѣдуетъ русской поговоркѣ: «все, что есть въ печи — все на столъ мечи»; отъ этого пища, имъ приподносимая, не всегда удобоварима.

Мы говорили выше, что сужденія Синклеръ по большей части пристрастны. Онъ ненавидитъ турокъ и высказываетъ эту ненависть не стѣсняясь; вся вообще нація, безъ разбора, является у него кровожадною, глупою, развращенною etc.; въ одинаковой степени съ турками, если еще не болѣе, ненавистны ему и жидаы, быть можетъ, благодаря принадлежности къ ихъ расѣ лорда Виконсфильда, *bête noire* нашего автора. Статья «Евреи» наполнена просто бранью противъ «сквернаго жидовскаго племени», которое, притѣсняя всѣхъ и cadaго, само еще поднимаетъ вопль о какихъ-то мнимыхъ противъ него преслѣдованіяхъ.

Это явно пристрастное отношеніе автора къ вопросамъ, о которыхъ онъ пишетъ, позволяетъ пользоваться книгою только съ крайнею осторожностью. Въ особенности, такая осторожность необходима у насъ. Въ англійской литературѣ, если не преобладающее, то, во всякомъ случаѣ, весьма сильное теченіе отличается характеромъ одностороннимъ въ другомъ смыслѣ, нежели г. Синклеръ; поэтому, его книга тамъ является какъ бы реакціею противъ этой односторонности. Г. Синклеръ говоритъ всю свою книгою тоже, что сказано въ ея эпиграфѣ: *audi alteram partem*. Но вѣдь для насъ *altera pars* вовсе не то, что для англійскихъ тори. Предубѣжденія русской публики далеко не туркофильскаго пошиба и потому для устранения ихъ едва-ли годятся приемы Синклеръ. Точно также и полемическо-отрицательное отношеніе автора къ явленіямъ англійской дѣйствительности для насъ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ для англичанъ. Русскій читатель едва-ли будетъ въ большомъ выигрышѣ, если въ серъезъ повѣритъ, будто въ общемъ уровень благосостоянія насъ у насъ и въ Англии одинаковъ (стр. 99) или, что мы тратимъ на народное образованіе болѣе англичанъ (стр. 91) и что Россія обладаетъ болѣе свободными и демократическими провинціальными учрежденіями, нежели Англія (стр. 90).

Вообще, признаемъ, мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ, чего ради переведена на русскій языкъ книга Синклеръ. Неужели издатели серъезно считаютъ ее «руководствомъ» по восточному вопросу, годнымъ для русской публики? Что касается самого перевода, то онъ до крайности плохъ, мѣстами просто непонятенъ. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, такая фраза: «каждый знаетъ, что подъ людьми этой партіи подразумѣвается Глах-

стонъ; болѣе гнуснаго, несправедливаго и безумнаго обвиненія не высказывалъ еще ни одинъ политикъ противъ другого, въ особенности бросая подобныя обвиненія взадъ (?!), когда противникъ не имѣетъ возможности возражать!» (стр. 344). Или: «Россія захочетъ, чтобы Черногорія приобрѣла значительныя части территоріи, чтобы цѣлый Эпиръ, Фессалія и всѣ остальные турецкіе острова были присоединены въ Греціи, и чтобы ей самой досталась вся Арменія и далѣе на Евфратъ до Персидскаго Залива; чтобы Египетъ былъ независимъ и присоединилъ къ себѣ Сирію и Палестину, и, наконецъ, чтобы сама Россія получила съ принципальныхъ (?) княжествъ Сербіи и Египта вознагражденіе, подобное заплаченному Франціею Германіи и равное подати, выплачиваемой теперь ими Турціи» (63). Не можетъ также не показаться страннымъ, что редакторъ перевода (въ то же время и редакторъ *славянофильскаго* «Гражданина») не знаетъ, что главный городъ Хорватіи называется не *Варрама* (стр. 84), а *Аврамъ* (Загребъ); что *Георгія* (стр. 90), порусски называется Грузія; что русскій сенатъ, «датирующій съ 1711 года», подраздѣляется не на отдѣлы, а на департаменты (стр. 90).

Кавказскій путевой дневникъ. *Кн. В. Мецкерскаго*. Спб. 1878 г.

Петя Смуратовъ повѣсть. *Лѣтопись сердца. Ночь 15 юня*, стихотвореніе. *Ею же*. Спб. 1878 г.

Намъ такъ часто приходится говорить о произведеніяхъ неутомимаго князя, и въ искреннѣйшему сожалѣнію нашему, говорить не всегда въ любезномъ тонѣ, что читатели могутъ, наконецъ, заподозрить насъ въ нѣкотораго рода *parti pris* по отношенію къ знаменитому «князю Точкѣ, учености вочкѣ, самолюбія бочкѣ», какъ обозвалъ его другой милѣйшій человекъ нашей журналистики. Но что же, однако, дѣлать рецензенту? Если «Фигаро—здѣсь, Фигаро—тамъ», то естественно, что «Фигаро на расхватъ». Вѣдь трудно даже перечислить всю массу подвиговъ нашего князя литературныхъ и нелитературныхъ. Онъ разоблачилъ передъ нами «Тайны современнаго Петербурга»; онъ повѣдалъ намъ «Правду о Сербіи»; онъ рассказалъ намъ о жизни «женщинъ петербургскаго большаго свѣта»; онъ открылъ пагубную пропаганду «лорда-апостола»; онъ велъ полемику съ разными вліятельными иностранцами, онъ ѣздилъ на Кавказъ для раздачи самолично выхлопотанныхъ, собранныхъ и даже, буквально, *вымоленныхъ* (Кавк. п. дн. 153, 372) пожертвованій изъ фуфаякъ, папирозъ, книгъ (500 экз. Псалтыря, 10 экз. «Дневника Писателя» 2000 экз. Житія Тихона Задонскаго и т. п.), «маленькихъ образковъ съ поясками» и пр., и, написавши эпопею своихъ походовъ, перепархиваетъ на Дунай съ тѣми же гуманными и просвѣтительными цѣлями; онъ предлагаетъ намъ, наконецъ, «Лѣтопись русскаго сердца»

(на обложкѣ значится «Лѣтопись сердца» безъ указанія какого именно), въ которой «пусть говоритъ одно лишь сердце!» И какже говорить это пламенное, любвеобильное, консервативно-патріотическое сердце! Боже мой, какъ оно говоритъ! А такъ какъ, дѣло извѣстное, сердце сердцу вѣсть даетъ, то, очень естественно, мы не можемъ, не въ силахъ умолчать о сокровищахъ, тающихся какъ въ этой, такъ и въ другихъ княжескихъ «лѣтописяхъ».

Читатель понимаетъ, что къ произведеніямъ сердца нельзя приступать съ тѣми прозаическими требованіями, какія мы привыкли предъявлять ко всякимъ другимъ литературнымъ произведеніямъ. Совершенно напрасно было бы искать въ нихъ какой-нибудь логики и даже простой граматности и все содержаніе «Лѣтописи», какъ и слѣдовало ожидать, заключается въ патетическихкихъ воззванійхъ къ «добрымъ русскимъ людямъ» и въ приглашеніяхъ «быть готовыми къ новымъ и новымъ жертвамъ во благо и въ помощь солдату». Для поддержанія этой готовности, князь рекомендуетъ новозобрѣтенный имъ «дѣтски простой способъ: ежедневно и по нѣскольку разъ на дню, когда мы окружены семейными тихими радостями, удобствами жизни, или ночью, когда, подъ крѣпкою крышей и въ теплой комнатѣ, мы чувствуемъ себя огражденными отъ стучащей въ окно непогоды и холода, вспоминать и представлять себѣ, какъ въ эти минуты страдаютъ и стонутъ *наши* раненые, наши, потому что они наши родные, и наши потому, что они вмѣсто насъ сражались и страдаютъ—какъ выносить и что выносить наши солдаты и офицеры, какъ день и ночь безъ усталости совершаютъ свою святую работу сестры милосердія, врачи и санитары—и безъ сомнѣнія, этихъ живыхъ, потрасающихъ и святыхъ представленийъ слишкомъ достаточно, чтобы русскаго человѣка подвигать жертвовать и все жертвовать для русскаго раненаго и для русскаго солдата! Свято-кровавый призракъ нашего солдата да не является нашему сердцу съ упрекомъ въ неблагопріятности или невниманіи къ нему, но да будетъ онъ намъ свѣтлымъ видѣніемъ горячо любимаго брата и друга» и пр. и пр. (Лѣт. сердца 254—255). Такое краснорѣчіе проберетъ кого угодно и еслибы авторъ воспользовался всѣми ресурсами своего несравненнаго таланта и въ pendant къ своему «свето-кровавому призраку» прибавилъ бы еще нѣсколько «жуцеловъ» и «металловъ»—можно смѣло ручаться, не нашлось бы такого толстокожаго купца, который бы, въ смертельномъ переполохѣ, не разверзъ бы передъ нимъ всего своего кармана. Конечно, съ точки зрѣнія здраваго смысла, и разсматривая «дѣтски-простой способъ» князя, какъ практическую мѣру, можно только посмѣяться надъ этимъ убѣдительнымъ совѣтомъ, сводящимся, въ сущности, къ тому, что «для того, чтобы помнить, надо вспоминать». Но это ничего и совсѣмъ дѣло не въ томъ. Намѣренія князя были, очевидно, совершенно идеальны, онъ просто желаетъ «глаголомъ жечь сердца людей» и въ этомъ смыслѣ даже самая безсвязность и невразумительность этого «глагола»

оказываютъ князю не малую услугу, придавая ему тотъ видъ «юродиваго», которымъ онъ, какъ извѣстно, даже отчасти, гордится. И гордится по праву: ставая князя очень не великъ и къ тому же «дурно ведетъ себя», какъ выражалась дама, приятная во всѣхъ отношеніяхъ, но какъ бы то ни было, князь, ничто же сумняшеся, смачно пьетъ изъ этого стакана во славу замоскворѣцкаго патріотизма и арбатскаго консерватизма. *Nonny soit qui mal y pense!*

Тотъ же элементъ сердечности пронизываетъ собою и «Кавказскій путевой дневникъ», въ которомъ бурнопламенная рѣка княжескаго краснорѣчія даже еще шире и глубже, нежели въ «Лѣтописи сердца». Тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, въ дневникѣ авторъ менѣе оригиналенъ, нежели въ «Лѣтописи», потому что ему, по свойству самаго предмета, невозможно было ограничиться голымъ лиризмомъ и, волей-неволей, надо было описывать факты («впечатляющіе эпизоды», на образномъ языкѣ князя), становясь, такимъ образомъ, въ ряды обыкновенныхъ корреспондентовъ. Извѣстно, что такое русскій корреспондентъ. Это робкое, безпомощное, запуганное существо, на лицѣ котораго (говоримъ о литературной физиономіи, конечно) написано тоже, или около того, что подмѣтилъ Тэнъ у лондонскихъ женщинъ нищенскихъ кварталовъ: «пожалуйста, не бейте меня; но, если вамъ угодно, вы можете меня бить». Въ этомъ сравненіи нашѣмъ гораздо болѣе горькой правды, чѣмъ преувеличенія. Нашъ авторъ сразу зарекомендовалъ себя «лондонской женщиной». Онъ поѣхалъ на Кавказъ «не для критики чего бы то ни было», а потому, что его ввели туда «два долга: хочется тамъ быть, чтобы добывать землю, освященную кровью нашихъ солдатъ, и поклониться этимъ солдатамъ и этимъ офицерамъ, какъ святымъ и героямъ. Хочется также тамъ быть, чтобы попытаться чѣмъ-либо быть полезымъ» (255). Сообразно съ намѣреніями автора, весь «дневникъ» наполненъ «лобзаніями», «поклоненіями» и повѣствованіемъ о «слезахъ, вырывавшихся неудержимо изъ груди» (371) и т. п. Правда, несмотря на свою безобразную рѣшимость, авторъ не всегда воздерживается отъ критики, но это отнюдь не должно смущать его многочисленныхъ почитателей (ни великосвѣтскихъ, ни тѣхъ, которые пополняютъ свои библіотеки на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ), потому что вотъ образецъ его критики. Рассказывая объ одномъ генералѣ, не исполнившемъ инструкцій, авторъ говоритъ: «И никакой отвѣтственности этотъ господинъ не подвергся; того, что старому барину все равно подставлять даромъ подъ выстрѣлы наши войска—никто не принималъ во вниманіе. И если онъ былъ окруженъ и положилъ на мѣстѣ двѣ-трети отряда для удовлетворенія своимъ собственнымъ соображеніямъ, все-таки онъ бы подвергся отвѣтственности» («Кавк. дн.», 71). Критика, которой никто понять не въ состояніи—самая безобидная критика, конечно. Что же касается до имѣющихся въ «Дневникѣ» харак-

теристикъ личностей, то по поводу ихъ мы замѣтимъ только то, что, если нашъ князь—и «юридичный», то онъ изъ тѣхъ юридичныхъ, которые себѣ на умѣ и знаютъ, гдѣ раки зимуютъ.

Князь Мецкерскій, какъ извѣстно, столько же публицистъ, сколько и беллетристъ, и публицистика у него, сплошь и рядомъ, врывается въ беллетристику и обратно. Повѣсть «Петя Скуратовъ» еще разъ подтверждаетъ это. Какъ повѣсть, она, что называется, не имѣетъ ни кожи, ни рожи, ни вѣдѣнія, и знакомить читателя съ ея содержаніемъ не стоитъ труда. Но въ ней есть одно любопытное лицо, введенное авторомъ эпизодически, но превосходно выражающее его собственныя политическія и общественныя мнѣнія. Это лицо—сельская попадья, которая, въ разговорѣ съ нѣкоей княгиней, отчетливо формулируетъ profession de foi автора, столь часто развивавшееся на страницахъ «Гражданина». Рѣчь идетъ о школахъ: «Мы съ батюшкой для этой самой школы себя не жалѣемъ, только вотъ больно ужъ одолеваетъ насъ новѣшнія требованія; прійдетъ, прости Господи мои согрѣшенія, какой-нибудь бусурманинъ али нигилистъ самъ, посмотришь и въ Бога не вѣруешь, да вдобавокъ еще не моется, а туда же лѣзетъ: не такъ, молъ, учите, не по новѣшнему. Рациональность какую-то выдумали, да и примѣриваютъ, да еще все про развитіе спрашиваютъ—а по нашему какое развитіе? Чтобы Бога дѣти боялись, да любили, читать и писать могли, съ удовольствіемъ, значить, да арифметика еще, что значить для ежедневнаго-то обихода понадобится и довольно съ нихъ; нѣтъ, а имъ, глядишь, всего этого мало; молитвъ, молъ, вашихъ не нужно, а вы намъ развитіе, да еще рациональное, подавайте, да естественности, чтобы побольше. Ну, извѣстно дѣло, мы имъ давать этого самаго не хотимъ, Боже сохрани» («Петя Скур.» 155). Ничего умнѣе этого мы никогда не читали въ «Гражданинѣ». Попадья говорить, въ сущности, совершенно тоже, что проповѣдуетъ и этотъ почтенный органъ, но несравненно проще, кратче и рѣшительнѣе. «Не хотимъ давать этого самаго, Боже сохрани»—не вся ли тутъ программа такъ называемаго консерватизма? Не меньшею опредѣленностью отличаются и политическіе взгляды попадья, которые она выражаетъ даже съ нѣкоторою поэтической образностью: «Черняеву вѣдь не то что себя показать, ему народъ русскій показать надо. Слава Богу, имѣемъ, чѣмъ похвастаться, да и не то, что предъ одними этими нехристями турками. Тоже для чего нибудь вѣку-то далъ Господь Россіи. Вѣдь не для того, помилуй Богъ, чтобы сидѣть поджавъ хвостъ или этимъ самымъ хвостомъ махать передъ Европой» (156). Просто поразительно! Эти предки о роли нашего «хвоста» мы сто разъ читали въ «Гражданинѣ» и въ другихъ изданіяхъ, и даже волновались, не подозрѣвая того, что насъ волнуютъ измышленія сельской попадья—ни больше, ни меньше. «Ужь извините; заговорилась, княгиня, прощается попадья:—языкъ мой—врагъ мой, что дѣлать; всѣ посты говѣю, а все не уни-

маюсь, ужь видно такъ и умру болтушкой. Ей Богу! Да вотъ ко всему интересъ имѣешь. Что прикажете дѣлать?» (156). Въ этихъ словахъ мы находимъ полную характеристику литературной личности нашего автора: языкъ его — врагъ его; никакъ бѣдный князь не можетъ уняться, такъ и умреть болтуномъ. Но что прикажете дѣлать? Ко всему онъ интересъ имѣеть.

О стихотвореніи (въ сущности, это — рядъ стихотвореній). «Ночь 15 іюня» мы не станемъ говорить: это та же «Лѣтопись сердца» въ переложеніи съ обыкновенной прозы на рубленую.

Мы остановились такъ, относительно, долго на этихъ книжкахъ князя Мещерскаго не въ силу, конечно, ихъ литературныхъ достоинствъ, которыхъ онъ вовсе и не имѣеть, но главнымъ образомъ потому, что онъ, эти «Лѣтописи» и «Дневники» съ ихъ напускнымъ паэссомъ, съ ихъ выжатыми слезами, съ ихъ лицемернымъ чувствомъ, фальшивость котораго нельзя замаскировать какими бы то ни было завываніями — все это въ высшей степени въ настоящую минуту типично и характерно. Кто теперь за семь копеекъ или за рубль серебромъ не слагаетъ прозаическихъ и стихотворныхъ гимновъ? Это такое легкое дѣло. Какой Иванъ Никифоровичъ не спѣшитъ теперь заявить, что и у него, въ такомъ-то городѣ проживающаго, «русское сердце радуется, томится, страдаетъ, тревожится и бьется сильно, очень сильно бьется?» («Лѣт. сердца», 189). Это такое теперь выгодное дѣло. Но блаженны не натравливающіе и не словословаціе, ибо они помилованы будутъ нелицепріятнымъ судомъ исторіи. Истинная сворбъ дѣломудренна; она не фразѣрствуетъ напыщенно о себѣ; она не дѣлаетъ изъ своего объекта выгоднаго для себя гешефта, она не пляшетъ на площадяхъ, какъ вавилонская блудница, лишь бы обратить на себя взоры проходящихъ. Ахъ, полноте, пожалуйста! восклицаемъ мы съ княземъ. «Намъ лишь бы обратить вниманіе», мечтаемъ мы, какъ тотъ гоголевскій герой. И какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не обратить? Мы были на Кавказѣ, мы были на Дунаѣ, мы землю лобзали, мы слезы проливали, мы пахали.

Княжна Острожская. Историческая повѣсть. *Вс. С. Соловьева.* Спб. 1877.

Когда мы узнали, что «Княжна Острожская» написана не какимъ-нибудь изъ безчисленныхъ фабрикантовъ историческихъ и всякихъ другихъ романовъ, а тѣмъ самымъ г. Всеволодомъ Соловьевымъ, Соловьевымъ-философомъ, который еще не такъ давно ополчился на позитивистовъ и, потерѣвши маленькую неудачу, съ ловкостью почти военнаго человѣка началъ утверждать, что онъ вовсе не ополчился и что во всемъ виновата несчастная, не къ мѣсту поставленная запятая; когда мы узнали это, то по правдѣ сказать, немножко даже испугались. Припоминая, какъ г. Соловьевъ, съ героизмомъ, достойнымъ лучшей участи, не захотѣлъ «расшибить» ненавистныхъ ему позитивистовъ мирно и смирно, со всѣми удобствами въ родной Москвѣ,

а отправился для этого въ самое, такъ сказать, пекло, въ «настьльвиную»—на Васильевскій Островъ, кипищій, какъ извѣстно, всякими «истами»—припоминая это и многое другое, мы думали: очевидно, г. Соловьевъ человѣкъ съ идеей, человѣкъ, желающій пропагандировать неуклонно, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Положимъ, г. Соловьевъ—выступилъ «въ весьма легкомъ вооруженіи на ловлю чужихъ убѣжденій», выражаясь знаменитымъ изреченіемъ С. М. Соловьева, отца юнаго философа, изреченіемъ, въ которомъ скрывался невинный намекъ на все тѣхъ же «позитивистовъ» и «нигилистовъ»; положимъ тактика и приемы юнаго философа совсѣмъ дѣтскіе—но вѣдь на то онъ и «юный», вѣдь это только первые нетвердые шаги. Что дальше будетъ—Богъ знаетъ.

Вотъ почему мы и испугались, узнавши, что «Княжна Острожская» принадлежит перу г. Соловьева. Романъ—это такое могучее средство пропаганды, лучше котораго трудно и съискать; а еще ежели у автора окажется хоть маленькій талантикъ... Мы съ нѣкоторымъ безпокойствомъ начали перелистывать романъ, но, къ удивленію и радости нашей, оказалось, что всѣ наши страхи были неосновательны. Г. Соловьевъ оказался не такъ страшенъ, какъ его малюютъ; оказалось, что онъ вовсе не страстный пропагандистъ, а просто на просто весьма безвредный «добрый малый», который, въ концѣ концовъ, вѣроятно удовлетворится соотвѣтствующимъ его званію окладомъ. Романъ г. Соловьева самый безобидный, не выходящій изъ колеи шаблонныхъ историческихъ романовъ, которые и отличить-то одишь отъ другаго трудно.

И глухой вассаловъ ропотъ,
Села въ пламени, въ кровя...
И подъ линой страстный мопотъ,
Клятвы нѣжна любви ..

Вотъ очень хорошенькія четыре строчки, которыя могли бы служить тѣмой и давать тонъ почти любому историческому роману. Но гг. романисты пользуются обыкновенно только двумя послѣдними. За то ужъ пользуются вплотную. Тоже и у г. Соловьева, несмотря на то, что тѣмой онъ взялъ введеніе уни въ въ юго-западной Руси въ половинѣ XVI вѣка, тѣма такая, гдѣ казалось бы, двумъ первымъ строчкамъ четверостишія слѣдуетъ фигурировать на первомъ планѣ. Рассказывать содержаніе романа не стоитъ: все та же изнывающая отъ любви дѣвица, все тотъ же «первый любовникъ» на бѣломъ конѣ, все тѣже злодѣи-иезуиты. Беллетристическаго таланта у г. Соловьева нѣтъ ни малѣйшаго, такъ что даже въ тѣхъ очень тѣсныхъ рамкахъ любовной интриги, которыя и составляютъ, въ сущности, весь романъ, онъ совсѣмъ плохъ. Занять кого-нибудь, кромѣ публики, поглощающей изданія г. Львова, онъ не можетъ, такъ что г. Соловьевъ и написалъ-то его, вѣроятно, просто «такъ»: приш-

ла мысль: «хорошо бы написать романъ!»—ну, взялъ и написалъ.

Страхи и опасенія наши еще больше разсѣялись, когда въ № 693 «Новаго Времени» мы прочли отчетъ о первой изъ публичныхъ лекцій, затѣянныхъ г. Соловьевымъ. «Задача этихъ чтеній, говорить репортеръ, показать разумность положительной религiи, показать, что истина вѣры во всей полнотѣ ея конкретнаго содержанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и истина разума». Изъ всего довольно пространнаго отчета, для насъ будетъ достаточно выписать нѣсколько строкъ, строкъ, въ высокой степени утѣшительныхъ и характерныхъ: «справедливость есть ограниченіе своихъ правъ въ пользу другого и чѣмъ выше такое самоограниченіе, самоотрицаніе, тѣмъ оно выше съ нравственной точки зрѣнія, тѣмъ выше справедливость. Но тогда нельзя разсматривать, какъ справедливыя, требованія рабочихъ о равномерномъ распредѣленіи рабочей платы; эти требованія своекорыстны, въ нихъ нѣтъ самопожертвованія, а, слѣдовательно, нѣтъ и справедливости». Но и репортеръ удостовѣряетъ, что на лекцію г. Соловьева «публика собралась все отборная: изящныя дамы, дѣвицы и юноши, священники въ шелковыхъ рясахъ и проч.». Ну и Христосъ съ ними, тамъ имъ самое и мѣсто, а на писаніе романовъ мы, съ своей стороны, г. Соловьева благословляемъ»

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Заслуги земства на пользу народнаго образованія. — Миряне-преподаватели закона Божія въ начальныхъ школахъ. — Закрытие Александровской учительской семинаріи. — Закрытие черниговской учительской семинаріи. — Необходимость рѣшенія вопроса о семинаріяхъ въ законодательномъ порядкѣ. — Петербургское земство. — Вопросъ о двухклассныхъ училищахъ. — Интернаты для нихъ. — Стипендіи для женскихъ врачебныхъ курсовъ. — Изгнаніе общества любителей россійской словесности изъ московскаго университета. — Начальникъ губерніи, ошарившій сестру милосердія.

Созданіе народной школы въ Россіи составляетъ одну изъ безспорныхъ, неотъемлемыхъ заслугъ современнаго земства. До земства у насъ не было народной школы; немногочисленные сельскія училища, которыя заводили по временамъ разные вѣдомства и учрежденія, единственно ради показанія своей просвѣтительной дѣятельности, или существовали только на бумагѣ, или оставались безъ всякаго призора. Школа основывалась; деньги, положенныя на нее, отпускались исправно, и затѣмъ никому не было дѣла до того: учили ли тамъ? чему учили и какъ? Земство первое взглянуло на школу, какъ на живую, насущную потребность народа и стало употреблять всѣ усилія, чтобы дать ей возможно лучшую обстановку. Оно стало заботиться о присланіи и введеніи лучшихъ методовъ преподаванія, объ образованіи способныхъ для школы учителей и учительницъ, объ основаніи школъ съ программами, болѣе приспособленными къ потребностямъ крестьянскаго быта и т. п. Въ теченіи своей десятилѣтней дѣятельности, несмотря на свои незначительныя средства и несмотря на разные ошибки и неудачные опыты, неизбѣжныя на первыхъ шагахъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, земство успѣло, однакожъ, поставить сельскую школу такъ, что она стала неузнаваема въ сравненіи съ школами прежнихъ временъ. Исчезли розги и палки изъ школы; исчезли учителя пьяные, учителя-мучители, только забивавшіе дѣтей; дѣти перестали бояться школы и учителей, стали бѣгать въ школу съ охотою и въ нѣскольکو мѣсяцевъ выучиваться толковому чтенію и письму, чему въ прежнихъ школахъ и при прежнихъ учителяхъ не выучивались иногда въ нѣскольکو лѣтъ. Этими быстрыми успѣхами дѣтей бы-

ло сломлено недовѣріе къ новой школѣ и въ крестьянахъ, которые, сначала, вида, что въ школѣ никого не будетъ, не съѣдутъ, какъ бывало прежде, что въ ней, вмѣсто того, чтобы начинать ученіе съ церковно-славянской грамматики и отъ *божественнаго*, какъ бывало прежде, начинаютъ съ какихъ-то побасенокъ, смотрѣли на новую школу, какъ на балаболовство. Теперь крестьяне почти повсюду нетолько съ охотою отдаютъ дѣтей своихъ въ школу, но и сами хлопочуть о заведеніи у себя такихъ школъ. Если имѣть въ виду всю массу крестьянскихъ дѣтей школьнаго возраста, то земскихъ школъ существуетъ пока очень не много. Въ самыхъ богатыхъ школахъ земствахъ—тверскомъ, херсонскомъ, вятскомъ—земскія школы могутъ помѣщать не болѣе 10% дѣтей школьнаго возраста. Но если сравнивать существующее теперь количество сельскихъ школъ съ прежнимъ, то въ трехъ упомянутыхъ губерніяхъ сельскихъ школъ въ настоящее время едва ли не болѣе, чѣмъ сколько было всѣхъ сельскихъ школъ до появленія земства въ цѣлой Россіи! Очевидно, что земство ревностно заботится о народной школѣ. Даже и теперь, при своихъ скудныхъ средствахъ, земство могло бы дѣлать вдвое, втрое болѣе для народнаго образованія противъ того, что оно дѣлаетъ, еслибы оно было болѣе свободно въ своихъ дѣйствіяхъ, еслибы не было поставлено въ необходимость бороться съ безчисленными всякаго рода препятствіями, которыя оно встрѣчаетъ въ своей просвѣтительной дѣятельности для народа.

Земство, въ отношеніи народнаго образованія, поставлено подъ строгій контроль министерства народнаго просвѣщенія, и, кромѣ того, нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствъ. Я уже не говорю о томъ, что каждый разъ, когда земство хочетъ основать школу съ нѣкоторымъ, хотя бы и самымъ незначительнымъ отступленіемъ отъ программы нормальныхъ школъ, оно должно цѣлые мѣсяцы и даже годы совершать хожденіе по разнымъ инстанціямъ, чтобы получить дозволеніе на открытіе такой школы—даже открытіе обыкновенныхъ нормальныхъ школъ представляетъ иногда великія затрудненія. Положимъ, вы хотите открыть начальное училище въ какой-нибудь деревнѣ, гдѣ нѣтъ священника. Въ программу начальнаго училища входитъ обязательно преподаваніе закона Божія. По существовавшему до сихъ поръ закону и обычаю, законъ Божій могъ преподавать только священникъ. Петербургское земство давно уже стѣснялось такимъ закономъ и еще въ 1875 году возбудило вопросъ о томъ: нельзя ли дозволить преподаваніе закона Божія въ начальныхъ школахъ свѣтскимъ людямъ? Въ январѣ прошедшаго года, подъ предсѣдательствомъ викарнаго петербургской епар-

*

хін, пресвященнаго Гермогена, съѣздъ законоучителей Петербурга и Петербургскаго Уѣзда рѣшили, что преподаваніе закона Божія мірянамъ, можетъ быть дозволено подъ слѣдующими гарантіями: 1) «Ходатайствовать о введеніи практическихъ занятій по закону Божію въ учительской школѣ и другихъ учительскихъ семинаріяхъ, которыя захотятъ воспользоваться этимъ правомъ; 2) просить епархіальное начальство усилить наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія въ учительскихъ семинаріяхъ и обратить самое серьёзное вниманіе на экзаменѣ по этому предмету; 3) преподаваніе закона Божія свѣтскими лицами, предоставить ближайшему наблюденію и руководству мѣстнаго священника, съ отвѣтственностію въ тоже время самого учителя за направленіе и достоинство преподаванія; 4) кромѣ мѣстнаго священника, вмѣнить члену училищнаго совѣта отъ духовенства ближайшимъ образомъ слѣдить за ходомъ преподаванія закона Божія свѣтскими лицами; 5) допустить подобное же наблюденіе со стороны благочиннаго, который, во время осмотра благочинія, имѣлъ бы право посѣщать школу, и свои наблюденія обязанъ бы былъ сообщать члену училищнаго совѣта отъ духовенства, и, такимъ образомъ, быть какъ бы его помощникомъ по обязанности наблюденія за преподаваніемъ закона Божія».

Итакъ, въ силу этихъ правилъ, мірянинъ, который возьметъ на себя преподаваніе закона Божія въ начальной школѣ, долженъ подлежать тройному контролю: 1) контролю мѣстнаго священника; 2) контролю священника-члена училищнаго совѣта, и, наконецъ, 3) контролю благочиннаго. Когда, на послѣдней сессіи здѣшняго губернскаго земства зашла рѣчь объ этихъ правилахъ, то гласный Семейскій сдѣлалъ предложеніе: нельзя ли одинъ изъ этихъ контролей, именно контроль мѣстнаго священника сократить, то собраніе не согласилось на это предложеніе, конечно, потому, что утвержденія такой перемѣны въ правилахъ, еслибы оно и послѣдовало, надобно бы было ждать опять годъ, а можетъ быть и болѣе, а до того времени, земство не имѣло бы возможности устраивать школы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ священника. Но собраніе не только не убавило числа наблюдателей надъ мірянникомъ, преподающимъ законъ Божій, но было поставлено въ необходимость приставить и еще одного: именно во время дебатовъ по этому предмету было между прочимъ, замѣчено, что, по правиламъ воинскаго устава, право давать свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности, имѣютъ только тѣ училища, въ которыхъ есть учитель и законоучитель отдѣльно. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ: какъ должны поступать въ этомъ случаѣ училища, въ ко-

торыхъ законъ Божій будетъ преподаваться миряниномъ? Земское собраніе порѣшило этотъ вопросъ такимъ образомъ, что желающіе получить свидѣтельство на льготу по отбыванію воинской повинности, должны будутъ являться на экзамень въ ближайшія школы, гдѣ есть учитель и законоучитель. Прекрасно. Но вѣдь и экзаменующей законоучитель можетъ по отвѣтамъ учениковъ усмотрѣть какое-нибудь превратное направленіе въ преподаваніи учителя-мирянина и также довести о замѣченномъ имъ до свѣденія надлежащаго начальства. Вотъ подъ сколькими контролями долженъ состоять учитель-мирянинъ, взявшійся за преподаваніе закона Божія только въ начальной школѣ!! Еслибы этотъ контроль былъ всегда дѣйствителенъ и производился съ подобающею строгостію, то земство едва-ли отыскало бы даже и одного такого способнаго человѣка, который бы согласился принять на себя преподаваніе закона Божія при подобныхъ тяжелыхъ условіяхъ. Но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что русскій человѣкъ вообще добродушенъ и къ систематическому угнѣтенію рѣдко способенъ, и такъ какъ съ поконъ вѣку всѣмъ также извѣстно, что правила у насъ всегда существуютъ сами по себѣ, а практика дѣла идетъ сама по себѣ (князь Васильчиковъ въ своей книгѣ: «Землеуладъніе» и «Земледѣліе», доказываетъ, что Россія тѣмъ только и спаслась, что у насъ испоконвѣка развитіе народной жизни шло само по себѣ, а грамоты, наказы, указы существовали сами по себѣ), то при занятіи должностей никто не обращаетъ вниманія на строгость правилъ и тѣмъ дѣло спасается. Это хотя и даетъ земству возможность жить, но не даетъ ему никакой гарантіи въ прочности его дѣла. Дѣло находится все-таки въ постоянной зависимости отъ личнаго характера тѣхъ или другихъ наблюдающихъ за нимъ лицъ.

Въ кратковременной исторіи нашего земства мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ страннымъ явленіемъ: съ постепеннымъ исчезновеніемъ учрежденныхъ земствомъ среднихъ школъ для приготовленія сельскихъ учителей. Новгородское земство передало свою школу министерству народнаго просвѣщенія; въ Тверскомъ земствѣ—одна школа земская закрыта, другую земство передало также министерству народнаго просвѣщенія; Черниговское земство положило сначала передать свою семинарію министерству народнаго просвѣщенія, а теперь рѣшилось лучше совсѣмъ закрыть. По извѣстію «Елисаветградскаго Вѣстника» 20 текущаго февраля въ экстренномъ земскомъ собраніи будетъ обсуждаться вопросъ о передачѣ елисаветградскаго земскаго училища въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія. Наво-

нецъ, изъ журналовъ рязанскаго губернскаго собранія пятаго чрезвычайнаго созыва, бывшаго въ августѣ прошедшаго года, узнаемъ, что и рязанское земство ликвидируетъ свою Александровскую семинарію. Причина ликвидаціи Александровской семинаріи въ докладѣ управы разъясняется слѣдующимъ образомъ:

Александровская семинарія, основанная въ 1869 году, вплоть до 1875 года, процвѣтала мирно, пользуясь наилучшей репутаціей въ обществѣ, получая отличные отзывы со стороны ревизовавшихъ ее комиссій и не получая ни одного замѣчанія отъ училищнаго надзора. Поступившій, въ октябрѣ этого года, инспекторомъ народныхъ училищъ г-нъ Епинатьевъ въ первый разъ заявилъ предсѣдателю управы, что, «хотя образовательная часть въ семинаріи и хороша, но воспитательная находится въ упадкѣ, что распушенность училища отзывается уже вредно на учителяхъ, изъ него выпущенныхъ, что одинъ изъ нихъ непримично держалъ себя передъ начальникомъ губерніи, другой публично кощунствовалъ», и т. п. Хотя никакое учебное заведеніе не можетъ отвѣчать за поведеніе своихъ воспитанниковъ по выходѣ ихъ изъ этого заведенія, тѣмъ не менѣе управа собрала справки о сообщенныхъ г. Епинатьевымъ фактахъ и они оказались вымышленными. Это, однакожъ, не измѣнило отношеній дирекціи народныхъ училищъ къ семинаріи, а, напротивъ, только усилило еще враждебное отношеніе къ ней. По словамъ доклада, дирекція до того желала выписать какіе-нибудь факты обвиненія противъ семинаріи, что не стѣснялась употреблять для этого даже слѣдующіе приемы. Она 1) просила преосвященнаго рязанскаго Алексѣя затребовать отъ благочинныхъ свидѣнія о поведеніи сельскихъ учителей, вышедшихъ изъ Александровской семинаріи; во 2) хъ, чтобы узнать: ходятъ ли ученики александровской семинаріи въ церковь, ихъ спрашивали: въ какой они были церкви и въ какихъ ризахъ служилъ священникъ, потомъ освѣдомлялись относительно вѣрности ихъ показаній у священника. Счастливая случайность и на этотъ разъ выручила земство: оказалось, что ни одинъ изъ учившихся въ семинаріи учителей не сдѣлалъ ничего дурнаго, а слѣдовательно, благочинные не могли доставить никакихъ неблагопріятныхъ семинаріи свидѣній, затѣмъ какъ ученики примѣтили: въ какихъ ризахъ служилъ священникъ, такъ и священникъ, хотя съ трудомъ, но припомнилъ, что служилъ именно въ тѣхъ ризахъ, которыя показаны учениками. Рядомъ съ этими тайными приемами надзора и приемы открытаго надзора поражаютъ такою же необычностью, чтобы не сказать хуже. Такъ въ докладѣ управы разсказывается слѣдующій случай:

Приѣзжаетъ въ Александровскую семинарію инспекторъ Червлинскій. Старшій учитель, онъ же завѣдующій семинаріею, Григорьевъ, приглашаетъ его на свою лекцію. Инспекторъ приходитъ въ классъ, садится за столъ рядомъ съ учениками, роется въ ихъ тетрадахъ и, найдши одну, засовываетъ ее, ни слова не говоря, въ карманъ и по окончаніи лекціи, уходитъ съ нею. Обиженный Григорьевъ слѣдуетъ за нимъ, прося показать, какую онъ вынулъ тетраду. Оказалось, что это была памятная черновая тетрадка одного ученика, на первой страницѣ которой былъ какой то *самый* рисунокъ. Тогда Григорьевъ говоритъ инспектору, что «ему, какъ инспектору, не слѣдовало бы скрытно отъ него, какъ старшаго учителя, уносить обнаруженныя имъ свидѣтельства шалости учениковъ, что такое его дѣйствіе колеблетъ въ глазахъ учениковъ авторитетъ старшаго учителя, и умаляетъ достоинство училищнаго надзора». Черезъ дѣйствіе послѣ этого происшествія, по словамъ доклада, управа получила сообщеніе отъ директора народныхъ училищъ объ увольненіи учителя.

Далѣе докладъ объясняетъ, что, по учебной части, дирекція дѣйствуетъ точно такимъ же образомъ: на выпускныхъ экзаменахъ она не даетъ свидѣтельствъ на званіе учителей ученикамъ, удостоеннымъ этого званія въ семинаріи, хотя эти самые ученики выдерживаютъ экзамень потому въ гимназіи и получаютъ подобныя свидѣтельства, что вслѣдствіе какъ этихъ, такъ и вышеозначенныхъ стѣсненій дирекція, равно какъ и многіихъ другихъ такого же направленія и свойства, составъ учителей въ семинаріи безпрепятственно мѣняется, такъ что въ два послѣдніе года вышло пять учителей (а въ семинаріи ихъ всего числится пять), что, «хотя земская управа и старалась сколько могла примириться съ дирекціей, но двухлѣтнія старанія поддерживать и сохранить такимъ образомъ училище, привели ее только къ полному убѣжденію, что въ настоящее время это невозможно».

И такъ одно изъ полезнѣйшихъ учебныхъ заведеній, которыхъ у насъ такъ немного, должно погибнуть единственно отъ личныхъ враждебныхъ отношеній къ нему дирекціи. Всѣ права и правда, по изложенію доклада, на сторонѣ земства: училище основано не только съ дозволенія правительства, но удостоено съ соизволенія Государа Императора носить Его имя; земство по одному этому особенно пеклось о немъ и истратило на него много денегъ; съ 1869 до 1875 года, училище пользовалось отличной у всѣхъ репутаціей и со стороны властей не получало никогда никакого замѣчанія; затѣмъ земство публично говоритъ, что всѣ обвиненія, которыя и послѣ того дѣлаемы были противъ училища

не болѣе какъ извѣтъ, что оно желаетъ, чтобы было произведено самое строгое слѣдствіе по нимъ, что оно готово предстать на судъ, чтобы защитить свою правоту. Таковъ смыслъ доклада земской управы.

И я думаю, что нѣтъ человѣка, который бы, выслушавъ факты, сообщаемые докладомъ, не сталъ на сторону земства.

Когда появились земскія учрежденія и земство начало основывать народныя школы, оно первое усмотрѣло недостатокъ и даже полное отсутствіе годныхъ учителей для этихъ школъ, и потому, естественно, должно было озаботиться о необходимости устройства, для образованія школьныхъ учителей, учительскихъ семинарій. Такъ какъ тогда казенныхъ семинарій не было, то всѣмъ земствамъ, желавшимъ завести свои семинаріи, это дозволялось безпрепятственно и съ охотою. Но потомъ стало основывать семинаріи и вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и, появивъ важность этихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ вліянія на народное образованіе, оно стало стремиться къ тому, чтобы подчинить своей власти и прежде основанныя семинаріи. Это дѣлалось двоякимъ путемъ: или земскія семинаріи поступали прямо въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, или, оставаясь въ земствѣ, должны были весь свой учебный и учебно-начальственный персоналъ получать отъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ послѣднемъ направленіи предложено было, въ началѣ прошедшаго года, и черниговской семинаріи сдѣлать исправленіе въ своемъ уставѣ. Именно: 1) статьи 13 и 14 устава семинаріи, гдѣ излагаются опредѣленія директора и преподавателей семинаріи, измѣнить въ томъ смыслѣ, что директоръ семинаріи избирается и утверждается въ должности, а равно и увольняется отъ оной попечителемъ округа, а преподаватели избираются директоромъ семинаріи и, по его представленію, утверждаются въ должностяхъ попечителемъ округа, отъ коего зависятъ и увольненіе ихъ отъ должностей; 2) статью 15-ю устава пополнить въ томъ смыслѣ, что назначеннымъ въ оной лицамъ содержаніе выдается помѣсячно въ установленное для того число, притомъ непосредственно имъ самимъ, и что тѣ изъ сихъ лицъ, которымъ будетъ предоставлено готовое помѣщеніе, сохраняютъ право на это помѣщеніе во все время состоянія на должности и 3) дополнить уставъ правиломъ, по которому управа и вообще представители земства, въ случаѣ недовольства со стороны земства дѣйствіями директора и преподавателей семинаріи по сему заведенію, были бы обязаны представлять заявленіе о семъ попечителю учебнаго округа и не дозволять себѣ вообще, помимо его, никакихъ распоряженій

противъ сихъ лицъ по дѣламъ семинаріи». Есть не мало такихъ земцевъ, которыя не только не противодействуютъ, а, напротивъ, вполне содѣйствуютъ этому стремленію министерства народнаго просвѣщенія — взять въ свое управленіе всѣ учительскія земскія семинаріи. Они находятъ въ этомъ выгоду для земства. Вотъ какъ объясняетъ эту выгоду одинъ изъ гласныхъ черниговскаго земства, г. Псіоль: «1) Передачею семинаріи министеству, специально учрежденному для веденія педагогическаго дѣла, мы приобретаемъ ту выгоду, что она будетъ идти по тому пути, по которому идутъ всѣ учрежденія министерства — по пути разъ навсегда опредѣленному, чего не можетъ быть у насъ, такъ какъ мнѣнія и взгляды земства переменчивы; 2) наши семинаріи не имѣютъ никакихъ правъ, обезпечивающихъ въ жизни — ни въ лицѣ учителей, ни въ лицѣ директоровъ, ни даже въ лицѣ воспитанниковъ; и директоръ, и учителя не имѣютъ правъ государственной службы и лишены права на пенсію; воспитаники же не имѣютъ льготы въ воинской повинности; они кончаютъ курсъ въ призванный возрастъ; вмѣсто того, чтобъ идти въ учителя, они идутъ въ солдаты. Гдѣ же результатъ нашихъ затратъ? Мы тратимъ понапрасну деньги и отказаться отъ такихъ порядковъ намъ выгодно». Не всѣ, однакожъ, земцы думаютъ такъ, какъ г. Псіоль. Напротивъ, очень многіе изъ земцевъ привязаны къ семинаріямъ, которыя они основали и на которыя положили столько заботъ, какъ къ своимъ роднымъ дѣтящамъ. Они готовы скорѣе уничтожить ихъ, чѣмъ передать въ чужія руки, тѣмъ болѣе, что они убѣждены, что официальная власть никогда не можетъ такъ хорошо вести учительскихъ семинарій, какъ ведетъ ихъ земство.

Такое двойное отношеніе къ семинаріямъ существуетъ во всѣхъ земствахъ, гдѣ есть земскія семинаріи; оно обусловливается тѣмъ, что въ каждомъ земствѣ есть двѣ партіи: партія движенія и партія охраненія или застоя. Первая старается дать возможно широкое и свободное развитіе реформамъ; вторая старается попридержать дѣйствіе реформъ и, по возможности, приспособить ихъ къ старымъ порядкамъ. Такія двѣ партіи существуютъ и въ черниговскомъ земствѣ; одна партія носитъ названіе лѣвыхъ, утопистовъ-міроѣдовъ, (такъ называютъ ее ретрограды), другая — правыхъ, охранителей. Смотра по тому, какихъ элементовъ болѣе попадаетъ въ управленіе земства, и дѣятельность земства окрашивается тѣмъ или другимъ цвѣтомъ. Въ 1870 году, въ земствѣ преобладала партія утопистовъ-міроѣдовъ, и она открыла учительскую семинарію для приготовленія народныхъ

учителей. Въ 1874 году, бразды правленія захватила партія охранителей и порѣшила передать семинарію въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, согласно желанію послѣдняго. Какимъ образомъ могло случиться, чтобы семинарію, которую земство всего четыре года основало, само же земство, хотя бы то и консервативное, пожелало отдать въ чужія руки, черниговскій корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника» объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Охранители имѣютъ привычку сопротивляться въ началѣ отвертію общепользныхъ земскихъ учреждений, а затѣмъ сбывать ихъ въ постороннія вѣдомства, возлагая такимъ образомъ на земскую кассу обязательные платежи, безъ всякихъ правъ и безъ контроля за дѣломъ, содержимымъ на земскій счетъ. Такихъ примѣровъ и попользовеній навѣстно не мало, да и при этомъ это такъ естественно; за подобное реніе всегда можно заслужить... ну, хоть бы благоволеніе того или другаго вѣдомства, а наши охранители очень на такія перспективы». Вскорѣ, однакожь, управленіе земскими дѣлами изъ рукъ охранителей перешло въ руки утопистовъ-міроѣдовъ и передача учительской семинаріи, въ принципѣ хотя и рѣшенная, не состоялась. Такъ прошло трехлѣтіе! При новыхъ выборахъ охранители думали восторжествовать и, повидимому, дѣйствительно восторжествовали, вытѣснивъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ своихъ противниковъ. Министерство, между тѣмъ, на основаніи рѣшенія, состоявшагося въ 1874 году, потребовало передачи семинаріи въ свое вѣдѣніе. Въ январѣ нынѣшняго года, это требованіе поступило на разсмотрѣніе земскаго собранія; пренія продолжались цѣлыхъ три дня; зала земскаго собранія была полна многочисленною черниговскою публикою, которая, конечно, интересовалась видѣть: кто побѣдитъ — охранители или утописты-міроѣды. Наконецъ, 15-го января, большинствомъ 38 голосовъ противъ 34, было постановлено: «въ виду требованія о передачѣ, закрыть семинарію». Вообразите ужасъ охранителей, заранѣе торжествовавшихъ побѣду и такъ неожиданно провалившихся, и радость утопистовъ-міроѣдовъ! «Черниговская Газета», органъ охранителей, съ яростію набрасывается на побѣдителей, обвиняя ихъ ораторовъ за тѣ якобы запальчивыя и дерзкія нападенія, которыя они позволили себѣ во время преній, и даже за то, что они якобы отвергали пользу учительской семинаріи вообще. Но защитники партіи утопистовъ-міроѣдовъ, отвергая эти обвиненія охранителей, говорятъ, что дѣло здѣсь до полезности или неполезности семинарій вовсе не касается, а вопросъ сводится просто къ тому: «слѣдуетъ ли, чтобы земство дѣйствовало сообразно духу и буквѣ

закона? или же, чтобы рядомъ охранительныхъ исканій за «благороденіями» совершенно исказило собственною рукою Высочайше дарованное самоуправленіе? Самоуправленіе значитъ прежде всего самостоятельное завѣдываніе въ опредѣленныхъ закономъ границахъ собственными дѣлами. Нѣтъ надобности вторгаться въ чужія вѣдомства, но и не слѣдуетъ допускать чужихъ хозяевъ у себя. Вопросъ значитъ въ томъ, гдѣ «чужое»? и когда это можно считать земство, что оно «у себя»? Отрывая семинарію, земство черниговское, конечно, полагало, что оно «у себя»; черезъ семь лѣтъ, оказывается, что оно ошиблось и министерство, на примѣръ, просвѣщенія утверждаетъ, что оно забралось въ его область. Что остается дѣлать земству? Или спорить съ министерствомъ и переносить дѣло въ правительствующій сенатъ, или же добровольно очистить по ошибкѣ занятое мѣсто, но отнюдь не пускать чужого хозяина къ себѣ, Завѣдываніе семинаріей, по мнѣнію министерства, не входитъ въ кругъ компетенности земства, но вѣдь, съ другой стороны, распоряженіе земскими деньгами тоже не входитъ въ кругъ вѣдомства министерства. Какой-же изъ этого логическій выходъ? Министерство имѣетъ право (и желаетъ) не допустить земства распоряжаться въ своей области (завѣдывать училищемъ); земство имѣетъ право не допустить министерства въ свою область (распоряжаться земскими деньгами). Въ сущности, обѣ стороны не только правы, но и обязаны такъ дѣйствовать (если только онѣ правильно опредѣлили кругъ общедной компетенности) ради охраненія принципа, а естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей оказывается невозможность существованія *учительской семинаріи на земскія средства*. Закрывая семинарію, черниговцы поступили не только логично, но всякое другое рѣшеніе было бы несообразно съ закономъ, такъ какъ они не имѣютъ права тратить деньги на то, что въ кругъ ихъ вѣдомства не входитъ. Или завѣдываніе семинаріей входитъ въ кругъ ихъ вѣдомства, тогда незачѣмъ передавать; или не входитъ—тогда неправильно тратить на нее земскія средства, предназначенныя закономъ только на тѣ предметы, кои входятъ въ кругъ компетенности земскаго самоуправления».

Здѣсь, какъ видитъ читатель, отвергается право министерства народнаго просвѣщенія на земскія семинаріи только со стороны финансовой. А партія *мѣщакъ*, въ рязанскомъ земствѣ, не признаетъ за министерствомъ компетенности и въ руководствѣ учительскими семинаріями вообще.

Когда въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи на-
Т. ССХХХVI. — Отд. II.

чались, по поманутому выше докладу управы, дебаты о закрытіи учительской семинаріи, то гласный Кошелевъ, хотя и соглашался на временную приостановку приѣма учениковъ, но воставалъ противъ ея закрытія, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что учительскія семинаріи—дѣло чисто земское. «Учительскія семинаріи не гимназіи, говоритъ онъ: — не университеты, содержаніе которыхъ могло бы превышать и познанія, и средства земства. Съ этимъ дѣломъ земство, безъ сомнѣнія, справится несравненно лучше правительства. Само правительство, по его мнѣнію, не можетъ не сознавать этого и, безъ сомнѣнія, дорожить земскими учительскими семинаріями. Если въ настоящее время земство встрѣчаетъ помѣхи въ этомъ дѣлѣ, то онѣ происходятъ только отъ лицъ. Но лица измѣняются и съ перемѣною лицъ для Александровской семинаріи можетъ еще настать болѣе благоприятное время». Съ этимъ заявленіемъ г. Кошелева было согласно почти все собраніе и въ томъ числѣ сама управа, предсѣдатель которой, князь Волконскій, заявилъ, что «управа не менѣе гласнаго Кошелева убѣждена въ пользу семинаріи и въ томъ, что приготовленіе учителей—дѣло земское, и если въ настоящее время ставитъ вопросъ о закрытіи семинаріи, то дѣлаетъ это, скрѣпя сердце... Потому что дальнѣйшее веденіе дѣла становится невозможнымъ». Вотъ это то убѣжденіе земствъ въ томъ, что учительскія семинаріи не только чисто земское дѣло, но и исключительно земское дѣло, и твердое отставаніе ими этого своего права и служить источникомъ тѣхъ печальныхъ коллизій между земствомъ и дирекціями народныхъ училищъ, о которыхъ мы сказали выше.

Нельзя не удивляться той ревности, съ которой дирекціи народныхъ училищъ ведутъ свои походы противъ земскихъ семинарій, ревности, которая, по истинѣ, заслуживала бы гораздо лучшей участи. То, что происходитъ въ язанскомъ земствѣ, въ той или другой степени, происходило и въ другихъ земствахъ, у которыхъ были семинаріи, и которыя, въ концѣ концовъ, сочли за лучшее передать ихъ въ министерство народнаго просвѣщенія или совсѣмъ закрыть. Тоже самое происходитъ теперь съ женскою учительскою школою г. Максимовича въ Твери. Разъ какъ-то я упоминалъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ г. Максимовичъ со стороны дирекціи въ веденіи своей школы. Недавно вышли какія-то новыя пререканія и неприятности, которыя разсматривались на послѣдней сессіи тверскаго губернскаго собранія и произвели здѣсь такое общее возбужденіе противъ дирекціи, что, по слухамъ, дѣло приняло очень неблагоприятный оборотъ. Если не предположить, что рев-

ность дирекціи въ этомъ случаѣ слѣдшая, происходящая отъ непониманія истинныхъ государственныхъ видовъ и стремленій, то трудно и понять, чѣмъ и кѣмъ она возбуждается. Вопросъ о томъ: въ чѣмъ вѣдѣніи полезнѣе состоятъ учительскимъ семинаріямъ, въ вѣдѣніи ли земства или правительства?—до сихъ поръ остается открытымъ. Литература почти вовсе его не касалась. По смыслу положенія о земскихъ учрежденіяхъ, начальное народное образованіе вѣрено попеченію земства, слѣдовательно въ его рукахъ должны быть и тѣ школы, которыя готовятъ учителей для сельскихъ школъ. Этого воззрѣнія держалось, повидимому, первоначально и министерство народнаго просвѣщенія, предоставляя самимъ земствамъ устраивать учительскія семинаріи; но потомъ перемѣнило свой взглядъ, взялось само за устройство этихъ семинарій и желаетъ всѣ ихъ сосредоточить въ своихъ рукахъ. Хотя при этомъ новомъ взглядѣ на дѣло министерство, естественно, желаетъ приобрести въ свое вѣденіе и ранѣе основанныя самими земствами семинаріи, но надобно полагать, что оно желаетъ достигнуть этого путемъ законнаго и свободнаго соглашенія съ земствами, а ни въ какомъ случаѣ, конечно, не путемъ репрессій. И если, несмотря на это, мы видимъ, что дирекціи съ любовію дѣлаютъ тѣ походы противъ земскихъ семинарій, которые изображены въ докладѣ рязанскаго земства, то не можемъ приписать этого ничего другому, какъ ихъ личной ревности не по разуму. Жаль, что такой важный вопросъ, который долженъ имѣть вліяніе на ходъ всего земскаго образованія, какъ вопросъ о томъ: кому должно принадлежать веденіе учительскихъ семинарій—земству или министерству народнаго просвѣщенія? остается до сихъ поръ въ туманномъ состояніи, а практически разрѣшается министерствомъ, натурально, не въ пользу земства. Было бы желательно, чтобы этотъ вопросъ былъ рассмотрѣнъ особенно наряженной для этого компетентной комиссіей, съ участіемъ въ ней выборныхъ депутатовъ отъ земства, и затѣмъ рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ. Тогда, еслибы и состоялся законъ о предоставленіи права вѣденія учительскихъ семинарій исключительно министерству народнаго просвѣщенія, семинаріи эти перешли бы отъ земства въ вѣденіе министерства, безъ всякихъ недостойныхъ махинацій со стороны низшихъ чиновниковъ послѣдняго, махинацій, парализирующихъ дѣятельность земства, роняющихъ достоинство училищной инспекціи въ глазахъ общества и вообще деморализирующихъ персоналъ училищнаго надзора.

Упомяну и еще одинъ фактъ, чтобы показать, какія препят-

ствія приходится преодолевать земству въ дѣлѣ народнаго образованія, и именно отъ излишества, и даже мелочности надзора. Но предварительно я долженъ увѣдомить читателя, что я беру этотъ фактъ изъ дебатовъ послѣдней сессіи петербургскаго земскаго собранія, и буду разсматривать его въ связи съ этими дебатами, а затѣмъ буду говорить и о нѣкоторыхъ другихъ постановленіяхъ, бывшихъ на разсмотрѣніи этого собранія.

Въ 1875 году, инспекторъ народныхъ училищъ, г. Орловъ, ревизуя эти училища въ Петербургской Губерніи, замѣтилъ, что одинъ учитель выходитъ изъ предѣловъ министерской программы, преподавая своимъ ученикамъ естественную исторію, рисованіе и проч., что, по программѣ, не входитъ въ кругъ занятий въ первоначальныхъ народныхъ училищахъ. Естественная исторія въ начальныхъ училищахъ! Но что такое естественная исторія въ начальныхъ училищахъ? Это рассказы про корову, лошадь и т. п., рассказы, безъ которыхъ учителю, пожалуй, трудно обойтись, потому что онъ пользуется ими для возбужденія вниманія учениковъ. А нельзя; противъ программы; могутъ училище закрыть. Что тутъ дѣлать? думаетъ управа, и рѣшается ходатайствовать о расширеніи программы начальныхъ училищъ, хотя и чувствуетъ, что это будетъ не совсѣмъ удобно; ибо сдѣлавшись предметомъ обязательнымъ, естественная исторія стѣснитъ и учителя и учениковъ, и, кромѣ того, такъ какъ въ начальныхъ училищахъ не всѣ мальчики успѣютъ осилить естественную исторію, то расширеніе программы начальныхъ училищъ поведетъ, между прочимъ, къ тому, что не успѣвающіе мальчики будутъ лишаться права на тѣ льготы по отбыванію воинской повинности, которая даетъ свидѣтельство объ окончаніи курса въ начальныхъ училищахъ. Возникни подобный вопросъ въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ, ему конца бы не было и онъ возбудилъ бы безчисленное множество пререваній и неприяностей. Какой-нибудь усердствующій инспекторъ, въ родѣ Епинатъева, стоялъ бы на томъ, что не только рассказы о коровѣ, но даже упоминаніе объ одномъ коровьемъ хвостѣ есть уже цѣлый курсъ естественной исторіи и строчилъ бы доносы о тѣхъ начальныхъ училищахъ, гдѣ подобное беззаконіе совершается, требуя ихъ закрытія, а между тѣмъ представленіе управы о расширеніи программы начальныхъ училищъ странствовало бы долгіе годы по разнымъ инстанціямъ, пока не послѣдовало бы отказа. Въ Петербургѣ вопросъ разрѣшился легче, но путемъ экстраординарнымъ. Именно: предсѣдатель собранія, графъ Бобринскій, частнымъ образомъ, «отъ лицъ, близко поставленныхъ министерствомъ

къ дѣлу народнаго образованія», узналъ, что «министерство находитъ возбужденіе вопроса о расширеніи программы начальныхъ училищъ мало умѣстнымъ въ тѣхъ видахъ, что считаетъ вполне удовлетворительнымъ и достаточнымъ существующій курсъ, полагая въ тоже время, что, какъ въ указанномъ выше Орловымъ случаѣ, учителя частнымъ образомъ могутъ заниматься съ своими учениками свыше и помимо установленной программы». Изъ этого видно, что министерство вовсе не считаетъ беззаконіемъ, если учитель будетъ сообщать что нибудь ученикамъ и свыше и даже помимо программы. А, между тѣмъ, усердствующіе министерскіе наблюдатели, въ родѣ Епинатьева и ему подобныхъ, стоятъ на томъ, чтобы далѣе программы ни на одну іоту. Сколько намъ извѣстно и тверскую женскую школу г. Максимовича дирекція обвиняетъ, между прочимъ, въ томъ, что учителя идутъ въ своемъ преподаваніи далѣе программы.

Согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, графъ Вобринскій предложилъ собранію исключить изъ доклада управы ходатайство о расширеніи курса начальныхъ училищъ, ограничившись изложеннымъ въ томъ докладѣ ходатайствомъ о подчиненіи училищному совѣту двухклассныхъ училищъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ подчиненія двухклассныхъ училищъ училищному совѣту не будетъ и надобности въ расширеніи курса начальныхъ училищъ, такъ какъ для всякаго способнаго мальчика, желающаго продолжать ученіе, не будетъ никакого препятствія поступить изъ начальнаго училища въ двухклассное. Съ этимъ предложеніемъ согласилось почти все собраніе. Но интересны мотивы, въ силу которыхъ два члена земскаго собранія, они же и члены петербургской городской думы, Домонтовичъ и Санъ-Галли расширеніе программы начальныхъ училищъ признавали не нужнымъ. Домонтовичъ, соглашаясь вполне, что курсъ начальныхъ училищъ совершенно достаточенъ, присовокупилъ, что «болѣе широкое образованіе массы было бы даже вредно, потому что оно отвлекло бы сельскія силы отъ земледѣльческаго труда, уменьшило бы сельскую производительность, такъ какъ, насколько извѣстно ему, Домонтовичу, образованіе отвлекаетъ юношество отъ физическаго труда, что составляетъ прямой вредъ для народа». Очевидно, г. Домонтовичъ впалъ въ утрировку, не видя въ серьезномъ образованіи народа ничего кромѣ вреда. Онъ забылъ, что образованіе и благороднымъ людямъ далеко не всѣмъ доставляетъ пользу; многихъ оно причащаетъ лишь къ тому, чтобы нетолько дома, но и въ публичныхъ засѣданіяхъ въ думѣ, земствѣ и т. д. болтать всякую ерунду, которая придетъ въ голову.

Впрочемъ, гласный Сан-Галли, поправилъ его, заявивъ въ качествѣ иностранца, что онъ подмѣтилъ вообще за русскими, слѣдовательно и за благородными, тотъ недостатокъ, что они любятъ разбрасываться, ни на чемъ основательно не сосредоточиваясь и что расширеніе (даже!!) программы начальныхъ училищъ естественнаго послужило бы только къ развитію этого русскаго недостатка. По его, г. Сан-Галли, мнѣнію, было бы, конечно, лучше, еслибы русскихъ вовсе ничему не учили, а посылали прямо къ нему, Сан-Галли, на заводъ развиваться на томъ же, на чемъ онъ, кажется, и самъ развился, на выдѣлкѣ разныхъ водопроводныхъ *commodités*.

Когда эти два думскія свѣтила высказались и собраніе рѣшило ходатайствовать только о подчиненіи двухклассныхъ училищъ училищному совѣту, то гласный Платоновъ предложилъ собранію просить графа Бобринскаго возбудить этотъ уже рѣшенный земствомъ вопросъ въ дворянскомъ собраніи и такъ какъ дворянство, конечно, не преминетъ присоединиться къ состоявшемуся рѣшенію земства, то вмѣстѣ съ нимъ одновременно и вести это дѣло. Это предложеніе гласнаго Платонова идти въ хвостъ дворянства, взорвало земцевъ — и было отчего. Учрежденію юному, гордому сознаниемъ своего представительства интересовъ цѣлой Россіи, полному надеждѣ, открыто сознаваться въ своемъ безсиліи и идти искать помощи въ учрежденіи сословномъ, одряхлѣвшемъ, продолжающемъ существовать не во имя идеи, а по традиціи — это совсѣмъ постыдно. Нѣчто въ родѣ этого высказано было членами собранія и г. Платонову. Но онъ этимъ нисколько не смутился, а спойно обратился къ земцамъ съ слѣдующимъ вопросомъ: «Укажите мнѣ въ теченіи тѣхъ 12-ти лѣтъ, что земство существуетъ, хотя на одно такое ходатайство земства, которое имѣло бы успѣхъ?» И когда земцы на это замолчали, то гласный Платоновъ продолжалъ: «Та же участь постигнетъ и нынѣшнее наше ходатайство».

Изъ другихъ постановленій петербургскаго губернскаго земскаго собранія послѣдней сессіи заслуживаютъ вниманіе: 1) о такъ называемыхъ ночлежныхъ пріютахъ или интернатахъ для учениковъ двухклассныхъ школъ, и 2) о стипендіяхъ въ петербургскихъ женскихъ врачебныхъ курсахъ.

1. Въ каждомъ уѣздѣ существуетъ двухклассная, содержимая министерствомъ школа, съ болѣе обширною программой, чѣмъ начальнаго училища, въ которую поступаютъ для продолженія ученія лучшіе изъ учениковъ послѣдней. Такъ какъ многіе крестъ-

яскіе мальчики, при всемъ желаніи продолжать ученіе, не имѣють средствъ содержаться на свой собственный счетъ внѣ мѣста своего жительства, то петербургскому земству пришла счастливая мысль, основать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены двухклассныя училища, такъ называемыя ночлежныя пріюты, въ которыхъ ученикамъ этихъ училищъ дается даровое помѣщеніе и столъ. Такихъ пріютовъ земская управа имѣла до сихъ поръ пять, теперь просить у собранія разрѣшенія какъ на содержаніе прежнихъ пріютовъ, такъ и на открытіе новыхъ. При дебатахъ по этому предмету, нѣкоторые гласные высказали такое мнѣніе, что, вмѣсто того, чтобы устраивать пріюты при министерскихъ школахъ, лучше было бы завести ихъ при начальныхъ земскихъ школахъ, гдѣ зачастую крестьянскимъ мальчикамъ приходится проходить большія разстоянія по нѣсколькой верстѣ до школы. Противъ этого возражалъ гласный Семейскій, доказывая, что помощь для учениковъ двухклассныхъ училищъ нужнѣе потому, что въ эти училища поступаютъ наимоспособнѣйшіе изъ учениковъ начальныхъ школъ, которымъ притомъ приходится бороться съ своими родителями или воспитателями, такъ какъ для каждаго изъ нихъ отпустить 12—15-ти-лѣтняго мальчика изъ дому на «чужую сторону» значитъ потерять рабочую силу. Съ этимъ мнѣніемъ собраніе и согласилось. Но, въ дѣйствительности едва-ли не болѣе правы тѣ, которые отстаивали необходимость пріютовъ при начальныхъ школахъ. Здѣсь изъ сосѣднихъ деревень должны бѣгать ежедневно въ школу мальчики-крошечки, въ большинствѣ случаевъ очень плохо одѣтые, подвергаясь на пути, кромѣ опасности заболѣть отъ непогоды, вьюги, мороза, всякаго рода случайностямъ. Не бѣгать въ школы нынѣ даже и самобѣднѣйшимъ мальчикамъ нельзя, потому что крестьянство съ каждымъ днемъ стало все болѣе и болѣе понимать пользу грамотности, не говоря уже о томъ, что начальная школа даетъ льготы по отбыванію воинской повинности. Правда, начальную школу посѣщаютъ всѣ мальчики, въ числѣ которыхъ много и заурядныхъ и съ слабыми способностями, но вѣдь и двухклассныя школы наполняются не гениями. Что же касается того, будто двухклассныя школы отнимаютъ изъ дому рабочую силу, то это не совсѣмъ вѣрно: въ осеннее и лѣтнее время, когда рабочая сила всего нужнѣе, ученики двухклассныхъ школъ отъ ученія свободны. Было бы желательно, конечно, чтобы интернаты существовали при всѣхъ школахъ, какъ при двухклассныхъ, такъ и при тѣхъ начальныхъ, гдѣ многимъ мальчикамъ приходится пробѣгать до школы большія разстоянія. Но ужъ если этого сдѣлать нельзя и надобно дѣлать выборъ между двухклассными и начальными школами, то, мнѣ кажется, справедливѣе и нужнѣе устраивать интернаты при начальныхъ школахъ, а никакъ не при двухклассныхъ.

2) Въ нынѣшнемъ году послѣдуетъ первый выпускъ студентовъ, слушавшихъ медицину въ теченіи пяти лѣтъ на женскихъ врачебныхъ курсахъ. Какія права получаютъ эти студентки, пока

еще не объявлено. Но никто не сомневается, что они будут удостоены тех же самых званий и прав, какими пользуются и студенты, окончивающие курсы в медико-хирургической академии. В этом же убеждены и все профессора и преподаватели различных наук на врачебных курсах, подавшие от себя следующее заявление по начальству:

«Принимая во внимание, что 1) учение на женских врачебных курсах продолжается наравнѣ со всеми медицинскими факультетами 5 лѣтъ; 2) что предметы преподаванія на курсахъ вполне соответствуютъ какъ по объему, такъ и по направленію преподаванія, предметамъ медицинскихъ факультетовъ и въ медико-хирургической академіи, за исключеніемъ частью судебной медицины и медицинской полиціи; 3) что нѣкоторые предметы какъ теоретически, такъ и практически преподаются въ большемъ противъ факультетовъ объемѣ, какъ-то акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни и акушерская экспертиза, и что 4) репетиціи, практическія занятія въ лабораторіяхъ и клиникахъ, строгіе экзамены изъ курса въ курсъ и, наконецъ, врачебная дѣятельность слушательницъ въ Румыніи и Болгаріи, побудившая, по единодушному засвидѣтельствованію профессоровъ академіи и университетовъ, дѣйствовавшихъ на театрѣ войны, поставить командированныхъ туда слушательницъ еще до удостоенія ихъ ученой степени въ одинаковыя относительно практической дѣятельности съ врачами условія и давнія возможности убѣдиться въ полной способности слушательницъ къ врачебной дѣятельности и въ высокой степени ихъ добросовѣстности при исполненіи ординаторскихъ обязанностей — все это привело собраніе преподавателей женскаго врачебнаго курса къ единодушному постановленію о необходимости и своевременности ходатайства о дарованіи окончивающимъ курсъ слушательницамъ, во выдержаніи ими окончательнаго публичнаго испытанія, ученой степени и права врачебной практики, соответственнo тѣмъ, которыми удостоиваются студенты, окончивающіе курсъ медицинскаго образованія въ университетахъ и въ императорской медико-хирургической академіи». (Слѣдуютъ 34 подписи профессоровъ и преподавателей на женскихъ врачебныхъ курсахъ).

Имѣя въ виду это общее убѣжденіе, что окончивающія на врачебныхъ женскихъ курсахъ курсъ студентки будутъ полными, настоящими врачами, что въ помощи женскихъ врачей городъ нуждается не менѣе, чѣмъ крестьяне, что средства, на которыя содержатся женскіе врачебные курсы очень не богаты вообще, и изъ ихъ кассы ничего не можетъ быть удѣляемо бѣднымъ слушательницамъ курсовъ, гласный Семейскій предлагалъ еще петербургской думѣ назначить десять стипендій для слушательницъ женскихъ курсовъ. Но предложеніе его здѣсь провалилось. Съ тѣмъ же предложеніемъ о назначеніи нѣсколькихъ стипендій для женскихъ врачебныхъ курсовъ гласный Семейскій обратился и къ земскому собранію и встрѣтилъ здѣсь об-

щее во всемъ собраніи сочувствіе своему предложенію. Единственнымъ возражателемъ явился все тотъ же думскій ораторъ, гласный Домонтовичъ, который говорилъ, что, такъ какъ въ земствѣ есть одинъ полъ врачей, то въ другомъ полѣ оно не видитъ надобности, тѣмъ болѣе, что имѣющійся у земства полъ врачей не рождаетъ, а другой полъ врачей, ему предлагаемый, подверженъ этой слабости и, слѣдовательно, не во все время года будетъ исполнять свои медицинскія обязанности. Но думскій ораторъ, съ своими половыми соображеніями, долженъ былъ ступиваться передъ тѣми доводами, которыми *есть* члены земскаго собранія доказывали необходимость врачей-женщинъ въ земствѣ. И предложеніе гласнаго Семейскаго, сформулированное въ слѣдующемъ вопросѣ: слѣдуетъ ли поручить губернской управѣ, въ 1878 году, войти въ соглашеніе съ уѣздными управами, чтобы онѣ сообщали уѣзднымъ земскимъ собраніямъ предложеніе о примечаніи въ земскую службу женщинъ-врачей?—было рѣшено собраніемъ *утвердительно*.

Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ: какъ лучше устроить эти стипендіи. Въ предложеніи гласнаго Семейскаго говорится, что стипендіи отъ земства могутъ даваться не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы тѣ студентки, которыя будутъ получать стипендіи отъ петербургскаго земства, *непрелмно* извѣстное число лѣтъ прослужили въ этомъ земствѣ. Такъ оно, конечно, и должно быть. Земство не имѣетъ права бросать своихъ денегъ даже и на образованіе, если оно не видитъ въ этомъ образованіи непосредственной пользы для своихъ прямыхъ цѣлей (хотя, надобно сказать правду, земство очень часто отступаетъ отъ этого правила, раздавая стипендіи студенткамъ университета, ученицамъ гимназій, устраивая городскія гимназій, проримназіи и т. п.). Но опытъ показалъ, что большая часть стипендіи, раздававшихся земствами подъ тѣмъ же именно условіемъ, чтобы стипендіаты прослужили извѣстное число лѣтъ въ земствѣ, пропали совершенно напрасно. Стипендіаты, по тѣмъ или другимъ случайностямъ, не могли или не хотѣли исполнить принятаго ими на себя обязательства. Въ особенности потерпѣло отъ этого, какъ мы говорили въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній, вятское земство. Съ женщинами-стипендіатками подобныя случаи могутъ повторяться еще чаще, чѣмъ съ мужчинами. Потому что женщина черезъ годъ или два пользованія стипендіей, до окончанія еще курса, можетъ выйти замужъ за человѣка, который вовсе не можетъ жить въ той губерніи, откуда она получаетъ стипендію, и тогда стипендіатка, естественно, должна будетъ отказаться отъ стипендіи, а между тѣмъ, не будетъ въ состояніи и возвратить ее. Во избежаніе этого земство должно принять другой порядокъ въ раздачѣ стипендіи, а не тотъ, который практикуется нынѣ; какой это долженъ быть порядокъ, а сейчасъ объясню.

Если бы каждое земство могло получать въ продолженіи де-

сяти лѣтъ изъ окончивающихъ на врачебныхъ курсахъ курсъ женщины ежегодно одного врача, то это было бы очень не много. Предполагая, что земство будетъ давать стипендiи только студентамъ трехъ старшихъ отдѣленiй и обязательный срокъ службы себѣ за эти стипендiи постановитъ трехлѣтнiй, то въ теченiи десяти лѣтъ изъ десяти женщинъ-врачей, поступившихъ на земскую службу, восемь уже кончатъ обязательный срокъ службы; очень можетъ быть, что однѣ изъ нихъ захотятъ оставить земскую службу, а другiя и совсѣмъ медицинское поприще; кромѣ того, не надобно опускать изъ виду и возможныхъ случаевъ смертности. Такимъ образомъ и, земство, получившее въ десять лѣтъ десять врачей женщинъ, къ концу этого времени можетъ остаться всего съ четырьмя или тремя докторами, и того меньше. Слѣдовательно, и по истеченiи десяти лѣтъ, земство, чтобы не остаться безъ врачей, будетъ въ необходимости начинать ту же исторiю, опять платить тѣ же самыя стипендiи и, къ концу второго десятилѣтiя, можетъ очутиться въ положенiи не лучше того, въ которомъ было изъ первомъ, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока, по истеченiи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, врачей-женщинъ будетъ такъ много, что земство, и не тратя на стипендiи, будетъ много находить между ними желающихъ поступить на земскую службу. Но когда же это будетъ?—По свѣденiямъ, собраннымъ г. Семейскимъ, на женскихъ врачебныхъ курсахъ всѣхъ слушательницъ считается въ настоящее время 450 ч., т. е., въ каждомъ отдѣленiи по 90 ч. Предположимъ, что въ каждый годъ будетъ окончивать курсъ 90 ч.—это самое большее, что возможно—въ десять лѣтъ женскiе врачебные курсы выпустятъ всего 900, въ тридцать 1800 ч. Черезъ 30 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, четверть изъ этого числа будетъ неспособна къ службѣ по старости и болѣзнямъ; присовокупите къ этому извѣстный процентъ смертности, потомъ процентъ оставившихъ добровольно медицинскую дѣятельность, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, и вы увидите, что черезъ 30 лѣтъ женщинъ-врачей, (само собою разумѣется, въ томъ случаѣ, если до того времени не откроется новыхъ заведенiй для образованiя женщинъ-врачей) будетъ такъ не много, что земства и тогда, какъ теперь, будутъ поставлены въ необходимость пополнять свой врачебный персоналъ, какъ и нынѣ, т. е. посредствомъ стипендiй. Но этотъ способъ приобрѣтенiя врачей вовсе не дешевъ. На каждого врача-женщину, плата въ каждомъ изъ трехъ старшихъ отдѣленiй ежегодно по 300, земство должно употребить 900 рублей, а на всѣхъ 10 врачей 9,000, на 30 въ продолженiи 30 лѣтъ 27,000 р. Но тратя и такiя большiя суммы, земство можетъ не прибрѣсть даже и того скуднаго комплекта врачей-женщинъ, какой мы предположили, если оно не будетъ имѣть постоянныхъ вакансiй при женскихъ курсахъ, если будетъ дѣйствовать въ одиночку, раздавать стипендiи само именно тѣмъ, а не другимъ личностямъ; съ нимъ можетъ очень легко повториться въ этомъ случаѣ тоже,

что было и съ вятскимъ земствомъ. Для удешевленія стипендій и обезпеченія исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя стипендіантами, мы рекомендуемъ земству дѣйствовать слѣдующимъ образомъ:

1) Соединиться 30 или 40 земствамъ, смотря потому, сколько окажется на врачебныхъ женскихъ курсахъ желающихъ поступить на обязательную службу земству и, вмѣсто того, чтобы давать стипендіи по временамъ, по усмотрѣнію настоятельной надобности въ врачахъ-женщинахъ, прискивая каждый разъ кандидатохъ има. режъ — ассигновать одновременно каждому изъ земствъ по 13,500 р. съ превращеніемъ ихъ въ 6^о закладные листы земельныхъ банковъ. Эти листы будутъ давать по 900 р. въ годъ, т. е. ровно ту сумму, которая нужна на три стипендіи въ трехъ старшихъ отдѣленіяхъ врачебныхъ курсовъ и которая будетъ давать земству ежегодно по одному врачу. Стипендіи эта будетъ вѣчная.

2) По означеніи курса, земскія стипендіантки, по собственному согласію, избираютъ то или другое изъ означенныхъ 40 земствъ, смотря по ихъ личнымъ обстоятельствамъ; въ случаѣ, если возникнетъ между двумя или нѣсколькими изъ нихъ споръ о томъ или другомъ мѣстѣ, дѣло рѣшается между ними жребіемъ или собственнымъ третейскимъ судомъ, а если и это не приведетъ къ желаемому согласію, волею начальства.

3) Когда, по поступленіи уже на службу, обстоятельства какой-нибудь земской стипендіантки измѣнятся, такъ что ей необходимо будетъ перейти въ другое земство и она пригласитъ служащую здѣсь земскую же стипендіантку помѣниться мѣстами, то земства не только не должны дѣлать ей въ этомъ препятствія, но и по возможности помогать.

4) Наблюденіе надъ исполненіемъ земскими стипендіантами принятыхъ ими на себя обязательствъ должно быть возложено на медицинское начальство, которое въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ должно отмѣчать, что такая-то, по принятому ею на себя обязательству, должна прослужить въ такомъ-то земствѣ столько-то, и только отмѣтка, сдѣланная на этомъ же свидѣтельствѣ подлежащимъ земствомъ, что она эти годы выслужила или возвратила полученную ею за три года стипендію, можетъ давать ей право поступать на другую службу или освободить отъ денежнаго взыскапія, если она будетъ не на службѣ.

Въ заключеніе, я расскажу нѣсколько курьезовъ, наглядно характеризующихъ наши общественные нравы.

При московскомъ университетѣ съ 1811 года, т. е. 67 лѣтъ, существуетъ «общество любителей россійской словесности». Такъ оно и основано было, и высочайше утверждено, подъ названіемъ «общества, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ», и потому, натурально, помѣщалось въ теченіи 67 лѣтъ въ университетѣ, именно въ библиотечной залѣ университета.

Казалось бы, чѣмъ могло похвѣнать университету это общество, занимающее библиотечную залу всего какихъ-нибудь шесть разъ въ годъ (въ теченіи 66 лѣтъ общество имѣло 300 засѣданій) на нѣсколько часовъ, общество, характера самаго мирнаго, безъ всякихъ опасныхъ тенденцій, и, однакожъ, настолько угвѣшеное заинтересовать своею скромною дѣятельностью московское общество, что на его засѣданія собиралась многочисленная публика, слѣдовательно, общество съ достоинствомъ носившее названіе «при императорскомъ московскомъ университетѣ» и имѣли заслуживавшее свое помѣщеніе въ немъ? И вдругъ это почтенное общество ни съ того, ни съ сего изгоняется изъ университета! И какъ изгоняется! Предсѣдателю общества, заслуженному профессору университета Буслаеву, не дается объ этомъ никакого извѣщенія ни лично, ни официально, а сообщается библиотекарю, чтобы онъ не пускалъ впредь членовъ на собранія въ библиотечной залѣ! Какъ вамъ нравится такое отношеніе просвѣщеннаго университетскаго начальства къ состоящему при немъ ученому обществу, считающему среди своихъ полтораста членовъ не мало и ученыхъ, и литературныхъ, и другого рода русскихъ знаменитостей! Совсѣмъ ужь просто и безцеремонно! Такъ и отзываются тѣми соображеніями, которыя высказывали «Московскія Вѣдомости» о правахъ ховяевъ въ отношеніи къ приходившимъ въ ихъ домъ неприятнымъ постороннимъ людямъ, по пресловутому дѣлу г-жи Энгель и ея горничной. Какъ бы то ни было, но библиотекаръ, онъ же и секретарь общества, о сдѣланномъ ему сообщеніи довелъ немедленно до предсѣдателя и другихъ заправляющихъ дѣлами общества членовъ. Началась суматоха: «какъ? за что? Мы впродолженіи 67 лѣтъ не только ни разу ничего безчиннаго не производили, а были, напротивъ, постоянно украшеніемъ университета. За что онъ насъ можетъ изгонять? Надобно разузнать». — Посылаютъ разузнать и получаютъ отвѣтъ, что, дескать, противъ дѣятельности общества ничего не имѣютъ и находятъ ее весьма похвальною, но что, дескать, нехорошо то, что члены общества въ интервалахъ засѣданій имѣютъ непохвальную привычку курить. Получивъ такой отвѣтъ, общество приходитъ снова въ еще большее волненіе. «Какъ! все дѣло изъ за куренія! Не можетъ быть! Это не отвѣтъ, а шутка! Мы 67 лѣтъ курили, и никакого запрету ни отъ кого не было. А теперь вдругъ! Нѣтъ, это не причина. Надобно опять послать разузнать и, точнѣе, при чемъ сказать, что если запретъ идетъ изъ за куренія, то всѣ согласны никогда не курить». Опять посылаютъ. Получаютъ отвѣтъ, что нѣтъ, дескать, дѣло не въ куреніи, о куреніи, дескать, такъ было упомянуто между прочимъ... потому... библиотечная зала... искра... чего Боже унаси... а главное, дескать, въ томъ, что имѣются въ виду въ будущемъ разныя перестройки и передѣлки въ залѣ, но что и за всѣмъ тѣмъ университетъ не думаетъ отказывать обществу въ помѣщеніи. Только библиотечная зала будетъ для него закрыта, но оно можетъ выбирать любую изъ трехъ такихъ-

то и такихъ то залъ. Получивъ такой отвѣтъ, общество отправляется осматривать указанныя залы и не находитъ ни одной изъ нихъ пригодною для себя. Тогда оно предоставляет своему предсѣдателю обратиться къ университетскому начальству съ *попормѣйшею* просьбою *продолжить* и впредь обществу пользование библиотечной залой для засѣданій, причемъ выслать, между прочимъ, почтенному начальству и то, что общество имѣеть, «*вѣнзвѣмѣнныя и твердыя права свои на засѣданія въ университетскихъ помѣщеніяхъ, какъ общество, состоящее при императорскомъ московскомъ университетѣ по уставу высочайше одобренному въ 6 день іюня 1811 года, какъ общество—одно изъ самыхъ старинныхъ при университетѣ, самую уже давностью пользованія (со времени профессора и вице-предсѣдателя Мерзлякова, а послѣ съ 1858 года уже непрерывно), укрѣпившее права свои именно на то помѣщеніе, которое безпрепятственно предоставлялось ему цѣлымъ рядомъ смѣнявшихся попечителей и ректоровъ университета; какъ общество, которое имѣло болѣе 300 засѣданій, въ томъ числѣ, весьма много публичныхъ, предъ обширнымъ собраніемъ посѣтителей, и какъ читанными здѣсь, такъ и напечатанными трудами, отвѣчаетъ вполне своему назначенію по уставу, а вмѣстѣ приносило и приносить постоянно, сверхъ общей пользы просвѣщенію, честь, заслугу и прямое содѣйствіе цѣлому ученому учрежденію, при коемъ состоитъ, имѣя нынѣ въ составѣ своемъ до 150 членовъ и между ними многихъ профессоровъ университета; наконецъ, какъ общество, готовое всегда сообразоваться съ справедливыми указаніями, предостереженіями и ограниченіями со стороны университетскаго начальства въ вопросахъ, касающихся безопасности зданія и предметовъ, хранящихся въ ономъ».*

Всѣ эти объясненія ничего, однакожъ, не помогли. Университетское начальство наотрѣзъ отказало обществу въ пользованіи библиотечной залой, и общество 5 декабря 1877 года, въ своемъ чрезвычайномъ засѣданіи, постановило: поручить предсѣдателю присвать удобное помѣщеніе хотя бы и внѣ университетскаго зданія.

Теперь ученое общество занято присканіемъ себѣ квартиры. Принцесса ли? Сжалится ли надъ нимъ какое-нибудь другое учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія и позволитъ ли ему пріютиться въ своихъ стѣнахъ, послѣ того, какъ его лишила своей благосклонности московская *alma mater*? Я говорю: учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія, потому что вѣдь нельзя же ученому обществу, высочайше наименованному «*состоящимъ при императорскомъ московскомъ университетѣ*», помѣститься въ какомъ-нибудь зданіи желѣзно-дорожномъ, акцизномъ и т. п.

Какая же, полюбопытствуетъ читатель, была истинная причина изгнанія ученаго общества изъ зданія университета? А какъ это знать, читатель? Просвѣщенное начальство учебнаго

вѣдомства, какъ мы видѣли и выше, имѣетъ обыкновеніе скрывать истинныя причины своихъ дѣйствій, предоставляя другимъ догадываться: почему и для чѣго творится то или другое. Это не то, что не просвѣщенные начальства другихъ вѣдомствъ, не считающія нужнымъ прикрывать своихъ поступковъ какими-нибудь возвышенными дѣлами. Такъ въ «Голосѣ», недавно былъ разсказанъ случай объ оскорбленіи одной сестры милосердія однимъ губернаторомъ; дѣло объ этомъ находится теперь на разсмотрѣніи сената. Случай былъ слѣдующій. Сестра милосердія летитъ изъ кухни съ горячею припаркою для раненнаго солдата, которому велѣно было непрестанно перемѣнять припарки, какъ вдругъ слышитъ грозный голосъ пріѣхавшаго въ больницу начальника губерніи: «гдѣ это вы шлетеесь?» Сестра оскорблена; однакожь, сдерживается и спокойно отвѣчаетъ: «Я не шлюсь безъ дѣла, а ходила вотъ за этою припаркою для больныхъ, ваше превосходительство». Это очевидное предпочтеніе припарки начальнику губерніи окончательно вывело изъ себя послѣдняго. «Что вы тутъ болтаете мнѣ вздоръ! зарычалъ онъ.—Вы порядковъ не знаете: когда пріѣзжаетъ начальникъ губерніи, вы должны быть всѣ на мѣстахъ, при койкахъ больныхъ. А вы мнѣ тутъ съ какими-то припарками!» И съ этимъ словомъ начальникъ губерніи хлопъ по припаркѣ, которую сестра держала осторожно за концы пальцами обѣихъ рукъ, чтобы не ошпариться: припарка полетѣла вверхъ; сестру обдало всю брызгами. «Что послѣ этого было, пишетъ сестра:—я не знаю, такъ какъ лишилась тутъ же чувствъ, а когда пришла въ себя, увидѣла себя окруженною сестрами, врачами, фельдшерами».

Со стороны начальника губерніи поступокъ вышелъ немножко крутой! Очевидно, что онъ не разсчиталъ силъ провинившагося передъ нимъ субъекта и хотѣлъ расправиться съ нимъ такъ же, какъ онъ расправлялся съ ямщиками, городовыми, квартальными, нисшими канцелярскими чиновниками. Вышло неладно! Но искренность начальника губерніи заслуживаетъ полной похвалы. «Ты говоришь, не стоишь на мѣстѣ, за то вотъ я тебя и ошпарю». Въ другихъ мѣстахъ ошпарять и, можетъ быть, также за то, что не стоишь на мѣстѣ, или не поклонился, или визита не сдѣлалъ т. п., а скажутъ, что ошпарили тебя за то, что основы подрываешь, безопасности угрожаешь и т. п., а то и просто ничего не скажутъ: дескать, ошпарили, такъ и ошпарили—разбирай самъ за что.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ старые годы, наивные люди вѣрили въ существованіе химеръ, сфинксовъ, центавровъ и тому подобныхъ зоологически невозможныхъ составныхъ тварей. Нынѣшніе наивные люди въ нихъ не вѣрятъ, а между тѣмъ, химеры, сфинксы и центавры гуляютъ среди насъ въ огромномъ количествѣ. Крылья оказываются сплошь и рядомъ приросшими къ совѣмъ не птичьему туловищу, тяжелому, неуклюжему, еле поворачивающемуся, и эти бѣдныя крылья только даромъ треплются, стараясь приподнять своего тяжеловѣснаго обладателя къ небесамъ. Полу-человѣкъ, полу-лошадь—тоже не особенная рѣдкость, и когда вы услышите конское ржанье, то не можете поручиться, что это подлинный четвероногий жеребецъ ржетъ. Между этими зоологическими невозможностями есть такія, объ которыхъ говорить рѣшительно не стоитъ; пожалуйтъ только иной разъ, что полу лошадь остается, по недоразумѣнію, невзнузданной. Но есть невозможности очень любопытныя.

Покойная Ладова, которую свѣдущіе люди считаютъ лучшею изъ «Прекрасныхъ Еленъ», видѣнныхъ Петербургомъ, говорятъ, усердно молилась всякій разъ передъ выходомъ на сцену въ роли жрицы Венеры. Казалось бы, можетъ ли такая женщина проникнуться вызывающей, цинической насмѣшкой Оффенбаха и «создать» роль супруги Менелая? А, между тѣмъ, фактъ на лицо. Г. Евгенийъ Утинъ въ статьѣ «Болгарія во время войны» (въ «Вѣстникѣ Европы») съ пламеннымъ негодованіемъ говоритъ о тинѣ «личныхъ, эгоистическихъ интересовъ» и «практической жизни», въ которую русское общество было погружено передъ войной. Слова его прожигаютъ страницы «Вѣстника Европы» и сердца читателей. И не замѣчаетъ г. Утинъ, что его грозный бичъ полосуетъ его собственное, утинское тѣло, принимавшее такія граціозныя позы и артистуды въ струсберговскомъ процессѣ. Это ли не химера, не центавръ, зоологически невозможный, имѣющій человѣческую голову и конское туловище? И куда бы вы ни посмотрѣли, вездѣ вы увидите длинныя ряды химеръ, центавровъ и сфинксовъ, у которыхъ не то что нѣтъ ничего общаго между словомъ и дѣломъ (это бываетъ и съ просто слабыми безхарактерными людьми), а которые совмѣщаютъ въ себѣ признаки совершенно разнородныхъ существъ. Мы такъ къ этому

привыкли, такъ сжились съ этимъ химерическимъ сосѣдствомъ, что многіе, не обинуясь, пожимаютъ копыто центавра, точно оно и въ самомъ дѣлѣ, не копыто, а человѣческая рука. Я не объ тѣхъ лошадяхъ говорю, которые просто болѣе или менѣе искусно притворяются людьми, притворяются сознательно, съ совершенно опредѣленною цѣлью. Это просто дрянь, заслуживающая узды, возжей, чего хотите, но не пристального разсмотрѣнія, потому что даже въ чисто психологическомъ смыслѣ она не представляетъ никакого интереса: купилъ человѣкъ въ магазинѣ маску, надѣлъ ее, носить, пока требуется, а потомъ снялъ, ни мало не повредивъ подлиннаго лица своего и очень хорошо зная, что одно дѣло—маска и другое дѣло—подлинное лицо. Лядова и г. Утинъ—люди не этого сорта. Конечно, и они надѣваютъ нѣкоторымъ образомъ личину, изображая фривольную греческую царичу и пламеннаго ненавистника «эгоистическихъ интересовъ». На дѣлѣ, одна же такъ ужъ фривольна, а другой не такъ ужъ колонтъ самоотверженія. Надѣвая на себя личину, оба эти человѣка въ значительной степени руководствуются практической сметкой, художественнымъ инстинктомъ и другими второсортными умственными способностями, позволяющими имъ попасть въ надлежащій тонъ и сыграть предначужденную роль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они чрезвычайно проникаются этою ролью. До такой степени, что г. Утинъ заливается слезами, «когда о честности высокой говорить», а Лядова, несмотря на свою богомольность и вполне добропорядочную жизнь въ театральныхъ подмосткахъ, усваиваетъ всѣ тончайшія черты личности легкомысленной Елены. Вы не должны смущаться этими примѣрами, взятыми изъ театрального міра. Я какъ-то присутствовалъ при разговорѣ объ томъ, каковъ бы былъ въ роли Гамлета одинъ чрезвычайно талантливый русскій актеръ, до сихъ поръ не пробовавшій себя въ подобныхъ роляхъ. Одинъ мой пріятель остроумно замѣтилъ, что актеръ этотъ началъ бы знаменитый мрачный монологъ Гамлета такъ:

Бить или не бить?

Съ палъцемъ драть,

Съ огурцомъ патнадцать!

Не знаю такъ ли было бы на самомъ дѣлѣ, но вѣрно то, что актеръ, какъ и всякій художникъ, не можетъ мало-мальски ясно передать то, чего въ немъ самомъ нѣтъ, хотя въ видѣ зародыша. По мнѣнію знающихъ, г. Утинъ и Лядова исполняютъ свои роли хорошо, а потому нельзя сомнѣваться, что въ словахъ адвоката и въ легкомыслии актрисы есть нѣчто подлинное, изъ души идущее. Это не совѣтъ маска. Но видъ Лядова претилась и жарко молилась христіанскому Богу, выхода на подмостки, а г. Утинъ бичуетъ эгоистическіе интересы, геройствуя въ московской Струсберггадѣ. Какъ связать все это? какъ объяснить психическіе процессы, совершающіеся въ Лядовой и въ г. Утинѣ? Психологія нова дѣло довольно темное, но нужно ду-

мать, что оба названные лица, по легкомыслию или по неспособности въ самоанализу—не полные хозяева въ своей собственной душѣ и даже не пытаются связать концы съ концами въ своей внутренней жизни. Какъ у Фауста *zwei Seelen wohnen in der Brust*, такъ и у г. Утина и Лядовой живутъ въ груди двѣ души. Разница, и не маловажная, состоитъ въ томъ, что Фаустъ зналъ, что онъ—химера, а потому мучился своимъ «двоедушіемъ», боролся, терзался, искалъ выхода, а Лядова и г. Утинъ невинны, какъ Адамъ и Ева до вкүшенія плодовъ древа познанія добра и зла. Муки «больной совѣсти» имъ также мало извѣстны, какъ тому купцу, который ставитъ свѣчку Николаю Чудотворцу въ благодарность за удачу злостнаго банкротства. Молитва сама по себѣ, канканъ самъ по себѣ; Струбергіада—сама по себѣ, бичъ моралиста—самъ по себѣ. И нисколько они другъ другу не мѣшаютъ. Жизнь такихъ людей можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ очень любопытна, но трагедіи изъ нея не скроишь. Это матеріалъ для водевилы, самое большое для комедіи, могущей получить трагическій оттѣнокъ, но только со стороны, въ тѣхъ третьихъ лицахъ, съ которыми этихъ забавныхъ химеръ сталкиваетъ жизнь.

Но не всегда химеры забавны. Онѣ могутъ быть носителями глубокаго страданія, если даже сознаніе своего «двоедушія» не достигаетъ такой страшной ясности, какъ у Фауста. Жадная натура Фауста искала власти, богатства, чувственныхъ наслажденій, не останавливаясь, въ случаѣ надобности, передъ преступленіемъ, насиліемъ, низостью. Но въ немъ жила и другая душа, полная высшихъ, идеальныхъ стремленій. Она-то и точила Фауста, какъ червь, не давая ему успокоиться ни на чемъ и обнаруживая съ безпощадною ясностью ничету, плоскость, ненужность всего, чего онъ добивался отъ жизни съ такою страстностью. Сократите размѣры Фауста во всѣхъ направленіяхъ, понизьте уровень его требованій и стремленій, отымите у него его безстрашную послѣдовательность, онъ останется все-таки мученикомъ, и такихъ маленькихъ мучениковъ вы не разъ видали. Впрочемъ, для уясненія мученій этихъ маленькихъ мучениковъ, Фауста лучше оставить въ сторонѣ, потому что тѣнь его огромной фигуры не совсѣмъ покрываетъ ихъ тѣни. Дѣло бываетъ обыкновенно такъ: живетъ какой-нибудь Иванъ, тихо, смиренно, занимается своимъ дѣломъ, имѣющимъ свои пріятныя и непріятныя стороны, или даже просто ничего недѣланиемъ. Вдругъ отбѣдато, совсѣмъ со стороны налетаетъ что-то новое, новыя идеи, чувства, стремленія, настоящихъ корней въ жизни нашего Ивана не имѣющія, но, по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ, получающія для него большое значеніе. Если въ добавокъ, какъ обыкновенно и бываетъ, это новое долетаетъ до Ивана въ болѣе или менѣе туманномъ, неопредѣленномъ видѣ, такъ что онъ не съ разу можетъ разобрать, до какой степени оно ему органически чужое и какою огромной внутренней переработки оно тре-

буеть для его восприятія—матеріаль для безконечныхъ мученій готовъ. Душа Ивана раздвоена, онъ сталъ химерой съ бесильно треплющимися крыльями на несообразно тяжеломъ туловищѣ. Старое, привычное тянетъ въ одну сторону, новое—въ другую и человекъ изнываетъ, не умѣя отдаться вполнѣ ни тому, ни другому. Не то, чтобы такой результатъ былъ неизбеженъ, но матеріаль для него готовъ. На примѣрѣ дѣло будетъ яснѣе. Припомните Митю въ «Бѣдность не пороку» Островскаго. Молодой малый живетъ въ приващивагахъ у богатаго и вѣзломощнаго кунца Гордѣя Торцова. Малый много терпитъ, но согласенъ терпѣть и еще больше, лишь бы хозяинъ не выгналъ его, потому что онъ влюбленъ въ хозяйскую дочь. У него есть поэтической талантъ; любовь, которую онъ долженъ отъ всѣхъ прятать и держать, какъ дорогую святыню, подъ спудомъ, разогрѣваетъ ему душу, онъ зачитывается Колюцовымъ, онъ самъ сочиняетъ пѣсни. Исторія кончается, какъ извѣстно, вполнѣ благополучно: Митя женится на предметѣ своей любви, становится законнымъ наслѣдникомъ богатаго тестя и кончаетъ, по всей вѣроятности, тѣмъ, что слой жиру затягиваетъ его поэтическія инстинкты. Ничто не мѣшаетъ ему спрашивать у своей жены: «чего моя нога хочетъ?» Онъ спокоенъ духомъ, обѣщиваетъ, обмѣриваетъ, пьетъ чай цѣлыми самоварами, водку четвертями, словомъ все идетъ, какъ слѣдуетъ. Но представьте себѣ, что въ ту минуту, когда Митя разогрѣта и, по тревожности своего состоянія, особенно отзывчива, являются какіе-нибудь добрые люди съ участіемъ къ его поэтическому таланту, даютъ ему читать сочиненія крупныхъ русскихъ поэтовъ, дѣлаютъ наставленія, подзадориваютъ, поощряютъ, словомъ, играютъ роль раздувательныхъ мѣховъ. Исходъ можетъ быть разный, смотря по обстоятельствамъ, то есть по свойствамъ Мити и раздувательныхъ мѣховъ. Можетъ изъ него выйти своего рода Лядова-Утинъ, поэтъ-аршинникъ, сочиняющій стихи и въ то же время съ броненосною совѣстью обмѣривающій и обѣщивающій покупателей. Можетъ и такъ случиться, что новая дѣятельность совершенно и кореннымъ образомъ преобразитъ Митю, увлечетъ его въ сферы истины и справедливости и дастъ то удовлетвореніе, которое дается этимъ путемъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, Митя не будетъ знать внутреннего разлада и если придется ему переживать мучительныя минуты, то это не будутъ муки химеры. Но возможенъ еще одинъ исходъ, хуже котораго, лично для Мити, ничего быть не можетъ. Если основной слой лавочническихъ представлений и понятій залегъ въ немъ такъ прочно, что экскурси въ область мысли, предпринимаемыя съ художественными цѣлями, въ состояніи только всколебать его, хотя и представляють сами по себѣ нѣчто для Мити заманчивое, отвѣчающее нѣкоторымъ его вкусамъ, бѣдный Митя пропадетъ. Онъ изноетъ въ борьбѣ съ самимъ собой, пока, наконецъ, какая-нибудь волна вынесетъ его на тотъ или другой

берегъ, а можетъ и такъ случиться, что онъ до самой смерти никакого берега не увидитъ. Это очень обыкновенная исторія. По всей вѣроятности, въ жизни любого изъ коллекцій самодуровъ Островскаго, въ жизни всякаго другого зѣбра въ человѣческомъ образѣ, а также въ жизни разнаго рода несчастныхъ людей бывали минуты, такъ сказать, расцвѣта души, дорогія, важныя, всю послѣдующую жизнь опредѣляющія минуты. Почти безразлично, отчего придетъ человѣкъ въ это единственное въ своемъ родѣ состояніе отзывчивости, отчего явится въ немъ эта жажда чего-то хорошаго, большаго, духъ захватывающаго. Почти безразлично, потому что тутъ дѣло вовсе не въ опредѣленности стремленія, а именно только въ отзывчивости, которая является, можетъ быть, въ силу чисто физиологическихъ причинъ. Но понятно, что сама по себѣ отзывчивость ничего не гарантируетъ. Она можетъ «не расцвѣсть и отцвѣсть въ утрѣ пасмурныхъ дней», можетъ вывести человѣка на твердую почву, можетъ и исковеркать его. Это зависитъ, во-первыхъ, оттого, кака я дѣйствительность окружаетъ субъекта и въ какой мѣрѣ она въ него вѣлась, и во-вторыхъ оттого, кака я нища предложена ему въ моментъ запроса съ его стороны.

Какой страшный крестъ можетъ, при случаѣ, наложить на человѣка своеобразная комбинація этихъ двухъ условій—это не трудно видѣть изъ біографіи одного изъ довольно извѣстныхъ нашихъ поэтовъ, Никитина, сочиненія котораго только-что вышли новымъ изданіемъ. (Сочиненія И. С. Никитина, съ его портретомъ, fac-simile и біографіей, составленной и вновь исправленной М. Ѳ. Де-Пуле. Изданіе второе. М. 1878). Мы прослѣдимъ за ней шагъ за шагомъ, по разсказу г. Де-Пуле, приводя въ подлинникѣ тѣ мѣста, которыя всего ярче освѣщаютъ «лучшую, по словамъ біографа, поэму Никитина — его жизнь и лучший изъ созданныхъ имъ типовъ—его самого». Тогда и выяснится, насколько хороши эта поэма и этотъ типъ. Не предрѣшая ничего, скажемъ только, что біографія Никитина, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно поучительна.

Иванъ Савичъ Никитинъ, воронежскій мѣщанинъ, родился въ 1824 году. Отецъ его былъ человѣкъ состоятельный, торговые обороты его простирались не менѣе, какъ на сто тысячъ рублей ассигнаціями—сумма, по тогдашнему времени, очень почтенная. Онъ былъ человѣкъ умный, не лишенный нѣкотораго образованія (въ мѣщанство онъ перешелъ изъ духовнаго званія), но очень крутого нрава, что тяжело ложилось на семью. Граматѣ Никитинъ-сынъ научился, повидимому, очень рано у сапожника; первыя прочитанныя имъ книги были «Мальчикъ у ручья» Коцебу и «Луиза, или подземелье лонскаго замка» Радклиффъ. Восьми лѣтъ онъ послушалъ въ духовное училище, а окончивъ тамъ курсъ—въ семинарію. Учился онъ очень хорошо, но особенно отличался въ словесности. Между прочимъ, и первое свое стихотвореніе онъ написалъ въ семинаріи и показалъ профессо-

ру словесности. «Профессоръ похвалилъ и совѣтовалъ продолжать. Вначалѣ 40-хъ годовъ, въ воронежской семинаріи были еще свѣжи воспоминанія о Серебрянскомъ и о его другѣ, Кольцовѣ; поэтому литературная производимость пользовалась у семинаристовъ большимъ почетомъ. Между ними Никитинъ скоро приобрѣлъ названіе семинарскаго литератора, семинарскаго поэта и такое прозваніе нравилось самолюбію отца; поэтому о какомъ-нибудь протаводѣйствіи наклонностямъ сына онъ не могъ и думать». Вообще, отецъ не только не противодѣйствовалъ умственному развитію сыну, но даже мечталъ видѣть его въ университетѣ—фактъ, не совсѣмъ обыкновенный въ его время и въ его кругу. Но пока что, а дѣла отца стали по какимъ-то причинамъ разстроиваться, онъ началъ запивать, а, глядя на него и терпя отъ него разныя надругательства, зацѣплялась и мать Никитина. Молодому семинаристу тѣмъ тошнѣе было присутствовать при домашнихъ безобразіяхъ, что въ семинаріи онъ поихалъ совсѣмъ другого—Бѣлинскаго, съ его горячимъ, хотя и неопредѣленнымъ зовомъ къ добру, правдѣ и красотѣ. Въмсто университета, онъ попалъ, однако, за прилавкомъ. Почему это такъ вышло, разсудить изъ представленныхъ биографіей данныхъ довольно трудно. Отецъ, несмотря на разстройство своихъ дѣлъ, не отступалъ отъ своей мечты; сынъ, какъ говорить, правда, вскользь г. Де-Пуле—тоже. Дѣло, повидимому, встало изъ-за матери, которая на колѣняхъ просила мужа не отпущать Ивана Савича въ чужой городъ. Почему самовластный старикъ сдался на просьбу жены, понять тѣмъ труднѣе, что и послѣ смерти матери (послѣдовавшей всего черезъ полгода по окончаніи Никитинимъ семинарскаго курса), молодой человѣкъ все-таки остался за прилавкомъ и въ университетъ не попалъ. Должно быть, самъ поэтъ не особенно рвался. «Еще прежде, при матери, говорить г. Де-Пуле:—Никитинъ просился у родителей отпустить его изъ Воронежа въ другой какой-нибудь городъ—зачѣмъ? онъ самъ не могъ дать себѣ отчета». Какъ бы то ни было, но будущій поэтъ стоитъ за прилавкомъ. Со смертью матери, торговня дѣла пошла еще хуже, потому что отецъ окончательно залилъ. Много горя испыталъ за это время двадцатилѣтній поэтъ. Отецъ не только пилъ, онъ, во-первыхъ, пропивалъ все, что можно было пропить, а во-вторыхъ, буйствовалъ. «Иванъ Савичъ!—кричалъ онъ пьяный:—Иванъ Савичъ! Подлецъ, такой-сякой! А кто далъ тебѣ образованіе и вывелъ тебя въ люди? А? не чувствуешь? Не считаешь отца? Не кормишь его хлѣбомъ. Вонъ изъ моего дома...—И все, что стояло на столѣ для potreбы пьянаго человѣка—огурцы, хлѣбъ, солонка, рюмка, стаканы, все это летѣло въ бѣднаго Ивана Савича. И такъ каждый почти день! И неумолкаемо почти каждый день раздавались эти дикіе вопли! Бѣдность и нищета дошли до крайнихъ предѣловъ. Все, что можно было прожить, прожито—платье, вещи; что доставалось—шло на водку и дикія оргіи. Молодой

Никитинъ потерялся и палъ духомъ». Онъ, впрочемъ, очень быстро оглядѣлся и если не самъ поправился, то поправилъ дѣла, самъ занявшись хозяйствомъ, именно взявъ на свое личное попеченіе постоянный дворъ. Дѣло было не легкое, потому что и хозяйство было распущено, и отецъ не уставалъ пьянствовать, и постоянный дворъ былъ плохъ и расположенъ неудобно, далеко отъ базара. Тѣмъ не менѣе, ловкій молодой хозяинъ съумѣлъ заслужить расположеніе извозчиковъ и сталъ мало-помалу разживаться, построилъ новый домикъ и проч. Впослѣдствіи, онъ съ ужасомъ вспоминалъ объ этомъ времени, и ему вторить г. Де-Пуле, главнымъ образомъ съ той стороны, что вотъ «ученикъ Вѣлинскаго, восторгающійся Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Колчовымъ», вынужденъ дворничать, зазывать извозчиковъ, угождать имъ, отвѣшивать овесъ и сѣно, бѣгать при случаѣ въ кабакъ за водкой. Въ письмахъ своихъ, Никитинъ горько жалуется на «грязныя сцены», свидѣтелями которыхъ ему приходилось быть за это время, на уединеніе, на которое онъ былъ обреченъ, на всю эту перемежку поэзіи и прозы. Особенно странныя отношенія установились у него съ отцомъ. «Оба другъ друга любили, рассказываетъ биографъ:—и оба другъ друга, каждый по своему, мучили. Когда Савва Евѣичъ былъ въ трезвомъ состояніи, трудно было найти отца, который бы такъ кротко и любовно относился къ сыну; но за то надобно было поискать сына, который бы за подобное обращеніе отвѣчалъ такой суровостью и даже дерзостью. Когда старикъ бывалъ пьянъ и буйствовалъ, можно было удивляться кротости сына, ухаживающаго за нимъ, какъ за ребенкомъ, безъ всякой горечи и досады. На замѣчанія друзей своихъ о неровности обращенія съ отцомъ, Никитинъ обыкновенно отвѣчалъ: «Что же дѣлать! иначе я не могу». На совѣты оставить отца, обезпечивъ его всѣмъ нужнымъ, переѣхать на особую квартиру или же совсѣмъ выѣхать изъ города, онъ отвѣчалъ тѣмъ же не могу, прибавляя: «безъ меня онъ совсѣмъ пропадетъ». Не разъ покойный поэтъ говаривалъ: «Я въ состояніи убить того, кто обидитъ старика въ моихъ глазахъ; но когда онъ отрезвляется и смотритъ здравомыслящимъ человекомъ, вся желчь приливаетъ къ моему сердцу и я не въ силахъ простить ему моихъ страданій». Это не мѣшало, однако, «пробавъ пера». Нѣкоторыя изъ нихъ Никитинъ отправилъ въ столичные журналы, но напечатаны онѣ не были. Въ 1849 году, онъ отправилъ два стихотворенія въ «Воронежскія Губернскія Вѣдомости», редакція которыхъ не напечатала ихъ только потому, что не знала имени автора, объ чемъ и заявила публично. Никитинъ, однако, почему-то не отозвался—и такъ дѣло и кануло. Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ очень близко сошелся съ сотрудниками «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и воронежской интеллигенціей вообще, въ томъ числѣ и съ г. Де-Пуле. Съ этихъ поръ начинается извѣстность Никитина. Онъ поналъ въ высшій воронежскій свѣтъ, къ губер-

натурѣ, что даже пугало его родственниковъ; стихи его стали печататься въ журналахъ; нашолся издатель, въ лицѣ графа Д. Н. Толстого; сочиненія Никитина были поднесены Высочайшимъ особамъ. Вотъ что писалъ Никитинъ Второву, одному изъ сотрудниковъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», свѣтлу мѣстной интеллигенціи, совѣтнику губернскаго правленія и воеводѣ мѣстнаго петербургскому чиновнику: «Милый Николай Ивановичъ, ура! Отъ государыни императрицы Александры Феодоровны сію минуту имѣлъ счастье получить золотые часы. Пожалуйте ко мнѣ. Я прибѣгу бы къ вамъ самъ, но у меня И. А. Придорогинъ и сейчасъ будетъ Л—къ. Приходите посмотрѣть. Цѣлую васъ заочно. Рука дрожитъ. Извините! 1856 г., числа не помню. Вашъ И. Никитинъ». Никитину было въ это время 32 года. Дворничать онъ не переставалъ, но хотя относился къ этой своей дѣятельности много терпимѣе прежняго, однако, все-таки тяготился ею. Своилося у него около двухъ тысячъ рублей. Куда ихъ дѣвать? Сначала Никитинъ хотѣлъ купить домъ, но почему-то отдумалъ. «Общество дешеваго изданія книгъ» предложило ему быть его агентомъ въ Воронежѣ, и это подало Никитину первую мысль объ основаніи книжнаго магазина. При помощи друзей и покровителей, нашлись нужные деньги и книжный магазинъ, къ великой радости Никитина, былъ открытъ. Онъ разстался съ постоялымъ дворомъ, чтобы перейти за прилавокъ магазина, въ которомъ видѣлъ не только средство наживы. Книжный магазинъ давалъ ему, во-первыхъ, положеніе, соответствующее кругу его новыхъ знакомствъ, а во-вторыхъ, онъ имѣлъ, по его собственнымъ словамъ, «благородную цѣль знакомства публики со всѣми лучшими произведеніями русской и французской литературы, въ особенности знакомство молодежи, воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній». (Надо, впрочемъ, замѣтить, что и до Никитина въ Воронежѣ было три книжныя лавки). Никитинъ былъ влюбленъ въ свой магазинъ и носился съ нимъ, какъ съ писаной торбой. Болѣзнь (онъ былъ тогда уже сильно боленъ), позвѣя, все было забыто. Это очень огорчало его друзей. Одинъ изъ нихъ, Придорогинъ, такъ говоритъ объ немъ въ письмахъ къ Второву: «Физическое истощеніе убило въ немъ поэта; но за то съ необыкновенною силою развернулся въ немъ мелочной и раздражительный духъ спекуляціи. Онъ ничего не пишетъ, мало читаетъ: онъ отсталъ отъ всѣхъ и всего; онъ весь погруженъ въ коммерческіе счеты и расчеты; онъ доживаетъ послѣдніе дни свои въ лавкѣ; его ничто не занимаетъ, кромѣ барыша и выручки. Не могутъ ужиться вмѣстѣ, въ одномъ человѣкѣ, торговля и поэтъ; одно что-нибудь непремѣнно убьетъ другое или разладитъ жизненныхъ занятій съ природою убьетъ и самую жизнь». Повидимому, передъ открытіемъ магазина, Никитинъ уговаривался съ друзьями не брать на своемъ товарѣ (книги, бумага, канцелярскія принадлежности) больше извѣстнаго про-

цента, но не исполнялъ этого, за что его, въ особенности Придорогинъ, донималъ.

Въ 1861 году, Никитинъ попалъ въ Петербургъ, но ни съ кѣмъ изъ писателей познакомиться не пожелалъ. «Онъ искалъ литературнаго товара и знать не хотѣлъ его производителей», говоритъ биографъ и находитъ объясненіе этому любопытному факту въ недовольствѣ Никитина тогдашнюю литературу. Биографъ раздѣляетъ это недовольство. И хотя я привожу только факты, сообщаемые г. Де-Пуле, старательно обходя его собственные размышленія, какъ не особенно драгоценныя, но не могу не выписать слѣдующаго изумительнаго сужденія: Никитинъ «сочувствовалъ направленію «Русской Бесѣды», потому что оно было во его душѣ, какъ во всякомъ живомъ русскомъ человѣкѣ. Но какъ всякаго живого и просвѣщеннаго человѣка, Никитина возмущали крайности новыхъ литературныхъ направленій: въ крайностяхъ онъ видѣлъ духовную пустоту, отсутствіе въ человѣкѣ внутренняго содержанія. Въ Никитинѣ не было этой пустоты: въ грубой формѣ дворника, въ не совсѣмъ изящномъ образѣ купца, было содержаніе полное, былъ *человѣкъ съ цѣльнымъ нравственнымъ образомъ, челоѣкъ, глубоко реальный; въ одно и тоже время думающій и о барышѣ и о возвышеннѣйшѣ идеалѣ*».

Намъ остается позаимствовать у г. Де-Пуле только описаніе предсмертныхъ минутъ «человѣка съ цѣльнымъ нравственнымъ образомъ». Это минуты, по истинѣ, страшныя. Въ нихъ сказался весь ужасъ химерическаго существованія Никитина. Чтобы такъ умереть — не стоитъ и жить, а между тѣмъ, предсмертныя минуты Никитина только подводятъ итогъ всей его жизни.

Пришла Никитину пора писать духовное завѣщаніе. Душеприкащикомъ онъ выбралъ биографа, который рассказываетъ, между прочимъ: «Умирающій сынъ оставался глухъ къ совѣтамъ включить отпа въ духовное завѣщаніе. При всемъ тогдашнемъ вліаніи на Никитина, несмотря на совѣты отца духовнаго и другихъ близкихъ ему лицъ, онъ оставался непреклоннымъ, говоря: «это бесполезно и деньги пойдутъ прахомъ; старикъ имѣетъ домъ, возьметъ къ себѣ племянника съ женой и, я убѣжденъ, доживетъ свой вѣкъ спокойнѣе теперешняго; вы меня знаете, а другіе пусть говорятъ обо мнѣ что хотятъ». — Наступилъ день именинъ Никитина. Отецъ и душеприкащикъ сидѣли возлѣ дивана, на которомъ лежалъ умирающій поэтъ. — «Тихо и кротко началъ жаловаться отецъ на больного, говоря, что онъ тревожится, сердится по напрасну, совсѣмъ не бережетъ и убиваетъ себя. «Вотъ хоть бы вы ему посоветовали успокоиться, насъ онъ совсѣмъ не слушаетъ», закончилъ свою жалобу Савва Евтѣичъ. При самомъ началѣ этого разговора, Никитинъ очнулся и замѣтно сталъ прислушиваться къ словамъ отца. Не разъ онъ вскидывалъ глазами, и что-то похожее на улыбку я замѣтилъ на его лицѣ. При послѣднихъ словахъ старика, онъ совсѣмъ

открылъ глаза и какъ-то тревожно смотрѣлъ на насъ обонхъ. Я чувствовалъ потребность сказать хоть что-нибудь, и сказала фразу о необходимости спокойствія для больного. Никитинъ быстро приподнялся съ дивана и сталъ на ноги, шатаясь и едва держась руками за столъ. Онъ былъ страшенъ, какъ поднявшійся изъ гроба мертвецъ. «Спокойствіе! воскликнулъ умирающій.—Теперь поздно говорить о спокойствіи!.. Я себя убиваю!.. Нѣтъ—вотъ мой убійца!» Горящіе глаза его обратились къ ошеломленному и уничтоженному отцу. Умирающій опустился на диванъ, застоналъ и оборотился къ стѣнѣ, погрузиншись въ забытіе».—«Смерть прекратила страданія Никитина 16-го октября. Съ самаго ранняго утра неотрезвившійся старикъ не выходилъ изъ комнаты умирающаго сына. Онъ стоялъ у его смертнаго одра и взывалъ сильнымъ голосомъ: «кому отказываешь магазинъ? гдѣ ключи? подай сюда духовную?» Эти слова, не произносимыя, а выликиваемыя, повторялись на всѣ лады: «Иванъ Савичъ! гдѣ деньги?» и т. д. Произносились и слова, угрожающія проклятіемъ... Умирающій судорожно вздрагивалъ и умолялъ глазами сестру отвести старика въ другую комнату. Кое-какъ я уговорилъ старика, сказавъ, что духовная у меня, что содержаніе ея онъ скоро узнаетъ, что деньги всѣ цѣлы... Старикъ взвылъ, когда узналъ, что онъ обойденъ наслѣдствомъ. Но слово проклятія не сорвалось съ устъ его... На столѣ лежалъ мертвецъ. Въ пустынномъ домѣ подыалась суета отъ неизбежнаго прихода близкихъ и постороннихъ лицъ и отъ неизбежныхъ въ такихъ случаяхъ хлопотъ; но среди всего этого, раздавались дикіе вопли, прерывавшіе печальное, монотонное чтеніе псалтыря. Для ободренія себя, старикъ прибѣгалъ къ извѣстному средству, ругался и вривался въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ сына. Я вынужденъ былъ напомнить ему о своихъ правахъ душеприкащика. Куда тебѣ! Онъ просто лѣзъ ко мнѣ съ угрозами и ругательствами. Я принужденъ былъ, наконецъ, пострадать его закономъ, призваніемъ полиціи... И все это происходило передъ неостывшимъ еще трупомъ! Слѣпымъ прибавить, что смерть сына не прошла даромъ Савѣ Евтѣичу: могучій старикъ крѣпко осунулся и одрахлакъ лѣтъ на десять. На другой день и при погребеніи, онъ былъ трезвъ и кротокъ и тихо плавалъ. Онъ почти ослѣпъ и безъ провожатаго уже не могъ ходить. Охотно и незлобиво говорилъ онъ о сынѣ, интересовался поставленнымъ на его могилѣ памятникомъ и каждый разъ заводилъ рѣчь о духовномъ завѣщаніи, объясняя умолчаніе въ немъ своего имени наговоромъ злыхъ людей, «ибо-де Иванъ Савичъ не таковский былъ человекъ, чтобы забыть отца; а что они между собой иногда ссорились, такъ мало ли чего не бываетъ—вѣдь и горшокъ съ горшкомъ сталкиваются».

Такъ умиралъ Никитинъ. Мудрено придумать обстановку смерти, болѣе омерзительную, а между тѣмъ, она въ данномъ случаѣ составляла прямой логическій конецъ «лучшей поэмы,

созданной Никитинымъ», то-есть, всей его жизни. Съ перваго взгляда вы невольно проникаетесь симпатіей къ этому несчастному человѣку, которому не даетъ спокойно закрыть глаза грубый и пьяный, безобразный отецъ. Ореолъ несчастія всегда подкупаетъ, и загубленная жизнь невольно ставится на пьедесталъ. Но приглядываясь къ дѣлу ближе, вы увидите совсѣмъ не то. Нельзя, разумѣется, думать о Никитинѣ безъ сожалѣнія о загубленной жизни, но она загублена такимъ специальнымъ, хотя и очень распространеннымъ манеромъ, что вызываетъ именно только одно сожалѣніе, а не сочувствіе. Если исать въ семьѣ Никитина «человѣка съ цѣльнымъ нравственнымъ образомъ», такъ ужъ, конечно, надо признать его не въ сынѣ, а въ отцѣ. Савва Евтѣвичъ грубъ, отвратителенъ, но, посмотрите, какъ дѣйствительно цѣльно и просто относится онъ къ жизни вообще, къ своему сыну въ особенности; сравните эти отношенія съ двойственностію и изломанностію чуть не всякаго жизненнаго шага Никитина-сына. Можно бы было подумать, что именно пьяное самодурство Саввы Евтѣича раздвоило и изломало натуру Ивана Савича. Но этого не было. Многие множество русскихъ сыновей испытываютъ несравненно большій семейный гнетъ, чѣмъ какой выпалъ на долю Никитина. Взять уже одно то, что отецъ не только не иѣшалъ сыну учиться, но всячески поощрялъ его и, повидимому, даже сильнѣе его самого мечталъ о его высшемъ образованіи. Да и вообще, во всей биографіи Никитина, составленной хотя и довольно безпристрастно, но все-таки съ нѣкоторой утрировкой въ пользу поэта, нѣтъ рѣшительно ни одной черты, которая свидѣтельствовала бы о систематическомъ давленіи отца на сына, въ какомъ бы то ни было направленіи. Само собою разумѣется, что толчки, тычки, пьяная ругань отца, бессмысленныя ссоры и вопреки составляютъ въ дѣломъ невеселую картину, но русская дѣйствительность знаетъ много картинъ, гораздо худшихъ. Дѣло, впрочемъ, не въ этомъ, а въ отношеніяхъ отца и сына. Савва Евтѣичъ смотрѣлъ на нихъ чрезвычайно просто. Съ его точки зрѣнія всѣ эти ссоры и дравки были дѣломъ неизбежнымъ, да и не важнымъ: «вѣдь и горшокъ съ горшкомъ сталкиваются». Онъ думалъ, что для сына здѣсь нѣтъ ничего оскорбительнаго, потому что и самъ былъ далеко отъ намѣренія оскорбить. Онъ продѣлывалъ всѣ свои безобразія безъ злобы, а потому отказывался допустить, чтобы сынъ питалъ къ нему злобу, между тѣмъ, какъ въ сынѣ злоба кипѣла ключомъ, злоба, надо замѣтить, совершенно законная. Лично Никитину было не легче отъ того, что есть на святой Руси люди, которымъ живется тяжелѣе, чѣмъ ему. Не легче ему было и отъ отсутствія злонамѣренности въ отцѣ. Разъ извѣстныя безобразныя отношенія существуютъ, они тяжелѣе для того изъ дѣйствующихъ лицъ, который сознаетъ ихъ безобразіе, хотя бы онъ въ то же время превосходно сознавалъ, что слѣпая судьба связала его съ добрѣйшимъ и благожелатель-

нимъ, собственно говоря, человѣкомъ. Можетъ и злой человѣкъ безобразничать, можетъ и добрый человѣкъ безобразничать, но безобразіе остается безобразіемъ. Дѣло, однако, въ томъ, что когда Никитинъ самъ сталъ на ноги и долженъ былъ самъ за себя отвѣтъ держать, онъ имѣлъ полную возможность покончить съ отцомъ, не унижая себя, не оскорбляя его: стоило только уйти, обезпечивъ отца. Никитинъ предпочелъ жизнь кошки съ собакой; даже худшую, потому что ни кошка, ни собака, никакой звѣрь не способенъ такъ терзать себя негѣннымъ, неуклоннымъ накопленіемъ злобы, которая разразилась, наконецъ, страшнымъ восклицаніемъ: «вотъ мой убійца». Выносить всю жизнь чортъ знаетъ какія отношенія для того, чтобы грубо, убійственно грубо, возмутительно жестоко разорвать ихъ наканунѣ смерти, когда ужъ и разрывать нечего! Жостче, безнравственнѣе, мучительнѣе для себя и для отца ничего и придумать нельзя. Отецъ, требующій у умирающаго сына ключей, мерзокъ, но хорошъ и сынъ, наносящій отцу ударъ, стоя одной ногой въ гробу. И еслибы понадобилось выбирать между двумя завѣдомыми безобразіями, такъ ужъ, конечно, лучше этотъ пьяный дикарь, чѣмъ этотъ цивилизованный поэтъ.

Такова одна сторона цѣлности нравственнаго образа Никитина и одна сторона лучшей изъ созданныхъ имъ поэмъ. Остальнымъ въ этомъ же родѣ. Любовныя дѣла Никитина и вообще его отношенія къ женщинамъ изображены въ биографіи довольно ясно, и, однако, настолько ясно, что надо признать очень вѣрнымъ слѣдующее замѣчаніе биографа: «Кажется, нечего говорить, что Никитинъ не могъ увлечься непосредственнымъ чувствомъ и, тѣмъ болѣе, къ существу непосредственному». Это дѣйствительно такъ. И такъ было во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности у Никитина. Непосредственнаго чувства онъ никогда не зналъ, не зналъ и увлеченій, колеблясь на каждомъ шагу. Это бы еще не большая бѣда была какъ лично для Никитина, такъ и для потребителей плодовъ его музы, еслибы онъ обладалъ выдающеюся силою мысли, которая раскрыла бы ему если не «звѣздную книгу» и не говоръ «морской волны», то, по крайней мѣрѣ, кое-что изъ ближайшихъ житейскихъ дѣлъ. Но о силѣ мысли Никитина даже говорить смѣшно (г. Де-Шуле, впрочемъ, говоритъ). Даже фигуральное выраженіе «полетъ мысли», совсѣмъ не идетъ къ нему, потому что къ мысли его судьба привязала пудовыя гири. Если вычестъ пятакъ другой дѣйствительно удачныхъ стихотвореній Никитина, да вещи рабски подражательныя, то Никитинъ предстанетъ намъ именно въ видѣ химеры, съ безсильно треплющимися крыльями. Возьмемъ, напримеръ, на удачу стихотвореніе «Кладбище»:

Какъ часто я съ глубокой душой
Вокругъ могилъ одинъ брожу
И на курганахъ ихъ глажу
Съ тоской тяжелой и угрюмой,

Какъ больно мнѣ, когда корою
 Могильщикъ грубою рукою,
 Гробъ новый въ землю опуская,
 Стоитъ съ ослабленнымъ лицомъ
 Надъ безотвѣтнымъ мертвецомъ,
 Святню смерти оскорбляя.
 Или когда въ травѣ густой,
 Остатокъ жалкій разрушенья,
 Вдругъ черепъ я найду сухой,
 Престолъ ума и вдохновенья,
 Лишенный чести погребенья,
 И пораженъ, и недвижимъ,
 Сомнѣнья холодомъ облитъ,
 Я мнѣю, скорбюю томимъ,
 Надъ жертвой тѣни забытой...

И т. д. Слѣдуетъ рядъ гамлетовскихъ вопросовъ, къ которымъ прибѣгали чуть не всѣ поэты, великіе и маленькіе. Но мысль Никитина только на одну минуту поднимается къ этимъ вопросамъ и сейчасъ же ташело опускается внизъ: «вѣтъ! прочь бесплодное сомнѣнье!» и т. д. У насъ считали, а многіе и до сихъ поръ считаютъ Никитина народнымъ поэтомъ и, какъ такового, его и судятъ. Надо отдать справедливость г. Де-Пуле, онъ не раздѣляетъ этого предрасудка, основаннаго единственно на мѣщанскомъ происхожденіи Никитина. Г. Де-Пуле справедливо замѣчаетъ, что Никитинъ даже, собственно говоря, не зналъ народа, потому что жилъ безвыѣздно въ Воронежѣ и сталкивался съ народомъ очень одностороннимъ образомъ: въ качествѣ хозяина постоялаго двора. Дѣйствительно, односторонность эта была такова, что внушала Никитину даже враждебное и гадливое отношеніе къ народу, которое, конечно, рѣдко проскакивало въ его поэтическія произведенія, но тѣмъ не менѣе существовало, а въ перепискѣ даже довольно ясно обнаруживалось. Г. Де-Пуле опять таки вполне справедливо говорить, что того непосредственнаго отношенія къ окружающей жизни, которымъ только и можетъ быть силенъ народный поэтъ, у Никитина не было и быть не могло: онъ былъ для этого слишкомъ «развитъ», слишкомъ «рефлективенъ», слишкомъ «литераторъ» (я прошу читателя запомнить это); онъ былъ всеромленъ не народными понятіями, а литературой сороковыхъ годовъ. Было бы, однако, совсѣмъ несправедливо относить все въ Никитинѣ на счетъ задвѣниихъ его литературныхъ вліаній, и самъ биографъ готовъ отчасти согласиться, что въ его героѣ сидѣлъ торгошъ, кулакъ. Оригинальнѣе всего выразилось это обстоятельство въ известной поэмѣ «Кулакъ». Это въ самомъ дѣлѣ замѣчательное произведеніе но главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что едвали какому другому поэту пришло бы въ голову выражать на такомъ большомъ количествѣ страницъ свое сочувствіе къ кулаку. Нужно было много, если не умѣнья, то искренняго сочувствія и, такъ сказать, залѣзанія въ шкуру кулака, чтобы опозитивировать его, не

скрывая его мошеннических продѣлокъ и всей его безпутной жизни. Это очень вѣрно понялъ чуткій другъ Никитина, Придорогинъ; онъ говорилъ, что Никитинъ оттого и написалъ хорошо «Кулака», что самъ кулакъ. Не даромъ поэтъ называетъ своего героя «несчастливымъ братомъ». Не даромъ онъ оканчиваетъ поэму такъ:

И мнѣ по твоему пути
Пришлось бы, можетъ быть, идти,
Но я избралъ иную долю...
Какъ узникъ, я рвался на волю...
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
Во благо-ль? Небесамъ известно...
Но блага я просилъ у нихъ!
Не ради шутки, не отъ скуки
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ —
Я воплощалъ боль сердца въ звуки!
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака!

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что никакой «борьбы съ судьбой» Никитинъ въ дѣйствительности не продѣлывалъ или, по крайней мѣрѣ, она имѣла такой микроскопическій характеръ, что и помянуть ее нечѣмъ. Не разбивалъ онъ также никакихъ «цѣпей», а, напротивъ, очень покорно принималъ ихъ. Правда, отъ всю жизнь боролся, но только съ самимъ собой, бессильно пытаясь замаять въ себѣ то одну, то другую сторону своего половинчатого существованія. Передъ судьбой же своей, дѣйствительно несчастной, онъ настежь растворялъ двери. Нагнала на него судьба литературу 40-хъ годовъ, онъ ее принялъ безъ борьбы, какъ безъ борьбы терпѣлъ невозможныя семейныя отношенія. Тутъ даже и признаковъ борьбы «съ судьбой» нѣтъ. Но нельзя также ее видѣть въ томъ, что Никитинъ быстро покравилъ денежныя дѣла, самъ взявшись за постоялый дворъ, а потомъ за книжный магазинъ. Это свидѣтельствуетъ только о практической ловкости, которая была свойственна не только поэтическому сану, но и прозаическому отцу, пока онъ не запялствовалъ.

Какъ ни какъ, человѣкъ былъ глубоко несчастливъ. Кто же разбилъ его жизнь, кого звать за нее къ отвѣту? Самъ Никитинъ, очевидно, слишкомъ слабосильный человѣкъ, чтобы выдерживать бремя отвѣтственности. Корней его невзгодъ надо искать во всей его обстановкѣ, и потому-то такъ любопытна его биографія. Будь это крупный человѣкъ, онъ затянулъ бы собой всѣ окружающіе предметы и биографія его имѣла бы можетъ очень большой, но исключительно личный интересъ. Люди сѣренькіе, легко поддающіеся волнамъ общественныхъ теченій, съ известной точкой зрѣнія, много любопытнѣе.

Никитинъ выросъ въ извѣстной средѣ, свойства которой вѣли въ него неизгладимо, на всю жизнь. Сынъ кулака, онъ и самъ былъ кулакѣ, торгашѣ. Онъ и остался бы имъ безъ всякой примѣсы, еслибы не замѣшалось одно обстоятельство—нѣкоторый поэтический талантъ или, по малой мѣрѣ, версификаторская способность. И это бы еще сошло ему съ рукъ, какъ сошло съ рукъ Митѣ и многому, вѣроятно, множеству другихъ подобныхъ версификаторовъ. Но онъ попалъ въ особенныя условія: въ Воронежѣ помнили Бальцова, семинарскій профессоръ одобрилъ вирши молодого кулака, въ семинариі читались Бѣлинскій, Пушкинъ, Лермонтовъ. Попадъ въ эти условія, въ минуту душевнаго расцвѣта, когда у каждаго молодого человѣка «кровь кипитъ» и «силъ избытокъ», Никитинъ рьяно лѣзетъ на Парнасъ, а тутъ еще подвертывается мѣстная, воронежская интеллигенція въ лицѣ гг. Второва, Александрова-Дольникова, Придорогина, Де-Пуле. Поощренія, подзадориванія, раздувательныя мѣха... Воронежская плеяда состояла изъ типичнѣйшихъ людей 40-хъ годовъ, а объ людяхъ 40-хъ годовъ писано такъ много, что здѣсь разсуждать объ нихъ не приходится. Несомнѣнно то, что плеяда, принявшая такое горячее участіе въ поэтѣ-дворникѣ, окружила его туманной атмосферой... Трудно, впрочемъ, теперешнимъ языкамъ, по необходимости требующимъ точности, объяснить въ чемъ состояла эта туманная атмосфера. Пусть говорятъ г. Де-Пуле, онъ это дѣло знаетъ: «Отрицавъ свое (не всегда съ достаточнымъ основаніемъ и знаніемъ дѣла), Бѣлинскій указывалъ на европейскіе или, какъ онъ любилъ выражаться, не общечеловѣческіе, не всегда пригодныя для насъ идеалы, это правда; но посмотрите какимъ превосходнымъ орудіемъ онъ дѣйствовалъ! Стремленіе къ идеалу онъ проводилъ путемъ эстетическаго, глубоко-жизненнаго воспитанія, путемъ благоговѣйнаго уваженія къ наукѣ, знанію, путемъ, наконецъ, самого внутренняго, культурнаго, такъ сказать, гуманизма. Въ отрицаніи Бѣлинскаго нѣтъ и тѣни того, что мы замѣчаемъ у его незаконныхъ дѣтей... невѣжества и потрясенія основъ семейной жизни и благоустроеннаго общества». Не будемъ разбирать, что именно въ этой тирадѣ должно быть отнесено на счетъ Бѣлинскаго и что—насчетъ г. Де-Пуле и другихъ. Я привелъ ее только для характеристики вліяній, подъ которыми воспитался Никитинъ: «эстетическое, глубоко-жизненное воспитаніе», «благоговѣйное уваженіе къ наукѣ», «самый внутренній, культурный, такъ сказать, гуманизмъ», безъ потрясенія, однако, основъ. Все это формулы, по малой мѣрѣ, слишкомъ общія и расплывчатыя, чтобы усвоившій ихъ себѣ могъ воплотить ихъ въ практической жизни положительнымъ образомъ. Понятно, что человѣкъ, много слышанный о красотѣ, о гуманизмѣ, о благоговѣйномъ уваженіи къ наукѣ, долженъ отрицательно относиться къ запалу сивухи и непечатнымъ словамъ; понятно, что эти некрасивыя вещи должны оскорблять его. Такъ и было съ Никитинимъ. Онъ проклиналъ окружавшую его «грязь»

ную действительность». Но, чтобы пойти дальше такого проклятия, надо было или недожизненные силы иметь, или попасть въ лучшія условія, чѣмъ въ какія попалъ Никитинъ. Кулакъ, торгачъ и вообще человекъ данной среды сидѣлъ въ Никитинѣ уже такъ сильно, что неопредѣленная проповѣдь добра, красоты и истины не могла сдѣлать въ немъ какую-нибудь радикальную перемену. Она могла только почистить его, придѣть, причесать. Постоялый дворъ безъ непечатной ругани и сивухи удовлетворилъ бы его, да онъ и нашелъ такой постоялый дворъ въ своемъ книжномъ магазинѣ. Придорогинъ, наиболѣе симпатичный изъ плеяды, но, кажется, наименѣе вліявшій на Никитина, приходилъ въ ужасъ отъ того, что поэтъ-книготорговецъ бралъ на нѣкоторыхъ товарахъ по 25 и 50% барыша. Онъ видѣлъ въ этомъ паденіе, между тѣмъ, какъ никакого паденія тутъ не было. Никитинъ, чѣмъ былъ, тѣмъ и остался. Идеалистъ Придорогинъ, по близорукости, принималъ прежнее недовольство постоялымъ дворомъ за настоящій протестъ противъ «грязной действительности», тогда какъ это было только протестъ противъ грубыхъ ея формъ. Самой сути Никитина литературнаго вліянія вовсе не затронули, она только раздула искору его таланта. Но воспѣвать барышъ «языкомъ боговъ» — не полагается; полагается, напротивъ, воспѣвать безкорыстіе, «самый внутренний, такъ сказать, культурный гуманизмъ», красоту природы и тому подобныя прекрасныя вещи. Поэтому Никитину волей-неволей пришлось стать одной ногой въ область прекрасныхъ вещей, оставаясь другою на постояломъ дворѣ. Отсюда все эта богѣвенная, гнетущая рефлексія, не позволяющая сдѣлать ни одного твердаго шага, вся эта мучительная неизломанность и раздвоенность. Еслибы Никитинъ былъ также невнимателенъ, какъ Лядова или г. Утинъ, онъ могъ бы жить припеваючи, но, къ большому его личному несчастью, онъ до известной степени ясно сознавалъ свое положеніе.

Владѣ Никитина въ русскую литературу такъ ничтоженъ, что говорить объ немъ можно развѣ только въ видѣ простого извѣщенія о выходѣ новаго изданія его сочиненій¹. Мы говорили гораздо больше, единственно въ виду поучительности его біографіи, которая стоитъ не одиноко. Припомните хоть только литературные типы людей 40-хъ годовъ, потрудитесь реставрировать исторію ихъ развитія и вы увидите цѣлый рядъ варіацій на тему жизни Никитина. Вездѣ одна и таже исторія: по-

¹ Кстати объ этомъ новомъ изданіи. Въ немъ во-первыхъ почему-то совсѣмъ недостаетъ стихотворенія «На пеленки» (одного изъ лучшихъ); во-вторыхъ, вынуждена примѣрно половина стихотворенія «Ницѣй»; въ-третьихъ, въ стихотвореніи «Бѣжалъ изъ армарки ухорь-купецъ» заключительными энергическими строки:

Бѣжъ ты людъ бѣдный на свѣтъ порожденъ,
Бѣжъ ты на гибель и орамъ осужденъ?

тоже выпущены. Затѣмъ все это?

мѣщикъ въ душѣ, чиновникъ въ душѣ, гусарь въ душѣ, кулакъ въ душѣ получаетъ въ извѣстный моментъ «просіяніе своего ума» отъ тѣхъ-же общихъ расплывчатыхъ формулъ, которыя и Никитина обдали. Конечно, онъ можетъ утвердить эти формулы и вложить въ нихъ опредѣленное содержаніе, но на это далеко не всякій способенъ. Для этого нужно, чтобы человѣкъ или ясно сознавалъ, что воспринятіе проповѣди добра, красоты и истины требуетъ предварительной глубокой внутренней переработки, или же, чтобы такая переработка не составляла необходимости, то есть, чтобы въ человѣкѣ не было затвердѣлыхъ осадковъ изъ данной среды. Большинство людей 40-хъ годовъ не представляло ни тѣхъ, ни другихъ условій. Литературныя, эстетико-философско-гуманитарныя вѣянія задѣвали людей, не вырывая ихъ, однако, изъ омыта ихъ среды. Они оставались по жизни и духу помѣщиками, чиновниками, солдатами, кулаками, а затѣмъ представляло два выхода: для вполне невинныхъ людей—роль химеры забавной, совершенно спокойное служеніе Богу и Маммонѣ; для людей болѣе или менѣе сознающихъ свое положеніе—роль трагической химеры, изломанность, раздвоенность, мука негнѣпой внутренней борьбы. Иному надо бы, по его подлиннымъ вкусамъ и интимнѣйшимъ стремленіямъ, на бѣломъ конѣ среди опасностей боя скакать, или жить да добро наживать, или чиновникамъ особыхъ порученій состоять, а онъ философіей Гегеля, гуманизмомъ и проч. по рукамъ и по ногамъ связанъ. Наши большіе художники давно все это въ лицахъ представляли, и я, пользуясь біографіей Никитина, только обращаю ваше вниманіе на общій корень всѣхъ этихъ лишнихъ людей, Степановъ Трофимовичей и проч., и проч.

Весь этотъ несчастный людъ сошелъ или сходитъ со сцены. Но химеры не исчезли, однако; химеры не только забавныя, которыхъ всегда въволю, а и трагическія. Будто и между нами нѣтъ несчастныхъ раздвоенныхъ людей, разрываемыхъ въ разныя стороны? Конечно, есть. Дѣло въ томъ, что специальную особенность 40-хъ годовъ составляла туманность «самого внутреннего, культурнаго, такъ сказать, гуманизма». Но и гораздо болѣе точная, безукоризненно даже опредѣленная программа жизни не устраняетъ сама по себѣ возможности химерическаго существованія. Возьмемъ какую-нибудь очень ясно сформулированную программу. Припомнимъ сцену на «кухнѣ вѣдьмъ» въ «Фаустѣ»:

ФАУСТЪ.

И въ этотъ омутъ сумасбродный
Ты, не спросясь, привелъ меня?
И что за глупость, за уродство
Хотѣть и думать, чтобы я
Искалъ у вѣдьмы исцѣленья!
Вся эта вздорная, негнѣпая страшня
Вселяетъ только отвращенье!
И ничего-то ты не выдумалъ умнѣй,

Чтобъ обросить мнѣ десѣтокъ лѣтъ съ костей
 Такъ я—уви! надѣлася бесплодно
 На жизненный спасительный елей!
 Природа, думалъ я, нль геній благородный...

Мѣфистофель.

Свой вздоръ ты заключалъ умно;
 Но средство есть еще другое,
 Да жалъ, дешовое, простое,
 Оно въ курьезную тетрадь занесено
 И тамъ отмѣчено особою графю.

Фаустъ.

Я знать хочу!

Мѣфистофель.

Да вотъ оно:
 Не надо тутъ ни заклинаій,
 Ни денегъ, ни врачебныхъ знаній;
 Ступай въ деревню, землю рой,
 Въ кругъ гѣсный заключися духомъ,
 Живи не головою, а брюхомъ,
 И со скотами, за сохой,
 Доволенъ будь въ безвѣстной долѣ;
 Питайся нищемъ простой,
 Да не считай за грѣхъ порой
 Самъ удобрять для жатвы поле;
 Вотъ средство лучшее, замѣть,
 На много лѣтъ помолодѣть.

Фаустъ.

Я не привыкъ съ сохой возитъся,
 Не склоненъ къ сельской тишинѣ
 И жизнь такая не по мнѣ.

Мѣфистофель.

Тамъ надо къ вѣдѣмъ обратиться.

Фаустъ—не молодой человѣкъ, напротивъ, онъ ищетъ средства помолодѣть. Пора душевнаго расцвѣта, особенной отзывчивости для него давно миновала. Притомъ же дьяволъ Мѣфистофель представляетъ «другое средство», въ такомъ несоблазнительномъ видѣ. Понятенъ поэтому колодный отвѣтъ Фауста. Но то же самое средство можно вѣдь и очень заманчиво разукрасить, такъ что молодая душа откликнется. Представьте же себѣ теперь, что соотвѣтственные идеи и чувства получаютъ, по обстоятельствамъ времени и мѣста, характеръ болѣе или менѣе распространеннаго, широкаго вѣянія, въ такомъ родѣ, какими въ свое время были туманныя и расплывчатая эстетико-философско-гуманитарныя формулы 40-хъ годовъ. При такихъ условіяхъ всякому молодому человѣку данной эпохи придется, такъ или иначе, столкнуться съ означенными идеями и чувствами. Но, какъ и всегда, званыхъ будетъ сравнительно много, а избранныхъ—сравнительно мало. Одни какъ разъ подойдутъ къ требованіямъ новаго, другіе почувствуютъ необходимость предварительной внутренней переработки и болѣе или менѣе удачно справятся съ этой задачею, третьи—бросятся, очертя голову, един-

ственно въ силу молодой отзывчивости. А затѣмъ... затѣмъ изъ этихъ третьихъ могутъ выйти своего рода Никитины, лишніе люди, Степаны Трофимычи и проч. Г. Тургеневъ, который только эту сторону дѣла и могъ понять, на ней именно построилъ своего Нежданова. Неждановъ, между прочимъ, жалуется такъ: «какое право имѣлъ отецъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые не свойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу, да и пихнулъ ее въ воду!» Тутъ надо выкинуть изъ счета ту подкладку на французскій манеръ и именно на манеръ средняго, буржуазнаго французскаго общества, которую г. Тургеневъ счелъ умѣстнымъ подложить подъ Нежданова; въ томъ обществѣ, въ которомъ вращается Неждановъ, незаконное происхожденіе не играетъ такой роли, а потому всѣ протесты и вся обидчивость Нежданова, направленныя въ эту сторону, рѣшительно ни чѣмъ не оправдываются. Вѣрно, однако, то, что Неждановъ, будучи въ душѣ бариномъ, случайно попалъ въ водоворотъ, совсѣмъ для его сути не подходящій, попалъ очерта головы, ничего не видѣвшаго, не сообразившаго; но разъ признавъ извѣстныя вещи истинными и справедливыми, онъ не въ состояніи съ ними разорвать, какъ не въ состояніи и себя передѣлать. Онъ не въ силахъ совлечь съ себя ветхаго Адама, но настолько уменъ, что понимаетъ фальшивость каждаго своего шага, мучится химерическимъ своимъ существованіемъ и кончаетъ самоубійствомъ. Къ этому послѣднему обстоятельству г. Тургеневъ прилепилъ любовную интригу, которая, однако, составляетъ случайный аксессуаръ и безъ которой легко можно было обойтись, безъ которой Неждановы, въ дѣйствительности, часто и обходятся. Какъ ни какъ, Неждановъ кончилъ самоубійствомъ и въ этомъ его отличіе отъ Никитиныхъ, лишнихъ людей, Степановъ Трофимычей. Тѣ всю жизнь ныли, плавали, терзались, несли свое нитье въ публику, на торжища и стогна и не дѣлали рѣшительно ничего для прекращенія своихъ мученій. Неждановы обрываютъ дѣло съ разу. Отчего это зависитъ? Вотъ отчего. Со времени 40-хъ годовъ, формулы жизни, захватывающія отзывчивыхъ людей, такъ сказать, уловляющія людей въ моменты ихъ душевнаго расцвѣта, становятся все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе. «Самый внутренній, культурный, такъ сказать, гуманизмъ» — это такая штука, подъ которую можно подсунуть многое разное. Инстинктъ жизни силенъ, и, пока есть хоть подобіе опоры для жизни, человѣкъ за него хватается, чтобы жить, жить и жить, хотя бы среди страшныхъ мученій. Никитинъ, раздираемый внутреннимъ разладомъ, желалъ и могъ вѣрить, что 50% съ книжнаго магазина много благороднѣе тавякъ же 50 процентовъ съ постоялаго двора, потому что формулы внутренняго, такъ сказать, культурнаго гуманизма, своею полною неопредѣленностью, допускали такую постановку вопроса. Съ уясненіемъ дѣла, съ внесеніемъ въ него все большей и

большой опредѣленности, такіа шаткія опоры все исчезаютъ, а, слѣдовательно, должна сокращаться продолжительность химерическаго существованія. Та вѣра, которую Неждановъ публично исповѣдуетъ, не имѣетъ никакихъ корней въ его душѣ; онъ принялъ ее пассивно изъ рукъ, такъ сказать, эпохи; въ немъ самомъ живутъ истинны и вкусы совершенно противоположнаго свойства. Столкновение это разрѣшается цѣлымъ рядомъ страданій, которыя, въ прежнія времена, только мѣшали бы человѣку жить, но не обязывали бы его умереть, потому что, благодаря неясности очертаній его идеаловъ, человѣкъ этотъ могъ бы за что нибудь въ нихъ уцѣпиться. Нежданову не за что уцѣпиться, беспомощность его слишкомъ ясна, его публичная вѣра и его подлинныя истинны такъ опредѣленны, такъ настоятельно сводятся на одну ставку самую жизнь, что здѣсь не можетъ быть мѣста продолжительному обману и самообману. По крайней мѣрѣ, здѣсь его несравненно меньше, чѣмъ въ жизни химеръ стараго времени. И вотъ почему мы видимъ, что тѣ химеры ныли, ломались, но жили, тогда какъ нынѣшнія кончаютъ съ собой очень скоро, не оглашая окрестностей lamentаціями: lamentировать некогда. Они кончаютъ скоро и очень часто даже слишкомъ скоро, въ виду одной, двухъ неудачныхъ пробъ, еще недостаточно рѣшительныхъ...

Я убѣжденъ, что извѣстная часть нынѣшнихъ самоубійствъ именно такого происхожденія. Значить, въ нихъ, при всей тяжелой фактической прискорбности факта безвременнаго и насильственнаго расчета съ молодой жизнью, есть нѣчто и утѣшительное. Эти трупы свидѣтельствуютъ о ростѣ мысли и идеаловъ, объ томъ, что они выясняются и что познаніе добра и зла не представляетъ уже нынѣ такихъ трудностей, какія лежали предъ нашими отцами, хотя практическое осуществленіе добра обставлено большими препятствіями.

Конечно, измѣреніе роста мысли и общественнаго сознанія самоубійствами можетъ показаться парадоксальнымъ... Впрочемъ, объ этомъ говорить не приходится здѣсь, въ литературныхъ замѣткахъ. Будемъ говорить о литературѣ.

Толки объ упадкѣ литературы и ея значенія стали нынѣ общими мѣстомъ. Но г. Достоевскій замѣтилъ однажды, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ литераторомъ, толки эти не прекращались, то есть, что всегда, въ самой литературѣ, раздавались сѣтованія объ упадкѣ литературы. Надо, поэтому, думать, что и въ нашихъ сѣтованіяхъ, можетъ быть, и справедливыхъ, есть нѣкоторыя недоразумѣнія.

Я обращаюсь опять къ Никитину. Г. Де-Пуле характеризовалъ его, между прочимъ, если читатель помнитъ, словомъ «литературный» человѣкъ. Де-Пуле, конечно, очень хорошо понимаетъ, что хочетъ сказать этимъ словомъ и писать его съ очевиднымъ сочувствіемъ. Я, будучи много моложе г. Де-Пуле и

зная больше по наслышѣмъ тѣ времена, о которыхъ онъ вспоминаетъ, понимаю его, но сочувствовать не могу. А иной изъ моихъ читателей, можетъ быть, и совсѣмъ не пойметъ: какаа это такая характеристика—литературный человѣкъ. Въ старые годы, когда воронежская интеллигенція видѣрала въ Никитина «самый внутренній, такъ сказать, культурный гуманизмъ» и «эстетическое, глубоко-живенное воспитаніе», и въ особенности немного раньше, въ тѣ годы литература представляла собою нѣчто не отъ міра сего. Такъ выходило и по вкусамъ самихъ сочинителей, и по видѣніямъ, отъ нихъ независимымъ обстоятельствамъ, и по складу всей русской жизни. Я говорю, разумѣется, вообще; исключенія были, даже очень крупныя и всѣмъ извѣстныя. Напишетъ человѣкъ стихотвореніе, повѣсть, выразитъ въ стихахъ или прозѣ «благотворное уваженіе къ наукѣ», и дѣло въ шляпѣ: онъ литераторъ. Кто презиралъ литературу, какъ пустую болтовню, тотъ презиралъ и его; кто уважалъ литературу, какъ служеніе Аполлону и музамъ, тотъ уважалъ и его. Никто не вглядывался въ заданную имъ себѣ задачу, никто не интересовался даже тѣмъ, есть ли у него какаа-нибудь задача. Читатель желалъ «интереснаго», духъ захватывающаго романа для услажденія своихъ досуговъ, красивыхъ, музыкальныхъ стиховъ, выраженія благотворнаго передъ абстрактно хорошими вещами, какова, напримѣръ, наука. На этихъ скромныхъ требованіяхъ сходились и уважавшіе, и презиравшіе литературу, потому что и послѣдніе не отказывались услаждать свои досуги «праздной болтовней» поэзіи и прозы. Можно даже сказать, что и они, въ известномъ смыслѣ, уважали литературу, конечно, не въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ цыганку Стешку, которая умѣетъ хорошо «плечами говорить». Вообще говоря, отношенія между обществомъ и литературой были мирныя. Одна часть общества даже благоговѣла передъ ней, а другая, по крайней мѣрѣ, снисходила. И всѣ отлично понимали странную, на теперешній взглядъ, квалификацію «литературнаго человѣка». Это былъ, если не самъ служитель Аполлона и музъ, то, по крайней мѣрѣ, приватъ-звонарь храма литературы. Положеніе чрезвычайно удобное, если принять въ соображеніе все вынесказанное по поводу біографіи Никитина. Литературный человѣкъ, то есть и самъ священнослужитель, и приватъ-звонарь, пока Аполлонъ не требовалъ изъ къ священной жертвѣ, могли заниматься чѣмъ имъ угодно, проводить время какъ угодно и дружить съ кѣмъ угодно. Благодаря расплывчатости общихъ формулъ, которыми протавлялась литература, священнослужитель-булакъ, приватъ-звонарь—чиновникъ и проч. дружески встрѣчались въ храмѣ музъ, и затѣмъ каждый шелъ къ дѣлу своему, ничѣмъ или почти ничѣмъ не обязанный. Но вотъ дѣла стали помаленьку обостряться. Какъ въ «Театральномъ развѣдѣ» Гоголя, стали поговаривать, что, дескать, «за такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ». Дальше—больше. Стали сортировать годное и годное нетельно по музъ-

кальности стиха и интересности завязки и развязки, а по внутреннему содержанию. Расплывчатая формула начала выясняться, принимать болѣе опредѣленный характеръ, который, именно вслѣдствіе своей сравнительной опредѣленности, не могъ всѣмъ «любителямъ просвѣщенія» одинаково нравиться. Повидимому, кредит литературы сталъ падать, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ росъ, росъ вмѣстѣ съ обществомъ, которое, худо ли, хорошо ли, начало сознавать свои разношортные интересы, а потому желало не абстрактной литературы, не литературы вообще, а литературы съ опредѣленной физиономіей. Но тутъ подвернулся нашъ присно-памятный періодъ возрожденія наукъ и искусствъ, и литература, какъ таковая, опять попала въ честь. На этотъ разъ такъ вышло не потому, что литература стояла особнякомъ отъ жизни и всѣмъ одинаково нравилась, потому что одинаково никому не была нужна. Нѣтъ, на этотъ разъ литература попала въ честь по чистому недоразумѣнію. Произошло какое-то смѣшеніе языковъ, въ силу котораго всѣмъ казалось, что они чрезвычайно единодушны и что всѣ они хотятъ одного и того же. Чего именно—это было не совсѣмъ ясно. Вслѣдствіе этого кимеры появились въ огромномъ количествѣ (иному, опять-таки, надо бы на бѣломъ конѣ скакать, а онъ сгорая въ мировые посредники шелъ или въ-за вольно-наемнаго труда распинался), а вмѣстѣ съ этою неопредѣленностью стремленій получило и уваженіе къ литературѣ. На литераторовъ ходили смотрѣть, имъ обѣды задавали, къ нимъ на поклоненіе ходили, видя въ нихъ просто и только литераторовъ, служителей печатнаго слова. Какъ только кончилось смѣшеніе языковъ и каждый успокоился подъ смоковницей своей, такъ исчезъ и этотъ миражъ уваженія къ литературѣ. Немедленно выяснилось, что служители слова бываютъ разные, потому что и слова они говорятъ разные. Иной такіа возмутительныя слова говорятъ, что его не уважать, а презирать надо и проклипать. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis.* Теперь писатель, который вздумалъ бы угодить всѣмъ или очень многимъ, рискуетъ не угодить никому. Бывали, конечно, случаи, что «на голось невидимой пери шелъ воинъ, купецъ и пастухъ», но та перь, объ которой говорится въ этихъ стихахъ, была женщина неодобрительнаго поведенія. Теперь каждый писатель долженъ имѣть и дѣйствительно имѣть своихъ особенныхъ читателей, которые смотрятъ на него не какъ на абстрактнаго литератора, не какъ на служителя Аполлона и музъ, а какъ на выразителя, объяснителя, истолкователя болѣе или менѣе строго опредѣленныхъ чувствъ и мыслей. «Литературный человекъ» исчезаетъ. На его мѣсто являются люди, одушевленные опредѣленными взглядами и, по своимъ склонностямъ и талантамъ, а равно и по другимъ обстоятельствамъ, избравшіе перо орудіемъ распространенія этихъ взглядовъ. Теперь между двумя литераторами слово и рядомъ гораздо меньше общаго, чѣмъ между литераторомъ и сапожникомъ, литераторомъ и священникомъ, литера-

торомъ и помѣщикою и проч. Конечно, дѣло стоять еще пока не такъ рѣзко и традиція литературнаго челоуѣка не совсѣмъ исчезла, но въ самомъ близкомъ будущемъ отъ нея не останется и слѣда. Говорятъ: у насъ нѣтъ партій. Это не совсѣмъ вѣрно. Имъ просто трудно найти поприще для вполнѣ открытаго своего выраженія. Хорошимъ подтвержденіемъ могутъ служить существующіе теперь, въ Петербургѣ такъ называемые литературные обѣды. Имѣя въ виду объединить литераторовъ, какъ таковыхъ, безотносительно къ ихъ взглядамъ и мнѣніямъ, это, смѣю сказать, странное учрежденіе какъ бы показываетъ, что идея литературнаго челоуѣка жива во всей полнотѣ. Но это только одна видимость, потому что въ дѣйствительности на литературныхъ обѣдахъ нѣтъ никакого объединенія, а есть одна скука. Въ прежнія времена дѣло пошло бы гораздо веселѣе. Собрались бы господа литераторы, одинъ прочиталъ бы хорошенькое стихотвореніе, другой главу изъ новой повѣсти, третій сказалъ бы рѣчь о пользѣ науки и искусства и всѣ были бы довольны. А теперь... Я ни разу не бывалъ на этихъ обѣдахъ, потому что не вижу въ нихъ рѣшительно никакой цѣли, но слыхалъ, что обѣдающіе разсуживаются примѣрно по редакціоннымъ группамъ и еле вытягиваютъ изъ себя какой-нибудь общій разговоръ. Такъ и быть должно. Конечно, разъ существуетъ литературная профессія, условія, которыми она обставлена, могутъ составить любопытную тему для собесѣдованія между всѣми литераторами, безъ различія мнѣній и направленій. Но эти общія условія, обставляющія положеніе литературы въ Россіи, не входятъ въ кругъ дебатовъ на литературныхъ обѣдахъ... Только эта почва и обща всѣмъ писателямъ, а затѣмъ совершенно непонятно, почему я долженъ искать чести обѣдать и бесѣдовать съ челоуѣкомъ, съ которымъ у меня нѣтъ рѣшительно ничего общаго, кромѣ случайнаго орудія нашей дѣятельности — пера. Храмъ музъ ничего не выигрываетъ и не проигрываетъ отъ перенесенія его въ «Малый Ярославецъ» или другой трактиръ. Литературный челоуѣкъ исчезаетъ, но не исчезъ — въ этомъ все дѣло. Пока онъ господствовалъ, все было просто. Когда онъ совсѣмъ прекратитъ свое существованіе, все будетъ опять просто.

Такимъ образомъ, исчезновеніе уваженія къ абстрактной, оторванной отъ жизни литературѣ не составляетъ для насъ позора и еслибъ только въ этомъ состояла наша бѣда, такъ это была бы не бѣда и даже не полъ-бѣды. Бѣда скорѣе состоитъ въ томъ, что литературный челоуѣкъ не совсѣмъ еще вымеръ. Впрочемъ, объ томъ, въ чемъ состоитъ наша подлинная бѣда, мнѣ пред-

ставился болѣе удобный случай говорить, по всей вѣроятности, въ слѣдующій разъ, по поводу новыхъ періодическихъ изданій.

Повторяя фразу о паденіи журналистики — говорю «фразу» не потому, чтобы слова эти совсѣмъ не соответствовали дѣйствительности, а потому, что употребляющіе ее рѣдко понимаютъ, что они хотятъ сказать — повторяя эту фразу, многіе разумѣютъ, главнымъ образомъ, толстые ежемѣсячные журналы, выгораживающая газетную прессу, кредитъ, молъ, которой не только не падаетъ, а даже — растетъ. Говорятъ это преимущественно сами газеты, особенно со времени войны. Руководительство обществомъ, говорятъ газетные критики, очевидно, перешло отъ журналовъ къ газетамъ. Очень сожалѣю, что не могу согласиться съ такою утѣшительною для газетныхъ критиковъ мыслью. Она есть плодъ чистаго недоразумѣнія. Еслибы газетные критики утверждали, что газеты обнаруживаютъ гораздо больше того, что называется у насъ патриотизмомъ, чѣмъ журналы, то это была бы сама правда. Но между этимъ обнаруженіемъ патриотизма и руководствомъ нѣтъ ничего общаго. Патриотическіе писатели иногда дѣйствительно ведутъ за собой общество, но, въ настоящую минуту, мы не видимъ вокругъ себя ничего подобнаго: патриотическіе писатели наши просто сами влекутся стихійнымъ теченіемъ и рѣшительно нѣмъ и ничѣмъ не руководятъ. Можно еще, пожалуй, допустить, что во время сербско-турецкой войны газеты, своими воззваніями, корреспонденціями, описаніями турецкихъ звѣрствъ и славянскаго геройства, до известной степени, способствовали движенію нашихъ добровольцевъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ дѣло перешло изъ частныхъ рукъ въ руки правительства и русскія войска двинулись къ Дунаю — роль газетъ, и въ особенности про-патриотическихъ, была сыграна. Имъ оставалось сообщать свѣдѣнія, давать факты, но они дѣйствительно продолжали и продолжаютъ мечтать о руководствѣ. Увы! надо правду сказать — это мечты совершенно праздныя, и есть въ нихъ даже своего рода комическій элементъ. Существуетъ басня, если не ошибаюсь, «Муха и дорожные», очень хорошо изображающая наивныя мечтанія нашихъ газетныхъ руководителей. Самыя нехитрыя размышленія должны бы, кажется, дѣлать самихъ привести къ заключенію, что и безъ нихъ, хоть бы они ни единаго звука не проронили, дѣла шли бы въ томъ же направленіи, не хуже и не лучше, чѣмъ они идутъ теперь. Они не больше, какъ привать-звонари при храмѣ славы. Но этого мало. Общество живетъ не только перипетіями войны и патриотическими чувствами; могло бы найтись въ его жизни кое-что, подлежащее руководенію, но газетная литература сама у себя

выриваець пужную для этого пачву... Патрыятычскія газеты очень любяць разсуждаць о томъ, что намъ Европа не уважъ и что между русскою и европейскою жизнью есть много очень важныхъ различій. Это правда, но газетныя патрыоты склонны забывать одну разницу, если не самую важную, то самую для нихъ любопытную; а именно, разницу между европейскою и русскою газетою. Г. Суворинъ, перечисляя недавно свои личные заслуги и заслуги своей газеты, говоритъ, между прочимъ: «У меня есть реальныя доказательства того, что сербы и черногорцы признавали за «Новымъ Временемъ» такія заслуги, о которыхъ мы не мечтаемъ; болгары прислали мнѣ адресъ» и проч. Хорошо, конечно, что мечты привать-звонарей храма славы могутъ быть превзойдены дѣйствительностью, но, въ сожалѣнію, дѣйствительность эта соткана изъ недоразумѣній и призраковъ. Болгары, сербы, черногорцы, имѣя въ виду значеніе европейскихъ газетъ, полагаютъ, что въ Россіи существуетъ нѣчто подобное, а потому наввно посылаютъ г. Суворину адреса и еще какія-то «реальныя доказательства» своей благодарности. Но г. Суворину, какъ и всѣмъ русскимъ писателямъ, должно быть извѣстно, что въ прямо практическихъ дѣлахъ русская газета можетъ угодить и не угодить, но никогда руководить. Такъ что хвалиться болгарскими адресами и сербско-черногорскими реальными доказательствами отнюдь не приходится; это плодъ стародавней славянской розни и незнакомства славянъ съ условіями русской жизни. Смѣшнѣе всего то, что газетныя критики торжествуютъ какую-то побѣду надъ ежемѣсячными журналами на томъ основаніи, что эти послѣдніе отказываются фигурировать въ баснѣ «Муха и дорожные».

Независимо отъ этого, самая мысль о конкуренціи журналовъ и газетъ лишена всякаго смысла. Правда, въ Европѣ журналы не играютъ такой роли, какъ у насъ; правда, въ Европѣ газетная литература имѣетъ большое значеніе, конечно, безъ сравненія бѣльшее, чѣмъ у насъ. Но если даже выводить изъ одновременнаго существованія двухъ этихъ фактовъ такое заключеніе, что журналы въ Европѣ вытѣснены газетами и что намъ, по необходимости, предстоитъ тоже самое — то здѣсь, все-таки, нѣтъ повода для бахвальства газетныхъ критиковъ: бывають, значить, такія времена, когда журналы, хоть будь они семи пядей во лбу, должны, въ силу историческихъ условій, уступить мѣсто газетамъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, тутъ нѣтъ ни чести въ побѣдѣ, ни позора въ пораженіи. А главное, ничего подобнаго въ Европѣ не было и быть не могло. Журналъ и газета до такой степени различаются своими цѣлями и приѣмами, что конкуренція между ними невозможна. Въ Европѣ журналы оттерты совсѣмъ не газетами, а книгами и брошюрами, что, безъ сомнѣнія, рано или поздно случится и у насъ.

Самое важное различіе между журналомъ и газетою состоитъ въ томъ, что первый создаетъ читателей, тогда какъ вторая соз-

дается читателями. Журналъ (какъ и книга) формируетъ, воспитываетъ мысль читателя, не имѣя ни возможности, ни обязанности рекомендовать ему тотъ или другой образъ дѣйствія въ каждомъ частномъ практическомъ случаѣ. Газета должна имѣть подъ собою почву уже сформированныхъ, воспитанныхъ въ известномъ смыслѣ людей, нуждающихся въ яркомъ, поворотливомъ органѣ для выраженія своихъ практическихъ нуждъ и желаній и для отстаиванія своихъ интересовъ. Имѣя за собою такую почву, проникнувшись виолнѣ ея цвѣтомъ и запахомъ, газета можетъ смѣло давать *mot d'ordre* для текущихъ вопросовъ и стать въ этомъ смыслѣ руководящимъ органомъ. Не бываетъ, разумѣется, такихъ временъ, когда практическія нужды и интересы не существуютъ, но бываютъ такія, когда этимъ нуждамъ и интересамъ недостаетъ общественной, корпоративной сознательности; бываютъ и такія времена, когда вся работа нуждъ и интересовъ происходитъ въ наглухо захопнутомъ ларчикѣ. Въ такія времена газеты не только не могутъ перебить дорогу журналамъ, что вообще невозможно, но не могутъ достигнуть и свойственнаго имъ вида вліянія въ сколько-нибудь значительной степени. Они могутъ или добросовѣстно сообщать факты, или состоять приватъ-звонарями при храмѣ славы, исполняя эту обязанность даже съ чрезвычайнымъ усердіемъ и звонкостью, но ни мало этимъ не увеличивая своего значенія. «Ѣхать, такъ Ѣхать!» кричалъ попугай, котораго кошка тащила за крыло. Но попугай этотъ не вообразилъ, по крайней мѣрѣ, что онъ руководитель.

Несмотря на то, что значеніе нашихъ газетъ весьма скромно, а положеніе мечтательныхъ приватъ-звонарей храма славы довольно комично, они не избавляются, однако, отъ значительной ответственности передъ обществомъ. Наиболѣе крикливые изъ нихъ такъ много кричатъ о своемъ вліяніи и значеніи, что общество начинаетъ приглядываться къ нимъ особенно пристально и отрываятъ слѣдующее. Во-первыхъ, претензіи ихъ относительно прямого давленія на ходъ вещей — чистое хвастовство. Во-вторыхъ, хотя эти претензіи и неосновательны, но мутятъ умы своихъ читателей газеты все-таки могутъ. Въ-третьихъ, газетный персоналъ сплошь и рядомъ состоитъ изъ флюгеровъ, мѣняющихъ свою вѣру, смотря по погодѣ. Въ-четвертыхъ, газетный персоналъ опять-таки сплошь и рядомъ страдаетъ круглымъ и упорнымъ невѣжествомъ. Такъ какъ открытія эти дѣлаются среди оглушительнаго колокольнаго звона и всякаго другого сумбура, то немудрено, что они принимаютъ форму чрезвычайно странныхъ недоразумѣній.

Таковъ именно характеръ послѣдняго пассажа съ «Новымъ Временемъ». Студенты технологическаго института отказались отъ дароваго экземпляра этой газеты, объ чемъ и заявили г. Суворину письменно, каковое письмо было напечатано въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ». Документъ этотъ начинается такъ: «Зная васъ, г. Суворинъ, какъ болѣе или менѣе талантливаго фельс-

тониста «Баржевыхъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», мы, наравнѣ съ другими, возлагали надежду» и т. д. Но, позвольте, господа, почему же вы, зная г. Суворина, возлагали на него надежды? Одно изъ двухъ: или вы его не знали, или не могли возлагать на него надежды. Г. Суворинъ остался рѣшительно тѣмъ же, тѣмъ и былъ. Онъ, правда, рѣзко измѣнилъ свои взгляды на такъ называемый славянскій вопросъ, но, во-первыхъ, это не вчера случилось, во-вторыхъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ нисколько не измѣнился, остался вѣренъ самому себѣ, потому что самая суть его состоитъ въ постоянныхъ измѣненіяхъ, которыхъ отнюдь нельзя назвать измѣнами: флюгеръ былъ, флюгеромъ и остался, флюгеръ не измѣнникъ, хотя постоянно измѣняетъ свое направленіе. Далѣе, почему вы обратились къ «Новому Времени», давая тѣмъ поводъ думать и ему и другимъ подходящимъ органамъ печати, что оно въ самомъ дѣлѣ тѣмъ-то рѣзко выдѣляется изъ сонма нашихъ газетъ? Чтобы недалеко ходить, за нѣсколько дней до появленія упомянутаго документа, «С.-Петербургскія Вѣдомости» позволили себѣ истинно глубоко возмутительныя размазыванія, какихъ, по крайней мѣрѣ, по этому поводу «Новое Время» не дѣлало. И, однако, «С.-Петербургскія Вѣдомости» реприманда не получали. Все это очевидно результатъ какого-то недоразумѣнія, точно также, какъ и отвѣтъ г. Суворина, занявшій цѣлый фельетонъ «Новаго Времени». Г. Суворинъ очевидно очень, очень изумленъ и огорченъ. Онъ не ожидалъ такого пассажа, онъ думалъ, что никто въ нашемъ отечествѣ, кромѣ завистливыхъ собратовъ по газетному ремеслу, не можетъ быть недоволенъ его газетою. Мы, говоритъ онъ, преисполнены удивленія, мы выражали полную увѣренность въ побѣдѣ, мы имѣемъ реальныя доказательства благодарности сербовъ и черногорцевъ, мы получили адресъ отъ болгаръ. За что же теперь такая напасть? Должно быть, это все конкуренты-газетчики мутятъ. И вотъ г. Суворинъ начинаетъ говорить о «г. Полетикѣ, нынѣшнемъ представителѣ технологической молодежи», предлагаетъ протестантамъ «молиться на Полетику, Песковскаго и Градовскаго»; иронически говорить, что «Песковскій, Гайдебуровъ, Полетива, Худековъ—вотъ люди, понимающіе молодое поколѣніе, сочувствовавшіе ему, готовые его руководить, представители его»; и затѣмъ ругается, ругается и ругается, какъ домовою извощикъ. Я не имѣю чести знать всѣхъ перечисляемыхъ г. Суворинимъ писателей и не могу судить о степени основательности его ироніи, но вѣрно, что нѣкоторыя газеты обрушиваются на г. Суворина изъ не совсѣмъ чистыхъ побужденій. Они дѣлаютъ это даже въ ущербъ здравому смыслу и деликатности по отношенію къ третьимъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, «Новое Время» напечатало, что дѣвушка, покусившаяся на жизнь генерала Трепова, есть «дочь маіора и принимала вмѣстѣ съ своею матерью участіе въ нечаевской исторіи». Мать дѣвушки прислала въ «Новое Время» письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится,

что она, мать, въ печавской исторіи замѣшана не была. «Новое Время» напечатало это письмо, да и что ему было больше дѣлать? Нашлись, однако, газеты, утверждавшія, что «Новое Время» должно было извиниться передъ матерью дѣвушки съ напечатаніи незаслуженныхъ противъ нея обвиненій». За что извиниться? въ чемъ? Но каковы бы ни были мотивы враждующихъ съ «Новымъ Временемъ» газетъ, за нихъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отвѣтчиками тѣ, вовсе не газетные люди, которые выразили г. Суворину свое нежеланіе получать его газету. Смѣшивать «технологическую молодежь» съ г. Полетикой г. Суворинъ не имѣлъ рѣшительно никакого права, равно какъ не имѣлъ никакого права объяснять всю исторію лично противъ него или противъ его газеты направленной интригой. Дѣло просто въ томъ, что кто громче всѣхъ звонитъ, тотъ больше всѣхъ мутитъ и больше другихъ обращаетъ на себя вниманія. Правда г. Суворинъ, памятуя примѣръ г. Каткова, склоненъ отчасти и польскую интригу приплести, но это ужъ совсѣмъ напрасно. Правда также, г. Суворинъ отрицаетъ право учащихся молодыхъ людей судить о достоинствахъ газетъ и совѣтуетъ имъ учиться. Но тогда незачѣмъ было и посылать газету людямъ, неспособнымъ ее цѣнить. Что же касается до совѣта учиться, то этотъ прекрасный самъ по себѣ совѣтъ особенно страненъ въ устахъ г. Суворина. Какъ ему самому не безызвѣстно, онъ — человекъ весьма мало образованный и, однако, вотъ съ Божіей помощью «руководитъ»...

Басню эту можно бы и болѣе пояснить. Но я только къ тому, что какія странныя происходятъ иногда недоразумѣнія въ заллоннутомъ ларчикѣ, который открывается, впрочемъ, очень просто, и какія опасности предстоятъ иногда на поприщѣ привать-звонара.

Н. М.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЕРВАГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1878 г.

(По общей нумераціи тома ССXXXII).

Январь № 1.

СТРАН.

НЕКРОЛОГЪ НИКОЛАЯ АЛЕКСѢВИЧА НЕКРАСОВА. ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Островскаго	5
ОБЪ УЧАСТІИ РОССІИ ВЪ ОСВОБОЖДЕНІИ ХРИ- СТІАНЪ ОТЪ ТУРЕЦКАГО ИГА. Е. Карновича.	121
АВТОБИОГРАФІЯ СТАРАГО ЧАРТИСТА.	159
ЛЮДИ И НРАВЫ. Очерки. Изъ деревенскаго дневника. Г. Иванова	199
НА СМЕРТЬ НЕКРАСОВА. (<i>Стихотвореніе</i> .)	226
ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. П. Герберта Спенсера	227
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго.	243
ДВОРЯНСКАЯ ХАНДРА. Н. Щедрина	285
ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА. Отъѣзжающему.— Даже въ полголоса мы не пѣвали.—Черный день! какъ нищій просить хлѣба.—О, муза! я у двери гроба!	313
ИСТОРИЯ ОДНОЙ РУДЫ. Разсказъ Бретъ-Гарта. (Приложе- ніе въ концѣ книги. Стр. 1—48).	

Февраль № 2.

БЫЛОЕ. Романъ. Часть первая. В. Крестовскаго.	331
ОБЪ УЧАСТІИ РОССІИ ВЪ ОСВОБОЖДЕНІИ ХРИСТІАНЪ ОТЪ ТУРЕЦКАГО ИГА. (<i>Окончаніе</i>). Е. Карновича	391
КАКЪ Я ПРОЗРѢЛЪ. (Изъ воспоминаній ех-адвоката). Н. Яновскаго	419
Стихотвореніе. (Съ англійскаго). Д. Михаловскаго	472
ИЗЪ ИСТОРИИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА. А. Зигельгардта	473

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРОЦЕССИЯ. (Изъ Вл. Сырокомли).	
(<i>Стихотвореніе</i>). Дмитрія Минаева.	506
ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. Герберта Спенсера.	507
ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДКИ. (<i>Стихотвореніе</i>). Дмитрія Минаева.	526
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго.	527
ПІИ IX. Какъ папа, государь и человѣкъ	573
ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА. «Ты не забыта».	
Сонъ	609
ИСТОРИЯ ОДНОЙ РУДЫ. Разсказъ Бретъ-Гарта. (<i>Окончаніе</i>).	
КАПИТАНСКАЯ КАЮТА. Святочный разсказъ Эдуарда Дженкинса, автора «Джинсова Младенца». (Приложе- ніе въ концѣ книги. Стр. 81—96).	

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

Январь № 1.

НОВЫЙ ИСТОРИЕЪ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА. Les pharisiens. Par J. Cohen. I. Paris 1877. Н. М.	1
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Важность событій, пе- режитыхъ Франціею съ конца ноября по январь 1878 г.— Ноябрьскія избранія «пожизненныхъ» въ сенатъ.—Пред- ложеніе Ферэ о парламентскомъ слѣдствіи въ сенатъ.— Волненія въ торговопромышленномъ мірѣ.—Парижскія и провинціальныя петиціи негоціантовъ.—Грубость Мак-Магона относительно делегацій.—Депутаты и се- наторы въ качествѣ делегатовъ.—Опасенія многочис- ленныхъ банкротствъ.—Бюджетный вопросъ въ палатѣ депутатовъ.—Заявленіе «дѣловаго министерства». —За- конопроекты Барду объ осадномъ положеніи и печати.— Докладъ Кошери.—Злоупотребленіе финансами и бир- жевыя спекуляціи правительства «нравственнаго поряд- ка». —Выборъ Эмиля Жирардена депутатомъ отъ IX-го парижскаго округа. —Встрѣча Гамбетты съ Лессеп- сомъ.—Памятная записка Дюклера.—Острота Лорье.— Бесѣда маршала съ предсѣдателями обѣихъ палатъ.— Записка Лессепса.—Замѣтка «Агентства Гавастъ» 4-го декабря и опроверженіе на нее Гревя и Дюклера.— Торжественныя заявленія въ палатѣ Жюля Ферри и Гам- бетты.—Напряженное состояніе страны, угрожавшее возникновеніемъ уличной революціи.—П. Мигьніе кон-	

ституціоналистовъ о распущеніи. — Условія Дюфора. — Маршалъ начинаетъ уступать. — Новая замѣтка «Агентства Гавасъ». — Заявленіе по ея поводу делегаціи 18-ти и сообщеніе Дюфора. — Последнія усилія Батби. — Недовольство гг. Бошѣ и Ламберта Сен-Круа. — Споръ президента сената съ президентомъ республики. — Образъ дѣйствій конституціоналистовъ. — Недовольство легитимистовъ и бонапартистовъ планами Батби. — Новые планы и комбинаціи. — Попытка къ государственному перевороту и признаніе его неосуществимости. — III. Пуйэ-Кертъе, указывающій невозможность дальнѣйшаго сопротивленія. — Колебаніе маршала и его рѣшимость выйти въ отставку. — Гибель герцога Одифре-Пакье. — Дюфоръ составляетъ республиканское министерство. — Побѣда надъ ультрамонтанами — пять протестантовъ въ составѣ кабинета. — Измѣненія въ составѣ администраціи. — Президентское посланіе 14-го декабря, опровергающее прежнія заявленія маршала. — Палата допускаетъ прямыя налоги и разрѣшаетъ временно двѣ двѣнадцатыя расходовъ, не утверждая всего бюджета. — Тщетная попытка оппозиціи въ сенатѣ. — Закрытіе парламентской сессіи. — Что можетъ произойти до 1880 года? — Генеральныя совѣты и муниципальныя выборы. — Единственная надежда разбитой, разъединенной и опозоренной реакціи. <i>Людовика</i>	27
НОВЫЯ КНИГИ: Изъ недавняго прошлаго. Н. Чаллыгина. — Русскій рабочій. Духовно-нравственный журналъ. — Исторія Востока, Греціи и Рима. Составленная барономъ Н. А. Борфъ. — Формы землевладѣнія у русскаго народа. С. К...на	00
ВНУТРЕННЕ ОБОЗРѢНІЕ. Отвѣтъ на письмо г. Черяева. — Отвѣтъ на статью, написанную по поводу этого письма г. Гиляровымъ-Платоновымъ. — Необходимость мира для Россіи. — Положеніе жмудиновъ.	71
ПИСЬМА О ПРАВДѢ И НЕПРАВДѢ. III	93
ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Н. Гербеля	121

Февраль № 2.

ОЧЕРКИ ПОДВОРНОЙ РОССІИ. Очеркъ первый. Л. Котеланскаго	125
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Декабрьская сессія генеральныхъ совѣтовъ. — Муниципальныя выборы 6-го	

января. — Судъ гѣбыхъ и заявленіе Леона Рено. — Мнѣніе Гамбетты о необходимости согласія республиканскаго большинства съ правительствомъ. — Выборы въ Бордо и случай съ Депорталемъ. — Маршалъ и орлеанскія. — Образъ дѣйствій де-Марсэра. — Проектъ Фрейсина и Барду. — II. Открытіе парламентской сессіи 1878 года. — Случай въ Лиможѣ. — Смѣщеніе генерала Дюро. — Парламентское слѣдствіе. — Запросъ Гаварди. — Конституціоналисты. — Предложеніе Жюльбуа Тушара. — Гамбетта и суды. — Неудавшіеся выборы «пожизненнаго». — Амнистія по поступкамъ печати. — Смерть Виктора Эммануила. — Похороны Распайя.	
Людсвицъ	164
НОВЫЯ КНИГИ. Католическая лига и кальвинисты во Франціи. И. В. Лучицаго. — Кавказскій путевой дневникъ. Кн. В. Мещерскаго. — Пята Скуратовъ повѣсть. Лѣтопись сердца. Ночь 15 іюня, стихотвореніе. Его же.	183
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Заслуги земства на пользу народнаго образованія. — Миряне-преподаватели Закона Божія въ начальныхъ школахъ. — Закрытіе Александровской учительской семинаріи. — Закрытіе черниговской учительской семинаріи. — Необходимость рѣшенія вопроса о семинаріяхъ въ законодательномъ порядкѣ. — Петербургское земство. — Вопросъ о двухклассныхъ училищахъ. — Интернаты для нихъ. — Стипендіи для женскихъ врачебныхъ курсовъ. — Изгнаніе общества любителей російской словесности изъ московскаго университета.	196
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. М.	219

- Парламентское слѣдствие.—Запросъ Гаварди.—Конституціоналисты.—Продолженіе провѣрки полномочій.—Манифестація правыхъ.—Предложеніе Жолибуа-Тушара.—Гамбетта и суды.—Неудавшіеся выборы «пожизненнаго». — Амнистія по проступкамъ печати.—Смерть Виктора Эммануила — Похороны Распайя. Людовика. 164
- XV. — НОВЫЯ КНИГИ. Католическая лига и кальвинисты во Франціи. И. В. Лучицкаго.—Кавказскій путевой дневникъ. Кн. В. Мещерскаго. — Петя Скуратовъ повѣсть. Лѣтопись сердца. Ночь 15 іюня, стихотвореніе. Его же 183
- XVI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Заслуги земства на пользу народнаго образованія.—Міряне-преподаватели Закона Божія въ начальныхъ школахъ.—Закрытіе Александровской учительской семинаріи.—Закрытіе черниговской учительской семинаріи.—Необходимость рѣшенія вопроса о семинаріяхъ въ законодательномъ порядкѣ. — Петербургское земство.—Вопросъ о двухъ класныхъ училищахъ.—Интернаты для нихъ.—Стипендія для женскихъ врачебныхъ курсовъ.—Изгнаніе общества любителей російской словесности изъ московскаго университета. 196
- XVII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. М. 219

Объявленія: о выходѣ февральской книжки «Русской Старины».
Отъ книжныхъ магазиновъ Мелье и И. И. Мамонтова.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1878 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкою: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Днію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТЪПЕТЕРБУРГѢ: Въ Главной Конторѣ Редаціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ПОСЛѢДНЯ ПѢСНИ

Н. А. НЕКРАСОВА.

Стих. 1874—77 гг.

Цѣна 2 руб.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Обращаться за экземплярами къ г-жѣ Викторовой (Литейная, № 38, кв. № 4).

Гг. иногородные могутъ обращаться въ главную контору «Отечественныхъ Записокъ».

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

ШЕСТЬ ЧАСТЕЙ, ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна за всѣ три тома (до ста печатныхъ листовъ) 6 руб. въс. за 6 ф.

Отдѣльно: часть VI — 1 р. 50 к.; части IV и V по 2 р.

Выписывающіе «Стихотворенія» черезъ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» (Басейная, 2) за пересылку ничего не прилагаютъ.

